

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2025. 20(3)
АМЕРИКАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель и издатель –
Cherkas Global University, США

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Адрес для писем:
13906, Polarstone Ct., Houston,
TX, USA 77044

Тел.: +1 202 8437792 (США)
E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

А. А. Черкасов (г. Вашингтон, США)
гл. редактор – д-р ист. наук
Д. Даровец (г. Венеция, Италия)
П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)
Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)
Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)
Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Дж. Санборн (Пенсильвания, США)
В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)
С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)
Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)
Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)
М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Подписано в печать 01.09.2025 г.

Заказ № 85.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай II, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2025. 20(3)
AMERICAN HISTORICAL JOURNAL

Publisher –
Cherkas Global University, USA

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Postal Address:
13906, Polarstone Ct., Houston,
TX, USA 77044

Тел.: +1 202 8437792 (USA)
E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

A. A. CHERKASOV (WASHINGTON, USA)
Editor in Chief – Dr. (History)

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

Approved for printing 09/01/2025

Order № 85.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas II is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo “Views of the Russian Empire”

CONTENTS

ARTICLES

Sultanate or Chiefdom? The Status of Invited Genghisids in the Bashkir Horde During the Uprisings of the early 18th century A.Kh. Ryskildin, A.R. Asilguzhin	1052
Social Policy of the State in Relation to Families of Lower Ranks in Russia in the 17th – 19th centuries I.V. Karpenko, Ya.G. Grigoryan, Maria S. Sergeeva, I.M. Chizh	1065
The Territory of Kazakhstan on Guillaume Delisle's "Map of Persia": Historical and Geographical Analysis D.A. Jumagaliyev, Zh.M. Sabitov	1074
The Role of the Russian Researchers of the 18th–19th centuries in Museification of Turkic Stone Sculptures of Kazakhstan M.K. Khabdulina, A.K. Sultanova	1085
The Masonic Organizations in the Russian Empire (XVIII century): Structure and Personalities A.M. Mamadaliev	1095
The Bashkir Uprising of 1735–1740. Through the Prism of Bashkir-Kazakh Relations R.R. Asilguzhin, I.F. Amantaev, Zh.M. Sabitov	1105
On the Issue of Khan Abylay's Protection of the Interests of His Subjects Z.Y. Kabuldinov, N.A. Abuov, M.Zh. Abdirrov, J.R. Baidildeev	1117
Principles of Demarcating Russian State Borders in the XVIII–XIX centuries M.K. Khabdulina, T.V. Koshman, M.V. Bedelbayeva	1128
Evolution of Religious Policy of the Russian Empire in the Kazakh Steppe: the Nomads between Islam and Christianity G.B. Zhumatay, A.S. Yskak	1141
The Tungusic-Manchurian Peoples of the Russian Empire in the Works of the First Yenisei Governor A.P. Stepanov and Sibireved G.I. Spassky E.A. Sertakova, N.M. Leshchinskaia, M.S. Koptseva, S.O. Zotov	1152
On the Issue of the Religious Policy of the Russian Empire and Its Influence on Kazakh Society A.A. Umarov, B.N. Abdrakhmanov, A.E. Karimova, Z.Sh. Aitkenov	1164
To the Issue of Legislative Initiatives of Emperor Paul I (1797–1801) I.A. Gordeev, N.V. Grigorieva, M.G. Smirnov, Z.K. Erbutaeva	1175
On the Issue of Ethnographic Study of the Russian Urban Population of the Kazan Province in the 19th – early 20th centuries V.E. Kozlov, T.A. Titova	1184
To the Issue of the Model of Men's Gymnasiums of the Russian Empire (Using the Example of the Perm Men's Gymnasium) G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.Y. Epifanov, I.N. Kuksin	1195
The Caucasus War in Soviet and Russian Historiography. Part 1 A.V. Bedrik, N.S. Tkalenko	1203
Contradictions between Russian Imperial Legislation and Real Practices of the Orenburg Authorities in the Matter of Return of Runaway Slaves to Their Nomad Owners in the 1820s A.Yu. Peretyatko	1213

Orenburg Neplyuevsky Cadet Corps: Some Aspects of History I.Yu. Cherkasova, L.A. Koroleva, V.S. Nikitina	1227
Reflection of Trade and Economic Relations during the Mongol Rule in Pre-Revolutionary Russian Historiography G.S. Bedelova, D. Masimkhanuly, A. Abidenkyzy	1237
Caucasian Highlanders in the Ranks of the Russian Army in the 1830s–1870s: Imperial Integration Policy and Problems of Incorporation E.A. Avdeev, S.M. Vorobev, A.A. Lagunov	1250
On the Role of Russian Scientists in Shaping the Historiography of the Golden Horde (19th – early 20th centuries) N.M. Abdukadyrov, B.Sh. Bolatbek, K.T. Zhumagulov, T.N. Ysmatolla	1261
Archpriest Vasily Rozhdestvensky as an Orthodox Theologian and Professor at the Imperial St. Petersburg University G.E. Bokov, D.A. Bratkin, A.B. Salahov	1270
Colonial Mediation as a “Trauma”: Leaders of the Kazakh Intelligentsia in the Service of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries B.Z. Abzhapparova, B.S. Tokmurzayev, Z.S. Ilyassova, S.D. Mamraimov	1279
Historical Geography of the Syr Darya Region in Russian Sources of the mid-19th century Zh.M. Tulibayeva, T.E. Tulibayev	1288
The Administrative-Territorial Division of Siberia and the Reform of Governance among Indigenous Peoples in the first half of the XIX century V.V. Naumkina, T.V. Vorotilina, Ju.V. Nikolaeva, Yu.S. Kuharev	1297
The Social and Ethnic Composition of the Population Resettled to Turkestan from the Russian Empire Sh.T. Ravshanov, O.J. Irisqulov, R.D. Yuldashev, A.A. Ungalov	1307
Tax Policy in the Kokand Khanate (second half of the 19th century) F.T. Baitova, J.B. Alymbaev, E.A. Tolobaeva	1320
Feodosii Nikolaevich Chernyshev (1856–1914) and the Geological Mapping of the Donetsk Coal Basin S.A. Piatowski	1333
Competition and Concentration: Some Problems of Development of the Volga-Caspian Transport Corridor during the Period of the First Russian Industrialization (second half of the 19th – early 20th centuries) S.V. Vinogradov, Yu.G. Eshchenko, N.I. Kulakova	1343
Transformation of the Education System of the Turkestan Region in the late 19th – early 20th centuries Yu.A. Ergasheva, O.A. Raxmonkulova, U.Sh. Abdullaye, F.U. Samarov	1355
Grammar School Education under the Last Emperor of Russia Nicholas II A.A. Fatyanov, N.A. Mashkin, A.V. Losyakov, A.V. Filippova	1369
The Political and Legal Ideal of Siberian Regionalists of the second half of the 19th – early 20th centuries in Russian Historiography: An Experience of Periodization and Classification A.V. Golovinov, A.A. Vasilev	1380
Terrorism as a Socio-Political Phenomenon in the Moral Assessment of Russian Intelligentsia of the second half of the 19th – early 20th centuries A.G. Gryaznukhin, T.V. Gryaznukhina	1391

Memorable Sites of the Pavlodar Irtysh Region on Topographic Maps of the 19th – early 20th centuries M.I. Rakhimov, N.U. Shayakhmet, K.K. Battalov, G.I. Rakhimova	1404
The Insane in Russian Society in the 19th – early 20th centuries: Historical and Anthropological Analysis (Based on the Materials of the Yenisei Province) A.S. Kovalev	1416
Legal Custom in the Activities of Volost Courts of the Moscow Province when Considering Land Disputes in the second half of the XIX – early XX centuries O.A. Plotskaya, A.V. Melentev, D.A. Ospanova, R.M. Zhironov	1428
Reform of 1868: Activities of the West Siberian and Orenburg Administrations on Colonisation of the Kazakh Steppe B. Abenova, D. Abenov, Y. Toraigyrov	1438
Military Power of the Empire in the Steppe Conditions: Strategy and Tactics of Russian Troops in Suppressing Kazakh Uprisings in 1869–1870 G.A. Shotanova, E.M. Uzhkenov, N.Y. Zhetpisbay, Y.T. Kaliyeva	1455
Ribbons in the American Masonic Order of Knights Templar (second half of the 19th century): Their Emergence and Evolution A.C. Cherkas	1465
The Activities of the Russian Authorities to Restore and Preserve the Traditions of Folk Carpet Weaving in the Transcaspiian Region of the Russian Empire I.I. Aminov	1477
The Imperial Orthodox Palestine Society and the Public Sphere of the Russian Province (Based on Materials from the Penza Department) O.A. Sukhova	1485
“He Remained Faithful to His Duty” (to the Biography of the Archaeologist K.N. Lyubarsky. The Pre-Revolutionary Period) Yu.G. Kokorina	1495
Age Composition of Officials of Yenisei Province in the late 19th – early 20th centuries: based on Materials from the Historical Database T.G. Karchaeva, G.M. Lushchayeva, A.S. Zhulaeva, N.V. Pakhomova	1506
“2 for Behavior”. The Life and Death of Gymnasium Student Volodya Belavin as a Reflection of Daily School Life at the end of the 19th – early 20th centuries E.V. Burlutskaya	1516
Social Stratification of the Population of Kazakh Region in the Process of Integration into the System of the Russian Empire A.M. Zharken, Z.S. Ilyassova, B.Zh. Abzhapparova, Zh.N. Kaliev	1530
Imperial Agrarian Policy and Local Land Use Practices on the Territory of Northern Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries (the Case of Petropavlovsk Uyezd) N. Baigabatova, G. Ishkalova, D. Nurmukhankyzy	1543
The Krasnoyarsk City in the 1900–1910s in the Collection of Archival Materials from the Archive of the Siberian Industrialist and Bibliophile G.V. Yudin M.A. Kolesnik, A.A. Sitnikova, N.N. Pimenova, A.A. Shpak	1556
Research by N.L. Korzhenevsky on the Pamir Mountains and Its Glaciers in 1903–1914 (based on Expedition Diaries, Archival Documents, and Publications) N.S. Kenjaeva, S.A. Toshtemirova, Ch.I. Maxmudova, A.K. Nafasov	1568

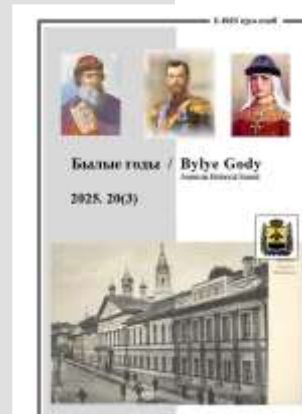
Public Projects for Organizing Zemstvo Self-Government in Siberia during the Pre-Duma Period (based on the Materials of the Siberian Periodical Press)	
A.A. Sorokin, M.V. Medovarov, I.A. Khvostova, Yu.V. Sokolov	1580
Turukhansk Expeditions in 1905 in the Materials of the Krasnoyarsk Subdivision of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society	
N.P. Koptseva, K.A. Degtyarenko, T.K. Ermakov, N.N. Seredkina	1591
Children and War: the Kuban Region during the First World War	
A.A. Baibarin, S.B. Zinkovskii, V.V. Bogdan, M.E.K. Gulieva	1603
The First World War and the Economic Situation of Siberia in the Materials of the Journal "Sibirskie Zapiski": Socio-Political Narratives	
A.V. Golovinov, A.V. Chichulin, K.A. Ishekov, V.S. Zubkova	1611

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1052-1064
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1052

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

Sultanate or Chiefdom? The Status of Invited Genghisids in the Bashkir Horde During the Uprisings of the early 18th century

Azamat Kh. Ryskildin ^{a, b, *}, Albert R. Asilguzhin ^c

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Research Institute of State History, Astana, Republic of Kazakhstan

^c Institute for the Study of the Jochi Ulus of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article presents an interdisciplinary analysis of the Bashkir uprising of 1704–1711, during which Bashkir leaders invited members of the Jochid dynasty to assume khanate leadership in alliance with Kazakh and Karakalpak forces. Their authority was based on the ikta-asaba contractual tradition, rooted in Turkic-Muslim public law. The legitimacy of the invited khans was affirmed by the Bashkir tribal assembly (jiyin) and recognized through investiture by the Caliph. This challenges the characterization of the Bashkir Horde as a stateless chiefdom, supporting instead its interpretation as a sultanate with a representative political structure.

The view of the “Bashkir Horde” as a stateless chiefdom is disputed. Despite the fact that the servants of the empire called the rebels “thieves” and “utter traitors,” the Horde was not an “akephaly,” since the status of the sultanate was confirmed by the investiture of the caliph, with the legitimization of representative khan authority within the framework of Turkic-Muslim public law.

Keywords: Yyyin, Ishtecs, Baba-Tukles, Kazakhs, Karakalpaks, Kalmyks, sultanate, dualism, Horde, insignia.

1. Введение

Дискуссии о башкирских восстаниях XVII–XVIII вв. идут третье столетие, возобновляясь по мере ввода источников в научный оборот и по мере методологических инноваций, сквозь призму которых выявляются новые связи явлений, пересматриваются существенные аспекты международных отношений. Научная мысль в постсоветских странах развивается в логике национальных задач, стремится самостоятельно разрабатывать источники и концептуальные основы в репрезентации прошлого, что влечёт разные оценки событий, предполагая необходимость сверки подходов по ключевым проблемам.

Представляется, что восточная экспансия Российской империи в XVIII в. не была результатом лишь военного превосходства в артиллерии. Мнение о том, что противостоявшая ей «Башкирская Орда» была потестарным вождеством, обесценивает дипломатические усилия царских воевод. Значительный корпус источников свидетельствует, что они со всей серьёзностью воспринимали угрозы вовлечения «Башкирской Орды» в международные антиросийские альянсы. Опираясь на знание ордынских государственно-правовых традиций, слуги царя успешно вели realpolitik,

* Corresponding author

E-mail addresses: azamat.ryskildin@gmail.com (A.Kh. Ryskildin), asylbert@yandex.ru (A.R. Asilguzhin)

используя взаимную вражду, сословные и статусные противоречия между кочевниками для целенаправленного воздействия на башкирских, калмыкских, казахских старшин и джучидов. Встречные коллизии имперского и тюрко-мусульманского правосознания Башкирской Орды не могли не породить череду ожесточённых конфликтов, идеологически мотивированных откочёвок, отказа от подданства и двоеданства, имевших место в XVII–XVIII вв. на Урале.

Авторы намерены представить анализ международных отношений на Южном Урале в связи с восстанием башкир начала XVIII в. и статуса приглашённых ханов «Башкирской Орды», чьей легитимностью и свитой пользовались главы башкирских родов, привлекая джучидов из Шибанидов-Кучумовичей (Кучук-хан, Мурат-хан, Ырыс-Мухамет-хан) или Урусидов (Тауке-хан, Каип-хан) на координируемую ими ханскую власть. Договорной статус ханов оформлялся ханскими декларациями (подобно Жалованным грамотам Ивана IV) и встречными клятвами («шертью») башкирских беев, согласно устоявшимся с домонгольских времён нормам договора о службе «икта-асаба» между государем и служилым сословием (Тоган, 2010: 56–57). Аналогичные практики были характерны для Речи Посполитой, унаследовавшей их через выходцев из Крымского ханства. Приглашёнными государями которой в разное время были Генрих III Валуа, Стефан Баторий, Ян Собесский, Карл XII, курфюрст Август. Легальный договор о ханской власти с принятым джучидом подтверждал государственный статус «Башкирской Орды», служа формальным основанием участия казахов и каракалпаков в набегах на крепости.

Особый интерес вызывает восстание начала XVIII в., когда в ответ на реформы Петра I на Урале объявляется «Башкирская Орда», фиксируемая в русских и османских источниках. Это позволило характеризовать её фактически независимой (Таймасов, 2010). Ранее учёные либо отказывали «Башкирской Орде» в государственности, как в Российской империи, либо признавали в ней институт «свободного вассалитета» (Устюгов, 1950), либо видели в ней вилайет казахских и каракалпакских ханов (Тоган, 2010). Б.А. Азнабаев правомерно ставит вопрос о статусе «Башкирской Орды», но в поиске ответа опирается на умозрительные конструкты о вожествах, нерелевантные тюрко-мусульманским султанатам средневековой ордынской Евразии (Альтернативные пути..., 2000).

Освещение международной обстановки полезно для оценки эффективности внутренней и внешней политики воевод. Зачастую непродуманными действиями они могли спровоцировать восстание в неподходящий момент. Трезвая оценка ресурсов вынуждала власти мириться с «двоеданством», возвращаясь для «замирения башкир» к условиям «Жалованных грамот» Ивана IV, которыми был закреплён широкий административный, судебный и налоговый иммунитет служилого сословия, включая свободу религии, самоуправления, вотчинного землевладения (но без права держать в зависимости православных крестьян). Чтобы вслед за изменением конъюнктуры усилить давление на башкир.

2. Материалы и методы

Материалами для данной работы послужили архивные материалы и сборники опубликованных документов. Среди архивных материалов использовались: документы Российского государственного архива древних актов (РГАДА) (Москва, Российская Федерация), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) (Москва, Российская Федерация), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) (Москва, Российская Федерация), содержащие данные об участии казахов и каракалпаков в восстаниях башкир XVII–XVIII вв. В статье использованы также сборники архивных документов. Наиболее важны «Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1» (1936 г.) под редакцией А.П. Чулошникова (МИБ, 1936), «Материалы по истории каракалпаков» (1935 г.), редактором которых выступил А.Н. Самойлович (МИК, 1935). Помимо этого, в статье приводится письмо Каип-хана султану Ахмеду III из архива Топкапы в Стамбуле от 1711 г. Хан призывал халифа освободить народ «Ака Аштак» (Эпистолярное наследие..., 2014: 93).

Со второй половины XX в. в научный оборот стали вводиться аутентичные нарративы тюрко-монгольской и тюрко-мусульманской исторической памяти. В этой связи в историографии возобновились дискуссии о причинах и движущих силах башкирских восстаний XVII–XVIII вв., о характере отношений ханов, царей и служилых башкир, мотивах участия каракалпаков, калмыков, казахов. Материалы этих обсуждений также рассматриваются в настоящей статье.

Исследование конфликтов на рубеже позднего Средневековья и Нового времени, где столкнулись носители разных цивилизационных устоев, априори предполагает междисциплинарные методы кросс-культурного анализа, включая апробированные историками школы «Анналы». Приглашая на договорное правление и выдавая шерти (клятвы о верности), башкирские беи всегда оговаривали и ревностно защищали перед ханами и царями особый статус, существенно отличавшийся от общего режима подданства, который применялся к подданным своего государства. Своеобразие статуса чингизидов, приглашённых в ханы «Башкирской Орды», и политической культуры башкир востребует сравнительно-правовые методы изучения коллизионных норм, выстраивавших через конфликт и рецепцию институтов тюрко-мусульманского, тюрко-монгольского и неовизантийского публичного права не самые устойчивые, но всё же порядки постордынских государств и юрисдикций. Инерцию традиций правосознания допустимо рассматривать как

структуры повседневности, проявлявшие различия ценностных ориентиров романо-германского (имперского), мусульманского и восточного (буддийского) права.

Таким образом, материалы исследования – это исторические свидетельства и историография башкирских восстаний XVIII в. Используются междисциплинарные методы антропологического и кросс-культурного подхода, методы сравнительного правоведения, истории государства и права.

3. Обсуждение

В Российской империи восстания XVII–XVIII вв. объясняли «воровством» непокорных башкир. В.Н. Татищев писал в Сенат: «Земли е.и.в. называют они своими, а бунты войной, отпущения же вин миром, для того, что народ степной и дикой и к тому же испортила их прежняя воля» (Цит. по: [Азнабаев, 2016: 10](#)). П.И. Рычков писал в речи для князя В.И. Урусова: «Отчаянные воры башкирцы! Разорители своего покоя и отечества!.. Башкирской ваш народ, между которым всегда с начала вашего подданства большая часть воров и возмутителей были, а добрых самое малое число, изстари был один с нагайцами». Г.И. Перетяткович критически оценивал договоры с кочевниками: «Легкость принятия московского подданства объясняется тем, что кочевые народы полагают принятием подданства выиграть четыре процента на один, поэтому при случае они даже соперничают в готовности подданства. Клятву они считают средством выиграть, а клятвopеступление пустыми словами...» (Цит. по: [Азнабаев, 2016: 260](#)). Для вельмож империи не существовало иной легитимности, кроме власти «непогрешимого» царя; сама мысль о его подсудности и договорной ответственности воспринималась как кощунство, «воровство» и «измена». Разве что посольские чины и воеводы были обязаны по долгу службы различать тонкости тюрко-мусульманской и тюрко-монгольской легитимации: «царей» и «царевичей», тайшей и тарханов, беев и сеидов.

Советские историки спорили о «добровольном присоединении» или «завоевании» нерусских народов. А. Чулошников опроверг идею добровольного подданства, заявленную в 300-летие Романовых ([МИБ, 1936: 3-64](#)). А.Н. Усманов её поддержал, уточнив этапы: башкиры Казанской дороги в XVI в., Ногайской и Сибирской дороги с середины XVII в. ([Усманов, 1960](#)). Н.В. Устюгов видел связь царя и башкир как свободный вассалитет: «Подданство московскому царю башкирские феодалы рассматривали как вассалитет, и смотрели на московского государя как на своего сюзерена, которому они были обязаны добровольной службой. Поскольку эта служба и платеж ясака были добровольны, эта добровольность предполагала и право отъезда... если условия вассалитета почему-либо казались неприемлемыми для вассала» ([Устюгов, 1947: 44](#)).

В зарубежной историографии А.З. Валиди Тоған объяснял связь башкир и царя через институт «икта-асаба»: «Башкиры признавались военным сословием, поэтому все мужчины от 17 до 43 лет считались солдатами. Это обстоятельство являлось продолжением того, что они ещё в ханские времена находились в составе войск. Взамен башкиры имели право передавать свои земли по наследству («икта»). Башкиры и мишаре, имевшие подобные права, считались «асаба». И русские слово «икта» перевели на свой язык как «вотчинник»» ([Тоған, 2010: 56-57](#)). А.С. Донелли отметил, что завоевание башкир шло вдоль рек. А. Каппелер считал башкир закрытым сообществом до упразднения Башкирского казачьего войска в 1864 г.: «Клятвы в верности, которые давали кочевые народы «белому царю», интерпретировались сторонами по-разному ... в глазах кочевников это означало временное подчинение, не обязательное для вождей или кланов, Москва с её патримониальным мышлением, характерным для оседлых..., выводила из этого претензии на свое полное господство на территории соседей, на их объединение под своим началом...» ([Каппелер, 2000](#)).

В постсоветской историографии важный вклад в понимание договорных связей царя и башкир внесли И.Г. Акманов, А.З. Асфандияров, Н.М. Кулбахтин, Р.Г. Буканова, В.В. Трепавлов. В XV–XVI вв. край башкир был наместничеством Ногайской Орды, где её биев готовили к власти. Значит ли это, что башкирские тарханы были их аталыками? «Ногайская Башкирия» оказалась за пределами улусно-крыльевой системы Орды, являясь её четвёртой автономной частью, наряду с двумя крыльями и центром ([Юсупов, 2009: 9](#)). Кучумовичи во многом зависели от беев рода Табын ([Тюменское и Сибирское..., 2018](#)). На основе шежере (родословных) Ю.М. Юсупов выделил союзы родов: кипчак-юрматинский Ногайской дороги, табынский Сибирской дороги, назвал их «конфедерациями». Вассально-сеньориальная система, «свободный вассалитет» Н.В. Устюгова – это всё про служилых. Но что сказать о встречном статусе ханов Башкирской Орды? Чтобы судить: государство ли это (султанат) или вожжество?

Понимая недостаточность утверждений о «фактической независимости» Башкирской Орды, авторы намерены представить междисциплинарный анализ восстания башкир начала XVIII в., где под эгидой призванных ханов участвовали казахи и каракалпаки. Представительный статус ханской власти, ограниченный беями башкирского йыйына, воспринимается «конфедерацией» или «политией» только в инерции представлений о государстве, сложившихся в эллинистической парадигме сакрализации государей, через рецепцию романо-германского права. Однако ни башкиры, казахи, каракалпаки, ни калмыки не были носителями таких убеждений. Внутренняя критика архивных источников требует абстрагироваться от предубеждений царских информаторов и

чиновников. Лишь в контексте тюрко-мусульманского публичного права становится ясно, что приглашённые в «Башкирскую Орду» ханы были не вождями и не суверенами, а условными правителями, признанными решением башкирского йыйына.

4. Результаты

Для анализа геополитической ситуации XVII–XVIII вв. на Южном Урале и в Поволжье особенно важны следующие ключевые моменты:

Во-первых, это приграничная зона (лимес) вдоль Закамской засечной черты, а также острогов Уфы и Сибири. Эта линия отделяла внутренние земли Русского царства от внешних. Внутри этой линии оседлое население подчинялось ясачному административному режиму, тогда как кочевники за её пределами, признанные вассалами, получали военную защиту от царской власти в обмен на службу, похожую на вспомогательные войска (ауксили). В. В. Ермаков пишет, что с середины XVII в. Закамская черта строилась именно для обороны от внешней военной угрозы (Ермаков, 2008: 97). Также важно понимать, что влияние царской власти в степи напрямую зависело от дальности выстрела крепостных пушек. Кроме того, контроль над речными путями позволял Москве, через торговлю и привилегии, направлять одни кочевые племена против других.

Во-вторых, значимую роль играла многовекторная политика калмыцкого хана Аюки. Он формально присягнул русскому царю (дал шерть), но одновременно вёл тайные переговоры с крымскими, хивинскими и казахскими ханами, польским королём, а также с башкирскими, кавказскими и ногайскими старшинами. При этом он не считал себя связанным какими-либо договорами, кроме духовных обязательств перед далай-ламой (Тепкеев, 2018: 92).

В-третьих, у башкир были особые представления о власти и праве. Они отличались как от норм Русского царства (что вызывало пренебрежительные оценки воевод), так и от политических традиций калмыков, джунгар и казахов. Башкиры унаследовали политические порядки Ногайской Орды Улуса Джучи. После распада Ногайской Орды в XVII в. башкиры стали, по сути, единственными продолжателями её политико-правовых практик.

Обычно исследователи описывают Ногайскую Орду как государство, где реальная власть находилась у беклербеков из рода мангыт (потомки Едиге), а ханы были скорее формальными фигурами. Однако недооценивается влияние шейхов – джуйбарских сеидов тариката накшбандия-муджадидия. Именно они давали духовное одобрение на то, кто мог войти в правящую элиту (улюль-амр), а кто – нет. Чтобы понять статус ханской власти у ногайцев (а затем у башкир), полезно обратиться к типологии, предложенной Ю. Паулем и использованной А. Ф. Кюгельген в книге о легитимации мангытов (Кюгельген, 2004: 44). Они выделили следующие модели отношений между чингизидами и шейхами:

а) Когда хан принимает ислам, а шейх наставляет его в частном порядке, вне исламского публичного права, – как в случае хана Берке и шейха Сайф-ад-дина Бахарзи в XIII в. В XVII в. в этой роли оказались Кучумовичи в Орде ойратов;

б) Когда шейх представляет интересы мусульманской общины перед ханом, который правит как мусульманами, так и язычниками, – как это было при Узбек-хане и шейхе Баба-Туклесе в XIV в., при казахском Тауке хане в конце XVII в.;

в) Когда шейх становится официальным наставником (мюршидом) хана в полностью исламском окружении, где власть хана (его мюрида) нуждается в регулярном подтверждении со стороны имама во время пятничной молитвы (хутбы). Именно этот режим со-правления едигидов и чингизидов («один хан – один бий»), где оба подсудны сеидам, действовал в Ногайской Орде и у башкир.

В суннитском (авраамическом) правосознании правитель, будь то султан, эмир или хан, считается лишь политическим агентом общины (джамаата, уммы). Он не имеет права самостоятельно устанавливать нормы, но должен исполнять шариат. Его полномочия ограничены военной и распорядительной сферой, и, если богословы (уляма, бии) решат иное, он обязан подчиниться. В противном случае, подданные хана вправе отказать ему во власти и откочевать. В эллинистической традиции и мировоззрении пантеизма власть правителя сакральна (фараона, императора, короля, царя), его решения – источник права. В суннитском мировоззрении монотеизма государство – это нормативно-правовая организация общины, в мировоззрении эллинистического пантеизма (от римского права) государство – это организация публичной власти. Б.А. Азнабаев абсолютно прав, цитируя К. Леви-Стросса о том, что с позиций культурной антропологии некорректно подходить к объяснению структуры политической системы в категориях инородной ей системы понятий (Азнабаев, 2016: 4). Но, увы, он некритически опирается на умозрительные конструкты «суперсложного вожества», потестарной «акефалии», продуктивность которых спорна для народов тюрко-монгольской традиции (ойратов), тем более нерелевантна культуре тюрко-мусульманской (башкир, каракалпаков, казахов).

В поздних государствах, образовавшихся на территории Улуса Джучи, важную роль играли общие собрания, такие как казахский курултай, башкирский йыйын, литовский сейм, Земский собор времён правления касимовского хана Симеона Бекбулатовича или Петра Ордынского. Эти органы служили основой для признания власти и легитимности правителей. Даже в тех местах, где Иван IV

пытался ввести неовизантийские порядки («опричь» ордынских), такие институты всё равно сохранялись как важный элемент государственной власти.

Историк П.И. Рычков записал с ошибкой рассказ бия рода табын Кидраса Муллакаева о прежнем главе башкир как «Тюря-хан Бабату-Клюсов» (Усманов, 1960: 48-49). Речь шла не о хане-правителе, но об исламском шейхе Баба-Туклесе. О нём писали Д. де Виз, А.К. Муминов (Исламизация..., 2003), в летописи Кара-таварих (Чингиз-наме) (Утемиш-хаджи, 2017: 45-46) он упомянут духовным наставником Узбек-хана. Среди башкир память о нём хранилась вплоть до XVIII в., что говорит о высоком авторитете и важной роли сеидов в их жизни.

Понимание отмеченных факторов помогает лучше разобраться в причинах и предыстории башкирских восстаний начала XVIII в.

В XVII в. ситуация на границах Московского царства часто менялась. Вначале противниками были потомки Кучума, опиравшиеся на башкир рода Табын. Пришедшие с востока ойраты породнились с сыном Кучума – Ишим-ханом, и вместе нападали на царские остроги. Часть башкир Сибирской дороги, ранее не признавших Кучума (Сальют, Айле, Сынгрян), перебрались ближе к Уфе и стали защищать её от Кучумовичей. Башкиры Ногайской дороги были в двоеданстве, выплачивая символический ясак царю и Кучумовичам. Разбив Ногайскую Орду, ойраты вытеснили часть ногайцев за Волгу, часть подчинили (тех стали называть каракалпаками). При этом они понуждали башкир платить ясак по прежним ордынским нормам – под предлогом, что действуют от имени Кучумовичей. Так, в 1623 г. ойратский тайша Уруслан требовал от рода Сынгрян платить ему ясак, однако последние отказались (Усманов, 1960: 132).

Ввиду давления калмыков, башкиры Ногайской дороги в середине XVII в. присягнули царю Алексею Михайловичу, заключив договор о службе (Тоган, 2010: 47-48). После Переяславской Рады 1654 г. царь привлёк калмыков на службу против Крыма и Польши, обещав им вернуть родных из башкирского плена. Возмущённые башкиры ответили восстанием 1661–1663 гг., перейдя на сторону Кучумовичей. Царь был вынужден пойти на уступки, что принесло пользу в первые годы Разинского бунта (1667–1669 гг.). Тогда, следуя фетве сеида Идриса, Сеит Мерген из рода Табын вместе с частью казанских башкир и казаками осадил Симбирск. Были захвачены Астрахань и Самара. Но халиф так и не ответил на письмо Разина, газават не был объявлен (Тоган, 2010: 69). Этим воспользовались царские дипломаты, и большая часть башкир осталась нейтральной.

В 1670-х гг. калмыцкий тайша Аюка победил своих соперников – хошутов Кунделен-Убаши и Аблая. Воеводы согласились помочь ему в обмен на клятву верности (шерть). Война ослабила всех ойратов, и хан Хивы сумел выйти из-под зависимости от калмыков. Те сообщили царю: «От тайши их отложился и дани давать не почал, и торговых людей из улусов их торговать не пускает» (РГАДА. Ф.111. Оп.1. Д.30. Л. 169). Казахи начали заселять земли вдоль Эмбы, Тобола, Яика, стали нападать на укрепления Закамской черты.

В 1681–1684 гг. царь Фёдор запретил иноверцам держать православных в крепостных. Большинство мусульманских помещиков сохранили привилегии, приняв крещение, и вошли в состав дворянства. Остальные были лишены прав и переведены в ясачные татары. Некоторые бежали за линию к башкирам, чьи привилегии также отменили. Тогда сеид Джафар объявил газават и провозгласил власть Кучук-хана, внука Кучума. Калмыки сначала поддержали хана, когда московские стрельцы отказались выйти в поход по приказу царевны Софьи. Донские казаки обещали ей верность, но вместо этого ограбили посады Астрахани (Тепкеев, 2018: 76). Часть башкир не желала союза с калмыками и продолжала взаимные набеги. В 1683 г. донские казаки успешно атаковали Яик, европейская коалиция победила османов под Веной. Всё это, вместе с царским жалованьем, склонило калмыков перейти под руку Москвы. В 1684 г. царь пошёл на уступки, и башкиры добровольно прекратили восстание, вернувшись в прежнее положение двойного подданства (Акманов, 2016).

Почти весь XVII в. между башкирами и казаками находились калмыки. Как писал Левшин: «На запад подались Киргиз-Казаки въ первой половине XVIII столѣтия; въ концѣ же XVII, и даже въ первых годах XVIII между верховьями Урала и Эмбы кочевали Башкиры, а между устьями сихъ рѣк, Калмыки» (Левшин, 1832: 55-56). Доброммыслов отмечал: «Сведения о том, кто населял в былые времена нынешнюю территорию Тургайской области, имеются лишь с конца XVII в. Кустанайский уезд и большая часть Тургайского были населены кочевым народом башкирцами, а Актюбинский и часть Иргизского занимал другой кочевой народ калмыки, и только южные части Тургайского и Иргизского уездов были заняты кочевьями киргиз... Средняя Орда, вытеснив башкир, заселила земли в нынешних Кустанайском и Тургайском уездах, а Малая, оттеснив калмык, заняла своими кочевьями Актюбинский и Иргизский уезды Тургайской области и Уральскую область» (Доброммыслов, 1902: 3-4).

После ухода калмыков в низовья Волги башкиры вошли в прямой контакт с мусульманскими ханами и султанами, стремившимися восстановить свою власть на Урале и в Сибири. В 1694 г. башкиры дали шерть казахскому хану Тауке (МИБ, 1936: 94). В 1695–1696 гг. башкиры и калмыки фактически саботировали Азовские походы: башкиры стреляли в осаждённых тупыми стрелами, говоря азовцам «что де они крови проливать с ними не хотят, и чтоб они стреляли на обе стороны мимо», и «никогда они Руси не доброхоты» (Тепкеев, 2018: 142).

Масштабные войны Петра I требовали затрат. В 1704 г. в Уфу явились казанские «прибыльщики» (фискалы) и начали притеснять башкир, выдумывая поборы и пытки: 72 новых налога, в том числе на мечети, на «серые глаза» (так выискивали беглых). Даже «лучших людей» (беев) пороли, парили и спаивали насмерть. Ясачные народы (татары, чуваша, черемисы) массово бежали к башкирам. Прибыльщики были уверены, что ни служилые стрельцы, ни казаки, ни башкиры не посмеют ослушаться «приказа царя» и злоупотреблений. Но восстание охватило весь приграничный пояс от Волги до Сибири.

Фельдмаршал Б.П. Шереметев, подавляя мятеж, опасался, как бы стрельцы староверы из Астрахани «...не пристали к башкирцам и к каракалпакам, которые ныне воруют около Саратова и Самары». Был риск, что «пересылаясь с ханом крымским и с кубанцы и с астраханцы и башкирцы и каракалпаки, соединяясь, калмык побить и на твое царство иттить», «если б не поспешил, конечно б Астрахань разорена была» (Акманов, 2016: 134-136). Учитывая тяжёлое положение в Северной войне, Шереметев отказался от жестоких акций казанских комиссаров Н. Кудрявцева и А. Сергеева, которые спровоцировали восстание. Он действовал осторожнее: обещал отмену поборов, изолировал лидера приграничных башкир Дюмея Ишкеева, отправив его с челобитной к царю. Это предотвратило соединение башкир со стрельцами и дало разбить бунт поэтапно. В марте 1706 г. была снята осада Царицына, а затем взята Астрахань.

Возврат крепостей ещё не означал контроля в степи. Конницы Аюки-хана, несмотря на жалование царя, не хватало. Силы пришлось разделить: калмыков направили на ногайцев Кубани и южных башкир, гарнизоны должны были устоять от каракалпаков, на севере против башкир во главе с Иман-батыром собрали ополчение дворян. Весной 1706 г. башкиры Казанской и Ногайской дороги решили подать царю челобитные, но отказались воевать против других повстанцев: «Посылать от себя для поимки тех воров не смеют и о том де их Иманове батыря с товарищи воровстве волен» (Акманов, 2016: 142).

Как считает И.Г. Акманов, башкиры вернулись к миру и сами прекратили восстание, не заявив ещё о выходе из подданства царю. И только в ответ на казнь челобитчиков, отмену уступок и репрессии поднялись на новое восстание 1707–1711 гг. В котором приглашение чингизидов на ханскую власть знаменовало принципиально иной статус и уровень политических требований.

Такая сложная конструкция представляется не вполне удачной. Разрыв в интенсивности военных действий скорее объясняет:

а) сезонный характер боев: на время перекочёвок и обустройства на летних (яйлау) или зимних (кышлау) стоянках башкиры временно прекращали походы;

б) различие в положении прилинейных башкир, живших вблизи крепостей, и тех, кто кочевал подальше от них. Прилинейные башкиры Казанской дороги постоянно подвергались воинским вылазкам, и, чтобы выжить, часто прибегали к тактике двойного подчинения: формально присягали царю, но при удобном случае уклонялись от службы во вспомогательных войсках (ауксилиии).

Например, Кусюм Тюлекеев, батыр зауральского рода Тамьян, арендовал земли рода Еней, близ Закамской линии. Стремясь сохранить угодия, он то приносил присягу царю (в 1706 и 1709 г.; МИБ, 1936: 234-236), то переходил на сторону восставших. Как произошло в битве у г. Юрактау в 1707 г., что повлекло разгром полков П. Хохлова и С. Аристова. Зимой 1708 г. башкиры взяли Заинск, осадили Шешминск (МИБ, 1936: 216). Аюка сообщал в Стамбул, что башкиры на льду Волги потопили 40-тысячное русское войско (Тепкеев, 2018: 219). Хотя это число явно преувеличено, поражение было серьёзным, что подтвердилось срочной переброской регулярных войск с запада на защиту Казани.

В связи с изменением соотношения сил и окончанием сезона, прилинейные башкиры стали приносить повинные, но многие ушли с повстанцами вглубь степей (Акманов, 2016: 150-159, 164). В боях у Закамской линии и осаде Уфы бились башкиры всех четырёх дорог, в Южном Зауралье крупных боёв не велось. Вдали от крепостей, башкиры чувствовали себя в относительной безопасности. Влиятельный Алдар-батыр из рода Бурзян использовал это положение, чтобы заключить внешние союзы. Что было оформлено приглашением на представительную ханскую власть – либо потомков Шибана (сына Джучи), то есть Кучумовичей, либо к потомкам Тукай-Тимура, казахским Урусидам.

В ставке царя не питали иллюзий о надёжности повинных, расценивая события с 1704 г. как непрерывный бунт. В 1709 г. новый губернатор Казани П.М. Апраксин докладывал: «О башкирцах доношу: уже три года до меня и ныне стоят злодейственным своим упорстве и воровстве; ныне по призыву от них знатного вора, приехал к ним из каракалпак некий вор, будь то ханов сын, тому, что у нас кажен, дядя или брат...» (МИК, 1935: 160). Чтобы умалить внешнеполитическое значение войны, вельможи царя неизменно называли таких чингизидов «ворами» и «изменниками», заведомо зная об их происхождении. Так, в конце 1709 г. на «воинский поиск» хана Башкирской Орды был направлен отряд П.Хохлова, разбитый у г. Юрактау. Вылазке из Уфы предшествовал вызов казахского Каип-хана: «Которой к вам приехал хан Хозей и князья по совету // 7 юртов согласясь с совету послан ис 700000 людей,.. Казань был Шигалея хана юрт, а Уфа была Гарая хана юрт, оба мусюльманские юрты были, и вы иноверцы из мусюльманского юрта подите вон..., а буде в мусюльманскую веру не пойдете, давайте нам дани... прежнюю вашу вину простили, а ныне прощать

не будем. Сей, который к вам приехал сын мой и что слов и старших, .. с ним приехали, буде ослушны учинитесь, отнюдь прощения не будет...» (МИБ, 1936: 265).

С.У. Таймасов не уточняет имя чингизида, по призыву «их знатного вора» – Алдар-батыра (Таймасов, 2010: 116). А.З. Валиди Тоган называет его сыном Каипа по имени Хузей, исходя буквально из слов о «сыне, посланном вперёди» (Тоган, 2010: 88-99). Азнабаев Б.А. не согласен с версией И Бишпа И.Г. Акманова, что под именем «Салтан-Хузей» скрывался сподвижник Алдара Исекеева Хази Аккускаров. В этом он ближе к истине, указывая, что это скорее нарицательный лакаб. Однако ошибается, полагая «Хозяя» сыном Каипа бин Кучука, племянником Мурата бин Кучука (Азнабаев, 2016: 265). А.З. Валиди Тоган считает Каипа сыном Тобурчука из казахских Урусидов, а не Кучумовичей (Тоган, 2010: 84-88). И.В. Ерофеева утверждает, что в сражении участвовал Абулхаир, якобы уже соправитель Каип-хана (Эпистолярное наследие..., 2014: 99). Здесь важно понимать, что понятие «сын» в ханском письме означало не родство, а скорее подчинённого или младшего по статусу, то есть иерархию, отношения опеки, где власть хана подобна власти отца над сыном. Башкирское слово «хужа» (хозяин) означало «владелец», и «Хузей» воспринимался как хан-владелец.

Наряду с казахским ханом, в тот же год в Зауралье был активен Кучумович, опиравшийся на род Табын. Князю М. Я. Черкасскому писали: «о приезде с Нагайской дороги на Сибирскую дорогу каракалпацкого ханского сына Рых-Мананбета с воровскими людьми башкирцами и нагайцы и о войне в нынешнем 709 году летнею порою под Катайский острог и под иные слободы, и о призыве ... с 6 волостями к тому ханскому сыну в подданство; и ханов де сын стоит в зборе с башкирцами и с каракалпаками в 8000-х и хотят идти войною на заводы и слободы, и под города Тоболеск и Тюмень и Верхотурье;» (МИБ, 1936: 272). Ырыс-Мухамет был сыном Бушая-султана (МИК, 1935: 160-161) и был признан ханом среди башкир Бурзяна, Тунгаура и Тамьяна (Тоган, 2010: 62, 97).

Как же башкиры строили отношения с двумя ханскими династиями -казахскими Урусидами и Кучумовичами, призвав их «править» одновременно? По мнению А. З. Валиди Тогана, в 1709 г. они присягнули сразу трём султанам: Хузей-султану, его отцу Каип-хану и Ырыс-Мухаммет-султану. По достигнутой договорённости, ханом Ногайской дороги стал Каип и его сын Хузей, ханом Сибирской дороги – Ырыс-Мухаммет с согласия Каипа (Тоган, 2010: 95).

На наш взгляд, ведущую роль в создании этого союза играли не чингизиды, которые и раньше не стремились к объединению, а сами башкирские лидеры: Алдар-батыр из рода Бурзян, Уракай-батыр из Табына, Кусюм-батыр из Тамьяна и другие влиятельные бии. Они стремились консолидировать силы под общей эгидой. Под письмом Каип-хана царю и воеводам стоит семь родовых печатей башкирских беев (тамг), из чего следует, что решение о признании Каипа ханом и объявлении войны было принято на башкирском йыйыне (МИБ, 1936: 265).

В тюрко-мусульманском праве султан считался законным правителем только после получения инвеституры от халифа. Поэтому и Каип-хан, и Кучумовичи искали одобрения своей власти у османского султана. Лишь тот, кто получал фирман халифа, признавался башкирами как «салтан-хужа» – легитимный правитель. В источниках разных лет и после казни Мурат-султана встречается обозначение «Салтан-Хузей» – но это не имя собственное, а нарицательный титул: правитель, наделённый властью по шарияту.

Судя по ним, башкиры, не пренебрегая казахскими Урусидами, в вопросах легитимации власти отдавали предпочтение Кучумовичам. Особо почитали Мурат-султана, сына Кучук-хана. Его называли салтан-хужа ещё до призвания Каипа. В 1707 г. Мурат прибыл в Стамбул, где получил из рук халифа халат и 2000 левков. И.Г. Акманов считает, что Мурат не получил искомой поддержки: хан Крыма игнорировал приказ султана Ахмеда III оказать помощь (Акманов, 2016: 145). В феврале 1708 г. Мурат осадил Терскую крепость, опираясь лишь на чеченцев, ногайцев Кубани и немногих башкир. Был тяжело ранен, захвачен в плен и казнён (МИБ, 1936: 238-243). Но выдача халата с плеч халифа входила в ритуалы официального делегирования власти (хил'ат-и фахра). Такой халат служил инсигнией – вящим символом, подтверждавшим, что его обладатель признаётся владельцем (валия) определённой территории, с правом объявить газават (Halil Inalcik, 1989; Imber, 2009). Иначе бы никто из мусульман Кавказа и Кубани не принял участие в штурме, независимо от его знатности.

Видимо, ещё до осады Мурат-султан уведомил башкир о получении фирмана и начале газавата. В том же феврале под Казанью пытались татарина Б. Акбулатова: «Пришел он к Шешминску для присмотру, сколько в нем людей сидит в осаде и где крепкие и худые места... всех дорог башкирцы, также и мещеряки... и черемиса... начали мыслить к воровству тому четвертой год, чтоб им всем под рукой и под волею великого государя не быть... посылали к салтану турецкому и к хану крымскому... чтоб им дал кому ими владеть... привезли с Кубани Салтан-Хозяю, что называется ханом, ...все ему куран целовали, чтоб им всем ему послушны... за святого его почитают и воздают ему честь» (МИБ, 1936: 225).

Из Казани А.Д. Меньшикову доложили: «На Уфе с 704-го году окладчиков нет, ... башкирцы били переписчиков,... учинился воровству начаток на Уфе не от податей, ...умыслили они воры башкирцы, чтоб им не быть под державою его царского величества// посылали ... в Турки к салтану и в Крым к хану домогатца, чтоб их приняли к себе в союз. И как им от салтана и от хана им в том отказано, ... привезли с собою к башкирам с Кубани вора ... и других с собою возмутили, чтоб им быть

самовластным, и намерялись ... уезды завладеть, а единоверцев к себе привлечь, и того вора учинить прямым салтаном» (МИБ, 1936: 236).

Мурат-султан выступал не только как хан башкир и каракалпаков, но и как лидер широкой коалиции. Он призывал на свою сторону казаков К. Булавина и И. Некрасова (Тоган, 2010: 86-87, 98). Историк С. Соловьёв подтверждает: войска П. Хохлова были разбиты у г. Юрактау, а Булавин находился у Терского городка в тот же период (Соловьёв, 1962: 173, 178). Мурат также обращался и к хану Аюке (МИБ, 1936: 238-243). Однако калмыки, контролировавшие низовья Волги, препятствовали объединению сил: ногайцев и булавинцев с горной стороны, и каракалпаков, казахов и башкир – с луговой стороны Волги. В марте 1708 г. казаки Некрасова напали на улус Аюки. Он не смог собрать большое войско против башкир. В мае, когда некрасовцы осадили Саратов, по приказу стольника И. Бахметьева на них двинулись 10 тысяч калмыков, и столько же атаковало башкир с юга, чтобы не допустить объединения (Тепкеев, 2018: 211).

Понимая стратегическое значение позиции, Аюка-хан осторожно вёл игру, получая выгоды как от империи, так и от связей с султанами. Победа Петра I под Полтавой укрепила в нём готовность служить царю, но также усилила опасения, что империя начнёт ограничивать его вольности. В 1710 г. от Аюки к султану Ахмеду III прибыл Пехлеван кул. Похоже, Аюка знал, что халиф признал Мурат-султана ханом, и пытался представить себя союзником башкир, утверждая, что в 1708 г. якобы отказался выступить против потомка Чингисхана. Однако тогда калмыки сражались на стороне царя под командованием Б. Шереметева.

Перед отправкой Пехлеван кула в Стамбул в улусе Аюки-хана совещались посланцы башкир, казахов и каракалпаков (Тепкеев, 2018: 219). А.З. Валиди Тоган считает Пехлеван кула представителем общего союза между калмыками, башкирами, казахами и каракалпаками (Тоган, 2010: 100). В пользу этого говорит и то, что Аюка пригрозил зарубить «своего посла», если его рассказ о помощи башкирам не будет включён в отчёт аудиенции. Торгуя заслугами, он в том же году писал царю, что задержал и вернул башкир, откочевавших к каракалпакам, просил за это вернуть калмыков, бежавших от него на Дон (МИБ, 1936: 276).

Неудача Прутского похода 1711 г., Северная война, безуспешные попытки подавить башкир требовали изменить меры. П.М. Апраксин представил проект: «Оное башкирское злодейство надеюся без таких многих кровей и разорения ... успокоить». Принимая во внимание: а) массовое бегство ясачного населения из внутренних округов, что влекло потери для казны; б) невысокую эффективность дворянских ополчений вдаль от линии крепостей; в) консолидацию мятежа вокруг «воровских ханов» – губернатор стремился расколоть старшин, обещая вернуть прежнее положение при условии повинных. При этом, действуя адресно, «чтобы воевать с варварами руками других варваров»: «О тех башкирцах доношу: народ их проклятой многочисленной и военной, да безглавной, никаких над собою начал, хотя б так как на Дону подобно атаманы, и таких не имеют, принятца не за ково и чтоб особно послать не х кому» (МИБ, 1936: 252, 257).

В отсутствие калмыков, переброшенных за Волгу, губернатор искал новых вассалов. На роль ауксии, принеся повинные, пошли прилинейные башкиры. Кусюм писал Алдар-батыру, как, видимо, его научили: «Те ханы и салтаны в своих землях живите, а нам их не надобно.., а мы им салтаном и ханом без боев противных живы никогда не поддадимся... а у нашего великого государя силы много безсметно и вам ворах нас и земли своей никогда не отдаст... ты великому государю нашему принеси повинную и приезжай в Казань к боярину Петру Мавеевичу Опраксину... и своею рукой подай челобитную» (МИБ, 1936: 254).

«Пушие изменники Алдарка с товарищи» повинные не принесли, но «призвали к себе ис каракалпак воровского хана Хазея, ... в феврале месяце ... 709-го году с теми воровскими башкирцы в тех башкирских юртах, от Уфы ездою в 5-ти днях, в урочищах в Юрмантинскую волость, и многие де башкирцы по прелести тому хану шертовали, что им быть с ним в соединении и итти под Уфу и в ыные государевы города войною» (МИБ, 1936: 258). Пять дней на подводах к ставке хана Башкирской орды – около 200 километров на юг от Уфы.

На Сибирской дороге ситуация понятна из просьб приказчика А. Демидова о защите Невьянского завода (МИБ, 1936: 273, 275). Князю М. Я. Черкасскому: «башкиры де, ... по за Миясу реке, приклонились к нему ханову сыну (Ырыс-Мухамету) все без остатку, токмо де не пошли к нему те с которых волостей были в Тобольску взяты аманаты... ездили де они к Чебаркуль озеру к... салтанову сыну... и он де им сказал: прислал де ево к ним башкирцам ис каракалпаков дет ево Кучюк хан по подзывке башкирцев Нагайской дороги Алдар-бая и Уракая с товарищи, и те де башкирцы приклонились к нему большая половина, а вы де малые люди» (МИБ, 1936: 269). Таким образом, в зоне риска были пограничные земли от Верхотурья через Уктусский завод (ныне Екатеринбург) до Тобольска, включая Каменский, Катайский, Шадринский и Ялуторовский остроги.

Воеводы не стремились обострять обстановку, чтобы сохранять снабжение армии и флота по рекам. Даже П.М. Апраксин в 1712 г. просил разрешения: «С салтаном турецким у царского величества мир утвержден... зело способно нам здесь з домашними злодеи, з башкирцы управитца, которые неотложно в своей измене и бунтах стоят и непрестанные от них имеем опасности и разоренье ... ис Казани и из других городов больши 10000 ясашников к ним ушло, всех принимают и берут дани,

а нам не отдают,... зело добро с такими злодеи управитца ... и учинить данниками прямыми... к нынешним нуждам в лошедах довольное вспоможение... паче народ пред всеми здешняго краю, пред калмыки и кубанцы, несравнительно богаты и живут много лет без всякаго смирения и в местах обетованных, на мноих тысячах верстах... для того с Украины прислать ко мне полка 2 драгун и 2 полка солдат на время да к тому последних своих, что могу собрать из гварнизонов с теми пойду» (МИБ, 1936: 277).

В 1711–1721 гг. активных действий против башкир почти не велось. В преддверии Ништадтского мира в Уфе был оглашён царский указ: «Все ... ваши вины и учиненные противности Мы, Великий государь, по своей милости оставляем...» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 132. Л. 21-210б.). По мнению С.У. Таймасова, повстанцы добились независимого положения края. В 1720-х гг. делегация башкир получила от императора грамоту, подтверждавшую условия добровольного вхождения Башкортостана под опеку царя (Таймасов, 2010: 130). Тем самым, башкиры в очередной раз закрепили двоеданство.

Однако Б.А. Азнабаев, следуя оценкам П.М. Апраксина, трактует ситуацию иначе, говоря о «Башкирской Орде» как о «безглавной» акефалии (Азнабаев, Картунов, 2021), что противоречит и российским, и османским источникам. В 1715 г. Каип-хан писал султану Ахмеду III: «Между нашим государством и Московским ... есть владение, ... называют “Ака Аштак” (иштяк, аштак – башкиры). Его жители – все сунниты... Москва силой завоевала его... Теперь же этот народ со всем своим войском и знаменем, испугавшись Москвы, переселился к нам, воспылав мусульманской верой. Если вы окажете нам помощь, мы сможем отнять у неверных (кафир) восемь городов этого владения...» (Эпистолярное наследие..., 2014: 93).

В ответ халиф признал Каипа валием вилаята и главой газавата, отметив: «Сообщество иштяков (башкир), внутри страны которых все относятся к мусульманам, с помощью Аллаха... приготовлены войска и, ввиду того, что ранее они были захвачены кафырами, ныне, для завоевания своей независимости, распространили среди правителей окружающих их государств известия с просьбой оказать им в этом деле помощь» (Тоган, 2010: 111).

Эта переписка подтверждает публично-правовой статус башкирского края в нормах тюрко-мусульманского права XVIII в. Не следует, однако, переоценивать представительный статус Каип-хана среди башкир, уподобляя его положению среди казахов, или приравнивать власть Кучумовичей среди башкир и в Хиве. Реальный объём их власти явствует из письма Абулхаира в 1715 г., где он указан как местный представитель Каип-хана (datqa), к которому назначен служить (по сыновнему) Тойгунур (ханский посол). В качестве примера дипломатических связей приведён приём табынского посла Карт-батыра (от Кучумовичей) Каип-ханом в г. Ясы (Тренкустен, Туркестан), «о пресечении башкирской и киргис-кайсачей ссоры и размене их полонников». Наделённые полномочиями Тойгунур и Карт-батыр могут участвовать в улаживании споров из-за взаимных набегов, размене пленными и угнанными, даже без выкупа. Минские волости, откуда писал Абулхаир, – это кочевья рода мин по р. Дема. Он отрешивается от набегов неподконтрольных «дураков», которых предлагает «унять сообща», но гарантирует охрану послов от Уфы. Письмо заверено печатями беев Ногайской дороги, что подтверждает его представительный статус (МИБ, 1936: 279).

Из содержания письма очевидно: башкиры продолжали совершать набеги как на российские крепости, так и на казахские улусы, независимо от формального подданства. Абулхаир выступал здесь не как властитель башкир, а скорее как посредник в обмене пленными. Он подходил на эту роль лучше, чем потомки Кучума, те в официальной переписке с царём давно не состояли. Башкиры разных дорог часто перекладывали вину за набеги друг на друга, но действовали согласованно. Дипломатические обращения использовались как инструмент защиты интересов, а не подчинения. Показательно, что Абулхаир даже в 1737 г. не владел грамотой, всю переписку за него вёл Бепеней-абыз (от слова «хафиз» – человек, знающий Коран наизусть) (Устюгов, 1950: 94-96).

Такое положение не устраивало царскую власть. Чтобы окружить башкир, требовались новые линии крепостей. Походы И. Бухгольца в Джунгарию (1715–1716 гг.) и А. Бековича-Черкасского в Хиву (1714–1717 гг.) провалились. Аюка, не желая быть окружённым империей, предупредил Хиву об их разведывательной миссии (Тоган, 2010: 114). Яицкие казаки пытались строить городки в среднем течении Яика, у устья Сакмары и выше устья Илека (Материалы..., 1900: 14), но оба были разрушены башкирами. После переносов они были восстановлены: на Сакмаре – в 1725 г., Илецкий городок – в 1737 г. (Денисов, 2006: 43).

Яицкие казаки не справлялись с задачей изоляции башкир. Для военной поддержки нужен был новый вассал, ведь калмыков перевели за Волгу. Только в 1730-х гг. А. Тевкелев смог завербовать Абулхаира на царскую службу, когда империя восстановилась после затяжного кризиса, вслед за смертью Петра I.

Продвижение вглубь степей требовало полевой артиллерии, без которой не имело смысла выступать в степь. Вплоть до Оренбургской экспедиции 1734 г., территория Уфимской провинции на картах и в документах официально именовалась «Башкирской Ордой» (Рисунок 1). В одном из донесений говорилось: «На многих походах их отцы и родственники побиты и в полон пойманы и донныне живут посреди Башкирской Орды... их город стал украинным [пограничным] и находится в

отдалении от других городов, в самой середине басурманской, воровской орды» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 102. Л. 127; РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 107. Л. 201).

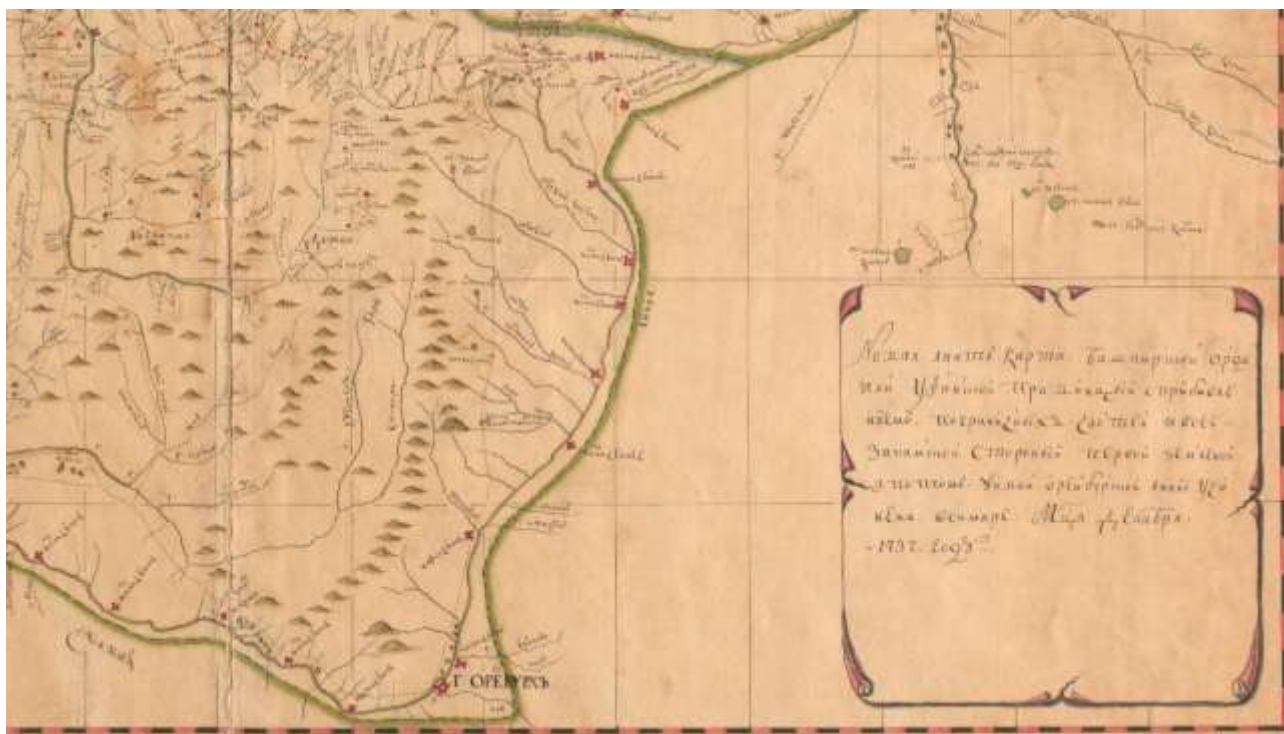

Рис. 1. «Новая лантть карта Башкирской орды или Уфимской провинции... 1737 года», фрагмент (РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 863. Л. 1)

5. Заключение

К концу XVII в. положение башкир относительно царских крепостей изменилось: после ойратских междоусобиц и ухода основной массы калмыков в низовья Волги башкиры оказались вблизи новых соседей – казахов, заселявших долины Эмбы, Яика и Тобола. Эти контакты происходили в условиях двоеданства башкир – одновременного подданства как русскому царю, так и чингизидам. В 1694 г., с возобновлением войны с Османской Портой, часть башкир присягнула казахскому хану Тауке. Усиление поборов с 1704 г. вызвало восстание всех четырёх дорог. Башкиры вступили в союз с каракалпаками и казахами, пригласив ханов по решению йыйына и заключив с ними соглашения.

В 1707 г. Мурат из рода Кучума получил признание от халифа как султан каракалпаков и башкир и объявил газават. После его плена при штурме Терской крепости и казни в 1708 г. война продолжилась в союзе с казаками-булавинцами и ногайцами. Полководец Б. Шереметев смог не допустить объединения их войск и защитить линии царских крепостей. Война переместилась в глубь степи, где полки П. Хохлова и С. Аристовы были разгромлены у горы Юрактау в 1709 г. В сражении от имени хана Младшего жуза Каипа участвовал Абулхаир, направленный к башкирам в статусе датка. Одновременно башкиры призвали ханом Кучумовича Ырыс-Мухамета.

После неудачи Прутского похода 1711 г. и затяжной Северной войны царская власть была вынуждена мириться с политическим двоеданством. Прилинейные башкиры под руководством Кусюма Тюлекеева дали вассальную присягу, а отдалённые роды, ведомые Алдаром Исекеевым, отказались признать подданство. Попытки охвата Башкирии сетью крепостей, включая экспедиции И. Бухгольца и А. Бековича-Черкасского в 1714–1717 гг., не дали результата.

До получения царской присяги от Абулхаира и начала Оренбургской экспедиции в 1730-х гг. Башкирская Орда оставалась де-факто независимой. Османские источники подтверждают представительный характер султаната ханской власти среди башкир и признание башкирского вилаята самим халифом.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан; тема исследования: «История Северного Казахстана с древнейших времен до новейшего времени» (ИРН BR21882225).

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Азнабаев, 2016 – *Азнабаев Б.А.* Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII вв. Уфа, БГУ, 2016 г. 370 с.

Акманов, 2016 – *Акманов И. Г.* Башкирские восстания XVII–XVIII вв. – феномен в истории народов Евразии. Уфа: Китап. 2016. 376 с.

Альтернативные пути..., 2000 – Альтернативные пути к цивилизации. Сборник статей под редакцией Н.Н. Крадина. М.: Логос, 2000. 368 с.

Буканова, 2010 – *Буканова Р.Г.* Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010. 264 с.

Добромыслов, 1902 – *Добромыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк. Вып. 3. Т. 1. Тверь: Типо-Литография Н. М. Родионова, 1902. 524 с.

Денисов, 2006 – *Денисов Д.Н.* История заселения и этнокультурное развитие татар Оренбургского края (XVIII–XX вв.). Оренбург, 2006. 190 с.

Ермаков, 2008 – *Ермаков В.В.* Обращение к истокам: История Набережных Челнов и региона Восточного Закамья. Казань: Казанский гос. ун-т, 2008. 465 с.

Исламизация..., 2013 – Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии. Отв. ред: Девин Де Уис, А.К. Муминов. Т.1. Алматы: «Дайк пресс», 2013. 641 с.

Каппелер, 2000 – *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Традиция, 2000. 344 с.

Кюгельген, 2004 – *Кюгельген А. фон.* Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2004. 514 с.

Левшин, 1832 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / Соч. Алексея Левшина. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. 334 с.

МИБ, 1936 – Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1936. 631 с.

МИК, 1935 – Материалы по истории каракалпаков. Сборник / Редактор издания А.Н. Самойлович. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1935. 299 с.

Материалы..., 1900 – Материалы по истории России. Сб. указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края / По арх. документам Тург. обл. правл. сост. А.И. Добромыслов. Т. 2: 1735 и 1736 годы / В 2 т. Оренбург: типо-лит. Ф.Б. Сачкова, губ. стат. ком., 1900. 279 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Соловьев, 1962 – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 15. Книга VII. М.: Издательство соц.-экономической литературы, 1962. 730 с.

Таймасов, 2010 – *Таймасов С.У.* Башкирско-казахские отношения в XVIII в. Уфа: Китап, 2010. 344 с.

Тепкеев, 2018 – *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.

Тоган, 2010 – *Валиди Тоган А.З.* История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.

Тюменское и Сибирское..., 2018 – Тюменское и Сибирское ханства / ред. Д.Н. Маслюженко, А.Г. Ситдикова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.

Устюгов, 1947 – *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг., в сб.: Т. 24 / Отв. ред. акад. Б. Д. Греков; Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.: Акад. наук СССР, 1947. С. 30-110.

Устюгов, 1950 – *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание. 1737–1739 гг. / Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.; Л.: Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М., 1950. 156 с.

Утемиш-хаджи, 2017 – *Утемиш-хаджи.* Кара-таварих. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

Юсупов, 2009 – *Юсупов Ю.М.* История Башкортостана в XV-XVI веках (социально-политический аспект). Уфа: «Гилем», 2009. 189 с.

Эпистолярное наследие..., 2014 – Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х т. / Сост-ль и отв. редактор И.В. Ерофеева. Алматы: «Абди компани», 2014. Т. 1. 1026 с.

Aznabae, Kortunov, 2021 – *Aznabae B.A., Kortunov A.I.* Liquidation of Bashkir's Contractual Lending in 1725–1733 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4). Pp. 1638-1649.

Imber, 2009 – *Imber C.* The Ottoman Empire, 1300-1650: The Structure of Power. Palgrave, 2009. 421 p.

İnalcık Halil, 1989 – *İnalcık Halil.* The Ottoman Empire: The Classical Age, 1300-1600. Front Cover. Weidenfeld and Nicolson, 1989. History. 257 p.

References

Akmanov, 2016 – *Akmanov, I.* (2016). Bashkirskie vosstaniya XVII–XVIII vv. – fenomen v istorii narodov Evraziyu [Bashkir uprisings of the 17th–18th centuries – a phenomenon in the history of the peoples of Eurasia]. Ufa: Kitap, 376 p. [in Russian]

- [Al'ternativnye puti..., 2000](#) – Al'ternativnye puti k civilizatsii [Alternative paths to civilization]. Sbornik statei pod redaktsiei N.N. Kradina. M.: Logos, 2000. 368 p. [in Russian]
- [Aznabaev, 2016](#) – *Aznabaev, B.A.* (2016). Baskirskoie obshestvo v XVII – pervoi treti XVIII vv. [Bashkir society in the 17th - first third of the 18th centuries]. Ufa: RITS BashGU, 370 p. [in Russian]
- [Aznabaev, Kortunov, 2021](#) – *Aznabaev B.A., Kortunov A.I.* L Liquidation of Bashkir's Contractual Lending in 1725–1733. *Bylye Gody.* 2021. 16(4). Pp. 1638–1649.
- [Bukanova, 2010](#) – *Bukanova, R.G.* (2010). Goroda-kreposti na territorii Bashkortostana v XVI–XVII vv. [Fortress cities on the territory of Bashkortostan in the XVI–XVII centuries]. Ufa: Kitap, 64 p. [in Russian]
- [Denisov, 2006](#) – *Denisov, D.N.* (2006). Istoriya zaseleniya i etnokul'turnoe razvitie tatar Orenburgskogo kraia (XVIII–XX vv.) [The history of settlement and ethnocultural development of the Tatars of the Orenburg region (XVIII–XX centuries)]. Orenburg, 190 p. [in Russian]
- [Dobromyslov, 1902](#) – *Dobromyslov, A.I.* (1902). Turgayskaya oblast. Istoricheskiy ocherk [Turgai region. Historical essay]. Istoricheskiy ocherk. Vyp. 3. T.1. Tver': Tipo-Litografiya N. M. Rodionova, 524p. [in Russian]
- [Epistolyarnoe nasledie..., 2014](#) – Epistolyarnoe nasledie kazakhskoi pravyashchei elity 1675–1821 gg. [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite 1675–1821]. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh tomakh. T. I: Pis'ma kazakhskikh pravitelei. 1675–1780 gg. Sostavitel' i otvetstvennyi redaktor I.V. Erofeeva. Almaty: AO «ABDI Kompani», 2014. 696 p. [in Russian]
- [Ermakov, 2008](#) – *Ermakov, V.V.* (2008). Istoriya Naberezhnih Shel'nov i regiona vostoshnoe Zakamie. Shast I [History of Naberezhnye Chelny and the Eastern Zakamye region. Part I]. Izdanie 2-e, isp i dop. Kazan: Kazan. gos. un-t. 468 p. [in Russian]
- [Imber, 2009](#) – *Imber C.* The Ottoman Empire, 1300–1650: The Structure of Power. Palgrave, 421 p.
- [İnalçık, 1989](#) – *İnalçık Halil.* The Ottoman Empire: The Classical Age, 1300–1600. Front Cover. Weidenfeld and Nicolson, 1989. History. 257 p.
- [Islamizatsiya..., 2013](#) – Islamizatsiya i sakral'nye rodoslovnnye v Tsentral'noi Azii [Islamization and sacred bloodlines in Central Asia]. Otv. red: Devin De Uis, A.K. Muminov. T. 1. Almaty: «Daik press», 2013. 641 s. [in Russian]
- [Kappeler, 2000](#) – *Kappeler, A.* (2000). Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia – multinational Empire: Emergence. History. Decay]. M.: Tradition, 44 p. [in Russian]
- [Kugelgen, 2004](#) – *Kugelgen, A.* (2004). Legitimatsiya sredneaziatskoj dinastii mangitov v proizvedeniyah ih istorikov (XVIII–XIX vv.) [Background Legitimation of the Central Asian Mangit dynasty in the works of their historians (XVIII–XIX centuries)]. Almaty: Dyke Press, 514 p. [in Russian]
- [Levshin, 1832](#) – *Levshin, A.I.* (1832). Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih ord i stepei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. Soch. Aleksey Levshina. SPb.: Tip. Karla Kraiya, 334 p. [in Russian]
- [Materialy..., 1900](#) – Materialy po istorii Rossii. Sb. ukazov i drugih dokumentov, kasayushchihsvyay upravleniya i ustrojstva Orenburgskogo kraia [Materials on the history of Russia. Collection of decrees and other documents concerning the administration and organization of the Orenburg region]. V 2 t. Pp. 1735–1736. Orenburg, 1900. 279 p. [in Russian]
- [MIB, 1936](#) – Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR. Ch. 1. Bashkirskie vosstaniya v XVII i pervoi polovine XVIII vv. [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Part 1. Bashkir uprisings in the XVII and the first half of the XVIII centuries]. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1936. 631 p. [in Russian]
- [MIK, 1935](#) – Materialy po istorii karakalpakov. Sbornik [Materials on the history of the Karakalpaks. Collection]. Redaktor izdaniya A.N. Samoilovich. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1935. 299 p. [in Russian]
- [Solovyov, 1962](#) – *Solovyov, S.M.* (1962). Istoriya Rossii s drevnejshih vremen [The history of Russia since ancient times]. T. 15. Kniga VII. M.: Izdatel'stvo sots.-ekonomicheskoi literatury, 730 p. [in Russian]
- [Taimasov, 2010](#) – *Taimasov, S.U.* (2010). Bashkirsko-kazahskie otnosheniya v XVIII v [Bashkir-Kazakh relations in the XVIII century]. Ufa Kitap. 344 p. [in Russian]
- [Tepkeev, 2018](#) – *Tepkeev, V.T.* (2018). Ayuka-han i ego vremya [Ayuka Khan and his time]. Elista: KalmSC RAS, 366 p. [in Russian]
- [Togan, 2010](#) – *Validi Togan, A.-Z. T.* (2010). Istoriya bashkir [The history of Bashkirs]. Ufa: Kitap, 352 p. [in Russian]
- [Tyumenskoe i Sibirskoe..., 2018](#) – Tyumenskoe i Sibirskoe hanstva [Tyumen and Siberian Khanates]. Red. D.N. Maslyuzhenko, A.G. Sitdikova. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2018. 560 p. [in Russian]
- [Ustyugov, 1947](#) – *Ustyugov, N.V.* (1947). Bashkirskoe vosstanie 1662–1664 gg. [Bashkir uprising of 1662–1664]. V sb.: T. 24. Otv. red. akad. B. D. Grekov; Akad. nauk SSSR. In-t istorii. M.: Akad. nauk SSSR. Pp. 30–110. [in Russian]
- [Ustyugov, 1950](#) – *Ustyugov, N.V.* (1950). Bashkirskoe vosstanie 1737–1739 gg. [Bashkir Uprising of 1737–1739]. Akad. nauk SSSR. In-t istorii. M.; L.: Izd. i 2-ya tip. Izd-va Akad. nauk SSSR v M., 156 p. [in Russian]

Utemish-hajji, 2017 – *Utemish-khadzhi* (2017). Kara-tavarikh [Kara-tavarikh]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 312 p. [in Russian]

Yusupov, 2009 – *Yusupov, Yu.M.* (2009). Istoriya Bashkortostana v XV-XVI vekah (social'no-politicheskij aspekt) [The history of Bashkortostan in the XV-XVI centuries (socio-political aspect)]. Ufa, Gilem. 189 p. [in Russian]

Султанат или вожество? Статус приглашённых чингизидов Башкирской Орды в годы восстаний начала XVIII в.

Азамат Хурматович Рыскильдин ^{a, b, *}, Альберт Рифгатович Асылгужин ^c

^a ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

^b РГУ Институт истории государства Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

^c РГП Научный институт изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье предпринят междисциплинарный анализ башкирского восстания 1704–1711 гг., в ходе которого, в ответ на налоговые реформы Петра I, башкиры привлекли каракалпаков и казахов к нападениям на укрепления Закамской черты, остроги Урала и Сибири. Союз оформлялся приглашением джучидов на представительную ханскую власть по решению башкирского йыйына, на договорных условиях икта-асаба, привычных для башкир с домонгольских времён, и продолжавшихся в Ногайской Орде Улуса Джучи.

Оспаривается взгляд на «Башкирскую Орду» как на безгосударственное вожество. Несмотря на то, что слуги империи называли повстанцев «ворами» и «пущами изменниками», Орда не была «акефалией», так как статус султаната подтверждался инвеститурой халифа с легитимацией представительной ханской власти в рамках тюрко-мусульманского публичного права.

Ключевые слова: йыйын, иштеки, Баба-Туклес, казахи, каракалпаки, калмыки, султанат, двоеданство, Орда, инсигния.

* Корреспондирующий автор

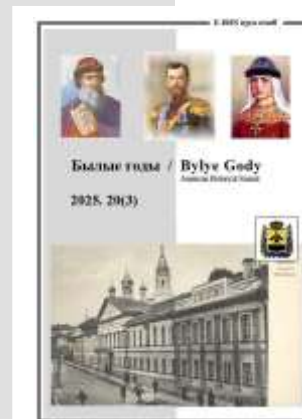
Адреса электронной почты: azamat.ryskildin@gmail.com (А.Х. Рыскильдин),
asylbert@yandex.ru (А.П. Асылгужин)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1065-1073
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1065

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Social Policy of the State in Relation to Families of Lower Ranks in Russia in the 17th – 19th centuries

Igor V. Karpenko ^a, Yana G. Grigoryan ^{a,*}, Maria S. Sergeeva ^a, Ivan M. Chizh ^a

^a I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), Russian Federation

Abstract

Social support for military personnel and their families in Russia in the 17th – 19th centuries is an important component of the process of transforming the army into a powerful tool for the modernization of Russian society. In conditions when a person's status was determined by his social origin, the life of a soldier's family was regulated not by its traditional role, but by the position of the head of the family on active service. In return, military service provided the wife and children of lower ranks with rights and freedoms inaccessible to other members of the community, providing it with a special legal status. The reverse side of this process was the transformation of the soldier's family into the property of the military department, deciding their life and fate based on their own ideas about the needs and capabilities of the state. According to them, the army, in addition to its main purpose, turned into a kind of social institution with a slowly forming system of social security, the actions of which were completely insufficient for the effective solution of the tasks set and demonstrated the inability of pre-reform Russia to meet the state's needs through spontaneous development. Nevertheless, the awareness of the growing responsibility of the state to the lower ranks and the expansion of the number of duties towards them, with a constant burden on the state budget, demonstrated the paternalistic approach that permeated the imperial social order. When the opportunities offered by the state did not correspond to real conditions, they defined new types of activity legally available to an individual member of the soldier's family. Using the offered opportunities, despite all the cruelty and contradictions of the state policy in a state of forced social mobilization, the families of the lower ranks developed new strategies, attempted to find conditions for satisfying their needs and independently adapting to changing living conditions. Their fates reflected the dynamics underlying the interaction of the state, society and its institutions and determined ideas about the rationality and effectiveness of the existing social order.

Keywords: families of lower ranks, social policy, soldiers' children, soldiers' wives.

1. Введение

Изучение опыта влияния военной проблематики на повседневную жизнь российского общества, а также анализ индивидуальных и коллективных практик взаимодействия гражданских и государственных институтов, вовлечённых в решение проблем социальной адаптации военнослужащих и их семей, занимают значительное место в современных исторических исследованиях. Связано это в первую очередь с тем, что анализ возникновения подобных практик требует реконструкции глубинных культурных, социальных, экономических процессов, определяющих особенности отношений общества и государства, личности и власти в конкретном историческом периоде. По мере того, как российское государство сталкивалось с социальными

* Corresponding author

E-mail addresses: karpenko_i_v@staff.sechenov.ru (I.V. Karpenko),
grigoryan.yg@msmu.ru (Ya.G. Grigoryan), sergeeva_m_s@staff.sechenov.ru (M.S. Sergeeva),
chizh_i_m@staff.sechenov.ru (I.M. Chizh)

последствиями военных конфликтов, с появлением большого числа увечных, солдат-инвалидов, неспособных к продолжению службы из-за ранений, а также детей-сирот, вдов, оставшихся без средств существования, оно принимало различные меры, чтобы помочь им выжить и обеспечить их будущее. Исторически в России отношение государства к социальной помощи прошло три этапа (Ульянова, 2000: 164). Если первый этап (до конца XVII в.) в большей степени был связан с проявлением участия в форме индивидуальных пожертвований или церковной милостыни и призрения несчастных в монастырях, то постановления петровского царствования уже содержали указания на признание государством своей ответственности за благосостояние военных, не способных оставаться в рядах армии. Осознание необходимости социальной поддержки людей, отдавших свои силы и здоровье на поле боя, признание существования государственного и общественного долга перед их семьями и детьми, характеризовало наступление третьего этапа (со второй половины XIX в.), в котором усилия общества, государства, церкви, частных благотворителей, вдохновлённые идеями сострадания, патриотизма и человеколюбия, объединились в формах общественного призрения, государственной системы социального обеспечения, частной благотворительности. В отечественной историографической традиции изучение этих форм государственно правовой и общественной поддержки проходило чаще всего сквозь призму публикаций по законодательному обеспечению самих увечных и отставных воинов, в то время как исследование повседневной заботы о семьях военных, довольно редко оказывалось в поле специальных научных исследований. Между тем, исследование данного круга тем может дать богатый материал для выявления существующих социальных и индивидуальных практик в изучении военно-гражданских сюжетов российской истории.

2. Материалы и методы

Основная трудность для систематического изучения проблем социальной поддержки семей военных нижних чинов и их повседневной жизни заключается в отсутствии концентрированного корпуса источников. Решению поставленных задач помогли документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Москва, Российская Федерация), а также законодательные акты, содержащиеся в «Полном собрании законов Российской империи» (1831) (ПСЗРИ) и в «Своде военных постановлений» (1838) (СВП) с последующими дополнительными томами. Другой особенностью исследований военной проблематики является действие в XIX в. цензурных правил, ограничивающих публикации о жизни солдат и членов их семей (Щербинин, 2004: 18). Наиболее значимыми из повествовательных источников явились периодические издания «Военный сборник» и «Исторический сборник», размещавшие статьи об образовании и обучении, возможностях продвижения по службе, бытовых и экономических условиях жизни солдат и солдатских семей. Кроме того, были использованы редкие источники личного происхождения (Данилов, 1842). Найденные материалы помогли реконструировать бытовые реалии жизни семей нижних чинов. В связи с тем, что российские солдаты практически не оставили воспоминаний или дневников, фиксирующих социальные условия их жизни в период службы в российской армии, представленные материалы позволяют воссоздать социальную историю нижних чинов как части трансформаций социокультурного облика российского общества XIX в.

Методология исследования базируется на сочетании как традиционных методов исторического исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, идеографический), так и методов широкого спектра социальных наук и научных направлений: социальной, культурной антропологии, повседневной истории. Применяемый идеографический метод позволил выделить и описать «солдатскую семью» как особую исследовательскую категорию, определив систему отношений внутри неё и условия её особого правового статуса. Трансформация института семей нижних чинов, изменения их социального и финансового положения были проанализированы с применением историко-генетического метода. Историко-сравнительный подход дал возможность сравнить поведенческие практики солдатских семей в XVIII и XIX в., выявить общие и особенные черты в эволюции отношения к ним государства и общества, зафиксировав масштаб социального и административного развития России в исследуемый период. Это позволило сосредоточиться на процессах трансформации социальных практик, рассмотреть явления из частной, повседневной жизни в динамике, во взаимосвязях с социально-политическими, культурными изменениями.

Подходы истории повседневности, социальной и культурной антропологии способствовали выявлению человеческого измерения исторического процесса. Они позволили рассматривать жизнь солдатской семьи, её чувства, заботы, отношения, способность выживать, процветать, противостоять власти и договариваться с властью о своём положении в рамках действующего социального порядка как особую целостность, которая может быть изучена. Кроме того, они способствовали определению аспектов социокультурной мотивации государства в создании системы социального обеспечения семей военнослужащих и, в первую очередь, его представлений о семье солдата как о собственности военного ведомства. Демонстрируемые им при этом жестокость, формализм, высокомерие, узость взглядов и противоречивость подходов могут быть охарактеризованы как составляющие «военной культуры» России того времени. Наконец, проведённый на базе историко-системного подхода анализ инструментов социального контроля власти в отношении семей нижних чинов в России в XVIII–

XIX вв. позволил проанализировать механизмы, связывающие российское служилое государство со структурами общества, обозначить преимущества и недостатки самодержавного патернализма, исследовать практику взаимодействия конкретных людей с переживаемым ими опытом, их ментальностью, образом мыслей, обеспечивающим как экономическую, правовую и культурную гибкость российских социальных и политических институтов, так и легитимность существующего социального порядка.

3. Обсуждение

Историография проблемы социальной поддержки жён и детей военных имеет ряд особенностей. Первая связана с объектом исследования, в качестве которого обычно выступала какая-то одна категория призываемых: отставные военные (Щербинина, Невзоров, 2019), инвалиды (Форсова, 1996), солдатские жёны (Щербинин, 2004), солдатские дети (Невзоров и др., 2019) и т. д. Другая – с предметом исследования, который концентрировался на формировании механизмов поддержки обездоленных как части системы общественного призрения в целом (Сток, 1818; Лыкошин, 1901), на проблемах становления благотворительности как особого механизма взаимодействия общества и государства и их функциональных особенностях (Соколов, 2006). Исследование экономических аспектов благотворительности, особенности её институционального развития позволило оценить уровень социальной эффективности этих учреждений (Ульянова, 2005), в то время как анализ общественно-политических факторов благотворительности сформировал понимание масштабов экономического и социального неравенства, отношения российского общества к действующей общественной иерархии и социальной стабильности в государстве (Lindenmeyr, 1996). Исследование трансформации юридического статуса «военного сословия» (Wirtschafter, 1990) обозначило представления об изменениях взглядов семей военных нижних чинов — их жизненных установок, ожиданий и моделей поведения. Эти изыскания позволили, в свою очередь, рассмотреть механизмы и стратегии выживания и адаптации представителей военного сословия в России, а также отношение к ним властей и социального окружения.

4. Результаты

Последовательные усилия российского государства по формированию регулярной системы социального призрения военных и их семей относятся к эпохе правления Петра I. В своём стремлении поставить дело помощи обездоленным на постоянную основу, построить рациональное полицейское государство с его регламентацией общественных прав и обязанностей населения, Пётр демонстрировал системность мышления государственного деятеля, который в борьбе с нищенством не только стремился удалить с улиц военных инвалидов, их вдов и беспризорных детей, но, приказывая приобщать способных к производительным занятиям, а сирот к службе в армии, добивался полезности их содержания для государства. Сословный принцип организации российского общества не предполагал существования независимых людей, не связанных со своей социальной группой системой служебных и податных прав и обязанностей перед государством. Введение Петром I рекрутской повинности с пожизненным сроком службы для военнослужащего и его переход в «военное сословие» означали для рекрута разрыв с исторически сложившимися общественными институтами и с потерей привычных социальных функций. После призыва в армию он переставал быть работником, мужем, налогоплательщиком. Ответственность рекрута за выплату его доли подушной подати до следующей переписи перекладывалась на его семью и на общину.

Изменение социального статуса солдата и длительный срок службы (пожизненный в начале XVIII в., двадцатипятилетний с 1793 г. и двадцатилетний с 1834 г.) создавали основание для формирования отдельного «военного общества» (Wirtschafter, 1995: 221). Другим аргументом в пользу его особого статуса был принцип воспроизводства военного сословия. Согласно действующему законодательству, с 1719 по 1856 г. солдатские сыновья, а также незаконнорожденные дети солдатских жён, подруг и дочерей выходили из прежнего состояния и теперь принадлежали к «военному ведомству», то есть были предназначены для несения военной службы. За военным ведомством числились также сами солдатские жёны и дочери, чья жизнь определялась государственными указами не только в период службы мужа и отца, но и после его выхода в отставку и даже смерти.

Семейное положение солдат и наличие детей определяли порядок призыва на военную службу. С 1707 г., когда в армию стали забирать не только холостых, но и женатых, женатые мужчины призывались после холостых, а имеющие детей пропускали вперёд своих бездетных родственников (Брандт, 1860: 357).

Статус солдатского сына предоставлял мальчикам возможность получения образования, предоставляемого государством, которое, в свою очередь, открывало для них возможность карьеры и улучшения своего социального положения. Именно солдатские сыновья составляли самую большую группу офицеров, произведённых из низших классов (Wirtschafter, 1990: 39). Солдатские жёны, перестав принадлежать общине или помещику, обретали статус «свободных». При наличии разрешения от мужа, они могли получить паспорт, селиться в городах, где занимались посадскими промыслами, мелочной торговлей, рукоделием, работали на фабрике. Наконец, для солдатских

дочерей создавались специальные школы, в которых их обучали чтению, письму и различным «женским ремеслам», помогающим прокормить себя во взрослой жизни. В отличие от мальчиков, девочки не могли претендовать на получение формального образования, но, в случае потери одного из родителей, имели право на поступление в Московский воспитательный дом или во 2-е отделение девичьего училища при Павловском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, после чего занимали должности в государственных учреждениях или частных домах (Свод постановлений..., 1848: 60). Таким образом, социальная история российской армии во многом представляет собой историю государственной политики в отношении не только нижних чинов, но и их семей. Эволюция этих отношений демонстрирует амплитуду социального и административного развития России XVIII–XIX вв., отражая динамику, лежащую в основе взаимодействия государства, общества и его институтов и определяющую представления о разумности и эффективности существующего социального порядка.

Российское военное ведомство представляло собой нечто большее, чем организацию, созданную для эффективного управления вооружёнными силами страны. Оно вынуждено было нести функции социального института, с собственной системой социального обеспечения военнослужащих и их семей, сетью образовательных заведений и учреждений системы призрения. Одна из его обязанностей сводилась к компенсаторной функции, предоставляющей семье солдата возможность существования в отсутствие кормильца. После его призыва, исключённые из числа членов общины, а значит оставшиеся без её поддержки, «свободные» жена и дети нижних чинов оказывались на грани нищеты (Виртшафтер, 2002: 103). Община обычно предоставляла землю сыновьям солдат, но не дочерям или бездетным жёнам, поэтому они могли оставаться в деревне, только полагаясь на щедрость своих родных. Солдатки, оставшиеся без мужей, нередко подозревались в распущенности и представляли угрозу для других женщин общины, которые старались выгнать их из деревни. Переселившиеся в города, предлагавшие одиноким женщинам мало возможностей для достойной работы, они, в поисках средств к существованию, нищенствовали и вынужденно занимались проституцией (Ransel, 1988: 21). Формально, у солдатки была возможность присоединиться к своему мужу. Косвенно, право, подтверждённое наказом Петра I князю Волконскому «Об управлении казёнными, земскими и военными делами»: «А буде есть между ими ратными людьми какие женки, или девки, oprичь законных жен, и тех выбить вон, чтоб Великаго Государя ратные люди были в чистоте», определяло возможность жёнам проживать при полках (ПСЗРИ, 1830b: 233). В правление Анны Иоанновны нахождение женщин в расположении частей считалось неприличным, но разрешалось целями воспроизводства армии: «От разлучения их с мужьями пропадает много солдатских детей, которые потом могли бы быть обращены в службу» (Щербинин, 2004: 40). Наконец, в Своде военных постановлений от 1838 г. государство уже гарантировало жёнам право проживания «при мужьях своих на отведенных им квартирах и иметь при себе детей мужеска пола до 14 лет, а женского до выхода в замужество» (СВП, 1838: 464).

Сведений о том, как жили и чем занимались жёны в полках, очень мало. Известно, что закон от 1766 г. предписывал им зарабатывать себе на жизнь в войсках изготовлением палаток, шитьём, стиркой, вязанием чулок и починкой одежды (ПСЗРИ, 1830a: 527). Кроме указания полковникам о предоставлении надлежащей платы за работу, нет никакой информации о стоимости этих услуг, но вероятно, что большинство женщин не могли рассчитывать на стабильный заработок и жили за счёт квартирного и пищевого довольствия, полагавшегося семье от государства. По законам середины XVIII–второй половины XIX в., жёны, сыновья до 14 лет и дочери нижних чинов входили в общий расчёт с солдатами (жену и трёх дочерей считали за двух солдат) и размещались на постой в казённых квартирах в тех же условиях. Однако, в виду частого отсутствия свободных мест, семьи вынуждены были жить в съёмных помещениях. Военное ведомство предоставляло деньги на аренду (квартирное пособие), но оно было таким маленьким, что большинство семей могли позволить себе снять только угол комнаты (Брандт, 1860: 372).

Независимо от того, жили ли семьи солдат в государственных казармах или в частных домах, они получали от государства денежное довольствие (приварочные деньги) и месячный паёк из двух четвертей муки и двух с половиной гарнцов круп (Щербинин, 2004: 40). Кроме того, семьям выплачивали добавочный паёк на детей (в 1861 г. он достиг одного рубля двадцать копеек), а также деньги на содержание детей (до семи лет – три рубля пятьдесят копеек, а с семи до одиннадцати лет – семь рублей в год) (Щербинин, 2004: 41). Тем не менее, большинство источников регистрировало невыносимые условия, превращавшие жизнь нижних чинов и их семей в постоянную борьбу за выживание. Косвенным подтверждением этого вывода является анализ числа состоявших в войсках с 1841 по 1844 г. нижних женатых чинов, согласно которому, всего 9 % женатых рядовых, служивших в боевых частях, жили со своими жёнами (ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 81. Л. 1-10). Оценка уровня мобильности солдатских жён показывает похожую картину: только около 5 % солдатских жён предпочитали проживать вместе с мужьями, остальные оставались у родственников (80 %) или покидали родные места в поисках заработка (около 15 %) (Щербинин, 2004: 49).

Военное ведомство также пыталось ограничить возможности для семейной жизни, регистрируя трудности как финансового характера, так и проблемы жилищного обеспечения. С 1764 г.

возможностями содержания нижними чинами своих семей занимались их полковые командиры, которые давали разрешение на брак в зависимости от возможностей мужа содержать семью (Савельев, 1881: 31). А устав 1821 г. ограничил и право жён присоединяться к своим мужьям наличием у них собственных финансовых средств, определяя в качестве основных причин скудные экономические возможности и отсутствие свободных площадей (Wirtschafter, 1990: 36). Таким образом, семьи нижних чинов выполняли определённые обязанности перед государством, а государство, в свою очередь, гарантировало обеспечение их материального положения, которое было недостаточным. Тем не менее, признание необходимости государства нести ответственность за судьбу солдат и их семей представляло иллюстрацию сдвигов в политике и социальных отношениях в России XVIII–XIX вв.

Другой функцией, которую взяло на себя государство в отношении нижних чинов, стало образование солдатских детей. Она отражала задачи коренной модернизации российского общества, начавшейся в XVIII в., стремительного развития государственной бюрократии и указывала на обширные цели и обязанности, которые ставило перед собой государство. В условиях активизации российской внешней политики армия брала на себя роль рычага социального обновления общества на основе профессионализации и специализации.

Не имея возможности опереться на сложившуюся систему образования в стране, военные вынуждены были создавать собственную сеть школ, начиная с начальных и заканчивая профессиональными учебными заведениями. Первые гарнизонные школы для солдатских детей появились в правление Петра I, став обязательными начальными военными учебными заведениями для всех солдатских детей в возрасте от семи до пятнадцати лет, которые содержались и обучались за государственный счёт. Если ребёнок жил в городе, где находилась школа, то за его проживание в семье родители получали провизию и денежную субсидию. В случае, если семья не могла обеспечить содержание своего ребёнка или он был сиротой, то он переходил на полное государственное обеспечение в школу с 5 лет (ПСЗРИ, 1830с: 160–161).

Первоначально государство обязывало гарнизонные школы обучать детей нижних чинов только письму и чтению. Однако уже в 1732 г. было создано некое подобие двухступенной модели образования, где первая ступень, благодаря изучению словесности, арифметики и военного дела, обеспечивала начальный уровень грамотности солдатских детей, а вторая вводила специализацию в соответствии с запросами государства: двадцать учеников занимались пением и музыкой, десять получали знания по геометрии, артиллерии и инженерному делу, ещё десять обучались слесарному мастерству, и, наконец, последние десять проходили курс обучения в канцелярии, чтобы стать писарями. Кроме того, все они проходили курс строевой подготовки. Наиболее талантливые ученики могли оттачивать выбранные в школе навыки до 18 лет, а наименее способные переводились на обучение столярному, токарному, плотничному, кузнечному, портновскому и сапожному делу, обеспечивая полки необходимыми ремесленными услугами (Записки..., 1904: 145–147). К середине 1740-х гг. функционировало пятнадцать таких учреждений, не считая тех, что находились в полках, с общим числом в 4000 учеников (ПСЗРИ, 1830д: 249).

Оставаясь наиболее стабильным и надёжным источником получения начального образования в России, военные школы обучали в своих стенах до 8755 человек в 1763 г., а число учеников достигло 16 000 в 1797 г. (Невзоров, 2020: 49) и уже 378 тыс. к 1856 г. (Wirtschafter, 1990: 39).

Некоторой эволюцией подходов военного ведомства к организации социальной помощи детям нижних чинов следует считать появление в 1798 г. Императорского военно-сиротского дома с отделениями при каждом военном гарнизоне провинции. Заменивший гарнизонные школы, он продолжил нести важную функцию надёжного источника общего и военного образования и социализации учеников, предлагая дополнительные возможности не только сыновьям (наиболее перспективные воспитанники направлялись служить в военные госпитали или переводились в отделение для детей благородного звания, для получения учительского образования), но и дочерям военнослужащих (Кеер, 1985: 203; ПСЗРИ, 1830с: 489). Специальные женские отделения на 50 мест, кроме грамотности и закона Божьего, обучали девушек навыкам рукоделия и ведения домашнего хозяйства (Соколов, 2006: 217). По достижении 16-летнего возраста воспитанницы могли покинуть дом или остаться в нём жить до получения места в частных домах. Кроме того, все воспитанницы, выходявшие замуж, получали от военного ведомства приданое, составлявшее для солдатских дочерей 300 руб. (Невзоров, 2020: 51). В отличие от выпускниц, выпускники отделений военно-сиротского дома могли претендовать на штатные должности аудиторов, квартирмейстеров, штурманов, коллежских и канцелярских чиновников, что свидетельствовало о расширении возможностей профессионального применения этих специалистов не только в военной, но и гражданской жизни.

Осознанная необходимость в функциональной специализации чиновничьего аппарата России в первой половине XIX в. обеспечила как собственно трансформацию системы образовательных учреждений, так и постоянно увеличивающееся количество учеников в них. Обратной стороной этого процесса была нехватка средств на содержание воспитанников (с 1805 г. им было присвоено наименование «кантонисты»), а также скученность, плохое питание, антисанитарные условия, ставшие причинами болезней и смертей учеников, что делало затруднительным получение

воспитанниками подготовки, столь желанной для власти. Не менее значимым было отношение к судьбе кантонистов их самих и их семей, которые оценивали её как своего рода «каторгу» и старались избежать всеми возможными способами (Кретчмер, 1888: 646). Тем не менее, создававшиеся специализированные школы и отделения при кантонистских батальонах и других воинских частях сохраняли возможность получения детьми нижних чинов бесплатного профессионального образования, а государством – квалифицированных рабочих и научно-технических кадров.

В целом, политика в отношении солдатских семей сочетала в себе соображения социального обеспечения с военными и административными потребностями государства, предоставляя материальные и образовательные ресурсы для обеспечения настоящего и будущего солдатских семей как отдельной социальной категории. Она отражала финансовые, организационные, юридические особенности империи, заставлявшие военное ведомство постоянно подстраивать существующие модели социальной помощи к потребностям и возможностям государства.

5. Заключение

Социальная политика российского государства в отношении семей нижних чинов в XVIII–XIX вв. представляет собой пример административного и человеческого измерения практик взаимодействия военнотружущих и общества, позволяющих режиму обеспечивать нуждающихся и в то же время служить собственным интересам. Хотя правительство демонстрировало искреннюю заботу о солдатских семьях, масштабы оказания им помощи отвечали, в первую очередь, задачам военного реформирования или более широким программам государственной модернизации. Направленные на продвижение государственных интересов или на повышение культурно-образовательного уровня российского общества, эти программы часто требовали как преодоления сопротивления большей части российского общества, так и масштабных материальных или интеллектуальных вложений, почти всегда находившихся за пределами возможностей властей. Тем не менее, именно эти попытки становились единственными действующими механизмами социальной трансформации семей нижних военных чинов, самореализующимися в своём динамично меняющемся статусе. Несмотря на то, что семьи солдат представляли собой огромную проблему социального обеспечения государства, оно ограничивало, но не отменяло право семьи на совместное существование. Государство не отказывалось от своих правовых или моральных обязательств, последовательно расширяя свои обязанности по отношению к солдатским семьям. Когда предлагаемые государством возможности не соответствовали реальным условиям, они в значительной степени определяли виды деятельности, юридически доступные для отдельного члена семьи солдата. В результате, солдатские семьи, в условиях всеобщей незащищённости, вырабатывали новые стратегии, предпринимали попытки поиска условий для удовлетворения своих потребностей и самостоятельной адаптации к изменяющимся условиям жизни. Эти попытки также отражали роль армии как социального института, служащего благосостоянию, экономическим и образовательным потребностям общества в целом.

Литература

- Брандт, 1860 – Брандт П. Женатые нижние чины // *Военный сборник*. 1860. № 12. С. 357–378.
- Виртшафтер, 2002 – Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. 271 с.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Данилов, 1842 – Данилов М.В. Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова, написанные им в 1771 году. М., 1842. 131 с.
- Записки..., 1904 – Записки, собранные по повелению императора Павла I, о начале регулярного войска, о ново и славяно-сербских поселениях, о полках гусарских и пандурских и о военных школах. / *Сборник военно-исторических материалов*. СПб., 1904. Вып. 16. 169 с.
- Кретчмер, 1888 – Кретчмер М.А. Воспоминания // *Исторический вестник*. 1888. Т. XXXI. № 3. С. 631–653.
- Лыкошин, 1901 – Лыкошин П.Н. Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности. СПб., 1901. 264 с.
- Невзоров и др., 2019 – Невзоров Е.Ю., Букалова С.В., Симонов С.Н. Солдатские дети как особый социальный институт в Российской империи во второй половине XIX века // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2019. Т. 24. № 181. С. 164–172.
- Невзоров, 2020 – Невзоров Е.Ю. Солдатские дети в Тамбовской губернии в XVIII – XIX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тамбов, 2020. 209 с.
- ПСЗРИ, 1830а – Инструкция конного полка полковнику. Глава XXV «О солдатских женах и о солдатских детях» / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. СПб., 1830. Т. XVII (1765–1766). № 12543 (14 января 1766 г.).
- ПСЗРИ, 1830б – Наказ князю Волконскому, назначенному в город Чернигов воеводою «Об управлении казенными, земскими и военными делами» / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. СПб., 1830. Т. III (1659–1699). № 1540 (8 февраля 1690 г.).

ПСЗРИ, 1830с – О выдаче денег сверхкомплектным солдатским школьникам на пищу и одежду; о приеме солдатских детей в школы и о сумме на их содержание / Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. СПб., 1830. Т. XVII (1765–1766). № 12412 (7 июня 1765 г.).

ПСЗРИ, 1830d – О соединении в провинциях и губерниях арифметических и гарнизонных школ в одно место; о обучении в них всякого чина людей на своем иждивении; о бытии там школам в ведомстве Комендантов; о присылке об оных рапортов, и о жаловании учителей / Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. СПб., 1830. Т. XII (1744–1748). № 9054 (26 октября 1744 г.).

ПСЗРИ, 1830е – Об учреждении Императорского Военно-Сиротского Дома и Отделений оного при гарнизонных полках / Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. СПб., 1830. Т. XXV (1798–1799). № 18793 (23 декабря 1798 г.).

Савельев, 1881 – Савельев А. А. Юридические отношения между супругами, по законам и обычаям великорусского народа. Н. Новгород, 1881. 94 с.

Свод постановлений..., 1848 – Свод постановлений о солдатских детях и по другим предметам. СПб., 1848. 101 с.

СВП, 1833 – О правах семейств нижних военных чинов. Отделение второе. Устава о службе по военному ведомству // *Свод военных постановлений*. СПб., 1838.

Соколов, 2006 – Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.). СПб., 2006. 648 с.

Стол, 1818 – Стол А.Д. О общественном призрении в России. Ч. 1, 2. СПб., 1818.

Ульянова, 2005 – Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М.: Наука, 2005. 415 с.

Ульянова, 2000 – Ульянова Г.Н. Благотворительность и общественное призрение в России XIX – начала XX века. Институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества / *Труды Института российской истории РАН. 1997-1998 гг.* / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. Выпуск 2. М., 2000. 480 с.

Форсова, 1996 – Форсова В.В. Общественное призрение военных и их семей в дооктябрьской России // *Вестник РАН*. М., 1996. Т. 66. № 8. С. 750-758.

Щербинин, 2004 – Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в.: монография. Тамбов, 2004. 507 с.

Щербинина, Невзоров, 2019 – Щербинина Ю.В., Невзоров Е.Ю. Демографическое поведение и семейная жизнь военных ветеранов в Российской империи в XVIII-XIX веках // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2019. Т. 24, №178. С. 121-127.

Keep, 1985 – Keep J.L.H. Soldiers of the tsar: Army a. soc. in Russia, 1462-1874. Oxford. 1985. 431 p.

Lindenmeyr, 1996 – Lindenmeyr A. Poverty Is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton. 1996. 335 p.

Ransel, 1988 – Ransel D.L. Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. Princeton. 1988. 330 p.

Wirtschafter, 1995 – Wirtschafter E.K. Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in Servile Russia // *The Journal of Military History* V. 59. No. 2 (April 1995). Pp. 215-235.

Wirtschafter, 1990 – Wirtschafter E.K. From serf to Russian soldier. Princeton. 1990. 214 p.

References

Brandt, 1860 – Brandt, P. (1860). Zhenatyte nizhniye chiny [Married lower ranks]. *Voyennyi sbornik*. 4: 357-378. [in Russian]

Danilov, 1842 – Danilov, M.V. (1842). Zapiski artillerii mayora Mikhaila Vasil'yevicha Danilova, napisannyye im v 1771 godu. [Notes of artillery major Mikhail Vasilyevich Danilov, written by him in 1771]. Moskva. 131 p. [in Russian]

Forsova, 1996 – Forsova, V.V. (1996). Obshchestvennoye prizreniye voyennykh i ikh semey v dooktyabr'skoy Rossii [Public charity of military men and their families in pre-October Russia]. *Vestnik RAN*. 66(8): 750-758. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation].

Keep, 1985 – Keep, J.L.H. (1985). Soldiers of the tsar: Army a. soc. in Russia, 1462-1874. Oxford. 431 p.

Kretchmer, 1888 – Kretchmer, M.A. (1888). Vospominaniya [Memories]. *Istoricheskii vestnik*. 31(3): 631-653. [in Russian]

Lindenmeyr, 1996 – Lindenmeyr, A. (1996). Poverty Is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton. 335 p.

Lykoshin, 1901 – Lykoshin, P.N. (1901). Blagotvoritel'naya Rossiya. Istoriya gosudarstvennoy, obshchestvennoy i chastnoy blagotvoritel'nosti [Charitable Russia. History of state, public and private charity]. SPb., 264 p. [in Russian]

Nevezorov i dr., 2019 – Nevezorov, Ye.Yu., Bukalova, S.V., Simonov, S.N. (2019). Soldatskiye deti kak osoby sotsial'nyy institut v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX veka [Soldiers' children as a special

social institution in the Russian Empire in the second half of the 19th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 24(181): 164-172. [in Russian]

Nevzorov, 2020 – Nevzorov Ye. Yu. (2020). Soldatskiye deti v Tambovskoy gubernii v XVIII – XIX vv. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Soldiers' children in the Tambov province in the 18th – 19th centuries. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Tambov, 209 p. [in Russian]

PSZRI, 1830a – Instruktsiya konnogo polka polkovniku. Glava XXV «O soldatskikh zhenakh i o soldatskikh detyakh» [Instructions of the Cavalry Regiment to the Colonel. Chapter XXV “On Soldiers’ Wives and Soldiers’ Children”]. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye Pervoye. 1649–1825 gg.* Spb., 1830. Vol. XVII (1765–1766), No. 12543 (January 14, 1766). [in Russian]

PSZRI, 1830b – Nakaz knyazyu Volkonskomu, naznachennomu v gorod Chernigov voyevodoyu «Ob upravlenii kazennymi, zemskimi i voyennymi delami» [Instruction to Prince Volkonsky, appointed governor of the city of Chernigov “On the management of state, zemstvo and military affairs”]. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye Pervoye. 1649–1825 gg.* Spb., 1830. Vol. III (1659-1699), No. 1540 (February 8, 1690). [in Russian]

PSZRI, 1830c – O vydache deneg sverkhkomplektnym soldatskim shkol'nikam na yedu i odezhdu; o priyeme soldatskikh detey v shkoly i o summe na ikh soderzhaniye [On the issuance of money to surplus soldier schoolchildren for food and clothing; on the admission of soldiers' children to schools and on the amount for their maintenance]. *Polnoye sobraniye organizatsii Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye. 1649–1825 gg.* SPb., 1830. Vol. XVII. (1765–1766). № 12412. (June 7, 1765). [in Russian]

PSZRI, 1830d – O soyedinenii v provintsiyakh i guberniyakh arifmeticheskikh i garnizonnykh shkol v odno mesto; o obuchenii v nikh vsyakogo china lyudey na svoem izhdivenii; o bytii tam shkolam v vedomstve Komendantov; o prisylke ob onykh raportov, i o zhalovanii uchiteley [On the unification of arithmetic and garrison schools in the provinces and governorates into one place; on the education of people of all ranks at their own expense; on the existence of schools there under the jurisdiction of Commandants; on the sending of reports on them, and on the salaries of teachers]. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye. 1649–1825 gg.* Spb., 1830. Vol. XII. (1744-1748). № 9054. (October 26, 1744). [in Russian]

PZSRI, 1830e – Ob uchrezhdenii Imperatorskogo Voenno-Sirotskogo Doma i Otdeleniy onogo pri garnizonnykh polkakh [On the establishment of the Imperial Military Orphanage and its branches under garrison regiments]. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye. 1649-1825 gg.* SPb., 1830. T. XXV. (1798–1799) № 18793. (December 23, 1798). [in Russian]

Ransel, 1988 – Ransel, D.L. (1988). Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. Princeton. 330 p.

Savel'yev, 1881 – Savel'yev, A.A. (1881). Yuridicheskiye otnosheniya mezhdru suprugami, po zakonom i obyayam velikorusskogo naroda [Legal relations between spouses, according to the laws and customs of the Great Russian people]. Nizhniy Novgorod. 94 p. [in Russian]

Shcherbinin, 2004 – Shcherbinin, P.P. (2004). Voyenny faktor v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v XVIII – nachale XIX v.: monografiya. [The military factor in the everyday life of Russian women in the 18th – early 20th centuries: monograph]. Tambov, 507 p. [in Russian]

Shcherbinina, Nevzorov, 2019 – Shcherbinina, Yu.V., Nevzorov, Ye.Yu. (2019). Demograficheskoye povedeniye i semeynaya zhizn' voyennykh veteranov v Rossiyskoy imperii v XVIII-XIX vekakh [Demographic behavior and family life of military veterans in the Russian Empire in the 18th-19th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 24(178): 121-127. [in Russian]

Sokolov, 2006 – Sokolov, A.R. (2006). Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mekhanizm vzaimodeystviya obshchestva i gosudarstva (nachalo XVIII – konets XIX v.) [Charity in Russia as a Mechanism of Interaction between Society and the State (early 18th – late 19th centuries)]. SPb., 648 p. [in Russian]

Stog, 1818 – Stog, A.D. (1818). O obshchestvennom prizrenii v Rossii [On public charity in Russia]. Part.1, 2. SPb. [in Russian]

Svod postanovleniy..., 1848 – Svod postanovleniy o soldatskikh detyakh i po drugim predmetam [Code of Regulations on Soldiers' Children and Other Subjects]. SPb., 1848. 101 p. [in Russian]

SVP, 1833 – O pravakh semeystv nizhnikh voyennykh chinov. Otdeleniye vtoroye. Ustava o sluzhbe po voyennomu vedomstvu [On the rights of families of lower military ranks. Section two. Charter on service in the military department]. Svod voyennykh postanovleniy, SPb. [in Russian]

Ul'yanova, 2000 – Ul'yanova, G.N. (2000). Blagotvoritel'nost' i obshchestvennoye prizreniye v Rossii XIX~nachala XX veka. Institutsional'noye razvitiye v kontekste formirovaniya grazhdanskogo obshchestva [Charity and public assistance in Russia in the 19th – early 20th centuries. Institutional development in the context of the formation of civil society]. Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN. 1997-1998 gg. Issue 2. M. 480 p. [in Russian]

Ul'yanova, 2005 – Ul'yanova, G.N. (2005). Blagotvoritel'nost' v Rossiyskoy imperii. XIX – nachalo XX veka [Charity in the Russian Empire. XIX – early XX centuries]. M., 415 p. [in Russian]

Wirtschafter, 1990 – Wirtschafter, E.K. (1990). From serf to Russian soldier. Princeton. 214 p.

Wirtschafter, 1995 – Wirtschafter E.K. (1995). Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in Servile Russia. *The Journal of Military History*. 59 (2): 215-235.

Wirtshafter, 2002 – Wirtshafter, E.K. (2002). Social structures: commoners in the Russian Empire. [Social structures: commoners in the Russian Empire]. Moscow, 271 p. [in Russian]

Zapiski..., 1904 – Zapiski, sobrannyye po poveleniyu imperatora Pavla I, o nachale regul'yarnogo voyska, o novo i slavyano-serbskikh poseleniyakh, o polkakh gusarskikh i pandurskikh i o voyennykh shkolakh [Notes, collected by order of Emperor Paul I, on the beginning of the regular army, on the New and Slavic-Serbian settlements, on the hussar and Pandur regiments and on military schools]. *Sbornik voenno-istoricheskikh materialov*. SPb., 1904. Vyp. 16. 169 p. [in Russian]

Социальная политика государства в отношении семей нижних чинов в России в XVII–XIX вв.

Игорь Владимирович Карпенко ^a, Яна Грантовна Григорьян ^{a, *}, Мария Сергеевна Сергеева ^a, Иван Михайлович Чиж ^a

^a Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва, Российская Федерация

Аннотация. Социальная поддержка военнослужащих и их семей в России в XVII–XIX вв. является важной составляющей процесса превращения армии в мощный инструмент модернизации российского общества. В условиях, когда статус человека определялся его социальным происхождением, жизнь семьи солдата регулировалась не её традиционной ролью, а положением главы семейства, находящегося на действительной службе. Взамен военная служба предоставляла жене и детям нижних чинов права и свободы, недоступные другим членам общины, обеспечивая ей особый юридический статус. Обратной стороной этого процесса было превращение семьи солдата в собственность военного ведомства, решающего их жизнь и судьбу исходя из собственных представлений о потребностях и возможностях государства. Согласно им, армия, помимо своего основного предназначения, превратилась в своего рода социальный институт с медленно формирующейся системой социального обеспечения, действия которого были совершенно недостаточны для эффективного решения поставленных задач и демонстрировали неспособность дореформенной России удовлетворить государственные потребности путём спонтанного развития. Тем не менее, осознание растущей ответственности государства перед нижними чинами и расширение числа обязанностей по отношению к ним при постоянной нагрузке на государственный бюджет демонстрировало патерналистский подход, который пронизывал имперский социальный порядок. Когда предлагаемые государством возможности не соответствовали реальным условиям, они определяли новые виды деятельности, юридически доступные для отдельного члена семьи солдата. Используя предлагаемые возможности, при всей жестокости и противоречивости политики государства, находящегося в состоянии принудительной социальной мобилизации, семьи нижних чинов вырабатывали новые стратегии, предпринимали попытки поиска условий для удовлетворения своих потребностей и самостоятельной адаптации к изменяющимся условиям жизни. Их судьбы отражали динамику, лежащую в основе взаимодействия государства, общества и его институтов, и определяли представления о разумности и эффективности существующего социального порядка.

Ключевые слова: семьи нижних чинов, социальная политика, солдатские дети, солдатские жены.

* Корреспондирующий автор

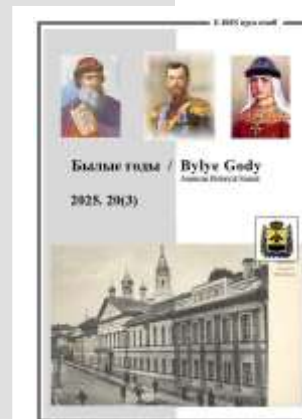
Адреса электронной почты: karpenko_i_v@staff.sechenov.ru (И.В. Карпенко), grigoryan.yg@msmu.ru (Я.Г. Григорьян), sergeeva_m_s@staff.sechenov.ru (М.С. Сергеева), chizh_i_m@staff.sechenov.ru (И.М. Чиж)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1074-1084
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1074

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Territory of Kazakhstan on Guillaume Delisle's "Map of Persia": Historical and Geographical Analysis

Darkhan A. Jumagaliyev ^{a, *}, Zhaxylyk M. Sabitov ^a

^a Research Institute for Jochi Ulus Studies, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article is devoted to the source-based and historical-geographical analysis of the territory of present-day Kazakhstan as represented on the "Carte de Perse" (Map of Persia), compiled by the French cartographer Guillaume Delisle in 1724. The study focuses particularly on the Noghai tribal groups of Yemboyluk and Edisan, recorded for the first time in the European cartographic tradition, as well as on the Kazakhs, Kalmyks, and a number of cities located within the territory of modern Kazakhstan. The article examines the content and structure of Delisle's map, the features of its representation of ethno-political and geographical entities, and the potential sources employed in its compilation.

The relevance of the study lies in the need for a deeper source-critical and cartographic analysis of Western European maps of the 18th century as independent historical sources reflecting European scholarly perceptions of Central Asia. In particular, the information regarding Noghai confederations, as presented on Delisle's map, remains understudied, especially with regard to their localization and the origins of the data. The research is based on a wide range of sources, including archival materials and the works of Russian and Kazakhstani scholars. This comprehensive approach allows for a re-evaluation of the ethno-political transformations that took place in the steppes of present-day Kazakhstan during the 17th–18th centuries. The introduction of Delisle's cartographic data into scholarly circulation and its critical comparison with Russian, Turkic, and Western European textual and cartographic sources help to fill existing gaps in the reconstruction of the region's ethno-political landscape and to trace the evolution of geographic knowledge within the Western European cartographic tradition. The analysis demonstrates that the Carte de Perse constitutes a valuable historical source, reflecting the Western European perception of Central Asia in the 18th century, based on a synthesis of Eastern, Russian, and European data.

Keywords: G. Delille, Carte de Perse, Yemboyluk, Edisan, Kalmyks, Kazakhs, The Book of the Great Map, Majmu al-tawarih, historical cartography, source-critical analysis.

1. Введение

Изучение картографических источников XVIII в. представляет собой важное направление в исследовании исторической географии Центральной Азии. Одним из наиболее значительных произведений этого периода является «Карта Персии» (Carte de Perse), созданная французским картографом Гийомом Делилем и изданная в Париже в 1724 г. Эта карта охватывает обширную территорию от берегов Каспийского моря до предгорий Гималаев и от Крыма до Персидского залива, включая земли современного Казахстана. Представленные на ней этнонимы, топонимы и гидронимы делают её ценным источником для анализа этнополитической ситуации на территории Казахстана первой половины XVII в. Актуальность исследования определяется необходимостью более глубокого источниковедческого анализа западноевропейских картографических материалов как самостоятельного типа исторического источника, отражающего восприятие и научное освоение

* Corresponding author

E-mail addresses: darhanbai@mail.ru (D.A. Jumagaliyev), babasan@yandex.kz (Z.M. Sabitov)

Центральной Азии в европейской традиции. Несмотря на высокий интерес к истории картографии, региональные аспекты, связанные с территорией Казахстана, всё ещё остаются малоизученными в контексте западноевропейских карт XVIII в. В частности, слабо исследованы вопросы, касающиеся локализации ногайских этнополитических объединений, трансформации географических представлений и заимствований из русских источников, что делает данную тему востребованной как в отечественной, так и в международной историографии. Настоящее исследование направлено на выявление источниковой базы, которой руководствовался Делиль при составлении карты, а также на анализ достоверности и происхождения представленных на ней сведений. Особое внимание уделяется сопоставлению данных «Карты Персии» с русскими письменными источниками XV–XVII вв., картографическими материалами («Книга Большому чертежу», «Чертежная книга Сибири»), а также трудами европейских авторов, таких как Н. Витсен и И. фон Страленберг.

2. Материалы и методы

Основным материалом для исследования послужила знаменитая карта «Карта Персии» («Carte de Perse») французского картографа Гийома Делиля. Сведения, предоставленные Делилем, были сопоставлены с данными средневековых русских письменных источников и картографических трудов. В первую очередь использованы такие источники, как «Книга Большому чертежу», «Чертежная книга Сибири Ремезова», документы русских посольских книг XV–XVII вв., а также сведения из ряда тюркских исторических произведений, таких как «Кара таварих», «Умдет ал-ахбар», «Маджму ат-таварих» и калмыцкие источники, включая «Историю калмыцких ханов». Важное значение в исследовании имеют также мнения таких авторов, как Г.Ф. Миллер, А.И. Макшеев, Л.С. Берг, В.В. Трепавлов и других учёных. Наряду с этим, в исследовании учтены современные работы по истории и топонимике России.

Для достижения целей исследования применялись основные методы исторического анализа, включая описательный, историко-сравнительный и другие общепринятые научные подходы. Описательный метод позволил глубже раскрыть историческое значение и культурное наследие исследуемого региона. Историко-сравнительный метод использовался для сопоставления информации из различных источников с целью формирования более полного и точного исторического контекста. Топонимический анализ применялся для интерпретации географических и картографических данных, что позволило локализовать территории обитания и кочевья ногайских групп йембойлук и едисан, а также пролить свет на их миграционные пути. Это также позволило локализовать другие географические объекты, в том числе и города на данной карте.

3. Обсуждение

Проблема отражения территории Центральной Азии, включая земли современного Казахстана, в западноевропейской картографии XVIII в. на сегодняшний день остаётся малоизученной, несмотря на наличие ряда работ, посвящённых отдельным аспектам этой тематики. Значительный вклад в исследование истории картографии эпохи Просвещения внесла М.С. Педли, которая в своей монографии (Pedley, 2005) проанализировала научные основания картографической деятельности Делиля и его окружения, однако аспекты, связанные с территорией Казахстана, остались за рамками её исследования.

Французский контекст создания «Карты Персии» получил освещение в трудах Н. Доусона, подробно изучившего мастерскую Делиля и взаимодействие картографа с государственными деятелями Франции и России (Dawson, 2000). При этом внимание исследователя было сосредоточено на институциональных аспектах производства карт, а не на источниковедческом анализе конкретных региональных фрагментов.

Источниковая база, использованная Делилем, в особенности заимствования из русской картографической традиции, рассматривалась в научной литературе фрагментарно. В этом контексте заслуживают внимания публикации, посвящённые «Книге Большому чертежу» и «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова, среди которых важную роль играет издание 1950 г. под редакцией К.И. Сербиной, ставшее основой для последующих топонимических и историко-географических исследований. Работы Л.С. Берга (Берг, 1946) и А.И. Макшеева (Макшеев, 1880) также предоставили важные сведения о гидросети и географических представлениях о Центральной Азии в русской традиции, повлиявших на европейскую картографию.

Сравнительный анализ сведений о территории расселения ногайских объединений, казахов и калмыков, представленных на картах, был в значительной степени осуществлён в трудах В.В. Трепавлова, который исследовал структуру и политическую историю Ногайской Орды и её правопреемников, в том числе объединения Алтыулы, йембойлук и едисан (Трепавлов, 2001; Трепавлов, 2020). Эти данные имеют важное значение для интерпретации этнонимов и локализации кочевий на карте Делиля.

Кроме того, труды Витсена, особенно его сочинение «Северная и Восточная Тартария», сыграли ключевую роль как источник для западноевропейских картографов, включая Делиля. Их использование подтверждается как содержательными совпадениями, так и прямыми

заимствованиями этнонимов и топонимов. Исследовательская редакция перевода сочинения Витсена на русский язык с комментариями Н.П. Копаневой и Б. Наардена значительно упростила обращение к этому важному источнику в рамках отечественной историографии (Витсен, 2010).

Также заслуживают внимания труды востоковедов и этнографов, обращавшихся к истории калмыков и ойратов в контексте русско-калмыцких и казахско-калмыцких взаимодействий. Среди них можно отметить работы М.М. Батмаева (Батмаев, 1993), В.П. Санчирова (Санчиров, 2008), а также издание «Калмыцкие историко-литературные памятники» (Калмыцкие, 1969), содержащие сведения о переселении и политических отношениях ногайских групп с ойратами в XVII в. Эти исследования представляют особую ценность для понимания этнополитической ситуации, отразившейся на «Карте Персии».

Таким образом, хотя отдельные компоненты, отображённые на карте Делиля, исследовались в ряде источников, комплексный анализ её казахстанской части как многослойного картографического и историко-этнографического свидетельства только начинает формироваться в научной литературе. Проведённое сопоставление показывает, что данные Делиля следует рассматривать в контексте компиляции нескольких традиций — русской, восточной и западноевропейской, что делает данную карту уникальным источником для исторической географии и этнополитической истории региона.

4. Результаты

Гийом Делиль (1675–1726) – один из выдающихся представителей французской картографии XVIII в., внёсший значительный вклад в развитие географической науки. Его деятельность заложила основы научного подхода к картографированию и повысила точность географических изображений. Связь с выдающимися учёными – братом-астрономом Жозефом-Николя Делилем и наставником Жаном-Домиником Кассини – способствовала формированию системного метода, основанного на астрономических наблюдениях (Pedley, 2005: 109). Это позволило Делилю существенно сократить погрешности при определении координат и улучшить очертания континентов на картах. Одним из ключевых достижений Делиля стало внедрение астрономических методов в картографию, что позволило точно определять широту и долготу. Его карты, отличавшиеся высокой точностью и научной надёжностью, стали эталоном для географов и историков того времени. Всего им было создано около ста карт и написано несколько трудов по вопросам измерений и географии.

В 1718 г. Делиль был назначен «первым географом короля» Людовика XIV (*premier géographe du Roi*), что отразило высокую оценку его трудов со стороны современников (Dawson, 2000: 47).

Международные контакты Делиля, начавшиеся в 1705–1706 гг. со знакомства с русским посланником в Париже А. А. Матвеевым, сыграли важную роль в формировании его интереса к восточным регионам (Делили, 2019: 180). В 1717 г. в Париже состоялась его встреча с Петром I, проявившим интерес к картографическим трудам Делиля (Dawson, 2000: 61). Пётр I впоследствии направил ему ряд ценных материалов, включая карты Каспийского моря и Астрахани, что существенно обогатило его исследования. Делиль активно использовал как европейские, так и русские географические и этнографические источники (Dawson, 2000: 62).

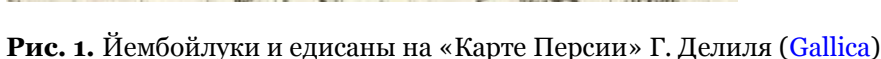
Особую ценность для Делиля представляла карта Каспийского моря, составленная в 1721 г. К. ван Верденом и Ф. И. Соймоновым (Делили, 2019: 180). На её основе Делиль существенно уточнил свои представления о регионе. При создании «Карты Персии» он опирался не только на материалы, переданные Петром I, но также на европейские источники и восточные рукописи, с которыми работал в королевской библиотеке Франции. В частности, он использовал каталог турецких и персидских книг, составленный Франсуа Пети де ля Круа и его сыном (Бедельбаева, 2019: 369–370).

Сотрудничество с Петром I и доступ к восточным источникам позволили Делилю создать высокоточные картографические труды, значительно расширившие представления европейцев о Центральной Азии. «Карта Персии» стала одним из наиболее ярких примеров, сочетающих точность географических данных с глубоким знанием культурно-исторического контекста, что делает её важным источником по истории европейской картографии XVIII в. Делиль занимает видное место в развитии научной картографии, объединив строгость метода с новаторским подходом, а его наследие продолжает служить важным источником для историко-географических исследований.

4.1. Йембойлук и едисан на «Карте Персии»

«Карта Персии» Делиля представляет особый интерес, поскольку на ней впервые на картах на территории современного Казахстана обозначены ногайские объединения, такие как йембойлук (*les Iembolouk*) и едисан (*les Jetisanski*) (Рисунок 1).

На карте Делиля йембойлуки (*les Iembolouk*) размещены между реками Эмба (*Yemba*) и Асар (*riviere d'Asar*). Последняя, согласно картографическим данным, отождествляется с рекой Арзан (Арзас, Азар) из «Книги Большого чертежа», гипотетическим протоком между Аральским и Каспийским морями (Берг, 1946: 167). Южнее, вдоль реки Асар, указаны едисаны (*les Jetisanski*), кочевавшие до Ыангикента (*Yenghi Kunt*). Витсен в «Северной и Восточной Тартарии» пишет: «Джетисанские это, говорят, такие же дикие Тартары, как и джемболуки, живущие недалеко от Каспийских берегов» (Витсен, 2010: 875). Это позволяет нам предположить, что при составлении своей карты Делиль опирался на сведения Витсена о йембойлуках.

Сведения, представленные на карте Делиля, согласуются с данными Витсена, который указывал: «Самая близкая к востоку местность Большого Нагая – это Казахская Орда. С запада у них, как было сказано, находится Яик, который её отделяет от Большого Нагая» (Витсен, 2010: 758-759). На карте Делиля казахи обозначены как «кочующие казаки» (Cosaques errans), в отличие от донских казаков (Cosaques), расположенных между Малыми Ногаями и Астраханью. Вероятно, Делиль заимствовал это название из более ранних источников, таких как «Книга Большого чертежа», где упоминается «Казацкая кочевая орда» (Книга..., 1950: 170).

На карте Делиля, к северо-востоку от казахских территорий и севернее Улутауских гор, в Центральном Казахстане обозначены белые калмыки (*Calmoucs blancs*). Согласно данным Витсена, «к северу от Казахской Орды живут калмакские тартары» (Витсен, 2010: 759). В начале XVII в. русские установили прямые контакты с ойратами, чьи кочевья простирались до низовьев Иртыша и левобережья Оби. Ойратские объединения занимали обширные территории, включая области Южной Сибири, Алтая, Джунгарии. С этого времени в официальных русских источниках начинают встречаться термины «белые калмыки» и «чёрные калмыки» (Екеев, 2012: 77), что было связано с различиями в происхождении и территориальном расположении этих групп.

Поскольку «белые калмыки» традиционно кочевали в междуречье Оби и Иртыша, маловероятно, что обозначенные на карте Делиля севернее Улутауских гор «белые калмыки» могут

быть идентифицированы как телеуты (теленгуты). В данном контексте гораздо более вероятно, что речь идёт о чёрных калмыках, которые были известны как ойраты. Это предположение подтверждается сведениями, приведёнными в «Книге Большому Чертежу», где указывается: «А мимо тое гору, за 40 верст от горы, ... промеж реки Кендерлика и реки Сарсу Казацкая кочевая орда да Колмыки» (Книга..., 1950: 170). Этот отрывок чётко указывает на географическую близость кочевий ойратов к Улутауским горам и показывает, что именно ойраты, а не телеуты, могли быть обозначены на карте Делия.

4.2. Йембойлук

Во второй половине XVI в. на востоке от Больших Ногаев образовались кочевья ногайцев, связанных с потомками бия Шейх-Мамая (Тюменское..., 2018: 101). Его шесть сыновей стали основателями объединения, известного как Улус Шести Сыновей (Алтыулы) (Трепавлов, 2001: 34). После убийства бия Юсуфа мирзой Исмаилом потомки Шейх-Мамая начали кочевать вдоль рек Яик, Эмба и Сырдарья и стали известны как Алтыульские мурзы (Акты..., 1918: 102). На юге и востоке Алтыулы граничили с Хивинским ханством, Казахским ханством (Посольские книги..., 1995: 318).

С начала XVII в. Алтыулы стали известны под названием йембойлук или джембойлук. Происхождение термина йембойлук (или джембойлук) дословно означает «живущие по реке Эмбе» (Калмыков и др., 1988: 26; Бутков, 1869: 170). Согласно данным Абдулгаффара Кырыми, «Шак Мамай (Шейх-Мамай) и Шагым являются мирзами народа Джембойлук», что подтверждает идентичность Алтыулов и йембойлуков как одного и того же объединения (Абдулгаффар Кырыми, 2018: 196).

Название йембойлук впервые встречается в русских источниках в сообщении астраханского воеводы Б.А. Репнина (1645/1646 г.), где упоминается, что «енбуйлецкие де и нагайские мурзы с улусными своими людьми кочуют по реке по Енбе» (История Казахстана..., 2005: 354). В другом месте Репнин отмечает, что «енбуйлутские де мурзы с улусы своими кочуют в Енбинском култуке» (История Казахстана..., 2005: 355). Согласно топонимическому словарю, термин «култук» означает «залив моря или озера» (Поспелов, 2008: 260). Известно, что река Эмба, не доходя до Каспийского моря, местами обрывается, образуя несколько озёр, что соответствует данным из «Книги Большому чертежу» (Книга..., 1950: 93-94). Это позволяет локализовать район кочевий йембойлуков в низовьях Эмбы.

В начале 1630-х гг. значительная часть ногайцев покинула Приволжье и переселилась на запад под давлением калмыцких набегов (Торопицын, 2018: 7). Согласно «Истории калмыцких ханов», в 1630 г. Хо-Орлюк подчинил йембойлуков и другие ногайские группы (Калмыцкие..., 1969: 51; Тунманин, 1936: 49). Вследствие указанных событий калмыки прочно обосновались в междуречье Яика и Эмбы (Санчилов, 2008: 12). Несмотря на то, что миграция ногайских улусов из Нижнего Поволжья в Причерноморье и на Северный Кавказ продолжалась и во второй половине XVII века (Тепкеев, 2014: 92), данные карты Делия говорят о том, что йембойлуки продолжали кочевать на территории Западного Казахстана.

Так, согласно сведениям И.Г. Георги, в начале XVIII в. йембойлуки кочевали в районе реки Эмбы. Однако в 1715 г. они потерпели поражение от калмыцкого хана Аюки, который вынудил их переселиться за Урал и Волгу, в Кумские и Кубанские степи (Георги, 1799: 38). Вполне возможно, что именно их упоминал в 1724 г. французский консул в Крыму Ксаверио Главани (Адыги, 1974: 164). Впоследствии значительная часть этой орды переселилась на территорию Крымского ханства. Согласно донесению К. Пейсонеля, равнины, расположенные между Днепром, Доном и границами России, служили местом кочевий ногайских орд Джембойлука (Адыги..., 1974: 181; Фелицын, 1891: 6) (Рисунок 2).

Рис. 2. Йембойлукская Орда (Paulus Swaen)

4.3. Едисан

Едисаны (джетысаны) являлись одним из самых многочисленных ногайских объединений (Тунманн, 1936: 49). Название «едисан» происходит от тюркского выражения «семь родов» и отражает внутреннюю племенную организацию. Исторические источники упоминают различные варианты состава этих семи (или восьми) родов, среди которых наиболее часто фигурируют мангыт, кинегес, алчын, аджеген, ялтыр, дерсенги, машкар (Тоган, 1998: 302), а также упоминания других: ширин, барын, аргын, кыпчак, кытай, курлеут, маджар, келечи, тогай, кишлык, кильбеин и канглы (Исхаков, 2009: 50; Трепавлов, 2020: 601). Эти расхождения могут быть связаны с изменениями в составе племени, происходившими в разные исторические периоды. Среди названий племён, упомянутых в списке 92 «узбекских» племён, или «племен илатийа», представленных в средневековом сочинении «Маджму ат-таварих», можно найти следующие едисанские племена: алчын, аргун, кыпчак, килечи, кытай, канлы, ширин, мангыт и кышлык (Акерев, 2017: 26; Султанов, 1982: 29-33).

Первые упоминания о едисанах относятся к концу XV – началу XVI в., их кочевья охватывали междуречье Яика и Эмбы, включая район горы Урух (Сборник..., 1884: 513; История Казахстана..., 2005: 39; Утемиш-хаджи, 2017: 78–79). Название горы Урух (также Урук, Урюк, Урак, Юрюк), неоднократно упоминаемое в Книге Большому чертежу (Книга, 1950: 93, 94), соответствует горе Айрык, одной из высших точек Мугоджар, расположенной в современной Актюбинской области Казахстана. По данным А.И. Макшеева, в «Книге Большому чертежу» название Айрык применялось ко всему Мугоджарскому хребту (Макшеев, 1880: 7).

В начале XVII в. едисаны кочевали в междуречье Яика и Эмбы (Трепавлов, 2020: 606), и в 1630-х гг., наряду с другими ногайскими улусами, были покорены калмыками (Калмыцкие..., 1969: 51). По свидетельству Витсена, посетившего Россию в 1664–1665 гг., «...от реки Волги до бухарских границ страна населена двумя тартарскими народами – едисем и калмаками» (Витсен, 2010: 878). Он также отмечает: «Едисем, или “семь родов” очень богаты скотом и людьми», а также приводит слова татар (ногаев – Прим. Д.Д.), по чьим рассказам, «семь родов», возможно, могут составлять 700 тысяч человек (Витсен, 2010: 878-879). Таким образом, присутствие едисанов во второй половине XVII в. в степях Западного Казахстана находит подтверждение на карте Делиля, вероятным источником сведений для которой могли послужить наблюдения Витсена.

В конце XVII в. часть едисанов во главе с мирзой Тоганом откочевала из-под власти калмыцкого хана Аюки на Кубань (Тепкеев, 2014: 93). Это событие отразилось в фольклоре, где Тоган известен как Каз-Туган. В ногайской песне «Казтувган» описан уход едисанов и йембойлуков с Волги на Кубань во времена Аюки-хана (Песни, 1970: 425–430). Возможно, именно эта группа едисанов упоминается в турецком трактате начала XVIII в. как племя «джедидисан» численностью 8 тысяч человек, обитавшее на Лабе (Зденка, 1969: 124).

В начале XVIII в. едисаны кочевали в районе реки Эмбы до тех пор, пока в 1715 г. не были разгромлены калмыцким ханом Аюкой и переселены в Кумские и Кубанские степи (Георги, 1799: 38). В 1724 г., воспользовавшись внутренними распрями среди калмыков, едисаны откочевали в Крым и обосновались в степях, расположенных между Днестром, Днепром, Бугом и границами Польши (Адыги, 1974: 181; Фелицын, 1891: 6) (Рисунок 3).

Рис. 3. Едисанская Орда (Paulus Swaen)

4.4. Города и реки на территории Казахстана

Анализируя сведения, представленные на карте Делиля, можно выделить три различных источника происхождения информации, что указывает на использование трёх различных картографических или текстовых источников при её составлении. Первым источником, по-видимому,

являлся материал, охватывающий территорию современного Казахстана, включая упоминания о йембойлуках и едисанах. Указанные сведения, видимо, происходят из одного и того же источника, которым, по нашему мнению, являются данные, представленные Витсеном.

Первую часть карты можно охарактеризовать следующим образом: река Артч или Асар (Artch ou riviére d'Asar), к северу от которой обозначены кочевья йембойлуков, а к югу – едисанов. Данная река впадает в Сырдарью, которая, в свою очередь, обозначена как впадающая в северо-западную часть Каспийского моря. Вблизи места впадения Артча (Асара) в Сырдарью, к востоку, обозначен город Йангикент. По нашему мнению, эта часть карты восходит к данным, содержащимся в сочинении Витсена.

Если говорить о реке Артч (Асар), то её идентификация становится возможной только при сравнении рассматриваемой карты с картой Иоганна фон Страленберга. Согласно данным, представленным на карте Страленберга, в Сырдарью впадала река Талас (Talasch). В свою очередь, в Талас впадала река Тургай (Turuga), а в Тургай река Кенгирбай (Kengirbai), которую следует отождествлять с рекой Ирғиз. К востоку от впадения реки Талас в Сырдарью, по данным карты Страленберга, располагался город Йангикент. Таким образом, представляется возможным отождествить реку Артч (Асар), изображённую на карте Делиля, с рекой Талас, обозначенной на карте Страленберга. Если допустить, что в XVII в. река Талас действительно впадала в Сырдарью вблизи Йангикента, то под рекой Асар следует понимать реку Асы, являющуюся притоком Таласа. В настоящее время река Талас является бессточной и теряется в песках Мойынқум на территории современной Жамбылской области. Очевидно, что в XVI–XVII вв. реки Тургай, Талас и Сарысу впадали в Сырдарью, тогда как в настоящее время они утратили постоянное русло и являются бессточными.

На второй части карты, на наш взгляд, представлены сведения, восходящие к «Книге Большого чертежа». В этой части изображена река Кендерлик (Kenderliek), впадающая в Сырдарью, истоки которой берут начало от Улутауских гор (Montagnes d'Orlotovo). Здесь также появляется Аральское море (Lac de Glouchoige ou d'Arapscoa), тогда как в предыдущем фрагменте карты его не было: роль Аральского моря там играла северо-восточная часть Каспийского моря.

Отдельного упоминания заслуживает вторая река Кендерлик (Kenderliek), исток которой, как указано на карте, также берёт начало от Улутауских гор (Montagnes d'Orlotovo), однако далее она впадает или сливается с рекой Сарысу (R. de Sarsa), и вместе они впадают в озеро, обозначенное как Lac d'eau dormante («Бессточное озеро»). Как нам кажется, под этим озером отображено озеро Теликоль, расположенное на территории современной Кызылординской области. Сопоставление данных позволяет заключить, что информация о двух реках с названием Кендерлик и озере, в которую впадает Сарысу, была также заимствована из «Книги Большого чертежа» (Книга..., 1950: 95). Следует отметить, что двух отдельных рек с названием Кендерлик в действительности не существовало, вероятнее всего, на карте были объединены сведения из различных источников, что привело к определённым несоответствиям и ошибкам при их сведении.

Также во второй части карты обозначены такие города, как Ounak (Сунак/Сыгнак), Tiour Koustan (Туркестан), Comkint (Кумкент), Arkan (Аркан), Mangourgan (Манкурган), Asnourgan (Аккурган), Farab ou Otrar (Фараб/Отрар), Ilak ou Iouelek (Илак/Юлек), Sagiriam (Сайрам), Tonkat (Тонкат), Tchinas (Чинас). Отдельно стоит отметить города, расположенные на одном караванном маршруте: Ouzounata (Узун-ата), Olcadginicheik (Олкадчини-шейх), Soutkent (Суткент), Comarchaata (Комарча-ата), Sultan cheick (Султан-шейх), Zernoue (Зерноуе). Последний пункт расположен напротив Отрара, на противоположном берегу Сырдарьи. От Зерноуе до Узун-ата обозначен торговый путь.

Также юго-восточнее Ташкента на карте обозначен Исфиджаб, идентичный Сайраму. Наименование «Исфиджаб» отражает более древнюю традицию, и данный населённый пункт заимствован из иного источника, восходящего к арабской географической традиции. Очевидно, это третья часть карты, не считая сведений о двух Кендерликах и озере Теликоль, в которое впадают Кендерлик и Сарысу. Следует отметить, что под рекой Кендерлик, вероятно, подразумевается река Кара-Кенгир (Кенгир), которая и в настоящее время впадает в Сарысу. Таким образом, при составлении карты Делиля использовались данные Витсена, «Книги Большого чертежа», Ремезова и других различных источников, что обусловило наличие дублирующих упоминаний одних и тех же рек и населённых пунктов.

5. Заключение

Проведённое исследование подтверждает значимость «Карты Персии» Делиля как источника для изучения этнополитической истории территории Казахстана в XVII в. На основе анализа содержания карты, сопоставления с другими историческими источниками, включая указание географического положения ойратов в Центральном Казахстане, а также локализацию йембойлуков и джетысанов в районе реки Эмба, можно предположить, что «Карта Персии» Делиля отражает исторические реалии первой половины XVII в. Особого внимания заслуживает использование Делилем русских наименований этнонимов и топонимов, таких как «jetisanski» (джетысанский), «calmoucs blancs» (белые калмыки), «lac de glouchoige» (озеро Глухое) и других, что говорит о заимствовании данных из русских источников. Среди источников информации можно выделить

«Книгу Большому Чертежу», «Чертежную книгу Сибири» С.У. Ремезова, труд Н. Витсена, а также, вероятно, ряд других, на данный момент неизвестных картографических и текстовых материалов.

Влияние русской картографической традиции на европейские представления о Центральной Азии первой половины XVII в. подчёркивает их роль в формировании знаний о регионе. Таким образом, «Карта Персии» Делили представляет собой ценный источник для анализа политической и этнической ситуации на территории Казахстана в указанный период.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН BR24993173).

Литература

Абдулгаффар Кырыми, 2018 – *Абдулгаффар Кырыми*. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.

Адыги..., 1974 – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Сост., ред. перевод., введ. и вступ. статьи. В.К. Гарданова. Нальчик: Книжн. изд. «Эльбрус», 1974. 635 с.

Акеров, 2017 – *Акеров Т.А.* Маджму ат-Таварих как исторический источник / Перевод, анализ и комментарии. Бишкек: КНУ им. Ж. Баласагына, 2017. 348 с.

Акты..., 1918 – Акты времени Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.) / Под ред. Н.В. Рождественского. М., 1918. 328 с.

Бедельбаева, 2019 – *Бедельбаева М.В.* Сведения о надписи Тимура 1391 г. в картографических и исторических исследованиях первой половины XVIII в. // *Oriental Studies*. 2019. Т. 3. С. 367–377.

Бутков, 1869 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869. 548 с.

Берг, 1946 – *Берг Л.С.* Очерки по истории русских географических открытий. М.–Л. АН СССР, 1946. 358 с.

Витсен, 2010 – *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / Ред. и науч. рук. Н.П. Копанева, Б. Наарден; пер. с гол. яз. В.Г. Трисман. В 3 тт. Т. 2. Амстердам: Regasus, 2010. 1225 с., [2] л. ил.: ил., карты, портр.

Георги, 1799 – *Георги И.И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 2. СПб., 1799. 178 с.

Делили, 2019 – Делили в России: сборник статей / Под ред. Д.Ю. Гузевича, И.Д. Гузевич. СПб.: Изд-во Маматов, 2019. 352 с.

Екеев, 2012 – *Екеев Н.В.* Проблемы этнической истории алтайцев (исследование и материалы). Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2012. 232 с.

Зденка, 1969 – *Зденка В.* Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы*. Т. 2. М., 1969. С. 98–139.

История Казахстана..., 2005 – История Казахстана в русских источниках. Т. I: Посольские материалы Русского государства [XVI–XVII вв.]. Сост., транскрипция скорописи, спец. редактирование текстов, вступ. ст., коммент., сост. словников указателей А. Исына. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 704 с.

Исхаков, 2009 – *Исхаков Д.* Исторические очерки. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 164 с.

Калмыков и др., 1988 – *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.* Ногайцы. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1988. 232 с.

Калмыцкие..., 1969 – Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / Калм. науч.-исслед. ин-т яз., литературы и истории. Элиста, 1969. 203 с.

Книга..., 1950 – Книга большому чертежу. Подготовка к печати и редакция К.И. Сербиной. М.–Л.: АН СССР, 1950. 232 с.

Макшеев, 1880 – *Макшеев А.И.* Географические сведения книги Большого Чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае // *Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии*. Т. VI. СПб., 1880. 40 с.

Миллер, 1999 – *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 630 с.

Песни народов..., 1970 – Песни народов Дагестана: [Перевод]. Вступ. статья, сост., подготовка текстов и примеч. Н.В. Капиевой. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1970. 582 с.

Посольские книги..., 1995 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1995. 360 с.

Поспелов, 2008 – *Поспелов Е.М.* Географические названия России. Топонимический словарь. М.: АСТ: Астрель, 2008. 523 с.

Ремезов, 1701 – Ремезов С.У. Атлас Сибири Семена Ремезова. / Национальная электронная библиотека (НЭБ). [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_004274925?page=52 (дата обращения: 09.05.2024).

Санчи́ров, 2008 – Санчи́ров В.П. На пути к Волге: ойратские этнополитические объединения 20-30-х гг. XVII в. // *Oriental Studies*. 2008. № 2. С. 2-23.

Сборник..., 1884 – Сборник Русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. 1. Под ред. Г.Ф. Карпова. СПб., 1884. 558 с.

Султанов, 1982 – Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука; ГРВЛ, 1982. 134 с.

Тепкеев, 2014 – Тепкеев В.Т. Некоторые исторические сведения XVII в. о ногайском поэте Казы-Тугане / *Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков - к грядущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции*. Ответственные редакторы: Суюнова Н.Х., Курмансеитова А.Х., Кунаева С.А. Черкесск, 2014. С. 91-94.

Тоган, 1998 – Тоган З.В. Воспоминания: Книга 2. Уфа: Башкирское издательство «Китап», 1998. 368 с.

Торопицын, 2018 – Торопицын И.В. Большие ногаи на Северном Кавказе в середине XVII в. // *Журнал фронтирных исследований*. 2018. №2. С. 7-28.

Трепавлов, 2001 – Трепавлов В.В. Алтыулы: остатки Ногайской Орды в казахских степях // *Вестник Евразии*. 2001. № 2. С. 33-51.

Трепавлов, 2020 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. 3-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига, 2020. 1040 с.

Тунманн, 1936 – Тунманн И.Э. Крымское ханство. Симферополь: Гос. изд-во Крым. АССР, 1936. 104 с.

Тюменское..., 2018 – Тюменское и Сибирское ханства / Под ред. Д.Н. Маслюженко, А.Г. Ситдикова, Р.Р. Хайрутдинова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.

Утемиш-хаджи, 2017 – Утемиш-хаджи. Кара таварих. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

Фелицын, 1891 – Фелицын Е.Д. Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии по Пейсонелю. Материалы для истории Западно-кавказских горцев // *Кубанский сборник*. Т. 2. Екатеринодар, 1891. С. 3-35.

Dawson, 2000 – Dawson N.M. L'Atelier Delisle. L'Amérique du Nord sur la table à dessin. Sillery, Quebec. 2000. 306 p.

Gallica – Gallica. Национальная библиотека Франции. “Carte de Perse dressée pour l'usage du Roy”. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b531793160/f1.item.zoom> (дата обращения: 8.07.2024).

Paulus Swaen – Paulus Swaen: Old Maps, Prints and Atlases. “A New & Accurate Map of the Krim Tartary, the Sea of Azof, and Parts of the Rivers Dneper, Bog and Kuban”. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.swaen.com/listing/a-new-accurate-map-of-the-krim-tartary-the-sea-of-azof-and-parts-of-the-rivers-dneper-bog-and-kuban/14232> (дата обращения: 08.05.2024).

Pedley, 2005 – Pedley M.S. The commerce of cartography: making and marketing maps in eighteenth-century France and England. The University of Chicago Press, Chicago. 2005. 232 p.

References

Abdulgaffar Kyrymi, 2018 – Abdulgaffar Kyrymi (2018). Umdet al-akhbar [Umdet al-akhbar]. Kniga 2: Perevod. Kazan, 200 p. [in Russian]

Akty..., 1918 – Akty vremeni Lzhedmitrija I-go (1603–1606 gg.) [Acts of the time of False Dmitry I (1603-1606)]. Pod red. N.V. Rozhdestvenskogo. M., 328 p. [in Russian]

Adygi..., 1974 – Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskih avtorov XIII-XIX vv. [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the XIII-XIX centuries]. Sost., red. perevod., vved. i vstup. stat'i. V.K. Gardanova. Nal'chik: Elbrus, 635 p. [in Russian]

Akerov, 2017 – Akerov, T.A. (2017). Madzhmu at-Tavarih kak istoricheskij istochnik: perevod, analiz i kommentarii [Majmu al-Tawarikh as a Historical Source: A Complete Translation, Analysis, and Comments]. Bishkek, 348 p. [in Russian]

Bedelbaeva, 2019 – Bedelbaeva, M.V. (2019). Svedenija o nadpisi Timura 1391 g. v kartograficheskikh i istoricheskikh issledovanijah pervoj poloviny XVIII v. [Information about Timur's Inscription of 1391 in Early-to-Mid 18th Century Cartographic and Historical Studies]. *Oriental Studies*. 3: 367-377. [in Russian]

Berg, 1946 – Berg, L.S. (1946). Oчерки po istorii russkikh geograficheskikh otkrytij [Essays on the history of Russian geographical discoveries]. M.-L. AN SSSR, 358 p. [in Russian]

Butkov, 1869 – Butkov, P.G. (1869). Materialy dlja novoj istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god. Ch. 1 [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803. Part 1.]. SPb., 548 p. [in Russian]

Sbornik..., 1884 – Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 41. Pamjatniki diplomaticheskikh snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Krymskoju i Nagajskoju Ordami i s Turciej. T. 1 [Collection of the

- Russian Historical Society. T. 41. Monuments of diplomatic relations of the Moscow state with the Crimean and Nagai Hordes and with Turkey. Vol. 1]. Pod red. G.F. Karpov. SPb., 558 p. [in Russian]
- Dawson, 2000** – Dawson, N.M. (2000). L'Amérique du Nord sur la table à dessin. Sillery, Quebec. 306 p. [in French]
- Deliles..., 2019** – Delili v Rossii: sbornik statej [Deliles in Russia: a collection of articles]. Pod red. D.Ju. Guzevicha, I.D. Guzevich. Sankt-Peterburg, 352 p. (in Russian)
- Ekeev, 2012** – Ekeev, N.V. (2012). Problemy jetnicheskoj istorii altajcev (issledovanie i materialy) [Problems of the ethnic history of Altai people (research and materials)]. Gorno-Altajsk: OAO «Gorno-Altajskaya tipografiya», 232 p. [in Russian]
- Posol'skie knigi..., 1995** – Posol'skie knigi po svjazjam Rossii s Nogajskoj Ordoj. 1489–1549 gg. [Embassy books on relations between Russia and the Nogai Horde. 1489–1549.]. Makhachkala, 360 p. [in Russian]
- Felitsyn, 1891** – Felitsyn, E.D. (1891). Zapadno-kavkazskie gorcy i nogajcy v XVIII stoletii po Pejsonelju. Materialy dlja istorii Zapadno-kavkazskih gorcev. Kubanskij sbornik. T. 2. [West Caucasian Highlanders and Nogais in the XVIII centuries according to Paysonel. Materials for the history of the West Caucasian Highlanders. Kuban collection. V. 2]. Ekaterinodar. Pp. 3-35. [in Russian]
- Gallica** – Gallica. National Library of France. “Carte de Perse dressée pour l'usage du Roy”. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b531793160/f1.item.zoom> (date of access: 08.07.2024).
- Georgi, 1799** – Georgi, J.G. (1799). Opisanie vsech obitajushchih v Rossijskom gosudarstve narodov. Ch. 2 [Description of all peoples living in the Russian state. Part 2.]. SPb., 178 p. [in Russian]
- Iskhakov, 2009** – Iskhakov, D. (2009). Istoricheskie ocherki [Historical essays]. Kazan: Fen, 164 p. [in Russian]
- Istoriya Kazakhstana..., 2005** – Istoriya Kazakhstana v russkih istochnikah. T. I: Posol'skie materialy Russkogo gosudarstva [XVI–XVII vv.] [History of Kazakhstan from Russian Sources. Vol. 1: Tsardom of Russia and Its Ambassadorial Materials, Sixteenth–Seventeenth Centuries]. Sost. A. Isin. Almaty: Daik-Press, 704 p. [in Russian]
- Kalmykov et al., 1988** – Kalmykov, I.K., Kereitov, R.K., Sikaliyev, A.I. (1988). Nogajcy [Nogays]. Cherkessk, 232 p. [in Russian]
- Kalmyckie..., 1969** – Kalmyckie istoriko-literaturnye pamjatniki v russkom perevode [Kalmyk historical and literary monuments in Russian translation]. Elista, 203 p. [in Russian]
- Maksheev, 1880** – Maksheev, A.I. (1880). Geograficheskie svedenija knigi Bol'shogo Chertezha o kirgizskih stepjah i Turkestanskom krae [Geographical information of the book of the Big Drawing on the Kyrgyz steppes and the Turkestan Territory. Vol. VI]. Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva po otdeleniju jetnografii. T. VI. SPb., 40 p. [in Russian]
- Miller, 1999** – Miller, G.F. (1999). Istoriya Sibiri. T. 1 [History of Siberia. Vol. 1]. M.: Vostochnaja literatura. 630 p. [in Russian]
- Paulus Swaen** – Paulus Swaen: Old Maps, Prints and Atlases. “A New & Accurate Map of the Krim Tartary, the Sea of Azof, and Parts of the Rivers Dneper, Bog and Kuban”. [Electronic resource]. URL: <https://www.swaen.com/listing/a-new-accurate-map-of-the-krim-tartary-the-sea-of-azof-and-parts-of-the-rivers-dneper-bog-and-kuban/14232> (date of access: 08.05.2024).
- Pedley, 2005** – Pedley, M.S. (2005). The commerce of cartography: making and marketing maps in eighteenth-century France and England. The University of Chicago Press, Chicago. 232 p.
- Pospelov, 2008** – Pospelov, E.M. (2008). Geograficheskie nazvanija Rossii. Toponimicheskij slovar' [Geographical names of Russia. Toponymic dictionary]. M.: AST: Astrel, 523 p. [in Russian]
- Remezov, 1701** – Remezov, S.U. (1701). Atlas Sibiri Semena Remezova [Atlas of Siberia of Semyon Remezov]. Natsional'naya elektronnaya biblioteka (NEB). [Electronic resource]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_004274925?page=52 (date of access: 09 May 2024).
- Sanchirov, 2008** – Sanchirov, V.P. (2008). Na puti k Volge: ojratskie jetnopoliticheskie obedinenija 20-30-h gg. XVII v. [On the way to the Volga: Oirat ethnopolitical associations of the 20-30s. XVII century]. *Oriental Studies*. 2: 2-23. [in Russian]
- Pesni..., 1970** – Pesni narodov Dagestana [Songs of the peoples of Dagestan]. Vstup. stat'ja, sost., podgotovka tekstov i primech. N.V. Kapievoj. Leningrad, 582 p. [in Russian]
- Sultanov, 1982** – Sultanov, T.I. (1982). Kochevyje plemena Priaral'ja v XV–XVII vv. (voprosy jetnicheskoj i social'noj istorii) [Nomads around the Aral Sea in the Fifteenth to Seventeenth Centuries: Issues of Ethnic and Social History]. M.: Nauka; GRVL, 134 p. [in Russian]
- Tepkeev, 2014** – Tepkeev, V.T. (2014). Nekotorye istoricheskie svedenija XVII v. o nogajskom pojete Kazy-Tugane [Some historical information of the XVII century about the Nogai poet Kazy-Tugan]. Nogajcy: XXI vek. Istoriya. Jazyk. Kul'tura. Ot istokov – k grjadushhemu. Materialy Pervoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Otvetstvennye redaktory: Sujunova N.X., Kurmanseitova A.X., Kunaeva S.A. Cherkessk, pp. 91-94. [in Russian]
- Kniga..., 1950** – Kniga bol'shomu chertezhu [The book of the great map]. Podgotovka k pečati i redakcija K.I. Serbinoj. M.-L.: AN SSSR. 232 p. [in Russian]

- [Togan, 1998](#) – *Togan, Z.V.* (1998). Vospominaniya: Kniga 2 [Memoirs: Book 2]. Ufa: Kitap, 368 p. [in Russian]
- [Toropitsyn, 2018](#) – *Toropitsyn, I.V.* (2018). Bol'shie nogai na Severnom Kavkaze v seredine XVII v. [Big nogais in the North Caucasus in the middle of the XVII century]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 2: 7-28. [in Russian]
- [Trepavlov, 2001](#) – *Trepavlov, V.V.* (2001). Altyuly: ostatki Nogajskoj Ordy v kazahskikh stepyah [Altyuly: remains of the Nogai Horde in the Kazakh steppes]. *Vestnik Evrazii*. 2: 33-51. [in Russian]
- [Trepavlov, 2020](#) – *Trepavlov, V.V.* (2020). Istorija Nogajskoj Ordy [History of the Nogai Horde]. M.: Kvadriga, 1040 p. [in Russian]
- [Tunmann, 1936](#) – *Tunmann, I.E.* (1936). Krymskoe hanstvo [Crimean Khanate]. Simferopol, 104 p. [in Russian]
- [Tjumenskoe..., 2018](#) – Tjumenskoe i Sibirskoe hanstva [Tyumen and Siberian Khanates]. Pod red. D.N. Masljuzhenko, A.G. Sitdikova, R.R. Hajrutdinova. Kazan', 560 p. [in Russian]
- [Utemish Hadji, 2017](#) – *Utemish Hadji* (2017). Kara tavarikh [Kara tawarikh]. Kazan': AN RT, 312 p. [in Russian]
- [Witsen, 2010](#) – *Witsen, N.* (2010). Severnaja i Vostochnaja Tartarija [North and East Tartary. In 3 vols. Vol. 2]. Red. i nauch. ruk. N.P. Kopaneva, B. Naarden; per. s gol. jaz. V.G. Trisman. V 3 tt. T. 2. Amsterdam: Pegasus, 1225 p. [in Russian]
- [Zdenka, 1969](#) – *Zdenka, V.* (1969). Turetskij traktat ob osmanskih krepostyah Severnogo Prichernomor'ja v nachale XVIII v. Vostochnye istochniki po istorii narodov Jugo-Vostochnoj i Central'noj Evropy. T. 2 [Turkish treatise on the Ottoman fortresses of the Northern Black Sea region at the beginning of the 18th century. Eastern sources on the history of the peoples of Southeast and Central Europe. Vol. 2]. M., pp. 98-139. [in Russian]

Территория Казахстана на «Карте Персии» Гийома Делиля: историко-географический анализ

Дархан Аманжолович Джумагалиев ^{a, *}, Жаксылык Муратович Сабитов ^a

^a Научный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена источниковедческому и историко-географическому анализу территории современного Казахстана, представленной на карте «Карта Персии» (Carte de Perse), составленной французским картографом Гийомом Делилем в 1724 г.

В рамках исследования особое внимание уделяется анализу ногайских объединений йембойлук и едисан, впервые зафиксированных в картографической традиции, а также казахов, калмыков и ряда городов, локализованных на территории современного Казахстана. Рассматривается содержание и структура данной карты, особенности отображения этнополитических и географических объектов, а также потенциальные источники, использованные при её составлении.

Актуальность исследования определяется необходимостью более глубокого источниковедческого и картографического анализа западноевропейских карт XVIII в. как самостоятельного исторического источника, отражающего представления о Центральной Азии в европейской научной традиции. В частности, слабо изученными остаются сведения о ногайских объединениях, зафиксированных на «Карте Персии» Г. Делиля, их локализация и происхождение данных. Работа основана на широком круге источников, включая архивные материалы, а также труды российских и казахстанских исследователей. Такой подход обеспечивает комплексное рассмотрение темы и позволяет по-новому взглянуть на процессы этнополитической трансформации, происходившие в степях современного Казахстана в XVII–XVIII вв. Введение в научный оборот и критическое сопоставление сведений карты с русскими и западноевропейскими письменными и картографическими источниками позволяет восполнить пробелы в реконструкции этнополитической ситуации и проследить трансформацию географических представлений в западноевропейской картографической традиции. Анализ показал, что «Карта Персии» является ценным историческим источником, отражающим западноевропейское восприятие Центральной Азии XVIII в.

Ключевые слова: Г. Делиль, Карта Персии, йембойлук, едисан, калмыки, казахи, Книга Большому чертежу, Маджму ат-таварих, историческая картография, источниковедческий анализ.

* Корреспондирующий автор

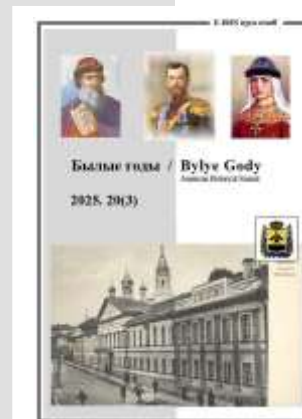
Адреса электронной почты: darhanbai@mail.ru (Д.А. Джумагалиев), babasan@yandex.kz (Ж.М. Сабитов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1085-1094
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1085

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Role of the Russian Researchers of the 18th–19th centuries in Museification of Turkic Stone Sculptures of Kazakhstan

Maral K. Khabdulina ^a, Ayagoz K. Sultanova ^{a, *}

^a L.N. Gumilyov Eurasian national university, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the 2nd half of the 19th century, the activities of the Turkestan Circle of Archaeology Enthusiasts and the Imperial Russian Geographical Society played a significant role in the establishment of the first museums in Kazakhstan. The development of museology was influenced by the cultural policy of the Russian Empire. The first objects of study for Russian researchers who entered the Kazakh steppes were stone sculptures from the Turkic period. These monuments, being the most prominent and visually striking, became the first exhibits. The significance of these artifacts for historical science was recognized, along with a pressing need for their preservation and popularization.

The aim of the study is demonstration of the transformation Turkic stone sculptures from natural landscape elements into full-fledged museum exhibits. Particular attention is given to the stages of museification of Turkic stone statues, from the earliest archaeological explorations and artifact collection in the 18th century to the establishment of museums.

The research applies chronological and historical-genetic methods, as well as source analysis and content analysis of documents for comparative purposes.

Museums evolved from simple repositories into active centers for the preservation, study, popularization of archaeological findings and tools for educational engagement.

Keywords: museification, Kunstkamera, exposition, Kazakhstan, ancient Turkic culture, stone sculptures, Turkestan Circle of Archaeology Enthusiasts.

1. Введение

Исследование каменных изваяний и письменных памятников тюрков насчитывает более двух столетий. Этот процесс начался со сбора материалов первыми академическими экспедициями в середине XVIII в. и достиг своего пика в планомерных раскопках, позволивших выявить и зафиксировать значительное количество археологических объектов. Обнаруженные и изученные археологами, этнографами и военными офицерами Российской империи, эти памятники нашли отражение в их многочисленных научных трудах. Важным этапом в сохранении и популяризации результатов этих исследований стала музеефикация тюркских памятников, среди которых особое место занимают каменные изваяния и письменные стелы.

Цель данной статьи – показать сложный процесс перевода каменных изваяний из их изначального положения как сакральных объектов ландшафта в полноценные музейные экспозиции. История создания музеев в Казахстане неразрывно связана с развитием музейного дела в Российской империи и продолжается по сей день (Ibrayeva, Sydykov, 2024: 128).

Особую роль в исследовании и сохранении археологических материалов в XVIII–XIX вв. сыграли Императорская Академия наук и Кунсткамера, основанные по инициативе Петра I. В изучении непосредственно предметов тюркской эпохи ключевое значение имел Туркестанский

* Corresponding author

E-mail addresses: gozka16@gmail.com (A.K. Sultanova)

кружок любителей археологии ([Веселовский, 1900: 10](#)). Члены кружка, в числе которых были такие выдающиеся тюркологи и археологи, как В. Радлов ([Радлов, 1893](#)), Н. Ядринцев ([Ядринцев, 1885](#)), В. Бартольд ([Бартольд, 1897](#)), А. Уваров ([Уваров, 1871](#)), внесли огромный вклад не только в изучение исторического и археологического наследия тюрков, но и одними из первых сформировали коллекции археологических предметов. Эти коллекции стали основой для музеев в Оренбурге, Ташкенте, Самарканде, Алматы и других городах Центральной Азии.

Одной из самых серьёзных проблем в процессе сохранения каменных stel и тюркских изваяний являются природные и техногенные факторы. Многие археологические памятники подвержены эрозии и влиянию природных условий, разрушаясь естественным образом. Кроме того, значительное негативное воздействие оказывает и деятельность человека: строительство различных объектов на протяжении нескольких столетий и акты вандализма привели к утрате большого количества памятников. С XVIII–XIX вв. эти проблемы остаются актуальными, что подчёркивает значимость музеефикации, позволяющей сохранить артефакты для дальнейшего изучения и защиты от внешних угроз.

2. Материалы и методы

В качестве материалов для исследования были использованы указы Петра I о «приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей» от 1718 г. ([ПСЗРИ, 1718: 541-542](#)) и учреждении Императорской Академии наук от 1724 г. ([ПСЗРИ, 1724: 220](#)), собранные в Полном собрании законов Российской империи. Также были привлечены отчёты археологических и этнографических экспедиций российских учёных, таких как А. Уваров ([Уваров, 1871](#)), Н. Веселовский ([Веселовский, 1900](#); [Веселовский, 1915](#)), Д. Мессершмидт ([Путевой журнал..., 2021](#)) и другие.

Реферат Ф.Н. Педашенко об археологических находках в окрестностях города Семипалатинска ([Педашенко, 1903](#)), а также «Обзоры Семипалатинской области» за 1883 г. ([Обзор Семипалатинской..., 1884](#)) и 1903 г. ([Обзор Семипалатинской..., 1904](#)) предоставили ценную информацию о формировании археологической коллекции в дореволюционный период и об открытии Областного музея. Согласно этим Обзорам, музей рассматривался как учреждение образования, что наглядно демонстрирует трансформацию функций музея от простого хранилища до просветительского центра. История Семипалатинского областного музея с момента открытия и его функционирования до 1927 г. представлена в «Кратком историческом очерке Семипалатинского музея» А. Адрианова ([Адрианов, 1929](#)).

При изучении процесса формирования музейной коллекции тюркских изваяний был использован историко-генетический метод. Он позволил проследить эволюцию музеефикации археологических материалов тюркской эпохи, начиная с XVIII в. – периода первых исследований и сбора археологических коллекций – до формирования полноценных музейных экспозиций с целью сохранения, изучения и просвещения. Помимо этого, было проведено сравнение изменений в музейной политике в вопросах сбора и хранения тюркских памятников. Для проведения подобных сравнений был применён метод контент-анализа документов. Использован принцип структурной принадлежности музеев в процессе трансформации их функциональных задач.

3. Обсуждение

Данное исследование процесса музеефикации тюркских каменных изваяний в XVIII – начале XX в. органично вписывается в широкий контекст изучения истории российского востоковедения, археологии и музейного дела на территории Центральной Азии. Проведённый анализ позволяет не только подтвердить известные факты, но и углубить понимание механизмов, движущих сил и изменений в области сохранения археологического наследия.

Особое внимание в нашей работе уделено деятельности Туркестанского кружка любителей археологии, который сыграл ключевую роль в систематизации исследований и сборе коллекций в регионе. Глубокое понимание вклада этого учреждения невозможно без обращения к фундаментальной работе Б.В. Лунина «Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.)». Исследование Лунина исчерпывающе раскрывает деятельность членов Туркестанского кружка любителей археологии, их экспедиции, методы работы и, что особенно важно для нашего исследования, их прямое и опосредованное участие в процессе музеефикации каменных изваяний. Работа Б. Лунина является незаменимым источником для понимания того, как научное сообщество того времени формировало подходы к сохранению и представлению тюркских памятников ([Лунин, 1958](#)).

Ранний период изучения тюркских древностей, охватывающий XVIII в., во многом связан с первыми академическими экспедициями. В этом контексте неоценимым источником является работа Д.Г. Савинова, представившего детальный список артефактов, обнаруженных в ходе экспедиции Д.Г. Мессершмидта ([Савинов, 2021](#)). Эти данные позволяют реконструировать первоначальные этапы сбора археологических материалов и дают представление о том, какие именно объекты становились предметом интереса исследователей задолго до появления полноценных музейных структур в регионе. Сопоставление этих ранних находок с последующими музейными коллекциями позволяет проследить динамику формирования предметного состава фондов.

Понимание институциональных основ ранней музейфикации в Российской империи невозможно без изучения истории Кунсткамеры. Книга «Летопись Кунсткамеры» является ключевым источником, позволяющим проследить эволюцию этого учреждения, его роль в сборе и хранении древностей, а также влияние на формирование общеимперской политики в отношении артефактов (Летопись Кунсткамеры, 2014). Это позволяет увидеть, как первые коллекции, в том числе и те, что могли быть связаны с тюркским наследием, интегрировались в государственную систему хранения и изучения.

Трансформация государственной политики Российской империи в отношении музеев и археологического наследия глубоко проанализирована в труде «Музей и власть» (Музей и власть, 1991). Эта работа даёт возможность понять, как идеологические, политические и культурные установки влияли на процессы сбора, хранения, экспонирования и интерпретации археологических памятников, в том числе и тюркских изваяний. Применение выводов этой книги к контексту Казахстана позволяет выявить специфику региональной музейной политики и её зависимость от имперских директив.

Важные аспекты развития музейного дела в Казахстане, охватывающие более поздний период, осмыслены в работах казахстанских исследователей. Исследование Г.Ш. Файзуллиной и С.А. Асановой (Файзуллина, Асанова, 2022), а также работа А.Г. Ибраевой (Ибраева, 2012) об истории музейного дела Казахстана предоставляют ценный региональный контекст. Они позволяют увидеть, как имперская политика преломлялась на местном уровне, как формировались первые региональные музеи и как происходило становление собственных казахстанских подходов к сохранению и популяризации археологического наследия тюрков. Эти работы дают возможность сравнить процессы, происходившие в Казахстане, с общими тенденциями развития музейного дела в империи.

4. Результаты

Процесс музейфикации тюркских изваяний демонстрирует трансформацию роли музейных экспонатов, начиная с простого сбора в целях сохранения наследия и возможного изучения, заканчивая использованием данных артефактов в качестве предметов культурной идентичности (Khabdulina, Koshman, 2023).

В результате исследования обозначены этапы эволюции роли тюркских каменных изваяний: от необходимости изучения их как научных объектов, сбора их как предметов археологических коллекций и придания им просветительских функций.

Первым серьёзным исследованием каменных изваяний является доклад русского археолога, члена-корреспондента, почётного члена Петербургской Академии наук графа Алексея Сергеевича Уварова «К вопросу о каменных бабах», зачитанный на Первом археологическом съезде в Москве в 1869 г. Автор доклада проделал колоссальную работу по сбору основных материалов о предыдущих исследованиях, местонахождении, тщательном описании «каменных баб». Приведены изображения некоторых каменных изваяний, которые были обнаружены на территории Европы, России, Украины, Кавказа и Казахстана. Для обозначения каменных изваяний используются различные определения, такие как «каменные бабы», «баба», «истукан», «сибирская баба», «девица-камень», «старая-баба-камень», «девичий камень», «женская каменная баба», «женщина-камень», «мужчина-камень», «большая женщина», «колоссальная баба», «женский истукан», «каменный истукан» (Уваров, 1871).

А.С. Уваров также приводит сведения путешественника Гильома де Рубрука, естествоиспытателя и путешественника Петра Симона Палласа, академика Императорской академии наук и художеств Василия Федоровича Зуева, исследователя природы России Иоганна Петера Фалька, археолога и натуралиста Фредерика Дюбуа де Монперё, члена-корреспондента Петербургской академии наук Григория Ивановича Спасского (Уваров, 1871).

Опираясь на обзор сведений о каменных изваяниях и мнений, изложенных исследователями о происхождении этих памятников, граф Уваров привёл несколько заключений. Во-первых, различия в обработке говорят о том, что обнаруженные каменные изваяния относятся к разным периодам. Во-вторых, он делает попытку территориальной классификации по внешним признакам. В-третьих, изображения отдельных предметов вооружения, украшений и одежды являются признаками высокой степени развития и «доказывают развитие домашнего быта и домашних занятий» (Уваров, 1871:515). Также здесь отмечено, что наличие мужских и женских каменных изваяний является показателем равного положения между мужчинами и женщинами и «равного права на памятник». Следующий вывод звучит так: «Своеобразие всех этих истуканов и совершенное отсутствие подражаний греческой скульптуре неоспоримо доказывают, что ваяние развилось у этого народа совершенно самостоятельно и с полным сохранением народного характера» (Уваров, 1871: 515). И, наконец, в-пятых, в докладе была сделана попытка хронологической классификации каменных изваяний. Он делит их на 3 эпохи: 1. пограничный период между бронзовым и железным веками, 2. железный век, 3. VI век, «когда христианство начало распространяться в древней Сарматии или нынешнем Кавказском крае» (Уваров, 1871:517).

4.1. Сбор коллекций для сохранения историко-культурного наследия.

Важную роль в создании музеев, в том числе в сохранении памятников тюркской эпохи, сыграл Пётр I. Главным событием было открытие Кунсткамеры в 1714 году (Палаты Санктпетербургской...,

1741). Кунсткамера была задумана царём во время его первого путешествия в Европу, что дало большой толчок в развитии науки, например, открытию Академии наук.

1719 г. стал поворотным в истории Кунсткамеры – музей стал общедоступным для населения (Летопись Кунсткамеры, 2014: 4). На протяжении более ста лет коллекция Кунсткамеры как музея пополнялась, что привело к расширению и созданию узко специализированных отделов. Например, в 1818 г. по распоряжению президента Академии наук С.С.Уварова был создан «Восточный кабинет» – отделение для «медалей, рукописей и книг восточных». Важно также учитывать наследие Этнографического музея, который выделился, как и другие отделения Кунсткамеры, в 1836 г. В реестре этнографического материала находятся различные каменные изваяния, некоторые из них были обнаружены у побережья р. Абакан (Летопись Кунсткамеры, 2014: 4-5).

В 1718 г. был издан указ о «приносе родившихся уродов, а также найденных необыкновенных вещей во всех городах к Губернаторам и Коммендантам, о даче за принос оных награждения и о штрафе за утайку» (ПСЗРИ, 1718: 541). Помимо родившихся «уродцев», а также чучел различных животных, в перечне собираемых вещей были необыкновенные камни, костные останки людей и животных, «старые подписи» на камнях, железе или меди, «старое и ныне необыкновенное» оружие, посуда (ПСЗРИ, 1718: 542). Можно с уверенностью сказать, что с этого момента начался процесс охраны различных исторических памятников. Благодаря этому указу также началась экспедиция Даниэля Готлиба Мессершмидта.

Летом 1721 г. экспедиция вышла к долине реки Уйбат, где было открыто большое количество древних курганов, среди которых были стелы со скульптурными изображениями и фантастическими масками. Среди множества курганных стел были найдены и первые рунические надписи. В рукописи Д.Г. Мессершмидта «Sibiria Perlustrata» приводятся археологические материалы, обнаруженные в ходе экспедиций 1720-х гг. Среди них: каменные изваяния, наскальные изображения, культовые изделия, зооморфные изображения, в том числе изображения птиц, украшения, средневековые монеты, предметы конского снаряжения и вооружения, зеркала, металлические и глиняные сосуды, а также золотые зооморфные украшения. Согласно исследованиям Д.Г. Савинова данные находки охватывают период от раннескифского до монгольского времени по современной периодизации археологических памятников Южной Сибири (Савинов, 2021: 252-265).

Согласно атрибуции обнаруженных археологических материалов, некоторые предметы были сохранены, а судьба других памятников неизвестна. Например, каменное изваяние, открытое Д.Г. Мессершмидтом в 1722 г., в 1925 г. было вывезено С.А. Теплоуховым в Санкт-Петербург и до сих пор хранится в Российском этнографическом музее. А изваяние Куртуяк-таш («Старуха-камень» из Усть-Абаканской степи) с 1954 по 2003 г. хранилось в Абаканском музее (Липский, 1970: 6), а с 2003 года было перевезено на предыдущее место по требованию местных жителей, где были созданы специальные условия охраны памятника (Савинов, 2021: 255).

Немалую роль в создании музейных коллекций различных археологических предметов эпохи тюрок сыграл Туркестанский кружок любителей археологии. Во второй половине XIX в. большие территории Центральной Азии были под пристальным контролем Российской империи. Политическое и военное давление центра было направлено также и на исследовательскую деятельность по причине «вопиющего незнания географии, не говоря уже об экономике» (Наливкин, 1913: 60).

Многие исследователи XVIII-XIX вв. утверждали о том, что археология не была привлекательна для представителей администрации, поэтому в записях, письмах и других письменных материалах часто можно найти описания случаев вандализма в отношении исторических памятников (Веселовский, 1900: 10-11; Жебелев, 1948: 9). Завоевание Средней Азии, дальнейшее укрепление российских сил на этой территории, определение сфер влияния России и Англии, расширение сети железных дорог привели к большому интересу к прошлому и настоящему Туркестана.

В Туркестанском кружке любителей археологии особое место занимают коллекционеры и собиратели древностей. Большую часть коллекционеров привлекала нумизматика, но они также занимались сбором различных археологических материалов. Известно, что нумизматические коллекции были у генералов А.К. Абрамова (Самарканд, Ферганская долина), Н.Н. Головачева, А.С. Галкина (Кульджинский район), генерала А.В. Комарова (Ашхабад). О генерале Александре Виссарионовиче Комарове высказывались его современники – востоковед Владимир Густавович Тизенгаузен и археолог, нумизмат Алексей Константинович Марков, как о «неутомимом собирателе и любителе восточных монет» (Лунин, 1958: 38). Но кроме этого у генерала Комарова было немалое собрание ценных археологических материалов, которые он позже передал в дар Русскому археологическому обществу. А монеты дополнили нумизматическую коллекцию Эрмитажа.

4.2. Археологические коллекции как основа для исследования и популяризации.

Следующим шагом Петра Великого в сохранении и изучении историко-культурных ценностей было создание Петербургской Академии наук. Изначально главной целью Академии было распространение знаний и возможность обучать представителей местного населения в качестве будущих исследователей и членов Академии наук (Пекарский, 1870: 13-15). Петербургская Академия наук, позже названная Императорской, была учреждена указом Императора от 28 января 1724 г.,

согласно которому академики должны не только делать новые открытия, но и совершенствовать имеющиеся знания ([ПСЗРИ, 1724: 220-224](#)).

Вторая половина XIX в. является периодом формирования и расцвета археологии как науки. Именно в этот период стали известны имена таких археологов и востоковедов, как В. Радлов, В. Томсен, Н. Ядринцев, В. Бартольд, А. Уваров и др., внёсших большой вклад в изучение тюркского наследия. Кроме этого, увеличивалось количество разных институтов, развивающих археологию, таких как Исторический музей в Москве, Московское археологическое общество, Русское археологическое общество и др. ([Веселовский, 1900: 10-11](#)).

«Собиратели древностей», прибывшие на службу в южные земли Российской империи, охватывающие современные территории Центральной Азии, передавали свои коллекции в дар музеям в Ташкенте, Оренбурге, Самарканде, а также создавали свои собственные частные музеи. Вероятно, передача таких больших собраний археологических и нумизматических материалов связана с переездом или смертью самих коллекционеров, а также постепенным проникновением государства в систему научных познаний. Во второй половине XIX в. археология и этнография становятся самостоятельными историческими дисциплинами, поэтому наследие таких энтузиастов должно было быть под особым контролем государственных организаций ([Музей и власть, 1991: 51](#)). Настроение граждан пореформенной России высказал профессор Петербургского университета Константин Николаевич Бестужев-Рюмин: «Народ, желающий быть великим народом, должен знать свою историю... велик только тот народ, который ясно сознает свое историческое призвание... Музей – одно из самых могущественных средств к достижению народного самосознания» ([Музей и власть, 1991: 50](#)).

В связи с подобными изменениями в обществе, а также с отсутствием специальных мест для хранения археологических и нумизматических собраний, в июне 1896 г. члены Туркестанского кружка любителей археологии сделали запрос у местных властей о выделении особого помещения для музея, а также библиотеки Кружка. Первые попытки открыть музей не увенчались успехом, поэтому в 1890-х гг. археологическая коллекция была передана Ташкентскому Публичному музею под руководством секретаря Кружка, учёного Абубакира Ахметжановича Диваева. При передаче этих материалов представители Туркестанского кружка любителей археологии поставили несколько условий перед музеем: «В описи музея коллекция археологического Кружка должна быть записана особо, при новом поступлении археологических предметов Кружка в музей таковые должны также отмечаться, без ведома и разрешения Кружка археологические предметы его не могут быть ни передаваемы в другое место, ни уничтожаемы» ([Протоколы Туркестанского..., 1899: 93-94](#)).

Во второй половине XIX в. с постепенным развитием науки, открытием Русского географического общества и других научных и исследовательских учреждений Российской империи, всё чаще стоял вопрос о повсеместном открытии музеев. Перед учёными стояла задача не просто сохранить памятники от внешних угроз, но и изучать их в дальнейшем. В своей статье в газете «Восточное обозрение» русский путешественник Модест Богданов очень тонко отметил, что «наука не ценит ученойшего труда, если нет возможности видеть, осязать, изучать те вещественные материалы на которых они построены» ([Богданов, 1883: 3](#)). По его мнению, музеи должны открываться для того, чтобы проверить предыдущие выводы исследований.

Важным событием для истории казахского музейного дела является открытие музея в Семее в 1883 г. Музей был открыт при Статистическом комитете при поддержке военного и государственного деятеля, военного губернатора Семипалатинской области Александра Петровича Проценко ([Обзор Семипалатинской..., 1884](#)). До открытия отделов Русского географического общества на территории Казахстана музейным делом занимались прибывшие офицеры. Музей включал в себя коллекции антропологии, зоологии, истории и археологии, этнографии и естествознания. Имеются сведения о пополнениях музейной коллекции различными археологическими, этнографическими и историческими артефактами. Например, сотрудник отдела археологии Ф.Н. Педашенко собрал некоторые предметы каменного, бронзового и раннего железного веков с окрестностей Семипалатинска, которые описал в реферате к Протоколу общего собрания членов Семипалатинского Географического подотдела ([Педашенко, 1903](#)). Исследователями отмечено, что в Семипалатинском Областном музее коллекция средневековых каменных изваяний была собрана случайным образом и формировалась, в основном, в дореволюционный период ([Файзуллина, Асанова, 2022: 25](#)).

В 1888 г. сотрудники Семипалатинского музея в результате обработки и систематизации музейного фонда издали каталог археологической коллекции, в которой насчитывалось 85 предметов ([Адрианов, 1929: 5](#)).

В 1915 г. Н.И. Веселовский в своём обзоре не просто рассматривает методологические подходы к изучению, классификации каменных изваяний, но и ставит вопрос о состоянии памятников. Он приводит несколько государственных указов второй половины XIX в., в которых выражается обеспокоенность представителей администрации различных уровней о сохранности каменных изваяний. По мнению автора, даже министр внутренних дел Л.А. Перовский, отличавшийся «исключительной любовью к археологии» ([Веселовский, 1915: 13](#)), не смог справиться с представителями местных властей, которые не препятствовали в использовании каменных изваяний

в качестве строительного материала или предметов украшений в садах и усадьбах. Согласно информации, обнаруженной в государственных переписках, эти памятники были использованы в качестве дорожных знаков, для фундаментов церквей, для строительства мельниц, погребов и других зданий (Веселовский, 1915: 13-17).

Опираясь на исследование Н.И. Веселовского можно сделать вывод, что отсутствие определённой системы процесса изучения и охраны со стороны определённых исследовательских институтов, например, Императорской Академии наук, привело к частичному исчезновению археологических материалов эпохи тюрков. Например, в его работе приведены факты принятия решения низшими чинами об уничтожении «каменных баб»: «При переправе через мост р. Терешки, бросили болвана в воду, сказав, что он сам выпрыгнул из телеги» (Веселовский, 1915: 16). Такое попустительское отношение местных представителей административной системы царской России, за редким исключением, автор объясняет тем, что они не понимают и не ценят «предметы старины», тем самым уничтожая археологическое наследие.

В своём очерке А.А. Адрианов также отмечает упадок состояния Семипалатинского музея, ссылаясь на «бездоходное» посещение в отличие от библиотеки, которая «давала некоторый приток денежных средств в виде платы за пользование книгами» (Адрианов, 1929: 4). 21 июля 1893 г. Семипалатинский музей перешёл к Обществу Попечения о начальном образовании (Адрианов, 1929: 5).

Ситуация в сохранении и популяризации тюркского наследия начала стабилизироваться в начале XX в., а в дальнейшем укрепилась с приходом советской власти. Уже в 1903 г. в обзоре Семипалатинской области отмечено, что среди учреждений, «содействующих делу народного образования и преследующих просветительные цели», помимо библиотек имеется Областной музей (Обзор Семипалатинской, 1904: 77).

5. Заключение

Роль музеев выходит за рамки простого сохранения; они служат мостом между прошлым и настоящим, способствуя более глубокому пониманию культурной идентичности. Музеи Казахстана, основанные благодаря инициативам исследователей Российской империи, сыграли значительную роль в сохранении тюркского наследия. Они не только защищают археологические артефакты, такие как каменные изваяния, от природных и антропогенных угроз, но и служат центрами для исследований, образования и культурной преемственности. Усилия таких учреждений, как Кунсткамера и Туркестанский кружок любителей археологии, подчёркивают важность сотрудничества учёных и государственных учреждений в деле сохранения культурных ценностей и предметов древности по всей Центральной Азии.

Проведённое исследование позволило комплексно рассмотреть процесс музеефикации тюркских каменных изваяний на территории Казахстана в XVIII – начале XX в., продемонстрировав его сложный и многогранный характер. Мы проследили, как эти сакральные объекты ландшафта трансформировались в музейные экспонаты, становясь не просто объектами научного изучения, но и инструментами культурной идентификации и просвещения.

Изначально сбор тюркских древностей осуществлялся в рамках первых академических экспедиций под патронажем Кунсткамеры и Императорской Академии наук. Указ Петра I 1718 г. заложил институциональные основы для систематического сбора «необыкновенных вещей», что стало первым шагом к формированию музейных коллекций. На этом раннем этапе основной целью было сохранение артефактов от утраты, связанной как с природными, так и с антропогенными факторами, включая вандализм и использование камней в строительстве.

Ключевым этапом в развитии музеефикации стало становление Туркестанского кружка любителей археологии во второй половине XIX в. Деятельность членов кружка, включая таких выдающихся учёных, как В. Радлов и А. Уваров, не только значительно расширила археологические знания о тюркском наследии, но и способствовала формированию первых систематизированных коллекций, которые легли в основу региональных музеев в Ташкенте, Оренбурге, Семипалатинске и Алматы. На примере Семипалатинского Областного музея ярко видно, как музеи из простых хранилищ постепенно эволюционировали в просветительские центры.

Выводы А.С. Уварова, представленные в его докладе 1869 г., стали первым серьёзным шагом к научной классификации и осмыслению каменных изваяний, подчёркнув их ценность как исторических источников. Однако, несмотря на научные достижения и отдельные государственные инициативы, сохранялись значительные проблемы с охраной памятников на местах, о чём свидетельствуют наблюдения Н.И. Веселовского. Это подчёркивает неравномерность и сложность процесса музеефикации, где научный интерес соседствовал с недостаточным вниманием со стороны местных администраций.

Деятельность российских учёных в сохранении археологических памятников тюркской эпохи была многогранна и охватывала как академические, так и общественные инициативы. С одной стороны, такие учреждения, как Императорская Академия наук и Русское географическое общество, активно организовывали экспедиции, проводили исследования и публиковали научные труды, что значительно расширяло знания о тюркском наследии. Именно благодаря усилиям таких учёных, как

Д.Г. Мессершмидт, А.С. Уваров, В.В. Радлов, В.М. Веселовский, происходило выявление, описание и первичная классификация тюркских каменных изваяний и других археологических объектов. Они не только собирали артефакты, но и закладывали основы для их научного изучения.

С другой стороны, культурная политика Российской империи играла двойственную роль. С одной стороны, Пётр I инициировал создание Кунсткамеры и Академии наук, что стало фундаментом для развития музейного дела и археологической науки в России. Эти государственные учреждения способствовали сбору и сохранению древностей, в том числе из Центральной Азии. Во второй половине XIX в., с расширением влияния империи в Средней Азии, возрастал интерес к местным древностям. Создание таких организаций, как Туркестанский кружок любителей археологии, хоть и было инициативой местного научного сообщества, тем не менее, происходило в рамках имперской политики по изучению присоединённых территорий. Передача коллекций в государственные музеи и создание новых учреждений, таких как Областной музей в Семипалатинске, демонстрировали попытку централизовать и контролировать процесс сохранения наследия.

Однако, с другой стороны, имперская культурная политика не всегда была последовательной и эффективной в вопросах охраны памятников на местах. Несмотря на отдельные указы и инициативы, зачастую отсутствовал действенный механизм контроля за сохранностью артефактов. Случаи вандализма, использования каменных изваяний в хозяйственных целях, отмеченные многими исследователями того времени, свидетельствуют о том, что централизованная политика не всегда достигала периферии или сталкивалась с безразличием местных властей. Таким образом, процесс сохранения археологических памятников тюркской эпохи был результатом сложного взаимодействия научного энтузиазма, государственных инициатив и зачастую недостаточного понимания ценности наследия на местах.

В заключение, процесс музеефикации тюркских каменных изваяний в рассматриваемый период демонстрирует постепенный переход от хаотичного сбора к систематическому сохранению, научному изучению и активной популяризации археологического наследия. Музеи трансформировались из простого хранилища «древностей» в важные институты, способствующие не только академическим исследованиям, но и формированию исторического самосознания, играя ключевую роль в диалоге между прошлым и настоящим.

Литература

- Адрианов, 1929 – Адрианов А.А. Краткий исторический очерк Семипалатинского музея. Вып. 2. Семипалатинск, 1929. 16 с.
- Бартольд, 1897 – Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894. СПб., 1897. 151 с.
- Богданов, 1883 – Богданов М. Несколько слов о деятельности Сибирских ученых учреждений // *Восточное обозрение*. 1883. № 13. С. 2-3.
- Веселовский, 1900 – Веселовский Н.И. История Императорского Русского Археологического Общества за первое десятилетие его существования, 1846–1896. СПб., 1900. 515 с.
- Веселовский, 1915 – Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах». Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Т. XXXII. Одесса, 1915. 40 с.
- Жебелев, 1948 – Жебелев С.А. Археолог-энтузиаст (Памяти А.А. Спицына) // *Советская археология*. 1948. X. С. 9-11.
- Ибраева, 2012 – Ибраева А.Ф. Қазақстан музейлері: тарих және тағылым. Астана, 2012. 536 б.
- Летопись Кунсткамеры – Летопись Кунсткамеры. 1714–1836. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 740 с.
- Липский, 1970 – Липский А.Н. Енисейские изваяния (Путеводитель). Абакан, 1970. 20 с.
- Лунин, 1958 – Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895-1917 гг.). Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1958. 320 с.
- Музей и власть, 1991 – Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XIX вв.). М., 1991. 323 с.
- Наливкин, 1913 – Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.
- Обзор Семипалатинской..., 1884 – Обзор Семипалатинской области за 1883 год. Семипалатинск: Типография Семипалатинского Областного Правления, 1884. 80 с.
- Обзор Семипалатинской..., 1904 – Обзор Семипалатинской области за 1903 год. Семипалатинск: Типография Семипалатинского Областного Правления, 1904. 76 с.
- Палаты Санктпетербургской..., 1741 – Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук Библиотеки и Кунсткамеры: Которых представлены планы, фасады и профили, приписанные ей императорскому высочеству государыне великой княгине и правительнице всея России. СПб., 1741. 16 с.
- Педашенко, 1903 – Педашенко Ф.Н. Реферат Педашенко об археологических находках в окрестностях г. Семипалатинска / *Отчет о деятельности Семипалатинского подотдела РГО*. Семипалатинск, 1903. С. 14-28.
- Пекарский, 1870 – Пекарский П. История Императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1870. 817 с.

- [ПСЗРИ, 1718](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1649–1825). Т. 5 (1713–1719): Законы № 2620–3479. С. 541–542.
- [ПСЗРИ, 1724](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1649–1825). Т. 7 (1723–1727): Законы № 4137–5219. С. 220–224.
- [Протоколы Туркестанского..., 1899](#) – Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. 1899. IV.
- [Путевой журнал..., 2021](#) – Путевой журнал Даниэля Готлиба Мессершмидта. Научная экспедиция по Енисейской Сибири. 1721–1725 годы. Красноярск: РАСТР, 2021. 496 с.
- [Радлов, 1893](#) – *Радлов В.В.* Атлас древностей Монголии [Атлас] (Труды Орхонской экспедиции). Вып. 2. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1892–1899, 1893. 28 с.
- [Савинов, 2021](#) – *Савинов Д.Г.* Культурно-хронологическая атрибуция рисунков памятников археологии из рукописи Д.Г. Мессершмидта «Sibiria Perlustrata». СПб.: «Реноме», 2021. С. 252–265.
- [Уваров, 1871](#) – *Уваров А.С.* К вопросу о каменных бабах // *Труды Первого археологического съезда в Москве*. 1869. Т. II. М., 1871. С. 501–520.
- [Файзуллина, Асанова, 2022](#) – *Файзуллина Г.Ш., Асанова С.А.* Музейное дело Казахстана: вопросы истории и практики. Алматы: Университет “Туран”, 2022. 344 с.
- [Ядринцев, 1885](#) – *Ядринцев Н.М.* Древние памятники и письма в Сибири. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1885. 23 с.
- [Ibrayeva, Sydykov, 2024](#) – *Ibrayeva A.G., Sydykov A.Zh.* Theoretical and Methodological foundations for Creating a Historical Exhibition in the Museums of Kazakhstan // *Turkic Studies Journal*. 2024. № 6(3). Pp. 122–138.
- [Khabdulina, Koshman, 2023](#) – *Khabdulina M.K., Koshman T.V.* Historical and Cultural Landscape of the Terisakkan-Ishim Region // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1797–1808.

References

- [Adrianov, 1929](#) – *Adrianov, A.A.* (1929). Kratkij istoricheskij ocherk Semipalatinskogo muzeya [A brief historical sketch of the Semipalatinsk Museum]. Vyp. 2. Semipalatinsk, 16 p. [in Russian]
- [Bartold, 1897](#) – *Bartold, V.V.* (1897). Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoj celyu [A report on a trip to Central Asia for scientific purposes. 1893–1894]. 1893–1894. Sankt-Peterburg. 151 p. [in Russian]
- [Bogdanov, 1883](#) – *Bogdanov, M.* (1883). Neskolko slov o deyatel'nosti Sibirskih uchenyh uchrezhdenij [A few words about the activities of Siberian scientific institutions]. *Vostochnoe obozrenie*. 13: 2–3. [in Russian]
- [Fajzullina, Asanova, 2022](#) – *Fajzullina, G.Sh., Asanova, S.A.* (2022). Muzeinoe delo Kazakhstana: voprosy istorii i praktiki [Museum business of Kazakhstan: issues of history and practice]. Almaty: Universitet “Turan”, 344 p. [in Russian]
- [Ibrayeva, 2012](#) – *Ibrayeva, A.G.* (2012). Qazaqstan muzejleri: tarih zhane tagylym [Museums of Kazakhstan: history and teaching.]. Astana, 536 p. [in Kazakh]
- [Ibrayeva, Sydykov, 2024](#) – *Ibrayeva, A.G., Sydykov, A.Zh.* (2024). Theoretical and Methodological foundations for Creating a Historical Exhibition in the Museums of Kazakhstan. *Turkic Studies Journal*. 6(3): 122–138.
- [Khabdulina, Koshman, 2023](#) – *Khabdulina, M.K., Koshman, T.V.* (2023). Historical and Cultural Landscape of the Terisakkan-Ishim Region. *Bylye Gody*. 18(4): 1797–1808.
- [Letopis Kunstkamery](#) – *Letopis Kunstkamery*. 1714–1836 [The Chronicle of the Kunstkamera. 1714–1836]. SPb:MAE RAN, 2014. 740 p. [in Russian]
- [Lipskij, 1970](#) – *Lipskij, A.N.* (1970). Enisejskie izvayaniya (Putevoditel) [The Yenisei sculptures (Guidebook)]. Abakan, 20 p. [in Russian]
- [Lunin, 1958](#) – *Lunin, B.V.* (1958). Iz istorii russkogo vostokovedeniya i arheologii v Turkestane. Turkestanskij kruzhok lyubitelej arheologii (1895–1917 gg.) [From the history of Russian Oriental Studies and archeology in Turkestan. Turkestan Circle of Archeology Lovers (1895–1917)]. Tashkent: Izd-vo AN Uzbekskoj SSR. 320 p. [in Russian]
- [Muzej i vlast, 1991](#) – *Muzej i vlast*. Gosudarstvennaya politika v oblasti muzejnogo dela (XVIII–XIX vv.) [The museum and the government. State policy in the field of museum business (XVIII–XIX centuries)]. М., 1991. 323 p. [in Russian]
- [Nalivkin, 1913](#) – *Nalivkin, V.P.* (1913). Tuzemcy ranshe i teper [Natives before and now]. Tashkent. [in Russian]
- [Obzor Semipalatinskoj..., 1884](#) – *Obzor Semipalatinskoj oblasti za 1883 god* [Overview of the Semipalatinsk region in 1883]. Semipalatinsk: Tipografiya Semipalatinskogo Oblastnogo Pravleniya, 1884. 80 p. [in Russian]
- [Obzor Semipalatinskoj..., 1904](#) – *Obzor Semipalatinskoj oblasti za 1903 god* [Overview of the Semipalatinsk region in 1903]. Semipalatinsk: Tipografiya Semipalatinskogo Oblastnogo Pravleniya, 1904. 76 p. [in Russian]
- [Palaty Sanktpeterburgskoj..., 1741](#) – *Palaty Sanktpeterburgskoj Imperatorskoj Akademii nauk Biblioteki i Kunstkamery* : Kotoryh predstavleny plany, fasady i profili, pripisannyaya eya imperatorskomu

vysochestvu gosudaryne velikoj knyagine i pravitel'nice vseya Rossii [The Chambers of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences, Libraries and Kunstkamera: Which feature plans, facades and profiles attributed to Her Imperial Highness the Grand Duchess and Ruler of All Russia]. Sankt Peterburg, 1741. 16 p. [in Russian]

Pedashenko, 1903 – *Pedashenko, F.N.* (1903). Referat Pedashenko ob arheologicheskikh nahodkakh v okrestnostyah g. Semipalatinska [Pedashenko's abstract on archaeological finds in the vicinity of Semipalatinsk]. Otchet o deyatel'nosti Semipalatinskogo podotdela RGO. Semipalatinsk. Pp. 14–28. [in Russian]

Pekarskij, 1870 – *Pekarskij, P.* (1870). Istoriya Imperatorskoj Akademii nauk [History of the Imperial Academy of Sciences]. Vol I. Sankt-Peterburg. 817 p. [in Russian]

Protokoly..., 1899 – Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubitelej arheologii [Protocols of the Turkestan Archeology Lovers' Circle]. 1899. IV. [in Russian]

PSZ RI, 1718 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobranie (1649–1825). T. 5 (1713–1719): Zakony № 2620–3479. Pp. 541–542. [in Russian]

PSZ RI, 1724 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. T. 7 (1723–1727): Zakony № 4137–5219. Pp. 220–224. [in Russian]

Putevoj zhurnal..., 2021 – Putevoj zhurnal Danielya Gotliba Messerschmidta. Nauchnaya ekspediciya po Enisejskoj Sibiri. 1721–1725 gody [Travelogue by Daniel Gottlieb Messerschmidt. Scientific expedition to Yenisei Siberia. 1721–1725 years]. Krasnoyarsk: RASTR, 2021. 496 p. [in Russian]

Radlov, 1893 – *Radlov, V.V.* (1893). Atlas drevnostej Mongolii [Atlas] (Trudy Orhonskoj ekspedicii) [Atlas of Mongolia's Antiquities [Atlas] (Proceedings of the Orkhon expedition)]. Vyp. 2. SPb: tip. Imp. Akad. nauk, 1892–1899, 1893. 28 p. [in Russian]

Savinov, 2021 – *Savinov, D.G.* (2021). Kulturno-hronologicheskaya atribuciya risunkov pamyatnikov arheologii iz rukopisi D.G. Messerschmidta «Sibiria Perlustrata» [Cultural and chronological attribution of drawings of archaeological monuments from D.G. Messerschmidt's manuscript “Sibiria Perlustrata”]. SPb. : «Renome». Pp. 252–265. [in Russian]

Uvarov, 1871 – *Uvarov, A.S.* (1871). K voprosu o kamennyh babah [To the issue of the stone women]. Trudy Pervogo arheologicheskogo s"ezda v Moskve. T. II. M. Pp. 501–520. [in Russian]

Veselovskij, 1900 – *Veselovskij, N.I.* (1900). Istoriya Imperatorskogo Russkogo Arheologicheskogo Obshchestva za pervoe desyatiletie ego sushhestvovaniya, 1846–1896 [The history of the Imperial Russian Archaeological Society in the first decade of its existence, 1846–1896]. SPb. 515 p. [in Russian]

Veselovskij, 1915 – *Veselovskij, N.I.* (1915). Sovremennoe sostoyanie voprosa o «kamennyh babah» ili «balbalah». Zapiski Imperatorskago Odesskago Obshchestva Istorii i Drevnostej [The current state of the issue of “stone women” or “balbals”. Notes of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities]. T. XXXII. Odessa, 40 p. [in Russian]

Yadrincev, 1885 – *Yadrincev, N.M.* (1885). Drevnie pamyatniki i pisma v Sibiri [Ancient monuments and writings in Siberia]. Sankt-Peterburg: Tipografiya I.N. Skorohodova. 23 p. [in Russian]

Zhebelev, 1948 – *Zhebelev, S.A.* (1948). Arheolog-entuziast (Pamyati A.A. Spicyna) [An enthusiastic archaeologist (In memory of A.A. Spitsyn)]. *Sovetskaya arkheologiya*. X: 9–11. [in Russian]

Роль российских исследователей XVIII–XIX вв. в музеефикации тюркских каменных изваяний на территории Казахстана

Марал Калымжановна Хабдулина ^a, Аягоз Канатовна Султанова ^{a, *}

^a Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. Во второй половине XIX в. на территории Казахстана появились первые музеи, и в их открытия большую роль сыграла деятельность Туркестанского кружка любителей археологии и Императорского Русского Географического общества. В этот период формирование музейного дела в регионе шло под влиянием культурной политики Российской империи. Первыми объектами изучения для российских исследователей, проникавших в казахские степи, стали каменные изваяния тюркского периода. Именно они, будучи наиболее заметными и привлекательными для исследователей, стали экспонатами первых музейных экспозиций. Уже в XIX в. была осознана значимость этих артефактов для исторической науки, а также возникла острая необходимость в их сохранении и популяризации.

Цель статьи – показать сложный процесс перевода каменных изваяний из объекта природного ландшафта в полноценные музейные экспозиции. Для достижения этой цели в работе особое внимание уделяется этапам музеефикации тюркских каменных изваяний, начиная с первых

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gozka16@gmail.com (А.К. Султанова)

археологических исследований и сбора артефактов в XVIII в. и заканчивая созданием музеев, способствовавших их сохранению.

При изучении процесса формирования музейной коллекции тюркских изваяний были использованы хронологический и историко-генетический метод, для проведения сравнений применялись источниковедческий метод и метод контент-анализа документов.

Статья акцентирует внимание на трансформации деятельности и роли музеев. Они эволюционировали от простых хранилищ до активных центров по сохранению, исследованию и популяризации археологических находок, а также их использованию в целях просвещения для разных категорий посетителей.

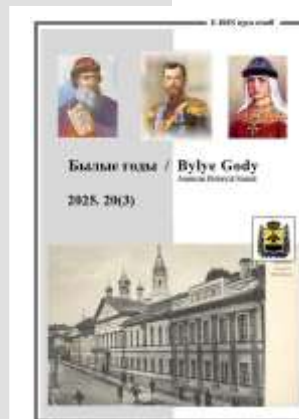
Ключевые слова: музеефикация, Кунсткамера, экспозиция, Казахстан, древнетюркская культура, каменные изваяния, Туркестанский кружок любителей археологии.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1095-1104
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1095

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Masonic Organizations in the Russian Empire (XVIII century): Structure and Personalities

Anvar M. Mamadaliev ^{a, b, c, *}

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c East European Historical Society, Russian Federation

Abstract

The manuscript is devoted to the study of the structure of Masonic organizations in the Russian Empire in the XVIII century. The material of the work includes memoir sources, published documents (interrogation materials), as well as pre-revolutionary, foreign and modern historiography. The research is based on such methods of historical research as historical-systematic, classification, synthesis and content analysis.

In conclusion, the authors note that the structure of Russian Freemasonry of the XVIII century included three types of Masonic lodges:

– The "English" system of Masonic lodges. The earliest three-stage system in Russia, in which members ascended the steps of "pupil" – "apprentice" – "master".

– The Yelabuga system of Masonic lodges. The next in terms of time of appearance in Russia. It is associated with the name of I.P. Yelabugin. Four more new degrees have been added to the first three degrees, which does not allow it to be fully called the "English" system. In general, there is reason to call it the "Russian" system of Freemasonry. It included the Grand Provincial Lodge and 14 subordinate lodges. It became very widespread in the Russian Empire.

– The "Swedish" system of Masonic lodges. The most recent system that appeared in Russia. It is a complex, strictly centralized hierarchical system, which retains the original three-stage system, but the number of levels has been increased to three. Brought to Russia by P.B. Reichel. It was based on the Zinnendorf Charter.

After the French Revolution, Catherine II began prohibitive activities against Freemasons, and her son Pavel began her policy of restricting Freemasonry in the Russian Empire.

Keywords: masons, freemasonry, freemasonry in the Russian Empire, Russian Freemasonry, masonic lodges in Russia.

1. Введение

Масоны в Российской империи всегда привлекали внимание высших слоёв общества, и отношение к ним менялось порой диаметрально противоположно – от всемерной поддержки, признания и покровительства до ненависти, запретов и «забытия» (не без помощи цензуры).

В данной работе мы постараемся коротко ответить на некоторые вопросы, связанные с масонством в Российской империи, в частности, откуда оно появилось в России и с какой целью, какие силы были его главными сторонниками и противниками, кто из известных личностей поддерживал масонство, кто старался его запретить и пр.

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

2. Материалы и методы

Материалами послужили мемуарные источники, в частности, воспоминания Ш. Массона (Masson, 1800), документированные источники (например, *Донесение о масонах, 1862*), некоторые труды дореволюционных авторов (в частности, П.П. Пекарского, А.Н. Пыпина (Пыпин, 1916) и др.), некоторые зарубежные труды, например, А. МакКиллоп, С. Мердох (MacKillop, Murdoch, 2003), а также новейшие исторические исследования, опубликованные в периодических изданиях, в частности таких авторов, как Ю.Е. Кондаков (Кондаков, 2017; Кондаков, 2024), М.А. Войтович (Войтович, 2019), А.А. Дмитриева (Дмитриева, 2023), А.О. Иванов (Иванов, 2023), Р.Е. Селеверстов (Селеверстов, 2024), В.С. Белых (Белых, 2011), А.В. Дмитриев (Дмитриев, 2022), Ю.В. Назарова (Назарова, 2012a; Назарова, 2012b), Г.В. Гусева, Е.Н. Григорьев (Гусева, Григорьев, 2023), Л.Н. Вдовина (Вдовина, 2024), М.А. Карвелис (Карвелис, 2010), К.Ч. Со (Со, 2012), П.Д. Николаенко (Николаенко, 2012), А.И. Серков (Серков, 2014), В.А. Ермаков, А.А. Андросов (Ермаков, Андросов, 2017), С.П. Карпачев (Карпачев, 2014), С.Е. Киясов (Киясов, 2011), Т.Г. Фурман (Фурман, 2024), Д.В. Цветков (Цветков, 2023), Э.А. Колесник (Колесник, 2019) и др.

В качестве методической основы применялись такие методы, как:

- Историко-системный: использовался для анализа структуры российских масонских лож в неразрывной связи с внутри- и внешнеполитической обстановкой в Российской империи в XVIII веке;
- Метод классификации: позволил структурировать многочисленные масонские организации в две системы: английскую (упрощенную) и шведскую (сложную, строго иерархичную);
- Метод синтеза: применён для формулирования результатов и выводов исследования на основе историографического анализа;
- Контент-анализ: задействован для изучения содержания историографии по проблемам масонства в России.

3. Обсуждение

Работ, посвящённых русскому масонству, весьма много. В дореволюционной России эта тема была отчасти табуирована, поэтому трудов, посвящённых его деятельности в Российской империи, относительно немного. Советские историки также не жаловали эту тему, считая порочной саму суть монархической власти, к которой относили все издержки абсолютизма, такие как крепостное право, отсталые формы производства, произвол власти и угнетение большей части общества и, конечно же, масонство, как часть тлетворного влияния наших европейских недоброжелателей. Поэтому, большей частью, тема русского масонства стала востребована под конец существования Советского государства как следствие ослабления цензуры, и в современный период.

Историки постсоветской России весьма неоднозначно относились к российским масонским ложам: одни авторы считали их средоточием передовых идей и гуманизма, другие – эффективным идеологическим оружием европейских противников, разрушающим основы православной религии и общества.

С учётом многообразия, мы решили ограничить историографический обзор только новейшими работами, а именно – последних полутора десятилетий. Сразу укажем, что библиографический список является неполным, однако делать полный историографический анализ всех доступных источников по проблеме русского масонства мы считаем нецелесообразным.

Из фундаментальных исследований отметим монографию Ю.Е. Кондакова «“Рыцарские” системы масонства в России: 1772–1822», в которой на основе широкого круга архивных источников, многие из которых были впервые введены в научный оборот, делается анализ масонских лож в конце XVIII – начале XIX века, особенностей их структуры за рубежом и дополнительных степеней в России, исследование так называемой «шведской системы» и «исправленного шотландского устава», а также известных российских персоналий-сторонников масонства, в частности И.П. Елагина и др. (Кондаков, 2017).

Что касается статей в периодических научных и научно-религиозных изданиях (религиозную, научно-популярную и публицистическую литературу в данном исследовании мы не рассматриваем), то, как уже указывалось выше, количество их достаточно велико.

М.А. Войтович (Войтович, 2019), А.А. Дмитриева (Дмитриева, 2023), А.О. Иванов (Иванов, 2023), Р.Е. Селеверстов (Селеверстов, 2024) дают общую характеристику русского и российского масонства, В.С. Белых освещает масонство и его трансформацию в Российской империи в период от Петра I до Екатерины II (Белых, 2011).

Влияние масонства на политику Екатерины II, Павла I и Александра II раскрывает А.В. Дмитриев (Дмитриев, 2022), Ю.В. Назарова, Г.В. Гусева и Е.Н. Григорьев освещают роль и место масонства в революционных событиях начала XX века (Гусева, Григорьев, 2023) и его влияние на политику либерализма (Назарова, 2012a),

Л.Н. Вдовина анализирует мотивы ментальных предпочтений русского дворянского сословия в XVIII веке, включая идеи масонства и вольтеррианства (Вдовина, 2024), а М.А. Карвелис (Карвелис, 2010), Ю.В. Назарова (Назарова, 2012b) – философские и этические взгляды представителей русского масонства. Образ русских масонов XVIII века освещает К.Ч. Со (Со, 2012), символизм в обрядах масонства изучает Ю.Е. Кондаков (Кондаков, 2024).

П.Д. Николаенко (Николаенко, 2012), А.И. Серков (Серков, 2014) исследуют процесс запрета масонства в России, В.А. Ермаков и А.А. Андросов освещают проблему «масонского заговора» во второй половине XVIII – начале XX века (Ермаков, Андросов, 2017). Работы С.П. Карпачева (Карпачев, 2014), С.Е. Киясова (Киясов, 2011), Т.Г. Фурман (Фурман, 2024), Д.В. Цветкова (Цветков, 2023) посвящены влиянию зарубежных идей и персоналиям иностранных русско-масонских деятелей в Российской империи.

Проблемы преподавания в школьном курсе русско-масонского феномена освещает Э.А. Колесник (Колесник, 2019).

В целом можно отметить, что проблема масонства в Российской империи и отдельные его аспекты освещены достаточно полно.

4. Результаты

Как известно, впервые масонство появилось в России при Петре I (Mamadaliyev, 2025: 532-539), который был апологетом западной культуры. Предположительно, первым масоном стал сподвижник, доверенное лицо и «серый кардинал» правительства молодого царя, француз на русской службе Франц Яковлевич Лефорт (Франсуа Якоб Ле Форт) (Бельх, 2011: 39). Лефорт имел огромное влияние на молодого Петра, был незаменимым человеком в его окружении и, вероятно, сам был масоном, убедив и царя в пользу масонских идей.

Также, первым масоном считают и другого иностранца на русской службе – шотландца Петра Ивановича Гордона (Патрик Гордон), который был значительно старше Лефорта и значительно раньше поступил на русскую службу, ещё при царе Алексее Михайловиче. Гордон был католиком и преданным якобитом, однако некоторые историки полагают, что именно он был основателем масонства в Российском государстве (см., напр., Войтович, 2019; Селеверстов, 2024 и др.).

Вместе с тем каких бы то ни было доказательств масонства Гордона и Лефорта не имеется, о чём также напрямую указывают авторы. Поэтому масонство указанных русских чиновников является не более чем мифом.

Был ли сам Пётр I масоном, неизвестно: большинство авторитетных историков русского масонства (в частности, В.С. Брачев: см. Брачев, 2000) дают отрицательный ответ.

Задокументированным свидетельством начала масонства в России стало назначение российским провинциальным великим мастером Джона Филиппа, великого мастера Великой ложи Англии в 1731 году.

Массовое же распространение масонства начал шотландский дворянин на русской службе Яков Вилимович Кейт (Джеймс Фрэнсис Эдвард Кейт или Якоб фон Кайт). Именно Кейта западная историография считает основателем масонства в России (см., напр., MacKillop, Murdoch, 2003: 103). Однако вплоть до 1744 года (отъезда Кейта из России и поступления на службу в Пруссию), по мнению многих историков (к примеру, того же В.С. Брачева, Брачев, 2000), масонами в Русском государстве были лишь иностранцы на русской службе.

Так или иначе, но именно с именем Кейта связывают массовое распространение масонства в России, к которому стали примыкать и русские дворяне.

Первоначально масонские ложи были английского толка. Современные историки ссылаются на труд дореволюционного историка А.Н. Пыпина «Русское масонство. XVIII – первая четверть XIX вв.», называя структуру масонских лож при Елизавете I Петровне, которая включала такие ложи, как «Скромности» или «Молчаливости» (1750 года или ранее), «Постоянства» (1762), «Счастливого согласия» (1762) и др. (Пыпин, 1916: 498-499).

Задокументировано (в частности, Донесение о масонах, 1862) из допросов Н.А. Головина (внука «петровского» генерал-адмирала и фельдмаршала Ф.А. Головина) 1747 года, что он был завербован в масоны в начале 1740-х годов во времяграничной службы в Пруссии; за границей также были завербованы К.Г. Разумовский (младший брат фаворита и де-факто супруга Елизаветы Петровны Алексея Разумовского), а также З.Г. Чернышов (генерал-фельдмаршал при Екатерине II) и И.Г. Чернышов (генерал-фельдмаршал на флоте и де-факто глава адмиралтейств-коллегии). То есть, задокументированное привлечение русских дворян к масонству начинается с правления Елизаветы. Также в числе масонов указываются М. Олсуфьев, Р.И. Воронцов (предок известного рода Воронцовых-Дашковых, отец Е.Р. Дашковой), М. Дашков, С. Трубецкой, С. Мещерский, В. Голицын, А. Голицын, Ф. Голицын, П. Бутурлин, М. Щербатов, А. Сумароков, И. Болтин, Ф. Мамонов, С. Пушкин (отец поэта А.С. Пушкина) и др. Большую часть указанных фамилий составляли офицеры гвардии, то есть Семёновского и Преображенского полков. Другими масонами, но уже иностранными подданными, были Б.-К. Миних, И.А. Корф и Н.В. Корф, Г.В. фон Будберг (Брачев, 2000: 59).

Императрица Екатерина II поначалу относилась к масонству терпимо в силу внешней привлекательности его идей. До ориентировочно 70-х годов XVIII века в России превалировало английское масонство лож трёх степеней («градусов»). Степенями лож в масонстве принято называть их уровни – ученические, продвинутые (уровня «подмастерье», англ. fellow craft) и мастерские: «мастера» имели право заседать во всех трёх ложах, «подмастерья» – только в ученической и продвинутой, и, соответственно, ученики только в ученических.

Однако с конца 70-х – начала 80-х годов в России начинает распространяться так называемая «шведская система», основанная на рыцарских/высоких степенях и включении в идеологию большого количества мистических элементов.

«Шведский устав» провозглашал несколько лож – от младшей к старшим. Первой ступенью являлась ложа Св. Иоанна, управляемая «досточтимым мастером», которая включала в себя вышеуказанные три градуса/уровня – ученик, подмастерье, мастер, заимствованная из английской системы. Следующая ступень – ложа Св. Андрея под управлением «высокопочтимого мастера», также включает три градуса – сдвоенный 4-й и 5-й (соответственно ученик и подмастерье Св. Андрея) и 6-й уровень мастера Св. Андрея. Высшей ложей в шведской системе был так называемый «Верховный капитул» под управлением «мудрейшего мастера капитула», состоящий из 4-х уровней: рыцарь Востока, рыцарь Запада, доверенный брат Иоанновской ложи и доверенный брат Андреевской ложи. Во главе шведской системы стоял «мудрейший мастер ордена».

Как видим, «Шведский устав», в отличие от «английской системы», предполагает весьма жёсткую иерархию.

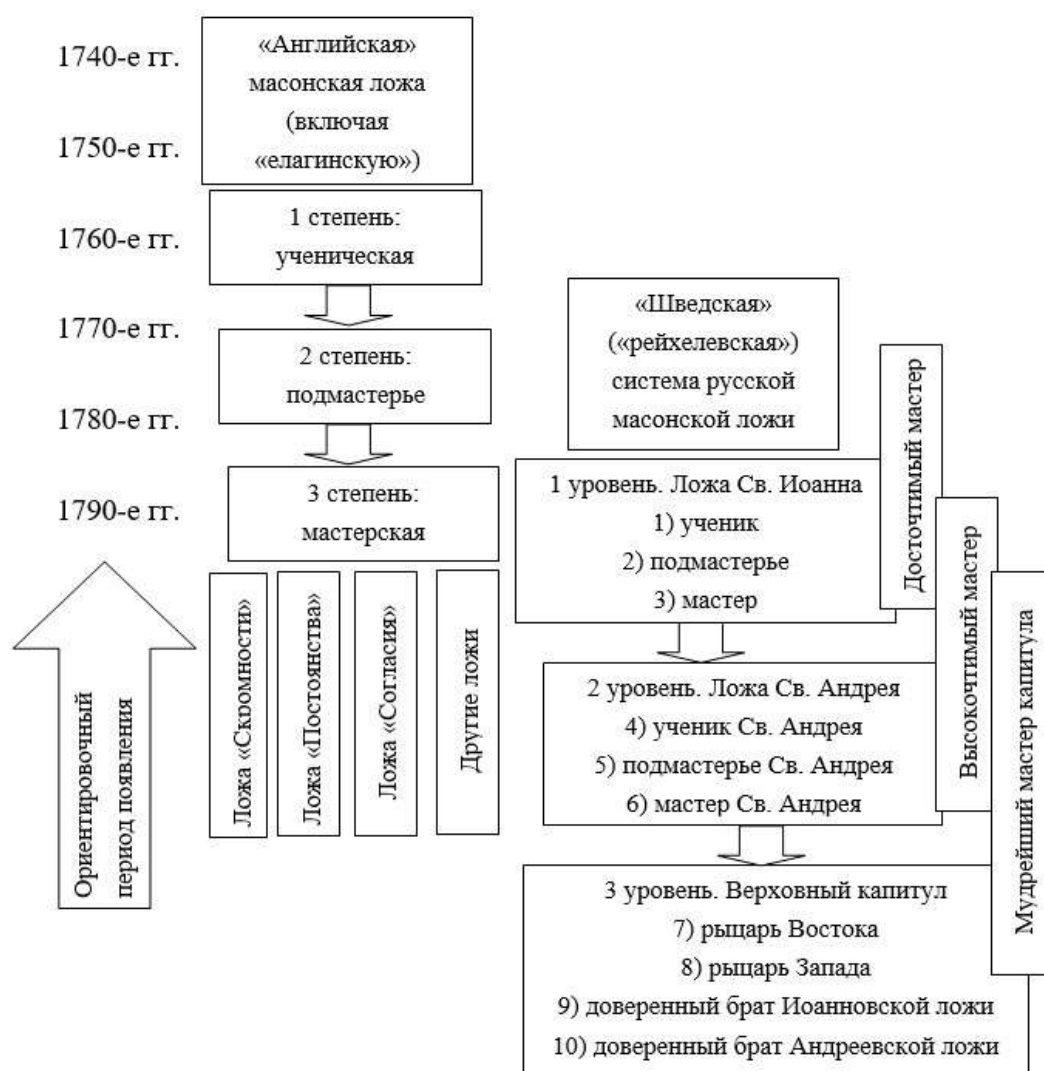

Рис. 1. Структура масонских лож в Российской империи в XVIII веке

Предусматривались также и почётные степени, которые стояли вне иерархии ордена: рыцарь-командор, мастер храма, Светлейший брат Красного креста (символикой шведской системы масонства был Красный крест Св. Георга). Масоны «градусов» с 8-го по 10-й в Российской империи не присутствовали, осуществляя, так сказать, мировое господство.

Общая схема масонских лож в России в XVIII веке обозначена на Рисунке 1 (Рисунок 1).

В 1772 году обер-гофмейстер (глава управделами императорского двора) Екатерины – И.П. Елагин приводит в Россию масонство немецкого толка (ложа «Роял Йорк» в г. Берлин, филиал британской Первой великой ложи). «Елагинскую ложу», в целом, можно отнести к «английской системе» масонства. Сам Елагин был весьма предан императрице; при Петре III отправлен в ссылку, но возвращён и вознаграждён практически сразу при воцарении Екатерины. Елагин был доверенным

лицом фаворита императрицы С. Понятовского, который и познакомил его с Екатериной. Императрица также весьма ценила Ивана Перфильевича и доверяла ему; его отличали честность, прямолинейность и личная преданность Екатерине.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что императрица разрешила Елагину такое «баловство», тем более, что идеи масонства до определённой поры казались ей весьма привлекательными и были отчасти схожи с любимым для неё вольтерианством.

Энергичность и честолюбие патентованного в Англии грандмастера провинциальной грандложи И.П. Елагина привели к тому, что он создал широкую сеть масонских лож английского образца, которые стали конкурировать со шведомасонскими ложами. Более того, стараясь максимально популяризировать свою тайную организацию, Елагин привлёк в свой «лагерь» известных историков, в частности М.М. Щербатова, И.Н. Болтина и А.П. Сумарокова, поэтому деятельность «елагинской ложи» является наиболее известной и популярной и, как следствие, хорошо изученной историками.

Елагин вместе с графом Р.И. Воронцовым (который числился в ложе наместным мастером), сенатором, генерал-майором А.Л. Щербачевым и князем И.В. Несвицким, ставшим при Павле I обер-шенком (главной задачей которого было наблюдение за супругой императора на предмет ограждения её от любовных связей; сам Несвицкий, по свидетельству современников, был «достаточно ничтожным» для такой связи; [Masson, 1800](#)), управлял великой ложей, которой, в свою очередь, подчинялись 14 других лож (см. [Рисунок 2](#)). Елагинские ложи включали около 400 членов ([Гриб, 2011: 47](#)). Однако сохранить трёхуровневую систему Елагину не удалось, в результате чего появились ещё четыре степени, поэтому «елагинскую» систему масонства следует считать либо симбиозом англо-шведской системы, либо выделить в самостоятельную, «русскую» систему масонства.

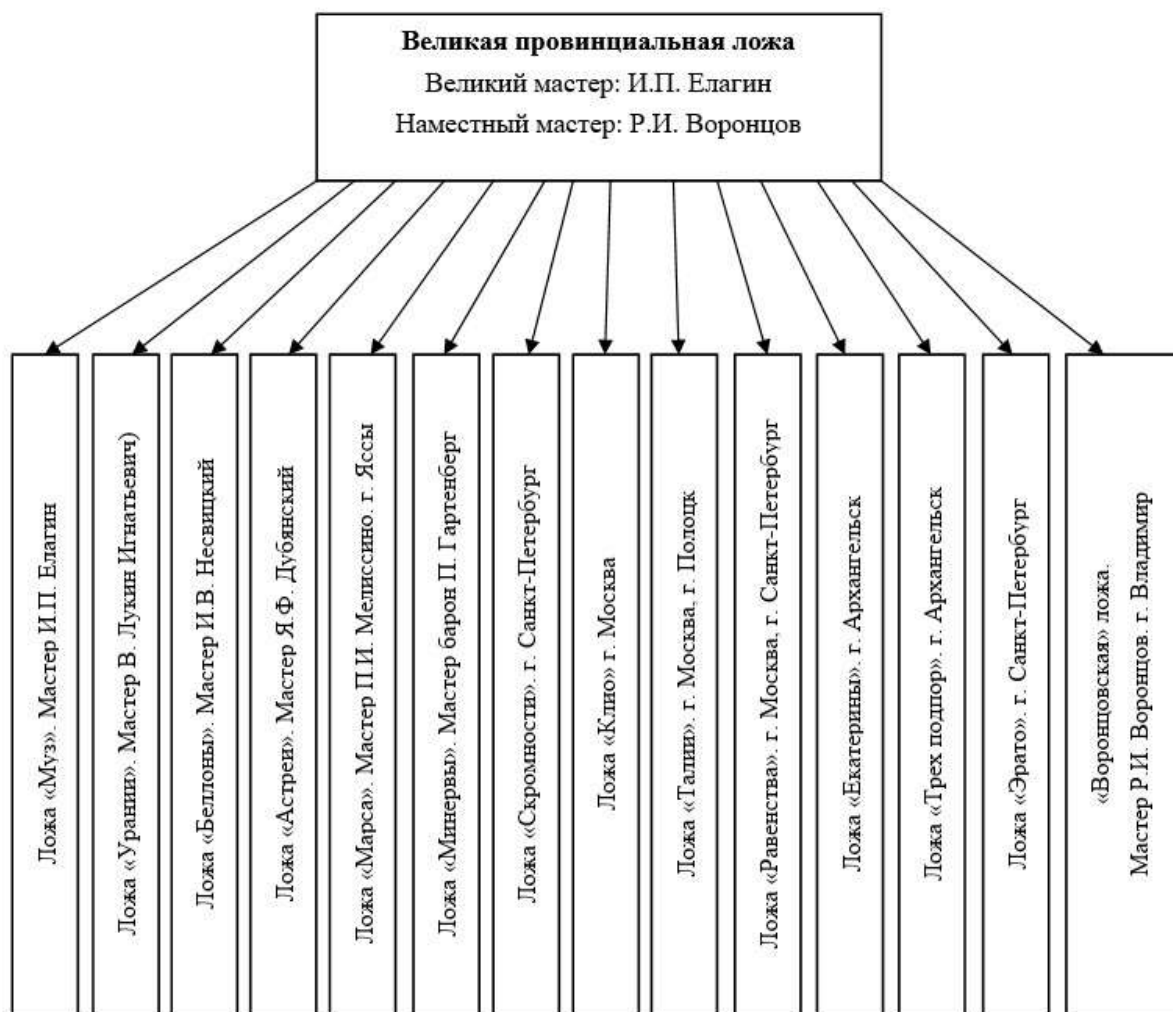

Рис. 2. «Елагинская» масонская ложа, действовавшая в Российской империи во второй половине XVIII века

Также в Российской империи действовала Рейхелевская масонская система лож, основанная П.Б. Рейхелем, которая по типологии относится к «шведской» системе. Действовали такие ложи на

основе Устава Циннендорфа. В период с 1772 по 1776 год Рейхель основал восемь лож (см. [Рисунок 3](#)). Именно к рейхелевской системе в итоге примкнул Н.И. Новиков – одна из наиболее ярких фигур русского масонства.

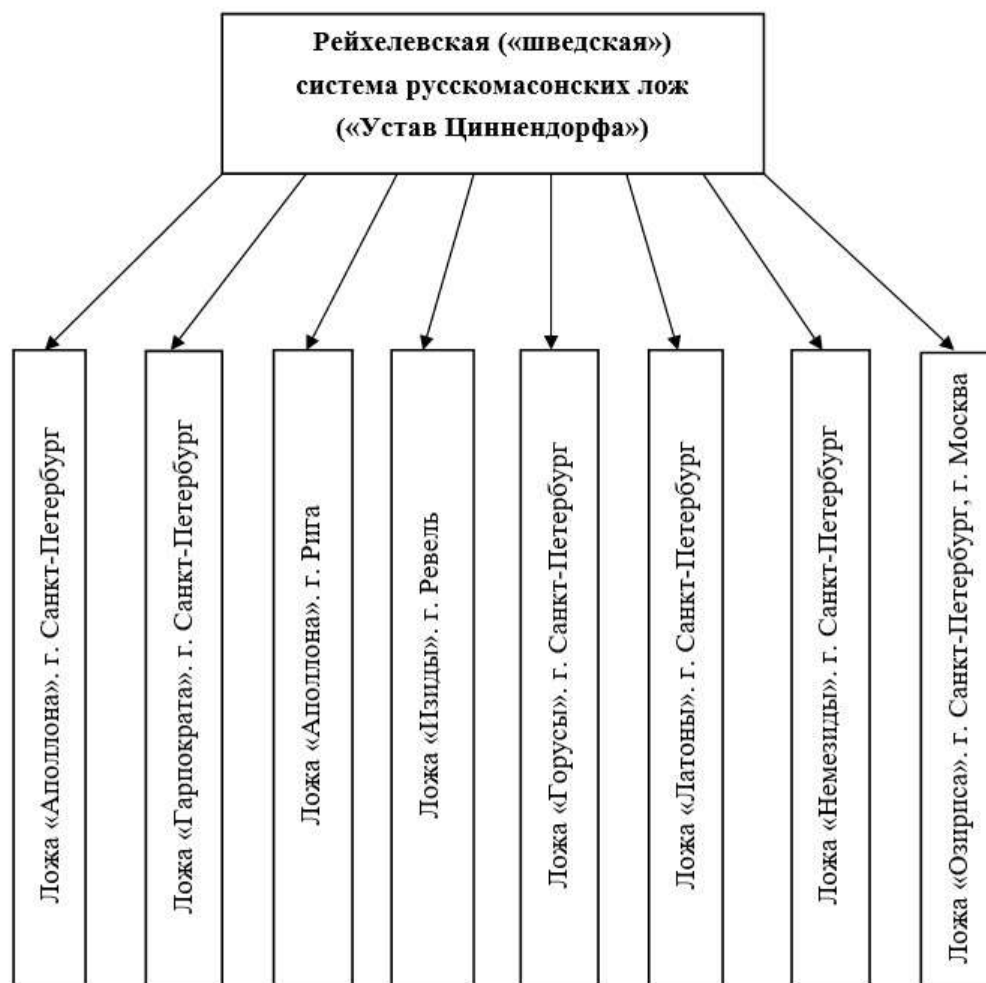

Рис. 3. Рейхелевская («шведская») система масонских лож в Российской империи во второй половине XVIII века

Всё это многообразие масонских лож успешно действовало до той поры, пока не началась Французская революция. Её идеи перекликались с масонскими, и Екатерина II заподозрила в них угрозу своей власти и монархической власти в целом. Поэтому негласно деятельность масонов была запрещена. Несмотря на то, что император Павел I, судя по отзывам его современников, также был масоном, он понимал вредность масонских идей и сохранил этот запрет.

5. Заключение

Масоны в Российской империи появились ещё при Петре I, однако это были иностранные вельможи на русской службе. С начала 1740-х годов русские вельможи начинают заражаться идеями масонства, и в России постепенно появляется разветвлённая сеть масонских организаций.

В структуру русского масонства XVIII века входили три типа масонских лож:

– «Английская» система масонских лож. Наиболее ранняя в России трёхступенчатая система, в которой члены поднимались по ступеням «ученик» – «подмастерье» – «мастер». Её членами были Н. Головин, К. Разумовский, З. Чернышов, И. Чернышев, М. Олсуфьев, Р. Воронцов, М. Дашков, С. Трубецкой, С. Мещерский, В. Голицын, А. Голицын, Ф. Голицын, П. Бутурлин, М. Щербатов, А. Сумароков, И. Болтин, Ф. Мамонов, С. Пушкин и др.

– «Елабугинская» система масонских лож. Следующая по времени появления в России, связана с именем И.П. Елабутина. К трём первым степеням были добавлены ещё четыре новые степени, что не позволяет её в полной мере называть «английской» системой. В целом, есть основания называть её «русской» системой масонства. Она включала в себя Великую провинциальную ложу и 14 подчиняющихся ей лож. Получила весьма широкое распространение в Российской империи. Охватывала такие фамилии, как М.М. Щербатов, И.Н. Болтин и А.П. Сумароков, Р.И. Воронцов,

А.Л. Щербачев, И.В. Несвицкий и др., всего около 400 членов. Лучше остальных изучена историками в силу того, что её членами были деятели культуры.

– «Шведская» система масонских лож. Наиболее поздняя система, появившаяся в России. Представляет собой сложную, строго централизованную иерархическую систему, в которой сохранена первоначальная трёхступенчатая система, но количество уровней увеличено до трёх. Принесена в Россию П.Б. Рейхелем. В основе лежал Устав Циннендорфа. Включала в себя восемь лож без соподчинения одной главной ложе (как в английской системе). Наиболее известный представитель – Н.И. Новиков, который перешёл от «елабугинских» лож к «рейхелевским».

После Французской революции Екатерина II начала запретительную деятельность в отношении масонов, а её сын Павел I продолжил политику по ограничению масонства в Российской империи.

Литература

Белых, 2011 – Белых В.С. Русское масонство: от Петра Великого до Екатерины II // *История государства и права*. 2011. № 10. С. 39-43.

Брачев, 2000 – Брачев В.С. Масоны в России: От Петра I до наших дней. СПб.: Издательство «Стомма», 2000.

Вдовина, 2024 – Вдовина Л.Н. Духовные искания русского дворянства в XVIII в.: вольтерьянство и масонство / *Земля и Власть в судьбе России. Сборник научных статей участников Всероссийской научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения профессоров А.Г. Кузьмина и В.Г. Тюкавкина*. М., 2024. С. 189-197.

Войтович, 2019 – Войтович М.А. Масонство в России // *Образование и наука в России и за рубежом*. 2019. № 11 (59). С. 90-103.

Гриб, 2011 – Гриб В.В. Главные деятели масонских лож екатерининской эпохи // *История государства и права*. 2011. № 13. С. 45-48.

Гусева, Григорьев, 2023 – Гусева Г.В., Григорьев Е.Н. Масонство и его роль в русской революции // *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2023. № 2 (28). С. 175-185.

Дмитриев, 2022 – Дмитриев А.В. Влияние русского масонства на государственную политику России во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. / *Содержательные и методические аспекты преподавания «трудных вопросов» истории (к 350-летию со дня рождения Петра I). Материалы межрегиональной научно-практической конференции*. Екатеринбург, 2022. С. 10-15.

Дмитриева, 2023 – Дмитриева А.А. История масонства в России: от Петра I до наших дней / *Человек. Общество. Культура. Социализация. Материалы XIX Международной молодежной научно-практической конференции*. Уфа, 2023. С. 51-54.

Донесение о масонах, 1862 – Донесение о масонах / *Летописи русской литературы и древности*. Отд. 3. Т. 4. М., 1862.

Ермаков, Андросов, 2017 – Ермаков В.А., Андросов А.А. Исторические этапы формирования «масонского заговора» в России второй половины XVIII – начала XX вв. // *Интерактивная наука*. 2017. № 3 (13). С. 22-34.

Иванов, 2023 – Иванов А.О. История масонства в России: от Петра I до наших дней / *Человек. Общество. Культура. Социализация. Материалы XIX Международной молодежной научно-практической конференции*. Уфа, 2023. С. 52-54.

Карвелис, 2010 – Карвелис М.А. Философско-эстетические взгляды масонов в художественной культуре России XVIII века // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2010. № 2 (26). С. 30-40.

Карпачев, 2014 – Карпачев С.П. Иностранцы в русском масонстве: вторая половина XVIII века // *Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки*. 2014. № 3 (15). С. 18-24.

Киясов, 2011 – Киясов С.Е. Последние масоны Российской империи // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2011. Т. 11. № 2-2. С. 40-45.

Колесник, 2019 – Колесник Э.А. Русское франк-масонство и отражение проблемы в школьном курсе истории / *Сборник статей Международного научно-методического конкурса «Педагогическое призвание»: в 2 частях*. МЦНП «Новая наука», 2019. С. 85-88.

Кондаков, 2017 – Кондаков Ю.Е. «Рыцарские» системы масонства в России: 1772–1822. М., 2017.

Кондаков, 2024 – Кондаков Ю.Е. Кровь в обряде масонской инициации // *История повседневности*. 2024. № 1 (29). С. 113-126.

Назарова, 2012a – Назарова Ю.В. Влияние масонства на идеи русского либерализма в начале XX века // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2012. № 4 (12). С. 15-24.

Назарова, 2012b – Назарова Ю.В. Этика русского масонства // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2012. № 2. С. 44-52.

Николаенко, 2012 – Николаенко П.Д. 1822 г.: управляющий МВД В.П. Кочубей и закрытие масонских лож в России // *Клио*. 2012. № 2 (62). С. 125-127.

Пыпин, 1916 – Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII – первая четверть XIX вв. Пг., 1916.

Селеверстов, 2024 – Селеверстов Р.Е. Русское масонство: истоки возникновения и нравственные поиски / *История, гуманитарные и социальные науки: взаимовлияние и*

взаимодействие (проблемы теории и практики). Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции. Красноярск, 2024. С. 85-91.

Серков, 2014 – Серков А.И. Запрет масонских лож в России // *Международный правовой курьер*. 2014. № 3 (3). С. 16-21.

Со, 2012 – Со К.Ч. Образ русского масона XVIII века и три пьесы Екатерины II // *Челябинский гуманитарий*. 2012. № 4 (21). С. 43-49.

Фурман, 2024 – Фурман Т.Г. Влияние масонства Европы на российское масонство, политико-правовой аспект // *Евразийский юридический журнал*. 2024. № 2 (189). С. 147-149.

Цветков, 2023 – Цветков Д.В. Русские масоны XVIII века как проводники китайской философской мысли // *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии*. 2023. № 3 (19). С. 244-257.

Mamadaliev, 2025 – Mamadaliev A.M. Russian Freemasonry from Peter I to Nicholas II: a Historical Sketch. // *Bylye Gody*. 2025. 20(2): 532-539.

MacKillop, Murdoch, 2003 – MacKillop A., Murdoch S. Military Governors and Imperial Frontiers C. 1600–1800: A Study of Scotland and Empires. Brill Academic Publishers, 2003.

Masson, 1800 – Masson Ch.F.Ph. Memoirs secrets sur la Russia, et particulièrement sur la fin du regne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I. Amsterdam, 1800 / Google Books. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=CeRdAAAAcAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 15.08.2025).

References

Belykh, 2011 – Belykh, V.S. (2011). Russkoe masonstvo: ot Petra Velikogo do Ekateriny II [Russian Freemasonry: from Peter the Great to Catherine II]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 10: 39-43. [in Russian]

Brachev, 2000 – Brachev, V.S. (2000). Masony v Rossii: Ot Petra I do nashikh dnei [Masons in Russia: from Peter I to the present day]. SPb.: Izdatel'stvo «Stomma». [in Russian]

Dmitriev, 2022 – Dmitriev, A.V. (2022). Vliyanie russkogo masonstva na gosudarstvennyuyu politiku Rossii vo vtoroi polovine XVIII – pervoi chetverti XIX vv. [The influence of Russian Freemasonry on the state policy of Russia in the second half of the 18th – first quarter of the 19th centuries]. *Soderzhatel'nye i metodicheskie aspekty prepodavaniya «trudnykh voprosov» istorii (k 350-letiyu so dnya rozhdeniya Petra I). Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ekaterinburg. Pp. 10-15. [in Russian]

Dmitrieva, 2023 – Dmitrieva, A.A. (2023). Istoriya masonstva v Rossii: ot Petra I do nashikh dnei [History of freemasonry in Russia: from Peter I to the present day]. *Chelovek. Obshchestvo. Kul'tura. Sotsializatsiya. Materialy XIX Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ufa. Pp. 51-54. [in Russian]

Donesenie o masonakh, 1862 – Donesenie o masonakh [Report on the masons]. Letopisi russkoi literatury i drevnosti. Otd. 3. T. 4. M., 1862. [in Russian]

Ermakov, Androsov, 2017 – Ermakov, V.A., Androsov, A.A. (2017). Istoricheskie etapy formirovaniya «masonskogo zagovora» v Rossii vtoroi poloviny XVIII – nachala XX vv. [Historical stages of the formation of the "Masonic conspiracy" in Russia in the second half of the 18th – early 20th centuries]. *Interaktivnaya nauka*. 3(13): 22-34. [in Russian]

Furman, 2024 – Furman, T.G. (2024). Vliyanie masonstva Evropy na rossiiskoe masonstvo, politiko-pravovoi aspekt [The influence of European Freemasonry on Russian Freemasonry, the political and legal aspect]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*. 2(189): 147-149. [in Russian]

Grib, 2011 – Grib, V.V. (2011). Glavnye deyateli masonskikh lozh ekaterininskoi epokhi [Main Figures of masonic lodges of the Catherine era]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 13: 45-48. [in Russian]

Guseva, Grigor'ev, 2023 – Guseva, G.V., Grigor'ev, E.N. (2023). Masonstvo i ego rol' v russkoi revolyutsii [Freemasonry and its role in the Russian revolution]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal*. 2(28): 175-185. [in Russian]

Ivanov, 2023 – Ivanov, A.O. (2023). Istoriya masonstva v Rossii: ot Petra I do nashikh dnei [History of Freemasonry in Russia: from Peter I to the present day]. *Chelovek. Obshchestvo. Kul'tura. Sotsializatsiya. Materialy XIX Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ufa. Pp. 52-54. [in Russian]

Karpachev, 2014 – Karpachev, S.P. (2014). Inostrantsy v russkom masonstve: vtoraya polovina XVIII veka [Foreigners in Russian freemasonry: the second half of the 18th century]. *Vestnik MGPU. Seriya: Istoricheskie nauki*. 3(15): 18-24. [in Russian]

Karvelis, 2010 – Karvelis, M.A. (2010). Filosofsko-esteticheskie vzglyady masonov v khudozhestvennoi kul'ture Rossii XVIII veka [Philosophical and aesthetic views of Masons in the artistic culture of Russia in the 18th century]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*. 2(26): 30-40. [in Russian]

Kiyasov, 2011 – Kiyasov, S.E. (2011). Poslednie masony Rossiiskoi imperii [The Last masons of the Russian Empire]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 11. 2-2: 40-45. [in Russian]

- Kolesnik, 2019 – Kolesnik, E.A. (2019). Russkoe frank-masonstvo i otrazhenie problemy v shkol'nom kurse istorii [Russian freemasonry and the reflection of the problem in the school history course]. *Sbornik statei Mezhdunarodnogo nauchno-metodicheskogo konkursa «Pedagogicheskoe prizvanie»: v 2 chastyakh*. MTsNP «Novaya nauka». Pp. 85–88. [in Russian]
- Kondakov, 2017 – Kondakov, Yu.E. (2017). «Rytsarskie» sistemy masonstva v Rossii: 1772–1822 [“Knightly” systems of Freemasonry in Russia: 1772–1822]. M. [in Russian]
- Kondakov, 2024 – Kondakov, Yu.E. (2024). Krov' v obryade masonskoi initsiatsii [Blood in the rite of Masonic initiation]. *Istoriya povsednevnosti*. 1(29): 113–126. [in Russian]
- MacKillop, Murdoch, 2003 – MacKillop, A., Murdoch, S. (2003). *Military Governors and Imperial Frontiers C. 1600–1800: A Study of Scotland and Empires*. Brill Academic Publishers.
- Mamadaliev, 2025 – Mamadaliev, A.M. (2025). Russian Freemasonry from Peter I to Nicholas II: a Historical Sketch. *Bylye Gody*. 20(2): 532–539.
- Masson, 1800 – Masson, Ch.F.Ph. (1800). *Memoirs secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du regne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I*. Amsterdam. Google Books. [Electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books?id=CeRdAAAACAAJ&redir_esc=y (date of access: 15.08.2025). [in Russian]
- Nazarova, 2012a – Nazarova, Yu.V. (2012). Vliyanie masonstva na idei russkogo liberalizma v nachale XX veka [The influence of freemasonry on the ideas of Russian liberalism at the beginning of the 20th century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 4(12): 15–24. [in Russian]
- Nazarova, 2012b – Nazarova, Yu.V. (2012). Etika russkogo masonstva [Ethics of Russian freemasonry]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2: 44–52. [in Russian]
- Nikolaenko, 2012 – Nikolaenko, P.D. (2012). 1822 g.: upravlyayushchii MVD V.P. Kochubei i zakrytie masonskikh lozh v Rossii [1822: the head of the Ministry of Internal Affairs V.P. Kochubey and the closure of Masonic lodges in Russia]. *Klio*. 2(62): 125–127. [in Russian]
- Pypin, 1916 – Pypin, A.N. (1916). Russkoe masonstvo. XVIII – pervaya chetvert' XIX vv. [Russian Freemasonry. XVIII – first quarter of the XIX centuries]. Pg. [in Russian]
- Seleverstov, 2024 – Seleverstov, R.E. (2024). Russkoe masonstvo: istoki vozniknoveniya i nraivstvennye poiski [Russian freemasonry: origins and moral quests]. *Istoriya, humanitarnye i sotsial'nye nauki: vzaimovliyaniye i vzaimodeystvie (problemy teorii i praktiki)*. *Sbornik statei po itogam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Krasnoyarsk. Pp. 85–91. [in Russian]
- Serkov, 2014 – Serkov, A.I. (2014). Zapret masonskikh lozh v Rossii [The ban on Masonic lodges in Russia]. *Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er*. 3(3): 16–21. [in Russian]
- So, 2012 – So, K.Ch. (2012). Obraz russkogo masona XVIII veka i tri p'esy Ekateriny II [The image of a Russian freemason of the 18th century and three plays by Catherine II]. *Chelyabinskii humanitarii*. 4(21): 43–49. [in Russian]
- Tsvetkov, 2023 – Tsvetkov, D.V. (2023). Russkie masony XVIII veka kak provodniki kitaiskoi filosofskoi mysli [Russian Freemasons of the 18th century as conductors of Chinese philosophical thought]. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii*. 3(19): 244–257. [in Russian]
- Vdovina, 2024 – Vdovina, L.N. (2024). Dukhovnye iskaniya russkogo dvoryanstva v XVIII v.: vol'ter'yanstvo i masonstvo [Spiritual searches of the Russian Nobility in the 18th Century: voltaireanism and freemasonry]. *Zemlya i Vlast' v sud'be Rossii*. *Sbornik nauchnykh statei uchastnikov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu so dnya rozhdeniya professorov A.G. Kuz'mina i V.G. Tyukavkina*. M. Pp. 189–197. [in Russian]
- Voitovich, 2019 – Voitovich, M.A. (2019). Masonstvo v Rossii [Freemasonry in Russia]. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom*. 11(59): 90–103. [in Russian]

Масонские организации в Российской империи (XVIII век): структура и персоналии

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, b, c, *}

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Рукопись посвящена исследованию структуры масонских организаций в Российской империи в XVIII веке. Материалом работы стали мемуарные источники, опубликованные документы (материалы допросов), а также дореволюционная, зарубежная и новейшая современная историография. Исследование опирается на такие методы исторического исследования как историко-системный, классификации, синтез и контент-анализ.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

В заключении авторы отмечают, что в структуру русского масонства XVIII века входили три типа масонских лож:

– «Английская» система масонских лож. Наиболее ранняя в России трехступенчатая система, в которой члены поднимались по ступеням «ученик» – «подмастерье» – «мастер».

– «Елабугинская» система масонских лож. Следующая по времени появления в России. Связана с именем И.П. Елабутина. К трем первым степеням были добавлены еще четыре новые степени, что не позволяет ее в полной мере называть «английской» системой. В целом, есть основания называть ее «русской» системой масонства. Включала в себя Великую провинциальную ложу и 14 подчиняющихся ей лож. Получила весьма широкое распространение в Российской империи.

– «Шведская» система масонских лож. Наиболее поздняя система, которая появилась в России. Представляет из себя сложную, строго централизованную иерархическую систему, в которой сохранена первоначальная трехступенчатая система, но количество уровней увеличен до трех. Принесена в Россию П.Б. Рейхелем. В основе лежал Устав Циннендорфа.

После Французской революции Екатерина II начала запретительную деятельность в отношении масонов, и сын Павел ее политику по ограничению масонства в Российской империи.

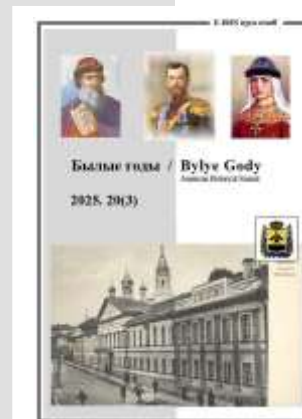
Ключевые слова: масоны, масонство, масонство в Российской империи, русское масонство, масонские ложи в России.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1105-1116
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1105

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Bashkir Uprising of 1735–1740. Through the Prism of Bashkir-Kazakh Relations

Rafil R. Asilguzhin ^{a, *}, Irek F. Amantaev ^b, Zhaxylyk M. Sabitov ^c

^a Research Institute for Jochi Ulus Studies, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Russian Federation

^c Kh. Dosmukhamedov Atyrau University, Atyrau, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines Bashkir-Kazakh relations in the 1730s–1740s against the background of several interrelated events.

The extensive construction of defensive lines and fortresses along the eastern and southern borders of the Bashkir territory, which complemented the Old (mid-17th century) and New (early 1730s) Transamian fortified lines previously erected in the west, became a key factor leading to one of the largest and bloodiest armed conflicts of the 18th century - the Bashkir Uprising of 1737–1742, also known as the Russian-Bashkir War (the Karasakala movement). The Bashkir nobility clearly realized that the successful implementation of the tasks assigned to the Orenburg expedition would mean a dense ring of military fortifications around Bashkiria, the transformation of the region into an internal province of the Russian Empire and a serious restriction of traditional ties with the Kazakhs and other neighboring peoples. For the Bashkirs, the situation was also aggravated by the systemic colonization policy of the authorities, carried out in the run-up to the uprising. Among the most significant government measures were: the mass resettlement of non-indigenous people to the region, especially after the decree of February 11, 1736, which allowed the alienation of Bashkir patrimonial lands in favor of Russian nobles, industrialists, officers, knights and other “foreigners”; a sharp increase in the tax burden and duties; as well as economic restrictions, including interference traditional environmental management, in particular the right of access to forest resources.

The article also examines contradictory accounts regarding the role of Karasakal in the uprising, analyzes the causes and circumstances of Kazakh involvement in the Bashkir uprising, including the presence of Khan Sameke and Sultan Barak in Bashkortostan in 1737, the Bashkirs contacts with Khan Abulkhair and Sultan Abylai, the migration of some Bashkir groups to Kazakh territories, and the activities of Russian authorities who attempted to use Kazakh allies loyal to the empire to suppress the rebellion.

Special attention is paid to the appeals made by the Bashkir rebels to the Kazakh khans, requesting that a representative of the Jochid dynasty be sent to rule over them. This reflects the continued influence of late-Horde traditions of clan-based self-governance under the nominal leadership of a “khan-pupil”.

The article further explores joint actions taken by Kazakh and Bashkir leaders against imperial forces and Bashkir units loyal to the Russian crown, as well as the motivations behind the decisions of Kazakh khans and Bashkir rebel commanders. These events are analyzed within the broader context of the complex foreign policy dynamics of that era.

Keywords: Bashkir uprisings, Bashkirs, Kazakhs, Orenburg Expedition, Karasakal, Jochid Khans.

* Corresponding author

E-mail addresses: asrafil@yandex.ru (R.R. Asilguzhin), amantajo8@mail.ru (I.F. Amantaev), zh.sabitov@gmail.com (Zh.M. Sabitov)

1. Введение

В течение XVII в. отношения между казахами и башкирами складывались под влиянием калмыков, контролировавших бывшие ногайские кочевья вдоль Эмбы, Яика и Тобола. К началу XVIII в. калмыки покинули эти территории по ряду причин. Внутренними стали междоусобицы между ойратами (например, войны торгоутов и дербетов с хошоутами в 1670-х гг.). Внешней причиной стало переселение калмыков царской властью к Волге и Кубани для борьбы с Крымским ханством и Речью Посполитой, а также усиление давления со стороны Казахского, Хивинского и Бухарского ханств, возглавляемых ханами из рода Джучи.

Источники указывают на участие казахов Среднего и Малого жузов в башкирских восстаниях начала XVIII в.

После организации Оренбургской экспедиции и подавления одного из крупнейших восстаний (1735–1740 гг.), а также строительства крепостей вдоль Яика, в документах Российской империи Заяицкие земли стали называться «степью кочующих киргиз-кайсаков». Башкиры также потеряли доступ к Илецким соляным месторождениям.

На левом берегу Яика начали селиться казахи, подданные хана Младшего жуза Абулхаира, который вскоре вошёл в подданство Российской империи. Это происходило на фоне казахско-ойратской войны, в ходе которой башкиры и казахи начали вытеснять калмыков из среднего и нижнего течения Яика. Главным бенефициаром этой экспансии стали казахи.

Во время восстания башкиры вновь прибегли к традиции приглашения представителей династии Джучи, чтобы формально признать их своими правителями при сохранении самоуправления. В этом контексте стоит рассматривать и политику Абулхаир-хана, чьи интересы могли совпадать с планами башкирских лидеров.

Особое значение имеет фигура Карасакала, в определённый момент провозглашённого башкирским ханом, и его роль на завершающем этапе восстания 1735–1740 гг.

2. Материалы и методы

В основу исследования легли как опубликованные, так и ранее не введённые в научный оборот архивные источники.

Одним из ключевых опубликованных источников стал сборник документов «Материалы по истории Башкирской АССР». Данный сборник был подготовлен под руководством А.П. Чулошникова. Издан он в 1936 г. В первой части данного сборника можно увидеть большой комплекс архивных документов. Они посвящены башкирским восстаниям первой половины XVIII в. Помимо этого, представленные документы освещают вопросы участия каракалпаков, калмыков, казахов и других народов в башкирских восстаниях (МИБ, 1936). Особый интерес представляет также шестой издания том из этой серии, в котором подробно рассматриваются цели и ход Оренбургской экспедиции, события восстания 1737–1740 гг. и роль в них соседних этносов (Материалы..., 2002).

Ценные сведения о казахском участии в башкирских восстаниях, их взаимодействии с царскими властями, а также дипломатические аспекты отношений отражены в сборнике «Казахско-русские отношения» от 1961 г., охватывающем период с конца XVI в. до 1770-х гг. Значимость этого источника заключается в публикации документов из фондов Архива внешней политики России (АВПРИ), многие из которых ранее не издавались.

Представляют интерес материалы фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА) (Москва, Российская Федерация). Документы, касающиеся восстания 1737–1740 гг., содержат ценные сведения о взаимодействии башкир с казахами и каракалпаками, судьбах участников, а также происхождении и роли Карасакала. Последний упоминается в источниках с различными атрибуциями – как «кубанец нагайского рода» или представитель «Средней киргиз-кайсацкой Орды в Найман-Гирейском роде» и т.д. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 134, 136, 138, 142, 143, 145, 146, 147, 152; Оп. 17. Д. 1131, 1133, 1164, 1183, 1191).

Дополнительные сведения получены из фондов Научного архива Уфимского федерального исследовательского центра РАН (НА УФИЦ РАН) (Уфа, Российская Федерация), а также Государственного архива Свердловской области (ГАСО). В последнем особый интерес представляют материалы Фонда № 24 «Уральское горное управление», содержащие законодательные акты, «расспросные речи», доношения, промемории и отчёты, иллюстрирующие ситуацию на границе в годы восстания. Примечателен документ от 13 марта 1739 г., в котором полковник Татищев указывал на нападения казахов на башкирские селения: «киргиз-кайсаки и казачья орда паки веде злое намерение: обратились и некоторые башкирские деревни разорили и в полон взяли» (ГАСО. Ф. 24. Оп.1. Д. 818. Л. 105). В том же фонде содержится протокол допроса пленённой башкирки Кисьякбики, сообщившей, что «верноподданные башкирцы» сами совершили набег на казахскую Орду, убив около 40 человек и захватив около 30 пленников и множество лошадей (ГАСО. Ф. 24. Оп.1. Д. 764. Л. 779-779об.).

Здесь стоит выделить разные виды документов. Например, такой вид, как «доношение» (к примеру, «Доношение башкир Сибирской дороги Салжаутской волости в Екатеринбург действительному статскому советнику Василию Никитичу Татищеву»). Также можно отметить такой

вид документов, как «промемория» (к примеру, «Промемория из Окуневской канцелярии управительского правления в Крутихинскую земскую кантору»).

Отдельно стоит выделить такой документ, как «Секретное письмо майора Л.Д. Угримова капитану К. Брандту об угрозе союза башкир с казахским ханом Бараком» от 11 мая 1738 г.

Не менее интересным является следующий вид документов: «Определение». Например, «Определение Канцелярии Главного правления заводов о мерах по защите границ заводского ведомства» от 26 июня 1739 г. или «Определение Канцелярии Главного правления заводов о мерах по обороне границ заводского ведомства в связи с восстанием Карасакала» от 19 июня 1740 г. (ГАСО. Ф. 24. Уральское горное управление. Оп. 1. Д. 719. Дело о командировании воинской команды подполковника Немцова на заводы; Д. 764. Дело о башкирской шатости; Д. 818. Дело о башкирской шатости; Д. 859. Дело о башкирской комиссии).

Далее, нами были использованы архивные документы из фондов Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) (Оренбург, Российская Федерация). Здесь стоит отметить такие фонды, как фонд № 2 «Канцелярия Оренбургской комиссии» и № 3 «Оренбургская губернская канцелярия».

В этом фонде главную ценность представляют указы императрицы, законы и законодательные акты, «рапорты уполномоченных лиц» (например, рапорты В.А. Урусова и Л.Я. Соимонова).

Среди указов стоит отметить указ от 27 октября 1739 г. Он был адресован генерал-лейтенанту В.А. Урусову и предписывал ему «иметь от кайсаков крепкую предосторожность и охранение, и не допускать верноподданных ея императорского величества башкирцов до разорения» (ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7).

Не менее важным указом был указ от 22 мая 1740 г., в котором Карасакал именовался «турецким лазутчиком», который проник в Башкирию «для проводывания в каком состоянии башкирцы от российских войск находятся». В документе также приводятся различные версии его происхождения: «якобы он турчанин» либо «кубанец нагайского рода, по имени Салтан-Гирей, прозванием Карасакал». В тексте указа подробно описываются предполагаемые военные планы Карасакала: по слухам, он собрал «восьмитысячное кубанское войско, две тысячи калмыков, пятьсот кайсаков», объединился с Джанбек-батыром и каракалпаками и готовится к наступлению на Башкирию, чтобы «сообща с башкирцами разорять российские жилища» (ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7, 8, 9).

Материалы, лёгшие в основу исследования, в основном представляют собой нарративные источники из российских архивов, что требует внимательного анализа с позиции внешней и внутренней критики, в том числе с учётом междисциплинарного подхода. Интерпретация событий осуществляется на основе принципа историзма, стремления к объективности, а также с использованием компаративного анализа, позволяющего проследить аналогии и различия в механизмах колониального продвижения империи.

В контексте изучения башкирско-казахских взаимодействий особую ценность представляет анализ стратегий имперского освоения регионов. К таковым относятся разведывательно-дипломатические миссии, деятельность православных миссионеров и монастырей, торгово-экономическое проникновение, строительство укрепленных линий вдоль ключевых транспортных и водных путей, организация горнозаводских округов и массовое крестьянское переселение. В совокупности эти меры демонстрируют системный характер политики Российской империи в регионе, а их отражение в казахско-башкирских отношениях позволяет более точно реконструировать картину событий 1735–1740 гг.

Особенности данного восстания также становятся более отчётливыми в сравнении с предыдущими и последующими антиколониальными движениями башкир XVII–XVIII вв., выявляя динамику и трансформацию протестных форм, а также изменяющееся положение союзников казахов в региональном политическом контексте.

3. Обсуждение

Историографию темы можно разделить на три периода: дореволюционный, советский и современный. В дореволюционной историографии слабо отражена проблема участия казахов в башкирских восстаниях. Относительно восстания 1735–1740 гг. в работах П.И. Рычкова (Рычков, 1896), Р.Г. Игнатьева (Игнатьев, 1922), А.И. Добросмыслова (Добросмыслов, 1900), В.Н. Витевского (Витевский 1897), А.М. Позднеева (Позднеев, 1991) в основном затрагиваются темы деятельности администрации в крае и карательные акции правительственных войск против восставших башкир. Исследования башкирских авторов М. Хадыева (Хадыев, 2007) и А.-З. Валиди (Тоган, 2010) посвящены некоторым ранее неисследованным вопросам.

События этого башкирского восстания, включая роль хана Абулхаира, нашли своё отражение в работах российских историков и чиновников. Так, П. Рычков дал сведения о том, что киргиз-кайсацкий Абулхаир-хан, прибыв в восставшую Башкирию, высказывая намерение «одного из своих детей в Башкирии ханом учинить обнадеживая башкирский народ», уверял Правительство в том, что только ему таким образом удастся: «онный народ от их замешания удержать и успокоить» (Рычков, 1896: 32). Историк А. Левшин однозначно трактовал поведение указанного хана как обман башкир (Левшин, 1832: 130).

Одним из первых исследователей, обративших внимание на участие казахов в башкирском восстании 1735–1740 гг., был известный историк-этнограф Р.Г. Игнатьев. В своей работе он выдвинул гипотезу, что хан Абулхаир сознательно направил Карасакала в Башкирию с целью создания антиимперского союза, поддержав его материально и организационно. Игнатьев писал: «Хан Абулхаир настроил Карасакала искать ханства у башкир и дал ему тайно все способы явиться в Башкирию... Казахи не менее башкир, если не более, опасались постройки Оренбурга и русских крепостей по границам их земель и потому всячески старались внушать башкирам, чтобы они этого не допустили». Р.Г. Игнатьев на основании документов выдвигает тезис о том, что Карасакал превратился в орудие казахской политики, а его действия могли быть связаны с «делом Юнгории» – более широкой геополитической игрой (Игнатьев, 1922: 38-66).

Одним из значимых вопросов в изучении событий восстания 1735–1740 гг. является феномен Карасакала – фигуры, ставшей ключевым символом вооружённого протеста, а также характер его связей с казахскими чингизидами и их ордами.

В.Н. Витевский, казанский историк, в своём труде указывает, что география участия Карасакала в восстании локализована на территориях, примыкающих к землям киргиз-кайсаков (т.е. казахов). По его словам, Карасакал «принял начальство над мятежными шайками башкир», а его пребывание среди казахов оставило длительную память в народной традиции как башкир, так и соседних народов (Витевский, 1890: 181-183).

Существенно иной подход демонстрирует востоковед и монголовед А.М. Позднеев, который отвергает джунгарское происхождение Карасакала, указывая на его принадлежность к исламу («к религии Магомета»). Предположение о его башкирском происхождении он отвергает на том основании, что в этом случае «с ним едва ли стали бы дружить киргизы». Более того, автор полагает, что Карасакал мог быть вымышленной фигурой, созданной для дезинформации киргиз-кайсаков, и использованной в политической игре в 1735–1741 гг. (Позднеев, 1991: 434-435).

Башкирский историк начала XX в. М. Хадыев тоже занимался темой описания жизни Карасакала и обратил внимание на то, что Карасакал не уходил далеко от казахской границы, вёл войну с русскими вдоль неё, видимо, заранее обдумывая своё бегство в случае поражения. Хадыев считал, что причины неудачных попыток властей поймать «неуемного» хана связаны с тем, что Карасакал вошёл в полное доверие казахов. Негативное отношение историка к Карасакалу можно проиллюстрировать следующими строками: «Этот бессовестный человек, объявив себя Султан-Гиреем, беззаботно ходил по гостям среди казахов и, не довольствуясь тем злом, которое принес башкирам, погубил множество казахов» (Хадыев, 2007: 28–34).

Есть мнение о том, что возглавивший восстание 1737–1740 гг. в его заключительной фазе – Карасакал был потомком сибирского хана Кучума (Таймасов, 2004: 285).

О происхождении Карасакала есть сведения и в работах востоковеда А.-З. Валиди, считавшего его не башкиром, а одним из представителей каракалпакской знати, как пишет историк, – «принцев каракалпакских племен», которого изначально звали как Байбулат (или Бейбулат): «Сын Хасан-султана и внук Давлет-Гирея. Его брат, Ишим-султан, был каракалпакским ханом». Первоначально Карасакал, по мнению А.-З. Валиди, прибыл к башкирам Сибирской дороги, позже перебрался к башкирам Ногайской дороги, взял имя Минлегул, но в итоге вернулся на Сибирскую дорогу. Там, заручившись поддержкой казахских ханов Среднего Жуза, он начал готовить антироссийское восстание (Тоган, 2010: 142–143, 146). В первом томе сборника Материалов по истории БАССР также имеются документы, указывающие на происхождение Карасакала «ис природы каракалпакских ханов» (МИБ, 1936: 491). Однако упоминаются и свидетельства о том, что Карасакал является «владельцем «зюнгорских калмык», «контайшиным сыном Суной» (МИБ, 1936: 478), а также что Карасакал «владения бывшего контожи хана черных калмык сын именем Сона, ... а брат его в тех черных калмыках ныне имеется главным ханом» (МИБ, 1936: 491). Также известно, что под прозвищем Карасакал скрывался Бай-булат ибн Хасан, как чингизид из династии шибанидов-кучумовичей (МИБ, 1936: 491-492). Указанные материалы объясняют и его притязания на власть, и его признание башкирами и принятие среди казахов. Как известно, его отец Хасан долгое время с сыновьями пребывал в аманатах среди ойрат-калмыков, где Байбулат рос вместе с Шоно Лоузаном, знание о котором он использовал позднее, выдавая себя за ойратского тайшу, противника джунгарского хунтайджи Галдан-Церена.

В постсоветский период, пожалуй, наиболее заметной работой, где были подробно рассмотрены причины и ход башкирского восстания (Башкирско-русской войны) 1737–1740 гг., стала книга американского историка А. С. Доннели «Завоевание Башкирии Россией». В этой книге автором также подробно рассмотрены русско-казахские и башкиро-казахские взаимоотношения, проведение Оренбургской экспедиции 1734–1735 гг. и в целом юго-восточная политика России в исследуемый период (Доннели, 1995). Для понимания идеологических установок башкирских повстанцев, проявившихся, в частности, в связях между башкирами и казахскими чингизидами, помогают сведения, содержащиеся в работах историков Башкортостана (Таймасов, 2004; Азнабаев, 2016) и Казахстана (Сулейманов, 2013).

4. Результаты

Массовому выступлению башкир за свои права и самому кровопролитному восстанию, пришедшему на 30-е гг. XVIII в., предшествовал целый комплекс причин. Наиболее важной стало строительство укрепленных линий и крепостей вдоль восточной и южной границы расселения башкир в дополнение к ранее уже обустроенной на западной окраине башкирских земель Старой (построенной ещё в середине XVII в.) и Новой (начало 30-х гг. XVIII в.) Закамских укрепленных линий и опорных пунктов. Задачей Оренбургской экспедиции стало строительство большого количества военных крепостей и линий, окончательно окружавших башкир и преграждавших их беспрепятственные взаимоотношения с южными соседями. Именно последнее стало основной причиной башкирского восстания 1737–1740 гг., о чём сами башкиры писали в челобитной на имя начальника Комиссии башкирских дел генерал-лейтенанта А.И. Румянцева. Башкиры были недовольны прежде всего начавшимся строительством городов, крепостей и церквей в крае, просили правительство отозвать Оренбургскую экспедицию. Челобитчики-башкиры жаловались на жестокости и произвол командиров Экспедиции, в особенности на А.И. Тевкелева. Челобитную подписали 38 представителей 27 волостей Казанской, Ногайской и Сибирской дорог (ИБН, 2011: 199). Историк П. Рычков в одной из своих работ упоминает поставленные «императором Петром Великим» цели строительства Оренбургской линии – «путь во всю полуденную Азию отворить, а своевольный башкирский народ на вечное время обуздать» (Рычков, 1896: 5) и что могло быть осуществлено лишь после окончания войны со Швецией.

Власти всерьёз опасались связей башкирских восставших с соседними народами и государствами, задавались вопросами о том, не вызван ли бунт заговором внешних сил? Так, среди вопросов, которые задавались в процессе получения «допросных и пыточных речей» у попавших в плен башкир Шигирской волости Сибирской дороги Башира Кулышева и Едигара Апакаева, были и такие: «Кто с вами в согласии посторонние, яко кубанские и крымские татары или Казачья Орда и каракалпаки?» или «Какое у вас намерение к окончанию, не хотите ль совсем отложитца от российской власти и каким порядком», документ датирован 7 февраля 1736 г. (Материалы..., 2002: 125-127). Опираясь на этот документ, авторы 7-томной «Истории башкирского народа» приходят к выводу о том, что в начальный период (лето 1735 – лето 1736 гг.) случаев участия казахов в восстании не прослеживается.

Однако документ – «Донесение полковника И.С. Арсеньева В.Н. Татищеву» от 25 июля 1736 г., доказывает обратное: «...пойманные воры башкирцы с розысков в роспросах своих показывали, что прошедшей весны на русские жилища итти войною намерение имели, которые и воевали; а вор Юсуп в своих юртах стоит с силою своею в 8000-х, и у него имеетца 20 пушек. И в Казачью орду к Абулмамбетю для замирения между собою посылали ... и оные посланные возвратились и с ними приехал Киргиз-Казачьей орды ... Из Казачьей орды обещались приехать в башкир для замирения старшин человек с 60, чрез месяц и большее...» (МИБ, 1936: 226).

Большое количество документов подтверждает участие казахов Среднего и Младшего жузов в последующие годы восстания – в период 1737–1740 гг. Так, в марте 1737 г. во время съезда представителей Ногайской и Казанской дорог было принято решение возобновить ослабленное восстание, но также и направить к казахам Среднего жуза переговорщиков из 12 башкир во главе с Султанмуратом (Устюгов, 1950: 65-66). В этот период к южным соседям решают обратиться и представители башкирских родов Сибирской и Ногайской дорог на курултае, прошедшем в верховьях реки Уфа, на котором пришли к решению отказаться от русского подданства: «...с киргиз-кайсаками сообщитца» (Устюгов, 1950: 66-67). Кроме того, по сведениям историка Н.В. Устюгова, в начале мая 1737 г. в д. Васкино Мурзалаарской волости состоялось собрание представителей нескольких волостей Сибирской дороги. Выступивший там представитель Кудейской волости Юлдаш мулла Суярембитов сообщил собравшимся о намерении призвать хана для башкир от казахов Среднего жуза (Устюгов, 1950: 68). Название документа от 2 июля 1737 г. подтверждает описанные выше тезисы Н.В. Устюгова и прямо указывает на намерения башкир и казахов: «Письмо башкирского старшины Казанской дороги Аракая Акбашева с товарищами уфимскому воеводе и коменданту С.В. Щемякину о военных приготовлениях восставших башкир с казахами Средней Орды к нападению на русские поселения и на «доброжелательных иноверцев»» (МИБ, 1936: 313).

На основе имеющихся источников обобщим причины, подтолкнувшие башкир обратиться за помощью к казахам: во-первых, повстанцы нуждались в военной поддержке; во-вторых, они стремились обеспечить себе на период восстания надёжный тыл; в-третьих, рассчитывали найти у казахов убежище на время карательных операций. «Верные» башкиры сообщали властям, что восставшие башкиры Ногайской дороги отправили своих людей мурзе Шаммухамету в Среднюю Орду казахов: «...чтоб он пришел со своим войском и их, башкирцов, с женами и детьми взяли к себе в орду, а доброжелательных бы башкирцов всех разорить ... ежели к ним киргиз-кайсацкое войско будет, то они намерены еще бунтовать, и с ними итти потом в Кайсацкую орду» (НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 45. Л. 963-964). Далее, один служилый мещеряк оповестил командира одного из карательных отрядов полковника И.С. Арсеньева, что ногайские башкиры «ездили в Казачью Орду к Еныбек батырю хана себе искать и просили его, чтоб он дал им на помощь силы, а он де обещал им

дать 40 есаулов с людьми... Еныбек батыр сказал, ежели они, башкирцы, хотят вместе с ним контайшу рубить, то и он с ними вместе пойдет на русских» (ИБН, 2011: 219). Побывавший у казахов геодезист Иван Шишков писал, что в марте и в мае 1737 г. в Среднюю Орду во владения Абулмамбет-султана приезжали группы башкир, которые просили помощи «чтоб дал им войска итти в Оренбург и другие города разорить...» (ИБН, 2011: 219). Очевидно, у султанов Среднего жуза были и собственные побудительные причины для вмешательства.

Ими выставлялись различные условия для башкир: одни требовали от них, а другие хотели навязать башкирам в качестве султанов своих родственников, которые правили бы башкирами в том же статусе, что и казахские роды под властью хана.

Однако выставляемые условия оказания помощи правителями Среднего жуза (в числе среди основных условий было требование о переходе с семьями жить в их владения и признание неограниченной власти назначенных казахских правителей) для башкир были неприемлемы. Выставляемые казахской стороной рамки сотрудничества явно противоречили традициям договорного подданства башкир, с личной унией исключительно монарху, опосредованной свободой самоуправления и подсудности хана биям. Такие условия практиковались башкирами и в домонгольское время, и в Улусе Джучи, особенно в период Ногайской Орды, где статус ханов-воспитанников при ногайских и башкирских аталыках-беклербеках существенно отличался от статуса хана – реального правителя в казахских жузах. То обстоятельство, что башкирские повстанцы своё обращение за помощью к казахским ханам сопровождали просьбой дать им юного отпрыска джучида в качестве хана, ничуть не умаляет того обстоятельства, что в этих просьбах они следовали позднеордынским практикам самоуправления родов под номинальной эгидой хана-воспитанника. Заки Валиди Тоган объясняет договорное подданство приглашённому монарху условиями тюркомусульманского института «икта» (Тоган, 2010: 56-57). По содержанию правоотношений он аналогичен тюрко-монгольскому институту «союргал», но с той разницей, что в Ногайской Орде ханы были подсудны сеидам, и в случае нарушения ханом договорных условий, служилые подданные имели законное право на откочёвку. Сквозь призму этих представлений башкиры рассматривали как чингизидов (хивинских, казахских), так и Романовых. Когда повстанцы южных волостей Ногайской дороги обратились к казахскому Абулмамбету-султану во второй раз, они просили дать «им в ханы брата его Аблая салтана» (НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 45. Л. 1112-1114; РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 735). Как отмечалось выше, условия казахов вызвали у большинства повстанцев неприятие. Они не намеревались переходить под неограниченную власть Абулмамбета-султана или Шаммухамета-мурзы, особенно после того, когда стало известно, как поступала часть казахской знати с башкирами, пытавшимися найти у них убежище. Когда 50 семей Гирей-Кыпсакской волости Ногайской дороги бежали для укрытия к казахам, то их «ограбили и разобрали по рукам Шемамет и другие главные кайсаки» (ИБН, 2011: 219). Жестокому обращению подверглись и 76 семей из Суун-Кыпчакской волости той же дороги. Башкиры начали понимать, что их обманывают и такое отношение не могло не вызвать попыток отмщения. А.С. Доннели в своей работе упоминает случай, когда некоторые башкирские старшины обратились к Татищеву (он руководил войсками в Зауральской Башкирии) с просьбой записать их в казаки и с целью отмщения «казахам Средней Орды, совершавшим на них набеги ...» (Доннели, 1995: 153).

Русские власти, в свою очередь, разжигали враждебное отношение казахов к башкирским повстанцам. В этом им усердно помогал упомянутый выше Абулхаир-хан – правивший в тот период в Младшем жузе. За выдачу башкирских послов власти империи обещали казахам вознаграждение по 200–300 рублей за каждого из них. Абулмамбет-султан и Шаммухамет-мурза отказались поддержать восставших. 24 июня 1737 г. они встретились с Абулхаиром и предложили повстанцам прекратить восстание, принести властям повинную. Указанный Абулхаир-хан, искавший союза с Россией и ее защиты (вплоть до признания её протектората над подвластными ему родами), «претерпевал великия раззорения и обиды» и от «зюнгорских калмыкъ», и «от смежнаго им башкирскаго народа ... ибо башкирцы на ихъ киргизские улусы непрестанные чинили набеги и многия тысячи лошадей у них угоняли...» (Рычков, 1896: 5). Очевидно, что заявление Абулхаира-хана о том, что только он сможет удерживать башкир от антиправительственных выступлений, выглядит надуманным, вероятно, и сам Абулхаир понимал, что башкиры воспринимали его персону лишь как одного из акторов, некоторые возможности которого принимали в расчёт лидеры башкирского восстания того периода, в частности потомственный тархан, батыр и старшина Бурзянской волости Алдар Исякаев.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что многие казахские правители родов были заинтересованы в бесперебойной торговле с русскими купцами на рынках Оренбурга и других крепостей, в приобретении российских промышленных изделий и сбыте скота. Статус Абулхаира как вассала Анны Иоанновны обеспечивал товарообмен, и российская сторона активно использовала экономическую заинтересованность таких глав казахских родов, как Букенбай из рода табын, Шакшак Жанибек из аргынов, на которых опирался Абулхаир в политических интересах. В этой связи не случайно правительство Анны Ивановны пошло навстречу предложениям Абулхаира, отправившего в 1730 г. в Уфу посольство с просьбой принять Малый жуз в российское подданство с целью «создать плацдарм для завоевания в Средней Азии, а также предотвратить возможность союза

казахов с башкирами, боровшимися в это время за свою независимость» (*История Узбекистана...*, 1947: 209). По призыву правительства в июле–августе 1737 г. казахские ханы и султаны, вторгшись в пределы южных волостей Ногайской и Сибирской дорог Башкирии, расправлялись с восставшими. Тем не менее, другие казахи сочувствовали башкирам и приходили им на помощь. Известно, что около 700 казахов летом 1737 г. участвовали в восстании. Они совместно с башкирами действовали в районе р. Дёма (*ИБН, 2011: 220*).

В условиях, когда во второй половине 1737 г. башкиры Ногайской дороги планировали начать новое выступление, вмешательство казахов во главе с Абулхаиром сильно его затормозило. Указанный правитель Малого жуза посылал на территорию Ногайской дороги Башкирии вооружённые отряды с требованием к башкирским повстанцам о принесении повинной. Это стало одной из причин того, почему, имея возможность начать выступление зимой, башкиры бездействовали. Власти успели собраться с силами – внезапность нападения была упущена. Кроме того, доверившись Абулхаиру, отдельные предводители восставших попали в руки карателей. Например, один из активнейших деятелей восстания в Ногайской дороге Кусяп-батыр Султангулов из рода тангаур, сопровождавший Абулхаира в поездке на юг за его сыном, будущим ханом-воспитанником, отказался вначале войти с ханом в Оренбург (тогда ещё на месте нынешнего г. Орск, иначе Яман-кала). Но хан, следуя настояниям В.Н. Татищева, обещал Кусяп-батыру безопасность, татарский мулла Сеитовой Каргалы Абдрахманов также гарантировал башкирам, поклявшись на Коране. Но сразу за воротами крепости Кусяп-батыр был схвачен и позже казнён. После этого башкиры начали охоту за Абулхаиром, и он не появлялся на правой стороне Яика, иначе как под охраной царских драгун или казаков (*Устюгов, 1950: 107-108, 116*).

Тем не менее, в июле 1738 г. башкиры попытались получить помощь от казахов Среднего жуза. Барак-султан обещал поддержать восставших при условии принятия в качестве хана его сына Шигая-султана. Предводители восстания пытались объединить народ вокруг приехавшего на территорию Сибирской дороги Шигая-султана, однако успеха добиться не удалось (*ИБН, 2011: 221*).

В октябре 1737 г., когда движение на территории Ногайской дороги практически прекратилось, восставшие сделали попытку укрыться от карательных команд в труднодоступных горах и лесах, а некоторые искали спасения у казахов. Сохранилось несколько документов об их отъезде к казахам Среднего жуза. Так, «верный» башкир Бурзянской волости Акбулат Аркаев в письме майору Останкову сообщал, что «...изменники де башкирцы пошли в киргизцы з 300 домов между рек Кизилами за Яик» (*Материалы...*, 2002: 475). В другом письме старшин Бурзянской волости говорится о том, что «...воров башкирцов откочевали в Кайсацкие орды дворов со 100» (*МИБ, 1936: 479-480*).

Сохранились сведения о попытках возобновить восстание и среди зауральских башкир. Так, Мандар Карабаев обратился за помощью к хану Среднего жуза Шемяке, чему свидетельство материалы допроса одного из пленных восставших, которого звали Калмаккул Каракучуков. Он сообщал следующее: «Башкирец Мандар после поимки вора Тюлькучуры послал сына своего Мавлюта с прочими башкирцы 30 человек в Киргиз-Кайсацкую орду... и ежели де означенной Мандаров сына Мавлют из Киргиз-Кайсацкой орды приедет с киргиз-кайсаками, то имеют намерение впредь бунтовать» (*Материалы, 2002: 486*).

Также в его показаниях говорилось о том, что восставшие из Ногайской дороги делали призывы башкирам Сибирской дороги «быть им, всем башкирцам, в одном согласии в подданстве у е. и. в. А ежели ис Киргиз-Кайсацкой орды приедет Шемякхан с людьми, то б соединиться с ними... чтоб вместе воровать» (*МИБ, 1936: 487*). Однако переговоры оказались безрезультатными, поскольку башкиры восприняли это так, что казахские ханы и султаны пытались подчинить их своей воле, навязав султанов без гарантий самоуправления. Предложения казахских ханов были отвергнуты большинством. Попытки наладить связи башкир с казахами в тот период следует рассматривать в контексте договорного подданства (мнение И.Г. Акманова) или «свободного вассалитета», по выражению Н.В. Устюгова, с правом на откочёвку от несправедливого монарха, как стремление повстанцев отказаться от не соблюдавшей договорное подданство царицы, с одной стороны, и стремление перейти под власть казахских ханов (*Акманов, 1995: 77-80; Устюгов, 1947: 30-110*), но при сохранении условий договорного подданства и самоуправления, включая право на условия «икта-асаба» (в российской историографии вотчинное право самоуправления и наследуемого землевладения, русское «вотчина» от слова «отцовское, отчее» значит наследуемое).

Башкиры, во время переговоров с казахами, настаивали на безусловном прощении от правительства за участие в восстании, подчёркивая то, что речь идёт не об амнистии за правонарушения, а о восстановлении прежнего законного порядка, нарушенного действиями царских чиновников. Изменение прежнего законного порядка здесь, по их мнению, и было правонарушением, повлёкшим восстание.

Башкиры требовали отмены практики изъятия штрафных лошадей, прекращения принудительной присяги в крепостях, освобождения захваченных в плен лидеров движения и других участников предыдущих этапов восстания, отзыва карательных отрядов и прекращения самоуправления со стороны «верноподданных» башкир. Эти требования были изложены в челобитных,

адресованных В.Н. Татищеву, Л.Я. Соймонову, а также другим представителям царской администрации и командирам правительственных отрядов (ИБН, 2011: 222).

Несколько иные настроения царили среди лидеров восстания в 1739–1740 гг. – в последний период движения, когда среди восставших башкир появился Карасакал – кучумович Байбулат ибн Хасан, поднятый на белой кошке как хан Султан-Гирей. Царским властям башкиры не сообщали подробности его происхождения и статуса, поэтому в царских архивах он больше известен под псевдонимом Миндигул Юлаев из племени Юрматы или Карасакал. Да и сами царские историографы не стремились подчеркнуть его знатное происхождение. Традиция приглашения знатных представителей династий на статус представительного, но не правящего монарха, ограниченного волей местной знати, чтобы возглавить башкиров, была не нова. Достаточно вспомнить оставшиеся в наследство от Крымского ханства позднеордынские государственно-политические практики польских Сеймов, с приглашёнными монархами, в числе которых были король Генрих Валуа, курфюрст Август Саксен-Кобургский, король Швеции Карл XII и многие другие.

Во время весны и лета 1739 г. со стороны казахов Среднего жуза были присланы не раз отряды для поддержки башкир. Видимо, это было связано с тем, что удалось договориться о том, кто будет новым башкирским ханом в ходе обмена делегациями летом 1739 г., когда башкирская делегация во главе с братьями Мандаром и Мавлютой Карабаевыми приехала к казахам. Один из пленённых башкир по имени Тюкуш Кагалыев, после проведения пыток, 20 сентября 1739 г. поведал следующее: «Ногайской дороги Сеитбай киргис касацкой орды з Барак Салтаном в одном согласи чтоб воровать ...» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1183. Л. 527).

Видимо, царским властям информация о появлении некоего Карасакала поступила лишь в ноябре 1739 г. Скорее всего, она впервые была получена от пленного башкира Нуруша Кинзекеева. Он в ходе допроса рассказал о том, что у Алланзиангулы Кутлугузина, который был одним из старшин Айлинской волости на Сибирской дороге, жил «шпион турченин». Данный «шпион турченин» попал в Башкортостан «через российские города прямо, знатно де русской язык знает, и шел пешей в черном кафтане» (МИБ, 1936: 646).

В одной из своих работ авторами была подробно рассмотрена история династии Карасакала (Сабитов, 2014: 88–91). Здесь же представим реконструированную нами родословную Карасакала и его ближайших родственников.

Особый интерес представляют многочисленные свидетельства, указывающие на то, как Карасакал, покинув пределы Башкирии, без труда нашёл убежище у казахов и продолжил активную политическую деятельность. Источники подтверждают, что он сначала находился в Большом жузе, а затем переместился в Средний жуз. Так, согласно журналу переговоров генерал-лейтенанта князя В.А. Урусова с представителями казахской знати от 21 августа 1740 г., Букенбай-батыр сообщил, что ему удалось обнаружить Карасакала в Усинской волости Большого жуза, однако выдать его отказались, сказав следующее: «Когда-де привести, то-де и сами привезем, а буде хочешь-де брать насильно, то бери, только ево, Букенбаевой мочи, чтоб насильно взять, не было» (Казахско-русские..., 1961: 134–135).

Аналогичные сведения также зафиксированы в отчёте поручика Д. Гладышева, в котором он описал свою миссию к казахскому хану Абулхайру в мае 1741 г., и где он сообщал, что хан игнорировал официальные требования о поимке Карасакала, а напротив, заключил договорённости с владыками Среднего и Меньшего жузов об отказе в выдаче. Более того, Гладышев установил, что Карасакал находился под покровительством Барак-салтана, с которым осенью 1740 г. совершил поход в земли Зюнгарию против калмыков – «в Зюнгорское владение для разорения калмык» (Казахско-русские..., 1961: 181).

Также здесь стоит отметить следующие факты:

1. Утверждения имперских властей о том, что Карасакал был «турецким шпионом» и (или) «самозванцем», которого раньше не знали ни власти, ни сами башкиры до осени 1739 г.
2. Слухи о том, что к башкирам на помощь идут 82 тысячи войска.
3. Попытки генерала Урусова «объявить Карасакала башкиром».
4. Бегство Карасакала к казахам. Его проживание в Старшем и Среднем жузах казахов.
5. Активное участие Карасакала в политической жизни Казахского ханства
6. Полное нежелание казахов выдать Карасакала имперским властям.

Все эти факты, наряду с другими вышеуказанными фактами, позволяют выдвинуть предположение о том, что фигура Карасакала не была случайной. Напротив, всё указывает на координацию действий между башкирскими повстанцами и казахскими ханами, прежде всего Абулмаметом и Бараком, стремившимися воспрепятствовать продвижению российской военной машины в казахские степи.

Доказательством глубины и организованности взаимодействия служит документ из РГАДА, в котором говорится о совместных нападениях башкиров и казахов: «Приезжали в Тамьянскую, Кубеляцкую, Тлевскую, Кукрак-Табынскую волости киргис кайсаков ханы Аблай да Абулмамет в собрании всего 3000 человек, в том числе воров башкирцов 300 человек. Главным вышеозначенной вор башкирец Нуруш батыр... в тех волостях побили до смерти верных башкирцев мужеска и женска

полу с три ста, в полон взяли 500 человек, отогнали 3000 лошадей» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1183. Л. 261).

Карасакал произвёл на казахскую аристократию весьма положительное впечатление. Ему, несмотря на обещанную российскими властями крупную сумму за его поимку, удаётся получить убежище у казахов. Его покровителями стали Казыбек-бий из рода Аргын и Кабанбай-батыр из рода Найман. Также его поддерживали такие казахские султаны, как Барак и Батыр, бывшие в оппозиции к Абулхаир-хану. Содержание писем хана Абулхаира в Оренбургскую комиссию подтверждает отмеченное; так, в письме от 25 апреля 1742 г., Абулхаир спешит сообщить: «Абулмамет и Барак, Батыр салтаны и Карасакал, четверо советуют единогласно... и отвращают свой народ от Вашего и.в. подданства» (*Казахско-русские...*, 1961: 190).

Очевидно, лидеры башкир и казахов того периода были осведомлены о ходе очередной русско-турецкой войны (1735–1739 гг.), восстаниях на Северном Кавказе, настроениях в калмыцких улусах и прочих внешних обстоятельствах, что и предопределяло их действия.

На последнем этапе восстания казахи Малого жуза под предводительством Абулхаира сыграли немалую роль в деле его подавления. Так, в июне 1740 г. его воины в окрестностях озера Чебаркуль, что в Башкирском Зауралье, совершили набег на отряд Карасакала. В ходе этого инцидента погиб соратник Карасакала – старшина Кара-Табынской волости Аккузя-батыр Кулумбетов, а сам Карасакал, получивший серьёзные ранения, и некоторые другие его сторонники скрылись в улусе Канджагалы Аргынского рода. В июле того же года казахский старшина Букенбай, сделавший доклад Урусову о выполнении задания по поимке Карасакала, не выполнил тем не менее распоряжение о немедленном аресте и сдаче властям знатного пленника. Часть казахов из Среднего жуза продолжала воевать на стороне восставших башкир.

5. Заключение

Возведение крепости и города Оренбург на реке Ор, а впоследствии и целой системы укрепленных линий вдоль южной и юго-восточной окраины расселения башкир со второй трети XVIII в. стало важной составляющей процесса колонизации башкирских территорий, а также частью более масштабного проекта – юго-восточной экспансии Российской империи в направлении Центральной Азии. Эти мероприятия явились катализатором нового восстания башкир, в ряде источников обозначаемого как Русско-башкирская война. Примечательно, что одним из инициаторов строительства Оренбурга выступил хан Младшего жуза Абулхаир, действия которого стали частью начала процесса вхождения казахских племён в вассальную зависимость от России с 1731 г. – события, имевшего ключевое значение для дальнейшего исторического пути казахского народа.

Архивные документы и источники свидетельствуют об активном участии казахов в башкирском восстании 1735–1740 гг. Эти события ознаменовали собой новый этап в развитии этнополитических отношений между башкирами и казахами, продолжавшихся на протяжении всего XVIII и начала XIX в. Восстание поддержали различные казахские формирования с разными мотивациями: некоторые родовые группы Среднего и Старшего жузов оказывали помощь башкирам в противодействии российской экспансии, тогда как отряды Младшего жуза во главе с Абулхаиром выступили на стороне империи.

В результате Оренбургской экспедиции и последующего подавления восстания, земли за рекой Яик (после подавления восстания Е. Пугачёва – р. Урал) получили официальное наименование «степь киргиз-кайсаков», тогда как башкиры утратили контроль над Илецкими соляными промыслами. Казахы стали новыми жителями левобережья Яика, что напрямую связано с их включением в орбиту Российской империи и созданием Оренбургской губернии.

Участие казахской стороны в событиях восстания 1735–1740 гг. не ограничивалось спорадическим взаимодействием, а носило, в некоторой мере, характер сознательной политико-военной координации, направленной на сдерживание экспансии Российской империи в степном регионе. Вместе с тем историк Б.С. Сулейманов обращает внимание на то, что ряд казахских правителей приняли курс на сближение с Россией после стабилизации ситуации в Башкирии. Сами же башкиры предпочли избегать прямых конфликтов с Казахской степью. Символическим проявлением стремления к нормализации отношений можно считать обмен посольствами в 1715 г.: прибытие казахской делегации во главе с бием Тайкомуром в Уфу в сентябре 1715 г. стало ответом на визит башкирского посольства весной того же года к казахским кочевьям, возглавляемого Карт-батыром. Главной задачей переговоров было прекращение взаимных набегов и организация обмена пленными: «...целью башкирского посольства было прекращение дальнейших взаимных нападений и обмен пленниками...».

Несмотря на отдельные эпизоды сотрудничества, полноценный военно-политический союз между башкирами и казахами в ходе восстания не сложился. Одной из причин тому было недоверие башкирской знати к казахским ханам, связанное с опасениями утраты собственного самоуправления. Некоторые башкирские лидеры, временно соглашаясь на союз, скорее руководствовались тактическими соображениями. Отношения между башкирами и казахскими чингизидами в первой половине XVIII в. можно охарактеризовать как договорное подданство или форму «свободного

вассалитета» – с сохранением права на отказ от подчинения несправедливому правителю. Это отражало стремление части повстанцев выйти из-под контроля имперской администрации и временно вступить в союз с казахскими ханами в условиях неблагоприятной военно-политической ситуации 1730-х гг. Для башкирской элиты была важна поддержка со стороны династий чингизидов – будь то кучумовичи, калмыцкие тайши, казахские или крымские ханы.

Международная обстановка, включая русско-османские войны, восстания донских казаков, действия калмыков и другие факторы, также оказала значительное влияние на стратегические расчёты как предводителей башкирского восстания, так и казахских ханов в рассматриваемый период.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта «Написание иллюстрированной биографической энциклопедии по истории Казахстана», BR24993173.

Литература

- Азнабаев, 2016** – Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.
- Акманов, 1995** – Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII вв. Уфа: Китап, 1993. 224 с.
- Витевский, 1897** – Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: Историческая монография В.Н. Витевского. Казань: Типо-Литография В.М. Ключникова. Вып. 2. Казань, 1897. 629 с.
- ГАСО** – Государственный архив Свердловской области.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Добросмыслов, 1900** – Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г. / Оренбург: Типо-лит. Ф. Б. Сачкова, 1900. 104 с.
- Доннелли, 1995** – Доннелли А. С. Завоевание Башкирии Россией, 1552 -1740: Страницы истории империализма: [Пер. с англ.]. [Вступ. статьи Р. Г. Кузеева, И. Г. Акманова]. Б. м.: Междунар. корпорация «Ватан», 1995. 285 с.
- Игнатъев, 1922** – Игнатъев Р.Г. Карасакал, лжехан Башкирии (эпизод из истории Оренбургского края XVIII столетия) // *Труды научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БАССР*. Вып. 2. Стерлитамак, 1922. С. 38-66.
- ИБН** – История башкирского народа. В 7 т. Т. III. Уфа: Гилем, 2011. 475 с.
- ИКРИ** – История Казахстана в Русских Источниках. Т. 2. Алматы, 2005. 448 с.
- История Узбекистана..., 1947** – История народов Узбекистана. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1947. 424 с.
- Казахско-русские..., 1961** – Казахско-русские отношения в XVI – XVIII вв. Алма-Ата, 1961. 742 с.
- Левшин, 1882** – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. II. Исторические известия. СПб.: Въ Типографии Карла Крайла, 1832. 334 с.
- МИБ, 1936** – Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.-Л.: Издательство Академии наук ССР, 1936. 631 с.
- Материалы..., 2002** – Материалы по истории Башкортостана / Авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Т. VI. Уфа: Китап, 2002. 768 с.
- НА УФИЦ РАН** – Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН.
- Позднеев, 1991** – Позднеев А.М. Каракасал / Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона 1890 г. Т. 27. «Терра», 1991. С. 434-435.
- ПСР** – Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992. 432 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Рычков, 1896** – Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750). Издание Оренбургского Губернского Статистического Комитета. Подъ редакцией и съ примечаниями Н.М. Гутъера секретаря Комитета. Оренбург, 1896. 95 с.
- Сабитов, 2014** – Сабитов Ж.М. Кучумовичи в Восточном Дешт-и Кипчаке в середине XVII – XIX века / *История, экономика, и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции*. Курганский государственный университет, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. Курган, 17-18 апреля 2014. С. 88-91.
- Сулейманов, 2013** – Сулейманов Б.С. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. М.: Книга по требованию, 2013. 248 с.
- Таймасов, 2004** – Таймасов С.У. К вопросу о происхождении Карасакала // *Вестник Академии наук РБ*. 2004. № 4. С. 67-70.
- Тоган, 2010** – Валиди Тоган А.З. История башкир / Перевод с турецк. А. М. Юлдашбаева; авт. вступ. статей А. М. Юлдашбаев, И. Тоган. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
- Устюгов, 1947** – Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // *Исторические записки*. М., 1947. Т. 24. С. 30-110.

Устюгов, 1950 – Устюгов Н.В. Башкирское восстание. 1737–1739 гг. М., 1950. 156 с.

Хадыев, 2007 – Хадыев М. История башкир. Уфа: Китап, 2007. 136 с.

References

- Akmanov, 1993** – Akmanov, I.G. (1993). Bashkirskie vosstaniya XVII–XVIII vv. [Bashkir uprisings of the XVII–XVIII centuries]. Ufa: Kitap, 224 p. [in Russian]
- Aznabaev, 2006** – Aznabaev, B.A. (2006). Bashkirskoe obshchestvo v XVII – pervoi treti XVII v.: monografiya [Bashkir society in the XVII – the first third of the XVII century]. Ufa: RIC BashGU, 370 p. [in Russian]
- Dobromyslov, 1902** – Dobromyslov, A.I. (1902). Turgayskaya oblast. Istoricheskiy ocherk [Turgai region. Historical essay]. Orenburg: Tipo-lit. F. B. Sachkova, 104 p. [in Russian]
- Donnelly, 1995** – Donnelly, A.S. (1995). Zavoevanie Bashkirii Rossiej, 1552–1740: Stranicy istorii imperializm [The conquest of Bashkiria by Russia, 1552–1740: Pages of the history of imperialism] [Per. s angl.]. Vstup. stat'i R. G. Kuzeeva, I. G. Akmanova]. B. m.: Mezhdunar. korporaciya «Vatan», 285 p. [in Russian]
- GASO** – Gosudarstvennyi arhiv Sverdlovskoi oblasti [The State Archive of the Sverdlovsk region].
- GAOO** – Gosudarstvennyi arhiv Orenburgskoi oblasti [The State Archive of the Orenburg region].
- Hadiyev, 2007** – Hadiyev, M. (2007). Istoriya Bashkir [The history of bashkir]. Ufa: Kitap, 136 p. [in Russian]
- IBN** – Istoriya bashkirskogo naroda [The history of Bashkir people] V 7 t. T. III. 475 p. [in Russian]
- Ignatiev, 1922** – Ignatiev, R.G. (1922). Karasakal, Izhekhan Bashkirii (epizod iz istorii Orenburgskogo kraia XVIII stoletiya [Karasakal, the false khan of Bashkiria (an episode from the history of the Orenburg Region of the XVIII century)]. *Trudy nauchnogo obshchestva po izucheniyu bta, istorii i kul'tury bashkir pri Narkomprose BASSR*. Vyp. 2. Sterlitamak. Pp. 38-66. [in Russian]
- IKRI** – Istoriya Kazakhstana v Russkikh Istochnikah [The history of Kazakhstan in russian sources]. T. 2. Almaty. 2005. 448 p. [in Russian]
- Istoriya Uzbekistana..., 1947** – Istoriya narodov Uzbekistana. Ot obrazovaniya gosudarstva Shejbanidov do Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoi revolyucii [The history of the peoples of Uzbekistan. From the formation of the Sheibanid state to the Great October Socialist Revolution]. T. 2. Izd-vo AN UzSSR, Tashkent, 1947. 424 p. [in Russian]
- Kazahsko-russkie..., 1961** – Kazahsko-russkie otnosheniya v XVI – XVIII vv. [Kazakh-Russian relations in the XVI – XVIII centuries]. Alma Ata, 1961. 742 p. [in Russian]
- Levshin, 1832** – Opisanie kirgiz-kazachih, ili kirgiz-kaisackih ord i stepei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. Ch. II. Istoricheskie izvestiya. SPb.: V" Tipografii Karla Krail, 1832. 334 p. [in Russian]
- Materialy..., 2002** – Materialy po istorii Bashkortostana [Materials on the history of Bashkortostan]. T. VI. Ufa, 2002. Avt.-sost. N.F. Demidova. T. VI. Ufa, Kitap, 2002. 768 p. [in Russian]
- MIB, 1936** – Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR. Ch. 1. Bashkirskiye vosstaniya v XVII i pervoi polovine XVIII vv. [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Part 1. Bashkir uprisings in the XVII and the first half of the XVIII centuries]. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSR, 1936. 631 p. [in Russian]
- NA UFIC RAN** – Nauchnyi arhiv Ufimskogo federalnogo issledovatel'skogo centra RAN [Scientific Archive of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences].
- Pozdneev, 1991** – Pozdneev, A.M. (1991). Karakasal [Karakasal]. Enciklopedicheskiy slovar. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya F.A. Brokgauza – I.A. Efrona 1890 g. T. 27. «Terra». Pp. 434-435. [in Russian]
- PSR** – Pod styagom Rossiyi: Sbornik arhivnykh dokumentov [Under the banner of Russia: Collection of archival documents]. Moskva. 1992. 432 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskiy gosudarstvennyi arkhiv drevnih aktov [The Russian state archive of ancient acts].
- Rychkov, 1896** – Rychkov, P.I. (1896). Istoriya Orenburgskaya (1730–1750) [Orenburg History (1730–1750)]. Izdanie Orenburgskago Gubernskago Statisticheskago Komiteta. Pod redakcieyi i s primechaniyami N.M. Gut'yara sekretarya Komiteta. Orenburg". 95 p. [in Russian]
- Sabitov, 2014** – Sabitov, Zh.M. (2014). Kuchumovichi v Vostochnom Desht-i Kipchake v seredine XVII – XIX veka [Kuchumovichi in Eastern Desht-i Kipchak in the middle of the XVII – XIX century]. *Istoriya, ekonomika, i kultura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarsvt Zapadnoi Sibiri: materialy II Vserossiyskoi nauchnoi konferentsii*. Kurganskiy gosudarstvennyi universitet, Omskiy filial Instituta arheologii i etnografiyi SO RAN. Kurgan, 17-18 aprelya 2014. Pp. 88-91. [in Russian]
- Sulejmanov, 2013** – Sulejmanov, B.S. (2013). Kazahstan v sostave Rossiyi v XVIII – nachale XX veka [Kazakhstan as part of Russia in the 18th – early 20th centuries]. M.: Kniga po trebovaniyu, 248 p. [in Russian]
- Taimasov, 2004** – Taimasov, S.U. (2004). K voprosu o proiskhozhdenii Karasakala [On the question of the origin of Karasakal]. *Vestnik Akademii nauk RB*. 4: 67-70. [in Russian]

- [Togan, 2010](#) – *Togan, A.-Z. Validi* (2010). The history of Bashkirs [The history of Bashkirs]. Ufa: Kitap, 352 p. [in Russian]
- [Ustyugov, 1947](#) – *Ustyugov, N.V.* (1947). Bashkirskoe vosstanie 1662–1664 gg. [Bashkir Uprising of 1662–1664. “Historical notes”]. T. 24. Pp. 30–110. [in Russian]
- [Ustyugov, 1950](#) – *Ustyugov, N.V.* (1950). Bashkirskoe vosstanie 1737–1739 gg. [Bashkir Uprising of 1737–1739]. M., 156 p. [in Russian]
- [Vitevskiy, 1897](#) – *Vitevskiy, V.N.* (1897). I.I. Neplyuev i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758 g. [V.N. Neplyuev and the Orenburg region in its former composition before 1758]. Istoricheskaya monografiya V.N. Vitevskogo. Kazan: Tipo-Litografiya V.M. Klyuchnikova. Pp. 178–369. [in Russian]

Башкирское восстание 1735–1740 гг. Сквозь призму башкиро-казахских отношений

Рафил Рифгатович Асылгужин ^{a, *}, Ирек Фаритович Амантаев ^b, Жаксылык Муратович Сабитов ^c

^a «Научный институт изучения Улуса Джучи» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

^b ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан», Уфа, Российская Федерация

^c Атырауский Университет им. Х. Досмухамедова, Атырау, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются башкиро-казахские отношения в 30-е – 40-е гг. XVIII в. на фоне ряда взаимосвязанных событий. Развёрнутое строительство оборонительных линий и крепостей вдоль восточной и южной границ башкирской территории, дополнившее ранее возведённые на западе Старую (середина XVII в.) и Новую (начало 1730-х гг.) Закамские укрепленные линии, стало ключевым фактором, приведшим к одному из наиболее масштабных и кровопролитных вооружённых конфликтов XVIII в. – Башкирскому восстанию 1737–1742 гг., также известному как Русско-башкирская война (движение Карасакала). Башкирская знать ясно осознавала: успешная реализация задач, возложенных на Оренбургскую экспедицию, означала бы плотное кольцо военных укреплений вокруг Башкирии, превращение региона во внутреннюю провинцию Российской империи и серьёзное ограничение традиционных связей с казаками и другими соседними народами. Для башкир ситуация усугублялась также системной колонизационной политикой властей, проводимой в преддверии восстания. В ряду наиболее значимых правительственных мероприятий стали: массовое переселение в регион некоренного населения, «отчуждение башкирских вотчинных земель в пользу русских дворян, промышленников, офицеров, мишарей и других инородцев», которое было следствием указа от 11 февраля 1736 г., большое увеличение повинностей и налогов, а также экономические ограничения, включая вмешательство в традиционное природопользование, в частности право доступа к лесным ресурсам.

В статье разбираются и противоречивые сведения о роли Карасакала в восстании, дан анализ причин и обстоятельств участия казахов в указанном башкирском восстании, в частности, о пребывании в Башкортостане в 1737 г. хана Самеке и султана Барака, о контактах башкир с ханом Абулмамбетом и султаном Аблаем, о перекочёвке группы башкир в Казахстан, а также о мероприятиях царских губернаторов по использованию лояльных империи казахов в подавлении восстания.

Отдельно рассматриваются обращения башкирских повстанцев к казахским ханам с просьбой направить к ним одного из представителей династии Джучи в качестве правителя. Указанное связано с позднеордынскими практиками самоуправления родов под номинальной эгидой «хана-воспитанника». Уделяется внимание совместным действиям казахских и башкирских лидеров против царских войск и верных им отрядов башкир, а также мотивам, которые двигали казахскими ханами и предводителями башкирских повстанцев. Отмеченные события рассматриваются в контексте сложной внешнеполитической обстановки той эпохи.

Ключевые слова: Башкирские восстания, башкиры, казахи, каракалпаки, калмыки, Оренбургская экспедиция, Карасакал, миграция, ханы-джучиды.

* Корреспондирующий автор

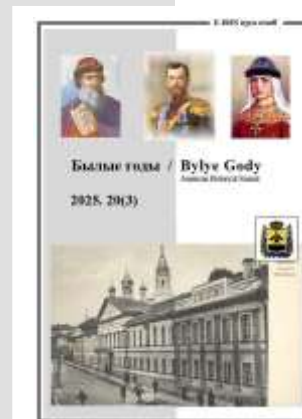
Адреса электронной почты: asrafil@yandex.ru (Р.Р. Асылгужин), amantajo8@mail.ru (И.Ф. Амантаев), zh.sabitov@gmail.com (Ж.М. Сабитов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1117-1127
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1117

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Issue of Khan Abylai's Protection of the Interests of His Subjects

Ziyabek Y. Kabuldinov ^a, Nurbolat A. Abuov ^{b, *}, Murat Zh. Abdirov ^a, Jumagul R. Baidildeev ^c

^a Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Branch of the Institute of History and Ethnology named after Ch. Valikhanov, Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan

^c I. Arbaev Kyrgyz State University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Abstract

This article examines the foreign policy activities of Abylai Khan, his role in defending the interests of his subjects, and maintaining independence before the Russian Empire. The article draws on sources, analyzes office documentation, numerous letters from Abylai, extracted from archives, collections of documents, giving an idea of the whole range of Kazakh-Russian relations near the fortresses that were built by the Russian Empire on the territory of the Kazakh Khanate. As a result of the study of written sources, letters from Abylai sent to Russian officials and officers, numerous historical facts related to violations of the rights of Kazakhs were revealed. The article presents diverse conflicts in the border zone between the Kazakhs, Bashkirs, Kalmyks, Cossacks, and the military, which led to the Russian authorities illegally capturing Kazakhs, stealing cattle, hiding fugitive Kazakh subjects, and violating property rights and religious rights of the autochthonous population. The article reveals the active diplomatic correspondence carried out by Abylai, demonstrates the desire to maintain parity in Kazakh-Russian relations, the requirements for compliance with existing agreements with the Russian Empire shows his independence and initiative, responsibility in making difficult decisions.

A generalization of numerous facts allows the authors to conclude that Abylai, throughout the entire period of his reign as a sultan and then as a khan, was an outstanding statesman who scrupulously defended the interests of his people. Realizing all the military-technical power of the Russian Empire, trying to protect his people and preserve the independence of the Kazakh people, he chose the diplomatic path of resolving all controversial and conflict situations without exposing the population to the risk of military conflict.

Keywords: Abylai, Russian Empire, diplomatic correspondence, regional authorities, subjects, prisoners.

1. Введение

Современный Казахстан и Россия имеют самую протяжённую сухопутную границу, которая исторически сомкнулась в XVIII в., определив разноплановые геополитические задачи двух стран. Изучение исторических возможностей и методов решения этих задач в XVIII в., а также истории тесного взаимодействия двух стран, остаются актуальными исследовательскими аспектами для современных учёных-историков.

В XVIII в. после строительства военных крепостных линий Российская империя начинает политику по усилению своего политического, экономического влияния на казахов, которые, присягнув на подданство, оказались в зоне российских интересов. Основной целью российской политики в XVIII в. было привлечение на свою сторону степной элиты, которая могла повлиять на народные массы и стать

* Corresponding author

E-mail addresses: abuovnur@mail.ru (N.A. Abuov), kabulzia@rambler.ru (Z.Y. Kabuldinov), abdirov.murat@mail.ru (M.Zh. Abdirov), j.baidildeev@gmail.com (J.R. Baidildeev)

проводником политики Российской империи. В этой связи очень важно рассмотреть политику Абылая, являвшегося харизматичным лидером, осознававшим всю ответственность перед народом в свете новых исторических вызовов. Абылай, формально принявший российское подданство, вёл свою независимую политику, стремясь не быть вовлечённым в какие-либо тесные обязательства перед Россией, которые бы подрывали интересы казахского народа. Абылай выступал решительным защитником своих подданных от произвола военных лиц в крепостях, форпостах и редутах на Иртышской и Новоишимской линиях. По-другому в 40–70-е годы XVIII в. быть не могло, поскольку Российская империя в лице региональных властей в Северном, Северо-Восточном и Восточном Казахстане вела переговоры в основном через Абылая, а также через других влиятельных правителей – таких султанов, как Султанмамбет и Абулфеис, правивших в районе Среднего Прииртышья. Это был единственно возможный шаг российских властей, так как урегулирование всех вопросов, связанных с угоном скота и конокрадством, необходимо было производить централизованно, и только через влиятельных и авторитетных фигур в лице ханов и султанов.

2. Материалы и методы

Источниками для написания статьи стали фонды следующих архивов: архива Санкт-Петербургского исторического института Российской Академии наук (Архив СПбИИ РАН) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Исторического архива Омской области (ИАОО) (Омск, Российская Федерация), Государственного архива Омской области (ГАОО) (Омск, Российская Федерация), архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) (Москва, Российская Федерация). В фондах данных архивов содержится делопроизводственная документация, письма, отражающие состояние дел в приграничной территории между Российской империей и Казахским ханством. Следует отметить, что письма Абылая к российским чиновникам раскрывают обоюдострые отношения того периода, связанные с защитой его подданных, а также его стремлением сохранять паритет интересов в межгосударственных отношениях.

Методологической основой в разработке источников статьи стали принципы историзма и объективный подход. В исследовании применялись такие методы научного познания, как анализ и синтез, агрегативный и ретроспективный методы. Применение методов анализа и синтеза позволило рассмотреть широкое представительство российских чиновников, к которым Абылай обращался в своих письмах в статусе султана, а затем хана. Широкий охват проблем как рядовых казахов, так и представителей степной элиты позволяет нам утверждать о том, что он твёрдо и ревностно отстаивал интересы своего народа. Анализ содержания писем Абылая позволил выделить в его деятельности предъявление законных требований к российской стороне по таким направлениям, как защита имущественных прав казахов, защита интересов казахов в земельных спорах, возникавших на приграничной территории, защита пленённых казахов и сохранение паритетных условий обмена пленными, защита прав мусульман и их вероисповедания. Ретроспективный анализ содержания политической переписки Абылая с российскими чиновниками и военными офицерами позволяет рассмотреть конкретную историческую обстановку на приграничных территориях и дать оценку деятельности Абылая. Агрегативный метод позволил собрать факты из широкого круга источников. Все выводы нашей статьи оформлены на базе исторических источников, которыми являются письма Абылая.

3. Обсуждение

Вся политическая деятельность Абылая и уровень его влияния на казахский народ стали основанием для российских властей отслеживать его планы, решения и предпринимаемые действия. Позже его государственная деятельность стала изучаться учёными, которые исследовали феномен исторической фигуры Абылай хана. Интересные факты о российско-казахских отношениях и об Абылае оставил в своём труде офицер XVIII в. И.Г. Андреев ([Андреев, 2006](#)). В дореволюционный период свой труд «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей» опубликовал А.И. Левшин ([Левшин, 1996](#)). В его работе мы встречаем массу сведений о выдающейся роли Абылая как организатора и участника освободительной борьбы казахского народа против джунгар, о его роли и влиянии в Степи. Он также даёт высокую оценку внешнеполитической деятельности Абылая, подчёркивая его уверенность, харизматический характер, умение находить и привлекать на свою сторону союзников, действовать по обстановке в регионе, что позволяло ему оставаться независимым правителем как от Китая, так и от России ([Левшин, 1996: 254](#)).

Историческая фигура и его политическая деятельность привлекала не только российских учёных, но и учёных европейских стран в конце XIX – начале XX в. Так, французский учёный М. Куран, защитивший докторскую диссертацию в Лионском университете в 1912 г. на тему «Центральная Азия в XVII и XVIII веке», на нескольких страницах даёт интересные сведения о хане Абылае ([Шаймарданова, 2021: 46](#)). В публикации современного историка З.Д. Шаймардановой содержится ряд сведений о таких учёных, как Камил Эмбо-Юарт, Жюльен Станислас, затрагивавших в своих исследованиях историю цинского Китая и Казахского ханства, в которых Абылай играл ведущую роль ([Шаймарданова, 2021](#)).

В советский период внешнеполитическая деятельность Абылая, его политика по сохранению независимости казахов, в целом его роль в истории Казахского ханства практически не рассматривалась или преподносилась отрицательно по идеологическим мотивам. Свои труды этому периоду и данной проблематике посвящали такие историки, как М.П. Вяткин (Вяткин, 1947), Е.Б. Бекмаханов (Бекмаханов, 1957), Б.С. Сулейменов, В.Я. Басин (Сулейменов, Басин, 1981) и другие. Основным аспектом российско-казахских отношений для исследований советских историков в этот период был процесс «добровольного» присоединения Казахского ханства к России в русле формационного подхода и теории марксизма-ленинизма, в которой естественно замалчивалось о приграничных проблемах и конфликтах, возникавших между соседями. Как отмечает исследователь С.Н. Мамытова, роль и заслуги Абылай хана перед казахским народом несправедливо замалчивались до распада СССР, преднамеренно искажались и стирались из исторической памяти народа, чтобы его имя навсегда оставалось в забвении (Мамытова, 2013: 6).

Объективное, всестороннее изучение роли Абылая в истории Казахского ханства началось с обретением независимости Республики Казахстан. Как подчёркивал в 2001 г. известный историк республики М.К. Козыбаев, историческая фигура Абылай хана заслуженно вышла из тени прошлого и теперь пристально изучается учёными, став одной из центральных фигур казахской истории (Козыбаев, 2011: 19). За годы независимости исторической науки о разносторонней деятельности Абылая в Казахском ханстве свои работы написали: К.К. Абуев (Абуев, 2006, 2013), Ж. Касымбаев (Касымбаев, 1999, 2007), И.В. Ерофеева (Ерофеева, 1997), К.Ш. Хафизова (Хафизова, 2019) и другие. Данные труды позволили вновь раскрыть роль Абылая как великого государственного деятеля, полководца и дипломата казахского народа.

В настоящее время процесс изучения государственной деятельности Абылая, новые грани его личности продолжают исследоваться более детально с привлечением широкого круга источников и новой методологической базы.

Так, исследователи Г. Шотанова, Е. Ужкенов отмечают, что в период XVIII в. различные исторические источники демонстрируют многократные попытки российских властей усилить своё влияние в Казахской степи, в связи с чем Абылай хан был вынужден активно вести дипломатическую переписку в условиях сомкнувшихся границ с Россией (Шотанова и др., 2022: 591). Действительно, Абылай – тот правитель, который даже в ограниченных военно-политических ресурсах смог удержать свою власть и сохранить независимость Казахского ханства. После его смерти ни один правитель казахов уже не смог бороться с проникновением Российской империи в казахскую Степь. Это подчёркивают и современные исследователи Н. Курманалина, Т. Рыскулов, которые отмечают, что сыновья Абылай хана – Уали, Ишим и Касим уже не могли властвовать так, как это делал их отец, продолжать его политику на прежнем уровне (Курманалина и др., 2022: 1590).

Таким образом, Абылай остаётся выдающимся государственным деятелем казахов XVIII в., деятельность которого ещё необходимо исследовать, привлекая новые источники, раскрывая как его историческую роль, так и ранее неисследованные аспекты казахско-российских отношений.

4. Результаты

4.1. Усилия по защите казахов. Абылай на протяжении длительного времени выступал главным защитником казахов Среднего и Старшего жузов от действий военных лиц Российской империи. Жители Степи могли пострадать в самых различных случаях: на российскую сторону насильно угоняли людей или забирали скот, крепостные начальники незаконно удерживали казахов в заключении в приграничных крепостях, нередко на пограничную территорию убегали пленные и рабы, принадлежавшие степнякам, что вызывало беспокойство подданных Абылая. В таких случаях последние обращались за содействием к влиятельному Абылаю, который выступал не только как одна из сторон переговоров, но и как главный посредник в приграничной зоне (Андреев, 2006: 44-45). В конце 1740-х гг. усилия Абылая по возвращению своих людей были отмечены Оренбургским губернатором И.И. Неплюевым, который писал ему лично, что требования Абылая по возвращению захваченных людей в сибирской стороне исполняются, о чём ему также сообщал: «Сибирский губернатор, ... что найденные люди действительно отданы» (Абуев, 2013: 145).

Значительный интерес представляет письмо Абылая императрице Елизавете Петровне от 8 сентября 1758 г., в котором султан обрисовал общее состояние казахов в приграничной зоне Западной Сибири: «...мы живём близко к русскому народу, находящемуся в этой далекой окраине; хотя казахский йурт, как и русский народ, пребывает рабами государя, мы терпим обиды и убытки со стороны русских тоже этих окраинных ваших владений» и перечислил свои претензии, начиная с набега россиян на аулы атыгайского батыра Алимбета. В письме раскрываются факты нападения и грабежа аула Алимбет-батыра из рода атыгай со стороны жителей Омской крепости. Абылай приводит факты как из этого нападения, так и события подобного характера, которые были совершены Алексеем Миклисом Шукуравиза ранее. Сообщается об убийстве 11 человек и пленении 43 человек. У Алимбет-батыра угнали в плен жён по имени Крымша, Слуша, дочь – Байбек, сына Сабана, о судьбе которых он знает только то, что они живы и находятся в руках упомянутого Алексея

Миклиса Шукуравиза (Архив СПбИИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 24. Л. 177). Таким образом Абылай напоминал российским властям о неоднократности преступлений, имевших место в Казахской степи.

Затем он остановился на другом шумевшем случае набега на казахов со стороны военных лиц Куртамышской крепости в 1751 г., когда были убиты все члены одной семьи, а их скот и всё имущество захвачено ими. Эти сведения стали доступны благодаря женщине, которую убийцы посчитали мёртвой (Архив СПбИИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 24. Л. 177-177об.). В этом же письме он описал и третий факт нападения на мирных казахов. В частности, в источнике раскрываются события у берега Иртыша, Фошмарского редута, находящегося выше Темира по Иртышу, когда пастух-казак был сильно избит военными по приказу поручика вышеуказанного редута и в итоге получил увечья. Как указывает Абылай, он пострадал несоизмеримо с его нарушением по кратковременному перегону скота во внутреннюю сторону редута (Архив СПбИИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 24. Л. 178). Даже незначительные факты нарушений со стороны кочевников, как нарушение ещё только формирующихся границ, становились поводом для агрессивного ответа со стороны российских военных, которые не были особо избирательны в решении конфликтных ситуаций.

Абылай также сообщал о некоторых конфликтах при заготовлении русскими сена, становившегося яблоком раздора между двумя сторонами. Абылай негодовал в своём письме о том, что русские, заготавливая сено, не предпринимают меры по его сохранности в последующее время и не отгораживают его. Любой пожар, даже неизвестного происхождения, становится причиной обвинений в этом казахов. А если скот казахов проходит мимо заготовленного сена, то русские сразу задерживают скот и оставляют его себе как компенсацию за якобы нарушенные границы и использованное сено. В этом же письме он также приводит и другие факты необоснованных угроз и притеснений со стороны казаков, которые всегда рассматривают кочевников только как противников российской власти (Архив СПбИИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 24. Л. 177об.-178).

Документы 1760–1770-х гг. также содержат информацию о случаях, когда Абылай принимал деятельное участие в защите своих подданных. В письме командиру Сибирского корпуса генерал-поручику И.И. Шпрингеру от 14 сентября 1765 г. Абылай сообщал о несправедливом, по его мнению, наказании его людей и обмане со стороны генерал-майора П. Девица. В частности, он писал о фактах мошенничества на сатовке со стороны русских купцов, которые отбирали скот у рядовых кочевников-казахов, обвиняя их в том, что это на самом деле угнанный у них скот, и никакой платы за него они не получают. Абылай в письме решительно объяснял, что казахи не глупы и не осмелятся вести скот такого происхождения на сатовку, где ещё и находится хозяева якобы «угнанного» скота. В письме также сообщалось о жестоком избииении нескольких подчинённых самого Абылая, которые попытались в лесу заготовить для него немного дров (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 56об.-58).

В тех случаях, когда в угоне скота обвинялись казахи и их закрывали в крепостях, Абылай старался их вызволять, обещая, что он уже сам по своим законам разберётся со своими подданными. О таком случае кражи скота сообщал командующий в Петропавловской крепости генерал-майор С.К. Станиславский. В своём рапорте командиру Сибирского корпуса генерал-поручику И.А. Деколону от 5 ноября 1772 г. докладывал о том, что был задержан Марназар Утяпов за кражу скота Баубака Исанбаева и отдан под гауптвахту, скот был помещён в его конюшню. Позже прибыли подчинённые Абылая с его корреспонденцией в которой сообщалось, что дело о краже скота со стороны Марназара Утяпова им разобрано по просьбе Баубака Исанбаева. Обвиняемого он сам накажет. В письме была убедительная просьба передать Марназара Утяпова его подчинённым с целью довести это дело до конца и наказать виновного (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 176. Л. 267-267об.).

Из рапорта генерал-майора С.К. Станиславского генерал-поручику И.А. Деколону от 2 июля 1773 г. можно узнать о письме Абылай хана, в котором тот просил отпустить безвинно захваченных в Петропавловскую крепость казахов. В письме сообщается, что данные казахи не совершали тех преступлений, в которых их обвиняют, и он, Абылай, просит их отпустить со всем снаряжением, так как они были им направлены для охоты на беркутов. Таким образом, из-за отсутствия информации, письменных уведомлений в адрес российских властей, Абылаю приходилось позже вызволять своих людей из плена (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 182. Л. 16-16об.).

В другом случае, летом 1773 г., у крестьян Красноярской слободы пропало 14 лошадей, в чём были обвинены трое казахов и заключены под стражу в Петропавловской крепости. Когда это известие одошло до Абылая, в письме от 6 июля 1773 г. он заверил коменданта крепости С.К. Станиславского в том, что его арестованные подданные не были виновны в пропаже лошадей, а находились неподалёку от места пропажи только потому, что ловили там беркутов. Абылай лично ручался за них, указывая, что все трое задержанных были честными и порядочными людьми, ни разу не участвовали ни в каком воровстве, а потому настоятельно просил их отпустить (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 182. Л. 18). С.К. Станиславский данную просьбу Абылая поддержал и ходатайствовал перед командующим И.А. Деколонгом о распоряжении отпустить арестованных казахов, поскольку Абылай лично поручился за них, в частности генерал-майор давал понять, что хан имел большие заслуги перед Россией, регулярно выдавал российской стороне пропавших людей и лошадей, причём последним, как сказано в письме, «не было счета». К тому же комендант крепости указывал, что при

пропаже лошадей его люди не нашли каких-нибудь явных следов воровства, а, следовательно, и причастности к этому делу арестованных казахов.

Вызволнение из российского плена казахов, которые заключались под стражу, было довольно частым явлением. В последующее время в письмах Абылай также встречается информация о случаях захвата людей военными отрядами и содержания их в крепостях, в том числе в рапорте генерал-майора С.К. Станиславского генерал-поручику И.А. Деколону от 8 мая 1775 г., в котором он пишет о просьбе Абылая освободить «трех киргизцев и к нему возвратить» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 752).

13 марта 1778 г. Абылай писал уже бригадиру С.В. Суморокову об очередном из бесчинств военных. В письме указывалось, что военные Пресногорьковской крепости захватили в плен двух казахов Кипчакской волости по имени Карысота и Букомбай по причине того, что командир крепости обвинил их в том, что они удерживают русскую старушку в плену. Освободить их они обещали лишь в случае освобождения пленённой старушки. Однако Абылай в письме убедительно доказывал, что у данных казахов нет пленных из числа русских, и относятся они к Ташкурской волости, а не к Кипчакской. Пленные или беглые русские из Кипчакской волости были им вызволены из плена и возвращены на российскую сторону согласно заключённым договорённостям. В связи с этими обстоятельствами он требовал освободить ни в чём не виновных казахов или направить их к нему (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 229-229об.).

Итак, на протяжении всего своего правления Абылай старался соблюдать заключённые с российской стороной договорённости и взятые на себя обязательства. В свою очередь, он требовал и ожидал от российской стороны справедливого отношения к казахам и непредвзятого разбирательства в тех случаях, когда под подозрением находились его подданные.

4.2. Возвращение беглых пленных с российской стороны. Одним из острых вопросов в отношениях Абылая с командирами военных линий и местных администраций в 1750–1770-х гг. был возврат беглых пленных (Абуев, 2006: 196), основным «поставщиком» которых являлась Джунгария, ослабевшая в 40–50-х годах XVIII в. в результате междоусобной борьбы и войн с соседями и к концу 1750-х гг. оказавшаяся на грани исчезновения. Казахи считали пленников своим законным военным трофеем, а использование их в хозяйственных делах вполне справедливым, рассматривая это как своего рода плату за длительную и беспощадную войну. Обладание большим количеством невольников повышало авторитет их владельцев и подчёркивало их роль в разгроме Джунгарского ханства. Тем сильнее били по гордости казахов победы пленников на российскую сторону. Пленниками становились не только джунгары, но и башкиры, туркмены, каракалпаки, захваченные в ходе военных столкновений. Например, количество пленённых из числа волжских калмыков выросло в результате их откочёвки через казахские пределы в 1771 г.

Абылай, как и другие казахские правители, получая многочисленные обращения со стороны своих подданных, пытался проводить последовательную политику по возвращению пленных, предлагая разные варианты решения данного вопроса. Но зачастую такие просьбы не выполнялись пограничными властями, ссылавшимися, как правило, на то, что перебежчики уже приняли российское подданство. Следует отметить, что на условной границе российских и казахских владений, в частности на Новоишимской и Иртышской линиях, сложилась непростая ситуация, обусловленная рядом факторов: во-первых, существованием работорговли как в Сибири, так и в Степи, служившей источником пополнения рабочей силы и ценным товаром; во-вторых, недостатком русских военных сил на границе, когда казачество пополнялось за счёт беглых или бывших пленных, в том числе купленных на невольничьих рынках; в-третьих, острой нехваткой женского населения: беглых женщин брали в жёны или использовали в качестве служанок; в-четвёртых, распространением христианства: многие принимали православную веру, и власти уже не возвращали таких беглецов, руководствуясь принципом «единоверцев не выдаём». Поэтому, несмотря на все усилия Абылая по возвращению сбежавших пленных разных народностей, пограничные власти действовали, исходя из собственных интересов.

Учитывая конкретные обстоятельства, Абылай в одних случаях требовал возвращения беглых тем подданным, которые имели на них права, а другим давал согласие на то, чтобы бежавшие из Степи остались в российской стороне. Например, беглых из числа башкир, как российских подданных, Абылай не требовал обратно, но просил обязательно выдать пленных джунгар и волжских калмыков. Вместе с тем, очень часто беглецы забирали с собой лошадей, одежду и другое имущество, выданное им в пользование, но не принадлежавшее лично. Это имущество Абылай и его соратники требовали от сибирских пограничных властей обязательно отдать. Российская сторона данное требование чаще всего принимала. Судя по сохранившимся документам, начальники и коменданты крепостей при возникновении подобных случаев получали приказы разыскать лошадей и имущество для возвращения в Степь их владельцам. Когда это не представлялось возможным, хозяевам выплачивалась соразмерная компенсация в виде денег или товаров (Жизнь и деятельность..., 2022: 13, 16-17, 28, 65-66, 122).

Одним из ранних свидетельств о наличии пленников у казахов являются показания побывавшего в Среднем жузе казака Бердюгина от 11 мая 1743 г. Местные жители говорили ему как о калмыках, так и башкирцах, чувашах, которые у казахов находятся в плену. Все они, по показаниям

казака Бердюгина, являются подданными Её Императорского Величества, что требует вмешательства властей для их освобождения из кайсацкого плена ([Пространство..., 2013: 23](#)).

В переписке с другим офицером, полковником Я.С. Павлуцким в августе 1743 г. Абылай просил передать ему пленников, а также пленных детей в свою ставку. Он писал о беспокойстве родителей за своих детей и о необходимости воссоединения родителей и их детей. Другим аспектом беспокойства Абылая было то, что стали частыми факты крещения казахов во время их пленения российскими войсками. Он задавал Я.С. Павлуцкому вопрос, что будет, если и русские, попавшие в плен, также насильно будут обращены в мусульманство ([Пространство..., 2013: 23-24](#)).

Скорее всего, Абылай прекрасно знал о практике крещения беглецов, поэтому справедливо возмущался и грозился в свою очередь обращать русских пленных в мусульман. Начало такой практики было положено в высочайшем Указе императрицы Анны Иоанновны «О нечинении обид и притеснений ясажным людям, живущим в Якутском ведомстве и в Камчатке» от 21 мая 1733 г. Согласно этому Указу, российские власти стремились поддерживать инородцев, которые добровольно принимали христианство, разрешая им свободное проживание в российских городах и уездах ([ПСЗРИ, 1830: 132](#)). В реальной ситуации на приграничной территории добровольность этого акта смены вероисповедания осуществлялась приграничными властями через определённое принуждение. Для пленных казахов и других инородцев это было возможностью получить свободу и избежать наказания.

Значение этого указа в дальнейшем верно подметил русский этнограф XVIII в. С.С. Шашков: «Нужно заметить, что древнерусская ревность о православии не позволяла и думать о возвращении в родные улусы тех невольников, которые во время плена приняли добровольно, или насильно русскую веру. Сначала вошло в местный обычай, а потом и в закон, возвращать инородцам только тех ясырей, которые не были крещены» ([Шашков, 1869: 176](#)).

Стремление освободиться из плена казахов в первую очередь испытывали калмыки. Пленных калмыков было много не только у Абылая, но и у других султанов. По показаниям калмыка Хабана в сентябре 1747 г., при поездке с торговой миссией в Киргизскую степь, их ограбили: товарищи его бежали, а он остался, жил и работал пять лет в улусах Абулмаммет-хана. Как он сообщал, во владении Абулмаммета «пленных калмык было при нем 100 да 3 русские бабы» ([Пространство..., 2013: 91](#)).

Следует отметить, что на российскую сторону сбежали не только пленные калмыки, но и некоторые казахи, вероятно, провинившиеся в чём-то в Степи. В отношении казахов-беглецов действовал тот же принцип, что и для калмыков, принявших христианство. Вероятно, принятие христианства как способ избежать обратной выдачи казахам было хорошо известно в то время среди пленных, поскольку довольно часто его использовали в качестве защитной меры. Так, 28 ноября 1754 г. в допросе калмычки Байгул Малтаровой, бежавшей в Семиярский форпост из казахского плена, имеются следующие показания прапорщику Соболеву. Из показаний следует, что Байгул Малтарова попала в плен осенью 1753 г. к казахам Уак-Керейской волости ([ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 289-289об.](#)). Из документа видно, что она была захвачена в плен вместе с другими калмыками в результате нападения казахов на их улусы. Она описывает жестокое обращение с ней в плену, включая избиения, которые явились одним из мотивов побега, но при этом основной причиной называет желание принять христианство.

По замечанию сибирского историка Ф.К. Зобнина, «главную массу киргизских рабов и невольников в XVIII столетии составляли люди, захваченные в плен во время многочисленных стычек одних племен с другими» ([Зобнин, 1901: 3](#)).

В 50-е гг. XVIII в. такая ситуация объясняется ослаблением Джунгарии и постоянными походами казахов на восток. В 1757 г. казахи Среднего жуза во главе с султаном Абылаем и батыром Кошкарбаем вторглись в Алтай и увели массу пленных теленгутов. Что касается башкир, то увеличению числа пленных способствовала Высочайшая грамота от 5 сентября 1755 г. на имя хана Нуралы, султанов, старшин и всего киргиз-кайсацкого народа, в которой объявлялось, что Российское государство даёт право захватывать как имущество и скот башкир, так и пленять всех беглых башкир ([Зобнин, 1901: 4-6](#)). В этом проявлялась имперская политика столкновения подданных народов, послужившая официальным поводом для дальнейших захватов и пленений башкир.

Особенно усилился приток пленных в 1758 г., когда перестало существовать Джунгарское государство. В связи с этим Абылай 22 июля 1758 г. в письме на имя генерал-майора А.И. Тевкелева писал о том, что они не требуют возвращения пленных башкир, мецзяков, русских, но калмыков, сартов и прочих азиатов просил непременно возвращать. Он также напоминал о том, что всегда возвращает пленных из Российской империи, и в дальнейшем будет поступать также. В частности он сообщал: «Из беглых от Якова Алегтеева сына Тоузакова двух – одного калмыка, поймав выдадим, а другого, хотя ныне за дальностью того улуса в котором он находится, разстояние, достать и не возмogli, однако и ево отыщем и выдадим». Далее султан обратил внимание на необходимость вернуть пленных из Омской крепости и других укреплений, некоторые принадлежали лично ему, а именно его наложница-калмычка с двумя его сыновьями. Он также просил вернуть и бежавших сартов, калмыков, которые бежали в Троицкую, Уйскую и Тобольские крепости. Он жаловался, что их не возвращают командиры этих крепостей, поэтому он просил непосредственного содействия

А.И. Тевкелева (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1758 г. Д. 4. Л. 99-99об.). При этом Абылай ставил свои условия в случае невыдачи джунгарских беглецов, предупреждая о намерении пойти на зеркальные меры и также не выдавать захваченных казахами россиян: «В заключение же сего доношу вам, ежели помянутые наши беглецы возвращаемы от вас будут, то и ваши от нас выдаваемы быть могут. А буде возвращаемы не будут, то и от нас вашим выдачи быть не имеет, пускай наши беглецы у вас будут, а ваши у нас» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1758 г. Д. 4. Л. 100-100об.).

Позднее Абылай неоднократно обращался к властям по поводу взаимного возврата пленных. При этом российская сторона иногда выдавала казахам беглецов, не успевших принять христианскую веру, что следует из промемории генерал-майора И.И. фон Веймарна в Оренбургскую губернскую канцелярию от 29 августа 1760 г. В документе есть информация о переписке с султанами Абылаем и Султанмаметом о возврате некоторых пленных. Например, переписка раскрывает общую просьбу Абылай и Жолбарыс султанов, которая была адресована командиру Ямышевской крепости с уведомлением о необходимости исполнять указ Коллегии иностранных дел 1758 г. декабря 31 дня, в которой некрещённые инородцы должны были быть возвращены назад хозяевам. В частности, в письме указывалось о необходимости вернуть трёх азиатов, Амана, Чала и Бату, которые не принимали крещение (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 56. Л. 193-193об.).

В письме генерал-майору И.И. фон Веймарну от 25 августа 1761 г. в ответ на готовность выдать российских подданных Абылай просил вернуть бежавших от Ерек-батыра - калмыков, имена которых «первой – Патма, другой – Маитша, третий – Шамрат, четвертой – Чархал, пятой – Кусюк». В письме он также упоминает и Алимбет-батыра, от которого сбежали калмыки, просит содействия в их возврате, напоминая о договорённостях и взаимной дружбе (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1761 г. Д. 6. Л. 20-20об.).

В совместном письме Абылай хана и Уали султана от 21 октября 1771 г. к командующему в Петропавловской крепости полковнику А.А. Корфу также говорилось о возврате ими русских людей и необходимости ответного возврата беглых рабов, принадлежащих их подданным. Хан был настроен возвращать пленных россиян, но и требовал ответных действий со стороны начальников крепостей и просил региональные власти дать соответствующие распоряжения на этот счёт. Видимо, подобных нарушений со стороны комендантов крепостей было немало. В качестве примера был приведён конкретный случай, показавший волокиту местного начальства, не желавшего заниматься этими вопросами. Так, в случае, когда в Россию сбежали пленники, один из которых был башкир – российский подданный, а другой калмык с двумя сыновьями, Абылай был вынужден дополнительно излагать требования от казаха, хозяина сбежавшего калмыка. Он пояснял, что у хозяина калмыка в плену находится российский пленный, и он его вернёт российским властям только в том случае, если они ему выдадут этого калмыка с сыновьями (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170. Л. 146-146об.). Как видно, рядовой казах мог не выполнить требования хана, если не удовлетворялись его личная просьба или обращения в адрес своего правителя. В этом проявлялись элементы степной демократии, относительной свободы и независимости обычных казахов.

Документы свидетельствуют о том, что в бега подавались представители самых разных народов, оказавшихся в казахском плену – калмыки, каракалпаки, башкиры, туркмены и другие. Принять решения по их выдаче хан просил в письме от 10 июня 1772 г., обращаясь к коменданту Петропавловской крепости бригадир Клавверу. Так, в этом письме упоминаются имена таких пленных, относящихся к каракалпакам, бухаретинцам и другим народностям, которых он просил выдать (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1769–1773 гг. Л. 380). В письме генерал-майору С.К. Станиславскому от 29 августа 1772 г. также упоминаются два туркмена, башкирец, калмыки, которые увели с собою четырёх лошадей и увезли одно ружье (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1769–1773 гг. Л. 394).

В письме командиру Сибирского корпуса генерал-поручику И.А. Деколону от 3 августа 1775 г. Абылай пишет не только о сбежавших трёх калмыках, но и даёт достаточно подробный перечень имущества, которое было похищено ими. В частности, раскрываются факты кражи семи лошадей, различных платьев, халата, тканей, одной турки и одной сабли. Абылай просил помощи не только в возврате пленных, но и по возможности в поиске и возвращении похищенного имущества (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 194. Л. 112-112об.).

Из приведённых писем видно, что довольно часто беглецы попутно прихватывали различное имущество казахов. В зависимости от ситуации Абылай иногда прибегал к достаточно жёсткой риторике и даже к открытым угрозам в адрес сибирских властей. Так, в частности, в одном из писем он достаточно в жёсткой форме пишет, что если условия обмена пленными не будут исполняться российской стороной, то у казахов остаётся право также брать в плен российских подданных, и их число у казахов может резко возрастать. Поэтому он настоятельно просит своевременно выдавать пленных, а если они не будут выдаваться, то и российские пленные, и беглые будут оставаться в плену казахов (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1769–1773 гг. Л. 380, 394). С другой стороны, он не оставлял надежды на справедливое решение спорных ситуаций во имя добрых отношений, что видно из следующих строк: «Случалось и много российских к нам бегали, так мы вам отдавали, для чего и мы оных желаем выдать для соседней дружбы» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1769–1773 гг. Л. 394).

Большинство невольников находилось у зажиточных казахов и представителей знати. Абылай сам не был исключением и также имел пленных, захваченных в войнах. 21 августа 1775 г. хан сообщал

генерал-поручику И.А. Деколонгу о бежавших лично от него шести калмыках (один из них был в отрядах Емельяна Пугачева в 1774 г.). В своём письме он также сообщал о личных имущественных потерях, связанных с бегством шести калмыков, и просил их задержать в крепости Лебяжьей, куда они вероятнее всего направились. Он просил его высокопревосходительство заковать их в оковы и вернуть в его распоряжение (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 194. Л. 176-176об.).

Из привлечённых документов видно, что к хану с просьбами о решении вопросов по выдаче беглецов обращались и простые казахи, и представители знати. Например, оказать содействие просил житель Кыпчацкой волости, о чём свидетельствует письмо Абылай генерал-майору Н.Г. Огареву от 10 апреля 1778 г.: «Приехал ныне Кипчацкой волости киргизец, объявил мне, что не в давнем времени бежала от него служанка в Россию. Так прошу, естли где на линии окажетца, о доставлении оной отправить Пресногорьковской крепости командующему, от коего и ко мне прислана будет, каковым образом и я захваченных ваших российских людей к выдаче всегда стараюсь отыскивать» (ИАОО. Ф.1. Оп. 1. Д. 212. Л. 324-324об.). Абылай хан стремился помогать и знатым, и простым казахам, так как это имело важное значение для укрепления его авторитета в самом Казахском ханстве. Это также расширяло его связи с российскими чиновниками и военными, демонстрировало его правомочность, решительность, стремление отстаивать весь спектр прав, в которых были задействованы его подданные.

5. Заключение

Таким образом, Абылай активно выступал защитником интересов своих подданных в приграничной зоне. Благодаря его дипломатическим действиям в регионе складывалось в целом мирное сосуществование казахов и других подданных России. В ситуациях того сложного и противоречивого времени, когда силовыми методами нельзя было решить возникающие проблемы, Абылай использовал личное посредничество, вёл длительные переписки и переговоры с широким кругом российских чиновников и офицеров, разрешая пограничные проблемы. В результате на северо-востоке Казахской степи им было установлено относительно мирное сосуществование сблизившихся территориально государств. Вместе с этим были и военные перманентные столкновения, например, такие как зимой 1754–1755 гг. Следует отметить, что Абылай прекрасно знал о военно-техническом превосходстве Российской империи и всегда старался выбирать мирный и бескровный вариант решения возникавших конфликтов на границе, при необходимости удовлетворяя некоторые просьбы и требования российской стороны. Пожалуй, на то время это была наиболее верная и выверенная линия поведения, позволявшая ему осуществлять планы и в других регионах страны. Благодаря своей политике, умению находить компромиссные решения, хан Абылай смог сыскать заслуженное уважение как от российских властей, так и пользовался непререкаемым авторитетом и уважением со стороны своих единомышленников и соотечественников из всех жузов. Многие представители казахской элиты нередко обращались за защитой своих интересов к Абылаю как к миротворцу, дипломату, умеющему добиваться необходимого результата. Поэтому на протяжении более 40 лет на границе установилось относительно затишье, и Российская империя не решалась на военное вторжение на территорию Среднего жуза.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки, Министерства науки и высшего образования, проект ИРН BR28512385 «Междисциплинарное исследование региональных аспектов истории Казахстана (на основе новых архивных материалов и фольклорных произведений)».

Литература

- Абуев, 2006 – Абуев К. Хан Абылай и его время. Астана: Елорда, 2006. 304 с.
 Абуев, 2013 – Абуев К.К. Абылай Хан. Современники и наследники. Кокшетау: Эрекет, 2013. 308 с.
 АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
 Андреев, 2006 – Андреев И.Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. 210 с.
 Архив СПбИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского Института Истории Российской академии наук.
 Бекмаханов, 1957 – Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1957. 335 с.
 Вяткин, 1947 – Вяткин М.П. Батыр Срым. М.-Л.: изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. 392 с.
 ГАОО – Государственный архив Омской области.
 Ерофеева, 1997 – Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв. // *Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования*. Алматы: Фонд Сороса Казахстана, 1997. С. 46-144.

- Жизнь и деятельность...**, 2022 – Жизнь и деятельность казахских ханов, султанов, батыров XVIII – первой половины XIX вв. Сборник архивных документов и материалов / Сост.: Н.Н. Курманалина, Т.А. Рыскулов, А.Р. Бейсембаева и др. Алматы: ИП «Алма», 2022. 348 с.
- Зобнин, 1901** – Зобнин Ф. К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в киргизской степи // *Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 год*. Вып. VI. Семипалатинск: Типогр. Семип. Обл. Правления, 1901. С. 1-99.
- ИАОО** – Исторический архив Омской области.
- Касымбаев, 1999** – Касымбаев Ж. Государственные деятели казахских ханств: XVIII век (Т. 1). Алматы: Білім, 1999. 288 с.
- Касымбаев, 2007** – Касымбаев Ж. Абылай-хан. История, личность, время. Серия «Знаменитые люди Востока». Алматы: Аруана, 2007. 92 с.
- Козыбаев, 2001** – Козыбаев М.К. Независимость – столбовая дорога к прогрессу // *Отан тарихы*. 2001. №3. С. 15-20.
- Левшин, 1996** – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / Под общ. ред. М.К. Козыбаева. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Мамытова, 2013** – Мамытова С.Н. Изучение личности и государственной деятельности Абылай хана в современной Отечественной истории: реальность и перспективы // *Отан тарих*. 2013. №4 (64). С. 5-13.
- Пространство...**, 2013 – Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г.Н. Потанина) / Науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2013. 314 с.
- ПСЗРИ, 1830** – Полное собрание законов Российской империи. Т. IX. 1733-1736. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 1022 с.
- Сулейменов, Басин, 1981** – Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981. 243 с.
- Хафизова, 2019** – Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 480 с.
- Шашков, 1869** – Шашков С.С. Рабство в Сибири (Исторический очерк) // *Дело: учено-литературный журнал*. СПб., 1869. № 1. С. 163–187.
- Шаймарданова, 2021** – Шаймарданова З.Д. Абылай хан в зарубежных исследованиях // *Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана*. Серия «Международные отношения и Регионоведение». 2021. № 2 (44). С. 44-53.
- Kurmanalina et al., 2022** – Kurmanalina N.N., Ryskulov T.A., Kabuldinov Z.Ye., Kuanbay O.B. (2022). Modern Research on the Institution of Khan Power of the Kazakhs in the Imperial Period // *Bylye Gody*. 2022. 17 (4): 1585-1595.
- Shotanova et al., 2022** – Shotanova, G.A., Uzhkenov, E.M., Dzhumagaliyeva, K.V. (2022). The Steppe Elite of the Kazakhs of the Junior Horde in the Period of Vassalage: New Approaches and Problems of Rethinking. *Bylye Gody*. 17(2): 590-603.

References

- Abuev, 2006** – Abuev, K. (2006). Khan Abylai i ego vremya [Khan Abylai and his time]. Astana: Elorda, 304 p. [in Russian]
- Abuev, 2013** – Abuev, K.K. (2013). Abylai Khan. Sovremenniki I nasledniki [Abylai Khan. Contemporaries and heirs]. Kokshetau: Areket, 308 p. [in Russian]
- AVPRI** – Arkhiv vneshney politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].
- Andreev, 2006** – Andreev, I.G. (2006). Opisanie Sredney ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle Horde of Kyrgyz-Kaisaks]. Pavlodar: NPF «ЕКО», 210 p. [in Russian]
- Архив СПбИ РАН** – Arkhiv Sankt-Peterburgskogo Institut Istorii Rossiiskoi akademii nauk [Archives of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences].
- Bekmahanov, 1957** – Bekmahanov, E.B. (1957). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii [Kazakhstan's accession to Russia]. Moskva: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 335 p. [in Russian]
- Erofeeva, 1997** – Erofeeva, I.V. (1997). Kazahskie hany i hanskie dinastii v XVIII – seredine XIX vv. [Kazakh khans and khan dynasties in the 18th – mid – 19th centuries. Kul'tura i istoriya Tsentral'noi Azii i Kazakhstana: problem i perspektivy issledovaniya. Almaty: Fond Sorosa Kazakhstana, pp. 46-144. [in Russian]
- ИАОО** – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical archive of the Omsk region].
- Kasymbaev, 1999** – Kasymbaev, Zh. (1999). Gosudarstvennye deyateli kazakhskikh khanstv: KhVIII vek (T. 1) [Statesmen of the Kazakh khanates: XVIII century (Vol. 1)]. Almaty: Bilim, 288 p. [in Russian]
- Kasymbaev, 2007** – Kasymbaev, Zh. (2007). Abylai-khan. Istoriya, lichnost', vremya [Abylai Khan. History, personality, time]. Seriya «Znamenitye lyudi Vostoka». Almaty: Aruana, 92 p. [in Russian]
- Kozybaev, 2001** – Kozybaev, M.K. (2001). Nezavisimost' – stolbovaya doroga k progressu [Independence is a high road to progress]. *Otan tarikhy*. 3: 15-20. [in Russian]

- [Khafizova, 2019](#) – *Khafizova, K.Sh.* (2019). Stepnyye vlastiteli I ikh diplomatiya v XVIII–XIX vekakh [Steppe Rulers and Their Diplomacy in the 18th–19th centuries]. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK. 480 p. [in Russian]
- [Kurmanalina et al., 2022](#) – *Kurmanalina, N.N., Ryskulov, T.A., Kabuldinov, Z.Ye., Kuanbay, O.B.* (2022). Modern Research on the Institution of Khan Power of the Kazakhs in the Imperial Period. *Bylye Gody*. 17(4): 1585–1595.
- [Levshin, 1996](#) – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie Kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord I steppei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. Pod obshch. Red. M.K. Kozybaeva. Almaty: Sanat. 656 p. [in Russian]
- [Mamytova, 2013](#) – *Mamytova, S.N.* (2013). Izuchenie lichnosti i gosudarstvennoi deyatelnosti Abylai khana v sovremennoi Otechestvennoi istorii: real'nost' i perspektivy [Study of the personality and state activities of Abylai Khan in modern Russian history: reality and prospects]. *Otan tarikhy*. 4(64): 5–13. [in Russian]
- [Prostranstvo Severnogo..., 2013](#) – Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri v istoricheskoi retrospective XVIII v. (po dokumental'nym publikatsiyam G.N. Potanina) [The space of Northern Kazakhstan and Siberia in a historical retrospective of the 18th century. (based on documentary publications by G.N. Potanin)]. Nauch. Red. E.I. Chernyak. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2013. 314 p. [in Russian]
- [PSZ RI, 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii T. IX. 1733–1736. [Complete collection of laws of the Russian Empire. T. IX. 1733–1736.]. SPb.: Tip. 2-go Otdeleniya Sobstv. E. E. V. kantselarii, 1830. 1022 p. [in Russian]
- [Shashkov, 1869](#) – *Shashkov, S.S.* (1869). Rabstvo v Sibiri (Istoricheskii ocherk) [Slavery in Siberia (Historical sketch)]. Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal. Sankt-Peterburg. 1: 163–187. [in Russian]
- [Shaimardanova, 2021](#) – *Shaimardanova, Z.D.* (2021). Abylai khan v zarubezhnykh issledovaniyakh [Abylai Khan in foreign studies]. *Izvestiya KazUMO i MYa im. Abylai khana. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya i Regionovedenie»*. 2(44): 44–53. [in Russian]
- [Shotanova et al., 2022](#) – *Shotanova, G.A., Uzhkenov, E.M., Dzhumagaliyeva, K.V.* (2022). The Steppe Elite of the Kazakhs of the Junior Horde in the Period of Vassalage: New Approaches and Problems of Rethinking. *Bylye Gody*. 17(2): 590–603.
- [Sulejmenov, Basin, 1981](#) – *Sulejmenov, B.S., Basin, V.Ja.* (1981). Kazakstan v sostave Rossii v XVIII – early XX centuries]. Alma-Ata: «Nauka» KazSSR. 247 p. [in Russian]
- [Vjatkin, 1947](#) – *Vjatkin, M.P.* (1947). Batyr Srym [Batyr Srym]. M.-L.: izd. i 1-ja tip. Izd-va Akad. nauk SSSR. 392 p. [in Russian]
- [Zhizn' i deyatelnost'..., 2022](#) – Zhizn' i deyatelnost' kazakhskikh khanov, sultanov, batyrov XVIII – pervoi poloviny XIX vv. Sbornik arkhivnykh dokumentov i materialov [The life and activities of Kazakh khans, sultans, batyrs of the 18th – first half of the 19th centuries. Collection of archival documents and material]. Sost.: N.N. Kurmanalina, T.A. Ryskulov, A.R. Beisembaeva i dr. Almaty: IP «Alma», 2022. 348 p. [in Russian]
- [Zobnin, 1901](#) – *Zobnin, F.* (1901). K voprosu o nevol'nikakh, rabakh i tyulengutakh v kirgizskoi stepi [To the issue of slaves, slaves and Tyulenguts in the Kyrgyz steppe]. Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoi oblasti na 1902 god. Vyp. VI. Semipalatinsk: Tipogr. Semip. Obl. Pravleniya. Pp. 1–99. [in Russian]

К вопросу о защите ханом Абылаем интересов своих подданных

Зиябек Е. Кабульдинов ^a, Нурболат А. Абуов ^{b, *}, Мурат Ж. Абдиров ^a, Жумагул Р. Байдилдеев ^c

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Филиал Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Петропавловск, Республика Казахстан

^c Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация. В данной статье рассмотрена внешнеполитическая деятельность Абылай хана, его роль в отстаивании интересов своих подданных, в сохранении независимости перед Российской империей. В статье привлечены источники, проанализирована делопроизводственная документация, многочисленные письма Абылая, извлечённые из архивов, сборников документов, дающих представление о целом спектре казахско-российских отношений у крепостей, которые были возведены Российской империей на территории Казахского ханства. В результате исследования письменных источников, писем Абылая, направленных российским чиновникам и офицерам, выявлены многочисленные исторические факты, связанные с нарушениями прав казахов. В статье представлены разноплановые конфликты в приграничной полосе между казахами, башкирами,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: abuovnur@mail.ru (Н.А. Абуов), kabulzia@rambler.ru (З.Е. Кабульдинов), abdirov.murat@mail.ru (М.Ж. Абдиров), j.baidildeev@gmail.com (Ж.П. Байдилдеев)

калмыками, казачеством, военными, которые приводили к тому, что российские власти осуществляли незаконное пленение казахов, угоняли скот, скрывали беглых подданных казахов, нарушали имущественные права и права вероисповедания автохтонного населения. Статья раскрывает активную дипломатическую переписку, осуществляемую Абылаем, демонстрирует стремление соблюсти паритет в казахско-российских отношениях, требования по соблюдению имевшихся договорённостей с Российской империей, и показывает его самостоятельность и инициативность, ответственность в принятии сложных решений. Обобщение многочисленных фактов позволяет авторам сделать вывод о том, что Абылай весь период своего правления в статусе султана, а затем и хана, являлся выдающимся государственным деятелем, который отстаивал интересы своего народа. Осознавая всю военно-техническую мощь Российской империи, стремясь защитить свой народ и сохранить независимость казахского народа, он выбрал дипломатический путь разрешения всех спорных и конфликтных ситуаций, не подвергая население риску военного конфликта.

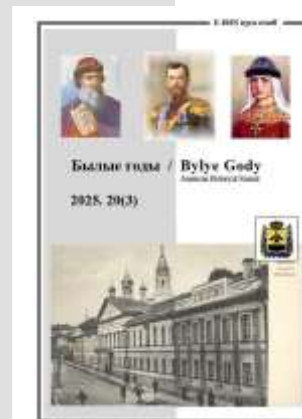
Ключевые слова: Абылай, Российская империя, дипломатическая переписка, региональные власти, подданные, пленные.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1128-1140
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1128

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Principles of Demarcating Russian State Borders in the XVIII–XIX centuries

Maral K. Khabdulina ^a, Tatyana V. Koshman ^{a, *}, Marina V. Bedelbayeva ^b

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Museum of Archeology and Ethnography of the Saryarka Archeological Institute, Ye.A. Buketov Karaganda University, Karaganda, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article presents the history of one of the Russian military fortresses of the XIX century – the Aktau Fortification, built in the Kazakh steppes. The fort stands out due to its unusual shape, layout, and location far from the main Russian defensive line constructed in the XVIII–XIX centuries along the northern and eastern borders of Kazakh nomadic territories. The purpose of the article is to reveal the functional role of military fortifications in the expansion and consolidation of Russian state borders, as well as in the creation and maintenance of transit trade routes from

Eastern Europe to the Near and Central Asia. The research objectives are: to show the Russian Empire's experience in colonizing new territories through the construction of military fortification lines; to explain the selection of the central Kazakh steppes as the site for the Aktau fortification; to demonstrate the level of military engineering from the XVIII to the early XX centuries; to examine the role of military fortresses in promoting Russian trade capital in Central Asian lands; and to provide a brief archaeological description of the site as a historical and cultural heritage monument. The article employs the chronological method for describing specific historical events, as well as the reconstructive method that complements standard Russian military projects with elements of steppe military architecture. Typological, cartographic, and structural analysis methods are also used to enhance material perception. Innovative approaches include GIS methods and digital technologies used to interpret dimensional data from satellite and photo imagery of landscape-preserved structures. As a result of studying the history of the Aktau fortification, the reasons for its construction and eventual decline have been reconstructed. Archival scientific and governmental documents from the XVIII to the XX centuries provide insight into how fortresses were used in asserting and consolidating Russian authority in the Asian territories of the empire.

Keywords: Aktau Fortification, Kazakh Steppes, Siberian Defensive Line, Military Architecture, Trade Route, caravan route, Pickets, Kenesary Kasymov, archive.

1. Введение

Интерес к имперской политике царской России сохраняет актуальность, вызывает споры и научные дискуссии среди историков. Активно обсуждается процесс освоения азиатских территорий, присоединения или колонизации сибирских территорий, проникновение в казахские степи. Оспариваются концепции разработки этой темы в советской исторической науке. Процессы расширения русского государства исследуются по архивным документам XVIII–XX вв., запискам путешественников, этнографов, военных, участников поисковых и разведочных экспедиций. В последние годы к этим сведениям добавлен ещё один вид источников – археологические объекты, сохранившиеся в современном ландшафте в виде материализованных следов исторических событий Нового времени (Koshman, Khabdulina, 2020).

* Corresponding author

E-mail addresses: tatyanakoshman@mail.ru (T.V. Koshman)

Речь идёт о грандиозном строительстве общероссийской линейной системы обороны, известной в официальных документах XIX в. под названием Сибирской или «Горькой линии». Это был протяжённый фортификационный комплекс, состоящий из долговременных укреплений (крупных крепостей) и полевых мелких единиц. Фортификационная линия тянулась узкой полосой шириной 10-30 вёрст по южной кромке Западной Сибири вдоль северных и восточных пределов казахских кочевий. Крепости строились по единому типовому проекту, разработанному военным ведомством и утверждённому Указом Сената в 1752 г. В течение XVIII в. было несколько правительственных мер по перепланировке, реконструкции и улучшению обороноспособности западносибирских границ (Ласковский, 1865).

Актуальность исследования данной темы определяется слабой изученностью истории строительства и функционирования военных крепостей в казахских степях и необходимостью реконструкции этапов истории Казахстана в составе Российской империи. В исследовании этих вопросов важной является методологическая разработка содержания концепций исторической науки, названных «колонизация», «освоение», «присоединение». Актуальным является изучение комплекса историко-политических факторов, приведших к возведению в XVIII–XX вв. крепостных укреплений вдоль внешних окраин казахских кочевий и в центре Казахского ханства. Необходимо показать, что строительство их связано не только с целями безопасности и сохранения порядка, но и с задачами содействия караванной торговле и стабильности почтовых коммуникаций Азиатской России.

В случае с изучением Актауского укрепления актуально его топографическое размещение в центре Сарысуйского караванного тракта, известного с глубокой древности как самый прямой торговый путь, ведущий из городов Западной Сибири в Среднюю Азию. Важным является введение в научный оборот сведений, собранных из архивов военных ведомств, научных публикаций и археологического описания, созданного по космоснимкам.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для данной статьи послужили в первую очередь дореволюционные сведения очевидцев (офицеров Генерального штаба, правительственных чиновников, служилых людей, сопровождавших торговые караваны). В записках военных дана характеристика архитектурных качеств Актауского укрепления, причин строительства в глубине степного пространства, приведены сведения о сроках его функционирования в течение 30 лет (1837–1867 гг.). Отчёты чиновников по восстанию Кенесары Касымова носят информативный характер, но параллельно несут в себе сведения о цели и значении крепостных укреплений в южной части Акмолинской области в начале XIX в.

В Санкт-Петербургском отделении архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН) (Санкт-Петербург, Российская Федерация) нами выявлены записи учёного-путешественника А.И. Шренка, который по заданию Императорского Ботанического сада в 1840–1843 гг. осуществлял исследовательские работы в «Киргизских и Зоонгарских степях» (СПбФ АРАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 9. Л. 170). Материалы дела «Путешествие в среднюю Киргизскую степь в 1842 году» включают 13 полевых дневников А.И. Шренка. Это вручную сшитые блокноты из плотной бумаги, а записи в них сделаны на немецком языке. В последнем из блокнотов представлен «План Актавской крепости» (СПбФ АРАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 9. Л. 170).

В ходе исследования проводился анализ картографических данных с использованием платформы Google Earth, что позволило получить географические координаты и визуальные материалы укрепления. В дополнение к этим материалам использовались дореволюционные карты данного региона, подтверждающие существование укрепления в цепи военных крепостей российского правительства, а также на торговых путях в среднеазиатские владения.

2.2. Изучение истории Актауского укрепления сочетает в себе два направления – возможность рассмотреть его как объект истории и как объект археологии. С этим связаны способы его изучения, включающие как гуманитарные, так и естественнонаучные методы. Для характеристики его расположения важными являются палеогеографические, ландшафтоведческие, картографические методы, методы дистанционного зондирования, компьютерного моделирования. Предоставление этих данных основано на изучении космических снимков, полученных по программе Google Eather. По ним, через использование компьютерных технологий, реконструируется цельный облик объекта, указываются точные сведения о размерах, планировке, деталях конструкции, внутренней топографии архитектурных сооружений, хорошо видимых на снимках высокой разрешимости. Использование традиционного в археологии картографического метода даёт возможность неоднократного обращения к снимку для уточнения, корректировки и дополнения выводов.

В изучении Актауского укрепления как объекта истории использованы общенаучные методы анализа, сравнения, моделирования и реконструкции историко-культурных и политических процессов, связанных с использованием крепости в этнографических, политико-экономических событиях.

При описании использованы хронологический и типологический методы, указаны конкретные даты строительства укрепления, приведены типологические сравнения. С учётом накопленных знаний по степной урбанизации предложено объяснение необычной планировочной структуры

военного укрепления. Прямоугольная пристройка с востока, возможно, является местом размещения купцов и охраны караванов.

3. Обсуждение

Тема русской колонизации имеет обширную историографию, но сведений, касающихся собственно Актауского укрепления, немного. В основном это упоминания представителей официальных властей и исследователей, побывавших в казахской степи. Они касаются характеристики крепости как укрепления военно-стратегического назначения, поэтому приведены приказы о постройке, расположении крепости в системе Акмолинской оборонительной линии, её боевых возможностях, использовании в конкретных событиях истории Казахского ханства и процессах укрепления торговых коммуникаций в Азиатской России.

В 1848 г. на страницах журнала «Отечественные записки» опубликован очерк «Четыре месяца в Киргизской степи», автором которого является П.К. Услар, военный инженер, офицер Отдельного Сибирского корпуса, участник военной экспедиции 1843–1844 гг. Автор указывает на местоположение укрепления: «Ближайшие к Каргале пункты, занятые русскими отрядами, были укрепления: Джаркаин – Агачское и Актавское. Каждое из них, как казалось мне, находилось в верстах в 500 от Каргалы, первое – на севере, а второе на востоке» (Услар, 1848: 224). Это было первое упоминание в печати о месторасположении Актауского укрепления.

Актауское укрепление являлось стратегически важным объектом в сохранении спокойствия в степи. В связи с этим в работах офицеров Генерального штаба оно рассматривалось с точки зрения фортификационных характеристик М. Венюковым (Венюков, 1860), Ф. Ласковским (Ласковский, 1865), Н.Г. Путинцевым (Путинцев, 1891), А. Шерстобитовым (Шерстобитов, 1889), К.И. Величко (Величко, 1903).

Ряд работ дореволюционных авторов обращают внимание на укрепление с точки зрения охраны караванных дорог, идущих в среднеазиатские владения, так как природно-климатические условия Голодной степи были весьма труднопроходимыми для торговых караванов и нередко подвергались разграблению. Это нашло своё отражение в разного рода записках и работах И.И. Завалишина (Завалишин, 1862), П.И. Небольсина (Небольсин, 1856), Н.И. Красовского (Красовский, 1868а; Красовский, 1868b), М.Н. Соболева (Соболев, 1908), А. Шерстобитова (Шерстобитов, 1889). На основе исследований были созданы картографические материалы, позволяющие расширить представления о местоположении, торговых путях, а также времени деятельности укрепления (Карта..., 1868; Киргизская степь, 1839; Маршрутная карта..., 1843; Почтовый дорожник..., 1852).

В советской историографии отсутствуют работы об укреплении. Возможно, это связано с его кратковременным существованием и запустением в последующие годы. Природные условия местности малоприспособлены для постоянного проживания населения, что привело к отсутствию интереса к данному объекту, но рассматривается территория Голодной степи с точки зрения функционирования караванных путей, о которых одним из первых в советской печати стал писать А.Х. Маргулан (Маргулан, 1949).

В последние десятилетия сведения об укреплении встречаются в работах, посвящённых вопросам изучения колониальной политики Е.С. Сыздыковой (Сыздыкова, 2005), Т.В. Кошман, М.К. Хабдулиной (Koshman, Khabdulina, 2020), в работе М.Ж. Абдирова по истории казачества (Абдиров, 1994). Археологические исследования последних лет позволяют получать новые знания о градостроительстве. В статье С. Кубаева и Н. Юсуповой предпринята попытка сопоставления технологии строительства оборонительных систем город-форпост и военных укреплений (Kubaev, Yusupova, 2024).

Единственной обобщающей работой является труд Т.Т. Аршабекова, И.И. Исламова «Ақтау бекінісі», в котором авторы смогли собрать имеющиеся сведения по укреплению и раскрыть «тайну» необычного сооружения, привлекающего внимание туристов (Аршабеков, Исламов, 2007). Результаты исследования позволили создать макет Актауского укрепления в зале этнографии Жанааркинского районного историко-краеведческого музея имени Сакена Сейфуллина Улытауской области. Экспозиция дополнена документальными материалами, а так же рядом предметов, найденных на территории укрепления (Жанааркинский районный...).

4. Результаты

Рассмотрим, что представляло собой Актауское военное укрепление в первой половине XIX в. Координаты Актауского укрепления: 48°13'17.0"N 71°53'25.0"E. Укрепление расположено на территории современной области Улытау, на берегу небольшой степной речки Талды-Манак, впадающей в р. Сарысу. Место для его возведения выбрали на реке Атасу между Акмолинском, Каркаралинском и Улытау, на высоком берегу реки Манак, являвшейся практически единственным пресным водоёмом на многие километры вокруг.

Название происходит от горы Актау, из которой вытекает речка Талды-Манак. Укрепление построено в 1837 г., по форме относится к типу звездообразных, по планировке двухсекционное.

Рис. 1. Космоснимок Актауского укрепления (NASA/GSFC, С. М. С., 2025).

Укрепление имеет форму, не соответствующую типовым стандартам, разработанным военным ведомством ещё в начале XVIII в. и применённым в строительстве Сибирской фортификационной линии. Традиционно линейные крепости представлены двумя видами: шестиугольные и прямоугольные. В нашем случае мы видим двухсекционную планировку. К основной крепости с шестью выступающими бастионами с востока пристроена прямоугольная ограда, в середине внешней стороны которой сделан ещё один полигональный (бастионный) выступ. Размеры прямоугольной пристройки – 138×95 м.

Актауское укрепление по осям имеет следующие размеры: по линии запад-восток – 260 м, наибольшая длина в меридиане – 232 м. Периметр равен 1083 м, площадь памятника – 49 050 кв. м. Треугольные выступы, названные в военных архивах «бастионами», имеют размеры сторон в среднем 53-56 м. Указано, что они предназначены для размещения артиллерии. Орудия ставили на специально насыпанные земляные площадки.

В документах Степного генерал-губернаторства и записках путешественников сохранились описания Актауского (Актав – в русской транскрипции – *Прим авт.*) укрепления.

Н. Красовский описал три крепости Акмолинского округа, открытые в августе 1832 г. Среди них есть описание Актауского укрепления: «Актавское укрепление, заложено в 315 верстах к югу от Акмоллов (Акмола) и ныне упраздненное, расположено на открытой, полого-покатой к реке возвышенности левого берега Маноки, в расстоянии от последней сажень на 200. Укрепление имеет вид небольшого штерн-шанца (звездообразный тип укреплений), к восточной (прямой) стороне которого примыкает параллелограмная ограда» ([Красовский, 1868b: 235](#)).

Сооружение укреплено земляным валом, рвом и пятиугольными бастионами по углам крепостного вала. Бастион – элемент фортификационной архитектуры, представляющий собой выступающий пятиугольный или полукруглый выступ за пределы крепостной стены. Предназначение его – обстрел как фронтальный, так и фланговый с большим радиусом поражения ([Ласковский, 1865: 234](#)). Бастионы позволяли вести огонь по нападающим с флангов продольным огнём. Фланкирующие сооружения, выходящие за пределы основного укрепления, давали максимальный обзор территории вдоль крепостного укрепления для прицельного огня по штурмующим силам противника.

Первым оборонительным сооружением, встречавшим противника, был ров. Грунт, выкапываемый при рытье рва, обычно использовался на возведение вала. По сути, ров был широкой канавой, рукотворным оврагом. Сам по себе ров не имел самостоятельного оборонительного значения. Его смысл сводился к тому, чтобы задержать нападающих, хотя бы на несколько минут под стенами крепости, там, где выстрелы стоящих на стенах защитников были наиболее опасны и губительны. Надо учитывать, что военные отряды того времени были немногочисленны, поэтому гибель даже нескольких десятков бойцов во время преодоления рва оказывалась для нападающих ощутимой потерей.

По космоснимку не прослеживается главный вход в крепость. В середине восточной стороны звездообразной конструкции есть предвратные укрепления, но они служили для перехода в

прямоугольную постройку. Вход фиксируется в виде разрыва вала и рва, вал в этом месте имеет коленчатый выступ, обращённый внутрь крепости. Судя по этой архитектурной детали, зайти в крепость можно было только по узкому пространству между стенами двух автономных планировочных структур. И это было достаточно трудно для казаков, лошадей, доставки воды, продовольствия, фуража для лошадей. Этот проход оборонялся фланкирующим выступом северного и южного бастионов звездообразной конструкции.

Казённые здания были расположены все внутри укрепления. Они были возведены частью из сырцового кирпича, частью же стены строений представляли два плетня, между которыми была «набучена» земля, а поверхность, обращённая в покой, оштукатурена, равно как и наружная не во всех, впрочем, строениях. В штерн-шанце находился лазарет из сырцового кирпича, такая же гауптвахта, 4 плетневые казармы с кухнями, 4 дома для офицеров и пороховой погреб. Внутри пристройки стояли три плетневые казармы, два магазина для склада провианта и фуража, конюшни и караульня (СПбФ АРАН. Ф. 317. Оп.1. Д. 9. Л. 170). Форштат (предместье) расположен был в 300 саженьях от укрепления, на берегу Маноки; в нем насчитывалось в 1863 г. около 53 плетневых связей, принадлежавших солдатам, казакам и торгующим ташкенцам или татарам (Красовский, 1868b: 239).

В фондах архива отделения Российской Академии наук сохранился рисунок с изображением застройки Актауской крепости и цифровыми обозначениями казённых зданий внутренней инфраструктуры, выполненный карандашом на плотной бумаге размером 15×12 см. На отдельном листке такого же формата записан текст на русском языке о составе штата с указанием количества проживающих и обслуживающих людей. «Всего вообще людей обоего пола 582» (СПбФ АРАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 9. Л. 170-171).

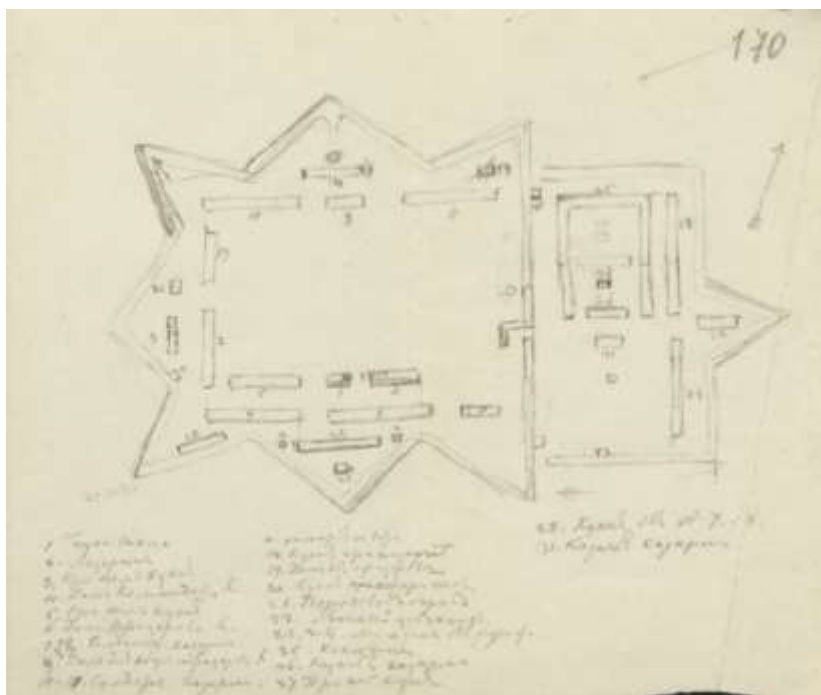

Рис 2. «План Актавского укрепления» (СПбФ АРАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 9. Л. 170)

На основе изучения плана из фондов архива авторами был составлен рисунок с помещениями на территории укрепления.

На плане удалось прочесть указатели: 1. Гауптвахта, 2. Лазарет. 3. При нем кухня; 4. Дом коменданта; 5. При нем кухня; 6. Дом офицеров; 7-8. Солдатские казармы; 9. Дом для общества офицеров; 10-11. Солдатские казармы; 14. Кухня при казармах; 19. Дом для офицеров; 20. Кухня при нем; 21. Пороховой погреб; 22. Ротный цейхгауз; 23-24. Магазин для фуража; 25. Конюшни; 26. Казачьи казармы; 27. При нем кухня; 28. Кухня для № 4; 31. Казаковы казармы (СПбФ АРАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 9. Л. 170)

Таким образом, в научный оборот вводится первый из известных на текущий момент планов Актауского укрепления, выявленный среди документов архива А.И. Шренка. Прорисованный карандашом эскиз изучаемого укрепления, возможно, выполнен военным топографом А.М. Яновским, сопровождавшим А.И. Шренка в путешествиях в 1842–1843 гг. Его записи, озаглавленные как «Топографическое описание Южной части Киргизской степи», были составлены

во время производства рекогносцировки в 1843 г. и включены А.И. Шренком в свой архив (СПбФ АРАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 52. Л. 1-27).

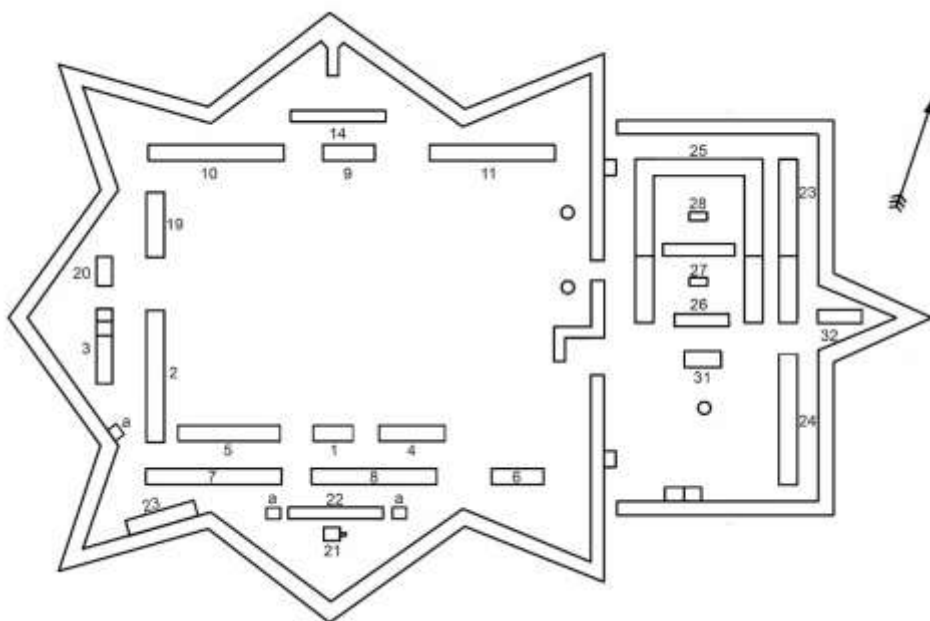

Рис. 3. План Актавского укрепления (копия с плана выполнена художником И. Гусевым, 2025 г.)

Большинство казаков были православными христианами. Во всех поселениях и даже временных укреплениях по возможности строились церкви на общественные средства. Согласно Высочайшему указу № 10700 от 10 ноября 1837 г., к церкви, «предполагаемой к сооружению во внешних округах киргизской степи, при укреплении Актау, определить священника, двух причетников и одного сторожа» (Абдиров, 1994: 45). Это можно считать свидетельством того, что предполагалось длительное существование воинского укрепления в степи.

Численность гарнизона Актауского укрепления, по сведениям Н. Красовского, к 1863 г. составляла 250 человек (Красовский, 1868b: 220).

Что касается материала для сооружения укрепления, то утрамбованная сухая глина из рва давала прочный материал. Как пишет К.И. Величко: «...битая глина, которая в наших азиатских владениях дает настолько прочный материал, что при толщине до 12 дюймов стены не пробиваются трехлинейной пулей, а двух аршинная облицовка вала трудно разрушается даже полевой артиллерией. В подобном глинистом, лёссовом грунте рвы держат вертикальные или весьма крутые откосы даже без одежды (облицовки)» (Величко, 1903: 66). Земляной глиняный вал, возводимый при углублении рва, помогал противостоять артиллерии и вместе со рвом был хорошим прикрытием оборонявшихся сил. Плотная утрамбованная глина не расползалась во время дождей, и вал сохранил свои очертания по сегодняшний день.

Особый интерес в нашем случае представляет Актауское укрепление как укрепление военно-стратегического назначения.

Устройство Актауского укрепления в 1837 г. на южных границах казахских кочевий было обусловлено необходимостью прикрытия внешних округов от набегов отрядов Кенесары Касымова, откочевавшего на юг, вглубь степи и выступавшего против введенного в степи нового порядка управления. Российское правительство приняло решение о строительстве укреплений на реках Чу и Манака, а позднее на берегу рек Иргиз и Тургай.

Из предписания военного министра графа Чернышева Западно-Сибирскому генерал-губернатору князю Горчакову от 8 декабря 1836 г. № 3048: «1) Устроить на урочище Актау на речке Манака, притоке Сары-су, в 300 верстах к югу от Акмолов укрепления, для постоянного размещения в нем отряда, который мог бы наблюдать за действиями в степи возмущившихся киргизских султанов и их приверженцев; 2) новое Актавское укрепление связать с внешними округами линией пикетов и караулов» (Путинцев, 1891: 158).

В «Сборнике узаконений о киргизах степных областей» от 15 апреля 1837 г. в наставлении Актаускому коменданту и штату управления при нем четко определены задачи: «Во внешних округах Омской области при уроч. Актау учреждено постоянное укрепление, начальствование над которым вверено коменданту в чине полковника или подполковника. На обязанность этого коменданта возложено: 1) наблюдение за внутренним спокойствием в трех пограничных округах: Акмолинском, Каркаралинском и Аягузском; 2) действительная защита верноподданных киргиз, во время их

кочевки, во всей южной полосе области, не исключая и голодной степи; 3) постоянный надзор за неприкосновенностью границ: пресечение всякого своевольного перехода наших киргиз в чужие пределы и вторжений в наши пределы от соседних народов и 4) покровительство движения торговых караванов. В этих видах Актаускому коменданту были подчинены упомянутые три округа и войска в них находящиеся. При нападении на наши посты и кочевья верноподданных киргизов коменданту предоставлено отражать хищников оружием и преследовать их до высоты р. Чу, не переступая, однако же, за нее, или в других местах за южные пределы голодной степи» (Крафт, 1898: 173).

Такие несложные укрепления строились казаками без непосредственного участия специалистов-инженеров или профессиональных военных (Kubaev, Yusupova, 2024: 59). Естественно, укрепления были беспомощными против большого войска и редко могли выдержать длительную осаду. Но в то же время пушки, стоящие на валах, пользуясь преимуществом в высоте, могли стрелять дальше, чем стоящие на земле орудия нападающих.

М. Венюков, говоря об особенностях военного дела в степных условиях отмечал, что «...смысл степной крепосцы состоит в охранении складов подвижного отряда, который бы действовал всегда наступательно, не давая неприятелю блокировать себя, а, напротив, энергически действуя против него в полевой войне» (Венюков, 1860: 295). И далее автор пишет: «Нельзя не заметить, что существование в степи форта обезохочивает беспокойных номадов затевать волнения в близком от онаго расстоянии» (Венюков, 1860: 296).

Н.Г. Путинцев, перечисляя события из истории Сибирского казачьего войска, так пишет об этом: «Во исполнение приказа и для прикрытия внешних округов возводится на реке Манак притоке Сары-су Актавское укрепление, а так же строятся казачьи пикеты между Актау, Акмоллами, Уч-Булаком и Кокчетавом» (Путинцев, 1891: 160).

Назначение укрепления, по мнению К.И. Величко, «...заключается в относительной слабости гарнизона и вооружения. Причина в обособлении рассматриваемого типа укреплений лежит в местных условиях данного театра: противник подразумевается слабый вооружением и тактикой, хотя и сильный числом» (Величко, 1903: 67). В таком противостоянии невелики и отряды в укреплении, а недостаток артиллерии у противника позволяет придавать укреплениям характер временных, с короткими оборонительными линиями. В то же время автор не отрицает того, что внутренняя площадь укреплений должна иметь возможность принять под защиту жителей округи и предоставить защиту на какое-то время.

Упоминание Актуского укрепления нередко встречается в связи с восстанием Кенесары Касымова. В работе Е.С. Сыздыковой представлен обширный материал о причинах выступлений, среди которых выделяется недовольство постройкой укреплений в казахской степи (Сыздыкова, 2005: 167).

А.М. Яновский упоминает о «смутных обстоятельствах в степи, связанных с военными действиями против неприязненных Кипчаковских и Аргиновских волостей», которые были «...до водворения Актусского укрепления...» (СПбФ АРАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 52. Л. 3), тем самым признавая его важную роль в процессе дальнейшего подчинения казахских родов колониальным властям и наведения порядка.

Эпизоды этого повстанческого движения приведены Н.Г. Путинцевым в «Хронологическом перечне событий из истории Сибирского казачьего войска», изданном в 1891 г.: «В конце ноября 1837 года для сопровождения торгового каравана, следовавшего из Петропавловска через Голодную степь, был командирован казачий отряд из шести урядников, одного фельдшера и сорока восьми казаков под командованием хорунжего Третьего полка Рытова. Пройдя за Актавское укрепление верст 250, Рытов оставил на пути для прикрытия фуража, провианта и тяжестей 19 казаков при двух урядниках и фельдшере, а с остальными проводил караван еще за 520 верст к реке Чу» (Путинцев, 1891: 160).

Из донесения начальника Актавского отряда, войскового старшины Симонова командиру Сибирского линейного казачьего войска генерал-майору Олюнич-Гнененко от 4 января 1838 г. следует: «В это время шайка мятежников киргизов, под личным начальством султана Кенесары Касымова, внезапно напала на оставленных с обозом казаков и всех их, после упорной обороны, уничтожила. Ничего не зная о катастрофе, постигшей этих несчастных казаков, хорунжий Рытов, по тому же пути, возвращался, проводив караван в Голодную степь обратно к Актавскому укреплению, и не доходя 20-ти верст до этого места, где им были оставлены казаки, сделавшиеся жертвою зверства хищников, подвергся 5 декабря нападению той же шайки мятежников в числе 1000 человек. В течение трех дней казаки с мужеством выдерживали натиск многочисленного неприятеля, который атаковал их с трех сторон, прикрываясь турами. 7 декабря казаки сделали последнее усилие и выбили киргизов из устроенных ими временных завалов; при чем было много киргизов убито и ранено, а казаки в этом деле потеряли хорунжего Рытова, 3 урядников и одного казака, а из остальных было ранено 1 урядник и 21 казак. Оставшиеся в живых 1 урядник и 28 казаков избавлены были от дальнейшего преследования хищников отрядом войскового старшины Симонова, выступившего по получению известия о нападении киргиз на Рытова, из Актава для прикрытия отступавших, которые, благодаря этому движению Симонова, и не были окончательно истреблены» (Путинцев, 1891: 162).

По одной из версий, отряд Кенесары напал на группу казаков крепости, сопровождавших торговый караван. По другим данным, Кенесары собирался напасть на крепость, но всё ограничилось перестрелкой с казачьим разъездом. Есть и легендарная история о том, что Касымову удалось взять укрепление штурмом, но удержать крепость он не смог. Однако документального подтверждения этому нет.

Н. Г. Путинцев описывает нападение султана Кенесары Касымова на Актауское укрепление на рассвете 22 июня 1838 г. с отрядом в 2 тыс. человек, которое было отбито гарнизоном. Отряд мятежников быстро удалился в степь, захватив небольшой табун лошадей и рогатого скота, принадлежащий офицерам и казакам. «Во время этого нападения с нашей стороны ранено 4 казака и один казак взят в плен» (Путинцев, 1891: 163-164). Следовательно, Н.Г. Путинцев не подтверждает версии о захвате крепости восставшими в 1838 г.

Историк А. Якунин в статье, опубликованной в журнале «Большевик Казахстана», писал, что после неудачной попытки взять Акмолинскую крепость в 1838 г. Кенесары Касымов ушел в район Улытау и послал командиру отдельного Оренбургского корпуса письмо, в котором предлагал мир при условии, «...чтобы скрыто было Актауское укрепление, уничтожены все приказы и выведены русские войска из степи» (Якунин, 1939: 48). В ответ на эти требования военный министр предписал выслать в степь два отряда, чтобы не допускать отрядов Кенесары до укреплений.

Укрепление и в последующие годы продолжало выполнять задачи по подавлению недовольства в степи. В мае 1851 г. сотник А. Рыбин с 25 казаками Актауского укрепления разбивает отряд сына султана Кенесары Джафара и отбирает угнанный скот (Путинцев, 1891: 193). В 1854 г. отряд под командованием сотника Фролова из Актавского укрепления преследует султана Худайменды-Газиза. Захватывает в плен его жену Калифу, трёх его детей и султана Бопы Омбаева. Сам султан смог скрыться (Путинцев, 1891: 197).

Эти факты ещё раз доказывают, что военные отряды закреплялись в местах, оптимальных с точки зрения военных и экономических позиций (Koshman, Khabdulina, 2020: 1108).

Продвижение России в Среднюю и Переднюю Азию проходило по торговым путям казахской степи. Это были древние караванные маршруты, совпадавшие с трассами меридиональных кочёвок казахских родов Младшего и Среднего жузов. Их использование длилось около двух тысяч лет. В казахской этнографии они имели свои наименования (Маргулан, 1949: 70). В политике российской охраны транзитных путей особое значение придавалось военным крепостям, обеспечивавшим безопасность караванной торговли. Этот фактор объясняет появление крепостей на территории Акмолинской области.

Актауское укрепление было построено на ключевой позиции караванного тракта в Среднюю Азию. Для усиления безопасности между Акмолинском и Актау через каждые 20-30 вёрст были устроены пикеты, принадлежавшие к категории временных. В 1839 г. при Отдельном Сибирском корпусе Западно-Сибирского генерал-губернаторства была подготовлена «Киргизская карта» с нанесением форпостов и укреплений, в том числе и Актауского (Киргизская степь, 1839).

И.И. Завалишин, российский учёный-этнограф, описывая казахские степи, отмечает, что «Актавский хребет тянется с юго-запада в голодную степь, скуден растительностью, но он вблизи наших караванных путей в Среднюю Азию. Посему здесь построено укрепление Актавское» (Завалишин, 1862: 16). Автор отмечает значение укреплений в степи сибирского ведомства, в том числе и Актавского, которое играет большую роль в охране караванной дороги (Завалишин, 1862: 60).

В статье «Пути сообщения в Сибири» М. Соболев характеризует тракт, соединявший торговые центры Ишим – Петропавловск – Кокчетав – Атбасар – Акмолинск, как один из крупнейших в Сибири конца XIX – начала XX в. (Соболев, 1908: 35). Большая часть степных грузов шла по этому тракту. Объёмы перевозок, главным образом сырья – сала, кожи, шерсти, измерялись многими сотнями тысяч пудов. Транспорт для перевозки служили телеги и арбы (казахские двухколесные телеги), запряжённые лошадьми, верблюдами или волами.

При существовавшей бюрократической системе управления дорогами и дорожным хозяйством, тракты, как отмечал М. Соболев, находились в плохом состоянии, а осенью, весной и зимой они подчас становились непроходимыми не только для торговых обозов, но и для почтовых экипажей.

Почтовые тракты Акмолинской области – главные грунтовые дороги на территории области середины XIX – первой трети XX в., по которым осуществлялась перевозка почты и различных грузов. Впервые пикетные дороги Приишимья были обозначены на «Маршрутной карте Западной Сибири», изданной в 1843 г. (Маршрутная карта..., 1843).

Из пикетных дорог образован главный пикетный тракт края – Петропавловск – станция Кокчетавская – станция Атбасарская – станция Акмолинская. Еженедельно отправляемая почта из Омска, благодаря устройству почтовых пикетов, доходила до Кокчетава через 3-4 дня, в Акмолинск, Атбасар и Каркаралинск на 5-6 день. В зимний сезон это время соответственно увеличивалось. Почтовые отделения находились в Кокчетаве, Акмолинске и Каркаралинске. Почту между пикетами доставляли верховые казаки. Время доставки почты от окружных приказов определялась местом расположения последних, причём рассчитывалось из того, что лошадь преодолевает расстояние

150 вёрст в сутки (160 км). Этот путь был впервые внесён в «Почтовый дорожник Российской империи», изданный 1852 г. ([Почтовый дорожник..., 1852](#)).

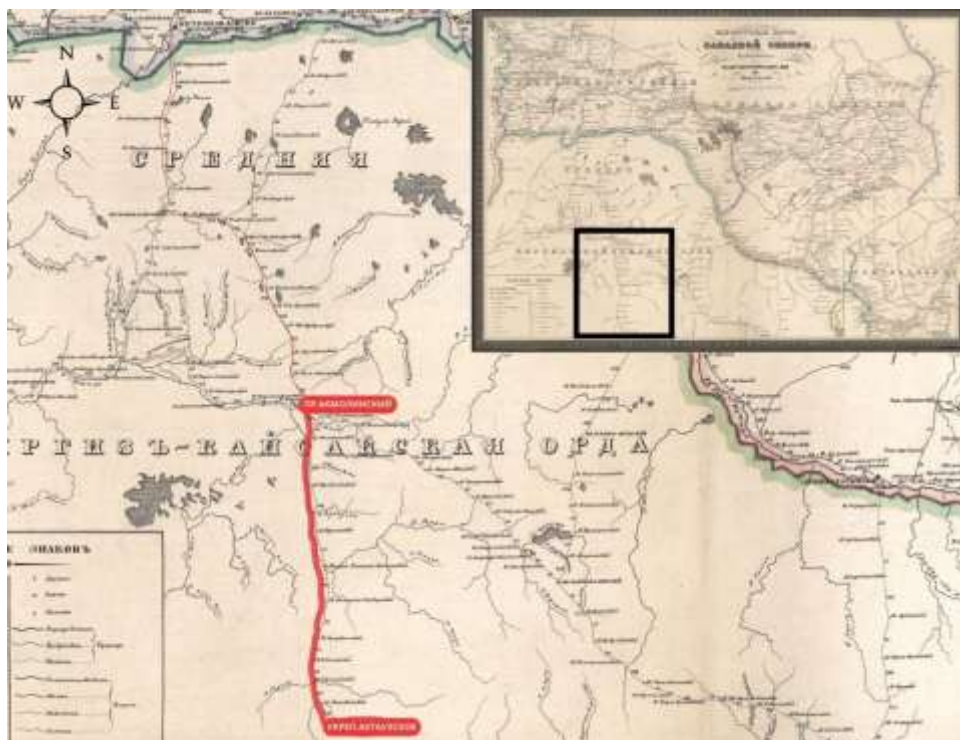

Рис. 4. Реконструкция почтового маршрута от Акмолинской крепости до Актауского укрепления ([Маршрутная карта..., 1843](#))

Со временем на месте пикетов возникали небольшие населённые пункты, казахские зимовки, многие из них оказались заброшены, но в целом, как посёлки, они существуют и в настоящее время.

По мнению Н. Красовского, Акмолинско-Актавский тракт, по месту своего расположения и обустройству, относился к третьему разряду. Первые два тракта от Петропавловска до Акмолов и Каркаралинско-Акмолинский были достаточно хорошо обустроены и востребованы. Строения на Акмолинско-Актавском тракте представляли из себя плетёные «набученные землею домики», из такого же материала и провиантские магазины при пикетах, землянки-казармы, двор окопан невысоким валом, довольно редко возводился навес ([Красовский, 1868b: 252](#)).

На расстоянии в 329 вёрст от Акмолинской крепости до Актауского укрепления имелось десять станций на расстоянии между ними примерно 30 вёрст ([Красовский, 1868a: 233](#)). Данный путь был тяжёлым в зимние месяцы и весной при разливах реки Нуры, изнурительными были и большие переходы. Зимняя дорога не была постоянной, шла разными направлениями, смотря по местным и сезонным обстоятельствам, и потому точный путь был до конца не известен исследователям и путешественникам того времени.

Летняя дорога из Петропавловска через Акмолы до укрепления Актауского, по подсчётам П.И. Небольсина, составляла 899 ½ вёрст. Казачьей линией надо пройти шесть или семь пикетов ([Небольсин, 1856: 25](#)). Обычно на пикетах находились 8-9 казаков при уряднике.

В 1865 г. вся пограничная линия от Аральского моря до озера Иссык-Куль вошла в состав образованной Туркестанской области, которая была подчинена ведению Оренбургского генерал-губернатора. В связи с этим «...упразднены Улутавский укрепленный пост и пикетный тракт от Атбасара до Улугау, а так же укрепление Актавское и тракт от Акмолов до Актава» ([Путинцев, 1891: 226](#)). На «Карте Туркестанского генерал-губернаторства» 1868 г. укрепление Актавское обозначено уже как «бывшее Актавское укрепление» ([Карта..., 1868](#)).

В конце XIX в. мимо развалин Актавского укрепления прошёл маршрут путешественника А. Шерстобитова. В своих записках он сообщает, что в Акмолинской области по желанию русского правительства вдоль торговых трактов возникли опорные пункты к югу от Акмолы: Актавская крепость, по направлению к Голодной степи – Бекпақдала, Атбасарская станица и Улутавское укрепление. В период его путешествия, «как Актав, так и Улутав в настоящее время представляют из себя только одни развалины бывших здесь крепостей и казенных зданий. Русских ни там, ни здесь нет, и даже сняты пикеты, которые были расположены когда-то по тракту от Акмолинска в Актав и через Атбасар в Улутав» ([Шерстобитов, 1889: 84](#)).

5. Заключение

Россия со времён Петра I уделяла особое внимание укреплению своих государственных границ. Для этого был выбран способ создания военно-оборонительных линий, постепенно соединявшихся между собой. В годы правления императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II русский капитал обращает взоры на азиатские просторы. В середине XVIII в. началось строительство Сибирской линии. Фортификационные сооружения по северной границе казахских кочевий получили название «Горькая линия», потому что крепости прошли по системе горько-солёных озёр вдоль речки Камышловки. От Омска до Усть-Каменогорска была построена Иртышская линия.

По материалам военно-инженерных ведомств до начала крепостного строительства велись серьёзные научно-изыскательские и геодезические исследования. Огромные территории и многообразие ландшафтов приводили к перепланировке, дополнению и иногда выпрямлению оборонительных линий.

Обезопасив западные, северные и восточные границы вдоль казахских кочевий, русское правительство в первой половине XIX в. перешло к возведению крепостных сооружений в центре Казахстана. До сегодняшнего дня сохранились в ландшафте степи руинированные остатки Актауского укрепления, которые следует рассматривать как образец военного зодчества Нового времени. В результате анализа письменных источников XIX в. установлены причины строительства Актауского укрепления, уточнён период функционирования, топография и ландшафтное размещение. Архитектура устройства крепости исследована авторами с привлечением плана из архива А.И. Шренка – впервые введённого в научный оборот источника, а также визуализации в современном ландшафте с помощью натурного осмотра и изучения космоснимков. Актауское укрепление воплощает принципы строительных традиций степного региона. Это прослеживается во внешнем облике защитных конструкций, многоярусности и сложной конфигурации рва и вала, конструкции входа и внутренней планировке расположения зданий. Отсутствие леса и природного камня определило технологию строительства сооружений из местного распространённого материала – глины.

Важное значение крепости подтверждается донесениями военных офицеров, воспоминаниями чиновников и путешественников, публикациями дореволюционных историков. Хорошо отлаженная система строительства укреплений, наличие планов постройки типовых крепостей и укреплений, позволяла небольшими силами и в короткие сроки возводить их на окраинах империи. Вопрос, который сложнее было решить, – это определение военного контингента и продовольственное обеспечение дальних гарнизонов. Создание Туркестанского генерал-губернаторства позволило Российской империи укрепиться на южных рубежах, и отпала необходимость в содержании Актауского укрепления. Слабозаселённая территория позволила сохраниться укреплению, очертания которого хорошо просматриваются на сегодняшний день.

Остатки укрепления сегодня представляют собой оплывшие валы высотой до полутора метров и достаточно хорошо сохранившийся ров. Памятник разрушается под воздействием естественных природных процессов, что ставит под угрозу сохранность культурных слоёв. Всё это заставляет изучать материальные остатки укреплений первой половины XIX в., свидетельствующие об уровне развития русского военного зодчества. Интерес представляет изучение архитектурных деталей и фортификационных особенностей укрепления как объекта материального наследия XIX в., и его исторической роли в проникновении русского торгового капитала в среднеазиатские владения.

Расположение крепости на территории Казахстана требует охраны её как объекта мемориального историко-культурного наследия Казахстана и дальнейшего исследования.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан АР26101503 «Междисциплинарные исследования золотоордынских культовых мемориалов Сарысу-Тенгизского водораздела».

Литература

- Абдиров, 1994 – Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана. Алматы: Казахстан, 1994. 160 с.
 Аршабеков, Исламов, 2007 – Аршабеков Т.Т., Исламов И. И. Ақтау бекінісі. Қарағанды: [Б. ж.], 2007. 103 с.
 Величко, 1903 – Величко К.И. Инженерная оборона государств и устройство крепостей. Сухопутные крепости. СПб.: Типография и Литография В. А. Тиханова, 1903. 220 с.
 Венюков, 1860 – Венюков М. Заметки о степных походах в Средней Азии // Военный сборник. 1860. № 12. С. 269–298.
 Завалишин, 1862–1867 – Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. М.: Издание Общества распространения полезных книг, 1862–1867. Т.3. 145 с.
 Жанааркинський районний... – Жанааркинський районний історико-краєведческий музей імені Сакена Сейфулліна Управління культури, розвитку мов і архівного дела області Ұлытау. [Электронный ресурс]. URL: <https://muzei-atasu.kz/ru/o-nas.html> (дата обращения: 24.03.2025).

Карта..., 1868 – Карта Туркестанского генерал-губернаторства: 1868 г. / составлена при Азиатской части Главного штаба Корпуса военных топографов штабс-капитаном Люсилиным, под руководством Генерального штаба подполковника Нарбут. СПб.: Картогр. зав. А. Ильина, 1868.

Киргизская степь, 1839 – Киргизская степь. Карта части Киргизской степи, подведомственной сибирскому начальству. Омск, 1839.

Красовский, 1868a – Красовский Н.И. Область сибирских киргизов. Ч. 1 / Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 16. СПб.: Типография Траншеля; Типография Ретгера и Шнейдера, 1868. 264 с.

Красовский, 1868b – Красовский Н.И. Область сибирских киргизов. Ч. 3 / Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, т. 16. СПб.: Типография Траншеля; Типография Ретгера и Шнейдера, 1868. 264 с.

Крафт, 1898 – Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург: скл. изд. у авт., 1898. 884 с.

Ласковский, 1865 – Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. В 3 ч. Ч. 3. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб.: в Тип. Император. акад. наук, 1865. 1016 с.

Маргулан, 1949 – Маргулан А.Х. Древние караванные пути через Бетпак дала // *Вестник АН КазССР*. 1949. №1. С. 68-79.

Маршрутная карта..., 1843 – Маршрутная карта Западной Сибири, гравированная при Военно-топографическом депо МДССС XLIII. СПб., 1843.

Небольсин, 1856 – Небольсин П.И. Очерки торговли России с странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом: (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856. 378 с.

Почтовый дорожник..., 1852 – Почтовый дорожник Российской Империи, по высочайшему повелению изданный Почтовым департаментом. СПб., 1852. 524 с.

Путинцев, 1891 – Путинцев Н. Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска: со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Составил есаул Н. Г. Путинцев. Омск: Типография Окружного штаба, 1891. 256 с.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии Наук.

Соболев, 1908 – Соболев М.Н. Пути сообщения в Сибири / Сибирь и ее современное состояние и ее нужды. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1908. С. 35-38.

Сыздыкова, 2005 – Сыздыкова Е.С. Российские военные и Казахстан (Вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVIII-XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России). М.: Реклама-Мастер, 2005. 246 с.

Услар, 1848 – Услар П.К. Четыре месяца в киргизской степи // *Отечественные записки*. 1848. Т. LX. № 9-10. С. 141-224.

Шерстобитов, 1889 – Шерстобитов А. Акмолинск: (очерк из заметок туриста) // *Дорожник по Сибири и Азиатской России*. 1899. Кн. II (март – апрель). С. 56-73

Якунин, 1939 – Якунин А. Восстание Кенесары Касымова // *Большевик Казахстана*. 1939. № 8 (95). С. 44-55.

Koshman, Khabdulina, 2020 – Koshman T.V., Khabdulina M.K. Antiquities of the Kazakh Steppes in Travel Notes of the Russian Researcher I.P. Shangin // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1101-1112.

Kubaev, Yusupova, 2024 – Kubaev S., Yusupova N. Archaeological reserch on the Kanka fortress city between nomads and farmers // *Turcik Studies Journal*. 2024. 2 (6). Pp. 57-73.

References

Abdirov, 1994 – Abdirov, M.Zh. (1994). Istoriya kazachestva Kazakhstana [History of the Cossacks of Kazakhstan]. Almaty: Kazakhstan, 160 p. [in Russian]

Arshabekov, Islamov, 2007 – Arshabekov, T.T, Islamov, I.I. (2007). Aktau bekini [Aktau Fortress]. Karağandy: [B. zh.], 103 p. [in Kazakh]

Karta..., 1868 – Karta Turkestanskago general gubernatorstva: 1868 g. [Map of the Turkestan General Governorate: 186]. Sostavlena pri Aziatskoi chasti Glavnogo shtaba Korpusa voennykh topografov shtabs kapitonom Lyusiliny, pod rukovodstvom General'nogo shtaba podpolkovnika Narbut. Sankt-Peterburg: Kartogr. zav. A. Il'ina, 1868. [in Russian]

Kirgizskaya step', 1839 – Kirgizskaya step'. Karta chasti Kirgizskoi stepi, podvedomstvennoi sibirskomu nachal'stvu [Kirghiz Steppe. Map of the part of the Kirghiz Steppe under the jurisdiction of the Siberian authorities]. Omsk, 1839. [in Russian]

Koshman, Khabdulina, 2020 – Koshman, T.V., Khabdulina, M.K. (2020). Antiquities of the Kazakh Steppes in Travel Notes of the Russian Researcher I.P. Shangin. *Bylye Gody*. 57(3): 1101-1112.

Kraft, 1898 – Kraft, I.I. (1898). Sbornik zakononii o kirgizakh stepnykh oblastei Orenburg [Collection of laws on the Kirghiz of the steppe regions]: skl. izd. u avt., 884 p. [in Russian]

Krasovskii, 1868a – Krasovskii, N.I. (1868). Oblast' sibirskikh kirgizov. Ch. 1 [Region of the Siberian Kirghiz. Part 1]. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. T. 16. SPb: Tipografiya Transhelya; Tipografiya Retgera i Shneidera, 264 p. [in Russian]

- [Krasovskii, 1868b](#) – *Krasovskii N.I.* Oblast' sibirskikh kirgizov. Ch. 3 [The region of the Siberian Kirghiz. Part 3]. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba, t. 16. SPb: Tipografiya Transheliya; Tipografiya Retgera i Shneidera, 264 p. [in Russian]
- [Kubaev, Yusupova, 2024](#) – *Kubaev, S., Yusupova, N.* (2024). Archaeological reserch on the Kanka fortress city between nomads and farmers. *Turcik Studies Journal*. 2(6): 57-73.
- [Laskovskii, 1865](#) – *Laskovskii, F.* (1865). Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii. V 3 ch. Ch. 3. Opyt issledovaniya inzhenernogo iskusstva posle imperatora Petra I do imperatritsy Ekateriny II [Materials for the history of engineering art in Russia. In 3 parts. Part 3. Experience of studying engineering art after Emperor Peter I to Empress Catherine II]. SPb.: Imperial Academy of Sciences, 1016 p. [in Russian]
- [Margulan, 1949](#) – *Margulan, A.Kh.* (1949). Drevnie karavannye puti cherez Betpak dala [Ancient caravan routes through Betpak dala]. *Vestnik AN KazSSR*. 1: 68-79. [in Russian]
- [Marshrutnaya karta, 1843](#) – Marshrutnaya karta Zapadnoi Sibiri, gravirovannaya pri Voennotopograficheskom depo MDCCC XLIII [Route map of Western Siberia, engraved at the Military Topographic Depot MDCCC XLIII]. SPb, 1843. [in Russian]
- [Nebol'sin, 1856](#) – *Nebol'sin, P.I.* (1856). Ocherki trgovli Rossii s stranami Srednei Azii, Khivoi, Bukharoi i Kokanom: (so storony Orenburgskoi linii) [Essays on Russia's trade with the countries of Central Asia, Khiva, Bukhara and Kokan: (from the Orenburg line)]. SPb, 378 p. [in Russian]
- [Pochtovyi dorozhnik..., 1852](#) – Pochtovyi dorozhnik Rossiiskoi Imperii, po vysochaishemu poveleniyu izdannyi Pochtovym departamentom [Postal road map of the Russian Empire, published by the Postal department by imperial order]. SPb. 1852. 524 p. [in Russian]
- [Putintsev, 1891](#) – *Putintsev, N.G.* (1891). Khronologicheskii perechen' sobytii iz istorii Sibirskogo kazach'ego voiska: so vremeni vodvoreniya zapadnosibirskikh kazakov na zanimaemoi imi nyne territorii [Chronological list of events from the history of the Siberian Cossack army: from the time of the settlement of the West Siberian Cossacks in the territory they now occupy]. Sostavil esaul N. G. Putintsev. Omsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba, 256 p. [in Russian]
- [Sherstobitov, 1889](#) – *Sherstobitov, A.* (1889). Akmolinsk: (ocherk iz zametok turista) [Akmolinsk: (an essay from a tourist's notes)]. Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoi Rossii. Kn. II (march – april). Pp. 56-73. [in Russian]
- [Sobolev, 1908](#) – *Sobolev, M.N.* (1908). Puti soobshcheniya v Sibiri [Communication routes in Siberia]. Sibir' i ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy. SPb: Izd. A.F. Devriena. Pp.35-38. [in Russian]
- [SPb Arkhiv RAN](#) – Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi Akademii Nauk [The archive of the Russian Academy of Sciences].
- [Syzdykova, 2005](#) – *Syzdykova, E.S.* (2005). Rossiiskie voennye i Kazakhstan (Voprosy sotsial'no-politicheskoi i ekonomicheskoi istorii Kazakhstana XVIII-XIX vv. v trudakh ofitserov General'nogo shtaba Rossii) [Russian military and Kazakhstan (Issues of the socio-political and economic history of Kazakhstan in the 18th-19th centuries in the works of officers of the General Staff of Russia)]. M.: Advertising-master, 246 p. [in Russian]
- [Uslar, 1848](#) – *Uslar, P.K.* (1848). Chetyre mesyatsa v kirgizskoi stepi [Four months in the Kyrgyz steppe]. *Otechestvennye zapiski*. T. LX. № 9–10. Pp. 141-224. [in Russian]
- [Velichko, 1903](#) – *Velichko, K.I.* (1903). Inzhenernaya oborona gosudarstv i ustroistvo krepostei. Sukhoputnye kreposti [Engineering defense of states and construction of fortresses. Land fortresses]. SPb.: Tipografiya i Litografiya V. A. Tikhanova, 220 p. [in Russian]
- [Venyukov, 1860](#) – *Venyukov, M.* (1860). Zametki o stepnykh pokhodakh v Srednei Azii [Notes on the steppe campaigns in Central Asia]. Voennyi sbornik. 12: 269-298. [in Russian]
- [Yakunin, 1939](#) – *Yakunin, A.* (1939). Vosstanie Kenesary Kasymova [The uprising of Kenesary Kasymov]. *Bol'shevik Kazakhstana*. 8(95): 44-55. [in Russian]
- [Zavalishin, 1862–1867](#) – *Zavalishin, I.I.* (1862–1867). Opisanie Zapadnoi Sibiri [The description of Western Siberia]. M.: Izdanie Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, 1862–1867. [in Russian]
- [Zhanaarkinskii raionnyi...](#) – Zhanaarkinskii raionnyi istoriko-kraevedcheskii muzei imeni Sakena Seifullina Upravleniya kul'tury, razvitiya yazykov i arkhivnogo dela oblasti Ylytau [Zhanaarkinsky district historical and local history museum named after Saken Seifullin department of culture, language development and archival affairs of the Ulytau district]. [Electronic resource]. URL: <https://muzei-atasu.kz/ru/o-nas.html> (date of access: 24.03.2025). [in Russian]

Принципы оформления российских государственных границ в XVIII–XIX вв.

Марал Калымжановна Хабдулина ^a, Татьяна Васильевна Кошман ^{a, *},
Марина Васильевна Бедельбаева ^b

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tatyanakoshman@mail.ru (Т.В. Кошман)

^a Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^b Музей археологии и этнографии Сарыаркинского археологического института при НАО

«Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова», Караганда, Республика Казахстан

Аннотация. В статье изложена история одной из российских военных крепостей XIX в. – Актауского укрепления, построенного в центре казахских степей. Укрепление выделяется необычной формой, планировкой и расположением вдали от общероссийской линии оборонительных укреплений, возведённых в XVIII–XIX вв. вдоль северных и восточных окраин казахских кочевий. Цель статьи – раскрыть функциональное назначение военных укреплений в расширении и закреплении российских государственных границ и сохранении транзитных торговых путей из Восточной Европы в Переднюю и Среднюю Азию. Задачи исследования: показать опыт Российской империи в колонизации новых территорий через строительство линий военных укреплений; объяснить выбор центра казахских степей для топографического размещения крепости Актав, показать уровень военно-инженерного искусства XVIII – начала XX в. и роль военных крепостей в продвижении российского торгового капитала в среднеазиатские владения; дать краткое археологическое описание памятника как объекта историко-культурного наследия. В статье применён хронологический метод описания конкретно-исторических событий, реконструктивный метод, дополняющий типовые проекты русских военных данными степного военного зодчества. Для восприятия материала использованы методы типологии, картографии и структурного анализа. Инновационными являются методы ГИС, цифровые технологии, использованные в расшифровке размерных данных по космо- и фотоснимкам объектов, сохранившихся в ландшафте. В результате изучения истории Актауского укрепления реконструированы причины его возведения и прекращения функционирования по научным и правительственным архивным документам XVIII–XX вв. Приведены сведения об использовании крепостей в процессе освоения и закреплении российской власти в азиатских пределах империи.

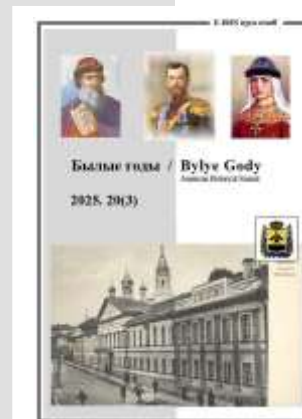
Ключевые слова: Актауское (Актавское) укрепление, казахские степи, Сибирская оборонительная линия, военное зодчество, торговый тракт, караванный путь, пикеты, Кенесары Касымов, архив.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1141-1151
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1141

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Evolution of Religious Policy of the Russian Empire in the Kazakh Steppe: the Nomads between Islam and Christianity

Gabit B. Zhumatay ^a, Akmaral S. Yskak ^{a, *}

^a Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article explores and analyzes the evolution of religious policy of Tsarist Russia in the Kazakh steppe at the end of the 18th and beginning of the 20th centuries. Drawing upon the extensive historical sources and contemporary studies, the study focuses on identifying and discussing the character and peculiarities of each period of religious policy of the Russian Empire in the Kazakh steppe. The study employs the theory of a civilizing mission because Russian political elites and ideologists of Russian colonialism viewed the empire's religious policy as an integral part of a civilizing mission and a cultural project. Russian rulers considered religion as a powerful unifying and civilizing force that would bring various alien populations under the control of Russia and facilitate their rapprochement and merge with the Russian people. The relevance and significance of the topic are linked to the peculiarities of religious policy of tsarist Russia vis-à-vis the Kazakh nomads. Specifically, Catherine II and her successors through religious tolerance and patronage of Islam sought to pacify and civilize the Kazakhs. The bottom line of Catherine's policy of instrumentalizing Islam was that the unruly and warlike Kazakhs could be tamed and brought under Russian control through Islamization. Yet by the mid-19th century, Russian elites, intellectuals and clergy came to understand that the state sponsorship of Islam had failed to integrate the nomad Kazakhs into the general imperial space. Therefore, they ardently advocated a drastic policy change from the state-orchestrated Islamization of the nomads to Christianization policy. However, a critical analysis of historical sources and literature illustrates that despite Russian authorities in conjunction with Orthodox missions having placed a tremendous emphasis on reversing the Islamization process in the steppe and converting the Kazakhs to Christianity, the new policy failed to yield desired outcomes.

Keywords: Russian Empire, Kazakh steppe, Russians, Kazakhs, nomads, religion, Islam, Christianity, Orthodoxy, civilizing mission.

1. Introduction

Kazakhstan is a multicultural and multi-confessional state. Yet the multicultural and multireligious foundations of Kazakhstan were laid during the establishment and expansion of the colonial rule of the Russian Empire in the Kazakh steppe in the second half of the 18th and beginning of the 20th century. From this standpoint, to get a deeper and proper understanding of the current multireligious and multicultural Kazakh society, it is essential and relevant to study tsarist Russia's confessional policy and its civilizing mission in the Kazakh steppe. It is highly pertinent and timely to investigate the evolution of the religious policy of the Russian policy in the steppe in terms of the empire's attempts to spread Islam among the Kazakh nomads, and then its shift to Christianization policy by the end of the 1860s. For this reason, the study explores the main stages, evolution and transformation of confessional and civilizing policy of tsarist Russia's policy in the Kazakh steppe from the end of the 18th and beginning of the 20th centuries. Although the issues pertaining to Russian religious and civilizing policy vis-à-vis the Kazakh steppe in the pre-1917 period have received significant attention in

* Corresponding author

E-mail addresses: sakmaral7@gmail.com (A.S. Yskak), gzhumatay@gmail.com (G.B. Zhumatay)

scholarship, the underlying causes of changes and shifts in Russian policies towards Islam have not yet been examined in detail in literature. The submission of the Junior and Middle Hordes in the middle of the 18th century coincided with the gradual transition of aggressive Christianization policy to a more accommodative religious policy. It signaled the shift from aggressive proselytizing efforts among infidels to a more tolerant approach to followers of non-Orthodox faiths.

Although religious tolerance was not extended to all religions, Islam received a greater attention from Russian authorities and was recognized as a tolerated religious faith. Dashkovskiy and Shershneva highlight that with the expansion of the empire, as the second religious faith in terms of number of its followers in Russia, Islam received a growing attention and patronage by the Russian government (Dashkovskiy, Shershneva, 2015: 338). We argue that religious conversion of the Kazakhs to Christianity and their cultural assimilation were at the core of Russian policy towards the steppe. Drawing upon historical accounts and relevant literature, the study asserts that the ultimate goal of Catherine II's religious tolerance and patronage of Islam was to bring the Kazakhs to Russian Orthodoxy. Although Islam was chosen as a civilizing force of the nomad Kazakhs, their conversion to Islam was regarded as a transitional period to Christianity. Yet around the 1830–1840s the conventional policy of state patronage of Islam and civilizing the Kazakhs through Islam changed drastically due to mounting anti-Islam sentiment among Russian bureaucrats, clergy, intellectuals and orientalists who are defined as “imperial elite” by Hofmeister and as “ideologists of Russian colonialism” by Batunsky (Batunsky, 2003: 274; Hofmeister, 2016: 412). They ardently advocated dramatic policy change from the state sponsorship of Islam to its cancellation and focusing on the spread of Russian Orthodoxy in the steppe to achieve Russification of the nomads.

The study provides an in-depth analysis of two periods of Russia's religious policy in the Kazakh steppe. First and foremost, we will discuss the era of religious tolerance and the state patronage of Islam under the rule of Catherine the Great and her successors. We will specifically discuss how the top-down state-inspired religious tolerance and patronage of Islam led to further penetration of Islam among the Kazakhs and the state implemented policies intended to bring Islam closer to the nomads. The last section of our discussion will highlight the attempts of Russian authorities, Russian clergy, orientalists and intellectuals to cancel the religious tolerance policy, the state patronage of Islam and civilizing the Kazakhs through Islam. We will focus on how they endeavored to undo and nullify the state patronage of Islam and its policy of Islamizing the Kazakhs by blocking Islamic influence in the steppe, removing the Tatar cultural influence and propagating Russian Orthodoxy. Besides stressing the efforts to expel Islam from the steppe and convert the Kazakhs to Christianity, we will look at the root causes of failure and setbacks in tsarist Russia's attempts to abolish Islam and evangelize the nomads.

2. Materials and methods

The study draws upon a variety of historical sources, namely policy documents, legislations, historical accounts and scholarly works in the pre-1917 revolution period (Arapov, 2001; Rossiya..., 1903; Zakonodatel'nye akty..., 2015). The study has conducted a critical analysis of historical documents produced by state bodies of tsarist Russia and historical accounts of prominent Russian officials, bureaucrats, Russian intellectuals, orientalists and clergy (Belyaev, 1900; Geins, 1897; Grigoriev, 1874; Levshin, 1832; Miropiev, 1901; Valikhanov, 1985). In addition to historical data, the study draws upon studies relevant to the topic. The study relies on pertinent works of the pre-1917 revolutionary era, the Soviet and contemporary periods (Campbell, 2017; Crews, 2009; Dashkovskiy, Zhanbosinova, 2020; Geraci, 1997; Khodarkovsky, 2004; Lysenko, 2008; Remnev, 2006; Sadvokassova et al., 2022; Taimasov, 2004; Uyama, 2007). The study employs a variety of methods of an analysis of historical documents accounts pertaining to the religious policy of tsarist Russia towards the Kazakhs. Moreover, the study uses a comparative historical analysis to identify and discuss the key features and characteristics of each period of the empire's religious policy in the Kazakh steppe at the end of the 18th and the beginning of the 20th centuries.

The study employs the theory of a civilizing mission to gain a deep understanding of religious policy of tsarist Russia to integrate the Kazakh nomads into the general imperial space at the end of the 18th and beginning of the 20th century. The theory of civilization, developed by Nikolay Danilevsky, Arnold Toynbee and other prominent theoreticians of the concept of civilization, is pertinent to the study because in the 18th century after the adoption of the Enlightenment ideas the Russian Empire strongly associated itself with European and believed that Russia was destined to spread advanced European values and Christianity to backward populations of the East. The spread of Islam and then Russian Orthodoxy in the Kazakh steppe was in fact an integral part of this obligation to disseminate European civilization and Russian civilizing mission. In the last quarter of the 18th century, imperial Russia embarked upon the path of disseminating Islam in the Kazakh steppe was intended to facilitate the integration of nomadic Kazakh society into the general imperial space (*obshcheimperskoye prostranstvo*). This theory allows us to get fresh insights into the state-inspired policy of sponsorship of Islam, the use of Islam as a civilizing force to pacify the Kazakhs, as well as attempts to reverse the achievements of Islamization of the nomads and efforts to convert them to Christianity from the end of the 1860s.

3. Discussion

The issues pertaining to religious policy and civilizing mission of tsarist Russia in the Kazakh steppe in the 19th and beginning of the 20 centuries have extensively been examined in literature. The pre-1917 Russian historiography, Soviet era and contemporary scholarship have explored various aspects and periods of religious policy of Russia vis-à-vis the Kazakh steppe. Literature highlights the role of religion in determining ethno-confessional identity and political status of people in imperial Russia. Studies indicate that religion was a key identity marker in Russian history where Christianity came to be associated with the sedentary Russians, whereas Islam was identified with nomadic Turkic-Tatar populations of Inner Eurasia (Khodarkovsky, 2004: 185). In this regard, religious affiliation determined people's political status and Russian authorities judged subjects of the empire based on their religious identity. In this sense, adherents of the Orthodox faith were increasingly considered to be loyal and reliable subjects, whereas Muslims and other non-Orthodox Christians were perceived as untrustworthy, disloyal and unreliable (Khodarkovsky, 2004). Vulpius claims that since the 17th century anyone who did not follow Russian Orthodoxy was deemed a "foreigner" (inozemec) in Russia, and membership in the Russian people was predicated upon belonging to Russian Orthodoxy (Vulpius, 2017: 117).

A leading ideologue of Russian nationalism in the 19th century Mikhail Katkov pointed out that the Russian Orthodox Church (ROC) gave rise to Russian civilization and played a pivotal role in the emergence of Russia as a state (Katkov, 2009: 412). From this standpoint, no church other than the ROC could be considered a Russian national religious institution (Katkov, 2009: 414). As a result, whoever converted to Russian Orthodoxy would in turn be considered Russian (Vulpius, 2017: 117). Consequently, other religious faiths other than Russian Orthodoxy were regarded as the major source of "otherness" and "alienness" (Geraci, 1997: 139; Khodarkovsky, 1997: 10). Yet studies underline that conversion of non-Russians to Orthodoxy would terminate their "otherness" and an alien status as it would entail their inclusion and incorporation into the Russian nation (Khodarkovsky, 1997: 10). Taimasov draws attention to how during the imperial period religion acquired an ethno-confessional character, and the term "Muslim" came to be associated with "Tatars" (Taimasov, 2004: 88). Convinced of the superiority of the Russian way of life, imperial elites and ideologists of Russian colonialism believed that as soon as infidels were converted to Russian Orthodoxy, they would voluntarily become Russian (Dzalaeva, 2019: 39).

4. Results

Catherine II and Islam in the service of the empire

With the ascension of Catherine II to the throne in 1762, the Russian empire adopted distinctive and peculiar approaches to subdue and civilize the Kazakhs that virtually none of the post-Petrine enlightened governors and officials had envisioned. Having launched the policy of religious tolerance and the state patronage of Islam, Catherine II decided to put Islam and Muslims of the Volga-Ural region at the forefront of a civilizing mission in the Kazakh steppe. Catherine II's leveraging Islam as a political tool and as a powerful civilizing force was rather an anomaly and deviation from the conventional policy of Russian rulers since the time of Ivan the Terrible who had sought to civilize non-Russian subjects through converting them to Christianity. Catherine II recruited Tatar mullahs to spread the state-sanctioned Islam in the steppe and transform the Kazakhs into loyal and peaceful subjects, who would be expected to engage in farming, dwell in urban centers, and embrace Russian civilization, commerce and education (Crews, 2009: 193; Khodarkovsky, 2004: 175-176). Conceptualized as a disciplined monotheism with its institutions, norms, values and social organizations, Islam was expected to cultivate loyal subjects and eventually help extend Russian frontiers deep into the steppe (Crews, 2009: 193; Fisher, 1968: 543). Catherine II's choice of Islam as a civilizing force for subduing the Kazakhs and integrating the steppe into the empire may seem to be aberrant and unconventional, yet her Islamization policy of the Kazakhs was in fact envisioned as a transitional period from paganism to Christianity and Islam was expected to bring them to Russian Orthodoxy (Lysenko et al., 2014: 2010; Miropiev, 1901: 375). As a monotheistic religion, Islam was expected to encourage the Kazakhs to convert to Christianity as the final desired outcome of the empire's policy vis-à-vis the steppe (Miropiev, 1901: 376). Lysenko et al., point out that Islam was basically thought of as a transitional bridge from one monotheistic religion to another, namely Russian Orthodoxy (Lysenko et al., 2014: 210).

According to the 1773 "Toleration of all Faiths" edict, the traditional state-orchestrated policy of persecution of Islam was substituted by religious tolerance, which meant in practice passive toleration of Islam and coexistence with the Muslim leaders across Russia, recruiting them, co-opting and putting into the state service (Fisher, 1968: 543). Despite strong opposition to the state policy of promoting Islam, empress Catherine II rejected the continuation of repressive practices and policies against Muslims, seeking to build a well-ordered and confessionally more inclusive empire. While the Tatar and Bashkir Muslims had long been subjects of the empire, the nomads in the Kazakhs steppe remained beyond the control of Russian frontier authorities. Besides having remained unruly, the Kazakhs of the Junior and Middle Hordes represented a great threat to the stability and security of the frontiers.

Russians struggled to subdue troublesome and rebellious subjects such as the Kalmyks, the Bashkirs and the Kazakhs of the Junior Horde, the culmination of which was the Pugachev uprising of 1773–1775, alien populations of inner areas were fiercely resisting Russian domination. As subduing the Kazakhs

through force was completely impractical and useless, a new generation of Russian elites under Catherine the Great designed a softer and more accommodating plan to subdue and pacify the nomad Kazakhs. In this regard, sedentarization or agrarianization of nomadic pastoralists of the steppe was placed at the core of Russian policy in the frontier areas. The eastward and southward movement of Russia since the mid-16th century led to its clash with numerous nomadic populations whose way of life, social organization and trajectories of development were incompatible with a highly organized settled Russian imperial society. Russian rulers sought to integrate nomadic subjects into the empire by erasing their traditional lifestyle and compelling them to shift to agriculture. The post-Petrine era Russian governors and officials had emphasized the inconsistency of nomadism with Russian policy and the need for sedentarization of the nomads of the steppe. Yet they failed to achieve their goal. To deal with the unruly and warlike nomads of the steppe, who continued to cause trouble for the empire in the frontier areas, Catherine the Great appointed Count Otto Heinrich Igelström (Iosif Andreyevich Igelstrom) of German-Swedish background from the Baltic region as the governor-general of Siberia and Ufa governorates in 1784. His paramount task was to protect the empire from nomadic raids and try to bring them under governance of Russia ([Arkhib grafa Igel'strom..., 1886: 345-346](#)).

To achieve the goal, Count Igelstrom sought to weaken, and if possible, abolish khan's authority in the Junior Horde, which was regarded as the main source of all trouble in Russian frontiers. To erode khan's power, Igelstrom sowed the discord between khan and sultans (noblemen). To pacify and civilize the Kazakh tribes along the frontier areas, empress Catherine II ordered to build mosques in Orenburg, Troitsk and other fortresses and attract the Kazakhs to these urban centers ([Arkhib grafa Igel'strom..., 1886: 348](#)). Catherine's tolerance and patronage of Islam led to the state-inspired institutionalization of Islam and Muslim clergy, in which both were embedded with the state policy of the empire. The establishment of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly (OMSA) or the Orenburg Muftiate by the order of empress Catherine in 1788 was the manifestation of the top-down state-orchestrated support and use of Islam as a necessary political tool to produce loyal and docile Muslim subjects across the empire ([Lysenko et al., 2014: 209](#)). Catherine II emphasized that the construction of mosques for Muslim subjects would also draw the Kazakh nomads living along Russian frontiers to Russian towns and fortresses ([Arkhib grafa Igel'strom..., 1886: 348](#)). In the empress's view, the use of softer methods to pacify the nomads, mitigate their wild customs and encourage them to shift to a sedentary lifestyle was better and preferable than any coercive strict measures ([Arkhib grafa Igel'strom..., 1886: 348](#)).

Besides constructing mosques in fortresses along Russian frontiers, the empress ordered to build Tatar schools modeled after the Kazan Tatar schools, and without delay, establish caravanserais or state-owned guest houses for the benefit of trading Muslims ([Arkhib grafa Igel'strom..., 1886: 348](#)). Thus, Catherine the Great opted for soft power resources rather than coercion and a military approach to bring the nomads of the steppe to their knees. Catherine's soft power policy vis-à-vis the Kazakh nomads was reflected in her order to supply various Kazakh tribes with Tatar mullahs not only to the benefit of the nomads, but also in the interest of Russia ([Arkhib grafa Igel'strom..., 1886: 349](#)). Hence, Catherine II instructed Count Igelstrom to recruit among the Kazan Tatars the most reliable, trusted and educated clergy to serve the interests of Russia in frontiers and among the nomad Kazakhs. Besides teaching Islamic law to the Kazakhs and educate them to become devout Muslims, these Tatar mullahs were obliged to instill loyalty to Russia in them, refrain them from raiding Russian territories and encourage them to cease predation within Russian borders ([Arkhib grafa Igel'strom..., 1886: 349](#)).

The jurisdiction of the Orenburg Muftiat initially extended to all Muslims in Russia, including the Kazakh steppe, which along with the state-instigated construction of mosques, Islamic religious schools (madrasas) and other establishments along Russian frontiers testified to the state patronage and the administrative spread of Islam in the steppe in order to facilitate the integration of the nomad Kazakhs into the empire ([Lysenko et al., 2014: 209](#)). Lysenko et al., attribute the top-down state-orchestrated spread of Islam in the steppe under Catherine II and her successors to the three key objectives: first, integration of the nomads with Russia; second, the alleviation of interethnic tensions between the Kazakhs of the Junior Horde and Muslim populations of the Volga-Ural region; third, Islamization of the nomads was conceived as a large-scale kulturträger (cultural) project ([Lysenko et al., 2014: 209-210](#)). According to this civilizing project, the state-inspired spread of Islam and construction of Islamic institutions in fortresses were intended to draw the Kazakhs to urban centers more often and eventually encourage them to shift to farming ([Lysenko et al., 2014: 210](#)).

Dashkovskiy and Zhanbosinova view Islam spread by imperial Russia as 'Russified Islam' through which Russian authorities laid the foundation for a religious educational system in the steppe ([Dashkovskiy, Zhanbosinova, 2020: 59](#)). The state-orchestrated spread of Islam among the nomadic population in the steppe induced the transition of the Kazakhs from the shamanistic-Tengrian stage to the Muslim-Russian stage ([Dashkovskiy, Zhanbosinova, 2020: 59](#)). Catherine's Islamization policy in the steppe had ultimately produced little outcome, which had neither put an end to the Kazakh belligerency nor made them abandon nomadism in favor of sedentarism and agriculture. Beneficiaries of the spread of Islam in the steppe were supposed to be both the nomad Kazakhs and the empire. According to the policy

of Catherine's spread of Islam among the Kazakhs, Islamization of the Kazakhs were expected to produce obedient and submissive subjects.

Christianization policy in the steppe and its failure (1867 – beginning of the 20th century)

Despite the efforts of Catherine II and her successors to pacify and integrate the nomad Kazakhs into the empire, such endeavors failed to generate the desired outcomes. Hence, by the mid-19th century, Russian political elites, intellectuals and Orthodox clergy had become deeply disillusioned with the official religious tolerance policy and the state patronage of Islam. Leading Russian figures came to see Islam and the Tatar presence in the steppe as the culprit behind the empire's failure to civilize the Kazakhs and bring them under its control. As a result, the 1860s was the turning point for the steppe and Turkestan as they both were eventually entirely conquered and subjugated by the Russian empire. Russia applied two different policy approaches to newly conquered territories in Central Asia. On the one hand, with respect to Turkestan, considering its cultural specificities, settled and semi-nomadic populations with strong adherence to Islam, the Russian administration in Turkestan led by the first governor-general Konstantin von Kaufman designed and applied the policy of benign non-intervention (Carrère d'Encausse, 2007: 93-94).

On the other hand, in relation to the Kazakh steppe, the empire applied a different policy approach, aimed at eliminating Islam and the Tatar influence, separating the steppe from the Orenburg Muftiate and seeking conversion of the nomads to Christianity. Yet to design a more appropriate strategy towards the steppe, in 1865 the Steppe Commission was instituted, which functioned until 1868 when the "Provisional Statute for the Administration of Uralsk, Turgai, Akmolinsk and Semipalatinsk Oblasts" came into effect. Uyama (2007: 27) calls attention to how voices of support for proselytizing the nomads, diluting the influence of Islam and the Tatars and strengthening the Russian political and cultural domination in the steppe prevailed within the Steppe Commission. Drawing upon authoritative accounts penned by Levshin, Valikhanov and other influential figures, the Commission denounced the state patronage of Islam and the policy of Islamization of the nomads undertaken by the Catherine II and highlighted the need for limiting and banning the activities of Tatar mullahs (Levshin, 1832, 52-54; Lysenko, 2014: 222; Uyama, 2007: 27; Valikhanov, 1985: 71). With respect to Christian proselytization in the steppe, although it was argued that it was still premature and risky to spread the gospel among the Kazakhs, the Commission decided that the time was ripe for propagating Orthodoxy (Uyama, 2007: 27).

As an authoritative indigenous and imperial expert, Shokan Valikhanov suggested that all the obstacles to the penetration and entrenchment of the empire's benevolent measures, initiatives and new institutions in the steppe ought to be eliminated to make room for the introduction of the Kazakhs to Russian education and civilization (Valikhanov, 1985: 71-72). Dismissing the feasibility of a reformation of a religion that predicated upon "the savage and wild customs of the sixth century nomadic Arabs", Valikhanov called for the removal of Islam, prohibition of the activities of Tatar clergy, dwindling and nullifying the role of Islamic institutions and law, and emphasizing the primacy of the customary law (adat) over the sharia law (Crews, 2009: 218-219). Taking into account Valikhanov's claims, the 1865–1868 Steppe Commission and the Legislation of October 1868 paved the legal way for the top-down state-orchestrated political integration of the steppe into the empire (Crews, 2009: 221).

Unlike Turkestan where the governor-general Konstantin von Kaufman applied the policy of non-intervention in the internal affairs of Muslim communities, Russian bureaucrats in the steppe, in particular Nikolai Kryzhanovsky, the Governor-General of the Orenburg region, held a tough stance on Islam and was committed to waging a resolute and irreconcilable war against Islam and the Tatar cultural influence in the steppe. Irked by the ethnic and religious diversity of the empire, Kryzhanovsky exhibited his eagerness to translate anti-Islamic and anti-Tatar discourses into practice. In his report pertaining to the period between February 1865 and March 1866, Kryzhanovsky indicated such diversity as the key source and root of all evil and highlighted the need for reducing religious diversity to root out that evil (Dyakin, 1998: 809). Underlying the impossibility of compelling Muslims and pagans to convert to Orthodoxy, Kryzhanovsky suggested that "We must not allow the propaganda of Islam and schism to the detriment of the dominant church" (Dyakin, 1998: 809). To disrupt and eliminate the Muslim-Tatar influence in the steppe, Kryzhanovsky recommended appointing at the Orenburg Muslim Spiritual Assembly a Russian official whose duty would be to oversee civil and religious activities of that body, introducing writing and reading exams in Russian for prospective mullahs and parish registers in Russian, reducing the number of mosques and Muslim clergy, disseminating Russian education through Tatar schools, and denying the requests of Muslims for pilgrimage to Mecca (Dyakin, 1998: 810).

Kryzhanovsky portrayed Islam and its followers as evil enemies of Russia (Dyakin, 1998: 810). In his report to the Minister of Internal Affairs Pyotr Valuyev "On measures to combat the spread of Islam in the eastern part of Russia", on January 31, 1867, Kryzhanovsky underlined the absence of fanaticism among the Kazakhs and their receptiveness to Russian enlightenment (Materialy po istorii SSSR..., 1936: 202). To shield the Kazakhs from religious fanaticism and its harmful effects, Kryzhanovsky forwarded several underlying proposals: merging schools for Kazakh children in fortresses with schools for Russian children where the teaching ought to be entrusted to Russian priests, with the exception of Tatar literacy and writing, all subjects ought to be taught in Russian; instead of the Koran, Kazakh instructors ought to be obliged to teach only certain prayers, and Orthodox education should be introduced so that Kazakh children could learn the dogmas of Orthodoxy; proscribing Tatar and Bashkir mullahs to educate Kazakhs; forbidding the residence

of religious fanatics from Turkestan and Tatarstan in the steppe; banning Tatar and Bashkir clerks at Kazakhs officials (Dyakin, 1998: 813; *Materialy po istorii SSSR...*, 1936: 203-205).

With the full incorporation of the Kazakh steppe in the 1860s, Russian authorities sought to remove all barriers to Russian civilizing mission. Islam and the Tatar presence in the steppe came to be seen as the main threat and impediment to Christianization and Russification of the Kazakhs. Considering Islam as the most fanatical religion in Russia, Vasily Grigoriev, the head of the Orenburg Border Commission and a prominent Russian orientalist, portrayed Islam as evil and a grave danger to the empire and its civilizing mission in the Kazakh steppe (Sartori and Shabley, 2024: 129). As a result, the fight against Islam and the Tatar cultural influence remained key issues in the policy of Russia towards the Kazakh steppe up to the empire's twilight and demise. According to the 1868 "Provisional Statute for the Administration of Uralsk, Turgai, Akmolinsk and Semipalatinsk Oblasts", the Kazakh steppe was removed from the jurisdiction of the Orenburg Muftiate, only one mullah was permitted for a volost, who ought to be an ethnic Kazakh with adequate competences in the Russian language, and mullahs would be appointed and dismissed by the oblast governor (*Zakonodatel'nye akty...*, 2015: 143-144). It should be noted that the 1891 "Regulations on the management of Akmola, Semipalatinsk, Semirechye, Ural and Turgai regions" replicated the terms of the 1868 Provisional Statute, which stipulated that the nomads were allowed to have mullahs, one per volost; mullahs ought to be Kazakhs who were appointed and removed from the office by military governors; the construction of mosques would be permitted by governors-general and the Minister of Internal Affairs (Arapov, 2001: 184).

While implementing a new policy in the steppe, Russians positioned themselves as the defenders and guardians of the pure ethnic, cultural, linguistic and religious identities of the Kazakh from dangers and threats posed by the Tatars, Bashkirs, Bukharans, Khivans, and other Muslim groups. A prominent Russian scholar Remnev considers Russians attitudes towards the Kazakhs as condescending and paternalistic (Remnev, 2006: 26). Remnev points out that on the one hand, Russians put greater efforts to salvage the Kazakhs from the "alien" reactionary influence of Islam and Tatars, and on the other, Russian concern for the welfare of the Kazakhs was conceived as a transitional period to full Russification of the Kazakhs (Remnev, 2006: 26). By displacing Islam and the Tatar culture from the steppe as powerful competing forces, Russians sought to remove all barriers and clear the way for the unrestricted, unhindered, persistent and sustained cultural and religious assimilation of the Kazakhs. The bottom line of this intent and policy was to put an end to all trouble emanating from the steppe by subjecting the Kazakhs to Christianization, sedentarization and Russification. In the end the Kazakh culture, language and way of life were expected to succumb to a higher civilization, being curtailed, limited and marginalized in its scope, use and space. Thus, the end of goal of Russian paternalism and patronage of the Kazakhs was to eliminate the existing hurdles between them, marginalize the Kazakh culture and replace it with Russian culture through education, religious conversion and cultural assimilation (Geins, 1897: 212; Remnev, 2006).

Russian officials claimed that an extent of Russian success in the steppe depended upon the level of religious fanaticism and Tatarization of the nomads (*Materialy po istorii SSSR...*, 1936: 337). In this case, Russian authorities emphasized the susceptibility of the Kazakhs to Russian influence. Yet at the same time, they noted that due to the government's policy since Catherine II, the nomads of the steppe had substantially been Islamized and Tatarized (Carrère d'Encausse, 2007: 102-103). In his report of October 1876 to the tsar Alexander II, Count Dmitry Tolstoy, the Minister of Public Education, stressed the need to take necessary measures to put an end to further Islamization and Tatarization of the Kazakhs and prevent them from merging with the Tatars (*Materialy po istorii SSSR...*, 1936: 338). Highlighting the ineffectiveness of missionary activities of the Orthodox clergy, Count Tolstoy suggested that the only viable and effective way to bring the nomads closer to the Russian people was to spread Russian education (*Materialy po istorii SSSR...*, 1936: 338-339). Arguing that the main task of Russian authorities was to safeguard the Kazakhs from Tatarization, Count Tolstoy suggested exploiting the lack of writing system in the steppe for the interests of Russia. Specifically, as in Tolstoy's view the Kazakhs lacked their own writing system, he advocated introducing the Russian alphabet into the Kazakh language and cultivating a distinct Kazakh writing system premised upon the Cyrillic script in order to dismantle all connections between the Kazakhs and the Tatars (*Materialy po istorii SSSR...*, 1936: 338-339).

To translate his ideas into actions, Count Tolstoy engaged leading Russian orientalists and pedagogue missionaries such as Nikolay Ilminsky in spreading Russian education among the Kazakhs. Besides sharing Tolstoy's views, Nikolay Ilminsky harbored deep anti-Islamic and anti-Tatar sentiment, fearing that the Tatars may weaponize Muslim institutions, such as the Orenburg Muftiate, to unify all Muslims of the empire against Russia (Crews, 2009: 226-227). Therefore, Ilminsky advocated the removal of the Kazakh steppe from the Orenburg Muftiate yet kept complaining that the hearts of the Kazakhs were still drawn to the muftiate by an old habit (Crews, 2009: 227). Moreover, Ilminsky's pedagogical approach entailed not a secular education, but rather a religious education (Campbell, 2017: 79; Uyama, 2007: 30-31). Uyama highlights that the governor-general of Turkestan von Kaufman rejected Ilminsky's education approach on the grounds that there was too much emphasis upon Orthodox education, which would be resented by Muslim populations of Turkestan (Uyama, 2007: 30-31). Although von Kaufman objected to Christianization policy in Turkestan, he seems to have been in favor of Orthodox proselytism in the steppe (Uyama, 2007: 31).

Ilminsky, Grigoriev and other leading orientalists, missionaries and bureaucrats sought to increasingly cultivate and forge a separate distinct national Kazakh identity and consciousness (Campbell, 2017: 72; Grigoriev, 1874: 16-17). Vasily Grigoriev insisted that the Kazakhs ought to be divorced from Islam and the Tatar cultural influence. In this case, he warned the Russian authorities that if the Russian government failed to weaken the Tatar influence in the steppe, Islam would establish its dominance among the Kazakhs (Sartori and Shabley, 2024: 130). Besides Russian high-ranking officials such as Count Tolstoy, and Konstantin Pobedonostsev, the Over-Procurator of the Holy Synod, the Orthodox clergy were deeply committed to the empire's policy of Christianization and Russification of all non-Russian alien populations (Geraci, 2001: 286; McCarthy, 1973: 316). Graduates of the Kazan Theological Academy and the Kazan Teachers Seminary founded by Nikolay Ilminsky were engaged in the missionary activities in the Kazakh steppe between 1881 and 1917 (Geraci, 2001: 286). Although Count Tolstoy, Pobedonostsev, Ilminsky and their proponents advocated the use of languages of alien peoples in missionary activities and in conducting Orthodox religious services, as fervent nationalists, they claimed that conversion of an alien to Orthodoxy would straight away make him a Russian (McCarthy, 1973: 316-317). Moreover, they asserted that in the long run indigenous languages and cultures would disappear and be replaced by dominant Russian culture (McCarthy, 1973: 317).

Besides nurturing a distinct Kazakh ethnic identity and establishing a network of Kazakh-Russian schools across the steppe, Russian authorities and Orthodox clergy long advocated the need to initiate missionary activities in the steppe (Lysenko, 2009: 150). In 1881, the Holy Synod established the Kazakh (Kirghiz) Spiritual Mission with the purpose of spreading the gospel in the steppe and converting its nomadic population to Christianity. Nikolay Ilminsky and his pupils contributed greatly to the Kazakh missions (Campbell, 2017: 70). Vladimir Senkovsky, one of the founders and the head of the Kirghiz Spiritual Mission in 1882-1891, outlined the main task of the Kirghiz Spiritual Mission: "to raise the banner of Christ in the Kirghiz steppe and propagate Orthodoxy there" (Belyaev, 1900: 294). Senkovsky, noted that the traditional foundations of the Kazakh way of life were subjected to significant disruption under the influence of the 1868 Provisional Statute and were rendered inapplicable to a modern life (Belyaev, 1900: 290-291). As one of the fervent proponents of evangelizing the nomads, Senkovsky passionately advocated active dissemination of Orthodoxy in the steppe to achieve spiritual affinity between the Russians and the Kazakhs, which would facilitate assimilation of aliens with the empire (Belyaev, 1900: 292). The Kirghiz mission was fully supported by Russian authorities, in particular by Gerasim Kolpakovsky, the first governor-general of the Steppe, who waged war against Islam and the Tatar presence in the steppe, and at the same time, implemented Christianization policy of the Kazakhs (Uyama, 2007: 32).

Yet the concerted efforts of Russian authorities and Orthodox missionaries to alienate the Kazakhs from Islam and to bring them closer to Christianity through conversion and faith-based education produced little outcomes (Alpyspaeva et al., 2019; Lysenko et al., 2014: 231-232). Sadvokassova et al., ascribe the failure and setbacks for missionary efforts to the vastness of the steppe and the nomadic way of life of the Kazakhs, which created serious impediments to the spread of Christianity (Sadvokassova et al., 2022: 135-136). McCarthy (McCarthy, 1973: 320) points out that despite the top-down state-orchestrated measures and policies to displace and eradicate Islam and the Tatar cultural influence, Islam's impact upon lives of the Kazakhs grew considerably and Russian missionaries were unable to compete with Tatar and Bukharan mullahs (Crews, 2009: 227; Lysenko, 2008: 151). McCarthy attributes the success of Muslim missionaries in the steppe to their cultural flexibility and ability to go native (McCarthy, 1973: 320). Yet Russians missionaries lacked such indigenous cultural capital and explicitly tended to exhibit racial prejudices against the Kazakhs, even against those who converted to Orthodoxy (McCarthy, 1973: 323-324).

Besides failing to convert the Kazakhs to Orthodoxy en masse, Russian missionaries were forced to struggle to safeguard Christians from the influence of Muslim Kazakhs (Lysenko, 2008: 153; Lysenko, 2016: 50). Russian missionaries documented numerous cases of conversion to Islam by Russians (Crews, 2009: 227; Lysenko, 2016: 50). Literature draws attention to the fact that Orthodox missions in the steppe were relatively successful in baptizing mostly those Kazakhs who became impoverished (known as 'jataks', 'baigush' and 'eginshi') and unable to continue their traditional nomadic lifestyle (Belyaev, 1900: 293-294; Rossiya..., 1903: 222). Yet even such limited accomplishments of Orthodox missions in the steppe turned out to be untenable due to the fact that those destitute Kazakhs who came to embrace Orthodoxy, in most cases, tended to do so for financial and material incentives (Rossiya, 1903: 222). In this regard, Orthodox missionaries documented a multitude of cases of their reversion to Islam (Rossiya..., 1903: 222). The governor-general of the Steppe Gerasim Kolpakovsky put a greater emphasis on this category of the nomads, whose conversion to Orthodoxy in his view "will make them wealthier and more civilized... over time they will form such a force that their compatriots will bow down to them" (Belyaev, 1900: 295-296). In Kolpakovsky's vision, the conversion of one category of the nomads to Orthodoxy would trigger the mass shift of all Kazakhs to Christianity. This was in turn a deeply flawed conviction. After the release of the 1905 Law on Religious Freedom (Arapov, 2001: 175), the number of neophyte Kazakhs who wanted to revert to Islam soared.

To extinguish Islam and the sharia in Kazakh society, Russian authorities removed the Kazakhs from the Orenburg Muftiate, prohibited the activities of Tatar and other Muslim mullahs in the steppe, and endeavored to replace the Islamic law with the Kazakh customary law of adat. Yet all these measures failed to

produce the expected results. Although the dominant role of Islam and Tatar missionaries had been shattered by anti-Islam and anti-Tatar policies, it was reported that the Kazakhs insisted that Russian authorities ought to respect their religious liberty by stressing the need to appeal to Islamic scholars and invoke the Islamic law (Crews, 2009: 226). Moreover, the Kazakhs demanded that Russian authorities ought to allow them to either have their own Muslim spiritual body or join the Orenburg Muftiate (Dyakin, 1998: 955-959). Although the Kazakhs of the Bukey Horde had remained under the jurisdiction of the Orenburg Muftiate, their religious freedom was considerably limited. In 1906, in their petition to the State Duma, the Kazakhs of the Bukey Horde requested that they be permitted to remain under the jurisdiction of the Orenburg Muftiate; a lack of knowledge of Russian should not be an impediment to the appointment of mullahs; the Orenburg Muftiate ought to be the supreme body on religious affairs without interference of the Russian authorities; the establishment of mosques and madrasas ought to be sanctioned only by the Muftiate; no compulsion to study Russian as it would hinder the meticulous study of religious dogmas and for those who wish to learn Russian there were other public institutions; those Kazakhs who received secondary and tertiary education, ought to be equated with Russians in their rights to public positions; mosques and madrasas ought to be legally equal to those of Orthodox churches and temples; banning the import of alcohol beverages to the Horde; Muslim soldiers must not to be fed pork, wine and other forbidden items (Dyakin, 1998: 822).

The 1905 Law on Religious Freedom reaffirmed that Russia pursued politically motivated objectives by removing the Kazakhs from the jurisdiction of the Orenburg Muftiate in accordance with the 1868 Provisional Statute, specifically diluting the role of Islam in the steppe and dismantling the spiritual connection of Muslim populations with the Kazakh nomads were indicated as the primary goals (Arapov, 2001: 180). The 1868 Provisional Statute and other legislations were intended to reverse Catherine's policy, placing severe restrictions on Islam, Muslim missionaries and violating the Kazakhs' religious liberties (Bortnikova et al., 2016: 18-19). Despite the methodical and systematic anti-Islam and anti-Tatar campaign of Russian authorities and placing severe legal restrictions and constraints on the religious liberty of the Kazakhs and other Muslim populations across the empire, all attempts of both the Russian government and Orthodox missionaries to eradicate Islam and evangelize the Kazakhs ended in failure (Arapov, 2001: 290-293). At the turn of the 19th and 20th centuries, Islam became an integral part of ethnic identity of the Kazakhs, who came to view Russian assaults on Islam as an attack on their identity, culture and way of life. In this regard, religion became a key identity marker in the steppe and an ethnically divisive barrier between the Russians and the Kazakhs, hindering the process of cultural rapprochement and acculturation (Lysenko, 2008: 154). As a result, the Kazakhs came to perceive Christianity and missionary activities of Orthodox clergy as the manifestation of Russian colonialism and imperial policy, and Islam became a defensive reaction of Kazakh society to the process of colonization (Lysenko, 2008: 154). Thus, although Russia was able to incorporate the Kazakh steppe into the empire, all attempts of cultural and religious integration of the nomads into the general imperial space were less effective.

5. Conclusion

The results of the study have indicated that religion played a central role in Russian history throughout the 18th and beginning of the 20th centuries. After the adoption of the Enlightenment ideas under Peter I, Russia positioned itself as a European nation and part of European Christian civilization, who was destined to spread European values, civilization and Christianity to various alien populations of Asia. Russian political elites, intellectuals and Orthodox clergy were convinced that "brutality and savagery" of non-Russian alien populations could be tamed through their conversion to Christianity. Russian imperial elites and ideologists of Russian colonialism pursued cultural, ethnic, linguistic and religious unification and homogenization of the empire. According to their conviction, sooner or later conquered and subdued alien peoples would embrace a superior Russian culture, way of life and Christianity, while abandoning their native cultures and religious faiths. An analysis of historical data and relevant literature has shown that civilization, Christianity and Russification constituted the core of Russian policy vis-à-vis alien populations.

Yet the study has demonstrated that various alien populations under Russian rule, including the Kazakhs, were not willing to give up their native cultures, ethnic identities and religious faiths in favor of a superior Russian civilization. Although tsarist Russia was able to conquer and colonize multiple non-Russian alien populations, the Kazakhs stood apart owing to their mobile nomadic lifestyle and belligerence which caused great trouble to Russia's security and stability in frontier areas for a long time. Russian rulers came to perceive nomadism as a key source of trouble and thereby sedentarization of the Kazakhs occupied a prominent place in Russian civilizing mission up to the demise of the empire. As the submission of the Junior and Middle Hordes to Russian rule in the 1730s was symbolic and the Kazakhs remained beyond Russian control, Russian political elites were deeply preoccupied with pacifying and civilizing these nomads. As a result, Catherine II initiated the policy of religious tolerance and state patronage of Islam. In this regard, from the end of the 18th century and up to the 1860s, Russia instrumentalized Islam to bring the Kazakhs under its control. Yet as the results of the study have shown, Catherine II's policy of pacifying and civilizing the Kazakh through Islam was conceived as a transitional period to Christianity. According to Catherine's vision, Islam was expected to lead the Kazakhs to Russian Orthodoxy.

However, Catherine's policy backfired. Russian political elites, intellectuals and clergy raised the alarm in the 1820–1830s that the efforts to civilize the Kazakhs through Islam were to the detriment of Russia. Leading Russian figures at that time lamented that Catherine's policy failed to bring the Kazakhs under Russian rule, and at the same time, it led to Islamization and Tatarization of the nomads. This in turn resulted in a drastic policy change in the 1860s from Islamization of the Kazakhs to Christianization policy. Pursuing the goal of eradicating Islam and the Tatar cultural influence in the steppe, Russian authorities focused on civilizing the Kazakhs through Russian education and proselytization. In the 1880s, the Holy Synod established the Kirghiz missions with the intent to spread the gospel among the Kazakhs and bring them to Christianity. Yet missionary activities of Orthodox clergy in the steppe generated little outcome. The failure of proselytizing efforts could be ascribed to the shortcomings of Russian missionaries, who lacked indigenous cultural capital and linguistic competences. At the same time, the Kazakhs themselves resisted proselytizing attempts of Orthodox clergy, viewing them as agents of Russian colonialism. Moreover, Russian assaults on Islam were perceived by the Kazakhs as an attack upon their identity, culture and religious faith. Since Islam had long been embedded within Kazakh culture and society, Christianization policy yielded negligible results.

References

- [Alpyspaeva, 2019](#) – *Alpyspaeva, G., Zhuman, G., Bagdatova, S., Sayahimova, Sh.* (2019). Discussions on the Christianization of the Kazakhs of Turkestan Region (the second half of the XIXth – early XXth centuries). *Bylye Gody*. 52(2): 655-667.
- [Arapov, 2001](#) – *Arapov, D.Y.* (2001). Islam v Rossiiskoi imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika) [Islam in the Russian Empire (legislative acts, descriptions, statistics)]. Moscow: IKTs "Akademkniga". 367 p. [in Russian]
- [Arkhiv grafa Igel'stroma..., 1886](#) – *Arkhiv grafa Igel'stroma. Ukazy Ekateriny Velikoi, s predisloviem grafa D.A. Tolstogo. Russkii arkhiv* [Archive of Count Igelstrom. Decrees of Catherine the Great, with a preface by Count D.A. Tolstoy]. Istoriko-literaturnyi sbornik. Issues 8-12. Moscow: Izdatel'stvo: Universitetskaya tipografiya. 1886. 980 p. [in Russian]
- [Batunsky, 2003](#) – *Batunsky, M.A.* (2003). Rossiya i islam. Chast' 2. [Russia and Islam. vol. 2]. Moscow: Izdatel'stvo Progress-Traditsiya. 600 p. [in Russian]
- [Belyaev, 1900](#) – *Belyaev, I.D.* (1900). Russkie missii na okrainakh: Istoriko-etnograficheskii ocherk [Russian missions on the outskirts; Historical and ethnographic essay]. St. Petersburg, P P.P. Soikin, tsenz. 308 p. [in Russian]
- [Bortnikova, 2016](#) – *Bortnikova, Y.A., Naumenko, O.N., Naumenko, E.E.* (2016). Russia and Islam: state policy on formation of tolerance of Muslims in Western Siberia (1773–1917). *Bylye Gody*. 39(1): 14-21.
- [Campbell, 2017](#) – *Campbell, I.W.* (2017). Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca/London: Cornell University Press. 273 p.
- [Carrère d'Encausse, 2007](#) – *Carrère d'Encausse, H.* (2007). Evraziiskaya imperiya. Istoriya Rossiiskoi Imperii s 1552 goda do nashikh dnei [The Eurasian Empire. History of the Russian Empire from 1552 to the Present Day]. M.: ROSSPEN, 360 p. [in Russian]
- [Crews, 2009](#) – *Crews, R.D.* (2009). For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA: Harvard University Press. 475 p.
- [Dashkovskiy, Shershneva, 2015](#) – *Dashkovskiy, P.K., Shershneva, E.A.* (2015). The Russian Government's Policy on control over the Religious Life of Moslem Communities within Western Siberia between the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries. *Bylye Gody*. 36(2). 338-346.
- [Dashkovskiy, Zhanbosinova, 2020](#) – *Dashkovskiy, P.K., Zhanbosinova, A.S.* (2020). The Muslim Religiosity of the Kazakhs in the Context of the Imperial Policy of Russia. *Bylye Gody*. 55(1): 57-66. DOI: 10.13187/bg.2020.1.57
- [Dyakin, 1998](#) – *Dyakin, V.S.* (1998). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX – nachalo XX vv.) [The National Question in the Domestic Policy of Tsarism (19th - early 20th centuries)]. St. Petersburg: "LISS". 1000 p. [in Russian]
- [Dzalaeva, 2019](#) – *Dzalaeva, K.* (2019). Rusifikatsiya severnogo Kavkaza v kontekste integratsionnoi politiki Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Russification of the North Caucasus in the context of the integrative policy of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya SOIGSI*. 33(72): 38-50. [in Russian]
- [Geins, 1897](#) – *Geins, A.K.* (1897). Sobranie literaturnykh trudov [Collection of literary works]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. 589 p. [in Russian]
- [Geraci, 1997](#) – *Geraci, R.P.* (1997). Russian Orientalism at An Impasse: Tsarist Education Policy and the 1910 Conference on Islam. In D. Brower, & E. Lazzerini (Eds.), *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917* (pp. 138-167). Bloomington (Ind.): Indiana University Press.
- [Geraci, 2001](#) – *Geraci, R.P.* (2001). Going Abroad or Going to Russia? Orthodox Missionaries in the Kazakh Steppe, 1881-1917. In *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia* (pp. 274-310). Ithaca and London: Cornell University Press.

- Grigoriev, 1874 – Grigoriev, V.V. (1874). Russkaya politika v otnoshenii k Srednei Azii. Istoricheskii ocherk [Russian policy towards Central Asia. Historical essay]. Sbornik gosudarstvennykh znaniy. Vol. I. 1-29. St. Petersburg, 1874. [in Russian]
- Fisher, 1968 – Fisher, A. (1968). Enlightened Despotism and Islam Under Catherine II. *Slavic Review*. Dec. 27(4): 542-553.
- Hofmeister, 2016 – Hofmeister, U. (2016). Civilization and Russification in Tsarist Central Asia, 1860–1917. *Journal of World History*. 27(3): 411-442.
- Katkov, 2009 – Katkov, M.N. (2009). Ideologiya okhranitel'stva. [Ideology of Conservation]. Sostavlenie, predislavie i kommentarii: Klimakov Y.V. Otv. red. O. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization. 800 p. [in Russian]
- Khodarkovsky, 1997 – Khodarkovsky, M. (1997) "Ignoble Savages and Unfaithful Subjects": Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia. In D. Brower, & E. Lazzerini (Eds.). *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917* (pp. 9-26). Bloomington (Ind.): Indiana University Press.
- Khodarkovsky, 2004 – Khodarkovsky, M. (2004). Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500-1800. Bloomington (Ind.): Indiana University Press. 304 p.
- Levshin, 1832 – Levshin, A.I. (1832). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of the Kirghiz-Kazak, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. SPb.: Tipografiya Karla Kraiya. 304 p. [in Russian]
- Lysenko, 2008 – Lysenko, Yu.A. (2008). Stepen' islamizatsii kazakhskogo obshchestva na rubezhe XIX-XX vv. v otsenke missionerov Kirgizskoi dukhovnoi missii [The degree of Islamization of Kazakh society at the turn of the 19th and 20th centuries in the assessment of missionaries of the Kirghiz Spiritual Mission]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. (4-3): 149-155. [in Russian]
- Lysenko, 2009 – Lysenko, Yu.A. (2009). Struktura, tseli i zadachi deyatelnosti Kirgizskikh pravoslavnykh missii Orenburgskoi i Omskoi eparkhii (sravnitel'nyi analiz) [Structure, goals and objectives of the activities of the Kyrgyz Orthodox missions of the Orenburg and Omsk dioceses (comparative analysis)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. (4-4): 150-156. [in Russian]
- Lysenko et al., 2014 – Lysenko, Yu.A., Anisimova, I.V., Tarasova, E.V., Sturova, M.V. (2014). Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii: kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.). Dokumenty i izvlecheniya. Kollektiv avtorov [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual foundations and mechanisms of implementation (19th – early 20th century). Documents and extracts. Group of authors.]. Barnaul: Azbuka. 272 p. [in Russian]
- Lysenko, 2016 – Lysenko, Yu.A. (2016). Missionery Kirgizskoi pravoslavnoi missii o stepeni islamizatsii kazakhskogo obshchestva na rubezhe XIX–XX vv. [Missionaries of the Kirghiz Orthodox Mission on the Degree of Islamization of Kazakh Society at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Mir Bolshogo Altaya*. 2(1.1): 44-55. [in Russian]
- McCarthy, 1973 – McCarthy, F.T. (1973). The Kazan' missionary congress. *Cahiers du monde russe et soviétique*. 14(3): Juillet-septembre. 308-332.
- Materialy po istorii SSSR..., 1936 – Materialy po istorii SSSR. Vypusk 6. Tatarskaya ASSR. Materialy po istorii Tatarii vtoroi poloviny XIX veka, chast' pervaya. Agrarnyi vopros i krest'yanskoe dvizhenie 50-70-x godov XIX v. [Materials on the history of the USSR. Issue 6. Tatar ASSR. Materials on the history of Tataria in the second half of the 19th century, part one. The agrarian question and the peasant movement of the 1850s-1870s]. Moskva-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 1936. 512 p. [in Russian]
- Miropiev, 1901 – Miropiev, M.A. (1901). O polozhenii inorodcev [On the situation of aliens]. SPb. 515 p. [in Russian]
- Remnev, 2006 – Remnev, A.V. (2006). Tatory v kazakhskoi stepi: soratniki i soperniki Rossiiskoi imperii [Tatars in the Kazakh Steppe: Comrades and Rivals of the Russian Empire]. *Vestnik Evrazii*. (4): 5-32. [in Russian]
- Rossiya..., 1903 – Rossiya: polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudei. T. 18. Kirgizskii kraj: [Ural'skaya, Turgaiskaya, Akmolinskaya i Semipalatinskaya oblasti]. [Russia: a complete geographical description of our fatherland. A desk and travel book for Russian people. vol. 18. Kirghiz territory: [Ural, Turgai, Akmolinskaya and Semipalatinsk regions]. Comp. A.N. Sedelnikov, L.P. Osipova, A.N. Bukeikhanov et al. [Preface: V.P. Semenov]. St. Petersburg: Publishing house A.F. Devrien. 1903. 478 p. [in Russian]
- Sadvokassova et al., 2022 – Sadvokassova, Z.T., Kabul'dinov, Z.Ye., Lysenko, Yu.A. (2022). Factors Hindering Distribution of Orthodoxy among the Kazakhs in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1759-1769. DOI:10.13187/bg.2022.4.1759
- Sartori, Shabley, 2024 – Sartori, P., Shabley, P. (2024). Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znaniy v kazakhskoi stepi [Experiments of Empire: Adat, Sharia and the Production of Knowledge in the Kazakh Steppe]. 2nd edition. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 280 p (Historia Rossica Series). [in Russian]

[Taimasov, 2004](#) – *Taimasov, L.A.* (2004). Pravoslavnaya tserkov' i khristianskoe prosveshchenie narodov Srednego Povolzh'ya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [The Orthodox church and Christian education of the peoples of the middle volga region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Cheboksary: Chuvash University Publishing House. 524 p. [in Russian]

[Uyama, 2007](#) – *Uyama, T.* (2007). A Particularist Empire: The Russian Policies of Christianization and Military Conscription in Central Asia. In *Empire, Islam and Politics in Central Eurasia*. Edited by Tomohiko Uyama (pp. 23-63). Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University. 354 p.

[Valikhanov, 1985](#) – *Valikhanov, Ch.* (1985). O musul'manstve v stepi [On Islam in the steppe]. Collected works in 5 volumes. Alma-Ata: Akademiia nauk Kazakhskoi SSR. V 5-i tomakh. Tom 4. 463 p. [in Russian]

[Vulpus, 2017](#) – *Vulpus, R.* (2017). Civilizing Strategies and the Beginning of Colonial Policy in the Eighteenth-Century Russian Empire. In D. Tricoire (ed.). *Enlightened Colonialism, Cambridge Imperial and Post-Colonial Studies Series* (pp. 113-132). Springer International Publishing.

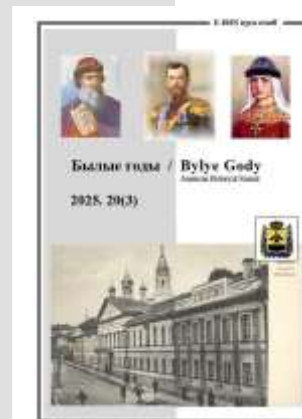
[Zakonodatel'nye akty..., 2015](#) – *Zakonodatel'nye akty Rossiiskoi imperii po istorii Kazakhstana (XIX vek). Sbornik dokumentov. V 3-kh chastyakh* [Legislative acts of the Russian Empire on the history of Kazakhstan (19th century). Collection of documents. In 3 volumes]. Ed. G.A. Otepov, A.S. Ilyasov. Pavlodar: PGPI, 2015. 300 p. [in Russian]

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1152-1163
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1152

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Tungusic-Manchurian Peoples of the Russian Empire in the Works of the First Yenisei Governor A.P. Stepanov and Sibireved G.I. Spassky

Ekaterina A. Sertakova ^{a, *}, Natalia M. Leshchinskaia ^a, Maria S. Koptseva ^a, Stepan O. Zotov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

For the Russian Empire, the exploration of Siberia and the Far East was strategically important in economic and political aspects. In this context, the activities of local officials who closely interacted with the indigenous peoples are significant. It was their work that initiated the study of Siberia and the Far East. The purpose of this article is to examine the Tungus-Manchu peoples in the works of some of the first researchers-employees of Siberia – G.I. Spassky and A.P. Stepanov. The materials selected were the personal archive of unpublished manuscripts, essays and notes of G.I. Spassky in the State Archives of the Krasnoyarsk Territory and his publications in the “Sibirsky Vestnik”, as well as the work of the first Yenisei governor A.P. Stepanov: “Yenisei Province” in 2 parts. The main method in this article was comparative analysis. The works of two researchers were compared according to a number of criteria, as a result, the specific approaches of G.I. Spassky and A.P. Stepanov were recorded. The Tungus-Manchu peoples in the archives of these contemporaries are presented from different positions, determined primarily by the characteristics of their activities: G.I. Spassky appears to a greater extent as a scientist-educator, while A.P. Stepanov as a statesman.

Keywords: Tungus-Manchu peoples, Siberia, Yenisei province, G.I. Spassky, A.P. Stepanov.

1. Введение

Исследования народов, проживающих на территории Российской империи, всегда были важным направлением в реализации государственной внутренней политики. От понимания хозяйственно-экономического, демографического, этнического, культурного статуса населения той или иной территории зависела местная политика, экономические и геополитические возможности региона, его полезность и ценность для государства в целом. Внимание к отдалённым районам Сибири и Дальнего Востока возросло в процессе хозяйственного освоения уже закреплённых за государством территорий, расширение и обогащение за счёт которых укрепляло статус России как мировой державы как в оборонном, так и в экономическом аспектах. Помимо больших комплексных научно-исследовательских экспедиций, которые снаряжались на отдалённые территории указом императора, значительная часть сведений о сибирских и дальневосточных территориях и народах, которые здесь обитали, была получена в результате локальных путешествий и экспедиций, участниками которых были, в первую очередь, государевы служащие – чиновники местной администрации. Именно их работа на местах, связанная с продолжительным и тесным взаимодействием с населением, положила начало детальному изучению Сибири и Дальнего Востока, включая описание и исследование особенностей народов, которые издавна проживали на этих землях.

Одними из первых среди исследователей – государственных чиновников Сибири были первый губернатор Енисейской губернии Александр Петрович Степанов (1781–1837) и историк, этнограф и

* Corresponding author

E-mail addresses: esertakova@sfu-kras.ru (E.A. Sertakova), nlibakova@sfu-kras.ru (N.M. Leschinskaya), mkoptseva@sfu-kras.ru (M.S. Koptseva), szotov@sfu-kras.ru (S.O. Zotov)

публицист Григорий Иванович Спасский (1783–1864). Их биографии являются репрезентативными для многих других сибирских государственных, общественных и научных деятелей, которые сочетали административную, общественную, научную, социально-культурную и творческую деятельность, достигая успехов в каждом из этих направлений.

Как опубликованные, так и до настоящего времени неизданные труды, рукописи и эпистолярное наследие Г.И. Спасского и А.П. Степанова выступают ценными историческими и этнографическими источниками. Они не только раскрывают особенности истории государственной службы в Сибири, истории повседневной жизни и деятельности чиновников и членов их семейств, но и имеют научное значение для понимания исторической динамики северных и сибирских территорий Российской империи и населяющих их народов, принадлежащих к различным этническим группам. В XIX в. исследователи относили значительное количество северных и сибирских этносов к группе тунгусо-маньчжурских народов. В исследовательской деятельности А.П. Степанова и Г.И. Спасского значительный объём изысканий также посвящён именно тунгусо-маньчжурским народам. В настоящее время данные исследования обладают качеством исторических источников, связанных с историей отдалённых территорий Российской империи в XIX в., с историей народов, населяющих эти территории. В архивных документах и рукописях авторства А.П. Степанова и Г.И. Спасского содержатся знания, которые до настоящего времени не были широко известны современной исторической науке. Целью данной статьи является изучение знаний о тунгусо-маньчжурских народах в трудах Г.И. Спасского и А.П. Степанова как значимых для истории этнографической науки, для истории России XIX в., а также для истории освоения Севера и Сибири, которое интенсивно проводилось в первой половине XIX в.

2. Материалы и методы

2.1. Эмпирической основой исследования были следующие материалы:

а) личный архив неопубликованных до настоящего времени рукописей, очерков и заметок Г.И. Спасского, находящийся на хранении в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК) (Красноярск, Российская Федерация) (например, [ГАКК. Ф. 805. Оп. 1 Д. 1](#). «К очерку о моей жизни и ученых трудах»; [ГАКК. Ф. 805. Оп. 1 Д. 26](#). «О сибирской оленьей и собачьей езде»; [ГАКК. Ф. 805. Оп. 1 Д. 30](#). «Разные примечания, относящиеся до орд, кочующих вверх р. Енисея»);

б) тексты публикаций Г.И. Спасского в журнале «Сибирский вестник», связанные с тунгусо-маньчжурскими народами ([Сибирский вестник](#)), часть которых входит в цифровые коллекции Национальной электронной библиотеки;

в) тексты, посвящённые тунгусо-маньчжурским народам в книге А.П. Степанова «Енисейская губерния» ([Степанов, 1835](#); [Степанов, 2017](#));

г) архивные материалы, хранящиеся в фондах МКУ «Эвенкийский архив», включающие рукопись лекции «Дореволюционное положение эвенков» неустановленного авторства ([Эвенкийский архив. Ф-143. Оп. 1 Д. 88. 42 л.](#)).

2.2. Теоретико-методологической базой для исследования выбранных материалов выступили подходы, связанные с реализацией принципов системности, компаративизма, историцизма, объективности и комплексности, позволяющие рассмотреть события и процессы в интегративном поле истории России и в контексте наиболее значимых исторических процессов отечественной истории первой половины XIX в. В этом аспекте значимыми были ключевые положения исследователя В.М. Рынкова, занимающегося систематизацией и анализом исторических источников ([Рынков, 2010](#)), который доказывает, что источниками для историков может выступать не только целостная рукопись, законченная статья или определённый раздел, но и фрагменты данных текстов, способные дать полезную для исследования информацию. Работа с историческими источниками велась по двум направлениям: как с текстом в целом, так и по ключевым словам, что соответствует методам качественного и количественного контент-анализа. Значимым для данного исследования был сравнительный анализ, компаративистика. Изучаемые источники сопоставлялись по ряду единых критериев, которые позволили выявить сходства и различия подходов, характерных для академической деятельности первой половины XIX в. по отношению к изучению статуса тунгусо-маньчжурских народов Российской империи данного периода.

3. Обсуждение

История изучения тунгусо-маньчжурских народов начинается в Российской империи с XVIII в., однако именно в XIX в. их систематические исследования инициировались Императорским Русским географическим обществом (далее – РГО) через организацию ряда экспедиций (среди которых можно указать на Амурскую экспедицию 1849–1855 гг., Сибирскую экспедицию 1855–1858 гг., Вилюйскую экспедицию 1854–1855 гг. и ряд других), собравших первые этнографические данные о таких тунгусо-маньчжурских народах, которые сегодня известны под этнонимами «ороки», «эвенки» и «эвены», тогда как в XIX в. чаще всего они именовались общим термином «тунгусы (вариант – тунгузы)» ([Колесник, 2024](#); [Koptseva et al., 2022](#); [Koptseva et al., 2023](#); [Дегтяренко, Пименова, 2025](#)). Для истории исследований тунгусо-маньчжурских народов важное значение имеют труды таких

учёных, как С.К. Патканов, проанализировавший статистику коренных народов Сибири по переписи 1897 г. и введший в научный обиход этноним «эвены» (Патканов, 1911), С.М. Широкогоров, исследовавший социальную организацию и шаманизм тунгусов (Широкогоров, 1914; Широкогоров, 1919), М.А. Кастрен (Кастрен, 1860) и В.Г. Богораз (Богораз, 1928; Букова, 2017), изучавшие в XIX – начале XX вв. языки и культуру таких тунгусо-маньчжурских народов, как эвенки и эвены.

В первой половине XX в. в трудах С.А. Токарева и ряда других учёных формируется новое направление исторической науки – история этнографии (Токарев, 1966; Токарев, 1978). История исследований тунгусо-маньчжурских народов является важным направлением академической деятельности созданных в советское время научных институтов, включая Институт этнографии АН СССР. Она представлена в аспекте истории изучения языков этих народов в трудах Г.М. Василевич (Василевич, 1957), В.И. Цинциус и В.А. Горцевской (Цинциус, Горцевская 1960; Горцевская, 1957), М.Х. Белянской (Белянская, 2015), А.А. Сулейманова (Сулейманов, 2016), А.А. Петрова (Петров, 2020) и ряда других исследователей.

История исследований тунгусо-маньчжурских народов занимает существенное место в современной исторической науке и является достаточно актуальным её направлением. Одновременно в ней можно зафиксировать ряд пробелов, связанных с отсутствием исторических сведений и оценки значимости целого ряда этнографов, которые действовали не столько в профессиональном академическом пространстве, сколько занимались этнографической исследовательской деятельностью в аспектах административно-территориального управления российским государством или в аспектах краеведения, географии, демографии и ряда других направлений. Именно к таким историческим фигурам, чьи труды до настоящего времени не учтены в аспекте истории российской науки, истории этнографии, относятся А.П. Степанов и Г.И. Спасский. Хотя в последние годы в среде историков заметно возрос интерес к наследию этих авторов, а также к разнообразным контекстам их деятельности. Так, С.А. Пономарёва (Пономарёва, 2015; Пономарёва, 2016) исследует научную и издательскую деятельность Г.И. Спасского, подчёркивая его вклад в формирование сибирской идентичности и развитие региональной науки. В свою очередь, Н.А. Бурмакина (Бурмакина, 2013) провела лингвистический анализ идиостиля А.П. Степанова, выявив особенности его «языковой личности» как администратора, что позволяет глубже понять его подход к описанию коренных народов. Важное значение для понимания контекста эпохи, в которую проводятся исследования Г.И. Спасского и А.П. Степанова, имеют работы Е.В. Самриной и В.Н. Тутужековой (Самрина, Тутужекова, 2025), В.Н. Асочаковой (Асочакова, 2024), О.А. Гюнтер (Гюнтер, 2021), в которых рассматриваются различные аспекты жизни коренных народов Енисейской губернии – от экономики и религии до вопросов образования. В этом же ракурсе интерес представляют исследования М.В. Рагулиной (Ragulina, 2024), посвящённые тунгусам Прибайкалья и Южной Сибири. Её работы, в том числе написанные в соавторстве с А.А. Сириной (Ragulina, Sirina, 2020), раскрывают особенности хозяйственной адаптации коренного населения, что позволяет сопоставить этнографические наблюдения Степанова и Спасского с историческими реконструкциями экономических практик тунгусо-маньчжурских народов, выполненными современными учёными.

Вопросы правового положения и восприятия коренных народов в российской историографии рассматриваются в работах Е.А. Абиля, А. Кузембайулы и З.Е. Кабульдинова (Abil et al., 2022), а также Г.А. Алпыспаевой и соавторов (Alpyspaeva et al., 2020), где анализируются взгляды русских современников на традиционные общества. Эти исследования помогают выявить общие тенденции в репрезентации «иностранцев» в имперский период. Наконец, исследование А.П. Дворецкой и соавторов (Dvoretskaya et al., 2024) о развитии арктических транспортных маршрутов Приенисейской Сибири в начале XX в. также затрагивает вопросы взаимодействия власти и коренного населения, что дополняет понимание долгосрочных последствий политики, проводимой администраторами вроде Степанова.

Ключевой пробел в историографии, который делает актуальным настоящее исследование, заключается в недостаточной изученности личных архивов и официальных отчётов региональных чиновников как комплексных этнографических источников, отражающих повседневные механизмы взаимодействия власти и автохтонных сообществ «изнутри» повседневной административной и издательско-краеведческой деятельности. В этом контексте архивные материалы, содержащие труды Г.И. Спасского и А.П. Степанова, занимают уникальное место (ГАКК, Эвенкийский архив). Труды каждого из этих двух этнографов представляют два полюса ранней этнографической традиции Российской империи: Г.И. Спасский выступает представителем русского просвещения с акцентом на «аутентичной» культуре, что в полной мере проявилось в его издательской и научной деятельности, тогда как А.П. Степанов олицетворяет государственнический подход, «подчиняя» этнографию задачам административного управления и ресурсного учёта. Их труды, связанные с описанием и исследованием состояния тунгусо-маньчжурских народов, раскрывают сложность государственной политики Российской империи на её северных и сибирских окраинах, проявляющуюся в необходимости соблюдать баланс между просветительским и гуманистическим отношением к «иностранцам» и государственно-административной прагматикой их интеграции, что особенно ясно при сопоставлении взглядов губернатора А.П. Степанова и сибироведа, издателя и этнографа

Г.И. Спасского на экономику, социальное устройство и перспективы тунгусо-маньчжурских народов, населяющих огромные пространства Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской империи в XIX в.

4. Результаты

Для исследования новых архивных материалов ([ГАКК](#), [Эвенкийский архив](#)) и привлекаемых дополнительно публикаций авторства А.П. Степанова ([Степанов, 1835](#); [Степанов, 2017](#)) и Г.И. Спасского ([Сибирский вестник](#)) был выделен ряд критериев, по которым сопоставлены соответствующие позиции этих двух исследователей тунгусо-маньчжурских народов, в том числе: время проведения исследований и создания текстов, отражающих их результаты; форма записей и/или публикаций; идиостили; исследовательские акценты; целостный образ тунгусо-маньчжурских народов; исследовательская позиция.

4.1. Время проведения исследований и создания текстов, отражающих их результаты

Исследования и создание текстов о тунгусо-маньчжурских народах авторства Г.И. Спасского охватывают достаточно продолжительный период времени, связанный как с его службой в Сибири, так и с частной работой и издательской деятельностью в г. Санкт-Петербурге, включая период с 1803 г. (назначение на службу в Томскую губернию) до 1857 г. (публикация обобщающего труда «Очерк из быта некоторых сибирских инородцев»). Исследования и создание текстов о тунгусо-маньчжурских народах авторства А.П. Степанова связаны с его губернаторством, административными обязанностями и воспоминаниями об этом времени после его отставки, которые также были использованы при создании книги «Енисейская губерния», включая период от 1822 г. (назначение штатским губернатором Енисейской губернии) до 1835 г. (публикация книги «Енисейская губерния», награждение бриллиантовым перстнем за эту книгу императором Николаем I и вручение Демидовской премии 2500 рублей).

Основная этнографическая деятельность Г.И. Спасского и А.П. Степанова во многом была связана с внутренней политикой (включая её геополитические аспекты относительно северных, сибирских и дальневосточных территорий) Российской империи в царствование императоров Александра I (1801–1825) и Николая I (1825–1855), освоения и укрепления присутствия российских административно-государственных институций на окраинах империи. Начало государственной службы и А.П. Степанова, и Г.И. Спасского, так или иначе, во многом связано с административной реформой императора Александра I, в ходе которой были образованы новые губернии и округа в Сибири. Для управления в них назначались люди «особых» достоинств и качеств, которые должны были способствовать развитию инфраструктуры этих территорий, экономическому обустройству, налаживанию логистики и коммуникаций, культурно-просветительской деятельности. Особое внимание администраторы и чиновники сибирских территорий должны были уделять взаимодействию с коренным населением, созданию специализированной нормативно-правовой базы («уставов») для управления инородцами с учётом их этнических (хозяйственных, демографических, религиозных, языковых, культурных) традиций. Политика государства по отношению к аборигенному населению, которую реализовывали Г.И. Спасский и А.П. Степанов каждый на своём месте, не была дискриминационной. Государственная политика России была нацелена на то, чтобы при включении инородцев в общероссийскую административно-территориальную систему управления сохранялась бы их этнокультурная самобытность.

4.2. Форма записей и/или публикаций

Личный архив Г.И. Спасского ([ГАКК](#)) представлен преимущественно формой дневниковых записей, которые, как правило, были подготовительными материалами для последующих публикаций в периодических изданиях: листы формата «полдесть» (22 см x 35 см), исписанные с двух сторон чернилами или карандашом, имеющие поля для записей, которые также полностью покрыты записями. Почерк на листах различается от более «старательного» до «размашистого», очевидно, ряд записей был сделан «в дороге» или «на бегу». Для записей характерны различные дополнительные форматы: зачёркивания, подчёркивания, приписки, имеется ряд ссылок на предшественников и современников, которые занимались схожими исследованиями. Такой стиль может свидетельствовать, что Г.И. Спасский регулярно изучал тексты по интересующей его проблематике, готовился к этнографическим поездкам и сверял уже имеющиеся данные со своими собственными наблюдениями. Информация, представленная в его личных архивных материалах ([ГАКК](#)), преимущественно дескриптивна. Скорее всего, в дальнейшем автор предполагалось, что она будет выверена, дополнена и опубликована в хорошо отредактированной версии. В его журнальных статьях можно обнаружить содержание, часть которого предварительно в черновом виде представлена в архивных материалах. При этом в окончательной форме журнальных публикаций этнографическая информация дана систематизировано, по разделам. Характерными для публикаций Г.И. Спасского были разделы: «древности Сибири»; изображение обитателей Сибири; сведения о Сибири и странах «сопредельных оной»; «смесь». Каждый раздел делился на подразделы, в которых раскрывались различные аспекты основной темы.

В свою очередь, на основе записей полевых материалов, которые собирались губернатором Александром Петровичем Степановым во время его многочисленных административных поездок по территориям Енисейской губернии, был издан его фундаментальный труд «Енисейская губерния» (Степанов, 1835). Первое издание вышло в свет в 1835 г. в типографии Конрада Вингебера. Автором было сделано посвящение императору Николаю I. Книга А.П. Степанова представляет собой комплексное исследование, первое в своём роде, посвящённое многостороннему описанию сибирских территорий вдоль реки Енисей. Структура книги включает две части и восемь отделений. В первой части детально описываются особенности физической географии Енисейской губернии, её топография, промышленность. Раздел о промышленности включает сведения о звероловстве, скотоводстве, хлебопашестве, а также о заводах, ремёслах, рукоделии, торговле. Вторая часть посвящена описанию и анализу социальных особенностей губернии: этнографическому составу, особенностям образа жизни и нравов, а также специфике административного управления.

4.3. Идиостили

Записи и публикации Г.И. Спасского, содержащиеся в его личном архиве (ГАКК), несомненно, отражают своеобразие его личности. Синтаксическая форма его записей достаточно «проста», исследовательское внимание сосредоточено на необычных, экзотических особенностях Сибири и населяющих её народов. При этом он понимает значимость своих трудов: «Надеюсь, что подробности этих изысканий в будущем будут занимательными и познавательными для читателей» (ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 26. Л. 2). Таким образом, цель дневников Г.И. Спасского – зафиксировать этнографические сведения и познакомить с ними просвещённых читателей. Особенности лексики Г.И. Спасского подчёркивают стремление текстов к академическому стилю, к соучастию в обсуждении полученных материалов с другими этнографами и краеведами.

Текст книги А.П. Степанова «Енисейская губерния» представляет собой научное издание энциклопедического типа. В соответствии с выбранной научной формой, автор использует максимально точную академическую лексику: приводит факты, статистические точные сведения, количественные данные, полученные им как в ходе самостоятельных наблюдений, так и в результате изучения работ других учёных (например, результаты термометрических наблюдений). Однако иногда строгий академический стиль дополняется художественно окрашенными описаниями («Это истинный образец улыбающейся, девственной природы для живописца, поэта и садовника» (Степанов, 1835, ч. 1: 28)).

4.4. Исследовательские акценты

Будучи издателем журнала «Сибирский вестник», в его раздел «Изображение обитателей Сибири» Г.И. Спасский писал преимущественно сам. Архивные материалы (ГАКК) свидетельствуют о тщательной подготовке к публикациям этого раздела. Внимание автора и издателя сосредоточено на хозяйственных практиках населения Сибири: промыслах, домоводстве, сборе дикорастущих растений, приготовлении пищи, изготовлении одежды и т.д. Так, он делает обширное описание («дневник») сибирской оленьей и собачьей езды, распространённой в северных широтах у коренных сибирских народов. Упоминание собственно тунгусов впервые встречается на 18-й странице «дневника», до этого речь идёт об «инородцах» и «переселенцах» в целом. Топологические термины встречаются редко, в основном как обобщённые названия больших территорий: «Енисейская губерния», «Ленский край», «Чита», «северо-восточная Сибирь». В «дневнике» Г.И. Спасский описывает уникальную практику передвижения тунгусов на оленях: «Для верховой и вьючной езды олень мало способен и употребляется к этому в Северной Сибири, в особенности у тунгусов» (ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 26). Он описывает различные породы северных оленей, их распространение, особенности охоты на диких северных оленей и жизнь коренного населения во взаимоотношениях с ними: подробно описывает оленью упряжь, упоминая специфические названия её деталей на языке тунгусов, раскрывает аборигенные особенности ухода за домашними северными оленями.

Содержание различных отдельных заметок личного архива Г.И. Спасского используется им для научной редакции текста статьи о жизни тунгусо-маньчжурских народов «Краткие замечания о ламутах, тунгусах и юкагирах», опубликованной в 3-й части журнала «Сибирский вестник» 1823 г. Г.И. Спасский не является её автором в целом (об авторстве сказано: «Сии замечания извлечены из Записок доктора Северной экспедиции Кибера, находившегося в Нижнеколымске с 1821 г. Издатель получил оные от И.А. Гарижского из Иркутска»), но он был её научным редактором и тщательно проверял, прежде чем опубликовать. Скорее всего, речь идёт об Августе Эрихе Кибере, враче, полярном исследователе, участнике кругосветного путешествия Ф.П. Врангеля. Иван Андреевич Гарижский – публицист, журналист, путешественник и историк, секретарь цензурного комитета Общества любителей российской словесности, годы жизни неизвестны (первая половина XIX в.). В публикации содержатся ценные сведения об оленеводстве, воспитании детей, взаимодействии с русскими купцами, нраве тунгусо-маньчжурских народов (Краткие замечания..., 1823: 13–20).

В свою очередь, в книге А.П. Степанова «Енисейская губерния» сложно выделить какой-то особый исследовательский акцент, поскольку её форма существенно напоминает энциклопедию. Так, в первом и втором отделениях детально описывается физическая география: своеобразие рельефа, гор, провалов, равнин, пещер, почв (оценивается их плодородность), вод (рек и озёр), включая их

названия. Собственные наблюдения автор соотносит с другими исследованиями: «Ежели Бюффон не ошибся, в том, что все горы Нового света имеют направление от севера на юг, и ежели Пустынный хребет Енисейской тундры упирается в воды Ледовитого моря, то нельзя ли предположить, что он имеет связь с хребтами гор Северной Америки» (Степанов, 1835, ч. 1: 10).

Наибольший интерес представляют 3, 4, 5, 6 и 7 отделения, где представлена социально-этническая структура губернии. В 3 отделении А.П. Степанов описывает поселения и народы в топографическом аспекте, выделяя «бродячие народы», «промышленников» и «крестьян». Тунгусов он относит к «бродячим народам» и отмечает, что затруднительно зафиксировать их точное местонахождение, но у них есть «любимые полосы земли каждого племени» и «24 рода тунгусов занимают пространство от Верхней Тунгуски до Нижней» (Степанов, 1835, ч. 1: 160). В 4 отделении «Промышленность» автор делает описание различных видов хозяйственной деятельности жителей Енисейской губернии: «Весь быт рода человеческого собран в Енисейской губернии. Это олицетворенная история человека всех веков. Здесь находится он в диком состоянии, патриархальном и политическом. Здесь есть звероловы, скотоводы, хлебопашцы и все те сословия, кои происходят от состава гражданских обществ» (Степанов, 1835, ч. 1: 198). Тунгусы представлены здесь как «звероловы». А.П. Степанов перечисляет общие способы и приспособления для звероловства, уникальные орудия: пальма – клинок на длинном шесте, используемый тунгусами. Он подчёркивает, что звероловство – не «просто» сезонное занятие для тунгусов, но их образ жизни. Другое занятие тунгусов – скотоводство – разведение «ланей» (олений) (Степанов, 1835, ч. 1: 218). Тунгусы описываются А.П. Степановым и как участники торговых отношений. В данном контексте он обращает внимание на их «нерассчетливость» и «нерассудность»: стремясь приобретать нравящиеся им вещи в ходе меновой торговли, они отдают, по сути, за бесценок добытую ими пушнину.

4.5. Целостный образ тунгусо-маньчжурских народов

Интегральный образ тунгусо-маньчжурских народов, создаваемый Г.И. Спасским, имеет ярко выраженную сентиментальную и критически-просветительскую окраску: «Существуют еще народы на одном с нами материке, сохранившие простоту жизни и нравы своих прародителей. Таковы коренные или первобытные жители Сибири ... Заимствуя все от природы, они не знакомятся ни с нашими искусствами, ни с нашей деятельною промышленностью. Они получают пропитание и одежду от многочисленных стад своих, или от звериной, рыбной и птичьей ловли» (Спасский, 1821: 100). Он называет аборигенов Сибири «детьми природы, сохранившими досель образ жизни и простые, добрые нравы Золотого века» (там же). С его представлением согласуется тезис о том, что хотя между коренными народами есть различия по происхождению и языку, но живут они в согласии: «Они добродушны, веселы, не слышно у них о ссорах; о будущем никогда не заботятся» (Краткие замечания..., 1823: 15). Г.И. Спасский (подобно Ж.-Ж. Руссо и другим европейским сентименталистам) полагает, что «цивилизованные народы» этически «хуже», чем сибирские аборигены, существование которых он определяет как «страдательное», утверждая, что они не умеют чувствовать «нашей» выгоды, поэтому часто бывают обмануты русскими купцами. Сам он готов был защищать интересы коренных народов, разрабатывать для них специальные проекты по улучшению качества их жизни.

Группа тунгусо-маньчжурских народов в книге А.П. Степанова «Енисейская губерния» представлена тунгусами («овенами»). В 6 отделении «Этнография» он приводит детальное описание «бродячих» и «кочующих» народов, и в том числе тунгусов, и отмечает их отличия от других «бродячих» (кочевых) народов: «Обращение свободное, веселость, смешливость, вид воинственный и не только опрятность, но щеголеватость отличают племя тунгусов от других бродячих племен» (Степанов, 1835, ч. 2: 73). Особо отмечается их эстетическое стремление к украшению жилищ, одежды, предметов быта, приспособлений для охоты и рыбной ловли. Тунгусы владеют искусством изготовления железных и медных орудий, а также умеют обрабатывать палеонтологические ископаемые: кости мамонта. Автор отмечает сохранность древних форм одежды тунгусов, хотя и сравнивает их иронически с «шутовским костюмом». Подробно описывает тунгусское стремление украшать и вышивать лоб и щеки «узорами»: «Чтобы украшать этими вечными кружевами лицо маленького овена, мать продевает иглою под кожицею (epidermis) струну самую тончайшую, натертую порошком каменного угля, который, оставаясь во внутренности, просвечивается через кожу прекрасным голубым цветом» (Степанов, 1835, ч. 2: 80).

Целостный образ тунгусо-маньчжурских народов, созданный в текстах А.П. Степанова, также совпадает с общей позицией образованных русских людей, соответствующей принципам сентиментального и критического отношения к процессам просвещения, противопоставляющей «испорченных цивилизацией» людей и «добрых дикарей». Он сочувствует «простоте» и «безрассудности» тунгусов во взаимодействии с торговцами, которые «без совести» выменивали у аборигенов дорогостоящую пушнину на дешёвые товары. Автор считает настоящими дикарями «цивилизованных» промышленников и купцов, а не тунгусов. Отмечает, что до знакомства с промышленниками аборигены Сибири находились в «беззаботном состоянии», имели крайне мало потребностей. Взаимодействие с купцами меняет их: «Но познание о вине, о порохе, о картах, рождающийся вкус щеголять, многие обстоятельства при сношениях с купечеством развернули в них

различные страсти, и сим только подвинулись они на шаг к просвещению» (Степанов, 1835, ч. 2: 62). Как этнограф, А.П. Степанов различает тунгусов, проживающих по берегам рек Верхней Тунгуски и Нижней Тунгуски. Он отмечает, что в верхнетунгусских тунгусах «более людскости», тогда как нижнетунгусские «находятся решительно в диком состоянии» (Степанов, 1835, ч. 2: 62). Но рассуждая об этике тунгусов, он подчёркивает, что пороками считается создание зла, а польза, которую человек приносит другим людям, считается добродетелью. И в этом аспекте тунгусы, скорее, добродетельны, чем злы.

4.6. Исследовательские позиции

Записи из личного архива Г.И. Спасского, связанные с тунгусо-маньчжурскими народами, носят ярко выраженный познавательный-этнографический характер. В них зафиксированы авторские «впечатления», но при этом они наделены качествами «учёности», академичности. Г.И. Спасский – прежде всего, учёный–«наблюдатель», его внимание обращено на устойчивые этнокультурные практики аборигенов Сибири. Статьи, созданные на основе этих записей, написаны ясным научно-популярным языком и сыграли значительную роль в распространении знаний о коренном населении Сибири, способствовали появлению «сибирской темы» в науке, публицистике и литературе Европейской России. В дальнейшем взгляды Г.И. Спасского относили к «протонародникам», называя его самого носителем идей демократической национальной культуры (История Сибири, 1968: 12-13).

Исследовательская позиция А.П. Степанова – репрезентация изучения инородцев с точки зрения государственного деятеля, администратора. Это позиция чиновника, фиксирующего этнографические факты, важные для развития логики, экономики, ресурсной базы российского государства, но в то же время оценивающего быт, нравы, образ жизни тунгусов с позиции носителя ценностей русской православной культуры, что проявляется ярко в его оценке тунгусского шаманизма как «не-религии». Данная административно-этнографическая позиция подчёркивается в заключении книги «Енисейская губерния», когда А.П. Степанов в качестве итога своих изысканий формулирует отношение населения Енисейской губернии к государственной власти: «Все они вместе и отдельно являются в прекрасном свете своего усердия к престолу и правительству» (Степанов, 1835, ч. 2). Как государственный чиновник, он отмечает, что у каждого народа, населяющего губернию, у каждого её сословия есть свои «пороки», но они проявляются как «слабости» и «не ведут к преступлению». При этом в духе сентиментального мировоззрения он подчёркивает позитивное влияние сибиряков-аборигенов на ссыльных преступников: «Сибиряки, в особенности в Енисейской губернии, где находится столь великое число преступников, не только не усугубляют своих пороковых свойств, но умягчают еще по возможности злые навыки пришельцев» (Степанов, 1835, ч. 2: 117).

5. Заключение

Исследование документов из личного архива Г.И. Спасского (ГАКК), документов о дореволюционном состоянии эвенков, хранящихся в Эвенкийском архиве, привлекая тексты, отражающие издательскую и публицистическую деятельность Г.И. Спасского, и книгу А.П. Степанова «Енисейская губерния», позволяет сделать вывод о том, что у этих современников, занимающихся этнографией тунгусо-маньчжурских народов и стоящих у истоков истории российского и мирового тунгусоведения, есть общие мировоззренческие и различные профессиональные позиции, связанные с оценкой современного им статуса тунгусо-маньчжурских народов.

Этнограф, писатель, издатель, основатель сибиреведения Григорий Иванович Спасский и первый губернатор Енисейской губернии Александр Петрович Степанов равным образом исходят из мировоззрения сентиментализма, в контексте которого «добрая природа дикаря» превосходит испорченную нравственность «цивилизованного человека». Именно сентиментализм предопределяет основные подходы этих исследователей к описанию и оценке статуса тунгусо-маньчжурских народов в первой половине XIX в. Одновременно их личные исследовательские позиции различаются: стремление к научной объективности и беспристрастию Г.И. Спасского противоположно административной прагматике и стремлению к достижению государственных задач А.П. Степанова. Дальнейшие источниковедческие исследования новых архивных материалов позволят либо подтвердить, либо уточнить данные выводы, в том числе по отношению к другим этническим группам коренных народов сибирских территорий Российской империи.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-20096, <https://rscf.ru/project/25-18-20096/>, гранта Красноярского краевого фонда науки.

Литература

Асочакова, 2024 – Асочакова В.Н. Особенности религиозного развития юга Приенисейской губернии в период губернаторства Александра Петровича Степанова // *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2024. № 4(34). С. 121-129.

Белянская, 2015 – Белянская М.Х. История и культура эвенков Якутии в исследовательских материалах ученых России // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2015. № 4(13). С. 27-30.

- Богораз, 1928** – Богораз В.Г. Распространение культуры на земле. Основы этногеографии. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 315 с.
- Букова, 2017** – Букова М.И. Северовед и антрополог Владимир Германович Тан-Богораз: «всероссийский художественный репортер» // *Сибирский антропологический журнал*. 2017. Т. 1. № 1. С. 35-42.
- Бурмакина, 2013** – Бурмакина Н.А. Языковая личность первого губернатора енисейской губернии. Лингвокогнитивные и прагматические проблемы лингвоперсонологии. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2013. 390 с.
- Василевич, 1957** – Василевич Г.М. К проблеме этногенеза тунгусо-маньчжуров // *Краткие сообщения Института этнографии*. 1957. Т. 28. С. 57-61.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Горцевская, 1959** – Горцевская В.А. Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Учпедгиз, 1959. 80 с.
- Гюнтер, 2021** – Гюнтер О.А. Особенности учебно-воспитательной работы среди коренных народов Енисейской губернии (1870-1917 гг.) // *Педагогический журнал*. 2021. Т. 11. № 5–1. С. 15-24.
- Дегтяренко, Пименова, 2025** – Дегтяренко К.А., Пименова Н.Н. Этнические знания тунгусо-маньчжурских народов о растительном мире: на материале эвенкийских литературных текстов // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2025. Т. 18. № 7. С. 1290-1299.
- История Сибири..., 1968** – История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / Под ред. А.П. Окладникова. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. 538 с.
- Карпухина, 2023** – Карпухина Д.В. Новое и малоизвестное о семье губернатора А. П. Степанова по документам архивов // *Гришаевские чтения, Красноярск, 24–25 ноября 2022 года*. 2023. С. 72-76.
- Кастрен, 1860** – Кастрен М.А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849). М.: Тип. Александра Семена, 1860. 495 с.
- Колесник, 2024** – Колесник М.А. История исследований тунгусо-маньчжурских народов // *Азия, Америка и Африка: история и современность*. 2024. Т. 3. № 2. С. 73-98. DOI 10.31804/2782-540X-2024-3-2-73-98
- Краткие замечания..., 1823** – Краткие замечания о ламутах, тунгусах и юкагирах // *Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским*. 1823. Ч. 3. С. 13-20.
- Менжуренко, Шпак, 2023** – Менжуренко Ю.Н., Шпак А.А. Экономическое и культурное значение оленеводства: опыт коренных малочисленных народов Севера Красноярского края // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2023. № 7(3). С. 135-141.
- Патканов, 1911** – Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири: Статист. материалы для освещения вопр. о вымирании первобыт. племен. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. 210 с.
- Петров, 2020** – Петров А.А. Ученые-исследователи в истории российского филологического тунгусо-маньчжуроведения // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2020. Т. 10. № 5. С. 1077-1083. DOI: <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.62.5.007>
- Пономарёва, 2015** – Пономарёва С.А. Научная деятельность Г.И. Спасского в Томской губернии (1804–1808 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 401. С. 145-150.
- Пономарёва, 2016** – Пономарёва С.А. «Журнал моего путешествия по Сибири...» – о «Сибирском (Азиатском) вестнике», издаваемом Г.И. Спасским в 1818–1827 гг. // *Гуманитарные науки Сибири*. 2016. № 23(3). С. 63-69.
- Рынков, 2010** – Рынков В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // *Отечественные архивы*. 2010. № 3. С. 44-50.
- Самрина, Тугужекова, 2025** – Самрина Е.В., Тугужекова В.Н. Бюджет и бюджетная деятельность инородческих ведомств юга Енисейской губернии (1823-1893) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2025. Т. 51. С. 16-27.
- Сибирский вестник** – Сибирский вестник, журнал, издаваемый Григорием Ивановичем Спасским. СПб., 1818–1827.
- Спасский, 1818** – Спасский Г. И. Изображение обитателей Сибири, или Новое и достовернейшее описание некоторых коренных сибирских народов: их местопребывания, обрядов, веры, наречий и проч. // *Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским*. 1818. Ч. 1–2. С. 87-111, 179-209.
- Спасский, 1821** – Спасский Г. И. Нечто о жизни кочующих в Сибири народов // *Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским*. 1821. Ч. 13–15. С. 100-105.
- Степанов, 1835** – Степанов А.П. Енисейская губерния: ч. 1–2. СПб., 1835. 364 с.
- Степанов, 2017** – Степанов А.П. Енисейская губерния: части. 1–2. Красноярск, 2017. 268 с.
- Сулейманов, 2016** – Сулейманов А.А. Научное изучение языков коренных малочисленных народов Севера Якутии в 50-е гг. XX в. // *Вестник угроведения*. 2016. Т. 6. № 2(25). С. 156-166.
- Токарев, 1966** – Токарев С.А. История русской этнографии: дооктябрьский период. М.: Наука, 1966. 452 с.
- Токарев, 1978** – Токарев С.А. Истоки этнографической науки (до середины XIX в.). М.: Наука, 1978. 168 с.

- Цинциус, Горцевская, 1960** – Цинциус В.И., Горцевская В.А. Изучение тунгусо-маньчжурских языков Советского Союза за 40 лет // *Ученые записки ЛГПИ им. Герцена*. 1960. Т. 167. С. 3-45.
- Чертков, 2023** – Чертков А.С. Возрастающая роль служилых людей в научном изучении Северо-Востока Азии в XVII – начале XX веков // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2023. № 7(3). С. 86-94.
- Широкогоров, 1914** – Широкогоров С.М. Отчёт о командировке к тунгусам и ороченам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг. // *Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях*. 1914. № 3. С. 129-146.
- Широкогоров, 1919** – Широкогоров С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов // *Учёные записки историко-филологического факультета в г. Владивостоке*. 1919. Кн. 1. С. 47-108.
- Эвенкийский архив** – МКУ «Эвенкийский архив», Архив Эвенкийского муниципального района Красноярского края, п. Тура.
- Abil et al., 2022** – Abil Y.A., Kuzembayuly A., Kabuldinov Z. Ye. The Role of the Kazakhs in the History of the Siberian Khanate: Russian Pre-Revolutionary Historiography // *Bylye Gody*. 2022. 17(1). Pp. 57-66. DOI: 10.13187/bg.2022.1.57
- Alpyspaeva et al., 2020** – Alpyspaeva G.A., Gulmira Zh., Dzhumaliev L.T., Abdykarimova Sh.T. Legal Status of a Kazakh Woman in the Family and Society in the XIXth – early XXth centuries from the Point of the Russian Contemporaries' View // *Bylye Gody*. 2020. 55(1). Pp. 370-381. DOI: 10.13187/bg.2020.1.370
- Dvoretskaya et al., 2024** – Dvoretskaya A.P., Shakhmatov A.V., Surzhko A.V., Novoseltsev N.R. F. Nansen and S.V. Vostrotin as Ideologists of the Development of Arctic Transport Routes of the Yenisei Siberia. The Beginning of the 20th century // *Bylye Gody*. 2024. 19(2). Pp. 937-945. DOI: 10.13187/bg.2024.2.937
- Koptseva et al., 2022** – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Pchelkina D.S., Menzhurenko Yu.N. Ethnoanthropological Features of the Foreign Population of Achinsk and Minusinsk Counties of the Yenisei Province of the XIX-XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(3). Pp. 1366-1374. DOI: 10.13187/bg.2022.3.1366
- Koptseva et al., 2023** – Koptseva N.P., Pimenova N.N., Zamaraeva Yu.S., Seredkina N.N. Russian Ethnography of the late 19th century (based on the Materials of the “Zhivaya Starina” Journal, Issues of the 1890s) // *Bylye Gody*. 2023. 18(3). P. 1421-1433. DOI: 10.13187/bg.2023.3.1421. DOI 10.13187/bg.2023.3. 1421
- Koptseva et al., 2010** – Koptseva N.P., Pimenova N.N. Reznikova K.V. Protection and Development of the Indigenous Peoples Living in Circumpolar Territories: Cultural and Anthropological Analysis // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2010. № 3(5). Pp. 649-666.
- Ragulina, 2024** – Ragulina M.V. Natural Conditions and Life Support of the Tungus of the Baikal Regions (XVII – late XIX centuries) // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 504p513. DOI: 10.13187/bg.2024.2.504
- Ragulina, Sirina, 2020** – Ragulina M.V., Sirina A.A. Flour and Bread in the Life Support of the Tunguses of Central and Southern Siberia in the second half of XVII – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2020. 58(4). Pp. 2336-2345. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2336

References

- Abil et al., 2022** – Abil, E.A., Amanzhol, K., Kabuldinov, Z.E. (2022). The Role of the Kazakhs in the History of the Siberian Khanate: Russian Pre-Revolutionary Historiography. *Bylye Gody*. 17(1): 57-66. DOI: 10.13187/bg.2022.1.57
- Alpyspaeva et al., 2020** – Alpyspaeva, G.A., Gulmira, Zh., Dzhumaliev, L.T., Abdykarimova, Sh.T. (2020). Legal Status of a Kazakh Woman in the Family and Society in the XIXth – early XXth centuries from the Point of the Russian Contemporaries' View. *Bylye Gody*. 55(1): 370-381. DOI: 10.13187/bg.2020.1.370
- Asochakova, 2024** – Asochakova, V.N. (2024). Osobennosti religioznogo razvitiya yuga Prieniseiskoi gubernii v period gubernatorstva Aleksandra Petrovicha Stepanova [Features of Religious Development in the South of the Yenisei Province During the Governorship of Alexander Petrovich Stepanov]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal*. 4(34): 121-129. [in Russian]
- Belyanskaya, 2015** – Belyanskaya, M.Kh. (2015). Istoriya i kul'tura evenkov Yakutii v issledovatel'skikh materialakh uchenykh Rossii [The history and culture of the evenks of Yakutia in the research materials of Russian scientists]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*. 4(13): 27-30. [in Russian]
- Bogoraz, 1928** – Bogoraz, V.G. (1928). Rasprostranenie kul'tury na zemle. Osnovy etnogeografii [The spread of culture on earth: fundamentals of ethnogeography]. M.; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 315 p. [in Russian].
- Bukova, 2017** – Bukova, M.I. (2017). Severoved i antropolog Vladimir Germanovich Tan-Bogoraz: "Vserossiiskii khudozhestvennyi reporter" [Northern studies scholar and anthropologist Vladimir Germanovich Tan-Bogoraz: "All-Russian artistic reporter"]. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*. 1(1): 35-42. [in Russian]
- Burmakina, 2013** – Burmakina, N.A. (2013). Yazykovaya lichnost' pervogo gubernatora Eniseiskoi gubernii. Lingvokognitivnye i pragmaticheskie problemy lingvopersonologii [The linguistic personality of the first governor of the Yenisei province: linguocognitive and pragmatic problems of linguopersonology]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V.P. Astaf'eva, 390 p. [in Russian]
- Chertkov, 2023** – Chertkov, A.S. (2023). Vozrastayushchaya rol' sluzhilykh lyudei v nauchnom izuchenii Severo-Vostoka Azii v XVII – nachale XX vekov [The growing role of servicemen in the scientific

- study of northeast Asia in the 17th – early 20th centuries]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 7(3): 86-94. [in Russian]
- [Dvoretskaya et al., 2024](#) – *Dvoretskaya, A.P., Shakhmatov, A.V., Surzhko, A.V., Novoseltsev, N.R.* (2024). Nansen and S.V. Vostrotin as Ideologists of the Development of Arctic Transport Routes of the Yenisei Siberia. The Beginning of the 20th century. *Bylye Gody*. 19(2): 937-945. DOI: 10.13187/bg.2024.2.937
- [Evenkiiskii arkhiv](#) – MKU «Evenkijskiy arkhiv», Arkhiv Evenkiiskogo munitsipal'nogo raiona Krasnoyarskogo kraya, p. Tura [Evenk Archive, Archive of the Evenk Municipal District of the Krasnoyarsk Krai, Tura Village]. [in Russian]
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].
- [Gortsevskaya, 1959](#) – *Gortsevskaya, V.A.* (1959). Oчерк istorii izucheniya tunguso-man'chzhurskikh yazykov [An outline of the history of Tungus-Manchu languages studies]. Leningrad: Uchpedgiz, 80 p. [in Russian]
- [Gunter, 2021](#) – *Gunter, O.A.* (2021). Osobennosti uchebno-vospitatel'noi raboty sredi korennykh narodov Eniseiskoi gubernii (1870–1917 gg.) [Features of educational work among the Indigenous Peoples of the Yenisei Province (1870–1917)]. *Pedagogicheskii zhurnal*. 11(5-1): 15-24. [in Russian]
- [Istoriya Sibiri..., 1968](#) – *Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 5 t.* [History of Siberia from Ancient Times to the Present: In 5 Vols.]. Pod red. A.P. Okladnikova. T. 2: Sibir' v sostave feodal'noi Rossii. L.: Nauka, 1968. 538 p. [in Russian]
- [Karpukhina, 2023](#) – *Karpukhina, D.V.* (2023). Novoe i maloizvestnoe o sem'e gubernatora A.P. Stepanova po dokumentam arkhivov [New and little-known facts about the family of Governor A.P. Stepanov based on archival documents]. *Grishaevskie chteniya*. Krasnoyarsk, pp. 72-76. [in Russian]
- [Kolesnik, 2024](#) – *Kolesnik, M.A.* (2024). Istoriya issledovaniy tunguso-man'chzhurskikh narodov [History of Research on the Tungus-Manchu Peoples]. *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost'*. 3(2): 73-98. DOI: 10.31804/2782-540X-2024-3-2-73-98 [in Russian]
- [Koptseva et al., 2010](#) – *Koptseva, N.P., Pimenova, N.N., Reznikova, K.V.* (2010). Protection and Development of the Indigenous Peoples Living in Circumpolar Territories: Cultural and Anthropological Analysis. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 3(5): 649-666.
- [Koptseva et al., 2022](#) – *Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S., Menzhurenko, Yu.N.* (2022). Ethnoanthropological Features of the Foreign Population of Achinsk and Minusinsk Counties of the Yenisei Province of the XIX–XX centuries. *Bylye Gody*. 17(3): 1366-1374. DOI 10.13187/bg.2022.3.1366
- [Koptseva et al., 2023](#) – *Koptseva, N.P., Pimenova, N.N., Zamaraeva, Yu.S., Seredkina, N.N.* (2023). Russian Ethnography of the late 19th century (based on the Materials of the “Zhivaya Starina” Journal, Issues of the 1890s). *Bylye Gody*. 18(3): 1421-1433. DOI 10.13187/bg.2023.3.1421
- [Kratkie zamechaniya..., 1823](#) – *Kratkie zamechaniya o lamutakh, tungusakh i yukagirakh* [Brief Notes on the Lamuts, Tungus, and Yukaghirs]. *Sibirskii vestnik, izdavaemyi Grigoriem Spasskim*. 3: 13-20. [in Russian]
- [Menzhurenko, Shpak, 2023](#) – *Menzhurenko Yu.N., Shpak A.A.* (2023). Ekonomicheskoe i kul'turnoe znachenie olenevodstva: opyt korennykh malochislennykh narodov Severa Krasnoyarskogo kraya [The economic and cultural significance of reindeer herding: the experience of the indigenous small-numbered peoples of the north of the Krasnoyarsk Krai]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 7(3): 135-141. [in Russian]
- [Patkanov, 1911](#) – *Patkanov, S.K.* (1911). O priroste inorodcheskogo naseleniya Sibiri: Statisticheskie materialy dlya osveshcheniya voprosa o vymiraniy pervobytnykh plemen [On the Growth of the Indigenous Population of Siberia: Statistical Materials for Illuminating the Question of the Extinction of Primitive Tribes]. SPb: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 210 p. [in Russian]
- [Petrov, 2020](#) – *Petrov, A.A.* (2020). Uchenye-issledovateli v istorii rossiiskogo filologicheskogo tunguso-man'chzhurovedeniya [Researchers in the history of Russian philological Tungus-Manchu studies]. *Voprosy natsional'nykh i federal'nykh otnoshenii*. 10(5): 1077-1083. DOI: <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.62.5.007> [in Russian]
- [Ponomareva, 2015](#) – *Ponomareva, S.A.* (2015). Nauchnaya deyatel'nost' G.I. Spasskogo v Tomskoi gubernii (1804–1808 gg.) [The scientific activity of G.I. Spassky in the Tomsk Province (1804–1808)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 401: 145-150. [in Russian]
- [Ponomareva, 2016](#) – *Ponomareva, S.A.* (2016). «Zhurnal moego puteshestviya po Sibiri...» – o «Sibirskom (Aziatskom) vestnike», izdavaemom G.I. Spasskim v 1818–1827 gg. [“The Journal of My Travel Through Siberia...” – about the “Sibirskii (Aziatskii) vestnik”. Published by G.I. Spassky in 1818–1827]. *Gumanitarnye nauki Sibiri*. 23(3): 63-69. [in Russian]
- [Ragulina, 2024](#) – *Ragulina, M.V.* (2024). Natural Conditions and Life Support of the Tungus of the Baikal Regions (XVII – late XIX centuries). *Bylye Gody*. 19(2): 504-513. DOI: 10.13187/bg.2024.2.504
- [Ragulina, Sirina, 2020](#) – *Ragulina, M.V., Sirina, A.A.* (2020). Flour and Bread in the Life Support of the Tunguses of Central and Southern Siberia in the second half of XVII – early XX centuries. *Bylye Gody*. 58(4): 2336-2345.

[Ryndin, 2010](#) – Ryndin, V.M. (2010). Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodicals: Their Place in the System of Historical Sources]. *Otechestvennye arkhivy*. 3: 44-50. [in Russian]

[Samarina, Tuguzhekova, 2025](#) – Samarina, E.V., Tuguzhekova, V.N. (2025). Byudzhety i byudzhetnaya deyatel'nost' inorodcheskikh vedomstv yuga Eniseiskoi gubernii (1823–1893) [The budget and budgetary activities of indigenous administrations in the south of the Yenisei Province (1823–1893)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 51: 16-27. [in Russian]

[Shirokogorov, 1914](#) – Shirokogorov, S.M. (1914). Otchet o komandirovke k tungusam i orochenam Zabaikal'skoi oblasti v 1912 i 1913 gg. [Report on a Business Trip to the Tungus and Orochons of the Transbaikalian Region in 1912 and 1913]. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Srednei i Vostochnoi Azii*. 3: 129-146. [in Russian]

[Shirokogorov, 1919](#) – Shirokogorov, S.M. (1919). Opyt issledovaniya osnov shamanstva u tungusov [An Attempt to Study the Foundations of Shamanism Among the Tungus]. *Uchenye zapiski istoriko-filologicheskogo fakul'teta v g. Vladivostoke*. 1: 47-108. [in Russian]

[Sibirskii vestnik](#) – Sibirskii vestnik, izdavaemyi Grigoriem Spasskim [Siberian Herald, Published by Grigory Spassky]. SPb, 1818–1827. [in Russian]

[Spassky, 1818](#) – Spassky, G.I. (1818). Izobrazhenie obitatelei Sibiri, ili Novoe i dostovernoe opisaniye nekotorykh korennykh sibirskikh narodov: ikh mestopreyvaniya, obryadov, very, narechii i proch. [Depiction of the Inhabitants of Siberia, or a New and Reliable Description of Some Indigenous Siberian Peoples: Their Habitats, Rituals, Faith, Dialects, etc.]. *Sibirskii vestnik*. 1–2: 87-111, 179-209. [in Russian]

[Spassky, 1821](#) – Spassky, G.I. (1821). Nekto o zhizni kochuyushchikh v Sibiri narodov [Something about the life of Nomadic Peoples in Siberia]. *Sibirskii vestnik*. 13–15: 100-105. [in Russian]

[Stepanov, 1835](#) – Stepanov, A.P. (1835). Eniseiskaya guberniya: ch. 1–2 [Yenisei Province: Parts 1–2]. SPb, 364 p. [in Russian]

[Stepanov, 2017](#) – Stepanov, A.P. (2017). Eniseiskaya guberniya: chasti 1–2 [Yenisei Province: Parts 1–2]. Krasnoyarsk, 268 p. [in Russian]

[Suleymanov, 2016](#) – Suleymanov, A.A. (2016). Nauchnoe izucheniye yazykov korennykh malochislennykh narodov Severa Yakutii v 50-e gg. XX v. [Scientific Study of the Languages of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North of Yakutia in the 1950s]. *Vestnik ugrovedeniya*. 6(2/25): 156-166. [in Russian]

[Tokarev, 1966](#) – Tokarev, S.A. (1966). Istoriya russkoi etnografii: dooktyabr'skii period [History of Russian Ethnography: Pre-October Period]. M.: Nauka, 452 p. [in Russian]

[Tokarev, 1978](#) – Tokarev, S.A. (1978). Istoki etnograficheskoi nauki (do serediny XIX v.) [The Origins of Ethnographic Science (Until the Mid – 19th Century)]. M.: Nauka, 168 p. [in Russian]

[Tsintsius, Gortsevskaya, 1960](#) – Tsintsius, V.I., Gortsevskaya, V.A. (1960). Izucheniye tungusoman'chzhurskikh yazykov Sovetskogo Soyuza za 40 let [The study of Tungus-Manchu Languages in the Soviet Union over 40 years]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. Gertsena*. 167: 3-45. [in Russian]

Тунгусо-маньчжурские народы Российской империи в трудах первого Енисейского губернатора А.П. Степанова и сибиреведа Г.И. Спасского

Екатерина Анатольевна Сертакова ^{a, *}, Наталья Михайловна Лещинская ^a,
Мария Сергеевна Копцева ^a, Степан Олегович Зотов ^a

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Для Российской империи исследования территорий Сибири и Дальнего Востока были стратегически важными в политическом и экономическом отношениях. Расширение и обогащение в процессе хозяйственного освоения закреплённых за государством территорий не только укрепляло статус России как мировой державы, но и помогало более успешно реализовывать внутреннюю политику на местах. Немаловажное значение для понимания ландшафта и народонаселения данных территорий имеет деятельность чиновников местных администраций, которые в небольших поездках и путешествиях по вверенным им землям более тесно взаимодействовали с народами, проживающими здесь. Именно их работа положила начало детальному изучению Сибири и Дальнего Востока.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: esertakova@sfu-kras.ru (Е.А. Сертакова),
nlibakova@sfu-kras.ru (Н.М. Лещинская), mkoptseva@sfu-kras.ru (М.С. Копцева),
szotov@sfu-kras.ru (С.О. Зотов)

Целью данной статьи является рассмотрение тунгусо-маньчжурских народов в трудах одних из первых исследователей – чиновников Сибири Г.И. Спасского и А.П. Степанова. Материалами для исследования выступили личный архив неопубликованных рукописей, очерков и заметок Г.И. Спасского в Государственном архиве Красноярского края и его исследовательские статьи, опубликованные в «Сибирском вестнике», а также труды первого Енисейского губернатора А.П. Степанова – «Енисейская губерния» в двух частях. Дополнительно привлекались материалы Эвенкийского архива. Основным методом в данной статье был выбран сравнительно-исторический анализ. Работы двух исследователей сопоставлялись по ряду критериев, которые позволили выявить сходства и различия подходов в тунгусоведении первой половины XIX в. к рассмотрению жизни и положения тунгусо-маньчжурских народов в Российской империи.

Сравнительный анализ рассмотренных исторических источников выявил, что тунгусо-маньчжурские народы в архивах современников Г.И. Спасского и А.П. Степанова представлены с различных позиций, обусловленных в первую очередь спецификой их деятельности. Г.И. Спасский предстаёт в большей степени как учёный-просветитель, тогда как А.П. Степанов и в академических исследованиях представлен, прежде всего, как государственный деятель.

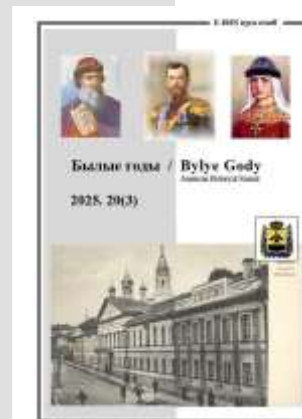
Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские народы, Сибирь, Енисейская губерния, Г.И. Спасский, А.П. Степанов.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1164-1174
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1164

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Issue of the Religious Policy of the Russian Empire and Its Influence on Kazakh Society

Arman A. Umarov ^{a, *}, Baurzhan N. Abdrakhmanov ^a, Anara E. Karimova ^a, Ziyat Sh. Aitkenov ^a

^a Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Abstract

This study is devoted to the analysis of the confessional policy of the Russian Empire in the Kazakh steppe at the turn of the 18th–19th centuries, which was an important tool for integrating the local population into the empire-wide environment. The article examines the main directions of the empire's religious policy, including measures to control Islamic institutions, bureaucratization of the Muslim clergy, restriction of the Hajj and regulation of religious education. Particular attention is paid to the interaction of the Russian administration with the Tatar clergy, which played a significant role in the formation of the religious traditions of the Kazakhs, as well as an assessment of the perception of the imperial religious policy in Kazakh society.

The study is based on a wide range of sources, including archival documents, decrees, governors' reports, correspondence with the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, as well as the works of domestic and foreign researchers. The methodological basis of the work is based on historical and comparative analysis, which allows to identify the specifics of confessional policy in the Kazakh steppe in comparison with other Muslim regions of the empire.

The results of the study demonstrate that the policy of the Russian Empire towards Islam was dual in nature. On the one hand, a high level of religious autonomy was maintained, on the other hand, targeted steps were taken to regulate Islamic institutions and integrate them into the administrative system of the empire. The paper presents conclusions about the long-term impact of these processes on the socio-religious structure of Kazakh society, which contributes to further study of the imperial policy towards ethno-confessional groups.

Keywords: confessional policy, missionary work, Islam, Kazakhs, missionary activity, Russian Empire, Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, Tatar mullahs, mosques, Hajj.

1. Введение

Инкорпорация Казахской степи в состав Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв. сопровождалась комплексом административно-правовых реформ, направленных на включение региона в общеимперское пространство. Эти преобразования затронули не только политическую и социально-экономическую сферы, но и религиозные институты, что обусловило необходимость пересмотра традиционных структур власти и духовного управления. Вопросы регулирования конфессиональной политики в национальных окраинах Российской империи остаются важным предметом исторического анализа, позволяя выявить механизмы управления мусульманским населением, оценить степень религиозной автономии и изучить влияние этих процессов на этноконфессиональное развитие казахского общества.

* Corresponding author

E-mail addresses: arman.umarorov77@mail.ru (A.A. Umarov),
abdrakhmanov_bayr@mail.ru (B.N. Abdrakhmanov), akeo73@mail.ru (A.E. Karimova),
ziyat15@mail.ru (Z.Sh. Aitkenov)

Конфессиональная политика являлась одним из инструментов, посредством которого российская администрация стремилась укрепить контроль над степным регионом. Включение казахов в имперское пространство требовало разработки стратегий, учитывающих специфику религиозного сознания и традиционных норм правового регулирования. В данной связи особую роль играли исламские институты, функционировавшие в регионе до момента его интеграции в состав России. Исследование их эволюции в условиях изменяющейся административной среды позволяет реконструировать модель взаимодействия колониальной администрации и местного населения.

Анализ источников свидетельствует, что до вхождения в состав Российской империи ислам в Казахской степи развивался под влиянием Центральной Азии и Поволжья (ПСЗ РИ. 1. Т. 22. № 2993: 160-161). Ю.А. Лысенко отмечает, что религиозные институты кочевого общества не имели чётко установленных форм, характерных для оседлых мусульманских сообществ, что способствовало формированию специфической модели ислама, сочетавшей элементы традиционных верований и исламских норм (Лысенко, 2010: 114). Этот процесс сыграл значительную роль в формировании этноконфессиональной идентичности казахов, что, в свою очередь, повлияло на восприятие религиозной политики империи местным населением.

Вопрос о взаимоотношениях имперской власти и ислама в Казахстане остаётся дискуссионным. С. Акимбеков указывает, что до петровских реформ Российская империя интегрировала мусульманскую элиту присоединённых территорий, сохраняя за ней право управления в соответствии с нормами исламского права. Однако в XIX в. управление Казахской степью стало более централизованным, а имперская администрация стала регулировать религиозные институты, что было частью политики формирования лояльности мусульманского населения. Екатерининские реформы способствовали распространению официальной версии ислама среди казахов, что, по мнению ряда исследователей, рассматривалось как способ повышения управляемости кочевого общества (Акимбеков, 2018: 361).

Помимо административных реформ, значительное влияние на религиозную жизнь казахов оказала деятельность татарских, башкирских миссионеров. Они способствовали распространению исламского образования, формированию религиозных сообществ и укреплению духовных связей казахов с мусульманскими центрами. Однако российские власти рассматривали деятельность татарского духовенства с осторожностью, опасаясь распространения панисламизма и пантюркистских идей. В связи с этим, с середины XIX в. государственная политика в отношении ислама приобрела более регулятивный характер, что проявилось в ограничении деятельности духовных лидеров, контроле за образовательными учреждениями и усилении бюрократического надзора за религиозной жизнью.

Таким образом, изучение конфессиональной политики Российской империи в Казахской степи представляет собой важное направление исторического анализа. Рассмотрение её механизмов позволяет выявить закономерности трансформации традиционных социальных структур, определить степень адаптации местного населения к имперским административным нормам и оценить влияние этих процессов на дальнейшее развитие религиозных институтов в регионе.

2. Материалы и методы

Исследование базируется на анализе широкого круга исторических источников, включающих архивные документы, нормативно-правовые акты, статистические данные, посвящённые конфессиональной политике Российской империи.

Первую группу источников в данной статье составили архивные документы и материалы. Изучалась информация четырёх архивов: Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан), Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация), Исторического архива Омской области (Омск, Российская Федерация).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) — один из крупнейших архивных хранилищ России, в котором сосредоточены документы о российской армии за период с конца XVII в. до 1918 г. В данном архиве авторы работали с фондом 1450 «Штаб Омского военного округа, г. Омск», описью 2 «Строевое отделение» и в ней по нашей теме выявили следующее дело — №12 «Киргизской степной комиссии по составлению проекта положения об управлении в киргизских степях и в Туркестанском крае».

В Омске авторы работали в историческом архиве Омской области (ИАОО), который начинает свою историю с января 1920 г., когда было учреждено Омское губернское управление архивным делом и губернский архив. В этом архиве выявили: фонд 3, опись 1, дело №5668 «Об учреждении миссии в г. Петропавловске для обращения в православие киргиз» от 15 мая 1864 по 22 октября 1865 г., и фонд 9, опись 4, дело №736 «По просьбе, находящегося в услугах у майора Старкова, из киргиз крещеного Николая Алексеева о избавлении его с семейством от рабства». Данное дело датируется 21 сентября 1828 и продолжалось по 31 октября 1830 г., а также дело №29 «Указы правительствующего Сената (Распубликование высочайше утвержденного положения Сибирского комитета о выдаче поселенцам из ссыльных собственных их денег при начале переселения и о времени, с которого они должны облагаемы быть податями. Наставление воинским приемщикам и

партионным офицерам по предмету приема и препровождения рекрут и евреев и др.)». Крайние даты дела – 19 января – 10 декабря 1828 г.

Российский государственный исторический архив (РГИА) – крупнейший архив в Европе и один из крупнейших в мире. В нем отложилось более 7 миллионов единиц хранения, из которых 6,5 миллиона – документы по истории Российской империи. В данном архиве авторы работали с фондом 821, опись 8, дело №602 «Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. III. Магометане. 1. В России. 1) Органы управления духовными делами. Дело об управлении духовными делами» с 1862 по 1911 г.

В Центральном государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК) авторами были обнаружены 2 фонда: фонд 78 «Временный совет по управлению Внутренней киргизской ордой, Ханская ставка, Нарын пески, Астраханская губерния» с 1818 г. по 1918 г., и фонд 338 «Омское областное правление (город Омск)», крайние даты – 1821–1839 гг.

Вторую группу источников в данной работе представляют сборники опубликованных документов. Среди них мы можем назвать: Полное собрание законов Российской империи ([ПСЗ РИ. 2. Т. 3](#)), а также Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции) ([Материалы..., 1960: 225](#)). Сборник включает документы, отражающие историю политического устройства Казахстана с момента его вхождения в состав России до Октябрьской революции. Материалы отобраны из государственных исторических архивов Казахской и Узбекской ССР, а также из архивов Москвы и Омской области. Первый том сборника содержит документы, освещающие процесс присоединения Казахстана к России и основные принципы государственного управления казахским народом.

В качестве эмпирической базы использованы указы и отчёты губернаторов Тургайской и Уральской областей, переписка с Оренбургским магометанским духовным собранием, официальные документы, журналы и донесения государственных чиновников, регулирующих религиозную сферу в Казахской степи. Анализ этих источников позволил реконструировать основные механизмы управления исламскими институтами и выявить ключевые тенденции в политике Российской империи.

Методологическая основа исследования включает **историко-сравнительный анализ**, который позволяет выявить специфику конфессиональной политики Российской империи в сравнении с другими регионами, такими как Поволжье, Кавказ, Крым и Средняя Азия. Данный метод обеспечил возможность изучения сходств и различий в управлении мусульманскими общинами, а также оценки динамики трансформации религиозных институтов под влиянием колониального администрирования.

В работе применяются **статистические методы**, направленные на количественный анализ исламских институтов в Казахской степи. В исследование включены сведения о численности мусульманских общин, количестве мечетей и мулл, а также их географическом распределении. Анализ этих данных позволил определить уровни концентрации религиозных центров и степень влияния имперской религиозной политики на исламские структуры.

Значительное внимание уделено **историографическому анализу**, что позволило выявить основные направления научных дискуссий по теме конфессиональной политики Российской империи. В работе рассматриваются исследования, посвящённые взаимодействию государства и религиозных институтов, вопросам регулирования мусульманских общин и особенностям религиозного управления на национальных окраинах империи.

Применение междисциплинарного подхода, включающего элементы социальной, политической и религиозной истории, обеспечило комплексный характер исследования. Использование документальных источников, количественных данных и научных концепций позволило всесторонне рассмотреть религиозную политику Российской империи в Казахской степи и её долгосрочные последствия для традиционных структур казахского общества.

3. Обсуждение

Н.М. Ядринцев в своём исследовании «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» отмечал, что будущее нерусских народов связано не с религиозной ассимиляцией, а с интеллектуальным развитием, сохранением их языковой и культурной самобытности, а также с обеспечением их равноправного положения в составе Российской империи ([Ядринцев, 1891: 281](#)).

Работа Н.М. Чернявского «Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем» акцентирует внимание на значении мусульманского духовенства в политической системе Казахской степи. Чернявский отмечает, что в XVIII–XIX вв. ислам не только выполнял религиозные функции, но и играл важную роль в управлении регионами. Российские власти использовали исламское духовенство для укрепления своего влияния, однако оно сохраняло определённую степень независимости, что нередко приводило к расхождению интересов государства и религиозных лидеров ([Чернявский, 1903: 293](#)).

М.А. Мировицкий в своей работе «О положении русских инородцев» написал, что ислам является препятствием для интеграции казахского общества в имперскую правовую систему, и выступал за постепенную христианизацию мусульманского населения через систему просвещения, основанную на русской православной культуре ([Мировицкий, 1901: 122](#)). В противоположность данной позиции,

А.Е. Крымский в очерке по востоковедению «История мусульманства» утверждал, что политика государства в отношении мусульманских народов должна основываться на принципах веротерпимости, способствующих эффективному взаимодействию различных конфессий в рамках единой административной системы (Крымский, 1904–1912: 340).

Важным направлением конфессиональной политики Российской империи было регулирование хаджа. Согласно труду И. Голошубина «Справочная книга Омской епархии», российские власти стремились ограничить влияние зарубежных исламских центров на казахское население, опасаясь распространения панисламистских идей. В связи с этим вводились ограничения на совершение хаджа, однако паломничество оставалось важным элементом религиозной жизни мусульманского населения (Голошубин, 1914: 865).

Проблема распространения панисламизма и пантюркизма также рассматривалась российской администрацией как угроза стабильности в регионе. По мнению Г. Галояна, начиная с XIX в. российские власти усилили меры по борьбе с панисламизмом, опасаясь, что исламская пропаганда, распространяемая через хадж и религиозные учебные заведения, может способствовать росту антиимперских настроений (Галоян, 1976: 343).

В своём исследовании «Национальный и колониальный вопросы в царской России» Е. Дробкина рассматривает взаимодействие государственных и религиозных институтов в Казахской степи. Она приходит к выводу, что в отличие от других регионов империи, в казахском обществе ислам не имел доминирующего влияния в политической жизни, однако его институты активно использовались государством для управления и поддержания стабильности. Одним из элементов этой политики был контроль за назначением мулл и ограничение деятельности духовенства, ориентированного на радикальные формы исламского богословия (Дробкина, 1930: 110).

В исследовании Л.И. Шерстовой «Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX веках» представлена динамика изменения отношения российских властей к исламу в Казахской степи. На ранних этапах колонизации политика империи заключалась в минимальном вмешательстве в религиозную сферу, что позволило избежать открытой конфронтации с местным населением (Шерстова, 1999: 268).

Х. Габидуллин и А. Аршаруни в своём труде «Очерки панисламизма и пантюркизма в России» отмечают, что конфессиональная политика Российской империи сочетала элементы репрессивных и интеграционных мер. С одной стороны, власти стремились ограничить влияние мусульманского духовенства, с другой – использовали религиозные институты для контроля за населением и легитимизации своей власти (Аршаруни, Габидуллин, 2002: 94).

Вопрос о религиозной политике Российской империи в Казахской степи является предметом научной дискуссии. Согласно Ю.А. Лысенко, в 1860-х гг. М.Н. Катковым была сформулирована концепция доминирования титульной нации в этносоциальной структуре империи. Данная концепция предусматривала предоставление нерусским народам права на сохранение языка, религии и культурных традиций, при условии, что они не представляли угрозы территориальной целостности государства (Лысенко, 2014: 5).

В дореволюционной историографии казахи рассматривались как часть мусульманского и тюркского мира, а колонизация Казахской степи интерпретировалась в контексте управления «инолюдцами» (Лысенко, 2014: 6).

Исследование А.Ю. Конева «Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи» показывает, что российская администрация использовала ислам как инструмент контроля над местным населением, формально признавая его, но одновременно стремясь регулировать его развитие в интересах государства. Власти придерживались стратегии невмешательства в религиозную жизнь казахов до тех пор, пока ислам оставался под государственным контролем и не представлял угрозы имперским интересам (Конев, 2019: 109).

Особую точку зрения на религиозную политику империи высказывал Ч.Ч. Валиханов, который выступал против насильственного обращения казахов в христианство. Он полагал, что государственная национальная политика должна базироваться на светских принципах и не использовать религию в качестве инструмента колониального управления (Кэмпбелл, 2022: 91).

Изучение конфессиональной политики Российской империи в Казахской степи позволяет выделить несколько ключевых аспектов. Российская администрация не стремилась к насильственной христианизации казахов, но при этом осуществляла контроль над религиозными институтами, стремясь направлять их развитие в своих интересах. Ограничения на хадж и другие формы взаимодействия казахов с мусульманским миром свидетельствуют о желании российской власти минимизировать влияние внешних исламских центров. Политика в отношении религии не была однородной: на разных этапах она варьировалась от веротерпимости к усилению государственного регулирования.

В целом, анализ источников и историографических подходов позволяет заключить, что конфессиональная политика Российской империи в Казахской степи представляла собой сложный и многослойный процесс, направленный как на контроль, так и на использование религиозных институтов в интересах имперского управления.

4. Результаты

Ислам к моменту включения казахских земель в состав Российской империи уже был важным элементом социальной структуры, однако его институциональная организация значительно отличалась от оседлых мусульманских государств. Российская администрация изначально не рассматривала ислам как непосредственную угрозу, что определило умеренный характер конфессиональной политики на начальном этапе инкорпорации (Абдрахманов, 2019: 59).

По мнению Ю.А. Лысенко, перед присоединением к России казахское общество в религиозном аспекте рассматривалось правящими кругами империи как исламское. Среднеазиатский и Южно-сибирский центры ислама оказали значительное влияние на закрепление ислама в регионе Казахской степи в средневековый период. Татары из Тоболо-Иртышской, Барабинской и Томской областей, а также татары и башкиры из Волго-Уральского региона, представляющие «Южно-Сибирский» ислам, оказывали воздействие на казахские общества Младшего и Среднего жузов. Южно-Сибирский ислам развивался, интегрируя местные архаические религиозные традиции, которые со временем эволюционировали в кочевую цивилизацию южных регионов, сливаясь с суннитским исламом Средней Азии, что привело к формированию симбиоза ислама с язычеством (Лысенко, 2014: 206).

Юг Казахской степи оказался под влиянием эмирата Бухары, Хивинского и Кокандского ханств, которые представляли собой среднеазиатские исламские центры и являлись образцом государственности исламского центральноазиатского типа, основанного на принципах шариата (Отепова, 2015: 233).

Ислам в Казахской степи развивался в специфических условиях, отличных от Поволжья, Кавказа или Средней Азии. В отличие от регионов с развитой исламской судебной системой, в степи религиозные нормы сосуществовали с традиционным правом адата, что ослабляло влияние духовенства на светские вопросы управления. Это объясняет сравнительно низкую степень вовлеченности казахского духовенства в политические процессы по сравнению с мусульманскими элитами других регионов Российской империи.

К началу XVIII в. в Казахской степи сформировался собственный вариант регионального ислама, который характеризовался симбиозом языческих и исламских культур. В отличие от среднеазиатских государств, которые придерживались политической системы халифата и имели свои институты биев, казахское общество функционировало на основе обычного права – адата (Сартори, Шаблей, 2019: 13).

С момента присоединения Младшего жуза в 30-е гг. XVIII в. Российская империя относил казахов к исламскому миру. После присяги кочевой элиты Младшего и Среднего жузов начался период формально-правового сюзеренитета Российской империи, при этом отношения между казахами и империей были скорее союзническими, чем вассальными. С середины XVIII в. начали формироваться попытки создания системы управления казахами на общеимперском и региональном уровнях, что стало периодом государственно-политического вассалитета (Кэмпбелл, 2022: 133). До 70-х гг. XVIII в. империя не проявляла особого интереса к внутренним социальным вопросам казахского общества, включая религию (Моисеев, 1991: 186). 20 сентября 1788 г. указом Великой царицы Екатерины II учреждён орган управления делами мусульман – Оренбургское мусульманское духовное собрание, которое призвано было курировать все возникающие вопросы, связанные с исламом и мусульманством. Создание Оренбургского магометанского духовного собрания стало важным этапом включения исламских институтов в правовую систему империи. Этот орган позволил централизовать контроль за мусульманским духовенством и религиозными практиками, а также способствовал назначению лояльных мулл, чья деятельность находилась под надзором государства.

Введение метрических книг при мечетях способствовало усилению административного контроля, позволив российским властям систематизировать учёт населения.

Указ царицы выражал официальное признание империей ислама как дозволенной религии, но строго контролируемой государством. Указ положил начало бюрократизации и структуризации мусульманского духовенства по образцу с чёткой иерархичностью на примере православной церкви, как проправительственного органа (Садвакасова, 2005: 147).

Из отчёта Степного генерал-губернатора Г.А. Колпаковского за 1887–1888 гг. отмечена среда, которая непременно примет учение Христово. Это бедняки, живущие заработками на местных заводах и рудниках, а главным образом – наймом на сельскохозяйственные работы у казаков. Почти все эти киргизы говорят по-русски, научились обработке полей и огородов (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 436. Л. 250б., 26).

В 1773 г. провозглашено стремление к политике веротерпимости по отношению к исламу и мусульманам. Для обеспечения лояльности тюркско-мусульманских народов к имперской власти и привлечения их к государственным делам был принят курс на огосударствление ислама (Лысенко, 2014: 209).

Г.Е. Отепова считает, что в начальный период присоединения Казахской степи царское правительство действовало очень осторожно, маскируя свои истинные цели под благие намерения (Отепова, 2015: 156). В 1785 г. издан указ о веротерпимости. Это был первый законодательный акт,

регламентировавший «духовные дела» мусульман на территории империи. 4 сентября 1785 г. указом Екатерины II генерал-губернатор Оренбургского края, барон О.А. Игельстром стал проводником правительственного курса по исламизации казахского общества, строительству в Казахской степи мечетей вместимостью 500 человек, организации работы татарских мулл ([Материалы..., 1960: 231](#)).

В ходе реализации реформы, согласно Ю.А. Лысенко, в приграничной полосе между кочевьями казахов и Южно-сибирскими окраинами империи было построено 4 мечети ([Лысенко, 2010: 112](#)).

Введение имперских стандартов привело к постепенному сокращению числа традиционных медресе, что способствовало увеличению доли учащихся, получавших светское образование в русско-казахских школах. Однако это не привело к ослаблению религиозного самосознания, а, напротив, в начале XX в. вызвало интерес к реформированию исламского образования среди казахской интеллигенции ([Сартори, Шаблей, 2019: 39](#)).

Согласно данным Г. Султангалиевой, в период конца XVIII – XIX в. Казахских кочевьях не было построено ни одной мечети ([Султангалиева, 2000: 24](#)). По предложению М. Сперанского в 1810 г. учреждено главное управление духовных дел иностранных исповеданий, в последующем – Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Тем самым мусульманское духовенство находилось под строгим контролем царских властей. Имамы, кроме богослужения, должны были вести метрические книги, в которых отражалось количество, передвижения и прочие вопросы, связанные с исламскими прихожанами. И по истечении года должны отчитаться вышестоящему духовенству ([ИАОО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 613](#)). Муллы, оставляя копии книг, присылали сами книги в духовное собрание для справок. В книги заносились данные не только о рождении и смерти, но и о заключаемых и расторгаемых браках между магометанами. Имамы пишут метрические книги на татарском языке, если не знают русского ([ПСЗ РИ. 2. Т. 3. № 2298: 837-840](#)).

Колониальная политика царского правительства проявлялась в попытках интегрировать образовательные процессы в русло государственной политики. Назначение указных мулл, поддержка школ при мечетях и контроль над образовательной деятельностью были частью усилий по русификации и контролю над казахским обществом через религию и образование. Однако существование неформальных институтов образования свидетельствует о том, что часть казахского общества сопротивлялась полной интеграции в русскую образовательную и религиозную системы ([Лысенко, 2014: 210](#)).

В середине XIX в. в Акмолинском округе наблюдалось активное взаимодействие религиозной и образовательной сфер, находящихся под контролем царского правительства. Согласно ведомости за 23 августа 1865 г. в Акмолинском округе действовало несколько официально зарегистрированных мечетей, при некоторых из которых функционировали школы. В городе Акмола расположена соборная мечеть, при которой функционирует школа. Заведующим является указной мулла Исхак Юсупов, а преподавателем в школе работает мулла Карабек Байбеков, являющийся киргизом. Мечеть и школа, принадлежащие советнику областного правления сотнику Ногарбеку Коченеву, также находятся в ведении указного муллы Ходжаахмеда Хамзина. В Киреевской волости, на территории Барака Курмана, мечеть имеется, но школа при ней отсутствует. Ответственным за управление назначен татарин Гайнатдин Фахритдинов. В Тюлек-Киреевской волости, на территории бия Мусы Кудосова, функционирует школа, управление которой осуществляется указным муллой Аюпом Исмаиловым. В той же волости, на землях бия Сагыная Исова, также имеется школа, которой заведует татарин Хамидулла Абубакутов. Однако в других волостях указные муллы существуют, но из-за отсутствия мечетей не выполняют функций по их управлению ([РГВИА. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 12. Л. 243-244](#)).

Вопросы, касающиеся религии, находились под постоянным контролем и наблюдением царской администрации. Проводя политику религиозной толерантности, царское правительство также проводило политику обращения в христианство нерусского населения, последующей его русификации и ассимиляции. Из донесения Ф.А. Панова генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю от 20 августа 1864 г. известно о том, что обращение в христианство в черте десяти вёрст от линии расстояния будет иметь успех при предоставлении им поземельных и других льгот, а также денежной помощи новокрещённым ([ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5668. Л. 5-6](#)).

Ремнев А. считал, что посредством распространения ислама казахское общество постепенно будет подготовлено к обращению в православие ([Ремнев, 2006: 5](#)).

С начала XIX в. наблюдается тенденция к усилению государственного регулирования религиозной жизни казахов. Одним из основных направлений стало ограничение контактов местного мусульманского населения с внешними исламскими центрами ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 561. Л. 25-400б.](#)).

Введение административных барьеров для совершения хаджа, контроль над образованием мулл и цензура религиозной литературы были вызваны опасениями распространения панисламистских и пантюркистских идей, которые могли способствовать усилению автономистских настроений ([ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3155. Св. 204. Л. 5-7](#)).

В первой половине XIX в. российское руководство сохраняло политику толерантности в отношении исламских институтов в пределах империи. Оно признавало и уважало ислам как одну из основных религий в стране и не вмешивалось в его практику и организацию. Однако в то же время

началось внедрение концепции «централизованного управления конфессиями в империи», что означало следующее: государство начало принимать более активную роль в регулировании религиозных вопросов (Сартори, Шаблей, 2019: 106).

В течение первой половины XIX в. управление религиозными делами казахов-мусульман находилось под юрисдикцией Оренбургского мусульманского духовного собрания, которое играло ключевую роль в регулировании вопросов, связанных с исламом среди казахского населения. Государство, в свою очередь, демонстрировало либеральный подход и веротерпимость в отношении их религиозных практик и обычаев, что способствовало поддержанию стабильности и гармонии в регионе (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 602. Л. 100-101).

Несмотря на значительный опыт Русской православной церкви в проведении миссионерской деятельности среди различных этнических и религиозных групп в пределах империи, тема создания православных миссионерских учреждений в Казахской степи не поднималась. К тому моменту церковь уже накопила значительный опыт и обширные знания в области религиозной пропаганды среди местных этнических групп, часто называемых инородцами, что могло бы облегчить процесс обращения казахов в православие (Матханова, 2011: 75).

Введение имперских стандартов привело к постепенному сокращению числа традиционных медресе, что способствовало увеличению доли учащихся, получавших светское образование в русско-казахских школах. Однако это не привело к ослаблению религиозного самосознания, а, напротив, в начале XX в. вызвало интерес к реформированию исламского образования среди казахской интеллигенции.

Более того, процесс обращения казахов в христианство был не только не поощряем, но и сознательно сдерживался. Это сдерживание сопровождалось введением различных бюрократических преград, что делало переход в христианство сложным и маловероятным для казахского населения. Такие меры могли быть частью государственной политики, направленной на поддержание религиозного и культурного статус-кво, избегание конфессиональных конфликтов и сохранение стабильности в многонациональной империи (Лысенко, 2010: 98).

Ю.А. Лысенко считает, что сближение в социокультурном плане русских и казахских народов в приграничной зоне являлось экономическим фактором, массовое разорение кочевников-казахов способствовало принятию некоторой частью кочевников православия, связанное с передачей земель в пользование Сибирскому и Уральскому казачьим войскам (Лысенко, 2014: 212). В Полном собрании законов Российской империи содержались данные о причислении казахов в различные российские сословия при условии принятия ими христианской веры. Местные начальства должны были предоставлять этим обществам всевозможные пособия (ПСЗ РИ. 1. Т. 30. № 23040: 1828, 276).

Казахи вынуждены были искать новые формы существования, в результате чего многие стали устраиваться на работу к казакам, а иногда даже отправляли своих детей на воспитание и работу в их хозяйства. Согласно действующему законодательству, по достижении восемнадцатилетнего возраста казахи, принявшие крещение, могли записываться в казачье сословие, обеспечивая себе таким образом стабильный источник дохода (ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 736. Л.1-62).

Государство продолжало поддерживать веротерпимость и толерантность к исламу, но ужесточило контроль за деятельностью исламских институтов и священнослужителей (ЦГА РК. Ф. 25. Оп.1. Д. 736. Л. 10).

В январе 1908 г. жители Актюбинска подали заявку губернатору Тургайской области И.М. Страховскому на официальное оформление мусульманской общественной организации. В феврале 1909 г. Тургайское областное правление подтвердило, что устав соответствует всем необходимым требованиям, что привело к регистрации мусульманского просветительно-благотворительного общества в Актюбинске (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 2495. Л. 8-120б.).

Через несколько месяцев после начала деятельности, на основе результатов проведенного дознания, губернатор И.М. Страховский рекомендовал Тургайскому областному присутствию ликвидировать общество. Расследование выявило, что организация отступила от законных рамок и уставных обязательств. В конце мая 1910 г. оно было закрыто (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 797а. Л. 20-200б.). За последующие годы, до начала Первой мировой войны, лидеры общества дважды пытались получить регистрацию, но сталкивались с отказами по формальным основаниям: несоответствие устава законам и недостаточное число учредителей. В итоге, просветительно-благотворительное общество мусульман в Актюбинске так и не получило официального статуса. Аналогично, мусульманское общество в Копале неоднократно обращалось за регистрацией в 1909–1911 гг., но без успеха (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 797а. Л. 42).

Изменения в религиозной политике России в Казахстане вели к дебатам о возможности учреждения православной миссии. Этот вопрос широко обсуждался как в светских, так и в духовных кругах в 60-е гг. XIX в., но согласия достичь не удалось. К примеру, в 1864 г. митрополит Исидор Новгородский и Санкт-Петербургский выступал за активизацию миссионерской деятельности в регионе, в особенности для контраста растущему влиянию ислама среди казахских кочевников (Лысенко, 2010: 193).

Однако по мере укрепления власти начались попытки регулирования исламских институтов. В частности, в донесении военного губернатора Области сибирских казахов Ф.А. Панова генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю предлагалось стимулировать христианизацию киргизов посредством предоставления материальных привилегий, таких как земельные наделы и финансовая поддержка для новообращённых (ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5668. Л. 5-6). Генерал-губернатор Степного края Г.А. Колпаковский поддерживал начало миссионерской работы в этом регионе. В своём отчёте за 1887–1888 гг. он указывал на то, что именно тогда было наиболее подходящее время для запуска миссионерских проектов в Казахской степи, учитывая модернизационные процессы, которые начались в 1860-х гг. и изменили традиционные уклады кочевого общества (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 436. Л. 250б., 26).

Равнодушие к религии у киргизов было обусловлено наличием собственного устного кодекса нравственных и бытовых правил, который регулировал все аспекты социальной и личной жизни, оказывая сильное влияние на общество и затрудняя проникновение исламских учений. По мере утраты традиционных общественных структур и их законного статуса, киргизы начали искать духовную поддержку в религии. Хотя законы позволяли киргизам выбирать мулл из собственного сообщества, значение этих законов оставалось в силе до тех пор, пока муллы не подверглись влиянию скрытых фанатических проповедников из числа татар (Андреев, 1998: 52).

В конце XIX в., благодаря инициативам Г.А. Колпаковского, была создана Киргизская православная миссия, направленная на борьбу с исламским влиянием среди казахов. Развитие этой миссии в Степном и Туркестанском краях подробно освещено в исследованиях и публикациях. Здесь стоит выделить ключевые моменты в истории этой деятельности (Гвоздев, 2019).

Миссионерам были предписаны конкретные задачи для успешного выполнения их ролей. Они не могли заниматься обязанностями приходских священников, их основной фокус должен быть направлен на миссионерскую деятельность (Лысенко, 2010: 49).

Вопросы создания мусульманских общественных организаций в крае решались в контексте охранительной политики государства (Халфин, 1965: 178).

Устный кодекс оказывал огромное влияние на киргизское общество, что делало сложным проникновение учения Магомета. Когда же традиционные общественные структуры потеряли законодательное подтверждение и постепенно исчезли из жизни, киргизы стали искать духовную поддержку в религии. При этом, как отмечает Сартори, «закон предусматривает равнодушие к религии у киргизов и позволяет им выбирать своих мулл из собственного сообщества» (Сартори, 2019: 52).

В итоге можно заключить, что Русской православной церкви не удалось полностью реализовать свой интеграционный потенциал в отношении казахского общества.

5. Заключение

Исследование показало, что конфессиональная политика Российской империи в Казахской степи была направлена не на насильственную ассимиляцию, а на административное подчинение исламских институтов. Ограничение внешних контактов, государственный контроль за духовенством и религиозным образованием не привели к ослаблению позиций ислама, а способствовали его адаптации к новым условиям. В начале XX в. ислам не только сохранил своё значение в обществе, но и стал важным элементом формирования национального самосознания.

Настоящее исследование подчёркивает необходимость дальнейшего изучения конфессиональной политики Российской империи в сравнительной перспективе, что позволит более полно оценить механизмы регулирования религиозных процессов в условиях многонационального государства.

6. Благодарности

Выражаем особую благодарность заведующей кафедрой востоковедения Алтайского государственного университета (Российская Федерация), доктору исторических наук, профессору Юлии Александровне Лысенко, и доктору исторических наук, профессору Павлодарского педагогического университета им. А. Маргулана (Республика Казахстан) Отеповой Гульфире Елубаевне за предоставленные уникальные данные, без которых выполнение данного исследования было бы значительно затруднено.

Литература

- Абдрахманов, 2019 – Абдрахманов Б.Н. Казахстан в материалах Полного собрания законов Российской империи. Учебное пособие для студентов исторических специальностей. Павлодар, 2019. 155 с.
- Акимбеков, 2018 – Акимбеков С. Казахстан в Российской империи. Алматы, 2018. 561 с.
- Андреев, 1998 – Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы. Гылым. 1998. 280 с.
- Аршаруни, Габидуллин, 2002 – Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. Казань, 2002. 190 с.

- Галоян, 1976** – Галоян Г.А. Россия и народы Закавказья: Очерки политической истории и взаимоотношений с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1976. 455 с.
- Гвоздев, 2019** – Гвоздев С. Ислам и власть в степных регионах: взаимодействие и конфликты. М.: Наука, 2019.
- Голошубин, 1914** – Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. 1250 с.
- Драбкина, 1930** – Драбкина Е.Л. Национальный и колониальный вопросы в царской России. М., 1930. 189 с.
- ИАОО** – Исторический архив Омской области.
- Конев, 1995** – Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи. М., 1995. 220 с.
- Кэмпбелл, 2022** – Кэмпбелл Я. Знание и окраины империи: казахские посредники и российское управление в степи. СПб., 2022. 391 с.
- Крымский, 1904–1912** – Крымский А. Е. История мусульманства. Самостоят. очерки, обработки и доп. пер. из Дози и Гольдциэра. 2-е изд., значит. изм. и доп. Ч. 1-3. Труды по востоковедению, изд. Лазаревским институтом восточных языков. М., 1904–1912. 390 с.
- Лысенко, 2010** – Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане: (вторая половина XIX – начало XX в.). Монография. Барнаул, 2010. 195 с.
- Лысенко, 2014** – Лысенко Ю.А. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. 272 с.
- Материалы..., 1960** – Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской соц. революции): сборник / Сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во Академии наук КазССР, 1960. Том 1. 441 с.
- Матханова, 2011** – Матханова Н.П. Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в VII–XX веках / Сборник материалов международной научной конференции. Новосибирск, 2011. 252 с.
- Моисеев, 1991** – Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата, 1991. 238 с.
- Мироппиев, 1901** – Мироппиев М.А. О положении русских инородцев. К вопросу о просвещении наших инородцев. // *Русская школа*. СПб., 1901. С. 121–136.
- Отепова, 2021** – Отепова Г.Е. Колониальная политика Российской империи в отношении ислама в Казахской степи. Национальный исследовательский центр. Нур-Султан, 2021. 258 с.
- Отепова, 2015** – Отепова Г.Е. История Казахстана в законодательных источниках Российской империи. Монография. Павлодар: ПГПИ, 2015. 258 с.
- ПСЗ РИ** – Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. 1828–1830 гг.; Собр. 2. 1830–1884 гг.; Собр.3. 1884–1916 гг. СПб.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Ремнев, 2006** – Ремнев А. В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // *Вестник Евразии*. 2006. №4.
- Садвакасова, 2005** – Садвакасова З.Т. Духовная экспансия в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX века – начало XX века). Казак университети. Алматы, 2005.
- Сартори, Шаблей, 2019** – Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи // *Новое литературное обозрение*. М., 2019. 280 с.
- Султангалиева, 2000** – Султангалиева Г. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII–XIX вв.) // *Вестник Евразии*. М., 2000. №4. С. 20–36.
- Халфин, 1965** – Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965. 467 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Чернявский, 1903** – Чернявский Н. М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Вып. 2. СПб., 1903.
- Шерстова, 1999** – Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в 17–19 веках. Томск, 1999.
- Ядринцев, 1891** – Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.

References

- Abdrakhmanov, 2019** – Abdrakhmanov, B.N. (2019). Kazakhstan v materialakh polnogo sobraniya zakonov rossiyskoy imperii. Uchebnoe posobie dlya studentov istoricheskikh spetsialnostey [Kazakhstan in the materials of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. A textbook for students of historical specialties]. Pavlodar. 155 p. [in Russian]
- Akimbekov, 2018** – Akimbekov, S. (2018). Kazakhstan v Rossiyskoy imperii [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty. 561 p. [in Russian]

- [Andreev, 1998](#) – *Andreev, I.G.* (1998). Opisaniye Sredney ordy Kirgiz-kaisakov [The description of the Middle Horde of the Kirghiz-Kaisaks]. Almaty. Gylym. 280 p. [in Russian]
- [Arsharuni, Gabidullin, 2002](#) – *Arsharuni, A., Gabidullin, Kh.* (2002). Ocherki panislamizma i pantyrkizma v Rossii [Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia]. Kazan. 190 p. [in Russian]
- [Campbell, 2022](#) – *Campbell, Ya.* (2022). Znanie i okrainy imperii: kazakhskie posredniki i rossiyskoye upravlenie v stepi [Knowledge and the peripheries of the empire: Kazakh intermediaries and Russian governance in the steppe]. St. Petersburg. 391 p. [in Russian]
- [Chernyavskiy, 1903](#) – *Chernyavskiy, N.M.* (1903). Orenburgskaya eparkhiya v proshlom ee i nastoyashchem [The Orenburg diocese in its past and present]. T. 2. SPb. [in Russian]
- [Drabkina, 1930](#) – *Drabkina, E.L.* (1930). Natsionalny i kolonialny voprosy v tsarskoy Rossii [National and colonial issues in tsarist Russia]. Moskva. 189 p. [in Russian]
- [Galoyan, 1976](#) – *Galoyan, G.A.* (1976). Rossiya i narody Zakavkazya: ocherki politicheskoy istorii i vzaimootnosheniy s drevneyshikh vremen do pobedy Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii [Russia and the people of Transcaucasia: essays on political history and relations from ancient times to the victory of the Great October Socialist Revolution]. Moskva. 455 p. [in Russian]
- [Goloshubin, 1914](#) – *Goloshubin, I.* (1914). Spravochnaya kniga Omskoi eparkhii [Reference book of the Omsk diocese]. Omsk, 1250 p. [in Russian]
- [Gvozdev, 2019](#) – *Gvozdev, S.* (2019). Islam i vlast v stepnykh regionakh: vzaimodeystvie i konflikty [Islam and power in the steppe regions: interaction and conflicts]. Moskva: Nauka. [in Russian]
- [IAOO](#) – Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti. [Historical Archive of the Omsk Region].
- [Khalfin, 1965](#) – *Khalfin, N.A.* (1965). Prisoedinenie Sredney Azii k Rossii [The annexation of Central Asia to Russia]. Moskva. 467 p. [in Russian]
- [Konev, 1995](#) – *Konev, A.Yu.* (1995). Korennyye narody Severo-Zapadnoy Sibiri v administrativnoy sisteme Rossiyskoy imperii [Indigenous peoples of Northwestern Siberia in the administrative system of the Russian Empire]. Moskva. 220 p. [in Russian]
- [Krymskii, 1912](#) – *Krymskii, A.E.* (1912). Istoriya musulmanstva. Samostoyat. ocherki, obrabotki i dop. per. iz Dozi i Goldtsiyera [History of Islam. Independent essays, adaptations, and additional translations from Dozy and Goldziher]. Trudy po vostokovedeniyu, izd. Lazarevskim institutom vostochnykh yazykov. M., 1904–1912. 390 p. [in Russian]
- [Lysenko, 2010](#) – *Lysenko, Yu.A.* (2010). Missionerstvo Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Missionary work of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century)]. Barnaul. 195 p. [in Russian]
- [Lysenko, 2014](#) – *Lysenko, Yu.A.* (2014). Traditsionnoe kazakhskoye obshchestvo v natsionalnoy politike Rossiyskoy imperii: kontseptualnye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.) [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual foundations and mechanisms of implementation (19th – early 20th centuries)]. Barnaul. 272 p. [in Russian]
- [Masevich, 1960](#) – *Masevich, M.G.* (1960). Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoyedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoy Oktyabrskoy sots. revolyutsii) [Materials on the history of the political system of Kazakhstan (from the time of Kazakhstan's annexation to Russia until the Great October Socialist Revolution)]. Vol. 1. Alma-Ata. 441 p. [in Russian]
- [Matkhanova, 2011](#) – *Matkhanova, N.P.* (2011). Sotsialno-ekonomicheskie i etnokulturnye protsessy v Verhnem Priirtyshye v VII-XX vekakh [Socio-economic and ethno-cultural processes in the Upper Irtysh region in the VII-XX centuries]. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Novosibirsk, 252 p. [in Russian]
- [Miropiev, 1901](#) – *Miropiev, M.A.* (1901). O polozhenii russkikh inorodtsev. K voprosu o prosveshchenii nashikh inorodtsev [On the position of Russian natives. On the issue of enlightening our natives]. Russkaya shkola. St. Petersburg, pp. 121-136. [in Russian]
- [Moiseev, 1991](#) – *Moiseev, V.A.* (1991). Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi v XVII-XVIII v. [The Dzungar Khanate and Kazakhs in the 17th-18th centuries]. Alma-Ata. 238 p. [in Russian]
- [Otepova, 2015](#) – *Otepova, G.E.* (2015). Istoriya Kazakhstana v zakonodatelnykh istochnikakh Rossiyskoy imperii. Monografiya [The history of Kazakhstan in the legislative sources of the Russian Empire. Monograph]. Pavlodar: PGPI. 258 p. [in Russian]
- [Otepova, 2021](#) – *Otepova, G.E.* (2021). Kolonialnaya politika Rossiyskoy imperii v otnoshenii islama v Kazakhskoy stepi [The colonial policy of the Russian Empire towards Islam in the Kazakh steppe]. Nur-Sultan: Natsionalny issledovatel'skiy tsentr. 258 p. [in Russian]
- [PSZ RI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. SPb: Sobranie 1 – 1828–1830; Sobranie 2 – 1830–1884; Sobranie 3 – 1884–1916. RNB. Sankt-Peterburg. [in Russian].
- [Remnev, 2006](#) – *Remnev, A.* (2006). Tatary v kazakhskoy stepi: soratniki i soperniki Rossiyskoy imperii [Tatars in the Kazakh steppe: Companions and rivals of the Russian Empire]. *Vestnik Evrazii*. 4. [in Russian]
- [RGVIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archives].

[Sadvakasova, 2005](#) – *Sadvakasova Z.T.* (2005). Dukhovnaya ekspansiya v Kazakhstane v oblasti obrazovaniya i religii (vtoraya polovina XIX veka – nachalo XX veka) [Spiritual expansion in Kazakhstan in the field of education and religion (the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century)]. Almaty: Kazakh universiteti. [in Russian]

[Sartori, Shabley, 2019](#) – *Sartori P., Shabley P.* (2019). Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znaniy v Kazakhskoy stepi [Empire's experiments: adat, sharia, and the production of knowledge in the Kazakh steppe]. Novoe literaturnoe obozrenie. Moskva. 280 p. [in Russian]

[Sherstova, 1999](#) – *Sherstova, L.I.* (1999). Etnopoliticheskaya istoriya tyurkov Yuzhnoy Sibiri v 17–19 vekakh [Ethnopolitical history of the Turks of Southern Siberia in the 17th–19th centuries]. Tomsk. [in Russian]

[Sultangaliyeva, 2000](#) – *Sultangaliyeva, G.* (2000). Tatarskaya diaspora i konfessionalnye svyazi kazakhskoy stepi XVIII–XIX vv. [The Tatar diaspora and confessional ties of the Kazakh steppe in the 18th–19th centuries]. *Vestnik Evrazii*. 4: 20–36. [in Russian]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv [Central State Archive]. Almaty.

[Yadrintsev, 1891](#) – *Yadrintsev, N.M.* (1891). Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie [The Siberian natives, their life and contemporary situation]. SPb. [in Russian]

К вопросу о религиозной политике Российской империи и его влиянии на казахское общество

Арман А. Умаров ^{a, *}, Бауржан Н. Абдрахманов ^a, Анара Е. Каримова ^a, Зият Ш. Айткенов ^a

^a Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, Павлодар, Республика Казахстан

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу конфессиональной политики Российской империи в Казахской степи на рубеже XVIII–XIX вв., являвшейся важным инструментом интеграции местного населения в общеимперское пространство. В статье рассматриваются основные направления религиозной политики империи, включая меры по контролю над исламскими институтами, бюрократизацию мусульманского духовенства, ограничение хаджа и регулирование религиозного образования. Особое внимание уделяется взаимодействию российской администрации с татарским духовенством, которое играло значительную роль в формировании религиозных традиций казахов, а также оценке восприятия имперской религиозной политики в казахском обществе.

Исследование базируется на широком круге источников, включая архивные документы, указы, отчёты губернаторов, переписку с Оренбургским магометанским духовным собранием, а также труды отечественных и зарубежных исследователей. Методологическая основа работы опирается на историко-сравнительный анализ, позволяющий выявить специфику конфессиональной политики в Казахской степи в сравнении с другими мусульманскими регионами империи.

Результаты исследования демонстрируют, что политика Российской империи в отношении ислама носила двойственный характер. С одной стороны, сохранялся высокий уровень религиозной автономии, с другой – предпринимались целенаправленные шаги по регулированию исламских институтов и их интеграции в административную систему империи. В работе представлены выводы о долгосрочном влиянии этих процессов на социально-религиозную структуру казахского общества, что способствует дальнейшему изучению имперской политики в отношении этноконфессиональных групп.

Ключевые слова: конфессиональная политика, миссионерство, ислам, казахи, миссионерская деятельность, Российская империя, Оренбургское магометанское духовное собрание, татарские муллы, мечети, хадж.

* Корреспондирующий автор

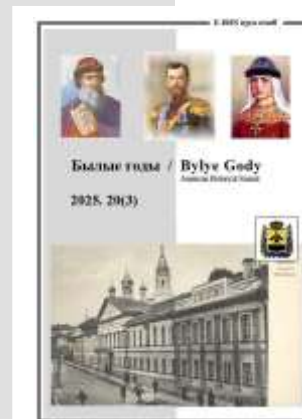
Адреса электронной почты: arman.umarorov77@mail.ru (А.А. Умаров), abdrahmanov_bayr@mail.ru (Б.Н. Абдрахманов), akeo73@mail.ru (А.Е. Каримова), ziyat15@mail.ru (З.Ш. Айткенов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1175-1183
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1175

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of Legislative Initiatives of Emperor Paul I (1797–1801)

Igor A. Gordeev ^{a, *}, Natalia V. Grigorieva ^b, Mikhail G. Smirnov ^c, Zarina K. Erbutaeva ^d

^a Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

^c Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

^d Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

Abstract

This paper analyzes the legislative initiatives of Pavel I Petrovich in the field of social, financial and economic policy. The material for the study was the laws of Paul, published in lifetime collections of laws and available in electronic form, as well as scientific research on the reform of the “Pavlovian” period. The methodology includes historical-genetic, historical-systemic, historiographical, historical-comparative, structural-diachronic, retrospective and other methods.

During the reign of Pavel I Petrovich, 2,179 legislative acts were signed, or an average of 42 per month, which was four times more than during the reign of his predecessor, Catherine II. These statistics indicate a very energetic legislative activity. At the same time, pre-revolutionary, Soviet and modern historians point to its inconsistency.

Pavel Petrovich's legislative initiatives in reforming the legal status of the peasant class turned out to be positive, since the situation of serfs was insignificant, but still facilitated; first of all, it is important that the law began to see peasants as individuals, not property.

Legislative initiatives in the financial and economic sphere were rational and very urgent, but foreign policy activities (namely, the confrontation with revolutionary France in Italy) negated all the advantages of financial reform.

Assessing the legislative activity in relation to the nobility, we note that many of the initiatives of Paul I had a rational grain, strengthened the centralization of power, tried to force the nobility to take up estates and pay taxes, thus returning the original position of the nobility primarily as a servant, rather than a privileged class. Many historians, including us, believe that social legislative initiatives against the nobility led to the conspiracy and coup of 1801.

Keywords: Pavel I Petrovich, the reign of Paul I, 1797–1801, legislation under Paul I, legislative initiatives of Paul I.

1. Введение

Относительно короткое правление Павла I Петровича (1797–1801) ознаменовалось огромным количеством нормативных актов, которые в определённой части нивелировали законы его матери, Екатерины II. Правление Павла можно сравнить с царствованием его де-юре отца – Петра III, который за несколько месяцев нахождения у власти издал почти две сотни указов; Екатерина (а вслед за ней, разумеется, и «официальная» история) весьма скептически отзывалась об этих указах, однако современные историки пытаются найти в них рациональное зерно, указывая, что многие идеи ключевых законодательных инициатив Екатерины – это «доведенные до ума» законы Петра III,

* Corresponding author

E-mail addresses: gordeev_ia@mail.ru (I. A. Gordeev)

в частности, секуляризационная реформа 1764 г. или так называемая «Жалованная грамота дворянам» 1785 г.

Похожая ситуация сложилась и с законодательными инициативами Павла I. Русская дореволюционная и советская историография относились к ним весьма критично, порой не стесняясь называть императора самодуром. Но некоторые современные историки, соглашаясь в части наличия непродуктивной эксцентричности у Павла, указывают на его незаурядную дальновидность (как и в случае с Петром III) в его законотворчестве, в частности: ограничение службы солдат и учреждение для них института пенсий, попытка облегчения положения крестьян (так называемый «Указ о трехдневной барщине» 1797 г., ограничения в части продажи крестьян) и пр.

В данной статье, на основе анализа павловских указов, мы попробуем дать историческую оценку их качества, прогрессивности и своевременности.

2. Материалы и методы

Материалом нашей работы послужили две группы источников:

– Манифесты и указы, изданные в период правления Павла I (в частности, «Акт о престолонаследии» ([Акт..., 1797](#)), «Об учреждении императорской фамилии» ([Об учреждении..., 1797](#)), «Манифест о трехдневной барщине» ([Манифест о трехдневной барщине, 1797](#)), Указы об императорском Гербовнике ([Указ от 15 января 1798 г., 1798](#); [Указ от 28 января 1798 г., 1798](#)) и др. ([Указ от 19 сентября 1797 г., 1797](#); [Указ от 21 октября 1797 г., 1797](#); [Указ от 23 сентября 1800 г., 1800](#)) и др.) и опубликованные в сборниках того времени (в частности, «Указы государя императора Павла Перваго, самодержца Всероссийскаго» ([Указы государя..., 1798](#)), «Высочайшие приказы государя императора Павла I. 1800–1801 годов» ([Высочайшие приказы..., 1801](#)) и др.);

– Научные исторические исследования, касающиеся законотворческой деятельности правительства Павла I (см., в частности, работы Л.Е. Шепелева ([Шепелев, 1999](#)), И.А. Заичкина, И.Н. Почкаева ([Заичкин, Почкаев, 1994](#)), Л.Ю. Казаниной, Д.Е. Кольцова ([Казанина, Кольцов, 2023](#)), Л.А. Муравьевой ([Муравьева, 2010](#)), А.В. Михневич, Е.Ю. Поздняковой ([Михневич, Позднякова, 2018](#)), М.И. Реморенко, А.А. Шаруды, В.В. Ярмоновой ([Реморенко и др., 2022](#)), О.И. Визавитина ([Визавитин, 2017](#)), Е.В. Гавриленко ([Гавриленко, 2008](#)), М.С. Самоделкина, Р.Н. Гибадуллиной ([Самоделкин, Гибадуллина, 2022](#)), Е.В. Крюкова, В.Б. Симоненко, В.Г. Абашина ([Крюков и др., 2021](#)), Е.А. Волковой ([Волкова, 2011](#)), Е.В. Осиповой ([Осипова, 2019](#)), А.С. Советкина ([Советкин, 2013](#)), Д.А. Хитрова ([Хитров, 2022](#)), В.А. Воропанова ([Воропанов, 2017](#)), А.В. Скоробогатова ([Скоробогатов, 2005](#)) и др.).

В качестве методов были использованы такие методы исторического исследования как:

– Историко-генетический: применялся для выяснения причинно-следственных связей между демографической, социальной, экономической и внутри- и внешнеполитической обстановкой и законодательной инициативой Павла I;

– Историко-системный: задействован для анализа реформ Павла в неотрывной связи с исторической обстановкой;

– Историографический (содержательный или контент-) анализ: применён для историографического анализа источников и научной литературы, освещающей реформы Павла I;

– Историко-сравнительный метод: использован для сравнения законодательных инициатив Павла I с законодательством передовых европейских держав;

– Метод диахронического анализа (структурно-диахронный метод): привлекался для исследования исторической реальности Российской империи конца XVIII века и законотворчества Павла;

– Историко-ретроспективный метод: применён для исследования причин, повлёкших изменения в законодательстве в период правления Павла I;

– Метод классификации: использовался для классификации по группам материалов исследования, касающихся законотворческой деятельности правительства Павла I.

3. Обсуждение

Работ, в которых освещаются реформы и, соответственно, законотворчество Павла I Петровича, достаточно много; такие изыскания публиковались как в дореволюционный, так и в советский период российской истории. Однако в нашей работе, в силу известности историографии указанных периодов, мы сделали упор на современных исследованиях.

Из актуальных работ можно выделить три группы трудов:

– Комплексные труды по особенностям правления тех или иных монархов в дореволюционный период;

– Исследования, посвящённые правлению и личности Павла I, прежде всего, реформированию страны в целом;

– Труды, анализирующие отдельные реформы и, соответственно, соответствующие нормативные акты Павла.

Из первой категории в нашей работе использована монография Л.Е. Шепелева «Чиновный мир России: XVIII – начало XX в.», в которой анализируется деятельность власти Российской империи в

Новое время (Шепелев, 1999). Также отметим монографию И.А. Заичкина и И.Н. Почкаева «Русская история. От Екатерины Великой до Александра II» (Заичкин, Почкаев, 1994). Разумеется, это далеко не единственные работы по данной тематике, однако объём нашей рукописи не позволяет указать все фундаментальные исследования по проблематике отношений власти и общества в Российской империи в конце XVIII – начале XIX в.

Из второй группы прежде всего отметим фундаментальную работу одного из крупнейших специалистов по личности Павла I – Алексея Михайловича Пескова (1953–2009) «Павел I» (Песков, 2017), выдержавшую пять изданий (включая одно после смерти автора), а также одно переведённое на французский язык и изданное в Париже.

Ко второй категории отнесём также статьи Л.Ю. Казаниной, Д.Е. Кольцова об историко-правовом анализе павловских реформ (Казанина, Кольцов, 2023), А.В. Михневич, Е.Ю. Поздняковой о значении реформ Павла (Михневич, Позднякова, 2018), М.И. Реморенко, А.А. Шаруды, В.В. Ярмоновой о целях и задачах реформ (Реморенко и др., 2022) и др.

Третья группа исследований была проанализирована нами более подробно, так как посвящена отдельным преобразованиям страны. Данная группа, на наш взгляд, наилучшим образом позволяет понять мотивы и сущность законодательной политики Павла I. Так, О.И. Визавитин (Визавитин, 2017), Е.В. Гавриленко (Гавриленко, 2008), М.С. Самоделкин, Р.Н. Гибадуллина (Самоделкин, Гибадуллина, 2022), Е.В. Крюков, В.Б. Симоненко, В.Г. Абашин (Крюков и др., 2021) и др. исследуют военные реформы Павла; Е.А. Волкова (Волкова, 2011), Е.В. Осипова (Осипова, 2019), А.С. Советкин (Советкин, 2013), Д.А. Хитров (Хитров, 2022) и др. анализируют реформы государственного управления; В.А. Воропанов (Воропанов, 2017), А.В. Скоробогатов (Скоробогатов, 2005) и др. изучают судебно-правовую реформу; Л.А. Муравьева (Муравьева, 2010) и др. освещают финансово-экономическую политику и т. д.

Разумеется, указанная историография – лишь малая часть работ по законодательной деятельности Павла I, но с учётом целей и задач данного исследования считаем приведённую часть вполне достаточной для объективного и всестороннего исследования.

4. Результаты

Разумеется, полноценно осветить законотворческую деятельность (а именно – более 2 тыс. нормативно-правовых актов Павла Петровича) в масштабе одной статьи невозможно. Поэтому мы остановимся лишь на тех сферах государственной и общественной жизни, которые больше всего волновали императора, а именно: законодательное регулирование правового статуса дворянского (как опоры самодержавия) и крепостного крестьянского (как наиболее многочисленного) сословий, а также финансово-экономической сферы. В приоритетную сферу внимания Павла, безусловно, входила и военная сфера, однако проанализировать сколько-либо полноценно также и военную реформу в масштабах одной статьи нам не представляется возможным.

Как указывалось выше, законотворческая деятельность Павла I (Рисунок 1) многими современными историками воспринимается противоречиво.

Рис. 1. Император Всероссийский (1796–1801) Павел I Петрович (1754–1801). Художник А.Х. Ритт, 1797 г.

Для понимания реформаторских мотивов императора необходимо вкратце осветить историю его прихода к власти. Императрица Екатерина II достаточно рано стала привлекать молодого цесаревича к государственным делам, однако Павел, имея весьма качественное образование, имел на внутреннюю и внешнюю политику своё видение, которое не стеснялся упорно и публично отстаивать, вследствие чего был отстранён от любых возможностей принятия государственных решений, что весьма озлобило его. Сложные отношения к матери и её политике зародились у будущего императора задолго до прихода к власти. Разумеется, Павел также знал судьбу и обстоятельства смерти своего отца – Петра III, – что лишь усиливало эту напряжённость.

В 1796 году Екатерина скоропостижно умирает, и в возрасте 42-х лет Павел становится императором. Возраст прихода к власти, по меркам его предшественников, был весьма поздним, а неприятие реформ Екатерины – весьма стойким. И одним из главных мотивов Павла в законотворческой деятельности был возврат к реформам Петра I и проектам реформ Петра III, а также нивелирование реформ Екатерины II.

Первым указом Павла I, опубликованным в день его коронации 5 апреля¹ 1797 года, стал «Акт о престолонаследии» ([Акт, 1797](#)) – указ, провозглашавший невозможность женского правления в России. Закон оказался пророческим: вплоть до революции 1917 г. со времён Павла женщин у власти в России не было. Вместе с тем документ заполнял и правовой вакуум, который имел место быть ещё со времён указа о престолонаследии Петра I: так, российским монархом мог быть человек только православной веры; вводился в нормативный оборот и регулировался институт регентства (согласно которому для наследников возрастом совершеннолетия устанавливалось 16-летие, для других членов императорской семьи – 20-летие). Главным же нововведением (а строго говоря – возвратом к феодальным монаршим традициям) стало упразднение введённой Петром I нормы о назначении наследника лично императором: теперь наследование престола происходило строго по закону, по старшинству мужской линии. Других наследников монарх назначать права не имел, как и передавать власть сыну в обход старших потомков. Таким образом, закон снимал большую часть противоречий, и смена власти происходила весьма чётко, даже в период декабристской смуты в ноябре-декабре 1825 года.

Одновременно был издан указ «Учреждение об императорской фамилии» ([Об учреждении..., 1797](#)), который регулировал правовой и экономический статус, а также определял состав наследников из Российского императорского дома.

Данные законодательные инициативы можно оценить позитивно, так как указанные нормативные акты чётко регулировали правовой статус наследования престола; несмотря на заговор против императора в 1801 году, можно считать, что эпоха дворцовых переворотов не только фактически (при восшествии на престол Екатерины II в 1762 году), но и юридически (с принятием акта о престолонаследии 1797 года) была завершена.

В своих указах при первой возможности Павел упоминал своего отца: «Блаженные и вечнодостоинные памяти, государь наш, император Петр Третий, запечатлел беспредельное свое к российскому дворянству, всемилостивейшим манифестом своим от 18 февраля 1762 года, даровавшим дворянству преимущества, которых оное доселе не имело...» (выдержка из указа о создании так называемого «Гербовника» – перечня и геральдики дворянских фамилий в Российской империи) ([Указ от 28 января 1798 г., 1798](#)). При этом «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» (более известная как «Жалованная грамота дворянству») 1785 года Екатерины II никак не упоминалась.

В целом сохранив положения Жалованной грамоты дворянам, Павел в первой части указа о дворянском Гербовнике ввёл некоторые ограничения, которые весьма ощутимо ударили как по самолюбию, так и по экономике дворянского сословия. В частности, обязательность прохождения военной службы, передача титулов только по мужской линии, аналогично императорскому дому; дворяне могли владеть участком не более 2,5 тыс. десятин, однако если участок оставался бесхозным в течение трёх лет (что бывало весьма часто, так как многие дворяне жили в Санкт-Петербурге, а делами поместья и обеспечения господина деньгами в столице занимался управитель-наёмник; такое массовое явление в дворянской среде с иронией описано в повести И.А. Гончарова «Обломов»), и т.д. ([Указ от 15 января 1798 г., 1798](#)).

Также были введены налоги (впрочем, небольшие) для дворян, ограничение перехода на статскую (гражданскую) службу (даже отставным офицерам для этого требовалось личное разрешение императора), упразднены дворянские губернские собрания, а губернатору дано право вмешиваться в дворянские выборы и пр. Указом от 23 сентября 1800 года отменено право дворян выбирать заседателей в суды ([Указ от 23 сентября 1800 г., 1800](#)).

Такая законотворческая тенденция была мотивирована желанием противопоставить свою политику политике своей матери и стремлением ослабить дворянское сословие, вернув и усилив его служилую, а не «заговорщическую» составляющую. Вместе с тем во многом именно реформирование

¹ Здесь и далее все даты – по старому стилю.

дворянского сословия привело к заговору, итогом которого стало убийство Павла I и восшествие на престол его сына Александра.

Оценивая законотворческую деятельность в отношении дворянского сословия, скажем, что многие из его инициатив имели рациональное зерно, усиливали централизацию власти и отчасти возвращали первоначальное положение дворян в первую очередь как служилого, а не привилегированного сословия, даже несмотря на то, что инициативы эти в итоге стоили Павлу жизни.

Вместе с ограничением прав дворян Павел пытался облегчить положение крестьян, расширив их скудные права. Наиболее известным стал «Манифест о трехдневной барщине от 5 апреля 1797 года» ([Манифест..., 1797](#)), который также был принят во время коронации. Данный указ является первым документом за всю историю единого Российского государства, начиная с правления Ивана III, который хоть в какой-то мере облегчал положение самого многочисленного русского сословия – крестьянского, – а не приводил к дальнейшему закрепощению.

Указ ограничивал обработку крестьянами трудовой повинности на помещика тремя днями в неделю, что крестьяне восприняли с восторгом, так как им не всегда хватало времени обработать деревенские поля для обеспечения провиантом собственной общины в полной мере. Косвенно, манифест отчасти ограничивал и экономические возможности дворян, чего, собственно, и добивался Павел, стараясь выбить экономическую «почву из-под ног» дворянства, как когда-то это сделали в отношении духовного сословия его родители – Пётр III и Екатерина II.

В манифесте отдельно даже закреплялся выходной день – воскресенье: «...дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более для сельских издольев...» ([Манифест..., 1797](#)). Не будет преувеличением тезис о том, что это был первый официально закреплённый в законодательстве выходной день для большей части населения (так как крепостных крестьян в Российской империи при Павле I насчитывалось до 93 % населения).

Указом от 19 сентября 1797 года отменялась крестьянская обязанность поставлять лошадей в армию и заменялась небольшой надбавкой (15 копеек) к подушной подати ([Указ от 19 сентября 1797 г., 1797](#)).

Указом от 21 октября 1797 года закреплялось (а точнее – подтверждалось) право государственных крестьян переходить в мещанское или купеческое сословие ([Указ от 21 октября 1797 г., 1797](#)).

Помимо этого, император снял запрет с подачи челобитных (жалоб) крестьян на своих помещиков и сделал подачу таковых максимально доступной: около дворца стоял специальный ящик жёлтого цвета для крестьянских челобитных, некоторые из которых Павел I рассматривал лично; обязал присягать крепостных крестьян лично императору (показывая тем самым, что крестьяне являются прежде всего подданными Российского государства, а не личной дворянской собственностью); запретил продажу крестьян поодиночке, если это приводило к разлучению с семьёй; запретил продажу на аукционах «аки вещицу», разрешил крестьянам торговать в городах и др. (по [Песков, 2017](#)).

Подытоживая законодательные инициативы Павла Петровича в области крестьянской политики, считаем возможным привести цитату одного из крупнейших дореволюционных исследователей личности императора, Е.С. Шумигорского, автора монографии «Император Павел I. Жизнь и царствование»: «...масса простого народа в несколько месяцев, получившая большее облегчение в тягостной своей доле, чем за все царствование Екатерины, и солдаты, освободившиеся от гнета произвольной командирской власти и почувствовавшие себя на “государственной службе”, с надеждой смотрели на будущее: их мало трогали “господские” и “командирские” тревоги» ([Шумигорский, 1907: 104-105](#)). Вместе с тем каких бы то ни было крупных волнений после свержения и смерти Павла не было, и прежде всего потому, что заговорщиками пропагандировалась «официальная» версия «апоплексического удара», а про «не апоплексический» удар табакеркой в висок и удушение шарфом знали лишь приближенные к царской семье люди.

Одной из главных задач Павла I Петровича было налаживание экономики, которая, хоть и весьма усилилась в количественном выражении в правление Екатерины II, однако финансовая составляющая находилась в весьма посредственном состоянии.

Прежде всего, вопрос касался оборота бумажных купюр, которых выпустили значительно больше, чем позволял внутренний валовой продукт Российской империи и обеспеченность драгоценными металлами; не сидела сложа руки и разномастная армия фальшивомонетчиков, с разной степенью искусности подделывающих денежные банкноты. Павел, получивший весьма качественное образование, понимал, что это разрушает экономику.

Поэтому одной из первых его законодательных инициатив стала так называемая денежная реформа (1796–1798 годов), которая, впрочем, закончилась неудачно. Император решил избавиться от банкнот (включая и сожжение купюрами 5 млн. руб. в 1796 году) и медных монет (которые к концу правления Екатерины II, несмотря на всяческое сужение и утончение, было попросту невыгодно печатать – лом меди стоил дороже самих монет, и доходило до того, что промышленники покупали монеты как лом для изготовления металлических изделий, а казначейство работало со значительными убытками). По замыслу Павла, удобной была бы биметаллическая денежная система:

золотая монета, в основе которой был бы голландский дукат, и серебряная монета, отчеканенная «по стопе» (формату – *Прим. авт.*) германского талера.

Однако внешнеполитическая кампания, в частности, борьба против французов и «итальянские походы» русской армии, заставила императора «включить денежный станок», выпустив на 54 млн. рублей бумажных денежных знаков (за всё время правления Екатерины было выпущено около 157 млн. руб.) ([Муравьева, 2010: 67-68](#)).

Вместе с тем современные авторы указывают, что «ряд предпринятых им (императором – *Прим. авт.*) мер не смогли уменьшить денежный дефицит страны, но все равно положение в стране улучшилось» ([Михневич, Позднякова, 2018: 206](#)).

Резюмируем. За период правления Павла I Петровича было подписано 2 179 законодательных актов, или в среднем 42 в месяц, что стало в четыре раза больше, чем при правлении его матери, которая в месяц подписывала 12 нормативных актов ([Заичкин, Почкаев, 1994: 323, 329; Муравьева, 2010: 65](#)). Указанная статистика говорит о весьма энергичной законотворческой деятельности. Вместе с тем дореволюционные, советские и современные историки указывают на её противоречивость.

5. Заключение

Павел I Петрович пришёл к власти в весьма зрелом возрасте, со всецело устоявшейся личностью, взглядами на политику и государство. Такая особенность в полной мере отразилась и на его законодательных инициативах.

За период правления Павла I Петровича было подписано 2 179 законодательных актов, или в среднем 42 в месяц, что стало в четыре раза больше, чем при правлении его матери. Указанная статистика говорит о весьма энергичной законотворческой деятельности. Однако дореволюционные, советские и современные историки указывают на её противоречивость.

Законодательные инициативы Павла Петровича в реформировании правового статуса крестьянского сословия оказались положительными, так как положение крепостных было незначительно, но всё же облегчено; прежде всего важно, что закон стал видеть в крестьянах личность, а не собственность.

Законодательные инициативы в финансово-экономической сфере были рациональными и весьма насущными, однако внешнеполитическая деятельность (а именно – противостояние с революционной Францией в Италии) свела на нет все преимущества финансовой реформы.

Оценивая же законотворческую деятельность в отношении дворянского сословия, отметим, что многие из инициатив императора Павла I имели рациональное зерно, усиливали централизацию власти, старались заставить дворян заниматься поместьями и платить налоги, возвращая таким образом первоначальное положение дворян в первую очередь как служилого, а не привилегированного сословия.

Литература

[Акт..., 1797](#) – Акт о престолонаследии / Указы государя императора Павла Первого, самодержца Всероссийского. М.: Сенатская типография, 1798. 325 с.

[Визавитин, 2017](#) – [Визавитин О.И.](#) Павел I и реформа военного законодательства / *История и археология. Материалы IV Международной научной конференции*. 2017. С. 28-30.

[Волкова, 2011](#) – [Волкова Е.А.](#) Реформа государственного управления в России в период правления Павла I // *Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Серия: Право*. 2011. № 6 (3). С. 57-61.

[Воропанов, 2017](#) – [Воропанов В.А.](#) Судебно-правовая реформа Павла I: цели, содержание, результаты // *Право и политика*. 2017. № 1. С. 92-103.

[Высочайшие приказы..., 1801](#) – Высочайшие приказы государя императора Павла I. 1800–1801 годов. СПб., 1801.

[Гавриленко, 2008](#) – [Гавриленко Е.В.](#) Военная реформа Павла I // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 85. С. 53-56.

[Заичкин, Почкаев, 1994](#) – [Заичкин И.А., Почкаев И.Н.](#) Русская история. От Екатерины Великой до Александра II. М., 1994.

[Казанина, Кольцов, 2023](#) – [Казанина Л.Ю., Кольцов Д.Е.](#) Реформы императора Павла I: историко-правовой анализ / *Проблемы развития правовой системы России: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Тула, 2023. С. 3-15.

[Крюков и др., 2021](#) – [Крюков Е.В., Симоненко В.Б., Абашин В.Г.](#) Реформы Павла I и военная медицина на грани веков // *Клиническая медицина*. 2021. Т. 99. № 4. С. 305-309.

[Манифест..., 1797](#) – Манифест о трехдневной барщине / Указы государя императора Павла Первого, самодержца Всероссийского. М.: Сенатская типография, 1798. 325 с.

[Михневич, Позднякова, 2018](#) – [Михневич А.В., Позднякова Е.Ю.](#) Реформы Павла I и их значение для развития Российского государства // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2018. № 6. С. 203-207.

- Муравьева, 2010** – *Муравьева Л.А.* Социально-экономическая и финансовая политика Павла I // *Финансы и кредит*. 2010. № 18 (402). С. 63-71.
- Об учреждении..., 1797** – Об учреждении императорской фамилии / Указы государя императора Павла Первого, самодержца Всероссийского. М.: Сенатская типография, 1798. 325 с.
- Осипова, 2019** – *Осипова Е.В.* Реформы управления Павла I / *Молодой исследователь: от идеи к проекту. Материалы III студенческой научно-практической конференции*. Отв. ред. Д.А. Михеева. 2019. С. 398-400.
- Песков, 2017** – *Песков А.М.* Павел I. 5-е изд. М.: Молодая гвардия, 2017.
- Реморенко и др., 2022** – *Реморенко М.И., Шаруда А.А., Ярмонова В.В.* Внутренняя политика Павла I: основные реформы, их цели и задачи / *Наука молодых – наука будущего. Сборник статей II Международной научно-практической конференции*. Петрозаводск, 2022. С. 155-161.
- Самodelкин, Гибадуллина, 2022** – *Самodelкин М.С., Гибадуллина Р.Н.* Анализ военной реформы в годы правления Павла I: плюсы и минусы в истории России // *Научный аспект*. 2022. Т. 5. № 6. С. 568-572.
- Скоробогатов, 2005** – *Скоробогатов А.В.* Концепция правовой реформы в политической доктрине императора Павла I // *Будущее России: перспективы и стратегии развития. Всероссийская научно-практическая конференция, 2 декабря 2004 года: в 5 томах*. Казань, 2005. С. 51-55.
- Советкин, 2013** – *Советкин А.С.* Реформы государственного управления при Павле I как источник законотворческой деятельности М.М. Сперанского // *История государства и права*. 2013. № 15. С. 32-37.
- Указ от 19 сентября 1797 г., 1797** – Указом от 19 сентября 1797 г. / Указы государя императора Павла Первого, самодержца Всероссийского. М.: Сенатская типография, 1798. 325 с.
- Указ от 21 октября 1797 г., 1797** – Указом от 21 октября 1797 г. / Указы государя императора Павла Первого, самодержца Всероссийского. М.: Сенатская типография, 1798. 325 с.
- Указ от 15 января 1798 г., 1798** – Указ от 15 января 1798 г. / Указы государя императора Павла Первого, самодержца Всероссийского. М.: Сенатская типография, 1798. 325 с.
- Указ от 28 января 1798 г., 1798** – Указ от 28 января 1798 г. / Указы государя императора Павла Первого, самодержца Всероссийского. М.: Сенатская типография, 1798. 325 с.
- Указ от 23 сентября 1800 г., 1800** – Указ от 23 сентября 1800 г. / Высочайшие приказы государя императора Павла I. 1800–1801 годов. СПб., 1801.
- Указы государя..., 1798** – Указы государя императора Павла Первого, самодержца Всероссийского. М.: Сенатская типография, 1798. 325 с. ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/459721> (дата обращения: 05.08.2025).
- Хитров, 2022** – *Хитров Д.А.* Губернская реформа Павла I: историко-картографическое исследование. НИР: грант № 22-28-00391. Российский научный фонд. 2022.
- Шепелев, 1999** – *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 1999.
- Шумигорский, 1907** – *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. Жизнь и царствование. М., 1907.

References

- Akt..., 1797** – Akt o prestolonasledii [Act of succession to the throne]. Ukazy gosudarya imperatora Pavla Pervago, samoderzhitsa Vserossiiskago. M.: Senatskaya tipografiya, 1798. 325 p. [in Russian]
- Gavrilenko, 2008** – *Gavrilenko, E.V.* (2008). Voennaya reforma Pavla I [Military reform of Paul I]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 85: 53-56. [in Russian]
- Kazanina, Kol'tsov, 2023** – *Kazanina, L.Yu., Kol'tsov, D.E.* (2023). Reformy imperatora Pavla I: istoriko-pravovoi analiz [Reforms of Emperor Paul I: Historical and Legal Analysis]. *Problemy razvitiya pravovoi sistemy Rossii: istoriya i sovremennost'. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Tula. Pp. 3-15. [in Russian]
- Khitrov, 2022** – *Khitrov, D.A.* (2022). Gubernskaya reforma Pavla I: istoriko-kartograficheskoe issledovanie [Provincial reform of Paul I: historical and cartographic study]. NIR: grant № 22-28-00391. Rossiiskii nauchnyi fond. [in Russian]
- Kryukov i dr., 2021** – *Kryukov, E.V., Simonenko, V.B., Abashin, V.G.* (2021). Reformy Pavla I i voennaya meditsina na grani vekov [Reforms of Paul I and Military Medicine at the Turn of the Century]. *Klinicheskaya meditsina*. 99(4): 305-309. [in Russian]
- Manifest..., 1797** – Manifest o trekh dnevnoi barshchine [Manifesto on the Three-Day Corvée]. Ukazy gosudarya imperatora Pavla Pervago, samoderzhitsa Vserossiiskago. M.: Senatskaya tipografiya, 1798. 325 p. [in Russian]
- Mikhnevich, Pozdnyakova, 2018** – *Mikhnevich, A.V., Pozdnyakova, E.Yu.* (2018). Reformy Pavla I i ikh znachenie dlya razvitiya Rossiiskogo gosudarstva [Reforms of Paul I and their importance for the development of the Russian state]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 6: 203-207. [in Russian]

- Murav'eva, 2010** – Murav'eva, L.A. (2010). Sotsial'no-ekonomicheskaya i finansovaya politika Pavla I [Socio-economic and financial policy of Paul I]. *Finansy i kredit*. 18(402): 63-71. [in Russian]
- Ob uchrezhdenii..., 1797** – Ob uchrezhdenii imperatorskoi familii [On the establishment of the imperial family]. Ukazy gosudarya imperatora Pavla Pervago, samoderzhitsa Vserossiiskago. M.: Senatskaya tipografiya, 1798. 325 p. [in Russian]
- Osipova, 2019** – Osipova, E.V. (2019). Reformy upravleniya Pavla I [Reforms of the governance of Paul I]. *Molodoi issledovatel': ot idei k proektu. Materialy III studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Otv. red. D.A. Mikheeva. Pp. 398-400. [in Russian]
- Peskov, 2017** – Peskov, A.M. (2017). Pavel I [Paul I]. 5-e izd. M.: Molodaya gvardiya. [in Russian]
- Remorenko i dr., 2022** – Remorenko, M.I., Sharuda, A.A., Yarmonova, V.V. (2022). Vnutrennyaya politika Pavla I: osnovnye reformy, ikh tseli i zadachi [National policy of Paul I: main reforms, their goals and objectives]. *Nauka molodykh – nauka budushchego. Sbornik statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Petrozavodsk. Pp. 155-161. [in Russian]
- Samodelkin, Gibadullina, 2022** – Samodelkin, M.S., Gibadullina, R.N. (2022). Analiz voennoi reformy v gody pravleniya Pavla I: plyusy i minusy v istorii Rossii [Analysis of the military reform during the reign of Paul I: pros and cons in the history of Russia]. *Nauchnyi aspekt*. 5(6): 568-572. [in Russian]
- Shepelev, 1999** – Shepelev, L.E. (1999). Chinovnyi mir Rossii: XVIII – nachalo XX v. [The official world of Russia: XVIII – early XX centuries]. SPb. [in Russian]
- Shumigorskii, 1907** – Shumigorskii, E.S. (1907). Imperator Pavel I. Zhizn' i tsarstvovanie [Emperor Paul I. Life and reign]. M. [in Russian]
- Skorobogatov, 2005** – Skorobogatov, A.V. (2005). Kontseptsiya pravovoi reformy v politicheskoi doktrine imperatora Pavla I [The concept of legal reform in the political doctrine of Emperor Paul I]. *Budushchee Rossii: perspektivy i strategii razvitiya. Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, 2 dekabrya 2004 goda: v 5 tomakh*. Kazan'. Pp. 51-55. [in Russian]
- Sovetkin, 2013** – Sovetkin, A.S. (2013). Reformy gosudarstvennogo upravleniya pri Pavle I kak istochnik zakonotvorcheskoi deyatelnosti M.M. Speranskogo [Reforms of public administration under Paul I as a source of legislative activity of M.M. Speransky]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 15: 32-37. [in Russian]
- Ukaz ot 15 yanvarya 1798 g., 1798** – Ukaz ot 15 yanvarya 1798 g. [Decree of January 15, 1798]. Ukazy gosudarya imperatora Pavla Pervago, samoderzhitsa Vserossiiskago. M.: Senatskaya tipografiya, 1798. 325 p. [in Russian]
- Ukaz ot 19 sentyabrya 1797 g., 1797** – Ukazom ot 19 sentyabrya 1797 g. [Decree of September 19, 1797]. Ukazy gosudarya imperatora Pavla Pervago, samoderzhitsa Vserossiiskago. M.: Senatskaya tipografiya, 1798. 325 p. [in Russian]
- Ukaz ot 21 oktyabrya 1797 g., 1797** – Ukazom ot 21 oktyabrya 1797 g. [Decree of October 21, 1797]. Ukazy gosudarya imperatora Pavla Pervago, samoderzhitsa Vserossiiskago. M.: Senatskaya tipografiya, 1798. 325 s. [in Russian]
- Ukaz ot 23 sentyabrya 1800 g., 1800** – Ukaz ot 23 sentyabrya 1800 g. [Decree of September 23, 1800]. Vysochaishie prikazy gosudarya imperatora Pavla I. 1800–1801 godov. SPb., 1801. [in Russian]
- Ukaz ot 28 yanvarya 1798 g., 1798** – Ukaz ot 28 yanvarya 1798 g. [Decree of January 28, 1798]. Ukazy gosudarya imperatora Pavla Pervago, samoderzhitsa Vserossiiskago. M.: Senatskaya tipografiya, 1798. 325 p. [in Russian]
- Ukazy gosudarya..., 1798** – Ukazy gosudarya imperatora Pavla Pervago, samoderzhitsa Vserossiiskago [Decrees of the Sovereign Emperor Paul the First, Autocrat of All Russia]. M.: Senatskaya tipografiya, 1798. 325 p. FGBU «Prezidentskaya biblioteka imeni B.N. El'tsina». [Electronic resource]. URL: <https://www.prilib.ru/item/459721> (date of access: 05.08.2025). [in Russian]
- Vizavitin, 2017** – Vizavitin, O.I. (2017). Pavel I i reforma voennogo zakonodatel'stva [Paul I and the Reform of Military Legislation]. *Istoriya i arkhologiya. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Pp. 28-30. [in Russian]
- Volkova, 2011** – Volkova, E.A. (2011). Reforma gosudarstvennogo upravleniya v Rossii v period pravleniya Pavla I [Public Administration Reform in Russia during the Reign of Paul I]. *Gosudarstvo i obshchestvo: vchera, segodnya, zavtra. Seriya: Pravo*. 6(3): 57-61. [in Russian]
- Voropanov, 2017** – Voropanov, V.A. (2017). Sudebno-pravovaya reforma Pavla I: tseli, sodержание, rezul'taty [Judicial and Legal Reform of Paul I: Goals, Content, Results]. *Pravo i politika*. 1: 92-103. [in Russian]
- Vysochaishie prikazy..., 1801** – Vysochaishie prikazy gosudarya imperatora Pavla I. 1800–1801 godov [The Highest Orders of the Sovereign Emperor Paul I. 1800–1801]. SPb., 1801. [in Russian]
- Zaichkin, Pochkaev, 1994** – Zaichkin, I.A., Pochkaev, I.N. (1994). Russkaya istoriya. Ot Ekateriny Velikoi do Aleksandra II [Russian history. From Catherine the Great to Alexander II]. M. [in Russian]

К вопросу о законодательных инициативах императора Павла I (1797–1801 гг.)

Игорь Анатольевич Гордеев ^{a, *}, Наталья Владимировна Григорьева ^b, Михаил Гурамович Смирнов ^c,
Зарина Комиловна Эрбутаева ^d

^a Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^c Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, Москва, Российская Федерация

^d Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В данной работе анализируются законодательные инициативы Павла I Петровича в сфере социальной и финансово-экономической политики. Материалом для исследования стали законы Павла, опубликованные в прижизненных сборниках законов и доступные в электронном виде, а также научные исследования по проблематике реформирования «павловского» периода. Методология включает историко-генетический, историко-системный, историографический, историко-сравнительный, структурно-диахронный, ретроспективный и другие методы.

За период правления Павла I Петровича было подписано 2 179 законодательных актов, или в среднем 42 в месяц, что стало в четыре раза больше, чем при правлении его предшественницы, Екатерины II. Указанная статистика говорит о весьма энергичной законотворческой деятельности. Вместе с тем дореволюционные, советские и современные историки указывают на её противоречивость.

Законодательные инициативы Павла Петровича в реформировании правового статуса крестьянского сословия оказались положительными, так как положение крепостных было незначительно, но всё же облегчено; прежде всего важно, что закон стал видеть в крестьянах личность, а не собственность.

Законодательные инициативы в финансово-экономической сфере были рациональными и весьма насущными, однако внешнеполитическая деятельность (а именно – противостояние с революционной Францией в Италии) свела на нет все преимущества финансовой реформы.

Оценивая же законотворческую деятельность в отношении дворянского сословия, отметим, что многие из инициатив Павла I имели рациональное зерно, усиливали централизацию власти, старались заставить занимать дворян поместьями и платить налоги, возвращая, таким образом, первоначальное положение дворян в первую очередь как служилого, а не привилегированного сословия. Многие историки, включая и нас, считают, что социальные законодательные инициативы в отношении дворян привели к заговору и перевороту 1801 г.

Ключевые слова: Павел I Петрович, правление Павла I, 1797–1801 гг., законодательство при Павле I, законодательные инициативы Павла I.

* Корреспондирующий автор

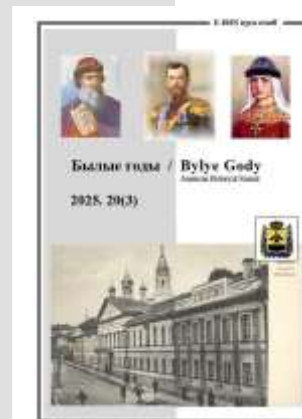
Адреса электронной почты: gordeev_ia@mail.ru (И.А.Гордеев)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1184-1194
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1184

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Issue of Ethnographic Study of the Russian Urban Population of the Kazan Province in the 19th – early 20th centuries

Vadim E. Kozlov ^{a,*}, Tatiana A. Titova ^a

^a Kazan State University, Kazan, Russian Federation

Abstract

The article examines the features of the ethnographic description of the urban population of Kazan province in the 19th – early 20th centuries. The methodological and methodical approaches used by the authors in the 19th century are presented, as well as the changes that took place in the ethnography of the city during the period under review. The object of the study is the Russian population of the Kazan province, which made up the bulk of the townspeople for almost the entire century. The statistical parameters and cultural characteristics reflected in the publications of the studied time are noted. The authors focus on the fact that the formation of urban ethnography largely took place within the framework of the formation of national ethnography as an independent branch of knowledge with its own subject and research tools. At the same time, for a long time urban ethnography was not institutionalized within the framework of Russian ethnography as an independent field, which left its mark on modern research. The belated design of urban ethnography led to the effect of lagging development and slowed down the emergence of authentic theoretical approaches, and as a result, the formation of a specialized national school.

Keywords: Kazan province, ethnic composition, urban anthropology, ethnosociology, Russian townspeople, “breeding composition”, denomination, ethnographic group, “Kazan Ethnographic School”.

1. Введение

Высокая степень урбанизированности российского общества обуславливает смещение этнических процессов в городскую среду и, как следствие, влияет на актуализацию таких дисциплинарных направлений, как городская этнография и антропология города. К сожалению, можно констатировать, что становление и современное развитие данных субдисциплин не имеет институализации в дореволюционный и советский периоды, несмотря на имевшиеся примеры программных исследований. Некоторое исключение составила советская, а в дальнейшем российская этносоциология, которая фактически с момента появления в конце 1960-х – начале 1970-х гг. во многом ориентировалась на комплексное изучение этнического ландшафта в городской среде. Но стоит признать, что сам характер молодой отрасли в советской этнографии изначально носил прикладной характер, что а priori делало теоретическую рефлексию хоть и возможной, но не обязательной составляющей при проведении исследований и последующей интерпретации результатов. Тем не менее, осмысление российского опыта этнографического изучения урбанизированного пространства остаётся весьма актуальным для адаптации современных исследовательских практик к динамично меняющимся реалиям города.

2. Материалы и методы

Материалами для анализа выступают различные типы письменных источников, опубликованных в рассматриваемый период и содержащих сведения о социальных, культурных,

* Corresponding author

E-mail addresses: vadim.kozlov@list.ru (V.E. Kozlov), tatiana.titova@rambler.ru (T.A. Titova)

демографических особенностях русского городского населения Казанской губернии. Среди основных источников: статистические (*Памятная книжка...*, 1862; *Всеобщая перепись...*, 1903 и др.), публикации в периодических изданиях (*Фукс*, 1814; *Поездка...*, 1833; *О русском наречии...*, 1853), научные статьи и монографии (*Известия...*, 1878; *Фукс*, 1840), а также библиографические издания (*Зеленин*, 1915).

История становления и последующего развития отечественной этнографии в дореволюционный период с одной стороны может быть охарактеризована как единый период становления этнографии в качестве науки, включавший и элементы этнографического описания города, в то же время целесообразно охарактеризовать его отдельные этапы, имеющие свои характерные черты и целеполагание. Типологизирующим критерием при этом выступает как содержание, так и понятийная, а также методическая эволюция. В качестве нижней хронологической границы авторами выбрано начало XIX столетия, поскольку именно в этот период начинаются активные процессы дисциплинарной специализации социо-гуманитарного знания с дальнейшим выделением самостоятельных научных направлений, в том числе и этнографии. Верхняя граница рассматриваемого периода обусловлена вполне очевидным фактом исчезновения Российской империи не только как государства, но и важного актора научного развития, всесторонне влиявшего на теоретическое и практическое наполнение той или иной социо-гуманитарной дисциплины.

Наряду с этим рассматривается эволюция понятийно-терминологического аппарата этнографического описания в общем контексте развития отечественной этнографии. В качестве номинального понятия для научной интерпретации особенностей региональной традиции изучения русского городского населения использовалось маркирующее, но при этом достаточно конвенциональное понятие - «этнографическое изучение», которое подразумевает в первую очередь не предметную, а инструментальную атрибуцию, опирающуюся на феноменологию повседневности А. Шюца (*Шюц*, 1993).

3. Обсуждение

Город как объект этнографического изучения – явление достаточно позднее, вызревшее из немецкой социологической традиции конца XIX – начала XX в. (*Зиммель*, 2002; *Вебер*, 2018) и трудов представителей «чикагской школы» (*Park, Burgess, McKenzie*, 1925; *Wirth*, 1928; *Чикагская социология...*, 2015) лишь к середине прошлого столетия. При этом в западной социальной теории дальнейшее, в том числе антропологическое, изучение города и городского пространства осуществлялось во многом в рамках междисциплинарного направления «urban studies» (*Тубина*, 2011: 13). В советской этнографии в этот же период появляются исследования, посвящённые социальным и культурным особенностям представителей этнических общностей, проживающих в городах, и в первую очередь русским (*Анохина, Шмелева*, 1964). Но предметной внутридисциплинарной институализации подобных исследований не произошло вплоть до распада Советского Союза и исчезновения «советской этнографии» как аутентичной научной традиции. Постсоветский генезис городской антропологии осложнялся понятийным имбридингом, ставшим результатом имплементации зарубежных научных традиций в предметное поле бывшей советской этнографии/этнологии.

В рамках «Казанской этнографической школы», окончательно сложившейся во второй половине XX в., русское население Татарской АССР, затем «Казанского Поволжья» выступало в качестве самостоятельного объекта исследования вплоть до конца 1980-х гг. При этом практически на всем временном отрезке фокус исследователей был направлен на изучение этнографической традиции, локализованной в сельской повседневности. Лишь со второй половины 1980-х гг. появляются публикации, посвящённые городской этнографии, в которых основная проблематика выстраивалась вокруг города как архитектурно-этнографического объекта (*Зорин*, 1986), а также смежных историко-этнографических сюжетов (*Зорин*, 1989; *Зорин*, 1992). К сожалению, в дальнейшем в «Казанской этнографической школе» данное направление не получило самостоятельного развития и ограничилось отдельными публикациями, являвшимися скорее дополненными изданиями прошлых лет (*Зорин*, 2001; *Каплуновский*, 1996). Историографические работы, посвящённые теме этнографических исследований в XIX – XX вв., также не затрагивали тему городской этнографии (*Бусыгин, Зорин*, 2002). Публикации первых десятилетий XXI в., посвящённые русскому городскому населению Республики Татарстан, как правило, фиксировали современные проблемы и не содержали значимого историографического компонента (*Козлов, Титова*, 2023).

4. Результаты

Говоря об этнографическом изучении Казанской губернии, достаточно сложно определить конкретный год и тем более дату, которую можно взять за точку отсчёта, поскольку не определён русский первоисточник, в котором бы однозначно впервые было использовано понятие «этнографический». Конечно, имеются значительные сведения, собранные и опубликованные участниками Большой академической экспедиции и отдельными учёными, посвящённые народам, проживавшим на территории губернии, которые справедливо рассматриваются как этнографические

даже без использования в них дефинирующего понятия (Георги, 1799; Лепехин, 1771; Рычков, 1767). Но всё-таки, именно появление в публикациях первых десятилетий XIX в. термина «этнографический», ещё в различных формах прилагательного, то есть не обладающего предметностью, а пока скорее характеризующего, - знаменовало обретение данной характеристикой субстантивности в публичном дискурсе. Именно это обстоятельство позволяет нам начать анализ процесса этнографического изучения русского населения Казанской губернии с XIX столетия. Дополнительным аргументом к этому выбору исходной хронологической границы является основание в 1804 г. Императорского Казанского университета, с первых лет своего существования игравшего ведущую роль во всех научных изысканиях в этой части Российской империи (Бусыгин, Зорин, 2002).

Как известно, одной из главных научных задач, стоявших перед университетом, было изучение Востока в широком смысле, а в более практическом - изучение инородческого населения России и Казанской губернии, в частности. Собственно, первые работы этнографического характера были посвящены татарам, в чём особенно преуспел профессор Казанского университета и будущий ректор Карл Фукс, фактически с первых лет своего преподавания и медицинской практики, с энтузиазмом занимавшийся сбором материалов о быте татарского населения города Казань (Фукс, 1814: 17). Подобный научный интерес вызывали и другие автохтонные народы края, проживавшие в Казанской губернии (Фукс, 1840). Например, на первом же публичном торжественном заседании образованного почти сразу после открытия университета «Общества любителей отечественной словесности» была провозглашена необходимость изучения языка и сбора песен, сказаний, записок, повестей и иных сведений, принадлежавших татарам, чувашам, мордве, черемисам, а также другим народам (Шпилевский, 1873: 47). Русское же население рассматривалось как естественная часть общего великоросского населения империи, не требовавшая отдельного научного внимания и анализа. Таким образом, применительно к первым десятилетиям XIX в. под этнографическим изучением русского городского населения стоит понимать разнообразные сведения, преимущественно косвенного характера, которые требуют реконструкции с помощью своеобразной исторической аппликации. В качестве фундирующего факта, который может быть положен в основу подобного анализа, стоит указать тот, что абсолютное большинство постоянных жителей всех городов Казанской губернии, вплоть до краха Российской империи, составляли русские, или великороссы, если следовать принятой в указанный период терминологии. В частности, согласно данным первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Казанской губернии, численность русского населения всех её городов составляла 77,2 %, следующих за ними татар – 19 % (Первая Всеобщая..., 1903: 5). Применительно к началу XIX столетия доля русских горожан была ещё выше. Таким образом, те сведения о городском населении, которые встречаются в работах авторов XIX – начала XX в., по умолчанию относились к русскому населению, если же речь шла о других этнических группах, то это, как правило, уточнялось в тексте. При этом публиковались и отдельные сюжеты о быте, культуре, обрядах именно русских горожан, но таковых было очень мало.

Одна из первых систематических работ о городе Казань, в которой помимо прочего встречаются сведения о быте горожан, была опубликована в 1809 г. инспектором Казанской губернской врачебной управы Генрихом Лангелем (Лангель, 1809). Для общей характеристики городского населения авторы использовали официальные статистические данные за 1805 г., сгруппированные по таким характеристикам, как пол, сословие (учитывалось только мужское население – Прим. авт.), количество родившихся и умерших, количество сочетавшихся браком (Лангель, 1809: 27-45). Тема городов и городской жизни в Казанской губернии периодически освещалась на страницах первой публичной газеты «Казанские известия», издававшейся с 1811 по 1820-й г. при Казанском университете. Такие публикации, как правило, содержали сведения о количестве жителей, их сословной принадлежности, занятиях, а также общем экономическом положении того или иного города (Зиновьев, 1812: 1-6). Встречались редкие публикации, содержащие и сведения о этническом происхождении отдельных групп жителей города, видах культивируемых растений, их урожайности, стоимости, а кроме того, давались авторские оценки некоторых социальных особенностей, например, отношения к образованию детей и общей образованности. Наконец, приводились описания тех или иных традиций и обрядов, связанных с праздниками или каким-либо видом работ (Шляпников, 1816: 1-4). Исходя из таких материалов, можно заключить, что быт русских горожан, особенно уездных и заштатных городов, не сильно отличался от быта сельчан. Пришедшие на смену «Казанским известиям» периодические издания «Казанский вестник» (1821–1833 гг.), а затем «Заволжский муравей» (1834–1835 гг.) и «Казанские губернские ведомости» (1843–1856 гг.) в целом продолжали заложенную «Казанскими известиями» традицию публикации небольших заметок о жизни городов Казанской губернии, в которых ёмко представала их повседневная жизнь первой половины XIX столетия (Салова и др., 2003; Поездка..., 1833: 194-195; О русском наречии..., 1853: 17). Похожие, но более развёрнутые материалы иногда печатались в ведомственном издании «Журнале Министерства внутренних дел» (Иванов, 1850). Как известно, большую роль в систематизации сведений о населении России с начала XIX столетия играл созданный в структуре Министерства внутренних дел – Центральный статистический комитет, которому принадлежала большая заслуга в

сборе не только сугубо статистических, но и этнографических материалов по всей стране ([Министерство внутренних дел, 1903](#)). Таким образом, можно выделить первый, ещё во многом публицистический, этап этнографического изучения русских горожан, в котором, собственно, этнические категории присутствовали лишь контекстуально. Но, тем не менее, в этот период был заложен необходимый методический и структурный базис для последующей предметной спецификации.

Следующий этап в этнографическом изучении русского городского населения Казанской губернии тесно связан с образованием в 1845 г. Императорского Русского географического общества, а также выделением в его структуре самостоятельного отдела этнографии. Уже в первый, так называемый, организационный период, который ещё при создании Общества был определён сроком пять лет ([Семенов, 1896: 25](#)), члены этнографического отдела развернули активную методическую и даже методологическую работу, которая определила направления развития отечественной этнографии на десятилетия вперёд. В своём программном докладе «Об этнографическом изучении народности русской», прочитанном на годовом собрании Русского географического общества 29 ноября 1846 г. ([Надеждин, 1847: 61](#)) и опубликованном позднее в Записках общества, Н.И. Надеждин в качестве главного предмета внимания Общества определил «то, что именно делает Россию – Россией; то есть “человек Русский!”» ([Надеждин, 1847: 61](#)). Он отметил и возросший к тому времени научный интерес ко всему русскому ([Надеждин, 1847: 62-63](#)). А основное содержание этнографической науки и её настоящие задачи, по мнению Н.И. Надеждина, должны были строиться преимущественно вокруг этнографического изучения «народности русской» ([Надеждин, 1847: 64](#)). Предложенные императивы в развитии молодой ещё российской этнографии нашли отражение в практической деятельности отдела по разработке программы систематического изучения русского народа и других народов страны, которая состояла из нескольких разделов, а затем была разослана в различные губернии Российской империи. Именно с активной деятельностью этнографического отдела связано появление материалов о русском населении Казанской губернии, включая горожан, которые направлялись энтузиастами, в первую очередь, земскими учителями, врачами и священниками в адрес Общества и сохранились впоследствии в его архиве, а часть из них была позднее напечатана в различных изданиях ([Зеленин, 1915](#)). Наиболее интенсивно сведения о русском населении Казанской губернии по программе Общества собирались в период с конца 1840-х гг. до середины 1850-х гг., затем был достаточно длительный спад, захвативший более десятилетия, и новый подъём в середине 1870-х гг. Из собранных материалов, структурированных по единому образцу, можно почерпнуть данные о антропологических характеристиках русских в различных населенных пунктах, в том числе городах, особенностях жилища, внешнего и внутреннего убранства, обиходной и праздничной одежде как мужской, так и женской, отношениях внутри территориальных коллективов, а также с соседями других национальностей. Значительное внимание, благодаря соответствующему разделу Программы, корреспондентами уделялось локальным формам русского языка, включая лексические и фонетические особенности, устному народному творчеству как сельских жителей, так и горожан. Встречаются сюжеты с подробным описанием отдельных обычаев и ритуалов, бытующих у городских жителей губернии ([Андреев, 1915: 491](#); [Михайлов, 1915: 499](#)). Таким образом, с середины XIX столетия осуществляется сбор специализированных этнографических сведений о русском населении края, включая городских жителей, что находит отражение и в заглавиях текстов ([Павлов, 1915: 542-545](#); [Воецкий, 1915: 564-565](#)). Характерной чертой большинства присланных рукописей являлся очевидный энтузиазм авторов при отсутствии профессиональных навыков исследовательской работы. Не случайно некоторые материалы содержат комментарии членов РГО с указанием на невысокое качество содержащихся в них сведений ([Попов, 1915: 562-564](#)). К 1870-м гг. содержание присланных материалов, касающихся жизни городов Казанской губернии, наполняется количественными данными как о численности населения того или иного города, так и сведениями об объёмах торговли, состоянии школьного образования и др. Наиболее активным автором, направившим в адрес РГО более 20 рукописей, включая целый цикл материалов о городских жителях, стал Евпл Титович Соловьев, являвшийся членом-сотрудником РГО. Его работы отличало разнообразие тем, особенно касающихся жизни городов и горожан, например, торговля и промышленность, прирост и убыль населения, самобытные традиции, приметы, легенды и песни, санитарное состояние и даже межэтнические отношения ([Соловьев, 1915: 491-521](#)). Не случайно деятельность Е. Соловьева дважды была отмечена медалями Общества – малой серебряной и малой золотой.

С начала 1860-х гг. Губернский статистический комитет начинает регулярно публиковать «Памятную книжку Казанской губернии», представлявшую собой сборник различных справочных, статистических и историко-этнографических сведений о всей губернии, в том числе отдельно по городам. Актуальная информация о народах содержала как общие демографические данные, так и достаточно специфические, например, распределение по этнической принадлежности лиц, совершивших преступления ([Памятная книжка..., 1862: 197](#)). Поскольку издание Памятной книжки осуществлялось практически ежегодно с 1861 по 1916 г., материалы позволяют выявлять динамику этнических процессов, в частности, изменение общей численности русского городского населения. Одной из выделенных составителями особенностей являлась стабильно высокая смертность и длительная естественная убыль населения большинства городов губернии, включая Казань, причём

подобная тенденция отмечалась ещё в самом начале столетия ([Население..., 1923](#)). Таким образом, общий рост численности населения Казанской губернии на протяжении XIX – начала XX в. происходил за счёт сельского населения, а прирост городского – в большей степени за счёт переселения местных сельчан и жителей других губерний России. Указанная особенность была отмечена составителями Памятной книги в изданиях различных десятилетий, но не получила никакого аналитического обобщения и анализа, оставшись лишь задокументированным фактом.

Тексты Памятных книжек разных десятилетий отражают и важные изменения в понятийном аппарате, используемом для этнографического описания. Так, при необходимости обозначить общую ситуацию с этническим составом губернии в текстах изданий 1860-х гг. использовалось понятие «племенной состав». Термин «племя» употреблялся и отдельно, но не для фиксации некоего первобытного состояния, а в значении самостоятельного народа, часто в качестве маркера его/их инородческого происхождения, например, «народы финского племени». В случае с русскими, как правило, в качестве генерализирующего использовалось понятие народность, подчёркивавшее их общегосударственный статус в сравнении с региональным – «племенным» статусом нерусских народов. Тридцатилетие с середины 1840-х до середины 1870-х гг. стало периодом предметной институализации этнографического знания в Казанской губернии, причём ещё в отсутствии локализованного местного центра, которым мог выступить Восточный разряд Казанского университета, но не стал, так как был переведён с основным преподавательским составом в Санкт-Петербургский университет в 1855 г. Поэтому собранные сведения в основном пассивно архивировались в Русском географическом обществе и не стали базой для создания обобщающих этнографических трудов. Русское городское население в этот период становится объектом регулярного, систематического, но не интенсивного изучения, что в целом отражало тенденции развития отечественной этнографии того времени.

Шанс на новый качественный скачок в этнографическом изучении края был связан с созданием в 1878 г. при Казанском университете Общества любителей археологии, истории и этнографии. Само использование термина «этнография» в названии подчёркивало научную субъектность данного направления по замыслу его основателей. Кроме того, в уставе Общества в качестве одной из главных задач было заявлено: «...изучение прошедшего и настоящего русского и инородческого населения на территории бывших Булгарско-Хазарского и Казанско-Астраханского царств с прилежащими к ней местностями» ([Известия..., 1878: 13](#)). Однако, изначально являвшееся результатом инициативы участников четвёртого «казанского» Археологического съезда в России 1877 г., Общество на всем протяжении своего существования сохраняло археолого-историческую доминанту. И если этнографические сюжеты о русском сельском населении губернии периодически печатались на страницах «Известий» общества, то русские горожане как объект этнографического интереса просто отсутствовали. Некоторое исключение составили лишь несколько публикаций по истории Казани исторического характера ([Борисов, 1900](#)). Поэтому вполне обоснованную оценку в этой части деятельности Общества дали крупнейшие исследователи русского населения Среднего Поволжья Е.П. Бусыгин и Н.В. Зорин: «Следует отметить ещё одну задачу, поставленную организаторами Общества АИЭ перед его основанием и оказавшуюся фактически невыполненной. Это изучение русского населения Поволжья» ([Бусыгин, Зорин, 2002: 36](#)).

Другими важными институтами этнографического знания, появившимися в конце XIX в., стали кафедра географии и этнографии, образованная в Казанском университете в 1884 г., и Казанский городской музей, открывшийся для посетителей в 1895 г. Каждый из них был важной вехой в развитии регионального этнографического знания в целом, но в конкретной его области, связанной с изучением русского населения, в том числе городского, их роль оказалась весьма незначительной. Основная функция новой кафедры в первые десятилетия её существования заключалась в трансформации этнографического знания в полноценную университетскую науку, обладающую самостоятельной теоретической и методической базой, а также в выпуске профессиональных учёных-этнографов, чего фактически в России ещё не было. А городской музей представлял собой, в первую очередь, просветительское учреждение, миссией которого являлось подтверждение величия Государства Российского среди его подданных через доступное широким слоям общества овеществление исторического и культурного богатства, для чего служили собранные меценатами археологические, этнографические и иные артефакты.

Вместе с тем, в конце XIX – начале XX в. впервые появляются обобщающие материалы, посвященные городам и горожанам Казанской губернии, публикуемые губернским статистическим комитетом в виде отдельных книжных изданий ([Опись..., 1885](#)). Помимо того, что город выступает в них в качестве заданного объекта комплексного описания, примечательным стало появление новых типологизирующих понятий, например, «национальность», которое используется в качестве аналога понятия «народность», замещая употреблявшуюся в 1860-х гг. формулировку «племенной состав» формулой «по национальностям и племенам жители распределяются» ([Опись..., 1885: 11](#)). Но и прежняя формулировка «племенной состав» всё ещё встречается на страницах губернских изданий ([Приволжские города..., 1892: 7-8](#)), к этому всему добавляется вариант – «этнографический состав населения» ([Памятная книжка..., 1903: 487](#)). Этот понятийный эклектизм свидетельствует, с одной

стороны, о том, что эпистемология отечественной этнографии на рубеже веков была ещё в стадии активного формирования, а с другой, является отражением естественной инерции провинциального дискурса, во многом зависящего от уровня индивидуальной научной осведомлённости того или иного местного автора.

Интересную информацию для общего понимания сложной картины повседневной жизни русских горожан последних дореволюционных десятилетий предоставляют некоторые специализированные издания Центрального статистического комитета. Например, одно из них было полностью посвящено такой социальной девиации, как проституция в пределах Российской империи, рафинированной для общего восприятия посредством конкретизирующих характеристик, в том числе этнических. Приведённые данные по Казанской губернии содержат сведения о количестве заведений соответствующего профиля в городах, возрасте, происхождении, вероисповедании и других характеристиках как владелиц, так и работниц, а также их национальности. Представленный в данном издании анализ демонстрирует не только значительно возросший к концу XIX в. уровень статистических обследований, но и качество получаемых, а затем систематизируемых данных по широкому спектру социальных проблем. Наивысшим достижением дореволюционного периода не только для отечественной статистики, но и этнографии по праву считается первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Её прикладной характер несколько не умаляет научной значимости собранных, а затем обобщённых в многочисленных томах сведений о населении страны. Отдельный том был посвящён Казанской губернии, и хотя в переписных листах вопрос о национальной принадлежности переписываемых отсутствовал, во вводной статье были приведены сведения об этническом составе губернии, а также её городов. Нововведением, использованным для репрезентации общего состояния той или иной губернии, а также государства в целом, стало использование двухмерных данных, совмещавших сразу два показателя, например, вероисповедание и родной язык. Это позволило глубже взглянуть на этнокультурный ландшафт и социальную структуру населения. При этом категория «родной язык» составителями фактически приравнивалась к категории «народность»: «Главнейшие народности на основании родного языка в Казанской губернии по вероисповеданиям распределяются следующим образом...» ([Первая Всеобщая..., 1903: 7](#)). Также, имеющиеся данные по возрасту, полу и месту жительства позволяют сделать вывод о различиях в возрастной и половой структуре между жителями городов и сельской местности. В частности, заметно меньшую долю составляли городские дети в возрасте до 10 лет в сравнении со своими сельскими сверстниками – 17,7 % против 27,4 % соответственно. Кроме того, соотношение мужчин и женщин также отличалось: если среди городского населения мужчин было больше, чем женщин, то в сельской местности – наоборот ([Первая Всеобщая..., 1903: 9](#)). Интересными представляются сведения об уровне грамотности населения городов, из которых видно, что даже к концу столетия её общий уровень среди горожан в Казанской губернии оставался невысоким. В частности, только в Казани, Свияжске и Царевококшайске был преодолен порог в 50 % от числа жителей ([Первая Всеобщая..., 1903: 10](#)). Для более полного понимания ситуации с грамотностью населения были также использованы данные, совмещавшие уровень грамотности с половой и этнической принадлежностью, что позволяло сравнивать между собой по этому показателю не только основные этнические группы, но и подгруппы, распределённые по полу ([Первая Всеобщая..., 1903: 11](#)). С точки зрения состояния понятийного аппарата – тексты, описывающие этнографические результаты переписи, содержат те же варианты обозначения объекта: «племя», «народность», «этнографический», что и десятилетиями ранее, причём, как правило, употребляются попеременно в одном тексте. То есть и в начале XX в., когда осуществлялась публикация основных результатов переписи, чёткой научной фиксации конвенционального использования указанных терминов при описании этнического не произошло.

5. Заключение

Подводя общий итог этнографическому изучению русского городского населения Казанской губернии с начала XIX в. до 1917 г., можно оценить этот период как весьма неоднозначный. Положительным являлось общее поступательное развитие этнографического знания, основанного на систематическом сборе информации, развитии исследовательской методики и оформлении предметной субъектности этнографии во второй половине XIX в. В то же время нужно отметить отсутствие целостных этнографических описаний местного русского населения и, тем более, русских горожан. Заметно значительное преобладание количественных данных, содержащих общую информацию о русских, над материалами, глубоко анализирующими локальную русскую этнографическую традицию, особенно в городской среде. Язык этнографического описания в целом соответствовал общему уровню российской этнографии, но если труды по инородческому населению края во многом составили «золотой фонд» отечественной науки, то работы, касавшиеся русского населения, не отличались ни жанровой оригинальностью, ни методической новизной. Несмотря на наличие в Казани профильной университетской кафедры и специализированного научного общества, развитие региональной этнографической традиции оказалось к 1917 г. в методологическом и

методическом тупике, что требовало от местных учёных качественного переосмысления всей структуры этнографического знания.

Литература

- Андреев, 1915** – Андреев И. О вечерках города Свияжска. Рукопись 1853 г. / Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 2. Пг.: Типография А.В. Орлова, 1915. С. 491.
- Анохина, Шмелева, 1964** – Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Некоторые проблемы этнографического изучения современного русского города // *Советская этнография*. 1964. № 5. С. 8-16.
- Борисов, 1900** – Борисов В.Л. Город Казань по данным переписной книги 7154 (1646) года // *Известия Общества Археологии, истории, этнографии*. 1900. Т. 16. С. 163-175.
- Бусыгин, Зорин, 2002** – Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Этнография в Казанском университете. Казань: Издательство Казанского университета, 2002. 220 с.
- Вебер, 2018** – Вебер М. Город. М.: Strelka Press, 2018. 252 с.
- Воецкий, 1915** – Воецкий И. Наружность и семейный быт русских жителей города Чистополя и его уезда. Рукопись. 1853 г. / Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 2. Пг.: Типография А.В. Орлова, 1915. С. 564-565.
- Георги, 1799** – Георги И.Г. Описание всех обитающих в российском государстве народов. В 4-х частях. СПб.: При Императорской академии наук, 1799.
- Зеленин, 1915** – Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 2. Пг.: Типография А.В. Орлова, 1915. 518 с.
- Зиновьев, 1812** – Зиновьев Д.Н. О городе Лаишеве // *Казанские известия*. 1812. №27. С. 1-6.
- Зорин, 1986** – Зорин А.Н. Планировка и застройка уездных городов Казанского Поволжья XIX – начала XX вв. (Историко-этнографическое исследование): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Казань, 1986. 343 с.
- Зорин, 1989** – Зорин А. Н. Уездные города Казанского Поволжья: опыт историко-этнографического изучения планировки. Казань: Издательство Казанского университета, 1989. 155 с.
- Зорин, 1992** – Зорин А.Н. Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX в. Историко-этнографический очерк. Казань: Издательство Казанского университета, 1992. 253 с.
- Зорин, 2001** – Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья: историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции второй половины XVI – начала XX вв. Казань: Издательство Казанского университета, 2001. 703 с.
- Зиммель, 2002** – Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018. 112 с.
- Иванов, 1850** – Иванов Н.С. Сведения о г. Мензелинске и его округе // *Журнал Министерства внутренних дел*. 1850. Ч. 29. Кн. 1. С. 21-51.
- Известия..., 1878** – Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. I. Казань: Типография Императорского университета, 1878. 38 с.
- Каплуновский, 1996** – Каплуновский А.П. Казанская мещанская община в пореформенное время // *Вестник Евразии*. 1996. № 2. С. 31-48.
- Козлов, Титова, 2023** – Козлов В.Е., Титова Т.А. Этническая идентичность и этнокультурные потребности русского городского населения Республики Татарстан // *Ученые записки Казанского университета*. Серия Гуманитарные науки. 2023. Т. 165. Кн. 4-5. С. 192-203.
- Лангель, 1809** – Лангель И.Ф. Краткое медикофизическое и топографическое обозрение города Казани и губернии оной. СПб.: Медицинская типография, 1809. 48 с.
- Лепехин, 1792** – Лепехин И. Дневные записки путешествия по разным провинциям государства Российского в 1768 и 1769 гг. СПб.: при Императорской Академии Наук, 1771. 556 с.
- Министерство..., 1903** – Министерство внутренних дел. Исторический очерк. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1901. 225 с.
- Михайлов, 1915** – Михайлов С. Масленица в городе Козьмодемьянске. Рукопись 1860 г. / Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 2. Пг., 1915. С. 499.
- Надеждин, 1847** – Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // *Записки Императорского Русского географического общества*. 1847. Кн. II. С. 61-115.
- Население..., 1923** – Население г. Казани 1863-1923 гг. Казань: Издание Статистического управления АТССР, 1923. 74 с.
- Опись..., 1885** – Опись городских поселений Казанской губернии / Сост. секр. Стат. ком. А.П. Орловым. Вып. 1. Казань: Типография Губернского правления, 1885. 185 с.
- О русском наречии..., 1853** – О русском наречии в Чистополе. Пословицы и поговорки // *Казанские губернские новости*. 1853. №25. С. 17.
- Павлов, 1915** – Павлов П. Этнографическое описание города Ядрина. Рукопись 1850-е гг. / Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 2. Пг.: Типография А.В. Орлова, 1915. С. 542-545.

- [Памятная книжка..., 1862](#) – *Памятная книжка Казанской губернии на 1861 и 1862 год*. Казань: Губернская типография, 1862. 291 с.
- [Памятная книжка..., 1903](#) – *Памятная книжка Казанской губернии на 1903 год* / Под ред. Д.П. Малова. Казань: Типография губернского правления, 1903. 572 с.
- [Первая Всеобщая..., 1903](#) – *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* Т. 14. Казанская губерния / Под редакцией Н.А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1903. 284 с.
- [Поездка..., 1833](#) – *Поездка в Болгары и Билярск // Заволжский муравей*. 1833. №4. С. 194-195.
- [Попов, 1915](#) – *Попов П.* Этнографическое описание города Чебоксар с уездом его. Рукопись 1853 г. / Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 2. Пг., 1915. С. 562-564.
- [Приволжские города..., 1892](#) – *Приволжские города и селения в Казанской губернии*. Казань: Типография губернского правления, 1892. 206 с.
- [Рычков, 1767](#) – *Рычков П.И.* Опыт Казанской истории. СПб.: при Императорской Академии Наук, 1767. 196 с.
- [Салова и др., 2003](#) – *Салова В.Г., Вишленкова Е.А., Шишкин В.И., Челыванова Ж.В.* Казанский вестник 1821–1833 гг.: указатель содержания. Казань: Издательство Казанского университета, 2003. 111 с.
- [Семенов, 1896](#) – *Семенов П.П.* История полувековой деятельности Императорского русского географического общества 1845–1895. Ч. I. СПб.: Типография В. Безобразова, 1896. 468 с.
- [Соловьев, 1915](#) – *Соловьев Е.Т.* О торговле Свияжска. Рукопись 1875г.; Прибыль и убыль населения в городах и посадах Казанской губернии за последние 15 лет. 1860–1874 гг. Статистический очерк. 1876 г.; Святки в среде купцов и мещан Казани. Этнографический очерк. Рукопись 1875 г.; Казань в санитарном и экономическом отношениях. Статистический очерк. 1876; Враждебные отношения между русскими и татарами Казанской губернии. 1876 г. / Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 2. Пг.: Типография А.В. Орлова, 1915. С. 491-521.
- [Тубина, 2011](#) – *Тубина Е.Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
- [Фукс, 1814](#) – *Фукс К.Ф.* Сабан // *Казанские известия*. 1814. №23. С. 17.
- [Фукс, 1840](#) – *Фукс А.* Записки о чувашах и черемисах. Казань: Типография Императорского Казанского университета, 1840. 329 с.
- [Шляпников, 1816](#) – *Шляпников И.* Статистическое и топографическое описание Мензелинска // *Казанские известия*. 1816. №73. С. 1-4.
- [Шпилевский, 1873](#) – *Шпилевский С.М.* Указатель исторических достопримечательностей г. Казани / Сост. орд. проф. С.М. Шпилевским. Казань: Комитет по устройству в Казани Съезда естествоиспытателей, 1873. 66 с.
- [Шюц, 1993](#) – *Шюц А.* Понятие и формирование теории в социальных науках / Современная зарубежная социология (70 – 90-е годы). М.: ИНИОН РАН, 1993. С. 84-103.
- [Чикагская социология..., 2015](#) – *Чикагская социология: Сборник переводов* / Составитель и переводчик В.Г. Николаев. М.: РАН. ИНИОН, 2015. 430 с.
- [Burgess, 1925](#) – *Burgess E.W.* The growth of the city: An introduction to a research project / Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The city. Chicago: Univ. of Chicago press, 1925. 239 p.
- [Wirth, 1928](#) – *Wirth L.* The ghetto. Chicago: Univ. of Chicago press, 1928. 291 p.

References

- [Andreev, 1915](#) – *Andreev, I.* (1915). O vecherkakh goroda Sviyazhska. Rukopis' 1853 g. [About the evening parties of the Sviyazhsk. Manuscript of 1853]. Zelenin D.K. Opisanie rukopisei uchenogo arkhiva Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Vyp. 2. Pg.: Tipografiya A.V. Orlova. P. 491. [in Russian]
- [Anokhina, Shmeleva, 1964](#) – *Anokhina, L.A., Shmeleva, M.N.* (1964). Nekotorye problemy etnograficheskogo izucheniya sovremennogo russkogo goroda [Some problems of ethnographic study of the modern Russian city]. *Sovetskaya etnografiya*. 5: 8-16. [in Russian]
- [Borisov, 1900](#) – *Borisov, V.L.* (1900). Gorod Kazan' po dannym perepisnoi knigi 7154 (1646) goda [The Kazan city according to the census book 7154 (1646)]. *Izvestiya Obshchestva Arkheologii, istorii, etnografii*. 16: 163-175. [in Russian]
- [Burgess, 1925](#) – *Burgess, E.W.* (1925). The growth of the city: An introduction to a research project. Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The city. Chicago: Univ. of Chicago press, 1925. 239 p.
- [Busygin, Zorin, 2002](#) – *Busygin, E.P., Zorin, N.V.* (2002). Etnografiya v Kazanskom universitete [Ethnography at Kazan University]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 220 p. [in Russian]
- [Chikagskaya sotsiologiya..., 2015](#) – *Chikagskaya sotsiologiya: Sbornik perevodov* [[Chicago Sociology: Collection of translations]. Sostavitel' i perevodchik V.G. Nikolaev. M.: RAN. INION, 2015. 430 p. [in Russian]
- [Fuks, 1814](#) – *Fuks, K.F.* (1814). Saban [Saban]. *Kazanskije izvestiya*. 23: 17. [in Russian]

- Fuks, 1840** – *Fuks, A.* (1840). Zapiski o chuvashakh i cheremisakh [Notes about Chuvashs and Cheremis]. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 329 p. [in Russian]
- Georgi, 1799** – *Georgi, I.G.* (1799). Opisanie vseh obitayushchikh v rossiiskom gosudarstve narodakh. V 4-kh chastyakh [Description of all peoples living in the Russian state. In four parts]. SPb.: Pri Imperatorskoi akademii nauk. [in Russian]
- Ivanov, 1850** – *Ivanov, N.S.* (1850). Svedeniya o g. Menzelinske i ego okruge [Information about Menzelinsk and its district]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. Ch. 29. Kn. 1. Pp. 21-51. [in Russian]
- Izvestiya..., 1878** – *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii* [News of the Society of Archaeology, History and Ethnography]. T. I. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1878. 38 p. [in Russian]
- Kaplunovskii, 1996** – *Kaplunovskii, A.P.* (1996). Kazanskaya meshchanskaya obshchina v poreformnoe vremya [Kazan bourgeois community in the post-reform period]. *Vestnik Evrazii*. 2: 31-48. [in Russian]
- Kozlov, Titova, 2023** – *Kozlov, V.E., Titova, T.A.* (2023). Etnicheskaya identichnost' i etnokul'turnye potrebnosti russkogo gorodskogo naseleniya Respubliki Tatarstan [Ethnic identity and ethnocultural needs of the Russian urban population of the Republic of Tatarstan]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. T. 165. Kn. 4-5. Pp. 192-203. [in Russian]
- Langel', 1809** – *Langel', I.F.* (1809). Kratkoe medikofizicheskoe i topograficheskoe obozrenie goroda Kazani i gubernii onoi [Brief medical-physical and topographic overview of the city of Kazan and the province of Kazan]. SPb.: Meditsinskaya tipografiya, 48 p. [in Russian]
- Lepekhin, 1792** – *Lepekhin, I.* (1792). Dnevnye zapiski puteshestviya po raznym provintsiiam gosudarstva Rossiiskogo v 1768 i 1769 gg. [Daily notes of travel through various provinces of the Russian state in 1768 and 1769.]. SPb.: pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 556 p. [in Russian]
- Mikhailov, 1915** – *Mikhailov, S.* (1915). Maslenitsa v gorode Koz'modem'yanske. Rukopis' 1860 g. [Maslenitsa in the city of Kozmodemyansk. Manuscript 1860]. Zelenin D.K. Opisanie rukopisei uchenogo arkhiva Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Vyp. 2. Pg. P. 499. [in Russian]
- Ministerstvo..., 1903** – *Ministerstvo vnutrennikh del*. Istoricheskii ocherk [Ministry of Internal Affairs. Historical essay]. SPb.: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1901. 225 p. [in Russian]
- Nadezhdin, 1847** – *Nadezhdin, N.I.* (1847). Ob etnograficheskom izuchenii narodnosti russkoi [On the ethnographic study of the Russian nationality]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Kn. II. Pp. 61-115. [in Russian]
- Naselenie..., 1923** – *Naselenie g. Kazani 1863-1923 gg.* [Population of the city Kazan 1863–1923]. Kazan': Izdanie Statisticheskogo upravleniya ATSSR, 1923. 74 p. [in Russian]
- O rusском narechii..., 1853** – *O rusском narechii v Chistopole. Poslovitsy i pogovorki* [About the Russian dialect in Chistopol. Proverbs and sayings]. *Kazanskie gubernskie novosti*. 1853. №25. P. 17. [in Russian]
- Opis'..., 1885** – *Opis' gorodskikh poselenii Kazanskoi gubernii* [Inventory of urban settlements of the Kazan province]. Sost. sekr. Stat. kom. A.P. Orlovym. Vyp. 1. Kazan': Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1885. 185 p. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka..., 1862** – *Pamyatnaya knizhka Kazanskoi gubernii na 1861 i 1862 god* [Memorial book of the Kazan province for 1861 and 1862]. Kazan': Gubernskaya tipografiya, 1862. 291 p. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka..., 1903** – *Pamyatnaya knizhka Kazanskoi gubernii na 1903 god* [Memorial book of the Kazan province for 1903]. Pod red. D.P. Malova. Kazan': Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1903. 572 p. [in Russian]
- Pavlov, 1915** – *Pavlov, P.* (1915). Etnograficheskoe opisanie goroda Yadrina. Rukopis' 1850-e gg. [Ethnographic description of the city of Yadrin. Manuscript 1850s.]. Zelenin D.K. Opisanie rukopisei uchenogo arkhiva Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Vyp. 2. Pg.: Tipografiya A.V. Orlova. Pp. 542-545. [in Russian]
- Pervaya Vseobshchaya..., 1903** – *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g.* T. 14. Kazanskaya guberniya [The First General Population Census of the Russian Empire in 1897. Vol. 14. Kazan province]. Pod redaktsiei N.A. Troitskogo. SPb.: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del, 1903. 284 p. [in Russian]
- Poezdka..., 1833** – *Poezdka v Bolgary i Bilyarsk* [Trip to Bolgary and Bilyarsk]. *Zavolzhskii muravei*. 1833. 4: 194-195. [in Russian]
- Popov, 1915** – *Popov, P.* (1915). Etnograficheskoe opisanie goroda Cheboksar s uездом ego. Rukopis' 1853 g. [Ethnographic description of the city of Cheboksary with its district. The 1853 manuscript]. Zelenin D.K. Opisanie rukopisei uchenogo arkhiva Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Vyp. 2. Pg. Pp. 562-564. [in Russian]
- Privolzhskie goroda..., 1892** – *Privolzhskie goroda i seleniya v Kazanskoi gubernii* [Volga cities and villages in the Kazan province]. Kazan': Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1892. 206 p. [in Russian]
- Rychkov, 1767** – *Rychkov, P.I.* (1767). Opyt Kazanskoi istorii [Experience of Kazan history]. SPb.: pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 196 p. [in Russian]

- Salova i dr., 2003** – *Salova, V.G., Vishlenkova, E.A., Shishkin, V.I., Chelyvanova, Zh.V.* (2003). *Kazanskii vestnik 1821–1833 gg.: ukazatel' soderzhaniya* [Kazan Herald 1821–1833: Content Index]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 111 p. [in Russian]
- Semenov, 1896** – *Semenov, P.P.* (1896). *Istoriya poluvekovoi deyatel'nosti Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva 1845–1895. Ch. I.* [History of half a century of activity of the Imperial Russian Geographical Society 1845–1895. Vol. I]. SPb.: Tipografiya V. Bezobrazova, 468 p. [in Russian]
- Shlyapnikov, 1816** – *Shlyapnikov, I.* (1816). *Statisticheskoe i topograficheskoe opisanie Menzelinska* [Statistical and topographic description of Menzelinsk]. *Kazanskii izvestiya*. 73: 1–4. [in Russian]
- Shpilevskii, 1873** – *Shpilevskii, S.M.* (1873). *Ukazatel' istoricheskikh dostoprimechatel'nostei g. Kazani* [Index of historical sights of the city Kazan]. Sost. ord. prof. S.M. Shpilevskim. Kazan': Komitet po ustroistvu v Kazani S"ezda estestvoispytatelei, 66 p. [in Russian]
- Shyuts, 1993** – *Shyuts, A.* (1993). *Ponyatie i formirovanie teorii v sotsial'nykh naukakh* [The concept and formation of theory in social science]. *Sovremennaya zarubezhnaya sotsiologiya* (70 – 90-e gody). M.: INION RAN. Pp. 84–103. [in Russian]
- Solov'ev, 1915** – *Solov'ev, E.T.* (1915). *O torgovle Sviyazhska. Rukopis' 1875g.; Pribyl' i ubyl' naseleniya v gorodakh i posadakh Kazanskoi gubernii za poslednie 15 let. 1860–1874 gg. Statisticheskii ocherk. 1876 g.; Svyatki v srede kuptsov i meshchan Kazani. Etnograficheskii ocherk. Rukopis' 1875 g.; Kazan' v sanitarnom i ekonomicheskom otnosheniyakh. Statisticheskii ocherk. 1876; Vrazhdebnye otnosheniya mezhdru russkimi i tatarami Kazanskoi gubernii. 1876 g.* [About trade of Sviyazhsk. Manuscript of 1875.; Population growth and decline in the cities and towns of Kazan province over the last 15 years. 1860–1874. Statistical essay. 1876.; Christmastide among merchants and townspeople of Kazan. Ethnographic essay. Manuscript 1875.; Kazan in sanitary and economic respects. Statistical essay. 1876.; Hostile relations between Russians and Tatars of the Kazan province. 1876]. *Zelenin D.K. Opisanie rukopisei uchenogo arkhiva Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Vyp. 2. Pg.: Tipografiya A.V. Orlova. Pp. 491–521.* [in Russian]
- Tubina, 2011** – *Tubina, E.G.* (2011). *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [City in theory: experiments of understanding space]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 520 p. [in Russian]
- Veber, 2018** – *Veber, M.* (2018). *Gorod* [City]. M.: Strelka Press, 252 p. [in Russian]
- Voetskii, 1915** – *Voetskii, I.* (1915). *Naruzhnost' i semeinyi byt russkikh zhitelei goroda Chistopolya i ego uezda. Rukopis'. 1853 g.* [Appearance and family life of Russian residents of the city of Chistopol and its district. Manuscript. 1853]. *Zelenin D.K. Opisanie rukopisei uchenogo arkhiva Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Vyp. 2. Pg.: Tipografiya A.V. Orlova, 1915. Pp. 564–565.* [in Russian]
- Wirth, 1928** – *Wirth, L.* (1928). *The ghetto*. Chicago: Univ. of Chicago press, 291 p.
- Zelenin, 1915** – *Zelenin, D.K.* (1915). *Opisanie rukopisei uchenogo arkhiva Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Vyp. 2* [Description of the manuscripts of the scientific archive of the Imperial Russian Geographical Society. Issue 2]. Pg.: Tipografiya A.V. Orlova, 518 p. [in Russian]
- Zimmel', 2002** – *Zimmel', G.* (2002). *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'* [Big cities and spiritual life]. M.: Strelka Press, 112 p. [in Russian]
- Zinov'ev, 1812** – *Zinov'ev, D.N.* (1812). *O gorode Laisheve* [About the city of Laishev]. *Kazanskii izvestiya*. 27: 1–6. [in Russian]
- Zorin, 1986** – *Zorin, A.N.* (1986). *Planirovka i zastroyka uezdnykh gorodov Kazanskogo Povolzh'ya XIX – nachala XX vv. (Istoriko-etnograficheskoe issledovanie)* [Planning and development of the county cities of the Kazan Volga region of the XIX – early XX centuries (Historical and ethnographic research)]: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.07. Kazan', 343 p. [in Russian]
- Zorin, 1989** – *Zorin, A.N.* (1989). *Uezdnye goroda Kazanskogo Povolzh'ya: opyt istoriko-etnograficheskogo izucheniya planirovki* [County cities of the Kazan Volga region: experience of historical and ethnographic study of planning]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 155 p. [in Russian]
- Zorin, 1992** – *Zorin, A.N.* (1992). *Gorozhane Srednego Povolzh'ya vo vtoroi polovine XVI – nachale XX v. Istoriko-etnograficheskii ocherk* [Citizens of the Middle Volga region in the second half of the XVI – early XX centuries. Historical and ethnographic essay]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. 253 p. [in Russian]
- Zorin, 2001** – *Zorin, A.N.* (2001). *Goroda i posady dorevolutsionnogo Povolzh'ya: istoriko-etnograficheskoe issledovanie naseleniya i poselencheskoi struktury gorodov rossiiskoi provintsii vtoroi poloviny XVI – nachala XX vv.* [Cities and settlements of the pre-revolutionary Volga region: historical and ethnographic study of the population and settlement structure of cities of the Russian province in the second half of the 16th – early 20th centuries]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 703 p. [in Russian]

К вопросу об этнографическом изучении русского городского населения Казанской губернии в XIX – начале XX в.

Вадим Евгеньевич Козлов ^{a, *}, Татьяна Алексеевна Титова ^a

^a Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены особенности этнографического описания городского населения Казанской губернии в XIX – начале XX в. Представлены методологические и методические подходы, использовавшиеся авторами в XIX в., а также проанализированы изменения, происходившие в этнографии города в течение рассматриваемого периода. Объектом изучения выступает русское население Казанской губернии, которое составляло практически на протяжении всего столетия основную часть горожан. Отмечаются статистические параметры и культурные характеристики, отражённые в публикациях изучаемого времени. Авторы фокусируют внимание на том, что формирование городской этнографии во многом проходило в рамках становления отечественной этнографии в качестве самостоятельной отрасли знания, обладающей своим предметом и научно-исследовательским инструментарием. При этом длительное время городская этнография не была институализирована в рамках российской этнографии в качестве самостоятельного направления, что наложило свой отпечаток и на современные исследования. Запоздалое оформление городской этнографии привело к эффекту отстающего развития и замедлило появление аутентичных теоретических подходов, а как следствие – формирование профильной отечественной школы.

Ключевые слова: Казанская губерния, этнический состав, городская антропология, этносоциология, русские горожане, «племенной состав», вероисповедание, этнографическая группа, «Казанская этнографическая школа».

* Корреспондирующий автор

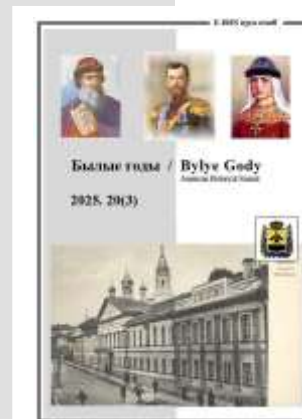
Адреса электронной почты: vadim.kozlov@list.ru (В.Е. Козлов), tatiana.titova@rambler.ru (Т.А. Титова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1195-1202
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1195

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Model of Men's Gymnasiums of the Russian Empire (Using the Example of the Perm Men's Gymnasium)

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c, Alexander Y. Epifanov ^d, Ivan N. Kuksin ^e

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Synergy University, Moscow, Russian Federation

^e Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

This manuscript is devoted to a brief analysis of men's gymnasium education using the example of the Perm Men's Gymnasium. Such methods of historical research as the classification method, historical-systemic and historical-genetic methods, the synthesis method and the method of historiographical analysis have become the methodological basis. The materials of the work were works on the history of gymnasium education in the Russian Empire, including studies of the Perm Men's Gymnasium.

Perm Men's Gymnasium was founded in 1808 and operated on the basis of a number of charters regulating secondary education, in particular the Charters of 1804, 1828, 1864 and 1871. The gymnasium's activities were conducted in accordance with the principles of pre-revolutionary gymnasium education, namely, gender segregation of students (education in the Perm Men's Gymnasium was available only to boys), fee-based gymnasium education, continuity of educational levels, and others. An important component of the model was its network organization: the program (meaning the content of education) and the course of study (meaning the number of years of study) were approved by the Ministry of Public Education and were practically uniform throughout Russia; Perm Gymnasium was no exception. The average level of gymnasium education required a lower education for admission and was necessary for higher education.

Perm Men's Gymnasium became an example of an exemplary institution of this type thanks to the efforts of directors N.S. Popov, Ya.I. Alfionova and others, giving Russia such famous figures of economics, science and culture as I.I. Sviyazev, I.N. Berezin, D.D. Smyshlyaev, A.A. Dmitriev, S.P. Diaghilev, I.G. Kamensky, V.V. Sapozhnikov and others.

Keywords: the model of gymnasium education in the Russian Empire, Perm men's gymnasium, the education system of the Russian Empire, gymnasium education, Perm province.

1. Введение

Российское мужское гимназическое образование появилось в XVIII веке с открытием Академической гимназии при Московском университете в 1755 году. Несмотря на то, что модель мужского (как, впрочем, впоследствии и женского) гимназического образования в некоторых незначительных аспектах изменялась, суть её осталась прежней и всегда соответствовала нескольким критериям, а именно:

1. Гимназическое образование представляло собой сеть учебных заведений.
2. Гимназии относились к учебным заведениям среднего уровня.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

3. Содержание образования государственных мужских гимназий по всей стране было весьма похожим (а впоследствии – и практически единым).

4. Гимназическое государственное дореволюционное образование имело гендерную сегрегацию, то есть было разделено на мужское и, впоследствии, женское.

В данной работе на примере истории деятельности одной из старейших российских гимназий – Пермской мужской гимназии – мы попробуем вкратце осветить модель мужского гимназического образования.

2. Материалы и методы

Материалами данного исследования послужили дореволюционные и современные труды о деятельности самой гимназии (см., напр.: Алфионов, 1897; Брокгауз-Ефрон, 1891; Брокгауз-Ефрон, 1900а; Брокгауз-Ефрон, 1900б; Дмитриев, 1888; Егорова, 2008; Егорова, 2009; Зверев, 1896; Зверев, 1908; Калинина, 1992; Нечаев, 2019; РБС, 1910; Уколова, 2013; Фартеев, 2017; Чекмасова, 2019; Cherkasov, 2011; Magsumov, Zulfugarzade, 2020; Magsumov et al., 2020 и др.), а также об известных персоналиях, с ней связанных (в частности, Аверина, 1995; Калинина, 2009 и др.).

Методологическую основу данной работы составляют:

- Метод классификации (применялся для классифицирования историографии по проблеме исследования, а также самих гимназий по типам);

- Историко-системный метод (применялся для комплексного изучения модели мужского гимназического образования и в неотрывной связи от других исторических событий);

- Историко-генетический метод (анализ модели гимназического образования на примере Пермской мужской гимназии проведён в строгой последовательности исторического процесса и его причинно-следственных взаимосвязей).

К другим применённым методам относятся метод синтеза, метод историографического (или контент-) анализа и пр. Исследование опирается на принципы историзма, объективности, всестороннего освещения предмета исследования и т. д.

3. Обсуждение

Историографической базой для данной работы послужил комплекс научных исторических исследований, который целесообразно разделить на три группы:

1. Труды, посвящённые непосредственно Пермской мужской гимназии;

2. Комплексные труды, освещающие деятельность системы образования Российской империи, в которых, так или иначе, затронута история гимназии;

3. Биографические исследования известных выпускников и преподавателей/руководителей Пермской мужской гимназии.

Анализируя первую категорию работ, сразу отметим, что наибольший вклад в изучение истории Пермской мужской гимназии внесли дореволюционные исследователи и, прежде всего, её преподаватель А.В. Зверев. Автор опубликовал 366-страничную монографию «Десять лет в жизни Пермской мужской гимназии. Свод статистических и др. сведений для истории гимназии за 1885/86–1894/95 учебные года» о деятельности заведения в 1885–1895 годах (Зверев, 1896), в которой приводит все доступные ему статистические отчёты о работе учреждения (в том числе и отчёты попечителей Оренбургского учебного округа Д.С. Михайлова и И.Я. Ростовцева), воспоминания его учащихся и пр. Деятельность на протяжении с момента основания гимназии анализируется в другой его 229-страничной монографии «Старейшее учебное заведение в Перми: К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908)» (Зверев, 1908).

Деятельность гимназии в 1895–1896 учебном году освещает в своём отчёте её директор Я.И. Алфионов (Алфионов, 1897).

А.А. Дмитриев в небольшом 20-страничном труде анализирует состав, стоимость, уровень ветхости и перечень содержания фундаментальной библиотеки Пермской гимназии (Дмитриев, 1888).

Многочисленная вторая группа трудов представлена работами различных авторов, которые исследуют общие тенденции развития образования в Российской империи (см., напр., Cherkasov, 2011), а также развитие системы образования непосредственно на Урале, включая Пермскую губернию (см., в частности, Егорова, 2008; Егорова, 2009; Калинина, 1992; Нечаев, 2019; Magsumov, Zulfugarzade, 2020; Magsumov et al., 2020).

О.С. Уколова в диссертационном исследовании анализирует социoproфессиональный облик городского учительства Пермской губернии на рубеже веков (Уколова, 2013). Е.К. Фартеев освещает первые юбилейные очерки по истории гимназий Перми (Фартеев, 2017). О.И. Чекмасова в обширной историографической статье приводит библиографический список исследований по истории дореволюционных пермских образовательных учреждений (Чекмасова, 2019).

И, наконец, третья группа исследований представлена биографическими работами об известных выпускниках, а также преподавателях и руководителях гимназии.

В частности, личность А.И. Иконникова и его семьи исследует Н.Ф. Аверина ([Аверина, 1995](#)), биографию первого директора гимназии Н.С. Попова весьма глубоко изучает в своей 172-страничной монографии Т.А. Калинина ([Калинина, 2009](#)).

По отдельным персоналиям лаконичная информация содержится в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона ([Брокгауз-Ефрон, 1891](#); [Брокгауз-Ефрон, 1900а](#); [Брокгауз-Ефрон, 1900б](#)), а также в «Русском биографическом словаре» ([РБС, 1910](#)).

Безусловно, указанный историографический обзор является лишь частичным, однако представляется нам вполне достаточным для поставленной в данном исследовании цели и решения его задач.

4. Результаты

Модель мужского гимназического образования, по нашему мнению, будет хорошо проиллюстрирована на примере Пермской мужской гимназии, которая, как уже указывалось, является одной из старейших в Российской империи и с полным правом может называться классической. Что касается «классичности», то отметим сразу, что все открываемые государством гимназии по факту были классическими, так как должны были всецело соответствовать Уставам 1804, 1828, 1866, 1871 годов, определявшим содержание гимназического образования. Устав 1864 года наряду с «классическими» впервые ввёл понятие «реальных» гимназий, уклон в которых был сделан в пользу технических дисциплин, однако вскоре (а именно – через 7 лет, по Уставу от 1871 года) их стали именовать «реальными училищами», а все гимназии априори стали классическими.

Прекрасной иллюстрацией развития модели мужского гимназического образования служит история мужской гимназии в г. Перми.

Пермская мужская гимназия ([Рисунок 1](#)) является первым образовательным учреждением Пермского наместничества: учебное заведение было открыто ещё при Екатерине II Великой в 1783 году и являлось низшим народным училищем, называвшимся «Российской градской Пермской школой». Здание первоначально было деревянным и располагалось на Покровской улице ([Зверев, 1896: 3](#)).

С момента своего появления и вплоть до расформирования в 1923 году гимназия была образцовым и наиболее авторитетным образовательным учреждением Пермской губернии (см., напр., [Егорова, 2008](#)).

Рис. 1. Пермская мужская гимназия в конце XIX века (фотография сделана К.Ф. Чайковским)

С момента открытия и несмотря на различные названия, учреждение было одним из основных образовательных учреждений не только города, но и наместничества (а впоследствии – и губернии).

В 1786 году генерал-губернатор Пермского и Тобольского наместничеств, генерал-аншеф Евгений Петрович Кашкин, на базе «градской школы» открыл «Главное народное училище», увеличив преподавательский штат до 4-х человек, а в конце 1790-х годов под руководством нового Пермского генерал-губернатора (сама Пермская губерния в самостоятельную административную единицу была выделена в 1796 году – *Прим. авт.*), тайного советника и талантливого инженера Карла Фридриха Модераха, было построено монументальное двухэтажное здание с балконом-

мансардой в виде большого купола, в котором располагался актовый зал (Рисунок 2). Как указывает А.В. Зверев, «28-го мая¹ 1795 года была начата постройка нового каменного дома на углу Сибирской и Петропавловской улиц, куда училище было переведено в 1797 году» (Зверев, 1896: 3-4).

Рис. 2. Старое здание Пермской мужской гимназии, построенное в 1795–1797 годах (Зверев, 1896)

Гимназией учреждение стало 29 июня 1808 года с преобразованием училища в Пермскую мужскую гимназию на основании так называемого «университетского» Устава от 5 ноября 1804 года (который, помимо регламентации высшего образования, устанавливал преемственность в образовательной сфере: каждое учебное заведение готовило обучающегося к следующему уровню – *Прим. авт.*); первым её директором стал Никита Саввич Попов (1763–1834). Весьма глубокий биографический анализ его личности был сделан в фундаментальном исследовании Т.А. Клининой (см. Калинина, 2009). Известный географ, краевед, автор нескольких монографий по истории, экономике и географии Пермского края, член-корреспондент Вольного общества любителей российской словесности, статский советник Н.С. Попов управлял гимназией вплоть до отставки в 1829 году и проявил себя как человек рачительный и строгий, который весьма заботился о материальном и хозяйственном благополучии вверенного ему заведения. Вместе с тем, известный в XIX веке в губернии пермский купец Д.Е. Смышляев указывал на крайнюю личную неприятность Попова, который, по его воспоминаниям, был не только скуп, но и позволял себе рукоприкладство в отношении своих пансионеров (см., в частности, РБС, 1910: 557).

Преподавание велось согласно Уставу 1804 года, как и в других гимназиях империи. Каждое учебное заведение было подшефно действующему в губернии университету. В случае с Пермской гимназией таковым выступал Казанский университет, так как Пермская губерния входила в состав Казанского учебного округа (Нечаев, 2025).

4-летний курс обучения включал такие предметы как математика, история, география, физика (с уклоном на эмпирическое понимание её законов), грамматика, рисование, музыка, философия и др. (Нечаев, 2025).

Идеи декабризма не обошли стороной и педагогический состав Пермской гимназии. Как указывает А.Г. Нечаев, «главными инициаторами учреждения “вольной” школы стали учитель Пермской мужской гимназии В.Т. Феонов и служащий губернского правления М.Г. Сведомский» (Нечаев, 2025).

Устав 1804 года утратил силу с введением в 1828 году «Устава гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского». Этот Устав, помимо ужесточения контроля и цензуры (что и было главной целью его введения), конкретизировал преемственность учреждений в образовательной сфере, а также содержание образования.

Гимназическое образование стало семилетним. Обязательными предметами являлись филологические дисциплины (как русский, так и иностранные языки, в частности, французский,

¹ Здесь и далее – все даты по старому стилю.

немецкий и латинский; а в гимназиях при университетах – ещё и греческий), прочие гуманитарные дисциплины (история, география, логика, искусствоведение, основы экономики и пр.), а также «реальные» или технические/«точные» дисциплины (математика, физика, статистика и т. д.). В отличие от нижестоящих учебных заведений – приходских (начальный уровень) и уездных (низший уровень) училищ, – гимназическое образование (средний уровень) оставалось по-прежнему исключительно платным, хотя и дотировалось государством. Контроль за дисциплиной значительно усилился как со стороны губернской (региональной) образовательной дирекции, так и со стороны попечителя образовательного округа.

Пермская мужская гимназия действовала в соответствии с данным Уставом. В 1842 году в ней произошёл пожар и здание полностью выгорело; обучение было перенесено в здание по другому адресу. Лишь в 1847 году началась закладка здания, которое существует и по сей день (см. [Рисунок 1](#)), а построено оно было в 1849 году. Отдельные недочёты в строительстве упразднились в период летних каникул и окончательно были устранены лишь к 1853 году ([Зверев, 1896: 4](#)).

Занимаемая площадь учреждения составляла 2693 кв. сажень. Противопожарная безопасность включала в себя три пожарные машины и бак над колодцем ёмкостью в 150 вёдер воды. Вместе с тем, с течением времени и усилением как вширь, так и вглубь образовательной политики в Российской империи, имеющихся площадей строения не хватало для всех обучающихся, и было принято решение построить рядом ещё одно здание, заложенное в 1895 году ([Зверев, 1896: 4](#)).

Новые гимназические уставы 1864 и 1871 года значительно конкретизировали среднее образование в Российской империи.

Уставом 1864 года учреждались 4-классные прогимназии, сами гимназии делились на гуманитарные («классические») и технические («реальные»). Выпускники классических гимназий получали право поступления в университеты без вступительных экзаменов. Директора гимназии назначал министр народного просвещения.

Пермская мужская гимназия первоначально была отнесена к реальным: «На основании решения Государственного совета от 21 марта 1849 г. преподавание в гимназиях было разделено на общее (классическое) и специальное (реальное). В результате пермская гимназия была отнесена к реальным. Тем не менее в ней с 1852 г. старшие классы были разделены на 2 отделения: воспитанники, готовившиеся к университету, занимались латинским языком, а другие, желающие идти на военную и гражданскую службу, больше внимания уделяли математике, физике, законоведению. В августе 1871 г. Пермская гимназия была преобразована в «классическую» с двумя древними языками. В связи с этим был открыт приготовительный класс, где обучали письму и чтению на иностранных языках. К концу XIX века учебный план гимназии состоял из 17 основных предметов» ([Нечаев, 2019: 30](#)).

Устав 1871 года признавал гимназиями только классические гимназии с увеличившимся до 8 лет курсом обучения, в то время как реальные гимназии преобразовывались в училища с уменьшенным 6-летним курсом. Преподавателям вменялась в обязанность и воспитательная работа, был усилен упор на изучение древних языков (не без влияния министра народного просвещения А.С. Норова), который впоследствии был значительно ослаблен по причине фактической ненужности таковых. Некоторые предметы стали платными (черчение, рисование и пр.). Устав формально действовал до 1918 года, а фактически (с незначительными изменениями) – вплоть до упразднения гимназии в 1923 году. Значительное влияние на развитие гимназии оказал Я.И. Алфионов, будучи директором данного учреждения в течение 22-х лет – в 1884–1906 годах.

Несколько слов скажем об именитых выпускниках Пермской мужской гимназии. Одним из первых учеников её стал архитектор, преподаватель, академик Императорской Академии художеств, тайный советник И.И. Свиязев (1797–1875), окончивший гимназический курс в 1815 году ([Брокгауз-Ефрон, 1900: 162](#)). Выпускником гимназии был прославленный востоковед, заслуженный профессор Петербургского университета, тайный советник И.Н. Березин (1818–1896) ([Брокгауз-Ефрон, 1891: 511–512](#)). Другим известным учёным стал сын купца Д.Е. Смышляева, известный краевед, почётный член Императорского православного палестинского общества Д.Д. Смышляев (1828–1893) ([Брокгауз-Ефрон, 1900: 592](#)). Известными выпускниками были также историк А.А. Дмитриев, театральный деятель С.П. Дягилев, промышленник и член Госсовета И.Г. Каменский, биолог и путешественник В.В. Сапожников и др.

5. Заключение

Модель мужского гимназического образования в Российской империи хорошо иллюстрирует деятельность Пермской мужской гимназии, основанной в 1808 году и действующей на основе ряда уставов, регламентирующих среднее образование, в частности Уставов 1804, 1828, 1864 и 1871 годов.

Деятельность Пермской гимназии велась в соответствии с принципами дореволюционного гимназического образования, а именно гендерной сегрегации учащихся (обучение в Пермской мужской гимназии было доступно лишь для мальчиков), платности гимназического образования и пр.

Важной составляющей модели была её сетевая организация: программа (имеется в виду содержание образования) и курс обучения (имеется в виду количество лет обучения) утверждались

Министерством народного образования и были практически едиными по всей России; Пермская гимназия не являлась исключением.

Средний уровень гимназического обучения требовал для поступления наличия низшего образования и был необходим для получения высшего образования.

Пермская мужская гимназия явилась примером образцового учреждения данного типа благодаря усилиям директоров Н.С. Попова, Я.И. Алфионова и др., дав России таких известных деятелей экономики, науки и культуры, как И.И. Свиязев, И.Н. Березин, Д.Д. Смышляев, А.А. Дмитриев, С.П. Дягилев, И.Г. Каменский, В.В. Сапожников и др.

Литература

Аверина, 1995 – Аверина Н.Ф. А.И. Иконников и его семья – деятели культуры Пермского края второй половины XIX – начала XX века // *Страницы прошлого*. Пермь, 1995. С. 89-91.

Алфионов, 1897 – Алфионов Я.И. Отчет о состоянии Пермской гимназии за 1895/96 учебный год. Пермь, 1897.

Брокгауз-Ефрон, 1891 – Смышляев, Дмитрий Дмитриевич / *Энциклопедический словарь*. Т. IIIa. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1891.

Брокгауз-Ефрон, 1900a – Свиязев, Иван Иванович / *Энциклопедический словарь*. Т. XXIX. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1900.

Брокгауз-Ефрон, 1900b – Смышляев, Дмитрий Дмитриевич / *Энциклопедический словарь*. Т. XXX. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1900.

Дмитриев, 1888 – Дмитриев А.А. Фундаментальная библиотека Пермской гимназии. Пермь, 1888.

Егорова, 2009 – Егорова М.В. Развитие системы среднего образования на Урале (1808 – февраль 1917 г.). Автореферат дисс. докт. ист. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2009.

Егорова, 2008 – Егорова М.В. Состояние средних школ Урала в дореволюционной России // *Вопросы истории*. 2008. № 7. С. 91-99.

Зверев, 1896 – Зверев А.В. Десять лет в жизни Пермской мужской гимназии. Свод статистических и др. сведений для истории гимназии за 1885/86–1894/95 учебные года. Пермь, 1896.

Зверев, 1908 – Зверев А.В. Старейшее учебное заведение в Перми: К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). Пермь, 1908.

Калинина, 1992 – Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII в. – 1861 г.). Пермь, 1992.

Калинина, 2009 – Калинина Т.А. Директор Пермской гимназии Н.С. Попов. XIX в. Пермь, 2009.

Нечаев, 2019 – Нечаев М.Г. Развитие образования и образовательные учреждения г. Перми в конце XIX – начале XX в. / *История медицины и образования города Перми – три века служения людям. Материалы научно-практической конференции*. Пермь, 2019. С. 24-39.

Нечаев, 2025 – Нечаев М.Г. Пермская модель народного образования XVIII – начала XX вв. // *ПГАСПИ*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/stati/permskaya-model-narodnogo-obrazovaniya-xviii---nachala-xx-vv.html> (дата обращения: 02.08.2025).

РБС, 1910 – Попов, Никита Саввич / *Русский биографический словарь*: в 25 томах. Т. 14. СПб.-М., 1910. С. 556-557.

Уколова, 2013 – Уколова О.С. Социопрофессиональный облик городского учительства Пермской губернии в конце XIX – начале XX веков. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург: УрФУ, 2013.

Фартеев, 2017 – Фартеев Е.К. Первые юбилейные очерки по истории гимназий Перми // *Шаг в историческую науку. Материалы всероссийской конференции молодых ученых* / Под общ. ред. Э.А. Черноухова. Екатеринбург, 2017. С. 15-18.

Чекмасова, 2019 – Чекмасова О.И. История образовательных учреждений Перми до 1917 г.: библиографический список / *История медицины и образования города Перми – три века служения людям. Материалы научно-практической конференции*. Пермь, 2019. С. 326-365.

Cherkasov, 2011 – Cherkasov A.A. (2011). All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution and History*. 2011. 10(2): 138-149.

Magsumov et al., 2020 – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Korolev A.A., Krasnenkova E.V. (2020). The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 2 // *Bylye Gody*. 58(4): 2456-2463.

Magsumov, Zulfugarzade, 2020 – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E. (2020). The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1 // *Bylye Gody*. 57(3): 1113-1123.

References

Alfionov, 1897 – Alfionov, Ya.I. (1897). Otchet o sostoyanii Permskoi gimnazii za 1895/96 uchebnyi god [Report on the state of the Perm gymnasium for the 1895/96 academic year]. Perm'. [in Russian]

- Averina, 1995** – Averina, N.F. (1995). A.I. Ikonnikov i ego sem'ya – deyateli kul'tury Permskogo kraia vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [A.I. Ikonnikov and his family – cultural figures of the Perm region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Stranitsy proshlogo*. Perm'. Pp. 89-91. [in Russian]
- Brokgauz-Efron, 1891** – Smyshlyaev, Dmitrii Dmitrievich [Smyshlyaev, Dmitry Dmitrievich]. Entsiklopedicheskii slovar'. T. IIIa. SPb.: Brokgauz-Efron, 1891. [in Russian]
- Brokgauz-Efron, 1900a** – Sviyazev, Ivan Ivanovich [Sviyazev, Ivan Ivanovich]. Entsiklopedicheskii slovar'. T. XXIX. SPb.: Brokgauz-Efron, 1900. [in Russian]
- Brokgauz-Efron, 1900b** – Smyshlyaev, Dmitrii Dmitrievich [Smyshlyaev, Dmitry Dmitrievich]. Entsiklopedicheskii slovar'. T. XXX. SPb.: Brokgauz-Efron, 1900. [in Russian]
- Chekmasova, 2019** – Chekmasova, O.I. (2019). Istoriya obrazovatel'nykh uchrezhdenii Permi do 1917 g.: bibliograficheskii spisok [History of educational institutions of Perm before 1917: bibliographic list]. *Istoriya meditsiny i obrazovaniya goroda Permi – tri veka sluzheniya lyudyam. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Perm'. Pp. 326-365. [in Russian]
- Cherkasov, 2011** – Cherkasov, A.A. (2011). All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution and History*. 10(2): 138-149.
- Dmitriev, 1888** – Dmitriev, A.A. (1888). Fundamental'naya biblioteka Permskoi gimnazii [Fundamental library of the Perm gymnasium]. Perm'. [in Russian]
- Egorova, 2008** – Egorova, M.V. (2008). Sostoyanie srednikh shkol Urala v dorevolutsionnoi Rossii [The State of Secondary Schools in the Urals in Prerevolutionary Russia]. *Voprosy istorii*. 7: 91-99. [in Russian]
- Egorova, 2009** – Egorova, M.V. (2009). Razvitie sistemy srednego obrazovaniya na Urale (1808 – fevral' 1917 g.) [Development of the Secondary Education System in the Urals (1808 – February 1917)]. Avtoreferat diss. dokt. ist. nauk. Mosk. ped. gos. un-t. M. [in Russian]
- Farteev, 2017** – Farteev, E.K. (2017). Pervye yubileinye ocherki po istorii gimnazii Permi [The first anniversary essays on the history of Perm gymnasiums]. *Shag v istoricheskuyu nauku. Materialy vserossiiskoi konferentsii molodykh uchenykh*. Pod obshch. red. E.A. Chernoukhova. Ekaterinburg. Pp. 15-18. [in Russian]
- Kalinina, 1992** – Kalinina, T.A. (1992). Razvitie narodnogo obrazovaniya na Urale v doreformennyi period (80-e gody XVIII v. – 1861 g.) [Development of public education in the Urals in the pre-reform period (1780s – 1861)]. Perm'. [in Russian]
- Kalinina, 2009** – Kalinina, T.A. (2009). Direktor Permskoi gimnazii N.S. Popov [Director of the Perm gymnasium N.S. Popov]. XIX v. Perm'. [in Russian]
- Magsumov et al., 2020** – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Korolev, A.A., Krasnenkova, E.V. (2020). The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820-1917). Part 2. *Bylye Gody*. 58(4): 2456-2463.
- Magsumov, Zulfugarzade, 2020** – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E. (2020). The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820-1917). Part 1. *Bylye Gody*. 57(3): 1113-1123.
- Nechaev, 2019** – Nechaev, M.G. (2019). Razvitie obrazovaniya i obrazovatel'nye uchrezhdeniya g. Permi v kontse XIX – nachale XX v. [Development of education and educational institutions of Perm in the late XIX – early XX centuries]. *Istoriya meditsiny i obrazovaniya goroda Permi – tri veka sluzheniya lyudyam. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Perm'. Pp. 24-39. [in Russian]
- Nechaev, 2025** – Nechaev, M.G. (2025). Permskaya model' narodnogo obrazovaniya XVIII – nachala XX vv. [Perm model of public education of the XVIII – early XX centuries]. PGASPI. [Electronic resource]. URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/stati/permskaya-model-narodnogo-obrazovaniya-xviii---nachala-xx-vv.html> (date of access: 02.08.2025). [in Russian]
- RBS, 1910** – Popov, Nikita Savvich [Popov, Nikita Savvich]. Russkii biograficheskii slovar': v 25 tomakh. T. 14. SPb.-M., 1910. Pp. 556-557. [in Russian]
- Ukolova, 2013** – Ukolova, O.S. (2013). Sotsioprofessional'nyi oblik gorodskogo uchitel'stva Permskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX vekov [Socio-professional appearance of the urban teaching staff of the Perm province in the late 19th – early 20th centuries]. Avtoreferat diss. kand. ist. nauk. Ekaterinburg: UrFU. [in Russian]
- Zverev, 1896** – Zverev, A.V. (1896). Desyat' let v zhizni Permskoi muzhskoi gimnazii. Svod statisticheskikh i dr. svedenii dlya istorii gimnazii za 1885/86–1894/95 uchebnye goda [Ten years in the life of the Perm male gymnasium. Collection of Statistical and other information for the history of the gymnasium for the 1885/86–1894/95 academic year]. Perm'. [in Russian]
- Zverev, 1908** – Zverev, A.V. (1908). Stareishee uchebnoe zavedenie v Permi: K stoletiyu Permskoi muzhskoi gimnazii (1808–1908) [The oldest educational institution in Perm: on the centenary of the Perm male gymnasium (1808–1908)]. Perm'. [in Russian]

**К вопросу о модели мужских гимназий Российской империи
(на примере Пермской мужской гимназии)**

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c, Александр Егорович Елифанов ^d,
Иван Николаевич Куксин ^e

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^e Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная рукопись посвящена краткому анализу мужского гимназического образования на примере деятельности Пермской мужской гимназии. Методологической основой стали такие методы исторического исследования, как метод классификации, историко-системный и историко-генетический методы, метод синтеза и метод историографического анализа. Материалами работы стали труды по истории гимназического образования в Российской империи, включая исследования Пермской мужской гимназии.

Пермская мужская гимназия была основана в 1808 году и действовала на основе ряда уставов, регламентирующих среднее образование, в частности Уставов 1804, 1828, 1864 и 1871 годов. Деятельность гимназии велась в соответствии с принципами дореволюционного гимназического образования, а именно гендерной сегрегации учащихся (обучение в Пермской мужской гимназии было доступно лишь для мальчиков), платности гимназического образования, преемственности уровней образования и прочего. Важной составляющей модели была её сетевая организация: программа (имеется в виду содержание образования) и курс обучения (имеется в виду количество лет обучения) утверждались Министерством народного образования и были практически едиными по всей России; Пермская гимназия не являлась исключением. Средний уровень гимназического обучения требовал для поступления наличия низшего образования и был необходим для получения высшего образования.

Пермская мужская гимназия явилась примером образцового учреждения данного типа благодаря усилиям директоров Н.С. Попова, Я.И. Алфионова и других, дав России таких известных деятелей экономики, науки и культуры, как И.И. Свиязев, И.Н. Березин, Д.Д. Смышляев, А.А. Дмитриев, С.П. Дягилев, И.Г. Каменский, В.В. Сапожников и других.

Ключевые слова: модель гимназического образования в Российской империи, Пермская мужская гимназия, система образования Российской империи, гимназическое образование, Пермская губерния.

* Корреспондирующий автор

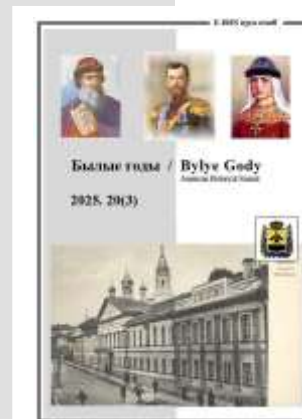
Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1203-1212
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1203

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Caucasus War in Soviet and Russian Historiography. Part 1

Andrey V. Bedrik ^{a, *}, Nikita S. Tkalenko ^a

^a Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The view of the Caucasian War in Soviet historiography was not uniform. The events in the region were always viewed from the perspective of Marxist-Leninist ideology, emphasizing national liberation struggles and class conflicts, but the actual content of these ideologies could vary significantly. While in the 1920s and 1930s, negative assessments of imperial Russia and positive assessments of freedom-loving mountaineers were dominant, since the 1940s, there has been a gradual shift towards blaming the mountain aristocracy, interpreting Russia's role as objectively positive, and emphasizing the external instigation of the mountaineers to engage in armed conflict. In the 1980s, a concept emerged that emphasized the responsibility of the mountain side for the outbreak of the Caucasian War. The contradictory assessment was not spared by the political leaders in the events under consideration. Consequently, the preconditions for the subsequent “war of historiographies” surrounding the Caucasian War were established during the Soviet period. It was at this time that, on the one hand, a vast body of scientific research was created that denounced the colonial policy of the Russian Empire in the Caucasus and, to some extent, glorified the national liberation movement of the highlanders. On the other hand, there was a tendency to reevaluate this interpretation of the Caucasian War.

Keywords: soviet historiography, marxist-leninist philosophy, ideology, colonialism, North Caucasus, caucasian studies, Caucasian War, Russian Empire, highlanders, north caucasian peoples.

1. Введение

В 2014 г. вышла в свет статья Ш.А. Гапурова, А.М. Бугаева и В.В. Черноуса, в которой авторы обратили внимание на то, что у термина «Кавказская война» до сих пор нет чёткого определения, и самая его суть по-разному понимается различными исследователями, что породило множество эмоциональных дискуссий, споров, нападок и даже «войн историографий» (Гапуров и др., 2014: 90-91). Историки отмечают, что пока нет общепринятого содержания термина «Кавказская война», тяжело трактовать как хронологию, так и причины понимаемых под данным термином событий. Осветив и прокомментировав различные интерпретации данного термина, авторы попытались найти те ключевые точки, в которых сходятся мнения всех исследователей. С точки зрения Ш.А. Гапурова, А.М. Бугаева и В.В. Черноуса, более или менее бесспорным является то, что, начиная с середины XVI в., Россия стремилась установить свой контроль на Кавказе, поскольку регион являлся важным геополитическим местом. При этом, начиная с XVI в. до начала XIX в., политика России по отношению к горцам Кавказа предусматривала преимущественно мирные формы и методы, в результате чего к началу XIX в. большая часть кавказских народов вошла в подданство России, что также было закреплено международными договорами. Однако, начиная с 1818 г., главноуправляющий на Кавказе А.П. Ермолов начинает проводить политику по отношению к горцам, сопряжённую с жёсткими, силовыми методами, что и со стороны горцев вызывает восстание и борьбу. С каждым десятилетием данная реакция горского населения становится всё более радикальной, но,

* Corresponding author

E-mail addresses: avbedrik@sfedu.ru (A.V. Bedrik)

тем не менее, Ш.А. Гапуров, А.М. Бугаев и В.В. Черноус однозначно предлагают считать данную борьбу народно-освободительной. В то же время исследователи отмечают, что кроме военных силовых методов у А.П. Ермолова прослеживались и элементы более умеренной политики, мирных форм взаимодействия с горцами, ценность которых он ощутил под конец своей кавказской карьеры (Гапуров и др., 2014: 97).

Соглашаясь с основными положениями данной статьи, мы полагаем, что ситуация вокруг термина «Кавказская война» ещё сложнее. Обратившись к более широкому спектру научных работ, мы обнаружили, что даже те ключевые точки Кавказской войны, которые Ш.А. Гапуров, А.М. Бугаев и В.В. Черноус считают общепринятыми, разделяются не всеми учёными. Кроме того, исследователи могут считать принципиально важными факты/сюжеты, не нашедшие отражения в предлагаемой схеме развития событий. В то же время нам представляется важным, что далеко не все авторы используют термин «Кавказская война», а некоторые даже вполне сознательно выступают против его использования, считая терминологически некорректным.

В подобной ситуации нам представляется полезным рассмотреть в данной статье более широкий, чем в предыдущих исследованиях, круг точек зрения на Кавказскую войну (понимая под ней как события, обозначаемые термином «Кавказская война» в рамках нарратива конкретного автора, так и военные столкновения на Кавказе в первой половине XIX в., даже если автор не использует для их обозначения рассматриваемый нами термин).

2. Материалы и методы

С учётом огромного массива историографии о Кавказской войне, мы решили несколько ограничить круг разбираемых нами работ, руководствуясь следующими принципами:

1) Поскольку сам термин «Кавказская война» возник в русском языке и эволюционировал в рамках большинства российских научных школ (включая национальные научные школы республик Северного Кавказа, для которых универсальным языком остаётся русский) с минимальным иностранным влиянием, мы не рассматривали работы на прочих языках, которые следует исследовать отдельно.

2) Нас интересовали исключительно научные работы, поскольку число научно-популярных, энциклопедических, художественных и проч. работ о Кавказской войне огромно, а, кроме того, в соответствии с формулировкой крупного российского учёного И.Н. Данилевского, живой литературный язык «нетерминологичен по своей сути» (т. е. не предполагает строгого и однозначного значения употребляемых словосочетаний) (Данилевский, 2020: 110).

3) Мы не рассматривали работы, созданные до 1917 г., поскольку строго научных в их числе почти нет и, более того, для этого периода сложно провести однозначную границу между научным и военно-практическим исследованием (в этом контексте показательна, в частности, монография Т.А. Колосовской и Д.С. Ткаченко «Военные кавказоведы Российской империи: биобиблиографический словарь») (Колосовская, Ткаченко, 2021).

Русскоязычные научные работы о Кавказской войне советского и современного периодов мы пытались проанализировать максимально полно, хотя, безусловно, в рамках статьи отдельные работы выпали из нашего внимания.

При этом мы принципиально не ставили перед собой задачи выявить более и менее обоснованные взгляды на термин «Кавказская война» (включая вопрос о корректности употребления этого термина), более и менее верные интерпретации причин и хода рассматриваемых событий и т. д. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, в рамках данной статьи мы хотели прежде всего показать то, насколько многообразны взгляды на историю Кавказа XIX в. даже исключительно в русскоязычной историографии. Во-вторых, мы совершенно осознанно хотели деперсонализировать свой анализ, избежав в нём большего внимания и более позитивного отношения к позициям тех авторов, идеи которых близки нам.

3. Обсуждение и результаты

А.А. Журтова, П.А. Кузьминов, А.А. Коновалов, Е.Г. Муратова отмечают, что если в дореволюционный период процесс становления и развития отечественного кавказоведения сопровождался рождением первых библиографических и источниковых обзоров в исследованиях, посвящённых российско-кавказскому историческому взаимодействию, то советский период характеризуется общим подъёмом исторической науки и появлением первых научных работ по данной проблематике (Zhurtova et al., 2017: 777).

И.М. Скибицкая подчёркивает, что в советский период шло осмысление Кавказской войны в рамках марксистско-ленинской идеологии. Изначально, в новых исторических условиях приветствовалось любое разоблачение царизма, а детальный военно-исторический анализ Кавказской войны не был востребован. Под влиянием классово-партийного подхода события стали рассматриваться через призму национально-освободительной борьбы против колониального гнёта царского самодержавия. К концу 1940-х гг. осуществляется попытка переоценки Кавказской войны: происходил отход от безусловного признания её антиколониальной и антифеодальной

направленности, намечался акцент на прогрессивные последствия вхождения горцев Северного Кавказа в российское государство. В 1950-е гг. советские историки старались более детально разобраться в данном довольно сложном процессе, несмотря на идеологическое давление. Более подробно были изучены вопросы значения идеологии мюридизма в период Кавказской войны, развитие общественных отношений у горских племён, предпосылки и преграды для создания своей государственности и т. д. (Скибицкая, 2011: 5-6).

Как заметил А.Д. Панеш, историческая наука советского периода была подвержена сильному влиянию политической конъюнктуры, и в ней наступали такие периоды, когда правда предавалась забвению, а тенденциозность одерживала верх. История становилась рупором в руках политических вождей, и это наносило науке непоправимый вред (Панеш, 2006: 13).

Интересная оценка эволюции историографии Кавказской войны принадлежит Д.Б. Абдурахманову. По его мнению, в период «оттепели» Н.С. Хрущёва Кавказская война трактовалась и рассматривалась в рамках идеологии марксизма-ленинизма как классовая борьба и национально-освободительное движение, но мюридизм при этом позиционировался реакционным процессом (Абдурахманов, 2015: 18). В период же «развитого социализма» Л.И. Брежнева Кавказская война была закрыта политической цензурой для исследования с точки зрения национально-освободительной войны против русского самодержавия. В данный период возобладали концепция глубоких исторических корней единого советского народа, где все межэтнические противоречия в истории народов СССР перестали рассматриваться, как и сама Кавказская война (Абдурахманов, 2015: 18-19). Хотя подобная оценка и имеет под собой определённые основания, в действительности она не вполне корректна по отношению к брежневскому периоду. Как мы увидим, в это время выходили отдельные работы, посвящённые Кавказской войне.

В.В. Лапин отмечает, что традиционно до 1960-х гг. в советской историографии события придавались широкой трактовке «Кавказские войны», которые включали в себя боевые действия XVIII–XIX вв. С 1973 г. Большая Советская Энциклопедия ограничила Кавказскую войну периодом 1817–1864 гг. и географически – Чечней, Дагестаном и Северо-Западным Кавказом. Это усилило позиции тех, кто заострял внимание на её национально-освободительном характере, так как приход русских войск с обустройством своих укреплений в Дагестане и Чечне затмевает набеговую составляющую конфликта, которая была самой главной в XVIII – начале XIX в. (Лапин, 2007: 85).

В целом остаётся констатировать, что имеющиеся работы по историографии Кавказской войны советского периода демонстрируют разнообразие оценок и расходятся в деталях, однако сходны в одном: идеологическая цензура в это время сильно ограничивала возможность для исследователей презентовать свои результаты, и при этом соотношение допустимых/неприемлемых тем и оценок динамично менялось.

В советский период Кавказская война рассматривалась в рамках марксистской исторической науки (Жилина, 2016: 526). Немалое влияние на русский марксизм в целом оказали идеи революционных демократов, таких как А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, хотя их размышления были не столько научными, сколько политико-идеологическими. А.И. Герцен, вынужденный жить в эмиграции и критикующий самодержавный строй в Российской империи, негативно относился к событиям на Кавказе в данный период. По его мнению, война на Кавказе со стороны России носит несправедливый и кровопролитный характер, а горцы отстаивают свою независимость и свободу. Кроме всего прочего, Герцен находил общее в русских крестьянах, выступающих против крепостного права, и горцах, препятствующих российской администрации на Кавказе, где, по его мнению, все они боролись за свободу (Гаджиев, Пикман, 1998: 37, 41). Н.Г. Чернышевский видел в боевых действиях на Кавказе процесс истощения России (Гаджиев, Пикман, 1998: 48). Н.А. Добролюбов отмечал, что горцы, воюя с Россией, отстаивали свою независимость и неприкосновенность быта (Гаджиев, Пикман, 1998: 79). В результате советская историческая наука, по крайней мере, формально, демонстрировала преемственность только с одной из традиций дореволюционного описания Кавказской войны – традицией революционно-демократической, однозначно рассматривавшей Российскую империю в качестве тиранической силы, покушавшейся на свободу горцев.

Действительно, в конце 20-х – начале 40-х гг. XX в. авторы ряда советских исторических журналов, таких как «Красный архив» (Бушуев, 1940: 189-195; Бушуев, 1941: 115-125), «Революция и горец» (Хубиев, 1928: 73; Кокиев, 1929: 30-35; Ошаев, 1929: 39-44; Буркин, 1931: 44-60), «Борьба классов» (Сивков, 1936: 24-25), «Историк-марксист» (Петрушевский, 1940: 141-144), трактовали события Кавказской войны через призму борьбы свободолюбивых горцев против жестокой колониальной политики царизма. В то же время в данных работах обогащалась фактографическая часть истории Кавказской войны: детально изучались биографии горских лидеров антиимперской политики на примере имама Шамиля, уделялось внимание борьбе между Россией, Англией и другими державами за установление своего господства в регионе, рассматривалась роль черкесского вопроса. В целом преобладала оценка Кавказской войны как «одной из самых продолжительных, мучительных, кровавых и опустошительных войн в истории колониальных захватов и грабежей» (Бушуев, 1940: 190).

Разберём, в качестве примера, интерпретацию Кавказской войны С.К. Бушуевым. Он отмечал, что Кавказская война оказывала большое значение на международные отношения, так как Англия, Франция и Турция, не желая усиления России в регионе, делали всё, чтобы Россия была втянута в войну с горцами на как можно более длительное время (Бушуев, 1939: 104). Автор обращал внимание на следующие события, которые, по его мнению, были основными эпизодами Кавказской войны: «зверскую, волчью завоевательную» политику главнокомандующего А.П. Ермолова в регионе (Бушуев, 1939: 18); «Блистательную эпоху Шамиля» – период успешной борьбы имама против российских войск (Бушуев, 1939: 88); а также штурм аулов Ахульго и Гуниб (Бушуев, 1939: 87, 162).

Штурм Ахульго, как «беспримерную в истории Кавказской войны кровопролитную бойню» и как один из важных эпизодов этой войны, выделял и Р.М. Магомедов (Магомедов, 1939: 80). В его интерпретации Кавказская война представляла антиколониальным движением горцев против России, а захват Северного Кавказа и стран Закавказья выступал интересом и главной задачей самодержавия, связанной с укреплением и ростом русского национального государства. Он также отмечал, что продвижение России на Кавказ было подготовлено колониальной политикой царизма за несколько сотен лет, начиная ещё с конца XV в., когда московские цари вели усиленные дипломатические переговоры с Прикаспийскими и Закавказскими странами (Магомедов, 1939: 12-13).

Г.А. Кокиев на примере осетин отмечал, что XIX в. является самой трагичной, покрытой кровью крепостных крестьян, страницей. Данный период ознаменован множеством восстаний осетинских крепостных крестьян, которые подавлялись самыми жестокими мерами генералов царской армии России (Кокиев, 1926: 108).

Однако уже в 1920-е гг. появляются принципиально новые концепции, не восходящие к идеям революционных демократов. В этом контексте показательна позиция М.В. Покровского, который обращал внимание на то, что Кавказская война исходит из российско-персидского и российско-турецкого противостояния на Кавказе. «Война с горцами – Кавказская война в тесном смысле – непосредственно вытекла из этих персидских походов: её значение было чисто стратегическое, всего менее колониационное... Персидские – и лишь отчасти турецкие – войны определили, таким образом, не только объективно Кавказскую войну, но и субъективно: они объясняют нам её психологию» (Дипломатия и войны, 1923: 179-180). С фактографической точки зрения Покровский отмечал, что в процессе активизации политики России по покорению Кавказа у горцев в ответ распространялось течение мюридизма, предлагавшего в качестве метода сопротивления партизанские действия, что обуславливало характер Кавказской войны (Дипломатия и войны, 1923: 213). Исследователь часто обращал внимание на сопротивление российской армии и войска имама Шамиля, причём в его интерпретации императорская армия всегда доминировала в численности, но уступала в тактике и качестве ведения боя. Потому для борьбы с непокорными горцами российское начальство в регионе нередко прибегало к всё более жёстким формам (выжигание и истребление аулов горцев, имеющих связь с имамом Шамилем). Но в конечном итоге падение авторитета Шамиля и своевременное перевооружение солдат Отдельного Кавказского корпуса принесли победу российскому правительству в покорении Кавказа и поставили точку в многолетней войне (Дипломатия и войны, 1923: 217-229).

В дальнейшем, с 1940-х гг., интерпретации различными авторами Кавказской войны становятся ещё разнообразнее, и схема противостояния тиранической России и свободолюбивых горцев, восходящая к революционным демократам, перестаёт быть сперва единственно возможной, а затем и доминирующей. Рассмотрение причин этого уведёт нас слишком далеко от темы данной статьи, поэтому ограничимся указанием на то, что схожие процессы переоценки роли России в положительную сторону, вплоть до её откровенной идеализации, были характерны и для других областей исторического знания в период «борьбы с космополитизмом».

Так, М.Д. Багиров предлагал пересмотреть взгляд на процесс мюридизма на территории Северного Кавказа в XIX в. Он отмечал, что мюридизм при Шамиле являлся религиозным течением ислама с наиболее реакционными и воинствующими особенностями. М.Д. Багиров также обращал внимание на то, что Турция и Персия использовали ислам у горцев в борьбе против России, чем также пользовалась и Англия (Багиров, 1950: 4, 6). В данном случае реакционной силой оказывались уже горцы, в сравнении с которыми Российская империя, оставаясь колониальным государством, приобретала определённые прогрессивные черты.

Тема внешнего влияния на горцев присутствует и у Н.А. Смирнова, понимавшего под Кавказской войной движение горцев на Кавказе в XIX в. (Смирнов, 1958: 189). Столкновения в XIX в. между Россией, Турцией и Ираном автор интерпретировал как следствие не только захватнических appetitов названных сторон, но и колониальных интересов Франции и Англии (Смирнов, 1958: 173), которые нередко вмешивались в кавказские дела, провоцировали горцев на борьбу с Россией и тем самым ещё более обостряли и без того напряжённую обстановку, сложившуюся в регионе (Смирнов, 1958: 197).

Схожим образом и А.Р. Иоанисян, пристально изучая соперничество между Россией, Турцией, Ираном, Британией и Францией за влияние в Закавказье в начале XIX в., отмечал, что в этот период в регионе действовало большое количество антироссийских агентов и агитаторов (Иоанисян, 1958: 438,

439). Таким образом, важной причиной Кавказской войны стало позиционироваться внешнее влияние других колониальных и деспотических государств, кроме России.

Наконец, в сборнике «Народы Кавказа» Кавказская война трактуется как война кровопролитная, принёсшая огромные бедствия народам России и Кавказа. Тем не менее, авторы отмечали, что, несмотря на жёсткую колониальную политику России в регионе, включение Северного Кавказа в её состав имело и значительное прогрессивное значение для кавказских народов. Во-первых, была устранена угроза порабощения региона отсталыми восточными деспотиями, как авторы позиционировали Турцию и Иран. Во-вторых, происходила ликвидация экономической и политической раздробленности, шло прекращение феодальных и племенных междоусобиц, разорявших регион и приводивших к бедствиям местного населения, шло приобщение народов Кавказа к более высокой и прогрессивной системе социально-экономических отношений, которые развивались в России, что способствовало ликвидации прежней замкнутой системы у горцев, ускоряло их культурное и экономическое развитие (Народы Кавказа, 1960: 96). Черкесский вопрос тоже рассматривался как неоднозначный: в интерпретации данного сборника турецкими агентами были осуществлены провокации, повлёкшие массовое переселение горцев Северного Кавказа в пределы Османской империи, которая была заинтересована использовать данных мухаджиров в предстоящих войнах с Россией и подавлениях национально-освободительных движений на Балканах. В то же время и Российская империя содействовала переселению «немирных горцев» с территорий Северного Кавказа, желая установления спокойствия в регионе и использования земель в своих интересах (Народы Кавказа, 1960: 98-99). Таким образом, здесь мы видим, как политика Российской империи, всё ещё трактуемая как колониальная, приобретает в интерпретации авторов в целом позитивные черты с учётом общей отсталости региона.

При этом сохраняет актуальность и прежняя советская интерпретация Кавказской войны как противостояния свободолюбивых горцев и тиранической России, однако и в её рамках некоторые авторы добавляют более неоднозначные концепты.

Например, А.В. Фадеев под термином «Кавказская война» понимал кровопролитные и беспощадные боевые действия, в которых присутствовали грубый произвол царских чиновников и насилие местных горских крепостнических элит, период длительной борьбы народа против колониально-феодального режима (Фадеев, 1960: 358, 371). Кроме того, исследователь обращал внимание на то, что события в регионе осложнила борьба за влияние между Францией, Англией, Турцией и Россией. При этом причиной Кавказской войны он однозначно считал завоевательную политику царизма, которая, по его мнению, ущемляла интересы горцев (Фадеев, 1932: 38-39; Фадеев, 1960: 309). Антироссийские движения горцев в период Кавказской войны А.В. Фадеев рассматривал с точки зрения революционной концепции, называя их «антиколониальным движением крестьянских масс» (Фадеев, 1960: 318, 374). Таким образом, позитивными чертами в рамках данной концепции наделялись только «крестьянские массы» горцев, а горские феодалы рассматривались как не менее негативная, чем Российская империя, сила.

События на Кавказе с точки зрения революционной концепции рассматривал и советский историк Х.М. Ибрагимбейли. Он писал: «Выступления, бунты и восстания крестьян Кавказа и Закавказья в 50-е гг. XIX в. представляли собой типичную форму борьбы угнетённых крестьянских масс против непосильного феодального гнёта и царизма с его жестокой колониальной политикой» (Ибрагимбейли, 1971: 338). Боевые действия в регионе он условно разделял на присоединение к России территорий Закавказья и прикаспийских земель в 1801–1829 гг. и присоединение территории Северного и Западного Кавказа, включение которых происходило с наибольшим кровопролитием, завершившимся только в 1864 г. (Ибрагимбейли, 1971: 118).

Классовую борьбу в сопротивлении горцев России на примере кабардинцев отмечал и Т.Х. Кумыков: «Кабардинский народ неоднократно поднимался на борьбу против колониального и феодально-крепостнического гнёта» (Кумыков, 1957: 53). В итоге движение горцев он соотносил с общероссийским движением крестьянских масс.

Как мы наблюдаем, с 1950-х гг. в историографии получает распространение концепция разделения горцев на по-прежнему позитивно оцениваемые свободные массы и негативно оцениваемых реакционных феодалов, что тоже разрушает характерную для ранней советской историографии однозначную оценку Кавказской войны.

Идею колониального покорения Кавказа и ущемления горских народов российским царизмом поддерживал и В.Г. Гаджиев (Гаджиев, 1965: 213). Историк обращал внимание, что в период Кавказской войны отношения между горцами и терско-гребенским казачеством сильно ухудшаются, причём не в первой половине XIX в., как принято было считать, а ещё с конца XVIII в. Вину за это он возлагает на российскую администрацию, которая вовлекала казачество в военную систему империи, в том числе и на Кавказе (Гаджиев, 1965: 246). Но при этом автор делал акцент на том, что кровопролитные действия в регионе были развязаны не русским народом, а российским самодержавием, ссылаясь на то, что немалая часть русской интеллигенции сочувствовала и сопереживала автохтонному населению в период боевых действий (Гаджиев, 1965: 248). Таким образом, в позднесоветский период даже у авторов, интерпретировавших Кавказскую войну в

качестве колониальной со стороны Российской империи, происходит своеобразное «размывание» ответственности русских за неё: не только горцы, но и русские оказываются разделены на прогрессивных и реакционных.

Наконец, в контексте споров об уместности употребления самого термина «Кавказская война», нельзя не отметить, что некоторые советские авторы де-факто обходились без него.

В частности, выдающийся российский и советский историк, Е.В. Тарле в своих трудах при описании событий на Кавказе в XIX в. не употреблял термина «Кавказская война», альтернативой которому служило понятие «кампания на Кавказе» (Тарле, 1959b: 280-287; Тарле, 1959a: 475-498). При этом общая логика интерпретаций Е.В. Тарле «кампаний на Кавказе» была крайне благоприятной для Российской империи. Действуя в рамках описанной выше логики объяснения Кавказской войны негативным внешним влиянием, исследователь обращал пристальное внимание на то, что одной из причин кровопролитных событий в регионе являлась антироссийская деятельность Англии, Франции и Турции, которые стремились подорвать влияние России на Кавказе. Горский лидер антироссийского сопротивления, имам Шамиль, в интерпретации Е.В. Тарле был лишь инструментом в борьбе за влияние в регионе между державами. «Если бы некоторые историки, восторгавшиеся хищническими набегами Шамиля на мирные аулы, видевшие в нём некоего доблестного руководителя “народной войны”, не обнаруживали близорукости или иной раз просто незнания фактов, то они поняли бы, как часто все эти мнимо доблестные “руководители освободительной борьбы” против России – будь то на Кавказе, в Туркестане, Хиве, Бухаре – были лишь марионетками в многоопытных руках Пальмерстона, а позже Лоуренса или Энвер-паши... Лондон и Константинополь стоят за спиной тех, с кем русскому солдату приходится вести борьбу на Среднем Востоке, как ему приходилось вести несколько раньше борьбу в горах Дагестана против Шамиля и мюридизма» (Тарле, 1962: 327).

М.В. Покровский, рассматривая события на Северо-Западном Кавказе, называл их «Кавказской эпопеей», «Кавказской проблемой» и «Кавказским вопросом», а также отмечал, что на рубеже первой и второй половины XIX в. европейской дипломатии и царской власти России не удалось оборвать исторически прогрессивный ход процесса сближения адыгских народов с Россией (Покровский, 1989: 311).

Советский историк-кавказовед Н.И. Покровский в своей книге «Кавказские войны и имамат Шамиля», которая была создана ещё в 1940 г., но опубликована только после распада СССР, как видно из названия, писал о «Кавказских войнах», трактуя в этом качестве события, связанные с покорением Северного Кавказа российским правительством с XVI в. по середину XIX в. Особо детально изучил он устройство и функциональность системы имамата Шамиля, с помощью которой лидеру антироссийского сопротивления удалось на некоторое время изменить ход войны с манёвренного на позиционный (Покровский, 2000: 322).

Кавказская война изучалась также грузинскими авторами, публиковавшимися на русском языке, однако их работы не слишком выделялись из основной массы советской историографии. Грузинский и советский историк Д.Л. Ватейшвили связывал интересующий нас период с колониальной экспансией русского самодержавия на Кавказе, которая сопровождалась промышленным освоением природных ресурсов края, внешнеполитическими акциями царизма на Ближнем Востоке, проблесками демократизации просвещения в крае, нарастанием освободительной борьбы в Грузии под влиянием идей декабризма (Ватейшвили, 1973: 6).

Только в 1983 г. появляется принципиально новый подход к рассмотрению причин и природы Кавказской войны, который предложил осетинский историк М.М. Блиев. Он предположил, что Кавказская война родилась из экспансии набеговой системы «вольных обществ» горцев Северного Кавказа, восходящей ещё к концу XVII в. С XVII по первую половину XIX в. у горских народов происходил переход от дофеодальных к феодальным отношениям, который протекал в особых географических, политических и этносоциальных условиях и приводил к набеговой системе – экспансии в соседние территории, особенно в Грузию. Постоянная напряжённая обстановка в регионе, сопровождающаяся набеговой экспансией горцев, во второй половине XVIII в. естественным образом привела к столкновению с Российской империей (Блиев, 1983: 54-75). Таким образом, интерпретация Кавказской войны, предложенная М.М. Блиевым, предполагала инверсию традиционных ролей, которые отводила в рамках этой войны России и горцам советская историография. М.М. Блиев не просто «размывал» традиционные роли, утверждая, что в числе русских на Кавказе были прогрессивные элементы, а в числе горцев – реакционные, не просто подчёркивал внешнее вмешательство в Кавказскую войну, но недвусмысленно связал её с внешней экспансией не Российской империи, а горских племён.

Важной финальной точкой в развитии советского кавказоведения стало издание первых двух томов классического труда «История народов Северного Кавказа» (1988 г.). В то же время в рамках интересующей нас проблематики данное издание скорее продолжало существующую традицию описаний Кавказской войны, чем вносило что-то принципиально новое. Например, отмечалось, что антироссийская деятельность османских агентов проявлялась и в последней четверти XVIII в. (История народов..., 1988b: 331). События в XIX в. на Северном Кавказе трактовались как

«многолетняя борьба горцев», «антифеодалная и антиколониальная борьба народов Северного Кавказа» (*История народов...*, 1988а: 131-274).

4. Заключение

Таким образом, в советской историографии взгляд на Кавказскую войну не был единообразным. Хотя формально события в регионе всегда рассматривались с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, для их описания использовался терминологический аппарат советской науки с акцентом на национально-освободительную борьбу и классовые противостояния, фактическое наполнение этих идеологием могло существенно различаться. Так, ключевая фигура большинства интерпретаций Кавказской войны, имам Шамиль, оценивался в диапазоне от национального героя и лидера антиколониального сопротивления до марионетки британского капитала.

В то же время нельзя не отметить, что общая эволюция интерпретаций Кавказской войны в советский период развивалась в направлении ослабления критики России и усиления критики горцев. Если в 1920–1930-е гг. абсолютно доминировали негативные оценки тиранической России и позитивные оценки свободолюбивых горцев, то с 1940-х гг. постепенно нарастают тенденции к обвинению горских феодалов, интерпретации роли России как объективно положительной, акцентированию внимания на внешнем подстрекательстве горцев к вооружённой борьбе. Поэтому появление в 1980-е гг. концепции М.М. Блиева, возлагавшей ответственность за начало Кавказской войны на горскую сторону, развивало тенденции всего советского периода. Однако при этом обличения «царизма с его жестокой колониальной политикой», вопреки мнению Д.Б. Абдурахманова, имели место и в период правления Л.И. Брежнева.

Следовательно, предпосылки для последующей «войны историографий» вокруг Кавказской войны сложились именно в советский период. Именно в это время, с одной стороны, был создан обширный массив научных исследований, обличавших колониальную политику Российской империи на Кавказе и в той или иной степени героизирующих национально-освободительное движение горцев, а с другой стороны - возобладала тенденция на переоценку подобной интерпретации Кавказской войны. С ослаблением цензурного прессы и развитием научного плюрализма конфликт сторонников противоположных взглядов на историю Кавказа XIX в. был неизбежен, а кровавые события 1990-х гг. только обострили его.

5. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Литература

- Абдурахманов, 2015 – Абдурахманов Д.Б. Битва за Чечню. «Война историографий», или информационная война. Грозный, 2015. 429 с.
- Багиров, 1950 – Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля. М., 1950. 32 с.
- Блиев, 1983 – Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // *История СССР*. 1983. № 2. С. 54-75.
- Буркин, 1931 – Буркин Н.Г. Великодержавность и национализм в горской историографии // *Революция и горец*. 1931. № 5 (31). С. 44-60.
- Бушуев, 1939 – Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.; Л., 1939. 184 с.
- Бушуев, 1940 – Бушуев С.К. Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен» // *Красный Архив*. 1940. № 5 (102). С. 189-233.
- Бушуев, 1941 – Бушуев С.К. К биографии Шамиля // *Красный Архив*. 1941. № 2 (105). С. 115-139.
- Ватейшвили, 1973 – Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М., 1973. 457 с.
- Гаджиев, 1965 – Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. 391 с.
- Гаджиев, Пикман, 1998 – Гаджиев В.Г., Пикман А.М. Российские демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX века. Махачкала, 1998. 120 с.
- Гапуров и др., 2014 – Гапуров Ш.А., Бугаев А.М., Черноус В.В. К 150-летию окончания Кавказской войны: о хронологии, причинах и содержании // *Научная мысль Кавказа*. 2014. № 4 (80). С. 90-100.
- Данилевский, 2020 – Данилевский И.Н. «Слова, слова, слова» // *Новое прошлое / The New Past*. 2020. № 3. С. 102-122.
- Дипломатия и войны, 1923 – Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: сборник статей / М.Н. Покровский. М., 1923. 392 с.
- Жилина, 2016 – Жилина А.И. Отечественная историография Кавказской войны: этапы развития / *Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием*. Ростов н/Д, 2016. С. 525-531.

- Ибрагимбейли, 1971 – Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. и международные отношения. М., 1971. 404 с.
- Иоанисян, 1958 – Иоанисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958. 447 с.
- История народов..., 1988a – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1988. 659 с.
- История народов..., 1988b – История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988. 543 с.
- Кокиев, 1926 – Кокиев Г.А. Очерки по истории Осетии. Ч. 1. Владикавказ, 1926. 160 с.
- Кокиев, 1929 – Кокиев Г.А. Военно-колониционная политика царизма на Кавказе // *Революция и горец*. 1929. № 4 (6). С. 30-35.
- Колосовская, Ткаченко, 2021 – Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи: библиографический словарь. Ставрополь, 2021. 334 с.
- Кумыков, 1957 – Кумыков Т.Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957. 134 с.
- Лапин, 2007 – Лапин В.В. Хронологические рамки Кавказской войны в контексте ее историографии // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2007. № 3. Серия 2. С. 78-88.
- Магомедов, 1939 – Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1939. 132 с.
- Народы Кавказа, 1960 – Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960. 612 с.
- Ошаев, 1929 – Ошаев Х.Д. Мюридизм в Чечне // *Революция и горец*. 1929. № 3 (5). С. 39-44.
- Панеш, 2006 – Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп, 2006. 128 с.
- Петрушевский, 1940 – Петрушевский И.П. Рецензия на книгу Бушуева С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля // *Историк-марксист*. 1940. № 7. С. 141-144.
- Покровский, 1989 – Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. 319 с.
- Покровский, 2000 – Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. 511 с.
- Сивков, 1936 – Сивков К.В. Эпизоды из истории колониального ограбления Кавказа (XIX в.) // *Борьба классов*. 1936. № 8. С. 24-35.
- Скибицкая, 2011 – Скибицкая И.М. Завершение Кавказской войны (1860–1864 гг.): военно-политические и социальные аспекты: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Краснодар, 2011. 25 с.
- Смирнов, 1958 – Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М., 1958. 244 с.
- Тарле, 1959a – Тарле Е.В. Военные действия на Северном Кавказе и в Закавказье в 1854–1855 гг. Взятие Карса. Т. 9. М., 1959. С. 475-498.
- Тарле, 1959b – Тарле Е.В. Кампания 1853 г. на Кавказе. Т. 8. М., 1959. С. 280-287.
- Тарле, 1962 – Тарле Е.В. Милютин Д.А. Дневник. Т. 3: 1878–1880. Т. 12. М., 1962. С. 323-331.
- Фадеев, 1932 – Фадеев А.В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932. 43 с.
- Фадеев, 1960 – Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М., 1960. 398 с.
- Хубиев, 1928 – Хубиев И.А. (Карачайлы И.). Горцы и казаки в XVIII веке // *Революция и горец*. 1928. № 2. С. 73-80.
- Zhurtova et al., 2017 – Zhurtova A.A., Kuzminov P.A., Konovalov A.A., Muratova E.G. The Problem of Russian-Caucasian Historical Interaction in the National Liberal Historiography of the late XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. Pp. 776-784.

References

- Abdurakhmanov, 2015 – Abdurakhmanov, D.B. (2015). Bitva za Chechnyu. «Voina istoriografii», ili informatsionnaya voina [The Battle for Chechnya. The “war of historiographies”, or the information war]. Grozny. 429 p. [in Russian]
- Bagirov, 1950 – Bagirov, M.D. (1950). K voprosu o kharaktere dvizheniya myuridizma i Shamilya [On the question of the nature of the Muridism and Shamil movement]. M. 1950. 32 p. [in Russian]
- Bliev, 1983 – Bliev, M.M. (1983). Kavkazskaya voina: sotsial'nye istoki, sushchnost' [The Caucasian War: social origins, essence]. *Istoriya SSSR*. 2: 54-75. [in Russian]
- Burkin, 1931 – Burkin, N.G. (1931). Velikoderzhavnost' i natsionalizm v gorskoj istoriografii [Great Power and Nationalism in Mountain Historiography]. *Revolutsiya i gorets*. 5(31): 44-60. [in Russian]
- Bushuev, 1939 – Bushuev, S.K. (1939). Bor'ba gortsev za nezavisimost' pod rukovodstvom Shamilya [The Highlanders' struggle for independence under the leadership of Shamil]. M.; Leningrad. 184 p. [in Russian]
- Bushuev, 1940 – Bushuev, S.K. (1940). Anglo-russkii intsident so shkhunoi «Viksen» [The Anglo-Russian incident with the schooner Vixen]. *Krasnyi Arkhiv*. 5(102): 189-233. [in Russian]
- Bushuev, 1941 – Bushuev, S.K. (1941). K biografii Shamilya [To the biography of Shamil]. *Krasnyi Arkhiv*. 2(105): 115-139. [in Russian]

- [Danilevskii, 2020](#) – *Danilevskii, I.N.* (2020). "Slova, slova, slova" ["Words, words, words"]. *Novoe proshloe/The New Past*. 3: 102-122. [in Russian]
- [Diplomatiya i voyny..., 1923](#) – *Diplomatiya i voyny tsarskoi Rossii v XIX stoletii: sbornik statei.* M.N. Pokrovskii [Diplomacy and wars of Tsarist Russia in the 19th century: a collection of articles. M.N. Pokrovsky]. M. 1923. 392 p. [in Russian]
- [Fadeev, 1932](#) – *Fadeev, A.V.* (1932). *Russkii tsarizm i krest'yanskaya reforma v Abkhazii* [Russian Tsarism and peasant reform in Abkhazia]. Sukhum. 43 p. [in Russian]
- [Fadeev, 1960](#) – *Fadeev, A.V.* (1960). *Rossiya i Kavkaz v pervoi treti XIX veka* [Russia and the Caucasus in the first third of the 19th century]. M. 398 p. [in Russian]
- [Gadzhiev, 1965](#) – *Gadzhiev, V.G.* (1965). *Rol' Rossii v istorii Dagestana* [The role of Russia in the history of Dagestan]. M. 391 p. [in Russian]
- [Gadzhiev, Pikman, 1998](#) – *Gadzhiev, V.G., Pikman, A.M.* (1998). *Rossiiskie demokrati o bor'be gortsev Dagestana i Chechni v 20-50 gg. XIX veka* [Russian Democrats on the struggle of the mountaineers of Dagestan and Chechnya in the 20-50 years of the XIX century]. Makhachkala. 120 p. [in Russian]
- [Gapurov i dr., 2014](#) – *Gapurov, Sh.A., Bugaev, A.M., Chernous, V.V.* (2014). *K 150-letiyu okonchaniya Kavkazskoi voyny: o khronologii, prichinakh i soderzhanii* [On the 150th anniversary of the end of the Caucasian War: chronology, causes and content]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 4 (80): 90-100. [in Russian]
- [Ibragimbeili, 1971](#) – *Ibragimbeili, Kh.M.* (1971). *Kavkaz v Krymskoi voine 1853–1856 gg. i mezhdunarodnye otnosheniya* [The Caucasus in the Crimean War of 1853–1856 and international relations]. M. 404 p. [in Russian]
- [Ioanisyanyan, 1958](#) – *Ioanisyanyan, A.R.* (1958). *Prisoedinenie Zakavkaz'ya k Rossii i mezhdunarodnye otnosheniya v nachale XIX stoletiya* [The annexation of Transcaucasia to Russia and international relations at the beginning of the 19th century]. Yerevan. 447 p. [in Russian]
- [Istoriya narodov Severnogo..., 1988](#) – *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. Otv. red. B.B. Piotrovskii* [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century. Ed. by B.B. Piotrovsky]. M. 543 p. [in Russian]
- [Istoriya narodov..., 1988](#) – *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.). Otv. red. A.L. Narochitskii* [The history of the peoples of the North Caucasus (the end of the XVIII century – 1917). Ed. by A.L. Narochitsky]. M. 659 p. [in Russian]
- [Khubiev, 1928](#) – *Khubiev, I.A.* (Karachailly I.). *Gortsy i kazaki v XVIII veke* [Highlanders and Cossacks in the 18th century]. *Revol'yutsiya i gorets*. 2: 73-80. [in Russian]
- [Kokiev, 1926](#) – *Kokiev, G.A.* (1926). *Ocherki po istorii Osetii. Chast' 1* [Essays on the history of Ossetia. Part 1]. Vladikavkaz. 160 p. [in Russian]
- [Kokiev, 1929](#) – *Kokiev, G.A.* (1929). *Voenno-kolonizatsionnaya politika tsarizma na Kavkaze* [The military colonization policy of Tsarism in the Caucasus]. *Revol'yutsiya i gorets*. 4(6): 30-35. [in Russian]
- [Kolosovskaya, Tkachenko, 2021](#) – *Kolosovskaya, T.A., Tkachenko, D.S.* (2021). *Voennye kavkazovedy Rossiiskoi imperii: biobibliograficheskii slovar'* [Military kavkazologists of the Russian Empire: a bio-bibliographic dictionary]. Stavropol. 334 p. [in Russian]
- [Kumykov, 1957](#) – *Kumykov, T.Kh.* (1957). *Prisoedinenie Kabardy k Rossii i ego progressivnye posledstviya* [The annexation of Kabarda to Russia and its progressive consequences]. Nalchik. 134 p. [in Russian]
- [Lapin, 2007](#) – *Lapin, V.V.* (2007). *Khronologicheskie ramki Kavkazskoi voyny v kontekste ee istoriografii* [Chronological framework of the Caucasian War in the context of its historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 3(2): 78-88. [in Russian]
- [Magomedov, 1939](#) – *Magomedov, R.M.* (1939). *Bor'ba gortsev za nezavisimost' pod rukovodstvom Shamilya* [The Highlanders' struggle for independence under the leadership of Shamil]. Makhachkala. 132 p. [in Russian]
- [Narody Kavkaza, 1960](#) – *Narody Kavkaza. T. 1* [The Peoples of the Caucasus. Vol. 1] M. 1960. 612 p. [in Russian]
- [Oshaev, 1929](#) – *Oshaev, Kh.D.* (1929). *Myuridizm v Chechne* [Muridism in Chechnya]. *Revol'yutsiya i gorets*. 3(5): 39-44. [in Russian]
- [Panesh, 2006](#) – *Panesh, A.D.* (2006). *Myuridizm i bor'ba adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza za nezavisimost' (1829–1864 gg.)* [Muridism and the struggle of the Adygs of the Northwest Caucasus for independence (1829–1864)]. Maykop. 128 p. [in Russian]
- [Petrushevskii, 1940](#) – *Petrushevskii, I.P.* (1940). *Retsenziya na knigu Bushueva S.K. Bor'ba gortsev za nezavisimost' pod rukovodstvom Shamilya* [A review of the book by Bushuev S.K. The Mountaineers' struggle for independence under the leadership of Shamil]. *Istoriik-marksist*. 7: 141-144. [in Russian]
- [Pokrovskii, 1989](#) – *Pokrovskii, M.V.* (1989). *Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka: Sotsial'no-ekonomicheskie ocherki* [From the history of the Adygs at the end of the XVIII – first half of the XIX century: Socio-economic essays]. Krasnodar. 319 p. [in Russian]
- [Pokrovskii, 2000](#) – *Pokrovskii, N.I.* (2000). *Kavkazskie voyny i imamat Shamilya* [The Caucasian Wars and Shamil's Imamate]. M. 511 p. [in Russian]

- [Sivkov, 1936](#) – *Sivkov, K.V.* (1936). Epizody iz istorii kolonial'nogo ogrableniya Kavkaza (XIX v.) [Episodes from the history of the colonial plunder of the Caucasus (19th century)]. *Bor'ba klassov*. 8: 24-35. [in Russian]
- [Skibitskaya, 2011](#) – *Skibitskaya, I.M.* (2011). Zavershenie Kavkazskoi voyny (1860-1864 gg.): voenno-politicheskie i sotsial'nye aspekty [The end of the Caucasian War (1860-1864): military, political and social aspects]: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Krasnodar. 25 p. [in Russian]
- [Smirnov, 1958](#) – *Smirnov, N.A.* (1958). Politika Rossii na Kavkaze v XVI–XIX vekakh [Russian policy in the Caucasus in the XVI–XIX centuries]. M. 244 p. [in Russian]
- [Tarle, 1959a](#) – *Tarle, E.V.* (1959). Voennye deistviya na Severnom Kavkaze i v Zakavkaz'e v 1854–1855 gg. Vzyatie Karsa. T. 9 [Military operations in the North Caucasus and Transcaucasia in 1854–1855. The capture of Kars. Vol. 9]. Moscow. Pp. 475-498. [in Russian]
- [Tarle, 1959b](#) – *Tarle, E.V.* (1959). Kampaniya 1853 g. na Kavkaze. T. 8 [The 1853 Campaign in the Caucasus. Vol. 8]. M. Pp. 280-287. [in Russian]
- [Tarle, 1962](#) – *Tarle, E.V.* (1962). Milyutin D.A. Dnevnik. T. 3: 1878-1880. T. 12 [Milyutin D.A. Diary. Vol. 3: 1878-1880. Vol. 12]. M. Pp. 323-331. [in Russian]
- [Vateishvili, 1973](#) – *Vateishvili, D.L.* (1973). Russkaya obshchestvennaya mysl' i pechat' na Kavkaze v pervoi treti XIX veka [Russian public thought and the press in the Caucasus in the first third of the 19th century]. M. 457 p. [in Russian]
- [Zhilina, 2016](#) – *Zhilina, A.I.* (2016). Otechestvennaya istoriografiya Kavkazskoi voyny: etapy razvitiya [Russian historiography of the Caucasian War: stages of development]. *Yug Rossii i sopredel'nye strany v voynakh i vooruzhennykh konfliktakh: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Rostov n/D. Pp. 525-531. [in Russian]
- [Zhurtova et al., 2017](#) – *Zhurtova, A.A., Kuzminov, P.A., Kononov, A.A., Muratova, E.G.* (2017). The Problem of Russian-Caucasian Historical Interaction in the National Liberal Historiography of the late XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 45(3): 776-784.

Кавказская война в советской и российской историографии. Часть 1

Андрей Владимирович Бедрик ^{a, *}, Никита Сергеевич Ткаленко ^a

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Взгляд исследователей в советской историографии на Кавказскую войну не был тождественным. События в регионе всегда рассматривались с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, с акцентом на национально-освободительную борьбу и классовые противостояния, однако фактическое наполнение данных идеологом могло существенно различаться. Если в 1920–1930-е гг. доминировали негативные оценки имперской России и позитивные оценки свободолюбивых горцев, то с 1940-х гг. постепенно нарастают тенденции к обвинению горской аристократии, интерпретации роли России как объективно положительной, акцентированию внимания на внешнем подстрекательстве горцев к вооружённой борьбе. В 1980-е гг. появляется концепция, где имеет место быть ответственность горской стороны за начало Кавказской войны. Противоречивая оценка не обошла стороной и политических лидеров в рассматриваемых событиях. Следовательно, предпосылки для последующей «войны историографий» вокруг Кавказской войны сложились именно в советский период. Именно в это время, с одной стороны, был создан обширный массив научных исследований, обличавших колониальную политику Российской империи на Kavkaze и в той или иной степени героизирующих национально-освободительное движение горцев, а, с другой стороны, возобладали тенденции на переоценку подобной интерпретации Кавказской войны.

Ключевые слова: советская историография, марксистско-ленинская философия, идеология, колониализм, Северный Kavkaz, кавказоведение, Кавказская война, Российская империя, горцы, северокавказские народы.

* Корреспондирующий автор

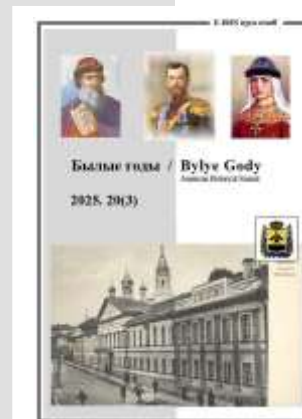
Адреса электронной почты: avbedrik@sfedu.ru (А.В. Бедрик)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1213-1226
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1213

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Contradictions between Russian Imperial Legislation and Real Practices of the Orenburg Authorities in the Matter of Return of Runaway Slaves to Their Nomad Owners in the 1820s

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^aCherkas Global University, Houston, USA

^bVolgograd State University, Russian Federation

Abstract

In the first half of the 19th century a specific practice developed in the Orenburg borderland. According to it, foreign slaves (we use this term to designate slaves who weren't Russian Empire's subjects) were to be granted freedom as well as a choice whether to return home or convert to Orthodoxy and become Russian subjects. However, in the materials of the Joint State Archive of Orenburg Region we have found several deviations from this practice. Based on microhistorical analysis of these cases we will attempt to reconstruct the logic of Russian officials, which would allow us to understand the nuances of their attitude towards Central Asian slavery and everyday life of the Orenburg borderland.

In 2 chronologically earliest cases the runaway slaves were asked to be returned by influential and loyal to Russia nomad rulers. In connection to this, Orenburg Border Commission analyzed imperial legislation and found out that it permits unconditional emancipation only to those foreign slaves who were captured by their owners. Runaway foreign slaves who were bought by their owners were to be returned to them if they didn't convert to Orthodoxy and become Russian subjects. Later 2 other slaves bought by their owners were declined emancipation precisely on this basis.

Furthermore, it turned out that the legislative act to which Orenburg authorities previously referred to while freeing slaves (the Collegium of Foreign Affairs decree of 26th February 1752) did not only become outdated, but contains an opposite directive – to return runaway slaves to their masters. At the same time, there is no reason to suspect willful falsification. Apparently, Central Asian slavery was stigmatized in the eyes of Orenburg officials by 1820s, and it simply didn't occur to them that the Russian Empire could've acted as its accomplice. In favor of this speaks the fact that Orenburg Border Commission eventually freed 2 of the slaves whom we mentioned earlier (1 on the grounds of converting to Orthodoxy and becoming Russian subject, and 1 on the grounds of his owner emancipating him). The fate of 2 more slaves is not established, but it appears that Orenburg Border Commission spoke in favor of their emancipation. The only one Russian official who took concrete position in accordance with the law, even if it went in conflict with abolitionist values, was the Orenburg military governor P.K. Essen – who, however, had decisive influence on the matter.

Keywords: slavery, legislation on slavery, Russian Empire, Central Asia, legal contradictions, P.K. Essen.

1. Введение

В одной из своих предыдущих статей мы рассматривали феномен иностранных, преимущественно принадлежащих к иранскому миру, рабов¹, бежавших в пределы Российской

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPerettko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

¹ Под «иностранными рабами» здесь и далее мы будем понимать рабов, не имевших подданства Российской империи.

империи из Центральной Азии в первой половине XIX в. (Peretyatko, 2024: 1586–1597). Мы пришли к выводу, что, хотя российские чиновники в целом относились к этой категории людей достаточно равнодушно и до 1851 г. специально не занимались их освобождением, сумевшие самостоятельно выбраться в Россию иностранные рабы могли рассчитывать не только на официальное получение свободы, но и на отправку на родину через Астрахань за казённый счёт (Peretyatko, 2024: 1595). Дальнейшее изучение конкретных историй подобных рабов в целом подтвердило сделанный нами вывод, однако мы столкнулись с несколькими случаями, когда оренбургские власти оказывались в более сложной ситуации: например, выяснялось, что беглый раб-иностранец принадлежит влиятельному степному правителю, лояльному Российской империи, и претендующему на его возвращение. Как нам представляется, анализ этих случаев принципиально важен для понимания отношения российских чиновников первой половины XIX в. к рабству в Центральной Азии как таковому, а не только к тем случаям, когда в рабстве оказывались российские подданные. Подобному анализу и посвящена наша статья.

2. Материалы и методы

Основу для нашего исследования составят хранящиеся в Объединённом государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО) (Оренбург, Российская Федерация) материалы о судьбе тех иностранных рабов, бежавших в пределы Российской империи из Центральной Азии в первой половине XIX в., которые не были сразу освобождены. Нам удалось выявить всего 4 подобных рабов, причём материалы о них оказались в одном деле (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159). Переписка о них относится ко второй половине 1820-х гг., и, возможно, в дальнейшем тоже были подобные случаи, однако в 1829 г. Оренбургская пограничная комиссия получила право «Казылбашей отправлять в их отечество» без получения предварительного разрешения оренбургского военного губернатора (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 177-177об.). Соответственно, с этого времени возвращение на родину иностранных рабов, бежавших в Россию из Центральной Азии, сопровождалось меньшим объёмом бюрократической переписки и фиксируется в архивных документах заметно слабее.

Рассматривая, вслед за К. Гинзбургом, социальную конфигурацию общества как «результат взаимодействия бесчисленных индивидуальных стратегий: плотное переплетение, восстановить которое под силу лишь приближенному наблюдению» (Гинзбург, 2004: 312), мы попытаемся на микроисторическом уровне восстановить ход событий, связанных с обсуждением статуса каждого из 4 интересующих нас рабов. Соотнеся их случаи с общим контекстом, мы уясним как правовую основу, на которой происходило регулирование статуса иностранных рабов, бежавших в пределы Российской империи из Центральной Азии, так и отношение российских чиновников к этим рабам, – которое, на самом деле, окажется даже важнее формальных законоположений.

3. Обсуждение

Большая часть исследований, посвящённых рабству в XIX в. в Центральной Азии, уделяет основное внимание подданным Российской империи, захваченным в рабство кочевниками. Е.К. Созина даже обосновывает существование специфического «дискурса “степных пленников”» в русской литературе (Созина, 2016: 6-15). Исследования же о рабах-мусульманах в Центральной Азии как правило касаются ситуации с ними в Бухаре (Исмаилова, 1973: 20-30) и Хиве (Tadjieva, 2023: 53-62; Tojjeva, 2020: 211-214). Проблематика, связанная с пребыванием рабов-мусульман у кочевых народов, а тем более с их бегством в Россию и дальнейшим освобождением, остаётся почти не разработанной.

4. Результаты

4.1. Спор о судьбе Рамазана Бай Худайдатова и Мубарис-хана Мир-Мухаметева

Летом 1825 г. в Троицкую крепость из киргизской¹ степи убежал Рамазан Бай Худайдамов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 28). Его история не представляла собой ничего необычного для беглых рабов из Центральной Азии: уроженец города Кабула, пять лет назад, пася скот, он был захвачен «Трухменскими ворами», продан ими киргизцам, но сумел бежать в пределы Российской империи (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 28-28об.). Явно желавший любым путём выбраться из рабства, Р. Бай Худайдамов просил отправить его с караваном в Бухару, чтобы оттуда вернуться в Кабул, но был готов и «остаться вечно в России с приисканием себе рода жизни», хотя на родине у него была семья (жена и маленький сын) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 28-28об.). Вероятно, в обычной ситуации оренбургские власти удовлетворили бы желание беглого раба, как они почти всегда поступали в подобных случаях.

¹ В большинстве случаев мы используем закавыченные оригинальные этнонимы из аутентичных документов («трухменцы», «бухарцы» и т. д.). Однако чаще всего в документах встречается этноним «киргизцы» и близкие к нему («киргизы», «киргиз-кайсаки» и т. д.). Чтобы не перегружать текст закавыченными словами, мы будем использовать этноним киргизцы как зонтичный для всех подобных. Обычно в российских документах под этими этнонимами подразумевались казахи.

Однако вскоре к коменданту Троицкой крепости явился некий Сарыбай, брат киргизского султана Мяття Мамет Галиева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 280б.). Обратим внимание, что речь идёт не о рядовом кочевом правителе: Мадий Магомет-Галиев/Мати Мухамметгалиев достаточно известен в историографии как султан-правитель Средней части Младшего жуза в конце 1820-х гг. (Galimov et al., 2017: 472; Султангалиева, 2023: 271). С. Мамет Галиев заявил, что Р. Бай Худайдамов принадлежит их семье, бежал в прошлом месяце, и М. Мамет Галиев просит вернуть его обратно (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 280б.). Нам представляется очень важным, что реакция коменданта в документах описывается так: «Г. Петерсон, не разрешась сам собой отдать Султану оного Арапа, испрашивает в разрешение предписания» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 280б.). Таким образом, российский офицер не только не предпринял никаких мер против кочевника, открыто признавшегося во владении рабом, который не являлся подданным Российской империи, но и считал, что этого раба следует выдать обратно хозяину, хотя и не решился сделать этого сам. К сожалению, лапидарность документа не позволяет понять мотивации троцкого коменданта: он мог как считать, что Р. Бай Худайдамова следует вернуть обратно в рабство по закону, но не сделать этого по моральным соображениям, так и, напротив, полагать, что российские законы не регулируют сложившейся ситуации, а с прагматической точки зрения следует вернуть раба лояльному России влиятельному султану.

Тем же летом 1825 г. в Оренбургскую пограничную комиссию из Красногорской крепости прибыл Мубарис-хан Мир-Мухаметов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 51). Его история отличалась от истории Р. Бай Худайдамова только не принципиальными для нас деталями. Житель города Балха, он пять лет назад, во время осмотра скота, был захвачен «трухменцами», продан ими бухарцам, а бухарцами перепродан киргизскому Бию Ямгурче Санамасову и в итоге бежал в Россию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 51-510б.). М. Мир-Мухаметов, подобно Р. Бай Худайдамову, хотел вернуться на родину, правда, не через Бухару, а через Астрахань (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. б. н.).

19 июля 1825 г. сам Я. Санамасов явился в Оренбургскую пограничную комиссию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. без номера). Он совершенно прямо заявил, что купил сбежавшего у него раба в Бухаре, причём, что интересно, чётко обговорив, что в неволе последний будет 25 лет, а затем «непременно получит от услуг свободу» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. без номера). Это хорошо соотносится с утверждениями Е.В. Возгриня о том, что в мусульманских рабовладельческих практиках Черноморского региона в позднее Средневековье и Новое время работа раба «была сносной и, что важно, временной» (Возгрин, 2011: 98). Он даже утверждал, что «в Крыму существовал обычай отпускать пленников на волю через 5-6 лет подневольного труда» (Возгрин, 2011: 96). Действительно, согласно О.Д. Рустемову, в рамках судебных практик Крымского ханства было нормой, когда хозяин определял невольнику срок службы, после которого отпускал, а в случае неисполнения этого договора невольник имел право требовать освобождения через суд (Рустемов, 2022: 721-723). Судя по всему, схожие практики имели место и в Центральной Азии, и Я. Санамасов заключил с М. Мир-Мухаметовым подобный договор. Я. Санамасов особенно подчёркивал русским чиновникам, что относился к рабу хорошо и женил его на местной девушке, а причиной побега якобы стала именно ссора с женой (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. без номера). В итоге Я. Санамасов просил вернуть ему невольника «в уважение оказанных услуг покойным отцом его и самим им Российской стороне» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. без номера).

Таким образом, в 1825 г. Оренбургская пограничная комиссия столкнулась с принципиально новой для неё ситуацией. Двое явно влиятельных и лояльных России кочевых правителей, включая человека, который казался российским властям достаточно удобным и значимым, чтобы вскоре получить назначение султаном-правителем одной из частей Младшего жуза, просили вернуть им сбежавших рабов, которые не были подданными Российской империи. Нам известен только один более ранний случай, когда лояльный России кочевой правитель просил выдать ему беглого раба: в 1815 г. вернуть «слугу моего, персианина», который «сделал от меня утечку и теперь находится в Орской крепости» требовал старшина Т. Ауков (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 10б.-2). Однако тогда Т. Ауков просил также 300 руб. за спасение четырёх русских пленников из Бухары, причём оказалось, что никаких русских пленников он не освобождал, а за вывоз из Бухары 20 беглых татар собственноручно и был недавно возведён в старшины российскими властями (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 1-2, 5-6). Следовательно, в этом случае проситель был куда менее влиятелен, а его требования были как минимум странными. В итоге оренбургский губернатор Г.С. Волконский даже не стал рассматривать вопрос о возвращении Т. Аукову беглого раба, запросив у Оренбургской пограничной комиссии мнение только о том, следует ли выдать ему 300 руб. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 3-30б.).

Обратим внимание также на специфическую терминологию, используемую в разбираемых нами случаях российскими властями. Выше мы видели, что Т. Ауков назвал сбежавшего от него раба «службой». В случаях с Р. Бай Худайдамовым и М. Мир-Мухаметовым этот эвфемизм фактически легитимировала и Оренбургская пограничная комиссия. Она не называла Р. Бай Худайдамова и М. Мир-Мухаметова прямым текстом рабами или невольниками, зато приводила в косвенном пересказе речь людей, требовавших вернуть их. Речь С. Мамет Галиева выглядела так: «Он (Р. Бай Худайдамов – Прим. А.П.) куплен им (М. Мамет Галиевым – Прим. А.П.) у Киргизов и, находясь у него службой, минувшего месяца от него бежал» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 280б.). Я. Санамасов

просил «возвратить ему вышесказанного слугу его Мубариса» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 6. н.). Таким образом, в первоначальной интерпретации российских властей выходило, что вопрос может стоять не о возврате рабов хозяевам, но о возврате слуг их нанимателям.

Учитывая изложенное, Оренбургская пограничная комиссия оказалась в достаточно сложной, в том числе и с этической точки зрения, ситуации. С одной стороны, устоявшаяся практика предполагала, что иностранные беглецы от рабовладельцев Центральной Азии имеют право на свободу и отправку на родину. Оренбургские чиновники неоднократно живописали тяжесть центральноазиатского рабства, правда, в контексте попавших в него подданных Российской империи. Вот как, например, в 1839 г. будут описывать вернувшихся из Хивы русских пленников в статье, отправленной оренбургским губернатором В.А. Перовским в Министерство иностранных дел для дальнейшей публикации в прессе: «Нельзя было не пожалеть, что не было здесь художника, который передал бы потомству этих рыдающих перед Евангелием выходцев с того света» (Ermachkov, 2021: 31). С другой стороны, обычно практика освобождения иностранных беглецов от рабовладельцев Центральной Азии не встречала возражений ни с чьей стороны, а в данном случае вернуть им рабов требовали два влиятельных и лояльных России кочевых правителя. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Оренбургская пограничная комиссия не рискнула сама принимать решения, обратившись к оренбургскому военному губернатору П.К. Эсену и подготовив для него юридическую справку.

4.2. Высочайшие повеления от 19 октября 1781 г. и 23 августа 1798 г.

В рамках этой справки приводились два высочайших повеления – от Екатерины II уфимскому и симбирскому генерал-губернатору И.В. Якоби (19 октября 1781 г.) и от Павла I оренбургскому военному губернатору О.И. Игельструму (23 августа 1798 г.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 52-550б.). Данные повеления полностью противоречили друг другу не только содержательно, но и стилистически, и предлагали совершенно различную этику отношения к беглым рабам.

Наиболее подробно мы остановимся на высочайшем повелении Екатерины II И.В. Якоби от 19 октября 1781 г. Дело в том, что оно намного превосходит по объёму все остальные приводимые Оренбургской пограничной комиссией документы о том, как следует поступать с беглыми иностранными рабами, и значительно отличается от них содержательно. Есть в этом высочайшем повелении и ещё один интересный нюанс. В одной из своих предыдущих статей мы писали, что возврат иностранных рабов через Астрахань, согласно некоторым документам Оренбургской пограничной комиссии, был предписан указом Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. (Peretyatko, 2024: 1589). В одном из представлений Оренбургской пограничной комиссии, относящемся к 1813 г., даже приводилась следующая выдержка из этого указа: «Выбегающих от Киргизцов персиан, хивинцов, трухменцов и других им подобных народов, исключительно тех, кои пожелают креститься, отпускать в их отечество чрез Астрахань» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1022. Л. 10б.). Екатерина II также ссылалась на этот указ как на документ, регламентирующий политику по отношению к беглым рабам, однако утверждала, что им предписано *возвращать этих рабов хозяевам* (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 52-520б.).

В 1781 г. в Астрахань сумели сбежать четверо рабов-«персиан», не пожелавших принимать православие и попросивших вернуть их на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 52). При этом лично «Хан Киргискайсацкий» требовал возвратить их в рабство, однако местные власти испугались сделать это, поскольку новость о беглецах распространилась, и был риск, что за выдачу «персиан» обратно в рабство могут как-то отомстить российским подданным «в Персидской стороне» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 52-520б.). В итоге дело дошло до Коллегии иностранных дел, а потом и до императрицы (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 52). И в итоге лично Екатерина II приказала астраханскому губернатору, «чтобы он Персиан отпустил свободно по их желаниям, да и впредь с подобными выходцами поступал таким же образом, то есть давая им свободу в России ли селиться или же в отечество возвращаться» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 520б.-53).

Таким образом, ошибочной оказывается встречающаяся в документах Оренбургской пограничной комиссии ссылка на указ Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. как на документ, якобы предписывавший освобождать бежавших в Россию иностранных рабов и отправлять их на родину через Астрахань. Более того, далее мы убедимся, что и приведённая нами выше цитата из этого документа, встречающаяся в одном из представлений Оренбургской пограничной комиссии от 1813 г. («Выбегающих от Киргизцов персиан, хивинцов, трухменцов и других им подобных народов, исключительно тех, кои пожелают креститься, отпускать в их отечество чрез Астрахань») просто неверна. В действительности практика отправки беглых рабов на родину через Астрахань была узаконена только Екатериной II в 1781 г. Однако нам представляется очень показательным, что уже через 30 лет, в 1813 г., оренбургские чиновники были уверены, будто бы подобная практика была введена гораздо раньше, и, по-видимому, не помнили, что в 1752–1781 гг. правительственные указы напрямую предписывали возвращать беглых иностранных рабов из Центральной Азии их хозяевам/не допускать переход таких рабов через границу (о документе, предписывающем последнюю практику, мы будем писать ниже). Как нам представляется, к первой половине XIX в. в российском обществе центральноазиатское рабство вызывало исключительно негативные

ассоциации, и сама идея того, что Российская империя в какой-то период де-факто выступала его пособником, выдавая беглых рабов хозяевам либо отказываясь их принять, казалась неправдоподобной. В итоге правовые нормы, введённые Екатериной II, рассматривались как куда более старинные, и в более ранние документы «вчитывался» соответствующий смысл: мы считаем маловероятным, что в Оренбургской пограничной комиссии кто-то сознательно фальсифицировал цитату из указа Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г., зато нам представляется более чем возможным, что старый рукописный текст был неверно прочитан, исходя из априорных представлений читающего о его содержании.

Собственно, и Екатерина II называла моральный фактор в числе причин, побудивших её принять решение об освобождении всех иностранных рабов, бежавших в Россию из Центральной Азии. Она формулировала это так: «Хотя б в прочем они, Киргискайсаки, и некоторое иждивение употребляли на приобретение невольников; но сих невольников продающие им люди суть разбойники, а невольники те в природе своей свободны были и грабителям их никак принадлежать не могли, потому несправедливо бы было и с природным Нашим человеколюбием несовместно, чтоб на здешних Границах, кои должны быть убежищем всякому утесненному от несчастья и от насильственного превозможения, вечно было соображаемым деянием, заслуживающим наказания» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 54-54об.). Невнятное завершение фразы может быть связано с тем, что оренбургские чиновники снова неверно расшифровали старый документ. Однако даже с учётом возможного искажения ясно, что Екатерина II однозначно акцентировала внимание на трёх факторах:

- 1) Кочевники владеют изначально свободными людьми, захваченными в рабство разбойниками;
- 2) Границы Российской империи должны служить защитой для всех несправедливо утеснённых;
- 3) Соответственно, самое «человеколюбие» требует давать свободу тем иностранным рабам, которые бежали из Центральной Азии в Россию.

Обратим также внимание на то, что, хотя слова «раб» для обозначения беглецов из Центральной Азии Екатерина II не использовала, но не использовала она для их обозначения и слова «слуга», встречающегося в документах Оренбургской пограничной комиссии, предпочитая более однозначное слово «невольник».

Екатерина II доводила до сведения И.В. Якоби, что ему, как и другим российским чиновникам, следует теперь давать беглым иностранным рабам из Центральной Азии выбор: или вернуться на родину, или остаться в России в свободном статусе, – но ни в коем случае не возвращать их хозяевам (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 53). Императрица заранее предполагала, что кочевники будут обращаться к российским чиновникам «по причине сего воспоследовавшего вновь повеления Нашего в отмену прежних определений» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 53-53об.). Поэтому чиновникам предлагался целый список ответов на будущие требования хозяев вернуть им беглых рабов, включая довольно анекдотические: например, предлагалось говорить кочевникам, что «потеря их невольников, со всем тем, однако ж, будет всегда малоценная, но счастье их, что они находятся в Нашем подданстве, ни с чем не сравнительно; коль скоро отнялась бы Наша их покровительствующая Десница, толь скоро подверглись бы они паки в прежнюю бедность и ничтожество» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 54об.). Тем не менее, общий подход Екатерины II был достаточно осторожен и рационален при определённом гуманизме. Императрица даже не поднимала вопроса об официальном освобождении иностранных рабов, находящихся в собственности у лояльных России кочевников, а принимать тех из них, кому удалось сбежать, предлагала по возможности «без разглашения» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 55-55об.). Однако при этом, как мы видели выше и считаем необходимым подчеркнуть ещё раз, она недвусмысленно требовала, чтобы российские чиновники принимали всех беглых иностранных рабов из Центральной Азии и ни при каких обстоятельствах не возвращали их хозяевам.

Как мы неоднократно упоминали выше, именно подобная практика стала нормой в первой половине XIX в. (Peretyatko, 2024: 1586-1597). О ситуации в 1780–1790-е гг. мы не располагаем пока достоверными архивными сведениями. Однако можно предположить, что решение Екатерины II было выполнено, и уже в то время бежавших в Россию иностранных рабов из Центральной Азии не возвращали хозяевам.

И это по каким-то причинам не устроило Павла I. К сожалению, в своём высочайшем повелении О.И. Игельстрому от 23 августа 1798 г. император не счёл нужным уточнять ни причины, побудившие его обратиться к ситуации с бегущими в Россию иностранными рабами, ни мотивацию своего решения. Он только «разрешал отдачу Киргискайсакам покупаемых ими Бухарцов, Персиян и Хивинцев, убегающих от рабства в пределы Империи Нашей, когда по отыскании доказано будет, что они подлинно куплены ими, Киргизкайсаками и греческого православного исповедания веры не приняли, те же, кои оное приняли или принять пожелают, всегда должны оставаться в Нашем подданстве» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 55об.). Интересно, что в данном случае в самом документе фигурирует слово «рабство», и Российская империя откровенно поддерживает его, соглашаясь возвращать хозяевам людей, выбегающих из рабства.

Строгое исполнение высочайшего повеления Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. кардинально поменяло бы ситуацию с бежавшими в Россию из Центральной Азии иностранными рабами. Согласно его прямому содержанию, чтобы захваченный кочевниками свободный человек стал признаваться российскими властями рабом, было достаточно продать его новому хозяину, что и случилось с Р. Бай Худайдатовым и М. Мир-Мухаметевым. Таким образом, при строгом исполнении этого документа оренбургские власти были бы вынуждены возвращать хозяевам значительную часть иностранных беглых рабов, если только последние не принимали православие и не соглашались остаться в России.

Реально, однако, данное законоположение фактически игнорировалось оренбургскими чиновниками. До 1825 г. оно могло быть просто забыто, однако в этом году, как мы видим, Оренбургская пограничная комиссия привела важнейшую цитату из него в юридической справке, подготовленной для оренбургского губернатора П.К. Эссена. Точнее говоря, были сделаны даже две такие справки, почти идентичные между собой, содержащие цитаты из высочайшего повеления Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. и подготовленные отдельно по делу Р. Бай Худайдадова (15 июля 1825 г.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 28-32) и делу М. Мир-Мухаметева (30 июля 1825 г.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 51-56). Однако и после подготовки этих справок реальная практика Оренбургской пограничной комиссии противоречила данному высочайшему повелению, и те иностранные рабы, которые признавали в своих показаниях, что были куплены кочевниками, обычно не принимали православия и российского подданства, но и не возвращались хозяевам, а отправлялись на родину.

Например, тем же летом 1825 г. в Верхнеозерную крепость выбежал «Персианин Алладат Мустафаев» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 60). Его история очень близка к историям Р. Бай Худайдадова и М. Мир-Мухаметева: три года назад, пася скот, он был захвачен «Трухменцами», продан ими хивинцам, а последними перепродан «находившемуся тогда в Хиве Киргизу Адаевского рода Сасынбаю Тюляберганову», от которого и бежал в Россию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 60-60об.). Таким образом, А. Мустафаев, подобно Р. Бай Худайдадову и М. Мир-Мухаметеву, признавал, что его текущий хозяин не захватил его сам, но купил у прошлого хозяина. Однако, если в случаях Р. Бай Худайдадова и М. Мир-Мухаметева хозяева требовали от российских властей вернуть им рабов, об аналогичном требовании С. Тюляберганова, хозяина А. Мустафаева, никаких сведений в документах нет. И Оренбургская пограничная комиссия в этих условиях даже не упоминала о возможности вернуть беглого раба хозяину, предложив 8 августа 1825 г. отправить его в Астрахань для возвращения оттуда на родину, как просил сам А. Мустафаев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 60-60об.). Более того, комиссия предлагала выделить на его содержание в дороге 5 руб. казённых денег (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 60об.).

14 августа 1825 г. аналогичное решение Оренбургская пограничная комиссия приняла в отношении «Персианина Мамбетъ-алия Сабиралиева», первоначально захваченного «Трухменцами», проданного затем хивинцам и перепроданного в итоге «Киргизу Тлявкабацкого рода Беретяму Чалабаеву» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 64-64об.). 18 августа такое же решение было принято в отношении «персианина Хасана Нурмухаметева», тоже захваченного «Трухменцами», проданного затем бухарцам и перепроданного «Киргизу Тлявкабацкого рода Сейминурзе Тляпову» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 73-73об.). В случае последних двух рабов сохранились и резолюции оренбургского военного губернатора П.К. Эссена, утвердившего решения пограничной комиссии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 71, 74). В случае А. Мустафаева резолюция не сохранилась, но, вероятно, и его благополучно отправили в Астрахань.

Получается, что на практике оренбургские власти даже во второй половине 1820-х гг., когда им безусловно было известно высочайшее повеление Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г., продолжали выполнять более раннее и противоречащее ему высочайшее повеление Екатерины II И.В. Якоби от 19 октября 1781 г. Даже если выбежавший из Центральной Азии иностранный раб признавал, что текущий хозяин купил его, а не захватил, обычно он не терял права на возвращение на родину. Обходить закон, судя по всему, помогало то, что в подавляющем большинстве случаев сами кочевники считали: бегство раба в Россию уже делает его полностью свободным, и нет смысла пытаться вернуть невольника. Соответственно, раб освобождался в соответствии со специфической местной практикой правоприменения, с которой де-факто соглашались все стороны, а не в строгом соответствии с имперскими законами, сопрягающими освобождение части беглых рабов-иностранцев с принятием ими православия и российского подданства.

Однако как раз в случаях Р. Бай Худайдадова и М. Мир-Мухаметева влиятельные и лояльные России кочевые правители не согласились с существующей практикой всегда освобождать сбежавших в Россию рабов, и оказалось, что в рамках закона они имеют право требовать возврата своих невольников.

4.3. Решения оренбургских властей по делам Рамазана Бай Худайдадова и Мубарис-хана Мир-Мухаметева

П.К. Эссен в этой ситуации действовал предельно формально. Его резолюции по делам Р. Бай Худайдадова и М. Мир-Мухаметева были лаконичны. В первом случае суть резолюции сводилась к тому, что с беглым рабом следует поступить «на точном основании именного Высочайшего указа

23 Октября (ошибка П.К. Эссена, следует читать «Августа» – Прим. А.П.) 1798 года» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 43). Во втором случае оренбургский губернатор дополнительно уточнял, что «из приведенных в представлении Пограничной Ком<исс>ии именных Высочайших повелений касательно выбегающих от Киргизов купленных азиатцев, кои выходят на линию и изъявляют желание возвратиться в свое отечество, последнее, составленное в 23 день Августа 1798 года окончательно разрешает, каким образом поступать с людьми сего рода» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 59). Таким образом, П.К. Эссен принял решение вопреки сложившейся практике, но в соответствии с официальным имперским законодательством выдать иностранных рабов, сбежавших в Россию из Центральной Азии, их хозяевам, которые официально требовали такого возврата и при этом не захватили этих рабов лично, но купили их, причём сами эти рабы не приняли православия и российского подданства.

И это решение однозначно показывает, что для П.К. Эссена был совершенно не свойственен пафос борьбы с рабством, если только в рабстве оказывались не российские подданные. При этом другие российские офицеры и чиновники могли придерживаться иной позиции, вплоть до жёсткого аболиционизма. Согласно Р.Ю. Почекаеву, отношение российских офицеров и чиновников к рабству становилось всё более нетерпимым со временем, и, например, в 1859 г. руководитель одной из российских экспедиций в степь, В.Д. Дандевиль, даже вступил «в вооруженные столкновения с туркменами для освобождения персидских рабов» (Почекаев, 2019: 139).

Однако схожую позицию занимали некоторые российские офицеры уже в 1820-е гг. Так, в 1826 г. руководитель экспедиции в степь Ф.Ф. Берг (впоследствии генерал-фельдмаршал, генерал-губернатор Финляндии и наместник в Польше) сообщал П.К. Эссену, что во время этой экспедиции он нашёл невольника – «Персианина», купленного его хозяевами в Хиве (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 82). Ф.Ф. Берг не только освободил этого невольника, но и привёз его в Уральск, ссылаясь на существование некоего «Указа о возвращении таковых невольников чрез Астрахань в свое отечество на счет Оренбургской Пограничной Комиссии» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 82об.). Номера этого указа и его автора российский офицер, разумеется, не приводил. Таким образом, мы снова сталкиваемся с «вчитыванием» российскими чиновниками XIX в. в указы XVIII в. антирабовладельческих смыслов, которые в действительности в них отсутствовали. Так, Ф.Ф. Берг полагал, что российские власти должны не только переправлять на родину через Астрахань самостоятельно сбежавших в Россию из Центральной Азии иностранных рабов, но и специально освобождать их. Что касается судьбы спасённого Ф.Ф. Бергом раба, которого звали Карим Исмаилов, то, хотя он и признался, что текущий хозяин купил его, но Оренбургская пограничная комиссия всё равно отправила его в Астрахань для возвращения на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 99-102). В качестве любопытного казуса отметим, что Карим Исмаилов в России заболел, а также не имел своей одежды, и в итоге его лечение, содержание и покупка ему одежды обошлась российским властям в 100 руб. 81,5 коп. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 100-100об.).

Напротив, в случае П.К. Эссена до нас дошли утверждения отдельных авторов, будто бы этот оренбургский губернатор был достаточно лоялен к кочевникам и их практикам захвата людей в рабство. Оренбургский историк-любитель начала XX в., С.Н. Севастьянов, даже писал: «Основываясь на единогласном предании казаков об Эссене, можно предположить, что он распускал киргиз и мало ограждал от них прилинейных жителей, вероятно, исполняя только букву закона, который по его настояниям в силу изменения местных условий, мог бы излагаться в смысле более действенного охранения русского прилинейного элемента» (Севастьянов, 1999: 205). Едва ли казачьи предания были надёжным источником информации о оренбургском губернаторе, правившем задолго до того, как в 1863 г. родился С.Н. Севастьянов. Однако, как мы видим, С.Н. Севастьянов ставил в вину П.К. Эссену то, что последний «исполнял только букву закона», не адаптируя его к местным условиям. С подобной индивидуальной стратегией губернатора мы сталкиваемся и в нашем случае: П.К. Эссен приказал выполнять высочайшее повеление четвертьвековой давности, очевидно не соответствующее актуальным практикам оренбургского пограничья.

И в итоге де-факто нижестоящие чиновники изыскивали способы не возвращать Р. Бай Худайдатова и М. Мир-Мухаметева хозяевам. С последним ситуация вообще разрешилась очень быстро. Как мы помним, высочайшее повеление Павла I О.И. Игельстрому от 23 августа 1798 г. предписывало возвращать хозяевам только иностранных беглых рабов, пожелавших остаться в своей вере, а о принявших православие говорилось, что они «всегда должны оставаться в Нашем подданстве». 1 августа 1825 г. П.К. Эссен приказал Оренбургской пограничной комиссии поступить с М. Мир-Мухаметевым в соответствии с этим повелением (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 59). Получив соответствующее предписание, Оренбургская пограничная комиссия немедленно спросила беглого раба, «не желает ли он принять веру греческого исповедания», и, получив утвердительный ответ, уже 14 августа обратилась к П.К. Эссену за разрешением отправить М. Мир-Мухаметева в Астрахань для принятия крещения (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 63об.). 17 августа П.К. Эссен ответил согласием (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 71).

Гораздо интереснее развивались события вокруг Р. Бай Худайдатова, однако из-за краткости официальных документов мы можем только догадываться о мотивации участников этих событий.

Поступить с ним в соответствии с высочайшим повелением Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. П.К. Эссен распорядился ещё 28 июля 1825 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 43). 11 августа 1825 г. Оренбургская пограничная комиссия отписала коменданту Троицкой крепости, где все ещё находился Р. Бай Худайдатов, приказав отдать беглого раба хозяину, если он не примет православия и не согласится перейти в подданство России (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 123об.-124). Вероятно, российские чиновники ожидали, что Р. Бай Худайдатов согласится на все эти условия, что позволит не выдавать его хозяину, оставаясь в рамках имперского законодательства.

Между тем из Троицкой крепости не было ответа до весны 1827 г. А в апреле 1827 г. лично М. Мамет Галиев, на этот момент уже и. о. султана-правителя Средней части Младшего жуза, «помянутому Арапу Байхудайдатову выдал письменный вид об увольнении его оным Султаном от рабства» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 124-124об.). Этот вид был передан в Оренбургскую пограничную комиссию, и она пересказала его следующим образом: «Бывший у него, Султана, в рабстве Арап Рамазан Байхудайдатов уволен им от рабства его для возвращения в его отечество или, по желанию его, остаться в России в числе Мухаметанского сословия» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 124об.-125). Обратим, кстати, внимание, что в новых документах, в отличие от документов 1825 г., уже совершенно ясно говорилось, что Р. Бай Худайдатов находится у М. Мамет Галиева в рабстве, без всяких эвфемизмов вроде именованя рабов «слугами».

23 августа 1827 г. сам Р. Бай Худайдатов прибыл в Оренбургскую пограничную комиссию и лично дал показания, однако они скорее запутывают, чем упрощают понимание его истории (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 125). Он утверждал, что до 1825 г. принадлежал вовсе не М. Мамет Галиеву, а кочующим с этим султаном «Бурюбаю и Тулькубаю» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 125об.). Более того, в Троицке Р. Бай Худайдатов, по его утверждению, вовсе не освободили, а передали в рабство новому хозяину, «Армянину Никите Гарасимову» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 126). Но тут ему пришли на помощь старые хозяева: «Киргизы Бурюбай и Тулькубай по просьбе его и во уважение верного и усердного его служения во время нахождения его у них, просили Султана Мятя выдать ему письменное уведомление, которое и выдано ему от того Султана» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 126об.).

Попытки объяснить все противоречия в информации вокруг Р. Бай Худайдатов уведут нас слишком далеко от темы данной статьи. Но представляется как минимум вероятным, что хозяева этого раба, М. Мамет Галиев или Бурюбай с Тулькубаем, поняли, что их невольник в любом случае получит свободу. И далее у них был выбор: или не давать ему формального освобождения, причём тогда Р. Бай Худайдатов принял бы православие и остался в России (напомним, он изначально был согласен «остаться вечно в России с приисканием себе рода жизни»), или это освобождение дать, и тогда Р. Бай Худайдатов мог остаться мусульманином и вернуться на родину. Для правоверных мусульманин второй вариант явно был предпочтительнее.

В любом случае, юридическая коллизия вокруг Р. Бай Худайдатов разрешилась. М. Мамет Галиев не просто больше не претендовал на него, но и даже сам выразил согласие на отправку бывшего раба на родину. И 12 сентября 1827 г. Оренбургская пограничная комиссия обратилась к П.К. Эсену с предложением «оного Арапа Байхудайдатов для возвращения в отечество согласно его желанию препроводить посредством кордонной стражи в Астраханское Губернское Правление» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 126об.). 4 октября последовало согласие (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 128).

Таким образом, развитие ситуации вокруг правового статуса Р. Бай Худайдатов и М. Мир-Мухаметева демонстрирует достаточно сложную и не подлежащую однозначной трактовке картину. Можно уверенно говорить только об одном: оренбургский военный губернатор П.К. Эссен, столкнувшись с тем, что влиятельные и лояльные России кочевые правители требуют выдать им беглых рабов, не являющихся подданными Российской империи, в своих действиях опирался не на моральную или аболиционистскую, а на формально-юридическую сторону дела. Соответственно, он был готов выдать беглых рабов назад хозяевам, раз это соответствовало российским законам.

Оренбургская пограничная комиссия, столкнувшись с такой позицией губернатора, прямо предложила Р. Бай Худайдатову и М. Мир-Мухаметеvu принять православие и подданство Российской империи, что позволяло им остаться в России. Как нам представляется (тем не менее, однозначно утверждать этого нельзя из-за недостатка источников), чиновники пограничной комиссии не хотели выдавать беглых рабов, однако при этом были готовы нарушать закон только в том случае, если не было явно недовольных этим людей. В пользу этого говорит прежде всего то, что данные чиновники, как мы видели выше, по сути саботировали высочайшее повеление Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. и обычно даже не поднимали вопроса о возможном возврате хозяевам тех иностранных беглых рабов, которые были куплены, а не захвачены, если только этого не требовали сами хозяева.

Наконец, наиболее сложна для анализа логика действий хозяев Р. Бай Худайдатов и М. Мир-Мухаметева. Изначально они явно рассчитывали хотя бы попытаться вернуть беглых рабов, видимо, надеясь на свои хорошие отношения с российскими властями. Однако складывается впечатление, что в целом хозяева рабов были готовы к тому, что невольников им не вернут. Во всяком случае,

в документах нет никакой информации о том, чтобы Я. Санамасов, хозяин М. Мир-Мухаметева, выражал недовольство из-за освобождения последнего после принятия им православия и российского подданства. М. Мамет Галиев, официальный хозяин Р. Бай Худайдатова, вообще в итоге согласился дать своему рабу вольную, что только и позволило последнему не остаться в России, а вернуться на родину к семье и ребенку-сыну. И это позволяет говорить о том, что половинчатую позицию российских чиновников в данных ситуациях нельзя связывать с по-настоящему существенным недовольством кочевых правителей существующей практикой освобождения российскими властями всех беглых рабов из Центральной Азии – и Я. Санамасов, и М. Мамет Галиев хотели вернуть своих рабов, но, судя по всему, были готовы к тому, что это им не удастся.

4.4. История Хасана Курбанова

Нам удалось обнаружить ещё два случая, когда П.К. Эссен не разрешил Оренбургской пограничной комиссии сразу освободить беглых рабов. К сожалению, дальнейших документов об их судьбе найти не удалось, а как минимум в одном случае беглому рабу, скорее всего, было предложено освобождение в случае перехода в православие и принятия российского подданства.

Но начнём мы с истории второго раба, в случае которого вероятность того, что он был возвращён хозяину, представляется нам максимальной. Хасан Курбанов выбежал в Верхнеозерную крепость летом 1827 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 113). Первоначально он дал достаточно стандартные для беглого раба показания: в них сообщалось, что Х. Курбанов – бухарец, девять лет назад его во время путешествия из города в город захватили «Киргизы», которые затем перепродали текущему хозяину, Даульбаю Янбаеву (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 113-113об.). Однако уже в Оренбургской пограничной комиссии бывший невольник несколько изменил показания, признав, что был «крестьянином Бухарского чиновника Ариф-Ходжи», который и продал его Д. Янбаеву (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 113об.-114). Более того, Х. Курбанов даже предположил сам, что версия о его насильственном похищении появилась из-за ошибки переводчика (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 114). В итоге он попросил отправить его в Бухару с караваном (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 114).

Для нас особенно интересно то, что в данном случае Оренбургская пограничная комиссия не считала дело спорным, требующим юридической справки или какого-либо экстраординарного решения губернатора. Она обратилась к П.К. Эссену со стандартным запросом: «Не благоугодно ли будет приказать означенного Бухарского подданного Хасана Курбанова отправить согласно его желанию чрез Троицкого коменданта в его отчизну Бухарию с караваном» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 114об.). При этом совершенно очевидно, что в соответствии с высочайшим повелением Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. Х. Курбанова следовало вернуть хозяину, если он не примет православия и российского подданства, поскольку он изначально был рабом в Бухаре, не захваченным, а купленным кочевниками. Таким образом, мы в очередной раз видим, что нормальной практикой для Оренбургской пограничной комиссии было освобождать всех сбежавших в Россию рабов, даже если это противоречило текущему законодательству, если только хозяин раба не пытался вернуть его обратно.

Однако в данном случае категорически против освобождения Х. Курбанова выступил П.К. Эссен. 19 июля 1827 г. он лаконично предписал: «Поелику сей Азиатец показывает, что он был Крестьянин Бухарского чиновника, проданный им Киргизцу Даульбаю Янбаеву, то и следует Курбанова отправить к тому Султану-Правителю, в ведении которого Даульбай состоит для доставления его сему последнему по принадлежности» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 119-119об.). Хотя объяснения логики данного решения в документе нет, очевидно, что оно примерно соответствовало высочайшему повелению Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г., с которым в 1825 г., в рамках переписки по делам Р. Бай Худайдатова и М. Мир-Мухаметева, П.К. Эссена ознакомила Оренбургская пограничная комиссия. Но при этом П.К. Эссен не давал Х. Курбанову того легального способа выбраться из рабства, который был зафиксирован в высочайшем повелении от 23 августа 1798 г.: оренбургский губернатор не предлагал оставить беглого раба в России, если он примет православие и российское подданство.

4.5. История Яйлубая Сююнова

Вскоре, в сентябре 1827 г., на Новоилецкую линию выбежал Яйлубай Сююнов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 129). Как утверждал Я. Сююнов, он «известился, что Российский Государь Император выходящих в Россию бедных от злодеев Киргизов защищает» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 130). После этого, поскольку хозяин Я. Сююнова, Кундубай Имяскин, наносил своему невольнику «безпричинно тяжкие побои», последний решил бежать в Россию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 129об.-130). Стало быть, исходя из гуманистических и аболиционистских соображений, Я. Сююнова безусловно следовало освободить.

Проблема, однако, заключалась в том, что Я. Сююнов, подобно Х. Курбанову, которого совсем недавно запретил освобождать П.К. Эссен, не был захвачен в рабство, но родился рабом. Он был сыном человека, который «происходил из Персов» и «Киргизски» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 129об.). Иначе говоря, он, по-видимому, даже родился в степи, и поэтому просил не вернуть его в какое-либо иностранное государство, а отпустить обратно в степь, но «не возвращая к прежнему его

хозяину» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 1300б.). Нам представляется вероятным, что в другое время Оренбургская пограничная комиссия, в соответствии с обычной практикой, предложила бы просто удовлетворить просьбу беглого невольника. Но после случая Х. Курбанова чиновники пограничной комиссии просто не решились самостоятельно определять судьбу рождённого в рабстве человека, искавшего в России свободы от жестокого хозяина, и обратились к П.К. Эссену за указаниями, подготовив для него очередную подробную юридическую справку (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 129-1360б.).

Эта справка интересна для нас ещё и тем, что для неё чиновники Оренбургской пограничной комиссии наконец нашли пресловутый указ Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. Как мы дважды упоминали выше, в 1813 г. пограничная комиссия утверждала, будто бы именно этим указом регламентируется возврат на родину иностранных рабов, бежавших в Россию из Центральной Азии, и дословно в нём есть такая фраза: «Выбегающих от Киргизцов персиян, хивинцов, трухменцов и других им подобных народов, исключительно тех, кои пожелают креститься, отпускать в их отечество чрез Астрахань». Однако в приводимом теперь более полном отрывке из этого указа соответствующая фраза выглядела так: «Выбегающих от Киргиз-Кайсак Пурсиан, Хивинцов, Трухменцов и других им подобных народов, также Крымцов и Кубанцов для лучшего Киргиз-Кайсацкого народа приласкания надлежит к ним отдавать возвратно» (далее дозволялось делать исключение только для тех беглых рабов из знатных родов, освобождение которых «Туречкому и Перситскому Двору добрым знаком службы быть может») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 1300б.-131). Более того, обнаружился ещё и указ Коллегии иностранных дел от 31 декабря 1758 г., которым разрешалось все же оставить в России крестившихся иностранных беглых рабов, уже принятых в пограничных крепостях, но при этом чётко предписывалось отказывавшихся креститься «отдать обратно им, Киргиз-Кайсакам (т. е. хозяевам – Прим. А.П.), хотя б о котором из них и требования от них еще не было», а в дальнейшем вообще «таковых (беглых рабов – Прим. А.П.), не допуская до крепостей, прочь отпускать» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 1320б.-133).

И благодаря этому мы можем окончательно убедиться в том, что до высочайшего повеления Екатерины II И.В. Якоби от 19 октября 1781 г. российские законы почти запрещали помощь иностранным рабам, выбегающим из Центральной Азии. Соответствующее законодательство было создано Коллегией иностранных дел во время правления Елизаветы Петровны, и в нём было прямое указание на то, что политика в отношении подобных рабов определяется не гуманистическими или аболиционистскими, но чисто прагматическими соображениями, желанием «приласкания» кочевников-хозяев этих рабов. При этом если первоначально предписывалось выдавать иностранным беглых рабов хозяевам, то затем последовало распоряжение вообще не пускать их в российские крепости.

Помимо указов Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. и 31 декабря 1758 г., Оренбургская пограничная комиссия в своей юридической справке приводила отрывки из уже известных нам высочайших повелений от Екатерины II уфимскому и симбирскому генерал-губернатору И.В. Якоби (19 октября 1781 г.) и от Павла I оренбургскому военному губернатору О.И. Игельstromу (23 августа 1798 г.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 133-135). Но на этот раз она обращала внимание также на высочайший указ от 23 мая 1808 г. и указ Правительствующего сената от 30 апреля 1819 г., согласно которым российским подданным *разрешалось* покупать представителей кочевых азиатских народов (дословно «Калмыков и других Азиатцов»), но исключительно *детей*, и с условием, что они будут освобождены по достижении 25 лет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 136). На наш взгляд, последнее законоположение, на самом деле не имеющее никакого отношения к иностранным рабам, бежавшим в Россию из Центральной Азии, но регламентирующее статус легально купленных оттуда рабов, приводилось Оренбургской пограничной комиссией исключительно для того, чтобы хоть как-то обосновать освобождение Я. Сююнова, которому было 29 лет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 1290б.). Таким образом, чиновники пограничной комиссии, как и в случаях Р. Бай Худайдатова и М. Мир-Мухаметева, скорее всего, пытались найти такой выход из ситуации, в рамках которого беглый раб не был бы возвращён хозяину, но при этом законы Российской империи формально не были бы нарушены. Но в этот раз стороной, потенциально способной потребовать возвращения беглеца в рабство, был не его бывший хозяин, а оренбургский военный губернатор.

И действительно, П.К. Эссен, принимая окончательное решение, снова полностью проигнорировал гуманистическую сторону вопроса, сосредоточившись исключительно на формально-юридической. Найденное Оренбургской пограничной комиссией обоснование для освобождения Я. Сююнова он не использовал, приказав руководствоваться в отношении беглого раба исключительно «указом 1798 года» (т. е. высочайшим повелением Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 1390б.). Более того, данный «указ» П.К. Эссен интерпретировал совершенно однозначно – и в соответствии именно с той линией поведения, которую он предписал в отношении Х. Курбанова: «Указом 23 Августа 1798 года повелено Персиян и других Азиатцев, покупаемых Киргизцами и выбегающих на границу нашу, возвращать оным» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 139). Следовательно, если для чиновников Оренбургской пограничной комиссии предпочтительной практикой при исполнении высочайшего повеления Павла

И О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. было принятие беглыми рабами православия и подданства России, что позволяло освободить их, то П.К. Эссен считал, что этот указ нужно трактовать в прямом смысле, и он предписывает в качестве предпочтительной практики возвращение хозяевам тех иностранных беглых рабов, которые были куплены ими, а не захвачены.

И именно поэтому мы не можем даже предположить, как сложилась дальнейшая судьба Я. Сююнова. Отказ П.К. Эссена предоставить ему свободу ещё не был окончательным, и, в соответствии с существующей практикой исполнения высочайшего повеления Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г., чиновники Оренбургской пограничной комиссии почти наверняка предложили этому невольнику принять православие и российское подданство, чтобы получить свободу – но без соответствующих документов мы не знаем, как он отреагировал на это предложение.

5. Заключение

Нам осталось чётко зафиксировать те факты, связанные с иностранными рабами, бежавшими в пределы Российской империи из Центральной Азии, которые мы выявили в данной статье. Эти факты можно свести к следующему:

1) В первой половине XIX в. последним и наиболее актуальным законоположением, посвящённым иностранным рабам, бежавшим в пределы Российской империи из Центральной Азии, было высочайшее повеление Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г., предписывающее давать свободу с возможностью вернуться на родину только иностранным рабам, которые были *захвачены* своими хозяевами. Тех же иностранных рабов, которых их хозяева *купили*, предписывалось возвращать этим хозяевам. Единственной прописанной в законе возможностью избежать этого было принятие православия и российского подданства, однако в этом случае беглый раб лишался шанса вернуться на родину.

2) Между тем реально российские чиновники в первой половине XIX в. руководствовались не данным законоположением, а сложившейся практикой, которая была куда гуманнее к беглым рабам. В рамках этой практики обычно все иностранные рабы, бежавшие в пределы Российской империи из Центральной Азии, освобождались и получали право вернуться на родину. Это было возможно потому, что, как правило, даже купившие рабов кочевники не пытались вернуть их из России, что позволяло игнорировать высочайшее повеление Павла I О.И. Игельstromу.

3) Судя по всему, первоначально вся эта юридическая коллизия была следствием *ошибки*. В 1813 г. Оренбургская пограничная комиссия утверждала, будто бы статус иностранных рабов, бежавших в Россию из Центральной Азии, определяется указом Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г., в котором якобы было сказано: «Выбегающих от Киргизцов персиян, хивинцов, тухменцов и других им подобных народов, исключительно тех, кои пожелают креститься, отпускать в их отечество чрез Астрахань». Таким образом, российские чиновники на 1813 г. были уверены, что законы предписывают освобождать интересующую нас категорию рабов и давать им возможность вернуться на родину.

4) Однако во второй половине 1820-х гг. Оренбургская пограничная комиссия проанализировала действующее законодательство и обнаружила, что:

а) В действительности указ Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. гласил: «Выбегающих от Киргиз-Кайсак Пурсиан, Хивинцов, Тухменцов и других им подобных народов, также Крымцов и Кубанцов для лучшего Киргиз-Кайсацкого народа приласкания надлежит к ним отдавать возвратно». А указ Коллегии иностранных дел от 31 декабря 1758 г. вообще запрещал принимать иностранных беглых рабов в российских крепостях.

б) Высочайшее повеление Екатерины II И.В. Якоби от 19 октября 1781 г. отменило подобную практику, однозначно предписав освобождать всех бежавших в Россию из Центральной Азии иностранных беглых рабов и предоставлять им возможность вернуться на родину. При этом важнейшей причиной для такого решения объявлялось «человеколюбие».

в) Высочайшее повеление Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. скорректировало законодательство так, как описано в пункте 1.

5) Невозможно однозначно объяснить причины ошибки, по которой в 1813 г. чиновники Оренбургской пограничной комиссии неверно прочитали указ Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что и после знакомства с высочайшим повелением Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. Оренбургская пограничная комиссия продолжала в большинстве случаев освобождать всех иностранных рабов, бежавших в Россию из Центральной Азии, т. е. данное законоположение игнорировалось уже не по *ошибке*, а *сознательно*. Нам представляется как минимум вероятным, что это происходило из-за негативного отношения российских чиновников к центральноазиатскому рабству и нежелания выступать де-факто его пособниками, возвращая беглых рабов хозяевам. И неверное прочтение указа Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. может объясняться «вчитыванием» в старинный документ не знающими палеографии чиновниками того смысла, который казался им наиболее вероятным.

6) Отступления от обычной практики освобождения всех иностранных рабов, бежавших из Центральной Азии в Россию, с предоставлением им права вернуться на родину выявлены нами в двух

типах случаев. В первом случае хозяевами рабов были влиятельные и лояльные России кочевники, просившие вернуть им беглых «слуг». Во втором случае из показаний раба однозначно следовало, что он не был захвачен ни текущим хозяином, ни одним из предыдущих, но родился рабом.

7) Наиболее жёсткую прорабовладельческую позицию в этих случаях занимал оренбургский военный губернатор П.К. Эссен. Руководствуясь формально-юридическими, а не гуманистическими или аболиционистскими соображениями, он требовал обращаться с рабами в соответствии с высочайшим повелением Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г., причём трактовал его так: «Указом 23 Августа 1798 года повелено Персиян и других Азиатцев, покупаемых Киргизцами и выбегающих на границу нашу, возвращать оным».

8) Оренбургская пограничная комиссия в спорных случаях пыталась найти способ не выдать беглого раба обратно к хозяину, формально оставшись в рамках российского правового поля. Так, в случае с рабами, которых требовали вернуть влиятельные и лояльные России кочевники, после отказа П.К. Эссена освободить их сразу, комиссия предложила им принять православие и российское подданство, чтобы строго в рамках высочайшего повеления Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. освободить их на этом основании. В случае с людьми, родившимися рабами, Оренбургская пограничная комиссия занимала более дифференцированную позицию. Впервые столкнувшись с подобным беглым невольником, члены комиссии попытались поступить с ним на общих основаниях и освободить с возвращением на родину. После того, как П.К. Эссен приказал вернуть этого раба хозяину, Оренбургская пограничная комиссия нашла в российском законодательстве повод освободить следующего подобного раба, пускай и сомнительный: этому рабу было 29 лет, а легально купленных из Центральной Азии рабов российские законы разрешали держать в рабстве только до 25 лет. Впрочем, губернатор этим поводом не воспользовался.

9) Наконец, как раз в тех двух случаях, когда хозяева беглых рабов обратились к российским властям с требованием вернуть их, мы точно знаем, что это требование выполнено не было. Однако каких-либо негативных действий со стороны бывших хозяев не последовало: более того, в одном случае бывший хозяин согласился добровольно дать беглому рабу вольную, благодаря чему тот смог, освободившись, остаться в мусульманской вере и вернуться на родину.

Литература

Возгрин, 2011 – Возгрин В.Е. Рабство в странах Черного моря (Позднее Средневековье – Новое время) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2011. Вып. 3. С. 90-100.

Гинзбург, 2004 – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / *Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история*. М., 2004. 345 с.

Исмаилова, 1973 – Исмаилова С.К. Документы о рабстве в Бухарском ханстве в XIX – начале XX в. // *Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук*. 1973. № 2 (72). С. 20-30.

ОГАОО – Объединённый государственный архив Оренбургской области.

Почекаев, 2019 – Почекаев Р.Ю. Участники российских морских экспедиций о международно-правовом положении кочевников Восточного Прикаспия в XVIII–XIX вв. // *Новое прошлое*. 2019. № 4. С. 132-145.

Рустемов, 2022 – Рустемов О.Д. Права рабов и условия их освобождения в Крымском ханстве // *Золотоордынское обозрение*. 2022. Т. 10. № 3. С. 715-727.

Севастьянов, 1999 – Севастьянов С.Н. Иван Васильевич Подуров. Историко-биографический очерк // *Гостиный двор: Литературно-художественный и общественно-политический альманах*. Оренбург, 1999. С. 190-205.

Созина, 2016 – Созина Е.К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 1 (50). С. 6-15.

Султангалиева, 2023 – Султангалиева Г.С. Татарские муллы и письмоводители в Казахской степи (XVIII – первая половина XIX в.). Казань, 2023. 300 с.

Ermachkov, 2021 – Ermachkov I.A. Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1). Pp. 26-34.

Galimov et al., 2017 – Galimov Y.A., Ksenzshik G.N., Atygayev N.A., Tuleshova U.Z. Sultan-rulers as Officials of Russian Empire (1824–1868) // *Bylye Gody*. 2017. 44(2) Pp. 468-477.

Peretyatko, 2024 – Peretyatko A.Yu. Foreign Fugitive Slaves from Central Asia Who Were Coming into the Borders of the Russian Empire in the first half of the 19th century: to the Statement of the Problem // *Bylye Gody*. 2024. 19(4): 1586-1597.

Tadjieva, 2023 – Tadjieva F.J. Slavery in the Khiva Khanate: the Use of Slave Power. Abolition of Slavery and Its Socio-Economic Consequences // *Slavery: Theory and Practice*. 2023. 8(1): 53-62.

Tojjeva, 2020 – Tojjeva F. Slavery relations and its sources in Khiva khanate // *Journal of Critical Reviews*. 2020. 7(12). Pp. 211-214.

References

- Ermachkov, 2021 – Ermachkov, I.A. (2021). Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 26-34.
- Galimov et al., 2017 – Galimov, Y.A., Ksenzshik, G.N., Atygayev, N.A., Tuleshova, U.Z. (2017). Sultan-rulers as Officials of Russian Empire (1824–1868). *Bylye Gody*. 44(2): 468-477.
- Ginzburg, 2004 – Ginzburg, K. (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: Two or Three Things That I Know about It]. Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya, M., 345 p. [in Russian]
- Ismailova, 1973 – Ismailova, S.K. (1973). Dokumenty o rabstve v Bukharskom khanstve v XIX – nachale XX v. [Documents about slavery in the Khanate of Bukhara in the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoi SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*. 2(72): 20-30. [in Russian]
- OGAoo – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].
- Peretyatko, 2024 – Peretyatko, A.Yu. (2024). Foreign Fugitive Slaves from Central Asia Who Were Coming into the Borders of the Russian Empire in the first half of the 19th century: to the Statement of the Problem. *Bylye Gody*. 19(4): 1586-1597.
- Pochekaev, 2019 – Pochekaev, R.Yu. (2019). Uchastniki rossiiskikh morskikh ekspeditsii o mezhdunarodno-pravovom polozhenii kochevnikov Vostochnogo Prikaspiya v XVIII–XIX vv. [Participants of Russian naval expeditions on the international legal status of Turkmen people of the East Caspian region in 18th–19th centuries]. *Novoe proshloe*. 4: 132-145. [in Russian]
- Rustemov, 2022 – Rustemov, O.D. (2022). Prava rabov i usloviya ikh osvobozhdeniya v Krymskom khanstve [The rights of slaves in the Crimean Khanate and the conditions for their emancipation]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 10(3): 715-727. [in Russian]
- Sevast'yanov, 1999 – Sevast'yanov, S.N. (1999). Ivan Vasil'evich Podurov. Istoriko-biograficheskii ocherk [Ivan Vasil'evich Podurov. A historical and biographical sketch]. Gostinyi dvor: Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh. Orenburg. Pp. 190-205. [in Russian]
- Sozina, 2016 – Sozina, E.K. (2016). Diskurs «stepnykh plennikov» v russkoi literature XIX veka [“Steppe captives” discourse in Russian literature of 19th century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1(50): 6-15. [in Russian]
- Sultangalieva, 2023 – Sultangalieva, G.S. (2023). Tatarskie mully i pis'movoditeli v Kazakhskoi stepi (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Tatar mullahs and clerical workers in the Kazakh Steppe (18th – first half of the 19th centuries)]. Kazan, 300 p. [in Russian]
- Tadjieva, 2023 – Tadjieva, F.J. (2023). Slavery in the Khiva Khanate: the Use of Slave Power. Abolition of Slavery and Its Socio-Economic Consequences. *Slavery: Theory and Practice*. 8(1): 53-62.
- Tojjeva, 2020 – Tojjeva, F. (2020). Slavery relations and its sources in Khiva khanate. *Journal of Critical Reviews*. 7(12): 211-214.
- Vozgrin, 2011 – Vozgrin, V.E. (2011) Rabstvo v stranakh Chernogo morya (Pozdnee Srednevekov'e-Novoe vremya) [Slavery in the countries of the Black Sea Region (from the late Middle Ages till the early Modern Era)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Istoriya*. 3: 90-100. [in Russian]

Противоречия между российским имперским законодательством и реальными практиками оренбургских властей по вопросу о возврате беглых рабов их хозяевам-кочевникам в 1820-е гг.

Артём Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В первой половине XIX в. в оренбургском пограничье сложилась специфическая практика, в рамках которой бежавшие в Российскую империю иностранные рабы (мы используем этот термин для обозначения рабов, не имевших подданства Российской империи) подлежали безусловному освобождению с предоставлением выбора: вернуться на родину или принять российское подданство. Однако в архивных материалах Объединённого государственного архива Оренбургской области (ОГАОО) нам удалось выявить несколько отступлений от этой практики. На основе микроисторического анализа этих случаев мы попытаемся реконструировать логику российских чиновников, что позволит уяснить некоторые нюансы отношения их к центральноазиатскому рабству и повседневности оренбургского пограничья.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)

В двух хронологически самых ранних случаях вернуть им беглых рабов просили влиятельные и лояльные России кочевые правители. В этой связи Оренбургская пограничная комиссия проанализировала имперское законодательство и обнаружила, что оно предусматривает безусловное освобождение только тех иностранных беглых рабов, которые были своими хозяевами захвачены. Беглые иностранные рабы, купленные хозяевами, должны были быть возвращены им, если не примут православие и российское подданство. Позднее на этом основании не были освобождены два других раба, купленных своими хозяевами.

Более того, оказалось, что законодательный акт, на который изначально ссылались оренбургские власти, освобождая рабов (указ Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г.), не только устарел, но и содержит обратное указание – возвращать беглых иностранных рабов хозяевам. При этом нет оснований подозревать здесь осознанную фальсификацию. Судя по всему, к 1820-м гг. центральноазиатское рабство в глазах оренбургских чиновников было стигматизировано, и они не считали, что Россия могла выступать его пособником. Об этом говорит и то, что Оренбургская пограничная комиссия в итоге освободила двух рабов из тех, о которых мы писали выше (одного на основании принятия христианства и российского подданства, другого – на основании его освобождения хозяином). Судьба ещё двоих нами не установлена, но Оренбургская пограничная комиссия выступала скорее за их освобождение. Единственным российским чиновником, занявшим чёткую позицию опоры на закон, если даже это противоречило аболиционистским ценностям, был обладавший, однако, решающим влиянием оренбургский военный губернатор П.К. Эссен.

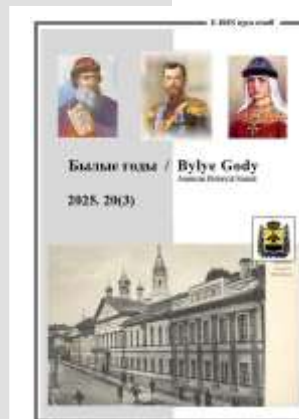
Ключевые слова: рабство, законодательство о рабстве, Российская империя, Центральная Азия, юридические противоречия, П.К. Эссен.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1227-1236
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1227

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Orenburg Neplyuevsky Cadet Corps: Some Aspects of History

Irina Yu. Cherkasova ^{a, b, *}, Larisa A. Koroleva ^c, Valentina S. Nikitina ^d

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^d Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

This study highlights some pages of the history of the Orenburg Neplyuevsky Cadet Corps/college/gymnasium. The chronology of the study: 1825–1917. The research materials were archival documents of the Joint State Archive of the Orenburg Region, as well as historiography on the history of the educational institution, including famous personalities associated with it. The methods used are historical-systemic, historical-genetic, structural-diachronic methods, as well as methods of content analysis, classification, etc.

The Orenburg Neplyuevsky Cadet Corps was founded in 1825 and since then, until the 1917 revolutions, it was one of the main secondary military institutions for the nobility. Initially, the building was called a college, then a cadet corps, then a gymnasium and again a cadet corps.

The institution's specificity was the narrowly focused and in-depth study of Oriental languages and culture, since Orenburg province was located on the eastern borders of the Russian Empire, and Orenburg Fortress itself was the main Russian military outpost in the region.

The first head of the Cadet corps, G.F. Gens, as well as the military governor, P.P. Sukhtelen, played an outstanding role in determining the specifics of the institution. Realizing the need for high-quality military and civilian translators, as well as officials who dealt with representatives of different Turkic peoples, they immediately determined the direction of the school's activities, namely the in-depth study of Tatar, Persian and Arabic languages.

Graduates of the Neplyuevsky Cadet Corps mostly became famous as commanders of the White Movement, although there were future scientists and cultural figures among the cadets.

Keywords: Orenburg Neplyuevsky cadet corps, the system of noble secondary education in the Russian Empire, noble education in Russia, I.I. Neplyuev.

1. Введение

Оренбургский Неплюевский кадетский корпус являлся одним из главных дворянских средних учебных заведений в Оренбургской губернии Российской империи. Основан был адмиралом и губернатором губернии И.И. Неплюевым, причём с весьма своеобразными задачами: культурно сблизить среднерусские и азиатские народы для качественного администрирования Азиатским регионом России и другими удалёнными её местами.

2. Материалы и методы

Материалом работы послужили две группы источников:

* Corresponding author

E-mail addresses: Cherkasovairina42@gmail.com (I.Yu. Cherkasova)

– Архивные материалы «Объединенного государственного архива Оренбургской области» (ОГАОО) (Оренбург, Российская Федерация), а именно документы фонда № 6 (оп. 10);
– Мемуары и источники личного происхождения, в частности Г.Ф. Генса, П.И. Демезона, В.А. Перовского и др.

Методологический комплекс включает в себя:

– Историко-системный метод: применялся для исследования истории развития и деятельности Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса в комплексной связи с исторической обстановкой в Российской империи;
– Историко-генетический метод: применялся для построения причинно-следственных связей в истории развития кадетского корпуса;
– Структурно-диахронный метод (или метод диахронического анализа) – предполагает разграничение на периоды функционирования и изучение исследуемого учебного заведения на различных этапах его деятельности.

Из общенаучных методов применялись метод контент-анализа (или историографический метод: подразумевает исследование источников и историографии), а также методы классификации и синтеза.

3. Обсуждение

Сразу отметим, что вопрос освещён в научной и публицистической литературе весьма полно. Считаем возможным разделить историографию по проблеме на три группы трудов – дореволюционного (до 1917 года), советского (1917–1991 годы) и современного (после 1991 года) периодов.

Исследование истории Неплюевской «кадетки», а также связанных с ней личностей, началось ещё в дореволюционный период. История её освещена в монографии А.В. Васильева «Оренбургский Неплюевский корпус как первое учебное заведение в истории русского образования киргизов», который показал историю основания училища и важнейшие вехи его развития, а также личность самого И.И. Неплюева (Васильев, 1896). Личность Неплюева весьма глубоко осветил в своей статье и В.Н. Витевский (Витевский, 1897). Также значительный интерес представляет фундаментальный труд «Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского корпуса» (Краткий очерк..., 1913).

В контексте освещаемой нами проблематики значительный интерес представляют также статьи С.Н. Севастьянова, в частности, глубокое 56-страничное исследование по истории деятельности заведения (Севастьянов, 1897), П.В. Митурича об истории Оренбургского Неплюевского военного училища, Неплюевской гимназии и Неплюевского кадетского корпуса (Митурич, 1870; Митурич, 1875) и др.

В советское время работ, посвящённых кадетскому корпусу, много быть не могло, ибо учреждение было дворянским и многие его выпускники (в частности, генералы А.И. Дутов, И.М. Зайцев, М.Н. Бородин и др.) стали руководителями Белого движения. Однако в комплексных работах, анализирующих историю Оренбуржья и его образования, имеются исторические отсылки на кадетский корпус (см., в частности, История отечественного..., 1990). Среди комплексных трудов советского периода отметим и монографию А.Н. Кононова, посвящённую истории изучения тюркских языков в Российской империи, в которой освещается и деятельность кадетского корпуса, который одним из первых в России учебных заведений поставил такую, весьма узконаправленную цель (Кононов, 1982).

В современный период история Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса привлекла к себе значительное внимание: большая часть трудов, выполненных с глубоким изучением архивных материалов, создана именно современными историками.

Прежде всего отметим работы Г.П. Матвиевской. В фундаментальном 174-страничном труде «Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории» история учреждения анализируется весьма глубоко, с привлечением широкого круга архивных материалов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые; также анализируются и известные личности учреждения – как из числа выпускников, так и из числа руководителей кадетского корпуса (Матвиевская, 2016а).

В своих статьях о Неплюевском кадетском училище Г.П. Матвиевская освещает вопросы преподавания восточных языков (Матвиевская, 2010), математики (Матвиевская, 2015а), а также отдельные аспекты истории становления (Матвиевская, 2016b) и деятельности (Матвиевская, 2015b) корпуса.

Из других фундаментальных трудов отметим исследование В.Г. Семенова и В.П. Семеновой «Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах», которое, помимо исследования истории самого образовательного заведения, исследует биографии известных личностей, с ним связанных (Семенов, Семенова, 2017).

Что касается статей в периодических изданиях, то отдельные аспекты развития кадетского корпуса исследуют Ф.Х. Галиев, М.В. Сальников, А.И. Числов (Галиев и др., 2018), Ю.М. Гордеев (Гордеев, 2025), Т.В. Судоргина (Судоргина, 1995а; Судоргина, 1996; Судоргина, 2000; Судоргина, 2003; Судоргина, 2005; Судоргина, 2006), Н.Д. Шилов (Шилов, 1994) и др.; роль учреждения в деле становления естественнонаучного образования в губернии освещает А.А. Аносов (Аносов, 2023), воспитательные методики и технологии, практиковавшиеся в заведении, изучает К.С. Петина

(Петина, 2023), вопросы сохранения культурного наследия (в том числе архитектурного и на примере зданий корпуса) исследуют В.А. Рубин, А.С. Рябуха и Е.В. Спиридонова (Рубин и др., 2024) и др. Общую характеристику системы образования в Оренбургской губернии, в том числе и упоминания о Неплюевском учебном заведении, дают Т.А. Магсумов, Т.Е. Зульфугарзаде, А.А. Королев, Е.В. Красненкова (Magsumov, Zulfugarzade, 2020; Magsumov et al., 2020).

Отдельную категорию трудов составляют биографические исследования личностей оренбургских губернаторов, деятелей науки и культуры, администраторов и пр., так или иначе связанных с Неплюевским кадетским корпусом, таких как Я.В. Ханьков (Матвиевская, 2006), А.Н. Дьяконов (Матвиевская, 2008), М.И. Иванов (Матвиевская, 2011), П.И. Демезон (Матвиевская, 2012), Г.Ф. Генс (Матвиевский, 2005), В.А. Перовский (Судоргина, 1995b) и др.

Разумеется, указанный историографический перечень является далеко не полным, как применительно дореволюционной и советской, так и современной историографии. Весьма полный библиографический список историков, работавших над проблемой истории и деятельности Неплюевской «кадетки», приводится в монографии Г.П. Матвиевской (Матвиевская, 2016a). Однако, учитывая лаконичность нашей работы, обусловленную её целями и задачами как краткого исторического очерка, такой перечень нам представляется достаточным.

4. Результаты

Необходимость наличия специализированного дворянского учреждения в Оренбургской губернии возникла за несколько десятилетий до открытия Неплюевского училища. В 1801 году император Александр I напомнил военному губернатору Оренбургской губернии Н.Н. Бехметову о своем требовании: «...в городе Оренбурге учредить дворянское военное училище» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3335. Л. 19).

Однако лишь при губернаторе П.К. Эссене (был в должности Оренбургского губернатора в 1817–1830 годах), настойчиво требовавшем у военного министра и фаворита императора А.А. Аракчеева открытия дворянского училища со спецификой изучения азиатского региона для более качественной интеграции азиатских народов в лоно Российской империи (Севастьянов, 1897: 43–44).

В результате было принято «Постановление об Оренбургском Неплюевском военном училище» с определением штатного расписания, статуса, финансирования и контроля заведения.

Училище открылось 2 января 1825 года. На открытии, как указывал первый начальник училища, востоковед, тайный советник, генерал-майор русской императорской армии Георг Герхард (Григорий Федорович) Генс, присутствовали все почётные жители города, знатные гости из представителей азиатских народов (особым гостем был хан Малой Киргизской орды Ш. Айчувак), представители православного и мусульманского духовенства, а также военный и гражданский губернаторы (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 279а. Лл. 143–144об., 157–160).

Училище было названо в честь известного дипломата, первого губернатора Оренбургской губернии, действительного тайного советника, адмирала Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773).

Штатный состав включал директора училища, инспектора классов, эконома (который совмещал также функции домашнего управителя или «полицмейстера по дому»), казначея, преподавателей наук и языков, «офицера для обучения основам военного дела», а также гувернёра для надзора за поведением воспитанников. Учреждение, разумеется, было строго мужским. Содержалось за счёт губернского финансирования (Матвиевская, 2016a: 11).

В содержании образования упор был сделан на изучение религий и языков. Основными предметами считались основы христианской и мусульманской религии и широкий лингвистический блок: русский, французский, немецкий, татарский, арабский и персидский языки. Также преподавались математика, геометрия, тригонометрия, география естествознание, рисование, черчение планов, строевая и тактическая подготовка, основы артиллерийских знаний и основы полевой фортификации.

Шестилетний курс делился на три 2-летних периода («класса»): нижний, средний и верхний. Учебный день длился 6 часов. Семестр включал четыре месяца, по окончании которого успеваемость курсантов докладывалась лично военному губернатору; текущий контроль предусматривал ежемесячный анализ успеваемости, по результатам которого учителя докладывали ситуацию начальнику училища.

В случае неуспеваемости учащегося могли оставить на «второй год» (т.е. оставить в прежнем классе без повышения, в результате чего курсанту приходилось заново в течение двух лет осваивать курс), а в случае повторения – исключить (Матвиевская, 2016a: 13).

Однако с первого же года преподавания у училища возникли сложности: некоторые курсанты плохо понимали даже русский язык, не говоря уже о европейских – такая ситуация сильно осложняла учебный процесс, поэтому было принято решение усилить занятия «...русским языком, дабы впоследствии времени они могли легко понимать преподавание наук на этом языке» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 279а. Л. 148об.).

Однако усердие Г.Ф. Генса и преподавательского состава, а также самих курсантов привело к тому, что уже осенью 1826 года языковой барьер был преодолен, и учащиеся приступили к изучению основных дисциплин: арифметики, истории, географии, а также немецкого языка (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 279а. Л. 188об.).

В целом, отчёты Григория Федоровича показывают, что с преодолением языковых сложностей далее обучение шло по имеющейся программе, и курсанты особых проблем не испытывали. Вместе с тем он указывал, что предметы являются слишком многочисленными и сильно нагружают воспитанников, что приводит к неудовлетворительным результатам в учёбе.

В связи с этим в 1830 году он предложил новую образовательную программу. Новый губернатор П.П. Сухтелен, в 1830 году сменивший Эссена и считавший языковую подготовку курсантов недостаточной, вполне благосклонно отнёсся к проектам преобразования Генса. Решено было начать с повышения квалификации преподавательского состава и поиска специалистов, особенно в части арабского и персидского языков. В результате, не без помощи попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкина, в Неплюевском училище появился «кандидат восточной словесности Де Мезон, обучавшийся оной с отличным успехом» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 366. Лл. 1-2), совмещавший работу в училище со службой в Пограничной комиссии. П.И. Демезон, француз на русской службе и впоследствии известный востоковед, блестяще справился с задачей. Татарский язык преподавал выпускник М.И. Иванов, прошедший дополнительный языковой курс в Казани, немецкому языку обучал гувернёр К.К. Комяти. В итоге Оренбургское Неплюевское дворянское училище к концу 1830-х годов стало пользоваться заслуженным авторитетом, а его выпускники весьма ценились на службе.

Г.Ф. Генс, совмещавший должность директора с председательством в Пограничной комиссии, попросил отставки с должности начальника училища, и на смену ему пришёл К.Д. Артюхов. Хороший инженер и картограф, близкий друг филолога и энциклопедиста В.И. Даля, он мало понимал в устройстве военного учебного заведения, в связи с чем был отправлен в Московский кадетский корпус для ознакомления с деятельностью такого рода учреждений, получив возможность «...обозреть вместе с директором Московского кадетского корпуса все части управления одного с тем, что Неплюевское военное училище по мере возможности и при умножении средств довести до подобного благоустройства» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4052. Л. 137об.).

Артюхов претворил в жизнь проект Генса и разделил курс обучения на два факультета («отделения»), которые курсанты выбирали по своему желанию – «азиатское» и «европейское». «На европейском направлении наряду с общеобразовательными дисциплинами изучались французский и немецкий языки, а также артиллерия и фортификация, а на азиатском направлении военные науки отсутствовали, преподавали арабский, персидский и родные языки, изучались учебные дисциплины, связанные с земледелием и лесным хозяйством» (Галиев и др., 2018: 41).

Одной из главных целей и миссией учреждения стало обучение небогатых дворян из азиатских народов, которые не могли себе позволить оплатить обучение. Также обучались и те русские дворянские юноши, которые желали изучать восточные языки, и таковых тоже было немало. Попутной задачей была и русификация азиатского магометанского дворянства. П.П. Сухтелен предложил предмет физической культуры: «азиатец и даже русский чиновник Оренбургского края удивляется и почитает несовершенным воспитание молодых людей, не обучавшихся оным, особенно верховой езде, для всех необходимой» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3912. Л. 390б.).

Г.Ф. Генс и П.П. Сухтелен также позаботились о создании при училище музея (основан в 1830 году) и библиотеки (учреждена в 1828 году).

Вышеуказанные преобразования были в «Положении о Неплюевском военном училище», которое было разработано губернатором Сухтеленом и директором Генсом ещё в начале 30-х годов, но утверждено лишь в 1840 году. В 1832 году для дочерей военных и гражданских чинов открылось отделение для девушек, где воспитывали в правильном русле и обучали наукам, рукоделию и пр.

В 1833 году военными губернаторами Оренбургского края назначают В.И. Перовского (1833–1842 и 1851–1857) и В.А. Обручева, а в 1837 году (по данным В.Н. Витевского, в 1833 году; Витевский, 1897) Артюхова сменяет новый директор – И.М. Марков. Под началом Маркова и Обручева училище в 1844 году переименовывается в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Авторитет учреждения к тому моменту был весьма высок и число претендентов насчитывалось до 250 человек, при возможностях училища обучать в год 80 учащихся (Матвиевская, 2016а: 12, 59).

При реформировании упор был сделан на усиление качества образования, распределение выпускников на ответственные военные должности, требующие знания восточных языков, а также значительное расширение количества обучающихся – с 80 до 200 человек, из которых «40 казеннокоштных – детям за заслуги отцов, штаб- и обер-офицеров военных и гражданских, служащих в Оренбургском крае, преимущественно круглым сиротам, 30 казеннокоштных мест – детям киргизских султанов, старшин и биев; 40 своекоштных (обучавшихся за свой счёт – Прим. авт.) – сыновьям жителей Оренбургского края неподатного состояния, 90 – на иждивение казачьих войск, из которых 30 – Оренбургскому войску, 30 – Уральскому и 30 – Башкиромещеряцкому» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5515. Л. 9-90б.).

Корпус просуществовал до 1866 года, постепенно расширяясь и видоизменяясь: вернувшийся губернатором В.А. Перовский настаивал на усилении в содержании образования курсов восточных языков и географии, а также расширении мест для абитуриентов до 260-ти. Для решения задач были внесены соответствующие поправки в «Положение», однако строительство новых корпусов так и было отложено. Новое Положение вступило в силу в 1857 году, а официально утверждено в начале 1858 года.

Рис. 1. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус: новое каменное здание (конец XIX века)

Сменивший Перовского новый генерал-губернатор Оренбургской и Самарской губерний А.П. Безак начал кардинальное реформирование «кадетки». Губернатор справедливо подметил: выпускники идут не переводчиками, а в армию «...без всякого военного образования, где, не имея практики для своей специальности, забывают мало-помалу все то, что с таким трудом было приобретено в корпусе» (ОГАОО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 17).

В соответствии с названием заведения были усилены предметы гуманитарного цикла и, вместе с ними, математика. В 1872 году гимназия наконец получила новое каменное монументальное здание на Парковом проспекте (Рисунок 1), которое существует и поныне.

Что касается директоров кадетского корпуса, то в 1848 году И.М. Маркова сменяет генерал-лейтенант М.С. Шилов, который управлял заведением вплоть до конца 1862 года, когда его сменил новый директор – П.В. Домерщиков. Прокомандовав корпусом/гимназией без малого 12 лет, в 1876 году он сдал пост генералу от инфантерии Ф.М. Самоцвету, который будет директором 29 лет, вплоть до своей смерти в 1905 году.

Феофил Матвеевич Самоцвет оказался не только талантливым военным, но и весьма способным педагогом и администратором в сфере образования.

При нём гимназия вновь становится кадетским корпусом в 1882 году, каковым и будет вплоть до 1919 года. Качество образования поднялось на небывалый до этого момента уровень: учреждение стало наиболее авторитетным военным учебным заведением в губернии, сохранив при этом весьма узкую, восточноевропейскую специализацию. Самоцвет пользовался заслуженным уважением не только у кадетов, но и у военных и гражданских чиновников, включая самого генерал-губернатора.

С 1906 по 1919 год на посту директора сменилось трое человек – И.-К.О. Латур (1906–1908), Н.И. Пузанов (1908–1918) и В.А. Карликов (1918–1919). Они продолжили дело Ф.М. Самоцвета, однако какими-то выдающимися делами не прославились. Русско-японская война и последовавшая за ней Первая русская революция резко ухудшили экономическое положение Российской империи; и без того небогатое финансирование кадетского корпуса, в том числе и за счёт платных курсантов, значительно сократилось. Небольшой период затишья между двумя революциями был периодом относительного спокойствия, однако дворяне потеряли свою силу как привилегированное сословие.

После социалистической революции 1917 года заведение просуществовало два года, и то только потому, что в Оренбургской области было сильно Белое движение, руководил которым в регионе атаман Оренбургского казачьего войска, генерал-лейтенант А.И. Дутов, – к слову, выпускник Неплюевской «кадетки». Сам В.А. Карликов, юридически будучи директором корпуса, фактически находился в армии Дутова, командуя Поволжским и Ташкентским фронтами. После поражения Белого движения в Оренбуржье кадетский корпус был закрыт в 1919 году.

5. Заключение

Оренбургский Неплюевский кадетский корпус был основан в 1825 году и с той поры, вплоть до революций 1917 года, был одним из главных средних военных учреждений для дворян. Первоначально корпус назывался училищем, потом кадетским корпусом, потом гимназией и вновь кадетским корпусом.

Спецификой учреждения стало узконаправленное и углубленное изучение восточных языков и культуры, так как Оренбургская губерния располагалась на восточных рубежах Российской империи, а сама крепость Оренбург была главным русским военным форпостом в регионе.

Выдающуюся роль в определении специфики учреждения сыграли первый руководитель кадетского корпуса Г.Ф. Генс, а также военный губернатор П.П. Сухтелен. Понимая необходимость в качественных военных и гражданских переводчиках, а также чиновниках, которые имели дела с представителями разных тюркских народов, они сразу определили направление деятельности училища, а именно глубокое изучение татарского, персидского и арабского языков.

Выпускники Неплюевского кадетского корпуса в основном прославились как командиры Белого движения, хотя были среди курсантов и будущие деятели науки и культуры.

Литература

[Аносов, 2023](#) – Аносов А.А. Неплюевское военное училище и его роль в становлении естественнонаучного образования в Оренбургской губернии // *Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования*. Вып. 2. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. С. 71-83.

[Васильев, 1896](#) – Васильев А.В. Оренбургский Неплюевский корпус как первое учебное заведение в истории русского образования киргизов. Оренбург, 1896.

[Витевский, 1897](#) – Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 3. Казань, 1897. С. 945-962.

[Галиев и др., 2018](#) – Галиев Ф.Х., Сальников М.В., Числов А.И. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус: страницы истории государственного-правового развития России // *Мир политики и социологии*. 2018. № 1. С. 39-45.

[Гордеев, 2025](#) – Гордеев Ю.М. Оренбургское Неплюевское военное училище в первой половине 1840-х годов: накануне переименования в кадетский корпус // *Научный диалог*. 2025. Т. 14. № 3. С. 369-389.

[История отечественного..., 1990](#) – История отечественного востоковедения до середины XIX века / Под ред. Г.Ф. Кима и П.М. Шаститко. М.: Наука, 1990.

[Кононов, 1982](#) – Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд. 2-е. Л.: Наука, 1982.

[Краткий очерк..., 1913](#) – Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского корпуса. Оренбург, 1913.

[Матвиевская, 2006](#) – Матвиевская Г.П. Яков Владимирович Ханыков. М.: Наука, 2006.

[Матвиевская, 2008](#) – Матвиевская Г.П. «Умное и дельное сочувствие». А.Н. Дьяконов – оренбургский друг и единомышленник В.И. Даля // *Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования*. Вып. 4. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. С. 60-72.

[Матвиевская, 2010](#) – Матвиевская Г.П. О преподавании восточных языков в Оренбургском Неплюевском военном училище // *Евразийское ожерелье. Альманах обществ. ин-та истории народов Оренбуржья*. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. С. 233-237.

[Матвиевская, 2011](#) – Матвиевская Г.П. Мартиниан Иванов – оренбургский востоковед XIX века // *Евразийское ожерелье. Альманах обществ. ин-та истории народов Оренбуржья*. Вып. 11. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. С. 45-53.

[Матвиевская, 2012](#) – Матвиевская Г.П. «Помня всегда долг службы и присяги...». Оренбург – начало научной и дипломатической биографии П.И. Демезона // *Россия в отечественных войнах. Матер. IV Всеросс. историко-краеведч. конф., посв. памяти проф. П.Е. Матвиевского*. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. С. 190-191.

[Матвиевская, 2015a](#) – Матвиевская Г.П. Преподавание математики в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе в XIX веке / *Математика и математическое моделирование: проблемы и перспективы. Международная научно-практическая конференция*. 2015. С. 161-165.

[Матвиевская, 2015b](#) – Матвиевская Г.П. История Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса (к 190-летию со дня открытия) / *Оренбуржье в пространстве исторической памяти*:

интеграция информационных ресурсов региона. Материалы заседания Научного совета ГБУ «ГАОО». 2015. С. 53-57.

[Матвиевская, 2016a](#) – Матвиевская Г.П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории. М.: Академия Естествознания, 2016.

[Матвиевская, 2016b](#) – Матвиевская Г.П. Становление Оренбургского Неплюевского военного училища (1825-1832 гг.) // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. Электронный научный журнал. 2016. № 2 (18). С. 167-186.

[Матвиевский, 2005](#) – Матвиевский П.Е. Г.Ф. Генс и его записи о русско-индийских связях в XVIII – нач. XIX в. // *Очерки истории Оренбургского края XVIII–XIX вв.* Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2005. С. 317-330.

[Митурич, 1870](#) – Митурич П.В. Очерк истории Оренбургского Неплюевского военного училища и Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса от основания их до последних преобразований / *Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 год*. С. 193-216.

[Митурич, 1875](#) – Митурич П.В. Пятидесятилетний юбилей Оренбургской Неплюевской гимназии // *Оренбургские губернские ведомости*. 1875. № 1.

ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.

[Петина, 2023](#) – Петина К.С. Воспитательные практики в мужских учебных заведениях Оренбургской губернии в пореформенный период (на примере мужской классической гимназии и Неплюевского кадетского корпуса) / *Человек и город в историко-культурном пространстве. Седьмые краеведческие чтения, посвященные памяти почетного гражданина города Оренбурга Виктора Васильевича Дорофеева*. Сборник статей. Оренбург, 2023. С. 220-230.

[Рубин и др., 2024](#) – Рубин В.А., Рябуха А.С., Спиридонова Е.В. Правовая и историко-культурная специфика государственного учета и охраны ансамбля как автономного вида объектов культурного наследия народов Российской Федерации на современном этапе (на примере исследования объектов недвижимости Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса) // *Вестник культуры и искусств*. 2024. № 4 (80).

[Севастьянов, 1897](#) – Севастьянов С.Н. Князь Г.С. Волконский как инициатор памятника Неплюеву – Неплюевского училища, ныне Неплюевского кадетского корпуса // *Труды Оренб. ученой архивной комиссии (Тр. ОУАК)*. Вып. III. 1897. С. 1-56.

[Семенов, Семенова, 2017](#) – Семенов В.Г., Семенова В.П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах. Оренбург, 2017.

[Судоргина, 1995a](#) – Судоргина Т.В. «История Неплюевского корпуса очень любопытна» // *Оренбуржье*. 1995. № 151 (30 июля).

[Судоргина, 1995b](#) – Судоргина Т.В. В.А. Перовский и Неплюевское училище // *Южный Урал*. 1995. 21 ноября.

[Судоргина, 1996](#) – Судоргина Т.В. «В ответах не застенчивы. И вид имеют здоровый» // *Оренбуржье*. 1996. № 95-96 (24 мая).

[Судоргина, 2000](#) – Судоргина Т.В. История кадетского корпуса очень любопытна // *Оренбургский вестник «Единой России»*. 2000. № 14 (4 сентября).

[Судоргина, 2003](#) – Судоргина Т.В. Весь Оренбург у кадет // *Оренбургская неделя*. 2003. 19 февраля.

[Судоргина, 2005](#) – Судоргина Т.В. Училище, основанное благотворительным путем // *Вечерний Оренбург*. 2005. № 3 (20 января).

[Судоргина, 2006](#) – Судоргина Т.В. В память дня открытия Неплюевского военного училища // *Оренбургское время*. 2006. № 7 (15 февраля).

[Шилов, 1994](#) – Шилов Н.Д. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус в эпоху Николая I // *Оренбургское казачье войско. Исторические очерки*. Челябинск, 1994.

[Magsumov, Zulfugarzade, 2020](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1113-1123.

[Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Korolev A.A., Krasnenkova E.V. The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2456-2463.

References

[Anosov, 2023](#) – Anosov, A.A. (2023). Neplyuevskoe voennoe uchilishche i ego rol' v stanovlenii estestvennonauchnogo obrazovaniya v Orenburgskoi gubernii [Neplyuev military school and its role in the development of natural science education in the Orenburg Province]. *Orenburgskii krai. Arkhivnye dokumenty. Materialy. Issledovaniya*. Vyp. 2. Orenburg: Izd-vo OGPU. Pp. 71-83. [in Russian]

[Galiev i dr., 2018](#) – Galiev, F.Kh., Sal'nikov, M.V., Chislov, A.I. (2018). Orenburgskii Neplyuevskii kadetskii korpus: stranitsy istorii gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii [Orenburg Neplyuevsky cadet corps: pages of the history of state and legal development of Russia]. *Mir politiki i sotsiologii*. 1: 39-45. [in Russian]

- [Gordeev, 2025](#) – *Gordeev, Yu.M.* (2025). Orenburgskoe Neplyuevskoe voennoe uchilishche v pervoi polovine 1840-kh godov: nakanune pereimenovaniya v kadetskii korpus [Orenburg Neplyuevsky Military School in the First Half of the 1840s: on the Eve of Renaming into the Cadet Corp]. *Nauchnyi dialog*. 14(3): 369-389. [in Russian]
- [Istoriya otechestvennogo...](#), 1990 – *Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya do serediny XIX veka* [The history of national oriental studies until the mid-19th century]. Pod red. G.F. Kima i P.M. Shastitko. M.: Nauka. [in Russian]
- [Kononov, 1982](#) – *Kononov, A.N.* (1982). Istoriya izucheniya tyurkskikh yazykov v Rossii. Dooktyabr'skii period [History of the study of turkic languages in Russia]. Izd. 2-e. L.: Nauka. [in Russian]
- [Kratkii ocherk...](#), 1913 – *Kratkii ocherk istorii Orenburgskogo Neplyuevskogo korpusa* [Brief essay on the history of the Orenburg Neplyuevsky Corps]. Orenburg, 1913. [in Russian]
- [Magsumov et al., 2020](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Korolev, A.A., Krasnenkova, E.V.* (2020). The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 2. *Bylye Gody*. 58(4): 2456-2463.
- [Magsumov, Zulfugarzade, 2020](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1. *Bylye Gody*. 57(3): 1113-1123.
- [Matvievsкая, 2006](#) – *Matvievsкая, G.P.* (2006). Yakov Vladimirovich Khanykov [Yakov Vladimirovich Khanykov]. M.: Nauka. [in Russian]
- [Matvievsкая, 2008](#) – *Matvievsкая, G.P.* (2008). «Umnoe i del'noe sochuvstvie». A.N. D'yakonov – orenburgskii drug i edinomyshlennik V.I. Dalya [“Smart and sensible sympathy”. A.N. Dyakonov – Orenburg friend and like-minded person of V.I. Dahl]. *Orenburgskii krai. Arkhivnye dokumenty. Materialy. Issledovaniya*. Vyp. 4. Orenburg: Izd-vo OGPU. Pp. 60-72. [in Russian]
- [Matvievsкая, 2010](#) – *Matvievsкая, G.P.* (2010). O prepodavanii vostochnykh yazykov v Orenburgskom Neplyuevskom voennom uchilishche [On the teaching of oriental languages at the Orenburg neplyuevsky military school]. *Evrasiiskoe ozherel'e. Al'manakh obshchestv. in-ta istorii narodov Orenburzh'ya*. Vyp. 10. Orenburg: Izd-vo OGPU. Pp. 233-237. [in Russian]
- [Matvievsкая, 2011](#) – *Matvievsкая, G.P.* (2011). Martinian Ivanov – orenburgskii vostokoved XIX veka [Martinian Ivanov – Orenburg orientalist of the 19th century]. *Evrasiiskoe ozherel'e. Al'manakh obshchestv. in-ta istorii narodov Orenburzh'ya*. Vyp. 11. Orenburg: Izd-vo OGPU. Pp. 45-53. [in Russian]
- [Matvievsкая, 2012](#) – *Matvievsкая, G.P.* (2012). «Pomnya vseгда dolg sluzhby i prisyagi...». Orenburg – nachalo nauchnoi i diplomaticheskoi biografii P.I. Demezona [“Always remembering the duty of service and the oath...”. Orenburg – the beginning of the scientific and diplomatic biography of P.I. Demezov]. *Rossiya v otechestvennykh voynakh. Mater. IV Vseross. istoriko-kraevedch. konf., posv. pamyati prof. P.E. Matvievskogo*. Orenburg: Izd-vo OGPU. Pp. 190-191. [in Russian]
- [Matvievsкая, 2015a](#) – *Matvievsкая, G.P.* (2015). Prepodavanie matematiki v Orenburgskom Neplyuevskom kadetskom korpuse v XIX veke [Teaching mathematics in the Orenburg Neplyuevsky cadet corps in the 19th century]. *Matematika i matematicheskoe modelirovanie: problemy i perspektivy. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. Pp. 161-165. [in Russian]
- [Matvievsкая, 2015b](#) – *Matvievsкая, G.P.* (2015). Istoriya Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa (k 190-letiyu so dnya otkrytiya) [History of the Orenburg Neplyuevsky Cadet Corps (on the 190th anniversary of its opening)]. *Orenburzh'e v prostranstve istoricheskoi pamyati: integratsiya informatsionnykh resursov regiona. Materialy zasedaniya Nauchnogo soveta GBU «GAOO»*. Pp. 53-57.
- [Matvievsкая, 2016a](#) – *Matvievsкая, G.P.* (2016). Orenburgskii Neplyuevskii kadetskii korpus. Ocherk istorii [Orenburg Neplyuevsky cadet corps. Essay on history]. M.: Akademiya Estestvoznaniya. [in Russian]
- [Matvievsкая, 2016b](#) – *Matvievsкая, G.P.* (2016). Stanovlenie Orenburgskogo Neplyuevskogo voennogo uchilishcha (1825–1832 gg.) [Formation of the Orenburg Neplyuevsky military school (1825–1832)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 2(18): 167-186. [in Russian]
- [Matvievskii, 2005](#) – *Matvievskii, P.E.* (2005). G.F. Gens i ego zapisi o russko-indiiskikh svyazyakh v XVIII – nach. XIX v. [Gens and his notes on Russian-Indian relations in the 18th – early 19th centuries]. *Ocherki istorii Orenburgskogo kraya XVIII–XIX vv.* Orenburg: Orenb. kn. izd-vo. Pp. 317-330. [in Russian]
- [Miturich, 1870](#) – *Miturich, P.V.* (1870). Ocherk istorii Orenburgskogo Neplyuevskogo voennogo uchilishcha i Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa ot osnovaniya ikh do poslednikh preobrazovaniy [Essay on the history of the Orenburg Neplyuevsky military school and the Orenburg Neplyuevsky cadet corps from their foundation to the latest transformations]. *Spravochnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1870 god*. Pp. 193-216. [in Russian]
- [Miturich, 1875](#) – *Miturich, P.V.* (1875). Pyatidesyatiletanii yubilei Orenburgskoi Neplyuevskoi gimnazii [Fiftieth anniversary of the Orenburg Neplyuevsky gymnasium]. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. № 1. [in Russian]
- [OGA00](#) – Ob"edinennyy gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [United state archives of the Orenburg region].

Petina, 2023 – Petina, K.S. (2023). Vospitatel'nye praktiki v muzhskikh uchebnykh zavedeniyakh Orenburgskoi gubernii v poreformennyi period (na primere muzhskoi klassicheskoi gimnazii i Neplyuevskogo kadetskogo korpusa) [Educational practices in male educational institutions of the Orenburg province in the post-reform period (on the example of the male classical gymnasium and the Neplyuevsky cadet corps)]. *Chelovek i gorod v istoriko-kul'turnom prostranstve. Sed'mye kraevedcheskie chteniya, posvyashchennye pamyati pochetnogo grazhdanina goroda Orenburga Viktora Vasil'evicha Dorofeeva. Sbornik statei*. Orenburg. Pp. 220-230. [in Russian]

Rubin i dr., 2024 – Rubin, V.A., Ryabukha, A.S., Spiridonova, E.V. (2024). Pravovaya i istoriko-kul'turnaya spetsifika gosudarstvennogo ucheta i okhrany ansamblya kak avtonomnogo vida ob'ektov kul'turnogo naslediya narodov Rossiiskoi Federatsii na sovremennom etape (na primere issledovaniya ob'ektov nedvizhimosti Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa) [Legal and historical-cultural specifics of state registration and protection of the ensemble as an autonomous type of cultural heritage sites of the peoples of the Russian Federation at the present stage (on the example of the study of real estate objects of the Orenburg Neplyuevsky Cadet Corps)]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 4(80). [in Russian]

Semenov, Semenova, 2017 – Semenov, V.G., Semenova, V.P. (2017). Orenburgskii Neplyuevskii kadetskii korpus. Istoriya v litsakh [Orenburg Neplyuevsky cadet corps. History in faces]. Orenburg. [in Russian]

Sevast'yanov, 1897 – Sevast'yanov, S.N. (1897). Knyaz' G.S. Volkonskii kak initsiator pamyatnika Neplyuevu – Neplyuevskogo uchilishcha, nyne Neplyuevskogo kadetskogo korpusa [Prince G.S. Volkonsky as the initiator of the monument to Neplyuev – Neplyuev school, now Neplyuev cadet corps]. *Trudy Orenb. uchenoi arkhivnoi komissii (Tr. OUAK). Vyp. III*. Pp. 1-56. [in Russian]

Shilov, 1994 – Shilov, N.D. (1994). Orenburgskii Neplyuevskii kadetskii korpus v epokhu Nikolaya I [Orenburg Neplyuevsky cadet corps in the era of Nicholas I]. *Orenburgskoe kazach'e voisko. Istoricheskie ocherki*. Chelyabinsk. [in Russian]

Sudorgina, 1995a – Sudorgina, T.V. (1995). «Istoriya Neplyuevskogo korpusa ochen' lyubopytna» [“The history of the Neplyuevsky corps is very interesting”]. *Orenburzh'e*. 151 (30 iyulya). [in Russian]

Sudorgina, 1995b – Sudorgina, T.V. (1995). V.A. Perovskii i Neplyuevskoe uchilishche [V.A. Perovsky and the Neplyuevsky school]. *Yuzhnyi Ural*. 21 noyabrya. [in Russian]

Sudorgina, 1996 – Sudorgina, T.V. (1996). «V otvetakh ne zastenchivy. I vid imeyut zdorovyi» [“They are not shy in their answers. And they look healthy”]. *Orenburzh'e*. 95-96 (24 maya). [in Russian]

Sudorgina, 2000 – Sudorgina, T.V. (2000). Istoriya kadetskogo korpusa ochen' lyubopytna [The history of the cadet corps is very curious]. *Orenburgskii vestnik «Edinoi Rossii»*. 14 (4 sentyabrya). [in Russian]

Sudorgina, 2003 – Sudorgina, T.V. (2003). Ves' Orenburg u kadet [All Orenburg for the cadets]. *Orenburgskaya nedelya*. 19 fevralya. [in Russian]

Sudorgina, 2005 – Sudorgina, T.V. (2005). Uchilishche, osnovannoe blagotvoritel'nyim putem [The school founded by charity]. *Vechernii Orenburg*. 3 (20 yanvarya). [in Russian]

Sudorgina, 2006 – Sudorgina, T.V. (2006). V pamyat' dnya otkrytiya Neplyuevskogo voennogo uchilishcha [In memory of the opening day of the Neplyuevsky military school]. *Orenburgskoe vremya*. 7 (15 fevralya). [in Russian]

Vasil'ev, 1896 – Vasil'ev, A.V. (1896). Orenburgskii Neplyuevskii korpus kak pervoe uchebnoe zavedenie v istorii russkogo obrazovaniya kirgizov [Orenburg Neplyuev corps as the first educational institution in the history of russian education of the Kirghiz]. Orenburg. [in Russian]

Vitevskii, 1897 – Vitevskii, V.N. (1897). I.I. Neplyuev i Orenburgskii krai v prezhnem ego sostave do 1758 g. [I.I. Neplyuev and the Orenburg region in its former composition before 1758]. T. 3. Kazan'. Pp. 945-962. [in Russian]

Оренбургский Неплюевский кадетский корпус: некоторые аспекты истории

Ирина Юрьевна Черкасова ^{a, b, *}, Лариса Александровна Королева ^c, Валентина Сергеевна Никитина ^d

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^d Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование освещает некоторые страницы истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса/училища/гимназии. Хронология исследования: 1825–1917 годы. Материалами исследования послужили архивные документы Объединённого государственного

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: Cherkasovairina42@gmail.com (И.Ю. Черкасова)

архива Оренбургской области, а также историография по истории учебного заведения, включая известных личностей, с ним связанных. В качестве методов применены историко-системный, историко-генетический, структурно-диахронный методы, а также методы контент-анализа, классификации и др.

Оренбургский Неплюевский кадетский корпус был основан в 1825 году и с той поры вплоть до революций 1917 года был одним из главных средних военных учреждений для дворян. Первоначально корпус назывался училищем, потом кадетским корпусом, потом гимназией и вновь кадетским корпусом.

Спецификой учреждения стало узконаправленное и углубленное изучение восточных языков и культуры, так как Оренбургская губерния располагалась на восточных рубежах Российской империи, а сама крепость Оренбург была главным русским военным форпостом в регионе.

Выдающуюся роль в определении специфики учреждения сыграли первый руководитель кадетского корпуса Г.Ф. Генс, а также военный губернатор П.П. Сухтелен. Понимая необходимость в качественных военных и гражданских переводчиках, а также чиновниках, которые имели дела с представителями разных тюркских народов, они сразу определили направление деятельности училища, а именно глубокое изучение татарского, персидского и арабского языков.

Выпускники Неплюевского кадетского корпуса в основном прославились как командиры Белого движения, хотя были среди курсантов и будущие деятели науки и культуры.

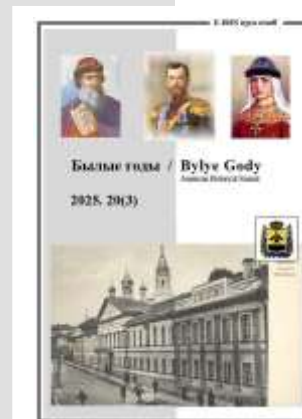
Ключевые слова: Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, система дворянского среднего образования в Российской империи, дворянское образование в России, И.И. Неплюев.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1237-1249
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1237

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Reflection of Trade and Economic Relations during the Mongol Rule in Pre-Revolutionary Russian Historiography

Gulzhan S. Bedelova ^{a, *}, Duken Masimkhanuly ^b, Ainur Abidenkyzy ^b

^a Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines how interpretations of trade and economic relations during the Mongol period evolved in pre-revolutionary Russian historiography. The authors seek to: determine the methodological frameworks and ideological premises of XIXth – early XXth century scholars; reconstruct the composition and structure of their source base; and trace the interpretive dynamics of key topics such as merchant diasporas, monetary circulation, and *yarlyks* (decrees). The study employs a comparative-historiographical approach, which reveals the specific methodological perspectives and ideological stances of various authors, alongside textual and historical-comparative analyses. The source base is characterized by the use of monographs and publications by pre-revolutionary authors (Nadezhdin, Keppen, Murzakevich, Kovalevsky, Fren, Grigoriev, and others). The authors highlight the significance of numismatic sources and *yarlyks* as tools for reconstructing trade routes and the economic policies of Mongol khans. A key feature of this study is its integrative use of textual, archaeological, and numismatic data to systematically reveal research focal points and hidden interdisciplinary links between scholars. The article concludes by emphasizing the need to reassess the methodological contributions of pre-revolutionary historiography through the lens of contemporary scholarly approaches and digital technologies. This reevaluation can help integrate the heuristic potential of early publications into current interdisciplinary research projects.

Keywords: Mongol rule, trade, historiography, source studies, merchant class, numismatics, Russian Orientalists, transregional connections, methodology.

1. Введение

Исследование торгово-экономических связей эпохи монгольского правления представляет собой одну из ключевых проблем исторической науки, имеющую важное значение для понимания механизмов межкультурного и межрегионального взаимодействия в средневековой Евразии. Данная тематика долгое время занимала одно из центральных мест в историографии, однако многие аспекты её изучения до сих пор остаются недостаточно разработанными.

Актуальность обращения к этой теме обусловлена несколькими факторами. Во-первых, растущий интерес к глобальной и сравнительной экономической истории требует переоценки классических сюжетов с учётом новых методологий. Во-вторых, дореволюционная традиция по-прежнему формирует «фундамент» для современных исследований: именно на работы этих учёных опираются недавние реконструкции торговых путей, денежного рынка и института тарханных ярлыков. Однако внутренняя логика дореволюционных текстов, их источниковая база и идеологические допущения ещё недостаточно подвергались целостному анализу. Наконец, переосмысление дореволюционного наследия важно для выявления эвристического потенциала

* Corresponding author

E-mail addresses: gulzhanbedelova@gmail.com (G.S. Bedelova)

ранних публикаций: многие сведения окладах, ярлыках и купеческих контрактах до сих пор не интегрированы в цифровые базы и остаются мало востребованными.

Цель исследования – выявить и критически осмыслить эволюцию представлений дореволюционной российской историографии о торгово-экономических связях эпохи монгольского правления, реконструировав методологические установки авторов, их источниковую базу и ключевые интерпретационные схемы. Реализация этой цели позволяет: выделить основные исследовательские «узлы», вокруг которых формировались дискуссии; определить направления, где наследие российских востоковедов XIX – начала XX в. может быть продуктивно вовлечено в современные междисциплинарные проекты.

2. Материалы и методы

Статья основана на комплексном историографическом анализе дореволюционных российских трудов, затрагивающих вопросы торгово-экономических связей эпохи монгольского правления. В основу исследования положен сравнительно-историографический подход, позволяющий выявить специфику методологических установок и идеологических позиций разных исследователей, а также определить динамику развития изучения заявленной проблематики.

В ходе работы использованы опубликованные исторические источники и монографии XIX – начала XX в., в частности, труды таких авторов, как Н.И. Надеждин, П.И. Кеппен, Н.Н. Мурзакевич, М.М. Ковалевский, Х.Д. Френ, В.В. Григорьев, П.С. Савельев, А.К. Марков, И.Н. Березин, Г.С. Саблуков, В.Г. Тизенгаузен, Н.И. Веселовский и В.В. Бартольд. При работе с источниками применялся метод текстологического анализа, направленный на выявление особенностей интерпретации торгово-экономических процессов авторами рассматриваемого периода. Было уделено внимание изучению нумизматических источников, актового материала (тарханные ярлыки) и эпиграфики, представленных в публикациях исследователей дореволюционного периода. Также использовались методы историко-сравнительного анализа для сопоставления выводов и методологических подходов дореволюционных авторов с современными историографическими исследованиями. Данный подход помог выявить преемственность и различия в изучении экономической истории монгольской эпохи, определить степень разработанности темы в целом.

3. Обсуждение

Проблема историографических оценок Монгольской империи отличается многообразием подходов, что обусловлено сложностью и многоаспектностью её истории. Востоковеды предпринимали многочисленные попытки анализа различных сторон существования этой империи. Однако, несмотря на обилие исследований и наличие работ, затрагивающих отдельные аспекты её истории и историографии (Тизенгаузен, 1879; Бартольд, 1977; Якубовский, 1953; Арапов, 1983), на сегодняшний день практически отсутствует систематизированный и развёрнутый анализ развития историографических взглядов непосредственно на торговлю, деятельность купцов и в целом на торгово-экономические связи эпохи монгольского правления.

В то же время необходимо отметить, что современная историография характеризуется определёнными успехами в изучении отдельных вопросов, связанных с указанной проблематикой. Так, О.В. Лушников в своей работе предпринял попытку структурировать развитие историографических школ, а также выявить динамику интереса к разным аспектам истории Монгольской империи (Лушников, 2009). Его труд, построенный на проблемно-хронологическом подходе, позволил представить не только возникновение и развитие различных направлений и школ, но и проследить становление методологических подходов и идеологических установок.

В.В. Политов предложил детальное исследование, направленное на систематизацию и критический анализ отечественной историографии по вопросу влияния монгольского владычества на социально-политические институты русских княжеств Северо-Восточной Руси (Политов, 2017). Ю.И. Дробышев, со своей стороны, предпринял попытку выявления основных аспектов существования Монгольской империи, отражённых в трудах дореволюционных российских историков, акцентировав внимание на идеологических позициях её лидеров (Дробышев, 2022). Подобным образом Ху Вэйян систематизировал и проанализировал важнейшие российские и китайские исследования, посвящённые влиянию монгольского правления на развитие политических и социальных институтов Китая и Руси (Ху Вэйян, 2022).

Вклад в изучение экономической истории Золотой Орды внёс А.В. Пачкалов, который провёл анализ эволюции научных подходов к изучению монетного дела и методов интерпретации нумизматических источников (Пачкалов, 2024). Несмотря на это, до сих пор недостаточно исследованными остаются вопросы развития историографических подходов к торгово-экономической сфере в контексте монгольского периода, особенно в сравнительно-историографическом и источниковедческом ключах.

4. Результаты

Вопросы международной торговли, купеческих диаспор и монетного обращения в период монгольского владычества, как было отмечено выше, давно присутствуют в поле внимания историков-востоковедов. Одним из первых был Николай Иванович Надеждин. В его труде содержатся сведения о торговле, деятельности западноевропейских купцов, а также об их экономических, политических и военных связях в черноморском регионе в период с XIII по XV в. (Надеждин, 1828). Автор опирается на широкий круг западноевропейских источников, включая хроники А. Джустиниани, Р. Bizarro, Pallas, Rainald и др.

В труде рассматривается генезис и роль генуэзских торговых факторий в Крыму. Автор подчёркивает, что генуэзское присутствие в Крыму формировалось как результат успешной морской торговли, стратегических союзов и политического расчёта (Надеждин, 1828: 165). Каффа автором изображается как «столичный центр» генуэзского владычества, ключевой политический и экономический узел, «неистощимым магазином жизней и потребностей ...», где активно велась торговля такими товарами, как «крымская соль, азовская рыба, русский мед, сибирские меха, ногайское коровье масло и прекрасные черкешенки ...» (Надеждин, 1828: 189).

Генуэзские фактории выполняли не только экономическую функцию, но и были центрами культурного и политического влияния. «Великолепные храмы, пышные чертоги, красивые дома, воздвигнутые двухвековыми трудами Генуэзцев ...», что демонстрирует уровень развития этих поселений (Надеждин, 1828: 181). Н.И. Надеждин подчёркивает их роль как посредников между Востоком и Западом, обеспечивающих устойчивость и расширение генуэзского влияния далеко за пределы Италии.

Важной частью труда является характеристика дипломатических и военных связей между итальянцами и соседними государствами. Н.И. Надеждин подробно описывает контакты генуэзцев с местными правителями, отмечая, что «Между тѣмъ жители Каффы, раздувавшие коварно пожаръ, опустошавшій Тавриду, продавали, такъ сказать, съ молотка покровительство и помощь совѣстникамъ, препиравшимся между собою о Ханскомъ тронѣ» (Надеждин, 1828: 171). Отдельное внимание уделено фигуре Менгли-Гирея: «Жители Каффы вывели на сцену юного Менгли, находившегося в их руках, и утвердили на его голове спорную ханскую корону» (Надеждин, 1828: 171-172). Эти манипуляции стали частью общей дипломатической политики генуэзцев, пытавшихся обеспечить себе стабильность в регионе через создание зависимых и контролируемых лидеров.

Н.И. Надеждин так же подробно описывает кризис в отношениях между генуэзцами и крымскими татарами. Интриги, коррупция, самонадеянность и конфликты внутри генуэзского управления привели к их изоляции и вражде с местными элитами. Так, Хан Менгли Гирей, оскорблённый нарушением договоренностей, отказался поддерживать генуэзцев: «Оскорблённый и поруганный, он возвратился в столицу свою Солхати...» (Надеждин, 1828: 174). Ключевым моментом стал призыв одного из врагов Каффы - Еминека - к султану Мехмеду II, с просьбой уничтожить генуэзское присутствие: «Он обратился к страшному Мухаммеду II... положить конец ненавистному владычеству генуэзцев на берегах Тавриды...» (Надеждин, 1828: 175-176).

В кульминации статьи анализируется осада Каффы османскими войсками в 1475 г., с описанием предательства армянского гарнизона, условий капитуляции, массовых репрессий и вывоза генуэзского населения в Константинополь (Надеждин, 1828: 178-181). Он подробно описывает, как одна за другой пали генуэзские фактории – Судак, Балаклава, Тана, Манкуп, Инкерман и др.: «Судак, Балаклава, Инкерман сдались непосредственно вслед за нею [Каффой]» (Надеждин, 1828: 182). Н.И. Надеждин завершает свой труд размышлением о гибели генуэзской системы в Причерноморье как символе падения целой эпохи: «От сих могущественных и гордых республик... остаются ныне одни только мертвые трупы, лишённые духа жизни...» (Надеждин, 1828: 188-189). Это событие автор характеризует как «последний акт великой драмы», завершивший двухвековое присутствие Генуи на берегах Тавриды.

Хотя монгольская империя, Золотая Орда прямо по названию почти не фигурирует, фактически всё развитие и падение генуэзских факторий в Тавриде, особенно в XIII-XV вв., рассматривается Н.И. Надеждиным в рамках политико-экономической системы, выстроенной в ордынскую эпоху. Таким образом он описывает: контроль над Крымом до Османов – через ордынских ханов и их потомков; торговлю генуэзцев с народами, находившимися под властью Орды; преемственность власти от Орды к Крымскому ханству, а затем к Османам.

Работа Н.И. Надеждина ценна своей синтетичностью: она соединяет европейские хроники, церковные анналы и местные предания. Автор ясно выделяет экономическую подоплёку политических событий, акцентируя роль торговли как фактора конфликта и взаимодействия. Хотя стиль изложения литературен и местами риторичен, фактологическая насыщенность делает труд важным исследованием по истории генуэзской торговли в Северном Причерноморье.

Одним из наиболее ценных дореволюционных исследований по истории торговли в Крыму является труд Петра Ивановича Кеппена (Кеппен, 1837). В нём Судак (Солдая) рассматривается как важный транзитный и торговый центр, функционировавший в условиях политической подчинённости Золотой Орде, но обладавший значительной автономией.

П.И. Кеппен, ссылаясь на свидетельство Вильгельма Рубрука, отмечает ключевую функцию города в межрегиональной торговле XIII в.: «В 1253 году... чрезъ Судакъ шли какъ всѣ купцы, отправлявшіеся изъ Турцій въ Сѣверныя страны, такъ и тѣ, которые изъ Россіи шли въ Турцію» (Кеппен, 1837: 114). Так же, ссылаясь на восточные источники, включая Ибн-Фадлана и Абульфеду, особое внимание уделяет этническому и конфессиональному составу города, характеризуя его как «смѣсь различныхъ народовъ и разновѣрцевъ», среди которых долгое время доминировали христиане. Город был торговым центром, сопоставимым с Кафой (Кеппен, 1837: 114-115). Даже при верховной власти татар Судак сохранял независимость и «откупалъ свободу свою какою либо данью» (Кеппен, 1837: 115). Важно подчеркнуть, что уже в XIII в. Судак платил дань Батыю, согласно свидетельству Рубрука (Кеппен, 1837: 115).

Историк выделяет и торговые наименования в русской традиции: «Сурожемъ названъ городъ Судакъ, гдѣ... Россіяне, покупая соль въ Тавридѣ, привозили въ Сурожъ или Судакъ... мѣха... чтобы обмѣнивать ихъ у купцевъ Восточныхъ на бумажныя, шелковыя ткани и пряные корни» (Кеппен, 1837: 119-120). Это указывает на функционирование Судака как центра не только транзитной, но и обменной торговли между Русью, Востоком и Средиземноморьем.

Значительную роль в развитии торговли сыграли генуэзцы, захватившие город в 1365 г. Как пишет П.И. Кеппен, Судак был укреплен ими и «подъ конецъ состоялъ изъ трехъ крѣпостей» (Кеппен, 1837: 116). Торговая деятельность генуэзцев фиксируется в латинских надписях на стенах крепости: «1385 года, въ 1 день Августа, во время управленія отличнаго и мощнаго мужа, Господина Якова Горзевія, почтеннаго Консула и Каstellана Солдаи» (Кеппен, 1837: 128).

Помимо латинского влияния, П.И. Кеппен фиксирует и присутствие латинских епископов, в частности назначение Августина де Сарха на кафедру Солдаи в 1432 г. по булле папы Евгения IV, несмотря на то, что в папской грамоте ошибочно указывается географическое положение Солдаи в «Великой Армении» (Кеппен, 1837: 135). Такая ошибка, по мнению П.И. Кеппена и цитируемого им Бремона (R.P. Bremond), отражает широкое понимание географии Востока в папской канцелярии.

Таким образом, труд П.И. Кеппена представляет ценность как благодаря использованию источников – от хроник до эпиграфики и восточных географов, – так и благодаря попытке интеграции историко-экономической и культурной истории Судака в общее представление о связях между Востоком и Западом.

В дореволюционной российской историографии Николай Никифорович Мурзакевич занимает значительное место в ряду исследователей, обращавшихся к вопросам черноморской торговли, генуэзского присутствия в Крыму и взаимодействия с монгольскими властями. В своём труде Н.Н. Мурзакевич опирается на обширный корпус источников – от Прокопия Кесарийского до османских хронистов, деля их на восемь групп (греческие, генуэзские, венецианские, русские, польские, немецкие, французские и «восточные») (Мурзакевич, 1837). Такое разнообразие обеспечивает многоперспективное изложение и одновременно задаёт высокий критический стандарт для дореформенной российской историографии.

Исходным пунктом автор называет соглашение с Оран-Тимуром, «продавшим землю... с условием, чтобы Генуэзцы платили ему пошлины за ввоз и вывоз товаров, а всем купцам была оставлена свобода покупки и продажи» (Мурзакевич, 1837: 6-7). Уже в этом раннем акте Н.Н. Мурзакевич видит характерную для Орды прагматику: хан «монетизировал» контроль над Чёрным морем, не вмешиваясь во внутренние дела коммун. Позднейший Солхатский мир 1380 г. закрепил тот же принцип. В статье 6 договора подчёркивалось, что «все купцы во владениях Хана... пользовались бы неприкосновенностью прав своих и не обременялись бы новыми пошлинами и сборами» (Мурзакевич, 1837: 53).

Ордынцы не ограничивались сбором пошлин: они стремились использовать западных купцов для выхода к внешним рынкам. Характерен заключённый в 1279 г. «торговый союз Генуэзцев с Египетским султаном», где Орда выступила посредником в работоторговле и оптовых поставках восточных товаров в Кафу (Мурзакевич, 1837: 19). Таким образом, «западное посредничество» сочеталось с ордынской транзитной функцией.

Н.Н. Мурзакевич фиксирует прямую связь между ордынской «либеральной» таможенной политикой и бурным ростом Кафы: «местныя произведёнія... возвысились в цѣнѣ, а народонаселеніе... достигло миллиона» (Мурзакевич, 1837: 10). Автор тем самым, можно сказать, противопоставляет монгольскую торговую модель византийским и венецианским ограничениям, подчёркивая её стимулирующий эффект.

Однако устойчивость системы зависела от политической конъюнктуры: уже в XV в. «Кафа платит дань Татарам» (Мурзакевич, 1837: 62), а попытки ханов ужесточить сборы вызывают вооружённые конфликты, описанные Н.Н. Мурзакевичем как «непременный спутник торговли в степной империи».

Анализируемый труд демонстрирует, что историк рассматривал монгольское правление не только как эпоху военного прессинга, но и как период гибкой торговой политики, позволившей западным купцам – прежде всего генуэзцам – превратить Крым в узловой рынок трансконтинентальных путей.

Н.Н. Мурзакевич подчёркивал прагматизм Орды, видя в нём один из ключевых факторов экономического подъёма региона и одновременно источник его будущих противоречий.

Автор акцентирует внимание на трансрегиональной природе торговли: суда из Константинополя и Перы привозили мануфактуру, суда из Таны – драгоценности и благовония Леванта, а сухопутные караваны ввозили меха, лён, железо и хлеб из Руси и Польши (Мурзакевич, 1837: 36). С другой стороны, Кафа служила транзитным пунктом для товаров из Китая, Индии, Аравии и Эфиопии – от фарфора и мускуса до золота и пряностей (Мурзакевич, 1837: 37-38). Эта уникальная торговая география Кафы, как отмечает Н.Н. Мурзакевич, создавала почву для встречи европейского и восточного мира, где купцы могли «мѣнять издѣлія и товары Европейскіе на мѣха Русскіе, Азіятскій шелкъ и прянности Индостана» (Мурзакевич, 1837: 37).

Заслуживает внимания представление Н.Н. Мурзакевича о политико-правовой роли генуэзской администрации. Он описывает случай, когда консул Кафы Джироламо Джустиниани вернул похищенные у персидского купца товары, отказавшись от даров в знак своей неподкупности. В глазах Н.Н. Мурзакевича это делает Кафу «храмом правосудія (tempio d'una vera giustitia)», что, по мнению восточного гостя, невозможно было бы в его родной стране (Мурзакевич, 1837: 39-40).

Н.Н. Мурзакевич также обращается к вопросу торговых условий. Генуэзцы, по его сведениям, пользовались многочисленными торговыми привилегиями: в Константинополе, Перее и Трапезунде они были освобождены от пошлин, в то время как другие народы платили от 2 до 10 процентов (Мурзакевич, 1837: 41). Такое положение позволило им закрепиться в ключевых узлах торговых маршрутов, распространяя своё влияние вплоть до Тавриса (Мурзакевич, 1837: 40-41).

Таким образом, в историографической перспективе Н.Н. Мурзакевича Кафа предстаёт не просто торговым городом, а своеобразной «метрополией Востока» – пунктом пересечения глобальных потоков товаров, культур и правовых практик. Историк воссоздаёт образ генуэзского купечества как носителя не только экономической, но и цивилизационной миссии, противопоставляя их «честность и правосудіе» произволу восточной администрации (Мурзакевич, 1837: 40). Это репрезентирует характерный для дореформенной российской историографии дискурс о «просвещённом Западе» в контексте христианской цивилизационной модели. Автор: ввёл в научный оборот некоторые западно-европейские и восточные хроники; продемонстрировал комплексный подход, сочетая политическую, экономическую и культурную историю; представил детальные списки должностных лиц и хронологические таблицы, что облегчило дальнейшие исследования административной структуры колоний. Хотя труд несёт на себе отпечаток романтической школы начала XIX в., он остаётся ценным справочником по персональному составу администрации, договорам и хронологии войн.

В своих дальнейших трудах, привлекая эпиграфические надписи из Балаклавы, Феодосии и Судака, а также «изъ Генуэзскаго архива, такъ называемаго Банка Св. Георгія», Н.Н. Мурзакевич существенно пересмотрел корпус данных о консулах Кафы, детально описал медные генуэзско-татарские монеты, найденные им в Крыму в середине XIX в., привёл перечень значимых документов, касающихся Кафы, относящихся к периоду 1381-1473 гг. (Мурзакевич, 1853а; Мурзакевич, 1853b).

Он расширил состав ранее общепринятого списка Гаспара-Луиджи Одерико (Lettere Ligustiche, 1792) (56 имён) ещё на тринадцать позиций и снабдил каждый случай уточнёнными датами избрания, начала и конца годичного управления (Мурзакевич, 1853а: 552-555). Тем самым автор заложил методическую модель, в которой сопоставление эпиграфики с генуэзскими нотариальными книгами становится ключом к реставрации политической хроники Причерноморья. Работа проявляется прежде всего в просопографическом ракурсе: консулам приписываются семейные связи (Дориа, Спинола, Гримальди и др.) и фиксируется их ротация между 1289 и 1475 г., что впоследствии позволит исследователям реконструировать клановые и семейные сети генуэзской Кафы, то есть социальные и политико-экономические структуры генуэзского населения в Крыму, в том числе купеческие кланы, консульскую администрацию и трансрегиональные связи (Мурзакевич, 1853а: 552-555).

Далее, он уделил внимание идентификации и интерпретации символики монет, указав на присутствие генуэзских и татарских элементов. Например, он отметил монеты с изображением готических букв «САФА» и золотоордынской тамги, что служило явным свидетельством совместной чеканки монет генуэзцами и татарами в Кафе (Мурзакевич, 1853b: 387-388).

Конечно, в его работах социально-экономический контекст (функции подесты, отношения с ханской администрацией, торговые сборы) остаётся мало изученным, есть источниковедческие лакуны, отсутствует полный аппарат ссылок на архивные сигнатуры. Но несмотря на это, данные публикации заложили стандарт критического сбора данных и обозначили исследовательский горизонт, к которому обращались как дореволюционные авторы, так и современные специалисты (Khvalkov, 2018: 22).

Ещё один труд, относящийся к взятому нами периоду, – эта работа Максима Максимовича Ковалевского (Ковалевский, 1905). Основная заслуга М.М. Ковалевского заключается в проработке и систематизации источников, которые ранее были недостаточно изучены или использовались поверхностно. В этом состоит его главное преимущество по сравнению с предшественниками, работавшими в основном по опубликованным нарративам. Особое внимание автор уделяет

венецианским архивным материалам (фонд «Senato misti») и генуэзскому архиву «Codice Tauro-Liguro». Автор отмечает, что генуэзские архивы в целом изучены лучше, чем венецианские, и подчёркивает необходимость глубокого анализа последних для получения более полной исторической картины (Ковалевский, 1905: 109-110).

В начале своего исследования автор отмечает необходимость пересмотра общепринятых взглядов на историю итальянских колоний на Чёрном и Азовском морях. В частности, М.М. Ковалевский подчёркивает недостаточность подходов таких исследователей, как Маринь и Гейд, к источникам из венецианского архива (архив Фрари), утверждая, что большая их часть остаётся до сих пор неизученной (Ковалевский, 1905: 109-110).

Значительное внимание М.М. Ковалевский уделяет критике устоявшейся хронологии основания итальянских поселений в Тане. Он оспаривает распространённые мнения, в частности утверждения историка Гейда о позднем происхождении венецианской колонии в Тане (1332 г.). М.М. Ковалевский приводит убедительные аргументы в пользу гораздо более ранней даты основания поселения венецианцами, ссылаясь на документы и дипломатические соглашения, показывающие, что венецианцы активно торговали с Таной задолго до официально признанной даты (Ковалевский, 1905: 112-114).

М.М. Ковалевский разбирает вопросы взаимоотношений генуэзцев и венецианцев, подчёркивая сложный характер их торговой конкуренции и сотрудничества на Азовском море. Особое внимание уделяется периоду господства Золотой Орды, когда были заключены важнейшие договоры между итальянскими купцами и ханами, в частности Узбеком и Джанибеком. Автор вводит в научный оборот материалы, свидетельствующие о более раннем возникновении этих торговых контактов, восходящих к путешествиям Марко Поло и Рубрука (Ковалевский, 1905: 119).

М.М. Ковалевский показывает, что подлинный «торговый взрыв» связан с ханскими ярлыками Узбека и Джанибека, которые поэтапно закрепили трёхпроцентную пошлину и право венецианцев селиться «за церковью госпитальцев до берегов Дона» (Ковалевский, 1905: 121). Исследователь был убеждён, что именно отказ Византии от контроля над Судакком заставил обе республики искать а direct access (прямой доступ) к «рынку татарского Азака» (Ковалевский, 1905: 119), тем самым подтверждая тезис о ключевой роли Монгольской державы в перераспределении черноморской торговли.

М.М. Ковалевский реконструирует перечень экспортно-импортных статей. Для исходящего потока из Венеции характерны «game, stagno, senabrio (металлические товары и красильные вещества)» (Ковалевский, 1905: 125), тогда как обратный путь заполняют воск, кожи, зерновые и пряности, прибывавшие из Индии и Персии транзитом через Тану (Ковалевский, 1905: 125-126). Важное методологическое достижение – вычисление по сенатским протоколам тарифа paulum: 2 solidus за balla в 1 miliarium веса, что на треть ниже ставок 1332 г. (Ковалевский, 1905: 109-110). Тем самым исследователь документирует переход от каботажа с перегрузкой в Константинополе к прямым рейсам «двух вооружённых галер» в Азак. Труд автора также содержит богатую выборку нотариальных актов о продаже рабов, позволяющую проследить этническую палитру невольничьего рынка – от черкесов до русских пленников (Ковалевский, 1905: 126-127). Ковалевский интерпретирует работоторговлю как структурный элемент торговли, а не побочный эффект набегов, полемизируя с Ф. Гейдом, склонным видеть в рабе лишь «случайный товар».

Для М.М. Ковалевского история Таны – это пример того, как Венеция балансировала между желанием хана получать пошлины и стремлением купцов снизить расходы. Механизмы «двойной пошлины» и ставка «3 %» показывают, что даже в условиях внешних потрясений торговля могла работать, если существовали понятные правила (Ковалевский, 1905: 127-155). Анализ М.М. Ковалевского закладывает фундамент для последующих сравнительных исследований генуэзской и венецианской моделей колонизации Причерноморья. В последующих главах труда эволюция венецианско-татарских контактов демонстрирует переход от ситуативных миссий (1340-е гг.) к устойчивой системе «консул-посол» с прописанным финансовым механизмом. Ключевым фактором было не столько «военное давление степи», сколько внутриреспубликанский спор о том, кто должен платить за безопасность торговли (Ковалевский, 1905: 165-166).

Работа М.М. Ковалевского представляет собой ценный пример исторического исследования, успешно объединяющего источниковедческий анализ с широкой исторической перспективой. В целом труд исследователя остаётся значимым, хотя его интерпретации требуют сопоставления с более поздними публикациями полных серий Senato Misti и венециано-генуэзских нотариальных протоколов.

Исследование Христиана Даниловича Френа (Френ, 1832) положило начало российской традиции рассматривать денежные выпуски как полноценный исторический источник, позволяющий реконструировать политическую и экономическую динамику ханств XIII-XV вв. Несмотря на почти двухвековую дистанцию, работа Х.Д. Френа остаётся краеугольным камнем ордынкой и шире – тюрко-исламской нумизматике. Точность атрибуции ныне дорабатывается, но методология «монета как исторический документ» и комплексное династическое построение продолжают определять рамки исследований. Для тематики торговли и активности купцов монеты, описанные Х.Д. Френом, представляют собой первостепенный статистический свидетель – прежде всего благодаря указанию мест чекана в ключевых торговых узлах (Булгар, Кафа, Сарай-ал-Джадид).

Автор предлагает детальную классификацию дирхамов и фулюсов, коррелируя изменение эпиграфической формулы с ключевыми событиями истории Орды, такими как легитимация ислама при Берке-хане и чеканная реформа Узбек-хана (Френ, 1832: 1-39). Х.Д. Френ обосновывает необходимость «полной серии» для сравнения, отказываясь от привычного выбора «типовых» монет, тем самым закладывая методологический стандарт, к которому позднее обратятся современные исследователи (Мухаметшин, 2021; Руденко, 2021).

Труд Василия Васильевича Григорьева (Григорьев, 1850а; Григорьев, 1850b) стал подробным описанием крупного золотоордынского клада, обнаруженного на Волге, - почти одновременно с ранними каталогами Х.Д. Френа, но более систематичным по методике датировок и атрибуции. Автор добился этого, во-первых, за счёт привязки каждого экземпляра к правителю и монетному двору, а во-вторых, благодаря сравнению с уже опубликованными вариантами (местами прямо полемизируя с Х.Д. Френом). Такой уровень детализации сделал работу основой для последующих исследований денежного обращения Золотой Орды. Г.А. Фёдоров-Давыдов, например, интегрировал его результаты исследования в свои обширные статистические реконструкции торговли и эмиссии денег в Золотой Орде (Фёдоров-Давыдов, 2003). Описание клада, сделанное В.В. Григорьевым, отличается точностью и имеет важное значение для историографии. Поэтому вполне вероятно, что собранные им материалы были учтены в современных компилятивных базах и научных реконструкциях торгово-экономических сетей Золотой Орды. Например, данные могли быть включены в GIS-модели, демонстрирующие связь расположения кладов с основными торговыми маршрутами Среднего Поволжья (Аблязов, 2023).

Заслуга Павла Степановича Савельева, как считали его современники, – публикация двух крупнейших кладов (Екатеринославского 1851 г. и Тетюшского 1856 г.), давших 372 и 117 типов монет соответственно (Савельев, 1865). В сумме монография внесла 389 ранее неизвестных разновидностей. Из них: шесть ранее не засвидетельствованных ханов – Каган-бек, Хасан, Алп-ходжа, Джанибек III, Араб-шах и Таш-Тимур. Четыре новых монетных пункта (Алагира, Гюштасии, Аланджи и Астары). Существенное пополнение разделов по джелаиридам, джагатаидам и Сине́й Орде: 47 новых джелаиридских, 15 джагатаидских и 6 редчайших Сине-Ордынских выпусков, включая первую уверенную монету Мубарек-ходжи. Позже В.В. Григорьев писал, что такой объём открытий «...на какое не могли рассчитывать самые смѣлые надежды!» (Григорьев, 1861: 246). Научный подход П.С. Савельева заключался в том, что он аккуратно воспроизводил изображения монет, указывал их вес и чётко отделял проверенные данные от предположений. Это помогло избежать ошибок при определении, к какому времени и правителю относятся найденные монеты. Каждому хану предшествует краткое досье из русских летописей и восточных хроник, при несоответствиях монеты служат коррективом. Типичный пример – разбор хронологии ханства Тохты/Тохтогу (681 и 690 г. хиджры), где П.С. Савельев убедительно свёл «летописного» Тохтомеря и нумизматического Тохтыбека к одному лицу, уточнив даты его власти (Савельев, 1865: 58-128). В.В. Григорьев ещё более значимой называет десятистраничную «дисгрессию» П.С. Савельева о русско-татарских монетах, где доказано, что ранние медные выпуски с именами Узбека и Джанибека являются поздними фальсификатами, а настоящая совместная чеканка начинается лишь при Дмитрии Донском и Тохтамыше. В.В. Григорьев определяет эти страницы как «драгоценные для отечественной нумизматики» (Григорьев, 1861: 254).

В 2008 г. Институт истории им. Ш. Марджани переиздал редкий том Алексея Константиновича Маркова. Это репринт части большого «Инвентарного каталога мусульманских монет Императорского Эрмитажа» 1896 г., давно разошедшегося в единичных экземплярах (Марков, 2008). В собственном предисловии А.К. Марков объясняет метод: он группирует монеты по династиям, правителям, году и месту чекана, а «революционеры» выносит в отдельный блок (Марков, 2008: 9). Такой синхронный порядок позволяет видеть, кто правил и где чеканил деньги в каждый момент времени. Но А.К. Марков почти не обсуждает, как именно работали монетные дворы и какой была экономика ханств, каталог даёт сухие описания.

Историки-нумизматы XIX в. внесли значительный вклад: им удалось по годам расписать смену ханов разных династий и уточнить географию монетных дворов. Без их настойчивой работы невозможно вообразить, как далее развивалась восточная нумизматика. При этом ряд тем остались не раскрытыми. В частности, так и не были установлены нормативные веса монет для разных эпох, хотя это крайне важно, ведь благородные металлы циркулировали именно «на вес».

Говоря о торговле, Гордий Семенович Саблуков подчёркивает, что державе джучидов принадлежало «пространство, соединяющее Азию с Европою» и что через него «пролегал обширный торговый путь между двумя частями света» (Саблуков, 1895: 24). Демонстрирует, что после военных «разорительных походов» торговля восстанавливалась опять за счёт активной поддержки ханов и местных торговцев (Саблуков, 1895: 25). Г.С. Саблуков перечисляет предметы роскоши, ввозимые «караванами из Бухары, Бехештана, Кабула; жемчуг и кораллы из Индии; мѣха, соболи, куньи, бѣлки» (Саблуков, 1895: 26). Г.С. Саблуков констатирует: «В державахъ Азии право государя бить монету... считалось однимъ изъ исключительныхъ правъ верховной власти» (Саблуков, 1895: 26). Однако автор не даёт подробностей о весовых нормах или видах чекана, ограничившись общим

замечанием об исключительной прерогативе хана. «Монголы, вступив в Кипчак, нашли здесь много городов больших, богатых»: от Урегенджа (Хорезм) до Сарая, Булгара, Азова и Баку. Г.С. Саблуков называет свыше десятка ключевых центров с указанием их географии и специализации (Саблуков, 1895: 27). Метод Саблукова носит скорее обобщающий характер: он опирался на русские и арабские летописи, путевые заметки, но не использовал архивные ордынские акты или систематические нумизматические каталоги. Из-за этого в его картине мало конкретики – ни точных планов городов, ни хронологии чекана.

Владимир Густавович Тизенгаузен критически оценивал прежние попытки изучения монгольского владычества, в особенности истории Золотой Орды, предпринятые как Российской академией наук, так и зарубежными исследователями (Тизенгаузен, 1884). Вместе с тем он подчёркивал необходимость более фундаментальной предварительной работы: «Дело было начато не с того конца, с которого следовало приняться за него». Учёный указывал на важность предварительного сбора, систематизации и критической оценки доступных источников (Тизенгаузен, 1884: VIII-IX). В этом контексте его собственный труд представлял собой важный этап в историографии Золотой Орды. Сборник, подготовленный В.Г. Тизенгаузеном, впервые объединил и критически обработал многочисленные арабские, персидские тексты, что позволило поставить изучение истории Улуса Джучи на новый уровень.

Самый подробный фрагмент о торговле в сборнике В. Г. Тизенгаузена принадлежит ал-Омари (Ибнфадлаллах Эломари). Он фиксирует, что в Сарае и Хорезме «динарь ихъ, находящийся въ обращении, равняется 6 дирхемамъ», а цены на зерно продавались «по ритлям» – мерная «ослиная ноша» содержала сто ритлей пшеницы и стоила в среднем 2 ½ динара; ячмень и просо стоили два динара, «баранина по средней цѣнѣ стоитъ дирхемъ каждые 3 ритля» (Тизенгаузен, 1884: 242). Источник ценен тем, что показывает: наличие устойчивого серебряно-золотого соотношения (1:6), рыночное равенство Сарая и Хорезма, употребление крупных мер – «ритлей» вместо мелкой городской меры, что отражает степной объём торговли.

Ибн Арабшах (Ибнарабшах) рисует картину трансконтинентального караванного пути: из Хорезма обозы «спокойно, безъ страха и опаски» шли три месяца, пока не достигали Крыма; провиант не брали, «из-за обилия безопасности, ѣды и питья у (живущихъ тамъ) людей» (Тизенгаузен, 1884: 460). Для историографии это важное свидетельство безопасности степи в первые десятилетия правления ханов Узбека и Джанибека – аргумент в пользу тезиса о «Рах Татарика».

В рассказе Ибн Баттуты (Ибнбатута) о «стране мрака» купля-продажа соболей, белок и горностаев идёт «способом молчаливого обмена»: купец оставляет товары, а наутро находит подменённые меха, «не зная, кто покупает у них» (Тизенгаузен, 1884: 297). Это – редкий для XIII–XIV вв. пример архаичной формы торговли. Там же Ибн Баттута подчёркивает, что индийские покупатели платят за ордынских коней «500 динаров и выше», а за верховых арабских – до 4000 динаров; при этом купцы, продавая дешёвых кобылиц за сотню динаров, «нередко получают двойную и тройную прибыль» (Тизенгаузен, 1884: 287). Принципиально иное торговое «окно» открывает описание портового Сурожа (Судака). Баттута называет его «одним из лучших городов Кипчацкой степи на берегу моря» и отмечает сосуществование тюрок-кочевников с византийскими ремесленниками (Тизенгаузен, 1884: 303).

Таким образом, в материалах сборника В.Г. Тизенгаузена уже присутствуют все ключевые аспекты экономики Орды – цены, валюты, товары, маршруты, инфраструктура и межгосударственная торговая политика. Арабские авторы дают цифры (курс динары/дирхемы, тарификация зерна, стоимость шкур и коней), что позволяет количественно сверять внутренний и внешний рынки Орды. Но они описывают торговлю «со стороны»: через призму дипломатии (посольства Тохты), паломничества (маршрут Баялун-хатун) или путешествия (Ибн Баттута). Потому остаются «слепые зоны» – механизмы сбора пошлин, структура монетного двора, внутренняя оптовая сеть.

Труд Николая Ивановича Веселовского (Веселовский, 1877) представляет собой ценный источник для реконструкции не только политико-административного, но и торгового статуса региона в составе Золотой Орды. Через призму анализа свидетельств европейских и восточных путешественников автор выявляет характер включённости Хорезма в экономические сети эпохи XIII–XIV вв. Он обращает внимание на распространённую ошибку в европейской и русской историографии, согласно которой Хорезм ошибочно относили к уделу Джагатаидов.

Исследователь подчёркивает значительную роль хорезмийских купцов в системе откупа дани, особенно на Руси. Он указывает, что благодаря своему богатству и торговым возможностям хорезмийцы «естественно, должны были иметь перевес перед всеми другими наддатчиками» (Веселовский, 1877: 7). Тем самым Н.И. Веселовский фиксирует одну из форм купеческого влияния в рамках налогово-торговой политики Джучидов. Автор подробно описывает инфраструктуру торговых путей, связывающих Хорезм с центром Орды (Сараем), подтверждая существование развитых караванных маршрутов, о которых свидетельствуют развалины городов и каменные водоёмы на территории Мангышлака и Усть-Урта (Веселовский, 1877: 9). Н.И. Веселовский справедливо ставит под сомнение утверждения о том, что упадок этих путей наступил до монгольского нашествия,

подчёркивая, что интеграция Хорезма в торговые сети Золотой Орды была обусловлена отсутствием естественных географических преград в тот период (Веселовский, 1877: 9).

Автор представляет свидетельства Ибн Баттуты, который описывает Хорезм как экономически развитый и оживлённый центр с насыщенными базарами, госпиталями и разветвлённой административной системой (Веселовский, 1877: 10-11). Ибн Баттута зафиксировал торговую и социальную активность населения, гостеприимство купцов и порядок разрешения правовых споров. Н.И. Веселовский также делает важные наблюдения о роли Хорезма в монетной системе Золотой Орды. Он приводит сведения о чеканке монет от имени ханов Золотой Орды – Узбека, Джанибека, Бердибека, Тохтамыша и других (Веселовский, 1877: 9).

Одним из наиболее последовательных и скрупулёзных исследований Н.И. Веселовского в этом ряду была проблема локализации Гюлистана – загадочного пункта на карте Евразии, который встречается на монетах середины XIV в. В своих работах (Веселовский, 2010а; Веселовский, 2010b) он не только предложил оригинальную интерпретацию происхождения Гюлистана, но и вступил в прямую историографическую полемику с другими исследователями.

Н.И. Веселовский последовательно отстаивал тезис о недогородском характере Гюлистана, рассматривая его, прежде всего, как загородную резиденцию ханов Золотой Орды, которая в силу временного присутствия двора и административных функций могла на монетах обозначаться титулами «богохранимый» (махрусэ), «обитаемый» (ма'мурэ) или даже «город» (белед) (Веселовский, 2010а: 41-42; Веселовский, 2010b: 79). По его мнению, чеканка монет в Гюлистане с 751 по 768 г. хиджры (1350-1366 гг.) свидетельствует не о развитом городском сообществе, а о сезонной или чрезвычайной активности двора (Веселовский, 2010а: 42-46).

Главным топографическим аргументом Н.И. Веселовского стала идентификация Гюлистана с Колобовским курганом, находящимся в 7 верстах от развалин Сарая. Он приводил данные археологических наблюдений А.В. Терещенко, указывавших на наличие массивного укрепления с монументальной архитектурой, полами, водоёмами и разноцветными изразцами, интерпретируя эти остатки как дворцовый комплекс, сопровождавшийся поселением, где могла временно концентрироваться административно-торговая деятельность (Веселовский, 2010а: 43-44). Н.И. Веселовский вступил в дискуссию с рядом ориенталистов и нумизматов, включая А.Ф. Трутовского, который, в противоположность ему, считал Гюлистан независимым монетным городом, возможно, даже «передвижным лагерем» или «летней столицей» (Веселовский, 2010b: 73-74). Н.И. Веселовский критикует А.Ф. Трутовского за произвольное толкование монетных эпитетов и расширение хронологических рамок чеканки до 75 лет, указывая на частые ошибки ордынских штемпельщиков, включая перевёрнутые цифры, пропущенные буквы и обратные начертания (Веселовский, 2010а: 46; Веселовский, 2010b: 80-81). Отличительной чертой подхода Н.И. Веселовского стала строгая критика источников и требование соотносить нумизматические данные с географическими, топографическими и текстологическими сведениями.

К обозначенному нами периоду относится также фундаментальный труд Василия Владимировича Бартольда, в котором учёный затрагивает экономические и торговые последствия завоеваний Чингис-хана для Средней Азии (Бартольд, 1900). Исследование написано на основе широкого круга источников – от арабо-персидских хроник до нумизматических и географических данных. В.В. Бартольд уделял внимание связи между военными кампаниями и торговыми маршрутами, а также роли купеческих представителей в городском управлении. В частности, исследователь акцентировал внимание на значении гибели крупного каравана в Отраре как предпосылке к монгольскому вторжению, указывая на важность стабильного транзита товаров для Хорезмшахского государства. Помимо этого, автор анализировал социальную роль городских раисов как посредников между властью и купеческими кругами, подчёркивая их участие в обеспечении торговли и функционировании караванных маршрутов. Значительное внимание уделено и восстановлению торговой жизни городов после разрушений, в том числе на примере Бухары, где В.В. Бартольд отмечает введение налоговых льгот с целью возрождения экономической активности. Указанные положения в дальнейшем оказали влияние уже на советскую историографию.

5. Заключение

Таким образом, на основе анализа данных трудов можно сделать несколько выводов. Во-первых, дореволюционная историография сформировала комплексное представление о роли западных купеческих диаспор в экономике, подчеркнув их важность в трансконтинентальной торговле и культурном обмене. Во-вторых, эти исследования впервые систематизировали обширный и разнообразный круг источников – от западноевропейских хроник и нотариальных актов до восточных арабских и персидских текстов, монетных выпусков и ярлыков. Третьим важным аспектом является их вклад в разработку методологии историко-нумизматических и источниковедческих исследований, положивших начало новым направлениям изучения экономической истории.

Тем не менее, в данных исследованиях наблюдались определённые методологические и идеологические ограничения, связанные с эпохой их создания. В частности, некоторые авторы были склонны идеализировать роль европейских купцов и противопоставлять их восточным торговым

практикам, что приводило к определённой предвзятости в интерпретации источников. Кроме того, остаётся недостаточно разработанным вопрос о взаимодействии купеческих диаспор с внутренней экономической политикой ханов.

Анализ показал, что наследие дореволюционных историков сохраняет значительный эвристический потенциал, особенно при интеграции их данных в современные цифровые проекты. Будущие исследования могли бы плодотворно использовать разработанные ими подходы для более глубокого понимания экономической и культурной интеграции Евразии эпохи монгольского правления.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счёт программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН BR24993132 «Ранняя и средневековая история, культура Тюркского мира по новым уникальным материалам Ватикана и стран Западной Европы»).

Литература

- [Аблязов, 2023](#) – Аблязов К.А. Технологии ГИС при реконструкции торгово-транспортной системы Золотой Орды // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле*. 2023. Т. 23. Вып.3. С. 144-146.
- [Арапов, 1983](#) – Арапов Д.Ю. Русское востоковедение и изучение истории Золотой Орды / *Куликовская битва в истории нашей родины*. М., 1983. С. 70-77.
- [Бартольд, 1900](#) – Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900. 573 с.
- [Бартольд, 1977](#) – Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России / *Сочинения*. М.: Наука, 1977. Т. 9. С. 199-482.
- [Веселовский, 1877](#) – Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877. 368 с.
- [Веселовский, 2010a](#) – Веселовский Н.И. О местоположении Гюлистана при-Сарайского / *Труды по истории Золотой Орды*. Под ред. И.М. Миргалеева. Казань, 2010. С. 40-47.
- [Веселовский, 2010b](#) – Веселовский Н.И. Загадочный Гюлистан Золотой Орды / *Веселовский Н.И. Труды по истории Золотой Орды*. Под ред. И.М. Миргалеева. Казань, 2010. С. 73-84.
- [Григорьев, 1850a](#) – Григорьев В.В. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая // *Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества*. Т. II. СПб., 1850. С. 1-63.
- [Григорьев, 1850b](#) – Григорьев В.В. Монеты афганских султанов Индии, найденные в развалинах Сарая // *Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества*. Т. II. СПб., 1850. С. 336-351.
- [Григорьев, 1861](#) – Григорьев В.В. Жизнь и труды П.С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб.: Изд. Имп. Археол. о-ва, 1861. 307 с.
- [Дробышев, 2022](#) – Дробышев Ю.И. Монгольская империя и ее идеология в освещении дореволюционных российских историков: от Полевого до Преснякова // *Золотоордынское обозрение*. 2022. Т. 10. № 3. С. 537-564.
- [Кеппен, 1837](#) – Кеппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор таврических. Крымский сборник. СПб., 1837. 412 с.
- [Ковалевский, 1905](#) – Ковалевский М.М. К ранней истории Азова // *Труды XII археологического съезда*. М., 1905. Т. II. С. 109-174.
- [Лушников, 2009](#) – Лушников О.В. Монгольская империя в историографии XVIII-XX вв. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 116 с.
- [Марков, 2008](#) – Марков А.К. Монеты джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 120 с.
- [Мурзакевич, 1837](#) – Мурзакевич Н.Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса: Городская типография, 1837. 90 с.
- [Мурзакевич, 1853a](#) – Мурзакевич Н.Н. Генуэзские консулы города Каффы // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса: Городская типография, 1853. Т. 3. С. 552-555.
- [Мурзакевич, 1853b](#) – Мурзакевич Н.Н. Медные монеты города Каффы // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса: Городская типография, 1853. Т. 4. С. 387-388.
- [Мухаметшин, 2021](#) – Мухаметшин Д.Г. Денежное обращение Булгарского улуса во второй половине XIV в. // *Золотоордынское обозрение*. 2021. Т. 9. № 2. С. 296-313.
- [Надеждин, 1828](#) – Надеждин Н.И. О происхождении, существовании и падении итальянских торговых поселений в Тавриде // *Вестник Европы*. 1828. Кн. 19. С. 161-190.
- [Пачкалов, 2024](#) – Пачкалов А.В. Изучение и коллекционирование монет Золотой Орды в Российской империи в конце XVII – начале XIX века // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29. № 4. С. 91-100.

Политов, 2017 – Политов В.В. Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси / Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2017. 257 с.

Руденко, 2021 – Руденко К.А. Элитные клады из Булгарского улуса Золотой Орды // *Золотоордынское обозрение*. 2021. Т. 9. № 3. С. 520-546.

Саблуков, 1895 – Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Издание второе, исправленное и дополненное. Казань, 1895. 60 с.

Савельев, 1865 – Савельев П.С. Монеты Джучидские, Джагатайские, Джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша (с 10-ю таблицами рисунков) // *Записки Императорского археологического общества*. Т. XII. СПб.: Типография А. Траншеля, 1865. С. 1-326.

Тизенгаузен, 1879 – Тизенгаузен В.Г. Обзор совершенных в России трудов по Восточной нумизматике / *Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге*. 1876. Под редакторством В.В. Григорьева. СПб., 1879-1880. Т. 1. С. 1-32.

Тизенгаузен, 1884 – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. Т. 1. 564 с.

Федоров-Давыдов, 2003 – Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 344 с.

Френ, 1832 – Френ Х.Д. Монеты ханов Улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами разных иных мухамедданских династий. СПб.: Императорская Академия наук, 1832. 97 с.

Ху Вэйян, 2022 – Ху Вэйян. Воздействие монгольской власти на социально-политическое развитие Руси и Китая: сравнительно-историографическое исследование / Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2022. 19 с.

Якубовский, 1953 – Якубовский А.И. Из истории изучения монголов X-XIII вв. // *Очерки по истории русского востоковедения*. М., 1953. Вып. 1. С.65-88.

Khvalkov, 2018 – Khvalkov E. The Colonies of Genoa in the Black Sea Region: Evolution and Transformation. New York and London: Routledge, 2018. 444 p.

References

Ablyazov, 2023 – Ablyazov, K.A. (2023). Tekhnologii GIS pri rekonstruktsii torgovo-transportnoi sistemy Zolotoi Ordy [GIS technologies in the reconstruction of the trade and transport system of the Golden Horde]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Nauki o Zemle*. 23(3): 144-146. [in Russian]

Arapov, 1983 – Arapov, D.Yu. (1983). Russkoe vostokovedenie i izuchenie istorii Zolotoi Ordy [Russian oriental studies and the study of the history of the Golden Horde]. *Kulikovskaya bitva v istorii nashei rodiny*. M. Pp. 70-77. [in Russian]

Bartol'd, 1900 – Bartol'd, V.V. (1900). Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya [Turkestan during the Mongol invasion]. SPb. 573 p. [in Russian]

Bartol'd, 1977 – Bartol'd V.V. (1977). Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i Rossii [The history of oriental studies in Europe and Russia]. Sochineniya. M.: Nauka. T. 9. Pp. 199-482. [in Russian]

Drobychev, 2022 – Drobychev, Yu.I. (2022). Mongol'skaya imperiya i ee ideologiya v osveshchenii dorevolutsionnykh rossiiskikh istorikov: ot Polevogo do Presnyakova [The Mongol Empire and its ideology in the interpretation of pre-revolutionary Russian historians: from Polevoy to Presnyakov]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 10(3): 537-564. [in Russian]

Fedorov-Davydov, 2003 – Fedorov-Davydov, G.A. (2003). Denezhnoye delo Zolotoi Ordy [Monetary affairs of the Golden Horde]. M.: Paleograf, 344 p. [in Russian]

Fren, 1832 – Fren, Kh.D. (1832). Monety khanov Ulusa Dzhuchieva, ili Zolotoi Ordy, s monetami raznykh inykh mukhameddanskikh dinastii [Coins of the khans of the Ulus of Jochi, or the Golden Horde, with coins of various other Muslim dynasties]. SPb.: Imperatorskaya Akademiya nauk, 97 p. [in Russian]

Grigor'ev, 1850a – Grigor'ev, V.V. (1850). Opisanie klada iz zolotoordynskikh monet, naidennogo bliz razvalin Saraya [Description of a hoard of Golden Horde coins found near the ruins of Sarai]. *Zapiski Sankt-Peterburgskogo arkhelogicheskogo-numizmaticheskogo obshchestva*. T.II. SPb. Pp. 1-63. [in Russian]

Grigor'ev, 1850b – Grigor'ev, V.V. (1850). Monety afganskikh sultanov Indii, naidennye v razvalinakh Saraya [Coins of the Afghan sultans of India found in the ruins of Sarai]. *Zapiski Sankt-Peterburgskogo arkhelogicheskogo-numizmaticheskogo obshchestva*. T.II. SPb. Pp. 336-351. [in Russian]

Grigor'ev, 1861 – Grigor'ev, V.V. (1861). Zhizn' i trudy P.S. Savel'eva preimushchestvenno po vospominaniyam i perepiske s nim [Life and works of P.S. Savel'ev, mainly based on memories and correspondence]. SPb, 307 p. [in Russian]

Hu Weiyan, 2022 – Hu Weiyan (2022). Vozdeistvie mongol'skoi vlasti na sotsial'no-politicheskoe razvitie Rusi i Kitaia: sravnitel'no-istoriograficheskoe issledovanie [The Impact of Mongol Rule on the Socio-Political Development of Rus' and China: A Comparative Historiographical Study]. *Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kand. ist. nauk*. M., 19 p. [in Russian]

- Keppen, 1837** – *Keppen, P.I.* (1837). O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor tavrisheskikh [On the antiquities of the Southern coast of Crimea and the Tauric mountains]. Krymskii sbornik. SPb., 412 p. [in Russian]
- Khvalkov, 2018** – *Khvalkov, E.* (2018). The Colonies of Genoa in the Black Sea Region: Evolution and Transformation. New York and London: Routledge. 444 p.
- Kovalevskii, 1905** – *Kovalevskii, M.M.* (1905). K rannei istorii Azova [On the early history of Azov]. V: Trudy XII arkheologicheskogo s"ezda. M. Pp. 109-174 [in Russian]
- Lushnikov, 2009** – *Lushnikov, O.V.* (2009). Mongol'skaya imperiya v istoriografii XVIII–XX vv. [The Mongol Empire in the historiography of the 18th–20th centuries]. Kazan': Izd-vo «Fen» AN RT, 116 p. [in Russian]
- Markov, 2008** – *Markov, A.K.* (2008). Monety dzhuchidov: Zolotaya Orda, tatarskie khanstva [Coins of the Juchids: the Golden Horde, Tatar Khanates]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 120 p. [in Russian]
- Mukhametshin, 2021** – *Mukhametshin, D.G.* (2021). Denezhnoe obrashchenie Bulgarskogo ulusa vo vtoroi polovine XIV v. [Currency circulation of the Bulgar ulus in the second half of the 14th century]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 9(2): 296-313. [in Russian]
- Murzakevich, 1837** – *Murzakevich, N.N.* (1837). Istoriya genuevskikh poselenii v Krymu [History of the Genoese settlements in Crimea]. Odessa: Gorodskaya tipografiya, 90 p. [in Russian]
- Murzakevich, 1853a** – *Murzakevich, N.N.* (1853). Genuevskie konsuly goroda Kaffy [The Genoese consuls of the Kaffa city]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa: Gorodskaya tipografiya. T. 3. Pp. 552-555. [in Russian]
- Murzakevich, 1853b** – *Murzakevich, N.N.* (1853). Mednye monety goroda Kaffy [Copper coins of the City of Caffa]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa: Gorodskaya tipografiya. T. 4. Pp. 387-388. [in Russian]
- Nadezhdin, 1828** – *Nadezhdin, N.I.* (1828). O proiskhozhdenii, sushchestvovanii i padenii italianskikh torgovykh poselenii v Tavride [On the origin, existence, and fall of the Italian trade settlements in Taurida]. *Vestnik Evropy*. Kn. 19. Pp. 161-190. [in Russian]
- Pachkalov, 2024** – *Pachkalov, A.V.* (2024). Izuchenie i kolleksionirovanie monet Zolotoi Ordy v Rossiiskoi imperii v kontse XVII – nachale XIX veka [Study and collecting of Golden Horde coins in the Russian Empire in the late 17th – early 19th centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 29(4): 91-100. [in Russian]
- Politov, 2017** – *Politov, V.V.* (2017). Otechestvennaya istoriografiya vliyaniya mongolo-tatarskogo iga na sotsial'no-politicheskie instituty knyazhestv Severo-Vostochnoi Rusi [Russian historiography of the influence of the Mongol-Tatar yoke on the socio-political institutions of the North-Eastern Rus' principalities]. *Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kand. ist. nauk. M.*, 257 p. [in Russian]
- Rudenko, 2021** – *Rudenko, K.A.* (2021). Elitnye klady iz Bulgarskogo ulusa Zolotoi Ordy [Elite hoards from the Bulgar ulus of the Golden Horde]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 9(3): 520-546. [in Russian]
- Sablukov, 1895** – *Sablukov, G.S.* (1895). Ocherk vnutrennego sostoyaniya Kipchaksogo tsarstva [Essay on the Internal State of the Kipchak Kingdom]. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe. Kazan'. 60 p. [in Russian]
- Savel'ev, 1865** – *Savel'ev, P.S.* (1865). Monety Dzhuchidskie, Dzhagataiskie, Dzhelairidskie i drugie, obrashchavshiesya v Zolotoi Orde v epokhu Tokhtamysha (s 10-yu tablichkami risunkov) [Coins of the Juchids, Chagatayids, Jalayirids and others circulating in the Golden Horde during the Tokhtamysh Era (with 10 plates of illustrations)]. *Zapiski Imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva*. T. XII. SPb.: Tipografiya A. Transhelya. Pp. 1-326. [in Russian]
- Tizengauzen, 1879** – *Tizengauzen, V.G.* (1879). Obzor sovershennykh v Rossii trudov po Vostochnoi numizmatike [Overview of works on Eastern numismatics carried Out in Russia]. *Trudy tret'ego mezhdunarodnogo s"ezda orientalistov v S.-Peterburge*. 1876. Pod redaktorstvom B.V. Grigor'eva. SPb., 1879–1880. T. 1. Pp. 1-32. [in Russian]
- Tizengauzen, 1884** – *Tizengauzen, V.G.* (1884). Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy. Izvlecheniya iz sochinenii arabskikh [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde. Extracts from Arabic writings]. SPb. T. 1. 564 p. [in Russian]
- Veselovskii, 1877** – *Veselovskii, N.I.* (1877). Ocherk istoriko-geograficheskikh svedenii o Khivinskom khanstve s drevneishikh vremen do nastoyashchego [Essay on the historical and geographical data about the Khiva Khanate from the earliest times to the present]. SPb, 368 p. [in Russian]
- Veselovskii, 2010a** – *Veselovskii, N.I.* (2010). O mestopolozhenii Gyulistana pri-Saraiskogo [On the Location of the Pri-Sarai Gyulistan]. *Trudy po istorii Zolotoi Ordy*. Pod red. I.M. Mirgaleeva. Kazan'. Pp. 40-47. [in Russian]
- Veselovskii, 2010b** – *Veselovskii, N.I.* (2010). Zagadocnyhi Gyulistan Zolotoi Ordy [The mysterious Gyulistan of the Golden Horde]. *Trudy po istorii Zolotoi Ordy*. Pod red. I.M. Mirgaleev. Kazan'. Pp. 73-84. [in Russian]

Yakubovskii, 1953 – *Yakubovskii, A.I.* (1953). *Iz istorii izucheniya mongolov X–XIII vv.* [From the history of the study of the Mongols of the 10th–13th centuries]. *Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya*. M., T. 1. Pp. 65–88. [in Russian]

Отражение торгово-экономических связей эпохи монгольского правления в дореволюционной российской историографии

Гульжан Сейдуалиевна Беделова ^{a, *}, Дукен Масимханулы ^b, Айнур Абиденкызы ^b

^a Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^b Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Цель данной статьи заключается в выявлении и критическом осмыслении эволюции представлений дореволюционной российской историографии о торгово-экономических связях эпохи монгольского правления. Авторы ставят перед собой задачи: выявить методологические установки и идеологические предпосылки исследователей XIX – начала XX в.; реконструировать состав и структуру их источниковой базы; проследить динамику интерпретаций ключевых сюжетов (купеческие диаспоры, денежное обращение, ярлыки). В статье применяется сравнительно-историографический подход, позволяющий раскрыть специфику методологических установок и идеологических позиций разных авторов, а также текстологический и историко-сравнительный анализы. Источниковая база характеризуется использованием монографий и публикаций дореволюционных авторов (Наеждин, Кеппен, Мурзакевич, Ковалевский, Френ, Григорьев и др.). Авторы подчёркивают важность нумизматических источников и ярлыков как инструментов для реконструкции торговых маршрутов и экономической политики монгольских ханов. Особенность данной работы заключается в комплексном совмещении текстологических, археологических и нумизматических данных, что позволило системно описать исследовательские «узлы» и скрытые междисциплинарные связи между трудами авторов. В статье сделан вывод о необходимости переосмысления методологических достижений дореволюционной историографии с позиции современных научных подходов и цифровых технологий, что позволит интегрировать эвристический потенциал ранних публикаций в актуальные междисциплинарные исследования и проекты.

Ключевые слова: монгольское правление, торговля, историография, источниковедение, купечество, нумизматика, российские востоковеды, трансрегиональные связи, методология.

* Корреспондирующий автор

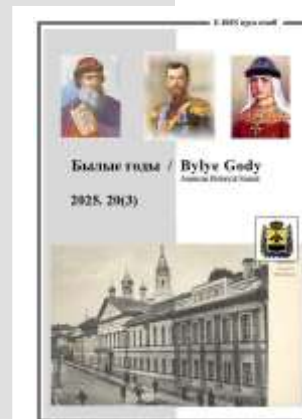
Адреса электронной почты: gulzhanbedelova@gmail.com (Г.С. Беделова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1250-1260
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1250

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Caucasian Highlanders in the Ranks of the Russian Army in the 1830s–1870s: Imperial Integration Policy and Problems of Incorporation

Evgenii A. Avdeev^{a,*}, Sergej M. Vorobev^a, Alexey A. Lagunov^a

^a North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

The article, based on a number of archival materials and documentary sources, examines the imperial policy of integrating Caucasian highlanders by recruiting them for military service in the 1830s–1870s. Ensuring the loyalty of the mountain population to the imperial authorities and incorporating the mountain elites into the Russian privileged service class become significant political tasks. The integration of the highlanders was flexible, based on respect for faith, linguistic and cultural characteristics, and was distinguished by trust. A sign of trust was the involvement of representatives of the Caucasian nobility in escort service at the highest court as part of the Life Guards Caucasian-Mountain Half-Squadron. During this period, a number of systematic steps were taken to organize training on special terms for noble mountain youths in the St. Petersburg and then Moscow cadet corps. Irregular cavalry units were formed from among the mountain population. At the final stage of the Caucasian War, a practice was formed that gave the opportunity to the offspring of a noble mountain family to enter regular military service with the subsequent possibility of promotion to officer. At the end of military operations, police units from the local population are created to ensure security and public order. The involvement of highlanders in military service, despite significant difficulties in staffing the units being formed, cases of defection to the enemy, the presence of cultural, linguistic and religious barriers, contributed to the solution of the political problem of incorporating local elites into the service class of the empire, and also helped to ensure the loyalty of broad sections of the population and form a system of local government.

Keywords: Caucasus, Russian Empire, imperial policy, highlanders, Caucasian War, Caucasian administration, military service, highland regiments, highlander cadets.

1. Введение

Включение Кавказа в состав России в 1830–1870-х гг. во многом зависело от лояльности российским властям горского населения и местных элит. В этой связи одной из задач имперской политики на Кавказе была интеграция горцев в Российскую империю, постепенная инкорпорация местной знати в сословную структуру путём привлечения её к военной службе. Реализация этих задач предполагала учёт особого менталитета горцев, их образа жизни и принадлежности в большинстве своём к исламу. Одним из факторов, усложняющих интеграционные процессы, являлось то, что значительная часть горской элиты была подвержена турецкому влиянию, которое активно подогревалось османскими властями. Облегчало эти процессы то, что в российской армии ещё с допетровских времён служили представители многих народов и конфессий. В Российской империи имелся богатый опыт приёма на военную службу представителей разных народов и продвижения их по карьерной лестнице.

Принимаемые меры по привлечению горцев к военной службе в ходе Кавказской войны и последовавшего за ней замирения края позволяли решить ряд важных государственных задач,

* Corresponding author

E-mail addresses: ewg.avdeev@yandex.ru (E.A. Avdeev)

сформировать эффективные интеграционные практики, обеспечить доверие и лояльность местного населения и ускорить процесс инкорпорации элит в российское сословное общество. Военная служба давала возможность воинственным горцам, непривыкшим к мирному труду, не только проявить себя в ратном деле, но и улучшить своё материальное положение, получить перспективы карьерного роста. Значение этих политических задач понималось и подчёркивалось руководителями российской военно-гражданской администрации на Кавказе. По словам главнокомандующего Кавказской армией и кавказского наместника А.И. Барятинского, среди горцев «сложился многочисленный класс людей, который умеет жить одним оружием и должен или продавать нам свое мужество, или обратить его против нас» (Зиссерман, 1890: 439). Он также подчёркивал, что горцы, принимаемые на военную службу на добровольных началах, смогут «ознакомиться с Россией и нашими обычаями и с возвращением на родину иметь выгодное для нас влияние на своих единоплеменников» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 41. Л. 2). Российские военачальники на Кавказе понимали, что такие люди, обладающие более широким кругозором и видением России как целостного имперского организма, органично включающего в себя самые разные народы и культуры, при этом происходящие из знатных горских фамилий, станут особенно полезными проводниками российской политики и влияния на Кавказе.

Приём горцев на военную службу как в иррегулярные, так и впоследствии в регулярные части, комплектование из них конных полков, выполнявших как военные, так и охранные, а также полицейские функции, позволило уменьшить дистанцию между российской администрацией и местным населением, снизить число размещённых на Кавказе российских войск, несущих гарнизонную, пограничную и охранную службу. У российских военачальников и администраторов складывается понимание того, что привлечение местного населения на службу даст возможность со временем добиться того, что «воинственное население гор станет само себе охраной». Также им подчёркивается роль горских военных формирований как связующего звена между местным населением и российскими властями (Гордин, 2000: 45).

Таким образом, историческая реконструкция политических решений и их практической реализации в сложных условиях военного и послевоенного времени, успехов и проблем интеграции местных элит и части воинственных горцев посредством привлечения их к военной службе в российской армии имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. Северный Кавказ – сложный регион, сохраняющий своё геополитическое значение и по-прежнему подверженный влиянию со стороны Турции и Ближнего Востока. Исторический опыт имперской политики интеграции горцев в российское культурно-цивилизационное пространство является частью метанарратива истории российского Кавказа, он является свидетельством понимания места и роли его населения в структуре многонациональной и многоконфессиональной Российской империи, гибкости имперской политики, ориентированной не только на решение государственных и геополитических задач, но и на социокультурное развитие местного населения.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили материалы архивных фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Москва, Российская Федерация), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) (Москва, Российская Федерация) и опубликованные сборники официальных документов: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК); Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ); военно-исторический ежегодник (Кавказский сборник). В качестве документальных источников, отражающих характер анализируемых процессов, был использован ряд исторических очерков, посвящённых военной службе горцев в составе российских регулярных и иррегулярных воинских формирований.

Методология исследования имперской политики по привлечению кавказских горцев к военной службе в 1830–1870-х гг., анализ достижений и проблем, связанных с их инкорпорацией в военное сословие России, основывались на принципах историзма, объективности и системности, а также на понимании многомерности и неоднозначности исторического развития. Принцип историзма предполагал рассмотрение имперской политики указанного периода в широком контексте основных событий Кавказской войны и последующего замирения горцев, а также общего вектора политики по интеграции и развитию национальных окраин Российской империи. Авторами применялись историко-генетический и историко-сравнительный методы. Был проведён историко-политический анализ имперской политики инкорпорации горцев путём приёма их на военную службу. На основе историко-генетического метода была проведена реконструкция политики и конкретных управленческих решений, направленных на привлечение горцев к военной службе, показаны достижения и трудности их интеграции в российскую армию и российское общество. Историко-сравнительный метод дал возможность раскрыть специфику фронтирности Кавказа, осветить основные особенности этого сложносоставного края, связанные с этнической и конфессиональной пестротой, а также разнообразием форм социальных и властных отношений. Историко-политический анализ позволил рассмотреть различные документальные источники, указы и высочайшие

распоряжения, раскрывающие политическую основу привлечения горцев на военную службу, направленную на решение стратегических задач интеграции Кавказа в Российскую империю и обеспечение лояльности местных элит.

3. Обсуждение

Вхождение Кавказа в состав Российской империи в историографии XIX в. анализировалось преимущественно через призму событий и сюжетов Кавказской войны. После её завершения был собран, обобщён и опубликован значительный корпус материалов, имеющий особую значимость в связи с тем, что его авторами становились современники, а зачастую и непосредственные участники данных событий — российские офицеры и чиновники. Многие их воспоминания и другие материалы были представлены на страницах «Кавказского сборника» (*Кавказский сборник, 1876–1913*). Значительный вклад в исследование Кавказской войны, в том числе и в аспекте привлечения горцев к военной службе, внесли труды военных историков, таких как В.А. Потто (*Потто, 1887–1890*), Р.А. Фадеев (*Фадеев, 1860*) и Н.Ф. Дубровин (*Дубровин, 1871*). Ряд сведений, касающихся службы кавказских горцев в иррегулярных и казачьих войсках, был обобщён и опубликован В.К. Шенком (*Шенк, 1912*). В целом в конце XIX и начале XX в. был не только собран, обобщён и систематизирован огромный фактологический материал, но и проведено его осмысление, ставшее основой многих последующих исследований и трактовок.

В XX в. продолжается всестороннее изучение метанарратива Кавказской войны и исследование особенностей включения края в состав России. Среди многочисленных исследований различных аспектов имперской политики XIX в. на Кавказе, достижений и проблем интеграции горцев в российское общество, следует отметить труды Т.Х. Кумыкова (*Кумыков, 1965*), которые ввели в научный оборот широкий перечень архивных материалов и осветили как противоречия, так и успехи российской интеграционной политики. Служба горцев в рядах российской армии и их непосредственное участие в военных действиях также нашли отражение в ряде исследований (*Санакоев, 1976; Санакоев, 1975*).

В начале XXI в. процессы стабилизации социально-политической ситуации на Северном Кавказе придали новый импульс исследованиям решений и конкретных практик имперской администрации по обеспечению интеграции и инкорпорации горцев в российское общество (*Шигабудинов, 2004; Муханов, 2007; Zozulya et al., 2020; Avdeev et al., 2025; Avdeev et al., 2024*). Анализ архивных материалов, касающихся причин и хода Кавказской войны, позволил Ш.А. Гапурову сформулировать значимое для понимания имперской интеграционной политики на Кавказе положение о том, что «Россия, преследуя в первую очередь свои государственные интересы, в то же время несла горцам перспективу поступательного исторического развития» (*Гапуров и др., 2014*). Вклад в исторические исследования успехов и проблем культурной интеграции сложного и полиэтнического Кавказского сообщества в российское культурно-языковое пространство внесли работы А.Т. Урушадзе (*Урушадзе, 2016*).

4. Результаты

В ходе Кавказской войны для решения задач инкорпорации горцев в ряды российской армии, начиная с 1830-х гг., практиковалось образование иррегулярных конных полков из горского населения. Это предложение было сделано главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевичем военному министру А.И. Чернышеву в 1829 г. Практика привлечения горцев к военной службе в российской армии стала одним из приоритетных направлений имперской политики интеграции горцев и борьбы за их лояльность. Предписывалось не только формировать конные полки «из черкес, осетин и кабардинцев», но и применять их в военных действиях против «племен независимых». При этом основным условием поступления на военную службу было добровольное согласие, т.к. в противном случае от горцев нельзя будет ожидать «ни усердия, ни верности» (*АКАК, 1881: 635*).

В 1835 г. утверждается положение об иррегулярных конных полках в составе Кавказского корпуса. Начинают комплектоваться два полка. Первый полк получил название Мусульманского, в его состав вошли представители закавказских народов. Второй был назван Кавказским-горским. В нём несли службу северокавказские горцы — кабардинцы, кумыки и др. Зачислялись в них добровольно. Срок службы составлял четыре года. Штатная численность полков — 600 человек. Должности полковых командиров замещались русскими штаб-офицерами, владеющими местными языками и имеющими опыт командования горцами. Замещение офицерских должностей в полках горцами было возможным, но от кандидата требовалась безусловная лояльность российскому государству и происхождение из знатных родов (*ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 10. № 8211*). Формирование этих частей происходило с большим трудом. Кавказский-горский полк в полном составе так и не был сформирован, он состоял только из двух сотен, вместо шести. Опыт формирования горских конных частей вкупе с политикой царских властей, направленной на продолжение интеграции горцев в Российскую империю путём военной службы, стали основой для создания в 1851 г. Дагестанского конно-иррегулярного полка (*ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 26. № 2583*). Данный полк участвовал в ряде

сражений не только на Кавказе, но и на других театрах военных действий, проявив усердие и отвагу, что подтверждается рядом наград. Создание иррегулярных горских формирований способствовало не только решению военных задач и интеграции горцев, но и формированию боевого сотрудничества с дружественным горским населением, которое приводило к углублению разделения между лояльными и враждебными России горцами. За верность и храбрость, проявленные во время боевых действий, горцев награждали орденами, медалями и деньгами. Для награждения мусульман решением императора Николая I от 1844 г. на российских орденах христианские символы заменялись двуглавым орлом, что является одним из примеров уважения к религиозным чувствам подданных, а также проявлением необходимой в огромной многоконфессиональной империи управленческой гибкости.

Одним из важных направлений имперской политики инкорпорации горцев в российское государство стало привлечение знати к военной службе. Горская знать, традиционно обладающая властными полномочиями и огромным авторитетом, имела большое влияние на своих соплеменников и могла направить их как на сотрудничество с российскими властями, так и на вооружённое противодействие им. В связи с этим привлечение на военную службу местной знати становится одной из приоритетных политических задач. Так, главнокомандующий Кавказской армией и кавказский наместник князь А.И. Барятинский поддерживал идеи кавказского наместника князя М.С. Воронцова, предполагавшие постепенную инкорпорацию в ряды российского дворянства лояльных представителей горской знати посредством привлечения их к военной службе (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 236. Л. 4, 12). При этом российская администрация учитывала и такие ментальные особенности горских элит, как властолюбие, наследственная гордость и стремление к почестям и наградам. Например, в 1844 г. высочайшим повелением было указано командующему Отдельным Кавказским корпусом титуловать владетельного князя Сванетского «Сиятельством», а также разрешить ему выдачу денег для компенсации малых доходов, получаемых с наследственных земель (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 624. Л. 1). Это было значимым политическим шагом, т.к. позволяло обеспечить лояльность Сванетии, имеющей для России определённое военно-стратегическое значение.

Предложения по привлечению горцев к регулярной военной службе начали активно претворяться в жизнь на завершающем этапе Кавказской войны. Успешное завершение войны привело к росту полярных настроений среди местных элит и населения. Часть горцев, настроенная враждебно к России, стремилась переселиться в Османскую империю, тогда как другие желали сотрудничать с Российской империей, в том числе и путём поступления на военную службу (Avdeev et al., 2024a). Много пророссийски настроенных горцев было среди знатных осетин. Так, Барятинский в 1859 г. ходатайствовал перед Военным министерством о зачислении в регулярную армию «четырёх бадилат из осетин» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 236. Л. 2). По его мнению, привлечение горской знати, с детства обучавшейся верховой езде, к армейской службе не только станет значимым источником комплектования регулярной кавалерии, но и по окончании службы позволит иметь лояльный кадровый ресурс административного управления на местах (РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 41. Л. 2). Было предложено разрешить Главнокомандующему Кавказской армии по рекомендации местного начальства, подтверждавшего знатное происхождение и лояльность желающих поступить на военную службу горцев, принимать их на службу в регулярные части. Такие горцы наделялись правами вольноопределяющихся первого разряда, им присваивались чины унтер-офицеров. После четырёхлетней службы предоставлялась возможность производства в офицеры. Это предложение Барятинского в том же году было направлено военным министерством в Кавказский комитет (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 236. Л. 1). После одобрения комитетом вопрос о дозволении знатым горцам поступать на службу в качестве вольноопределяющихся был одобрен Александром II. Лояльные России отпрыски знатных горских фамилий получили возможность путём добросовестной военной службы добиться производства в офицеры и тем самым начать процесс инкорпорации в российское дворянство.

Другим шагом по обеспечению лояльности стала выплата значительного денежного содержания представителям горской знати, перешедшим на сторону России. Например, в 1859 г. по распоряжению Барятинского было назначено содержание наибу Талхику Бациеву, верному российским властям, в размере 500 руб. серебром в год (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 94. Л. 1). Им отмечается, что привлечение таких людей «нужно для пользы края» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 94. Л. 2). Некоторые именитые горцы, поступившие на военную службу и получавшие за это денежные вознаграждения и иные преференции, переходили на сторону противника. Часть из них впоследствии вновь меняла сторону и снова принималась на российскую службу. Так, один из аварских военных вождей Хаджи-Мурат, изначально бывший противником Шамиля и занявший лояльную России позицию, в 1840 г. становится сторонником имама, назначается аварским наибом и воюет на его стороне до 1851 г. Затем он вновь переходит на сторону России и просит у «Русского Правительства защиты и прощения» (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 430. Л. 6). Пленённый в детстве, воспитывавшийся в российской дворянской семье и дослужившийся до чина майора российской армии, Бота Шамурзаев в 1844 г. переходит на сторону Шамиля и назначается наибом. В 1850 г., после лишения его этой должности, переходит на российскую сторону (Туркаев, 2008: 212). В целом, российская администрация, стремясь заручиться поддержкой и лояльностью горской знати, зачастую прощала её представителям переход на сторону противника и, по возвращении, предоставляла им

защиту, содержание и восстановление прежних званий. Само служение России оборачивалось для многих горцев болезненным конфликтом между долгом службы и родовой, а также религиозной идентичностью, что во многом объясняет их неожиданные переходы на ту или другую сторону.

Представители горской знати не имели документальных подтверждений своего происхождения, необходимого для присвоения им титулов согласно законам Российской империи. Это было связано с тем, что социальные отношения на Кавказе строились на основе обычаев, и не существовало административных учреждений, документально оформлявших сословный статус (РГИА. Ф. 1268. Оп. 6. Д. 153. Л. 32). В связи с этим проблема определения порядка титулования и права на ношение той или иной княжеской фамилии в спорных случаях требовала специального рассмотрения. Например, в 1852 г. Кавказским комитетом началось рассмотрение прошения поручика Амзаева о присвоении фамилии владетельных кумыкских князей Хамзаевых и княжеского титула в связи с его происхождением. После долгих обсуждений и поддержки Барятинского комитетом было принято решение подтвердить право поручика на использование княжеского титула, утверждённое императором Александром II в 1859 г. (РГВИА. Ф. 383. Оп. 1. д. 41. Л. 370). Сложными были вопросы права владения землёй, принадлежащей знатным горским фамилиям. Например, в 1860-е гг. во время введения военно-народного управления на территории Дагестана и упразднения Тарковского шамхальства, Мехтулинского и Кюринского ханств право собственности на земли сохранялось только за наиболее влиятельными и родовитыми фамилиями (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 102. Л. 1-3). Другие родовые земли формально переходили в имперское управление с возможной передачей в наследственную собственность в качестве награды за службу и лояльность.

Удачным решением, удовлетворяющим тщеславию, демонстрирующим особое доверие, укрепляющим на Кавказе авторитет и лояльность верховной российской власти, стало привлечение представителей знатных горских родов к службе в составе Собственного Его Императорского Величества Конвоя (далее – СЕИВК). Для этой службы отбирались представители знатных семейств, пользующихся большим авторитетом у местного населения, что способствовало формированию привлекательного образа служения России. Служба в СЕИВК позволяла не только улучшить материальное положение, но и сделать быструю карьеру. Но наиболее значимым в глазах горцев было оказанное им высочайшее доверие и уважение. Первый набор в полуэскадрон конвойной службы был произведён после высочайшего повеления Николая I от 18 сентября 1828 г. Далее знатных горцев стали набирать в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон (Галушкин, 2004: 25). В состав первого набора вошли кабардинцы, чеченцы, кумыки, ногайцы и туркмены. В связи с большими сложностями, вызванными сырым и холодным петербургским климатом, другой социокультурной средой и непривычным образом жизни, молодым людям предоставлялось необходимое для адаптации время (Петин, 1899: 48). После полуторамесячной адаптации начинались занятия с учётом культурно-языковой специфики. В 1830 г. утверждается штатная структура полуэскадрона. Для закупки обмундирования и оружия из казны было выделено 134 319 рублей 24 коп. (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 5. № 3641).

Комплектовать Кавказско-Горский полуэскадрон предписывалось только из числа знатнейших фамилий горцев, которые помимо знатности своего рода имели большое влияние на местное население. Эта мера позволяла зачисленным в полуэскадрон «ближе знакомиться с видами правительства, образом мыслей и обычаями русских» (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 10. № 7983). Для ликвидации языкового и культурного барьера чины полуэскадрона причислялись к Дворянскому полку, где они могли в процессе общения усваивать русский язык, принятые среди российского офицерства нормы и правила поведения. При этом тяготы службы вкупе с непривычными условиями жизни приводили к тому, что многие горцы просили возвратиться их на родину. Однако эти просьбы не удовлетворялись. Позиция властей была основана на том, что тяготы и трудности службы не могут стать препятствием для включения горской элиты в служивое сословие империи. Для чинов СЕИВК были разработаны специальные правила, учитывающие исламскую специфику. Так, выделяемые продукты питания не должны были нарушать религиозные предписания; предоставлялось необходимое время для молитв и бесед с эфенди. Пресекались оскорбления, вызванные плохим знанием русского языка и этнокультурными особенностями горцев. К ним не применялись телесные наказания, разрешались конные прогулки, ношение личного оружия и встречи с соотечественниками в свободное от службы время (Петин, 1899: 58-59). Создание Горского полуэскадрона позволило не только инкорпорировать привлекаемых представителей горской элиты, но и готовить для Кавказа надёжные офицерские и управленческие кадры.

Другим шагом по привлечению представителей горской знати к регулярной военной службе стал набор детей знатных горских фамилий в кадетские корпуса. Одной из целей их подготовки была постепенная интеграция горской элиты в привилегированное сословие империи. В 1830 г. в петербургский кадетский корпус было зачислено порядка пятидесяти юношей из числа сыновей родовитых горских князей и узденей (Гребенкин, 2019: 77). Кроме православных юношей, набирались и мусульмане. При этом рекомендовалось подбирать их из числа всех народов Кавказа (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 12. № 1067). По окончании подготовки кадеты получали звания офицеров и распределялись в казачьи полки, несшие службу на Кавказе (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 10. № 8107).

Обучение детей горских князей и узденей в петербургском кадетском корпусе имело целью с малолетства прививать будущим офицерам и управленцам Кавказа чувство преданности и благодарности России и лично государю (Гребенкин, 2019: 75). По распоряжению генерала А.Х. Бенкендорфа в 1835 г. кадетский корпус Санкт-Петербурга был пополнен тридцатью юными знатными горцами (Хоретлев, 1957: 21). Учёба детей горцев в кадетском корпусе обременялась значимыми проблемами, связанными с образом жизни и непривычной культурно-языковой средой. Жёсткая дисциплина и постоянный контроль противоречили свободолюбию и вольному нраву горских детей. Они также плохо адаптировались к природно-климатическим условиям Северной столицы и часто болели. В связи с этим начальству Кавказского края предписывалось забирать на родину кадетов, возвращение которых «по их болезням будет признано необходимым» (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 28. № 27199). Поэтому число кавказских кадетов было невелико. К середине 1830-х гг. практика привлечения горских детей в кадетские корпуса расширяется, увеличивается число воспитанников.

Особое внимание уделялось условиям жизни и быта кадетов-горцев. Их парадная форма шилась за счёт казны и во многом повторяла собой национальную одежду, что способствовало сохранению национальной гордости и подчёркивало особый статус воспитанника. Для сохранения основ национального языка, стираемого в процессе обучения в кадетском корпусе, к малолетним воспитанникам прикомандировывался офицер-горец из состава Горского полуэскадрона, посещавший раз в неделю корпус для общения на родном языке (Жэрвэ, 1912: 341). Практиковалось уважительное отношение к религиозной идентичности воспитанников-мусульман. С 1835 г. им было позволено регулярно молиться и вводилось преподавание Закона Божьего по программе, разработанной мусульманскими муллами. Освобождались от занятий кадеты-мусульмане в дни празднования Курбан-байрама и Ураза-байрама (Гребенкин, 2019: 87, 90).

Подготовка горских юношей в кадетских корпусах империи решала, наряду с военными, политическую задачу инкорпорации их в сословную структуру российского общества, а также позволяла воспитывать для края лояльные офицерские и управленческие кадры. Решение этих задач осуществлялось властями максимально гибко с учётом как религиозных чувств, так и этнокультурных особенностей воспитанников. Выпускников отправляли не только на Кавказ, но могли распределять в различные полки, дислоцированные в других частях империи. Так, командующий в 1831–1837 гг. Кавказским корпусом Г.В. Розен предлагал выпускников кадетских корпусов направлять «во всякие полки армии», в Кавказский же корпус только в случае крайней необходимости и только при условии их «добронравия и крепости образа мыслей» (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 10. № 7983). Николай I не поддержал это предложение и предписал направить выпускников кадетского корпуса в казачьи конные полки, нёсшие службу на Кавказе. Следующие выпуски также должны были отправляться служить на Кавказ. Это косвенно свидетельствует о высочайшем доверии к офицерам-горцам, служившим в российской армии. Наряду с отправкой детей горской знати в кадетские корпуса при Кавказском корпусе с середины 1830-х гг. создавались специальные школы для воспитания горских детей. Г.В. Розен в 1836 г. предлагал Николаю I обучать в данных школах 864 горских мальчика. Данное предложение было поддержано, и к концу 1837 г. при батальонах Кавказского корпуса проходили подготовку около двухсот «военных воспитанников» (АКАК, 1881: 382). В 1840-е гг. расширяется география зачисления горцев в кадетские корпуса, растёт и число воспитанников. Наряду с Петербургом, их предлагается определять в московские и другие провинциальные кадетские корпуса. Николай I повелевает воспитывать горцев только в Петербурге и Москве в связи с тем, что только здесь легче всего организовывать и контролировать учебный и воспитательный процесс (Гребенкин, 2019: 92).

В начале 1850-х гг. Кавказский комитет по инициативе наместника Кавказа М.С. Воронцова предложил наряду с отпрысками знатных горских фамилий разрешить набор в кадетские корпуса детей офицеров-горцев незнатного происхождения, которые смогли дослужиться до чина майора. Это предложение основывалось на том, что горцы-офицеры, во-первых, пользовались уважением среди местного населения, во-вторых, проявили большое усердие в службе (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 26. № 25665). Инициатива Воронцова была одобрена Николаем I. При этом дети офицеров-горцев, выпущенные из кадетских корпусов, могли дослужиться только до майорского чина. В целом привлечение юных горцев к обучению в кадетских корпусах и их последующее производство в офицеры были оценены властями неоднозначно. Религиозные и культурно-языковые барьеры зачастую не позволяли выпускникам кадетских корпусов успешно инкорпорироваться в офицерскую среду. В период Кавказской войны наряду с добросовестной службой были случаи перехода офицеров-горцев на враждебную России сторону. В этой связи вновь актуализировались вопросы, связанные с конкретными шагами, направленными на организацию подготовки будущих горских офицеров в кадетских корпусах. Например, в 1853 г. военный министр писал командующему Кавказским корпусом, что «цель правительства образовывать горцев через воспитание в военно-учебных заведениях не достигается» (Штруба, 2010: 6). По завершении Кавказской войны и замирению края вектор интеграционной политики смещается в сторону расширения возможностей

получения детьми горцев светского образования. Ликвидируется особый статус кавказских воспитанников, их приём и обучение в кадетских корпусах осуществляется на общих основаниях.

По завершении Кавказской войны и окончательному включению Северного Кавказа в состав Российской империи, инкорпорация горцев, наряду с привлечением их к военной службе, осуществляется путём формирования милицейских конных формирований, призванных обеспечить общественный порядок и безопасность. В 1860 г. на добровольной основе начинает формироваться Терский конно-иррегулярный полк. Штатный состав полка включал в себя порядка шестисот кавалеристов. Кроме задач обеспечения «общественного благоустройства и безопасности в Терской области», полк мог быть привлечён к решению военных задач как в области, так и за её пределами (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 2. Л. 1). Этот полк был сформирован в 1861 г. и заместил два казачьих полка, вернувшихся на Дон. Его формирование планировалось как временная мера в целях обеспечения правопорядка на новых территориях. В ходе создания конной милиции возникли и проблемы, снижающие эффективность её применения. Происходили злоупотребления, связанные с использованием ассигнованных на её содержание средств и отчётности по ним. Привлекались на службу довольно часто люди случайные, подбор и подготовка горцев для несения службы в милицейских подразделениях осуществлялись недостаточно тщательно. В связи с этим горцы-милиционеры не могли в полной мере справляться с обязанностями милицейской службы. Несмотря на серьёзные недостатки, командующий Кавказской армией Г.Д. Орбелиани подчёркивал нужность горской конной милиции, которая должна решать не столько военные, сколько полицейские задачи по поддержанию общественного порядка среди местного населения. Для этого милиционеры распределялись по десять-двадцать человек для несения службы «при набах, окружных начальниках и их помощниках». Им вменялось сообщать властям «что делается в народе», а также передавать жителям распоряжения местных властей (АКАК, 1904: 675).

В дальнейшем для повышения эффективности полицейской службы на замиренных территориях, по мнению Орбелиани, следовало замещать временные милицейские иррегулярные формирования постоянными, основываясь на опыте Дагестанской области, где подобная реорганизация уже была проведена, и милиция стала «действительной связью между народом и начальниками» (АКАК, 1904: 675). В 1862 г. в Терской области на постоянной основе формируется охранная стража и земская полиция, основными задачами которых стало «наблюдение за внутренней безопасностью и благоустройством в округах горского населения». Стражникам и полицейским вменялось в обязанность собирать сведения о происшествии на вверенных им территориях, а также проводить задержание местных жителей, подлежащих аресту (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 99. Л. 113). Для повышения статуса охранной и полицейской службы, она приравнялась к службе в иррегулярных войсках. В целях дальнейшего упорядочения и улучшения местного управления в 1865 г. принимается решение преобразовать охранную стражу, земскую полицию и конно-иррегулярный полк в постоянную милицию численностью порядка четырнадцати сотен конных стражников (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 2. Л. 1, 5). При этом пристальное внимание было направлено на подбор офицеров из числа уроженцев Терской области. Они должны были отличаться проверенной преданностью, а также иметь уважение и влияние среди местного населения (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 99. Л. 113). В задачи постоянной милиции входило обеспечение внутренней безопасности, а также кордонная и дорожная служба.

Наряду с охранными функциями милицейские и иррегулярные части проявили себя в ходе военных действий. Наиболее значимым событием, потребовавшим участия как регулярных, так и иррегулярных войск, стало подавление восстания в Чечне 1877–1878 гг. В целом за годы службы горские формирования продемонстрировали свою лояльность и высокий боевой дух, за что были награждены. Например, ингушскому дивизиону Терско-Горского конно-иррегулярного полка в 1877 г. был пожалован за воинские заслуги георгиевский штандарт, а осетинскому дивизиону – георгиевское знамя (Баев, 1903: 23-24). Усердие и заслуги рядовых горцев, служивших в этих формированиях, отмечались наградами — орденами и медалями (История народов..., 1988: 292). По завершении службы горцы-офицеры, а также сыновья и вдовы погибших, получили в награду земельные наделы (Социальные отношения, 1979: 130-131). Таким образом, имперская политика инкорпорации кавказских горцев в 1830-х – 1870-х гг. путём привлечения их на военную службу отличалась гибкостью и вариативностью подходов, имела как свои несомненные достоинства, так и недостатки, связанные с проблемами реализации управленческих решений на местах, нехваткой административных кадров и некоторой непоследовательностью принимаемых решений. При этом основные задачи — замирение Кавказа, организация на присоединённых территориях мирной жизни, обеспечение общественного порядка и безопасности в целом — были решены.

5. Заключение

Одним из наиболее эффективных способов обеспечения лояльности горского населения имперской власти, включения новых территорий в состав России было привлечение горцев к военной службе и инкорпорация горских элит в российское привилегированное служилое сословие. Для горцев это стало эффективной возможностью карьерного роста и повышения материального

достатка, а также действенным механизмом социокультурной интеграции в сословное и многонациональное российское общество. Политика интеграции горцев носила гибкий характер, во многом опиралась на уважение к их вере, языковым и культурным особенностям, доверие к тем, кто выказал свою лояльность и изъявил желание служить России и государю. Гибкость подходов и уважение к вере, языку и традициям проявлялись в таких деталях, как сохранение права носить национальную одежду, обеспечение возможности соблюдать религиозные предписания и использовать родные языки. За боевые заслуги горцев-мусульман награждали специальными наградами, лишёнными христианской символики. Характер и условия службы учитывали присущую горцам специфику военных действий — служба в конных иррегулярных и регулярных частях.

Привлечение горцев к военной службе позволило решить ряд актуальных задач по их интеграции и инкорпорации в Российскую империю. Была сформирована прослойка лояльных к российской власти представителей знатных и уважаемых горских фамилий. Они стали проводниками российской политики и социокультурного влияния на Кавказе, примерами доблестного служения, успешной карьеры и возможности инкорпорации в российский офицерский и управленческий корпус. Формирование иррегулярных и милицейских частей, наряду с военными, дало возможность в целом успешно решить задачи по обеспечению общественной безопасности, правопорядка и организации местного управления.

Кроме положительных сторон, имперская политика инкорпорации горцев путём военной службы имела и существенные недостатки, связанные с непоследовательностью управленческих решений и низкой эффективностью их реализации на местах. Сказывались нехватка квалифицированных офицерских и управленческих кадров, знающих специфику края, и казнокрадство местных начальников. Горцы, отправляемые для учёбы и службы в Санкт-Петербург и Москву, с трудом адаптировались к новым, непривычным им природно-климатическим условиям. Серьёзным препятствием стал культурно-языковой барьер и новые условия жизни. На протяжении всего рассматриваемого периода существовали серьёзные проблемы с комплектованием горских иррегулярных полков. Их реальная численность значительно уступала штатному расписанию, а должности нижних чинов зачастую замещали случайные люди, не готовые и не способные исполнять свои служебные обязанности. В целом, несмотря на сложности и проблемы, привлечение горцев к военной службе способствовало решению основных задач по интеграции местного населения в российское государственное и социокультурное пространство, давало возможность инкорпорировать горские элиты в сословные структуры империи.

Литература

- [АКАК, 1881](#) – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. Тифлис, 1881. 1033 с.
- [АКАК, 1904](#) – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. XII. Тифлис, 1904. 1558 с.
- [Баев, 1903](#) – Баев Г. Осетинский дивизион. Историческая справка. Владикавказ, 1903. 31 с.
- [Галушкин, 2004](#) – Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. М., 2004. 416 с.
- [Гапуров и др., 2014](#) – Гапуров Ш.А., Бугаев А.М., Черноус В.В. К 150-летию окончания Кавказской войны: о хронологии, причинах и содержании // *Научная мысль Кавказа*. 2014. №4. С. 90-100.
- [ГАРФ](#) – Государственный архив Российской Федерации.
- [Гребенкин, 2019](#) – Гребенкин А.Н. Особенности обучения и воспитания малолетних горцев в кадетских корпусах Российской империи в XIX в. / *Военная история России XIX-XX веков. Материалы XII Международной военно-исторической конференции*. СПб., 2019. С. 74-95.
- [Дубровин, 1871](#) – Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871. 669 с.
- [Жэрвэ, 1912](#) – Жэрвэ Н.П. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712-1912. Т. 1. СПб., 1912. 464 с.
- [Зиссерман, 1890](#) – Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Барятинский (1815-1879). Т. 2. М., 1890. 458 с.
- [История народов..., 1988](#) – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). Т. 2. М., 1988. 659 с.
- [Кавказский сборник, 1876–1913](#) – *Кавказский сборник*. Т. 1-32. Тифлис, 1876–1912.
- [Кумыков, 1965](#) – Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. 419 с.
- [Муханов, 2007](#) – Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007. 428 с.
- [Петин, 1899](#) – Петин С. Собственный Его Императорского Величества Конвой. Исторический очерк. СПб., 1899. 443 с.
- [Потто, 1887–1890](#) – Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1-5. СПб., 1887–1890.

- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
 РГИА – Российский государственный исторический архив
 Гордин, 2000 – Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в кавказской войне XIX века. СПб.: Журнал «Звезда», 2000. 464 с.
 Санакоев, 1975 – Санакоев М.П. Страницы боевой дружбы. Цхинвали, 1975. 198 с.
 Санакоев, 1976 – Санакоев М.П. Чеченцы и ингуши – участники русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // *Вопросы истории Чечено-Ингушетии*. Т. X. Грозный, 1976. С. 214–231.
 Социальные отношения, 1979 – Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – нач. XX в.). Грозный, 1979. 192 с.
 Туркаев, 2008 – Туркаев Х.В. Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России. Исследования и документы. М., 2008. 631 с.
 Урушадзе, 2016 – Урушадзе А.Т. Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII – середина XIX вв.). Ростов н/Д, 2016. 279 с.
 Фадеев, 1860 – Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. 159 с.
 Хоретлев, 1957 – Хоретлев А.О. Влияние России на просвещение в Адыгее (XIX – начало XX в.). Майкоп, 1957. 136 с.
 Шенк, 1912 – Шенк В.К. Казачьи войска. СПб., 1912. 496 с.
 Шигабуудинов, 2004 – Шигабуудинов Д.М. Россия и народы Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Махачкала, 2004. 304 с.
 Штруба, 2010 – Штруба В.А. Образование как элемент окультуривания горских народов Кавказа на завершающем этапе Кавказской войны // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2010. № 3(5). С. 5–14.
 Avdeev et al., 2024 – Avdeev E.A., Erokhin A.M., Vorobev S.M., Bredikhin S.N. Imperial Policy of Including of the North Caucasus Peoples into the Russian Cultural and Linguistic Space in the second half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2024. 19(4): 1663–1673.
 Avdeev et al., 2024a – Avdeev E.A., Erokhin A.M., Vorobev S.M., Bredikhin S.N. Imperial Policy of Resettlement in the North Caucasus and Muhajirism of the Highlanders in the second half of the 19th century: Main Stages and Consequences for the Region // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 738–749.
 Avdeev et al., 2025 – Avdeev E.A., Erokhin A.M., Vorobev S.M., Bredikhin S.N. The Policy of the Russian Empire on Managing the Cossacks and Highlanders in the 19th century // *Bylye Gody*. 2020. 20(2): 710–720.
 Zozulya et al., 2020 – Zozulya, I.V., Kondrashova, A.A., Trofimov, M.S. The Highest Reports of Regional Heads and Governors of the North Caucasus as a Historical Source for the Study of the Russian Pre-Revolutionary Judicial System. // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2651–2660.

References

- АКАК, 1881 – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. 1881. Vol. VIII. Tiflis. 1033 p. [in Russian]
 АКАК, 1904 – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej (1904). [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. 1904. Vol. XII. Tiflis. 1558 p. [in Russian]
 Avdeev et al., 2024 – Avdeev, E.A., Erohin, A.M., Vorob'ev, S.M., Bredihin, S.N. (2024). Imperial Policy of Including of the North Caucasus Peoples into the Russian Cultural and Linguistic Space in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*. 19(4): 1663–1673.
 Avdeev et al., 2024a – Avdeev, E.A., Vorob'ev, S.M., Bredihin, S.N. (2024). Imperial Policy of Resettlement in the North Caucasus and Muhajirism of the Highlanders in the second half of the 19th century: Main Stages and Consequences for the Region. *Bylye Gody*. 19(2): 738–749.
 Avdeev et al., 2025 – Avdeev, E.A., Erohin, A.M., Vorob'ev, S.M., Bredihin, S.N. (2025). The Policy of the Russian Empire on Managing the Cossacks and Highlanders in the 19th century. *Bylye Gody*. 20(2): 710–720.
 Baev, 1903 – Baev, G. (1903). Osetinskij divizion. Istoricheskaja spravka [Ossetian Division. Historical background]. Vladikavkaz. 31 p. [in Russian]
 Dubrovin, 1871 – Dubrovin, N.F. (1871). Istorija vojny i vladychestva russkih na Kavkaze [History of the war and rule of the Russians in the Caucasus]. Т. 1. Kn. 1. SPb. 669 p. [in Russian]
 Fadeev, 1860 – Fadeev, R.A. (1860). Shest'desjat let Kavkazskoj vojny [Sixty years of the Caucasian War]. Tiflis. 159 p. [in Russian]
 Galushkin, 2004 – Galushkin, N.V. (2004). Sobstvennyj Ego Imperatorskogo Velichestva Konvoj [His Imperial Majesty's Own Convoy]. Moskva. 416 p. [in Russian]
 Gapurov i dr., 2014 – Gapurov, Sh.A., Bugaev, A.M., Chernous, V.V. (2014). K 150-letiju okonchanija Kavkazskoj vojny: o hronologii, prichinah i sodержanii [On the 150th anniversary of the end of the Caucasian War: about the chronology, causes and content]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 4: 90–100. [in Russian]
 GARF – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archives of the Russian Federation].
 Grebenkin, 2019 – Grebenkin, A.N. (2019). Osobennosti obuchenija i vospitanija maloletnih gorcev v kadetskikh korpusah Rossijskoj imperii v XIX v. [Features of the training and education of young highlanders

in the cadet corps of the Russian Empire in the 19th century]. *Voennaya istoriya Rossii XIX-XX vekov. Materialy XII Mezhdunarodnoi voenno-istoricheskoi konferentsii*. SPb. Pp. 74-95. [in Russian]

[Horetlev, 1957](#) – *Horetlev, A.O.* (1957). Vliyanie Rossii na prosveshchenie v Adygee (XIX – nachalo XX v.) [The influence of Russia on education in Adygea (19th – early 20th centuries)]. Maykop. 136 p. [in Russian]

[Istorija narodov..., 1988](#) – *Istorija narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.)* [History of the peoples of the North Caucasus (late 18th century – 1917)]. 1988. T. 2. Moskva. 659 p. [in Russian]

[Kavkazskij sbornik, 1876–1913](#) – *Kavkazskij sbornik (1876–1912)*. T. 1-32. Tiflis. [in Russian]

[Kumykov, 1965](#) – *Kumykov, T.H.* (1965). Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX v. [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. Nalchik. 419 p. [in Russian]

[Muhanov, 2007](#) – *Muhanov, V.M.* (2007). Pokoritel' Kavkaza knjaz' A.I. Barjatinskij [Conqueror of the Caucasus Prince A.I. Baryatinsky]. Moscow. 428 p. [in Russian]

[Petin, 1899](#) – *Petin, S.* (1899). Sobstvennyj Ego Imperatorskogo Velichestva Konvoj. Istoricheskij ocherk [His Imperial Majesty's Own Convoy. Historical Essay]. SPb. 443 p. [in Russian]

[Potto, 1887–1890](#) – *Potto, V.* (1887–1890). Kavkazskaja vojna v otdel'nyh ocherkah, jepizodah, legendah i biografijah [The Caucasian War in individual essays, episodes, legends and biographies]. Vol. 1-5. SPb. [in Russian]

[PSZRI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].

[RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives].

[RGVIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].

[Rossija v kavkazskoj vojne, 2000](#) – *Rossija v kavkazskoj vojne* [Russia in the Caucasian War]. SPb. 2000. 462 p. [in Russian]

[Sanakoev, 1975](#) – *Sanakoev, M.P.* (1975). Stranicy boevoy družby [Pages of military friendship]. Tskhinvali. 198 p. [in Russian]

[Sanakoev, 1976](#) – *Sanakoev, M.P.* (1976). Chechency i ingushi – uchastniki russko-tureckoj vojny 1877–1878 gg. [Chechens and Ingush – participants in the Russo-Turkish War of 1877–1878.]. *Voprosy istorii Checheno-Ingushetii*. Vol. X. Grozny. Pp. 214–231. [in Russian]

[Shenk, 1912](#) – *Shenk, V.K.* (1912). Kazach'i vojska [Cossack troops]. St. Petersburg. 496 p. [in Russian]

[Shigabudinov, 2004](#) – *Shigabudinov, D.M.* (2004). Rossija i narody Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20-50-h gg. XIX v. [Russia and the peoples of the North-East Caucasus in the 20-50s of the XIX century]. Makhachkala. 304 p. [in Russian]

[Shtruba, 2010](#) – *Shtruba, V.A.* (2010). Obrazovanie kak jelement okul'turivaniya gorskih narodov Kavkaza na zavershajushhem jetape Kavkazskoj vojny [Education as an element of the culturalization of the mountain peoples of the Caucasus at the final stage of the Caucasian War]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 3(5): 5–14. [in Russian]

[Social'nye otnoshenija..., 1979](#) – *Social'nye otnoshenija i klassovaja bor'ba v Checheno-Ingushetii v dorevoljucionnyj period (XI – nach. XX v.)* (1979). [Social relations and class struggle in Checheno-Ingushetia in the pre-revolutionary period (11th – early 20th centuries)]. Grozny. 192 p. [in Russian]

[Turkaev, 2008](#) – *Turkaev, H.V.* (2008). Chechency v istorii, politike, nauke i kul'ture Rossii. Issledovaniya i dokumenty [Chechens in the history, politics, science and culture of Russia. Research and documents]. Moscow. 631 p. [in Russian]

[Urushadze, 2016](#) – *Urushadze, A.T.* (2016). Kavkaz: vzaimodejstvie kul'tur (konec XVIII – seredina XIX vv.) [Caucasus: Interaction of Cultures (late 18th – mid 19th centuries)]. Rostov-on-Don. 279 p. [in Russian]

[Zhjervje, 1912](#) – *Zhjervje, N.P.* (1912). Istoricheskij ocherk 2-go kadetskogo korpusa. 1712-1912 [Historical essay of the 2nd Cadet Corps. 1712-1912]. Vol. 1. St. Petersburg. 464 p. [in Russian]

[Zisserman, 1890](#) – *Zisserman, A.L.* (1890). Fel'dmarshal knjaz' Barjatinskij (1815–1879) [Field Marshal Prince Baryatinsky (1815–1879)]. Vol. 2. Moscow. 458 p. [in Russian]

[Zozulya et al., 2020](#) – *Zozulya, I.V., Kondrashova, A.A., Trofimov, M.S.* (2020). The Highest Reports of Regional Heads and Governors of the North Caucasus as a Historical Source for the Study of the Russian Pre-Revolutionary Judicial System. *Bylye Gody*. 58(4): 2651–2660.

Кавказские горцы в рядах российской армии в 1830–1870-х гг.: имперская политика интеграции и проблемы инкорпорации

Евгений Александрович Авдеев ^{a, *}, Сергей Михайлович Воробьев ^a, Алексей Александрович Лагунов ^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе ряда архивных материалов и документальных источников рассматривается имперская политика по интеграции кавказских горцев путём привлечения их к военной службе в 1830-х – 1870-х гг. Обеспечение лояльности горского населения имперской власти, инкорпорирование горских элит в российское привилегированное служилое сословие становятся значимыми политическими задачами. Интеграция горцев носила гибкий характер, опиралась на уважение к вере, языковым и культурным особенностям, отличалась доверием. Знаком доверия было привлечение представителей кавказской знати к конвойной службе при высочайшем дворе в составе Лейб-Гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона. В этот период принимается ряд системных шагов по организации обучения на особых условиях знатных горских юношей в петербургском, а затем и московском кадетском корпусе. Из среды горского населения были образованы иррегулярные конные формирования. На завершающем этапе Кавказской войны формируется практика, дающая возможность отпрыску знатной горской семьи поступить на регулярную военную службу с последующей возможностью производства в офицеры. По завершении военных действий для обеспечения безопасности и общественного порядка создаются милицейские формирования из местного населения. Привлечение горцев к военной службе, несмотря на значительные трудности с комплектованием формируемых частей, случаи перехода на сторону противника, наличие культурно-языковых и религиозных барьеров, способствовало решению политической задачи инкорпорации местных элит в служилое сословие империи, а также помогло обеспечить лояльность широких слоёв населения и сформировать систему местного управления.

Ключевые слова: Кавказ, Российская империя, горцы, Кавказская война, военная служба, горские части, кадеты-горцы.

* Корреспондирующий автор

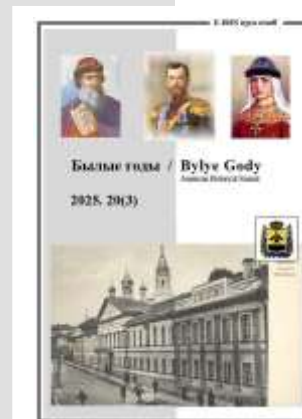
Адреса электронной почты: ewg.avdeev@yandex.ru (Е.А. Авдеев)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1261-1269
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1261

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Role of Russian Scientists in Shaping the Historiography of the Golden Horde (19th – early 20th centuries)

Nurzhigit M. Abdukadyrov^a, Batyrkhan Sh. Bolatbek^{b, *}, Kalkaman T. Zhumagulov^a,
Tumenbai N. Ysmatolla^a

^a Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the 19th century, the formation of academic science in the Russian Empire was completed and sustainable development began. In this direction, history and other humanities began to be considered from a deep scientific point of view. The special attention was paid to oriental studies. The history of the Golden Horde, considered one of the largest states in the history of Eurasia, aroused the same interest among both Orientalists and those who studied the history of Europe.

Russian chronicles play an important role in the study of the history of the Golden Horde. With the help of chronicles, we gain access to extensive data on the political and administrative structure, military management system, and trade services of the Golden Horde. Although the study of the history of the Golden Horde through the Russian chronicles began in the 18th century, it could not become a fundamental scientific problem. Thanks to the works of Russian researchers of the 19th and early 20th centuries, the historiography of the history of the Golden Horde was formed.

Russian historians began publishing publications that collected sources on the history of the Golden Horde and conducted a scientific analysis on them. We see that the academic environment of the Russian Empire reflected the view of the history of the Golden Horde as a political and cultural system striving to unite East and West. In addition, one of the features of historiography that developed during this period went beyond certain ideological principles. This article provides a scientific analysis of the role of historians of the Russian Empire in the formation and development of historiography of the history of the Golden Horde. An assessment of the continuity of this historiography with modern research is also given.

Keywords: history of the Golden Horde, historiography, Russian Empire, Russian scientists, historical sources, Jochi Ulus, Eurasia.

1. Введение

В XIX в. общественные науки Российской империи характеризовались новыми идеями и поисками. Особое внимание русские учёные уделили изучению истории и культурных ценностей народов Востока. В российской академической системе были налажены научные работы по обобщению и анализу источников, определяющих историю средневековых народов, живших в Туркестане, Восточном Туркестане, Сибири и Поволжье.

Русские учёные занимались сбором источников, касающихся истории татарского, казахского, башкирского, калмыцкого и др. народов и стремились к их научному анализу. Одной из политико-этнических систем, объединивших народы и племена, жившие на территории Российской империи в Средние века, является государство Золотая Орда. История этого государства полна различных противоречий и стала предметом постоянных научных споров.

* Corresponding author

E-mail addresses: bolat-z9oh@mail.ru (B. Batyrkhan)

Политико-этническая структура и культурные элементы Золотой Орды подробно описаны в русских, мусульманских и европейских летописях. У каждого средневекового автора рукописи была своя точка зрения, и она была сосредоточена на особой теме. Долгое время не принимались во внимание научные работы по переводу на русский язык рукописей о Золотой Орде и их систематизации в хронологическом порядке. Особенно актуальным стал вопрос о проведении источниковедческой критики средневековых рукописей. В XIX в. под именем Н.М. Карамзина ([Карамзин, 1816](#)) началась эпоха становления историографии истории Золотой Орды.

Н.М. Карамзин в своих фундаментальных трудах показал работу по сбору, переводу, научному анализу рукописей, относящихся к истории Золотой Орды. С конца XIX в. на русский язык стали активно переводиться опубликованные научные труды по истории Золотой Орды и монгольских государств на немецком языке. Группа учёных во главе с В.В. Бартольд ([Бартольд, 1900](#)) комплексно занималась переводом и введением в научный оборот мусульманских рукописей.

2. Материалы и методы

В ходе написания статьи систематически использовались данные сборников материалов, опубликованных в XIX и начале XX в. В этих сборниках материалов были собраны источники о политико-экономических отношениях Золотой Орды и монгольских улусов. Среди сборников материалов можно выделить две работы: 1. «Труды Восточного отделения Русского археологического общества» ([Труды Восточного..., 1858](#)). 2. «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» ([Сборник материалов..., 1884](#)).

Вышеупомянутые сборники материалов содержат изображения материальных предметов, найденных в городах и посёлках, относящихся к эпохе Золотой Орды, тексты рукописей и другие источники. Кроме того, в начале XX в. учёные начали издавать сборники русских летописей, относящихся к периоду Золотой Орды. Например, в работе «Полное собрание русских летописей» ([ПСРЛ, 1901](#); [ПСРЛ, 1904](#)) были собраны тексты русских летописей XIII–XIV вв. Из приведённых выше сборников летописей можно получить доступ к сведениям о политических отношениях правителей Золотой Орды с русскими княжествами, налоговой системе, торговых отношениях.

При написании статьи широкое применение нашли междисциплинарные методы и принципы гуманитарных наук. С помощью структурного метода удалось выявить взаимоисключающие особенности внутреннего содержания русской историографии, сложившейся в рассматриваемый нами исторический период. Несомненно, главной целью научных трудов является изображение исторической объективности без искажений. С помощью метода диахронного анализа мы смогли понять разницу в достоверности между современной литературой, научно изучавшей историю этой темы, и летописями эпохи Золотой Орды.

Типологический метод позволил проанализировать российские научные произведения этого периода, которые способствовали формированию историографии Золотой Орды, разделив их на несколько видов в зависимости от хронологических, научно-идеологических, методологических позиций и фактической базы. Исторический генетический метод способствовал установлению происхождения русских летописей и мусульманских, европейских рукописей, составляющих базу данных историографии Золотой Орды, и обоснованию уровня её влияния на историческую реальность.

В настоящее время историография истории Золотой Орды полностью сформирована с научной точки зрения. Но метод актуализации занимает ведущую роль в постоянном анализе и оценке вклада Российской Императорской академии наук в становление и развитие золотоордынской историографии.

3. Обсуждение и результаты

Историографическое рассмотрение темы с учётом научно-идеологических парадигм мы разделили на 3 этапа: 1) дореволюционный; 2) советский; 3) постсоветский. Историография дореволюционного периода характеризуется взаимодополняющими научными рассуждениями, критическими взглядами и новыми поисками. Но стоит особо отметить, что в этот период со стороны государства не было политико-идеологической цензуры учёных в творческой сфере. Исследователи Российской империи впервые обратили внимание на сбор рукописей, летописей и произведений устной литературы, рассказывающих историю средневековых восточных государств. Этим они внесли неоценимый вклад в формирование новой историографии ранних исторических эпох.

В этом контексте большое внимание привлекла и история государства Золотая Орда. Мусульманские, европейские и русские источники о государстве Золотая Орда охватывают широкий круг тем. Мусульманские источники предоставляют преобладающую информацию о ханах и обычаях Золотой Орды. В европейских источниках сохранились интересные факты о торговле и дворцовых традициях правителей. С помощью русских летописей мы получаем доступ к важной информации о сборе налогов, воинском составе государства, особенностях системы управления.

Интерес русских учёных к истории Золотой Орды начался в конце XVIII в. В. Зуев ([Зуев, 1783](#)) обобщил и опубликовал старые записи об истории Крымского ханства. Труды Н.М. Карамзина ([Карамзин, 1816](#)), Н. Мурзакевича ([Мурзакевич, 1837](#)) послужили первой ступенькой в формировании

историографии истории Золотой Орды. Н.М. Карамзин в своём труде активно ссылался на русские летописи и европейские источники. Н. Мурзакевич обобщил данные, касающиеся истории итальянских купцов, открывших торговые фактории на территории Золотой Орды.

Во второй половине XIX в. на новый этап вышли работы по сборке, исследованию и публикации старых записей о регионах и городах Российской империи, ранее входивших в состав Золотой Орды. При этом следует отметить, что работы о регионах и городах Крыма, Астрахани, Казани, Кавказа широко вошли в научный оборот.

Во второй половине XIX в. русские учёные начали собирать и публиковать летописи и рукописи о Золотой Орде с научным анализом.

П.С. Савельев ([Савельев, 1858](#)) является одним из русских учёных, фундаментально занимающихся изучением истории монет Золотой Орды во второй половине XIX в. В своей работе он провёл всесторонний анализ экономического измерения иностранных монет, которые находились в обращении при правлении Тохтамыш-хана. П.С. Савельев утверждал, что между 1360 и 1380 г. политическая власть Золотой Орды была нестабильной, придавая значение названиям монет, найденных в городах Волги, Дона и Крыма ([Савельев, 1858: 269](#)). Учёный, анализируя ежегодное изменение названий и составов монет 1360–1370 гг., обосновал частые смены ханов ([Савельев, 1858: 269: 278](#)).

Н.П. Боголюбов ([Боголюбов, 1862](#)) собрал интересный материал об общем обороте торговых отношений, видах товаров, денежных единицах, связавших русско-татарские города периода Золотой Орды. Известный русский учёный В.В. Вельяминов-Зернов ([Вельяминов-Зернов, 1863](#)) опубликовал фундаментальные труды по истории средневековых тюрко-монгольских государств. Ряд его работ сыграл значительную роль в формировании историографии истории Золотой Орды. Особенно в центре внимания последующих историков было приведение в науку источников о Касимском ханстве В.В. Вельяминовым-Зерновым и политико-этнических предпосылках его возникновения.

В.В. Вельяминов-Зернов в своём труде выдвинул точку зрения, обобщающую влияние этнических изменений в Золотой Орде на возникновение Касимского ханства ([Вельяминов-Зернов, 1863: 54](#)). Русский учёный предполагал, что именно Касимовское ханство обеспечило регулирование торгово-культурных отношений между русскими княжествами и степными кочевниками ([Вельяминов-Зернов, 1863: 39](#)).

Ф. Хартахай ([Хартахай, 1866](#)) оставил свой след, собрав ценные источники, касающиеся истории татарской нации в период Золотой Орды. М. Броневский ([Броневский, 1867](#)) опубликовал научный труд, определяющий политико-культурную и торгово-экономическую роль Крыма в эпоху Золотой Орды. В данной работе дана особая оценка деятельности генуэзских купцов, открывших торговые очаги в Крыму.

С. Ремезов ([Ремезов, 1880](#)) оставил имя в истории, изучая сибирские летописи. Исследователь стремился объяснить значение картин, относящихся к эпохе Золотой Орды, нашедших отражение в сибирских летописях. Благодаря труду С. Ремезова мы можем понять политико-этнические предпосылки возникновения сибирских татар в Тюменском регионе. Он стремился проанализировать особенности периодов расселения и адаптации в Сибири этнических групп, переселившихся на восток из региона рек Волга, Кама в период Золотой Орды ([Ремезов, 1880: 16, 18](#)).

Известный русский учёный В. Радлов ([Радлов, 1888](#)) был одним из первых исследователей, стремившихся перевести на русский язык ярлыки Тохтамыш и Темир-Кутлуга, ханов Золотой Орды. Видим, что упомянутые ярлыки были адресованы на имена литовских и русских князей. В публикации В. Радлова приводятся переводы ярлыков со ссылкой на причины поражения Тохтамыш-хана в боях с Амиром Тимуром в 1390-х гг. ([Радлов, 1888: 8, 10](#)).

Г.К. Богословский ([Богословский, 1892](#)) ввёл в научный оборот новые рукописи, дополняющие историю Казани, одного из процветающих городов в позднюю эпоху Золотой Орды.

Ф.Ф. Лашков ([Лашков, 1897](#)) исследовал и представил свой анализ элементов материальной культуры, относящихся к эпохе Золотой Орды. Выдающийся русский учёный В.В. Бартольд ([Бартольд, 1898; Бартольд, 1900](#)) внёс неоценимый вклад в формирование историографии истории Золотой Орды и Монгольской империи. Его работы состоят из переводов ранних рукописей, источниковедческого анализа и рассуждений. В публикациях В.В. Бартольда преобладают источники, касающиеся истории взаимоотношений Золотой Орды с монгольскими улусами в Средней Азии.

Г. Ананьев ([Ананьев, 1900](#)) изучал устную литературу ногайского народа, жившего в составе Золотой Орды, и проводил сравнительную работу с историческими фактами. Автор показал, что ногайская история изобилует культурой и литературными ценностями и предложил важность её изучения.

А.А. Спицын ([Спицын, 1901](#)) нарисовал карту поселений эпохи Золотой Орды у рек Ока и Кама и провёл этнографико-археологические изыскания по определению содержания в них материальных веществ. Д.К. Зеленин ([Зеленин, 1904](#)) проводил этнографические исследования на месте городов и поселений Поволжья периода Золотой Орды. В научных публикациях таких учёных, как Г.З. Кунцевич ([Кунцевич, 1905](#)), И.М. Покровский ([Покровский, 1906](#)), М.М. Хомяков ([Хомяков, 1910](#)) представлены научный анализ летописей, написанных в эпоху Золотой Орды. Вышеназванные

авторы оставили свои научные взгляды на средневековые былины татарского, башкирского, ногайского народов на основе исторических фактов.

И.В. Страхович ([Страхович, 1907](#)) считается одним из первых учёных, обративших внимание на источники, определяющие последствия эпидемических заболеваний, имевших место в период Золотой Орды. В частности, в его работах были обоснованы суждения относительно предпосылок и исходов чумы, широко распространявшейся в Золотой Орде XIV в.

Б.В. Зайковский ([Зайковский, 1908](#)) провёл археологические исследования на месте золотоордынского городка, известного в русских летописях как Бездеже, в западных источниках как Бэльджамен. Б.В. Зайковский, опираясь на стратиграфические рисунки, предсказал основание города во времена Золотой Орды ([Зайковский, 1908: 69](#)). Кроме того, он высказал своё мнение о том, что причиной начала существования города стали русские пленные ([Зайковский, 1908: 67](#)).

Н.А. Спасский ([Спасский, 1912](#)) собрал и представил в научный оборот поэмы, состоящие из культурных элементов Золотой Орды. А.А. Кротков ([Кротков, 1915](#)) провёл нумизматические исследования монет Улуса Джучи, найденных в городах и посёлках Золотой Орды на территории Казанской губернии, и попытался определить их политическое значение. По мнению учёного, оценивая размер и металлический состав средневековых золотоордынских монет, можно определить влияние системы власти в государстве ([Кротков, 1915: 59](#)).

Особенности исследовательских работ дореволюционной Российской империи, способствовавших формированию историографии истории Золотой Орды, представлены в таблице ниже ([Таблица 1](#)).

Таблица 1. Основные проблемы истории Золотой Орды, рассматриваемые в дореволюционной русской историографии

№	Автор и название труда	Объект исследования
1	Н. Мурзакевич. «История генуэзских колоний в Крыму»	Впервые была научно изучена история генуэзских купцов, торговавших в городах Золотой Орды на Чёрном море.
2	П.С. Савельев. «Монеты Джучидские, Джагатайские, Джалаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша»	Впервые научное внимание было уделено истории монет Улуса Джучи
3.	Г.З. Кунцевич. «История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт научно-литературного исследования»	Систематически закладывались основы изучения истории и историографии Казанского ханства
4.	В. Радлов. «Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга»	Проведён научный анализ значения ярлыков ханов Золотой Орды конца XIV в.
5.	Г. Ананьев. «Караногайские исторические предания»	В науку была введена ногайская традиционная литература, рассказывающая историю Золотой Орды

В целом есть все основания полагать, что дореволюционные русские учёные сформировали и развили историографию истории Золотой Орды. Их работы публиковались в виде статей, монографий, многотомников и очерков. Многие советские и современные исследователи активно опираются на дореволюционную историографию и стремятся к её дополнениям.

Трудно сказать, что в советское время историография истории Золотой Орды претерпела большие изменения по сравнению с предыдущим периодом. Лишь немногие советские историки писали фундаментальные труды, опираясь на источники дореволюционной русской историографии.

В.Е. Сыроечковский ([Сыроечковский, 1940](#)) выдвинул рассуждения, определяющие новые аспекты взаимоотношений Крымского ханства и русских княжеств. М. Вяткин ([Вяткин, 1941](#)) в своей работе особо остановился на взглядах таких исследователей царской России, как В.В. Бартольд, В. Радлов, Л.Л. Мейер.

М.Н. Тихомиров ([Тихомиров, 1945](#)) занимает видное место среди советских историков, проводивших источниковедческий анализ владимирских летописей. Советский историк дал высокую оценку методам перевода в трудах дореволюционных русских учёных. Особую оценку заслуживает научная работа Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского ([Греков, Якубовский, 1950](#)), которые провели исторический анализ времён становления, развития и развала Золотой Орды. При выборе и переосмыслении источников указанными авторами можно заметить, что они склонялись в работах к мнениям, высказанным Н.М. Карамзиным, В.В. Бартольдом.

М.А. Усманов ([Усманов, 1979](#)) провёл исследования по внутриполитическому и административному разделению Улуса Джучи. В этом контексте он демонстрирует преемственность с мнениями А. А. Кроткова ([Кротков, 1915](#)), который до революции оставил свои выводы о владениях Улуса Джучи. Авторитетный советский историк А.П. Григорьев ([Григорьев, 1983](#)) глубоко погрузился

в предпосылки и последствия политически бурной эпохи, проявившейся в Золотой Орде XIV в. Советский учёный дал сравнительную оценку трудам и выводам дореволюционных русских исследователей в рамках исторической проблемы (Григорьев, 1983: 14, 15).

В советский период тема Золотой Орды не входила в число ведущих проблем исторического контекста. В этой связи не было сделано смелых научных выводов, определяющих предпосылки и первопричины исторического явления. В этом направлении следует особо подчеркнуть конкретные суждения и взгляды дореволюционных российских учёных в изучении исторической проблемы.

Современные исследования Золотой Орды стремятся к объективной оценке роли дореволюционной русской историографии. Особенно не утратили смысл выводы таких учёных, как Н.М. Карамзин (Карамзин, 1816), Н.М. Мурзакевич (Мурзакевич, 1837), П.С. Савельев (Савельев, 1858), В.В. Бартольд (Бартольд, 1900), чьи труды были опубликованы в период царской России.

Из публикации А.Х. Халикова (Халиков, 1994) мы видим сходство с научными определениями, предложенными Н.П. Боголюбовым (Боголюбов, 1862). Ф.Ш. Нуриева (Нуриева, 2011) прокомментировала суждения русского дореволюционного исследователя Д.К. Зеленина (Зеленин, 1904) относительно письменных памятников, найденных в центральном регионе Золотой Орды. Э.С. Кульпин-Губайдуллин (Кульпин-Губайдуллин, 2011) сделал ссылки на работу В. В. Вельяминова-Зернова (Вельяминов-Зернов, 1863), оставившего в 1860-х гг. научные комментарии о кризисе политической системы Золотой Орды.

В своей публикации Е.В. Чернышева (Чернышева, 2018) обосновывает своё согласие со взглядами С. Соловьева (Соловьев, 1879), который во второй половине XIX в. проводил анализ социокультурных новшеств в Золотой Орде.

В целом, историография Золотой Орды в постсоветский период пополнилась новыми выводами и взглядами. Подавляющее большинство из них продолжается, признавая научный потенциал историографии, сложившейся до революции на тему Золотой Орды.

4. Заключение

Подводя итоги работы, убеждаемся в том, что историография истории Золотой Орды, достигшей большого политико-культурного и государственного устройства в степях Евразии, сложилась в рамках академической системы царской России. Русские историки занимались сбором и переводом средневековых русских, византийских, европейских и мусульманских летописей, рассказывающих историю Золотой Орды. Кроме того, они провели этапы анализа источников и источниковедческой критики на основе переводов рукописей. Вторая группа учёных осуществила археолого-этнографические исследования на местах городов и городищ Золотой Орды и ввела в научный оборот данные достигнутых материалов.

Обращая внимание на смысл рассмотренных выше публикаций по теме, мы понимаем, что нумизматические исследования в значительной степени интересовали представителей науки Российской империи. Следует отметить, что мнения относительно значения названия «Золотая Орда» нашли научное обоснование в историографии дореволюционного периода. Современные исторические исследования часто опираются на теоретико-методологические принципы историографии царской эпохи.

5. Благодарности

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН: BR24993132).

Литература

- Ананьев, 1900 – Ананьев Г. Караногайские исторические предания / Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис. Вып. 27. 1900. С. 1-38.
- Бартольд, 1898 – Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Верный, 1898.
- Бартольд, 1900 – Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1-2. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1900.
- Боголюбов, 1862 – Боголюбов Н.П. Путеводитель «Волга от Твери до Астрахани». СПб., 1862. 415 с.
- Богословский, 1892 – Богословский Г.К. Краткий исторический очерк Казанской епархии. Казань, 1892.
- Броневский, 1867 – Броневский М. Описание Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VI. 1867. С. 333-367.
- Вельяминов-Зернов, 1863 – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. 498 с.
- Вяткин, 1941 – Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. Академия наук СССР, Институт истории и Казахстанский филиал. М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1941.
- Греков, Якубовский, 1950 – Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 470 с.

- Григорьев, 1983** – Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Вып. 7. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 9-54.
- Зайковский, 1908** – Зайковский Б.В. Городище Бэльджамен // *Труды СУАК*. Вып. XXIV. Саратов, 1908.
- Зеленин, 1904** – Зеленин Д.К. Юрьев, Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Приволжского края. М., 1904. 180 с.
- Зуев, 1873** – Зуев В. Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // *Месяцеслов исторический и географический на 1783 год*. СПб., 1783. С. 122-169.
- Карамзин, 1816** – Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 томах. Т. 1. СПб.: Тип. Н. Греча, 1816.
- Кротков, 1915** – Кротков А.А. Никольский и Керенский клады джучидских монет // *Труды СУАК*. Вып. 32. Саратов, 1915.
- Кунцевич, 1905** – Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт научно-литературного исследования. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. 693 с.
- Кульпин-Губайдуллин, 2011** – Кульпин-Губайдуллин Э.С. Золотая Орда: Судьбы поколений. М.: ИВ РАН, 2011. 192 с.
- Лашков, 1897** – Лашков Ф.Ф. Камеральное описание Крыма // *Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии*. № 3. 1897. С. 36-64.
- Мурзакевич, 1837** – Мурзакевич Н. История генуэзских колоний в Крыму. Одесса: Городская типография, 1837. 91 с.
- Нуриева, 2011** – Нуриева Ф.Ш. Атрибуция языка письменных памятников золотоордынского периода. Астана: Сарыарка, 2011. 221 с.
- ПСРЛ, 1901** – Полное собрание русских летописей. СПб: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 354 с.
- ПСРЛ, 1904** – Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Н. Ю. Скороходова, 1904. 303 с.
- Покровский, 1906** – Покровский И.М. Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве // *ИОАИЭ*. Т. XXI. Вып. 4. Казань, 1906. С. 303-348.
- Радлов, 1888** – Радлов В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // *ЗВОРАО*. Т. 3. 1888. С. 1-40.
- Ремезов, 1880** – Ремезов С. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб., 1880. 54 с.
- Савельев, 1858** – Савельев П.С. Монеты Джучидские, Джагатайские, Джалаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // *Труды Восточного отделения Русского археологического общества*. СПб., Ч. 3. 1858. С. 203-528.
- Сборник материалов..., 1884** – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1884. 564 с.
- Сборник материалов..., 1941** – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
- Соловьев, 1879** – Соловьев С. История России с древнейших времен до наших дней. СПб.: Тов. Общественная польза, 1879. 1199 с.
- Спасский, 1912** – Спасский Н.А. Очерки по родиноведению. Казанская губерния. 2-е изд., испр. и доп. Казань, 1912. 376 с.
- Спицын, 1901** – Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. СПб., 1901.
- Страхович, 1907** – Страхович И.В. Чума Астраханского края, ее история, эпидемиология и обзор правительственных мероприятий // *Сборник работ по чуме, издаваемый под редакцией Главного Врачебного Инспектора*. Вып. 2. СПб., 1907. С. 7-201.
- Сыроечковский, 1940** – Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // *Ученые записки Московского государственного университета*. Вып. 61. История. Т. 2. 1940. С. 31-71.
- Тихомиров, 1945** – Тихомиров М.Н. Из «Владимирского летописца» // *Исторические записки*. 1945. Т. 15. С. 278-300.
- Труды Восточного..., 1858** – Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Ч. 3. СПб., 1858. С. 203-528.
- Усманов, 1979** – Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 318 с.
- Халиков, 1994** – Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: Фэн, 1994. 164 с.
- Хартахай, 1867** – Хартахай Ф. Исторические судьбы крымских татар // *Вестник Европы*. Вып. 3. 1867. С. 140-174.
- Хомяков, 1910** – Хомяков М.М. Где была Старая Казань // *ИОАИЭ*. Т. 26. Вып. 6. Казань, 1910. С. 623-639.
- Чернышева, 2018** – Чернышева Е.В. Золотая Орда: социальное новаторство и медиативное восприятие // *История и культура*. № 2. 2018. С. 212-219.

References

- Anan'ev, 1900** – *Anan'ev, G.* (1900). Karanogaitskie istoricheskie predaniya [Karanogai historical legends]. Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Vyp. 27. Tiflis. Pp. 1-38. [in Russian]
- Bartold, 1898** – *Bartold, V.V.* (1898). Ocherk istorii Semirechya [An essay on the history of Semirechye]. Vernyi. [in Russian]
- Bartold, 1900** – *Bartold, V.V.* (1900). Turkestan v epohu mongolskogo nashestiya [Turkestan in the era of the Mongol invasion]. Ch. 1-2. Sankt-Peterburg: tip. Imp. Akad. nauk. [in Russian]
- Bogolyubov, 1862** – *Bogolyubov, N.P.* (1862). Putevoditel «Volga ot Tveri do Astrahani» [Volga from Tver to Astrakhan Travel Guide]. SPb. 415 p. [in Russian]
- Bogoslovskii, 1892** – *Bogoslovskii, G.K.* (1892). Kratkii istoricheskii ocherk Kazanskoi eparhii [A brief historical sketch of the Kazan Diocese]. Kazan. [in Russian]
- Bronevskii, 1867** – *Bronevskii, M.* (1867). Opisanie Kryma [Description of Crimea]. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. T. VI. Pp. 333-367. [in Russian]
- Chernysheva, 2018** – *Chernysheva, E.V.* (2018). Zolotaya Orda: sotsialnoe novatorstvo i mediativnoe vospriyatie [The Golden Horde: Social Innovation and Meditative Perception]. *Istoriya i kultura*. 2: 212-219. [in Russian]
- Grekov, Yakubovskii, 1950** – *Grekov, B.D., Yakubovskii, A.Yu.* (1950). Zolotaya Orda i ee padenie [The Golden Horde and its Fall]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR. 470 p. [in Russian]
- Grigorev, 1983** – *Grigorev, A.P.* (1983). Zolotoordynskie hany 60–70-h godov XIV v.: Hronologiya pravlenii [The Golden Horde Khans of the 60-70s of the XIV century: Chronology of their reigns]. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki*. Vyp. 7. L.: Izd-vo LGU. Pp. 9-54. [in Russian]
- Hartahai, 1867** – *Hartahai, F.* (1867). Istorieskie sudby krymskikh tatar [The historical fate of the Crimean Tatars]. *Vestnik Evropy*. 3: 140-174. [in Russian]
- Karamzin, 1816** – *Karamzin, N.M.* (1816). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo: v 12 tomah [The history of the Russian state: in 12 volumes]. T. 1. SPb.: Tip. N. Grecha. [in Russian]
- Khalikov, 1994** – *Khalikov, A.H.* (1994). Mongoly, tatory, Zolotaya Orda i Bulgariya [Mongols, Tatars, Golden Horde and Bulgaria]. Kazan: Fen. 164 p. [in Russian]
- Khomyakov, 1910** – *Khomyakov, M.M.* (1910). Gde byla Staraya Kazan [Where was the Old Kazan]. *IOAIE*. Kazan. 26(6): 623-639. [in Russian]
- Krotkov, 1915** – *Krotkov, A.A.* (1915). Nikolskii i Kerenskii klady djuchidskikh monet [Nikolsky and Kerensky hoards of Jochid coins]. *Trudy SUAK*. Vyp. 32. Saratov. [in Russian]
- Kulpin-Gubaidullin, 2011** – *Kulpin-Gubaidullin, E.S.* (2011). Zolotaya Orda: Sudby pokolenii [The Golden Horde: The Fate of generations]. M.: IV RAN. 192 p. [in Russian]
- Kuntsevich, 1905** – *Kuntsevich, G.Z.* (1905). Istoriya o Kazanskom tsarstve ili Kazanskii letopisets. Opyt nauchno-literaturnogo issledovaniya [The story of the Kazan Kingdom or the Kazan Chronicler. The experience of scientific and literary research]. SPb.: Tip. I.N. Skorohodova. 693 p. [in Russian]
- Lashkov, 1897** – *Lashkov, F.F.* (1897). Kameralnoe opisanie Kryma [Desk description of Crimea]. *Izvestiya Tavricheskoi Uchenoi Arhivnoi Komissii*. № 3. 1897. Pp. 36-64. [in Russian]
- Murzakevich, 1837** – *Murzakevich, N.* (1837). Istoriya genuezskikh kolonii v Krymu [The history of the Genoese colonies in Crimea]. Odessa: Gorodskaya tipografiya. 91 p. [in Russian]
- Nurieva, 2011** – *Nurieva, F.S.* (2011). Atributsiya yazyka pismennykh pamyatnikov zolotoordynskogo perioda [Attribution of the language of written monuments of the Golden Horde period]. Astana: Saryarka. 221 p. [in Russian]
- Pokrovskii, 1906** – *Pokrovskii, I.M.* (1906). Otryvok iz odnoi tatarskoi letopisi o Kazani i Kazanskom hanstve [An excerpt from a Tatar chronicle about Kazan and the Kazan Khanate]. *IOAIE*. T. XXI. Vyp. 4. Kazan. Pp. 303-348. [in Russian]
- PSRL, 1901** – *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [The complete collection of Russian chronicles]. SPb: Tip. I.N. Skorohodova. 354 p. [in Russian]
- PSRL, 1904** – *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [The complete collection of Russian chronicles]. SPb.: Tip. N. Yu. Skorohodova. 303 p. [in Russian]
- Radlov, 1888** – *Radlov, V.* (1888). Yarlyki Tokhtamysha i Temir-Kutluga [Labels of Tokhtamysh and Temir-Kutluga]. *ZVORAO*. T.3. Pp. 1-40. [in Russian]
- Remezov, 1880** – *Remezov, S.* (1880). Kratkaya Sibirskaya letopis (Kungurskaya) so 154 risunkami [Brief Siberian Chronicle (Kungur) with 154 drawings]. Sankt-Peterburg. 54 p. [in Russian]
- Savelev, 1858** – *Savelev, P.S.* (1858). Monety Dzhuchidskie, Dzhagataiskie, Dzhalaïridskie i drugie, obrashchavshiesya v Zolotoi Orde v epokhu Tokhtamysha [Coins of Jochid, Jagatai, Jelairid and others, circulated in the Golden Horde during the era of Tokhtamysh]. *Trudy Vostochnogo otdeleniya Russkogo arkhelogicheskogo obshchestva*. SPb., Ch. 3. Pp. 203-528. [in Russian]
- Sbornik materialov..., 1941** – *Sbornik materialov, otnosyayushysya k istorii Zolotoi Ordy* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde]. T. II. Izvlecheniya iz persidskikh sochinenii, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym. M.; L.: Izd-vo AN SSSR. 1941. 308 p. [in Russian]

- [Sbornik materialov..., 1884](#) – Sbornik materialov, odnosyamihsya k istorii Zolotoi Ordy [Collection of materials related to the history of the Golden Horde]. T. I. İzlecheniya iz sochinenii arabskih. SPb.: Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1884. 564 p. [in Russian]
- [Solovev, 1879](#) – *Solovev, S.* (1879). Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei [The history of Russia from ancient times to the present day]. SPb.: Tov. Obshchestvennaya pol'za. 1199 p. [in Russian]
- [Spasskii, 1912](#) – *Spasskii, N.A.* (1912). Ocherki po rodinovedeniyu. Kazanskaya guberniya [Essays on homeland studies]. 2-e izd., ispr. i dop. Kazan. 376 p. [in Russian]
- [Spitsin, 1901](#) – *Spitsin, A.A.* (1901). Drevnosti basseinov rek Oki i Kamy [Antiquities of the Oka and Kama River basins]. SPb. [in Russian]
- [Strahovich, 1907](#) – *Strahovich, I.V.* (1907). Chuma Astrahanskogo kraya, ee istoriya, epidemiologiya i obzor pravitelstvennykh meropriyatii [Plague of the Astrakhan Region, its history, epidemiology and review of government measures]. *Sbornik rabot po chume, izdavaemyi pod redaktsiei Glavnogo Vrachebnogo Inspektora*. Vyp. 2. SPb. Pp. 7-201. [in Russian]
- [Syroechkovskii, 1940](#) – *Syroechkovskii, V.E.* (1940). Muhammed-Gerei i ego vassal [Muhammad-Gerei and his vassals]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vyp. 61. Istoriya. 2: 31-71. [in Russian]
- [Tihomirov, 1945](#) – *Tihomirov, M.N.* (1945). Iz «Vladimirskogo letopisista» [From the Vladimir Chronicler]. *Istoricheskie zapiski*. 15: 278-300. [in Russian]
- [Trudy Vostochnogo..., 1858](#) – *Trudy Vostochnogo otdeleniya Russkogo arheologicheskogo obshchestva*. Ch. 3. [Proceedings of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society. Part 3.]. SPb. 1858. Pp. 203-528. [in Russian]
- [Usmanov, 1979](#) – *Usmanov, M.A.* (1979). Zhalovannye akty Dzhuchieva Ulusa XIV-XVI vv. [Chartered acts of the Juchiev Ulus of the 14th-16th centuries]. Kazan: İzd-vo Kazan. un-ta, 318 p. [in Russian]
- [Velyaminov-Zernov, 1863](#) – *Velyaminov-Zernov, V.V.* (1863). Issledovanie o Kasimovskikh tsaryah i tsarevichakh [A study of the Kasimov Tsars and tsarevichs]. SPb. 498 p. [in Russian]
- [Vyatkin, 1941](#) – *Vyatkin, M.* (1941). Ocherki po istorii Kazahskoi SSR [Essays on the history of the Kazakh SSR]. Akademiya nauk SSSR, Institut istorii i Kazahstanskii filial. Moskva: OGIZ: Gospolitizdat. [in Russian]
- [Zaikovskii, 1908](#) – *Zaikovskii, B.V.* (1908). Gorodishche Bel'dzhamen [The Beljamen settlement]. *Trudy SUAK*. Vyp. XXIV. Saratov. [in Russian]
- [Zelenin, 1904](#) – *Zelenin, D.K.* (1904). Yurev, Kama i Vyatka. Putevoditel i etnograficheskoe opisanie Privoljskogo kraya [Yuriev, Kama and Vyatka. Travel guide and ethnographic description of the Volga region]. Moskva. 180 p. [in Russian]
- [Zuev, 1783](#) – *Zuev, V.* (1783). Vypiska iz puteshestvennykh zapisok Vasilya Zueva, kasayushchisya do poluoostrova Kryma. 1782 goda [An extract from Vasily Zuev's travel notes concerning the Crimean peninsula. In 1782]. *Mesyatseslov istoricheskii i geograficheskii na 1783 god*. SPb. Pp. 122-169. [in Russian]

К вопросу о роли русских учёных в формировании историографии Золотой Орды (XIX – начало XX в.)

Нуржигит Момынбекович Абдукадыров^a, Батырхан Шаденулы Болатбек^{b,*},
Калкаман Турсынович Жумагулов^a, Туменбай Нурланулы Ысमतолла^a

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^b Институт Востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В XIX в. в Российской империи завершилось становление академической науки и наступило устойчивое развитие. В этом направлении история и другие гуманитарные науки стали рассматриваться с глубокой научной точки зрения. Особое внимание было уделено востоковедению. История Золотой Орды, считающейся одним из крупнейших государств в истории Евразии, вызвала такой же интерес, как у востоковедов, так и у тех, кто занимался историей Европы.

Большую роль в изучении истории Золотой Орды играют русские летописи. С помощью летописей мы получаем доступ к обширным данным о политико-административной структуре, системе военного управления и торговых услугах Золотой Орды. Хотя работы по изучению истории Золотой Орды через русские летописи начались ещё в XVIII в., они не могли стать фундаментальной научной проблемой. Благодаря трудам русских исследователей XIX и начала XX в. сформировалась историография истории Золотой Орды.

Российские историки начали публиковать изыскания, в которых были собраны источники по истории Золотой Орды и проведён научный анализ по ним. Мы видим, что академическая среда

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bolat-z9oh@mail.ru (Б.Ш. Батырхан)

Российской империи отражала взгляд на историю Золотой Орды как на политико-культурную систему, стремящуюся объединить Восток и Запад. Кроме того, одна из особенностей историографии, сложившейся в указанный период, заключалась в выходе за рамки определённых идеологических принципов.

В данной статье проведён научный анализ роли историков Российской империи в формировании и развитии историографии истории Золотой Орды. Также дана оценка преемственности данной историографии с современными исследованиями.

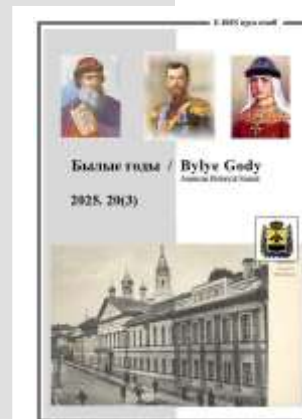
Ключевые слова: история Золотой Орды, историография, Российская империя, русские учёные, исторические источники, Улус Джучи, Евразия.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1270-1278
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1270

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Archpriest Vasily Rozhdestvensky as an Orthodox Theologian and Professor at the Imperial St. Petersburg University

German E. Bokov ^{a, *}, Dmitry A. Bratkin ^a, Arkady B. Salahov ^a

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

This biographical article tells the reader about the Archpriest Vasily Gavriilovich Rozhdestvensky (1839–1917), his theological and polemical writings, and pedagogical activities in late 19th – early 20th centuries.

Although Rozhdestvensky has for decades held professorial positions in two main institutions of higher education in St Petersburg, his life and works remain sadly understudied. He held the chair of the department of New Testament at the St Petersburg Spiritual Academy and he was Professor of theology at the Imperial St Petersburg University from 1874 to 1915.

Despite the broad range of topics he chose for his published works (from New Testament Lower Criticism to pedagogy) he was, primarily, an apologist throughout his entire career. The university course of the Orthodox Christian theology was compulsory for all undergraduates but had no officially approved standard, which left some freedom with the lecturer. Rozhdestvensky treated this subject as a course in systematic apologetics.

He treated theology as a solid science that guards the morale of a personality and of society as well. Rozhdestvensky's long professorial career in the Imperial St Petersburg University may, at least partly, indicate that his opinion of the university theological instruction was viewed as acceptable by the Russian Imperial authorities of public education.

Keywords: archpriest Vasily Rozhdestvensky, Orthodoxy, theology, apologetics, New Testament, the Russian Empire, spiritual education, Imperial St Petersburg University.

1. Введение

Протоиерей Василий Гаврилович Рождественский (1839–1917) – известный представитель учёного духовенства своего времени. Более 40 лет он являлся профессором богословия Императорского Санкт-Петербургского университета. Обращение к этой интересной, но малоизученной фигуре в истории русской православной церковности конца XIX – начала XX в. является более чем актуальным, поскольку в литературе практически отсутствуют исследования, посвящённые его биографии и анализу его трудов.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе изучения как немногочисленных исследований, в которых кратко упоминается биография протоиерея Василия Рождественского, так и его многочисленных богословских и полемических трудов. Исследования можно разделить на дореволюционные и современные: первые представлены статьями в энциклопедических изданиях, вторые – публикациями, посвящёнными духовному образованию в России. При этом обе эти группы практически совершенно не раскрывают особенности богословия В.Г. Рождественского, хотя его

* Corresponding author

E-mail addresses: bokovg@gmail.com (G.E. Bokov)

преподавательская деятельность в главном университете столицы Российской империи была неразрывно связана с его работой на ниве академического богословия. Исключением является единственная до настоящего момента биографическая статья Н.Ю. Суховой, опубликованная в LX томе «Православной энциклопедии» в 2020 г. (Сухова, 2020: 66–68). При её написании использовались архивные материалы, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

В представленной статье проанализированы все опубликованные труды В.Г. Рождественского. Эти источники можно разделить на несколько групп. Во-первых, это работы по библеистике и библейской экзегезе (Рождественский, 1872–1874; Рождественский, 1873; Рождественский, 1875a; Рождественский, 1878; Рождественский, 1894 и др.). Во-вторых, это философско-апологетические труды (Рождественский, 1868; Рождественский, 1906 и др.). В-третьих, это публикации лекций по «основному богословию» (Рождественский, 1883). В-четвёртых, это открытые университетские лекции о религии и образовании, работы по православной педагогике, проповеди и моральные назидания (Рождественский, 1875b; Рождественский, 1875c; Рождественский, 1902 и др.).

Настоящее исследование строится на классических принципах строгого историзма и научной объективности, базируется на источниковедческом анализе. Для выяснения причинно-следственных связей рассматриваемых событий и явлений применяется комплексный подход и компаративный анализ. Метод историографического описания используется в сочетании с методами интеллектуальной истории и социокультурного контекстуального анализа. Историко-генетический метод позволяет исследовать изучаемые явления и процессы в динамике. Кроме того, используются нарративный и проблемно-хронологический подходы, благодаря которым рассматривается взаимосвязь между религиозными идеями и социально-политической ситуацией в конкретный исторический период.

3. Обсуждение

В дореволюционной печати краткое упоминание о протоиерее Василии Рождественском можно найти в энциклопедиях и словарях, среди которых: «Полный православный богословский энциклопедический словарь» (ППБЭС, 1913: 1961 стб.), «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (ЭСБЕ, 1899: 940), «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования: 1869–1884» (БСППСПБУ, 1898: 149–150).

Очень краткие упоминания о В.Г. Рождественском в современных изданиях можно обнаружить в литературе, посвящённой духовному образованию в России, у таких авторов, как Н.Ю. Сухова (Сухова, 2007; Сухова, 2012a: 242; Сухова, 2012b: 357; Сухова, 2012c) и В.А. Тарасова (Тарасова, 2005: 533). Единственная биографическая статья о В.Г. Рождественском написана уже упоминаемой Н.Ю. Суховой для многотомной «Православной энциклопедии» (Сухова, 2020: 66–68). Некоторые интересные сведения о семье В.Г. Рождественского содержатся в документированной биографии его сына, архивиста и историка С.В. Рождественского (1868–1934), написанной Е.Н. Груздевой (Груздева, 2008: 12–26).

Вместе с тем, все имеющиеся немногочисленные опубликованные материалы совершенно не раскрывают многогранную и интересную личность В.Г. Рождественского, а также особенности его богословия. Для того, чтобы восполнить этот пробел, обратимся к его жизненному пути и богословским трудам, а в заключение подведём итоги его профессорской деятельности в Императорском Санкт-Петербургском университете.

4. Результаты

Будущий протоиерей Василий Рождественский родился в 1839 г. в Новгородской губернии в семье священника Гавриила Ивановича Рождественского (1810–1890). Он учился в Новгородской духовной семинарии, после которой в числе лучших семинаристов был отправлен продолжать обучение в Санкт-Петербург. Там он учился в Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА) с 1861 г. по 1865 г. и окончил её со степенью магистра вторым по разрядному списку. После этого В.Г. Рождественский был определён бакалавром по кафедре логики, истории философии и нравственной философии в Казанской духовной академии (КазДА), там же начал преподавать курс по Священному Писанию. В январе 1867 г. В.Г. Рождественский был утверждён в степени магистра богословия за диссертацию «Материализм Бюхнера. Разбор главных положений современного материализма». Работа публиковалась на страницах журнала «Христианское чтение» в 1868 г. (Рождественский, 1868).

В своём выпускном сочинении молодой православный автор выступал как христианский апологет и критиковал материализм немецкого врача и физиолога Л. Бюхнера, который вместе со своими единомышленниками Я. Молешоттом и К. Фохтом (Фогтом) в примитивном ключе высказывался о материи и органической жизни. С лёгкой руки Ф. Энгельса такой материализм в

советской литературе будут называть «вульгарным». В 1860–70-х гг. эти идеи пользовались популярностью среди радикально настроенной молодёжи как в европейских странах, так и в России среди отдельных групп разночинцев, прозванных «нигилистами». Они отрицали всё, противопоставляя физиологию и практическую медицину не только религии, но и всей человеческой культуре и нравственности, были атеистами и сторонниками социал-дарвинизма. Именно к ним, в первую очередь, обращался в своём критическом труде начинающий богослов.

В.Г. Рождественский писал, что собирается «спокойно и беспристрастно» обсудить состоятельность материалистических понятий и выводов, на основании которых пытаются преобразовать «весь религиозно-нравственный строй современных европейских обществ» (Рождественский, 1868: 405). По его словам, «сущность всего вообще материализма, как отрицательного нигилистического мировоззрения, можно выразить в двух положениях: нет *Бога*, как духовной, вне мировой личности, как Творца и Промыслителя вселенной, и нет *духа*, как самостоятельной субстанции в человеке» (Рождественский, 1868: 405). В свою очередь, оба эти положения, пишет В.Г. Рождественский, «составляют только следствия одного основного и существенного начала всей вообще материалистической доктрины: разумею *учение о материи*, как первоосновы и последней причине всякого бытия» (Рождественский, 1868: 405).

В 1867 г. В.Г. Рождественский был обвинен с Александрой Васильевной Барсовой, дочерью настоятеля церкви Входа Господня в Иерусалим на Невском проспекте (Знаменской церкви) – одной из наиболее заметных столичных церквей того времени (с 1955 г. на её месте располагается наземный вестибюль станции метро «Площадь Восстания»). Единственным ребёнком в этом браке был сын Сергей (1868–1934), в будущем – видный историк-руссист и архивист. С.В. Рождественский вспоминал, что дом его родителей был семьёй «строго консервативного уклада, бытового и политического» (Груздева, 2008: 22).

После женитьбы В.Г. Рождественский подал прошение о возвращении из Казани в Санкт-Петербург и был переведён в Санкт-Петербургскую духовную семинарию помощником ректора по профессорской должности. В 1868 г. он начал читать курсы по догматическому и нравственному богословию в семинарии, а уже в 1869 г. был избран на должность доцента СПбДА по кафедре Священного Писания Нового Завета.

В.Г. Рождественский был учеником известного библеиста, профессора СПбДА Моисея Александровича Голубева (1824–1869). На протяжении многих лет М.А. Голубев преподавал курсы по Священному Писанию, участвовал в переводе Ветхого Завета с древнееврейского на русский, уделял большое внимание изучению Нового Завета, опубликовал «Обозрение посланий св. ап. Павла к Коринфянам» (Т. 1. 1861). Он возглавлял кафедру Священного Писания Нового Завета, которую принял после скоропостижной смерти своего учителя в августе 1869 г. В.Г. Рождественский. С этого начинается новый этап в жизни молодого богослова.

С 1869 г. В.Г. Рождественский активно публикуется на страницах журнала «Христианское чтение». Там появляются такие его работы по библеистике и библейской экзегезе, как «Об изучении Священного Писания в виду современных потребностей жизни и богословской науки» (1869) (Рождественский, 1869), «Год рождения Иисуса Христа» (1870–1871) (Рождественский, 1870–1871), «История Новозаветного канона» (1872–1874) (Рождественский, 1872–1874), «Руководство к истолковательному чтению книг Нового Завета: I. Соборные послания, II и III. Послания св. ап. Павла и Апокалипсис» (1873) (Рождественский, 1873), «О книгах новозаветных неканонических, употреблявшихся в христианской церкви II-го и III-го века» (1875) (Рождественский, 1875а), «Фрейзингенские фрагменты итальянского перевода посланий св. апостола Павла» (1876) (Рождественский, 1876), «Новейшая отрицательная критика и апологетика по вопросу о Евангелиях и евангельской истории» (1881) (Рождественский, 1881), «Чтения об исторической достоверности и божественном характере евангельской истории» (1884) (Рождественский, 1884), «Новооткрытый отрывок апокрифического Евангелия ап. Петра» (1894) (Рождественский, 1894) и некоторые другие труды. Отдельными книгами были изданы его работы «Историческое обозрение священных книг Нового завета» (1878) (Рождественский, 1878) и «Христианские уроки по поводу одного из последних наставлений Господа Иисуса Христа» (1889) (Рождественский, 1889).

Следует отметить, что православная библеистика в 1870-х гг. находилась в затруднительном положении. Устав духовных академий 1869 г. привёл к новому для русской богословской школы состоянию, которое Н.Ю. Сухова называет «историко-богословской революцией» (Сухова, 2013). Имеется в виду систематическое введение историко-критических методов и подходов к исследованию и преподаванию. Разные дисциплины в круге богословских наук по-разному приспосабливались к новым условиям. Библеистика, как ветхозаветная, так и новозаветная, оказалась в этом смысле более гибкой. Её путь в новых обстоятельствах складывался из соединения трёх основных слагаемых.

Первым и наиболее традиционным в рамках старой богословской школы было прямое усвоение готовых результатов иностранной консервативной науки. Примером такого заимствования является публикация в русском переводе «Введения в Новый Завет» Г.Э.Ф. Герике (Герике, 1869). Второй путь состоял в заявлении «беспристрастной критической позиции» исследователей–богословов, которая в итоге оборачивалась решением всех спорных вопросов в духе консервативных церковных установок

(Сухова, 2013: 157-158). Третий путь предполагал прямую конфронтацию с так называемой «отрицательной критикой» и попытку дезавуировать правомерность её сомнений и выводов. В рамках этого направления критиковались такие представители «новых подходов» в библеистике, как Д.Ф. Штраус, Э.Ж. Ренан и некоторые другие. Этот третий путь с самого начала заявлял себя как апологетический, но с течением времени радикализировался и после 1905–1907 гг. приобрёл прямо «охранительные» формы, примером чего могут служить многочисленные работы Т.И. Буткевича (1854–1925). Подобное размежевание не было уникальным для отечественной науки: в том или ином виде его можно проследить в различных конфессиональных научных школах XIX в. – и на родине критической библеистики в Германии, и в Великобритании, и в Северной Америке.

В своих опубликованных работах по Новому Завету В.Г. Рождественский затрагивал все основные темы библеистики того времени: текстология, история канона, датировки отдельных книг Нового Завета, экзегетика, а также пытался восстановить биографию «исторического Иисуса». При этом его наиболее важные систематизирующие труды выросли из лекций и статей, созданных в достаточно «комфортные» для учёного-консерватора 1870-е гг. Так, например, в области текстологии они предшествовали дискуссии о ценности отдельных рукописей и редакций новозаветного текста, развернувшейся после публикаций Б.Ф. Весткотта и Ф.Дж.Э. Хорта о новозаветной текстологии (1881–1882). Этот относительный «комфорт» 1870-х гг. позволял В.Г. Рождественскому сохранять взвешенную критическую позицию: хотя он и тяготел к апологетике, но при этом не подменял изложение взглядов своих оппонентов их разоблачением. В.Г. Рождественский подчёркивал отличие своего подхода от подходов западных учёных, как радикалов, так и консерваторов (Рождественский, 1878: 2-8), и суммировал рассмотрение всей научной работы по новозаветной текстологии так: «*Nihil aliud probamus, nisi quod Ecclesia*», – вот правило, которым и в этом случае, как и в других, должен руководиться православный экзегет» (Рождественский, 1878: 282). В дальнейшем, в работах 1880-х гг., В.Г. Рождественский занимался практически уже только апологетикой, что, безусловно, связано с произошедшими в его жизни изменениями.

Новый этап в жизни этого православного библеиста и экзегета начинается с 1874 г., когда он был приглашён Советом Императорского Санкт-Петербургского университета на должность профессора богословия. Его кандидатура была поддержана митрополитом Новгородским, Санкт-Петербургским и Финляндским Исидором (Никольским), являвшимся также первенствующим членом Святейшего Синода. Очень скоро В.Г. Рождественский был «утвержден в должности Профессора православного богословия при Университете, с оставлением на службе в духовной Академии». В декабре того же года он был рукоположен в сан священника «с причислением к Университетской церкви» (БСППИСБУ, 1898: 149).

Таким образом, В.Г. Рождественский начал преподавать в Императорском университете столицы Российской империи на общеуниверситетской кафедре православного богословия. По существовавшей тогда традиции, сразу по хиротонии, которая являлась обязательным условием для такого профессора, он стал служить священником в церкви Санкт-Петербургского университета святых апостолов Петра и Павла в здании Двенадцати коллегий. Позднее, в 1880 г., он станет настоятелем этой церкви, сменив протоиерея Павла Федоровича Солярского (1803–1890), прослужившего там целую эпоху – с 1833 по 1880 г. В 1883 г. В.Г. Рождественский был возведён в степень протоиерея.

В 1880 г. советом СПбДА священник Василий Рождественский был избран на должность экстраординарного профессора академии, где продолжал преподавать, совмещая с учёной службой в Университете. Лишь в 1891 г. он подал прошение в Святейший Синод об увольнении и был «уволен от службы» в СПбДА по состоянию здоровья, а в 1892 г. Совет академии избрал его почётным её членом. Тогда же В.Г. Рождественский был утверждён в звании заслуженного профессора Санкт-Петербургского университета (БСППИСБУ, 1898: 149). В этот период он также читал лекции по богословию для слушательниц Высших женских (Бестужевских) курсов. В 1915 г. состояние здоровья профессора-протоиерея резко ухудшилось, он подал прошения об увольнении из Университета и об освобождении от настоятельства в университетской церкви. В.Г. Рождественский умер в 1917 г. и был погребён на Смоленском кладбище Петрограда.

Помимо большого количества работ, написанных протоиереем Василием Рождественским по библеистике, он писал статьи и на другие темы, готовил лекции и проповеди. Ежегодно с 1879 г. по 1885 г. печатались его лекции по основному богословию, которые позднее были изданы отдельной книгой (Рождественский, 1883) и многократно выходили в литографированном виде. В качестве профессора богословия Санкт-Петербургского университета, В.Г. Рождественский уделял большое внимание теме христианского воспитания и просвещения, постоянно проявляя себя как христианский апологет, особенно в университетской аудитории неподготовленных и, зачастую, критически относящихся к религии студентов. Он пытался продемонстрировать, что без православной веры и основ христианского богословского знания светское образование и наука сами по себе не способны сделать мировоззрение целостным. Более того, по его мысли, без религиозного фундамента они и вовсе могут привести человека к гибели.

В лекции, прочитанной 20-го декабря 1874 г. в университетской аудитории при вступлении в должность профессора богословия Императорского Санкт-Петербургского университета, священник Василий Рождественский говорил: «Современная наука показала уму человеческому, в раскрытых ею в тайниках и видимой природы[,] и духовной истории человечества, следы Премудрого Творца и Правителя вселенной» (Рождественский, 1875b: 87). Однако умственная жизнь, по его мнению, вместо того, чтобы способствовать делу христианского просвещения, наоборот, провоцирует анархию мысли и разрушительную критику, которая, «особенно в области религиозных вопросов», сказывается «так часто в новейшей литературе самым беспощадным отрицанием или неверием» (Рождественский, 1875b: 88).

В.Г. Рождественский порицал «ученый дилетантизм» и обвинял некоторых «популяризаторов науки» в распространении ложных, слабо подкреплённых выводов, выводимых из научных теорий и возведённых в ранг абсолютной истины. Он отмечал, что «отношение наше к истине – не умственное только, а прежде всего нравственное, <...> нужна также и главным образом искренняя любовь к истине, желание познать ее» (Рождественский, 1875b: 92). Профессор богословия предостерегал студентов от увлечения материализмом и атеизмом, поскольку, по его словам, это приводит к нравственным метаниям и даже, в некоторых случаях, к потере смысла жизни. Именно поэтому, с точки зрения В.Г. Рождественского, и необходим «тесный союз самой науки и веры, – союз, основанный на глубоком проникновении веры разумом науки, а науки – светом веры». По его словам, подлинная наука и христианская вера нисколько не умаляют друг друга, но идут различными путями к одной и той же цели – «к утверждению в мире истины и добра со всеми плодами их, к развитию в человеке богоподобных совершенств его природы» (Рождественский, 1875b: 96).

Разговор о воспитании молодёжи В.Г. Рождественский продолжил в другой своей речи, произнесённой перед студентами Санкт-Петербургского университета 31 августа 1875 г. Он говорил о том, что воспитание и образование, развивающие критическое мышление у юноши, тем не менее, не дают ему фундамента в виде нравственного идеала, которым должен быть Иисус Христос. Как писал В.Г. Рождественский, «дело просвещения, понимаемое в своем высшем и истинном значении, более, чем какое-либо другое дело человеческое, нуждается в высшем, божественном содействии и руководстве!» (Рождественский, 1875c: 563). Согласно его словам, без нравственного идеала человек «часто еще на школьной скамье заражается уже ядом различных тлетворных учений», которые его нравственно развращают и даже делают впоследствии опасным для общества. Напротив, Православная церковь, утверждал В.Г. Рождественский, собирает людей в храмы не из простого обычая, но чтобы помочь, направить, привить тот самый нравственный идеал (Рождественский, 1875c: 563). В другой своей работе он писал, что истинное просвещение может быть только христианским и выступал за подлинное народное просвещение (Рождественский, 1902).

Безусловно, для общеуниверситетских кафедр православного богословия в российских университетах XIX – нач. XX в. «задача заключалась в том, чтобы наставлять учащихся в истинах православной веры, каковая была государственным исповеданием Российской империи, а вовсе не в том, чтобы заниматься исследовательской деятельностью» (Копейкин, 2014: 82-83). В.Г. Рождественский, совмещавший занятия академическим богословием в СПбДА и преподавательскую деятельность в Санкт-Петербургском университете, был ярким православным апологетом своего времени. Он полагал, что «христианская апологетика имеет своей задачей научное разъяснение и защиту основных истин христианской веры и нравственности» (Рождественский, 1906: 629). Профессор-протоиерей рассматривал преподавание апологетики как «введение в курс систематического богословия, настаивая на том, что преподавание основного богословия требует критического разбора многих других вопросов, поставленных как философией, так и естествознанием» (Сухова, 2020: 67). В.Г. Рождественский писал, что апологетика как наука «должна подчиняться в своем построении обычным требованиям от всякой строго-научной системы <...> строго-научному методу как в опровержении ложных религиозно-философских учений, так и в защите против них христианской истины» (Рождественский, 1906: 631).

Именно установка на христианскую апологетику и «подчеркнуто научное изложение богословия, опровергавшего обвинения в том, что православное вероучение есть устарелый и наивный этап развития человеческой мысли и морали», была «наиболее плодотворным направлением» на кафедрах богословия в университетах (Крылов, 2019: 60). Любой преподаватель богословия на такой позиции должен был проявлять себя прежде всего как апологет и защитник христианской веры и Православной церкви, в наибольшей степени это касалось столицы Российской империи.

5. Заключение

Имя протоиерея Василия Гавриловича Рождественского стоит в одном ряду с самыми известными и уважаемыми профессорами академического богословия в России XIX – нач. XX в., однако его опыт совершенно нетипичен. В отличие от них, преподававших в духовных академиях, он был известен не только как яркий представитель Санкт-Петербургской духовной школы. В.Г. Рождественский имел неоценимый опыт работы в самом главном императорском университете Российской империи – в статусе профессора богословия он прослужил в Санкт-Петербургском

университете больше 40 лет (с 1874 по 1915 г.). За это время сменилось несколько эпох, несколько раз проводились реформы образования, в 1905–1907 гг. происходили революционные события, причины которых многие православные богословы и философы, в том числе и В.Г. Рождественский, усматривали в увлечении материализмом и атеизмом русской интеллигенции и студенчества. В этом смысле на кафедры богословия Императорских университетов возлагалась особая ответственность.

В.Г. Рождественский, специализировавшийся в СПбДА на библеистике и библейской экзегезе, возглавлявший там кафедру Священного Писания Нового Завета, преподавал в Санкт-Петербургском университете разные богословские курсы апологетической направленности. Его целью было дать светскому студенчеству, в значительной своей массе уже далёкому от церковной жизни, хотя бы общие представления «о религии вообще», и показать значение христианства как религии «истинной и богооткровенной», дающей нравственный идеал и определяющей духовное развитие гармоничной личности и нравственно-здорового общества.

Защита православной веры и Русской церкви от материализма и атеизма была первостепенной апологетической задачей, стоявшей перед В.Г. Рождественским. По этой причине он утверждал, что богослов должен обладать широким кругозором и разбираться во всех вопросах, поставленных как философией, так и естествознанием. Он настаивал на том, что богословие – это строгая наука, необходимая не только как система знаний о религии, но и для нравственного состояния личности и общества. Можно предположить, что такой длительный период службы профессором университета в столице Российской империи был обусловлен тем, что подход В.Г. Рождественского к преподаванию общеуниверситетского курса богословия воспринимался как нормативный и по содержанию, и по формату.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 24-28-01158 «Православные священнослужители кон. XIX – нач. XX вв. как исследователи религиозной культуры: от “мейнстрима” к “маргинальности”».

Литература

БСППИСБУ, 1898 – Рождественский, Василий Гаврилович / Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую треть четверть века его существования: 1869–1884: в 2 т. СПб., 1898. Т. II. С. 149–150.

Герике, 1898 – *Герике Г.Э.Ф.* Введение в новозаветные книги Священного Писания / Пер. с нем. Под ред. архим. Михаила [Лузина]. М., 1869. 1-я пол., XII, 275 с.; 2-я пол. IV, 311 с.

Груздева, 2008 – *Груздева Е.Н.* Петербургский историк Сергей Васильевич Рождественский. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 205 с.

Копейкин, 2014 – *Копейкин К., прот.* Замечания к истории взаимоотношений науки и богословия в России / *Вера и знание: взгляд с Востока: [сборник]* / под ред. Т. Оболевич. М., 2014. С. 82–102.

Крылов, 2019 – *Крылов А.О.* Кафедры богословия в университетах Российской империи. Социокультурный контекст // *Манускрипт*. 2019. Т. 12. С. 54–61. DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.9> (дата обращения: 01.07.2025).

ППБЭС, 1913 – Рождественский, Василий Гаврилович / Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. СПб., 1913. Т. II. С. 1961 стб.

Рождественский, 1868 – *Рождественский В.Г.* Материализм Бюхнера // *Христианское чтение*. 1868. № 3. С. 400–415; № 4. С. 518–556; № 7. С. 121–150; № 8. С. 191–203; № 10. С. 477–524; № 11. С. 645–690; № 12. С. 830–870.

Рождественский, 1869 – *Рождественский В.Г.* Об изучении Священного Писания в виду современных потребностей жизни и богословской науки // *Христианское чтение*. 1869. № 11. С. 777–794.

Рождественский, 1870–1871 – *Рождественский В.Г.* Год рождения Иисуса Христа // *Христианское чтение*. 1870. № 2. С. 199–223; 1871. № 1. С. 107–134; № 3. С. 500–515.

Рождественский, 1872–1874 – *Рождественский В.Г.* История Новозаветного канона // *Христианское чтение*. 1872. № 10. С. 300–310; № 11. С. 441–495; № 12. С. 575–599; 1873. № 1. С. 47–69; № 7. С. 473–509; № 9. С. 37–88; 1874. № 5. С. 93–115; № 7. С. 423–471; № 8/9. С. 732–759.

Рождественский, 1873 – *Рождественский В.Г.* Руководство к истолковательному чтению книг Нового Завета: I. Соборные послания, II и III. Послания св. ап. Павла и Апокалипсис // *Христианское чтение*. 1873. № 12. С. 703–725.

Рождественский, 1875a – *Рождественский В.Г., свящ.* О книгах новозаветных неканонических, употреблявшихся в христианской церкви II-го и III-го века // *Христианское чтение*. 1875. № 7. С. 3–43.

Рождественский, 1875b – *Рождественский В.Г., свящ.* Вступительная лекция, читанная 20-го декабря 1874 года в императорском С.-Петербургском университете // *Христианское чтение*. 1875. № 2. С. 85–134.

Рождественский, 1875c – *Рождественский В.Г., свящ.* О религиозно-нравственном воспитании как основе истинного просвещения // *Христианское чтение*. 1875. № 11. С. 557–564.

- Рождественский, 1876** – *Рождественский В.Г., свящ.* Фрейзингенские фрагменты италийского перевода посланий св. апостола Павла // *Христианское чтение*. 1876. № 3–4. С. 335–356.
- Рождественский, 1878** – *Рождественский В.Г., свящ.* Историческое обозрение священных книг Нового завета. СПб., 1878. 284 с.
- Рождественский, 1881** – *Рождественский В.Г., свящ.* Новейшая отрицательная критика и апологетика по вопросу о Евангелиях и евангельской истории // *Христианское чтение*. 1881. № 3/4. С. 430–468.
- Рождественский, 1883** – *Рождественский В.Г., прот.* Лекции основного богословия. СПб., 1883. 327 с.
- Рождественский, 1884** – *Рождественский В.Г., прот.* Чтения об исторической достоверности и божественном характере евангельской истории // *Христианское чтение*. 1884. № 1/2. С. 148–167; № 5/6. С. 674–689; № 7/8. С. 3–20; № 9/10. С. 241–260; № 11/12. С. 564–580.
- Рождественский, 1889** – *Рождественский В.Г., прот.* Христианские уроки по поводу одного из последних наставлений Господа Иисуса Христа. СПб., 1899.
- Рождественский, 1894** – *Рождественский В.Г., прот.* Новооткрытый отрывок апокрифического Евангелия ап. Петра // *Христианское чтение*. 1894. № 1/2. С. 73–125; № 7/8. С. 27–40; № 11/12. С. 382–411.
- Рождественский, 1902** – *Рождественский В.Г., прот.* Троицкие листки. Духовно-нравственное чтение для народа. Вып. XXI–XXV. Изд. Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1896–1899 г. (Отзыв по случаю соискания издателем их Макарьевской премии) // *Христианское чтение*. 1902. № 1. С. 156–164.
- Рождественский, 1906** – *Рождественский В.Г., прот.* Из чтений по христианской апологетике // *Христианское чтение*. 1906. № 5. С. 629–650.
- Сухова, 2007** – *Сухова Н.Ю.* Вертоград наук духовный: сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 382 [2] с.
- Сухова, 2012a** – *Сухова Н.Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX в.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 658 с.
- Сухова, 2012b** – *Сухова Н.Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX в. 2-е изд., испр. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 676 с.
- Сухова, 2012c** – *Сухова Н.Ю.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870 – 1918 гг.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 374 с.
- Сухова, 2013** – *Сухова Н.Ю.* «Историко-богословская революция» в высшей духовной школе России // *Филаретовский альманах*. 2013. № 9. С. 135–169.
- Сухова, 2020** – *Сухова Н.Ю.* Рождественский Василий Гаврилович // *Православная энциклопедия*. М., 2020. Т. LX. С. 66–68.
- Тарасова, 2005** – *Тарасова В.А.* Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий. М.: Изд-во Новый хронограф, 2005. 568 с.
- ЭСБЕ, 1899** – *Рождественский, Василий Гаврилович* / *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона*: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1899. Т. XXVIA (52). С. 940.

References

- BSPPISPbU, 1898** – Rozhdestvenskii, Vasilii Gavrilovich [Rozhdestvensky, Vasily Gavriilovich]. Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za istekshuyu tret'yu chetvert' veka ego sushchestvovaniya: 1869–1884: v 2 t. SPb, 1898. T. II. Pp. 149–150. [in Russian]
- ESBE, 1899** – Rozhdestvenskii, Vasilii Gavrilovich [Rozhdestvensky, Vasily Gavriilovich]. Entsiklopedicheskii slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1899. T. XXVIA (52). P. 940. [in Russian]
- Gerike, 1898** – *Guericke, H.E.F.* (1869). Vvedenie v novozavetnye knigi Svjashhennogo Pisanija [Introduction to the New Testament Books of Scripture]. M., 1869. 1-ya pol., XII, 275 p.; 2-ya pol. IV, 311 p. [in Russian]
- Gruzdeva, 2008** – *Gruzdeva, E.N.* (2008). Peterburgskii istorik Sergei Vasil'evich Rozhdestvenskii [St. Petersburg historian Sergei Vasilievich Rozhdestvensky]. SPb: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena. [in Russian]
- Kopeikin, 2014** – *Kopeikin, K.* (2014). Zamechaniya k istorii vzaimootnoshenii nauki i bogosloviya v Rossii [Notes on the history of the relationship between science and theology in Russia]. *Vera i znanie: vzglyad s Vostoka*: [sbornik]. Pod red. T. Obolovich. Moscow. Pp. 82–102. [in Russian]
- Krylov, 2019** – *Krylov, A.O.* (2019). Kafedry bogosloviya v universitetakh Rossiiskoi imperii. Sotsiokul'turnyi kontekst [Departments of Theology in the Universities of the Russian Empire. Sociocultural Context]. *Manuskript*. 12: 54–61. DOI: <https://doi.org/10.30853/manuskript.2019.12.9> [in Russian]
- PPBES, 1913** – Rozhdestvenskii, Vasilii Gavrilovich [Rozhdestvensky, Vasily Gavriilovich]. Polnyi pravoslavnyi bogoslovskii entsiklopedicheskii slovar': v 2 t. SPb., 1913. T. II. P. 1961 stb. [in Russian]
- Rozhdestvensky, 1868** – *Rozhdestvensky, V.G.* (1868). Materializm Byukhnera [Bucher's Materialism]. *Khristianskoe chtenie*. 3: 400–415; 4: 518–556; 7: 121–150; 8: 191–203; 10: 477–524; 11: 645–690; 12: 830–870. [in Russian]

- [Rozhdestvensky, 1869](#) – Rozhdestvensky, V.G. (1869). Ob izuchenii Svyashchennogo Pisaniya v vidu sovremennykh potrebnosti zhizni i bogoslovskoi nauki [On the study of Holy Scripture in view of modern needs of life and theological science]. *Khristianskoe chtenie*. 11: 777-794. [in Russian]
- [Rozhdestvensky, 1870–1871](#) – Rozhdestvensky, V.G. (1870–1871). God rozhdestva Iisusa Khrista [Year of the birth of Jesus Christ]. *Khristianskoe chtenie*. 2: 199-223; 1871. 1: 107-134; 3: 500-515. [in Russian]
- [Rozhdestvensky, 1872–1874](#) – Rozhdestvensky, V.G. (1872–1874). Istoriya Novozavetnogo kanona [History of the New Testament Canon]. *Khristianskoe chtenie*, 1872. 10: 300-310; 11: 441-495; 12: 575-599; 1873. 1: 47-69; 7: 473-509; 9: 37-88; 1874. 5: 93-115; 7: 423-471; 8/9: 732-759. [in Russian]
- [Rozhdestvensky, 1873](#) – Rozhdestvensky, V.G. (1873). Rukovodstvo k istolkovatel'nomu chteniyu knig Novogo Zaveta: I. Sobornye poslaniya, II i III. Poslaniya sv. ap. Pavla i Apokalipsis [Guide to the Expository Reading of the Books of the New Testament: I. The Catholic Epistles, II and III. The Epistles of St. Apostle Paul and the Apocalypse]. *Khristianskoe chtenie*. 12: 703-725. [in Russian]
- [Rozhdestvensky, 1875a](#) – Rozhdestvensky, V.G. (1875). O knigakh novozavetnykh nekanonicheskikh, upotrebl'yavshikhsya v khristianskoi tserkvi II-go i III-go veka [On the non-canonical New Testament books used in the Christian church of the 2nd and 3rd centuries]. *Khristianskoe chtenie*. 7: 3-43. [in Russian]
- [Rozhdestvensky, 1875b](#) – Rozhdestvensky, V.G. (1875). Vstupitel'naya leksiya, chitannaya 20-go dekabrya 1874 goda v imperatorskom S.-Peterburgskom universitete [Inaugural lecture given on December 20, 1874 at the Imperial St. Petersburg University]. *Khristianskoe chtenie*. 2: 85-134. [in Russian]
- [Rozhdestvensky, 1875c](#) – Rozhdestvensky, V.G. (1875). O religiozno-nravstvennom vospitanii kak osnove istinnogo prosveshcheniya [On religious and moral education as the basis of true enlightenment]. *Khristianskoe chtenie*. 11: 557-564. [in Russian]
- [Rozhdestvensky, 1876](#) – Rozhdestvensky, V.G. (1876). Freizingenskie fragmenty italiiskogo perevoda poslanii sv. apostola Pavla [Freising Fragments of the Italian Translation of the Epistles of St. Paul the Apostle]. *Khristianskoe chtenie*. 3-4: 335-356. [in Russian]
- [Rozhdestvensky, 1878](#) – Rozhdestvensky, V.G. (1878). Istoricheskoe obozrenie svyashchennykh knig Novogo zaveta [Historical review of the sacred books of the New Testament]. SPb. [in Russian]
- [Rozhdestvensky, 1881](#) – Rozhdestvensky, V.G. (1881). Noveishaya otritsatel'naya kritika i apologetika po voprosu o Evangel'yakh i evangel'skoi istorii [The latest negative criticism and apologetics on the question of the Gospels and the Gospel history]. *Khristianskoe chtenie*. 3/4: 430-468. [in Russian]
- [Rozhdestvensky, 1883](#) – Rozhdestvensky, V.G. (1883). Lektsii osnovnogo bogosloviya [Lectures on Basic Theology]. SPb. [in Russian]
- [Rozhdestvensky, 1884](#) – Rozhdestvensky, V.G. (1884). Chteniya ob istoricheskoi dostovernosti i bozhestvennom kharaktere evangel'skoi istorii [Readings on the historical authenticity and divine character of the Gospel story]. *Khristianskoe chtenie*. 1/2: 148-167; 5/6: 674-689; 7/8: 3-20; 9/10: 241-260; 11/12: 564-580. [in Russian]
- [Rozhdestvensky, 1889](#) – Rozhdestvensky, V.G. (1889). Khristianskie uroki po povodu odnogo iz poslednikh nastavlenniy Gospoda Iisusa Khrista [Christian lessons on one of the last instructions of the Lord Jesus Christ]. SPb. [in Russian]
- [Rozhdestvensky, 1894](#) – Rozhdestvensky, V.G. (1894). Novootkrytyi otryvok apokrificheskogo Evangel'iya ap. Petra [Newly discovered fragment of the apocryphal Gospel of St. Peter]. *Khristianskoe chtenie*. 1/2: 73-125; 7/8: 27-40; 11/12: 382-411. [in Russian]
- [Rozhdestvensky, 1902](#) – Rozhdestvensky, V.G. (1902). Troitskie listki. Dukhovno-nravstvennoe chtenie dlya naroda. Vypuski XXI-XXV. Izd. Sv.-Troitskoi Sergievoi Lavry, 1896–1899 g. (Otzyv po sluchayu soiskaniya izdatelem ikh Makar'evskoi premii) [Trinity leaflets. Spiritual and moral reading for the people. Is. XXI-XXV]. *Khristianskoe chtenie*. 1: 156-164. [in Russian]
- [Rozhdestvensky, 1906](#) – Rozhdestvensky, V.G. (1906). Iz chtenii po khristianskoi apologetike [From readings on Christian apologetics]. *Khristianskoe chtenie*. 5: 629-650. [in Russian]
- [Sukhova, 2007](#) – Sukhova, N.Yu. (2007). Vertograd nauk dukhovnyi: sbornik statei po istorii vysshego dukhovnogo obrazovaniya v Rossii XIX – nachala XX veka [Garden of Religious sciences: collection of articles on the history of higher Religious education in Russia of the 19th – early 20th centuries]. M.: Izd-vo PSTGU. [in Russian]
- [Sukhova, 2012a](#) – Sukhova, N.Yu. (2012). Vysshaya dukhovnaya shkola: problemy i reformy (vtoraya polovina XIX v.) [Higher religious school: problems and reforms (the second half of the 20-th century)]. M.: Izd-vo PSTGU. [in Russian]
- [Sukhova, 2012b](#) – Sukhova, N.Yu. (2012). Sistema nauchno-bogoslovskoi attestatsii v Rossii v XIX – nachale XX v. [System of scientific and theological certification in Russia in the 19th – early 20th centuries]. 2-e izd., ispr. M.: Izd-vo PSTGU. [in Russian]
- [Sukhova, 2012c](#) – Sukhova, N.Yu. (2012). Russkaya bogoslovskaya nauka (po doktorskim i magisterskim dissertatsiyam 1870–1918 gg.) [Russian theological science (on doctoral and master's theses for 1870–1918)]. M.: Izd-vo PSTGU. [in Russian]
- [Sukhova, 2013c](#) – Sukhova, N.Yu. (2013). «Istoriko-bogoslovskaya revolyutsiya» v vysshei dukhovnoi shkole Rossii [“Historical and theological revolution” in the higher theological school of Russia]. *Filaretovskii al'manakh*. 9: 135-169. [in Russian]

Sukhova, 2020 – Sukhova, N.Yu. (2020). Rozhdestvenskii Vasiliy Gavrilovich [Rozhdestvensky, Vasily Gavriilovich]. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. M. T. LX. Pp. 66-68. [in Russian]

Tarasova, 2005 – Tarasova, V.A. (2005). Vysshaya dukhovnaya shkola v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka. Istoriya imperatorskikh pravoslavnykh dukhovnykh akademii [Higher religious school in Russia in the late 19th – early 20th centuries. History of the Imperial Orthodox theological academies]. M.: Izd-vo Novyi khronograf. [in Russian]

Протоиерей Василий Рождественский как православный богослов и профессор Императорского Санкт-Петербургского университета

Герман Евгеньевич Боков ^{a, *}, Дмитрий Александрович Браткин ^a, Аркадий Борисович Салахов ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье воссоздана биография профессора–протоиерея Василия Гавриловича Рождественского (1839–1917), рассказывается о его богословских и полемических трудах, а также о его педагогической деятельности в конце XIX – начале XX в.

В.Г. Рождественский был выдающимся представителем учёного духовенства своего времени, однако его жизненный путь и его работы остаются малоизученными. Он не только возглавлял кафедру Священного Писания Нового Завета в Санкт-Петербургской духовной академии, но и более 40 лет (с 1874 по 1915 г.) был профессором богословия в Императорском Санкт-Петербургском университете.

Несмотря на широкий круг тем, затронутых им в опубликованных сочинениях, таких как история новозаветного канона и новозаветная текстология, В.Г. Рождественский оставался прежде всего христианским апологетом. Он выступал за распространение знаний «о религии вообще» и о христианстве в частности среди студенческой молодёжи, стремясь обосновать превосходство христианского мировоззрения над материализмом и атеизмом. При этом он утверждал, что богослов должен обладать широким кругозором и разбираться во всех вопросах, поставленных как философией, так и естествознанием.

В.Г. Рождественский настаивал на том, что богословие – это строгая наука, необходимая не только как система знаний о религии, но и для нравственного состояния личности и общества. Можно предположить, что такой длительный период службы профессором университета в столице Российской империи был обусловлен тем, что подход В.Г. Рождественского к преподаванию общеуниверситетского курса богословия воспринимался как нормативный и по содержанию, и по формату.

Ключевые слова: протоиерей Василий Рождественский, православие, богословие, апологетика, Новый Завет, Российская империя, духовное образование, Императорский Санкт-Петербургский университет.

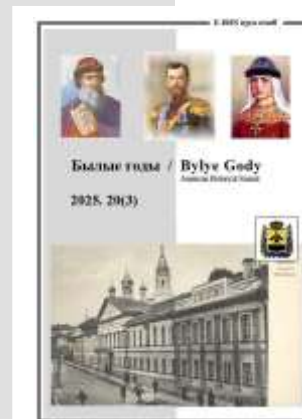
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: bokovg@gmail.com (Г.Е. Боков)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1279-1287
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1279

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Colonial Mediation as a “Trauma”: Leaders of the Kazakh Intelligentsia in the Service of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries

Bibikhadisha Z. Abzhapparova ^{a,*}, Bakyt S. Tokmurzayev ^b, Zibagul S. Ilyassova ^a,
 Serikbay D. Mamraimov ^c

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty, Republic of Kazakhstan

^c Zhanibekov University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article, based on the personal texts of the leaders of the Kazakh intelligentsia and their socio-cultural environment, substantiates the influence of the traumatic experience of the community on the involvement in the performance of the functions of colonial intermediaries on the eastern outskirts of the empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. The choice of the chronological framework of the study is due to the actualization of the tasks of empire-building on the eastern periphery of Russia, the shift of the vector of colonization from Western and Eastern Siberia to the Steppe Region – a region in which the autochthonous population was numerically predominant. The need for social and cultural incorporation of autochthonous peoples, primarily the Kazakhs, leading a nomadic lifestyle, initiated the practice of mobilizing local elites who were actively involved in various spheres of life in the region. The position of the imperial authorities consisted in Russification and assimilation of the descendants of titled aristocratic families who demonstrated political loyalty, and the use of the group to solve current problems of overcoming cultural differences between the Russian and non-Russian populations. The study established that the desire of the imperial authorities to Russify and assimilate ethnic elites, with their endowment with the functions of colonial intermediaries, was aimed at creating a model for the incorporation of non-Russians into Russian society. At the same time, representatives of the titled national aristocracy accepted the identity of the new social and ethnic environment, fragmentarily, while maintaining strong relationships with their fellow tribesmen. The personal and professional formation of future leaders of the Kazakh intelligentsia was realized in the context of the wide popularity of the ideas of the Enlightenment. The belief in the ideals of progress, the evolutionary development of society, the "maturation" of backward peoples and the importance of "civilizing" in relation to them, placed the Kazakh intelligentsia educated according to European standards in an initially discriminatory situation of social, legal and cultural restrictions. The experience of trauma acquired by Kazakh intellectuals at all stages of their biographies significantly modified their ideas about the scale and significance of mediation tasks in the service of the Russian Empire, contributed to the formation of an identity crisis, which was expressed in the formulation of special strategies and practices for adapting to new life circumstances. In the late 19th – early 20th centuries, many leaders of the Kazakh intelligentsia were forced to abandon the continuation of a military or administrative career, moving into socio-political activity, including engagement with reformist and liberal currents of the time, which significantly removed them from the sphere of mediation tasks emanating from the imperial power.

Keywords: colonial mediation, “trauma”, leaders of the Kazakh intelligentsia, foreigners, discourse, eastern outskirts, Steppe region, Russian Empire.

* Corresponding author

E-mail addresses: hadisha_1960@mail.ru (B.Z. Abzhapparova),
b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev), zita.o8@mail.ru (Z.S. Ilyassova)

1. Введение

Экспансия Российской империи в направлении своих восточных рубежей, начавшаяся ещё в XVI столетии в эпоху становления Московского централизованного государства, усилилась во второй половине XIX в., что выразилось в активном продвижении и освоении территорий Сибири, Дальнего Востока, Степного края и Туркестана. В рамках этого продолжительного во времени процесса происходило не только хозяйственное, но и ментальное освоение и присвоение новых пространств, реализуемое в дискурсивном формулировании принципов и осуществлении практик политики населения России в периферийных регионах, с характерными для империи установками доминирования и принуждения в отношении подданных – имперских субалтернов. Вместе с тем, корпус исследований, посвящённых колониальному делу России на восточных окраинах, позволяет говорить о разнообразии сценариев имперской инкорпорации территорий и людей в окраинных регионах (Сартори, Шаблей, 2019; Тольц, 2013; Малахов, 2023; Лор, 2012).

Очевидно, что российский колониационный процесс, смещаясь от западно-сибирских областей, обустроенных в военно-административном, этнокультурном, конфессиональном и социально-экономическом плане по стандартам имперского центра, в направлении отдалённой периферии (Восточной Сибири, Степного края, Туркестана) с преобладающим индигенным населением, ведущим кочевой образ жизни, претерпевал значительные изменения. Возникавшая потребность в культурной интеграции дисперсно разбросанных по обширным пространствам кочевых сообществ, предполагала разработку практик, адекватных «вызовам» времени, что находило выражение в двух моделях.

Во-первых, в среде имперских экспертов второй половины XIX в., воспитанных в духе просветительской идеологии, преобладало мнение о высоком культуртрегерском потенциале русского народа и его особой цивилизаторской миссии на востоке. Российский востоковед В.В. Григорьев предельно лаконично выразил мнение образованной части российского общества, заявив, что великое будущее страны заключается в том, чтобы «сохранить, устроить и просветить племена Азии» (Григорьев, 1840: 7). В практической плоскости, просвещение долгое время рецептировалось в категориях «русификаторство» и «седентаризм», что наглядно проявилось в радикальном предложении миссионера Вениамина – главы Забайкальской миссии: «...даём (инородцам) русское имя с русским прозванием, отрезаем косу и, если есть средства, одеваем в русскую одежду, ...учим его по-русски молитвам» (Харлампович, 1905: 16).

Во-вторых, с ростом переселенческого движения в пореформенный период, становилась очевидной беспочвенность ожиданий быстрой и безболезненной ассимиляции коренных народов в тех регионах, где автохтонное население численно преобладало. В Восточной Сибири, Степном крае, Туркестане распространение российских земледельческих практик стимулировало поземельные конфликты с инородцами, которые сопровождались столкновением культурных стереотипов русского и коренного населения на религиозной почве. В современной постколониальной историографии, строящей свои выводы на основании источников второй половины XIX – начала XX в., общим местом является тезис о культурном влиянии инородцев на русских переселенцев, что приводило к частому принятию ими правовых, религиозных, хозяйственных конвенций коренных групп населения (Сандерленд, 2005; Ремнёв, 2007; Чуркин, 2025). В. Сандерланд резюмирует: «Когда в конце имперского периода российские этнографы, антропологи, публицисты и другие путешественники проезжали по этой северной местности (бассейн реки Обь), они встречали там русских, которые говорили на языках сибирских народов лучше, чем на своем родном, ели сырое мясо, практиковали “шаманство” и так поразительно были похожи на “инородцев”, что, казалось, их просто невозможно было отличить от якутов, остяков, самоедов и других “первобытных” народов Сибири» (Сандерланд, 2005: 200). Согласно выводам М.К. Чуркина, русские поселенцы, живя в Сибири не компактными поселениями, а дисперсно расселяясь среди коренных народов, быстро ассимилируются ими, что подтверждают и результаты совместного проживания русских и инородцев в Туркестанском крае (Чуркин, 2024: 124).

В данной связи проблема культурной интеграции в ряде периферийных регионов, в частности Степном крае, необыкновенно актуализировалась для имперской власти и требовала поиска «мягких» решений, к числу которых относилась и идея создания института колониальных посредников, которая заключалась в постепенном привлечении к решению государственных задач на востоке империи представителей степной аристократии, а именно потомков наиболее лояльных имперскому присутствию кочевых родов. По мнению И. Кэмпбелла, опыт России, направленный на модернизацию областей, включаемых в состав империи на востоке, сопровождался практиками привлечения «туземных голосов» – переводчиков, военных, учителей, чиновников, образованных по русско-европейским стандартам второй половины XIX – начала XX в. (Campbell, 2017: 8-9).

Заметим, что обращение имперской бюрократии к инструменту колониального посредничества имело двоякие последствия. С одной стороны, участие посредников, к разряду которых принадлежали лидеры казахской интеллигенции, в государственных делах Российской империи на восточных окраинах способствовало выстраиванию отношений с многочисленным инородческим населением и возможности интенсификации контактов с главами родов. С другой стороны,

выполнявшие функции посредников потомки степных аристократов (Ч.Ч. Валиханов, Г.Б. Валиханов, И.А. Алтынсарин и др.) являлись носителями сложной идентичности. Интегрируясь в русскую культуру, лидеры казахской интеллигенции сохраняли прочную связь со своими соплеменниками и родовыми установками и традициями. Амбивалентность их культурной идентичности, в ситуациях, когда приходилось принимать и транслировать непопулярные в инородческой среде решения, оборачивалась «травмой», что приводило к коррекции в сознании сообщества и его отдельных акторов представлений о своём месте в российском социуме, правовом и общественном статусе, профессиональных обязанностях и моделях социокультурной коммуникации. Таким образом, предметная область исследования охватывает сферу представлений и деятельности лидеров казахской интеллигенции как колониальных посредников, их среду бытования и множественных разнонаправленных контактов. Цель статьи заключается в выявлении травматических сюжетов личных и профессиональных биографий членов сообщества, возникавших в результате их вовлечения в реализацию посреднической миссии в колониальных проектах и практиках Российской империи в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в.

2. Материалы и методы

В основе источниковой базы статьи располагаются материалы, репрезентирующие травматический опыт лидеров казахской интеллигенции в системе координат реализации ими функции колониальных посредников в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в.

Первую группу составили личные тексты выдающихся представителей казахского народа (Ч.Ч. Валиханов, Г.Б. Валиханов, И.А. Алтынсарин), отразившие рефлексию сообщества по разным вопросам организации административно-управленческого, общественно-политического, социально-экономического и социокультурного пространства Степного края, рациональную и эмоционально-экспрессивную реакцию лидеров казахской интеллигенции на сферу своей научной, общественной и публицистической коммуникации, взаимоотношения с властью. Ко второй группе источников относятся автобиографические и биографические материалы, вышедшие из-под пера российско-сибирских деятелей общественного движения, учёных, публицистов, имевших непосредственные и долгосрочные контакты с потомками казахской титулованной аристократии, по отношению к которым они выполняли функции наставников, коллег, соучеников и т.д. Привлечённые источники, составившие пространство дискурса, позволяют выявить генезис травматических ситуаций как составляющей биографий казахских интеллектуалов, специфику поведения акторов группы в условиях становления их профессиональной карьеры, общественно-политической и производственной коммуникации, связанной с ожиданиями имперской власти.

В построении методологической части статьи перспективным видится обращение к феномену лидерства, привлекавшему учёных разных научных сфер с конца XIX в. Прилагая долгосрочный опыт исследовательской рефлексии к проблемному полю статьи, выскажем предположение, что маркировка потомков степной аристократии в качестве лидеров казахской интеллигенции определяется в работе их способностью воздействовать на многочисленное сообщество инородцев, обладанием беспрекословным авторитетом и уважением в народной среде, участием в коммуникации не только со своими соплеменниками, но и с другими группами. Также в конструировании образа лидеров учитывались такие характеристики данного феномена, как доминантность, уверенность в себе, предприимчивость, креативность, что так или иначе проявлялось в социальном поведении наиболее ярких представителей сообщества.

В характеристике функций лидеров казахской интеллигенции как колониальных посредников принимались во внимание обстоятельства травматических реакций членов сообщества на внешние воздействия объективного и субъективного характера, что обусловило привлечение к исследованию некоторых результатов рефлексии понятия «травма» в научной литературе. Понятие «травма», осваиваемое в XIX столетии в психиатрии и психологии, в XX в. получило широкое распространение в гуманитарной области как моральная категория (Ассман, 2014; Калшед, 2001). Было доказано, что травма может носить социальный оттенок, выступать в качестве признака индивидуальной и групповой идентичности (Рехтман, Фассен, 2019).

Обработка и анализ текстов производились с обращением к теории дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, предлагающей критический инструментарий для исследования процессов социального конструирования реальности посредством языка, и, как следствие, инструментарию дискурсе-анализа как форме социальной практики, позволяющей конституировать социальный мир (Филлипс, Йоргенсен, 2008: 109).

3. Обсуждение

Сюжеты, посвящённые процессу генезиса, социокультурного становления и общественно-политической активности сообщества титулованной степной аристократии – лидеров казахской интеллигенции, в конце XX – первой четверти XXI столетий, стали заметным и устойчивым феноменом зарубежной и отечественной историографии. Как характерную тенденцию историографической традиции вопроса, отметим постепенное смещение исследовательского интереса

от ярких фактов личной и профессиональной биографии представителей образованной части казахского социума, характерного для 1990-х гг. (Козыбаев, 1998; Тернова, Исетов, 1998), к непосредственному осмыслению форм и средств репрезентации их интеллектуальной деятельности: публицистической и эпистолярной активности, общественной коммуникации, ментальных установок. Дискурсивные практики, запечатлевшие внутренние процессы интеллектуальной рефлексии и саморефлексии казахских интеллектуалов второй половины XIX – начала XX в., включённость группы в социальные и интеллектуальные процессы, участие в конструировании социальных образов, оказались в центре внимания учёных-историков, исследовавших национальные и социокультурные феномены российской периферии в контексте имперской организации пространства, что стимулировало исследовательскую активность в области изучения стратегий и практик поведения этно-локальных сообществ и их отдельных представителей, условий и факторов формирования этнической идентичности, представлений о явлениях социальной реальности (Беккер, 2004; Верт, 2012; Ремнёв, 2007; Токмурзаев и др., 2025).

В эту исследовательскую канву вписываются и работы, посвящённые рефлексии травматического опыта социальных и этнических групп в истории России, в том числе и в контексте реализации имперского колониального опыта. Ставший путеводителем и бестселлером для историков и культурологов сборник статей «Травмопункты», вышедший под редакцией С. Ушакина в 2000 г., во многом обозначил новый исследовательский вектор в изучении внутренней организации, социального поведения и повседневных стратегий локальных сообществ Российской империи и восточных окраин страны (Чуркин, 2023: 72-79; Жанбосинова, 2020: 214-219).

4. Результаты

В определениях современного гуманитарного знания концепт «травма» ориентирован на осмысление функционирования личности и локальных объединений в условиях вынужденных ограничений, что приводит к формированию сообщества «утраты», выбирающего жизнестойкую модель сосуществования с собственным травматическим опытом (Ушакин, 2009: 8; Чуркин, 2023: 72).

Российская империя в лице окраинной бюрократии, реализуя в Степном крае программу преодоления культурных различий и создания социально однородного пространства, стремилась опереться на поддержку титулованной аристократии, создавая благоприятные условия для получения данной группой военного или гражданского образования, включения во всевозможные виды государственно-административной деятельности. Выполняя эту, на первый взгляд, благородную миссию, империя неуклонно конструировала формат травматической ситуации для выдающихся в будущем деятелей казахского интеллектуального «бомонда», изначально формулируя, и в дальнейшем демонстративно подчёркивая культурную дистанцию, разделявшую «человека власти и культуры» – представителя российского государства на периферии и субалтерна, который, даже превращаясь в «своего инородца», остаётся в положении угнетённого, не имеющего права голоса.

Исходным пунктом формирования травматической ситуации для потомков титулованной степной аристократии, маркируемых имперской властью в качестве колониальных посредников, являлась их принадлежность к родам, продемонстрировавшим лояльность новой власти, что, по сути, означало проявление покорности, верности, отказ от собственного суверенитета. Для многих молодых аристократов признание их предками власти Российской империи становилось условием профессионального роста и удовлетворения карьерных амбиций. «Сюжет протекции» – общее место биографических очерков, составленных наставниками и друзьями казахских интеллигентов Г.Н. Потаниным, Н.М. Ядринцевым, Н.И. Веселовским и др. Однако поддержка, которую оказывали выходцам из степной знати представители имперских элит – генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорт (Ч.Ч. и Г.Б. Валихановы), управляющий областью Оренбургских киргизов В.В. Григорьев (И.А. Алтынсарин), генерал-губернатор Г.А. Колпаковский (А. Букейханов), предполагала полное и безоговорочное принятие правил и конвенций нового окружения, а в некоторых случаях и отказа от собственной этнокультурной идентичности.

Осознание казахскими интеллигентами факта участия российских администраторов в их карьерном пути во многом амортизировалось «травматическими» ситуациями, возникавшими повсеместно, что было обусловлено существованием «цивилизаторской» рамки, установленной культурой и властью Европы второй половины XIX – начала XX в. Её предельно точно озвучил известный российский востоковед В.В. Григорьев, который писал о коренных народах азиатской части России следующее: «...воспитать или перевоспитать, возродить или переродить большую часть народов этой стороны света, возвысить их до себя...и слить в одно великое, святое семейство» (Григорьев, 1840: 7-8). Насколько широко было растиражировано представление об автохтонных народах восточных окраин империи как о социальных неопитах, вступающих на путь цивилизации, подтверждается и позицией выдающегося педагога Н.И. Ильминского: «С инородцами надобно дело начать с начала, и на массу инородцев смотреть как на детей, которые собрались учиться и которым учитель должен преподавать элементарные знания, развивать их ум и воспитывать их религиозное чувство» (Ильминский, 1891: 6-7).

Отметим, что складывание травматического жизненного опыта будущих лидеров казахской интеллигенции происходило на всех этапах их социального и профессионального становления. Уже в процессе обучения в российских учебных заведениях степные аристократы сталкивались с дискриминационными актами в отношении себя и своих соплеменников, которые варьировались от чрезмерной их экзотизации до прямых ограничений прав и свобод. Так, например, современники Ч.Ч. Валиханова описывали его жизненный путь исключительно в цивилизаторской риторике постепенного «взросления». Н.М. Ядринцев, с некоторым изумлением, говорил о выдающихся способностях Валиханова, проявившихся ещё во время учёбы в кадетском корпусе, отмечая, что «он много читал, и его любимыми авторами были Диккенс и Теккерей» (Ядринцев, 1904: XXXVI). Экзотизируя своего героя, Н.М. Ядринцев подчёркивал: «Разговор всегда отличался остроумием, он был наблюдателен и насмешлив, в этом сказалась его племенная особенность, киргизы большие насмешники, но под влиянием образования эта способность у Валиханова получила расцвет» (Ядринцев, 1904: XXXVI). С.Я. Капустин, в своей заметке о Ч.Ч. Валиханове, без обиняков, комментировал факт его появления в российском коммуникативном поле: «...как коренной сибиряк, так и приезжий в Сибирь русский человек, ещё не могли смотреть на киргиза, как на равного себе. Самый гуманнейший сибиряк и россиянин относятся к инородцу как взрослый к ребёнку» (Капустин, 1968: 304).

У Г.Н. Потанина читаем: «...Валихановым интересовались многие – киргизский мальчик, и при этом, такой способный, уже рисует прежде, чем поступил в заведение. Поэтому его охотно брали к себе в отпуск те, которые ценили такое необыкновенное явление» (Потанин 1904: XII).

Современники Г.Б. Валиханова, вспоминая о стартовом периоде его обучения в Сибирском кадетском корпусе, фиксировали такой эпизод: «Когда хан Ходжа с мальчиками были приглашены в кадетскую столовую, и когда барабан забил на молитву, – никогда не слышавшие барабанного боя дикие сыны степей, заткнувши уши выбежали из столовой, чем произвели взрыв хохота между кадетами» (ЦГА РК. Ф. 273. Оп. 2. Д. 56. Л. 3). Данный факт, на первый взгляд, может показаться мелким, несущественным, преходящим событием, если бы не одно важное обстоятельство, которое стало своеобразной реакцией Г. Валиханова на травмирующую ситуацию и выбор стратегии её преодоления: молодой человек, ещё будучи учащимся Сибирского кадетского корпуса, в одном из рапортов к администрации просил именовать его султаном, подчёркивая тем самым принадлежность к архаичным родовым структурам и общую идентичность с соплеменниками (Прохоров, 2021: 4).

Как экзотический герой на страницах воспоминаний Н.И. Ильминского выступает И.А. Алтынсарин, чьё колониальное посредничество реализовывалось в педагогической работе среди инородцев. В представлении и репрезентациях Ильминского, Алтынсарин, во-первых, объект любопытства и опеки со стороны домочадцев учёного, слушавших за обедом, как талантливый инородец, «другой», читает вслух русские книги; во-вторых – поле для научных экспериментов востоковеда, практика изучения эмоциональной сферы своего подопечного и коллеги из «другого» мира: экспрессивность и психологическая неустойчивость И.А. Алтынсарина, необычные для «цивилизованного» европейца реакции на окружающий мир, выполняют приоритетную функцию в создаваемом Н.И. Ильминским образе молодого казаха.

Не менее существенным фактором, стимулировавшим травматические ощущения образованных казахов на службе Российской империи, становилось непосредственное вторжение имперской бюрократии в сферу профессиональной деятельности известных представителей сообщества, обусловленное правовыми нормами и традицией. Г.Н. Потанин сообщал, что Ч. Валиханов закончил кадетский корпус на год раньше своих сверстников, так как «...в последнем классе корпуса преподавали специально военные науки: тактику, фортификацию, артиллерию, и правительство считало опасным для государства знакомить с этими науками инородцев» (Потанин, 1968: 544). Н.И. Ильминский в биографическом очерке об И.А. Алтынсарине с возмущением отмечал, что тот, в период своей работы переводчиком Оренбургской пограничной комиссии, неоднократно сталкивался с прямым запретом перевода служебных текстов на казахский язык (Ильминский, 1891: 22). И.А. Алтынсарин по данному поводу писал в одном из своих писем: «Муллы, кроме особенного свойства набивать человеческие головы песками, портят и язык природный... Всякое прикосновение муллинской чести тотчас же сделает [любого] кафром ордынского начальства» (Алтынсарин, 1978: 23-24), а травматическую ситуацию в общем плане комментировал так: «Об образовании киргизов начальство так заботится, что предпочитает лучше красить крыши и без того красные, белить стены и без того белые, нежели приступать к постройке училищ при укреплениях. Но бог с ними, мне ли критиковать начальство» (Алтынсарин, 1978: 19).

Симптоматично, что латентная травма, как результат кризиса дуальной (русской и инородческой) идентичности, актуализировалась в экстраординарных жизненных ситуациях, сопровождавших военную и гражданскую службу казахов. Жестокая расправа корпуса генерала М.Г. Черняева и «зверства русских войск над единоверцами при взятии войском Пишпека» (Потанин, 1904: XXIX-XXX), свидетелями которых стали Ч.Ч. и Г.Б. Валихановы, спровоцировала сильнейший психологический кризис и способствовала инкапсуляции травматических ощущений, копившихся в годы учёбы и службы этих персонажей. Н.М. Ядринцев, описывая последний период жизни

Ч.Ч. Валиханов, отмечал: «В минуту разочарований он идёт как Алеко Пушкина, в шалаш кочевников, где нравы проще и чище... Денди женится на киргизской девушке, как будто он ищет простого детского чувства после всевозможных обольщений в столице... Выйдя из детской колыбели в киргизской юрте, даровитый киргиз перед смертью возвращается к своему очагу и его окружает та же торжественная тишина степи» (Ядринцев, 1904: XXXVIII – XXXIX). В одной из бесед со своим товарищем и наставником Г.Н. Потаниным, Ч.Ч. Валиханов весьма показательно расставил свои привязанности и приоритеты: «Прежде всего, я люблю свой киргизский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом всё человечество...» (Потанин, 1904: XXXI).

Г.Б. Валиханов незадолго до своей смерти посетил своих соплеменников Кургутульской волости Кокчетавского уезда, что дало повод уездному начальнику составить рапорт, в котором говорилось: «...Валиханов помнит, что он прямой и единственный потомок хана Вали, владельца землями и народом Средней орды; он считает себя лишенным своих царственных прав, он обездолен, он обижен – естественным является стремление восстановить себя во власти» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 871. Л. 92). Сам Г. Валиханов свои разочарование и негативное мироощущение, связанные с исполнением служебных функций, выразил опосредованно, но довольно показательно: «...прежде здешние степи являлись родиной великих людей, как то: Тамерлана, Чингисхана, Батыя и других, и что эти завоеватели, наводили ужас на Россию и даже поработили ее...» (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 43608. Л. 40б.).

5. Заключение

Таким образом, оценивая включённость сообщества лидеров казахской интеллигенции в формат колониального посредничества, необходимо отметить, что мобилизация империей представителей «туземной» аристократии в решение инородческого вопроса не дала ожидаемого властью эффекта. И здесь можно говорить о существовании двух важных контекстов. Во-первых, имперская политика населения, реализуемая на восточной периферии, преследовала цель преодоления культурных различий и создания «большой русской нации». В ходе решения данного вопроса выяснилось, что коренное население окраин, в частности Степного края, не готово было отказаться от своей идентичности в пользу идентичности русского народа. В этом смысле стремление имперской бюрократии максимально русифицировать этнические элиты и делегировать их представителям функции колониальных посредников рассматривалось как потенциальная возможность создания перспективной модели инкорпорации инородцев в российский социум. Во-вторых, потомки титулованной казахской знати, принимая через образовательные практики и институты наставничества конвенции нового социального окружения, сохраняли устойчивые связи со своими соплеменниками и чувство ответственности за их жизнь и судьбу. Личное и профессиональное становление будущих лидеров казахской интеллигенции происходило в условиях широкого распространения в российском образованном обществе и властных структурах идей эволюционизма и прогрессизма, что объективно ставило их в ситуацию правовых и культурных ограничений и дискриминаций. Перманентный травматический опыт, приобретаемый образованными казахами в имперском коммуникативном поле, существенно корректировал их представления о выполнении посреднических задач на службе Российской империи, способствовал психологической фрустрации, кризису идентичности, что находило выражение в разработке сценариев адаптации к новым жизненным обстоятельствам и способов совладающего поведения. На рубеже XIX – XX вв. многие представители казахской национальной интеллигенции отказывались от административной и военной службы в пользу общественно-политической деятельности. Эмансипируясь от посреднических функций, навязанных имперской властью, они стремились к правовой защите национальных интересов, расширению культурной и политической автономии, а также активному участию в просветительских и реформаторских инициативах.

Литература

- Алтынсарин, 1978 – Алтынсарин И. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1978. 352 с.
- Ассман, 2014 – Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Беккер, 2004 – Беккер С. Россия и концепт империи / Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab imperio») / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань, 2004. С.67-81.
- Верт, 2012 – Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
- Григорьев, 1840 – Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесённая исправляющим должность профессором В. Григорьевым. Одесса, 1840. 18 с.
- Жанбосинова, 2020 – Жанбосинова А.С. Историческая память о Великой Отечественной войне в пространстве Казахстана // Исторический курьер. 2022. № 1. С. 133-144.
- Ильминский, 1891 – Ильминский Н.И. Воспоминания об И.А. Алтынсарине. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1891. 396 с.

- Калшед, 2001** – *Калшед Д.* Внутренний мир травмы: архетипические защиты личностного духа. М.: Академический Проект, 2001. 365 с.
- Капустин, 1968** – *Капустин С.Я.* О Чокане Валиханове // Ч.Ч. Валиханов. Собрание сочинений в 5 т. Т. IV. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1968. С. 303-307.
- Козыбаев, 1998** – *Козыбаев М.К.* «История России есть история страны, которая колонизируется» // *Столичное обозрение*. 02.05.1998.
- Лор, 2012** – *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.
- Малахов, 2023** – *Малахов В.* Политика различий. Культурный плюрализм и идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 288 с.
- Потанин, 1904** – *Потанин Г.Н.* Биографические сведения о Ч. Валиханове / *Сочинения Чокана Чингизовича Валиханова*. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1904. С. IV-XXXIV.
- Прохоров, 2021** – *Прохоров И.* Малоизвестны, но достойны внимания // *Казахстанская правда*. 20 августа 2021 г. С. 4-6.
- Ремнёв, 2007** – *Ремнев А.В.* 300-летие присоединения Сибири к России: в ожидании “нового исторического периода” // *Культурологические исследования в Сибири*. 2007. № 1. С. 34-50.
- Рехтман, Фассен, 2019** – *Рехтман Р., Фассен Д.* Моральная экономика травмы // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2019. № 5(127). С. 33-46.
- Сандерланд, 2005** – *Сандерланд В.* Русские превращаются в якутов? «Обычнородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология*. М.: Новое издательство, 2005. С. 198-203.
- Сартори, Шаблей, 2019** – *Сартори П., Шаблей П.* Эксперименты империи. Адат, шариат и производство знаний в казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 280 с.
- Тернова, Исетов, 1998** – *Тернова И.К., Исетов Р.К.* Жизнь, озаренная борьбой. Посвящена 125-летию со дня рождения Ахмета Байтурсынова. Костанай: Костанайский печатный двор, 1998. 75 с.
- Тольц, 2013** – *Тольц В.* «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднейимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
- Ушакин, 2009** – *Ушакин С.* «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах / *Травмопункты: сб. статей* / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5-45.
- Филлипс, Йоргенсен, 2008** – *Филлипс Н., Йоргенсен М.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
- Харлампович, 1905** – *Харлампович К.В.* О христианском просвещении инородцев: переписка архиепископа Вениамина Иркутского с Н.И. Ильминским // *Православный собеседник*. 1905. Вып. 7/8. С. 1-38.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Чуркин, 2023** – *Чуркин М.К.* «Жить с травмой...»: стратегия преодолевающего переживания и совладающего поведения политических ссыльных Тобольского Севера (1880-е гг.) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2023. Т. 30. № 1. С. 72-79.
- Чуркин, 2024** – *Чуркин М.К.* Сценарии имперской инкорпорации Азиатской России в дискурсе юбилейных торжеств, посвященных 300-летию присоединения Сибири (1881–1882 годы) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2024. Т. 23. № 1. С. 120-129.
- Ядринцев, 1904** – *Ядринцев Н.М.* Биографические сведения о Ч. Валиханове // *Сочинения Чокана Чингизовича Валиханова*. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1904. С. XXXV-XXXIX.
- Campbell, 2017** – *Campbell I.* Knowledge and the Ends of Empire: Kazak intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca; London, 2017. 343 p.
- Tokmurzayev et al., 2025** – *Tokmurzayev B.S., Churkin M.K., Zhangaliev U.K., Mamraimov S.D.* “Own Foreigners” in the Imperial Project of Colonial Mediation in the Eastern Suburbs of Russia in the mid XIX – early XX centuries // *Bylye gody*. 2025. 20(2): 780-790.

References

- Altynsarin, 1978** – *Altynsarin, I.* (1978). Sbranie sochinenij v 3 t. [Collected works in 3 volumes]. T. 3. Alma-Ata, «Nauka» KazSSR, 352 p. [in Russian]
- Assman, 2014** – *Assman, A.* (2014). Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [Long shadow of the past. Memorial culture and historical policy]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p. [in Russian]
- Bekker, 2004** – *Bekker, S.* (2004). Rossiya i koncept imperii [Russia and the concept of empire]. Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statej (Biblioteka zhurnala «Ab imperio»). Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semyonova. Kazan'. Pp. 67-81. [in Russian]
- Campbell, 2017** – *Campbell, I.* (2017). Knowledge and the Ends of Empire: Kazak intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca; London, 343 p.

- [Churkin, 2023](#) – *Churkin, M.K.* (2023). "Zhit' s travmoj...": strategiya preodolevayushchego perezhivaniya i sovladayushchego povedeniya politicheskikh ssyl'nyh Tobol'skogo Severa (1880-e gg.) ["Living with trauma...": strategy of overcoming experiences and coping behavior of political exiles of the Tobolsk North (1880s)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 30(1): 72-79. [in Russian]
- [Churkin, 2024](#) – *Churkin, M.K.* (2024). Scenarii imperskoj inkorporacii Aziatskoj Rossii v diskurse yubilejnyh torzhestv, posvyashchennyh 300-letiyu prisoedineniya Sibiri (1881–1882 gody) [Scenarios of the imperial incorporation of Asian Russia in the discourse of the jubilee celebrations dedicated to the 300th anniversary of the annexation of Siberia (1881–1882)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 23(1): 120-129. [in Russian]
- [Fillips, Jorgensen, 2008](#) – *Fillips, N., Jorgensen, M.* (2008). Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and method.]. Khar'kov: Izd-vo «Gumanitarnyi tsentr», 352 p. [in Russian]
- [Grigor'ev, 1840](#) – *Grigor'ev, V.V.* (1840). Ob otnoshenii Rossii k Vostoku: Rech', proiznesennaya ispravlyayushchim dolzhnost' professorom V. Grigor'evym On Russia's Attitude Toward the East: A Speech Delivered by Professor V. Grigoriev, the Acting Professor]. Odessa, 18 p. [in Russian]
- [Harlampovich, 1905](#) – *Harlampovich, K.V.* (1905). O hristianskom prosveshchenii inorodcev: perepiska arhiiepiskopa Veniamina Irkutskogo s N.I. Il'minskim [On the Christian Enlightenment of Foreigners: Correspondence between Archbishop Veniamin of Irkutsk and N.I. Ilminsky]. *Pravoslavnyj sobesednik*. 7/8: 1-38. [in Russian]
- [Il'minskij, 1891](#) – *Il'minskij, N.I.* (1891). Vospominaniya ob I.A. Altynsarine [Memories of I.A. Altynsarin]. Kazan': Tipo-litografiya V.M. Klyuchnikova, 396 p. [in Russian]
- [Kalshed, 2001](#) – *Kalshed, D.* (2001). Vnutrennij mir travmy: arhetipicheskie zashchity lichnostnogo duha [The inner world of trauma: archetypal defenses of the personal spirit]. M.: Akademicheskij Proekt, 365 p. [in Russian]
- [Kapustin, 1968](#) – *Kapustin, S.Ya.* (1968). O Chokane Valihanove [About Chokan Valikhanov]. Ch.Ch. Valihanov. Sobranie sochinenij v 5 t. P. IV. Alma-Ata: Izd-vo «Nauka» Kazahskoj SSR. Pp. 303-307. [in Russian]
- [Kozybaev, 1998](#) – *Kozybaev, M.K.* (1998). Istorija Rossii est' istoriya strany, kotoraya kolonizuet'sya [The history of Russia is the history of a country that is being colonized]. *Stolichnoe obozrenie*. 2.05. [in Russian]
- [Lor, 2012](#) – *Lor, E.* (2012). Russkij nacionalizm i Rossijskaya imperiya [Russian Nationalism and the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 304 p. [in Russian]
- [Malahov, 2023](#) – *Malahov, V.* (2023). Politika razlichij. Kul'turnyj plyuralizm i identichnost' [The politics of difference: cultural pluralism and identity]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 288 p. [in Russian]
- [Potanin, 1904](#) – *Potanin, G.N.* (1904). Biograficheskie svedeniya o Ch. Valihanove [Biographical information about Chokan Valikhanov]. Sochineniya Chokana Chingizovicha Valihanova. SPb: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. Pp. IV-XXXIV. [in Russian]
- [Prohorov, 2021](#) – *Prohorov, I.* (2021). Maloizvestny, no dostojny vnimaniya [Little known, but worth attention]. *Kazahstanskaya pravda*. 20 avgusta. Pp. 4-6. [in Russian]
- [Rekhtman, Fassen, 2019](#) – *Rekhtman, R., Fassen, D.* (2019). Moral'naya ekonomika travmy [Moral economics of trauma]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 5(127): 33-46. [in Russian]
- [Remnyov, 2007](#) – *Remnev, A.V.* (2007). 300-letie prisoedineniya Sibiri k Rossii: v ozhidanii "novogo istoricheskogo perioda" [300th anniversary of Siberia's annexation to Russia: in anticipation of a "new historical period"]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. 1: 34-50. [in Russian]
- [Sanderland, 2005](#) – *Sanderland, V.* (2005). Russkie prevrashchayutsya v yakutov? «Obynorodchivanie» i problemy russkoj nacional'noj identichnosti na Severe Sibiri, 1870–1914 [Are Russians turning into Yakuts? "Common Rooting" and problems of Russian national identity in Northern Siberia, 1870–1914]. Rossijskaya imperiya v zarubezhnoj istoriografii. Raboty poslednih let. Antologiya. M.: Novoe izdatel'stvo. Pp. 198-203. [in Russian]
- [Sartori, Shablei, 2019](#) – *Sartori, P., Shablei, P.* (2019). Eksperimenty imperii. Adat, shariat i proizvodstvo znanii v kazahskoj stepi [Experiments of Empire. Adat, sharia and knowledge production in the Kazakh Steppe]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 280 p. [in Russian]
- [Ternova, Isetov, 1998](#) – *Ternova, I.K., Isetov, R.K.* (1998). Zhizn', ozarennaya bor'boj. Posvyashchena 125-letiyu so dnya rozhdeniya Ahmeta Bajtursynova [Life illuminated by struggle. Dedicated to the 125th anniversary of Akhmet Baitursynov's birth]. Kostanaj: Kostanajskij pechatnyj dvor, 75 p. [in Russian]
- [Tokmurzayev et al., 2025](#) – *Tokmurzayev, B.S., Churkin, M.K., Zhangaliev, U.K., Mamraimov, S.D.* (2025). "Own Foreigners" in the Imperial Project of Colonial Mediation in the Eastern Suburbs of Russia in the mid XIX – early XX centuries. *Bylye gody*. 20(2): 780-790.
- [Tol'ts, 2013](#) – *Tol'ts, V.* (2013). «Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period ["Russia's own East": Identity politics and orientalism in the late imperial period]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 336 p. [in Russian]
- [TsGA RK](#) – Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].

Ushakin, 2009 – Ushakin, S. (2009). «Nam etoj bol'yu dyshat'»? O travme, pamyati i soobshchestvah [“Should We Breathe This Pain?” On Trauma, Memory, and Communities]. *Traumopunkt: sb. statej.* Sost. S. Ushakin i E. Trubina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 5-45. [in Russian]

Vert, 2012 – Vert, P. (2012). Pravoslavie, inoslavie, inoverie. Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossijskoj imperii [Orthodoxy, non-Orthodoxy, non-belief. Essays on the History of Religious Diversity in the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 280 p. [in Russian]

Yadrincev, 1904 – Yadrincev, N.M. (1904). Biograficheskie svedeniya o Ch. Valihanove [Biographical information about Ch. Valikhanov]. Sochineniya Chokana Chingizovicha Valihanova. SPb: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. Pp. XXXV-XXXIX. [in Russian]

Zhanbosinova, 2020 – Zhanbosinova, A.S. (2020). Istoricheskaya pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojne v prostranstve Kazakhstana [Historical memory of the Great Patriotic War on the territory of Kazakhstan]. *Istoricheskij kur'er*. 1: 133-144. [in Russian]

Колониальное посредничество как «травма»: лидеры казахской интеллигенции на службе Российской империи во второй половине XIX – начала XX в.

Бибихадиша Журсиновна Абжаппарова ^{a, *}, Бакыт Салманович Токмурзаев ^b,
Зибагул Сулейменовна Ильясова ^a, Серикбай Даулатұлы Мамраймов ^c

^a Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^b Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

^c Южно-Казахстанский педагогический университет им. Узбекали Жанибекова, Шымкент, Республика Казахстан

Аннотация. В статье, на материалах личных текстов лидеров казахской интеллигенции и их социокультурного окружения, обосновывается влияние травматического опыта сообщества на включённость в выполнение функций колониальных посредников на восточных окраинах империи во второй половине XIX – начале XX в. Выбор хронологических рамок исследования обусловлен актуализацией задач империостроительства на восточной периферии России, перемещением вектора колонизации от Западной и Восточной Сибири к Степному краю – региону, в котором автохтонное население являлось численно преобладающим. Потребность социальной и культурной инкорпорации автохтонных народов, прежде всего казахов, ведущих кочевой образ жизни, инициировала практики мобилизации местных элит, активно вовлекаемых в различные сферы жизни региона. Позиция имперской власти состояла в русификации и ассимиляции потомков титулованных аристократических родов, продемонстрировавших политическую лояльность, и использовании этой группы для решения текущих задач преодоления культурных различий между русским и инородческим населением.

В процессе исследования установлено, что стремление имперской власти к русификации и ассимиляции этнических элит, с наделением их функциями колониальных посредников, было направлено на создание модели инкорпорации инородцев в российский социум. Вместе с тем представители титулованной национальной аристократии принимали идентичность нового социального и этнического окружения фрагментарно, сохраняя при этом прочные отношения со своими соплеменниками. Личное и профессиональное формирование будущих лидеров казахской интеллигенции реализовывалось в контексте широкой популярности идей эпохи Просвещения. Вера в идеалы прогресса, эволюционного развития общества, «взросления» отсталых народов и значимость «цивилизаторства» в отношении таковых ставила образованную по европейским стандартам казахскую интеллигенцию в изначально дискриминационную ситуацию социальных, правовых и культурных ограничений. Опыт травмы, приобретаемый казахами-интеллектуалами на всех этапах их биографий, значительно видоизменял их представления о масштабе и значимости посреднических задач на службе Российской империи, способствовал формированию кризиса идентичности, что выражалось в формулировании особых стратегий и практик адаптации к новым жизненным обстоятельствам. В конце XIX – начале XX в. многие лидеры казахской интеллигенции были вынуждены отказаться от продолжения военной или административной карьеры, переходя к общественно-политической деятельности, что сопровождалось взаимодействием с представителями либеральных и реформаторских кругов, тем самым значительно удаляло их от сферы посреднических задач, исходивших от имперской власти.

Ключевые слова: колониальное посредничество, «травма», лидеры казахской интеллигенции, инородцы, дискурс, восточные окраины, Степной край, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

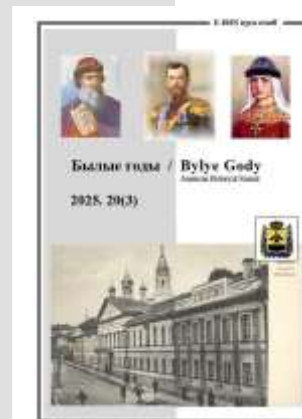
Адреса электронной почты: hadisha_1960@mail.ru (Б.Ж. Абжаппарова),
b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев), zita.o8@mail.ru (З.С. Ильясова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1288-1296
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1288

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Historical Geography of the Syr Darya Region in Russian Sources of the mid-19th century

Zhuldyz M. Tulibayeva ^{a, *}, Temur E. Tulibayev ^a

^a Eurasian Research Institute at Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This research is dedicated to studying data from Russian sources of the 40s – 50s of the 19th century on the historical geography of the Syr Darya region of Kazakhstan, which played an important role in the establishment and development of regular trade relations between the Russian Empire and Central Asia. The main caravan routes leading to Orenburg, Troitsk, and the Orsk fortress led through the Syr Darya valley. The article's authors researched scientific reports, reports, dispatches, and memos of officials of the Russian Empire, particularly those who served in the Orenburg Border Commission. The official documents of the mid-19th century emphasized the physical and socio-economic geography of the Syr Darya lands. From them, one can get detailed information about water and land resources, the peculiarities of natural and climatic conditions, and the flora and fauna of this region. Russian researchers provide names of large and small settlements, with descriptions of their locations, as well as indications of communication and caravan routes. Scientific works and service reports provide valuable material that significantly expands our understanding of the economic structure and various types of activities of the local population, leading sedentary and nomadic lifestyle. Individual texts of archival documents have been published, but a significant portion of them still needs to be thoroughly researched and introduced into scientific discourse. The identified factual material once again shows that information from Russian sources is of primary importance for researching the historical geography of Central Asia in the modern period.

Keywords: Russian Empire, Syr Darya region, Russian sources of the mid-19th century, archival documents, historical geography.

1. Введение

На протяжении многих столетий в прибрежной полосе Сырдарьи были сосредоточены города, являвшиеся центрами региональной и международной торговли. Переправы на Сырдарье играли важную роль в меновой торговле между русскими, кокандскими, хивинскими и бухарскими купцами. Охраной и перевозкой грузов через реку занимались казахи, обитавшие в окрестных территориях у переправы на Сырдарье. К середине XIX в. долина Сырдарьи становится важной частью южных пределов новых территорий Российской империи. Экономические и политические интересы Российской империи способствовали научному изучению Присырдарьинского региона.

Наиболее ценная и оригинальная информация о регионе была собрана чиновниками и исследователями, которые находились на службе в Оренбургском крае, в частности, в Оренбургской пограничной комиссии. Начиная с 40-х гг. XIX в., был собран обширный материал по истории и географии Присырдарьинского региона. Особый интерес представляют рапорты, донесения, служебные отчёты и записки, которые содержат многочисленные географические сведения о присырдарьинских территориях. Однако до настоящего времени географический материал из отдельных трудов и архивных документов все ещё остаётся неизвестным широкому кругу

* Corresponding author

E-mail addresses: tulibay@gmail.com (Zh.M. Tulibayeva)

исследователей. В этой связи изучение русских источников середины XIX в., в которых освещена историческая география Присырдарьинского региона, приобретает особое значение. Эти официальные документы и исследования являются первоисточниками в изучении природно-климатических условий, земельно-водных ресурсов, населённых пунктов, международных торговых путей и исторической топонимии региона.

2. Материалы и методы

Основными источниками для проведения исследования и выявления материала по исторической географии Присырдарьинского региона стали опубликованные труды русских исследователей и служебные документы чиновников Российской империи середины XIX в. Архивный материал представлен документами российских чиновников, хранящимися в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) (Москва, Российская Федерация), Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) (Оренбург, Российская Федерация), Центральном государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК) (Алматы, Республика Казахстан). Из фондов Российского государственного военно-исторического архива отметим фонд «Отдельный Оренбургский корпус» (РГВИА. Ф. 1441). Из фондов Государственного архива Оренбургской области выделим фонд «Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора» (ГАОО. Ф. 6).

Особого внимания заслуживают материалы фондов, хранящихся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан. Среди архивных дел из фонда «Оренбургской пограничной комиссии» («Областного правления Оренбургскими киргизами») выделим служебные записки и рапорты чиновников Оренбургскому и Самарскому генерал-губернаторам: В.А. Перовскому от 1853 г. и 1856 г., А.А. Катенину от 1857 г. (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3628. Д. 3701). Среди архивных дел из фонда «Управление командующего Сырдарьинской линией» отметим служебные записки, донесения чиновников начальникам войск левого фланга Сырдарьинской линии генерал-майору М.В. Огареву, генерал-майору барону А.М. Фитингофу от 1854 г. (ЦГА РК. Ф. И-382. Оп. 1. Д. 1).

Опубликованные источники представлены трудами русских исследователей Нового времени, посвящёнными изучению водных ресурсов региона. Среди подобных трудов следует выделить работы Н.А. Ивашинцова (Ивашинцов, 1854), А.И. Бутакова (Бутаков, 1857), А.Н. Плещеева (Плещеев, 1908). Комплекс использованных опубликованных и архивных источников позволил выявить подробные сведения по исторической географии Присырдарьинского региона середины XIX в., а также оценить существенный вклад русских исследователей в изучение данного региона.

Проведённое исследование базируется на научно-теоретических подходах, используемых для изучения письменных источников. Среди применённых специально-научных и общенаучных методов следует выделить методы критического отбора и систематизации выявленного материала. Обобщающий и сравнительный методы исследования были использованы при анализе данных научной литературы по теме нашего исследования.

Историко-географический подход и историко-хронологический анализ были использованы для выявления и изучения географических сведений из трудов и официальных документов. Большое внимание было уделено сообщениям русских исследователей и чиновников о населённых пунктах Присырдарьинского региона, с указанием его географических объектов.

3. Обсуждение

История и география Центральной Азии Нового времени достаточно плодотворно изучалась российскими исследователями XIX в. (Лунин, 1958; Лунин, 1965; История Казахстана..., 2006). В частности, исследования и труды А.И. Левшина (1799–1879), В.В. Григорьева (1816–1881) и В.В. Вельяминова-Зернова (1830–1904), А.И. Макшеева (1822–1892) не утратили своего научного значения и в наше время (Левшин, 1832; Вельяминов-Зернов, 1864; Веселовский, 1887; Макшеев, 1896).

В 50-х гг. XIX в. журнал «Морской сборник» опубликовал две интересные работы Н.А. Ивашинцова (Ивашинцов, 1854: 228–261) и А.И. Бутакова (Бутаков, 1857: 107–122), посвящённые описанию реки Сырдарьи. Как утверждает Н.А. Ивашинцов, до 1847 г. долина реки Сырдарьи была известна лишь по отрывочным сообщениям русских путешественников в Хиву и Бухару (Ивашинцов, 1854: 237).

В 1955 г. в Ташкенте были изданы библиографические материалы к истории изучения Средней Азии. В первой части книги представлен обзор русских путешествий и экспедиций с указанием их маршрутов и результатов исследований за период с 1715 по 1856 г. (Маслова, 1955). В 1956 г. была издана вторая часть обзора, включающая период с 1856 по 1869 г. (Маслова, 1956). Среди собранного материала особо отметим обзор экспедиции А.Н. Северцова в 1857 г. в Арало-Каспийскую низменность (Маслова, 1956: 23–28, 49–54) и последующие публикации исследователей (Северцов, 1873: 1–8).

В 1964 г. и 2016 г. были опубликованы тексты официальных документов из архивных фондов России и Казахстана. В эти сборники составителями были включены служебные документы, в которых содержатся данные по истории Присырдарьинского региона середины XIX в. (Казахско-русские..., 1964; О слухах и событиях, 2016). Как мы уже отмечали, в последние годы проявляется повышенный интерес у

казахстанских историков к изучению исторической географии Центральной Азии (Тулибаева, Тулибаев, 2024). В процессе исследования региона в научный оборот вводились разные письменные источники. К примеру, изучались восточные рукописные сочинения и их сведения по исторической географии центральноазиатского региона Нового времени (Тулибаева, 2024).

Богатый фактический материал официальных документов и сочинений, выпавших из-под пера российских чиновников, учёных и путешественников, до сегодняшнего дня привлекает внимание исследователей. Однако, несмотря на наличие в них многочисленных историко-географических данных о Присырдарьинском регионе середины XIX в., эти сведения не были объектом специального исследования.

4. Результаты

Для изучения исторической географии Присырдарьинского региона особый интерес представляют сообщения российских чиновников и исследователей, где указаны названия городов, крепостей, военных укреплений, расстояния между населёнными пунктами, а также их описание. В служебных записках чиновников содержатся названия следующих крепостей: Ак-Мечеть (современное название г. Кызылорда), Аулие-Ата (современное название г. Тараз), Джанкала (Джанакала, Джан-Калы), Джулек (Джолек), Кумышкурман (Кумыш-Курман), Нурата-Аулие, Сузак, Чардара, Чимкурман (Чим-Курман), Узгенд, Ходжанияз (Ходжа-Нияз), Яныкурман (Джанга-Курман, Янгикурман). Особое внимание исследователи и чиновники обращают на описание крепостей и укреплений, расположенных вдоль реки Сырдарьи и её протоков. Среди которых выделим их сообщения о крепостях Ак-Мечеть и Ходжанияз, с указанием имён комендантов, назначенных туда в разное время.

Определённый интерес представляют сведения по описанию устройства крепости Ак-Мечеть. Со всех сторон крепость была окружена тремя рядами прочных стен. Пространство между стенами было наполнено песком до высоты уровня каждой стены. Такая защита сооружалась для того, чтобы ядра орудий противника, разрушив первую наружную стену, не могли бы достать вторую (О слухах и событиях..., 2016: 15; Грен, 1861: 325-330).

В русских источниках приводится описание крепости Ходжанияз и её окрестностей. Личный состав гарнизона крепости достигал 100 человек. В документах сообщается, что четырехугольная с высокими стенами крепость Ходжанияз была расположена на возвышенности, и что внутри крепости нет жилых строений (О слухах и событиях..., 2016: 23). Крепость расположена на левом берегу Кувандарьи среди болот и солончака, с редкими песчаными буграми, на которых растёт саксаул. По замечаниям исследователей, высота саксаула достигает 2 или 3 сажени¹, его диаметр равен 8 или 10 дюймам (Бутаков, 1857: 108).

Крепость Узгенд находилась за крепостью Яныкурман на противоположной стороне реки Сырдарьи (ЦГА РК. Ф. И-382. Оп. 1. Д. 1. Л. 77).

Старое укрепление Кулики находилось на левом берегу Кувандарьи, на том же берегу в 15 верстах² располагалась крепость Кумышкурман (Бутаков, 1857: 110; Грен, 1861: 315). Крепость являлась ближайшим военным укреплением к Ак-Мечети, гарнизон которого состоял из 50 человек. От Кумышкурмана до крепости Ходжанияз было не более 70-и вёрст.

Крепость Джанкала была построена недалеко от урочища Казалы. У подножья горы Букантау находилась крепость Нурата-Аулие, отсюда дорога до города Туркестан занимала шесть дней тихой езды. Крепость Чардара располагалась напротив Ташкента, возле р. Сырдарьи (ЦГА РК. Ф. И-382. Оп. 1. Д. 1. Л. 107, 149; Ивашинцов, 1854: 238).

Укрепление Раим построено на плоской террасе горы, вблизи полуострова Раим, у которого по обеим сторонам расположены озёра Раим и Желангач. Сырдарья протекала в 14 верстах от этого укрепления (Ивашинцов, 1854: 236).

На расстоянии одной версты от южной стороны острова Кошкурман на берегу Ямандарьи находилось военное укрепление с тем же названием. Высота стен укрепления достигала от 24 до 25 сажени. Вокруг стен был вырыт ров, заполненный водой (Ивашинцов, 1854: 241). На правом берегу Ямандарьи находилась крепость Чимкурман (Ивашинцов, 1854: 243).

Детальный анализ данных архивных документов помогает уточнить маршруты используемых дорог, ведущих от Ак-Мечети к другим городам и крепостям региона. В частности, один путь пролегал до горы Улутау и далее на Караджар. Одна из караванных дорог вела в сторону городов Ташкент и Бухара (ЦГА РК. Ф. И-382. Оп. 1. Д. 1. Л. 56). Как свидетельствуют сообщения чиновников, дорога от крепости Ак-Мечети до города Ташкента занимала в октябре месяце 1854 г. шестнадцать дней в пути (ЦГА РК. Ф. И-382. Оп. 1. Д. 1. Л. 124).

¹ В XIX в. согласно русской системе мер длины 1 сажень равнялся 7 футам или 213,36 см (Шостьин, 1975: 256).

² В XIX в. согласно русской системе мер длины 1 верста равнялась 500 саженим или 1066,80 м (Шостьин, 1975: 256).

При описании дороги, ведущей от крепости Ак-Мечеть в город Туркестан, исследователи отмечают её особенности. Расстояние от Ак-Мечети до Туркестана около 150 вёрст. Время в пути от указанной крепости до города занимало в 1854 г. в декабре месяце до четырёх или пяти дней, или до шести дней в июле (ЦГА РК. Ф. И-382. Оп. 1. Д. 1. Л. 77-78, 145, 149, 157). По утверждению исследователей, возле данной дороги встречаются колодцы с водой, а также имеются природные источники, вытекающие с гор. В марте 1856 г. путники смогли за четыре дня преодолеть дорогу, ведущую из крепости Ак-Мечети в город Туркестан и крепость Яныкурган. В архивных документах упоминается дорога от крепости Джулек к Туркестану (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3701. Л. 72, 74; Д. 5594. Л. 417-418; Ф. И-383. Оп. 1. Д. 217. Л. 7; О слухах и событиях..., 2016: 67).

Расстояние от крепости Ходжанияз до крепости Ак-Мечеть было равно 125 верстам, до Кумышкургона (форт № 3) было 85 вёрст, до Кармакчи (форт № 2) – примерно от 73 до 120 вёрст (Бутаков, 1857: 110; О слухах и событиях..., 2016: 203-204, 206).

В служебных отчётах чиновников и исследователей имеются сообщения о караванной дороге в город Троицк, пролегающей вдоль реки Сырдарьи (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 204-205; О слухах и событиях..., 2016: 76; Ивашинцов, 1854: 229).

Следующая группа ценных известий о регионе касается водных ресурсов. В русских источниках середины XIX в. содержится важный материал о реке Сырдарье и её водотоках. Согласно сообщениям исследователей, Сырдарью можно условно разделить на две части: верхнюю и нижнюю. Верхняя часть русла реки начиналась от соединения двух рек Нарыма и Гулишана и заканчивалась выше крепости Ак-Мечеть, далее течение Сырдарьи от крепости до Аральского моря относилось к нижней части. В верхней части Сырдарья была полноводной, в неё впадали несколько рек, но в нижней – наоборот, русло реки само разделялось на несколько протоков, и она становилась маловодной (Ивашинцов, 1854: 245).

По словам А.И. Бутакова, впервые посетившего Присырдарьинский регион в 1845 г. и в течение восьми лет исследовавшего Сырдарью, ширина реки в зависимости от местности составляла от 100 до 200 саженей, а глубина могла достигать 2 – 3 саженей. Как отмечают исследователи (А.И. Бутаков и А.Н. Грен), отдельные берега Сырдарьи невысокие, почва солонцевато-глинистая, по берегам густо росли саксаул, джидра (лох узколиственный), джангыл (тамариск), туранга (тополь сизый), колючки, тальник (Бутаков, 1857: 107; Грен, 1861: 320; Анненков 1878: 131, 268, 348).

Исследуя особенности климата и рельефа Присырдарьинского региона, исследователи приводят немало ценных фактов о весенних наводнениях. По свидетельству местных жителей, нередко в марте месяце из-за сильных дождей в южных горных окрестностях региона вода в Сырдарье начинает прибывать и разливается. В 1854 г. в конце марта произошло одно из самых сильных разливов Сырдарьи за последние десять лет. Зачастую в апреле месяце таяние снега на вершинах гор Алатау и Каратау вызывает повторные разливы на Сырдарье (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6837. Л. 24; О слухах и событиях..., 2016: 80-81).

Особое внимание в сообщениях исследователей уделено протокам реки Сырдарьи: Кувандарья, Яныдарья и Бир-Казан. Среди местных жителей река Кувандарья также была известна под названием Чиргайли (Чиргали). Узкое русло Кувандарьи, которое протекало в 15-и верстах от крепости Ходжанияз, часто местами кое-где пересыхало. В разных местах почва по берегам реки и её протоков отличается по составу: она песчано-глинистая или солонцеватая, песчаная. Дно рек в основном илистое либо песчаное (Бутаков, 1857: 112).

В архивных документах сообщается о заброшенных и уже заросших камышами малых каналах, когда-то прорытых местными жителями для отвода воды из Кувандарьи. Реку Батпак-Уткуль, проток Кувандарьи, обычно пересекают вброд, но во время половодья она становится глубокой и достигает девяти саженей в ширину. Вызывает интерес сообщение о каменном мосте через реку Батпак-Уткуль, построенном местным населением (О слухах и событиях..., 2016: 203-204).

В 30 верстах выше крепости Ак-Мечети от Сырдарьи вправо вытекает проток Бирказан. Во время весеннего разлива Сырдарьи проток затоплял окрестности крепости, расположенные в низине. В 11 верстах ниже крепости Ак-Мечети от Сырдарьи влево вытекает проток Яныдарья. Ширина протока в разных местах составляла от 40 до 80 саженей, а глубина достигала от 7 до 14 футов. Далее Яныдарья, протекая в 25 верстах от крепости Ходжанияз, теряется в песках Кызылкума (Бутаков, 1857: 108, 111).

Весьма ценны известия о речных переправах, используемых в регионе. Например, переправы Уч-Урга и Майлибат через реку Сырдарья. Как отмечает И.Я. Осмоловский, в ноябре месяце часто дуют сильные северо-восточные и восточные ветры, которые разгоняют огромные льдины на Сырдарье, и тогда нет возможности переправиться (О слухах и событиях..., 2016: 41). Согласно сообщениям исследователей, главная караванная переправа находилась в местности Казалы. Исследователь А.И. Бутаков перечисляет товары, переправляемые русскими и бухарскими купцами. В Оренбург, Орскую крепость и Троицк отправлялись в основном такие товары, как хлопчатка, марена, халаты, ковры, одеяла, а также ежегодно от 12 до 15 тысяч верблюдов. Российские товары состояли из железных и чугунных изделий, кожи и сукна (Бутаков, 1857: 108, 115; Ивашинцов, 1854: 229, 238).

Как пишет Н.А. Ивашинцов, Сырдарья соединяется с озером Камышлыбаш (Камыслыбас), вода в котором солёная и непригодна для питья. По словам местных жителей, озеро постепенно мелеет и высыхает. Берега Сырдарьи между полуостровом Раим и урочищем Казалы низменны, болотисты и почти сплошь заросли камышами. Однако исследователь замечает, что местами ещё видны следы оставленных полей и прорытых каналов (Ивашинцов, 1854: 236-237). По рассказам автора, горы Кивок больше напоминают холмы, которые местами упираются в реку, образуя вертикальные обрывы, и совершенно лишены растительности. Горы в урочище Хорхут (Коркыт) местами имеют ярко-малиновый цвет (Ивашинцов, 1854: 239-240).

Исследователи уделяли особое внимание изучению климата в отдельных районах региона (Грен, 1861: 318). В июне, из-за сильной жары и появления большого количества слепней и оводов, страдают все животные, но в особенности верблюды. В летний период во время жары стоячая вода в каналах становилась причиной возникновения многочисленных болезней (ЦГА РК. Ф. И-383. Оп. 1. Д. 14. Л. 74). По мнению А.И. Бутакова, в регионе круглый год постоянно дуют ветры, которые полезны в летнюю жару, так как разгоняют вредные испарения, исходящие от камышовых зарослей (Бутаков, 1857: 119).

В сообщениях русских исследователей содержатся многочисленные сведения по вопросам взаимодействия оседлого, кочевого и полукочевого населения Присырдарьинского региона. В служебных записках российских чиновников приводятся важные данные о местоположении кочевий, принадлежащих казахам, с указанием расстояний их расположения от крупных и малых населенных пунктов, военных укреплений, озёр, рек и переправ. Необходимо подчеркнуть, что исследователи указывают не только достаточно точное местоположение их территории, но также родоплеменной состав и имена их предводителей. К таким сведениям можно отнести доклады чиновников о казахам, обитавших на территории между городом Туркестаном и крепостью Яны-Курганом, подчинявшихся Тоба-Кабыл-бию, представителю родовой знати (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 211; О слухах и событиях..., 2016: 70).

Племена казахов, как отмечает Н.А. Ивашинцов, кочуют по территории среднего и нижнего течения Сырдарьи (Ивашинцов, 1854: 229). Пристальное изучение содержания архивных документов позволяет выявить маршруты и периоды перекочёвки отдельных родоплеменных групп кочевого населения региона, месторасположение зимовок и летних пастбищ. Согласно выявленным сведениям, в окрестностях крепости Ак-Мечети находились зимовья кочевников (ЦГА РК. Ф. И-382. Оп. 1. Д. 1. Л. 124; Грен, 1861: 318), летние пастбища которых располагались в северных районах Казахской степи (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3701. Л. 52).

Как известно, местные жители региона занимались хлебопашеством и разбивали сады вокруг городов, крепостей и военных укреплений, включая прилегающие к ним окрестности. В донесениях чиновников приводятся ценные сведения о земледельческой деятельности населения, проживавшего в окрестностях крепостей Ак-Мечети, Ходжанияз и других. В окрестностях крепости Ходжанияз местные жители сеяли просо, ячмень и пшеницу. Они также выращивали джунурчку (горошек мышиный) – луговую траву, необходимую для прокорма домашнего скота (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 76. Л. 58-61; О слухах и событиях, 2016: 203-208; Анненков 1878: 379).

По рассказам А.И. Бутакова в окрестностях Ак-Мечети на обоих берегах Сырдарьи располагались пашни казахов, засеянные преимущественно просом и ячменём, с проведёнными небольшими каналами для их орошения. Среди разнообразия бахчевых культур исследователь отмечает арбузы и дыни необычайно больших размеров (Бутаков, 1857: 108).

На основе многочисленных сообщений исследователей региона можно установить, какие виды растений имелись в изучаемый период. К примеру, в окрестностях крепости Ходжанияз в основном росли такие виды деревьев, как джида, тал и пирамидальные тополя. Возле крепости была построена мельница и разбит сад. В этом саду были посажены плодовые деревья. Деревья джиды в высоту достигали от 2-х до 3-х саженей, а диаметр ствола – 7 дюймов (Бутаков, 1857: 107; О слухах и событиях..., 2016: 294).

В русских источниках содержатся сведения о казахам, проживавших в окрестностях Аральского укрепления и занимавшихся земледелием (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 288). К примеру, представителю родовой знати Байбури-бию подчинялись казахские аулы, обитавшие вблизи крепости Джулека. Эти аулы отказались покинуть свои засеянные пашни и перекочевать на новые места (ЦГА РК. Ф. И-382. Оп. 1. Д. 1. Л. 83). Население, обитавшее в окрестностях крепостей, расположенных по обоим берегам реки Сырдарьи, косило камыш и траву для прокорма скота. Камыш использовался для строительства плотины и запруды на реках. По замечанию исследователей, урожай посевов во многом зависел от состояния и уровня воды в реке Сырдарье.

В служебных записках чиновников сообщаются сведения о старых и новых построенных плотинах на реках Сырдарья и Яныдарья. В документах особенно подробно излагается история строительства местными жителями плотины Карабугут на Яныдарье. Старая плотина находилась на расстоянии не более двух вёрст от устья этой реки. При постройке плотины были учтены особенности дна реки. Дно устья Яныдарьи было песчаным, а в других местах оно более илистое и связывающего свойства. Исследователи отмечают, что в том месте, где была построена плотина, дно реки находилось на возвышении по сравнению с другими местами (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6837. Л. 17-18;

О слухах и событиях..., 2016: 29). Как А.Н. Грен пишет, главные строительные материалы региона – это глина, песок, камыш и местами кустарник (Грен, 1861: 322).

В 1853 г., по данным архивных документов, протяжённость плотины Карабутут от одного до другого берега Яныдарья была равна 18-ти саженим. Ширина плотины составляла шесть сажени и два аршина, высота – две сажени и два аршина. Местными жителями дополнительно была построена особая преграда, сделанная из камыша для защиты плотины от льдин. Данная преграда возвышалась над поверхностью воды на один аршин и на два с половиной аршина была выдвинута вперёд. Однако впоследствии, прошедший сильнейший ураган полностью разрушил эту плотину на реке Яныдарья (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 121; О слухах и событиях..., 2016: 35-36).

В архивных документах приводятся данные о плотах, построенных казахами для переправы, которые были весьма просты в устройстве и использовании. Для постройки плота казахи использовали девять кожаных бурдюков, надутых воздухом и привязанных один кожаный мешок к другому. Затем на них клали прочные деревянные решётки. С помощью вёсел или протянутого через реку каната перевозили грузы. Такой плот может перевезти груз весом более 16 пудов (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 294).

Следует также отметить, что при описании определённой местности исследователи указывают её название и делают отдельные пояснения. Например, название урочища Кармакчи связано с названием могилы святого, расположенной возле реки Караузяк. Местное население переправу через Караузяк также именует Кармакчи (Ивашинцов, 1854: 240; О слухах и событиях..., 2016: 22). По утверждению А.И. Бутакова, остров Кошкурман, омываемый двумя протоками Сырдарьи, имеет длину в 111 вёрст. Северный проток местные жители называют Караузяк, а южный – Ямандарья. В западной стороне острова Кошкурмана, напротив Кармакчи, протоки Караузяк и Ямандарья сливаются в одно русло протоком Киткан-су. Как пишет исследователь, глубина Караузяка составляет от четырёх до шести сажени, а в ширину – от 40 до 60 сажени. Ширина протока Киткан-су была равна от трёх до пяти сажени (Бутаков, 1857: 109, 111; Ивашинцов, 1854: 241). Названия некоторых крепостей, местностей, урочищ, плотин, мостов, переправ дают основание утверждать, что эти наименования непосредственно связаны с находящимися поблизости природными объектами. В частности, топоним Кошкурман обозначает остров и крепость, под топонимом Раим известны полуостров, урочище и крепость. Наименования плотин, переправ и мостов в основном отражают названия водных объектов.

Документальные и нарративные русские источники середины XIX в. предоставляют нам богатый фактический материал для изучения исторической топонимии Присырдарьинского региона. В рапортах и служебных отчётах, путевых заметках и научных исследованиях тех времён встречаются многочисленные названия различных природных объектов. Перечислим некоторые исторические топонимы, встречающиеся в этих источниках:

1) озера: Айгерик, Акча-куль, Арыс-Туз, Бабыстын, Джелангач (Джалангач), Иркутль (Ир-Куль), Камышлыбаш (Камыслыбас), Кара-Куль, Кукча-Тенгиз (Кокшетениз), Куль-Туз, Раим (Бларамберг, 1848: 58-59; Ивашинцов, 1854: 236, 245; Бутаков, 1857: 111, 114; Мейер, 1861: 145; Северцов, 1873: 5; О слухах и событиях..., 2016: 737);

2) реки и протоки: Сырдарья (Сыр, Сыр-Дарья, Дарья), Батпак-Уткуль, Берказан (Бер-Казан, Бирказан), Караузяк (Кара-Узяк), Киткансу (Киткан-Узяк), Кувандарья (Куван-Дарья, Куван, Чиргайли), Хан-Узюк, Ямандарья (Яман-Дарья, Джмандарья), Яныдарья (Джаныдарья) (Бутаков, 1857: 107-121; Северцов, 1873: 5; О слухах и событиях..., 2016: 731, 739, 741, 749);

3) горы и возвышенности: Алатау (Ала-тау), Биш-Мазар, Каратау (Кара-тау), Кара-Тюбе, Кивок, Кубас (Ивашинцов, 1854: 239; Макшеев, 1856: 459; Мейер, 1861: 145; О слухах и событиях, 2016: 728, 739);

4) урочища: Актыджар (Акты-Джар), Арык-Балык, Ак-Мечеть, Аксуат, Бок-Тулен, Ильчибай, Казалы, Кайнар-Булак, Каратугай (Кара-Тугай), Кинтют, Кош-Курман, Кумсуат (Кум-Суат), Кубектугай (Кубек-Тугай), Майлибаш (Майлыбаш), Меде, Муртук, Раим, Сабалак, Тастыджар (Тасты-Джар), Уч-Урга (Уч-Ург), Хорхут (Коркыт), Чирак (Бларамберг, 1848: 58-59; Бутаков, 1857: 107, 112-114; Ивашинцов, 1854: 237-239, 243, 245; Макшеев, 1856: 459; Мейер, 1861: 144; Мейер, 1865: 55, 275; О слухах и событиях..., 2016: 743, 755);

5) долины: Айгерик (Ак-Ирек), Иске-Дарьялык, Камышлы-Баш (Бутаков, 1857: 116; Мейер, 1865: 31,32; О слухах и событиях..., 2016: 728);

6) острова: Кос-Арал, Кошкурман (Кош-Курман), Кукуш (Бутаков, 1857: 109, 111, 116; Ивашинцов, 1854: 241; Северцов, 1873: 6);

7) полуострова: Раим, Узун-Кайрян-Тумсук (Ивашинцов, 1854: 236);

8) пески: Аир-Чакты, Кара-Кумы, Кызыл-Кумы (Ивашинцов, 1854: 233; Макшеев, 1856: 449; Бутаков, 1857: 111).

5. Заключение

Русские источники середины XIX в. содержат наиболее ценные и подробные историко-географические сведения о присырдарьинских землях Казахстана, в которых приводятся многочисленные данные по социально-экономической и физической географии данного региона.

На основе личных наблюдений и собранного материала русским исследователям тех времён удалось раскрыть особенности природы, климата, водных ресурсов и их влияние на хозяйственную деятельность местного населения. Авторы большое внимание уделяли описанию реки Сырдарьи и её водотоков, торговым путям, месторасположению переправ и мостов, населённых пунктов, упоминали о строительстве плотин, способах перевозки грузов с одного берега на другой.

Фактический материал официальных документов и сочинений российских чиновников, учёных и путешественников представляет собой уникальную базу сведений для определения исторических макротопонимов и микротопонимов, использовавшихся в Присырдарьинском регионе в середине XIX в.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках научной программы «Историческая география Центральной Азии», финансируемой Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № BR21882416).

Литература

- Анненков, 1878** – Анненков Н.И. Ботанический словарь. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1878. 646 с.
- Бларамберг, 1848** – Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды, Оренбургского ведомства. СПб.: в типографии Департамента Генерального Штаба, 1848. 196 с.
- Бутаков, 1857** – Бутаков А.И. Краткое описание реки Сыр-Дарьи от форта Перовский до устья // *Морской сборник*. СПб., 1857. XXVIII, №3, С. 107-122.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Вельяминов-Зернов, 1864** – Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о касимовских царях и царевичах. В 4 томах. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1863–1887.
- Веселовский, 1887** – Веселовский Н.И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. СПб.: Типография и Хромолитография А. Траншеля, 1887. 384 с.
- Грен, 1861** – Грен А.Н. Заметки об укреплениях в Оренбургском крае вообще и на Сыр-Дарьинской линии в особенности // *Инженерный журнал*. СПб., 1861. № 4, 5. С. 312-333, 433-465.
- Ивашиных, 1854** – Ивашиных Н.А. Очерки низовьев Сыр-Дарьи и приаральской степи // *Морской сборник*. СПб., 1854. Т. XIII, №11. С. 228-261.
- История Казахстана..., 2007** – История Казахстана в русских источниках в XVI–XX веков. VI том. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям XVIII–XIX века. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 516 с.
- Казахско-русские..., 1964** – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы): Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. 576 с.
- Левшин, 1832** – Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. Часть первая: Известия географические. СПб.: Типография Карла Крайя, 1832. 264 с.
- Лунин, 1958** – Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895-1917). Ташкент: Издательство АН УзССР, 1958. 320 с.
- Лунин, 1965** – Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент: Наука, 1965. 408 с.
- Макшеев, 1856** – Макшеев А.И. Описание низовьев Сыр-Дарьи // *Морской Сборник*. СПб., 1856. Т. XXIII, № 9. С. 448-528.
- Макшеев, 1896** – Макшеев А.И. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб.: Военная типография, 1896. 258 с.
- Маслова, 1955** – Маслова О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Материалы к истории изучения Средней Азии. Часть I. 1715–1856. Ташкент: Издательство САГУ, 1955. 84 с.
- Маслова, 1956** – Маслова О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Материалы к истории изучения Средней Азии. Часть II. 1856 – 1869. Ташкент: Издательство САГУ, 1956. 102 с.
- Мейер, 1861** – Мейер Л.Л. Дельта реки Сырдарьи и её отношение к России // *Морской Сборник*. СПб., 1861. Т. 55. № 9. С. 143–154.
- Мейер, 1865** – Мейер Л.Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. 384 с.
- О слухах и событиях..., 2016** – О слухах и событиях в Средней Азии. Т. 1. 20 апреля 1853 г. – 31 июля 1862 г.: Сборник документов. Сост. Б. Т. Жанаев. Караганда, 2016. 800 с.
- Плещеев, 1908** – А.Н. Плещеев в форте Перовском. (По его неизданным письмам) // *Минувшие годы*. 1908. № 10. С. 103-141.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.

[Северцов, 1873](#) – Северцов Н.А. Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня. СПб., 1873. 462 с.

[Тулибаева, 2024](#) – Тулибаева Ж. М. Сведения по исторической географии Центральной Азии в историографии узбекских ханств XVIII–XIX вв. // *Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение*. 2024. Т. 147. No.2. С. 99–116.

[ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

[Шостьин, 1975](#) – Шостьин Н.А. Очерки истории русской метрологии. XI – начало XX века. М.: Издательство стандартов, 1975. 272 с.

[Tulibayeva, Tulibayev, 2024](#) – Tulibayeva Zh.M., Tulibayev T.E. Contribution of Academician B.A. Akhmedov to the Study of the Historical Geography of Central Asia of the Modern Era (on the Occasion of the 100th Anniversary of the Scientist's Birth) // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1489–1497.

References

[Annenkov, 1878](#) – Annenkov, N.I. (1878). *Botanicheskii slovar* [Botanical dictionary]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 646 p. [in Russian]

[Blaramberg, 1848](#) – Blaramberg, I.F. (1848). *Voenno-statisticheskoe obozrenie zemli kirgiz-kaysakov Vnutrenney (Bukeevskoy) i Zauralskoy (Maloy) ordy, Orenburgskogo vedomstva* [Military statistical review of the land of the Kirghiz-Kaisaks of the Inner (Bukeev) and Trans-Ural (Little) Horde, Orenburg department]. Sankt-Peterburg: v tipografii Departamenta Generalnogo Shtaba. 196 p. [in Russian]

[Butakov, 1857](#) – Butakov, A.I. (1857). *Kratkoe opisanie reki Syr-Dari ot forta Perovskii do ustya* [Brief description of the Syr Darya River from Fort Perovsky to its mouth]. *Morskoy sbornik*. Sankt-Peterburg, XXVIII, 3: 107–122. [in Russian]

[GAOO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State Archives of the Orenburg Region].

[Gren 1861](#) – Gren, A.N. (1861). *Zametki ob ukrepleniayah v Orenburgskom krae voobshhe i na Syr-Darinskoy linii v osobennosti* [Notes on fortifications in the Orenburg region in general and on the Syr Darya line in particular]. *Inzhenernyy zhurnal*. Sankt-Peterburg. 4, 5: 312–333, 433–465. [in Russian]

[Istoriya Kazakhstana..., 2007](#) – Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikah v XVI–XX vekov [The history of Kazakhstan in Russian sources in the 16th–20th centuries]. VI tom. *Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdках po yuzhnym stepyam XVIII–XIX veka*. Almaty: Daik-Press, 2007. 516 p. [in Russian]

[Ivashintsov, 1854](#) – Ivashintsov, N.A. (1854). *Ocherki nizovev Syr-Dari i priaralskoy stepi* [Essays on the lower reaches of the Syr Darya and the Aral steppe] *Morskoy sbornik*. Sankt-Peterburg. V. XIII, 11: 228–261. [in Russian]

[Kazahsko-russkie..., 1964](#) – Kazahsko-russkie otnosheniya v XVIII–XIX vekah (1771–1867 gody): *Sbornik dokumentov i materialov* [Kazakh-Russian relations in the 18th–19th centuries (1771–1867): Collection of documents and materials]. Alma-Ata: Nauka, 1964. 576 p. [in Russian]

[Levshin, 1832](#) – Levshin, A.I. (1832). *Opisanie kirgiz-kaysackih ili kirgiz-kazachih ord i stepey*. [Description of the Kirghiz-Kaisak or Kirghiz-Cossack hordes and steppes]. *Chast' pervaya: Izvestiya geograficheskie* Sankt-Peterburg: Tipografiya Karla Krayya. 264 p. [in Russian]

[Lunin, 1958](#) – Lunin, B.V. (1958). *Iz istorii russkogo vostokovedeniya i arheologii v Turkestane. Turkestanskii kruzhok lubitelei arheologii (1895–1917)* [From the History of Russian Oriental Studies and Archaeology in Turkestan. The Turkestan Circle of Amateur Archaeologists (1895–1917)]. Tashkent: Izdatelstvo AN UzSSR. 320 p. [in Russian]

[Lunin, 1965](#) – Lunin, B.V. (1965). *Srednyaya Aziya v dorevolucionnom i sovetskom vostokovedenii* [Central Asia in Pre-Revolutionary and Soviet Oriental Studies]. Tashkent: Fan. 408 p. [in Russian]

[Maksheev, 1856](#) – Maksheev, A.I. (1856). *Opisanie nizovev Syr-Dari* [Description of the lower reaches of the Syr Darya]. *Morskoy Sbornik*. Sankt-Peterburg. V. XXIII, 9: 448–528. [in Russian]

[Maksheev, 1896](#) – Maksheev, A.I. (1896). *Puteshestviya po kirgizskim stepyam i Turkestanskomu krayu* [Travels through the Kyrgyz steppes and Turkestan region]. Sankt-Peterburg: Voennaya tipografiya. 258 p. [in Russian]

[Maslova, 1955](#) – Maslova, O.V. (1955). *Obzor russkikh puteshestvii i ekspeditsii v Srednyuyu Aziyu. Materialy k istorii izucheniya Sredney Azii. Chast I. 1715–1856* [Review of Russian travels and expeditions to Central Asia. Materials for the history of the study of Central Asia. Part I. 1715–1856]. Tashkent: Izdatelstvo SAGU. 84 p. [in Russian]

[Maslova, 1956](#) – Maslova, O.V. (1956). *Obzor russkikh puteshestvii i ekspeditsii v Srednyuyu Aziyu. Materialy k istorii izucheniya Sredney Azii. Chast II. 1856–1869* [Review of Russian travels and expeditions to Central Asia. Materials for the history of the study of Central Asia. Part II. 1856–1869]. Tashkent: Izdatelstvo SAGU. 102 p. [in Russian]

[Meier, 1861](#) – Meier, L.L. (1861). *Delta reki Syrdari i eja otnoshenie k Rossii* [The Syr Darya River's delta and its relation to Russia]. *Morskoy Sbornik*. Sankt-Peterburg. T. 55. 9: 143–154. [in Russian]

[Meier, 1865](#) – Meier, L.L. (1865). *Kirgizskaya step Orenburgskogo vedomstva* [Kirghiz steppe of the Orenburg department]. Sankt-Peterburg. 384 p. [in Russian]

- [O sluhah i sobytijah..., 2016](#) – O sluhah i sobytijah v Srednej Azii [About rumors and events in Central Asia]. V. 1. 20 aprlja 1853 g. – 31 ijulja 1862 g.: Sbornik dokumentov. Sost. B.T. Zhanaev. Karaganda. 800 p. [in Russian]
- [Pleshheev, 1908](#) – A.N. Pleshheev v forte Perovskom. (Po ego neizdannym pismam) [A.N. Pleshcheyev in Fort Perovsky. (Based on his unpublished letters)]. *Minuvshie gody*. 10: 103-141. [in Russian]
- [RGVIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].
- [Severtsov, 1873](#) – *Severtsov, N.A.* (1873). Puteshestviya po Turkestanskomu krayu i issledovanie gornoy strany Tyan-Shanya [Travels in the Turkestan region and exploration of the mountainous country of Tien Shan]. Sankt-Peterburg. 462 p. [in Russian]
- [Shostyin, 1975](#) – *Shostyin, N.A.* (1975). Ocherki istorii russkoy metrologii. XI – nachalo XX veka [Essays on the history of Russian metrology. The 11th – the beginning of the 20th century]. Moskva: Izdatelstvo standartov. 272 p. [in Russian]
- [TsGA RK](#) – Tsentralnyy gosudarstvennyy arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- [Tulibayeva, 2024](#) – *Tulibayeva, Zh.M.* (2024). Svedeniya po istoricheskoy geografii Centralnoy Azii v istoriografii uzbekskih hanstv XVIII–XIX vv. [The Historiography of Uzbek Khanates of the 18th – the 19th centuries: Materials on the Historical Geography of Central Asia]. *Vestnik Evrazijskogo nacionalnogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Seriya: Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie*. 147(2): 99-116. [in Russian]
- [Tulibayeva, Tulibayev, 2024](#) – *Tulibayeva, Zh.M., Tulibayev, T.E.* (2024). Contribution of Academician B.A. Akhmedov to the Study of the Historical Geography of Central Asia of the Modern Era (on the Occasion of the 100th Anniversary of the Scientist's Birth). *Bylye Gody*. 19(3): 1489-1497.
- [Velyaminov-Zernov, 1864](#) – *Velyaminov-Zernov, V.V.* (1864). Issledovaniya o kasimovskikh caryah i carevichah [Research on the Kasimov tsars and tsareviches]. V 4 tomah Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1863–1887. [in Russian]
- [Veselovsky, 1887](#) – *Veselovsky, N.I.* (1887). Vasily Vasilyevich Grigoryev po ego pismam i trudam. 1816-1881 [Vasily Vasilyevich Grigoryev according to his letters and works. 1816-1881]. Sankt-Peterburg: Typography and Chromolithography of A. Transhel. 384 p. [in Russian]

Историческая география Присырдарьинского региона в русских источниках середины XIX в.

Жулдыз Мусаевна Тулибаева ^{a, *}, Темур Едгорович Тулибаев ^a

^a Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави, Евразийский научно-исследовательский институт, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению сведений русских источников 40–50-х гг. XIX в. по исторической географии Присырдарьинского региона Казахстана, игравшего важную роль в установлении и развитии регулярных торговых отношений Российской империи с Центральной Азией. Через долину Сырдарьи пролегали основные караванные дороги, ведущие в Оренбург, Троицк и Орскую крепость. Авторы статьи исследовали научные отчёты, рапорты, донесения и служебные записки чиновников Российской империи, в частности, служивших в Оренбургской пограничной комиссии. В официальных документах середины XIX в. особое внимание уделялось физической и социально-экономической географии Присырдарьинских земель. Из них можно почерпнуть подробные сведения о водных и земельных ресурсах, об особенностях природно-климатических условий, о флоре и фауне этого региона. Российские исследователи приводят названия крупных и малых населенных пунктов с описанием их месторасположения, а также с указанием путей сообщения и караванных дорог. В научных трудах и служебных отчётах представлен ценный материал, который существенно расширяет наши представления о хозяйственном укладе, различных видах деятельности местного населения, ведущего оседлый и кочевой образ жизни. Отдельные тексты архивных документов были опубликованы, однако значительную их часть ещё предстоит тщательно исследовать и ввести в научный оборот. Выявленный фактический материал ещё раз показывает, что сведения русских источников имеют первостепенное значение для изучения исторической географии Центральной Азии в Новое время.

Ключевые слова: Российская империя, Присырдарьинский регион, русские источники середины XIX в., архивные документы, историческая география.

* Корреспондирующий автор

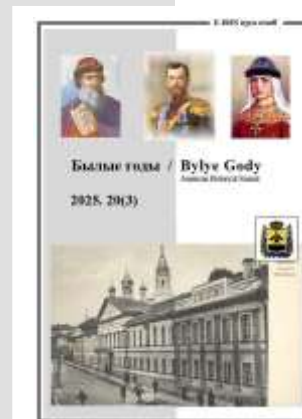
Адреса электронной почты: tulibay@gmail.com (Ж.М. Тулибаева)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1297-1306
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1297

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Administrative-Territorial Division of Siberia and the Reform of Governance among Indigenous Peoples in the first half of the XIX century

Valentina V. Naumkina ^{a,*}, Tatyana V. Vorotilina ^b, Julia V. Nikolaeva ^c, Yurii S. Kuharev ^d

^a Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Abstract

For a long time, the territory of Siberia had specific features related to the peculiarities of the population, the territorial organization of government, the preservation of traditional foundations and customary law. M.M. Speransky's transformations were the first comprehensive reform that covered various spheres of life and took into account the specifics of the territory. The nomadic organization of farming by indigenous peoples and the absence of settlements made it impossible to extend the existing management methods in the Russian Empire to this population. A special feature of this reform was the creation of two management systems for migrants and indigenous peoples under a common provincial government.

The article analyzes the reasons for the creation of a specific management system. As a result of the reform, a system of foreign government bodies was created based on the generic organization of society. The levels of foreign control and the functions of foreign organs are considered. For the foreign management system, the principle of vertical subordination, partial autonomy and the preservation of traditional regulators were used. The study used official data, archival materials, and foreign organ solutions. The reform was aimed at a phased administrative and legal "development" of Siberia, so the elements of traditional governance were integrated into the established system of government.

Keywords: M.M. Speransky's reform, administrative and territorial structure, nomadic peoples of Siberia, tribal government, foreign government, Steppe Duma, bodies of verbal violence.

1. Введение

Вопрос реформирования системы управления в Сибири был актуален с конца XVIII в. Начиная с Павла I, проводились отдельные преобразования в сфере управления Сибирью (упразднение наместничества, введение губернского правления, образование Тобольской и Иркутской губерний и т. д.). При этом не было единой концепции дальнейшего развития Сибири и понимания статуса данной территории (Красняков, 2023: 329). Точечные изменения не давали ожидаемого результата и не отражали всех существующих проблем и пробелов в управлении Сибирью.

Отсутствие должного государственного контроля вело к произволу местных чиновников. Численность населения Сибири быстро росла за счёт использования Сибири как места ссылки и переселения безземельных крестьян. Для избежания конфликтных ситуаций между коренными народами и переселенцами использовался принцип раздельного проживания. Кочевые народы представляли замкнутое сообщество с традиционным укладом жизни, при этом коренные народы стремились сохранить свою автономию.

* Corresponding author

E-mail addresses: naumkinav@mail.ru (V.V. Naumkina), vorotilina@mail.ru (T.V. Vorotilina), unikolaeva@fa.ru (J.V. Nikolaeva), yurij.kuharev@yandex.ru (Yu.S. Kuharev)

Кроме того, проводилось изучение территории Сибири. Проводимые экспедиции позволили собрать данные о ресурсах Сибири (полезных ископаемых и наличии большого количества источников для возможного экспорта). Экономическое освоение Сибири требовало создания системы управления.

Преимуществом реформы М.М. Сперанского был комплексный системный подход. Реформа охватывала различные сферы: управление, территориальное деление, статус коренного населения, кодификацию обычного права и проч. При этом М.М. Сперанский понимал специфику территории, уровень социального развития различных социальных групп, особенности менталитета и т. д. Проводимые преобразования свидетельствуют о наличии у М.М. Сперанского чёткого представления о концепции реформы.

Для проведения реформы были приняты: «Учреждение для управления Сибирских губерний» (ПСЗРИ. Т. 38. 1822–1823. № 29125), «Устав об управлении инородцев» (ПСЗРИ. Т. 38. 1822–1823. № 29126). Данные правовые акты стали основой для проведения реформы управления, впоследствии по отдельным вопросам принимались иные акты.

2. Материалы и методы

Для проведения реформы М.М. Сперанским было подготовлено несколько проектов правовых актов, проведена работа по систематизации существующих норм из различных ранее принятых источников, которые стали основой проведения исследования.

Степные думы вели книги приговоров, книги сбора налогов и податей, официальную переписку с органами государственной власти. Данные материалы были использованы для исследования взаимодействия инородческих органов и губернского правления.

Исследование базируется на архивных материалах. Были использованы материалы следующих архивов и фондов: Российской государственной библиотеки, Научно-исследовательского отдела рукописей (НИОР РГБ) (Москва, Российская Федерация), Государственного архива Иркутской области (ГАИО) (Иркутск, Российская Федерация), Национального архива Республики Хакасия (НАРХ) (Абакан, Российская Федерация), Рукописного фонда Хакаского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Рук. фонд Хакаского НИИЯЛИ) (Абакан, Российская Федерация). Кроме того, при проведении исследования были использованы официальные данные, составленные Сибирским комитетом при анализе положения в Сибири, «Обозрение главных оснований местного управления Сибири» (Обозрение главных..., 1841) и другие материалы.

К столетию со дня рождения М.М. Сперанского Императорская публичная библиотека выпустила издание документов «В память графа Михаила Михайловича Сперанского, 1772–1872» (В память графа..., 1872). Издание включало материалы личного архива М.М. Сперанского, который после его смерти дочь передала в дар Императорской публичной библиотеке (письма, данные, собранные при проведении сибирской реформы, и аналитические материалы, составленные М.М. Сперанским, и другое).

Методологическую основу работы составила совокупность различных подходов и методов проведения исследования. При проведении исследования использовались элементы институционального подхода, что позволило выявить взаимосвязь различных факторов, повлиявших на использование территориального и национального подхода при проведении реформы. Было выявлено, что проведение административно-территориальной реформы и создание системы органов управления для инородцев на основе родовой системы было направлено на постепенную интеграцию родового управления в систему государственной власти Российской империи. Постепенная интеграция должна была обеспечить эффективное использование экономических ресурсов Сибири.

При проведении исследования были использованы методы диалектического подхода. Метод анализа позволил выявить функции инородных органов и особенности их взаимодействия с органами государственной власти.

Системный метод позволил рассмотреть систему инородного управления как автономный элемент государственной системы управления. Благодаря этому методу выделены особенности взаимодействия инородного управления с губернским правлением и рассмотрены инородные органы в качестве элемента системы управления Сибирью.

Сочетание различных методологических подходов и методов позволило комплексно подойти к изучению особенностей созданной системы управления, которая, несмотря на вносимые корректировки, просуществовала около века.

3. Обсуждение

Научное изучение деятельности М.М. Сперанского началось в XIX в. Отдельные вопросы реформ в Сибири были отражены в научных работах дореволюционных авторов. Так, проведение ревизии в Сибири было подробно проанализировано В. Вагиным (Вагин, 1872). Особенности управления инородцев и значение мнения сородичей были описаны в работе Д.Е. Лаппо (Лаппо, 1904). В документальном издании «В память графа Михаила Михайловича Сперанского, 1772–1872» (В память графа..., 1872) были собраны эмпирические материалы из личного архива М.М. Сперанского.

В работах советского периода реформа М.М. Сперанского рассматривалась с позиции фискальных интересов государства, акцент делался на эксплуатации бедных инородцев и колониальной политике (Дамешек, 1986; Цибилов, 1970). Несмотря на наличие узкого подхода в изучении управления Сибирью, советскими учёными была проведена работа по поиску и анализу древнейших источников по обычному праву, которое использовалось в работе инородных органов управления, и их сопоставлению с правовыми актами Монголии (Токарев, 1939; Цибилов, 1970).

Сегодня учёные продолжают исследовать особенности применения норм обычного права не только народов Сибири, но и представителей других этносов, населявших территории российского государства (Plotskaya et al., 2022a; Plotskaya et al., 2022b; Plotskaya et al., 2023a; Plotskaya et al., 2023b; Sosnina et al., 2024a; Sosnina et al., 2024b; Sosnina et al., 2024c).

В работах современных авторов преимущественно рассматриваются вопросы реформирования государственной системы управления на территории Сибири. В научных работах большое внимание уделяется системе губернского правления, которое имело свои особенности, и выделяются уровни управления. Среди таких исследований можно выделить изыскания Д.Н. Гергилева (Гергилев, 2016), Н.И. Краснякова (Красняков, 2023).

Среди трудов, в которых уделяется внимание системе управления кочевых народов, можно выделить исследования: А.В. Ремнева (Ремнев, 1995), Л.В. Савинова (Савинов, 2005), Е.В. Самриной (Самрина, 2020). С позиции полномочий словесной расправы и применения обычного права отдельные аспекты были отражены в работах Е.А. Хлыстова (Хлыстов, 2024).

Степные думы как органы инородческого самоуправления рассматривались в изысканиях А.А. Борисова (Борисов, 2011), В.Ц. Лыскоковой (Лыскокова, 2010), И.Н. Шагдуровой (Шагдурова, 2012) и других исследователей.

4. Результаты

В Российской империи отсутствовал единый подход к организации и функционированию системы управления. Территория российского государства постоянно расширялась, и на новых территориях использовался индивидуальный подход не только к системе управления, но и к правовому статусу жителей, регулятивной системе и т. д. При этом сохранялись в определённой части традиционные устои либо принимались правовые акты, учитывающие специфику данных территорий. Такая политика была направлена на плавную интеграцию территорий в общероссийское пространство. Индивидуальный подход использовался не только на территории Сибири, например, специфическая система управления была создана на территории Великого княжества Финляндского и Царства Польского (Наумкина, 2020). Особая система управления предполагала иной подход к формированию органов, объёму полномочий и регулятивной системе.

В первой половине XIX в. проходила масштабная реформа на территории Сибири, которая включала изменения территориальные, изменение системы управления, кодификацию обычного права кочевых народов, закрепление статуса различных категорий коренного населения и т. д. Системный подход позволял учесть различные особенности региона и начать постепенную интеграцию Сибири в общегосударственные процессы. В научной литературе данные преобразования получили название сибирской реформы М.М. Сперанского (Завоевание и колонизация..., 2005; Марченко, 1982). Хотя преобразования фактически включали несколько реформ, которые проходили в течение нескольких десятилетий, на протяжении XIX в. проходила «корректировка» первоначального подхода, при этом концепция, выработанная М.М. Сперанским, сохранялась вплоть до советского периода.

Преобразования начались с масштабной ревизии деятельности органов управления. Результаты ревизии стали поводом для проведения крупномасштабной реформы (Вагин, 1872). Причины преобразований были вызваны рядом аспектов. Во-первых, экономическими задачами и необходимостью использования сибирского потенциала для развития государства. К началу XIX в. были собраны значительные данные о полезных ископаемых, объёмах древесины и иных ресурсах региона, которые были необходимы для экономики Российской империи. В первой четверти XIX в. Россия была участником нескольких войн, поэтому необходимо было найти ресурсы для восстановления экономики. Во-вторых, нехватка земель на европейской части страны привела к увеличению количества переселенцев, которые мигрировали как нелегально, так и в рамках государственной политики по переселению крестьян. Рост численности населения требовал закрепления чётких подходов к правовому статусу проживающего населения. В-третьих, до преобразований сибирские управленцы обладали высокой степенью самостоятельности, что привело к самоуправству, необоснованным поборам с населения и большому количеству жалоб на действия управленцев.

Вплоть до советского периода на территории Сибири существовало раздельное проживание коренных народов и переселенцев. Образ жизни переселенцев практически не отличался от европейской части страны. Коренное население представляло собой замкнутое сообщество, в котором сохранялись основные черты традиционного общества.

Для проведения ревизии М.М. Сперанский в 1819 г. был назначен генерал-губернатором Сибири. Основной задачей М.М. Сперанского было изучение ситуации на месте, чтобы «сообразить,

с точностью, лучший порядок ко введению в сии отдаленные губернии» (*В память графа..., 1872: 106*). В должности генерал-губернатора М.М. Сперанский был два года. За этот период он изучил особенности региона, что стало основой разработки концепции реформы. За два года им было разработано десять проектов правовых актов для проведения реформы. Деятельность М.М. Сперанского в качестве генерал-губернатора получила высокую оценку исследователей, поскольку эта деятельность предопределила развитие региона на столетие (*Завоевание и колонизация..., 2005: 259; Власть в Сибири..., 2005: 157; Савинов, 2005: 134*).

М.М. Сперанский проделал большую работу, проанализировал состав населения и род занятий, особенности хозяйственной деятельности, традиционные управленческие системы, образ жизни и т. д. Политика раздельного проживания переселенцев и коренных народов привела к сохранению традиционных устоев, кочевого образа жизни и слабому распространению русского языка.

В отличие от Великого княжества Финляндского и Царства Польского, на территории которых была создана отличная от российского государства система управления (*Наумкина, 2020*), на территории Сибири требовался иной специфический подход. Необходимо было учесть наличие двух совершенно различных укладов жизни и специфики кочевого ведения хозяйства.

Концепция М.М. Сперанского предполагала сохранить элементы самостоятельности и традиционного образа жизни кочевых народов (в адаптированном виде), при этом обеспечить поэтапную трансформацию родового управления и обычного права в систему управления российским государством. Была создана уникальная система управления и правового регулирования, которая учитывала специфику различных территорий и групп населения (*Гергиев, 2016; Марченко, 1982; Хлыстов, 2023; Хлыстов, 2024*). Сохранялись элементы автономии, при этом усилилась централизация управления и контроль по ряду вопросов, представляющих государственные интересы.

Для проведения реформы в 1821 г. был создан Сибирский комитет. Ранее вопросами данного региона занимался Комитет по сибирским делам, деятельность которого сводилась к рассмотрению результатов ревизий (*Красняков, 2023: 329*). Сибирский комитет занимался разработкой правовых актов, анализом собираемых материалов и общим руководством функционирования системы управления. Реформа проводилась поэтапно, не всегда последовательно, и растянулась до конца XIX в. Это привело к изменению кадрового состава Сибирского комитета и к отказу от некоторых первоначальных задач, либо их корректировке. При этом сибирская реформа М.М. Сперанского получила высокую оценку как политических деятелей XIX в., так и современных исследователей. Как отмечал Г.С. Батенков, «...весьма важно в Сибирском учреждении, что в нем увижено отдаление края и особенности его» (*НИОР РГБ. Ф. 20. Кар. 2. Ед. хр. 3. Л. 12*).

Реформа началась с изменения административно-территориального деления (*Обозрение главных..., 1841: 9-12*). В основу нового территориального устройства было положено несколько факторов: естественные условия (географический ландшафт), наличие и состояние дорог, возможность создания вертикали власти. По итогу реформы на территории Сибири было образовано два генерал-губернаторства – Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское, в состав которых входили губернии и области. Кроме того, в составе Восточно-Сибирского губернаторства были образованы управления: Охотское, Камчатско-Приморское и Троицко-Савское.

Губернии имели внутреннюю структуру, в их состав входили волости и родоначалия. Волости не имели принципиальных отличий от подобных территориальных единиц на европейской части России. Родоначалия были образованы на территории проживания коренных народов и стали следствием раздельного проживания коренных народов и переселенцев. Подход к территориальным преобразованиям и учёт национального фактора был вызван особенностями сибирского уклада жизни. Следствием выделения родоначалий стало появление двух параллельных систем управления (для переселенцев и для коренных народов). Несмотря на сохранение самостоятельности, органы губернского правления имели рычаги воздействия на родоначалия.

У коренных народов Сибири сохранялись родовые отношения, что было положено в основу системы управления. При этом были заимствованы некоторые характеристики организации управления у государственных крестьян. Коренные народы Сибири имели различный образ ведения хозяйства, поэтому, в зависимости от специфики хозяйственно-экономической деятельности, коренные народы были разделены на три группы: оседлые, кочевые и бродячие. Оседлые занимались земледелием, поэтому были причислены к государственным крестьянам. Для оседлых инородцев, в зависимости от численности, создавали отдельную волость или причисляли к ближайшей волости. Бродячие не имели постоянного рода деятельности, поэтому не наделялись правами в области управления.

Основой экономического уклада кочевых народов было скотоводство. Кочевники были самой многочисленной группой населения, поэтому реформа управления была ориентирована именно на кочевников. На территории Восточной Сибири преимущественно проживали кочевые инородцы.

Созданная система управления кочевых народов опиралась на схожие черты с земским управлением и была ориентирована на постепенный переход сибирских аборигенов к оседлому образу жизни (*Ремнев, 1995: 29*).

Система управления кочевников, по аналогии с земствами, имела два или три уровня, связанных подчинённостью. Наличие вертикальной подчинённости обеспечивало реализацию

государственных задач, а также передачу и сбор информации. Род (улус) был первым уровнем и выполнял функции общины, Инородная управа – волостного управления, Степная дума – окружного управления (Наумкина, 2009).

Улус (род) объединял не менее 15 семей родственников (Устав..., 1822: 94) и был обязательным уровнем власти. За родом закреплялась земля, на которой запрещалось самовольно селиться переселенцам или представителям другого рода (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Кар. 2034. Д. 72. Л. 3). Род в течение года несколько раз менял место стоянки в зависимости от состояния пастбищ, в пределах закреплённой за родом территории. Улусы находились на значительном расстоянии друг от друга. На уровне рода решались все хозяйственные вопросы.

Инородная управа была вторым уровнем управления, который объединял несколько родов. Инородная управа занималась хозяйственными и надзорно-распорядительными функциями, а также спорами между родами. В Инородной управе, кроме должности головы, большое значение имел Инородный сход, в состав которого входили представители улусов (староста и почётные инородцы).

Третьим уровнем была Степная дума, которая объединяла несколько Инородных управ. Степная дума была предусмотрена в качестве общественного собрания с хозяйственными обязанностями, подобно Городской думе (Устав..., 1822: 202). Дума занималась учётом количества душ и распределением налогов, хозяйственными и социальными вопросами, а также спорами между Инородными управами. З.И. Петухова считает, что Степная дума стала сочетанием государственных интересов и удовлетворения внутренних потребностей инородцев (Петухова, 2021).

Функции управления родом возлагались на старосту. Природа данной должности была различной у разных племён. Старосту либо избирали из почётных инородцев (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Кар. 2029. Д. 20. Л. 164; ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Кар. 2041. Д. 212. Л. 2 и др.), либо должность передавалась по наследству (Устав..., 1822: 97). Способ замещения должности зависел от существующих обычаев. Уровень родового управления был традиционным, поэтому на данном уровне допускалось использовать существующий порядок и методы управления. Решения на уровне рода принимались с учётом мнения почётных инородцев (Лаппо, 1904; Самрина, 2020). К числу почётных относились состоятельные инородцы, имеющие положительную репутацию среди сородичей.

Инородная управа и Степная дума являлись новыми уровнями управления, поэтому должностные лица были выборными. Кроме того, принципиальным отличием на втором и третьем уровне управления было наличие делопроизводства и процедуры утверждения выборных должностных лиц губернатором. На избранного голову представляли обоснование с указанием наличия положительной характеристики, например, «вновь избранный поведения хорошего, трезв... и ни каких дурных поступков за ним не было, а по тому и может возложенную должность исполнить» (НАРХ. Ф. ИИ-2. Оп.1. Д. 14. Л.7). Кроме того, руководители Инородной управы и Степной думы должны были владеть русским языком (Рук. фонд Хакасского НИИЯЛИ. Д.481. Л. 25), поскольку эти уровни управления взаимодействовали с органами губернии. Приговор о выборах должностного лица подлежал утверждению губернским управлением и мог быть признан незаконным (История Аларской..., 2015).

Органы управления инородцев, несмотря на то, что были частично включены в общеимперскую систему управления, обладали высокой степенью самостоятельности. С учётом внутренней замкнутости, органы родоначальи исследователи относят к органам самоуправления (Борисов, 2011; Лыскова, 2010; Шагдурова, 2012).

Кроме хозяйственно-экономических функций, органы управления родоначальи одновременно являлись органами словесной расправы. Словесная расправа была наделена функциями обеспечения правопорядка, следствия, судопроизводства и исполнения наказания. Словесная расправа имела три уровня: родовой (первичный уровень), Инородная управа (рассматривала ситуации или иски между представителями разных родов), земская полиция (уровень обжалования). Степные думы полномочиями органов словесной расправы не наделялись, поскольку были предусмотрены не у всех народов. Включение земской полиции в качестве уровня словесной расправы позволяло сохранять некий контроль. Органы словесной расправы принимали решения, исходя из существующих обычаев. Земские органы часто сталкивались с проблемой толкования того или иного обычая и рассматривали жалобы, используя нормы законодательства империи.

Уставом об управлении инородцами была разграничена подсудность между судами словесной расправы и земскими органами. Подсудность расправы определялась несколькими критериями: территорией, принадлежностью сторон к инородцам и составом преступления. Словесная расправа рассматривала только дела в отношении инородцев при условии, что правонарушение совершено на территории родоначальи. Если пострадавшей стороной был переселенец, либо правонарушение было совершено на территории, отведённой для проживания переселенцев, то такие дела рассматривались земскими судами или земской полицией.

Особой категорией были крещённые инородцы. В области семейно-брачных отношений крещённые полностью попадали под покровительство православной церкви и действие нормативно-правовых актов Российской империи. Нормы обычного права на них не распространялись. Словесная расправа не рассматривала иски в отношении крещённых инородцев. К смене религии общество

относилось негативно как с моральной стороны (отказ от традиционного уклада), так и с экономической точки зрения (крещённые инородцы платили налоги по другому принципу, поэтому их доля налога распределялась на остальных членов рода). Правонарушения в отношении крещённых инородцев часто не рассматривались вообще. Словесная расправа нанесение побоев или убийство за принятие крещения не считала правонарушением, а земская полиция информацией не располагала (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Кар. 2041. Д. 212. Л. 11-12).

Не подлежали рассмотрению органами расправы: возмущение; намеренное убийство; разбой и насилие; делание фальшивой монеты; похищение казённого и общественного имущества (Устав..., 1822: 37). Остальные правонарушения и споры органы расправы рассматривали исходя из существующих обычаев. Как такового контроля за соблюдением подсудности при рассмотрении дел органами расправы не предусматривалось. Словесная расправа должна была известить полицию о наличии преступления, если деяние может относиться к подсудности земского суда. Информация о правонарушении и действиях словесной расправы могла рассматриваться земскими органами только при наличии жалобы. Учитывая большие расстояния и замкнутый образ жизни инородцев, вероятность таких обращений была низкой.

До реформы М.М. Сперанского разграничения подсудности не предусматривалось, поэтому всеми правонарушениями занимались родовые органы, а земские суды были уровнем обжалования. На практике органы расправы продолжали рассматривать все иски и правонарушения среди инородцев.

Как правило, споры возникали по имущественным вопросам, семейно-брачным вопросам и скотокрадству. Инородцы стремились самостоятельно решать все спорные вопросы без участия представителей государственной власти.

Интеграция органов коренных народов и губернского правления была перспективной целью реформы. Реализация функций Словесной расправы предполагала наличие контрольных функций со стороны земской полиции. Решения Словесной расправы контролировались фрагментарно, только при наличии обращения инородцев для обжалования решения. Земская полиция, как третий уровень расправы, рассматривала жалобы. Фактически жалобы встречались редко из-за незнания инородцами русского языка и законодательства государства.

5. Заключение

В результате реформы была создана система управления кочевыми народами, которая имела общие характеристики с системой управления на европейской части России. А именно: 1) наличие вертикали власти; 2) контрольные полномочия у вышестоящего уровня; 3) чёткое разграничение полномочий уровней управления. На уровне губернского правления предусматривались контрольные полномочия.

М.М. Сперанский рассматривал вопросы управления комплексно. Одной из основных целей реформы было включение сибирских народов в общеправовое пространство, что требовало трансформации органов управления. Реформа управления предопределила дальнейшее развитие Сибири почти на столетие и способствовала постепенному включению коренных народов в государственно-правовые процессы российского государства.

Литература

Борисов, Дамешек, 2011 – Борисов А.А., Дамешек Л.М. Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2011. № 1. С. 123-135.

В память графа..., 1872 – В память графа Михаила Михайловича Сперанского, 1772–1872. [под ред. А.Ф. Бычкова]. СПб.: Издание Императорской публичной б-ки, 1872. 855 с.

Вагин, 1872 – Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. Т.2. СПб., 1872. 752с.

Власть в Сибири..., 2005 – Власть в Сибири: XVI – начало XX века. 2-е издание, переработанное и дополненное. Новосибирск: Издательский дом «Сова», 2005. 694 с.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

Гергилев, 2016 – Гергилев Д.Н. Сибирь как пример поисков оптимального административно-территориального устройства России // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. № 6-1. С. 56-61.

Дамешек, 1986 – Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.): монография. Иркутск, 1986. 167 с.

Завоевание и колонизация..., 2005 – Завоевание и колонизация Сибири / Потанин Г.Н. Избранные сочинения в трех томах. Т. 2. Общественно политическое произведение. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005. С. 257-271.

История Аларской..., 2015 – История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): К 190-летию образования Аларской Степной думы – органа местного самоуправления аларских бурят (1824–1889 гг.). Иркутск, 2015. 352 с.

- Красняков, 2023** – Красняков Н.И. Российская империя: опыт управления национальными регионами (середина XVII – начало XX в.). Новосибирск, 2023. 460 с.
- Лаппо, 1904** – Лаппо Д.Е. Общественное управление Минусинских инородцев // *Известия императорского Томского университета*. Томск, 1904. 71 с.
- Лыскокова, 2010** – Лыскокова В.Ц. Делопроизводство и архивы степных дум: страницы истории (1822-1901 гг.) // *Отечественные архивы*. 2010. № 1. С. 14-17.
- Марченко, 1982** – Марченко В.Г. Система управления сибирскими аборигенами в «Уставе об управлении инородцев» 1822 года // *Археология и этнография Приобья*. Сб. статей / Под ред. Н.В. Лукина. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982. С. 153-164.
- НАРХ** – Национальный архив Республики Хакасия.
- Наумкина, 2009** – Наумкина В.В. Степные думы как органы управления коренных народов Восточной Сибири в XIX веке // *Современное право*. 2009. №2. С. 117-121.
- Наумкина, 2020** – Наумкина В.В. Опыт конституционного развития в Российской империи на территории Великого княжества Финляндского и царства Польского // *Конституционное и муниципальное право*. 2020. № 11. С. 64-66.
- НИОР РГБ** – Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей.
- Обозрение главных..., 1841** – Обозрение главных оснований местного управления Сибири. Напечатано по Высочайшему повелению. СПб., 1841. 138 с.
- Петухова, 2021** – Петухова З.И. Якутская Степная Дума: монография. Якутск, 2021. 198 с.
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской империи.
- Ремнев, 1995** – Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в I половине XIX века. Омск: изд-во Омского ун-та, 1995. 236 с.
- Рук. фонд Хакасского НИИЯЛИ** – Рукописный фонд Хакасского НИИЯЛИ. Архивные материалы Степной Думы 1824–1856 год.
- Савинов, 2005** – Савинов Л.В. Этнонациональная политика Российской империи в Сибири: «Устав об управлении инородцев» / *Государственные реформы М.М. Сперанского в исторической ретроспективе: материалы конференции*. Новосибирск: СибАГС, 2005. С.134-137.
- Самрина, 2020** – Самрина Е.В. «Инородческая» администрация хакасов в первой половине XIX в. / *Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: Мат-лы VII Международной научной конференции, посвященной Году хакасского языка и юбилейным датам со дня рождения основоположников хакасского языкознания: 100-летию Д.Ф. Патачаковой и 90-летию М.И. Боргоякова*. Абакан, 2020. С. 148-151.
- Токарев, 1939** – Токарев С.А. Памятник обычного права бурят XVII века // *Исторический архив*. Т. II. 1939. С. 39-50.
- Устав..., 1822** – Устав об управлении инородцев от 1822 года / ПСЗРИ с 1649г. Т.38 1822-1823. СПб., 1830, № 29126.
- Хлыстов, 2023** – Хлыстов Е.А. Механизм взаимодействия обычно-правовых систем сибирских народов с правовой системой Российской империи // *Теория и практика общественного развития*. 2023. № 2(180). С. 139-144.
- Хлыстов, 2024** – Хлыстов Е.А. Влияние имперской системы судопроизводства на традиционное правосудие сибирских народов в дореволюционный период // *Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция*. 2024. № 1. С. 17-22.
- Цибиков, 1970** – Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ, 1970. 283 с.
- Шагдурова, 2012** – Шагдурова И.Н. Степные думы – органы самоуправления бурят в период Российской империи // *Власть и управление на Востоке России*. 2012. № 1(58). С. 127-130.
- Plotskaya et al., 2022a** – Plotskaya O.A., Kurilyuk Y.E., Ospanova D.A. Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1575-1584.
- Plotskaya et al., 2022b** – Plotskaya O.A., Ruchkina G.F., Alekseeva D.G., Naumkina V.V. The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 49-56.
- Plotskaya et al., 2023a** – Plotskaya O.A., Osmonalieva N.J., Lotorev E.N., Shiryova I.V. Usually-Legal Status of a Peasant Widow among the Zyryans and Votyaks in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1612-1620.
- Plotskaya et al., 2023b** – Plotskaya O.A., Elinsky V.I., Dzhindzholiya R.S., Fedorov R.V. The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII–XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 37-45.
- Sosnina et al., 2024a** – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Besedkina N.I., Avanesova A.A. The Customary Legal Status of Adopted Sons-In-Law in a Peasant Family in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(4): 1759-1765.

[Sosnina et al., 2024b](#) – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Besedkina N.I., Avanesova A.A. Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1318-1326.

[Sosnina et al., 2024c](#) – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Nikolaeva J.V., Lavrishcheva O.A. Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 159-168).

References

[Borisov, 2011](#) – Borisov, A.A., Dameshek, L.M. (2011). Stepnye dумы Sibiri: istoricheskij opyt samoupravleniya v imperskoj sisteme vlasti [Steppe Dumas of Siberia: the historical experience of self-government in the Imperial system of power]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 1: 123-135. [in Russian]

[Dameshek, 1986](#) – Dameshek, L.M. (1986). Vnutrennyaya politika carizma i narody Sibiri (XIX – nachalo XX vv.) [The internal policy of Tsarism and the peoples of Siberia (19th – early 20th centuries)]: monografiya. Irkutsk. 167 p. [in Russian]

[GA IO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [The State Archive of the Irkutsk region].

[Gergilev, 2016](#) – Gergilev, D.N. (2016). Sibir' kak primer poiskov optimal'nogo administrativno-territorial'nogo ustrojstva Rossii [Siberia as an example of the search for the optimal administrative and territorial structure of Russia]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mys'*. 8. 6-1: 56-61. [in Russian]

[Hlystov, 2023](#) – Hlystov, E.A. (2023). Mekhanizm vzaimodejstviya obychno-pravovyh sistem sibirskih narodov s pravovoj sistemoj Rossijskoj imperii [The mechanism of interaction of the customary legal systems of the Siberian peoples with the legal system of the Russian Empire]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2(180): 139-144. [in Russian]

[Hlystov, 2024](#) – Hlystov, E.A. (2024). Vliyanie imperskoj sistemy sudoproizvodstva na tradicionnoe pravosudie sibirskih narodov v dorevolucionnyj period [The influence of the Imperial judicial system on the traditional justice of the Siberian peoples in the pre-revolutionary period]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yurisprudenciya*. 1: 17-22. [in Russian]

[Istoriya Alarskoj Stepnoj..., 2015](#) – Istoriya Alarskoj Stepnoj dумы v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatiya (1824–1889 gg.): K 190-letiyu obrazovaniya Alarskoj Stepnoj dумы – organa mestnogo samoupravleniya alarskikh buryat (1824–1889 gg.) [The history of the Alar Steppe Duma in the documents of the State Archive of the Republic of Buryatia (1824–1889): On the occasion of the 190th anniversary of the formation of the Alar Steppe Duma, the local government body of the Alar Buryats (1824–1889)]. Irkutsk. 352 p. [in Russian]

[Krasnyakov, 2023](#) – Krasnyakov, N.I. (2023). Rossijskaya imperiya: opyt upravleniya nacional'nymi regionami (seredina XVII – nachalo XX v.) [The Russian Empire: the Experience of Managing national Regions (mid-17th – early 20th centuries)]. Novosibirsk. 460 p. [in Russian]

[Lappo, 1904](#) – Lappo, D.E. (1904). Obshchestvennoe upravlenie Minusinskih inorodcev [Public Administration of the Minusinsk foreigners]. *Izvestiya imperatorskogo Tomskogo universiteta*. Tomsk. 71 p. [in Russian]

[Lyksokova, 2010](#) – Lyksokova, V.C. (2010). Deloproizvodstvo i arhivy stepnyh dum: stranicy istorii (1822-1901 gg.) [Office management and archives of steppe dumas: pages of history (1822-1901)]. *Otechestvennye arhivy*. 1: 14-17. [in Russian]

[Marchenko, 1982](#) – Marchenko, V.G. (1982). Sistema upravleniya sibirskimi aborigenami v «Ustave ob upravlenii inorodcev» 1822 goda [The management system of the Siberian Aborigines in the «Charter on the Management of Foreigners» of 1822]. *Arheologiya i etnografiya Priob'ya*. Sb. statej. Pod red. N.V. Lukina. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta. P.153-164. [in Russian]

[NA RH](#) – Nacional'nyj arhiv Respubliki Hakasiya [National Archive of the Republic of Khakassia].

[Naumkina, 2009](#) – Naumkina, V.V. (2009). Stepnye dумы kak organy upravleniya korennyh narodov Vostochnoj Sibiri v XIX veke [Steppe Dumas as governing bodies of the indigenous peoples of Eastern Siberia in the 19th century]. *Sovremennoe pravo*. 2: 117-121. [in Russian]

[Naumkina, 2020](#) – Naumkina, V.V. (2020). Opyt konstitucionnogo razvitiya v Rossijskoj imperii na territorii Velikogo knyazhestva Finlyandskogo i carstva Pol'skogo [The experience of constitutional development in the Russian Empire on the territory of the Grand Duchy of Finland and the Kingdom of Poland]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 11: 64-66. [in Russian]

[NI OR RGB](#) – Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka. Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej [The Russian State Library. Scientific Research Department of Manuscripts].

[Obozrenie glavnih osnovanij..., 1841](#) – Obozrenie glavnih osnovanij mestnogo upravleniya Sibir. [An overview of the main foundations of local government in Siberia]. Napechatano po Vysochajshemu povelению. SPb. 138 p. [in Russian]

[Petukhova, 2021](#) – Petukhova, Z.I. (2021). Yakutskaya Stepnaya Duma [Yakut Steppe Duma]: monografiya. Yakutsk. 198 p. [in Russian]

- [Plotskaya et al., 2022b](#) – *Plotskaya, O.A., Ruchkina, G.F., Alekseeva, D.G., Naumkina, V.V.* (2022). The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 17(1): 49–56.
- [Plotskaya et al., 2022a](#) – *Plotskaya, O.A., Kurilyuk, Y.E., Ospanova, D.A.* (2022). Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1575–1584.
- [Plotskaya et al., 2023a](#) – *Plotskaya, O.A., Osmonalieva, N.J., Lotorev, E.N., Shiryova, I.V.* (2023). Usually-Legal Status of a Peasant Widow among the Zyryans and Votyaks in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 18(4): 1612–1620.
- [Plotskaya et al., 2023b](#) – *Plotskaya, O.A., Elinsky, V.I., Dzhindzholiya, R.S., Fedorov, R.V.* (2023). The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII–XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia. *Bylye Gody*. 18(1): 37–45.
- [PSZRI](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire].
- [Remnev, 1995](#) – *Remnev, A.V.* (1995). Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v I polovine XIX veka. [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the 19th century]. Omsk: izd-vo Omskogo un-ta. 236 p. [in Russian]
- [Ruk. Fond. Hakasskogo NIIYaLI](#) – Rukopisnyj fond Hakasskogo NIIYaLI. Arhivnye materialy Stepnoj Dumi 1824 –1856 go. [The handwritten Fund of Hackney. Archival materials of the Steppe Duma of 1824–1856]. [in Russian]
- [Samrina, 2020](#) – *Samrina, E.V.* (2020). «Inorodcheskaya» administraciya hakasov v pervoj polovine XIX v. [The «non-native» Khakass administration in the first half of the 19th century]. *Narody i kul'tury Sayano-Altaja i sopredel'nyh territorij: Mat-ly VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj Godu hakasskogo yazyka i yubilejnym datam so dnya rozhdeniya osnovopolozhnikov hakasskogo yazykoznanija: 100-letiju D.F. Patachakovoju i 90-letiju M.I. Borgoyakova*. Abakan. Pp. 148–151. [in Russian]
- [Savinov, 2005](#) – *Savinov, L.V.* (2005). Etnonacional'naya politika Rossijskoj imperii v Sibiri «Ustav ob upravlenii inorodcev» [The ethnonational policy of the Russian Empire in Siberia «The Charter on the management of foreigners»]. *Gosudarstvennyye reformy M.M. Speranskogo v istoricheskoy retrospektive: materialy konferencii*. Novosibirsk: SibAGS. Pp. 134–137. [in Russian]
- [Shagdurova, 2012](#) – *Shagdurova, I.N.* (2012). Stepnye dумы – organy samoupravleniya buryat v period Rossijskoj imperii [Steppe dumas – the self-governing bodies of the Buryats during the Russian Empire]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 1(58): 127–130. [in Russian]
- [Sosnina et al., 2024a](#) – *Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Besedkina, N.I., Avanesova, A.A.* (2024). The Customary Legal Status of Adopted Sons-In-Law in a Peasant Family in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(4): 1759–1765.
- [Sosnina et al., 2024b](#) – *Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Besedkina, N.I., Avanesova, A.A.* (2024). Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(3): 1318–1326.
- [Sosnina et al., 2024c](#) – *Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Nikolaeva, J.V., Lavrishcheva, O.A.* (2024). Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(1): 159–168.
- [Tokarev, 1939](#) – *Tokarev, S.A.* (1939). Pamyatnik obychnogo prava buryat XVII veka [A monument to the customary law of the Buryats of the 17th century]. *Istoricheskij arkhiv*. II. Pp. 39–50. [in Russian]
- [Tsibikov, 1970](#) – *Tsibikov, B.D.* (1970). Obychnoe pravo selenginskikh buryat [Customary law of the Selenga Buryats]. Ulan-Udeh. 283 p. [in Russian]
- [Ustav..., 1822](#) – *Ustav ob upravlenii inorodcev ot 1822 goda* [The Charter on the management of foreigners from 1822]. PSZRI s 1649g. T. 38. 1822–1823. SPb., 1830, № 29126. [in Russian]
- [V pamyat' grafa..., 1872](#) – *V pamyat' grafa Mihaila Mihajlovicha Speranskogo, 1772–1872* [In memory of Count Mikhail Mikhailovich Speransky, 1772–1872]. Pod red. A. F. Bychkova. Sankt-Peterburg: Izdanie Imperatorskoj publichnoj b-ki. 855 p. [in Russian]
- [Vagin, 1872](#) – *Vagin, V.* (1872). Istoricheskie svedeniya o deyatel'nosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri s 1819 po 1822 g. [Historical information about the activities of Count M.M. Speransky in Siberia from 1819 to 1822] T.2. SPb. 752 p. [in Russian]
- [Vlast' v Sibiri..., 2005](#) – *Vlast' v Sibiri: XVI – nachalo XX veka* [Power in Siberia: XVI – early XX centuries]. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. Novosibirsk: Izdatel'skij dom «Sova». 694 p. [in Russian]
- [Zavoevanie i kolonizaciya..., 2005](#) – *Zavoevanie i kolonizatsiya Sibiri* [The conquest and colonization of Siberia]. *Potanin G.N. Izbrannye sochineniya v trekh tomah*. T.2. Obshchestvenno politicheskoe proizvedenie. Pavlodar: TOO NPF «EKO». Pp. 257–271. [in Russian]

Административно-территориальное деление Сибири и реформа управления у коренных народов в первой половине XIX в.

Валентина Владимировна Наумкина ^{a, *}, Татьяна Викторовна Воротилина ^b,
Юлия Валентиновна Николаева ^c, Юрий Станиславович Кухарев ^d

^a Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

Аннотация. Территория Сибири на протяжении длительного времени имела специфические черты, связанные с особенностями состава населения, территориальной организации управления, сохранением традиционных устоев и обычного права. Преобразования М.М. Сперанского были первой комплексной реформой, которая охватила разные сферы жизнедеятельности и учитывала особенности территории. Кочевая организация ведения хозяйства коренными народами и отсутствие населённых пунктов не позволяли распространить на данное население существующие в Российской империи способы организации управления. Особенностью данной реформы было создание двух систем управления для переселенцев и коренных народов под общим губернским правлением.

В статье проводится анализ причин создания специфической системы управления. В результате реформы была создана система органов инородного управления на основе родовой организации общества. Рассматриваются уровни такого управления и функции инородных органов. Для инородной системы управления использовался принцип вертикальной подчинённости, частичной автономии и сохранения традиционных регуляторов. При проведении исследования были использованы официальные данные, архивные материалы и решения инородных органов.

Реформа была направлена на поэтапное административно-правовое «освоение» Сибири, поэтому элементы традиционного управления были интегрированы в созданную систему власти.

Ключевые слова: реформа М.М. Сперанского, административно-территориальное устройство, кочевые народы Сибири, родовое управление, Инородная управа, Степная дума, органы словесной расправы.

* Корреспондирующий автор

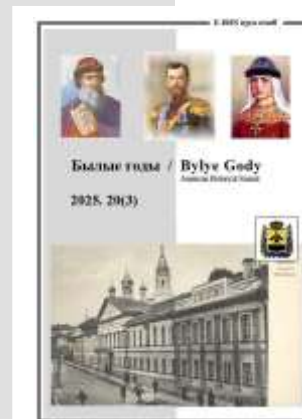
Адреса электронной почты: naumkinav@mail.ru (В.В. Наумкина), vorotilina@mail.ru (Т.В. Воротилина), unikolaeva@fa.ru (Ю.В. Николаева), yuriy.kuharev@yandex.ru (Ю.С. Кухарев)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1307-1319
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1307

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Social and Ethnic Composition of the Population Resettled to Turkestan from the Russian Empire

Sherbek T. Ravshanov ^a, Olimjon J. Irisqulov ^a, Rustam D. Yuldashev ^a, Azizbek A. Ungalov ^{a, *}

^a Samarkand State University, Republic of Uzbekistan

Abstract

As a result of the gradual conquest of Central Asian territories by the Russian Empire at the end of the 19th century, the Imperial government undertook systematic measures to resettle and accommodate European populations from the central and western gubernias of the Empire into the newly acquired territories. Individuals representing various social groups, including military personnel, peasants, workers, and other occupational categories, were involved in these resettlement processes. The ethnic composition of the migrants was equally diverse, encompassing representatives of numerous nationalities and ethnic groups. Upon their relocation to Turkestan, these settlers were compelled to adapt to unfamiliar conditions, including the climate, interactions and cooperation with the indigenous population, diverse religious beliefs, and the peculiarities of irrigated agriculture. Members of various ethnic groups, originating from different regions, had to establish friendly neighborly relations and cooperate closely with local communities. This article provides a scholarly analysis of the lifestyle, social characteristics, and ethnic composition of populations relocated from various regions of the Russian Empire to Turkestan.

The findings of the research reveal that from the earliest stages of the Russian Empire's penetration into the region, people of various ethnic backgrounds, nationalities, and religious beliefs entered Turkestan under the collective name of "Russian". Although restrictive measures were applied towards specific national and religious groups, representatives of diverse ethnicities and religions continued to settle in the region, especially if their presence served imperial interests or contributed to mitigating social tensions within the central gubernias.

Keywords: Turkestan, Russian Empire, Tashkent, K.P. Kaufman, Russians, Tatars, Kazakhs, Germans, Poles, resettlement.

1. Введение

В настоящее время возрастает научный интерес к изучению политической стратегии Российской империи в Туркестане, её административной системы, переселенческой политики и социальной жизни переселённых народов. Особое внимание уделяется таким вопросам, как социально-культурная адаптация переселенцев в регионе, их восприятие и интеграция местным населением, а также выявлению категорий населения, преимущественно переселяемых государством, и определению политических целей, преследуемых колониальной администрацией при проведении имперской политики. В то же время остаются актуальными вопросы, касающиеся образа жизни переселённых из различных регионов империи жителей, системы их образования, этнического и религиозного состава, а также характера их взаимодействия с местным населением.

* Corresponding author

E-mail addresses: azizbek.ungalov11111@gmail.com (A.A. Ungalov),
sherbek.ravshanov111@mail.ru (Sh.T. Ravshanov), irisqulov2022@gmail.com (O.J. Irisqulov),
rustamyuldashev361978@gmail.com (R.D. Yuldashev)

2. Материалы и методы

В целях объективного исследования социального и этнического состава населения, переселённого из Российской империи в Туркестанский край в конце XIX – начале XX века, были привлечены источники разных периодов. В частности, использовались архивные материалы Национального архива Республики Узбекистан (НАУз) (Ташкент, Республика Узбекистан): Ф. И-3 «Политическое агентство Российской империи в Бухаре», Ф. И-5 «Канцелярия начальника Зеравшанского округа», Ф. И-7 «Управление земледелия и государственных имуществ Туркестанского края», Ф. И-36 «Управление начальника города Ташкента», Ф. И-163 «Заведующий по устройству переселенческого населения в Ферганской области, Администрация по сельскому хозяйству и поземельным сборам Ферганской области, Управление города Скобелева», Ф. И-717 «Журналы заседаний Совета Туркестанского генерал-губернаторства».

Кроме того, были использованы материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., LXXXIII, Самаркандская область ([Первая всеобщая..., 1905](#)), а также материалы Всероссийских переписей 1920 года (Перепись населения в Туркестанской республике. Часть I. Выпуск III. Поселенные итоги по Сыр-Дарьинской области. Ташкент, ЦСУ Туркеспублики, 1923) ([Материалы..., 1923](#)). Результаты переписей населения являются важным источником, обеспечивающим точные цифровые данные и позволяющим чётко обозначить исследуемый период.

Важную роль в раскрытии хронологической последовательности и статистических аспектов переселения также сыграли публикации в газете «Московские ведомости» ([Московские ведомости, 1911](#)) и отчётные документы, подготовленные военными чиновниками Российской империи.

Методология данного исследования включает комплекс исторических и общенаучных методов и принципов исследования. В процессе изучения проблемы архивные материалы, периодическая печать, военные отчёты и результаты переписей населения выступили в качестве первичных источников. В ходе исследования были применены традиционные методы сравнительного и аналитического анализа указанных первичных источников и привлечённой литературы, что позволило всесторонне, объективно и достоверно осветить поставленную проблему.

3. Обсуждение

Для глубокого изучения проблемы социального и этнического состава населения, переселённого из Российской империи в Туркестан, необходимо выделить три этапа:

1. На данном этапе важное значение для изучения социальных и этнических характеристик населения имеют исследования, проведённые непосредственно в изучаемый период на основе наблюдений за процессами переселения и социально-экономическим положением переселенцев. К таким работам относится труд экономиста-статистика А.А. Кауфмана «Переселение и колонизация» ([Кауфман, 1905](#)).

2. Работы советского периода, созданные под влиянием коммунистической идеологии. К их числу относятся исследования П.Н. Шаровой «Переселенческая политика царизма в Средней Азии» ([Шарова, 1940](#)), П.А. Шмачкова «Крестьянское переселение в Туркестан (1867–1917 гг.)» ([Шмачков, 1962](#)) и А.И. Гинзбурга «Русское население в Туркестане» ([Гинзбург, 1991](#)).

3. Исследования, выполненные местными и зарубежными учёными после 1991 года, когда республики получили национальную независимость. Среди таких трудов можно выделить работы о ведущих социальных слоях в Российской империи в начале XIX века Б.Н. Миронова ([Миронов, 2014](#)), о мероприятиях, осуществлённых в рамках политики переселения Ш.С. Гаффорова ([Гаффоров, 2006](#)), о казачьих военных посёлках С.Б. Брежневой ([Брежнева, 2018](#)), о проблемах, связанных с обеспечением переселенцев земельными участками И.В. Чиброва ([Чибров, 2014](#)), о проблемах самовольных переселенцев О.Г. Пуговкиной ([Пуговкина, 2018](#)), о проблемных взаимоотношениях между переселенческим населением и имперской администрацией Т.В. Котюковой ([Котюкова, 2016](#)), о реформах в области переселения и социальных слоях общества Ш.Т. Равшанова ([Равшанов, 2023](#); [Равшанов, 2023](#)), о взаимных отношениях между различными этносами и их этнических особенностях О.И. Брусиной ([Брусиная, 2001](#)) и «Этнический атлас Узбекистана» ([Этнический атлас..., 2002](#)), об уровне социального положения переселенцев, прибывших в Ташкент Jeff Sahadeo ([Sahadeo, 2007](#)) и коллективный труд «Центральная Азия в составе Российской империи» ([Центральная Азия, 2008](#)), об условиях жизни и социально-экономических проблемах военных казаков в Туркестане В.Г. Германова ([Германов, 2009](#)), о взаимодействии различных религиозных конфессий и этнических групп среди переселенцев Ю.Н. Цыряпкиной ([Цыряпкина, 2016](#)), об условиях жизни переселенцев в Сырдарьинской области Н.Ж. Мирзаевой и М.А. Расуловой ([Мирзаева, Расулова, 2016](#)), об условиях жизни переселённых представителей немецкого, еврейского и армянского народов Д. Иноятовой ([Иноятова, 2009](#)), Л.Р. Гайсина ([Гайсин, 2012](#)), Б. Турсунова ([Турсунов, 1999](#)) и Р.Г. Назаряна ([Назарян, 2007](#)). Научные исследования этих авторов содержат важные и актуальные сведения, выявленные на основе современных методологических подходов, о социальном и этническом составе переселенческого населения. Кроме того, эти публикации, созданные после 1991 года, являются новейшими исследованиями, которые на основе объективного подхода предоставляют информацию о социальной

истории, этническом составе, культуре, обычаях, образовании, религиозных верованиях и взаимодействии с местным населением людей, переселившихся из Российской империи в Туркестан.

4. Результаты

В начале XIX века в Российской империи существовали четыре основных социальных слоя: дворянство, духовенство, военные и крестьянство. Вследствие обострения политической ситуации, репрессивных мер и проведения аграрных реформ численность дворянского и духовного сословий постепенно сокращалась, что, в свою очередь, способствовало резкому увеличению численности военных и крестьян (Миронов, 2014: 443). Основными субъектами переселенческой политики Российской империи в Туркестанском крае являлись именно военные и крестьяне. Первоначальной целью первого Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана было переселение в край бывших военнослужащих и крестьян.

Как отмечалось выше, в конце XIX века переселение и размещение населения в Туркестане не регулировалось строго действовавшим в империи законодательством. Хотя согласно принятым законам Туркестанский край формально считался закрытым для переселенцев, на практике в тех же нормативных актах содержались исключения. Например, согласно Положению 1886 года, право на переселение в край предоставлялось исключительно православному населению. Кроме того, местные военные администраторы, офицеры и солдаты, проходившие службу в структурах военного министерства, после её окончания имели право остаться в крае. Этим правом пользовались также бывшие военнослужащие из других регионов империи (Котюкова, 2016: 58).

Первыми русскими поселенцами на территории Семиречья были военные казаки из Сибири. Казаки, переселённые с Урала и Западной Сибири, размещались на территории Семиречья и в районе озера Иссык-Куль, недалеко от границы с Китаем (Фафоров, 2006: 108). С 1847 по 1867 год здесь было организовано 14 казачьих станиц с населением около 15 тысяч человек. С 1872 года их количество начало резко возрастать, и к 1882 году в Семиречье уже насчитывалось 60 поселений, из которых 31 были крестьянскими (Кауфман, 1905: 160-161), а 29 – казачьими станицами с населением около 25 тысяч человек (Брежнева, 2018: 614). Кроме того, к началу XX века вновь усилился поток самовольных переселенцев, временно сократившийся ранее. По официальным данным, свыше 16 тысяч человек ожидали размещения на территории Семиречья (Кауфман, 1905: 161). Подобная ситуация была закономерной, поскольку после создания Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 году его первый руководитель К.П. фон Кауфман, регулируя процессы переселения в центральные районы края, запретил размещение там казаков, разрешив переселение лишь лицам русской национальности. В результате казаки были вынуждены осесть в Семиречье, Прикаспийских регионах, а позже – в районе Аральского моря (Гинзбург, 1991: 28).

Во второй половине XIX века в Туркестан активно начали переселяться представители различных социальных слоёв и национальностей из разных регионов Российской империи, в том числе русские, украинцы, белорусы, татары, немцы, поляки, армяне и другие народы. Русская диаспора сформировалась также на территориях Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Представители этих групп населения прибывали сюда преимущественно в связи с развитием железнодорожного строительства и основанием русских городов (Каган, Чарджуй), не имеющих непосредственного отношения к земледелию (Котюкова, 2016: 53-54).

В результате миграционной политики Российской империи в Туркестане постепенно формировался особый социальный и этнический состав населения. Первыми переселенцами, прибывшими в регион, были военные, связанные с колонизацией края. В свою очередь, сами военные подразделялись на две основные категории. Первая группа была представлена военнослужащими регулярной армии империи, принадлежавшими к русской национальности (русские, украинцы, белорусы, немцы, поляки и др.). Представители этой группы практически не имели ограничений на проживание и обладали значительными привилегиями в местах расселения. Вторая группа состояла из казаков, выполнявших функции военной защиты и освоения новых территорий на окраинах империи. Наибольшее число казачьих переселенцев было отмечено в Семиречье (Равшанов, 2023а: 105).

Период 1874–1890 годов можно условно назвать первым этапом переселения русских крестьян в Туркестан. Второй этап приходится на 1891–1892 годы и связан с массовым голодом, вызванным засухой в центральных губерниях России. В этот период российское правительство уже не могло эффективно контролировать миграционные процессы, вследствие чего в Туркестане одновременно появилось до 20 новых русских крестьянских поселений. Если анализировать социальный состав крестьян, переселившихся в эти два периода, то с 1874 года прибывали преимущественно крестьяне среднего достатка, а начиная с 1891 года переселялись бедные крестьяне, находившиеся в крайне тяжёлом экономическом положении и неспособные представлять русскую колониальную культуру перед местным населением. Значительная часть этих крестьян была отнесена к категории самовольных переселенцев, прибывших без официального разрешения (Шмачков, 1962: 6-8).

Ещё один мощный поток крестьян-переселенцев в Туркестан был связан с проведением Столыпинской аграрной реформы в России и наблюдался в 1906–1910 годах. Главной целью столыпинской реформы являлось устранение последствий революции 1905 года путём переселения

значительной части крестьянского населения из центральных губерний за Урал, в азиатские регионы империи, включая земли Туркестана. Это, в свою очередь, привело к увеличению числа самовольных переселенцев и попыткам придать стихийным процессам законный характер без учёта интересов и положения местного населения (Равшанов, 2023: 46-47).

С целью упорядочения процессов самовольного переселения, 13 июля 1889 года правительство Российской империи издало закон «О добровольном переселении сельского и мещанского населения на государственные запасные земли и о регистрации собственности ранее переселившихся лиц». Данный нормативный акт определял правовой статус самовольно переселившихся на новые территории лиц. Закон предусматривал дальнейший запрет на самовольное переселение и устанавливал административный порядок возвращения самовольных переселенцев на прежнее место жительства. Правительство тем самым продолжало борьбу с несанкционированной миграцией. В то же время этот закон предоставлял ряд льгот для лиц, желавших переселиться в Туркестан или другие регионы, в частности, право на законную продажу имущества по прежнему месту проживания и освобождение от уплаты налогов и воинской повинности в течение трёх лет на новом месте. Однако подобные меры не только не упорядочили миграционные процессы, но, напротив, способствовали росту стихийного переселения, поскольку правительственные структуры не могли эффективно контролировать усилившийся миграционный поток. Например, в период 1889–1891 годов официальное разрешение на переселение в Туркестан получили 17 289 семей, однако фактически переселились 28 911 семей. Таким образом, 40,2 % переселенцев оказались самовольными (Гинзбург, 1991: 21).

В начале XX века в Семиреченской области насчитывалось более 16 тысяч человек, ожидавших размещения после самовольного прибытия, а в трёх областях Туркестана (Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской) около 12 тысяч таких переселенцев ожидали выделения земель и возможности осесть (Чибров, 2014: 16). Число самовольных переселенцев росло с каждым годом. В 1906 году в Туркестанском крае (без учёта Семиречья) было зарегистрировано свыше 77 тысяч безземельных и неустроенных переселенцев из разных частей империи (Гинзбург, 1991: 40). Изначально переселенческие мероприятия империи были направлены на малозаселённые территории за Уралом – Сибирь, Степной край и Дальний Восток, однако переселенцы, не адаптировавшиеся к местным климатическим условиям, начали массово перемещаться в Туркестан. Их общее число превысило 100 тысяч человек (НАУз. Ф. И-717. Оп. 1. Д. 17. Л. 616).

Переселенцы, прибывавшие в Туркестан, независимо от того, имели ли они официальное разрешение или были самовольными, сталкивались со значительными трудностями. Во-первых, несмотря на то, что большая часть пригодных земель уже была освоена местным населением, проблема нехватки земель оставалась актуальной. Во-вторых, для освоения местных земель требовались особые навыки ведения искусственного орошения, которыми переселенцы не обладали, и это стало важной проблемой для прибывших (НАУз. Ф. И-717. Оп. 1. Д. 17. Л. 620). В-третьих, процедуры, разработанные колониальной администрацией для организации переселения, не соответствовали реальным условиям региона, и местные чиновники действовали по своему усмотрению. По этим причинам многие русские крестьяне, не получившие обещанных земель, были вынуждены возвращаться обратно в губернии своего исходного проживания.

Тяжёлое экономическое положение переселенцев усугублялось социально-медицинскими проблемами. В частности, в городах и сёлах они часто вынуждены были просить милостыню; кроме того, среди них распространялись инфекционные заболевания, особенно тиф, охвативший Андижанский и Ошский уезды Ферганской области (НАУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5049. Л. 14). В связи с этим местные власти неоднократно отправляли в центральную администрацию запросы о необходимости временного прекращения переселенческого потока в Туркестан (НАУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5049. Л. 15-26). Однако все эти меры не дали ожидаемого результата.

С 1 января по 1 декабря 1909 года по Ташкентской железной дороге в Туркестан прибыло 6508 самовольных переселенцев. Однако размещение вновь прибывших здесь являлось серьёзной проблемой. Недостаток свободных земель и отсутствие чётко организованных мероприятий по переселению значительно усугубляли положение переселенцев. Только за один 1909 год из числа прибывших 1249 человек были вынуждены вернуться обратно. С трудностями размещения сталкивались не только самовольные переселенцы, но и те, кто имел официальные разрешения (так называемые «переселенческие свидетельства»). Например, из 1086 русских крестьян, прибывших на станцию Арыс в 1913 году, 704 человека, не сумев устроиться на новом месте, были вынуждены вернуться обратно (Гинзбург, 1991: 44).

Таким образом, в период 1905–1911 годов ежегодно от 10 до 36 % переселенцев возвращались назад (Пуговкина, 2018: 98). В частности, из 665 тысяч переселенцев, прибывших в 1908 году, вернулось 6 %; из 619 тысяч в 1909 году – 13 %; из 316 тысяч в 1910 году – 36 %; а из 183 тысяч в 1911 году – около 60 % (Шарова, 1940: 20). В Туркестанском крае этот показатель был ещё выше: в 1909 году обратно вернулся 21 % переселенцев, а в период 1911–1913 годов – от 81 % до 99 % прибывших (Шарова, 1940: 25). Это свидетельствует о том, что миграционная политика Российской империи в Туркестане не достигла поставленных целей. Особенно тяжёлые последствия эта политика

имела для крестьянского населения. Кроме того, неэффективное расходование государственных средств на реализацию переселенческих мероприятий стало одной из причин кризиса Российской империи.

Согласно Положению 1886 года, в Туркестанском крае был установлен порядок предоставления льгот для бывших военнослужащих. Размещение в крае отставных и резервных военных рассматривалось не только как желательное, но и как необходимое условие для укрепления колониальной системы управления. Перед ними стояла задача беспрепятственного проживания на территории Туркестана и укрепления интересов империи путём освоения местной среды, изучения особенностей региона и налаживания контактов с местным населением. В дальнейшем именно эта категория должна была сыграть ключевую роль в формировании крестьянского слоя, который предполагалось активно привлекать в регион в будущем. В связи с этим предусматривалось финансирование жилищных потребностей, компенсация расходов при переселении и возвращении обратно. Кроме того, низшие чины военных должны были быть готовы к срочной мобилизации в любой чрезвычайной ситуации. Учитывая недостаточные навыки бывших военных в области земледелия, ожидать от них значительных экономических результатов было бессмысленно. Однако в целях социальной поддержки им предоставлялись займы в размере 100 рублей. Права и льготы этой категории военнослужащих были закреплены в пунктах 280–284 Положения об управлении Туркестанским краем от 1886 года (НАУЗ. Ф. И-717. Оп.1. Д.17. Л. 617–618). В результате предоставленных льгот и привилегий земли, переданные в распоряжение бывших военных, постепенно превращались в ведущие хозяйства региона, а их владельцы со временем становились представителями местной администрации и контролирующими органами. В конечном итоге это привело к формированию в Туркестане нового класса кулаков (НАУЗ. Ф. И-717. Оп. 1. Д. 17. Л. 619).

Переселенцы, прибывшие в Туркестан из разных социальных слоёв и регионов империи, постепенно закрепились среди местного населения под названием «новые туркестанцы». Они вынуждены были адаптироваться к местным трудностям и мириться с ограниченным объёмом государственной поддержки.

Однако среди переселенцев было также немало тех, кто прибыл в Туркестан с иными целями: в погоне за богатством, высокими должностями и влиянием. Многие из них не достигли успеха, поскольку их подход к жизни в Туркестане был поверхностным и исключительно материальным (Котюкова, 2016: 55–56).

В целом, при реализации переселенческой политики в Туркестане российские власти преследовали две основные цели. Первая заключалась в решении острого социального вопроса в центральных губерниях путём выделения земли, принадлежавшей местному населению, малоземельным российским крестьянам. Вторая – в увеличении численности русской диаспоры в Туркестане и использовании её для удовлетворения экономических потребностей империи (Котюкова, 2016: 58–59).

Разумеется, важнейшим фактором, обусловившим миграционные процессы, было резкое обострение социально-экономической и политической ситуации в центральных губерниях Российской империи, побуждавшее русских крестьян переселяться в Туркестан в надежде получить землю. Основной поток переселенцев, по данным исследований, происходил из Воронежской, Смоленской, Саратовской, Орловской, Курской, Самарской, Пензенской, Киевской, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Винницкой губерний, а также из областей расселения донских и оренбургских казаков, из уральских и сибирских регионов. Среди переселенцев, помимо русских, украинцев и немцев были также татары, мордва, марийцы и представители других народов Поволжья и Урала (Брусина, 2001: 27).

Однако подавляющее большинство переселенцев составляли именно русские (включая украинцев и белорусов). Хотя их проникновение в Туркестан началось гораздо раньше, основной поток относится к периоду после превращения региона в колонию Российской империи. В результате в период колонизации русские составили большинство населения в новых районах городов, таких как Ташкент, Самарканд, Чимкент, Аулие-Ата, Чарджуй, Ашхабад, Коканд, Андижан, Маргилан, Наманган, Джизак, Ходжент, Катта-Курган, Ура-Тюбе и др. В частности, в 1871 году население нового района Ташкента составляло 2073 человека, из них 1289 были русскими (включая украинцев и белорусов). Русские переселенцы, прибывавшие в городские центры Туркестана, происходили преимущественно из Воронежской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Харьковской, Оренбургской и Самарской губерний империи (Гайсин, 2012: 71). Согласно данным переписи 1897 года, численность русских в Туркестане составляла 197 тысяч человек (3,75 % от общего населения края), а на территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства – 16 тысяч. Большинство русских проживало именно в городах (Этнический атлас..., 2002: 190).

Городское русское население было занято в промышленности, железнодорожном строительстве, горнодобывающей отрасли, строительстве, сфере услуг, административном управлении, военно-оборонной сфере, наёмном труде, мелких ремёслах и кустарных производствах. Значительная часть этого слоя состояла из рабочих, оставшихся без земель в результате аграрных реформ в России и прибывших в поисках заработка. Русские рабочие, мигрировавшие в Туркестан,

оседали в основном в Ташкенте и других крупных городах. Имперские власти уделяли им незначительное внимание, рассматривая преимущественно в качестве рабочей силы для строительства и эксплуатации железных дорог и организации поставок хлопкового сырья, то есть в рамках колониальной экономики ([Sahadeo, 2007: 108](#)).

Рассматривая особенности переселения казачества в Туркестан, представлявшего собой один из крупнейших социальных слоёв региона и известного своей военной деятельностью, следует отметить, что среди казаков были представители различных этнических групп. Помимо русских, сюда входили татары, башкиры, украинские казаки, казахи, калмыки, мишари (тюркоязычное татаризированное мусульманское население, проживавшее в среднем течении Волги и на Урале), туркмены и представители других этнических групп ([Центральная Азия, 2008: 213](#)).

В целом, появление и расселение казачества в Туркестанском крае было связано с созданием Амударьинского отдела после завоевания Хивинского ханства Российской империей в 1873 году. В пределах современной Республики Каракалпакстан и Хорезмской области переселение происходило в два этапа: в 1875 году были переселены уральские казаки-старообрядцы (старообрядчество – религиозно-общественное движение в России XVII века, объединявшее последователей старых церковных обрядов), а в 1877 году осуществилось второе переселение, уже вместе с их семьями. Основной причиной переселения уральских казаков-старообрядцев в Амударьинский и Приаральский регионы стали негативные действия Российской империи в отношении данного населения до конца XIX века. По мнению В.А. Германова, позитивные взаимоотношения между каракалпаками, хорезмийцами и казаками позволили последним успешно адаптироваться к новым условиям и наладить совместную деятельность в области рыболовного хозяйства и других отраслях ([Германов, 2009: 130–133](#)).

В начале XX века активизировались процессы переселения старообрядцев. Согласно информации, озвученной Переселенческим управлением на Всероссийском съезде старообрядцев, Главное управление землеустройства и земледелия гарантировало отсутствие препятствий для их переселения в Туркестан, Семиречье и Семипалатинскую область. В ответ на это старообрядцы направили своих представителей для проверки условий переселения в указанные регионы, а также обратились с прошением к Туркестанскому генерал-губернатору о возможности переселиться на территории Хивинского ханства. В свою очередь, канцелярия Туркестанского генерал-губернатора обратилась в военное министерство, сообщив об отсутствии препятствий к удовлетворению прошения старообрядцев и предоставила им определённую степень свободы и полномочий для переселения. Однако, как и у других переселенцев, старообрядцы столкнулись с серьёзной проблемой отсутствия навыков искусственного орошения, что приводило к низкому уровню развития их земледельческих хозяйств ([Московские ведомости, 1911](#)).

Основной причиной переселения старообрядцев в Туркестан являлось нежелание представителей данной религиозной группы признавать власть имперского правительства, а также их проживание на территории Румынии. Позднее, когда имперские власти начали принудительно мобилизовать старообрядцев в российскую армию, это стало дополнительным стимулом для переселения их в Туркестанский край ([Московские ведомости, 1911](#)).

Уральские казаки-старообрядцы, продолжавшие следовать своим религиозным убеждениям, в начале XX века расселились в таких центральных городах Туркестана, как Чиназ, Ташкент, Маргилан и других. Вплоть до революции 1917 года, подобно местному населению, они не были полноценно учтены в официальных переписях. Позднее, в 1981 году, потомки уральских казаков-старообрядцев были вынуждены покинуть территорию современной Каракалпакской Республики из-за резкого снижения уровня Аральского моря и переселиться в окрестности города Калач Волгоградской области Российской Федерации ([Германов, 2009: 130–136](#)).

Казачество присутствовало во всех крупных городах Туркестана, поскольку казаки выполняли функции основных военных сил и обеспечивали безопасность и оборону городов и прилегающих территорий. Например, согласно сведениям, предоставленным штабом охраны Туркестанского военного округа начальнику Зеравшанского округа генерал-майору А.К. Абрамову от 4 октября 1876 года, для постоянного проживания в «новом городе» Самарканда были переселены 245 уральских казаков. Также указано, что из Казалинска были переведены 277 человек, из Перовска – 76 человек, а из других фортов – 13 человек. Таким образом, из Сырдарьинской области в Самарканд всего переселилось 366 уральских казаков. Переселение осуществлялось также с целью обеспечения безопасности в городах Джизак и Пенджикент Самаркандского округа ([НАУз. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 3288. Л. 6–8](#)).

В Туркестане представители западноевропейских народов составляли меньшинство, однако среди них значительное место занимали немцы. Появление немцев в Центральной Азии было связано с военными действиями Российской империи в Туркестане в 1860-х годах. Основную часть немецких переселенцев составляли выходцы из прибалтийских губерний, немецких колоний Северного Кавказа и Саратовской губернии. С 1874 года количество немцев-меннонитов, отказывавшихся от несения обязательной воинской службы в Российской империи, значительно

возросло на территории Туркестана и Хивинского ханства. За последние двадцать лет XIX века в край переселилось свыше 500 меннонитских семей (Котюкова, 2016: 95).

Особенно заметно бесконтрольное переселение населения в Туркестан проявилось в период засухи 1891–1892 годов, охватившей центральные губернии империи. В эти годы увеличился поток не только православного населения, но и раскольников – представителей различных сект, выступавших против канонических правил православия. Это обстоятельство осложняло задачу размещения переселенцев, так как возникали сложности в поддержании социальной и религиозной стабильности между ними. Поэтому власти были вынуждены учитывать их религиозный состав, социальное происхождение и регион, из которого они прибыли (НАУз. Ф. И-717. Оп. 1. Д. 17. Л. 616).

Немецкое население стремилось сохранить свою идентичность и образовывало обособленные группы. Среди переселенцев встречались представители различных религиозных сект. Так, в Туркестане проживали молокане (христианская секта, распространённая среди русских), меннониты (протестанты, возникшие среди голландцев), баптисты (европейские протестанты, провозглашавшие «отказ от всех грехов»), сектанты (особые религиозные школы или партии в христианстве), субботичи (католики, фамилия южнославянского происхождения), хлысты (небольшая секта, не входившая в состав Русской православной церкви), адвентисты (протестантское течение, возникшее в США и проникшее в Россию в 1880-х годах) и немецко-лютеранские общины (НАУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5221. Л. 70).

Немцы, несмотря на принадлежность к различным религиозным конфессиям, благодаря своим специфическим чертам, служили положительным религиозным и культурным примером для представителей русского населения. Например, немецкая община, проживавшая в городе Ташкенте и его окрестностях, в 1892 году активно поддерживала и оказывала спонсорскую помощь в строительстве жилья немецким переселенцам, прибывшим в посёлок Константиновск Ташкентского уезда. Между тем среди русских переселенцев подобная солидарность и взаимопомощь не получили широкого распространения. Отношения между русскими сохранялись преимущественно в рамках традиций, сложившихся ещё в губерниях их прежнего проживания (Цыряпкина, 2016: 185).

Хотя русская колониальная администрация не была заинтересована в переселении католического населения в Туркестан, она проявляла лояльность к немецким лютеранам. Баптисты же, в отличие от православных русских, не употребляли алкогольных напитков и табачных изделий и поддерживали хорошие отношения с местным населением, вследствие чего считались надёжной опорой при реализации переселенческой политики правительства. Так, первоначально на территории Мирзачула возникли поселения «Верхний Волыньск», «Нижний Волыньск» и «Спасский», заселённые баптистами и молоканами, а посёлки «Конногвардейск», «Сырдарья» и «Велико-Алексеевский» были населены православными и сектантами. В отличие от местных православных переселенцев, баптисты прибыли в регион с собственными финансовыми ресурсами и смогли быстро наладить своё хозяйство, не обращаясь за материальной помощью к имперским властям. Несмотря на выделение не самых плодородных земель, они добились успехов в хозяйственной деятельности, занимаясь рыбным промыслом и животноводством, при этом проживали в гармонии друг с другом. Такие факторы, как отказ от алкоголя, табака и свинины, а также изучение местного языка, обеспечили им возможность устанавливать дружеские отношения с мусульманским населением, что существенно отличало их от православных поселенцев (Мирзаева, Расулова, 2016: 44–45).

Для того, чтобы подтвердить достоверность представленных выше сведений о взаимной солидарности немцев, стоит обратить внимание на период правления первого генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана, имевшего немецкие корни.

В письме военного губернатора Сырдарьинской области к ташкентскому градоначальнику от 1880 года, содержащем информацию о поселении немецких меннонитов (место жительства, земельные наделы, ссуды и список), сообщалось, что 500 человек (71 семья) поселившихся меннонитов были привлечены к уборке и благоустройству рынка города Ташкента, ремонту кровель и прочим хозяйственным работам. На обустройство жилья каждой семье была обещана сумма в размере 100 рублей, однако фактически выделено было лишь по 25 рублей (НАУз. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1778. Л. 1–2). В дальнейшем, к 1881 году, для 80 меннонитских семей, состоявших из бывших военнослужащих и военнослужащих в запасе, в Маровском участке Аулие-Атинского уезда было выделено 1040 десятин земли (НАУз. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1778. Л. 8). Кроме того, в 1881 году рассматривался вопрос о приёме на территорию Бухарского эмирата 60 меннонитских семей, проживавших на территории Хивинского ханства. Однако эмир не дал согласия на это, вследствие чего меннониты остались на территории Хивинского ханства при условии соблюдения местных правил и требований хана (НАУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 16. Л. 12). Позднее часть немцев-меннонитов из Хивинского ханства переселилась в Амударьинский отдел и в начале XX века на территорию Аулие-Атинского уезда (НАУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5221. Л. 8–13).

В 1917 году на территории Аулие-Атинского уезда Сырдарьинской области было зарегистрировано 9 немецких поселений, а в Ташкентском уезде – 4 поселения (Материалы..., 1923: 23). К этому времени в городах и сельской местности Сырдарьинской области было учтено 6 103 представителя немецкой национальности (Материалы..., 1923: 43).

Численность немецкого населения в Туркестане постепенно росла, и если в конце XIX века она составляла около 3 800 человек, то к началу XX века достигла уже 8 500 человек. Более 5 тысяч из них проживали в городах, остальные – в сельских местностях. В частности, в Ташкенте было зарегистрировано 3 245 немцев, в Самарканде – 378, в Ашхабаде – 566 человек; представители данной национальности проживали практически во всех городах края ([Иноятова, 2009: 137-138](#)).

Немцы в Туркестане были широко представлены в системе административного управления. Наиболее известными представителями данной категории являлись четыре генерал-губернатора Туркестанского края: К.П. фон Кауфман (1867–1882), Н.О. Розенбах (1884–1889), Флуг (1913–1914), Ф.В. Мартсон (1914–1915), член Ташкентской городской думы М.Р. Келлер, военный губернатор Самаркандской области С.Д. Гескет и другие высокопоставленные чиновники немецкого происхождения ([Гайсин, 2012: 71](#)).

Немецкие поселения в Туркестане стали ведущими и наиболее эффективными хозяйствами в регионе, выступая своеобразной опорой для реализации колониальной политики Российской империи. Переселённые в Туркестан немцы занимали особое место в политической и социально-экономической жизни региона. Их вклад был замечен не только в военной и административной сферах, но и в сельском хозяйстве, промышленности, науке, культуре, образовании, медицине, музыке, торговле и других многочисленных отраслях, где они успешно взаимодействовали с местным мусульманским населением, достигая значительных результатов благодаря своему трудолюбию и организованности. После завоевания Российской империей Туркестана резко возросло также число татар среди переселенцев. Татары играли важную роль в торговых отношениях между государствами Центральной Азии и Российской империей. В 1865 году численность татар в Центральной Азии составляла около 5 тысяч человек. В период военных действий они прибывали в край в качестве офицеров, солдат и переводчиков. Татар можно было встретить как в старой, так и в новой частях Ташкента, особенно вблизи Анхора, около Бешагачских ворот, где сформировалась татарская махалля (ныне улица Туроб Тула). В 1871 году в Ташкенте проживало всего 98 татар, однако к 1897 году их количество увеличилось до 2 313 человек. Наиболее многочисленная татарская община в конце XIX века была зафиксирована в Наманганском уезде (6 670 человек). Также татары были зарегистрированы в Ашхабаде – 1 161 человек, в Туркестане – 513, в Аулие-Ате – 266, в Чимкенте – 120 человек, а также во всех остальных городах региона ([Гайсин, 2012: 71](#)). Татары были заняты не только в военном, административном и переводческом деле, но также в строительстве мечетей, на рынках, в торговле, скупке и продаже хлопка, коневодстве, маклерстве, строительных работах, кузнечном ремесле, ювелирном деле, портняжном деле, сапожном ремесле и других многочисленных сферах. Являясь представителями тюркского народа и мусульманами по вероисповеданию, татары принимали активное участие в просветительской деятельности в Туркестане. В конце XIX века в Ташкенте татары основали мечеть и медресе Марджани. В 1902 году в городе Каган была открыта первая татарская школа, в том же году в Ташкенте открылась школа муллы Нура Вахидова, а в 1904 году Сахибом Еникеевым был основан первый татарский национальный театр. В Туркестане была открыта типография, выпускавшая книги на татарском языке арабской графикой, понятной другим тюркским народам. В образовании татары сыграли ключевую роль в открытии школ нового типа и распространении европейской культуры среди мусульман Центральной Азии ([Гайсин, 2012: 71](#)).

Имперское правительство Российской империи стало рассматривать просветительскую деятельность татар в Туркестане как угрозу, способствующую распространению идей панисламизма и пантюркизма среди местного населения ([Котюкова, 2016: 109](#)). В результате некоторые права татар в крае были ограничены. В частности, согласно Положению 1886 года, татарам было запрещено владеть недвижимым имуществом в Туркестанском крае. Однако татары нашли обходные пути решения этой проблемы, формально регистрируя имущество на представителей других национальностей и продолжая вести хозяйственную деятельность нелегально ([Гайсин, 2012: 71-72](#)).

В целом, к 1917 году численность татар, переселившихся в Туркестан из районов Среднего Поволжья, Северного Урала, Западной Сибири и других территорий Российской империи, превысила 100 тысяч человек ([Центральная Азия..., 2008: 231](#)).

Миграционная политика, проводимая Российской империей в Туркестане, способствовала притоку не только большого числа военнслужащих и представителей других социальных слоёв, но также ремесленников, торговцев и квалифицированных специалистов различных отраслей. Этим воспользовались и представители европейских евреев, которые начали активно переселяться в Туркестан, обосновываясь преимущественно в промышленных и городских центрах. Среди евреев были предприниматели, промышленники, торговцы, медицинские работники, инженеры, юристы и специалисты других направлений ([Центральная Азия..., 2008: 231](#)). По данным на 1897 год, еврейское население в Коканде составляло 275 человек, в Маргилане – 186, в Намангане – 110, в Андижане – 97, в Ташкенте – 1719, в городе Туркестан – 498, а в Чимкенте – 202 человека. До российского завоевания местные евреи (бухарские евреи – *Прим. авт.*) проживали в Бухаре, Самарканде, Андижане, Ташкенте и других городах региона. Местное еврейское население с энтузиазмом встретило приход русских войск, поскольку это ослабило ранее существовавшие ограничения и позволило им наладить деловое сотрудничество с прибывшими единовѣрцами в области торговли и производства. К концу

XIX века местные и прибывшие евреи заняли важное место в экономике Центральной Азии. В отличие от местных евреев, среди переселенцев имелись представители юридической сферы, обладавшие глубокими профессиональными знаниями (Гайсин, 2012: 72).

Евреи, подобно ситуации в других регионах Российской империи, стремились сохранить свою идентичность, основывая еврейские образовательные учреждения. После российского завоевания в Туркестане были открыты еврейские начальные школы – хедеры, в которых молодёжи давалось начальное образование и религиозные основы иудаизма. В 1888 году в Туркестане функционировало 18 хедеров. К январю 1916 года только в одном Самарканде их число достигло 17, и в них обучались 676 еврейских детей (Турсунов, 1999: 61–62).

В период завоевания Туркестана Российской империей одним из народов, мигрировавших в край с Кавказа, были армяне. Основной поток армянских переселенцев в Туркестан исходил из районов Зангезура, Карабаха и Западной Армении. Их проникновение в центральные области Туркестана было обусловлено, прежде всего, строительством Красноводско-Самаркандской железной дороги. Новая власть предпочитала привлекать кавказских мастеров к возведению вокзалов, мостов, депо и каменных построек. Кроме того, армяне, хорошо владеющие тюркскими и персидским языками, были востребованы в качестве переводчиков. Также империю устраивало то, что армяне, как и русские, принадлежали к христианскому вероисповеданию (Германов, 2002: 33–34).

Несмотря на малочисленность армянской диаспоры в Туркестанском крае, её представители играли активную роль в местной экономической жизни. Здесь они открывали и владели ресторанами, магазинами, банками, ремесленными мастерскими, фабриками, банями, гостиницами и другими предприятиями. Имперское правительство в значительной степени поощряло миграцию армян в Туркестан, исходя из их христианской принадлежности (Назарян, 2007: 134).

Генерал-майор русской армии Б. Литвинов отмечал об армянах следующее: «...пришла русская армия, вслед за ней потянулись армяне... Они открыли лавки; военные продолжали прибывать... улучшились транспортные коммуникации, появились заводы, церкви, школы и... армяне, армяне и снова армяне. Армянские торговцы вытеснили татар из торговли, армянские портные вытеснили евреев, занимавшихся этим ремеслом; армяне стали продавцами, купцами, владельцами пивных лавок, одним словом, основали собственный армянский квартал» (Гайсин, 2012: 73).

Несмотря на небольшую численность, армяне заняли значимое место среди переселенцев в Туркестане. К 1917 году их количество только в Ташкенте составляло около 2500 человек (Материалы..., 1923: 44). Уже с момента своего переселения армяне начали активно открывать собственные национальные церкви и образовательные учреждения.

Говоря о народах европейского происхождения, переселённых в Туркестан, невозможно обойти вниманием поляков. Польские националисты, потерпев поражение в борьбе за независимость Польши в восстаниях 1831 и 1863 года, впоследствии прибывали в Туркестан уже в составе российской армии, против которой ранее воевали. Таким образом, переселение поляков в Туркестан связано с российским завоеванием края. Значительная часть поляков, прибывших в составе имперской армии, впоследствии оставалась жить на территории Туркестана. Здесь они становились военными чиновниками, врачами, юристами, предпринимателями, инженерами, высококвалифицированными рабочими и ремесленниками. К концу XIX века общая численность поляков в Туркестане достигла 11 597 человек. Около 90 % из них проживало в городах региона. Если в 1871 году в Ташкенте проживало всего 18 поляков, то к 1897 году их число достигло 2206 человек. Кроме того, в Ашхабаде насчитывалось 1605 поляков, в Маргилане – 727, в Андижане – 194, в Коканде – 215, в Намангане – 192 человека (Гайсин, 2012: 72), в Самарканде – 1097, в Каттакургане – 221, в Худжанде – 130 и в Джизаке – 83 поляка (Первая всеобщая..., 1905: 48).

Несмотря на то, что поляки пользовались уважением среди русских Туркестана, в конце XIX – начале XX века они начали активно объединяться с католическими церковными общинами немцев. Поляки проявляли значительное тяготение к немцам, вследствие чего межэтнические браки между поляками и немцами стали довольно распространённым явлением в Туркестане (Гайсин, 2012: 72–73). Ещё одна волна польской миграции в Туркестан наблюдалась в годы Первой мировой войны, когда в край были направлены военнопленные и беженцы из Царства Польского, начавшие здесь новую жизнь. Строительство римско-католического храма в Ташкенте также осуществлялось именно поляками, поэтому его иногда называли «польским костёлом» (Котюкова, 2016: 102). В целом, на территории современного Узбекистана сохранился ряд архитектурных и строительных объектов европейского типа, возведённых военнопленными и политическими беженцами периода Первой мировой войны.

Как отмечает Л.Р. Гайсин, после имперского завоевания, в начале XX века в Туркестан переселилось от 600 до 1000 греков. Греки представляли собой зажиточный и обеспеченный социальный слой, проживали преимущественно в Ташкенте и Самарканде, занимаясь торговлей и ремёслами, особенно выпечкой хлеба. Также в 1899 году братья Мандалаки основали крупную шёлкоткацкую фабрику в Ферганской долине (Гайсин, 2012: 73).

По данным Т.В. Котюковой, в Туркестане наблюдалось присутствие сотен подданных Великобритании, десятков представителей французов, итальянцев, чехов, австрийцев, шведов,

бельгийцев и голландцев, приезжавших в край в поисках прибыли и реализации различных проектов. Европейцы занимали ниши, которые были достаточно редкими в Туркестане того периода, работая в сфере услуг и различных специализированных направлениях. Например, французы занимались преподаванием (прежде всего французского языка), работали воспитателями детей и женщин, парикмахерами, в сфере ресторанного и гостиничного бизнеса. Шведы преимущественно трудились в часовых мастерских. Итальянцы специализировались на горно-тоннельных строительных работах, швейном (трикотажном) производстве и выпуске прохладительных напитков. Бельгийцы занимались инженерными работами и являлись представителями Ташкентского трамвайного акционерного общества. Англичане перерабатывали хлопок и шёлковое волокно, производили ткани и бумагу, использовали местные растения и корни в фармацевтической сфере, а также занимались добычей меди. Англичанин В. Перон неоднократно обращался к имперским властям с предложением создать в Туркестане сферу туризма и начать привлечение туристов в край, реализуя на практике свои идеи и тем самым положив начало развитию туризма в регионе (Котюкова, 2016: 97).

В конце XIX – начале XX века на территорию Туркестана активно прибывали многочисленные путешественники и исследователи из Европы. Только из Австро-Венгрии и Германии в регион прибыло свыше 30 известных представителей научного сообщества, а из Франции – более 20 учёных (Котюкова, 2016: 98-99).

5. Заключение

Таким образом, можно констатировать, что все переселенцы, представлявшие различные социальные слои и этнические группы, были направлены в Туркестан с целью реализации колониальной политики Российской империи. Тем не менее, со временем они начали осознавать специфику социальной среды края, особенности поведения и отношение коренного населения, а также несправедливость политики, проводимой имперскими властями. Значительная часть населения, прибывшая с разными целями и ожиданиями, постепенно адаптировалась к местным условиям и начала видеть своё будущее именно здесь. Это, в свою очередь, способствовало формированию новых трудовых отношений в Туркестане, ускорило этнодемографические процессы и создало основу для единого экономического и социально-культурного развития региона.

Мероприятия по выделению земель переселенцам, их размещению и распределению начались с приказа первого генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана и продолжались до 1917 года с учётом многочисленных изменений и новых регламентов. Безусловно, все этапы переселения были вызваны ухудшением социально-политической и экономической ситуации в центральных губерниях Российской империи, в результате чего переселенцы стремились обрести в Туркестане подходящие земельные наделы. Основная часть мигрантов, согласно данным исследований, прибыла из Воронежской, Смоленской, Саратовской, Орловской, Курской, Самарской, Пензенской, Киевской, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Винницкой губерний; среди них были представители донских и оренбургских казаков, а также военные казаки из Урала и Сибири. Среди переселенцев встречались представители русских, украинцев, немцев, татар, армян, поляков, евреев, мордвы и марийцев, а также народов Поволжья и Урала. Кроме того, в Туркестане были зафиксированы сотни представителей английского населения, десятки французов, итальянцев, чехов, австрийцев, шведов, бельгийцев и голландцев, прибывавших сюда с коммерческими целями и в поисках прибыли. В результате переселения представителей данных народов в Туркестан сегодня возникла необходимость дальнейшего изучения их социальной истории.

Литература

- Брежнева, 2018 – Брежнева С.Б. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник РУДН. Серия: история России*. М., 2018. Т. 17. № 3. С. 608-638.
- Брусина, 2001 – Брусина О.И. Славяне в Средней Азии: этнические и социальные процессы (конец XIX – конец XX века). М., 2001. 27 с.
- Гайсин, 2012 – Гайсин Л.Р. Этнический состав населения «новых частей» городов русского Туркестана // *Вестник Томского государственного университета*. Томск, 2012. № 354. С. 71-73.
- Гаффоров, 2006 – Гаффоров Ш.С. История и судьба: переселенцы из Российской империи в Туркестан. Ташкент: Фан, 2006. 108 с.
- Германов, 2002 – Германов В.Г. Армяне / Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2002. С. 32-36.
- Германов, 2009 – Германов В.Г. Хозяйственный уклад и образ жизни ссыльных уральских казаков-старообрядцев в Хорезмском оазисе на рубеже XIX–XX веков / Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Ташкент, 2009. С. 130-133.
- Гинзбург, 1991 – Гинзбург А.И. Русское население в Туркестане. М., 1991. С. 21-40.
- Иноятowa, 2009 – Иноятowa Д. Немецкая диаспора в экономике Туркестана / Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Ташкент, 2009. С. 137-140.

- Кауфман, 1905 – Кауфман А.А. Переселение и колонизация. Т. I. СПб., 1905.
- Котюкова, 2016 – Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М.: Росспэн, 2016.
- Материалы..., 1923 – Материалы всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской Республике. Часть I. Вып. III. Поселенные итоги Сыр-Дарьинской области. Ташкент: ЦСУ Туркестанской Республики, 1923.
- Мирзаева, Расулова, 2016 – Мирзаева Н.Ж., Расулова М.А. К вопросу о религиозном составе населения русских поселков в Голодной степи (начало XX века) / Исторические науки. М., 2016. С. 44-45.
- Миронов, 2014 – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. I. СПб., 2014.
- Московские ведомости, 1911 – Московские ведомости. 1911. 24 мая. № 106.
- НАУз – Национальный архив Республики Узбекистан.
- Назарян, 2007 – Назарян Р.Г. Армяне Самарканда. М., 2007.
- Первая всеобщая..., 1905 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXXIII. Самаркандская область. СПб., 1905. Табл. XIII.
- Пуговкина, 2018 – Пуговкина О.Г. Российская историография Туркестана: исторические воззрения современников. Ташкент: Академнашр, 2018.
- Равшанов, 2023 – Равшанов Ш.Т. Социальная история переселенцев из России в Туркестан в конце XIX – начале XX вв. // Взгляд в прошлое, научный журнал. Ташкент, 2023. С. 40-48.
- Равшанов, 2023а – Равшанов Ш.Т. Этнический состав населения, переселенного в Туркестан из Российской империи // Научный вестник СамГУ. Самарканд, 2023. С. 102-108.
- Турсунов, 1999 – Турсунов Б. Отношение царских колонизаторов к образовательным нуждам малочисленных народов Туркестана (конец XIX – начало XX вв.) // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1999. № 1–2. С. 62-65.
- Центральная Азия..., 2008 – Центральная Азия в составе Российской империи. СПб.: Новое Литературное Обозрение, 2008.
- Цыряпкина, 2016 – Цыряпкина Ю.Н. Русские переселенцы в Туркестане в конце XIX – начале XX вв.: основные социокультурные характеристики // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2016. № 411. С. 183-187.
- Чибров, 2014 – Чибров И.В. Русская колонизация Средней Азии во второй половине XIX – начале XX века // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. Саратов, 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 14-17.
- Шарова, 1940 – Шарова П.Н. Переселенческая политика царизма в Средней Азии // Исторические записки. М., 1940. № 8. С. 4-36.
- Шмачков, 1962 – Шмачков П.А. Крестьянское переселение в Туркестан (1867–1917 гг.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1962. С. 6-8.
- Этнический атлас..., 2002 – Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2002.
- Sahadeo, 2007 – Sahadeo J. Russian colonial society in Tashkent, 1865-1923. Bloomington & Indianapolis. Indiana University Press, 2007. 110 p.

References

- Brezhneva, 2018 – Brezhneva, S.B. (2018). Otrazhenie idei akkul'turatsii v pereselencheskoi politike Rossiiskoi imperii v Turkestane na rubezhe XIX–XX vv. [Reflection of the idea of acculturation in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the XIX-XX centuries]. Vestnik RUDN. Seriya: istoriya Rossii. M. 17(3): 608-638. [in Russian]
- Brusina, 2001 – Brusina, O.I. (2001). Slavyane v Srednei Azii: etnicheskie i sotsial'nye protsessy (konets XIX – konets XX veka) [Slavs in Central Asia: ethnic and social processes (late 19th – late 20th centuries)]. M., 27 p. [in Russian]
- Chibrov, 2014 – Chibrov, I.V. (2014). Russkaya kolonizatsiya Srednei Azii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Russian colonization of Central Asia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Saratov. 4(4): 14-17. [in Russian]
- Etnicheskii atlas..., 2002 – Etnicheskii atlas Uzbekistana [Ethnic atlas of Uzbekistan]. Tashkent, 2002. [in Russian]
- Gafforov, 2006 – Gafforov, Sh.S. (2006). Istoriya i sud'ba: pereselentsy iz Rossiiskoi imperii v Turkestan [History and Fate: Settlers from the Russian Empire to Turkestan]. Tashkent: Fan, 108 p. [in Russian]
- Gaisin, 2012 – Gaisin, L.R. (2012). Etnicheskii sostav naseleniya «novykh chastei» gorodov russkogo Turkestana [Ethnic composition of the population of the "new parts" of the cities of Russian Turkestan]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Tomsk. 354: 71-73. [in Russian]
- Germanov, 2002 – Germanov, V.G. (2002). Armyane [Armenians]. Etnicheskii atlas Uzbekistana. Tashkent. Pp. 32-36. [in Russian]
- Germanov, 2009 – Germanov, V.G. (2009). Khozyaistvennyi uklad i obraz zhizni ssyl'nykh ural'skikh kazakov-starobryadtsev v Khorezmskom oazise na rubezhe XIX–XX vekov [Economic structure and way of life of exiled ural old believer cossacks in the Khorezm oasis at the turn of the 19th and 20th centuries].

Sotsial'naya zhizn' narodov Tsentral'noi Azii v pervoi chetverti KhKh veka: traditsii i innovatsii. Tashkent. Pp. 130-133. [in Russian]

Ginzburg, 1991 – *Ginzburg, A.I.* (1991). Russkoe naselenie v Turkestane [Russian Population in Turkestan]. M. Pp. 21-40. [in Russian]

Inoyatova, 2009 – *Inoyatova, D.* (2009). Nemetskaya diaspora v ekonomike Turkestana [German diaspora in the economy of Turkestan]. Sotsial'naya zhizn' narodov Tsentral'noi Azii v pervoi chetverti XX veka: traditsii i innovatsii. Tashkent. Pp. 137-140. [in Russian]

Kaufman, 1905 – *Kaufman, A.A.* (1905). Pereselenie i kolonizatsiya [Resettlement and colonization]. T. I. SPb. [in Russian]

Kotyukova, 2016 – *Kotyukova, T.V.* (2016). Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy [Outskirts in a special position... Turkestan on the eve of drama]. M.: Rosspen. [in Russian]

Materialy..., 1923 – *Materialy vs Rossiiskikh perepisei 1920 goda. Perepis' naseleniya v Turkestanskoj Respublike. Chast' I* [Materials of the All-Russian censuses of 1920. Population census in the Turkestan Republic. Part I]. Vyp. III. Poselennye itogi Syr-Dar'inskoi oblasti. Tashkent: TsSU Turkestanskoj Respubliki, 1923. [in Russian]

Mironov, 2014 – *Mironov, B.N.* (2014). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modern [Russian Empire: from tradition to modernity]. T. I. SPb. [in Russian]

Mirzaeva, Rasulova, 2016 – *Mirzaeva, N.Zh., Rasulova, M.A.* (2016). K voprosu o religioznom sostave naseleniya russkikh poselkov v Golodnoi stepi (nachalo XX veka) [To the issue of the religious composition of the population of Russian villages in the Hungry Steppe (early 20th century). Historical sciences]. Istoricheskie nauki. M. Pp. 44-45. [in Russian]

Moskovskie vedomosti, 1911 – *Moskovskie vedomosti*. 1911. 24 maya. № 106. [in Russian]

NAUz – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Uzbekistan [National Archives of the Republic of Uzbekistan].

Nazaryan, 2007 – *Nazaryan, R.G.* (2007). Armyane Samarkanda [Armenians of Samarkand]. M. [in Russian]

Pervaya vseobshchaya..., 1905 – *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g.* [First general population census of the Russian Empire in 1897]. LXXXIII. Samarkand Region]. LXXXIII. Samarkandskaya oblast'. SPb., 1905. Tabl. XIII. [in Russian]

Pugovkina, 2018 – *Pugovkina, O.G.* (2018). Rossiiskaya istoriografiya Turkestana: istoricheskie vozzreniya sovremennikov [Russian historiography of Turkestan: historical views of contemporaries]. Tashkent: Akademyashr. [in Russian]

Ravshanov, 2023 – *Ravshanov, Sh.T.* (2023). Sotsial'naya istoriya pereselentsev iz Rossii v Turkestan v kontse XIX – nachale XX vv. [Social history of settlers from Russia to Turkestan in the late 19th – early 20th centuries]. *Vzglyad v proshloe, nauchnyi zhurnal*. Tashkent. Pp. 40-48. [in Russian]

Ravshanov, 2023a – *Ravshanov, Sh.T.* (2023). Etnicheskii sostav naseleniya, pereselennogo v Turkestan iz Rossiiskoi imperii [Ethnic composition of the population resettled in Turkestan from the Russian Empire]. *Nauchnyi vestnik SamGU*. Samarkand. Pp. 102-108. [in Russian]

Sahadeo, 2007 – *Sahadeo, J.* (2007). Russian colonial society in Tashkent, 1865-1923. Bloomington & Indianapolis. Indiana University Press, 110 p.

Sharova, 1940 – *Sharova, P.N.* (1940). Pereselencheskaya politika tsarizma v Srednei Azii [Migration Policy of Tsarism in Central Asia]. *Istoricheskie zapiski*. M. 8: 4-36. [in Russian]

Shmachkov, 1962 – *Shmachkov, P.A.* (1962). Krest'yanskoe pereselenie v Turkestan (1867–1917 gg.) [Peasant Migration to Turkestan (1867–1917)]: Avtoref. diss. kand. ist. nauk. M. Pp. 6-8. [in Russian]

Tsentral'naya Aziya..., 2008 – *Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii* [Central Asia as part of the Russian Empire]. SPb.: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2008. [in Russian]

Tsyryapkina, 2016 – *Tsyryapkina, Yu.N.* (2016). Russkie pereselentsy v Turkestane v kontse XIX – nachale XX vv.: osnovnye sotsiokul'turnye kharakteristiki [Russian settlers in Turkestan in the late 19th – early 20th centuries: main socio-cultural characteristics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tomsk. 411: 183-187. [in Russian]

Tursunov, 1999 – *Tursunov, B.* (1999). Otnoshenie tsarskikh kolonizatorov k obrazovatel'nyim nuzhdam malochislennykh narodov Turkestana (konets XIX – nachalo XX vv.) [The attitude of the tsarist colonizers to the educational needs of the small peoples of Turkestan (late 19th – early 20th centuries)]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*. Tashkent. № 1–2: 62-65. [in Russian]

Социальный и этнический состав населения, переселённого в Туркестан из Российской империи

Шербек Турсункулович Равшанов^a, Олимжон Жахонгирович Ирискулов^a,
Рустам Данярович Юлдашев^a, Азизбек Амриддин угли Унгалов^{a,*}

^a Самаркандский государственный университет им. Шарафа Рашидова, Самарканд,
Республика Узбекистан

Аннотация. В результате постепенного завоевания территорий Центральной Азии Российской империей в конце XIX века были предприняты меры по переселению и расселению европейского населения из центральных и западных губерний империи на завоёванные территории. В миграционные процессы были вовлечены представители различных социальных слоёв, включая военных, крестьян, рабочих и представителей иных социальных групп. Кроме того, переселенческое население отличалось разнообразием этнического состава и включало представителей различных народов и национальностей. Переселенцы после прибытия в Туркестан были вынуждены приспосабливаться к незнакомым для них условиям: особенностям климата, взаимодействию и сотрудничеству с местным населением, различиям в религиозных воззрениях и специфике поливного земледелия. Представители разных национальностей и этнических групп были вынуждены налаживать контакты и сосуществовать с местными этносами. В настоящей статье проведён научный анализ данных о социально-этническом составе и особенностях образа жизни населения, переселённого в Туркестан из различных территорий Российской империи.

По результатам исследования установлено, что начиная с первых дней проникновения Российской империи в регион, под общим наименованием «русские» в Туркестан переселялись представители самых различных национальностей, этнических групп и конфессий. Несмотря на применение отдельных ограничительных мер в отношении представителей определённых национальностей и религиозных течений, тем не менее, в интересах империи и с целью смягчения напряжённости в центральных губерниях, различные этнические и конфессиональные группы переселялись в регион на системной основе.

Ключевые слова: Туркестан, Российская империя, Ташкент, К.П. фон Кауфман, русские, татары, казаки, немцы, поляки, переселенцы.

* Корреспондирующий автор

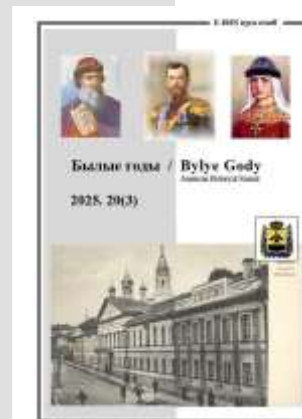
Адреса электронной почты: azizbek.ungalov11111@gmail.com (А.А. Унгалов),
sherbek.ravshanov111@mail.ru (Ш.Т. Равшанов), irisqulov2022@gmail.com (О.Ж. Ирискулов),
rustamyuldashev361978@gmail.com (Р.Д. Юлдашев)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1320-1332
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1320

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Tax Policy in the Kokand Khanate (second half of the 19th century)

Farida T. Baitova ^{a, *}, Jeenbek B. Alymbaev ^b, Elida A. Tolobaeva ^c

^a Kyrgyz State Academy of Physical Culture and Sports named after B. T. Turusbekov, Bishkek, Kyrgyz Republic

^b Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyz Republic

^c Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic

Abstract

This article is dedicated to analyzing the tax policy of the Kokand Khanate in the second half of the 19th century – a period marked by internal instability and increased feudal fragmentation. The focus is on the characteristics of taxation, mechanisms for tax collection, and their impact on the socio-economic conditions of the Khanate's population. The tax system of the Khanate included both Islamic taxes (ushr – a tithe on the harvest, and zyakat – a wealth tax) and secular levies, including tributes, emergency duties, and taxes on artisans and merchants. A significant portion of taxes was collected in kind. Meanwhile, the centralized financial system was underdeveloped, and local administrators – beys and governors played a key role in tax collection, which fostered corruption and abuse. The increased tax burden, driven by constant military campaigns, the maintenance of the Khan's army, and efforts to tighten control over regions, led to growing social tension, peasant flight, and the decline of productive relations. Based on the analysis of archival documents, historical chronicles, and contemporary memoirs, the article reveals the causes of the tax system's crisis and its role in weakening the statehood of the Kokand Khanate. Particular attention is paid to the positive role of the Russian Empire, whose intervention helped organize tax administration, reduce local abuses, and gradually transition to more rational and sustainable forms of governance. This work contributes to a deeper understanding of the socio-economic processes in Central Asia on the eve of its integration into the Russian Empire.

The primary objective of this article is to examine the structure of the Kokand Khanate's tax system in the latter half of the 19th century, identify its characteristics and dynamics of change, as well as assess the influence of tax policy on the development of society and the economy. The main research method is the comparative-historical approach, which allows for synthesizing information from various sources regarding tax policy in the Kokand Khanate.

Keywords: Kokand Khanate, tax policy, taxation, ushr, zyakat, tributes, fiscal system, Central Asia, Russian Empire, administrative governance.

1. Введение

История налоговой системы Кокандского ханства во второй половине XIX века представляет собой важную часть изучения социально-экономических и политических процессов на территории Ферганской долины. Налоговая политика ханства оказывала глубокое влияние на формирование хозяйственных отношений, структуру общества, а также на внутреннюю стабильность и внешние связи государства. Несмотря на наличие ряда фундаментальных исследований, многие аспекты фискальной политики Кокандского ханства всё ещё требуют дополнительного осмысления и

* Corresponding author

E-mail addresses: baitova_farida@mail.ru (F.T. Baitova),
jeenbek.alymbaev@manas.edu.kg (Zh.B. Alymbaev), tolobaeva_elida@mail.ru (E.A. Tolobaeva)

систематизации. Особенно это касается особенностей налогообложения кочевого и оседлого населения, специфики натуральных и денежных сборов, а также роли налоговой политики в процессе перехода киргизов и других народов региона к оседлому образу жизни.

Начиная с середины XIX века, Кокандское ханство переживало сложные внутренние преобразования, сопровождающиеся усилением налогового давления на население. Сложная система налогов и повинностей включала как традиционные исламские налоги (закят, харадж, ушр), так и местные формы сборов, обусловленные особенностями экономики и административного устройства ханства. Установление танапных налогов с земледельцев, зекета с кочевников, различных сборов за пользование базарами, водными источниками, за транспортировку и торговлю свидетельствует о стремлении центральной власти максимально мобилизовать ресурсы в условиях внешних угроз и внутренней нестабильности.

При этом налоговая политика ханства носила выраженный сословный характер. Привилегированные группы населения, такие как сыпайлар, садат, сеиды, хаджи и религиозные деятели, могли получать льготы или полное освобождение от ряда налогов, что усиливало социальное расслоение и порождало недовольство в среде рядового населения. Как показывают архивные документы, отдельные категории земель получали вакуфный статус, что также влияло на перераспределение налоговых обязанностей.

Одновременно наблюдалось постепенное изменение характера хозяйствования среди киргизского населения Ферганы. Если ранее кочевничество являлось важнейшей формой экономической активности, то к концу XIX века, по наблюдению В. Наливкина, большинство киргизов уже владели возделанными и орошаемыми земельными участками, что свидетельствовало о переходе к оседлости. Это обстоятельство не только трансформировало социально-экономический облик региона, но и значительно повлияло на механизм налогообложения.

В настоящем исследовании основной задачей является рассмотрение структуры налоговой системы Кокандского ханства во второй половине XIX века, выявление её особенностей, динамики изменений, а также влияния налоговой политики на развитие общества и экономики. Особое внимание уделяется анализу архивных источников, в том числе материалов, найденных в Кокандском и Хивинском ханствах, а также обобщению данных отечественных и зарубежных востоковедов.

Таким образом, рассмотрение налоговой политики Кокандского ханства во второй половине XIX века не только дополняет картину внутреннего развития ханства, но и позволяет по-новому оценить причины его ослабления в преддверии вхождения в состав Российской империи.

2. Материалы и методы

2.1. При написании статьи авторы опирались на разнообразные опубликованные источники, среди которых ключевую роль играют документы, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Узбекистан (НА РУз) (Ташкент, Республика Узбекистан). Они содержат сведения о системе налогообложения в Кокандском ханстве. Важные материалы по вопросам налогообложения в Кокандском ханстве содержатся, в частности, в фонде И-715, опись 1, единица хранения 11, 1850 год, под названием «Материалы, посвящённые истории завоевания Туркестанского края», содержат сведения о разграблении двадцати аулов, осуществлённом в текущем году в связи с отказом их жителей от уплаты зякета кокандскому хану. Данный инцидент отражает экономическое и политическое давление, применявшееся со стороны кокандской власти. Это, в свою очередь, свидетельствует о напряжённых отношениях между властью и жителями региона. Обязательная уплата зякета, подкреплённая угрозой насилия, служила инструментом не только для сбора средств, но и для демонстрации власти над местным населением. Разграбление двадцати аулов в ответ на отказ от уплаты подчёркивает систематическое использование экономического принуждения как средства укрепления политического контроля в регионе. Такие действия отражают характерные черты политики времени, направленной на эксплуатацию ресурсов и подавление сопротивления народов, что в дальнейшем оказывало влияние на исторические процессы в Туркестанском крае.

В фонде И-1, где представлен «Список налогов и поборов, введенных Худояр-ханом в Кокандских владениях» (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 2430. Л. 63об.-65), а также сведения о Наманганском крае, представленные Ахмед Ходжей 3 мая 1871 года (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 122. Л. 6-9об.), включают информацию о различных видах налогов. Особое внимание уделено воинскому налогу, который характеризуется как наиболее обременительный среди представленных видов фискальных сборов. В донесении заведующего дипломатической частью канцелярии Туркестанского генерал-губернатора Н.П. Стремоухова к К.П. Кауфману от 31 июля 1873 года (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 196) указывается на значительное налоговое бремя, наложенное Худояр-ханом на население. Сообщается, что торговые лавки на базарах находились в откупе у хана, а с товаров и съестных припасов взимались высокие налоги. Кроме того, даже сбор колючек, используемых в качестве топлива, облагался поборами, что вызывало значительные трудности для местных жителей. Лишь самые малоимущие слои населения могли рассчитывать на отсутствие фискального давления со стороны властей.

В 1876 году документы из архива кокандских ханов были собраны и переданы А.Л. Куном в Санкт-Петербургскую публичную библиотеку, где они оставались без движения в течение почти 75 лет (Плоских, 2015: 52). Систематический анализ и изучение этих материалов начались только в 1952 году под руководством А.Л. Троицкой. После проведения реставрационных работ и составления описания, архив в 1962 году был передан на постоянное хранение в Центральный государственный архив Узбекской ССР (ныне – НА РУз).

Начиная с 1955 года, А.Л. Троицкая опубликовала предварительный обзор и ряд содержательных статей, основанных на материалах архива. Впоследствии ею был выпущен полный каталог документов, а также часть материалов, представленных в факсимиле и переводах (Троицкая, 1968).

В архиве довольно полно раскрывают характер земельных отношений и налоговой политики ханов. Жалованные грамоты, распоряжение ханов, беков и других официальных лиц (васика, иноят-наме, мубарак-наме, патта), отчётные записи налоговосборщиков (дефтеров), всевозможные донесения и отписки позволяют составить яркое представление о хозяйственной жизни ханских уделов, налогообложении в Кокандском ханстве (Троицкая, 1968).

Основным источником для изучения налоговой политики Кокандского ханства во второй половине XIX века стали архивные материалы фонда 1043 Национального архива Республики Узбекистан. В состав фонда входят документы, составленные преимущественно на фарси и тюркских языках, отражающие процессы взимания основных налогов – танапа, хараджа, зекета, а также содержащие сведения о внеочередных сборах и ярлыках, предоставлявших налоговые льготы. Материалы фонда фиксируют особенности налогообложения оседлого и кочевого населения, административные процедуры расчёта и сбора налогов, а также практику освобождения от налогов отдельных категорий лиц. Комплексный анализ этих документов позволил выявить эволюцию налоговой системы Кокандского ханства и её влияние на социально-экономические процессы в регионе.

Детальные описания налогов и пошлин представлены в периодических изданиях, таких как «Туркестанские ведомости», «Записки Императорского Русского Географического Общества», «Военное обозрение», «Военный сборник» и других. В материалах указанных изданий содержатся важные сведения о различных типах налогов, которые представляют значительную ценность для изучения данной проблемы.

2.2. Основным методом исследования стал сравнительно-исторический, позволяющий обобщить упоминаемые в различных источниках материалы, содержащие сведения о налоговой политике в Кокандском ханстве. Данный метод дал возможность проследить развитие системы налогообложения и её влияние на социально-экономические отношения в ханстве. Комплексный анализ источников по данной теме позволил определить их научную значимость, исследовательскую ценность и потенциал для дальнейшего изучения вопросов, касающихся истории налоговой системы.

Особое внимание уделялось выявлению взаимосвязей между налоговой политикой и социально-экономическими процессами в Кокандском ханстве, что дало возможность рассмотреть налоговую систему не только как элемент финансовой структуры государства, но и как важный инструмент управления обществом. Анализ источников осуществлялся с учётом их происхождения, целей создания и исторического контекста, что позволило критически осмыслить содержащиеся в них сведения и избежать некритичного переноса данных. Таким образом, междисциплинарный подход, основанный на синтезе методов истории, источниковедения, социологии и правоведения, обеспечил комплексное восприятие налоговой политики как сложного историко-социального феномена, сыгравшего ключевую роль в эволюции политической и экономической структуры Кокандского ханства.

Наряду с этим был применён хронологический метод, обеспечивший последовательное расположение событий и этапов формирования налоговой политики. Использование хронологического подхода позволило более полно отразить динамику изменений налоговой нагрузки, а также выявить основные тенденции в фискальной политике в зависимости от внутреннеполитических и внешнеэкономических факторов.

Большой массив анализируемых источников свидетельствует о сложной и многослойной природе налоговой системы, охватывающей различные аспекты взаимодействия населения, административных структур и соседних территорий. Путём сопоставления данных материалов предпринята попытка восполнить существующие пробелы в изучении налоговой политики Кокандского ханства. Комплексное изучение ретроспективы событий позволило выявить ряд ранее неочевидных закономерностей, включая динамику изменения налогового бремени, особенности налогообложения кочевого и оседлого населения, а также влияние фискальной политики на политико-экономическую стабильность ханства.

3. Обсуждение

Вопрос налоговой политики в рамках исторических исследований не относится к числу детально и глубоко изученных тем. В настоящее время отсутствуют обобщающие монографические исследования по данной теме. Более того, этот вопрос зачастую рассматривался в контексте острых политических обстоятельств.

При анализе проблемы с учётом времени публикации трудов было выделено три периода: дореволюционный, советский и постсоветский.

Историческая литература дореволюционного периода, посвящённая вопросам налогообложения в Кокандском ханстве, главным образом принадлежит российским учёным и путешественникам. Вопросы налогообложения нашли своё отражение преимущественно в путевых записках, мемуарах служащих и отчётах государственных деятелей, которые посещали этот регион и описывали особенности налоговой и податной систем ханства. Ф. Назаров (Назаров, 1968) и Н.И. Потанин (Потанин, 1856), посетившие Коканд в первой трети XIX века, отмечали отсутствие регулярной системы налогообложения, за исключением торговых пошлин.

Однако путешественники, исследовавшие регион во второй половине XIX века, фиксировали уже установленные налоговые ставки, дифференцированные для различных социальных групп населения.

В 50-70-х годах XIX века были изданы работы А.П. Хорошхина (Хорошхин, 1876), А. Куна (Кун, 1876), А.П. Федченко (Федченко, 1873), Н.Н. Пантусова (Пантусов, 1876) и других исследователей, посвящённые изучению истории Кокандского ханства. В своих трудах российские авторы преимущественно сосредоточились на анализе внутривластной жизни ханства и политических конфликтов между оседлыми и кочевыми племенами. Кроме того, были исследованы вопросы, связанные с налоговой политикой хана, включая её особенности, структуру и влияние на социально-экономические процессы в государстве.

Харадж представлял собой основную часть земельного налога, предназначенную для финансирования содержания армии, обслуживающего персонала ханства и семьи хана. А.П. Хорошхин в своих трудах указывал следующее о данном налоге: «Все пошлины и налоги, без исключения, поступают в казну хана. На них содержится двор, войска и на них относятся все вообще расходы» (Хорошхин, 1876: 45).

Известный востоковед А.Л. Кун исследовал историю Кокандского ханства, охватывающую период, начиная с 1830 года. В труде «Материалы по истории русских владений в Средней Азии» (Кун, 1880) подробно анализируется борьба за ханский трон между кочевым и оседлым населением, а также приводятся данные о численности населения ханства и особенностях его налоговой системы. Автор, анализируя систему налогообложения и податей в Кокандском ханстве, приводит следующие данные: с учётом дополнительных сборов, включая пошлину на соль и арендную плату за переправу через реку Сырдарью, общий объём доходов ханства составил около 2,5 миллиона рублей (Кун, 1976а: 442). Согласно исследованиям российского учёного А. Куна, в Кокандском ханстве существовали такие официальные налоги, как дань, закят, общие налоги, торговый сбор, налог за взвешивание, речной налог и сбор на соль (Кун, 1976а: 439-440).

Один из первых исследователей истории Кокандского ханства В. Наливкин вполне обоснованно связывал вовлечение киргизских скотоводов в земледелие с экономическими потребностями: «Со временем невозможность удовлетворения даже самых основных потребностей жизни за счет одного скотоводства заставила всех почти киргизов завести у себя запашки, частью в среднем поясе долины, а главным образом в окружающих ее горах» (Наливкин, 1886: 39). Как указывает В. Наливкин, «между киргизами Ферганской области не имеют посевов те только бедняки, которые не успели своевременно приобрести частной поземельной собственности в виде возделанных и искусственно орошенных полей» (Наливкин, 1886: 39).

Ко второй половине XIX века киргизское население Ферганской долины в значительной степени утратило традиционный кочевой уклад, перейдя к оседлому образу жизни. Кочевое хозяйство, характерное для более ранних этапов их истории, уступило место оседлому земледелию, что, в свою очередь, определяло новые формы социально-экономических отношений и налоговых обязательств в рамках Кокандского ханства и последующего периода российской администрации.

В целом оборот денег в Кокандском ханстве был очень незначителен и, соответственно, ещё меньшим среди киргизов. В одной из своих статей В.П. Наливкин писал, что в ханстве преимущественный счёт шёл на чеки (1/2 коп. серебром) – наиболее распространённый среди простых людей; счёт на танга (20 коп. серебром) – у остальных сословий. Хождение тилла (золотой монеты, равной 3 руб. 80 коп. серебром) встречалось лишь как редкое исключение (Наливкин, 1897: 217).

Работы таких исследователей, как Р.Н. Набиев (Набиев, 1973), А.Х. Хасанов (Хасанов, 1977), К.У. Усенбаев (Усенбаев, 1961) и других, существенно углубили изучение политической истории Кокандского ханства, его взаимоотношения с соседними народами, включая киргизов. Кроме того, труды этих авторов позволили более полно и всесторонне рассмотреть вопросы, связанные с введением налогов и сборов Худояр-ханом, а также осветить проблемы, ранее лишь обозначенные их предшественниками.

В исследовании А.Х. Хасанова анализируются вопросы социально-экономического противостояния и народно-освободительного движения в Кыргызстане против господства Кокандского ханства в 30-70-е годы XIX века. Особое внимание уделяется восстанию киргизского и узбекского народов в 1875–1876 годах. Кроме того, автор описывает жестокость и произвол, проявлявшиеся со стороны кокандских сборщиков налогов. На основе архивных источников он отмечает, что «бесчинства и жестокость кокандских сборщиков налогов в 50-60-х годах XIX века

вызывали острую ненависть народных масс киргизов, кипчаков, узбеков и таджиков к кокандскому хану Худояру» (Хасанов, 1977: 36). Таким образом, внутренняя политика Кокандского ханства способствовала возникновению социально-экономической нестабильности среди его населения.

К.У. Усенбаев, анализируя социально-экономическое положение киргизов в период Кокандского ханства, уделил особое внимание исследованию системы налогов и поборов, рост которых из года в год существенно ухудшал экономическое положение населения. Как утверждает автор, это обстоятельство объясняет тяжёлое положение киргизов в рассматриваемый период. Согласно исследованиям К.У. Усенбаева, «зжыкет взимался не только со скота, который имелся в наличии, но, в отдельных случаях, и с поголовья, погибшего в результате джута» (Усенбаев, 1961: 22). Этот факт свидетельствует о высокой степени обязательности данного налога.

К числу учёных, исследующих общественно-политическую историю Кокандского ханства, в частности налоговую политику в постсоветский период, относятся Х.Н. Бабабеков (Бабабеков, 1990), Т. Кененсариев (Кененсариев, 1997), В.М. Плоских (Плоских, 2015), Ж.Б. Алымбаев (Алымбаев, 2015) и другие.

В монографии Х.Н. Бабабекова впервые представлено обобщающее исследование известных восстаний, произошедших на территории Кокандского ханства. Особое внимание уделяется восстанию 1873-1876 годов, которое стало кульминацией социального и экономического кризиса в ханстве. Автор анализирует влияние жестокой налоговой политики, проводимой ханской администрацией, которая выступала одним из ключевых факторов, способствующих возникновению протестных движений (Бабабеков, 1990).

Профессор Т. Кененсариев в своих исследованиях подчёркивал, что налоговая система Кокандского ханства представляла собой сложный многоуровневый механизм, в котором традиционные принципы шариата тесно переплетались с местными особенностями хозяйственно-социальной жизни региона. По его мнению, фискальная политика ханства выполняла двойную задачу: с одной стороны, обеспечивала централизованное поступление средств в казну для поддержания военной и административной мощи государства, а с другой – отражала социальное неравенство и усиливала сословные различия. Также он указывал на то, что налоговые сборы варьировались в зависимости от типа хозяйственной деятельности и статуса племенных и городских сообществ. Так, например, сборы с оседлого населения, владевшего возделанными и искусственно орошаемыми полями, существенно отличались от налогов, взимаемых с кочевых общин. Он отмечал, что такая дифференциация не только позволяла ханской администрации мобилизовывать необходимые ресурсы, но и способствовала укреплению централизованной власти за счёт лиц, имевших прямой интерес в сохранении порядка и стабильности.

Кроме того, профессор Т. Кененсариев обращал внимание на то, что фискальная система ханства имела ярко выраженный характер принудительного перераспределения, что порождало социальные противоречия. По его словам, чрезмерное налоговое бремя и сложные процедуры его сбора стали одной из причин нарастания народного недовольства, что в долгосрочной перспективе способствовало ослаблению государственного аппарата Кокандского ханства (Кененсариев, 1997: 25-37).

Таким образом, анализ, проведённый профессором Т. Кененсариевым, демонстрирует, что налоговая политика в Кокандском ханстве была не только инструментом экономического управления, но и важным социально-политическим элементом, влияющим на устойчивость и развитие государства.

В своих исследованиях академик В.М. Плоских утверждал: «В ханстве была классифицирована и регламентирована (теоретически) налоговая система, базировавшаяся на шариате. Эту систему ханы положили в основу угнетения как собственно кокандского, главным образом, узбекского и таджикского населения, так и завоеванных соседей, в том числе киргизов. Практика же налогообложения нередко представляла совсем иную картину – картину хаотической бесконтрольности. И чем беднее и беспомощнее было население, тем больше испытывало социальное, а киргизское – к тому же и национальное угнетение. В Кокандском ханстве, равно как и любом восточнодеспотическом государстве, не существовало разграничения понятий политического верховенства власти и верховного собственника земель – оба эти понятия сосредоточивались в одном лице, у одного носителя – хана. Государственная власть была всемогуща и казалась в глазах подданных абсолютной и безграничной, тем более что простые люди все время находились в чьей-то зависимости – общины, феодала, ханского наместника, хана» (Плоских, 2015: 375-376).

Итак, академик В.М. Плоских в своём исследовании обращает внимание на противоречие между теоретическим устройством налоговой системы в Кокандском ханстве и реальной практикой её применения. Несмотря на то, что налогообложение официально опиралось на нормы шариата, на деле оно носило хаотичный и произвольный характер, усиливая социальное и национальное угнетение, особенно по отношению к беднейшим слоям населения и покорённым народам, включая киргизов. Особо подчёркивается, что в Кокандском ханстве власть и собственность на землю были сосредоточены в руках хана, что укрепляло деспотический характер государства и усиливало зависимость подданных.

Далее В.М. Плоских отмечает: «Также говоря о налогах и земельной ренте в Кокандском ханстве и киргизском обществе до присоединения к великой России, можно заключить, что именно они являлись основным стержнем, определяющим экономические отношения и классовую борьбу. Рентные отношения имели всеобщий характер, выражали суть феодального способа производства. Именно земельная рента явилась господствующей формой присвоения прибавочного, а иногда и необходимого продукта в сельском хозяйстве. Отсутствие отработочной ренты типа барщины, но с наличием трудовой повинности – одна из специфических особенностей Кокандского ханства и киргизского общества. Господство натуральной, продуктовой ренты и появление элементов денежной ренты как превращенной формы натуральной отнюдь не способствовали прогрессу производства. Система налогов, разветвленная и беспорядочная, являлась в этих условиях не чем иным, как централизованной формой феодальной ренты. Такой характер ренты, присущий в целом феодальному обществу, нашел свое выражение и в системе земельных отношений, в налоговой системе киргизского общества, Кокандского ханства» (Плоских, 2015: 408-409).

С позиций В.М. Плоских можно согласиться в том, что налоговая система и формы земельной ренты в Кокандском ханстве и киргизском обществе действительно играли ключевую роль в формировании экономических отношений и воспроизводстве феодальной социальной структуры. Однако представляется важным подчеркнуть, что чрезмерная фискальная нагрузка и беспорядочность в системе сбора налогов не только закрепляли феодальную эксплуатацию, но и способствовали стагнации производительных сил, препятствуя складыванию предпосылок к модернизации аграрного сектора. Господство натуральной ренты и слабое развитие товарно-денежных отношений в условиях изолированности региональной экономики затрудняли трансформацию традиционного общества и сдерживали его интеграцию в более широкие экономические пространства. Таким образом, рентные отношения в Кокандском ханстве не только отражали специфику феодального строя, но и выступали одним из факторов, консервировавших социально-экономическое отставание региона накануне вхождения в состав великой Российской империи.

В своих трудах Ж. Б. Алымбаев детально анализирует роль киргизских биев в системе правления Кокандского ханства, а также его политическую структуру и социально-экономическое развитие. По мнению автора, киргизские предводители занимали ключевое место в политической системе Кокандского ханства. В опубликованной в 2015 году монографии «Кокон хандыгы жана Нузуп минбашы» исследуется история Кокандского ханства и политическая деятельность Нузупа Минбашы – первого киргиза, достигшего высших уровней власти в Кокандском ханстве. Особое внимание уделяется влиянию налоговой политики, проводимой ханской администрацией, на формирование социально-экономических условий (Алымбаев, 2015).

Автор отмечает, что фискальная система ханства не только обеспечивала поступление доходов в казну, но и служила важным инструментом укрепления власти над покорёнными территориями, регулирования отношений между различными социальными группами, а также воздействия на миграционные процессы киргизского населения. Проведённый Ж. Б. Алымбаевым анализ архивных и нарративных источников позволил выявить сложную взаимосвязь между налоговыми механизмами и политической динамикой в Кокандском ханстве.

4. Результаты

Как отмечают большинство исследователей, обострение социально-политических кризисов в период 1842–1876 годов, который рассматривается как третий этап в истории развития Кокандского государства, стало одной из главных причин его падения. В этот период государственное устройство не подверглось полноценной реформе, противоречия между социальными и феодальными сообществами усилились, а феодальное угнетение со стороны центральной власти достигло пика.

Особенно следует отметить, что реформы, проводимые во время третьего правления Худояр-хана в 1866–1875 годах, стали фактором, способствовавшим возникновению народных восстаний. По сообщению члена Русского географического общества А. Куна, основной причиной массового недовольства и волнений в Кокандском ханстве стало чрезмерное налоговое бремя, налагаемое на население (Кун, 1876b).

Этнический состав государства постепенно расширялся в результате завоевания ханством новых территорий, а также за счёт переселения и оседания населения в Ферганской долине. Для содержания вооружённых сил, приближённых хана, членов его семьи, а также бекств, управлявших вилайетами, требовались существенные финансовые средства. В условиях стремительно иссякающей казны Худояр-хан начал искать различные способы её пополнения.

Основным средством наполнения государственной казны стало увеличение количества и разнообразия налогов и сборов, взимаемых с населения. Не удовлетворяясь налогами, установленными шариатом и адатом, Худояр-хан ежегодно придумывал новые виды обложений, постоянно расширяя и совершенствуя налоговую систему. Особо известен в этом отношении Иса Олуя, бывший бием Шариханского вилайета, который, входя в число доверенных и приближённых лиц хана, настолько отличился изобретением новых налогов, что даже сам Худояр-хан выражал удивление его находчивостью (Наливкин, 1886: 205-208).

Очевидно, что постоянное расширение налоговой системы в период правления Худояр-хана не только отражало стремление к укреплению финансовой базы государства, но и являлось проявлением усиления фискального давления на население. Налоги, выходявшие за рамки норм шариата и адата, подрывали легитимность власти в глазах подданных и усиливали социальное напряжение. В данном контексте фигура Исы Олуи представляется не просто примером исполнительного администратора, но символом бюрократического произвола, при котором налогообложение превращалось в инструмент личного обогащения и политического манипулирования. Таким образом, чрезмерное и произвольное налоговое бремя стало одним из факторов дестабилизации ханской власти, подрывая её опору среди народных масс.

Анализ исторических источников позволяет разделить налоги, взимаемые во второй половине XIX века в Кокандском ханстве с кочевого, полукочевого и оседлого населения, на две основные группы: официальные и неофициальные налоги. К числу официальных налогов, установленных нормами шариата, относились харадж, танап и закят. Харадж представлял собой натуральный налог с полевых посевов; танап (в денежной или натуральной форме) взимался с садово-огородной продукции; закят – это процентный сбор с торговых товаров и скота, своего рода религиозный налог на имущество.

По хараджу взималась одна пятая часть урожая с орошаемых земель, а с льяльми – богарных (неорошаемых) земель, питающихся дождевой влагой, – одна десятая часть (Пантусов, 1876b). В городе Коканд и его окрестностях льяльми-земли практически отсутствовали. Подобные участки встречались преимущественно в горных районах, на предгорьях, а также в пригородных зонах таких городов, как Сох, Наманган, Андижан, Ош, Маргилан и Араван.

Харадж – натуральный налог, взимаемый в размере одной пятой части урожая, собирался с таких сельскохозяйственных культур, как пшеница, рис, кукуруза, кунжут, лён, морковь и лук, посеянных после сбора летнего урожая пшеницы и ячменя, а также с табака, проса, нута и сорго (Пантусов, 1876a).

Налог харадж взимался и с урожая хлопчатника. Поскольку коробочки хлопка не раскрывались одновременно, сбор налога с деревень, расположенных в окрестностях Коканда, проводился летом два-три раза, а в районах, прилегающих к Худжанду, – один или два раза. С последнего сбора хлопка удерживалась одна десятая часть урожая в виде налога.

Харадж взимался в натуральной форме после сбора урожая и предназначался для обеспечения продовольствием войск. Ответственными за сбор хараджа и танапа были мырза-баши и сыпай. Они доставляли собранный урожай в ханскую казну. В качестве вознаграждения за свою службу они получали ежегодное жалованье в размере от 6 до 15 таньга в зависимости от своих званий и доходов казны (Пантусов, 1876a).

Харадж собирался с десятков деревень (хасалык-кыштак), сгруппированных в две инаки, каждая из которых включала от 40 до 50 деревень (Пантусов, 1876a). Эти инаки обеспечивали продовольствием сотрудников ханского дворца и ханские войска. Отчёт о расходах предоставлялся непосредственно хану.

Способы сбора налогов были различными: в одних местах сбор осуществлялся специально назначенными лицами от хана и беков, в других – вся налоговая прибыль сдавалась в аренду, причём арендная система применялась предпочтительнее (Кун, 1876a: 440). Порядок поступления налогов делился на два вида: «хасаги» и «бийлик». В первом случае собранные доходы направлялись непосредственно в ханскую казну, во втором – в казну бекств.

Танап (земельный) налог взимался с овощей, фруктов и различных садов, посаженных на землях. Платежи по танап-налогу были обязательными для всех участков земли, и для Ферганской долины был установлен определённый размер налога. Танап – это шерги (законная) единица, равная 3600 квадратным гезям. Гезь шерги (законная, определённая шариатом) была определена следующим образом: палку брали, измеряли её семь раз кулаком, а затем, отмерив седьмым кулаком, поднимали палец выше, и из этого определения измеряли (гефть кабзы у бир камма), при этом бохбо гезь считалось законной шерги.

Размеры налогов с земель (танапы) определялись раз в три года муфтиями и ханскими мырзами. Результаты измерений заносились в списки (дефтера) и передавались в ханскую казну. Информация о всех собираемых танапах хранилась у местных аминов и казиёв, а также в казне хана. Согласно утверждённым спискам, в месяцы цветения деревьев и виноградников, в летнее время, мырзами и сыпаями хана проводился сбор танап-налога. Сбор с овощных садов (кора, огурцы, дыни, тыквы) составляли 5 тэнге (1 рубль), с фруктовых садов (дарахты миведар) – 10 тэнге (2 рубля), с терековых зарослей и сосновых лесов (чекаляк) – 50 тэнге, с тытовых зарослей – 5 тэнге (1 рубль), с виноградников – 10 тэнге (2 рубля), а с овощных садов, посаженных весной (лук и морковь) – 5 тэнге (1 рубль) (Пантусов, 1876a).

Сеиды, хаджи, служители (садат), а также военное сословие (сипай и солдаты) обладали правом на освобождение или снижение налогов на танап и харадж, либо на полное освобождение от них, а также на привилегии (дархан или чытык). Архивные материалы содержат сведения о том, что Мусульманкул, тысячник, был освобождён от налогов харадж, танап, никахана и тарикана, а его

земли получили статус вакфа. «В настоящее время, да будет известно и ведомо благочестивым казиям, высокопоставленным правителям, абсолютно всем, кто имеет касательство к государственным делам и ответственным лицам, что в это благоденствующее время старый доброжелатель Мусульманкул-минг-баши, построив медресе в городе Андижане, для благоустройства сделал ему вакф два арыка в местности Найман-кишлак, вместе с их землями, границы которых обозначены. Поэтому, мы, оказав свои царственные милости в отношении вышеупомянутого, осуществляя высочайшее соизволение сделали его возвышенным, пожаловав в вакф его херадж, танаб, никаханы, тариканы. Ни один человек не должен касаться и вмешиваться в его дела и считать настоящий указ категорическим. 1269 / 1852-1853 гг.» (НА РУз. Ф. 19. Оп. 1. Д. 34221. Л. 7).

Сипай были освобождены от уплаты 3/4 или 2/3 части обязательного танап-налога, в то время как оставшаяся часть, составляющая 1/4 или 1/3 налога, или другие части, были прощены. В последние годы правления Кудаяр-хана с сипаев не взимались налоги с 1 танапа с винограда и с 4 танапов с бобовых, однако с остальных танапов налоги были уплачены ими. Все собранные танап-налоги полностью поступали в казну хана.

В ханской казне хранились все списки танапных налогов. К сожалению, не все архивные материалы сохранились в казне хана, но некоторые из них были обнаружены русскими во время ликвидации ханства.

Один из основных видов налога - зякет - взимался исключительно с товаров и скота, как реализуемых на рынках, так и находящихся на пастбищах. Кочевые общины уплачивали зякет в следующих пропорциях: с баранов – 1/40, с крупного рогатого скота – 1/30, с лошадей – 1/40. В случае, если у плательщика имелось более 40 лошадей, взималась фиксированная ставка в размере 40 копеек. С пяти верблюдов взыскивался зякет в виде одного барана (Пантусов, 1876а).

Ценным источником для изучения экономической истории Кокандского ханства является каталог архивных материалов, опубликованный в 1968 году А.Л. Троицкой в работе «Архив Кокандских ханов XIX века». При анализе архива Хивинских ханов в 1939 году были также найдены архивные материалы, относящиеся к Кокандским ханам, на фарси. Эти архивные материалы содержат интересную статистическую информацию. Например, в некоторых из них приводятся записи из книг, где указаны налоговые сборы, поступившие в казну от Маргаланского бекства и Ошского вилайета:

زکوة جماعه نيمن و بئغه و اورغو و اويغور و طيت و چوچوک پساوالباشی و ملا عبدولی میرزا بر آمده
بیست و نه هزار و هفتصد تنگه

Зекеты обществ (родов) Найман, Буйгу, Уйгур, Тейит и Чучук поступали к Ясаулбаши и Молле Абдували Мирзе (были собраны). Сумма составила двадцать девять тысяч семьсот тенге (НА РУз. Ф. И-1043. Оп. 1. Д. 653).

زکوة ایلاتیه اوش ایشانتوره پانصدباشی و ملا عبدحلیل میرزا باشی کرده آمده
شست و چهار هزار و پانصد تنگه بر زیاده یازده هزار و پانصد تنگه به میرزا باشی رسیده

Зекеты Ошского вилайета были собраны Ишантөрө и Моллой Абдулхалилом Мирзабаши. Всего было собрано шестьдесят четыре тысячи пятьсот тенге. Излишки в одиннадцать тысяч пятьсот тенге были переданы Мирзабаши (НА РУз. Ф. И-1043. Оп. 1. Д. 653).

انچه محصولات دلالی بازار گوشفند ولایت اوش ارونبیک ملا میر عبدالسید دلال باشی
ده هزار تنگه

Это результаты посредничества на овечьем рынке Ошского вилайета. Ормонбек Молламир Абдсейид – главный посредник. Сумма составила десять тысяч тенге.

بتن پل هشت هزار و چارصد و بیست طناب پلش چل و دو هزار و یکصد تنگه
مجموعش مع پل خربزه اوش چل و چار هزار سیصد و پنجاه تنگه
از این جمع بتن خدمت و خوراک طنابکش و پل جین یک هزار یکصد سکه بر آید

Вся сумма составила восемь тысяч четыреста двадцать танабов. Эквивалент в деньгах – сорок две тысячи сто тенге.

Общая сумма, включая Ошский кооператив, составила сорок четыре тысячи триста пятьдесят тенге.

Из этой общей суммы тысяча сто тенге была вычтена на услуги арканщика (производителя верёвок), его питание и сборы (НА РУз. Ф. И-1043. Оп. 1. Д. 653).

Кроме того, существовали неофициальные налоги, установленные по традиции (адат), а в некоторых случаях – по указанию хана или воле губернатора. Это включало налог за торговлю на базарах, плату за использование весов, налог за переход через реки, налог на соль и другие. Также, согласно шариату, за заключение брака брались платежи, принадлежащие казиям. Во времена правления Кудаяр-хана налоги и сборы были тщательно разработаны. Люди также платили сборы за собранные с поля дрова, камыш, кустарники и шипы. Платежи взимались также за использование воды из каналов и горных источников. Избыточное увеличение налогового бремени стало одной из ключевых причин роста недовольства среди населения по отношению к правлению Кудаяр-хана.

В Кокандском ханстве налогообложение распространялось на все слои населения, которое также привлекалось к выполнению трудовых и воинских повинностей. Освобождение от данных

обязательств носило исключительный характер и предоставлялось преимущественно представителям высших слоёв светских и духовных феодалов, а также отдельным мусульманским учреждениям.

Во время военных действий, а также по решению хана или беков, налогоплательщики подвергались дополнительным денежным поборам, размеры которых зачастую достигали значительных величин. В таких условиях нередко происходили злоупотребления: сборщики налогов, действовавшие от имени бека, превышали установленные нормы сбора и выходили за пределы своих полномочий. Аналогичные действия наблюдались на уровне бека и ханского казначея. Хан, в свою очередь, занимался контролем лишь итоговой суммы, которая должна была быть собрана и передана в казну в полном объёме, не вникая в детали процесса сбора.

Таким образом, процесс взимания налогов отличался полной бесконтрольностью. Хотя сама норма зякета была установлена в соответствии с положениями шариата, его сбор осуществлялся без какого-либо надзора или регулирования со стороны административных органов. Сбор зякета в Кокандском ханстве часто принимал форму массового вымогательства и грабежа, направленных на личное обогащение чиновников, так называемых зякетчи. Жестокие действия и насилие, совершаемые ханскими представителями, включая откупщиков, достигали такого масштаба, что регулярно провоцировали восстания кочевников против ханской власти. Эти восстания, как правило, жестоко подавлялись с применением вооружённых сил (Иванов, 1939: 120).

При вассальной административной системе ханства это значило, что в случае урожая все избытки присваивали беки и саркары, а при неурожаях или стихийных бедствиях – с населения в казну взыскивали и необходимый продукт.

Способы взимания налогов отличались разнообразием: в некоторых пунктах сбором занимались назначенные ханом или беками люди, тогда как в других случаях весь процесс сбора передавался в аренду.

Ханские чиновники не получали фиксированного денежного вознаграждения. Вместо этого в их распоряжение направлялась определённая доля собранных податей. Об этом свидетельствует тот факт: «Амины собирали с каждого хирмана в свою пользу по 1 кафсену (равному 1 пуду); кроме того, с базарчей они взымали по одному снопу бида (клевера), а также дрова и топливо» (Пантусов, 1876а). Собиратели аргументировали данные сборы на основании традиции, имеющей длительную историческую основу.

Худояр-хан дополнительно ввёл новые сборы, такие как харадж-ати – с кочевников; карагай-пули – за вывоз леса на базар с гор; отун-пули или чоб-пули – пошлина за топливо (хворост, колючка, камыш и т. п.); даллал-пули – маклерские сделки на базаре; кок-пули – дополнительные сборы за пользование лугами; су-пули – специальный налог за арычную воду, проведённую с гор. Например, сбор маклерских платежей с продажи земель, домов и другой недвижимости ежегодно пополнял ханскую казну на сумму до 40 тысяч тенге (Пантусов, 1876а).

Определяя большое количество налогов и повинностей с местного населения в кокандский период – со скота и с продукта земли, с продаваемых товаров и фруктовых деревьев, выжигаемого на уголь леса и камыша, даже с колючек, хвороста и кизяка, собираемых для топлива, востоковед и туркестанский чиновник А.Л. Кун восклицал: «Оставался, кажется, один только воздух, за право дышать которым не бралось ничего» (Кун, 1876а: 439). В последние годы, когда возможности для введения новых налогов были исчерпаны, был установлен сбор за право пользования водой, направляемой в каналы из горных рек.

Таким образом, ханская казна пополнялась доходами из сборов зякета с товаров и со скота, пошлины с переправы через Сырдарью, пошлины с соли, арендные деньги за лавки, сараи и амбары, маклерские проценты (за совершение свадебных обрядов).

Кокандское ханство в административном плане подразделялось на бекства или округа, которые находились под управлением родственников или сыновей хана. Во времена правления Кудаяр-хана таких административных единиц насчитывалось пятнадцать. Бекства, являвшиеся отдельными административными единицами под руководством серкердэ, ежегодно приносили доходы различного происхождения.

Согласно расчётам А. Куна, общий годовой доход Кокандского ханства составлял 707 550 батманов зерна. Средняя рыночная стоимость одного батмана зерновых варьировалась от 1 рубля 50 копеек до 2 рублей. Перевод натурального налога в денежный эквивалент давал сумму в 1 415 100 рублей. Денежный налог, включавший преобразование натуральных сборов в денежную форму и танапный сбор, составлял 243 222 кокандских тилли. При пересчёте (1 кокандская тилля равна 3 рублям 60 копейкам) это составило 875 559 рублей 20 копеек. Таким образом, общий доход ханства, объединяющий натуральные и денежные налоги, достигал 2 290 699 рублей 20 копеек. Учитывая дополнительно пошлины за соль и арендную плату за переправу через Сырдарью, общий доход составил около 2,5 миллиона рублей (Кун, 1876а: 441-442).

Помимо основных государственных налогов, население вынуждено было затрачивать огромные средства на содержание ханских чиновников, общественные работы и прочее.

После ликвидации Кокандского ханства в 1876 году, как мы уже ранее отметили, в ханском дворце были обнаружены остатки архива, уцелевшие после разграбления дворца кипчаками.

Документы этого архива представляли собой преимущественно свёртки (дефтеры). Они содержали сведения о сборе хараджа и танапа в различных местностях. Всего было найдено около тысячи дефтеров, самые старые из которых датировались не более чем десятью годами назад (Кун, 1876b).

Основной налоговой единицей в кокандское время выступало как отдельное хозяйство, так и община. То есть налогообложение кокандцами скотоводов было индивидуальным, но прибегали и к круговой поруке. Так, если частные скотовладельцы, например, не могли выплатить положенный налог, то невыплаченные деньги, зафиксированные в налоговых дефтерах, каким перекадывал на всю общину, к которой относился недоимщик (Плоских, 2015: 385).

Подати и повинности в пользу киргизских феодалов выражались в самой разнообразной форме и обычно не ограничивались ни сроком, ни количеством, а обуславливались желаниями и прихотью феодалов. В Киргизии в период господства кокандских ханов имели место следующие сборы и повинности в пользу киргизских феодалов: союш, чыгым и салык, журтчулук, кошумчи, конок алуу, саан и куч, туякат и коро башы (чоп ооз или отмай), жол чыгым и другие (Усенбаев, 1961: 142-149).

Натуральные налоги усугублялись тяжестью трудовых повинностей. Хань, беки, да и манашы, бии не прочь были использовать дармовую рабочую силу для создания ирригационной сети на своих землях, при постройке зданий и т. п.

В широких масштабах трудовая повинность осуществлялась при ирригационном строительстве. Также в строительстве караван-сараев, лавок и др. По распоряжению хана рабочие вызывались из разных вилайетов. Например, если с одного вилайета требовалось определённое количество рабочих, то этот вилайет должен был оплатить за своих рабочих. Они вносили по 40 копеек за каждого рабочего (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 243а. Л. 13). Деньги, внесённые рабочими, поступали в ханскую казну. Для такой же цели хан решил построить широкие дороги от Маряма до Коканда, от Коканда в Андижан и Маргелан. Также близ местечка Ер-Мячит засеял 1000 чариков 4 тыс. пудов риса (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 243а. Л. 13об.). Такие же ханские засеивы были в других местах. Все работы возлагались на жителей. Хан назначал специально чиновников, которые строго следили за рабочими. Если по каким-то причинам работник не явился, его могли арестовать или избить палками. Например, хан, когда проводил канал из Сыра, у местечка Хинд-Куль, около 30 человек не были в состоянии оплатить деньгами и не явились. За это они были зарыты по горло в землю и оставлены в таком положении, пока не умерли (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 243а. Л. 13об.-14).

Во время проведения Янги-Арыка в Наманганском вилайете в 1819 году (мастер-ирригатор Илян-бай), каждый дом вилайета был обязан выставлять на 15 дней по одному рабочему с собственным пропитанием и кетменём. Ханским распоряжением привлекались и рабочие из других вилайетов. После Омар-хана, при Мадали и особенно Худояр-хане, трудовая повинность переводилась в денежную компенсацию, взимаемую с каждого двора вилайета. На собранные деньги нанимались подёнщики (Наливкин, 1886: 29). С одной стороны, таким образом, в ханстве без усилий пополнялся фонд орошаемых земель, с другой – часть собранных денег непременно оседала в руках ханских чиновников.

Для получения в аренду или на откуп сбора хараджа обычно подавали прошение хану или беку (образец такой челобитной приводит А. Л. Троицкая из материалов архива кокандских ханов) и получали соответствующее удостоверение или грамоту, а население данного района оповещалось особым указом или извещением, где перечислялось количество зерновых, сданных в аренду или на откуп. «По-видимому, – с полным основанием замечает А. Л. Троицкая, – аренда или откуп в ряде случаев перепродавались несколько раз. Первым откупщиком или арендатором хараджа был саркар или другое доверенное лицо хана или бека, которое в свою очередь сдавало харадж в аренду амлакдару, находившемуся под его контролем» (Троицкая, 1968: 205).

Разновидностью хараджа был танабана, налог, размер которого зависел от типа использования земли. Так, за танаб земли, засаженной тополями и карагачами, взималось по 50 копеек, за виноградники и фруктовые сады – по 2 рубля, а за участки, занятые огородами, бахчевыми культурами, клевером, луком или весенней морковью, налог составлял 1 рубль (Пантусов, 1876b). Харадж, как правило, собирался с «коша» – участка земли, на который засеивалось от трёх до пяти батманов зерна.

Сбором хараджа руководил саркар, назначаемый беком. Для выполнения своих обязанностей он привлекал помощников – мирабов, численность которых определялась исходя из количества участков, находящихся под управлением арык-аксакала. В период весенних сельскохозяйственных работ саркар назначал мирабов на каждый участок, а в сезон уборки урожая к ним добавлялись муллы. Арык-аксакал, мирабы и муллы формировали комиссию, которая занималась составлением списка налогоплательщиков. После проверки списка саркаром, осуществляемой через опрос жителей и арык-аксакалов, он передавался на утверждение беку. По завершении данной процедуры сбор налога осуществлялся строго и беспрекословно.

Большие доходы приносили в казну базарные сборы. Аксакалы-ремесленники платили в ханскую казну дань за каждый цех. Сборы эти производились при торговых сделках с продавцами и покупателями. Так, в ситцевом ряду (раста) за товар общей стоимости 360 рублей продавец и покупатель платили каждый по 1 рублю 40 копеек. Эти сборы в год составляли приблизительно

12 513 рублей. С привезённого в Коканд киргизами из Соха угля собирали по 3 пуль за полный выюк на верблюде. Эти сборы составляли вакф некоторых медресе. Сбор арендной платы за ханские лавки в Коканде, которых насчитывалось 574, в 1874 году составил 7 672 рубля (Пантусов, 1876с).

Таким образом, налоговая политика Кокандского ханства во второй половине XIX века представляла собой сложную и многоуровневую систему, в которой сочетались элементы традиционного шариатского налогообложения и административных практик, характерных для позднесредневековых восточных государств. Сбор налогов осуществлялся как в натуральной, так и в денежной формах, а его организация отражала особенности социально-экономической структуры ханства, специфику оседлого и кочевого населения, а также региональные различия внутри страны.

5. Заключение

Во второй половине XIX века Кокандское ханство оказалось в состоянии хронической политической нестабильности. Частые дворцовые перевороты, династические распри и борьба за трон между различными ветвями ханской семьи привели к разрушению управленческих структур. С приходом к власти каждого нового хана менялись не только ключевые должностные лица, но и подходы к налогообложению. Отсутствие преемственности в фискальной политике делало невозможным планирование доходов и расходов, а также ослабляло централизованный контроль над сбором налогов.

Антикокандское восстание 1873-1876 годов, возглавленное Пулат-ханом, стало мощным выражением протеста против усилившегося налогового давления, коррупции, насилия со стороны местных администраторов и произвола беев. Одним из ключевых лозунгов повстанцев стала борьба против несправедливой системы налогов и поборов. Это указывает на то, что налоговая политика ханства воспринималась народом не как легитимный инструмент государственного функционирования, а как средство обогащения узкой правящей элиты. Массовое участие крестьян и ремесленников в восстании свидетельствует о глубокой социальной неудовлетворённости, связанной, в том числе, с разрушением привычных механизмов экономического выживания.

В условиях частых внешнеполитических угроз, в том числе со стороны Бухарского эмирата, ханы были вынуждены тратить значительные средства на содержание армии, укрепление гарнизонов и покупку лояльности военных лидеров. Эти расходы покрывались за счёт повышения налогов и введения внеплановых поборов, что особенно болезненно воспринималось сельским населением. В условиях аграрной экономики и слабого товарного обращения избыточное налоговое бремя приводило к обнищанию крестьян и сокращению производства.

Из-за ослабления центральной власти реальный контроль за сбором налогов перешёл в руки местных феодалов – беев и наместников, которые нередко устанавливали поборы по собственному усмотрению. В отсутствие чёткой отчётности и правовых механизмов контроля налоговая система приобрела хаотичный и репрессивный характер. Это усилило недоверие населения к ханской власти, подрывало её легитимность и способствовало дальнейшей фрагментации государства.

Вхождение Кокандского ханства в состав Российской империи стало не только геополитическим шагом, но и фактором внутренней стабилизации региона. Российская администрация ввела более разумный и системный подход к налоговому управлению: были упразднены произвольные сборы, введены единые ставки налогообложения и упрощена фискальная отчётность. Это способствовало снижению социальной напряжённости, восстановлению хозяйственной деятельности и росту доверия к государственным институтам.

Таким образом, переход под российскую юрисдикцию оказал положительное влияние на реформирование налоговой системы и общее восстановление порядка.

Литература

- Алымбаев, 2015 – Алымбаев Ж.Б. Кокон хандыгы жана Нүзүп минбашы. Бишкек: Турар, 2015. 240 б.
- Бабабеков, 1990 – Бабабеков Х.Н. Народные движения в Кокандском ханстве и их социально-экономические и политические предпосылки (XVIII-XIX вв.). Ташкент, 1990. 117 с.
- Иванов, 1939 – Иванов П.П. Казахи и Кокандское ханство (к истории их взаимоотношений в начале XIX в.) // Записки института востоковедения Академии Наук СССР. М., 1939. Т.VII. С. 93-128.
- Кененсариев, 1997 – Кененсариев Т. Кокон хандыгындагы этносаысий кырдаалга карата // Кыргызстан – наше отечество. Бишкек: Мурас, 1997.
- Кун, 1876a – Кун А.Л. Некоторые сведения о Ферганской долине // Военный сборник. 1876. №4, апрель. С. 417-448.
- Кун, 1876b – Кун А.Л. Чтение А.Л. Куна о Ферганской долине // Туркестанские ведомости. 1876. №12, 23 марта.
- Кун, 1880 – Кун А.Л. Материалы по истории русских владений в Средней Азии. Вып. 1. Кокандское ханство. СПб., 1880.
- Набиев, 1973 – Набиев Р.Н. Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство Худояр-хана). Ташкент: Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1973. 385 с.

- Назаров, 1968 – Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968. 77 с.
- Наливкин, 1886 – Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань: Тип. Императорского Университета, 1886. 215 с.
- Наливкин, 1897 – Наливкин В.П. Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края // *Справочная книжка Самаркандской области*. Вып. В. С. 206-223, 1897.
- НА РУз – Национальный архив Республики Узбекистан.
- Пантусов, 1876a – Пантусов Н.Н. Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве // *Туркестанские ведомости*. №17, 4 мая. 1876.
- Пантусов, 1876b – Пантусов Н.Н. О податях и повинностях, существовавших в бывшем Кокандском ханстве в последнее время правления Худояр-хана // *Туркестанские ведомости*. №16, 27 апреля. 1876.
- Пантусов, 1876с – Пантусов Н.Н. Податные сборы в г. Коканде // *Туркестанские ведомости*. №13, 30 марта. 1876.
- Плоских, 2015 – Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство (3-е изд.). Бишкек, 2015. 512 с.
- Потанин, 1856 – Потанин Н.И. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (12 августа 1829 – 24 мая 1830 гг.) // *Вестник РГО*. Ч.18. СПб., 1856. С. 254-289.
- Троицкая, 1968 – Троицкая А.Л. Каталог архива Кокандских ханов XIX века. М., 1968. 582 с.
- Усенбаев, 1961 – Усенбаев К.У. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства (XIX век – до присоединения Киргизии к России). Фрунзе, 1961. 165 с.
- Федченко, 1873 – Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. Т.1. Ч.II. В Кокандском ханстве. СПб., 1873. 160 с.
- Хасанов, 1977 – Хасанов А.Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977. 93 с.
- Хорошихин, 1876 – Хорошихин А.П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. СПб., 1876.

References

- Alymbaev, 2015 – Alymbaev, J.B. (2015). Kokon khandygy jana Nüzüp mınbashy [Kokand Khanate and Nüzüp Mingbashi]. Bishkek: Turar. 240 p. [in Kyrgyz]
- Bababekov, 1990 – Bababekov, Kh.N. (1990). Narodnye dvizheniya v Kokandskom khanstve i ikh sotsial'no-ekonomicheskie i politicheskie predposylki (XVIII-XIX vv.). [Popular movements in the Kokand Khanate and their socio-economic and political prerequisites (18th-19th centuries)]. Tashkent, 117 p. [in Russian]
- Fedchenko, 1873 – Fedchenko, A.P. (1873). Puteshestvie v Turkestan. T.1. Ch.II. V Kokandskom khanstve [Journey to Turkestan. Volume 1, Part II: In the Kokand khanate]. SPb., 160 p. [in Russian]
- Ivanov, 1939 – Ivanov, P.P. (1939). Kazakhi i Kokandskoe khanstvo (k istorii ikh vzaimootnosheniy v nachale XIX v.) [Kazakh people and the Kokand khanate (on the history of their relations in the early 19th century)]. *Zapiski instituta vostokovedeniya Akademii Nauk SSSR*. M. T.VII. Pp. 93-128. [in Russian]
- Kenensariyev, 1997 – Kenensariyev, T. (1997). Kokon khandygyndagy etnosayasyi kyrdaalga karata [On the ethno-political situation in the Kokand khanate]. *Kyrgyzstan – nashe otechestvo*. Bishkek: Muras. [in Kyrgyz]
- Khasanov, 1977 – Khasanov, A.Kh. (1977). Narodnye dvizheniya v Kirgizii v period Kokandskogo khanstva [Popular movements in Kyrgyzstan during the Kokand khanate]. M., 93 p. [in Russian]
- Khoroshkhin, 1876 – Khoroshkhin, A.P. (1876). Sbornik statey, kasayushchikhsya Turkestanskogo kraya [Collection of articles concerning the Turkestan region]. SPb. [in Russian]
- Kun, 1876a – Kun, A.L. (1876). Nekotorye svedeniya o Ferganskoy doline [Some information about the Fergana valley]. *Voennyi sbornik*. №4, aprel'. Pp. 417-448. [in Russian]
- Kun, 1876b – Kun, A.L. (1876). Chtenie A.L. Kuna o Ferganskoy doline [Reading of A.L. Kun on the Fergana valley]. *Turkestanskije vedomosti*. №12, 23 marta. [in Russian]
- Kun, 1880 – Kun, A.L. (1880). Materialy po istorii russkikh vladeniy v Sredney Azii. [Materials on the history of Russian possessions in Central Asia]. Vyp. 1. Kokandskoe khanstvo. SPb. [in Russian]
- NA RUz – Natsional'nyy arkhiv Respubliki Uzbekistan [National Archives of the Republic of Uzbekistan].
- Nabiev, 1973 – Nabiev, R.N. (1973). Iz istorii Kokandskogo khanstva (feodal'noe khozyaistvo Khudoyar-khana). [From the history of the Kokand khanate (the feudal economy of Khudoyar khan)]. Izdatel'stvo «Fan» Uzbekskoy SSR Tashkent, 385 p. [in Russian]
- Nalivkin, 1886 – Nalivkin, V. (1886). Kratkaya istoriya Kokandskogo khanstva [A brief history of the Kokand khanate]. Kazan': Tip. Imperatorskogo Universiteta, 215 p. [in Russian]
- Nalivkin, 1897 – Nalivkin, V.P. (1897). Ocherk blagotvoritel'nosti u osedlykh tuzemtsev Turkestanskogo kraya [Essay on charity among the settled natives of the Turkestan region]. *Spravochnaya knizhka Samarkandskoy oblasti*. Vyp. V. Pp. 206-223. [in Russian]
- Nazarov, 1968 – Nazarov, F. (1968). Zapiski o nekotorykh narodakh i zemlyakh sredney chasti Azii. [Notes on some Peoples and lands of the central part of Asia]. M. 77 p. [in Russian]

- [Pantusov, 1876a](#) – *Pantusov, N.N.* (1876). Sbory i poshliny v byvshem Kokandskom khanstve [Taxes and duties in the former Kokand khanate]. *Turkestanskije vedomosti*. 17, 4 maya. [in Russian]
- [Pantusov, 1876b](#) – *Pantusov, N.N.* (1876). O podat'yakh i povinnost'yakh, sushchestvovavshikh v byvshem Kokandskom khanstve v poslednee vremya pravleniya Khudoyar-khana [On taxes and duties in the former Kokand khanate during the last years of Khudoyar khan's rule]. *Turkestanskije vedomosti*. №16, 27 aprelya. [in Russian]
- [Pantusov, 1876c](#) – *Pantusov, N.N.* (1876). Podatnye sbory v g. Kokande [Tax fees in Kokand]. *Turkestanskije vedomosti*. №13, 30 marta. [in Russian]
- [Ploskikh, 2015](#) – *Ploskikh, V.M.* (2015). Kirgizy i Kokandskoe khanstvo (3-e izd.) [Kyrgyz people and the Kokand khanate (3rd edition)]. Bishkek, 512 p. [in Russian]
- [Potanin, 1856](#) – *Potanin, N.I.* (1856). Zapiski o Kokandskom khanstve khorunzhego Potanina (1830 gody) [Notes on the Kokand khanate by Cornet Potanin (1830s)]. *Vestnik RGO*. Ch. 18. SPb. Pp. 254-289. [in Russian]
- [Troitskaya, 1968](#) – *Troitskaya, A.L.* (1968). Katalog arkhiva Kokandskikh khanov XIX veka [Catalog of the archive of Kokand khans of the 19th century]. M., 582 p. [in Russian]
- [Usenbaev, 1961](#) – *Usenbaev, K.U.* (1961). Obshchestvenno-ekonomicheskie otnosheniya kirgizov v period gospodstva Kokandskogo khanstva (XIX vek – do prisoyedineniya Kirgizii k Rossii) [Socio-economic relations of the Kyrgyz People during the rule of the Kokand khanate (19th century – before the annexation of Kyrgyzstan to Russia)]. Frunze, 165 p. [in Russian]

Налоговая политика в Кокандском ханстве (вторая половина XIX века)

Фарида Турганбаевна Баитова ^{a, *}, Жээнбек Байыскулович Алымбаев ^b,
Элида Анарбековна Толобаева ^c

^a Кыргызская государственная академия физической культуры и спорта им. Б.Т. Турусбекова, Бишкек, Кыргызская Республика

^b Кыргызско-Турецкий университет Манас, Бишкек, Кыргызская Республика

^c Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация. Данная статья посвящена анализу налоговой политики Кокандского ханства во второй половине XIX века – в период, ознаменованный внутренней нестабильностью и усилением феодальной раздробленности. В центре внимания находятся особенности налогового обложения, механизмы сбора налогов и их влияние на социально-экономическое положение населения ханства. Налоговая система ханства включала как исламские налоги (ушр – десятина с урожая, закят – налог на имущество), так и светские сборы, включая подати, чрезвычайные повинности, налоги с ремесленников и торговцев. Значительная часть налогов взималась в натуральной форме. При этом централизованная финансовая система была слабо развита, а ключевая роль в сборе налогов принадлежала местным администраторам – беям и наместникам, что способствовало коррупции и произволу. Повышение налогового давления, вызванное постоянными военными походами, содержанием ханской армии и стремлением усилить контроль над регионами, приводило к росту социальной напряжённости, бегству крестьян и упадку производственных отношений. На основе анализа архивных документов, исторических хроник и воспоминаний современников в статье раскрываются причины кризиса налоговой системы и её роль в ослаблении государственности Кокандского ханства. Отдельное внимание уделено положительной роли Российской империи, чьё вмешательство способствовало упорядочиванию налогового администрирования, снижению произвола на местах и постепенному переходу к более рациональным и устойчивым формам управления. Работа способствует более глубокому пониманию социально-экономических процессов в Центральной Азии в преддверии её интеграции в состав Российской империи.

В настоящей статье основной задачей является рассмотрение структуры налоговой системы Кокандского ханства во второй половине XIX века, выявление её особенностей, динамики изменений, а также влияния налоговой политики на развитие общества и экономики. Также основным методом исследования стал сравнительно-исторический, позволяющий обобщить упоминаемые в различных источниках материалы, содержащие сведения о налоговой политике в Кокандском ханстве.

Ключевые слова: Кокандское ханство, налоговая политика, налогообложение, ушр, закят, подати, фискальная система, Центральная Азия, Российская империя, административное управление.

* Корреспондирующий автор

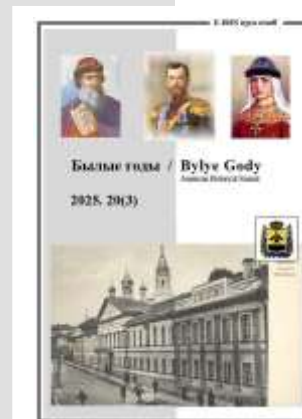
Адреса электронной почты: baitova_farida@mail.ru (Ф.Т. Баитова),
jeenbek.alymbaev@manas.edu.kg (Ж.Б. Алымбаев), tolobaeva_elida@mail.ru (Э.А. Толобаева)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1333-1342
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1333

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Feodosii Nikolaevich Chernyshev (1856–1914) and the Geological Mapping of the Donets Coal Basin

Siergiej A. Piatowski ^{a, *}

^a Empress Catherine II Saint-Petersburg Mining University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract

The study is devoted to the history of compiling a detailed geological map of the Donets Coal Basin in the late 19th and early 20th centuries. The problem of scientific and industrial development of this region has become especially important for Russia in the era of industrialization. Donets Coal Basin was the main strategic source of fuel in the European part of the country. However, until the end of the 19th century, there were no detailed geological maps of the region that would meet the needs of developing industry and transport. The Geological Committee in St. Petersburg, founded in 1882 under the Mining Department of the Russian Empire, played a key role in solving this problem. One of its leading specialists, the outstanding Russian geologist Feodosii Nikolaevich Chernyshev (1856–1914), was appointed as the head of this colossal project. The purpose of the presented study is to establish the circumstances related to Chernyshev's participation in the work on the compilation of the map, as well as to determine the nature and degree of his influence on the course of events and the final result. The research was based on documents from the fund of the Geological Committee, stored in the Russian State Historical Archive.

Keywords: Donets Coal Basin, Donbass, geology, cartography, industrialization, Geological Committee, stratigraphy, mining industry.

1. Введение

19 января 1882 года в Санкт-Петербурге по указу императора Александра III был учреждён Геологический комитет при Горном департаменте Министерства государственных имуществ. Это событие является важной вехой в истории отечественной горной отрасли, так как именно Геологическому комитету принадлежала ведущая роль в деле научно-промышленного освоения земных недр в конце XIX – начале XX века. На этот период пришёлся наиболее интенсивный этап нарастающей индустриализации Российской империи, что, в свою очередь, повлекло за собой бурное развитие минерально-сырьевого комплекса. Подобные процессы были невозможны без участия профессиональных горных инженеров, топографов, маркшейдеров, специалистов в области геологии, геодезии, минералогии, палеонтологии и иных наук о земле, а следовательно, основой для развития страны служила система высшего профессионального образования в горной отрасли. Этим объясняется тесная историческая связь между Геологическим комитетом и Санкт-Петербургским горным институтом, что отчётливо видно, если обратиться к биографиям горных инженеров и геологов конца XIX – начала XX века. Наиболее ярким примером может служить судьба Феодосия Николаевича Чернышёва (1856–1914) – выдающегося геолога и палеонтолога, выпускника (1880) и впоследствии директора (1908–1910) Горного института и директора Геологического комитета (1903–1914).

Одним из важнейших стратегических ресурсов в эпоху второй половины XIX – начала XX века являлся каменный уголь, а потому, по мере развития отечественной промышленности, возникла потребность в уточнении накопленных научных данных об имеющихся крупных месторождениях,

* Corresponding author

E-mail addresses: sapiatovskij91@mail.ru (S.A. Piatowski)

а также в их полноценной систематизации. Особое внимание было обращено к Донецкому каменноугольному бассейну – крупнейшему источнику топлива в европейской части России. Его детальная геологическая карта в своём завершённом виде была опубликована только в 1920 году издательством петроградского Геологического комитета, находившегося в тот период в ведении Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР ([Донецкий бассейн..., 1920](#)). Отдельные планшеты публиковались с 1910 года, а сама работа по составлению этой карты началась ещё в начале 1890-х годов. Руководителем проекта на раннем этапе его реализации стал Ф. Н. Чернышёв, на тот момент – старший геолог Геологического комитета.

Биография столь видного петербургского учёного неизменно привлекала внимание исследователей, однако вопросы о личном вкладе петербургского учёного в организацию и проведение исследований на территории Донбасса, о степени и характере его влияния на ход работы до сих пор лишь контурно обозначались в историографии, не рассматривались достаточно детально. Таким образом, цель настоящего исследования – установить подробно обстоятельства, связанные с участием Ф. Н. Чернышёва в составлении геологической карты Донецкого каменноугольного бассейна, определить характер и степень его влияния на ход исследовательских работ. Учитывая историческое значение указанной карты для научной и экономической жизни России, заполнение подобных информационных лагун представляется актуальным и необходимым.

2. Материалы и методы

Основой для исследования послужили, в первую очередь, документы, связанные с работой по составлению в 1890–1910-х годах геологической карты Донецкого каменноугольного бассейна из фонда Геологического комитета при Горном департаменте, находящегося на хранении в Российском государственном историческом архиве (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Речь идёт о рапортах, пояснительных записках и докладах о ходе работ на Донбассе, о переписке Геологического комитета с Горным департаментом, горными управлениями Области Войска Донского, Харьковской и Екатеринославской губернии, а также с иными учреждениями, предприятиями и частными лицами. Также в качестве источников были использованы некоторые материалы о геологических исследованиях на Донбассе, опубликованные в Горном журнале в XIX веке.

Методологической базой работы послужили классические принципы исторической науки. Принцип историзма предполагает анализ объекта исследования в контексте своей эпохи, сообразно конкретно-историческим условиям его существования. Принцип объективности выражается в осознании субъективности сведений, содержащихся в источниках, и в стремлении минимизировать какую-либо субъективность для воссоздания реальной картины событий прошлого. При работе с историческими документами использовался метод сравнительного анализа, с помощью которого информация, полученная из разных источников, сопоставлялась друг с другом с целью установления реальных фактов. В свою очередь, метод диахронного анализа позволил рассмотреть процесс составления геологической карты Донецкого каменноугольного бассейна в его исторической динамике и выделить определённые этапы, каждый из которых закономерно следует из предыдущего.

3. Обсуждение

История российского минерально-сырьевого комплекса во второй половине XIX – начале XX века является важным и перспективным полем для исследований. Большинство выдающихся деятелей горной отрасли в тот период были выпускниками Санкт-Петербургского Горного института, а потому важное место в историографии занимают современные работы о его развитии как высшего учебного заведения ([Rudnik et al., 2020](#); [Рудник и др., 2023](#); [Афанасьев и др., 2023](#); [Voloshinova, 2024](#)). Отдельно следует отметить исследования, посвящённые научным достижениям сотрудников и выпускников Горного института ([Tropov et al., 2020](#); [Сыров и др., 2021](#); [Tropov et al., 2021](#)), их участия в промышленной ([Бричкин и др., 2020](#); [Мокеев, 2023](#)) и общественно-политической ([Afanas'ev, Voloshinova, 2022](#); [Лейберов, 2022](#)) жизни Российской империи.

Процесс составления первой детальной геологической карты Донецкого каменноугольного бассейна в 1890–1910-х годах до сих пор не становился предметом отдельных исторических исследований и лишь фрагментарно рассматривался в работах, посвящённых деятельности Геологического комитета и выдающихся отечественных геологов. В научно-популярном издании «Открыватели недр Донбасса» 1951 года история создания карты изложена в общих чертах и без использования научно-справочного аппарата ([Марягин, 1951: 112–127](#)). Особое внимание в повествовании уделено личности Леонида Ивановича Лутугина (1864–1915) – выпускника Горного института (1889) и сотрудника Геологического комитета, чей вклад в изучение и промышленное развитие Донецкого каменноугольного бассейна невозможно переоценить. В то же время была обозначена и роль Ф. Н. Чернышёва как руководителя картографической работы на Донбассе в 1892–1897 годах, заложившего «прочную научную базу» для дальнейших исследований. Более поздние этапы работ по составлению карты были, на данный момент, наиболее полно отражены в работах о личном вкладе в проект Л.И. Лутугина ([Жемчужников, 1953](#); [Шаталов, 2014](#)). Отдельные факты изложены в биографических исследованиях о горных инженерах и геологах, принимавших участие в

картографировании Донецкого каменноугольного бассейна – Алексея Алексеевича Борисяке (1872–1944) (Шатский, 1971: 8-17; Владимирская, 1984: 7-10; Бодылевская, 2017), Василии Ивановиче Яворском (1874–1974) (Иванов и др., 1984: 58-60) и Николае Николаевиче Яковлеве (1870–1966) (Нехорошев, 1978а: 130-132).

Историография, посвящённая жизни и научной деятельности Ф. Н. Чернышёва, представляется относительно обширной. Её формирование началось вскоре после смерти учёного – в некрологах и иных мемориальных материалах, составленных и опубликованных его коллегами-геологами (Карпинский, 1914; Богданович, 1914). В советский период время от времени также появлялись биографические очерки, и, несмотря на скорее мемориальный, чем научный характер, дополнительную ценность им придавали личности авторов – именитых геологов, в своё время учившихся у самого Ф.Н. Чернышёва (Рябинин, 1939; Наливкин, 1948; Нехорошев, 1978b). Обзорные работы о жизни и достижениях учёного публиковались и в постсоветскую эпоху, причём во многих из них установленный ранее «канон», основанный в большей степени на источниках мемуарного характера, дополнялся новыми сведениями, почерпнутыми из архивных документов (Афанасьев, 2014; Шаталов, 2016). Необходимо отметить выдающийся вклад в историографию сотрудника ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения РАН» Т.П. Филипповой, исследования которой посвящены деятельности сотрудников Геологического комитета на севере Европейской России, в том числе – экспедициям Ф. Н. Чернышёва на Тиман, Шпицберген и Новую Землю (Филиппова, 2019; Филиппова, 2021; Филиппова, 2024).

4. Результаты

Геологический комитет, учреждённый в 1882 году, опирался на обширный опыт и фактические данные, накопленные за прошедшие десятилетия развития научного знания о земле. Первые геогностические исследования на территории Донбасса были проведены ещё в 1820–1830-е годы (Ковалевский, 1829; Оливьери, 1836). Важной вехой в научно-промышленном освоении края стало создание пластовой геогностической карты западной части Донецкого каменноугольного кряжа, опубликованной в 1869–1873 годах (Донецкий кряж..., 1873) и подготовленной военными горными инженерами братьями Носовыми на основе их многолетних полевых исследований 1850–1860-х годов. На данной карте обозначались выходы пластов каменного угля и границ каменноугольной формации. Однако ввиду того, что она основывалась на поверхностной, а не подземной съёмке, границы пластов лишь предполагались, а потому её научное значение оставалось ограниченным. Николай Павлович Барбот де Марни (1829–1877) – российский горный инженер французского происхождения – представил подробную характеристику карты Носовых и пришёл к выводу, что она лишь «отчетливо показывает известные по настоящее время выходы пластов минерального угля», и донецкая горная промышленность нуждается в подробном геологическом исследовании края (Барбот де Марни, 1871: 388).

Толчком к работе над полноценной геологической картой Донецкого каменноугольного бассейна стало обращение IV съезда горнопромышленников Юга России, направленное в 1882 году в Министерство государственных имуществ, с просьбой о продолжении геологических разведок на территории Донбасса. Обращение было перенаправлено в Горный департамент и обсуждалось на заседаниях присутствия новообразованного Геологического комитета 8 и 11 мая 1882 года, по итогам которого было вынесено заключение за подписью Александра Петровича Карпинского (1846–1936), в ту пору занимавшего должность старшего геолога. Комитет высказывался против детальных разведок уже выявленных месторождений, на которых настаивали горнопромышленники, и подчёркивал необходимость проведения подробных геологических исследований каменноугольной системы края (РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 682. Л. 6-7). Горный департамент не удовлетворился таким ответом и передал дело на рассмотрение Горного учёного комитета – экспертного научного центра, существовавшего при Горном институте в Санкт-Петербурге. 18 декабря 1882 года состоялось заседание Горного учёного комитета с участием представителей Геологического комитета, и в результате была принята резолюция, соответствующая точке зрения А. П. Карпинского (РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 682. Л. 13-13об.).

Приступая к столь масштабной задаче, Геологический комитет стремился по возможности использовать наработки прошлых лет, и в поисках оригиналов планшетов пластовой карты братьев Носовых обращался в Управление горной и соляной частями в Области Войска Донского, а также в 1-й и 2-й горные округа западной части Донецкого кряжа. Вскоре выяснилось, что имеющаяся карта имела ряд существенных недостатков, которые делали её практически непригодной для использования в качестве основы для составления детальной геологической карты. Окружной горный инженер 1-го округа Тискин в ответе Геологическому комитету от 30 сентября 1883 года сообщил, что при составлении оригинальных планшетов отсутствовала единая система нанесения пластов и не были строго определены горизонты, а имевшихся геологических данных было совершенно недостаточно для точного определения границ и положения пластов (РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 682. Л. 190б.).

В рапорте Геологического комитета от 23 января 1884 года, направленном в Горный департамент, сообщалось о намерении начать исследования на Донбассе предстоящим летом, и указывалось, что на первом этапе работ предстоит внести существенные исправления в уже существующую пластовую карту, придать ей «геологический характер». Руководителем проекта должен был стать старший геолог, надворный советник Иван Васильевич Мушкетов (1850–1902) – авторитетный учёный, известный своими трудами по геологии Средней Азии и Алтая (РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 682. Л. 22а-22б.). Однако обозначенные исследования не начались ни в 1884 году, ни в последующие несколько лет. Геологический комитет не располагал достаточным количеством штатных специалистов для выполнения всех поставленных перед ним задач. Командировка И.В. Мушкетова на Донбасс откладывалась несколько лет подряд в связи с другими срочными поручениями, и в результате вовсе не состоялась (РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 682. Л. 26-27).

По всей видимости, именно нехватка кадров и загруженность имеющихся специалистов, при настоячивых напоминаниях Горного департамента, стала причиной того, что в определённый момент Геологический комитет попытался отказаться от выполнения поставленной задачи в полном объёме. По итогам обсуждения в рамках специальной комиссии был подготовлен обстоятельный доклад, направленный в Горный департамент 7 марта 1890 года. Геологи обозначили перед правительством два варианта дальнейших действий – исходя из характера необходимой карты. Первый вариант предполагал составление полноценной пластовой (флёцевой) карты Донецкого угольного бассейна, что требовало не только уточнения имеющихся топографических карт, но и проведения искусственных выработок с целью получения геологических данных. Реализация этого варианта обещала стать весьма длительным и дорогостоящим процессом. По приблизительным подсчётам потребовалась бы ежегодная летняя работа нескольких геологов, а также четырёх маркшейдерских, восьми топографических и одной разведочной партии на протяжении, по меньшей мере, шести лет. Стоимость подобных работ оценивалась более чем в 260 тысяч рублей серебром. Второй же вариант представлялся в докладе более реалистичным и предполагал создание карты выходов пластов на поверхность, подобной карте братьев Носовых, но в более крупном масштабе – одной версты на дюйм и выполненной с использованием строгих геологических оснований. При этом констатировалось, что сама карта Носовых не поддаётся исправлению из-за критического количества допущенных ошибок, а потому и второй вариант требует длительных геологических, разведочных, топографических и маркшейдерских работ. По всей видимости, доклад был призван подтолкнуть Горный департамент и Министерство государственных имуществ ко второму варианту. В выводах отмечалось, что и такая карта «даст хорошее руководство для дальнейших разведочных работ по частной инициативе и послужит базой для составления пластовой карты по типу флёцевых карт западно-европейских, когда составление такой карты будет вызвано потребностями промышленности» (РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 682. Л. 29-35).

Данный доклад, помимо своего содержания, примечателен ещё и тем, что в его обсуждении на правах члена комиссии принимал участие Ф. Н. Чернышёв, занимавший с 1885 года должность старшего геолога. За прошедшее после окончания в 1880 году Горного института десятилетие он приобрёл богатый практический опыт, проявив себя, с одной стороны, как блестящий академический учёный, а с другой – как прекрасный полевой специалист, принимая участие в исследованиях на западном склоне Южного Урала и Печорском крае (Архангельская губерния), а также в главном проекте Геологического комитета того времени – составлении геологической карты Европейской России, которая была подготовлена в масштабе 60 вёрст на дюйм и опубликована в 1893 году. Таким образом, к 1890 году, когда Ф. Н. Чернышёв подключился к решению вопросов, связанных с Донбассом, он уже обладал высоким авторитетом как в России, так и за её пределами.

Правительство прислушалось ко мнению, выраженному в докладе, и склонилось ко второму предложенному варианту. В 1892 году Геологическому комитету было выделено 7 тысяч рублей для производства работ «по исправлению пластовой и подробной геологической карты» (РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 682. Л. 36-36об.). Руководителем проекта был назначен Ф.Н. Чернышёв, а его помощниками в первой командировке на Донбасс летом 1892 года стали горные инженеры Л.И. Лутугин и Николай Иосифович Лебедев (1863–1931). Второй также был выпускником петербургского Горного института (1888) и уже имел практический опыт, сопровождая Ф.Н. Чернышёва в экспедиции на Тимане. На подготовительном этапе в работе также принимал участие профессор Императорского Киевского университета Иван Фёдорович Шмальгаузен (1849–1894) – выдающийся учёный-ботаник, сотрудничавший с Геологическим комитетом в вопросах палеонтологии. Группа приступила к геологическим исследованиям в Харьковской и Екатеринославской губернии, а также к систематизации и анализу имевшихся на тот момент картографических материалов и фактических данных.

Вскоре Ф. Н. Чернышёв пришёл к выводу, что поставленная перед Геологическим комитетом задача по «исправлению» карты братьев Носовых является бесперспективной. В его рапорте от 20 июня 1892 года, направленном в Санкт-Петербург, подчёркивалось, что только длительное детальное геологическое исследование Донецкого бассейна может дать материал, полезный как для науки, так и для промышленности. Было выявлено и другое важное обстоятельство. Существующие топографические карты Харьковской и Екатеринославской губерний, а также Области Войска

Донского не годились в качестве основы для геологических исследований – в них отсутствовала система горизонталей, позволявшая связывать локации друг с другом. Таким образом, топографическую съёмку региона было необходимо фактически проводить заново (РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 682. Л. 42-43об.).

Более подробно свои мысли Ф.Н. Чернышёв изложил на заседании Присутствия Геологического комитета 14 октября 1892 года. Он прямо заявил, что первоначальный план составления некой «обзорной» карты на основе карты Носовых нуждается в пересмотре, и выдвинул куда более масштабный проект подробной геологической карты всего Донецкого каменноугольного бассейна в масштабе одной версты на дюйм, заметив, что, учитывая сложность тектонического устройства региона, «подобная работа только и может принести существенную практическую пользу» (РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 682. Л. 53). Присутствие Геологического комитета поддержало позицию своего коллеги, а позднее и Министерство государственных имуществ сочло его доводы убедительными, согласившись на выделение соответствующих средств.

Дальнейшие события, связанные с реализацией проекта, свидетельствуют о выдающихся организаторских талантах Ф.Н. Чернышёва, его способности рационально выстроить рабочий процесс. По его инициативе удалось добиться проведения топографической съёмки силами военного ведомства. В уезды Харьковской и Екатеринославской губерний ежегодно командировались классные топографы Главного штаба, а Горное управление Области Войска Донского взяло на себя расходы и организацию съёмки на своей территории. Маркшейдерские работы были поручены специалистам Горного управления Южной России, подведомственного Горному департаменту. Промышленным предприятиям Донбасса были направлены инструкции, предписывающие собирать и надлежащим образом, по единой унифицированной форме, систематизировать геологический материал при проведении любых горных работ, что стало существенным подспорьем для Геологического комитета (РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 682. Л. 55).

В течение 1892–1894 годов группе Ф.Н. Чернышёва удалось добиться значительных результатов. Была точно установлена схема подразделения донецких каменноугольных осадков, определены горизонты залегания отдельных пластов, а также прослежены изменения, которым подвержены отдельные пласты в горизонтальном направлении по своему составу и качествам углей. Были организованы лабораторные исследования полученных образцов, для которых привлекались сотрудники петербургского Горного института (РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 682. Л. 74-75об.).

В историографии существует неясность относительно хронологического периода работы Ф.Н. Чернышёва на Донбассе. В части текстов сообщалось, что его непосредственное участие в проекте ограничилось 1892–1894 годами (Наливкин, 1948: 458; Марягин, 1951: 115; Яворский, 1978: 96), и дальнейшие события связаны, прежде всего, с фигурой Л.И. Лутугина. Однако фактически Ф.Н. Чернышёв руководил процессом вплоть до конца 1890-х годов, а ежегодные командировки на юг России продолжались, согласно рапортам Геологического комитета, по меньшей мере вплоть до 1897 года (РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 682. Л. 64, 78, 88, 101). Следует также учесть, что позднее, будучи директором Геологического комитета с 1903 года, именно Ф. Н. Чернышёв занимался вопросами, связанными с подготовкой карты к публикации.

Составление детальной геологической карты Донецкого каменноугольного бассейна началось в 1892 году и завершилось в начале 1910-х годов. Презентация её трёхвёрстной версии состоялась в 1911 году на Международной выставке в Турине (Яворский, 1978: 102). Публикация же в печатном виде и в масштабе 10 вёрст на дюйм пришлось уже на 1920 год, хотя отдельные планшеты публиковались с 1910 года. По предположениям Ф. Н. Чернышёва, высказанным ещё в 1892 году, все работы должны были занять шесть или восемь лет, однако в итоге затянулись на два десятилетия. При этом следует отметить, что совокупный объём выполненных за этот срок задач, при крайней сложности геологического строения Донбасса и его относительно слабого, по сравнению с немецким Руром или бельгийским Льежем, промышленного развития, стал беспрецедентным в истории мировой картографии.

Основной фактор, повлиявший на длительность реализации проекта, был обозначен в докладной записке Геологического комитета от 2 апреля 1907 года, подписанной Ф.Н. Чернышёвым: «Необходимость производства точной топографической съёмки крайне усложнила, удорожила и замедлила составление геологической карты, поставив её в зависимость от хода топографических работ» (РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 684. Л. 116об.). Сказывалась ограниченность ресурсов и нехватка военно-топографических кадров в Главном штабе. Ежегодно на Донбасс командировали не более четырёх специалистов, а в середине 1900-х годов не могли выделить и такого количества, так как из-за Русско-японской войны все лучшие топографы были направлены на Дальний Восток (РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 684. Л. 116об.). Именно на топографическую съёмку была истрачена большая часть выделяемых средств, и без того весьма ограниченных – при том, что работы на территории Области Войска Донского оплачивались местным Горным управлением.

Недостаточность финансирования была явной проблемой на всём пути реализации проекта. Общая сумма ежегодных затрат с 1894 года составляла 25 тысяч рублей, в то время как по расчётам Геологического комитета 1890 года, исходивших из задачи «исправления» карты Носовых, дело

требовало выделения 47 тысяч рублей ежегодно на протяжении шести лет. Вместе с тем даже сумма в 25 тыс. рублей вызвала вопросы у Государственного совета, и в 1897 году Ф. Н. Чернышёву приходилось обосновывать дальнейшее выделение этих средств (РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 682. Л. 107). Позднее он горько сетовал на недостаточность финансирования геологической службы в России, указывая, что, при гигантских размерах территории страны, её годовой бюджет на порядок меньше, чем у аналогичных институтов в США, Германии и Англии (Афанасьев, 2014: 122).

Стоит отметить, что иногда рабочие процессы прерывались в силу тех или иных чрезвычайных событий. Так, 4 июля 1899 года командированные на Донбасс молодые геологи Василий Алексеевич Наливкин (1865–1899) и Николай Васильевич Григорьев (1865–1899) трагически погибли, утонув в реке Северский Донец, согласно официальной версии (Бодылевская, 2017: 33). В мае 1905 года руководитель проекта Л. И. Лутугин был арестован полицией в связи со своей политической деятельностью (РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 684. Л. 65). Революционные взгляды геолога традиционно отмечались в историографии, однако конкретной информации для выводов относительно причин ареста недостаточно. Вероятно, он был связан с событиями в Горном институте 1904–1905 годов, где часть студентов и преподавателей, в том числе и Л. И. Лутугин, бойкотировали директора Дмитрия Петровича Коновалова (1856–1929), который распорядился убрать из студенческой столовой портрет немецкого социал-демократа Августа Бебеля (Афанасьев и др., 2017: 195–196). Данное происшествие, вошедшее в историю как «коноваловский конфликт», красноречиво свидетельствует о напряжении, существовавшем в среде русской интеллигенции в начале XX века.

В мае 1902 года один из отчётных фрагментов геологической карты Донбасса лёг на стол министра земледелия и государственных имуществ Алексея Сергеевича Ермолова (1847–1917), который поставил на сопроводительную записку Горного департамента резолюцию: «Весьма желательно, чтобы эта в высшей степени важная работа была выполнена возможно быстрее, и чтобы хотя бы часть её была опубликована в ближайшем будущем» (РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 684. Л. 5). В общем контексте пожелание правительства выглядит глубоко запоздавшим. Обстоятельства составления геологической карты Донбасса явились иллюстрацией того, что Россия с трудом приспосабливалась к скоростям и потребностям XX века, новой индустриальной эпохи. Значение научно-промышленного освоения Донбасса, учитывая его стратегическое значение как главного источника топлива в европейской части страны, было осознано в полной мере с большим опозданием. Тем труднее сегодня переоценить заслуги и достижения таких выдающихся учёных и организаторов, как Ф. Н. Чернышёв, для отечественной науки и промышленности.

5. Заключение

Исходя из имеющихся данных, следует сделать вывод о решающем вкладе Ф.Н. Чернышёва в дело составления детальной геологической карты Донецкого каменноугольного бассейна. Именно благодаря его организаторским способностям, инициативности и силе убеждения был пересмотрен первоначальный план Геологического комитета, исходивший из ограниченной задачи по исправлению недостатков старой пластовой карты 1860-х годов, и началась работа над полноценной научно-обоснованной геологической картой, создание которой стало насущной потребностью в условиях индустриализации страны. В ходе первой же командировки 1892 года Ф.Н. Чернышёву удалось быстро выявить существующие проблемы, определить задачи и предложить пути для их решения. Осуществляя непосредственное руководство проектом с 1892 по 1897 годы, он добился содействия соответствующих инстанций для проведения топографической съёмки на территории Области Войска Донского, Харьковской и Екатеринославской губерний, а также наладил процессы сбора и систематизации геологических данных на местных предприятиях горной отрасли. Позднее, уже занимая пост директора Геологического комитета, Ф.Н. Чернышёв оказывал административное содействие своему последователю и ученику Л.И. Лутугину, отстаивал интересы участников проекта перед верхними инстанциями и способствовал публикации отдельных планшетов геологической карты. Таким образом, исследования на Донбассе стали важным эпизодом в насыщенной научной жизни Ф.Н. Чернышёва, а его заслуги в деле научно-промышленного освоения края невозможно переоценить.

Литература

- Афанасьев, 2014 – Афанасьев В.Г. Академик Феодосий Николаевич Чернышев. 1856–1914 // Клио. 2014. № 12 (96). С. 120–124.
- Афанасьев и др., 2017 – Афанасьев В.Г. и др. Во главе Горного института. Директора учебного заведения (1773–1918). СПб.: Санкт-Петербургский Горный университет, 2017. 240 с.
- Афанасьев и др., 2023 – Афанасьев В.Г. и др. Очерки истории Горного института (1773–1917). СПб.: Санкт-Петербургский горный институт, 2023. 300 с.
- Барбот де Марни, 1871 – Барбот де Марни Н.П. Карта исследуемых (исследованных) местностей в западной части Донецкого каменноугольного кряжа горными инженерами Носовым 1-м и Носовым 2-м // Горный журнал. 1871. Ч. 1. Кн. 2. С. 380–388.

- [Богданович, 1914](#) – *Богданович К.И.* Феодосий Николаевич Чернышев. Краткий биографический очерк // *Известия Геологического комитета*. 1914. Т. 33. № 1. С. 53-70.
- [Бодылевская, 2017](#) – *Бодылевская И.В. А.А.* Борисяк на Украине: первые шаги в геологии // *Историко-биологические исследования*. 2017. № 9 (1). С. 29-39.
- [Бричкин и др., 2020](#) – *Бричкин В.Н. и др.* Металлурги Горного института: традиции на службе Отечеству, науке и производству // *Цветные металлы*. 2020. № 10. С. 4-13.
- [Донецкий бассейн..., 1920](#) – *Донецкий бассейн*. Геологическая карта Донецкого каменноугольного бассейна. Пг.: Государственная картография, 1920. 1 к.
- [Донецкий кряж..., 1873](#) – *Донецкий кряж*, западная часть. Пластовая горно-промышленная карта с вертикальным разрезом западной части Донецкого каменно-угольного кряжа. СПб.: Военно-топографический отдел Главного штаба, 1873. 1 к.
- [Владимирская и др., 1984](#) – *Владимирская Е.В. и др.* Алексей Алексеевич Борисяк (1872–1944) / Выдающиеся учёные Геологического комитета – ВСЕГЕИ. Л.: «Наука», 1984. С. 5-31.
- [Жемчужников, 1953](#) – *Жемчужников Ю.А.* Леонид Иванович Лутугин – основоположник угольной геологии / *Очерки по истории геологических знаний*. Вып. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. С. 181-190.
- [Иванов и др., 1984](#) – *Иванов А.А. и др.* Василий Иванович Яворский (1874–1974) / Выдающиеся учёные Геологического комитета – ВСЕГЕИ. Л.: «Наука», 1984. С. 54-79.
- [Карпинский, 1914](#) – *Карпинский А.П.* Феодосий Николаевич Чернышев. Некролог // *Известия Императорской академии наук*. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1914. С. 164-184.
- [Ковалевский, 1829](#) – *Ковалевский Е.П.* Геогностическое обозрение Донецкого горного кряжа // *Горный журнал*. 1829. Ч. 1. Кн. 1. С. 1-47.
- [Лейберов, 2022](#) – *Лейберов А.И.* Студенты Горного института в годы Первой мировой войны // *Вопросы истории*. 2022. № 1 (1). С. 147-155.
- [Марягин, 1951](#) – *Марягин Г.А.* Открыватели недр Донбасса. Сталино: Сталинское областное издательство, 1951. 172 с.
- [Мокеев, 2023](#) – *Мокеев А.Б.* Вклад учёных Горного института в развитие металлургической промышленности Царства Польского во второй половине XIX в. – начале XX в.: новые технологии и автоматизация производства // *Цветные металлы*. 2023. № 4. С. 109-114.
- [Наливкин, 1948](#) – *Наливкин Д.В.* Феодосий Николаевич Чернышев (1856–1914) / *Люди русской науки*. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1948. С. 454-461.
- [Нехорошев, 1978a](#) – *Нехорошев В.П.* Николай Николаевич Яковлев (1870–1966) // *Очерки по истории геологических знаний*. Вып. 19. Выдающиеся отечественные геологи. Л.: «Наука», 1978. С. 129-141.
- [Нехорошев, 1978b](#) – *Нехорошев В.П.* Феодосий Николаевич Чернышев (1856–1914) // *Очерки по истории геологических знаний*. Вып. 19. Выдающиеся отечественные геологи. Л.: «Наука», 1978. С. 52-66.
- [Оливьери, 1836](#) – *Оливьери А.И.* Геогностическое обозрение Донецкого горного кряжа // *Горный журнал*. 1836. Ч. 1. Кн. 1. С. 1-45.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [Рудник и др., 2023](#) – *Рудник С.Н. и др.* 250 лет на службе Отечеству: Санкт-Петербургский Горный университет императрицы Екатерины II в цифрах и фактах // *Записки Горного института*. 2023. Т. 263. С. 810-830.
- [Рябинин, 1939](#) – *Рябинин А.Н.* Академик Феодосий Николаевич Чернышев (к 25-летию со дня его смерти) // *Природа*. 1939. № 7. С. 98-100.
- [Сырков и др., 2021](#) – *Сырков А.Г. и др.* Академик Н.С. Курнаков как основоположник физико-химического анализа – научного фундамента для разработки новых металлических сплавов и материалов // *Цветные металлы*. 2021. № 1. С. 77-83.
- [Филиппова, 2019](#) – *Филиппова Т.П.* Изучение минерально-сырьевых ресурсов европейского Севера России Ф.Н. Чернышевым (1856–1914) / *Наука в региональном пространстве современной России и Зарубежья. Сборник научных статей к 75-летию Коми НЦ УрО РАН*. Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2019. С. 321-326.
- [Филиппова, 2021](#) – *Филиппова Т.П.* Научное освоение европейского севера России в конце XIX – начале XX вв. в документальном наследии академика Ф.Н. Чернышева // *История науки и техники*. 2021. № 2. С. 54-63.
- [Филиппова, 2024](#) – *Филиппова Т.П.* К истории российско-шведской экспедиции по градусным измерениям на архипелаге Шпицберген (1899–1901): анализ научного наследия академика Ф.Н. Чернышева // *Вопросы естествознания и техники*. 2024. Т. 45. № 1. С. 98-113.
- [Шаталов, 2014](#) – *Шаталов М.М.* Одвічним пам'ятником йому стоїть Донбас... (к 150-річчя професора Л.І. Лутугіна) // *Вісник Національної академії наук України*. 2014. № 11. С. 85-88.
- [Шаталов, 2016](#) – *Шаталов Н.Н.* Выдающийся геолог-съёмщик и стратиграф Донбасса Феодосий Николаевич Чернышев (к 160-летию со дня рождения) // *Геологический журнал*. 2016. № 3(356). С. 120-123.

[Шатский, 1971](#) – Шатский Н.С. О роли академика А.А. Борисяка в развитии русской геологии / *Очерки по истории геологических знаний*. Вып. 13. Учёные геологического комитета. М.: «Наука», 1971. С. 8–17.

[Яворский, 1978](#) – Яворский В.И. Леонид Иванович Лутугин (1864–1915) / *Очерки по истории геологических знаний*. Вып. 19. Выдающиеся отечественные геологи. Л.: «Наука», 1978. С. 93–107.

[Afanas'ev, Voloshinova, 2022](#) – Afanas'ev V.G., Voloshinova I.V. Diplomatic Missions of Mining Engineers in the Foreign Policy of Russia in the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1770–1779.

[Rudnik et al., 2020](#) – Rudnik S.N., Mokeev A.B., Kudryavtseva R.A. Russian and Western European mining schools in the first half of the 19th century: a comparative analysis of educational process organization // *Bylye Gody*. 2020. 17(4): 1770–1779.

[Tropov et al., 2020](#) – Tropov I.A., Podolskiy S.I., Lyubichankovskiy S.V. The Auerbach Dynasty of Engineers and the Development of Mining in Russia in the second half of the XIXth – early XXth centuries // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2631–2639.

[Tropov et al., 2021](#) – Tropov I.A., Podolskiy S.I., Lyubichankovskiy S.V. The Development of the Mineral and Raw Materials Base of Russia in the Works of Scientists of the Mining Institute (second half of the 19th and early 20th centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 281–287.

[Voloshinova, 2024](#) – Voloshinova I.V. St. Petersburg Mining Institute during the Reign of Emperor Nicholas II (1894–1917) // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 886–895.

References

[Afanas'ev, 2014](#) – Afanas'ev, V.G. (2014). Akademik Feodosij Nikolaevich Chernyshev. 1856–1914 [Academician Feodosij Nikolaevich Chernyshev. 1856–1914]. *Klio*. 12(96): 120–124. [in Russian]

[Afanas'ev i dr., 2017](#) – Afanas'ev, V.G. i dr. (2017). Vo glave Gornogo instituta. Direktora uchebnogo zavedeniya (1773–1918) [At the head of the Mining Institute. Directors of the educational institution (1773–1918)]. SPb.: Sankt-Peterburgskii Gornyi universitet, 240 p. [in Russian]

[Afanas'ev i dr., 2023](#) – Afanas'ev, V.G. i dr. (2023). Ocherki istorii Gornogo instituta (1773–1917) [Essays on the history of the Mining Institute (1773–1917)]. SPb.: Sankt-Peterburgskii gornyi institut, 300 p. [in Russian]

[Afanas'ev, Voloshinova, 2022](#) – Afanas'ev, V.G., Voloshinova, I.V. (2022). Diplomatic Missions of Mining Engineers in the Foreign Policy of Russia in the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1770–1779.

[Barbot de Marni, 1871](#) – Barbot de Marni, N.P. (1871). Karta issledovannykh (issledovannykh) mestnostey v zapadnoy chasti Doneckogo kamennougol'nogo krjazha gornymi inzhenerami Nosovym 1-m i Nosovym 2-m [Map of the explored areas in the western part of the Donets Coal Ridge by mining engineers Nosov 1st and Nosov 2nd]. *Gornyi zhurnal*. Ch. 1, Kn. 2. Pp. 380–388. [in Russian]

[Bodylevskaja, 2017](#) – Bodylevskaja, I.V. (2017). A.A. Borisjak na Ukraine: pervye shagi v geologii [A.A. Borisjak in Ukraine: the first steps in geology]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 9(1): 29–39. [in Russian]

[Bogdanovich, 1914](#) – Bogdanovich, K.I. (1914). Feodosij Nikolaevich Chernyshev. Kratkij biograficheskij ocherk [Feodosij Nikolaevich Chernyshev. The short biographical essay]. *Izvestija Geologicheskogo komiteta*. T. 33. Nr 1. Pp. 53–70. [in Russian]

[Brichkin i dr., 2020](#) – Brichkin, V.N. i dr. (2020). Metallurgi Gornogo instituta: tradicii na sluzhbe Otechestvu, nauke i proizvodstvu [Metallurgists of the Mining Institute: traditions in the service of the Fatherland, science and production]. *Tsvetnye metally*. 10: 4–13. [in Russian]

[Donetskii bassein..., 1920](#) – Donetskii bassein. Geologicheskaya karta Donetskogo kamennougol'nogo basseina [Donets Basin. Geological map of the Donets Coal Basin]. Pg.: Gosudarstvennaya kartografiya, 1920. 1 k. [in Russian]

[Donetskii kryazh..., 1873](#) – Donetskii kryazh, zapadnaya chast'. Plastovaya gorno-promyshlennaya karta s vertikal'nyim razrezom zapadnoi chasti Donetskogo kamennougol'nogo kryazha [Donets ridge, western part. Formation mining map with a vertical section of the western part of the Donets Coal Ridge]. SPb.: Voenno-topograficheskii otdel Glavnogo shtaba, 1873. 1 k. [in Russian]

[Filippova, 2019](#) – Filippova, T.P. (2019). Izuchenie mineral'no-syr'evykh resursov evropejskogo Severa Rossii F.N. Chernyshevym (1856–1914) [F.N. Chernyshev's (1856–1914) study of the mineral resources of the European North of Russia]. *Nauka v regional'nom prostranstve sovremennoj Rossii i Zarubezh'ja. Sbornik nauchnykh statej k 75-letiju Komi NC UrO RAN*. Syktyvkar: FIC Komi NC UrO RAN. Pp. 321–326. [in Russian]

[Filippova, 2021](#) – Filippova, T.P. (2021). Nauchnoe osvoenie evropejskogo severa Rossii v konce XIX – nachale XX vv. v dokumental'nom nasledii akademika F.N. Chernysheva [Scientific exploration of the European North of Russia in the late 19th – early 20th centuries in the documentary heritage of Academician F.N. Chernyshev]. *Istorija nauki i tehniki*. 2: 54–63. [in Russian]

[Filippova, 2024](#) – Filippova, T.P. (2024). K istorii rossijsko-shvedskoj jekspedicii po gradusnym izmerenijam na arhipelage Shpicbergen (1899–1901): analiz nauchnogo nasledija akademika F.N. Chernysheva [On the history of the Russian-Swedish expedition on degree measurements in the

- Svalbard archipelago (1899–1901): analysis of the scientific heritage of Academician F.N. Chernyshev]. *Voprosy estestvoznaniya i tekhniki*. 45(1): 98–113. [in Russian]
- Ivanov i dr., 1984** – *Ivanov, A.A. i dr.* (1984). Vasilij Ivanovich Javorskij (1874–1974) [Vasilij Ivanovich Javorskij (1874–1974)]. Vydajushhiesja uchjonye Geologicheskogo komiteta – VSEGEI. Leningrad: «Nauka». Pp. 54–79. [in Russian]
- Javorskij, 1978** – *Javorskij, V.I.* (1978). Leonid Ivanovich Lutugin (1864–1915) [Leonid Ivanovich Lutugin (1864–1915)]. Ocherki po istorii geologicheskikh znaniy. Vyp. 19. Vydajushhiesja otechestvennye geologi. Leningrad: «Nauka». Pp. 93–107. [in Russian]
- Karpinskij, 1914** – *Karpinskij A.P.* (1914). Feodosij Nikolaevich Chernyshev. Nekrolog [Feodosij Nikolaevich Chernyshev. The Necrologue]. Izvestija Imperatorskoj akademii nauk. Saint Petersburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk. Pp. 164–184. [in Russian]
- Kovalevskij, 1829** – *Kovalevskij, E.P.* (1829). Geognosticheskoe obozrenie Doneckogo gornogo krjazha [Geognostic review of the Donets mountain ridge]. *Gornyj zhurnal*. Ch. 1. Kn. 1. Pp. 1–47. [in Russian]
- Leiberov, 2022** – *Leiberov, A.I.* (2022). Studenty Gornogo instituta v gody Pervoi mirovoi voyny [Students of the Mining Institute during the First World War]. *Voprosy istorii*. 1(1): 147–155. [in Russian]
- Marjagin, 1951** – *Marjagin, G.A.* (1951). Otkryvateli nedr Donbassa [Discoverers of the Minerals of Donbass]. Stalino: Stalinskoe oblastnoe izdatel'stvo. 172 p. [in Russian]
- Mokeyev, 2023** – *Mokeyev, A.B.* (2023). Vklad uchenykh Gornogo instituta v razvitie metallurgicheskoi promyshlennosti Tsarstva Pol'skogo vo vtoroi polovine XIX v. – nachale XX v.: novye tekhnologii i avtomatizatsiya proizvodstva [Contribution of the Mining Institute scientists to the metallurgical industry of the Kingdom of Poland in the second half of the 19th – early 20th century: new technology and automation]. *Tsvetnye metally*. 4: 109–114. [in Russian]
- Nalivkin, 1948** – *Nalivkin, D.V.* (1948). Feodosij Nikolaevich Chernyshev (1856–1914) [Feodosij Nikolaevich Chernyshev (1856–1914)]. Ljudi russkoj nauki. T. 1. M.: OGIz. Pp. 454–461. [in Russian]
- Nehoroshev, 1978a** – *Nehoroshev, V.P.* (1978). Nikolaj Nikolaevich Jakovlev (1870–1966) [Nikolaj Nikolaevich Jakovlev (1870–1966)]. Ocherki po istorii geologicheskikh znaniy. Vyp. 19. Vydajushhiesja otechestvennye geologi. Leningrad: «Nauka». Pp. 129–141. [in Russian]
- Nehoroshev, 1978b** – *Nehoroshev, V.P.* (1978). Feodosij Nikolaevich Chernyshev (1856–1914) [Feodosij Nikolaevich Chernyshev (1856–1914)]. Ocherki po istorii geologicheskikh znaniy. Vyp. 19. Vydajushhiesja otechestvennye geologi. Leningrad: «Nauka». pp. 52–66. [in Russian]
- Olivieri, 1836** – *Olivieri, A.I.* (1836). Geognosticheskoe obozrenie Doneckogo gornogo krjazha [Geognostic review of the Donets mountain ridge]. *Gornyj zhurnal*. Ch. 1. Kn. 1. Pp. 1–45. [in Russian]
- Rjabinin, 1939** – *Rjabinin, A.N.* (1939). Akademik Feodosij Nikolaevich Chernyshev (k 25-letiju so dnja ego smerti) [Academician Feodosij Nikolaevich Chernyshev (on the 25th anniversary of his death)]. *Priroda*. 7: 98–100. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- Rudnik et al., 2020** – *Rudnik, S.N., Mokeyev, A.B., Kudryavtseva, R.A.* (2020). Russian and Western European mining schools in the first half of the 19th century: a comparative analysis of educational process organization. *Bylye Gody*. 17(4): 1770–1779.
- Rudnik i dr., 2023** – *Rudnik, S.N. i dr.* (2023). 250 let na sluzhbe Otechestvu: Sankt-Peterburgskii Gornyi universitet imperatritsy Ekateriny II v tsifrakh i faktakh [250 years in the service of the Fatherland: St. Petersburg Mining University of Empress Catherine II in facts and figures]. *Zapiski Gornogo instituta*. 263: 810–830. [in Russian]
- Shatalov, 2014** – *Shatalov, M.M.* (2014). Odvichnim pam'jatnikom jomu stoit' Donbas... (k 150-richchja profesora L.I. Lutugina) [The eternal monument to him is the Donbass... (to the 150th anniversary of Professor L.I. Lutugin)]. *Visnik Nacional'noi akademii nauk Ukraini*. 11: 85–88. [in Ukrainian]
- Shatalov, 2016** – *Shatalov, N.N.* (2016). Vydajushhiesja geolog-sjomschik i stratigraf Donbassa Feodosij Nikolaevich Chernyshev (k 160-letiju so dnja rozhdenija) [Outstanding geologist-surveyor and stratigrapher of Donbass Feodosij Nikolaevich Chernyshev (on the 160th anniversary of his birth)]. *Geologicheskij zhurnal*. 3(356): 120–123. [in Russian]
- Shatskij, 1971** – *Shatskij, N.S.* (1971). O roli akademika A.A. Borisjaka v razvitii russkoj geologii [About the role of academician A.A. Borisyak in the development of Russian geology]. Ocherki po istorii geologicheskikh znaniy. Vyp. 13. Uchjonye geologicheskogo komiteta. M.: «Nauka». Pp. 8–17. [in Russian]
- Syrkov i dr., 2021** – *Syrkov, A.G. i dr.* (2021). Akademik N.S. Kurnakov kak osnovopolozhnik fiziko-himicheskogo analiza – nauchnogo fundamenta dlja razrabotki novyh metallicheskih splavov i materialov [Academician N.S. Kurnakov as the founder of physico-chemical analysis – the scientific base for the development of new metal alloys and materials]. *Tsvetnye metally*. 1: 77–83. [in Russian]
- Tropov et al., 2020** – *Tropov, I.A., Podolskiy, S.I., Lyubichankovskiy, S.V.* (2020). The Auerbach Dynasty of Engineers and the Development of Mining in Russia in the second half of the XIXth – early XXth centuries. *Bylye Gody*. 58(4): 2631–2639.
- Tropov et al., 2021** – *Tropov, I.A., Podolskiy, S.I., Lyubichankovskiy, S.V.* (2021). The Development of the Mineral and Raw Materials Base of Russia in the Works of Scientists of the Mining Institute (second half of the 19th and early 20th centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 281–287.

Vladimirskaja i dr., 1984 – Vladimirskaja, E.V. i dr. (1984). Aleksej Alekseevich Borisjak (1872–1944) [Aleksej Alekseevich Borisjak (1872–1944)]. Vydajushhiesja uchjonye Geologicheskogo komiteta – VSEGEI. Leningrad: «Nauka». Pp. 5-31. [in Russian]

Voloshinova, 2024 – Voloshinova, I.V. (2024). St. Petersburg Mining Institute during the Reign of Emperor Nicholas II (1894–1917). *Bylye Gody*. 19(2): 886-895.

Zhemchuzhnikov, 1953 – Zhemchuzhnikov, J.A. (1953). Leonid Ivanovich Lutugin – osnovopolozhnik ugol'noj geologii [Leonid Ivanovich Lutugin – the founder of the coal geology]. Ocherki po istorii geologicheskikh znaniy. Vyp. 1. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Pp. 181-190. [in Russian]

Феодосий Николаевич Чернышёв (1856–1914) и составление геологической карты Донецкого каменноугольного бассейна

Сергей Александрович Пятовский ^{а, *}

^а Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена истории составления детальной геологической карты Донецкого каменноугольного бассейна в конце XIX – начале XX века. Проблема научно-промышленного развития этого региона приобрела особенное значение для России в эпоху индустриализации. Донецкий каменноугольный бассейн стал главным стратегическим источником топлива в европейской части страны. Тем не менее, вплоть до конца XIX века не существовало детальной геологической карты региона, которая отвечала бы потребностям развивающихся промышленности и транспорта. Геологический комитет в Санкт-Петербурге, основанный в 1882 году при Горном департаменте Российской империи, сыграл ключевую роль в решении данной проблемы. Один из его ведущих специалистов, выдающийся русский геолог Феодосий Николаевич Чернышёв (1856–1914), был назначен руководителем этого колоссального проекта. Цель представленного исследования – установить обстоятельства, связанные с участием Ф. Н. Чернышёва в работе по составлению карты, а также определить характер и степень его влияния на ход событий и на конечный результат. Исследование основано на документах из фонда Геологического комитета, находящегося на хранении в Российском государственном историческом архиве.

Ключевые слова: Донецкий каменноугольный бассейн, Донбасс, геология, картография, индустриализация, Геологический комитет, стратиграфия, горная отрасль.

* Корреспондирующий автор

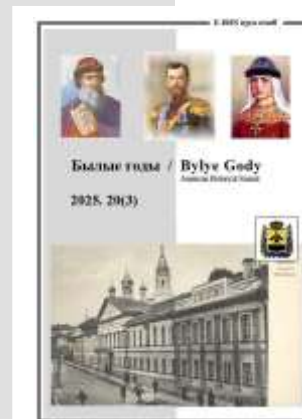
Адреса электронной почты: sapiatovskij91@mail.ru (С.А. Пятовский)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1343-1354
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1343

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Competition and Concentration: Some Problems of Development of the Volga-Caspian Transport Corridor during the Period of the First Russian Industrialization (second half of the 19th – early 20th centuries)

Sergey V. Vinogradov ^a, Yuliya G. Eshchenko ^{a, *}, Nataliya I. Kulakova ^a

^a Astrakhan Tatishchev State University, Russian Federation

Abstract

The relevance of the study is due to the increase in public and scientific attention to logistics problems, both due to climate change and in connection with significant negative transformations in the global economy and large-scale geopolitical conflicts. In these conditions, it is of particular interest to identify domestic historical experience in using the state organizational and economic mechanism for the development of large logistics corridors that contributed to the comprehensive development of outlying territories and their inclusion in the general economic contour of the country. The study is devoted to the analysis of the development of the transport infrastructure of the busiest freight and passenger artery of the Russian Empire – the Volga-Caspian transport corridor – during the first Russian industrialization of the second half of the 19th – early 20th centuries. The participation of the state in this process is revealed, which was manifested through the creation of private-public partnerships in the form of railway and shipping joint-stock companies, work with the business elite at congresses and meetings of entrepreneurs, speeches in the press by opinion leaders, stimulation of ship owners to create large shipping companies (encouraging railway companies to the detriment of shipping companies), etc. The study was carried out of archival office documents, allowing a better understanding of the organization of shipping companies work, the structure of cartel and syndicate agreements between shipping companies, the working conditions of workers and management personnel, and the principles of entrepreneurial activity.

Keywords: Volga-Caspian transport corridor, Caspian Sea, industrialization, concentration, competition, joint-stock company, syndicate, trust, shipping company, railway.

1. Введение

Целью работы является исследование развития транспортной инфраструктуры Волго-Каспийского транспортного коридора в период первой российской индустриализации во второй половине XIX – начале XX в. Актуальность этого исследования обусловлена значительными изменениями, происходящими в современной мировой логистике, которые связаны как с глобальным потеплением, так и с переменами в мировой экономике. В этом плане рост значимости Волго-Каспийского транспортного коридора как важного международного торгового пути, связывающего страны Южной Азии с открывающимися арктическими маршрутами, представляется реальностью среднесрочной перспективы (Волынский, 2019; Маркелов, 2022). В этих условиях несомненный интерес представляет выявление отечественного исторического опыта использования государственного организационно-экономического механизма по развитию крупных транспортных коридоров, к которым в исследуемый период относился Волго-Каспийский торговый маршрут. Важными инструментами государственного организационно-экономического механизма по

* Corresponding author

E-mail addresses: pushistik_yuliya@mail.ru (Y.G. Eshchenko), dissovetdm@yandex.ru (S.V. Vinogradov), vol-na1986@yandex.ru (N.I. Kulakova)

развитию этого коридора представляются создаваемые во второй половине XIX в. частно-государственные партнёрства в виде железнодорожных и пароходных акционерных обществ, сочетавших в себе предпринимательскую инициативу с организационными и финансовыми возможностями государства. В начале XX в. эти акционерные общества стали центрами концентрации более мелких частных компаний и способствовали созданию отраслевых многопрофильных объединений – от картелей до трестов. Исследование осуществлялось с привлечением обширного документального материала из фондов Государственного архива Астраханской области и с использованием современных методологических подходов.

2. Материалы и методы

Значимым источником стали документальные материалы, размещённые в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ). Были исследованы уставы таких пароходств, как «Восточное общество товарных складов и транспортирования товаров с выдачею ссуд», Товарищество на паях «Ахтубинское Пароходство» и Торгово-промышленное и пароходное общество «Волга», что позволило понять механизм функционирования, структуру корпоративного управления и задачи территориальных отделений пароходств. Также к опубликованным источникам исследования относятся сборники документов по экономической истории России и сведения из периодических изданий.

Так как Астрахань, располагавшаяся на границе Каспия и Волги, являлась во второй половине XIX – начале XX в. весомым логистическим центром Волго-Каспийского транспортного коридора, на местной бирже формировались цены на многие важные товары, в том числе на нефть ([Eshchenko et al., 2025: 915-918](#)), то все крупнейшие пароходные компании стремились локализоваться здесь через организацию филиалов. Поэтому фонды Государственного архива Астраханской области (ГААО) (Астрахань, Российская Федерация) располагают значительным количеством документов по интересующей тематике в фондах: Ф. 173 Астраханское агентство товарищества пароходства и торговли «Русь»; Ф. 746 Астраханская контора акционерного общества «Кавказ и Меркурий»; Ф. 906 Астраханская контора пароходного общества «Самолет»; Ф. 922 Астраханское агентство товарищества «Ахтубинское пароходство»; Ф. 987 Астраханская контора пароходства «Волга».

Определённый интерес для изучения представляют хранящиеся в этих фондах ежегодные отчёты о работе астраханских филиалов пароходств, копии отчётов других филиалов, циркуляры головных контор компаний по основным направлениям их деятельности, сведения по движению через астраханский порт основной номенклатуры перевозимых товаров, картельные соглашения по совместным перевозкам с другими пароходными компаниями. Многие из этих документов вводятся в научный оборот впервые.

Концептуальной основой работы послужили теоретические исследования уральской исторической методологической школы о модернизации и первой российской индустриализации второй половины XIX – начала XX в. как её важной составляющей. Существенной особенностью этого процесса в российских условиях являлась ведущая роль государства, проявлявшаяся, в том числе, через создание во второй половине XIX в. частно-государственных судоходных компаний, работавших в условиях Волго-Каспийского транспортного коридора ([Акторы..., 2016](#)). В начале XX в. эти компании стали основой для формирования ещё более крупных объединений в виде синдикатов и трестов. В статье этот процесс показан на примере пароходств «Кавказ и Меркурий» и «Восточное общество товарных складов и транспортирования товаров с выдачею ссуд», которые создавались как акционерные общества, имевшие существенную поддержку со стороны государства.

3. Обсуждение

Цель и хронологические рамки статьи связаны с исследованиями, посвящёнными изучению финансово-экономической модели, которая сложилась в Российской империи в последние десятилетия её существования ([Пыжиков, 2018](#)). По мнению исследователя российской экономики начала XX в. В.И. Бовыкина, в период 1909–1914 гг. система финансового капитала приобрела достаточно цельный, завершающий характер. Её основу составляло промышленное производство и «адекватные ему средства транспорта». Сеть образовавшихся в 1900–1908 гг. горизонтальных, узкопрофильных сбытовых монополистических объединений дополнилась и проросла вертикальными межотраслевыми объединениями, которые стали организационными центрами монополий высшего типа – трестов и концернов. Сросшиеся с ними банки образовали верхушку системы российского финансового капитала ([Бовыкин, 2001: 297](#)).

Однако ещё в советской историографии, начиная со второй половины 1950-х гг., возникла дискуссия об основной движущей силе российской модернизации и, соответственно, об индустриализации как её составной части ([Поликарпов, 1996: 349-400](#)). При этом часть историков, в основном представителей «советской школы», отказывалась признавать какую-либо положительную роль «царского режима» в этом процессе, отдавая пальму первенства российскому и иностранному «капиталу», которые и распоряжались государством в своих «узких, корыстных» интересах. Представители так называемого «нового направления» в историографии ([Ананьич, 1970;](#)

Китанина, 1969; Лаверычев, 1988; Сидоров, 1973) оспаривали такую резкую позицию, постепенно расширяя в своих исследованиях положительную сферу влияния государства на экономику. По меткому замечанию А.В. Пыжикова, «благодаря “новонаправленцам” сохранился взгляд на формирование российского капитализма как на результат целенаправленных усилий государства, а не конкуренции субъектов рынка» (Пыжиков, 2018: 57). С 2000-х гг. эта точка зрения стала популярной среди российских историков и получила дальнейшее развитие (Акторы, 2016; Бовыкин, 2001; Галин, 2021).

Ко второй группе исторической литературы относятся исследования, касающиеся развития непосредственно Волго-Каспийского торгового коридора как самой оживлённой трассы Российской империи и различных составляющих её транспортной инфраструктуры, а также интеграционных процессов и создания монополий на железнодорожном и водном транспорте. Этой тематике посвящён сборник работ петербургских учёных-историков (Очерки..., 2007). Авторы подробно рассмотрели особенности развития российского предпринимательства, различные системы управления российских компаний. Особую ценность в этом ряду представляет работа В.Ю. Гессена (Гессен, 2007: 413–658), нацеленная на изучение структуры и методов управления российских акционерных обществ в последней четверти XIX – начале XX в. Своё исследование автор осуществил на примере пароходной компании, работавшей на Волго-Каспийском торговом пути – «Кавказ и Меркурий». В.Ю. Гессен – внук одного из последних руководителей этой «транспортной империи», и он использовал в своём исследовании материалы из семейного архива, ранее недоступные профессиональным историкам.

Богатый фактический материал по истории судоходства собран в монографии И.А. Шубина, которая, несмотря на приближающийся 100-летний юбилей со времени опубликования, по-прежнему представляет интерес для исследователей (Шубин, 1927). Из современных исследователей, затрагивавших в своих работах транспортно-логистические проблемы Волго-Каспийского транспортного коридора, можно выделить С.С. Белоусова (Белоусов, 2020), Г.Г. Корноухову (Корноухова, 2022; Корноухова, 2024; Корноухова, 2025), А.А. Воронову (Воронова, 2017) и др.

4. Результаты

Как уже отмечалось выше, особенностью российской индустриализации являлось активное участие государства (Галин, 2021: 284). Так, для освоения обширных окраинных территорий ещё в XIX в. формировалась практика создания частично-государственных коммерческих организаций (партнёрств), сочетавших в себе предпринимательскую инициативу с организационными и финансовыми возможностями государства. Одним из ярких примеров реализации подобного проекта являлось образование в 1858 г. акционерного пароходного общества «Кавказ и Меркурий», деятельность которого была направлена на создание транспортного коридора, связывавшего в единое целое волжский торговый путь с акваторией Каспийского моря, что позволило включить природные ресурсы южных регионов в единое экономическое пространство Российской империи. Поддержка деятельности пароходной компании со стороны государства выражалась в конкретных обязательствах различных правительственных ведомств, а также в значительных суммах бюджетных средств, выделявшихся для её поддержки. Так, пароходы «Кавказ и Меркурий» получили от государства монопольное право на перевозку через Каспийское море военных грузов, амуниции, продовольствия для воинских частей, почты и т.д., за что ежегодно получали из бюджета не менее 350 тыс. руб. (Билибин, 1909: 126).

Позже, в конце XIX в., похожая конструкция легла в основу построения ещё одной пароходной компании – «Восточное общество товарных складов и транспортирования товаров с выдачею ссуд» (далее – «ВОТС»), работавшей на этом же транспортном маршруте. Это акционерное общество было зарегистрировано в мае 1893 г., а его организатором выступила промышленная группа, сформировавшаяся ещё в 1870-е гг. вокруг известного предпринимателя П.Г. фон Дервиза (Соловьева, 1997: 274–278). Основной капитал «ВОТС» первоначально составлял 2 млн. руб. (ПСЗРИ. Собр. 3. № 9626). Под него была осуществлена эмиссия в 10 тыс. акций. Стоимость одной ценной бумаги составляла 200 руб. (ПСЗРИ. Собр. 3. № 9626). Коммерческий успех и заманчивые перспективы дальнейшего роста подвигли руководство «ВОТС» в течение четырёх лет довести основной капитал до 7,5 млн. руб., под что увеличивался пароходный парк, расширялась портовая инфраструктура и т.д. (ПСЗРИ. Собр. 3. № 12973). В начале XX в. «ВОТС» было уже в первой десятке пароходных компаний империи (Алексушин, 2020: 40), а в 1900 г. оперировало 24 пароходами и буксирами, а также 120 товарными и наливными баржами. Из них чисто пассажирским был только 1 пароход, что подчёркивало нацеленность акционерного общества на грузоперевозочную деятельность. Помимо стандартного набора речных и морских грузоперевозок «ВОТС» старалось максимально захватить сопутствующие сегменты рынка – страхование речных и морских транспортных услуг, складирование товаров, торговлю керосином (Шубин, 1927: 605–606). Однако до 1900-х гг. подобные большие пароходства, организованные в виде акционерных обществ и пользовавшиеся серьёзной поддержкой со стороны государства, являлись в Волго-Каспийском судоходстве скорее исключением, чем правилом.

Тесное переплетение частно-государственных интересов просматривалось и в быстрорастущем железнодорожном транспорте. Там во второй половине XIX в. процесс создания частно-государственных компаний шёл быстрее, чем в волжском судоходстве. Железнодорожные компании создавались в форме акционерных обществ. Как правило, они имели солидный уставной капитал и влиятельных акционеров, лоббировавших их интересы на всех уровнях власти (Шубин, 1927: 608-609). И.А. Шубин утверждал, что в создании подобных компаний железнодорожники приблизительно на 10 лет опережали водников, что объясняет, отчасти, их успехи в конкурентной борьбе за грузоперевозки в 1880–1900-е гг. (Гессен, 2007: 572-573).

В начале 1890-х гг. несколько железнодорожных магистралей – Ярославская, Нижегородская, Рыбинская, Казанская, Козлово-Воронежская, Тамбовско-Саратовская, Самаро-Царицынская – стали проходить через территорию Поволжья, заходя в портовые города региона – Царицын, Саратов, Самару, Казань, Нижний Новгород (История..., 1994: 103). Именно в таких транспортных узлах, где сталкивались интересы представителей разных транспортных сегментов, началась конкурентная борьба между судоходными и железнодорожными компаниями за грузы и пассажиров.

В начале эта конкуренция охватила рынок хлебоперевозок, так как железные дороги в 1860–1890-е гг. по большей части сооружались в центральных районах страны, связанных с производством зерновых культур. Уже в 1900-х гг., из-за более выгодных условий, предлагавшихся железнодорожниками, стали меняться веками складывавшиеся пути хлебной торговли, ломая устоявшуюся экономическую специализацию городов и районов. Так, Симбирская и Мензелинская ярмарки, являвшиеся ещё в 1890-х гг. важными центрами формирования хлебных цен в верхнем и среднем Поволжье, десять лет спустя потеряли былое значение, так как железнодорожные магистрали прошли мимо них (Шубин, 1927: 642).

В 1900-х гг. начался новый этап концентрации железнодорожных компаний, выразившийся в создании крупных многопрофильных объединений, таких как Рязано-Уральская, Юго-Восточная, Московско-Казанская железные дороги. Например, Рязано-Уральская железная дорога владела своим буксирным пароходством, рыбными промыслами и перерабатывающими предприятиями в Волго-Каспийском рыболовном районе (История..., 1994: 107). Используя свои значительные организационные возможности и поддержку со стороны правительства, железнодорожники, гибко манипулируя тарифами, постоянно отнимали часть прибыли у судоходных компаний. К тарифным войнам подобного уровня мелкие судоходные компании оказались не готовы.

В начале 1890-х гг. наличие серьёзных межсегментных противоречий в сфере грузоперевозок было признано на официальном уровне (ГААО. Ф. 746. Оп. 1. Д. 166. Л. 40-460б.). Так, на одном из собраний волжских судовладельцев, проходившем в Нижнем Новгороде в августе 1893 г., директор департамента железных дорог Министерства путей сообщения Н.С. Максимов признал, что железнодорожные компании имели особые возможности для манипуляций с тарифами на перевозку грузов, нисколько не заботясь об ущербе, который они наносили судоходству, а правительство, заинтересованное в развитии перспективного вида транспорта в России, негласно их в этом поддерживало, «закрывая глаза» на потери судовладельцев. Далее чиновник объяснил, что в том виде, в котором находилось волжское судоходство, состоявшее из небольших купеческих компаний, оно не представляло интереса для правительства. Если судовладельцы желали сохранить свои прибыли, то должны были улучшать «работу крупных пароходных обществ». Чиновник предложил судовладельцам объединяться в пароходства, способные конкурировать с железнодорожными компаниями (Шубин, 1927: 590-592).

В 1889 г. между четырьмя крупнейшими пароходными акционерными обществами «По Волге», «Самолет», «Кавказ и Меркурий» и «Общество пароходства и торговли Зевеке» было заключено соглашение, призванное регламентировать пассажирские тарифы и графики отхода пароходов от пристаней на самом оживлённом волжском участке Нижний Новгород – Астрахань (ГААО. Ф. 746. Оп. 1. Д. 23. Л. 1-10). По сути, руководителями пароходных компаний, до того конкурировавших между собой, было заключено первое картельное соглашение. Необходимо также отметить, что образование этого картеля совпало с успехами в кораблестроении и появлением больших пароходов американского типа («Император Александр II», «Александр Суворов» и т.д.), пользовавшихся популярностью у богатой столичной публики. Но такие пассажиры предъявляли высокие требования к организации работы компаний во время путешествия (Виноградов, Ещенко, 2021: 59). Их отпугивал возникавший хаос на пристанях в связи с одновременным отходом двух пароходов, гонки между кораблями различных компаний, негативно отражавшиеся на безопасности пассажиров (Лендер, 1889: 14). Отвечая на все эти запросы, а также реагируя на вызовы железнодорожников, волжские пароходства вынуждены были находить компромиссы и идти на заключение картельных договоров.

Картельное соглашение 1889 г. не несло серьёзных юридических обязательств и скорее являлось декларацией о намерениях. Через несколько месяцев оно прекратило существование. Но пароходства вынуждены были продолжать работу по заключению новых картельных соглашений.

В середине 1900-х гг. на Волго-Каспийском торговом пути появился первый пароходный синдикат. В основе работы этой формы объединения лежала более строгая регламентация деятельности его участников и создание общего залогового фонда, куда члены синдиката вносили

определённые суммы как гарантию исполнения принятых обязательств. В случае нарушения договора либо выхода из синдиката, компания лишалась внесённого в фонд залога.

В 1906 г. сроком на 6 лет был образован «Волжский синдикат». В основу этого объединения легло соглашение между пароходными компаниями «Кавказ и Меркурий» и «ВОТС». «Волжский синдикат» был призван установить общие тарифы на перевозку грузов и уровнять цены на пассажирские билеты. Он также регулировал объём грузоперевозок и количество судов, задействованных в них. Важной задачей синдиката стало регулирование размера прибыли и её распределение между участниками соглашения (ГААО. Ф. 906. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

Учитывая вес и влияние данных двух компаний для Волго-Каспийского транспортного маршрута, другие перевозчики, такие как «Самолет», «По Волге», «Надежда» вынуждены были присоединиться к синдикату. Затем в «Волжский синдикат» вошли мелкие пароходства. В 1910 г. на участке Нижний Новгород – Астрахань синдикат обладал флотом приблизительно в 280 пароходов (в том числе 150 пассажирских), а их совокупная мощность составляла 65 % мощности всего флота, работавшего на Волге (Шубин, 1927: 669).

По сравнению с аморфными и недолговечными картельными соглашениями, «Волжский синдикат» стал значительным шагом вперёд в сфере объединения пароходств. Синдикат позволял отдельным компаниям сохранить свои позиции в конкурентной борьбе и увеличить прибыль. Управляющее бюро «Волжского синдиката» находилось в Нижнем Новгороде, а его представительства открылись во многих волжских городах. Для гарантии исполнения взятых на себя обязательств каждый из участников вносил значительную для тех лет сумму в 100 тыс. руб. в залоговый фонд синдиката (ГААО. Ф. 906. Оп. 2. Д. 1. Л. 20-24).

При всех плюсах объединения синдикатское соглашение не освобождало его участников от конкуренции внутри синдиката. Более сильные участники соглашения стремились увеличить свою долю в прибыли за счёт более слабых, что со временем приводило к конфликтам и даже возможному разрыву соглашения. Так, в 1910 г. пароходства «Кавказ и Меркурий», «Восточное общество», «По Волге» и «Самолет» попытались добиться увеличения своей доли прибыли в ущерб мелким компаниям. Попытки урегулирования споров и поиски компромиссов продолжались три года, но привели лишь к распаду синдиката в 1913 г. (ГААО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2).

«Волжский синдикат» являлся примером объединения больших пароходств. Но, как отмечалось выше, помимо них на Волго-Каспийском торговом пути, особенно в его волжском сегменте, работало множество мелких судоходных компаний и владельцев отдельных судов. Попытки их объединения, как правило, успеха не имели. Внести суммы в залоговый фонд синдиката мелкие судовладельцы не могли за неимением серьёзных капиталов, а картельные объединения, создававшиеся мелкими судовладельцами, быстро рассыпались. Как правило, распад картельных соглашений происходил под давлением крупных заказчиков, которые подкупали отдельных участников картеля и добивались от них снижения тарифов в ущерб общему соглашению (Лендер, 1889: 14). Но и на уровне мелкого предпринимательства были примеры успешных объединений, например, образованное в 1892 г. Товарищество «Ахтубинское пароходство».

Первоначально это было небольшое предприятие, нацеленное на организацию местного сообщения и паромных переправ. Оно обслуживало несколько станиц и деревень на реке Ахтубе (приток р. Волги) в районе Царицына (ГААО. Ф. 922. Оп. 1. Д. 1. Л. 1). Первоначально товарищество располагало 4 грузопассажирскими баркасами мощностью около 15 л/с. Организатором и одним из главных пайщиков этого предприятия был Франц Иванович Экман. Именно благодаря его способностям предприятие росло, развивалось и в августе 1907 г. было преобразовано в Товарищество на паях «Ахтубинское пароходство» (Шубин, 1927: 649). Целью учреждения данного товарищества провозглашалось развитие товаро-пассажирского пароходства и перевозочного дела по рекам Волга и Ахтуба, с их притоками и прилегающими озёрами (ПСЗРИ. Собр. 3. № 29470). Устав товарищества был утверждён императором Николаем II 10 августа 1907 г. Основным капитал пароходства составил 300 тыс. руб., а местом нахождения правления пароходства стал Царицын (ПСЗРИ. Собр. 3. № 29470).

Флот «Ахтубинского пароходства» в 1908 г. насчитывал уже 20 пароходов и буксиров, занимавшихся перевозками пассажиров и грузов от Рыбинска до Астрахани. Но по-прежнему важной статьёй доходов «Ахтубинского пароходства» являлось местное сообщение (Шубин, 1927: 649). Постепенно, помимо сельских паромов на Ахтубе и Волге, товарищество стало обслуживать городские перевозки в Царицыне, Астрахани, Хвалынске и других городах Нижнего Поволжья (ГААО. Ф. 922. Оп. 1. Д. 3. Л. 11-12). Несмотря на менявшиеся условия работы, конкуренцию со стороны других пароходств, товарищество не отказалось от своей первоначальной структуры как объединения мелких предпринимателей. Наоборот, шло наращивание их представительства в компании, что являлось заслугой Ф.И. Экмана. В 1908 г. «Ахтубинское пароходство» включало в свой состав около сорока небольших судоходных компаний и отдельных судовладельцев (ПСЗРИ. Собр. 3. № 29470).

«Ахтубинское пароходство» успешно работало вплоть до национализации в 1918 г. (ГААО. Ф. 922. Оп. 1. Д. 1. Л. 1). Разработанная и осуществлённая Ф.И. Экманом стратегия развития «Ахтубинского пароходства» доказала возможность кооперации мелких судовладельцев в объединения, способные

находить свою нишу в судоходном бизнесе и эффективно работать в конкурентной среде Волго-Каспийского торгового пути.

Тенденция преобладания мелкого «кустарного» предпринимательства в волжском судоходстве 1880-х – 1890-х гг. не могла не беспокоить правительство, позиция которого броско обозначилась в путевых заметках о путешествии по Волге популярного публициста Николая Лендера. Эти заметки автор публиковал в 1889 г. на страницах близкого к Министерству путей сообщения журнала «Русское судоходство» (Лендер, 1889: 13). Причём о заметном общественном резонансе этих статей говорит тот факт, что И.А. Шубин упоминал о них спустя 40 лет, как о примечательном явлении (Шубин, 1927: 563).

Основной идеей Н. Лендера являлось ограничение мелкого предпринимательства в волжском судоходстве. Он считал, что пока каждый купец, а то и «капиталистский» крестьянин, мог завести собственный «пароходик», который публицист сравнивал с ржавым самоваром, волжское судоходство было обречено на деградацию из-за завышенного предложения, помноженного на конкуренцию со стороны железнодорожных компаний.

Автор требовал от Министерства путей сообщения для исправления ситуации избавляться от «негодных ржавых самоваров», которые, по его мнению, могли в каждый момент «разлететься от взрыва любого ржавого котла». Причём, характеризуя мелкий предпринимательский бизнес на Волге, автор не стесняется в выборе негативных эпитетов. По его мнению, Министерство должно «заботиться о такой организации пароходного дела», при которой волжское судоходство могло бы «иметь правильное развитие, благодаря конкуренции» (Лендер, 1889: 13). Мелкие предприниматели должны уступить место «другим судоходцам более дельным, солидным и порядочным», то есть крупным акционерным пароходным компаниям. Такие пароходства, по мнению Лендера, смогли бы развернуть правильную конкуренцию, «обусловленную состязанием разума и точного расчета, при выполнении всех требований для безопасности жизни и здоровья, удобств и проч.» (Лендер, 1889: 12).

Лендер выражал мнение крупного капитала в судоходстве. Пока ещё малочисленным крупным волжским пароходствам конкуренция со стороны многочисленных владельцев «ржавых самоваров» явно мешала, сбивала цены, не давала развернуться. В выводах автора выразились также интересы чиновников Министерства путей сообщения, которые тоже, как уже отмечалось выше, являлись сторонниками создания пароходных объединений. Будущее Волго-Каспийского транспортного коридора Н. Лендер и его сторонники видели в развитии акционерных компаний, способных к строительству морских кораблей и продвижению не только собственных, но и имперских интересов на Каспийском море (Лендер, 1889: 12).

Ещё одним примечательным тезисом в публикациях Н. Лендера являлся его призыв к «новым предпринимателям» к освоению Каспийского моря, где, по его мнению, с одной стороны, ощущим дефицит торговых кораблей, а с другой - имеется значительное количество грузов, перевозка которых оплачивалась бы не по «нищенским волжским фрахтам», а по «высоким и щедрым» расценкам. Автор однозначно выступал за дальнейшее развитие единого Волго-Каспийского торгового коридора: «Каспийское море только-только вступает в период своего полного промышленного развития и ждет деятелей, а на Волге все кончено, расцвет ее судоходства канул в Лету, делать тут почти нечего, а если и может появиться какая-нибудь новая работа, то только тогда, когда Каспийское море, при помощи отсутствующей теперь усиленной морской перевозки, передаст на Волгу свои новые богатые грузы» (Лендер, 1889: 14).

Концентрация капитала в судоходном деле привела к образованию в начале 1910-х гг. многопрофильных объединений, которые создавались на базе больших судоходных компаний и включали разнообразные, сопутствующие судоходству активы: логистика (складские помещения, нефтебазы, портовое оборудование), судостроение, судоремонт, страхование (Шубин, 1927: 682-685). Именно такие большие объединения, о которых мечтал Н. Лендер, оказались способны к строительству морских судов и организации грузоперевозок по Каспию, объёмы которых в начале XX в. значительно выросли, особенно благодаря увеличению потребления нефти и нефтепродуктов (Ещенко, 2024: 145-147). К таким объединениям на пространстве Волго-Каспийского транспортного коридора в 1910-е гг. относятся «КАМВО» и «Волга», фактически по своей структуре являвшиеся трестами. Однако, в связи с тем, что юридического завершения объединительных процессов в обоих случаях не произошло, мы эти компании квалифицируем как многопрофильные судоходные объединения трестовского типа.

Процесс активного проникновения банковского капитала в судоходный бизнес начался в 1880-е гг. Через выделение займов на модернизацию пароходного парка, приобретение контрольных пакетов акций, банки постепенно укрепляли свои позиции в руководящих структурах пароходных компаний (Пыжиков, 2018: 412-413). Например, в 1902 г. Санкт-Петербургский международный коммерческий банк, приобретя контрольный пакет акций акционерного общества «Кавказ и Меркурий», сумел провести главой правления общества своего представителя – М.П. Боткина. Уверенная поддержка больших пароходств со стороны банков позволяла последним в 1910-е гг. проводить более активную объединительную политику, создавая многопрофильные объединения (Шубин, 1927: 652-653).

Примером подобной структуры стало образование «КАМВО» – большого судоходного объединения трестовского типа. Основой его стал начавшийся в 1912 г. процесс интеграции двух акционерных пароходных обществ – «Кавказ и Меркурий» и «ВОТС» (Алексушин, 2020: 52-59). Это объединение стало значимым проявлением растущей силы петербургских финансово-промышленных групп, формировавшихся вокруг Санкт-Петербургского (А.И. Вышнеградский) и Русско-Азиатского (А.И. Путилов) банков.

В 1910-е гг. во главе правлений ведущих петербургских банков вставали бывшие чиновники, выступавшие проводниками государственной политики в финансово-экономической сфере. Так, правление Русско-Азиатского банка в 1910 г. возглавил бывший товарищ министра финансов А.И. Путилов, а директором-распорядителем международного коммерческого банка с 1904 г. был бывший вице-директор кредитной экспедиции министерства финансов А.И. Вышнеградский. Эти два коммерческих банка в 1910-е гг. стали основными операторами и проводниками ведущих правительственных проектов в сфере экономики и творами формирования промышленных объединений в разных отраслях экономики, в том числе и на транспорте (Пыжиков, 2018: 412-420).

О пароходстве «КАМВО» современники говорили, как о свершившемся факте, хотя, формально, процесс слияния окончательно не был завершён даже в 1917 г. (Шубин, 1927: 695). Объединённый флот «КАМВО» располагал более чем 75 пароходами. Акционерному обществу «Кавказ и Меркурий» к началу интеграции принадлежало 44 морских и речных парохода всех типов, «ВОТС» располагал 42 пароходами, в основном морскими буксирами, грузоперевозчиками и танкерами. Основной капитал созданного объединения к июню 1917 г. составил приблизительно 40 млн. руб. (Алексушин, 2020: 42).

В 1914-1916 гг. «КАМВО» при финансовой поддержке Санкт-Петербургского международного коммерческого банка осуществил несколько удачных сделок по присоединению перспективных активов: Курино-Каспийского пароходства, специализировавшегося на нефтеперевозках, двух судоходных акционерных компаний на Днестре, страхового общества «Русский Ллойд» на Чёрном море. В начале 1917 г. этот трест организовал дочернее предприятие – Мариинское пароходство. В итоге под контролем этого объединения оказалось 6 судоходных предприятий с громадным флотом – около 800 речных и морских судов. Влияние «КАМВО» распространялось на судостроение, страховое и комиссионное дело. Помимо этого, в объединение вошёл Одесский купеческий банк, переименованный в Русский торговый и транспортный банк. Все эти приобретения сделали «КАМВО» самым крупным судоходным предприятием не только Волго-Каспийского транспортного коридора, но и Российской империи (Гессен, 2007: 634-644).

Столичному капиталу, который инициировал создание «КАМВО», противостояло другое мощное пароходное объединение, образованное владельцами волжских судоходных компаний, группировавшихся вокруг Торгово-промышленного и пароходного общества «Волга», возглавлявшегося предпринимателем и организатором волжского судоходства Дмитрием Васильевичем Сироткиным.

В начале 1910-х гг. компания «Волга» также стала многопрофильным объединением трестовского типа и одним из основных Волго-Каспийских нефтеперевозчиков (ГААО. Ф. 987. Оп. 1. Д. 1. Л. 1). Первоначально в апреле 1910 г. компания создавалась как объединение четырёх больших волжских пароходств: Торгово-промышленное и пароходное товарищество Д.В. Сироткина в Нижнем Новгороде, Пароходное товарищество Якова Степановича Чернотубова, Пароходное товарищество «Е.И. Лбов и сыновья» и Пароходное товарищество «Захаров и Крепинский» (ПСЗРИ. Собр. 3. № 33342). Местом пребывания правления нового объединения стал Нижний Новгород. Согласно Уставу, целью нового пароходства было продолжение и развитие прежних торговых и пароходных предприятий учредителей (ПСЗРИ. Собр. 3. № 33342). Однако последующие события показали, что Сироткину такая концентрация капиталов и флота необходима была, прежде всего, для захвата как можно большей доли рынка нефтеперевозок и, соответственно, возможности получения максимальной прибыли из создавшейся благоприятной конъюнктуры в виде устойчиво растущих нефтяных цен (ГААО. Ф. 987. Оп. 1. Д. 20. Л. 9-10). На достижение этой цели были брошены все ресурсы «Волги». Даже от декларированных в Уставе пассажироперевозок в компании предпочли отказаться (ПСЗРИ. Собр. 3. № 33342), сосредоточившись на создании мощного нефтеналивного флота путём постройки буксиров и больших железных нефтеналивных барж: «Марфа Посадница», «Софья Палеолог» и т.д. Такие баржи имели особую конструкцию корпуса, позволявшую значительно увеличить их грузоподъёмность (И.И., 1907: 158).

В 1912 г. флот компании, задействованный в нефтеперевозках, насчитывал 5 теплоходов, 30 буксирных пароходов, 155 барж, 27 вспомогательных судов. Причём Дмитрий Васильевич не собирался ограничиваться только перевозкой нефти. В 1913 г. компания «Волга» приобрела в Баку фирму Русское товарищество «Нефть», которая занималась добычей и переработкой сырья. В дальнейшем, на базе этой компании Сироткин начал строительство нефтеперерабатывающего завода, которое шло одновременно с возведением логистической инфраструктуры в городах Поволжья – нефтебаз, складов, станций перекачки и т.д. (Монополистический капитал..., 1973: 58). Таким образом, «Волга» достаточно быстро укоренялась в нефтяном бизнесе.

В годы Первой мировой войны компания Сироткина сумела войти в число четырёх основных волго-каспийских нефтеперевозчиков, наряду с такими предприятиями, как «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель», «Нефтепромышленное и торговое общество «Мазут»» и «ВОТС» (затем «КАМВО»). Эти компании стали фактически монополистами на рынке внутрироссийских нефтеперевозок, деля между собой значительные прибыли. Например, в 1916 г. флот этих объединений перевёз по Волго-Каспийскому транспортному коридору примерно 80 % нефти и нефтепродуктов, поступавших для продажи внутри России (ГААО. Ф. 987. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-10).

Растущие капиталы акционерного общества «Волга» грамотно диверсифицировались и инвестировались не только в нефтяной сектор, но и в другие перспективные активы, например, в судостроение. В 1911 г. Д.В. Сироткин основал завод «Нижегородский теплоход», а через три года фактически стал его владельцем. В середине 1910-х гг. акционерное общество «Волга», раньше своих конкурентов, начало экономическую экспансию в судоходный бизнес Сибири. В 1915 г. было открыто торгово-промышленное и пароходное общество «Енисей» с основным капиталом в 300 тыс. руб., которое распространило влияние предприятия Д.В. Сироткина на судоходство по сибирским рекам Обь, Иртыш, Енисей (Шубин, 1927: 683-684).

Если образование «КАМВО» являлось примером проникновения столичного банковского капитала в Волго-Каспийское судоходство, то создание многопрофильного судоходного объединения трестовского типа «Волга» шло иным путём. Здесь наблюдался обратный процесс проникновения производственного (в данном случае судоходного) капитала в банковский. Так, журнал «Волжская неделя» в марте 1917 г. сообщал, что компания «Волга» приобрела большой пакет акций петроградского Учётного и ссудного банка (Концентрация...). Этот банк в 1914 г. занимал 10-ю строчку в рейтинге российских банков. Но с началом Первой мировой войны, в связи с обрывом контактов с немецкими промышленными компаниями, на взаимодействие с которыми был нацелен банк, у него начались финансовые трудности, чем и воспользовался Д.В. Сироткин (Пыжиков, 2018: 430-431). Приобретение столичного банка должно было вывести объединение «Волга» на новый уровень развития.

5. Заключение

Важным инструментом государственного организационно-экономического механизма по развитию Волго-Каспийского транспортного коридора в исследуемый период являлось создание частно-государственных партнёрств в виде железнодорожных и пароходных акционерных обществ, сочетавших в себе предпринимательскую инициативу с организационными и финансовыми возможностями государства. Одним из значимых примеров реализации подобного рода проектов представляется образование в 1858 г. акционерного общества «Кавказ и Меркурий», которое при поддержке государства должно было связать хорошо освоенный волжский торговый путь с акваторией Каспийского моря. В 1893 г. по подобной схеме было создано акционерное общество «Восточное общество товарных складов и транспортирования товаров с выдачею ссуд».

Частно-государственные партнёрства становились центрами концентрации транспортных компаний и способствовали созданию отраслевых монополий в виде картелей, а затем в форме более устойчивых объединений – синдикатов. Первым таким объединением на Волго-Каспийском торговом пути стал в 1906 г. «Волжский синдикат», основой которого было соглашение между пароходствами «Кавказ и Меркурий» и «ВОТС», а затем к синдикату присоединилось около десятка других пароходств.

Государство, участвуя в создании акционерных обществ на транспорте, поддерживало процесс концентрации железнодорожных и судоходных компаний в более мощные отраслевые объединения, а также способствовало вытеснению из этой стратегической сферы мелкого предпринимательства. Помимо концентрации, другим эффективным методом стимулирования сильных к дальнейшему развитию стала конкуренция, причём как межсегментная (между железнодорожными и судоходными компаниями), так и внутрисегментная (например, между пароходными объединениями «КАМВО» и «Волга»).

Государственная линия на объединение крупных и средних частных компаний по стратегически важным направлениям, к которым относился Волго-Каспийский транспортный коридор, и поощрение «культурной конкуренции» между транспортными компаниями показана, во-первых, через выступления директора департамента железных дорог Министерства путей сообщения Н.С. Максимова на Совете по регулированию тарифных конфликтов, проходившем в Нижнем Новгороде в августе 1893 г., а, во-вторых, через позицию такого известного и влиятельного отраслевого издания как «Русское судоходство». Авторы этого журнала и, прежде всего, популярный публицист Николай Лендер, в своих заметках о путешествии по Волге выражали точку зрения, схожую с позицией Н.С. Максимова. По мнению Н. Лендера, из волжской торговли следовало вытеснить мелкого частника – небольшие судоходные компании, а крупные и средние компании должны были создавать мощные объединения, способные к освоению торговли по Каспийскому морю. Именно на Каспии, а не на Волге, предпринимателей ожидали значительные заработки.

В создавшихся условиях мелкие судоходные компании могли выживать также через концентрацию, путём создания собственных объединений, способных к конкуренции с судоходными монополиями и в тех сегментах транспортного рынка, которые были не интересны большим

компаниям: местные перевозки, паромные переправы и т.д. Примером подобного эффективного объединения стало образованное в 1892 г. Ф.И. Экманом Товарищество «Ахтубинское пароходство», которое объединяло 38 мелких предпринимателей. Начав с организации паромных переправ на р. Ахтуба, к 1908 г. это пароходство располагало внушительным флотом и выполняло грузовые и пассажирские перевозки по всей Волге.

В 1910-е гг. процесс концентрации производства и капитала в российской экономике достиг такого уровня, при котором началось формирование многопрофильных монополистических объединений – трестов. Этот процесс проходил при активном участии петербургских банковских групп, которые, в свою очередь, контролировались правительством. Такими компаниями трестовского типа в рамках Волго-Каспийского транспортного коридора к 1917 г. стали Урало-Рязанская железная дорога, «КАМВО» и Торгово-промышленное и пароходное общество «Волга».

6. Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-00920 «Организационно-экономический механизм трансформации Волго-Каспийского транзитного маршрута в период первой российской индустриализации (середина XIX – начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/25-28-00920/>.

Литература

- Акторы...**, 2016 – Акторы российской имперской модернизации: региональное измерение. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с.
- Алексушин, 2020** – *Алексушин Г.В.* Развитие транспорта дореволюционной Волги. Самара: типография «Прайм», 2020. 71 с.
- Ананьич, 1970** – *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал. 1897-1914. Очерки истории финансовых отношений. Л.: Наука, 1970. 316 с.
- Билибин, 1909** – *Билибин И.А.* Очерк пятидесятилетней деятельности пароходного общества «Кавказ и Меркурий» 1858–1908. СПб.: Типография т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1909. 171 с.
- Бовыкин, 2001** – *Бовыкин В.И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001. 320 с.
- Виноградов, Ещенко, 2021** – *Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г.* Конкуренция новаторов: о некоторых особенностях развития волжского судоходства в 1870-х – 1880-х гг. // *Современная научная мысль*. 2021. № 6. С. 55-61. DOI: 10.24412/2308-264X-2021-6-55-61
- Волынский, 2019** – *Волынский И.А.* Роль Астраханской области как ключевого транспортно-логистического узла в международном транспортном коридоре «Север – Юг» // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2019. № 3(60). С. 207-212.
- Воронова, 2017** – *Воронова А.А.* Судостроение в экономической жизни Нижнего Поволжья в XIX – начале XX в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2017. № 3(52). С. 241-249.
- ГААО** – Государственный архив Астраханской области.
- Галин, 2021** – *Галин В.Ю.* Капитал Российской империи. М.: ООО «Издательство Алисторус», 2021. 751 с.
- Гессен, 2007** – *Гессен В.Ю.* Структура акционерных обществ и методы управления ими в России (на примере некоторых крупных пароходств) / Очерки истории российских фирм. Вопросы собственности управления, хозяйствования. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2007. С. 413-658.
- Ещенко, 2024** – *Ещенко Ю.Г.* Астраханский порт в организации транспортировки нефти и нефтепродуктов в конце 1910-х – начале 1920-х гг. // *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2024. № 4(34). С. 140-151. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-4-140-151
- И.И., 1907** – *И.И.* Волжские баржи // *Русское судоходство*. 1907. № 7. С. 158.
- История...**, 1994 – История железнодорожного транспорта России. Т.1: 1836-1917 гг. СПб.: АО «Иван Федоров», 1994. 336 с.
- Китанина, 1969** – *Китанина Т.М.* Военно-инфляционные концерны в России. 1914-1917 гг. Л.: Наука, 1969. 180 с.
- Концентрация...** – Концентрация капитала и возникновение судоходных монополистических объединений. [Электронный ресурс]. URL: <https://poznayka.org/s77006t2.html?ysclid=mdfqrkxopl458153205> (дата обращения: 12.06.2025).
- Корноухова, 2022** – *Корноухова Г.Г.* Российские экспортеры в Иран vs закавказский транзит европейских товаров в начале 1880-х гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2022. Т. 21. № 4. С. 556-567. DOI: 10.22363/2312-8674-2022-21-4-556-567
- Корноухова, 2024** – *Корноухова Г.Г.* Обсуждение проекта строительства Энзелийского порта в Персии в государственных ведомствах Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2024. № 4(81). С. 75-85. DOI: 10.54398/1818-510X.2024.81.4.007
- Корноухова, 2025** – *Корноухова Г.Г.* Российско-персидская морская торговля через Астрахань в XIX в. – начале XX в.: условия транспортировки грузов и развитие портовой таможенной

- инфраструктуры // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2025. Т. 16. № 2(148). DOI: 10.18254/S207987840034836-8
- [Лаверычев, 1988](#) – Лаверычев В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М.: Наука, 1988. 335 с.
- [Лендер, 1889](#) – Лендер Н. Волга (Очерки и наблюдения) // *Русское судоходство*. 1889. № 102. С. 9-16.
- [Маркелов, 2022](#) – Маркелов К.А. История и современность в развитии международно-транспортного коридора «Север – Юг» // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2022. № 1 (70). С. 98-109. DOI: 10.54398/1818-510X_2022_1_98
- [Монополистический капитал..., 1973](#) – Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914-1917. Документы и материалы. Л.: Наука, 1973. 552 с.
- [Очерки, 2007](#) – Очерки истории российских фирм. Вопросы собственности управления, хозяйствования. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2007. 718 с.
- [Поликарпов, 1996](#) – Поликарпов В.В. «Новое направление» 50-х – 70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // *Советская историография* / Под общ. ред. акад. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. С. 349-400.
- [ПСЗРИ](#) – Полное собрание законов Российской империи.
- [Пыжиков, 2018](#) – Пыжиков А.В. Взлет над пропастью. М.: «Концептуал», 2018. 550 с.
- [Сидоров, 1973](#) – Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. 654 с.
- [Соловьева, 1997](#) – Соловьева А.М. Железнодорожные «короли» России. П.Г. фон Дервиз и С.С. Поляков / Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. М.: РОССПЭН, 1997. С. 266-286.
- [Шубин, 1927](#) – Шубин И.А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. 908 с.
- [Belousov, 2020](#) – Belousov S.S. Influence of Railways on the Development of the Settlement Network in Astrakhan Province (the last quarter of the xix – beginning of the xx century) // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1264-1269. DOI: 10.13187/bg.2020.3.1264
- [Eshchenko et al., 2025](#) – Eshchenko Y.G., Vinogradov S.V., Kulakova N.I. The Volga-Caspian Transport Corridor in the Freight Transportation System of the Russian Empire in the second half of the 19th – at the early 20th centuries // *Bylye Gody*. 2025. 20(2): 911-921. DOI: 10.13187/bg.2025.2.911

References

- [Aktory..., 2016](#) – Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii: regional'noe izmerenie [Actors of Russian Imperial Modernization: Regional Dimension]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 316 p. [in Russian]
- [Aleksushin, 2020](#) – Aleksushin, G.V. (2020). Razvitie transporta dorevoljucionnoj Volgi [Development of transport on the pre-revolutionary Volga]. Samara: tipografija «Prajm», 71 p. [in Russian]
- [Anan'ich, 1970](#) – Anan'ich, B.V. (1970). Rossiya i mezhdunarodnyj kapital. 1897-1914. Oчерки istorii finansovyh otnoshenij [Russia and international capital. 1897-1914. Essays on the history of financial relations]. L.: Nauka, 316 p. [in Russian]
- [Belousov, 2020](#) – Belousov, S.S. (2020). Influence of Railways on the Development of the Settlement Network in Astrakhan Province (the Last Quarter of the XIX – Beginning of the XX Century). *Bylye Gody*. 57(3): 1264-1269. DOI: 10.13187/bg.2020.3.1264
- [Bilibin, 1909](#) – Bilibin, I.A. (1909). Oчерk pjatidesjatiletnej dejatel'nosti parohodnogo obshhestva «Kavkaz i Merkurij» 1858-1908 [Essay on the fifty-year activity of the Caucasus and Mercury shipping company 1858-1908]. SPb.: Tipografija t-va A.S. Suvorina «Novoe vremja», 171 p. [in Russian]
- [Bovykin, 2001](#) – Bovykin, V.I. (2001). Finansovyj kapital v Rossii nakanune Pervoj mirovoj vojny [Financial capital in Russia on the eve of the First World War]. M.: ROSSPJeN, 320 p. [in Russian]
- [Eshchenko et al., 2025](#) – Eshchenko, Y.G., Vinogradov, S.V., Kulakova, N.I. (2025). The Volga-Caspian Transport Corridor in the Freight Transportation System of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – at the Early 20th Centuries. *Bylye Gody*. 20(2): 911-921. DOI: 10.13187/bg.2025.2.911
- [Eshchenko, 2024](#) – Eshchenko, Y.G. (2024). Astrahanskij port v organizacii transportirovki nefti i nefteproduktov v konce 1910-h – nachale 1920-h gg. [Astrakhan port in the organization of transportation of oil and oil products in the late 1910s – early 1920s]. *Social'no-jekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal*. 4(34):140-151. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-4-140-151 [in Russian]
- [GAAO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti [State Archive of the Astrakhan Region].
- [Galín, 2021](#) – Galín, V.Ju. (2021). Kapital Rossijskoj imperii [Capital of the Russian Empire]. M.: OOO «Izdatel'stvo Alistorus», 751 p. [in Russian]
- [Gessen, 2007](#) – Gessen, V.Ju. (2007). Struktura akcionerных obshhestv i metody upravlenija imi v Rossii (na primere nekotoryh krupnyh parohodstv) [Capital of the Russian Empire]. *Oчерки istorii rossijskih firm. Voprosy sobstvennosti upravlenija, hozjajstvovaniya*. SPb.: Vysshaja shkola menedzhmenta, pp. 413-658. [in Russian]
- [I.I., 1907](#) – I.I. (1907). Volzhskie barzhi [Volga barges]. *Russkoe sudohodstvo*. 7: 158. [in Russian]

- Istoriya., 1994** – Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii. T.1: 1836-1917 gg. [History of railway transport in Russia. Vol. 1: 1836-1917]. SPb.: AO «Ivan Fedorov», 336 p. [in Russian]
- Kitanina, 1969** – *Kitanina, T.M.* (1969). Voenno-inflacionnye koncerny v Rossii. 1914-1917 gg. [Military-inflationary concerns in Russia. 1914-1917]. L.: Nauka, 180 p. [in Russian]
- Kontsentratsiya...** – Kontsentratsiya kapitala i vozniknovenie sudokhodnykh monopolisticheskikh ob"edinenii [Concentration of capital and the emergence of shipping monopolistic associations]. [Electronic resource]. URL: <https://poznayka.org/s77006t2.html?ysclid=mdfqrkopl458153205> (date of access: 12.06.2025). [in Russian]
- Kornoukhova, 2022** – *Kornoukhova, G.G.* (2022). Rossiiskie eksportery v Iran vs zakavkazskii tranzit evropeiskikh tovarov v nachale 1880-kh gg. [Russian exporters to Iran vs Transcaucasian Transit of European goods in the early 1880s]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 21(4): 556-567. DOI: 10.22363/2312-8674-2022-21-4-556-567 [in Russian]
- Kornoukhova, 2024** – *Kornoukhova, G.G.* (2024). Obsuzhdenie proekta stroitel'stva Enzeliiskogo porta v Persii v gosudarstvennykh vedomstvakh Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv. [Discussion of the project for the construction of the Anzali port in Persia in the government departments of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 4(81): 75-85. DOI: 10.54398/1818-510X.2024.81.4.007 [in Russian]
- Kornoukhova, 2025** – *Kornoukhova, G.G.* (2025). Rossijsko-persidskaja morskaja torgovlja cherez Astrahan' v XIX v. – nachale XX v.: uslovija transportirovki gruzov i razvitie portovoj tamozhennoj infrastruktury [Russian-Persian maritime trade via Astrakhan in the 19th – early 20th century: conditions of cargo transportation and development of port customs infrastructure]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*. 16. 2(148). DOI: 10.18254/S207987840034836-8 [in Russian]
- Laverychev, 1988** – *Laverychev, V.Ja.* (1988). Voennyj gosudarstvenno-monopolisticheskij kapitalizm v Rossii [Military state-monopoly capitalism in Russia]. M.: Nauka, 335 p. [in Russian]
- Lender, 1889** – *Lender, N.* (1889). Volga (Ocherki i nabljudenija) [Volga (Essays and observations)]. *Russkoe sudohodstvo*. 102: 9-16. [in Russian]
- Markelov, 2022** – *Markelov, K.A.* (2022). Istoriya i sovremennost' v razvitii mezhdunarodno-transportnogo koridora «Sever – Yug» [History and modernity in the development of the international transport corridor “North – South”]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 1(70): 98-109. DOI: 10.54398/1818-510Xh_2022_1_98 [in Russian]
- Monopolisticheskij kapital., 1973** – Monopolisticheskij kapital v neftjanoj promyshlennosti Rossii. 1914-1917. Dokumenty i materialy [Monopoly capital in the oil industry of Russia. 1914-1917. Documents and materials]. L.: Nauka, 552 p. [in Russian]
- Ocherki., 2007** – Ocherki istorii rossijskikh firm. Voprosy sobstvennosti upravlenija, hozjajstvovanija [Essays on the history of Russian firms. Issues of ownership, management, economics]. SPb.: Vysshaja shkola menedzhmenta, 718 p. [in Russian]
- Polikarpov, 1996** – *Polikarpov, V.V.* (1966). «Novoe napravlenie» 50-h – 70-h gg.: poslednjaja diskussija sovetskikh istorikov [“New Direction” of the 50s – 70s: the last discussion of soviet historians]. *Sovetskaja istoriografija*. M.: RGGU, pp. 349-400. [in Russian]
- PSZRI** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].
- Pyzhikov, 2018** – *Pyzhikov, A.V.* (2018). Vzlet nad propast'ju [Takeoff over the Abyss]. M.: «Konceptual», 550 p. [in Russian]
- Shubin, 1927** – *Shubin, I.A.* (1927). Volga i volzhskoe sudohodstvo [Volga and Volga shipping]. M.: Transpechat', 908 p. [in Russian]
- Sidorov, 1973** – *Sidorov, A.L.* (1973). Jekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny [Economic Situation of Russia during the First World War]. M.: Nauka, 654 p. [in Russian]
- Solov'eva, 1997** – *Solov'eva, A.M.* (1997). Zheleznodorozhnye «koroli» Rossii. P.G. fon Derviz i S.S. Poljakov [Railway “kings” of Russia. P.G. von Derviz and S.S. Polyakov]. Predprinimatel'stvo i predprinimateli Rossii ot istokov do nachala XX v. M.: ROSSPJeN. Pp. 266-286. [in Russian]
- Vinogradov, Eshchenko, 2021** – *Vinogradov, S.V., Eshchenko, Y.G.* (2021). Konkurencija novatorov: o nekotoryh osobennostjakh razvitija volzhskogo sudohodstva v 1870-h – 1880-h gg. [Competition of innovators: on some features of the development of Volga shipping in the 1870s – 1880s]. *Sovremennaja nauchnaja mysl'*. 6: 55-61. DOI: 10.24412/2308-264X-2021-6-55-61 [in Russian]
- Volynskii, 2019** – *Volynskii, I.A.* (2019). Rol' Astrakhanskoi oblasti kak klyuchevogo transportno-logisticheskogo uzla v mezhdunarodnom transportnom koridore «Sever – Yug» [The role of the Astrakhan region as a key transport and logistics hub in the international North-South transport corridor]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 3(60): 207-212. [in Russian]
- Voronova, 2017** – *Voronova, A.A.* (2017). Sudostroenie v ekonomicheskoi zhizni Nizhnego Povolzh'ja v XIX – nachale XX v. [Shipbuilding in the economic life of the Lower Volga region in the 19th – early 20th centuries]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 3(52): 241-249. [in Russian]

Конкуренция и концентрация: некоторые проблемы развития Волго-Каспийского транспортного коридора в период первой российской индустриализации (вторая половина XIX – начало XX в.)

Сергей Вадимович Виноградов ^a, Юлия Геннадьевна Ещенко ^{a, *}, Наталия Игоревна Кулакова ^a

^aАстраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена повышением общественного и научного внимания к проблемам логистики, как из-за климатических изменений, так и в связи со значительными негативными трансформациями в глобальной экономике и масштабными геополитическими конфликтами. В этих условиях определённый интерес представляет выявление отечественного исторического опыта использования государственного организационно-экономического механизма по развитию крупных логистических коридоров, способствовавших комплексному освоению окраинных территорий и включению их в общий экономический контур страны. Исследование посвящено анализу развития транспортной инфраструктуры самой оживлённой грузопассажирской артерии Российской империи – Волго-Каспийского транспортного коридора – в период первой российской индустриализации второй половины XIX – начала XX в. Выявляется участие государства в данном процессе, которое проявлялось через создание частно-государственных партнёрств в форме железнодорожных и судоходных акционерных обществ, работу с бизнес-элитой на съездах и собраниях предпринимателей, выступления в прессе лидеров общественного мнения, стимулирование судовладельцев к созданию крупных пароходств (поощрение железнодорожных компаний в ущерб судоходным) и т. д. В начале XX в. поддерживаемые правительством частно-государственные партнёрства стали центрами интегрирования крупных и средних транспортных компаний. Важным элементом государственного организационно-экономического механизма в исследуемый период являлись банки. Исследование выполнено на базе архивных делопроизводственных документов астраханских представительств пароходных компаний, позволяющих лучше понять организацию их работы, структуру картельных и синдикатских соглашений между пароходствами, условия труда рабочих и управленческого персонала, принципы осуществления предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: Волго-Каспийский транспортный коридор, Каспийское море, индустриализация, концентрация, конкуренция, акционерное общество, синдикат, трест, пароходство, железная дорога.

* Корреспондирующий автор

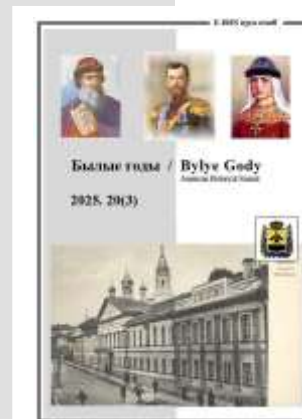
Адреса электронной почты: dissovetdm@yandex.ru (С.В. Виноградов),
pushistik_yuliya@mail.ru (Ю.Г. Ещенко), vol-na1986@yandex.ru (Н.И. Кулакова),
szotov@sfu-kras.ru (С.О. Зотов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1355-1368
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1355

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Transformation of the Education System of the Turkestan Region in the late 19th – early 20th centuries

Yulduz A. Ergasheva ^{a,*}, Oksana A. Raxmonkulova ^b, Uktamjon Sh. Abdullayev ^c, Faxriddin U. Samarov ^d

^a Karshi State Technical University, Republic of Uzbekistan

^b Karshi State University, Republic of Uzbekistan

^c Asian technology university, Republic of Uzbekistan

^d Qarshi International University, Republic of Uzbekistan

Abstract

The article examines key changes in the education system of the Turkestan region in the late 19th – early 20th centuries. Particular attention is paid to the transformation of traditional Muslim educational institutions (maktab and madrassas), the spread of new-method schools (usul-i jadid) and the establishment of Russian-native institutions. The issues of girls' participation in the educational process and the ethnic structure of students are considered. Special emphasis is placed on the formation of a network of secular educational institutions. As a result of the analysis, it was established that the educational sphere of the region underwent significant changes, becoming an arena of interaction and rivalry between the colonial administration of the Russian Empire, Muslim reform movements (jadids) and traditional religious institutions. New-method schools became an important element in the modernization of Muslim communities and for the first time provided girls with access to secular education, which marked profound social shifts. An analysis of the national composition of students revealed a significant participation of Uzbeks, Tatars, Tajiks, Kazakhs and representatives of other ethnic groups, which indicates the beginning of the formation of a pan-regional Muslim educational space. The work uses archival documents, statistical reports and works of domestic and foreign researchers. Quantitative data on the number of educational institutions, students, teachers and national and gender composition are provided. The article shows that educational reforms in the Turkestan region became part of a broader process of modernization of Central Asia and the preparation of a new national intelligentsia, which played a key role in the subsequent political and cultural transformations of the region.

Keywords: Turkestan region, education, jadidism, maktab, madrassas, russian-native schools, female education, national composition, Russian Empire.

1. Введение

Включение Туркестанского края в состав Российской империи в результате завоеваний 1860–1880-х гг. стало важнейшей вехой в политической и социально-культурной истории региона. После установления власти Российской империи началась постепенная модернизация социальной инфраструктуры, что привело к значительным социально-экономическим и культурным трансформациям. Однако эта модернизация шла крайне неравномерно и сталкивалась с рядом трудностей. Новая колониальная администрация приступила к перестройке ключевых сфер жизни, включая систему образования, которая на протяжении столетий развивалась преимущественно в

* Corresponding author

E-mail addresses: yuae63@gmail.com (Yu.A. Ergasheva), oksanarahmonkulova@gmail.com (O.A. Rakhmonkulova), uktamabdullayev712@gmail.com (U.Sh. Abdullaev), samarovfaxriddino7@gmail.com (F.U. Samarov)

рамках исламской цивилизационной модели. До середины XIX в. образовательная система Туркестанского края основывалась преимущественно на традиционных учреждениях — мактабах, выполнявших функции начальных школ, и медресе, где осуществлялась подготовка на среднем и высшем уровнях. Учебные программы таких заведений были сосредоточены главным образом на изучении религиозных текстов, а также классического арабо-персидского литературного наследия, что определяло их узкую направленность и ограничивало круг передаваемых знаний, а также не отвечало требованиям развивающегося социума и изменяющегося политического контекста. С проникновением Российской империи на территорию Средней Азии с конца XIX в. начались процессы трансформации образовательной системы, сопровождающиеся политическими, этноконфессиональными и социальными противоречиями. Колониальные власти, с одной стороны, пытались внедрить русско-туземные школы как инструмент подготовки лояльных подданных по отношению к империи. С другой стороны, в мусульманских кругах возникло движение жадиизма — реформаторское течение, ставившее целью модернизацию традиционного образования. Важное значение приобрело распространение светского образования, подготовка национальных кадров для управления, медицины и преподавания. Особую остроту ситуация приобрела в начале XX в., когда социальные изменения и рост национального самосознания сопровождались активным созданием новометодных школ (усул-и-жадид), развитием женского образования и формированием региональных научных учреждений. Эти процессы стали неотъемлемой частью модернизационного проекта Центральной Азии, оказав влияние на культурное и политическое развитие не только Туркестанского края, но и сопредельных территорий Бухары и Хивы. Несмотря на ряд исследований, вопрос комплексного анализа образовательных изменений конца XIX — начала XX в., с учётом количественных, этнических, гендерных и институциональных аспектов, остаётся актуальным. Настоящая статья направлена на восполнение данного научного пробела путём системного изучения эволюции образования Туркестанского края на фоне колониальной политики и мусульманских реформ. Целью статьи является выявление ключевых особенностей трансформации образовательной системы Туркестана, включая количественные показатели развития школ, участие девочек, национальный состав учащихся, роль русско-туземных и новометодных школ в процессе модернизации системы образования региона.

2. Материалы и методы

Настоящее исследование опирается на комплексный междисциплинарный подход, направленный на всесторонний анализ образовательной системы Туркестанского края в конце XIX — начале XX в. При подготовке статьи использована широкая источниковая база. Ключевыми материалами исследования стали фонды Национального архива Республики Узбекистан (НАУз) (Ташкент, Республика Узбекистан). Сведения о функционировании различных образовательных учреждений Туркестанского края — от традиционных мусульманских школ до новометодных и русско-туземных учебных заведений, особенностях их организации, финансирования и учебного процесса — содержатся в архивных фондах: И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора), И-47 (Управление учебных заведений Туркестанского округа), И-717 (Совет Туркестанского генерал-губернатора), а также в ряде других фондов данного архива. Особое значение в освещении темы имеют рапорты и доклады губернаторов, договоры, отчёты и циркулярные письма, в которых содержатся обобщённые данные по учебным заведениям региона, их количеству, численности и национальному составу учащихся и преподавателей.

В исследовании применён ряд методов, учитывающих специфику социально-исторических процессов конца XIX — начала XX в. Методологическую основу данного исследования составляет цивилизационный подход, который предполагает рассмотрение образовательных процессов не изолированно, а в контексте развития, взаимодействия и столкновения различных цивилизационных моделей, в данном случае — исламской и европейской (имперской) традиций. Этот метод позволяет проанализировать, каким образом изменения в образовании отражали более глубокие культурные, ценностные и мировоззренческие трансформации внутри мусульманского общества Средней Азии под воздействием внешней колониальной политики, а также глубже осмыслить изменения системы образования Туркестанского края как результат сложного взаимодействия традиции и модернизации, локального и имперского, религиозного и светского мировоззрений, что имеет ключевое значение для комплексного исторического анализа региона.

Применение историко-сравнительного метода позволило проследить эволюцию образовательной системы региона, возможность сопоставления традиционных исламских школ (мактабов и медресе), новометодных учебных заведений и русско-туземных школ с точки зрения их структуры, программ, численности и роли в общественной жизни.

С помощью количественного метода были обработаны статистические данные из архивных и официальных источников о числе учебных заведений, учащихся, преподавателей, а также при анализе этнического и гендерного состава учащихся. В частности, рассчитаны доли национальных групп и доля девочек среди школьников.

Метод контент-анализа архивных документов и опубликованных источников позволил выявить ключевые дискурсы, отражающие официальную политику Российской империи в сфере образования и подходы мусульманских реформаторов к модернизации учебного процесса, отношение властей к мусульманскому просвещению, а также идеологические установки жадидского движения.

Системный анализ позволил рассматривать образовательные реформы как часть более широких процессов, обеспечил целостное понимание трансформации образовательной инфраструктуры как части модернизационных процессов, связанных с политикой колониальной администрации и внутренними реформами мусульманских обществ.

3. Обсуждение

Период существования Туркестанского генерал-губернаторства (1867–1917 гг.) занимает особое место в исторической науке, поскольку именно в это время происходили масштабные политические, социальные и культурные трансформации в Центральной Азии. Историография данного периода достаточно обширна, но отличается тематической неоднородностью и эволюцией подходов от колониальных и имперских до современных критических и междисциплинарных исследований. Труды русских чиновников и военных, среди которых работы К.П. фон Кауфмана, первого генерал-губернатора края, а также позднейшие публикации чиновников-исследователей, таких как И.И. Гейер (Гейер, 1908), В.И. Масальский (Масальский, 1898), сочетали элементы этнографического, исторического и географического описания региона с политическим обоснованием колониальной экспансии. Проблематика системы образования Туркестанского края на рубеже XIX–XX вв. неоднократно становилась предметом научных исследований как отечественных, так и зарубежных авторов, что позволяет объективно оценить масштабы и специфику изменений, происходивших в этот период. Вместе с тем на протяжении длительного времени характер изучения этих процессов носил фрагментарный и политически обусловленный характер, что связано с идеологическими рамками исторической науки как дореволюционного, так и советского периода. Исследования дореволюционного периода ограничивались официальными ведомственными отчётами, статистическими сборниками и отдельными публикациями российских ориенталистов и чиновников, выполнявших задачи колониального администрирования. Труды В.В. Радлова (Радлов, 1887) и В.В. Бартольда (Бартольд, 1963) являются важной основой для понимания культурно-исторического контекста, в котором развивалась система образования края в имперский период, и последующего влияния образовательной политики на местное общество. В частности, В.В. Радлов в этнографических обзорах исследовал типы учебных заведений, формы преподавания и языковую специфику, уделяя внимание многоязычию и межэтническим контактам в школах. Н.П. Остроумов (Остроумов, 1896), как инспектор народных училищ, дал критический, но ценный взгляд на конфликты между традиционным и русским образованием, указывая на то, что туземные школы продолжают придерживаться методов механического заучивания, и призывал сочетать традиционное религиозное образование с введением светских предметов, критиковал изоляцию школ от современных знаний. В.В. Бартольд (Бартольд, 1963) подчёркивает значение исламского образования как ключевого института общественной жизни местного населения, хотя и с оценочным подходом к его «отсталости». Автор справедливо указывает на то, что колониальная политика России имела двойственный характер: с одной стороны, она способствовала внедрению современных образовательных практик, с другой – сохраняла дискриминационные элементы по отношению к коренному населению.

В трудах, вышедших в советский период, доминировал идеологический подход, акцентирующий внимание на классовых противоречиях. Значительное внимание в них уделялось критике царской колониальной политики, включая ограничения в доступе местного населения к образованию и культуре. Ряд авторов рассматривали завоевание Туркестана как «объективно прогрессивное», но одновременно фиксировали противоречия в отношениях центра и местных обществ. В частности, К.Е. Бендриков (Бендриков, 1960) даёт историю народного образования в регионе, начиная с 1865 г., и предоставляет всероссийский контекст. Он повествует о политике царизма в Средней Азии в рамках изучения образования тех лет. Автор, опираясь на документы архивов России и Узбекистана, показывает, как колониальные территории отставали в обеспеченности школами и учителями, что трактуется как следствие «сознательной политики отсталости», а также подчёркивает подавление национальных форм образования и духовной автономии мусульманских народов. Е. Кемпфер (Кемпфер, 1979) подробно рассматривает учебные программы, организацию занятий и образовательные цели русско-туземных школ. Автор отмечает, что в этих школах «центральный элемент была русская грамота, а арифметика и география излагались с расчётом на практическое применение в быту». В то же время, несмотря на идеологические ограничения, именно в этот период накоплена значительная эмпирическая база, проведены первые попытки системного изучения экономических и социально-культурных процессов в регионе дореволюционного периода.

Постсоветская современная историография о Туркестанском генерал-губернаторстве характеризуется отходом от догматических схем и возрождением интереса к культурным,

этническим, образовательным и научным аспектам региона. Х. Исламов (Исламов, 2001) предпринял попытку комплексного анализа как традиционного исламского, так и светского образования, включая жадидские и русско-туземные школы, а также систематизировал данные о численности школ, особенностях их деятельности и роли в социальной структуре общества. Исследование Р. Султанова (Султанов, 1997) посвящено эволюции реформаторского мусульманского движения, анализу образовательных инициатив жадидов, а также социально-политическим последствиям их деятельности. Автор подробно рассматривает как количественные параметры развития новометодных школ, так и их влияние на формирование национального самосознания. Н.А. Абдурахимова (Абдурахимова, 2014) подчёркивает значение новометодных школ для повышения уровня грамотности, социальной мобильности и расширения доступа женщин к образованию. Ф. Исаков (Исаков, 2009) подробно исследует этнополитические аспекты образования, особое внимание уделяет национальному составу учащихся и образовательным барьерам, а также роли школ в формировании новых элит. Д. А. Алимова (Алимова, 2009) подробно анализирует движение жадидизма как культурно-образовательный феномен на рубеже XIX–XX вв. Автор рассматривает зарождение новометодных школ и их роль в формировании новой мусульманской интеллигенции.

Некоторые материалы о политике царизма в Туркестанском генерал-губернаторстве в контексте развития образования и его роли во внешнеполитическом аспекте освещены в статьях Д.Ж. Уракова (Urakov et al., 2024) и С.И. Габриэльян (Gabrielyan et al., 2025).

Среди зарубежных авторов по исследуемой проблематике можно выделить А. Халида (Khalid, 1998). Автор на обширной базе архивных документов, периодических изданий и устных источников анализирует жадидизм как явление, находящееся на стыке локальной мусульманской традиции и влияния глобальных модернизационных процессов, включая образовательные реформы. К примеру, Дэвид Маккензи (MacKenzie, 1999) незначительное число детей местного населения в русско-туземных школах объяснял тем, что в «русских учебных заведениях» не преподаются ни язык, ни религии местных народов, а потому местное население предпочитает для обучения своих детей грамоте обращаться к муллам из узбеков и татар. В трудах С. Беккера (Becker, 2004) фокусируется внимание на политике Российской империи в сфере образования, просвещения и науки как части системы колониального контроля и акцентируется внимание на институтах русско-туземных школ. Роль образования и культурных реформ как факторов национальной мобилизации также подчёркнута в исследовании Э. Олворта (Allworth, 1990), где жадидизм показан как катализатор формирования узбекской идентичности. Джеффри Уиллер (Wheeler, 1975) рассматривал создание русско-туземных школ как попытку колониальной администрации совместить задачи обучения коренного населения русскому языку с сохранением элементов традиционного образования, ранее обеспечиваемого мактабами и имевшего глубокие корни в местной среде. Историография системы образования в Туркестанском крае опирается на богатую документальную базу, разнообразие теоретических подходов и показывает образование как арену борьбы за власть, идентичность и прогресс в условиях колониализма, что продолжает оставаться актуальным в современных исследованиях. Однако остаётся дефицит комплексных работ, охватывающих сразу несколько уровней образовательной системы (традиционные, новометодные, русско-туземные школы) края.

4. Результаты

Во второй половине XIX в., после включения Туркестанского края в состав Российской империи, в регионе начались активные социальные и культурные трансформации. Особое значение приобрели преобразования в области образования. Российская колониальная администрация внедрила новые образовательные модели. Параллельно в указанный период в крае развивались традиционная (исламская), новометодная (жадидская) и русско-туземная модели школ. Каждая из них играла особую роль в формировании культурной, этнической и социальной идентичности населения, а также отражала идеологические противоречия между местной традицией и колониальной модернизацией. До начала колониальных преобразований преобладала традиционная исламская модель образования, включавшая мактабы (начальные школы) и медресе (высшие духовные учебные заведения). Мактаб представлял собой начальную школу, доступную для детей с 5–7 лет, где основное внимание уделялось заучиванию наизусть арабской азбуки, Корана, религиозных догматов, письму и чтению на арабском языке. Преподавание велось преимущественно на арабском языке, родной язык почти не использовался, содержание курсов ограничивалось религиозной подготовкой, практические знания отсутствовали, учебный процесс не имел чёткой структуры и продолжительности. Медресе – это учебные заведения среднего и высшего мусульманского образования, ориентированные на подготовку исламских богословов и судей. Учебные программы были неформализованными, сильно зависели от личности муаллимов и финансировались за счёт вакуфов и пожертвований (Исламов, 2001: 54–55). Традиционные религиозные школы (мактабы и медресе) к началу XX в. сохраняли ключевую роль, особенно в сельской местности. Руководство Туркестанского генерал-губернаторства в лице первого генерал-губернатора П.К. Кауфмана (1867–1882), приступая к образовательной реформе и изучив местную

систему школьного образования, пришло к выводу, что на территории бывших ханских и эмирских владений в течение многих веков сложилась «хорошо организованная система народного образования» ([Проект всеподданнейшего..., 1885: 432](#)), которую трудно будет сломать. В то же время генерал-губернатор К. П. фон Кауфман декларировал курс на «невмешательство» в религиозную сферу, что выражалось в отсутствии поддержки мусульманских учебных заведений и дистанцировании от внутренних дел местного населения. Он полагал, что прогрессивный характер русской культуры и образования со временем приведёт к постепенному отказу коренного населения от обучения в мактабах и медресе ([Проект всеподданнейшего..., 1885: 437](#)). Тем не менее, фактическое положение дел было гораздо сложнее: как оседлое, так и кочевое население не проявляло особой заинтересованности в освоении русской системы образования, продолжая направлять детей в привычные мусульманские учебные заведения. В 1875 г. российская администрация издала закон, согласно которому все религиозные учебные заведения Туркестана переходили под контроль Управления учебными заведениями края. Учреждение соответствующего управления состоялось 17 мая того же года, а его функционирование началось с 1 января 1876 г. Первоначально приоритетом являлось формирование сети школ для русских жителей края, тогда как специальные образовательные учреждения для коренных народов появились лишь после 1885 г. ([Бендриков, 1960: 66](#)).

С 1877 г. в системе народного образования края действовала должность инспектора, а в 1890 г. был введён третий инспектор, ответственный за наблюдение за мусульманскими школами. После ликвидации этого поста в 1896 г. функции контроля были переданы другим сотрудникам Управления учебных заведений Туркестана, что обеспечило сохранение надзора над исламскими образовательными структурами ([НАУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 330. Л. 1](#)). Инструкция, изданная Министерством народного просвещения 13 января 1879 г., обязывала инспекторов народных училищ Туркестанского края контролировать не только образовательный процесс, но и «настроения» учащихся, содействуя постепенному сближению коренного населения с имперскими структурами. Эти должности существовали до 1917 г., после чего были упразднены ([НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 330. Л. 2](#)). В начале XX в. наиболее распространённой формой мусульманского образования оставались мактабы для мальчиков, располагавшиеся в городах, сельских поселениях и аулах. Такие школы создавались при мечетях и содержались за счёт пожертвований прихожан, состоятельных жителей или религиозных общин. В кочевых районах мактабы носили сезонный характер и открывались весной либо летом, когда студенты медресе искали временный заработок. Средняя численность учеников в городских мактабах составляла 20–30 человек, в сельских — 10–15. Уровень преподавания напрямую зависел от подготовки наставника. В роли учителей (домулло) выступали, как правило, имамы или суфийские наставники, а также азанчи, служившие при мечетях. Их вознаграждение не было фиксированным и зависело от пожертвований родителей учеников. Если же обучение вёл имам, закреплённый за мечетью, он получал оплату из средств вакуфа.

Следует отметить, что в практике обучения в мактабах широко использовались физические наказания, которые в то время рассматривались как один из эффективных способов дисциплинирования учеников. Для этого применялись специальные палки различной толщины и длины. Обычно отец, отдавая своего ребёнка в мактаб и вручая его домулле, произносил традиционную фразу: «Мясо ваше, а кости мои», т. е. давал разрешение домулле бить ученика. Несмотря на преобладание механического заучивания, выпускники мактабов овладевали первоначальными навыками чтения и письма, однако объём полученных ими знаний оставался весьма ограниченным, и лишь 20–25 % учеников достигали базовых навыков письма и счёта ([Алимова, 2009: 88](#)). Проработавший много лет на должности 3-го инспектора народных училищ в Туркестане В. П. Наливкин отмечал, что в начале 1890-х гг. официальная статистика фиксировала около 5 тыс. мактабов, однако их реальное количество, по его оценкам, было как минимум вдвое больше и достигало 10 тыс. ([НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 373. Л. 8](#)).

Высшее мусульманское образование в Туркестанском крае предоставляли медресе, выполнявшие функции подготовки религиозных кадров — имамов, мутаалимов, казиев и богословов. Учебная программа таких заведений включала изучение богословия, шариатского права, толкования Корана (тафсир), хадисоведения, а также арабского языка и грамматики. Состав и объём этих предметов изменялись в разные периоды, в отдельных учебных центрах они были представлены более полно. Особую известность на Востоке приобрели медресе Бухары, Коканда, Ташкента и Самарканда. Организационная структура медресе включала мударрисов (преподавателей), мутавали (распорядителей вакуфного имущества), имамов, муэдзинов, а также мукарриров, выполнявших функции репетиторов. Студенты делились на три ступени обучения: младшие, средние и старшие курсы ([НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 333а. Л. 20, 21](#)). Примечательно, что медресе фактически являлись и социальными институтами: они формировали духовных лидеров, учёных-учителей и обеспечивали культурное единство мусульманского населения, а также предоставляли бесплатное питание и ночлег учащимся. Количество студентов (мударрисов) по разным источникам варьировалось от 20 до 200 человек в крупных медресе. Одним из наиболее сложных вопросов, стоявших перед администрацией и органами народного образования Туркестанского края, было внедрение преподавания русского языка в мусульманских учебных заведениях, поскольку он рассматривался как

государственный. При этом комиссия, занимавшаяся проблемами инородческого образования, предлагала возложить расходы на содержание преподавателей русского языка непосредственно на сами мусульманские школы (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 330. Л. 3). В Туркестанском крае назначение на должности преподавателя и заведующего хозяйственной частью медресе стало производиться администрацией края. Был введён надзор за деятельностью мутавалиев, которые «ныне почти бесконтрольно распоряжающимися доходами с вакуфных имуществ своих медресе» (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 361. Л. 17, 18). Архивные материалы фиксируют многочисленные случаи присвоения доходов от вакуфного имущества медресе как со стороны мутавалиев (заведующих хозяйственной частью), так и лиц, не имевших прямого отношения к учебным заведениям (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 330. Л. 2). Нарушения выявлялись и во внутреннем устройстве медресе: незаконная продажа худжр (келей) посторонним лицам, что, по словам инспектора, превращало заведение скорее в «ночлежный дом», несоблюдение правил распределения стипендий, антисанитарные условия проживания студентов и неудовлетворительное состояние зданий (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 333а. Л. 95). В отчётах упоминались и факты использования вакуфных средств не по назначению. Так, В. П. Наливкин сообщал о расходовании средств самаркандских медресе на строительство объектов в русской части города, что свидетельствовало о злоупотреблениях и со стороны местной администрации (НАУз. Ф. 455. Оп. 1. Д. 1. Л. 10).

Администрация Российской империи предпринимала неоднократные попытки модернизировать систему медресе, стремясь внедрить в их учебные планы предметы светского характера, включая русский язык, географию, историю и основы естественных наук, преподаваемые в соответствии с имперскими образовательными стандартами. Следует отметить, что к началу XX столетия, благодаря инициативе ряда представителей местной интеллигенции, в отдельных медресе Ташкента, Коканда, Ходжента и других городов региона преподавание русского языка уже велось на протяжении нескольких лет (НАУз. Ф. 1. Оп. 18. Д. 24. Л. 3-5). Согласно отчётам В.П. Наливкина, подготовленным на основе обследований медресе Туркестанского края в 1890–1895 гг., продолжительность обучения в этих заведениях строго не регламентировалась. Учебный процесс строился вокруг изучения определённого количества книг, каждая из которых осваивалась последовательно. От учащихся требовалось не просто чтение, а глубокое знание содержания изучаемых текстов. В отчёте о состоянии медресе Сырдарьинской области приводилась программа полного курса, включавшая три основных раздела. Первый был посвящён грамматике, на освоение которой отводилось около трёх лет. На начальной стадии обучения изучались основы этимологии и синтаксиса арабского языка, после чего переходили к освоению грамматики по учебнику «Кофия» и комментариям к нему. После этого образовательный процесс разделялся на два курса — общий («мушкилят») и юридический («масал») (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 333а. Л. 58). В рамках общеобразовательного курса медресе учащиеся осваивали широкий спектр дисциплин: логику и её комментарии, диалектику, догматику, метафизику, богословие, хадисы, толкования Корана, а также основы религиозного и государственного права. Помимо религиозных наук, программа включала элементы светского образования — арифметику (четыре действия), геометрию (измерение площадей), географию, медицину и историю Востока (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 333а. Л. 59, 60). Таким образом, мировоззрение образованных слоёв местного населения формировалось не только под влиянием исламских догматов и национальных традиций, но и посредством освоения разнообразных светских знаний. Отчёт о положении туземных медресе Туркестанского края за 1893 г. фиксирует рост их количества на 13 единиц по сравнению с 1892 г. В разрезе областей данные выглядели следующим образом: в Сырдарьинской — 32 медресе, в Самаркандской — 63, в Ферганской — 132, в которых работало 413 мударрисов и 8741 мулла (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 328. Л. 60-67). Будучи назначенным на должность третьего инспектора мусульманских учебных заведений, В. П. Наливкин инициировал ряд мер, направленных на упорядочение деятельности медресе. В частности, он ввёл единый срок начала учебного года для всех подобных учреждений края и обязал руководство медресе заблаговременно уведомлять инспекцию о его соблюдении. Согласно его распоряжению, старт занятий во всех медресе Туркестанского края был установлен на 1 октября (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 373. Л. 2).

Отправной момент усиленного государственного контроля над мусульманскими учебными заведениями в Туркестанском крае связан с 1894 г. Именно тогда краевая администрация утвердила документы, определяющие политику активного вмешательства во внутренние дела мактабов и медресе. Согласно этим положениям, кадровые вопросы в отношении медресе полностью переходили под управление царских властей. В период работы В. П. Наливкина на посту инспектора был принят нормативный акт, который значительно осложнил процесс открытия новых медресе. В результате этих мер, а также из-за практики аннулирования вакуфных актов, начался постепенный процесс закрытия многих учебных заведений (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 330. Л. 2). Все приведённые факты показывают, что к концу XIX в. позиции мусульманского духовенства в Туркестанском крае заметно ослабли по сравнению с влиянием, которым оно обладало в первые годы после установления российской власти.

По данным 1899 г., в трёх областях Туркестанского края — Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской — насчитывалось 4632 мактаба. С первого взгляда эта цифра кажется немалой. Однако в

том же году во всех мактабах Туркестана обучалось 44 773 учащихся (Пален, 1910: 133). По данным И.Н. Гейера, на начало 90-х гг. в Сырдарьинской области насчитывалось 1809 мактабов и 49 медресе, в Ферганской области – соответственно 1143 и 159, в Самаркандской области – 1680 и 69 (Гейер, 1908: 339). В письме Туркестанского генерал-губернатора Министру народного просвещения от ноября 1910 г. отмечалось, что в крае насчитывается 7 047 мактабов и 336 медресе, в том числе в Сырдарьинской области – соответственно 2069 и 32, Ферганской области – 2597 и 165, Самаркандской области – 1944 и 81 (НАУз. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1207. Л. 2-4). Данные свидетельствуют о том, что основное количество мактабов и медресе края приходилось на области, в территориальном плане входящие в нынешний Узбекистан. Это объясняется и тем, что основное население этих областей было оседлым и имело многовековую традиционную систему образования. Приведённые статистические данные показывают и динамику роста традиционных учебных заведений, несмотря на подконтрольность их функционирования со стороны властей. Следует подчеркнуть, что, несмотря на устаревшие формы, методы и содержание преподавания, традиционные мактабы, невзирая на предпринимаемые меры по их ликвидации, продолжали функционировать и оставались востребованными среди большинства населения, обеспечивая хотя бы базовый уровень грамотности.

На протяжении всего периода колониального правления Российской империи в регионе находилось немало семей, готовых финансировать деятельность мактабов и содержание преподавателей-мулл. По сведениям Н.П. Остроумова, который высказывал критическое отношение к данным учебным учреждениям, в 1913 г. в Туркестанском крае функционировало 7 290 мактабов, где обучалось 70 864 ученика. В Самаркандской области было 2753 мактаба с 20500 учениками, в Ферганской – 2559 с 31112, в Сырдарьинской – 1411 с 13118, Семиреченской – 75 с 3231, в Закаспийской – 492 с 2903 учащимися. Четверть общего количества мактабов предназначалась для девочек. В Ферганской области было около 570 школ для девочек (они традиционно назывались отин-хана) с 6560 ученицами (Исхаков, 2009: 195). Социальной особенностью традиционных школ являлось то, что девочки обучались только в редких случаях и обычно дома. Только в начале XX в. появляются женские мактабы, в которых преподавали учительницы, именовавшиеся Отин-биби. Качество обучения в них было гораздо выше, соответственно, и выше плата, потому что чаще в такую школу отдавали дочерей зажиточные горожане. Программа же обучения была шире, поскольку ученицы обучались не только религиозным и литературным знаниям, но и манерам, иногда музыке и танцам.

В условиях колониального правления положение медресе оказалось сложным, однако эти учреждения, как и прежде, подвергались модернизации, что позволяло им сохранять статус высших учебных заведений для мусульманского населения. Большинство медресе было основано частными лицами. Учреждение вакфа для их содержания регулировалось рядом норм: право создавать вакф имел как основатель медресе, так и лица, не участвовавшие непосредственно в его строительстве, а также представители верховной власти (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 333а. Л. 17). Высокий авторитет медресе, наряду с религиозным убеждением мусульман о духовной ценности («саваб») поддержания учебных заведений и мечетей, сооружения их зданий, стимулировал состоятельных горожан вносить пожертвования для их функционирования и развития (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 333а. Л. 13). Непоколебимая позиция мударрисов, студентов медресе и всего мусульманского духовенства, а также широкая поддержка со стороны местного населения позволили сохранить эти учебные заведения, несмотря на усиление контроля со стороны колониальных властей, строгую вакуфную отчётность и значительное изъятие вакуфных земель. Более того, в период 1865–1917 гг. число медресе в Туркестанском крае не сократилось, а возросло. Так, по данным, приведённым В. П. Наливкиным в труде «Туземцы раньше и теперь», к 1900 г. в Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областях функционировало 313 медресе, где обучалось 7 502 учащихся (Наливкин, 1913: 32). К 1913 г. в 5 областях Туркестана стало уже 376 медресе (Остроумов, 1914: 213).

Несмотря на косность и оторванность от практических знаний, недостаток обучения родному языку и светским наукам, сопротивления любым реформам со стороны духовенства, традиционные школы долгое время оставались единственным образовательным институтом региона, обеспечивая сохранение исламских традиций и элементарной грамотности среди населения. Однако с точки зрения колониальной администрации и жадидов, традиционные школы отставали от требований времени, не давали практических знаний и препятствовали модернизации (Куропаткин, 1900: 83-85; Султанов, 1997: 75).

Политика Туркестанского генерал-губернаторства в области образования была направлена на русификацию края и интеграцию его в состав Российской империи, при этом сохраняя контроль над местным населением. Царская администрация стремилась заменить традиционные мусульманские школы русскими школами, внедряя русский язык, культуру и систему ценностей. Русские школы должны были стать альтернативой религиозному образованию, которое рассматривалось как фактор, препятствующий интеграции. Трансформация системы образования в Туркестанском крае отражала более широкие процессы социально-культурной модернизации региона. В условиях столкновения традиционных ценностей с требованиями нового времени происходило формирование уникальной образовательной среды, сочетающей элементы обеих систем. Этот процесс был неоднородным по территории и социальным группам: городские элиты активнее внедряли новые формы обучения,

тогда как сельское население сохраняло приверженность традиционным практикам. Одним из ключевых факторов модернизации стало создание сети русских школ по инициативе правительства Российской империи. Эти школы ориентировались на европейские стандарты обучения и стремились укрепить контроль над регионом через распространение русского языка и культуры среди местного населения. Кроме того, колониальная политика царизма, решавшая задачу превращения Туркестана в неотъемлемую составную часть России, а его областей в обычные губернии, предусматривала не только игнорирование и подавление национальной самобытности края, но и переселение жителей из других районов метрополии для создания слоя населения, способствовавшего укреплению в крае русской государственности. К моменту организации управления учебными заведениями Туркестанского края – 1 января 1876 г. представителей русского населения в Сырдарьинской области насчитывалось 10 624 чел. (в Ташкенте до 4000), Семиреченской – 31 930 (Верном – 14 400), Зеравшанском округе – 584, русских войск до 40 000 человек (Бендриков, 1960: 107). В последующие годы увеличение огромной массы переселенцев соответственно требовало сформировать соответствующую школьную систему. В рамках этой политики была создана сеть русских начальных, городских и гимназических школ, а также учебных заведений смешанного русско-туземного типа. Главной задачей русских школ в Туркестане было: укрепление колониального влияния через просвещение, формирование русскоязычного административного аппарата, распространение российской культуры и языка, «цивилизаторская миссия» в отношении местного населения (Куропаткин, 1900: 112-117). Система русских учебных заведений представлена различными типами, среди которых городские школы и гимназии, ориентированные главным образом на обучение детей русских переселенцев, военных, государственных служащих и купцов, но туда допускали и детей из мусульманских семей; русские приходские и начальные школы, действовавшие при церквях и тесно связанные с миссионерской деятельностью; учительские семинарии, обучавшие педагогов для русско-туземных и начальных школ; женские гимназии и училища, ориентированные преимущественно на дочерей русских чиновников и военных, но частично открывавшиеся и для «туземных девочек» (Масальский, 1898: 98-100). Первые школы для русских детей стали открываться с 60-х гг. XIX в. в различных городах генерал-губернаторства. Первые русские школы в Сырдарьинской области были открыты в Казалинске и Перовске (Бендриков, 1960: 107). Первая русскоязычная начальная школа, предназначенная для совместного обучения мальчиков и девочек, была открыта в Ташкенте в 1866 г. (НАУз. Ф. 2282. Оп. 1. Д. 1745. Л. 4). В 1872 г. здесь была открыта первая русская школа, в 1883 г. – мужская гимназия, а в 1897 г. – женская гимназия. К 1916 г. в Туркестанском крае насчитывалось свыше 150 русских образовательных учреждений, среди которых – начальные и городские училища, гимназии, реальное училище и учительские семинарии (Бендриков, 1960: 122, 128, 129, 131-135). В крупных городах открывались частные школы. Организация начальных и средних школ для русского населения Туркестанского края осуществлялась в соответствии с уставами учебных заведений Министерства народного просвещения Российской империи.

Приказом генерал-губернатора Туркестанского края № 1 от 29 февраля 1876 г. все русские и местные школы были переданы в подчинение Министерства народного просвещения. Для координации их деятельности в крае сформировали Управление училищ, включавшее главного инспектора, секретаря и помощника секретаря (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 8. Л. 2). Противодействие со стороны мусульманского духовенства и местных жителей сдерживало реализацию образовательных преобразований. К 1885 г. в правительственных школах региона числилось лишь 176 учеников из числа коренного населения. В этих учреждениях отсутствовало преподавание на родных языках, а также не изучались основы исламской религии, что было установлено законодательными нормами Министерства народного просвещения Российской империи (Пален, 1910: 172). Об усиленном развитии школьного образования для переселенцев свидетельствуют такие статистические данные. Уже к концу XIX в. (1895 г.) охват детей школьного возраста составлял 62,2 %. В сравнении с Центральной Россией это была высокая цифра. В начале XX в. этот показатель был гораздо выше. С 1896 по 1905 г. – за девять лет количество русских школ почти утроилось, а число учащихся увеличилось в 4 раза. Так, если в 1896 г. насчитывалось 106 русских школ с 4849 учащимися, то в 1905 г. их число достигло соответственно 305 и 20899 (Бендриков, 1960: 116). Хотя большинство учащихся русских школ составляли русские переселенцы и дети военных и чиновников, с конца XIX в. происходило постепенное вовлечение мусульманских учеников. Так, в Ташкентской гимназии к 1905 г. обучалось около 12 % учащихся мусульманского происхождения, в основном из татар, узбеков и таджиков (НАУз. Ф. 54. Оп. 1. Д. 21. Л. 11). В русско-туземных учебных заведениях доля учеников из местного населения колебалась от 30 % до 60 % в зависимости от области (Масальский, 1898: 84-89; Бендриков, 1960: 136-139). При этом обучение во всех школах такого типа велось исключительно на русском языке, несмотря на то, что значительная часть учеников относилась к местному населению. «Программы включали: Закон Божий (для русских), русский язык и литературу, арифметику, геометрию, географию, историю и элементы естествознания» (Кемпфер, 1979: 73-76). Для мусульманских учеников в некоторых школах были введены факультативы по тюркскому языку, а также основы ислама. Русские школы финансировались из государственного

бюджета Российской империи, а также за счёт пожертвований русских купцов, различных обществ и женских благотворительных организаций (Бендриков, 1960: 127). Создавались и специальные профессиональные учебные заведения. Так, в 1894 г. было открыто Ташкентское реальное училище, в 1905 г. – коммерческие училища в Ташкенте и Самарканде, в 1904 г. – Техническое железнодорожное училище при Среднеазиатской железной дороге, Ташкентская низшая сельскохозяйственная школа и др. (Алимова, 2012: 17).

Во времена правления генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана была учреждена Особая комиссия по вопросам народного образования, которая определила стратегию его развития в соответствии с интересами Российской империи (НАУЗ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 45. Л. 15). Основной задачей комиссии было формирование такой системы обучения, которая одновременно способствовала бы колониальным целям и ослабляла влияние ислама на школы для местного населения. В качестве одного из инструментов реализации этой политики предполагалось развитие русско-туземных школ, которые планировалось превратить в перспективе в основной тип начальных учебных заведений для детей коренных народов региона. Русско-туземные школы создавались по инициативе колониальной администрации и имели двуязычную структуру обучения. Обучение велось как на русском, так и на туземном языке (обычно узбекском или таджикском). Русско-туземные школы были направлены на формирование лояльных империи кадров и способствовали продвижению русской культуры (Кемпфер, 1979: 74-75). Как отмечал генерал А.Н. Куропаткин: «Школа – первый институт, через который туземец входит в русскую культуру» (Куропаткин, 1900: 118).

С учётом этнической неоднородности населения Туркестанского края колониальные власти выдвинули идею организации совместного обучения детей различных национальностей, рассматривая это как инструмент постепенной ассимиляции региона (НАУЗ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 7). Параллельно с планами по созданию сети народных училищ рассматривался проект открытия в Туркестанском крае двух гимназий. Их организация должна была обеспечить детям чиновников, служивших в отдалённой области, возможность продолжить обучение в высших учебных заведениях или воспользоваться привилегиями, которые давало среднее образование при поступлении на государственную службу. Приём в гимназии допускался и для детей представителей местной аристократии (НАУЗ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 8). Первая русско-туземная начальная школа была открыта в Самарканде в 1870 г., а аналогичное учреждение в Ташкенте начало работу 19 декабря 1884 г. (НАУЗ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 178. Л. 2). К 1895 г. в городе действовали уже четыре таких школы, а к 1900 г. их число возросло до шести (Бендриков, 1960: 137-139). Колониальные власти нередко прибегали к различным мерам для привлечения учеников: оказывали давление на представителей местной знати или использовали материальные стимулы для малообеспеченных семей. Как правило, в этих школах преобладали русские учащиеся (около двух третей), а доля детей из числа коренного населения составляла примерно треть. Школы выполняли функцию социальной интеграции и контроля над «туземным элементом», одновременно создавая прослойку русскоязычных представителей местной элиты, пригодных для службы в колониальной администрации. Согласно отчёту И.И. Масальского за 1898 г., в Туркестанском крае действовало 91 русско-туземная школа (включая и казахские степные области) с общим количеством учащихся в них более 6 000 человек (Масальский, 1998: 84-89). В письме Туркестанского генерал-губернатора Министру народного просвещения от ноября 1910 г. отмечалось, что в крае насчитывается 382 русско-туземных и русских училища, в том числе в Сырдарьинской области – 146, Ферганской области – 41, Самаркандской области – 33 (НАУЗ. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1207. Л. 2-4). Согласно данным Отчёта Туркестанского генерал-губернатора за 1912 г. и 1916 г., численность и состав учащихся в русско-туземных школах росли. По приведённой в них статистике в 1895 г. насчитывалось 50 школ с 3 200 учениками, в 1912 г. – 230 школ с 17000 учениками (НАУЗ. Ф. 62. Оп. 3. Д. 77. Л. 54-58), к 1916 г. – 310 школ с 22500 учениками (НАУЗ. Ф. 62. Оп. 5. Д. 121. Л. 93-99). Хотя после массовых восстаний 1916 г., прокатившихся по всему Туркестану, русско-туземные школы стали сворачивать свою деятельность. К этому времени в крае насчитывалось всего 100 русско-туземных школ с 2800 учащимися местных национальностей. Но окончили школу в 1916 г. всего лишь 105 детей (Исхаков, 2009: 194). Большинство учащихся русско-туземных школ составляли узбеки, таджики, казахи, киргизы, дунгане, в некоторых районах – туркмены и татары. Удельный вес узбеков превышал 60-70% от общего числа учащихся в большинстве областей (НАУЗ. Ф. 62. Оп. 3. Д. 77. Л. 54-58). Гендерный состав в них был крайне неравным: девочки составляли не более 5-7 % от общего числа учеников, за исключением школ в городах, где при поддержке мусульманских реформаторов (жадидов) открывались классы для девочек (Бендриков, 1960: 136). Программа русско-туземных школ строилась на основе программы русских начальных школ, но с определёнными уступками местной культуре. Обучение велось на русском языке, иногда с элементами татарского или узбекского. По учебной программе этого типа школ в них преподавались: Закон Божий (иногда заменён исламскими началами), чтение, письмо, арифметика, география, история, основы естествознания; в ряде школ вводились занятия по шариату и арабской грамматике (особенно в татарских районах). Школы имели двух- или трёхлетний курс обучения, а в ряде случаев переходили на четырёхлетний (в уездных школах) (Бендриков, 1960: 129-131).

Преподавание в русско-туземных школах осуществляли педагоги, прибывшие из европейской части Российской империи, а также татарские и местные учителя, преимущественно прошедшие обучение в учительских семинариях или мусульманских медресе, а также в некоторых случаях – переводчики и «туземные наставники» с ограниченной педагогической подготовкой. К 1912 г. из общего числа преподавателей около 40 % были русскими, 35 % – татарами, остальные – местными уроженцами (НАУз. Ф. 62. Оп. 3. Д. 77. Л. 61-63). Учителя получали низкое жалованье, от 240 до 360 рублей в год, зачастую с задержками, что снижало мотивацию и качество обучения. Русско-туземные школы финансировались из государственного бюджета, но с активным привлечением средств из местных податей, особенно в городах, пожертвований мусульманских купцов, а иногда – вакуфных фондов, если речь шла об адаптированных жадидских заведениях, и Министерства народного просвещения, которое координировало кадровую и методическую политику (НАУз. Ф. 62. Оп. 5. Д. 121. Л. 94-97). Русско-туземные школы воспринимались двойственно. С одной стороны, для части населения (особенно купцов и чиновников) они открывали путь к социальному росту и службе в администрации, с другой – традиционалисты, особенно духовенство, враждебно относились к этим школам, считая их опасными для исламской идентичности. В то же время жадиды иногда использовали структуру русско-туземных школ как площадку для введения модернизированных элементов в образование (с переходом на усул-и жадид).

На рубеже XIX–XX вв. в Туркестанском крае активно развивались жадидские (просветительские) школы – мактабы нового типа. Жадидизм (от арабского «джадид» – новый) представлял собой движение мусульманских просветителей, которое зародилось среди татар Поволжья и крымских татар в 1880-х гг., а затем распространилось на Среднюю Азию. В Туркестанском крае жадидизм стал интеллектуальным и образовательным движением, направленным на модернизацию традиционного исламского образования, социальное и культурное пробуждение мусульманских народов в условиях колониальной зависимости, ограничение влияния косного духовенства, сопротивлявшегося изменениям. Известные просветители, такие как М. Бехбудий, М. Абдурашидхонов, А. Фитрат, А. Авлоний, И. Ибрат, сыграли ключевую роль в популяризации новых школ и в написании учебных пособий. Жадидские школы (или «мактабы усул-и жадид» – школы нового метода) стали результатом реформаторской деятельности мусульманской интеллигенции. Главной целью этих школ было совмещение традиционного исламского воспитания с элементами светского образования, адаптированного к вызовам модернизации и колониального давления (Султанов, 1997: 73-80). Первый этап становления жадидских школ в Туркестанском крае пришёлся на начало 90-х гг. XIX в., когда представители мусульманской интеллигенции начали активное внедрение новометодного обучения (усул-и жадид) (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 387. Л. 1).

Появление в Самарканде первого мактаба, функционировавшего по новометодной системе (1893 г.), связывается с деятельностью видного педагога и просветителя Исмаилбея Гаспринского, активно занимавшегося образовательными инициативами среди крымскотатарского населения. Архивные материалы указывают, что Гаспринский обращался к властям с предложением провести реформу традиционных мактабов в Туркестане, однако его инициатива не была поддержана. После отказа он, по приглашению местных узбекских просветителей, прибыл в Самарканд и лично занялся организацией нового учебного заведения (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 947. Л. 18). Инспектор народных училищ края Н. П. Остроумов отмечал с удивлением, что человек, не занимавший официальной должности, позволил себе высказывать предложения «по такому важному в русском государственном смысле вопросе», при этом подчёркивая, что «в деле образования инородцев в России нам нужны указания русского члена Министерства народного просвещения, а не инородца татарина, с горячностью отстаивающего неприкосновенность инородческого быта со всеми его особенностями» (Бендриков, 1960: 254). В связи с этим в 1906 г. был утверждён проект «Правил о мусульманских училищах Туркестанского края», который в 1908 г. был доработан и принят в обновлённой редакции. Эти документы содержали специальные положения, регулирующие деятельность новометодных школ. В частности, предусматривалось, что открытие таких учебных заведений допускалось только с разрешения Туркестанского генерал-губернатора на основании представлений от органов учебного управления, и что разрешение даётся только лицам одного с учащимися «рода и племени» по предъявлении удостоверения личности. Татары в качестве учителей не допускались к работе в новометодных школах (Алимова, 2009: 26).

Жадидские школы впервые были открыты в 1898 г. в Коканде Салохуддином домла, в Ташкенте – местным просветителем Ибрат-ходжой, а в 1899 г. это начинание поддержали в Ташкенте Маннон Кори и в Андижане – Шамсиддин домла. Аналогичные школы при поддержке купцов и молодых улемов начали функционировать в Самарканде начиная с 1900 г. по инициативе Юнусходжи Ходжаева, в Андижане – с 1902 г., где одним из основателей выступил Мухаммаджон Шайхзода, а позже – купец Бобоходжаев (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 33. Л. 18-21). В Маргилане в 1904 г. школа нового типа была организована местным муллой Алимхоном и поддерживалась ремесленными гильдиями, что обеспечило её финансирование, в Чирчике в 1905 г. школа была открыта просветителем Абдурашидхоном-авлия (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 33. Л. 9-11). Интересен и пример Шахрисабза, где в 1906 г. школу основал Жалилхон Шариф. Однако уже в 1908 г. под давлением ишанов школа была

закрыта (Султанов, 1997: 109). Эта система образования особенно интенсивно развивалась в крупных городах: Ташкенте, Самарканде, Коканде, Андижане, Хиве, Бухаре, при поддержке торгово-ремесленных кругов, реформаторски настроенных улемов и татаро-башкирской диаспоры, сыгравшей важную методическую и идеологическую роль. В отличие от русско-туземных, жадидские школы формировали национально ориентированную, образованную прослойку мусульманской интеллигенции. Их методы, финансирование и социальная база показывают высокий уровень самоорганизации местных обществ, стремящихся к модернизации вне рамок колониального государства, что настораживало царскую администрацию. В 1908 г. специальная ревизионная комиссия графа Палена обследовала в Ташкенте 12 новометодных школ, в Коканде – 14, Андижане – 5 и Самарканде – 4. В подготовленном отчёте указывалось, что местные реформаторы, «мечтающие путем выработки новых форм жизни вернуть мусульманству его прежнее могущество, обеспечить ему прогресс, возбудить в нем угасшую идею солидарности и единства как политического, так и религиозного, отлично сознают, что для осуществления этих стремлений и планов необходимо вывести мусульманские народы прежде всего из состояния невежества. Поэтому реформаторы мусульманской жизни хотят взять в свои руки школы и надлежащей постановкой учебно-воспитательного дела создать сильных и просвещенных борцов за идеалы» (Бендриков, 1960: 274).

По данным архивных документов, жадидские школы быстро распространялись. В 1900 г. их насчитывалось около 40 школ, в 1908 г. – более 100, к 1914 г. – свыше 220 школ, охватывающих около 9200 учащихся (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 33. Л. 28). В 1910 г. в Ташкенте было открыто уже 24 мактаба, работавших по новометодной системе, с общим числом учащихся 1740 человек (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 955. Л. 195–201). Таким образом, география жадидских школ охватывала все ключевые города Туркестанского края, а открытие каждого учебного заведения сопровождалось борьбой за легитимацию, поиск ресурсов и педагогических моделей. Эти школы стали важным звеном в формировании национальной просвещённой элиты, сочетавшей знания шариата и светских дисциплин, включая основы естественных наук и языков. Школы создавались на средства купцов, вакфов, пожертвований, часто – в частных домах или на специально арендованных помещениях.

Жадидские школы принципиально отличались от традиционных мактабов: обучение велось по звуковому (фонетическому) методу, в отличие от заучивания наизусть в традиционных мактабах, внедрялись новые педагогические методы; преподавались арабская грамматика, чтение, письмо, а также расширенно изучались светские дисциплины – математика, естествознание, история, география, иногда русский язык. Обучение велось как на родном языке (узбекском, таджикском), так и постепенно вводился русский язык. В школах этого типа часто имелись парты, иллюстрированные печатные учебники, глобусы, карты, таблицы, т.е. наглядные пособия стали важной частью нового подхода к обучению. Учащимися школ нового метода преимущественно становились узбеки, татары, таджики и дунгане. Среди них также встречались казахи и туркмены, особенно в смешанных городских районах. Девочки составляли около 8 % всех учащихся к 1914 г., что было значительным шагом для мусульманского общества того времени. В Ташкенте, Самарканде и Андижане открывались специальные классы для девочек, часто по инициативе просвещённых торговцев и духовных лиц (Абдурахимова, 2014: 95–96). Преподавателями в жадидских школах выступали молодые выпускники медресе, получившие дополнительную подготовку по светским дисциплинам, а также татарские учителя, часто сыгравшие роль методологов нового типа обучения. Кроме того, видные просветители края, авторы учебников, такие как Ибрагимов, Махмудходжа Бехбудий, были одновременно и педагогами. Многие преподаватели были двуязычными, что позволяло им вводить в программу русский язык – важный для продвижения по службе в условиях империи (Khalid, 1998: 210–215). Новометодные школы воспринимались как альтернатива русско-туземным и традиционным мактабам. Жадиды рассматривали образование как инструмент национального возрождения, модернизации и духовной защиты от колониального давления. Противники новометодных школ в лице исламского традиционалистского духовенства (улемы, ишаны) критиковали школы за «отступление от шариата» и «татаризацию». Новометодные школы финансировались не из бюджета, а за счёт добровольных пожертвований местных купцов, особенно из среды духовной и торговой элиты, вакуфных доходов (религиозных фондов) и самообложения родителей, а иногда – сборов с торговых гильдий или ремесленных корпораций. Показательно, что власти не запрещали напрямую эти школы, но и не поддерживали их финансированием (НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 40. Л. 12–15). Колониальная администрация, с одной стороны, поддерживала реформы как средство стабилизации региона, с другой – через школы ограничивала чрезмерное распространение национального самосознания.

5. Заключение

Образовательная система Туркестанского края конца XIX – начала XX в. претерпела глубокую трансформацию, став ареной взаимодействия и конфликта традиционных исламских форм обучения, колониальной политики Российской империи и местных реформаторских инициатив. Под влиянием новых социально-политических условий, изменений в структуре общества, а также вызовов глобальной модернизации, в регионе сложилась многоуровневая и плюралистическая модель

образования, отражающая сложность колониального общества. Система традиционного исламского образования (мактабы и медресе), несмотря на устойчивость и широкое распространение, начала постепенно утрачивать монополию на образовательный процесс. Эти учреждения сохраняли религиозный и моралистический уклон, ориентируясь на формирование духовенства, однако они не могли предложить навыков, востребованных в новых административных и экономических структурах империи. Введение русско-туземных школ стало важнейшим инструментом колониальной интеграции региона в общероссийское культурное и административное пространство. Эти школы формировали лояльные кадры, владеющие русским языком и светскими знаниями, и были призваны способствовать русификации.

Однако среди мусульманского населения отношение к этим учреждениям было неоднозначным – от интереса и прагматической пользы до настороженности и скрытого сопротивления. Жадидские (новометодные) школы, возникшие как попытка модернизации исламского образования изнутри, продемонстрировали гибкость и адаптивность мусульманской интеллигенции. В них сочетались национальная идентичность, светские знания и религиозные ценности. Жадидизм стал формой культурной мобилизации и ответом на вызовы колониальной реальности, закладывая основы будущего национального движения. Новометодные школы стали важной площадкой формирования новой общественной элиты и национальной интеллигенции. Гендерные сдвиги в образовании, в частности, рост числа учащихся-девочек, особенно в жадидских школах, свидетельствуют о постепенном размывании патриархальных барьеров и начале социального переосмысления роли женщин в мусульманском обществе. В целом, трансформация образования в Туркестане отражала сложную и противоречивую динамику модернизации в колониальном контексте: с одной стороны – усилия империи по культурной ассимиляции и управлению, с другой – внутренние импульсы мусульманского общества к обновлению, выживанию и развитию в новых условиях.

Таким образом, рубеж XIX–XX вв. стал поворотным этапом в образовательной истории Туркестанского края, на котором столкнулись три вектора: традиция, имперская колонизация и реформаторское национально-культурное возрождение. Их взаимодействие определяло содержание, формы и цели просвещения в регионе. Образование становилось не только сферой культурной политики, но и ареной социокультурной мобилизации, борьбы за идентичность и модернизацию. Проведённое исследование показывает, что именно на этом этапе были заложены основы для дальнейших трансформаций, осуществлённых уже в советское время, а также для постсоветского обращения к образовательному наследию прошлого. Колониальный период, при всей своей противоречивости, сыграл важную роль в формировании нового образовательного ландшафта Центральной Азии.

Литература

- [Абдурахимова, 2014](#) – *Абдурахимова Н.А.* Социальная история Туркестанского края: вопросы образования и модернизации. Ташкент, 2014. 245 с.
- [Алимова, 2009](#) – *Алимова Д.А.* История как история, история как наука. Том II: Феномен жадидизма. Ташкент, 2009. 170 с.
- [Бартольд, 1963](#) – *Бартольд В.В.* Очерки по истории Средней Азии. М., 1963. 374 с.
- [Бендриков, 1960](#) – *Бендриков К.Е.* Очерки по истории народного образования в Туркестане. М., 1960. 512 с.
- [Гейер, 1908](#) – *Гейер И. И.* Весь Русский Туркестан. Ташкент, 1908. 308 с.
- [Исламов, 2001](#) – *Исламов Х.* История просвещения в Средней Азии. Самарканд, 2001. 287 с.
- [Исхаков, 2009](#) – *Исхаков Ф.И.* Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917 гг.). Ташкент, 2009. 223 с.
- [Кемпфер, 1979](#) – *Кемпфер Е.* Российская школа в Средней Азии. Л., 1979. 174 с.
- [Куропаткин, 1900](#) – *Куропаткин А.Н.* Задачи русской политики в Средней Азии. СПб., 1900. 275 с.
- [Масальский, 1898](#) – *Масальский И.И.* Отчет о состоянии народных школ в Туркестане. Ташкент, 1898. 127 с.
- [Наливкин, 1913](#) – *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. 144 с.
- [НАУз](#) – Национальный архив Узбекистана.
- [Остроумов, 1899](#) – *Остроумов Н.П.* Мусульманские школы и русское влияние. Ташкент, 1899. 144 с.
- [Пален, 1910](#) – *Пален К. К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. «Учебное дело». СПб., 1910. 254 с.
- [Проект всеподданнейшего..., 1885](#) – Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 гг. СПб., 1885. 503 с.
- [Радлов, 1887](#) – *Радлов В. В.* Очерки по этнографии Туркестанского края. СПб., 1887. 155 с.
- [Султанов, 1997](#) – *Султанов Р.* Жадидизм в Средней Азии. Ташкент, 1997. 265 с.

- Allworth, 1990 – Allworth E. The Modern Uzbeks: From the Fourteenth Century to the Present. Stanford, Hoover Press, 1990. 456 p.
- Becker, 2004 – Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. London, 2004. 382 p.
- Gabrielyan et al., 2025 – Gabrielyan S.I., Urakov D.J., Khaynazarov B.B., Otarbaeva G.R. “The Ili Problem” in the context of the Turkestan Governorate-General's policy // *Bylye Gody*. 2025. 20(2): 880-892.
- Khalid, 1998 – Khalid Adeeb. The Politics of Muslim Cultural Reform. Berkeley: University of California Press, 1998. 370 p.
- MacKenzie, 1999 – MacKenzie. Turkestan's Significance. Education print. London, 1999. 532 p.
- Uraikov et al., 2024 – Uraikov D.J., Gabrielyan S.I., Khaynazarov B.B. The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century // *Bylye Gody*. 2024. № 19(2). Pp. 750-762.
- Wheler, 1975 – Wheler G. The Russian Presence in Central Asia // *Canadian Slavonic Papers*. Vol. 17. 2-3. Seton-Watson., Ottawa. 1975.

References

- Abdurakhimova, 2014 – Abdurakhimova, N.A. (2014). Sotsialnaya istoriya Turkestanskogo kraia: voprosi obrazovaniya i modernizatsii [Social history of the Turkestan region: issues of education and modernization]. Tashkent, 245 p. [in Russian]
- Alimova, 2009 – Alimova, D.A. (2009). Istoriya kak istoriya, istoriya kak nauka. Tom II: Fenomen djadidizma [History as History, History as Science. Volume II: The Phenomenon of Jadidism]. Tashkent, 170 p. [in Russian]
- Allworth, 1990 – Allworth, E. (1990). The Modern Uzbeks: From the Fourteenth Century to the Present. Stanford, Hoover Press, 456 p.
- Bartold, 1963 – Bartold, V.V. (1963). Ocherki po istorii Sredney Azii [Essays on the history of Central Asia]. Moskva, 374 p. [in Russian]
- Becker, 2004 – Becker, S. (2004). Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. London, 382 p.
- Bendrikov, 1960 – Bendrikov, K.Ye. (1960). Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestane [Essays on the history of public education in Turkestan]. Moskva, 512 p. [in Russian]
- Gabrielyan et al., 2025 – Gabrielyan, S.I., Urakov, D.J., Khaynazarov, B.B., Otarbaeva G.R. (2025). “The Ili Problem” in the context of the Turkestan Governorate-General's policy. *Bylye Gody*. 20(2): 880-892.
- Geyer, 1908 – Geyer, I.I. (1908). Ves Russkiy Turkestan [All Russian Turkestan]. Tashkent, 308 p. [in Russian]
- Iskhakov, 2009 – Iskhakov, F.I. (2009). Natsionalnaya politika tsarizma v Turkestane (1867–1917 gg.). [National policy of tsarism in Turkestan (1867–1917)]. Tashkent, 223 p. [in Russian]
- Islamov, 2001 – Islamov, Kh. (2001). Istoriya prosvesheniya v Sredney Azii [History of education in Central Asia]. Samarkand, 287 p. [in Russian]
- Kempfer, 1979 – Kempfer, E. (1979). Rossiyskaya shkola v Sredney Azii [Russian school in Central Asia]. Leningrad, 174 p. [in Russian]
- Khalid, 1998 – Khalid Adeeb. The Politics of Muslim Cultural Reform. Berkeley: University of California Press, 370 p.
- Kuropatkin, 1900 – Kuropatkin, A.N. (1900). Zadachi russkoy politiki v Sredney Azii [The tasks of Russian policy in Central Asia]. Sankt-Peterburg, 275 p. [in Russian]
- MacKenzie, 1999 – MacKenzie. Turkestan's Significance. Education print. London, 532 p.
- Masalskiy, 1898 – Masalskiy, I.I. (1898). Otchet o sostoyanii narodnix shkol v Turkestane [Report on the state of public schools in Turkestan]. Tashkent, 127 p. [in Russian]
- Nalivkin, 1913 – Nalivkin, V.P. (1913). Tuzemsi ranshe i teper. [Natives then and now]. Tashkent. 144 p. [in Russian]
- NAUz – Natsionalniy arxiv Uzbekistana [National Archives of Uzbekistan].
- Ostroumov, 1899 – Ostroumov, N.P. (1899). Musulmanskiye shkoli i russkoye vliyaniye [Muslim Schools and Russian Influence]. Tashkent, 144 p. [in Russian]
- Palen, 1910 – Palen, K.K. (1910). Otchet po revizii Turkestanskogo kraia. «Uchebnoe delo» [Report on the audit of the Turkestan region. “Uchebnoe delo”]. Sankt-Peterburg, 254 p. [in Russian]
- Proekt vsepoddanneishego..., 1885 – Proekt vsepoddanneishego otcheta general-adyutanta K.P.Kaufmana po grazhdanskomu upravleniyu i ustroystvu v oblastiakh Turkestanskogo general gubernatorstva. 7 noyabrya 1867-25 marta 1881 gg. [Draft of the humblest report of Adjutant General K.P. Kaufman on civil administration and organization in the regions of the Turkestan General Governorate. November 7, 1867 – March 25, 1881]. Sankt-Peterburg, 1885. 503 p. [in Russian]
- Radlov, 1887 – Radlov, V.V. (1887). Ocherki po etnografii Turkestanskogo krai [Essays on the ethnography of the Turkestan region]. Sankt-Peterburg, 155 p. [in Russian]
- Sultanov, 1997 – Sultanov, R. (1997). Jadidizm v Sredney Azii. [Jadidism in Central Asia]. Tashkent, 265 p. [in Russian]

Urakov et al., 2024 – Urakov, D.J., Gabrielyan, S.I., Khaynazarov, B.B. (2024). The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century. *Bylye Gody*. 19(2): 750-762.

Wheler, 1975 – Wheeler G. The Russian Presence in Central Asia. *Canadian Slavonic Papers*. 17. 2-3. Seton-Watson., Ottawa.

Трансформация системы образования Туркестанского края конца XIX – начала XX в.

Юлдуз Алимовна Эргашева ^{a, *}, Оксана Аликуловна Рахмонкулова ^b,
Уктамжон Шералиевич Абдуллаев ^c, Фахриддин Уралович Самаров ^d

^a Каршинский государственный технический университет, Карши, Республика Узбекистан

^b Каршинский государственный университет, Карши, Республика Узбекистан

^c Азиатский университет технологий, Карши, Республика Узбекистан

^d Каршинский международный университет, Карши, Республика Узбекистан

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые изменения в системе образования Туркестанского края в конце XIX – начале XX в. Особое внимание уделено трансформации традиционных мусульманских учебных заведений (мактабов и медресе), распространению новометодных школ (усул-и жадид) и становлению русско-туземных образовательных структур. Освещаются вопросы участия девочек в образовательном процессе и этническая структура учащихся. Отдельный акцент сделан на формировании сети светских учебных заведений. В результате проведённого анализа установлено, что образовательная сфера региона пережила значительные изменения, став ареной взаимодействия и соперничества между колониальной администрацией Российской империи, мусульманскими реформаторскими движениями (жадидами) и традиционными религиозными институтами. Новометодные школы стали важным элементом модернизации мусульманских общин и впервые обеспечили доступ девушек к светскому образованию, что ознаменовало глубокие социальные сдвиги. Анализ национального состава учащихся выявил значительное участие узбеков, татар, таджиков, казахов и представителей других этносов, что свидетельствует о начале формирования общерегионального мусульманского образовательного пространства. В работе использованы архивные документы, статистические отчёты и труды отечественных и зарубежных исследователей. Приведены количественные данные о числе учебных заведений, учащихся, преподавателей и национально-гендерном составе. В статье показано, что образовательные реформы в Туркестанском крае стали частью более широкого процесса модернизации Средней Азии и подготовки новой национальной интеллигенции, сыгравшей ключевую роль в последующих политических и культурных преобразованиях региона.

Ключевые слова: Туркестанский край, образование, жадидизм, мактабы, медресе, русско-туземные школы, женское образование, национальный состав, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

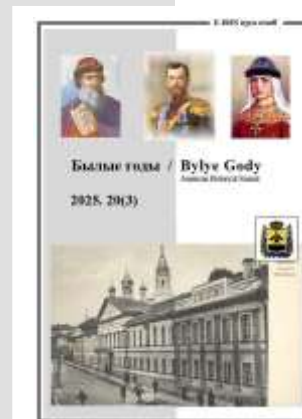
Адреса электронной почты: yuae63@gmail.com (Ю.А. Эргашева),
oksanarahmonkulova@gmail.com (О.А. Рахмонкулова), uktamabdullayev712@gmail.com
(У.Ш. Абдуллаев), samarovfahriddin07@gmail.com (Ф.У. Самаров)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1369-1379
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1369

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Grammar School Education under the Last Emperor of Russia Nicholas II

Alexey A. Fatyanov ^{a, *}, Nikolay A. Mashkin ^a, Andrey V. Losyakov, Anna V. Filippova ^a

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article examines the development of gymnasium education, both for men and women, under the last Emperor of the Russian Empire, Nicholas II. It provides quantitative indicators of literacy among the population and those with education. The article identifies the reasons that led to the reform of secondary education in the early 20th century. In addition to the general characteristics of the changes that took place in the field of education during this period, and the main areas of focus, the authors examine the educational process, changes in curricula, the procedure for passing exams, the transfer from lower to higher grades, the procedure for admission of graduates of gymnasiums to higher educational institutions, the list of documents required for admission to universities, and the powers of pedagogical councils. Special attention is given to the procedure for appointing teachers in gymnasiums. The study covers both public and private gymnasiums. The changes that occurred in the educational process and their relationship to changes in the curriculum are noted.

Keywords: gymnasiums, gymnasium education, education under Nicholas II, the Ministry of Public Education, teachers, and academic disciplines in the early 20th century.

1. Введение

Современные реалии жизни постоянно ставят вопросы о качестве образования, об уровне подготовки школьных выпускников. Как и сегодня, образование в последнее двадцатилетие Российской империи было одной из самых обсуждаемых тем в отечественной периодике, художественной литературе, в среде родителей обучаемых (Иванов, 1999: 22). Отмечалось определённое падение качества среднего образования по сравнению с расцветом классического гимназического образования 1860–1870 гг. Такое падение, прежде всего, было связано с контрреформами Александра III, предполагавшими контроль над учебными заведениями и закрывающими доступ к образованию для лиц низших сословий. Анализ развития школьного образования, изменений организации учебного процесса, попытки его реформирования в последний период существования Российской империи являются актуальными в настоящее время, вызывают научный интерес и дают возможность оценить результаты тех или иных предпринимаемых направлений реформирования среднего образования конца XIX – начала XX в., что безусловно способно принести пользу и для осмысления проблем современной системы образования.

Представленная работа является логическим продолжением уже опубликованной ранее статьи «Развитие гимназического классического образования во второй половине XIX века: опыт прошлого для настоящего» в журнале «Былые годы» № 19 (3) за 2024 год.

2. Материалы и методы

Основными источниками исследования выступили неопубликованные архивные материалы Центрального государственного архива города Москвы (ЦГАМ) (Москва, Российская Федерация),

* Corresponding author

E-mail addresses: Fatyanov.AA@rea.ru (A.A. Fatyanov), Mashkin.N.A.@rea.ru (N.A. Mashkin), Losyakov.AV@rea.ru (A.V. Losyakov), Filippova.AV@rea.ru (A.V. Filippova)

в частности, фонд 371 – 1-я московская мужская гимназия и фонд 459 – Канцелярия Попечителя Московского учебного округа, г. Москва.

При проведении исследования использовались следующие методы: исторический, системный, статистический, методы анализа и синтеза.

Исторический метод способствовал возможности рассмотреть хронологическую последовательность основных изменений в сфере образования конца XIX – начала XX в. Кроме того, с помощью данного метода была выявлена взаимосвязь между политическими процессами и реформированием образовательного процесса в период правления Николая II. Системный метод позволил получить новые знания в системе развития среднего образования в последнее двадцатилетие Российской империи. Он помог определить взаимосвязи и взаимодействие между гимназическим образованием и университетским образованием. Наряду с исследованием непосредственно среднего образования, отдельное внимание было уделено подготовке учителей, требованиям к ним и порядку приёма в университеты выпускников средних учебных заведений. Использование статистического метода помогло выявить качественные и количественные показатели в гимназическом образовании, в частности, количество лиц, имеющих образование на начало XX в., количество уроков, предметов и экзаменов в средних учебных заведениях, изменения качества образования при различных министрах народного просвещения. Посредством анализа исследованы отдельные составляющие и явления сферы образования в данный хронологический период. Такими составляющими стали отдельные нормативные документы об образовании, учебные предметы, рабочие программы дисциплин, сетки расписания гимназий, предоставляемые абитуриентами в университет документы и документы, предоставляемые кандидатами на должность учителя, отдельные показатели образовательного процесса. Метод синтеза использовался для обобщения аналитических данных, полученных в ходе исследования, что отразилось в сформулированных выводах о проведённой научной работе.

3. Обсуждение

В своём большинстве научные работы, касающиеся заявленного хронологического периода, ставили своей целью исследование образования со стороны политической парадигмы, не углубляясь во внутренние изменения учебных планов, программ и дисциплин. Однако всё же стоит отметить некоторые, по нашему мнению, наиболее важные из них. В XIX в. появились первые крупные исследования, посвящённые истории русского среднего образования, где авторы впервые описали процесс возникновения и становления отечественных гимназий. В дореволюционной историографии особенно стоит отметить работу С.В. Рождественского, который рассматривает деятельность Министерства народного просвещения за 100 лет – с 1802 по 1902 г. В его труде, основанном на архивных документах, исследуется законодательство, биографии руководителей министерства, финансирование образования. В том числе затрагивается и период первых изменений в образовании на начало царствования Николая II (Рождественский, 1902: 711-732). Достаточно подробно процесс проведения уроков, методические рекомендации, критический взгляд на некоторые аспекты среднего образования приводит в своей работе А.В. Клоссовский (Клоссовский, 1904: 1-62). Аналогичная работа в 1908 г. выходит у А.Ф. Гартвига, дополненная личными впечатлениями и воспоминаниями (Гартвиг, 1908: 83-95). В работах Н.И. Кареева и С.И. Любомудрова особое внимание уделялось вопросу подготовки педагогических кадров, анализировалось положение учителя и его статус в дореволюционной России (Кареев, 1916: 389-399; Любомудров, 1898: 3-34).

В советское время в историографии общего среднего образования в конце XIX – начале XX в. появилось много монографий, коллективных исследований. В них рассматривалась социально-государственная направленность гимназического образования, выделялись роль и место гимназии в системе народного образования, была дана общая характеристика учебно-воспитательной деятельности. В этот период стоит выделить работу Н.А. Константинова, который рассматривал историю реформирования реальных училищ и гимназий, а также возникающие на этом фоне дискуссии в обществе и государстве, начиная с конца XIX в. и до Февральской революции 1917 г. (Константинов, 1947: 3-245). Также стоит отметить работу Ш.И. Ганелина, где он исследует вопросы законодательства гимназического образования с 60-х гг. до конца XIX в. Проводит анализ учебно-методической практики и педагогического процесса (Ганелин, 1950: 3). Проблеме воспитательных аспектов гимназического образования в исследуемый период в советской историографии была посвящена работа А. Ю. Гордина (Гордин, 1971: 10-16). Стоит отметить и советского автора С.Ф. Егорова, который в рамках педагогических исследований затрагивал вопросы устройства и функционирования гимназий в дореволюционной России (Егоров, 1978: 22-36).

Среди современных авторов можно выделить учёного Д.Л. Сапрыкина, который в своей монографии «Образовательный потенциал Российской империи» особое внимание уделяет периоду царствования Николая II и его образовательной политике. Автор отмечает, что именно в период правления Николая II была сформирована «школьная сеть» и созданы необходимые организационные и материальные условия для осуществления и развития всеобщего образования (Сапрыкин, 2009: 103-104). Профессор В.Г. Горохов, исследовавший содержание реформ образования конца XIX – начала XX в. и отношение к ним как современных исследователей, так и видных представителей той эпохи, в большей

мере касался вопроса университетского образования, рассматривая образование в гимназиях в качестве подготовительной ступени к поступлению в университет (Горохов, 2010: 147-154). А.И. Любжин предпринял попытку анализа различий во мнениях относительно существовавшей в указанный период системы классического гимназического образования, в результате которой сделал предположение о возможной односторонности современного восприятия гимназического образования конца XIX в. (Любжин, 2008: 256). Интерес вызывает исследование Э.Д. Днепров, проведённое на основе анализа материалов Особого совещания по делам дворянства, в котором автор обосновывает причины инициирования именно дворянским сословием реформ средней школы конца XIX в. (Днепров, 2008: 238-253). Вместе с тем А.Н. Рыжов насчитывает по крайней мере три группы дворянства, исходя из их предпочтений в области образования, подчёркивая тем самым различия мотивов к инициированию реформ в едином дворянском сословии (Рыжов, 2009: 256).

В научной исторической литературе представлены результаты исследований, хотя и охватывающих вопросы реформирования гимназического образования при императоре Николае II, однако они выступают как один из уровней и этапов развития дореволюционной системы образования в целом. В числе таких исследований можно отметить работу А.Л. Андреева, в которой автор обосновывает, что причиной происшедших преобразований системы образования в исследуемый нами период стал общественный запрос, послуживший «подлинным началом культурной революции» (Андреев, 2017: 158-164).

Таким образом, данная тема ещё нуждается в детальном изучении, и представленная научная статья могла бы дополнить знания об истории российского образования в целом и в исследуемый период в частности.

4. Результаты

Конец XIX в. в истории России характеризовался крупными изменениями в экономической, политической и культурной жизни страны, а также возросшим вниманием к проблемам образования и воспитания. Проводимые в XIX в. реформы среднего образования подвергались резкой критике различных слоёв общества. Особенно это ярко выразилось при министре народного просвещения Д.А. Толстом (1866–1880 гг.) и его идейных преемниках, в частности, И.Д. Делянове (1882–1897 гг.).

На основе данных Первой всеобщей переписи населения 1897 г. можно составить представление о численности людей, имевших образование выше начального уровня – всего 1,3 млн. человек, что составляло 1,1 % населения страны. При этом отмечается неравномерное распределение образованных людей по территории Российской империи – в национальных окраинах страны почти всё население было неграмотным (Маркова, 2020: 72). В то же время уровень грамотности населения Центральной России в целом также был очень низким – чуть более 21 % (Морозов, 2011: 43). Показатель грамотности среди женского населения был как минимум в 2 раза ниже по сравнению с этим показателем среди мужчин, несмотря на активную практику открытия женских гимназий с середины XIX в. (Хабалева, 2017: 109).

В классических гимназиях в конце XIX в. были введены сословные ограничения, затрудняющие доступ в них детей разночинцев, купцов и мещан. Особенно этому способствовал документ, вошедший в историю как «циркуляр о кухаркиных детях». Изданный министром народного просвещения, указанный акт, фактически носящий характер инструкции, возлагал на попечителей учебных заведений обязанность привести контингент учащихся учебных заведений к такому составу, который практически исключал бы детей низших сословий. Достижению этой цели способствовало также резкое повышение платы за обучение. Всё перечисленное способствовало тому, что к концу XIX в. доля дворян в составе учащихся гимназий ведомства просвещения составила более 50 % (Смотров, 2003: 15).

Однако сохранялась практика стипендий для беднейших учеников. Стипендиальный капитал часто вкладывался в государственные ценные бумаги, гарантированные правительством на вечные времена, и хранился в местном казначействе. Выбор стипендиатов принадлежал попечителю или попечительскому совету по согласованию с педагогическим советом. Избранный стипендиат пользовался стипендией всё время своего обучения, начиная с 1-го класса, при условии отличной успеваемости (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 5. Д. 270. Л. 14-15).

В дополнение ко всему, в памяти общества и государства ещё оставалась свежей картина трагических обстоятельств смерти Александра II. И органы власти заботились о пресечении новых волнений среди населения. При поступлении в университеты с выпускников гимназий требовали различные поручительства, а иногда и документы из полиции.

Так, например, в Императорский Санкт-Петербургский университет принимались следующие лица:

- Окончившие полный курс гимназического образования (8 классов) в гимназиях Санкт-Петербургского учебного округа или проживающие в губерниях этого округа, одобрителное поведение которых будет засвидетельствовано руководством гимназии;

- Окончившие курс с аттестатом зрелости в гимназиях других учебных округов, если руководством гимназии будет представлено поручительство об отличном нравственном поведении этих лиц;

– Студенты других высших учебных заведений, имеющие аттестат зрелости при переводе (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 471. Л. 83).

Лица иудейского вероисповедания принимались с таким расчётом, чтобы их число составляло не более 3 % от общего числа лиц, поступивших в университет (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 471. Л. 83).

Поступающие представляли документы:

- Гимназический аттестат зрелости;
- Метрическое свидетельство о времени рождения и крещения (если христианского вероисповедания);
- Документы о состоянии, к которому проситель принадлежит по своему происхождению, а если он – лицо податного состояния, то увольнительное свидетельство от общества;
- Свидетельство о приписке к призывному участку по отбыванию воинской повинности (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 471. Л. 83).

Абитуриенты, которые окончили гимназии не в тот год, в который поступали, должны были представить свидетельство от полиции той местности, в которой они проживали, о безукоризненном поведении (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 471. Л. 83).

Выявленные политически неблагонадёжные студенты, которые уже обучались в университетах, подлежали отчислению, о чём сообщалось Министерством народного просвещения попечителям учебных округов. Такие лица в будущем не могли быть восстановлены в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения и заниматься педагогической деятельностью (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 465 Л. 26). Эти ограничения распространялись и на выпускников высших учебных заведений, а также на лиц, имеющих звание сельской учительницы или домашней наставницы (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 465 Л. 28).

Постепенно в обществе сформировалось осознание несоответствия деятельности средней школы потребностям социально-экономического развития страны. Показатели уровня грамотности населения России со всей очевидностью демонстрировали необходимость разработки комплекса мероприятий государственных и общественных органов в сфере народного просвещения, что и было реализовано (Маркова, 2007: 18).

По указанной причине в 1897 г. министерством были разработаны «примерные программы предметов, преподаваемых в начальных народных школах», включавшие Закон Божий, церковнославянский и русский языки, арифметику и чистописание.

В мужских и женских гимназиях на 1897-1898 учебный год обучение осуществлялось 6 дней в неделю от 4 до 5 уроков в день. В 1-м классе по 4 урока каждый день (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 490. Л. 10). В каждом классе предполагалось до 40 человек учеников (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 745. Л. 5-8).

Частные гимназии осуществляли свою деятельность по тем же правилам, что и государственные. Ученики 4 класса частных гимназий должны были подвергаться испытаниям по всем предметам, пройденным в низших четырёх классах правительственных гимназий, и притом в полном объёме курса всех классов, установленных учебными планами и программами 1890 г. Окончившие 6 класс аналогично указанной выше процедуре подвергались испытаниям за 5 и 6 классы (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 459. Л. 122).

Выпускники частных гимназий, для получения права на поступление в университет, должны были получить по окончании гимназии свидетельство, которое выдавалось только после сдачи экзаменов (Fatyanov et al., 2024: 1364-1372).

В 1898 г. министром народного просвещения становится Н.П. Боголепов, который находился в данной должности до 1901 г. Назначение нового министра стало основанием ожидать реформирования сложившегося положения дел в области образования. Инициатива их проведения исходила от дворянского общества, которое даже обратилось с ходатайством к императору о проведении реформы школьного образования, обосновывая её необходимость слишком завышенными требованиями к учащимся, которых они в большинстве своём выполнять в силу возраста и способностей не в состоянии (Позднев, 2017: 104). Тем временем сам Н.П. Боголепов видел в числе существенных причин кризиса среднего образования недостаточный уровень подготовки учительских кадров, которые в силу отсутствия достаточной численности и квалифицированности не могли обеспечить на должном уровне методическую помощь ученикам в изучении дисциплин и сформировать у них навыки самостоятельного мышления. Поэтому дальнейшее совершенствование системы среднего образования было направлено в большей степени на решение проблемы отбора педагогических кадров, нежели на состав преподаваемых дисциплин.

Действующее законодательство того времени предусматривало двоякий способ избрания и назначения учителей. Избрание производилось или непосредственно самим попечителем учебного округа, или же директором учебного заведения, который представлял избранное им лицо попечителю на утверждение. С 1898 г. в Московском учебном округе начинает практиковаться преимущественно второй способ назначения учителей. Практика назначения предполагала следующую процедуру. В канцелярии учебного округа заводились две книги о кандидате на учительскую должность. В первой книге содержались следующие сведения о кандидате:

- ФИО;

- Дата рождения;
- Вероисповедание;
- Принадлежность к сословию;
- Среднее и высшее учебное заведение, которое окончил;
- Учёная степень (при наличии);
- Литературные труды (при наличии);
- Место работы, которое желает получить;
- Рекомендательные письма о нём (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 503. Л. 62-63).

Другая книга заводилась для записи в неё лиц, желающих перевестись для работы из одного учебного заведения в другое. В этой книге находились сведения о службе лица и обозначение того места, куда оно желает перевестись. Для поступающих на работу впервые требовалась также автобиография в двух экземплярах. Краткие списки лиц, включённых в первую и вторую книги, периодически рассылались начальникам средних учебных заведений и помещались в циркулярах учебного округа (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 503. Л. 62-63).

Лица, впервые поступившие на преподавательскую должность, назначались попечителем на 4 месяца испытательного срока. В течение испытательного срока молодые учителя подвергались усиленному контролю со стороны директора, доказывая на деле свою способность к педагогической деятельности. Директор не только лично посещал учебные занятия молодого преподавателя, но и требовал от него разработку и представление составленных в письменной форме планов уроков с подробным распределением учебного материала на предстоящий месяц, рассматривал и обсуждал эти планы совместно с педагогическим советом. Кроме того, директор осуществлял также общее наблюдение за молодым учителем. К окончанию испытательного срока о деятельности молодого учителя составлялся письменный отчёт, который сам директор представлял в управление округа. Примечательно, что в отчёте должна была содержаться информация не только о действиях молодого учителя, но и о том, каким образом осуществлялись руководство и контроль за его деятельностью со стороны учебного заведения в лице директора. В конце отчёта директор делал заключение о профессиональной компетентности и нравственных качествах учителя, что являлось основанием для дальнейшего ходатайства об утверждении кандидата в учительской должности или об освобождении его от этой должности (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 503. Л. 62-63).

В 1898 г. правительство по инициативе Н. П. Боголепова создало «комиссию по улучшению средней школы». Среди вопросов, которыми она занималась, стоял вопрос о подготовке учителей для средней школы.

Комиссии удалось выявить в качестве недостатка, оказывающего негативное влияние на уровень учебной деятельности, факт отсутствия специальной подготовки учительских кадров, то есть при наличии профессиональных знаний в преподаваемых дисциплинах учителя не имели специальных педагогических навыков. Таким образом, уровень педагогической пригодности приходилось устанавливать уже в процессе практической деятельности учителя, что создавало для руководства учебных заведений дополнительную проблему (Маркова, 2020: 71-75).

Однако проектам Н. П. Боголепова не суждено было осуществиться. Он не успел претворить в жизнь ни одной серьёзной программы, так как 14 февраля 1901 г. был тяжело ранен студентом П.В. Карповичем и вскоре скончался.

После смерти Н.П. Боголепова министры народного просвещения сменялись один за другим – П.С. Ванновский, Г.Э. Зенгер, В.Г. Глазов. Они начинали различные реформы в системе школьного образования, но ни одна из этих реформ так и не была полностью притворена в жизнь.

Вместе с тем можно отметить некоторые изменения, касающиеся учебного плана. Так, в 1901 г. в школьный учебный план был возвращён курс естествознания.

Лица, которые хотели стать учителями по этому предмету, в зависимости от степени полученного ими образования, подвергались полному, сокращённому испытанию или освобождались от испытания. Так, претенденты, имеющие аттестат об окончании полного курса в гимназиях мужских и женских, а также прошедшие не менее 4-х классов в гимназиях и реальных училищах, подвергались полному (письменному и устному) испытанию только по всем естественно-историческим предметам в объёме курса 7 классов реальных училищ. Претенденты, не прошедшие 4 класса гимназий и реальных училищ, кроме испытания по всем естественноисторическим предметам в объёме курса 7 классов реальных училищ, должны были ещё подвергаться испытаниям по общим предметам в объёме курса уездного училища и вспомогательной географии в объёме курса 4 классов гимназий. Испытания проходили при физико-математических факультетах университета. Кроме этого, испытуемые должны были уметь обращаться с микроскопом и производить первоначальные физические и химические опыты (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 671. Л. 2-3).

Лица мужского пола, окончившие курс университета по отделению естественных наук и другие высшие учебные заведения с таким курсом, могли по распоряжению министра народного просвещения стать учителями без испытаний, если признавались достаточно подготовленными для преподавательской деятельности. Такое же правило действовало и для женщин (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 671. Л. 2-3).

В ноябре 1905 г. министром народного просвещения был назначен И. И. Толстой (1905–1906 гг.), предпринявший ряд мер к оздоровлению обстановки в сфере образования.

В период его полномочий были существенно расширены права педагогических советов. Этому способствовали и изменения в государственном управлении в целом после Манифеста от 17 октября 1905 г. (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 668. Л. 21–22).

22 декабря 1905 г. принимается решение, облегчившее прохождение итоговых экзаменов для выпускников гимназий и экстернов, которые были освобождены от экзамена по греческому языку, если греческий язык не относился к числу обязательных предметов.

22 февраля 1906 г. И.И. Толстой, согласно ст. 9 раздела II Положения Комитета министров, вводит временные правила для низших и средних учебных заведений в преподавании Закона Божьего для лиц других вероисповеданий.

Указанные правила предполагали следующее:

- Обучение Закону Божьему вводилось по желанию родителей и опекунов учащихся;
- Обучение проводилось на родном языке в соответствии с заявлением родителей или опекунов;
- При принадлежности учащихся к разным народностям происходило разделение их в зависимости от языковой группы;
- Обучение проходило по программам и учебникам, одобренным духовным руководством (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 668. Л. 5).

Преподавание поручалось духовным лицам соответствующего вероисповедания и только при их отсутствии – светским учителям того же вероисповедания (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 668. Л. 5).

18 марта 1906 г. окончившим курс реальных училищ было разрешено поступать в университет после сдачи экзамена только по латинскому языку. Так, например, Санкт-Петербургский женский медицинский университет требовал от поступающих прохождение испытания только по латинскому языку (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 459. Л. 166).

К испытаниям в университете допускались лица женского пола не моложе 16 лет, имеющие звание домашней учительницы, приобретённое после окончания курса в женском учебном заведении. Испытания по латинскому языку проходили в мужских гимназиях с 1 сентября по 1 мая в особых заседаниях педагогического совета или комиссии из нескольких членов. Выдержавшим испытание выдавалось свидетельство со словами «удовлетворительно» или «весьма удовлетворительно». Абитуриенты, не прошедшие испытание, могли подвергнуться ему вновь не ранее чем через 6 месяцев после прошедшего экзамена. Экзаменационное испытание могло повторяться через указанный промежуток времени не более трёх раз (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 459. Л. 166).

Окончившим курс гимназий или реальных училищ, желающим повысить свои отметки для поступления в высшие учебные заведения, приём в которые производился по конкурсу аттестатов, разрешено было подвергаться повторным испытаниям по всем предметам, а не по отдельным (Гриневич, 2010: 251–257).

Стоит указать, что в первое десятилетие XX в. наблюдается определённый подъём физического воспитания и спорта, а также наблюдения за здоровьем учащихся в учебных заведениях. В 1904 г. при Министерстве народного просвещения создаётся врачебно-санитарный отдел, в обязанности которого входило наблюдение за физическим состоянием и здоровьем детей (Пельменев, Конеева, 2000: 107).

18 сентября 1906 г. Министерством народного просвещения утверждается программа для преподавания гигиены в средних мужских учебных заведениях и женских гимназиях. В женских прогимназиях преподавание гигиены признавалось желательным лишь в том случае, если при них учреждались педагогические курсы (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 691. Л. 2). Характерно, что даже в современное время такая дисциплина в большинстве школ встречается довольно редко. Программа этой дисциплины предполагала 15 тем для изучения:

- 1) предметы гигиены и её задачи;
- 2) предварительные понятия по химии, физике и бактериологии;
- 3) краткие сведения об анатомическом устройстве человеческого тела и его важнейших физиологических отправлениях;
- 4) воздух (изучались примеси, присутствующие в воздухе, качество воздуха в жилых помещениях, физические свойства атмосферного воздуха, вред табачного дыма);
- 5) одежда и уход за кожей;
- 6) вода и водоснабжение (санитарные требования к ней);
- 7) почва (физические и химические свойства);
- 8) жилище (строительные материалы и их санитарная оценка);
- 9) вентиляция (естественная и искусственная);
- 10) отопление (система отопления и санитарная оценка);
- 11) освещение (дневной свет и его влияние на растения, микроорганизмы, животных и человека);
- 12) питание (вред некоторых продуктов, пищевые свойства продуктов);
- 13) гимнастика и другие физические упражнения;

14) краткие сведения о гигиене первого детского возраста;

15) заразные болезни (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 691. Л. 6-7).

Преподавателями указанной дисциплины были врачи при школе. Если они отказывались, то приглашались сторонние учителя с законченным врачебным образованием (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 691. Л. 2).

В 1908 г. по инициативе военного министра с участием императора в начальных школах вводилось обучение военному строю и гимнастике. Преподавателями выступали действующие военные (Пельменев, Конеева, 2000: 108).

В целом, в учебных заведениях России не было единой методики преподавания гимнастики. Курсы для подготовки преподавателей физических упражнений открывались при различных спортивных обществах. Так, например, в Московском учебном округе такие курсы были открыты при Московском обществе содействия физическому развитию. Заведовал курсами председатель правления общества, педагогическая часть находилась в ведении педагогического совета, состоящего из правления и всех преподавателей. Срок обучения был 1 год. Для поступления на курсы требовалось предоставление свидетельства об окончании одного из средних учебных заведений. Правлению предоставлялось право в особых случаях принимать на курсы лиц, не имеющих такого свидетельства. Обучение было платным, плата вносилась по полугодиям. Учебный год длился с 1 сентября по 1 мая. В обучение входила теоретическая часть: анатомия и физиология человека с указанием на патологии, гигиена и физические упражнения, история и методика физических упражнений. Практическая часть предполагала подвижные игры, упражнения на аппаратах и со снарядами, игры с мячом, борьбу, фехтование, катание на коньках, ходьбу на лыжах, греблю. В конце обучения проводилось испытание. Лица, успешно прошедшие его, получали свидетельство на звание учителя или учительницы гимнастики (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 757. Л. 7).

В 1910 г. Министерством народного просвещения были введены следующие правила о переводных испытаниях, которые были едиными в мужских и женских гимназиях и прогимназиях.

Перевод учащихся из класса в класс производился на основании:

- Успехов их в течение года;
- Особых испытаний.

Перевод в следующие высшие классы осуществлялся педагогическим советом учебного заведения. Для перевода учащиеся должны были получить на переводных испытаниях оценку не ниже «удовлетворительно». Сами испытания проводились по программам, одобренным педагогическим советом и составленным в соответствии с утверждёнными Министерством народного просвещения учебными планами (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 821. Л. 3-5).

Испытания обязательно проходили по следующим предметам:

1) в письменной форме:

- В 3 классе: по русскому языку – диктант и изложение содержания статьи, прочитанной перед классом, и по арифметике – решение задачи;
- В 4 классе задание было аналогичным, только задача была уже по алгебре;
- В 5 классе: по русскому языку – сочинение или изложение содержания статьи и по французскому языку – диктант;
- В 6 классе: по русскому языку – сочинение, по алгебре – задача и по немецкому языку – изложение содержания статьи на немецком языке, прочитанной перед классом;
- В 7 классе: по русскому языку – сочинение, по тригонометрии – задача, по французскому языку – изложение статьи на французском языке, прочитанной перед классом.

2) в устной форме:

- В 3 классе: по географии и арифметике;
- В 4 классе: по русскому языку, латинскому языку, истории и немецкому языку;
- В 5 классе: по Закону Божьему – катехизис из курса 4 и 5 классов (для православных обучающихся), по геометрии, по географии (с присоединением из курса 4 класса обзора Российской империи по пространствам) и по французскому языку;
- В 6 классе: по Закону Божьему – история церкви из курса 5 и 6 классов, по русскому, латинскому и немецкому языкам;
- В 7 классе: по истории из курса 6 и 7 классов (новая история), по французскому языку и по физике (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 821. Л. 3-5).

По курсу русской географии устный экзамен назначался в том классе, где этот курс заканчивался. Ученики, получившие при удовлетворительной годовой отметке неудовлетворительный балл на испытании, подвергались повторному испытанию до или после каникул по решению педагогического совета. Для проведения испытания выделялись три недели учебного года, начиная с 15 мая, и одна неделя перед началом учебного года для учащихся, не сдавших экзамены по каким-либо причинам (ЦГАМ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 821. Л. 3-5).

Наиболее значимым по своему идейному потенциалу явился проект реформы средней школы, подготовленный в 1915–1916 гг. большим коллективом учёных педагогов под руководством министра

народного просвещения П. Н. Игнатьева (1915–1916 гг.). Эта реформа стала хронологически последней дореволюционной реформой среднего образования.

П.Н. Игнатьев явился автором-разработчиком нового проекта «Положения о гимназиях», согласно которому гимназии являлись единым типом школы с учётом преемственности между различными её уровнями, а также с университетскими курсами. Обучение в гимназиях продолжительностью в семь лет строилось по так называемым двум ступеням – общее обязательное трёхлетнее обучение и четырёхлетний период обучения по отдельным направлениям, среди которых классическое гуманитарное и новое гуманитарное; реальное с преобладанием естественных наук; реальное с преобладанием математических наук (Марков, 2018: 63).

Указанный проект действительно привносил много существенных изменений в процесс организации и осуществления обучения, предполагавших отказ от многовековых традиций, отделяя школы от церкви и вводя совместное обучение мальчиков и девочек, устанавливая обязательное начальное образование и устраняя сословные и другие ограничения (Филоненко, 2004: 3).

Предложенные изменения опережали на тот момент своё время и отражали объективный подход к образованию. Даже сегодня можно утверждать, что не все они в полной мере реализуются в современной российской школе.

Реформа среднего образования, задуманная П.Н. Игнатьевым, содержание которой нам известно лишь по документальным источникам, не успела реализоваться на территории российского государства ввиду известных исторических событий. В то же время идеи этой реформы приобрели своё практическое применение при организации русской гимназии за рубежом. Опыт внедрения в образовательный процесс новых подходов П.И. Игнатьева был успешно реализован за пределами России в рамках организации деятельности русской школы (Кондратьева, 2013: 57).

5. Заключение

Таким образом, гимназии в конце XIX – начале XX в. составляли основу российской средней школы. Примечательно, что гимназическое образование было организовано с учётом того, чтобы выпускники-гимназисты могли продолжить своё обучение на более высоком уровне – в университете. Этому способствовали претворённые в жизнь обновления самой системы гимназического обучения, в том числе учебные планы, организация учебного процесса и мероприятия текущей и итоговой аттестации.

Попытки реформирования системы образования в исследуемый период предпринимались неоднократно. Содержание мер по совершенствованию этой системы в рамках каждой отдельной реформы различалось и во многом зависело от личности министра народного просвещения. Однако при отсутствии единой государственной политики развития этого уровня образования и частой смене министров, срок нахождения которых на этой должности зачастую не превышал двух-трёх лет, процесс реформирования средней школы в течение периода царствования Николая II имел противоречивый характер.

На протяжении семнадцати лет XX столетия реформой среднего образования занимались восемь министров народного просвещения. Каждый вновь назначенный министр создавал различные комиссии по разработке проектов реформирования средней школы. Самым прогрессивным из них был проект, разработанный при министре П.Н. Игнатеве.

За годы правления императора Николая II можно отметить неоднократные попытки министров народного просвещения, которые, впрочем, были невозможны без общественной поддержки со стороны педагогического сообщества. Вместе с тем исторические факты свидетельствуют о том, что ни один из проектов реформирования не был реализован полностью или хотя бы в преимущественном объёме, встречая сопротивление консервативных кругов в правительстве. Поэтому можно говорить о реализации лишь некоторых мер реформирования.

Период развития средней школы в Российской империи был длительным и сложным, сопровождался изменениями в общественном сознании. Основные же идеи реформы 1915–1916 гг. даже в условиях современного российского образования всё ещё обладают актуальностью и могли бы быть востребованы при разработке современных проектов трансформации системы российского образования.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта № FSSW-2023-0002 «Формирование общероссийской гражданской идентичности молодежи в рамках реализации государственной молодежной политики Российской Федерации и совершенствование механизмов обеспечения национальной безопасности в контексте миграционных процессов в молодежной среде», финансируемого за счёт средств государственного задания Минобрнауки России.

Литература

- Андреев, 2017 – Андреев А.Л. Общество и образование: опыт дореволюционной России // *Высшее образование в России*. 2017. № 11. С. 158-164.
- Гартвиг, 1908 – Гартвиг А.Ф. Школьная реформа снизу. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1907. 212 с.

- Ганелин, 1950 – Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России во второй половине XIX в. / под ред. Н.Г. Казанского. М.: Издательство Министерства просвещения РСФСР, 1950. 276 с.
- Гордин, 1971 – Гордин А.Ю. Проблема отношений педагогов и воспитанников в дореволюционной русской школе и педагогике (с конца XVIII в. и дореформенный период XIX в.) // *Новые исследования в педагогических науках*. 1971. № 4 (17). С. 10-16.
- Горохов, 2010 – Горохов В.Г. Уроки реформы образования в России конца XIX - начала XX столетий // *Высшее образование в России*. 2010. № 5. С. 147-154.
- Гриневич, 2010 – Гриневич И.М. Реформирование системы образования в начале XX века // *Сибирский педагогический журнал*. Новосибирск, 2010. №3. С. 251-257.
- Днепров, 2008 – Днепров Э.Д. Кризис общего среднего образования в конце XIX в. (по материалам Особого совещания по делам дворянского сословия) // *Вопросы образования*. 2008. № 4. С. 238-253.
- Егоров, 1978 – Егоров С.Ф. Теоретические проблемы содержания школьного образования в педагогике России конца XIX - начала XX века // *Вопросы истории школы и педагогики дореволюционной России*. Сб. научн. трудов / Под ред. Э.Д. Днепров. М.: АПН СССР, 1978. С. 22-36.
- Иванов, 1999 – Иванов А.Е. Студенчество России XIX – начала XX века: социально – историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.
- Кареев, 1916 – Кареев Н.И. Несколько личных воспоминаний и общих мыслей о преподавании истории в средней школе и о подготовке учителей // *Наука и школа*. Харьков, 1916. № 4-5. С. 389-399.
- Клоссовский, 1904 – Клоссовский А.В. Материалы к вопросу о постановке среднего образования в России. Одесса: Экономическая типография, 1904. 62 с.
- Кондратьева, 2013 – Кондратьева Г.В. К вопросу модернизации отечественного школьного математического в XIX-XXI веках // *Перспективы науки и образования*. 2013. №3. С.55-62.
- Константинов, 1947 – Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 г. М.: Учпедгиз, 1947. 247 с.
- Любомудров, 1898 – Любомудров С.И. О подготовке учителей средней школы. М.: Университетская типография, 1898. 35 с.
- Любжин, 2008 – Любжин А.И. Классическая школа: мнимый провал? // *Вопросы образования*. 2008. №4. С. 253-256.
- Марков, 2018 – Марков Н.С. Стратегия государственной политики в сфере содержания гимназического образования в России 19 – начала 20 века // *Гуманитарное исследование Центральной России*. 2018. № 1 (6). С. 57-65.
- Маркова, 2020 – Маркова С.М. Проблема реформирования средней школы на рубеже XIX–XX вв. в деятельности министерства народного просвещения (на примере министерства Н.П. Боголепова) // *Актуальные исследования. Международный научный журнал*. 2020. №. 22 (25) С. 71-75.
- Морозов, 2011 – Морозов С.Д. Мужчины, женщины и дети России на рубеже XIX–XX вв.: уровень грамотности и образования // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 4. С. 43-54.
- Пельменев, Конеева, 2000 – Пельменев В.К., Конеева Е.В. История физической культуры / Учебное пособие. Калининград, 2000. 186 с.
- Позднев, 2017 – Позднев М.М. Отмена системы классического образования в России (по материалам «Русского богатства») // *Philologia Classica*. 2017. № 1. С. 98-110.
- Рождественский, 1902 – Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб.: Издание Министерства народного просвещения, 1902. 785 с.
- Рыжов, 2009 – Рыжов А.Н. Образовательные приоритеты российского дворянства в последней четверти XIX – начале XX в. // *Вопросы образования*. 2009. № 4. С. 235-257.
- Сапрыкин, 2009 – Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.
- Филоненко, 2004 – Филоненко Т.В. Реформы и контрреформы: история школьных систем России XIX – первой четверти XX в. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2004. 455 с.
- Хабалева, 2017 – Хабалева Е.Н. Эволюция системы начального и среднего женского образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Орловской губернии) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 3 (84). С. 103-109.
- Циркуляр, 1899 – Циркуляр Министра народного просвещения попечителям учебных округов от 8 июля 1899 г. // *Русская школа*. 1899. № 9. С. 204-205.
- ЦГАМ – Центральный Государственный Архив Москвы.
- Fatyanov et al., 2024 – Fatyanov A.A., Mashkin N.A., Losyakov A.V., Filippova A.V. Development of Gymnasium Classical Education in the second half of the 19th century: Experience of the Past for the Present // *Bylye Gody*. 19(3): 1364-1372.

References

- Andreev, 2017 – Andreev, A.L. (2017). Obshchestvo i obrazovanie: opyt dorevolucionnoy Rossii [Society and education: the experience of pre-revolutionary Russia]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 11: 158-164. [in Russian]

Dneprov, 2008 – *Dneprov, E.D.* (2008). Krizis obshchego srednego obrazovaniya v konce XIX v. (po materialam Osobogo soveshchaniya po delam dvoryanskogo sosloviya) [The crisis of general secondary education at the end of the 19th Century (based on the materials of the Special Conference on the Affairs of the Nobility)]. *Voprosy obrazovaniya*. 4: 238-253. [in Russian]

Egorov, 1978 – *Egorov, S.F.* (1978). Teoreticheskie problemy soderzhaniya shkol'nogo obrazovaniya v pedagogike Rossii konca XIX nachala XX veka [Theoretical problems of the content of school education in Russian pedagogy at the end of the 19th and the beginning of the 20th century]. *Voprosy istorii shkoly i pedagogiki dorevolucionnoj Rossii. Sb. nauchn. trudov*. Pp. 22-36. [in Russian]

Fatyanov et al., 2024 – *Fatyanov, A.A., Mashkin, N.A., Losyakov, A.V., Filippova, A.V.* (2024). Development of Gymnasium Classical Education in the second half of the 19th century: Experience of the Past for the Present. *Bylye Gody*. 19(3): 1364-1372.

Filonenko, 2004 – *Filonenko, T.V.* (2004). Reformy i kontrreformy: istoriya shkol'nyh sistem Rossii XIX – pervoj chetverti XX v. [Reforms and counter-reforms: the history of Russian school systems in the 19th – first quarter of the 20th century]. Voronezh: Centr.-Chernozem. kn. izd-vo, 455 p. [in Russian]

Ganelin, 1950 – *Ganelin, Sh.I.* (1950). Ocherki po istorii srednej shkoly v Rossii vo vtoroj polovine XIX v. [Essays on the history of secondary education in Russia in the second half of the 19th century]. Pod red. N.G. Kazanskogo. M.: Izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR. 276 p. [in Russian]

Gartvig, 1908 – *Gartvig, A.F.* (1907). Shkol'naya reforma snizu [School reform from below]. M.: Tipografiya t-va I.D. Sytina. 212 p. [in Russian]

Gordin, 1971 – *Gordin, A.Yu.* (1971). Problema otnoshenij pedagogov i vospitannikov v dorevolucionnoj russkoj shcole i pedagogike (s konca XVIII i doreformennyj period XIX) [The problem of the relationship between teachers and pupils in the pre-revolutionary Russian school and pedagogy (from the end of the XVIII and the pre-reform period of the XIX)]. *Novye issledovaniya v pedagogicheskikh naukah*. 4(17): 10-16. [in Russian]

Gorohov, 2010 – *Gorohov, V.G.* (2010). Uroki reformy obrazovaniya v Rossii konca XIX nachala XX stoletij [The lessons of education reform in Russia in the late 19th and early 20th centuries]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 5: 147-154. [in Russian]

Grinevich, 2010 – *Grinevich, I.M.* (2010). Reformirovanie sistemy obrazovaniya v nachale XX veka [The reform of the education system at the beginning of the 20th century]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. Novosibirsk*. 3: 251-257. [in Russian]

Ivanov, 1999 – *Ivanov, A.E.* (1999). Studenchestvo Rossii XIX – nachala XX veka: social'no-istoricheskaya sud'ba [Russian students of the 19th – early 20th centuries: socio-historical fate]. M.: ROSSPEN, 414 p. [in Russian]

Kareev, 1916 – *Kareev, N.I.* (1916). Neskol'ko lichnyh vospominanij i obshchih myslej o prepodavanii istorii v srednej shcole i o podgotovke uchitelej [A few personal memories and general thoughts about teaching history in high school and teacher training]. *Nauka i shkola. Har'kov*. 4-5: 389-399. [in Russian]

Khabaleva, 2017 – *Khabaleva, E.N.* (2017). Evolyutsiya sistemy nachal'nogo i srednego zhenskogo obrazovaniya v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (na primere Orlovskoj gubernii) [The evolution of the system of primary and secondary female education in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries (using the example of the Orel province)]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. 3(84): 103-109. [in Russian]

Klossovskij, 1904 – *Klossovskij, A.V.* (1904). Materialy k voprosu o postanovke srednego obrazovaniya v Rossii [Materials on the organization of secondary education in Russia]. Odessa: Ekonomicheskaya tipografiya. 62 p. [in Russian]

Kondratyeva, 2013 – *Kondratyeva, G.V.* (2013). K voprosu modernizatsii otechestvennogo shkol'nogo matematicheskogo v XIX-XXI vekakh [To the issue of modernization of the national school mathematics in the 19th – 21st centuries]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 3: 55-62. [in Russian]

Konstantinov, 1956 – *Konstantinov, N.A.* (1956). Ocherki iz istorii srednej shkoly. Gimnazii i real'nye uchilishcha s konca XIX v. do fevral'skoj revolyucii 1817 g. [Essays from the history of secondary schools. Gymnasiums and real schools from the end of the 19th century to the February Revolution of 1817]. M.: Uchpedgiz, p. 247. [in Russian]

Lyubomudrov, 1898 – *Lyubomudrov, S.I.* (1898). O podgotovke uchitelej srednej shkoly [About secondary school teacher training]. M.: Universitetskaya tipografiya. P. 35 [in Russian]

Lyubzhin, 2008 – *Lyubzhin, A.I.* (2008). Klassicheskaya shkola: mnimyj proval? *Voprosy obrazovaniya*. 4: 253-256. [in Russian]

Markov, 2018 – *Markov, N.S.* (2018). Strategiya gosudarstvennoj politiki v sfere soderzhaniya gimnazicheskogo obrazovaniya v Rossii 19 – nachala 20 veka [The strategy of state policy in the field of gymnasium education in Russia in the 19th – early 20th century]. *Gumanitarnoe issledovanie tsentral'noj Rossii*. 1(6): 57-65 [in Russian]

Markova, 2020 – *Markova, S.M.* (2020). Problema reformirovaniya srednej shkoly na rubezhe XIX–XX vv. v deyatelnosti ministerstva narodnogo prosveshcheniya (na primere ministerstva N.P. Bogolepova) [The problem of secondary school reform at the turn of the 19th – 20th centuries in the activities of the

Ministry of Public Education (on the example of the Ministry of N.P. Bogolepov)]. *Aktual'nye issledovaniya. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal*. 22(25): 71-75. [in Russian]

Morozov, 2011 – *Morozov, S.D.* (2011). Muzhchiny, zhenshchiny i deti Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: uroven' gramotnosti i obrazovaniya [Men, women and children of Russia at the turn of the 19th – 20th centuries: the level of literacy and education]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. 4: 43-54. [in Russian]

Pel'menev, Koneeva, 2000 – *Pel'menev, V.K., Koneeva, E.V.* (2000). Istoriya fizicheskoy kul'tury [History of physical education]. Kaliningrad. 186 p. [in Russian]

Pozdnev, 2000 – *Pozdnev, M.M.* (2000). Otmena sistemy klassicheskogo obrazovaniya v Rossii (po materialam "Russkogo bogatstva") [The abolition of the classical education system in Russia (based on the materials of "Russkoe bogatstvo")]. *Philologia Classica*. 1: 98-110. [in Russian]

Rozhdestvenskij, 1902 – *Rozhdestvenskij, S.V.* (1902). Istoricheskij obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Historical overview of the activities of the Ministry of Public Education]. Izdanie Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 785 p. [in Russian]

Ryzhov, 2009 – *Ryzhov, A.N.* (2009). Obrazovatel'nye priority rossijskogo dvoryanstva v poslednej chetverti XIX nachale XX v. [Educational priorities of the Russian nobility in the last quarter of the 19th and early 20th centuries]. *Voprosy obrazovaniya*. 4: 235-257. [in Russian]

Saprykin, 2009 – *Saprykin, D.L.* (2009). Obrazovatel'nyj potencial Rossijskoj imperii [The educational potential of the Russian Empire]. M.: IET RAN, 176 p. [in Russian]

TsGA Moskvy – Tsentral'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Moskv[y] [The Central State Archive of Moscow].

Tsirkulyar..., 1899 – Tsirkulyar Ministra narodnogo prosveshcheniya popechitelyam uchebnyh okrugov ot 8 iyulya 1899 [Circular of the Minister of Public Education to the trustees of educational districts dated July 8, 1899]. *Russkaya shkola*. 9: 204-205. [in Russian]

Гимназическое образование при последнем императоре России Николае II

Алексей Александрович Фатьянов ^{a, *}, Николай Афанасьевич Машкин ^a,
Андрей Викторович Лосяков ^a, Анна Владимировна Филиппова ^a

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается развитие гимназического образования как мужского, так и женского, при последнем императоре Российской империи Николае II. Приводятся количественные показатели грамотности населения и лиц, имеющих образование. Выявляются причины, которые стали поводом реформирования среднего образования в начале XX в. Кроме общей характеристики изменений, происходящих в сфере образования в этот период, и основных его направлений, авторы рассматривают учебный процесс, изменения в учебных планах, процедуру сдачи экзаменов, перевод из младших классов в старшие классы, порядок поступления выпускников гимназий в высшие учебные заведения, перечень документов, необходимых для поступления в университеты, полномочия педагогических советов. Особое внимание в работе уделяется порядку назначения учителей на должность в гимназиях. Исследование затрагивает как государственные, так и частные гимназии. Отмечаются изменения, происходящие в учебном процессе, и их взаимосвязь с изменениями в руководстве Министерства народного просвещения. Уделяется внимание новым, введённым в начале XX в., дисциплинам, а также изменениям в преподавании религиозных дисциплин. Авторы приходят к выводу, что министры народного просвещения в первые годы XX в. пытались при активной поддержке педагогической общественности провести образовательную реформу, целью которой было восстановление единства школы. Однако из-за сопротивления консервативных кругов в правительстве реализованными оказались лишь частные меры. Наиболее прогрессивные идеи в сфере образования, которые актуальны и в современное время, приходились только на 1915–1916 гг. и были реализованы в русских школах за рубежом уже после революционных событий в России.

Ключевые слова: гимназии, гимназическое образование, образование при Николае II, Министерство народного просвещения, учителя, учебные дисциплины начала XX в.

* Корреспондирующий автор

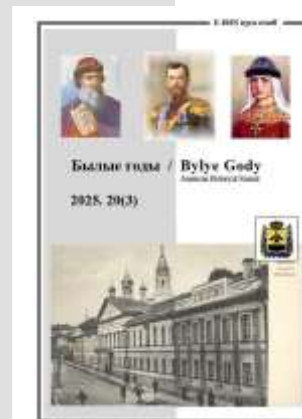
Адреса электронной почты: Fatyanov.AA@rea.ru (А.А. Фатьянов), Mashkin.N.A@rea.ru (Н.А. Машкин), Losyakov.AV@rea.ru (А.В. Лосяков), Filippova.AV@rea.ru (А.В. Филиппова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1380-1390
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1380

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Political and Legal Ideal of Siberian Regionalists of the second half of the 19th – early 20th centuries in Russian Historiography: An Experience of Periodization and Classification

Alexander V. Golovinov ^{a, *}, Anton A. Vasilev ^b

^a Altai State University, Barnaul, Russian Federation

^b Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract

The goal of this paper is to identify and show the dynamics of historiographic innovations in the interpretation of the political and legal ideology of Siberian regionalists. An attempt is also made to periodize and classify the historiographic narratives of regionalism, which we understand as a system of views on the state, power, law and territorial structure of Russia, formed in the Russian Empire in the second half of the 19th century and actively existed until the beginning of the 20th century among the diverse intelligentsia in Siberia.

The study was conducted based on the axiological approach, the principle of holism and the historical-comparative method. Such a comprehensive toolkit will allow us to identify the value orientations of scientists in the field of “regional studies”, to consider them in unity and integrity, to compare historiographic narratives of the political and legal doctrine of Siberian regionalists on substantive and other grounds. The material for the study was a corpus of research works by historians, philosophers, sociologists, lawyers, political scientists and philologists on the problems of political and legal views of representatives of the regionalist ideology. It was established that pre-revolutionary interpretations of the ideal of Siberian regionalists in the field of politics and law were carried out by the participants of the regionalist movement themselves in the Soviet period; all sorts of distortions and frequent caricature forms in the interpretations of the program of Siberian activists were markers of ideological positioning. In the era of “democratic transition”, that is, the end of the 1990s – beginning of the 2000s, fruitful attempts at commemorative work on the legacy of the leaders of the Siberian regionalists movement, a sharp increase in the number of publications, dissertation research and scientific and practical conferences were made. A characteristic feature of the modern body of research on the problems of the political and legal ideology of regionalists is the growth of interdisciplinary work among not only historians, but also art historians, lawyers, philosophers, sociologists, philologists.

Keywords: regionalism, Russian Empire, history of political and legal doctrines, pre-revolutionary jurisprudence, democracy, federalism, creative regionalization, parliamentarism.

1. Введение

Отечественная история политических и правовых учений во второй половине XIX – начале XX в. включала в себя многообразие идей, концептов, парадигм, идеологий. Представляется, что ключом к пониманию сущности и содержания данного массива интеллектуального опыта в области политики и права выступает не только герменевтический и историко-текстологический подход, также огромную роль играют историографические традиции и новации. Историография в области конкретного политико-юридического учения может иллюстрировать направления познавательного интереса учёных к данной идеологии. Приходится отмечать, что историографические материалы истории политических и правовых учений отражают влияние господствующих официальных

* Corresponding author

E-mail addresses: alex-golovinov@mail.ru (A.V. Golovinov)

доктрин, социального запроса, текущей политической повестки, личных убеждений авторов и другое. Достаточно вспомнить советский период истории государства и права, с его установками на марксизм-ленинизм, или бурную эпоху «демократического транзита», где явления идейного порядка могли рассматриваться даже с диаметрально противоположных позиций. Некогда преданные забвению идеи и концепции, покоящиеся и забытые на свалке истории, вдруг могли приобрести новое прочтение и актуальность. Среди таких неоднозначных феноменов можно рассматривать политико-правовую идеологию сибирских областников. Данная система воззрений на государство, власть, закон и территориальное устройство России сформировалась в Российской империи во второй половине XIX в. и активно существовала до начала XX столетия в среде разночинной интеллигенции Сибири. Основой областнической идеологии была парадигма развития всех русских провинций, образующих равноправный союз на федеративных началах. Методологически областники придерживались концепции единства в многообразии, где источником развития целого выступал концепт развития его частей. Почвой для дискуссий о природе политико-правовой идеологии областничества, её созидательных или центробежных началах, выступала её глубоко демократическая сущность. Характерно, что в современной историографии политико-правовой идеал деятелей-областников как раз оценивается с позиций интегративной регионализации. Таким образом, актуальным видится обращение к историографии политико-правовой идеологии сибирских областников, что позволит показать динамику интерпретационных оценок данной системы мировоззрения. Достижение обозначенной цели предполагает решение определённых задач. Так, важно выявить периодизацию отечественной историографии изучаемого феномена. Значимо также попытаться типологизировать и классифицировать историографические блоки об областничестве второй половины XIX – начала XX в.

2. Материалы и методы

Материалом для исследования выступил корпус исследовательских работ историков, философов, социологов, юристов, политологов и филологов по проблематике политических и юридических воззрений представителей областнической идеологии. Хронологически работа проводилась, опираясь на период начала XX в. и до начала XXI в. Такие рамки выбраны не случайно, так как первые научные работы об областничестве были опубликованы ещё в начале XX в., а в настоящее время продолжается дискуссия о взглядах демократических регионалистов.

В гносеологическом отношении достигнуть обозначенных замыслов можно, опираясь на аксиологический подход, принцип холизма и историко-сопоставительный метод. Такой комплексный инструментальный позволит выявить ценностные ориентации учёных по «областниковедению», рассмотреть их в единстве и целостности, сопоставить по содержательным и иным основаниям историографические нарративы политико-правового учения сибирских областников.

3. Обсуждение

Среди исследователей, предпринимающих попытки историографических обзоров политико-правовой идеологии сибирских областников, можно выделить работы А.В. Двойнева ([Двойнев, 2006](#)). Историк уделил внимание как нарративам досоветской историографии, так и проблемам областничества в работах советских учёных. В отношении современной историографии автор рассмотрел работы в разрезе только с 1990-х гг. до 2005 г. В рамках нашего исследования будут конкретизированы историографические новации каждого периода с акцентом на новейшую литературу 2010–2025 гг.

Важное значение представляет объёмная и обстоятельная публикация С.А. Троицкого ([Троицкий, 2013](#)). Учёный предпринимает попытку создания обзорной статьи с целью показать направления отечественной историографии и их трансформации под воздействием исторического прошлого и влияния настоящего социально-политического процесса. Д.А. Ананьев обращается к проблемным вопросам трактовок политико-правовой идеологии сибирского областничества 1860-е гг. – начало XX в. в среде немецких и англоязычных историков ([Ананьев, 2018](#)). Сибирский историк рассматривает представления американской, канадской и немецкой историографии, оценивает их вклад в изучение тем областничества. Отдельный, локальный обзор современной историографии проводился А.В. Головиновым в сотрудничестве с учёными из Казахстана и Омска, в котором акцентировались труды учёных из Иркутска по истории областничества ([Golovinov, 2024](#)).

Таким образом, современные учёные проявляют интерес к проблематике историографии политико-правовой идеологии сибирского областничества второй половины XIX – начала XX в., однако исследования носят точечный и фрагментарный характер. Специальных работ, где была бы показана динамика историографических новаций по данному вопросу и осуществлена попытка периодизации и классификации историографических нарративов областничества, до сих пор нет. Настоящая работа как раз и нацелена на решение данных исследовательских замыслов.

4. Результаты

Эклектичный характер идеологической природы сибирского областничества выступал фактором, обусловившим стремление самих представителей этого общественно-политического и

культурного движения часто интерпретировать различные грани политических и юридических идеалов демократических регионалистов. Потому первыми историографами в «областниковедении» можно считать деятелей второй половины XIX в. Характерными явлениями того времени было то, что Российская империя в период реформ 1860-х гг. переживала общественный подъём и активизацию разночинной интеллигенции. На фоне «великих реформ» расцветали либерально-демократические идеалы и представления о прошлом и будущем нашего Отечества. Данный конкретно-исторический посыл оказал сильное влияние на генезис областнической идеологии. Лидеры сибирского демократического регионализма – Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин регулярно в своих публикациях останавливались на вопросах об истинной сущности областничества. Так, на полосах многотиражной газеты «Восточное обозрение» в 1882 г. была размещена программная статья Н.М. Ядринцева «Центр и окраины» (Ядринцев, 1882). Тогда публицист конструировал истоки областнической философии политики и права, большое значение придавая А.П. Щапову, сибирскому историку народнического толка. Николай Михайлович специально также разъяснял регионалистскую и федералистскую сущность политико-правового идеала сибирского областничества. В духе гегелевской диалектики он писал: «Сама пропорция наших окраин к нашему центру такова, что первая составляет, не только половину, но большую ее часть всего целого. Спрашивается, возможно ли при таком условии говорить о жизни целого помимо жизни его частей» (Ядринцев, 1882: 6).

В данном вопросе также был активен Г.Н. Потанин. Его материал «Объединение областей», вышедший в свет в 1874 г. в Камско-Волжской газете, ёмко характеризовал геном областничества через концепт центра тяготения русской государственности снизу вверх. Такая парадигма сводилась к позитивной государственно-правовой интеграции, созидающей центр с окраинами и далёкими перифериями. По мысли Григория Николаевича, «одним из первых шагов в России на поприще внутренней её жизни является объединение её областей» (Потанин, 1874: 3).

Политико-правовой идеал сибирских демократических регионалистов квалифицировался как демократический и федералистский в публикациях представителей так называемого позднего областничества. В начале XX в. историографами программы областников выступили, например, Н.Н. Козьмин и Вс.М. Крутовский. Так, тема федералистской природы учения областников в призме парламентаризма поднималась этнографом и историком Н.Н. Козьминым. В 1918 г. он отмечал, что «вопрос об областной автономии и областной думе старался поддержать своими статьями Потанин, настаивая на законности и справедливости областнической тенденции» (Козьмин, 1918: 12). Критике учёный подвергал опубликованный в 1905 г. в журнале «Право» проект автономной Думы. По его мысли, крайне важно дополнить данный проект положением о том, что для поддержания федеративно-союзнических начал необходимо, чтобы Сибирская дума, имея общую компетенцию, объединяла мелкие территориальные единицы самоуправления и законотворчества.

«Предметы ведения представительных органов, – констатировал он, – должны быть точно указаны в законе; всё, что особо не указано, подлежит ведению местных органов самоуправления. В ведение Сибирской областной думы должны быть, согласно проекту, во всяком случае переданы: 1) местное бюджетное право, 2) народное образование, 3) народное здравие, 4) общественная безопасность, 5) местные пути сообщения, 6) право участия в установлении тарифов, 7) право пользования и распоряжения всеми землями и областью, составляющими часть общегосударственного фонда с лесами, водами и недрами, 8) определение порядка землепользования в связи с переселенческим вопросом и 9) инородческий вопрос. На определении таких основных положений и была прервана работа политической мысли в 1905 году наступившей реакцией» (Козьмин, 1918: 42). Все эти задачи по реализации предметов ведения Николай Николаевич, как представитель позднего этапа областнического движения, возлагал на сибирских регионалистов, когда-то только мечтавших о законодательном органе в Сибири.

Характеризовал политико-правовой идеал раннего областничества как систему умеренных либерально-демократических идей и принципов Всеволод Михайлович Крутовский. Публицист пришёл к умозаключению о том, что сибирский регионализм не имел потенциальной угрозы сецессии. «Все органы исполнительной и судебной власти во всей области должны быть выборными. <...> Вот характерные положения, являющиеся более или менее законченным выражением программы левого крыла областнических кругов, программы, выработанной 40 лет спустя после процесса “сепаратистов” при исключительно благоприятной политической атмосфере 1905 г. Прочитав их, вновь приходится с недоумением задаться вопросом, где же здесь криминал, в чем тут можно было бы усмотреть стремление к полной политической независимости? Процесс “сепаратистов”, несомненно, был юридической ошибкой» (Крутовский, 1917: 56).

Отдельным направлением историографии сущности политико-правового учения областников можно считать труды советских историков. Надо признать, что областничество и большевизм были идеологически плохо совместимы. Доктринёрские наклонности марксистско-ленинского режима не уживались в умах регионалистов и были неприемлемы в областническом учении. Потому вполне понятно, что учёные советского периода либо просто замалчивали достижения областников, либо характеризовали их в негативной тональности.

В целом историки того времени, руководствуясь классовым подходом, рисовали идеологический облик демократических регионалистов как противников режима и пособников белогвардейского правительства.

В реальности, областники вообще мало принимали участия в большой политике и обошли стороной вихрь русских революций, оставаясь движением просветительского толка. Очевидно, что советская историография специально искажала смысл областнического учения и изображала его в карикатурных формах. Такие авторы, как В.Е. Воложанин (Воложанин, 1916), Н.Ф. Чужак (Чужак, 1916), М.К. Ветошкин (Ветошкин, 1913), В.Д. Вегман (Вегман, 1917) и Г.В. Круссер (Круссер, 1931), относили сибирских демократических регионалистов к реакционному и буржуазному течению политико-правовой мысли с утопическим содержанием. Трактовки идеологии областников зачастую просто сводились к якобы контрреволюционным истокам этого движения.

Так, М.К. Ветошкин, совершенно не понимая программы областников, пришёл к заблуждению о том, что «желание областников иметь особую Сибирскую Думу является даже более, чем реакционным. Оно ведёт прямо к сепаратизму, к государственному отдалению Сибири от России!» (Ветошкин, 1913).

Антиправительственный и оппозиционный характер областничества также искажён и тенденциозно понимался в работах И.Г. Мосиной (Мосина, 1978), И.М. Разгона (Разгон, 1964), В.К. Коржавина (Коржавина, 1971) и др. Понятно, что советские учёные в этом вопросе не могли быть объективными, ведь господствующая тогда идеология не допускала инакомыслия и демократии. Поэтому исследователей советского периода отечественного государства и права можно понять, и их работы всё равно важны. Они, несмотря на явные искажения сути сибирского демократического регионализма, содержат фактический и конкретно-исторический материал, в них может и сегодня сохраняться некоторая значимость, хотя и незначительная.

Особо стоит заметить, что работы советского историка М.Г. Сесюниной были одними из немногих в этот период истории русского государства и права, где объективно оценивалась историческая эволюция сибирского демократического регионализма (Сесюнина, 1974).

Ситуация резко стала меняться с уходом в анналы истории советского подхода в историографии. Идеологический плюрализм и демократические преобразования в нашем Отечестве создавали благодатную почву для нового прочтения и подлинного понимания политико-правового идеала сибирских областников.

Данный блок исследовательской литературы самый разнообразный. Это можно объяснить тем, что областничество становится предметом научного познания не только в исторической науке, но и широко изучается в философской, юридической, социологической, филологической и искусствоведческой науках. Также из сугубо сибирской тематики идеология регионалистов начинает вызывать интерес у учёных из различных субъектов Российской Федерации, таких как Санкт-Петербург, Москва, Тамбов и другие. Такое многообразие нацеливает нас на выявление чётких периодов современной историографии, а также локализацию и систематизацию накопленных достижений новейшей науки о сибирском областничестве.

Характерно, что в 1990-е гг. наблюдалась реанимация политико-правового идеала областников. В это время были проведены первые научные конференции и семинары на эту тему. Идеологическое табу, как наследие советского политического режима по отношению к данной системе взглядов, было полностью преодолено. В 1995 г. в Томске прошло крупнейшее научно-практическое мероприятие – «Потанинские чтения» (Башкатов, 1998). А чуть ранее была издана первая книга в современной России, посвящённая описанию жизни, идейного и научного наследия лидера движения сибирских демократических регионалистов – Григория Николаевича Потанина. В 1991 г. авторы книги – А.М. Сагалаев и В.М. Крюков – раскрывали многогранный характер личности известного сибиряка (Сагалаев, Крюков, 1991). Он предстал как учёный, путешественник, просветитель, фольклорист, общественно-политический деятель, идеолог областничества. Одними из первых в отечественной историографии современного периода истории томские учёные представили Григория Николаевича как убеждённого гуманиста, истинного демократа, сторонника парламентаризма и федеративного устройства нашего Отечества. В 2004 г. книга была переиздана с учётом дополнительных сведений, выявленных в архивах, и с использованием иных неопубликованных источников.

Другой лидер областнического движения Н.М. Ядринцев также стал объектом специальных научных мероприятий. В 2002 г. в Барнауле успешно прошла конференция «Ядринцевские чтения». Однако мероприятие, образно говоря, переехало в Омск, где с 2012 г. эта конференция проводится ежегодно (Томилов, 2018). Жаль, конечно, что на территории столицы Алтайского края не проходят такие мероприятия, а ведь именно в Барнауле прошли последние годы жизни Николая Михайловича, здесь он упокоился, и благодарные потомки воздвигли патриоту Сибири памятник.

При этом нужно отдать должное тому, что омская конференция по сути своей есть очень успешная площадка для коммеморативных практик о «достойном сыне Сибири», а также платформа для развития краеведения и тех многих вопросов, которые много лет назад были подняты Н.М. Ядринцевым, но и сегодня не теряют своей актуальности.

Характерной особенностью данного периода отечественной историографии сибирского демократического регионализма является наличие различных диссертационных исследований областничества. В 1992 г. М.В. Шиловский защитил докторскую диссертацию по историческим наукам. Учёный всю жизнь занимается «областниковедением» и является одним из передовиков в этой сфере. Регулярно новосибирский историк знакомит отечественную науку с новыми гранями идейного и научного наследия различных представителей областнического движения. Например, автор развивает тему идейной взаимосвязи областничества с евразийством, акцентируя, что многие евразийские вопросы первыми на повестку дня поставили сибирские регионалисты, такие как значение восточных культур и принцип бережного отношения к коренным этносам (Шиловский, 2023).

С тех пор областничество прочно вошло в объектив диссертационных исследований. Приведём примеры некоторых из них. Так, в 1999 г. Е.П. Ковалышкина представила к защите рукопись по историческим наукам «Инородческий вопрос в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль», по результатам которой в 2004 г. автор издала книгу (Ковалышкина, 2005). В 2006 г. А.В. Двойнев защитил историческую работу «Отечественная историография сибирского областничества (60-е годы XIX века – 20-е годы XX века)» (Двойнев, 2006). В 2008 г. по искусствоведению защитил диссертацию Е.А. Ветохин «Развитие художественной жизни Сибири в контексте влияния сибирского областничества» (Ветохин, 2008). Также в 2010 г. на базе Алтайского государственного университета (Барнаул) А.В. Головинову была присуждена степень по философским наукам по результатам защиты работы «Культурфилософская концепция сибирского областничества: этносоциальные и ценностные основания», результаты были опубликованы в монографии (Головинов, 2011). В 2012 г. по филологическим наукам Н.В. Жиликова успешно защитила работу: «Журналистика Томской губернии второй половины XIX – начала XX века: идея областничества», положения которой представлены в рамках специальной книги (Жиликова, 2014). А.Э. Зайнутдинов защитил в 2012 г. социологическое исследование «Сибирское областничество (историко-социологический анализ)», что нашло отражение в публикациях (Зайнутдинов, 2014). В 2020 г. Е.В. Масяйкина подготовила исследование по филологии: «Литературное наследие сибирского областничества: на материале архивов Г.Н. Потанина и Г.Д. Гребенщикова» (Масяйкина, 2022). В 2022 г. О.П. Дорошенко подготовила историческую диссертационную работу по теме «Общественная и научная деятельность Г.Е. Катанаева», положения которой представлены в статьях (Дорошенко, 2020).

Таким образом, динамика исследовательского поиска смыслов и ценностей политико-правовой идеологии сибирского областничества выглядит прогрессивно. Ясно, что сибирский демократический регионализм стал предметом междисциплинарного дискурса и «вырос» из сугубо исторических и краеведческих работ. Содержательная сторона диссертационного блока историографии также показывает рост интереса к программе регионалистов у отечественных гуманитариев различных направлений. Данное обстоятельство вполне можно объяснить той эклектичной, разносторонней и в то же время актуальной природой областнической идеологии. Спектр концептов этой системы мировоззрения был очень широким, именно поэтому искусствоведы, философы, историки, филологи, социологи и другие на уровне комплексных диссертаций постигают этот значимый для отечественного идеологического пространства феномен.

Внушает оптимизм и рост «географии» исследований политико-правовой идеологии областников. Современная отечественная локализация «областниковедения» впечатляет. Учёные из таких городов, как Томск, Новосибирск, Иркутск, Омск, Красноярск, Барнаул, Санкт-Петербург, Абакан, Москва, Тамбов и других, проявляют интерес к программе деятелей областнического направления.

Так томские учёные исследуют исторические и филологические аспекты областнического учения. Это, прежде всего, работы В.П. Зиновьева (Зиновьев, 2022), Д.Н. Шевелева (Шевелев, 2024), С.Ф. Фоминых (Fominykh et al., 2019) и других. Авторы активно рассматривают идейное наследие Г.Н. Потанина, нарративы публицистики, реконструируют программные положения областничества как идеологии, актуализируют тему образования и просвещения в наследии сибиряков-регионалистов.

В Омске также оформился один из центров по изучению сибирского областничества. В работах М.К. Чуркина (Tokmurzaev et al., 2022), А.В. Ремнева (Ремнев, 2011), А.В. Сушко (Сушко, 2018) и других раскрывается политическая природа демократического регионализма, познаются взгляды областников на Сибирь и её место в составе Российской империи.

Барнаульские исследователи В.А. Должиков (Golovinov et al., 2023), А.В. Иванов (Иванов, 2011), и другие детализируют отдельные аспекты областничества как фактора региональной идентичности, позиционируя данное учение в демократических и интегративных тонах.

В целом областничеству посвятили свои работы множество учёных, прежде всего, таких как А.В. Малинов (Malinov, 2024), О.Л. Протасова (Протасова, 2023), В.И. Коваленко (Коваленко, 2015), С.Я. Щеброва (Щеброва, 2024), А.И. Аваков (Аваков, 2013), В.В. Чекушин (Чекушин, 2021), И.Л. Дамешек (Дамешек, 2019), А.Г. Грязнухин (Gryaznukhin et al., 2023), Л.Ф. Малютина (Malyutina, 2019) и другие.

В среде профессиональных учёных-юристов «спросом» пользуется наследие Н.М. Ядринцева – одного из лидеров областнического движения. Так, в рамках уголовно-исполнительного права и истории

пенитенциарной науки доцент Е.А. Локтионова (Локтионова, 2022) и доктор юридических наук, профессор Д.В. Бахарев (Бахарев, 2019) высоко оценивают вклад сибирского областника в изучение тюремных субкультур острогов и быта исправительных учреждений Российской империи. Авторами отмечается роль Н.М. Ядринцева как специалиста в области правового регулирования режимов содержания осуждённых и знатока проблематики исправительного воздействия на арестантов.

5. Заключение

Таким образом, политико-правовая идеология сибирского областничества второй половины XIX – начала XX в. имеет давнюю историографию. Контурно и рельефно корпус научной литературы по исследуемой теме можно распределить по следующим историческим периодам. Во-первых, это дореволюционные трактовки идеала сибирских регионалистов в области политики и права. На этом этапе происходило идеологическое оформление сибирского демократического регионализма. Как следствие, сами участники областнического движения выступили в роли историографов, определяя оттенки и выделяя грани данной системы взглядов. Во-вторых, это эпоха советского понимания областничества. Маркером идеологического позиционирования тогда были всяческие искажения и частые карикатурные формы в трактовках программы деятелей-сибиряков. В-третьих, это совокупность работ эпохи «демократического транзита», то есть конца 1990-х – начала 2000-х гг. Главным достижением историографии этого периода можно считать плодотворные попытки коммеморативной работы над наследием лидеров движения сибирских регионалистов, резкий рост числа публикаций, диссертационных исследований и научно-практических конференций. В-четвёртых, это новейшая историография, которая хронологически пришлась на 2000-е гг. и вплоть до 2024 г. Характерной особенностью современного корпуса исследований по проблематике политико-правовой идеологии областников является рост междисциплинарных работ в среде не только историков, но и искусствоведов, юристов, философов, социологов, филологов.

В целом, современные и ранние исследования идеологического наследия деятелей-областников можно классифицировать и типологизировать по профессиональной принадлежности учёных, занятых проблематикой данного течения политико-правовой мысли, а также на основании географической локализации проводимых познавательных практик, которая в последние годы серьёзно расширилась.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и её применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Литература

- Ананьев, 2018 – Ананьев Д.А. Сибирское областничество (1860-е гг. – начало XX в.) в оценках англоязычной и немецкоязычной историографии // *Исторический курьер*. 2018. № 1. С. 201-213. DOI: 10.31518/2618-9100-2018-1-17
- Аваков, 2013 – Аваков А.И. Сибирь и Дальний Восток: проблемы регионального развития и пути их решения // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2013. № 1. С. 22-28.
- Башкатов, 1998 – Башкатов В.А. Потанинские чтения. Краткий комментарий // *Вестник Томского государственного университета*. 1998. Т. 266, № 1: Гуманитарный спец. выпуск. С. 19-20.
- Бахарев, 2019 – Бахарев Д.В. «Русская тюремная община» вчера и сегодня / Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Пермь, 02–04 апреля 2019 года. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 276-279.
- Воложанин, 1916 – Воложанин Е. Колосов и областники // *Утро Сибири*. 1916. № 3. С 6-9.
- Ветошкин, 1913 – Ветошкин М.К. Сибирское областничество // *Современный мир*. 1913. № 3. С. 10-18.
- Вегман, 1917 – Вегман В. Областнические иллюзии, рассеянные революцией // *Сибирская жизнь*. 1917. 14 октября. С. 2-3.
- Ветохин, 2008 – Ветохин Е.А. Развитие художественной жизни Сибири в контексте влияния сибирского областничества: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. Барнаул, 2008. 24 с.
- Головинов, 2011 – Головинов А.В. Культурфилософия сибирского областничества: этносоциальные и ценностные основания. Саарбрюккен : LAP LAMBERT, 2011. 146 с.
- Дамешек, 2019 – Дамешек И.Л. Областническая концепция как выражение сибирского самосознания. Иркутское общество и «сибирские вопросы» / *Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков*: Коллективная монография. Научный редактор Л.М. Дамешек. Иркутск: Издательство Оттиск, 2019. С. 98-120.

- Двойнев, 2006** – Двойнев А.В. Отечественная историография сибирского областничества (60-е годы XIX века – 20-е годы XX века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006.
- Дорошенко, 2020** – Дорошенко О.П. Г.Е. Катанаев и областничество: становление научно-исследовательских идей в контексте развития сибиреведения второй половины XIX в. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2020. № 64. С. 101-107. DOI: 10.17223/19988613/64/13
- Жилякова, 2014** – Жилякова Н.В. Журналистика дореволюционной Томской губернии: идея областничества. Томск: Издательство Томского университета, 2014. 290 с.
- Зайнутдинов, 2014** – Зайнутдинов А. Э. Социологические взгляды С.С. Шашкова // *Петербургская социология сегодня*. 2014. Т. 1. № 1-1(5). С. 230-243.
- Зиновьев, Филонов, 2022** – Зиновьев В.П., Филонов И.Д. «Сибирский вестник» и сибирское областничество: эволюция отношений в 1885–1905 гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 484. С. 121-126.
- Иванов, 2011** – Иванов А.В. Будущее Сибири: разрушительный сепаратизм или созидательная регионализация // *Социологические исследования*. 2011. № 8(328). С. 148-151.
- Козьмин, 1918** – Козьмин Н.Н. Областничество (Из истории сибирского областничества) // *Сибирские записки*. 1918. № 1. С. 42-56.
- Крутовский, 1917** – Крутовский В.М. Из истории сибирского областничества // *Сибирские записки*. 1917. № 1. С. 55-64.
- Круссер, 1931** – Круссер Г.В. Сибирские областники. Новосибирск, 1931. 64 с.
- Коржавин, 1971** – Коржавин В.К. и др. К характеристике сибирского областничества // *Сибирские огни*. 1971. №12. С. 23-29.
- Ковалышкина, 2005** – Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 323 с.
- Коваленко, 2015** – Коваленко В.И. Идеи федерализма в русской политической мысли // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2015. №3. С. 56-74.
- Локтионова, 2022** – Локтионова Е.А. Проблемы изучения пенитенциарной преступности в отечественной науке и практике // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2022. № 1(48). С. 267-274. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9042
- Масяйкина, 2022** – Масяйкина Е.С. Владимирова О.Г. Идеология областничества в зеркале русской культуры: на материале лексико-языковых практик повести Георгия Гребенщикова «Ханство Батырбека» // *Юрислингвистика*. 2022. № 26(37). С. 90-95. DOI: 10.14258/leglin(2022)2615
- Мосина, 1978** – Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978. 236 с.
- Протасова, 2023** – Протасова О.Л. Сибирь и сибиряки в идейно-творческом осмыслении писателей-неонародников (конец XIX – начало XX в.) // *Уральский исторический вестник*. 2023. № 4(81). С. 24-32. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-24-32
- Потанин, 1874** – Потанин Г.Н. Объединение областей // *Камско-Волжская газета*. 1874. 18 янв. (№ 8). С. 8.
- Разгон, 1964** – Разгон И.М. Сибирское областничество в 1917 году / *Программа и краткое содержание докладов объединенной научной сессии по вопросу «Предпосылки революции и установления советской власти в Сибири»*. Томск, 1964.
- Ремнёв, 2011** – Ремнёв А.В. Национальность «Сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // *Полития*. 2011. № 3. С. 109-128.
- Сесюнина, 1974** – Сесюнина М.Г. Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – идеологи сибирского областничества: (К вопросу о классовой сущности сибирского областничества второй половины XIX в.). Том. политехн. ин-т им. С.М. Кирова. Томск: Издательство Томского университета, 1974.
- Сагалаев, Крюков, 1991** – Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г. Н. Потанин: Опыт осмысления личности. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. 232 с.
- Сушко, 2018** – Сушко А.В. Исторические идеи и политические практики сибирского сепаратизма // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 426. С. 192-206.
- Троицкий, 2013** – Троицкий С.А. Областничество в российской гуманитарной научной литературе // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. Т. 16, № 1. С. 60-77.
- Томилов, 2018** – Томилов Н.А. Исторические и социально-культурные процессы в России в оценках конференции «IV Ядринцевские чтения» // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2018. № 1. С. 23-26.
- Чекушин, 2021** – Чекушин В.В. Апелляции к классической литературе как способ трансляции общественно-политических идей в публицистике Вл. М. Крутовского // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. №471. С. 59-66. DOI: 10.17223/15617793/471/6
- Чужак, 1916** – Чужак Н. Ф. К подлинному лицу областничества // *Забайкальское обозрение*. 1916. № 10/11.
- Шиловский, 2023** – Шиловский М.В. Вклад Г. Н. Потанина в концепты евразийства / *Евразийский мир: история, культура, ценности: материалы международной научно-практической*

конференции, Астана, 12 мая 2023 года. Астана: Казахстанский филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 2023. С. 316-319.

Шевелев, Конев, 2024 – Шевелев Д.Н., Конев К.А. Г.Н. Потанин и круг его общения в эпоху войн и революций: по материалам переписки 1917–1920 гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2024. № 509. С. 120-126.

Щеброва, 2024 – Щеброва С.Я. Областничество в судьбе Григория Гуркина // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2024. Т. 69, № 1. С. 75-88. DOI: 10.21638/spbu02.2024.105

Ядринцев, 1882 – Ядринцев Н.М. Центр и окраины // *Восточное обозрение*. 1882. №3. С. 6.

Fominykh et al., 2019 – Fominykh S.F., Stepnov A.O., Natolochnaya O.V. The Idea of the Siberian University and Regionalism in the Letters of N.M. Yadrintsev to V.M. Florinsky (1876–1882) // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1243-1255.

Golovin et al., 2023 – Golovin A.V., Vasiliev A.A., Dolzhikov V.A. Synthesis of Political-Legal and Socio-Cultural Narratives of the Ideological and Journalistic Heritage of N.M. Yadrintsev in the 1870s // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1324-1332.

Golovin et al., 2024 – Golovin A.V., Adilbayeva A., Chichulin A.V. Political and Legal Ideology of Siberian Regionalism in the late 19th – early 20th centuries: Interpretations of Modern Irkutsk Historiography // *Bylye Gody*. 2024. 19(4): 1847-1854 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1847

Gryaznukhin et al., 2023 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Pfanenshtil I.A., Kozhevnikov S.V. The Impact of Political Exile in the 19th century on the Formation of the Social and Cultural Space of Siberia. // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1726-1735. DOI: 10.13187/bg.2023.4.1726

Malinov, 2024 – Malinov A.V. Siberian Regionalism as a Phenomenon of Social Thought in Late Imperial Russia // *Sibirica*. 2024. Vol. 23, No. 2. Pp. 69-88. DOI: 10.3167/sib.2024.230203

Malyutina, 2019 – Malyutina L.F., Gergilev D.N., Gryaznukhin A.G., Zhabaeva L.B. Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4: 1429-1438. DOI: 10.13187/bg.2019.4.1429

Tokmurzaev et al., 2022 – Tokmurzaev B.S., Churkin M.K., Apasheva S.N. Representations of Asian Russia as a Colony in the Epistolary Discourse of the Leaders of the Siberian Regionalism // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 338-348.

References

Ananyev, 2018 – Ananyev, D.A. (2018). Sibirskoye oblastничество (1860-ye gg. – nachalo XX v.) v otsenkakh angloyazychnoy i nemetskoazychnoy istoriografii [Siberian regionalism (1860s – early 20th centuries) in the assessments of English-language and German-language historiography]. *Istoricheskii kur'er*. 1: 201-213. DOI: 10.31518/2618-9100-2018-1-17 [in Russian]

Avakov, 2013 – Avakov, A.I. (2013). Sibir' i Dal'niy Vostok: problemy regional'nogo razvitiya i puti ikh resheniya [Siberia and the Far East: problems of regional development and ways of their solution]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 1: 22-28. [in Russian]

Bakharev, 2019 – Bakharev, D.V. (2019). Russkaya tyuremnaya obshchina" vchera i segodnya ["Russian prison community" yesterday and today]. Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeistviya: sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Perm', 02–04 aprelya 2019 goda. Perm': Permskii institut Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii. Pp. 276-279. [in Russian]

Bashkatov, 1998 – Bashkatov, V.A. (1998). Potaniskiye chteniya. Kratkiy kommentariy [Potani readings. Brief commentary]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 266. № 1: Gumanitarnyi spets. vypusk. Pp. 19-20. [in Russian]

Chekushin, 2021 – Chekushin, V.V. (2021). Apellyatsii k klassicheskoy literature kak sposob translyatsii obshchestvenno-politicheskikh idey v publitsistike VI. M. Krutovskogo [Appeals to classical literature as a way of transmitting socio-political ideas in the journalism of VI. M. Krutovsky] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 471: 59-66. DOI: 10.17223/15617793/471/6 [in Russian]

Chuzhak, 1916 – Chuzhak, N.F. (1916). K podlinnomu litsu oblastничества [To the true face of regionalism]. *Zabaikal'skoe obozrenie*. 10/11. [in Russian]

Dameshek, 2019 – Dameshek, I.L. (2019). Oblastnicheskaya kontseptsiya kak vyrazheniye sibirskogo samosoznaniya. Irkutskoye obshchestvo i «sibirskiye voprosy» [Regional concept as an expression of Siberian identity. Irkutsk society and "Siberian issues"]. *Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoi gubernii XIX – nachala XX vekov: Kollektivnaya monografiya*. Nauchnyi redaktor L.M. Dameshek. Irkutsk: Izdatel'stvo Ottisk. Pp. 98-120. [in Russian]

Dispersal, 1964 – Dispersal, I.M. (1964). Siberian regionalism in 1917 Programma i kratkoye soderzhaniye dokladov ob"yedinennoy nauchnoy sessii po voprosu «Predposylki revolyutsii i ustanovleniya sovetской vlasti v Sibir [Program and summary of reports of the joint scientific session on the issue of "Prerequisites for the revolution and the establishment of Soviet power in Siberia"]. Tomsk. [in Russian]

Doroshenko, 2020 – Doroshenko, O.P. (2020). G.Ye. Katanayev i oblastничество: stanovleniye nauchno-issledovatel'skikh idey v kontekste razvitiya sibirevedeniya vtoroy poloviny XIX [G.E. Katanaev and regionalism: the formation of research ideas in the context of the development of Siberian studies in the

- second half of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 64: 101-107. DOI: 10.17223/19988613/64/13 [in Russian]
- Dvoinev, 2006** – Dvoinev, A.V. (2006). Otechestvennaya istoriografiya sibirskogo oblastnichestva (60-ye gody XIX veka – 20-ye gody XX veka) [National historiography of Siberian regionalism (1860s – 1820s)]: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Omsk. [in Russian]
- Fominykh et al., 2019** – Fominykh, S.F., Stepnov, A.O., Natolochnaya, O.V. (2019). The Idea of the Siberian University and Regionalism in the Letters of N.M. Yadrintsev to V.M. Florinsky (1876–1882). *Bylye Gody*. 53(3): 1243-1255.
- Golovinov et al., 2023** – Golovinov, A.V., Vasiliev, A.A., Dolzhikov, V.A. (2023). Synthesis of Political-Legal and Socio-Cultural Narratives of the Ideological and Journalistic Heritage of N.M. Yadrintsev in the 1870s. *Bylye Gody*. 18(3): 1324-1332
- Golovinov et al., 2024** – Golovinov, A.V., Adilbayeva, A., Chichulin, A.V. (2024). Political and Legal Ideology of Siberian Regionalism in the late 19th – early 20th centuries: Interpretations of Modern Irkutsk Historiography. *Bylye Gody*. 19(4): 1847-1854. DOI: 10.13187/bg.2024.4.1847
- Golovinov, 2011** – Golovinov, A.V. (2011). Kul'turfilosofiya sibirskogo oblastnichestva: etnosotsial'nyye i tsennostnyye osnovaniya [Cultural philosophy of Siberian regionalism: ethnosocial and value foundation]. Saarbrücken: LAP LAMBERT. 146 p. [in Russian]
- Gryaznukhin et al., 2023** – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Pfanenshtil, I.A., Kozhevnikov, S.V. (2023). The Impact of Political Exile in the 19th century on the Formation of the Social and Cultural Space of Siberia. *Bylye Gody*. 18(4): 1726-1735. DOI: 10.13187/bg.2023.4.1726
- Ivanov, 2011** – Ivanov, A.V. (2011). Budushcheye Sibiri: razrushitel'nyy separatizm ili sozidatel'naya regionalizatsiya [The future of Siberia: destructive separatism or creative regionalization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 8(328): 148-151. [in Russian]
- Korzhaev, 1971** – Korzhaev, V.K. i dr. (1971). K kharakteristike sibirskogo oblastnichestva [On the characteristics of Siberian regionalism]. *Sibirskie ogni*. 12: 23-29. [in Russian]
- Kovalenko, 2015** – Kovalenko, V.I. (2015). Idei federalizma v russkoy politicheskoy mysl [Ideas of federalism in Russian political thought]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 3: 69. [in Russian]
- Kovalyashkina, 2005** – Kovalyashkina, E.P. (2005). Inorodcheskiy vopros» v Sibiri: kontseptsii gosudarstvennoy politiki i oblastnicheskaya mys [“The foreign question” in Siberia: concepts of state policy and regional thought]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 323 p. [in Russian]
- Kozmin, 1918** – Kozmin, N.N. (2018). Oblastnichestvo (Iz istorii sibirskogo oblastnichestva [Regionalism (From the history of Siberian regionalism)]. *Sibirskie zapiski*. 1: 42-56. [in Russian]
- Krusser, 1931** – Krusser, G.V. (1931). *Sibirskiy oblastnik* [Siberian regionalists]. Novosibirsk, 64 p. [in Russian]
- Krutovskii, 1917** – Krutovskii, Vs.M. (1917). Iz istorii sibirskogo oblastnichestva [From the history of Siberian regionalism]. *Sibirskie zapiski*. 1: 55-64. [in Russian]
- Loktionova, 2022** – Loktionova, E.A. (2022). Problemy izucheniya penitentsiarnoy prestupnosti v otechestvennoy nauke i praktike [Problems of studying penitentiary crime in domestic science and practice]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 1(48): 267-274. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9042 [in Russian]
- Malinov, 2024** – Malinov, A.V. (2024). Siberian Regionalism as a Phenomenon of Social Thought in Late Imperial Russia. *Sibirica*. 23(2): 69-88. DOI: 10.3167/sib.2024.230203
- Malyutina, 2019** – Malyutina, L.F., Gergilev, D.N., Gryaznukhin, A.G., Zhabaeva, L.B. (2019). Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country. *Bylye Gody*. 54(4): 1429-1438. DOI: 10.13187/bg.2019.4.1429
- Masyaykina, 2022** – Masyaykina, E.S. Vladimirova, O.G. (2022). Ideologiya oblastnichestva v zerkale russkoy kul'tury: na materiale leksiko-yazykovykh praktik povesti Georgiya Grebenshchikova "Khanstvo Batyrbeka" [Ideology of regionalism in the mirror of Russian culture: based on the lexical and linguistic practices of Georgy Grebenshchikov's story "Batyrbek Khanate"]. *Yurislilingvistika*. 26(37): 90-95. DOI: 10.14258/leglin(2022)2615 [in Russian]
- Mosina, 1978** – Mosina, I.G. (1978). Formirovaniye burzhuazii v politicheskuyu silu v Sibiri [Formation of the bourgeoisie into a political force in Siberia]. Tomsk, 236 p. [in Russian]
- Potanin, 1874** – Potanin, G.N. (1874). Ob'yedineniye oblastey [Unification of regions]. *Kamsko-Volzhskaya gazeta*. 18 yanv. (№ 8). P. 8. [in Russian]
- Protasova, 2023** – Protasova, O.L. (2023). Sibir' i sibiryaki v ideyno-tvorcheskom osmyslenii pisateley-neonarodnikov (konets XIX – nachalo XX v.) [Siberia and Siberians in the ideological and creative understanding of neo-populist writers (late 19th – early 20th centuries)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 4(81): 24-32. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-24-32 [in Russian]
- Remnev, 2011** – Remnev, A.V. (2011). Natsional'nost' «Sibiryak»: regional'naya identichnos [Nationality “Siberian”: regional identity and historical constructivism of the 19th century]. *Politiya*. 3: 109-128. [in Russian]

- [Sesyunina, 1974](#) – *Sesyunina, M.G.* (1974). G.N. Potanin i N.M. Yadrintsev – ideologi sibirskogo oblastnichestva: (K voprosu o klassovoi sushchnosti sibirskogo oblastnichestva vtoroi poloviny XIX v.) [G.N. Potanin and N. M. Yadrintsev – ideologies of the Siberian regionalism: (On the question of the class essence of the Siberian regionalism of the second half of the XIX century)]. Tom. politekh. in-t im. S.M. Kirova. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. [in Russian]
- [Shchebrova, 2024](#) – *Shchebrova, S.Ya.* (2024). Oblastnichestvo v sud'be Grigoriya Gurkina [Regionalism in the fate of Grigory Gurkin]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 69(1): 75-88. DOI: 10.21638/spbu02.2024.105 [in Russian]
- [Shevelev, Konev, 2024](#) – *Shevelev, D.N., Konev, K.A.* (2024). G.N. Potanin i krug yego obshcheniya v epokhu voyn i revolyutsiy: po materialam perepiski 1917–1920 gg. [G.N. Potanin and his circle of contacts in the era of wars and revolutions: based on the materials of the correspondence of 1917–1920]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 509: 112-120. [in Russian]
- [Shilovskii, 2023](#) – *Shilovskiy, M.V.* (2023). Vklad G.N. Potanina v kontsepty yevraziystva [The contribution of G.N. Potanin to the concepts of Eurasianism] *Yevraziyskiy mir: istoriya, kul'tura, tsennosti : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Eurasian world: history, culture, values: materials of the international scientific and practical conference]. *Evraziiskii mir: istoriya, kul'tura, tsennosti: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Astana, 12 maya 2023 goda*. Astana: Kazakhstanskii filial Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova. Pp. 316-319. [in Russian]
- [Sushko, 2018](#) – *Sushko, A.V.* (2018). Istoricheskiye idei i politicheskiye praktiki sibirskogo separatizma [Historical ideas and political practices of Siberian separatism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 426: 192-206. [in Russian]
- [Tokmurzaev et al., 2022](#) – *Tokmurzaev, B.S., Churkin, M.K., Apasheva, S.N.* (2022). Representations of Asian Russia as a Colony in the Epistolary Discourse of the Leaders of the Siberian Regionalism. *Bylye Gody*. 17(1): 338-348.
- [Tomilov, 2018](#) – *Tomilov, N.A.* (2018). Istoricheskiye i sotsial'no-kul'turnyye protsessy v Rossii v otsenkakh konferentsii «IV Yadrintsevskiy chteniya» [Historical and socio-cultural processes in Russia in the assessments of the conference “IV Yadrintsev Readings”]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 1: 23-26. [in Russian]
- [Troitskii, 2013](#) – *Troitskii, S.A.* (2013). Oblastnichestvo v rossiyskoy gumanitarnoy nauchnoy literatur [Regionalism in Russian humanitarian scientific literature]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 16(1): 60-77. [in Russian]
- [Vetokhin, 2008](#) – *Vetokhin, E.A.* (2008). *Razvitiye khudozhestvennoy zhizni Sibiri v kontekste vliyaniya sibirskogo oblastnichestva* [Development of artistic life in Siberia in the context of the influence of Siberian regionalism]: avtoref. diss. ... kand. iskusstvovedeniya. Barnaul. 24 p. [in Russian]
- [Vetoshkin, 1913](#) – *Vetoshkin, M.K.* (1913). Sibirskoye oblastnichestvo [Siberian regionalism] *Souremenny mir*. 3: 10-18. [in Russian]
- [Voložhanin, 1916](#) – *Voložhanin, E.* (1916). Kolosov i oblastniki [Koloso and the regionalists]. *Utro Sibiri*. 3: 6-9. [in Russian]
- [Wegman, 1917](#) – *Wegman, V.* (1917). Oblastnicheskiye illyuzii, rasseyannyye revolyutsiye [Regional illusions dispelled by the revolution]. *Sibirskaya zhizn'*. October 14. Pp. 2-3. [in Russian]
- [Yadrintsev, 1882](#) – *Yadrintsev, N.M.* (1882). Tsentri i okrainy [Center and outskirts]. *Vostochnoe obozrenie*. 3: 6. [in Russian]
- [Zainutdinov, 2014](#) – *Zainutdinov, A.E.* (2014). Sotsiologicheskiye vzglyady S.S. Shashkova [Sociological views of S.S. Shashkov]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*. 1. 1-1(5): 230-243. [in Russian]
- [Zhilyakova, 2014](#) – *Zhilyakova, N.V.* (2014). Zhurnalistika dorevolutsionnoy Tomskoy gubernii: ideya oblastnichestva [Journalism of the pre-revolutionary Tomsk province: the idea of regionalism]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 290 p. [in Russian]
- [Zinoviev, Filonov, 2022](#) – *Zinoviev, V.P., Filonov, I.D.* (2022). "Sibirskiy vestnik" i sibirskoye oblastnichestvo: evolyutsiya otnosheniy v 1885–1905 gg. ["Sibirsky Messenger" and Siberian regionalism: the evolution of relations in 1885 – 1905]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 484: 121-126. [in Russian]

Политико-правовой идеал сибирских областников второй половины XIX – начала XX в. в отечественной историографии: опыт периодизации и классификации

Александр Викторович Головинов ^{a, *}, Антон Александрович Васильев ^b

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Институт государства и права РАН, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей работе поставлена цель выявить и показать динамику историографических новаций в трактовках политико-правовой идеологии сибирских областников. Также осуществляется попытка периодизации и классификации историографических нарративов областничества, под которым мы понимаем систему воззрений на государство, власть, закон и территориальное устройство России, сформировавшееся в Российской империи во второй половине XIX в. и активно существовавшее до начала XX столетия в среде разночинной интеллигенции Сибири.

Исследование проводилось с опорой на аксиологический подход, принцип холизма и историко-сопоставительный метод. Такой комплексный инструментарий позволит выявить ценностные ориентации учёных по «областниковедению», рассмотреть их в единстве и целостности, сопоставить по содержательным и иным основаниям историографические нарративы политико-правового учения сибирских областников. Материалом для исследования выступил корпус исследовательских работ историков, философов, социологов, юристов, политологов и филологов по проблематике политических и юридических воззрений представителей областнической идеологии.

Установлено, что дореволюционные трактовки идеала сибирских регионалистов в области политики и права осуществляли сами участники областнического движения, в советский период маркером идеологического позиционирования были всяческие искажения и частые карикатурные формы в трактовках программы деятелей-сибиряков. В эпоху «демократического транзита», то есть конца 1990-х – начала 2000-х гг., выступили плодотворные попытки коммеморативной работы над наследием лидеров движения сибирских регионалистов, резкий рост числа публикаций, диссертационных исследований и научно-практических конференций. Характерной особенностью современного корпуса исследований по проблематике политико-правовой идеологии областников является рост междисциплинарных работ в среде не только историков, но и искусствоведов, юристов, философов, социологов, филологов.

Ключевые слова: областничество, Российская империя, история политических и правовых учений, дореволюционная юриспруденция, демократия, федерализм, созидательная регионализация, парламентаризм.

* Корреспондирующий автор

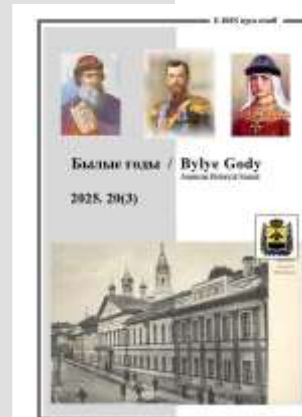
Адреса электронной почты: alex-golovinov@mail.ru (А.В. Головинов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1391-1403
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1391

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Terrorism as a Socio-Political Phenomenon in the Moral Assessment of Russian Intelligentsia of the second half of the 19th – early 20th centuries

Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Tatyana V. Gryaznukhina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The major subject of research of the present paper is the problem of the attitude of the Russian intelligentsia to political terror in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. The work is based on the use of authentic sources: diaries, letters, recollections, memoirs, articles by the representatives of the intelligentsia of the period reviewed. The reasons for genesis of terrorism are analyzed, which consisted in incompletion of reforms, incapability of intelligentsia to deliver on their potential in any of the fields of activity, and the lack of political representation of intelligentsia in management structures. It was found that abusive policy towards revolutionaries on the part of the government contributed to the expansion of the support base for political terror. The nature of terror evolution in Russia and the social composition of participants in terrorist activities, represented by the intelligentsia, the nobility, students, and workers, were addressed. The dominant role of intelligentsia in terror was substantiated, which stood at its origins and of which it was the product. Glorification of the image of a revolutionary terrorist contributed to the formation of a social stereotype of a person sacrificing himself for the greater good, which in turn promoted involvement of new adherents in terror.

The study revealed that intelligentsia, having no generally agreed position regarding the terrorist acts, mostly treated them more than loyally, justifying its position by the unreasonable, cruel policy of the authorities and inability to exercise control over it in any other way. Terror did not get unequivocal moral condemnation from intelligentsia, played its destructive role and drastically affected the socio-political development of Russia.

Keywords: terrorism, intelligentsia, Russia of the 19th century, Narodnaya Volya, Socialist Revolutionaries.

1. Введение

Высокий накал общественно-политической борьбы в пореформенной России являлся следствием отношения общества к проводимым правительством реформам. Обманутые надежды побуждали наиболее активную часть общества к решительным мерам, а теоретические дискуссии о путях развития России стали принимать формы политической борьбы. Идейная непримиримость приводила к политическому экстремизму, который на практике реализовывался в терроризме. Преследуя политические цели, используя методы террора как крайнее средство политической борьбы, отдельные лица, группы или организации стремились дестабилизировать общественно-политическую обстановку в стране. В террористической деятельности принимали участие как революционные деятели, призывающие к свержению существующего режима, так и участники национально-освободительных, сепаратистских движений и даже уголовные элементы. Общественность России 1860–1870-х гг. видела возможность кардинального изменения жизни в стране в революционно-демократическом движении, социальный состав которого был весьма

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina)

разнообразен. В террористических актах, которые являлись неотъемлемой частью революционного движения, участвовали интеллигенция, студенты, дворяне, рабочие, крестьяне. Вера интеллигенции в то, что только она может решить судьбу народа, определила её доминирующую роль в терроре, который стал её порождением. Первоначально свой нравственный долг перед народом интеллигенция стремилась выполнить посредством социальной и культурной деятельности. Но массовое «хождение в народ» не встретило понимания со стороны власти, которая ответила на него массовыми репрессиями, что, в свою очередь, не способствовало налаживанию её диалога с интеллигенцией. Французский исследователь Ж. Соколофф, отвечая на вопрос, «по какой причине молодые идеалисты превращаются в террористов?», предполагал, что этому способствовала «либерализация режима», которая «побудила их перейти к более решительным методам борьбы», а также «жажда возмездия», «месть за товарищей, томящихся в тюрьмах» (Соколофф, 2008: 132). Неэффективная социальная политика власти, усиление с её стороны репрессивных гонений, посредством которых она хотела подавить революционное движение, способствовали тому, что общественное сознание всё больше склонялось в пользу террора, который стали поддерживать даже либерально настроенные слои общества.

Столкнувшись впервые с организованным террором в конце 1870-х гг., самодержавная власть продолжала бороться с ним до начала Первой мировой войны. Наложив вполне определённый отпечаток на социально-политические процессы, проходившие в стране, терроризм предопределил её будущее развитие, внося в общественную жизнь дух насилия и страха, дестабилизируя государство и общество.

2. Материалы и методы

В основе исследования лежат архивные материалы, документы, воспоминания, письма, дневники. Используются архивные источники Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Москва, Российская Федерация), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) (Москва, Российская Федерация). Впервые открытый призыв к тотальному террору прозвучал в прокламации Зайчневского «Молодая Россия» (Зайчневский, 1996). В «Листке “Земли и воли”» от 22 марта 1879 г. обосновывалась необходимость политических убийств (ИТВР, 1996: 31). Позицию по защите терроризма изложил в своей статье П. Ткачев (Ткачев, 1996). Л. Толстой своё отношение к террористическим актам донёс до императора в письме к Александру III (Толстой, 1996). Большой интерес для исследования представляют сочинения С. Степняка-Кравчинского, являвшегося непосредственным участником описываемых им событий и исполнителем террористического акта (Степняк-Кравчинский, 1987). Воспоминания П. Милюкова позволяют составить представление об отношении интеллигенции к террористической деятельности эсеров (Милюков, 1990). Интересный фактический материал содержится в воспоминаниях В. Фигнер (Фигнер, 1933). Воспоминания А. Герасимова повествуют о методах борьбы охранного отделения с террористами (Герасимов, 1996). Дневник А. Суворина содержит сведения об отношении к террору Ф. Достоевского (Суворин, 1992). Об отношении творческой интеллигенции к террористической деятельности революционеров можно судить по письмам А. Блока (Блок, 2006), статьям З. Гиппиус (Мережковский и др., 1999). Путевые заметки Дж. Кеннана содержат сведения о пребывавших в Сибири политзаключённых, об отношении к ним Л. Толстого (Кеннан, 1999а, 1999б). Речь Гучкова на заседании Государственной Думы показывает отношение к террору интеллигенции (Гучков, 1912).

Методологическим каркасом работы явилось сочетание общенаучных и специально-исторических методов исследования. Принцип историзма дал возможность анализа взаимосвязи конкретно-исторических условий в России пореформенной эпохи и генезиса терроризма в стране. При помощи историко-генетического метода удалось выявить факторы становления и развития терроризма. Проблемно-хронологический метод позволил выявить закономерности и последовательность эволюции терроризма. Нравственные оценки террористической деятельности представителями российской интеллигенции удалось проследить с помощью идеографического метода.

3. Обсуждение

Большой интерес для исследования представляет книга, написанная французским социалистом Ж. Лонге и русским эмигрантом Г. Зильбером, выпущенная в 1909 г. Работа содержит богатый фактический материал по истории терроризма в России (Лонге, Зильбер, 1991). Фундаментальный характер носит исследование Б. Николаевского, посвящённое провокационной, основанной на терроре деятельности Азефа (Николаевский, 1991). Курс лекций выдающегося историка А. Корнилова позволяет максимально объективно воссоздать атмосферу общественно-политической борьбы в России XIX- начала XX в. (Корнилов, 2004). Монография В. Петухова посвящена рефлексии интеллигенции на революционный терроризм начала XX в. (Петухов, 2006). В монографии Н. Володиной рассматривается генезис политического терроризма в России и механизмы его проявления (Володина, 2023). И. Оржиховский в своём труде анализирует методы борьбы самодержавия против революционного движения в России (Оржиховский, 1982). Ю. Полевой показывает, как изменение мировоззрения рабочего С. Халтурина привело его к участию в террористической деятельности, анализирует характер его взаимоотношений с революционной

интеллигенцией (Полевой, 1979). Размышления Ф. Достоевского об общественно-политической обстановке в России 1870-х гг. нашли своё отражение в романе «Бесы» (Достоевский, 2022). Французский исследователь Ж. Соколофф характеризовал террор в России как «смертельную игру», в которой не может быть победителей (Соколофф, 2008). В статье А. Римского и М. Исмагиловой рассматриваются идеи русской интеллигенции в контексте правовой культуры (Римский, Исмагилова, 2022). Н. Чапагина анализирует причины, побудившие интеллигенцию обратиться к террору (Чапагина, 2004). Психический облик террориста воссоздают в своей статье И. Клейменов и А. Нуртазин (Клейменов, Нуртазин, 2006). Вопросы, связанные с нравственным оправданием политического террора интеллигенцией, как совершавшей его, так и не причастной к нему, рассмотрены в статье И. Сибирякова (Сибиряков, 2011). В. Сергеев (Сергеев, 2009), М. Леонов (Леонов, 2007) анализируют в своих статьях основные этапы становления терроризма в России. Вопросам деятельности террористических организаций и последствиям, к которым приводили террористические акты, посвящена статья Е. Пономарева (Пономарев, 2012). Методы террористической борьбы партии эсеров исследованы в статье Б. Леванова (Леванов, 2008). В статье финского исследователя В. Ойтинена поднимаются вопросы революционной морали, проводится анализ проблематики нигилизма и связанного с ним терроризма, который проведён с использованием биографий прототипов героев романа Ф. Достоевского «Бесы» (Ойтинен, 2019). Вопросам радикализации общественного поведения, которая выражалась в оправдании обществом насилия, посвящена статья А. Кугая (Кугай, 2017). Способы пассивного социально-психологического воздействия Нечаева и его идей на отдельных представителей общественности анализируются в статье В. Тевс (Тевс, 2020). Психотип Нечаева через факты его биографии рассматривается в статье Ю. Степанова (Степанов, 2022). В работах авторов данной статьи А. Грязнухина и Т. Грязнухиной рассматривались вопросы рефлексии русской интеллигенции в отношении общественно-политических процессов в стране, в том числе терроризма (Gryaznukhina et al., 2021; Gryaznukhin et al., 2021; Gryaznukhin et al., 2024).

4. Результаты

В начале 1860-х гг. в России «происходило всеобщее движение среди русской интеллигенции за либерализм, и все, что он означает», – писал С. Степняк-Кравчинский. Он отмечал, что «Самодержавие ведет против интеллигенции непримиримую и беспощадную войну» (Степняк-Кравчинский, 1987: 66-67). Уже в 1861 г. появляются первые прокламации, выражавшие недовольство реформами со стороны радикально настроенной интеллигенции. Прокламация студента Зайчневского «Молодая Россия», появившаяся в 1862 г. и прямо призывавшая к насилию над несогласными с революционными идеями, произвела на общество ошеломляющее впечатление. Впервые открыто прозвучал призыв: «В топоры!... – бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам! Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всякими способами...» (Зайчневский, 1996: 31). Правительство, напуганное этим призывом к тотальному насилию, ответило репрессиями, которые применялись ко всем подряд. Аресту подвергались лица, состоявшие в переписке с Герценом. Были арестованы Чернышевский, Серно-Соловьевич, Писарев, причём обвинения выносились без соблюдения закона: так Чернышевский был осуждён на 14 лет каторги. Начались гонения на печать (Корнилов, 2004: 472). Способствовало повороту правительства в сторону реакции и польское восстание 1863 г. Историк Л. Тихомиров, сам принимавший активное участие в революционной деятельности и перешедший позже в лагерь монархистов, предупреждал, что одними репрессивными мерами обойтись нельзя. Он считал, что необходимо предупредить само появление радикально настроенных элементов (РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 66). Правительство же, напротив, видело проблему в недостатке репрессивных мер и стремилось их увеличить, что ещё больше усиливало брожение в обществе, апофеозом которого явился выстрел Д. Каракозова в 1866 г., навсегда убедивший власть следовать по пути реакции. Александра II удивило, что Каракозов оказался не поляком, а русским из мелкопоместных дворян. Ещё больше поразило царя то, что многие университетские товарищи террориста сочувствовали его целям (Степняк-Кравчинский, 1987: 236). Студенты представляли собой будущую интеллигенцию страны, и их лояльное отношение к покушению на царскую особу должно было бы послужить предостережением для правительства. Покушение показало, что недовольство политикой власти имеется даже в среде, которая должна была быть опорой для трона. Надежды Каракозова на социальную революцию не оправдались. Покушение было воспринято властью не как предостережение, а как повод для усиления реакции. Проводивший расследование по этому делу генерал М. Муравьев буквально терроризировал население, желая раскрыть заговор, которого не было. Негативным образом покушение сказалось на учащейся молодёжи и на системе образования в целом. Правительство на студенческие волнения отвечало арестами, исключениями из вузов. Были закрыты прогрессивные журналы «Современник» и «Русское слово». По-разному отреагировала на покушение интеллигенция, не имевшая прямого отношения к террору. Решительно осудил его Катков, став на сторону правительства и требуя решительных мер против террористов.

Н. Некрасов написал хвалебные стихи, посвящённые генералу Муравьеву. Журнал от закрытия это не спасло, а либерально настроенная интеллигенция простить этого поэту не смогла. Ф. Достоевский считал, что ответственность за террор лежит на всём обществе в целом (Корнилов, 2004: 513).

Следствием радикализации настроений в интеллигентской среде явилось возникновение по всей стране тайных кружков и образование первой в стране террористической организации «Народная расправа» во главе с С. Нечаевым. Учитель и вольнослушатель университета, Нечаев умел покорять людей. Его влиянию поддались М. Бакунин и Н. Огарев. Для удовлетворения своих властолюбивых устремлений Нечаев использовал обман и хитрость, перешагивая через все нравственные законы, использовал шантаж, воровство, собирал компромат на товарищей, чтобы держать их в повиновении, требуя от них беспрекословного подчинения. Он не потерпел критического отношения к методам своего руководства студента Иванова и приказал его убить, связав всех участников этим преступлением. На скамье подсудимых по этому делу оказалось 87 человек (Корнилов, 2004: 671). Русское общество было ещё не готово принять идеи тотального террора, которые исповедовал Нечаев, и поэтому его деятельность пагубно повлияла на репутацию революционеров. Отзвуки «нечаевского дела» современники увидели в романе Достоевского «Бесы», в котором автор хотел ответить на вопрос: каким образом «нечаевщина» стала возможной. Понимая свободу как нравственное самоопределение личности, Достоевский перевёл решение вопроса в духовную плоскость, рассматривая политическую борьбу как борьбу идей. Общество не хотело верить в реальность созданных писателем образов революционеров-террористов, и поэтому опубликованный в 1872 г. роман многие восприняли как политическую карикатуру, направленную против революции и демократии. Молодой публицист Н. Михайловский, не оправдывая террор, выступил против попытки Достоевского экстраполировать идеи Нечаева на всех революционеров.

В благородном порыве быть полезным России, молодые люди, оставив студенческие скамьи, сотнями «пошли в народ», служению которому решили себя посвятить. В начале 1870-х гг. пропаганда идей социализма среди крестьян шла в мирном русле. Несмотря на преследования властей, объединённые в общество «Земля и воля», представители интеллигенции продолжали свою просветительскую деятельность. Но к концу десятилетия, осознав, что пропаганда не даёт видимого успеха, самые активные члены организации сформировали Исполнительный комитет, который свою главную задачу видел уже в применении террористических методов борьбы с правительством (Корнилов, 2004: 685).

Американский путешественник Дж. Кеннан, целью поездки которого в Россию было исследование положения политических ссыльных, столкнувшись на практике с произволом властей в отношении студентов, либерально настроенной интеллигенции, пришёл к выводу, что в России «терроризм не кажется неестественным и необъяснимым явлением» (Кеннан, 1999а: 237). Напротив, он являлся естественным результатом политики, проводимой властью, которая, казалось, специально способствовала вовлечению в террор всё новых членов. Нечаевец Пётр Успенский, не разделяя радикальных воззрений своего руководителя, выступал за мирную агитацию и просвещение народа. Но разгром кружка, в котором он работал, а в особенности безосновательный арест его 14-летней сестры и помещение её в тюрьму, где её продержали девять месяцев, толкнули Успенского на путь террора. После всего пережитого убийство нечаевцами студента Иванова он считал вполне оправданным, так как опасался последствий предполагаемого предательства с его стороны и последующих после этого ответных репрессивных мер правительства (Тевс, 2020: 236).

Сформированная на основе Исполнительного комитета новая организация «Народная воля» стала применять новую форму политической борьбы – террор, появление которого Кравчинский объяснял так: «Нужно было обойти врага с тылу, схватиться с ним лицом к лицу позади его неприступных позиций, где не помогли бы ему все его легионы. Так возник терроризм» (Степняк-Кравчинский, 1987: 360). В одном из листовок народовольцев 22 марта 1879 г. члены организации обосновывали необходимость террора таким образом: «Политическое убийство – это, прежде всего акт мести. Только отомстив за погубленных товарищей, революционная организация может прямо взглянуть в глаза своим врагам, ... только тогда поднимется на ту нравственную высоту, которая необходима деятелю свободы для того, чтобы увлечь за собой массы» (ИТВР, 1996: 91). Примечательно, что здесь уравниваются два понятия: «убийство» и «нравственность», до высоты которой, по мнению революционеров, можно подняться, только совершив насилие. В 1878 г. после покушения Веры Засулич на генерала Трепова и оправдания её судом присяжных, вокруг революционеров-террористов образовался ореол самопожертвования. Выражая общественное мнение, Кравчинский отмечал: «Засулич вовсе не была террористкой. Она была ангелом мести, жертвой, которая добровольно отдавала себя на заклятие» (Степняк-Кравчинский, 1987: 358). Полное отречение революционеров, их готовность принести себя в жертву революции, способствовало возведению террора в ранг религии. Общество в лице интеллигенции, следившей за судебным процессом, приветствовало решение суда. Публичное оправдание насилия вопреки христианским ценностям свидетельствовало о трансформации в общественном сознании, позволявшей признать террор как явление, имевшее право на существование. А ведь даже мягкий приговор был бы всё же приговором, осуждавшим насилие. Но этого не произошло. Журналист и издатель А. Суворин в своём

дневнике передал разговор с Достоевским, который спросил его о том, обратился бы он в полицию, если бы узнал о готовящемся взрыве в Зимнем дворце. Суворин ответил, что не стал бы этого делать. Достоевский сказал, что поступил бы так же. Мотив, по которому писатель не пошёл бы в полицию, – «боязнь прослыть доносчиком» (Gryaznukhin et al., 2021: 1302). «Мне бы либералы не простили», – заявил издатель (Суворин, 1992: 16). Эту сцену почти точно писатель воспроизвёл в романе «Бесы», когда Верховенский потенциальным членам «пятерки» задал вопрос: «Если бы каждый из вас знал о замышленном политическом убийстве, то пошел ли бы он донести, предвидя все последствия, или остался бы дома, ожидая событий?». Собравшиеся ответили, что если бы это был «гражданский случай», убийство или ограбление, то, конечно, бы донесли, «а тут донос политический». «Здесь не доносчики!» (Достоевский, 2022: 373-374). Достоевский, осуждавший насилие в любых его проявлениях, тем не менее отделял убийство «политическое» от «гражданского», хотя от этого насилие не переставало быть насилием. Принятие насилия в любой его форме свидетельствовало о том, что в сознании общества действительно произошли кардинальные изменения, подвергшие сомнению прежнюю систему ценностей.

В августе 1878 г. С. Кравчинским был брошен правительству новый вызов, когда он среди дня на улице убил шефа жандармов Н. Мезенцова и успел скрыться. Судьба С. Степняка-Кравчинского, ставшего в начале 1870-х гг. на путь профессиональной революционной борьбы, была типичной для разночинной молодёжи. Родился он в семье лекаря военного госпиталя. Решение посвятить свою жизнь борьбе за народное благо привело его в кружок «чайковцев», где он познакомился с С. Перовской, А. Желябовым и другими лидерами движения. Как и многие его сверстники, для осуществления своей идеи он бросил институт и пошёл в народ пропагандировать социалистические идеалы. Пропаганда жестоко каралась правительством, а результатов давала мало. Поэтому народники нашли новый метод борьбы, которым явился террор, акт которого и был осуществлён Кравчинским. Обладая литературным даром, Кравчинский в своих произведениях создавал героический образ революционера-террориста, всегда готового пожертвовать своей жизнью ради высших целей. Созданный им стереотип революционера способствовал расширению базы движения, привлекая на путь террора представителей интеллигенции. Героизация образа революционера должна была обеспечить террористам поддержку общественного мнения. И действительно, многие члены общества оказывали революционерам поддержку. Об этом свидетельствует наличие так называемых укрывателей – людей, принадлежавших к различным слоям, от аристократов до мелких чиновников и даже служащих полиции, сочувствовавших движению, которые скрывали у себя преследуемых властями и запрещённые бумаги (Кравчинский, 1987: 444). Ответом со стороны правительства было ужесточение преследований. Только с августа 1878 г. до конца 1880 г. было казнено 22 террориста, от рук которых погибло 27 и ранено несколько десятков человек (Чевакина, 2004: 169).

Интеллигенция, породившая террор и участвовавшая в нём, всячески оправдывала его как в собственных глазах, так и в глазах представителей интеллигенции, к нему не причастной. Озабоченный мнением европейской общественности о том, что происходит в России, Кравчинский писал: «Нужно наконец помирить Европу с кровавыми мерами русских революционеров, показать, с одной стороны, их неизбежность при русских условиях, с другой – выставить самих террористов такими, каковы они в действительности, т. е. не каннибалами, а людьми гуманными, высоконравственными, питающими глубокое отвращение ко всякому насилию, на которое только правительственные меры их вынуждают» (Степняк-Кравчинский, 1987: 10). Оправдывая террор, Кравчинский пытался совместить несовместимое: идеи гуманизма и насилие. Однако отношение к насилию, олицетворявшему собой террор, со стороны русской интеллигенции не было однозначным. По свидетельству Дж. Кеннана, на рудниках в Каре он познакомился с Натальей Армфельд и её матерью. Наталью ещё с детства знал Л. Толстой. Кеннан обещал рассказать писателю об их бедственном положении, надеясь на его помощь. Но Толстой «не обнаружил расположения выслушать сообщения о страданиях политкаторжан в Восточной Сибири, ... дал ясно понять, что хотя ему и очень жаль многих политических, он ничем не может им помочь» (Кеннан, 1999b: 137). Писатель, твёрдо стоявший на позиции «непротивления злу насилием», считал, что революционеры, проявившие насилие, справедливо теперь сами страдают от него. Осуждение террора с его стороны было однозначным (Gryaznukhin et al., 2023: 1732). После убийства Александра II Л. Толстой написал письмо Александру III, в котором не только призывал, а буквально заклинал его «отдать добро за зло, не противьтесь злу, всем простите» (Толстой, 1996: 475). По его мнению, такое поведение правительства поставило бы его в позицию морального превосходства над террористами. Однако призывы великого писателя не были услышаны властью.

В апреле 1879 г. состоялось покушение А. Соловьева на Александра II. Штабс-капитан Кох, сопровождавший царя, в своём рапорте указывал, что выстрел был произведён во время утренней прогулки императора. Царь бежал зигзагами, уклоняясь от выстрелов. Кох, ударив Соловьева пашкой, свалил его с ног. Террорист был казнён, покушение же вызвало панику в правительстве. В столице и провинции начались аресты. Исполнительный комитет «Народной воли» вынес в августе 1879 г. императору смертный приговор. Убийство царя стало маниакальной идеей народовольцев.

В сознании революционеров укоренялась мысль, что убийство царя может стать толчком для социального взрыва. Но многочисленные попытки террористических актов заканчивались провалом. Тогда решено было организовать взрыв в Зимнем дворце, подготовленный С. Халтуриным при помощи А. Желябова и произведённый в феврале 1880 г. Рабочий Халтурин в течение нескольких месяцев носил во дворец динамит, который ему передавал Желябов (Корнилов, 2004: 713). По отзывам Кравчинского и Плеханова, С. Халтурина отличала начитанность, высокий уровень образованности и глубокая вера в рабочий класс как единственную силу, способную изменить общественное устройство (Полевой, 1979: 46). Разгром «Северного союза русских рабочих», созданию которого посвятил все свои силы Халтурин, способствовал его переходу на путь террора, против которого он до этого решительно выступал. Плеханов пытался отговорить Халтурина от участия в террористической деятельности народовольцев, но безуспешно. В результате взрыва в Зимнем дворце по чистой случайности никто из членов царской семьи не пострадал. Убиты и ранены были караульные солдаты. Взрыв в Зимнем дворце произвёл ошеломляющее впечатление, престиж царского правительства был основательно подорван. О «Народной воле» узнали все, в обществе усилились оппозиционные настроения. А. Герасимов, глава столичного охранного отделения, позже вспоминал: «Особенными симпатиями среди интеллигенции и широких обывательских и даже умеренных слоев общества пользовались социалисты-революционеры. Эти симпатии к ним привлекала их террористическая деятельность» (Герасимов, 1996: 508). Неудавшееся убийство народовольцы решили компенсировать новыми терактами. Обращение Веры Фигнер в Исполнительный комитет «Народной воли» с предложением покарать генерала Стрельникова, известного своим жестоким преследованием революционеров, было встречено сочувственно. Организация террористического акта была возложена на Халтурина и студента Желвакова. Покушение в Одессе в марте 1882 г. закончилось убийством генерала, а Халтурин и Желваков были схвачены и казнены (Полевой, 1979: 93). Судили их тайно, опасаясь сочувствия горожан.

Для борьбы с террором правительством была создана Верховная распорядительная комиссия, главой которой в феврале 1880 г. был назначен Харьковский генерал-губернатор М. Т. Лорис-Меликов. Ему были предоставлены чрезвычайные полномочия. Проводя политику лавирования, Лорис-Меликов хотел наладить отношения с обществом, защищая права граждан, но при этом не отказывался от репрессий против революционеров. Его политика, имевшая успех среди либералов, вызывала опасения в рядах революционеров, которые боялись, что такая политика изолирует их от общества. Арест в Харькове члена Исполнительного комитета «Народной воли» Гольденберга, который выдал многих членов организации, обескровил её ряды. Организация не могла продолжать свою террористическую деятельность, а Лорис-Меликов ошибочно предположил, что революционеры решили изменить тактику борьбы, отказавшись от террора. На самом деле, мобилизовав все оставшиеся силы, народовольцы решили организовать новое покушение на Александра II. Желябов нашел добровольцев, желавших выйти на улицу со снарядами, изготовленными Кибальчичем. После ареста Желябова руководство операцией взяла на себя Софья Перовская. Она действовала решительно, несколько раз переставляя лиц с бомбами с тем, чтобы они непременно были на пути следования императора (Корнилов, 2004: 729).

Убийство императора потрясло общество. М. Катков в «Московских ведомостях» обрушился на революционеров, считая, что Лорис-Меликов потворствует им. Даже либерально настроенная общественность была возмущена. И. Аксаков произнёс речь в Славянском обществе против революционеров и всего западного либерализма. Последовавшая после убийства императора отставка Лорис-Меликова вызвала в либеральных кругах разочарование, связанное с крушением надежд на продолжение реформ. Курс на реакцию, взятый Александром III после убийства отца, способствовал активизации террористической деятельности. В 1887 г. состоялось руководимое народовольцем А. Ульяновым покушение уже на самого Александра III. В результате террористического акта, закончившегося неудачей, Ульянов и его товарищи были казнены.

Террористическая деятельность революционеров способствовала тому, что в качестве главного средства борьбы правительства с революционным движением становится провокация. В ряды секретной службы вербовались агенты, и таким образом создавалась целая провокационная сеть. Полиции удалось склонить к сотрудничеству члена Исполнительного комитета С. Дегаева, который занимался революционной деятельностью не во имя идеи, а двигало им чрезмерное честолюбие и мечта о руководящих должностях. Разоблачённый революционерами, спасая свою жизнь, он вынужден был убить инспектора тайной полиции Г. Судейкина (Лонге, Зильбер, 1991: 12). Подготавливали и осуществляли террористические акты «летучие отряды», входившие в Боевую Организацию. Совершали их люди, для которых террор стал самоцелью. Право на политическое убийство для них не подвергалось сомнению. Азеф, Каляев, Савинков, стоявшие во главе организации, разделяли эти убеждения. Не имевший каких-либо принципов и моральных убеждений, руководившийся лишь личными интересами, Азеф имел абсолютное лидерство в партии. Соратники считали его «великим террористом». По мнению Савинкова, Азефа выделяло «спокойное мужество террориста», «он был даровитым и опытным революционером и твердым решительным человеком. Это мнение в общих чертах разделялось всеми товарищами, работавшими с

ним...» (Лонге, Зильбер, 1991: 50). Значительную роль Азеф сыграл в выработке нового плана террористической кампании в 1901 г. В 1902 г. он был избран в ЦК партии, а после ареста Гершуни имел в «Боевой организации» неограниченную власть. Изучая взрывчатые вещества как техническое средство для ведения борьбы, он организовал в Петербурге динамитную лабораторию. Успешно закончилось разработанное им покушение на министра внутренних дел Плеве и великого князя Сергея Александровича. Но надежда партийцев, что после этих убийств реакция прекратится, не оправдалась. В 1907–1908 гг. Азеф занимался подготовкой убийства Николая II, он сделал всё, что мог, но покушение не состоялось не по его вине (Лонге, Зильбер, 1991: 55). Матросы, которые должны были его совершить на царской яхте, в последнюю минуту не решились это осуществить (Лонге, Зильбер, 1991: 154). Практически вся террористическая деятельность партии направлялась и регулировалась Азефом.

К 1890-м гг. террористические акты стали основным видом деятельности партии эсеров, их осуществляли 50 террористов, входивших в состав «Боевой организации» (Лонге, Зильбер, 1991: 57). Многие боевики, в отличие от Азефа, руководствовались идейными убеждениями, имели свои нравственные принципы. С. Балмашев, исполнитель вынесенного смертного приговора министру Сипягину за жестокое подавление студенческих движений 1899 г. и 1901 гг., после ареста отказался подать прошение о помиловании, которое ему было обещано, предпочтя смерть. Савинков в своих воспоминаниях о Каляеве писал, что тот не смог убить великого князя Сергея Александровича, так как в карете находились его жена и дети (Лонге, Зильбер, 1991: 99, 118). Князь был убит Каляевым позже, при этом смертельное ранение получил кучер. Казнь террорист встретил достойно, так как для него революция была религией, а смерть – великомученичеством. В предсмертном письме, для распространения которого эсеры приложили максимум усилий, Каляев писал: «Пусть мой революционный акт представится вам как выражение моей пламенной любви к народу и моего глубокого уважения к вам. Примите мое дело как дань моей глубокой привязанности к нашей Партии...» (ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 16780. Л. 1). Образ пламенного революционера, борца за народное благо, вызывал сочувствие в обществе и оправдывал террор в его глазах.

Еврейские погромы, организованные в Кишинёве в 1903 г. и зверства, учинённые погромщиками, не могли не вызвать возмущения общества. Правительство не приняло эффективных мер по защите населения. Виновником погромов считали Плеве, который воспринимал их как средство против революционной борьбы. Азеф не был евреем-националистом, не придерживался еврейской религии и обычаев, но погромы возмутили его. Дело Плеве он решил довести до конца уже не корысти ради (Николаевский, 1991: 70). Лидер партии кадетов П. Милоков в своих воспоминаниях писал, что «радость по поводу его (Плеве) убийства была всеобщая», отмечая, что чувство это противоестественно в моральном смысле, но «вполне естественно при противоестественных условиях русской жизни» (Милоков, 1990: 236). Допуская и поощряя зверства, правительство ставило общество перед нравственной дилеммой: осуждение насилия в свете христианских ценностей или оправдание его в качестве средства, устанавливающего социальную справедливость.

После убийства министра Азеф стал героем террора, авторитет его возрос многократно. Все члены партии уверовали в силу террора, которому были отданы основные её силы. Правительству была объявлена настоящая война. Удачное покушение привлекло в организацию много молодых людей. Следующим за Плеве должен был стать председатель Совета министров Столыпин, за которым было установлено наблюдение. Но новые коррективы в политику партии внёс Манифест 1905 г., перед ней встал вопрос о необходимости террора. Против террора решительно выступил Гоц, за террор – Савинков, который считал, что его усиление может привести правительство к краху. Террор для Савинкова всё больше становился самоцелью, а интересы Боевой Организации он ставил выше всего остального. Однако большинство членов партии высказалось против усиления террористических актов, считая, что это оторвёт партию от массового движения (Николаевский, 1991: 126, 187). Террористическая деятельность партии возобновилась в связи с репрессиями со стороны правительства, начавшимися после поражения революции. Считая главным виновником репрессий министра внутренних дел П. Дурново, народолюбцы организовали покушение против него (Николаевский, 1991: 133). Но его так хорошо охраняли, что все попытки приблизиться к Дурново терпели неудачу. Тогда Азеф взял на себя руководство покушением на московского генерал-губернатора Ф. Дубасова, в результате которого погиб адъютант и сам террорист. Дубасов, получив лишь незначительные ранения, ушёл в отставку (Николаевский, 1991: 155).

Усиление или затишье террористической деятельности напрямую были связаны с общественно-политической обстановкой в стране. В связи с открытием Государственной думы в 1906 г. руководством партии было решено приостановить террор, так как появилась надежда на перемены, связанная с тем, что в состав Думы входило большинство настроенных оппозиционно правительству элементов. Но не все члены партии разделяли мнение руководства. Группа «максималистов», отделившись от партии социалистов-революционеров, организовала свою организацию. Они использовали свои методы борьбы: вместо подготовки террористического акта они наносили внезапные удары. Именно так ими было организовано покушение на Столыпина. Явившись в часы приёма на дачу министра, террористы-смертники бросили бомбы в передней.

В результате взрыва погибло несколько десятков посетителей, сами террористы, были ранены дети министра. Сам же Столыпин не пострадал (Николаевский, 1991: 181). ЦК партии опубликовал заявление о непричастности партии к этому акту и моральном его осуждении. В партии отношение к заявлению было воспринято неоднозначно. Для интеллигентов-террористов в отношении совершения террористических актов была характерна внутренняя раздвоенность. Перед ними неизбежно вставал вопрос о случайных жертвах, а также вопрос о праве на убийство, пусть даже во имя блага многих. Судя по частоте террористических актов, вопросы эти решались ими положительно. Убийство жертв в их глазах оправдывалось собственной смертью. Фигнер в своих воспоминаниях писала: «Мы о ценности жизни не рассуждали, никогда не говорили о ней, а шли отдавать ее или всегда были готовы отдать, как-то просто, без всякой оценки того, что отдаем или готовы отдать» (Фигнер, 1933: 156). Убийство многими революционерами воспринималось как тяжёлая необходимость, а собственная смерть как радостный подвиг. Философ и публицист П. Ткачев, занимавшийся революционной деятельностью, активно пропагандировал террор, считая, что «дезорганизовать и ослабить правительственную власть, при существующих условиях политической и общественной жизни России, возможно лишь единым способом: терроризированием отдельных личностей, воплощающих в себе...правительственную власть» (Ткачев, 1996: 153). «Революционный терроризм является...единственным действенным средством нравственно переродить холопа-верноподданного в человека-гражданина» (Ткачев, 1996: 154). Апеллируя к нравственным ценностям, революционеры-террористы неразрывно связывали их с насилием.

Не было однозначного отношения к террору и среди интеллигенции, непосредственно непричастной к нему. Для оправдания террора ей требовалось внутреннее нравственное самооправдание, к которому она, однако, была готова. Так, А. Блок в письме к В. Розанову в феврале 1909 г. писал: «Сам я не “террорист”, уже по тому одному, что “литератор”. Как человек я содрогаюсь при известии об участии любого из вреднейших государственных животных, будь то Плеве, Трепов или Игнатъев. И, однако, так сильно озлобление (коллективное) и так чудовищно неравенство положения – что я действительно не осужу террора сейчас...» (Блок, 1962: 276-277). Поэта подкупало то, что революционеры «умирают как истинные герои с сиянием мученической правды на лице». Отражая социальные процессы времени, в 1913 г. А. Белый написал роман «Петербург». Общество в это время было взбудоражено разоблачением Азефа. Сам Белый был далёк от террора, материалы для своего романа он брал из газет. Биография героя романа, террориста Дудкина, перекликается с биографией основателя Боевой Организации эсеров Г. Гершуни. Автор, воссоздавая в романе атмосферу террора, показывал его разрушительные последствия. Террористы для писателя – это люди, болезнь которых носит заразный характер. В. Брюсов, напротив, оправдывал террор. Видел в нём средство освобождения от тирании. В стихах он воспевал Брута, Робеспьера, Марата, которые воспринимались обществом как символы террора.

Двойственностью по отношению к террору отличалась позиция Д. Мережковского и З. Гиппиус. Попад под обаяние Б. Савинкова, они признавали необходимость революционного свержения самодержавия, но под эгидой религии. Понимание невозможности совершить революцию без насилия и случайных жертв привело их к оправданию террора. Они пришли к выводу, что не могут сказать насилию однозначное «нет». Гиппиус писала: «Нельзя простить убийства; но оправдать его..., если оно совершено во имя будущего и внушено разумом и нравственным чувством, – не только можно, но и должно» (Мережковский и др., 1999: 109). Взывая к нравственности, она оправдывала насилие, спекулируя понятием «общего блага», утверждая, что «с одной стороны, убивать нельзя, а с другой – смотря кого и во имя чего» (Gryaznukhina et al., 2023: 932). Террористов Мережковские воспринимали как святых и мучеников, идущих на смерть. Таким образом, нравственный постулат свободы, по их мнению, вполне может осуществиться через насилие. Мотивы мести самодержавию посредством террора встречаются в творчестве К. Бальмонта, Ф. Сологуба, В. Хлебникова, А. Белого, В. Ходасевича, А. Блока (Петухов, 2006: 81). Творческая интеллигенция имела весомое влияние на общественное сознание, участвуя тем самым в формировании общественного мнения. Сочувственно относясь к террористам, культивируя террористические настроения в обществе, творческая интеллигенция идейно питала террор, за развитие которого, поэтому, она несёт нравственную ответственность. Согласно статистическим данным, только с 1900 по 1910 г. было совершено 23 тыс. террористических актов, в результате которых было убито и ранено 17 тыс. человек (Володина, 2023: 51).

Своеобразным барометром изменения общественного мнения в сторону террора можно считать отношение общества к вопросу покушения на царя, который поднимался ещё при создании Боевой Организации в 1902 г., но тогда его в партии сочли несвоевременным. Народ бы этого не понял и не принял. После разгона Думы, в составе которой эсеры имели свыше 30 представителей, покушение в политическом плане стало оправданным. Слухи о готовящемся покушении на царя не встретили возмущения в обществе, которое психологически к этому было готово. Способствовало этому и торжество реакции, установившейся к осени 1907 г. В ответ на это многие сочувствующие революции ушли в личную жизнь, воспринимая это как явление временное. Такие настроения общества нашли отражение в рассказе А. Чехова «Рассказ неизвестного человека», герой которого, террорист-одиночка, отказался от планируемого убийства во имя семейного счастья. Другие ушли в террор,

воспринимая его как месть за временное поражение. Выходец из интеллигентной состоятельной семьи, талантливый и блестяще образованный В. Лебединцев, разработавший план взрыва в Государственном совете, был предан Азефом, который сообщил об этом А. Герасимову (Николаевский, 1991: 235). Вследствие этого предательства Боевая Организация практически была уничтожена. Разоблачение Азефа вызвало внутривластный кризис, понимание того, что устранением отдельных лиц систему не разрушить. Как результат этого в самой партии возникло движение против террора, взамен которого предлагалось перейти к пропаганде и организации коллективного протеста масс. Разоблачение Азефа нанесло удар не только по имиджу терроризма, но и повлияло на моральное и психическое настроение членов партии, в рядах которой наблюдалось смятение, недоверие, была подорвана вера в чистоту идеалов, без которых идти на смерть было невозможно. «В подобной обстановке террор как система борьбы – и политически, и психологически – стал, конечно, невозможен» (Николаевский, 1991: 281). А. Гучков в своём выступлении в Государственной Думе в 1911 г. справедливо констатировал: «Террор когда-то затормозил и тормозит с тех пор поступательный ход реформы; террор дал оружие в руки реакции; террор своим кровавым туманом окутал зарю русской свободы» (Гучков, 1912: 160). Большая часть интеллигенции России к началу XX в. пришла к убеждению о деструктивном влиянии террора на развитие страны в целом и необходимости его прекращения.

5. Заключение

Незавершенность российских реформ XIX в., отсутствие взаимопонимания между властью и обществом, репрессивная политика правительства, невозможность для интеллигенции реализовать свои политические притязания – всё это привело к радикализации общественных настроений в стране. Отсутствие диалога общества с властью всё больше убеждало его в том, что единственным способом разрешить накопившиеся противоречия является террор. В террор шли под влиянием прокламаций, публичных процессов над революционерами-террористами, руководствуясь личными мотивами или идейной убеждёностью. Образ героя-мученика, идущего на смерть во имя всеобщего блага, укрепившийся в общественном сознании, делал террористическую деятельность привлекательной, расширяя её социальную базу. Кроме интеллигенции, которая породила террор и составляла доминирующую долю в его составе, участие в нём принимали студенты, чиновники, дворяне, рабочие. Попытки разрешить социальные противоречия путём просвещения населения «хождением в народ» не дали результатов. Жестокое преследование революционеров со стороны власти за мирную пропаганду привело их к убеждению, что при данных условиях убийство высокопоставленных чиновников может быть единственным способом борьбы. На правительственный террор народники отвечали террором революционным. С образованием в конце 1901 – начале 1902 г. партии социалистов-революционеров, считавшей себя продолжательницей дела «Народной воли», террористическая деятельность приобрела масштабный и системный характер. Террористические акты, осуществлявшиеся Боевой Организацией, созданной при ЦК партии, встречали сочувствие в обществе. Именно благодаря поддержке либерально настроенной интеллигенции терроризм в России смог оформиться в одну из ведущих форм политической борьбы. И хотя русская интеллигенция не имела согласованной позиции по отношению к террору, нравственную ответственность за его возникновение и развитие она, несомненно, несёт. Либералы, как правило, пытались оправдать террор, обосновывая его необходимость неэффективностью других методов борьбы; консерваторы, осуждая проявленное при совершении террористических актов насилие, поддерживали правительство в его репрессивных мерах. Двойственной была позиция творческой интеллигенции, которая с одной стороны осуждала террор, с другой – оправдывала его. Подобная позиция интеллигенции в целом пагубно сказалась на общественном развитии, приведя общество к тяжёлым последствиям морального оправдания террора. Перейдя в своей деятельности границы допустимого, террористы, большая часть которых была представлена интеллигенцией, не получили нравственного осуждения со стороны общества, которое не осознавало глубины сокрушительного потенциала террора. Понимание этого происходило постепенно, в частности после разоблачения провокационной деятельности Азефа, которая нанесла по терроризму сокрушительный удар, подорвав веру в чистоту его нравственных идеалов. Наконец, приходит осознание того, что несмотря на успешность отдельных террористических актов, изменить таким образом форму государственного управления в России невозможно. Цель террористов не была достигнута. Вследствие этого к началу Первой мировой войны политический терроризм был фактически ликвидирован. Деятельность террористов, внося деструктивный элемент в развитие общества в целом, лишь способствовала приближению трагических событий 1917 г.

Литература

- Блок, 1962 – Блок А. А. Письма 1898–1921. М.-Л., 1962. 477 с.
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
 Герасимов, 1996 – Герасимов А. Из воспоминаний «На лезвии с террористами» / История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. С. 506–508.

- Мережковский и др., 1999 – Мережковский Д., Гиппиус З., Филосовов Д. Революция и насилие / Царь и революция. М., 1999. С. 103-128.
- Гучков, 1912 – Гучков А.И. А.И. Гучков в Третьей государственной думе: (1907-1912 гг.) СПб., 1912. 248 с.
- Достоевский, 2022 – Достоевский Ф.М. Бесы. М., 2022. 608 с.
- Зайчневский, 1996 – Зайчневский П.Г. Молодая Россия / История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. С. 26-31.
- ИТВР, 1996 – История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. 576 с.
- Кеннан, 1999a – Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886 гг.). Т. 1. СПб., 1999. 391 с.
- Кеннан, 1999b – Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886 гг.). Т. 2. СПб., 1999. 399 с.
- Клейменов, Нуртазин, 2006 – Клейменов И.М., Нуртазин А.Б. Психопатология террора // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 2 (26). С. 84-85.
- Корнилов, 2004 – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 2004. 863 с.
- Кутай, 2017 – Кутай А.И. Этиология терроризма // Управленческое консультирование. 2017. № 3. С. 16-27.
- Леванов, 2008 – Леванов Б. В. Из истории терроризма в России (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник МГПУ. 2008. № 2. С. 5-11.
- Леонов, 2007 – Леонов М. И. Террор и смута в Российской империи начала XX века // Вестник СамГУ. 2007. № 5/3 (55). С. 175-186.
- Милюков, 1990 – Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). Т. 1. М., 1990. 446 с.
- Николаевский, 1991 – Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991. 384 с.
- Ойтinen, 2019 – Ойтinen В. Революционная мораль и русский опыт: Маркс, Бакунин, Достоевский // Электронный философский журнал. 2019. Вып. 26. С. 13-24.
- Оржеховский, 1982 – Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826-1880 гг.). М., 1982. 207 с.
- Полевой, 1979 – Полевой Ю.З. Степан Халтурин. М., 1979. 111 с.
- Пономарев, 2012 – Пономарев Е.Г. Политический терроризм в России во второй половине XIX века // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 27-31.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
- Римский, Исмагилова, 2022 – Римский А.В., Исмагилова М.М. Парадоксальная идеология народничества в правовой культуре русского интеллигента // Философия. Социология. Право. 2022. Т.47. № 2. С.230-237.
- Сергеенкова, 2009 – Сергеенкова В.В. Проблема терроризма в теории и практике российского революционного движения // Работы исторического факультета БГУ. Вып. 4. Минск, 2009. С. 309-316.
- Сибиряков, 2011 – Сибиряков И.В. Интеллигенция и террор: исторический опыт России начала XX века // Интеллигенция и мир. 2011. № 1. С. 7-18.
- Соколофф, 2008 – Соколофф Ж. Бедная держава: история России с 1815 года до наших дней. М., 2008. 882 с.
- Степанов, 2022 – Степанов Ю.Г. Казус С.Г. Нечаева (комментарий к биографии) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (78). С. 118-127.
- Степняк-Кравчинский, 1987 – Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения. Т.1. М., 1987. 575 с.
- Суворин, 1992 – Суворин А. Дневник. М., 1992. 493 с.
- Тевс, 2020 – Тевс В. В. Исторический феномен «нечаевщина» как проявление пассивных способов социально-психологического воздействия // Цифровая наука. 2020. № 5. С.228-239.
- Ткачев, 1996 – Ткачев П. Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. С. 153-154.
- Толстой, 1996 – Толстой Л.Н. Письмо Александру III // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. С. 469-480.
- Фигнер, 1933 – Фигнер В.Н. Воспоминания. Запечатленный труд. Т. 3. М., 1933. 418 с.
- Чевакина, 2004 – Чевакина Н.И. Политический терроризм в России во второй половине XIX века // Научно-технический вестник. 2004. Вып. 17. С. 168-172.
- Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Akhtamov E.A. Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // Bylye Gody. 2021. 16(3): 1299-1307.
- Gryaznukhin et al., 2023 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Pfanenshtil I.A., Kozhevnikov S.V. The Impact of Political Exile in the 19th century on the Formation of the Social and Cultural Space of Siberia // Bylye Gody. 2023. 18(4): 1726-1735.

Gryaznukhin et al., 2024 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Zhulaeva A.S., Kozhevnikov S.V. (2024). The Dichotomy of the Mentality of the Russian People and the Intelligentsia of the XIX century // *Bylye Gody*. 2024. 19(2). 716-725.

Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F. et al. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 652-660.

Gryaznukhina et al., 2023 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Pfanenshtil I.A., Schastlivaya T.V. (2023). Ideological and Spiritual Paradigm of Z. N. Gippius' Social Activity in the Context of the Silver Age // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 927-935.

References

Blok, 1962 – Blok, A.A. (1962). Pis'ma 1898–1921 [Letters 1898–1921]. Moskva, Leningrad. 477 p. [in Russian]

Chepagina, 2004 – Chepagina, N.I. (2004). Politicheskii terrorizm v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [The political terrorism in Russia in the second half of the 19th century]. *Nauchno-tekhnicheskii vestnik*. 17: 168-172. [in Russian]

Dostoevskii, 2022 – Dostoevskii, F.M. (2022). Besy [The demons]. Moskva. 608 p. [in Russian]

Figner, 1933 – Figner, V.N. (1933). Vospominaniya. Zapechatlennyy trud. T. 3 [Memories. Sealed Work. Vol. 3]. Moskva. 418 p.

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

Gerasimov, 1996 – Gerasimov, A. (1996). Iz vospominanij «Na lezvi s terroristami». [From the memoirs "On the Blade with the Terrorists"]. *Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentakh, biografyakh, issledovaniyakh*. Pp. 506-508. [in Russian]

Merezhkovskii i dr., 1999 – Merezhkovskii, D., Gippius, Z., Filosofov, D. (1999). Revolyutsiya i nasilie [Revolution and Violence]. *Tsar' i revolyutsiya*. Moskva. Pp. 103-128. [in Russian]

Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Karchaeva, T.G., Akhtamov, E.A. (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody*. 16(3): 1299-1307.

Gryaznukhin et al., 2023 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Pfanenshtil, I.A., Kozhevnikov, S.V. (2023). The Impact of Political Exile in the 19th century on the Formation of the Social and Cultural Space of Siberia. *Bylye Gody*. 18(4): 1726-1735.

Gryaznukhin et al., 2024 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Zhulaeva, A.S., Kozhevnikov, S.V. (2024). The Dichotomy of the Mentality of the Russian People and the Intelligentsia of the XIX century. *Bylye Gody*. 19(2). 716-725.

Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F. et al. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.

Gryaznukhina et al., 2023 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Pfanenshtil, I.A., Schastlivaya T.V. (2023). The Ideological and Spiritual Paradigm of Z. N. Gippius' Social Activity in the Context of the Silver Age. *Bylye Gody*. 18(2): 927-935.

Guchkov, 1912 – Guchkov, A.I. (1912). A.I. Guchkov v Tret'ei gosudarstvennoi dume: (1907-1912 gg.) [A. I. Guchkov in the Third State Duma: (1907-1912)]. SPb, 248 p. [in Russian]

Kennan, 1999a – Kennan, Dzh. (1999). Sibir' i ssylka. Putevye zametki (1885-1886 gg.). T. 1. [Siberia and the Exile. Travel Notes (1885-1886). Vol. 1]. SPb. 391 p. [in Russian]

Kennan, 1999b – Kennan, Dzh. (1999). Sibir' i ssylka. Putevye zametki (1885-1886 gg.). T. 2. [Siberia and the Exile. Travel Notes (1885-1886). Vol. 2]. SPb. 399 p. [in Russian]

Kleimenov, Nurtazin, 2006 – Kleimenov, I.M., Nurtazin, A.B. (2006). Psikhopatologiya terrora [The psychopathology of terror]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*. 2 (26): 84-85. [in Russian]

Kornilov, 2004 – Kornilov, A.A. (2004). Kurs istorii Rossii XIX veka [The course of Russian history of the 19th century]. Moskva. 863 p. [in Russian]

Kugai, 2017 – Kugai, A.I. (2017). Etiologiya terrorizma [The etiology of terrorism]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 3: 16-27. [in Russian]

Leonov, 2007 – Leonov, M.I. (2007). Terror i smuta v Rossiiskoi imperii nachala XX veka [Terror and unrest in the Russian Empire at the beginning of the 20th century]. *Vestnik SamGU*. 5/3 (55): 175-186. [in Russian]

Levanov, 2008 – Levanov, B.V. (2008). Iz istorii terrorizma v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [From the history of terrorism in Russia (second half of the 19th – early 20th century)]. *Vestnik MGPU*. 2: 5-11. [in Russian]

Milyukov, 1990 – Milyukov, P.N. (1990). Vospominaniya (1859-1917). T. 1 [Memories (1859-1917). Vol. 1]. Moskva. 446 p. [in Russian]

Nikolaevskii, 1991 – Nikolaevskii, B.I. (1991). Istoriya odnogo predatelya [The story of a traitor]. Moskva. 384 p. [in Russian]

- Oitinen, 2019 – Oitinen, V. (2019). Revolyutsionnaya moral' i russkii opyt: Marks, Bakunin, Dostoevskii [Revolutionary morality and the Russian experience: Marx, Bakunin, and Dostoevsky]. *Elektronnyi filosofskii zhurnal*. 26: 13-24. [in Russian]
- Orzhekhovskii, 1982 – Orzhekhovskii, I.V. (1982). Samoderzhavie protiv revolyutsionnoi Rossii (1826-1880 gg.) [Autocracy vs. Revolutionary Russia (1826-1880)]. Moskva. 207 p. [in Russian]
- Polevoi, 1979 – Polevoi, Yu.Z. (1979). Stepan Khalturin [Stepan Khalturin]. Moskva. 111 p. [in Russian]
- Ponomarev, 2012 – Ponomarev, E.G. (2012). Politicheskii terrorizm v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Political terrorism in Russia in the second half of the 19th century]. *Obshchestvo i pravo*. 5 (42): 27-31. [in Russian]
- RGALI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art].
- Rimskii, Ismagilova, 2022 – Rimskii, A. V., Ismagilova M. M. (2022). Paradoksal'naya ideologiya narodnichestva v pravovoi kul'ture russkogo intelligenta [The Paradoxical Ideology of Populism in the Legal Culture of the Russian Intelligentsia]. *Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 47 (2): 230-237. [in Russian]
- Sergeenkova, 2009 – Sergeenkova, V.V. (2009). Problema terrorizma v teorii i praktike rossiiskogo revolyutsionnogo dvizheniya [The Problem of Terrorism in the Theory and Practice of the Russian Revolutionary Movement]. *Pratsy gistarychnaga fakul'teta BGU*. 4: 309-316. [in Russian]
- Sibiryakov, 2011 – Sibiryakov, I.V. (2011). Intelligentsiya i terror: istoricheskii opyt Rossii nachala XX veka [The intelligentsia and terror: Russia's historical experience in the early 20th century]. *Intelligentsiya i mir*. 1: 7-18. [in Russian]
- Sokoloff, 2008 – Sokoloff, Zh. (2008). Bednaya derzhava: istoriya Rossii s 1815 goda do nashikh dnei [A poor power: The history of Russia from 1815 to the present day]. Moskva. 882 p. [in Russian]
- Stepanov, 2022 – Stepanov, Yu.G. (2022). Kazus S.G. Nechaeva (kommentarii k biografii) [The Case of S. G. Nechaev (commentary on his biography)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3 (78): 118-127. [in Russian]
- Stepnyak-Kravchinskii, 1987 – Stepnyak-Kravchinskii, S.M. (1987). Sochineniya. T.1 [Essays. Vol. 1]. Moskva. 575 p. [in Russian]
- Suvorin, 1992 – Suvorin, A. (1992). Dnevnik [Diary]. Moskva. 493 p. [in Russian]
- Tevs, 2020 – Tevs, V.V. (2020). Istoricheskii fenomen «nechaevshchina» kak proyavlenie passivnykh sposobov sotsial'no-psikhologicheskogo vozdeistviya [The historical phenomenon of "Nechaevism" as a manifestation of passive methods of socio-psychological influence]. *Tsifrovaya nauka*. 5: 228-239. [in Russian]
- Tkachev, 1996 – Tkachev, P. (1996). Terrorizm kak edinstvennoe sredstvo npravstvennogo i obshchestvennogo vozrozhdeniya Rossii [Terrorism as the Only Means of Russia's Moral and Social Revival]. *Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentax, biografiyax, issledovaniyax*. Pp. 153-154. [in Russian]
- Tolstoi, 1996 – Tolstoi, L.N. (1996). Pis'mo Aleksandru III [Letter to Alexander III]. *Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentax, biografiyax, issledovaniyax*. Pp. 469-480. [in Russian]
- Zaichnevskii, 1996 – Zaichnevskii, P.G. (1996). Molodaya Rossiya. [Young Russia]. *Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentax, biografiyax, issledovaniyakh*. Pp. 26-31. [in Russian]

Терроризм как общественно-политическое явление в нравственной оценке русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в.

Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *}, Татьяна Владимировна Грязнухина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Основным предметом исследования данной статьи является проблема отношения русской интеллигенции к политическому террору в России второй половины XIX – начала XX в. Работа основана на использовании первоисточников: дневников, писем, воспоминаний, мемуаров, статей представителей интеллигенции рассматриваемой эпохи. Проанализированы причины генезиса терроризма, заключавшиеся в незавершённости реформ, невозможности интеллигенции реализовать свои возможности в какой-либо из сфер деятельности. Установлено, что насильственная политика по отношению к революционерам, в виде правительственного террора, способствовала расширению социальной базы политического террора. Рассмотрены специфика эволюции террора в России и социальный состав участников террористической деятельности, представленный интеллигенцией, дворянством, студентами, рабочими. Обоснована доминирующая роль в терроре интеллигенции, которая стояла у его истоков и порождением которой он являлся. Героизация образа революционера-террориста способствовала формированию из него социального стереотипа человека,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина)

жертвующего собой во имя всеобщего блага, что, в свою очередь, способствовало вовлечению в террор новых адептов. В ходе исследования выявлено, что интеллигенция, не имея в целом согласованной позиции по отношению к террористическим актам, в основном относилась к ним более чем лояльно, оправдывая свою позицию неразумной, жестокой политикой власти и невозможностью воздействовать на неё другим способом. Террор, не получив однозначного нравственного осуждения со стороны интеллигенции и сыграв свою деструктивную роль, пагубным образом отразился на общественно-политическом развитии России.

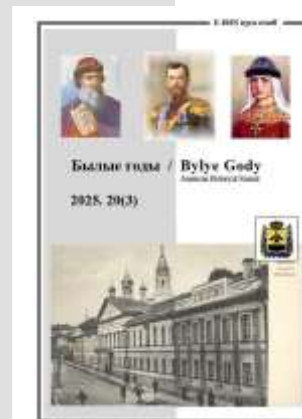
Ключевые слова: терроризм, интеллигенция, Россия XIX в., социалисты-революционеры, народовольцы.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1404-1415
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1404

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Memorable Sites of the Pavlodar Irtysh Region on Topographic Maps of the 19th – early 20th centuries

Madi I. Rakhimov ^{a, b, c}, Nurbek U. Shayakhmet ^b, Kairat K. Battalov ^{b, *}, Gulzhazira I. Rakhimova ^c

^aToraighyrov University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

^bAstana IT University, Astana, Republic of Kazakhstan

^cAstana Medical University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article explores the commemorative sites of the Pavlodar Irtysh region, documented on topographic maps dating from the late eighteenth to the early twentieth centuries. Employing an interdisciplinary approach, it examines military outposts, sacred landmarks, and places connected with the activities of the Kazakh nobility, stressing that these locations fulfilled not only administrative functions but also significant symbolic roles.

The study draws on expedition reports, archival records, the works of prominent scholars and ethnographers, and topographic maps. Special attention is paid to sacred sites – including mosques and mausoleums—linked to notable religious figures and members of the elite. These landmarks fostered unique cultural spaces that united various social groups.

The authors emphasize that cartographic materials captured more than geographical realities; they also documented elements of the spiritual landscape, revealing how local communities perceived and inhabited their environment. Viewing commemorative sites as intersections of history, culture, and collective memory highlights the multilayered character of the Pavlodar Irtysh region's historical and cultural heritage. Such research not only safeguards historical memory but also lays a foundation for developing cultural tourism in the region.

Keywords: Pavlodar Priirtysh region, topographic maps, memorable sites, sacralization of space, historical heritage

1. Введение

Формирование системы российских укреплений в Прииртышье, начавшееся ещё в XVII веке и особенно активизировавшееся в XVIII столетии, имело стратегическое значение для Российской империи. Укрепления вдоль Иртыша выполняли функцию военных опорных пунктов и одновременно обеспечивали выход к сибирским природным ресурсам и торговым маршрутам. Экспедиция И. Бухгольца, отправленная по приказу императора Петра I и губернатора Сибирской губернии М.П. Гагарина, положила начало систематической картографической фиксации местности, которая одновременно стала базисом для военных и административных мер по укреплению позиций империи в регионе. В этот же период С. Ремезов ([Remezov, 1642](#)) внёс сведения об основных реках, озёрах, кочевьях, а также о ряде мест, которые со временем стали рассматриваться как исторически и культурно значимые.

Значительная часть научных исследований XIX века была связана с продвижением во внутренние районы Казахстана и Западной Сибири, где природа, культура и уклад жизни местного населения вызвали интерес у исследователей и представителей властных структур. Экспедиционные

* Corresponding author

E-mail addresses: kairat.battalov@gmail.com (K.K. Battalov)

маршруты охватывали и Павлодарское Прииртышье, включая прилегающие степные территории. Со временем укрепления, такие как Ямышевская и Коряковская крепости, перестали быть исключительно стратегическими объектами и превратились в хозяйственные центры, вокруг которых возникли новые пункты местной торговли и ремесла. Полевые наблюдения и научные описания способствовали осмыслению культурной значимости отдельных мест, которые со временем приобрели статус памятных не только благодаря историческим событиям, но и благодаря формированию вокруг них устойчивых культурных и сакральных традиций.

Цель настоящей статьи – проследить, как в результате научных процессов возник устойчивый образ памятных мест Павлодарского Прииртышья, закрепившийся в документах Императорского Русского географического общества, народной памяти и на топографических материалах.

2. Материалы и методы

В ходе исследования использовались труды путешественников и исследователей Западной Сибири и казахских степей, включая отчёты Г.Ф. Миллера (Миллер, 2005), П.С. Палласа (Паллас, 1786), П.И. Рычкова (Рычков, 1762) и А.К. Гейнса (Гейнс, 1866). Важной частью источниковой базы стали издания и отчёты Императорского Русского географического общества, где помещены работы П.П. Семёнова-Тян-Шанского (Семенов-Тянь-Шанский, 1903), Г.Н. Потанина, Ш. Уалиханова, Н. Коншина, а также архивные материалы канцелярий Западно-Сибирского и Степного генерал-губернаторств, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Историческом архиве Омской области (ИАОО) (Омск, Российская Федерация) и Государственном архиве Алтайского края (ГААК) (Барнаул, Российская Федерация). Существенную часть анализа составили топографические карты XVIII и XIX веков, фиксирующие форты, дороги, кладбища и иные объекты, указывавшие на их возможную сакральную ценность.

Системный исторический метод дал возможность проследить закономерности развития региона и увидеть, как военные, экономические и культурные факторы влияли на формирование «мест памяти». Картографический метод заключался в сопоставлении исторических карт между собой и с современными географическими данными. Междисциплинарный подход объединил исторические, археологические, этнографические и культурологические аспекты. Историко-антропологический анализ позволил оценить, как местное население воспринимало и сакрализовало те или иные места. Важную роль сыграла архивная работа, обеспечившая доступ к оригинальным донесениям, рапортам, переписке чиновников и деятелей эпохи, что позволило уточнить ряд фактов, связанных с появлением укреплений, мечетей и других культовых сооружений.

3. Обсуждение

Научно-исследовательская активность в Павлодарском Прииртышье была тесно связана с военно-административными задачами того времени. В материалах экспедиций Г. Миллера (Миллер, 2005), П.С. Палласа (Паллас, 1786: 163), П. Рычкова (Рычков, 1762) и И.Г. Андреева (Андреев, 1998) содержатся одни из первых попыток комплексного описания природы, климата, населения и хозяйственного потенциала региона. Военные топографы параллельно занимались составлением карт, на которых обозначались не только форты, но и объекты, представлявшие значение для местного населения. Так, шведский офицер Филипп Иоганн фон Страленберг, а также картограф И. Кирилов и геодезист И. Красильников включали в свои чертежи мазары (мусульманские надмогильные памятники, связанные с могилами почитаемых людей, распространённые в Центральной Азии) и другие культовые сооружения, что отражает стремление к более полному и всестороннему пониманию особенностей территории и культурного уклада её обитателей.

Императорское Русское географическое общество публиковало результаты экспедиций и наблюдений, включая труды П.П. Семёнова-Тян-Шанского (Семенов-Тянь-Шанский, 1903), где описывались природные условия и этнокультурные особенности Казахстана. Г.Н. Потанин (Потанин, 1972), выходец из Западной Сибири, проявлял особый интерес к этнографии казахского населения, в том числе на территории Прииртышья. А. И. Левшин (Левшин, 1832) и Л. Мейер (Мейер, 1865) подробно освещали быт и нравы казахов. Ш. Уалиханов (Уалиханов, 1984), сочетавший европейское научное образование с культурным опытом казахской среды, также фиксировал священные места и мавзолеи, демонстрируя неотделимость религиозных и культурных объектов от общего ландшафта и общественной жизни. Наконец, Н. Коншин (Коншин, 2007) акцентировал внимание на феномене аулие (в исламской традиции Центральной Азии почитаемый святой, праведник или духовный наставник, часто являющийся объектом народного поклонения) и целительных озёрах, подчёркивая значение подобных мест для формирования духовной географии региона.

В ходе исследования по локализации памятных мест Павлодарского Прииртышья были использованы архивные картографические материалы XIX века, позволяющие уточнить точное расположение объектов. Так, на топографической карте (ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 85. Л. 3) отражена местность Акколь-Жайылма. На схематической карте Западной Сибири и Киргизской (Казахской – Прим. авт.) степи (ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 18. Л. 12) указано место захоронения Мусы Шорманова (казахский общественный и государственный деятель, старший султан Баянаульского округа,

полковник царской армии, просветитель и этнограф). Все эти данные дополняют письменные источники, формируя более целостное представление о памятных местах региона.

Одновременная фиксация укреплений и сакральных объектов на картах указывает на сложное положение Прииртышья. С одной стороны, оно служило передовым военным рубежом, с другой – сохраняло локальные религиозные и культурные практики. В результате формировалось особое пространство, в котором официальная картографическая топонимика сочеталась с устной традицией, связанной с целителями, священными местами и родовыми преданиями. В ряде случаев архивные документы подтверждают, что власти учитывали значимость подобных объектов для местного сообщества при планировании укреплений, дорог и организации управления.

4. Результаты

Прежде чем переходить к изложению результатов, важно детально обозначить ключевые понятия, на которых строится дальнейший анализ. В толковом словаре В. Даля «память» описывается как способность сознания удерживать пережитое и как совокупность оставшихся следов прошлого, отражённых в созданных человеком предметах и представлениях (Даль, 1905: 474). В своём толковом словаре С. Ожегов видит в памяти не только психологический механизм воспроизведения опыта, но и сам запас впечатлений, а также особую форму уважения к значимым людям и событиям (Ожегов, 1990: 691). Схожее содержание несёт слово «жады» (память – Прим. авт.) из тюркской лексикографической традиции, зафиксированное В. Радловым, что позволяет расширить понятийный контекст за счёт сопоставления русских и тюркских лексических данных (Радлов, 1905: 37).

В продолжение понятийного анализа необходимо также определить значения и этимологию таких ключевых терминов, как «священный» и «сакральный». В философских словарях слово «сакральный» (от лат. *sacer* – объявить священным, преклоняться, посвятить богу) трактуется как относящееся к сфере высшего, духовного (Стёпин, 2010: 91). По определению Э. Бенвениста, «*sacer*» обозначает таинство, тогда как «*sanctus*» – это явление, порождающее запреты, придуманные людьми (Бенвенист, 1995: 349).

Таким образом, с онтологической точки зрения, «сакральный» – это явление, отличающееся высоким уровнем духовности; с позиции гносеологии – истина, находящаяся за пределами рационального познания; с точки зрения феноменологии – удивительный и прекрасный мир; с аксиологической позиции – абсолютное, императивное явление (Rakhimov et al, 2018).

На этом основании памятное место понимается как точка пересечения материального ландшафта, исторического события и коллективных представлений. Подобный локус формирует особое культурное пространство, где координаты пространства сочетаются с ценностными смыслами, что обеспечивает устойчивую значимость этого места в региональной памяти. Идея французского историка Пьера Нора о «*lieux de mémoire*» подчёркивает именно такую роль локусов в фиксации коллективного опыта (Нора, 1999: 25).

Значимость места поддерживается коммеморацией, то есть совокупностью ритуальных и дискурсивных практик, через которые сообщество регулярно обращается к прошлому, адаптируя его к современным потребностям. Коммеморация включает публичные церемонии, музейные экспозиции, реставрацию памятников и иные формы воспоминания, постоянно насыщая пространство новыми оттенками смысла. В её рамках участок земли превращается в активный элемент культурной идентичности, а память о событии или личности приобретает осязаемую форму.

В результате проведённого анализа удалось выделить несколько значимых групп памятных мест, представляющих историческую, религиозную и культурную ценность для Павлодарского Прииртышья, отражённых на топографических картах XVIII – начала XX века. Прежде всего, речь идёт о военных крепостях, таких как Коряковская и Ямышевская. Их роль не ограничивалась военными функциями, поскольку вокруг крепостей формировалась местная инфраструктура и появлялись поселения, давшие начало современным населённым пунктам. Например, Коряковка впоследствии превратилась в город Павлодар.

О строительстве в 1715 году крепости недалеко от солёного озера писал Г. Ф. Миллер: «Октября 1 числа прибыл господин Бухгольц с войском к озеру Ямышу, где первую крепость заложить велено было. Имя озеро вообще Ямышева выговаривается. А ежели принять татарское и калмыцкое произношение, которое без сомнения всез правильное, за основание, то должно говориться Ямыш, а имя Ямышева должно оставить тамошней крепости» (Миллер, 2005: 482).

Относительно названия Г.Н. Потанин в своём автобиографическом романе «Воспоминания», ссылаясь на записки отца Палладия, пишет: «В XIII веке по приказу Чингисхана была изготовлена карта Монголии, в ней на том месте, где позже появилась станица Ямышевская, можно прочитать слово “Емишин” (Емші көл - Целебное озеро – Прим. авт.). Также чётко просматриваются здания мечети, караван-сарая. Вот видите, с каких пор существует Ямышевская ярмарка... сюда шли караваны за солью из самой Кашгарии. Они весь путь проделывали за 90 дней» (Потанин, 1983: 22).

По сведениям Г.Ф. Миллера, весной Ямышевская крепость была осаждена и разрушена джунгарскими войсками под предводительством Черена Дондука. Экспедиция И. Бухгольца

отступила к устью реки Оми, где в 1716 году была основана Омская крепость. Вскоре после этого И. Бухгольца вызвали сначала в Тобольск, а затем в Петербург (Миллер, 2005: 485).

Летом того же года губернатор Сибири Матвей Гагарин направил подполковника Сибирского драгунского полка Фёдора Матигорова для восстановления Ямышевской крепости. Эти же события описывает А. Гейнс следующим образом: «Вскоре ссора, возникшая между губернатором и Бухгольцем, заставила последнего уехать из Омска в Петербург. Оставшись полным хозяином экспедиции, Гагарин повёл дела весьма энергично. Начальником отряда он назначил Ступина. Ступину было приказано плыть к Ямышеву озеру и вновь отстроить крепость. В 1717 году Ступин прибыл в Ямышев и заложил совершенно неприступный новый городок. Ещё раньше, с той же целью, к Ямышеву озеру был направлен отряд под командованием подполковника Матигорова» (Гейнс, 1866: 316).

Местоположение Ямышевской крепости можно увидеть на ландкарте Филиппа Иоганна фон Страленберга (Рисунок 1).

Рис. 1. Фиксация Ямышевской крепости и озера на ландкарте Филиппа Иоганна Табберта фон Страленберга, опубликованной в 1730 году

В 1720 году вблизи Ямышевской крепости, в Коряковском Яру, недалеко от одноимённого озера, был построен военно-укрепительный форпост Коряковский. Посетивший Коряковский форпост в 1771 году академик П. С. Паллас описывает его таким образом: «Сей форпост всех прочих по Иртышу многолюднее и имеет лучшие там строения. Высокая и открытая там степь, на коей лежит оной форпост, и привольная долина с приятными находящимися по реке островами придают его положению ещё большую приятность. От Иртыша в 22 верстах на степи лежит само Коряковское солёное озеро. Соль перевозят на барках, которые за 15 верст ниже Семипалатной из тамошнего соснового лесу строят. Они держат грузу 18 000 пудов» (Паллас, 1786: 154).

Первое зафиксированное местоположение данного озера можно увидеть на хорографической карте С. Ремезова (Рисунок 2).

Развитие солевой промышленности способствовало превращению данного региона в один из торгово-промышленных центров Прииртышья. Об этом пишет В.П. Семёнов-Тянь-Шанский: «Коряковская соль считается во всём Прииртышском крае наилучшей. Добывается её в год от 700 тыс. до 1 250 тыс. пудов. Соль, особенно коряковская, сбывается далеко за пределы области: она свозится к Иртышу (Черноярка, Павлодар и др.), откуда сплавляется в Омск, Тару, Тобольск и Томск, и сухопутным путём в Ачинск, Барнаул, Верный и др. Позже форпост переименован в станицу и, наконец, в 1861 году – в уездный город Семипалатинской области» (Семенов-Тянь-Шанский, 1903: 69).

Рис. 2. Озеро Коряковка на карте из «Хорографической книги Сибири» (1696–1711) С.У. Ремезова (Remezov, 1642: 96).

Местоположение данных крепостей не только сохранилось в народной памяти, но и играет важную роль в культурно-историческом наследии региона. Эти форпосты служили не только военными опорными пунктами, но и стали основой для развития торговли и взаимодействия различных этнокультурных групп. Особое значение они приобретают в контексте деятельности Султанбета султана (казахский политический и военный деятель XVIII века, правитель Среднего Прииртышья, дипломат и батыр) и его сына Шаншар султана (казахский политический и военный деятель конца XVIII – начала XIX века, младший сын Султанбета султана), сыгравших заметную роль в управлении Средним Прииртышьем. Упоминание Султанбет-султана встречается в записях капитана И.Г. Андреева, который писал: «Волость кипчацкая, которая начинается кочевьем своим от крепости Ямышевской вниз по реке Иртышу по займищам и островам, даже до крепости Железинской и ниже оной. Главным старшиной сей волости Султамамет-султан почитается. Подвластных самых лучших людей, кроме жен и детей, до 5000. Которому султану по знатности его в прошлом 1778 году прямо форпоста Коряковского в 7 верстах на заречной стороне для зимнего кочевья построен деревянный дом, а сверх того, по воспоследовавшему из Государственной Коллегии иностранных дел от 13 марта 1764 года указу, при котором прислана ему в копиях грамота и от вице-канцлера Воронцова письмо, по которой грамоте пожалован саблей и денежным жалованьем 150 руб., да и впредь оному производить велено, которому и ныне производится» (Андреев, 1998: 49).

В 2016 году археологическая экспедиция центра «Margulan Centre» Павлодарского государственного педагогического института обнаружила усадьбу, упомянутую в архивных источниках. Она находилась на территории села Кенжеколь вблизи г. Павлодара. Резиденция была воссоздана на основе сохранившихся описаний и чертежей: в её составе находились покои султана и две светлицы, использовавшиеся как рабочие кабинеты.

Сведения о Султанбет-султанине неоднократно зафиксированы в российских архивах, что подчёркивает его значимость в истории Среднего Прииртышья.

В источниках его нередко упоминают как Солтомамбет или Султанмамбет. Так, 10 июля 1762 года императрица Екатерина II отправила грамоты Нурали-хану (хан Младшего жуза (1748–1786), старший сын Абулхаир-хана), Аблаю (хан Среднего жуза (1711–1781), выдающийся государственный и военный деятель Казахского государства XVIII века) и Султанбет султану, где говорилось: «...ко всенародной радости, сего 1762-го июня 28 дня вступили на Всероссийский престол самодержавно, и в верности к нам нашему императорскому величеству и любезнейшему нашему сыну, законному российскому императорскому престолу наследнику Цесаревичу и Великому князю Павлу Петровичу. Мы великая государыня нашею императорскою милостию хану, салтанам, старшинам и всем киргиз-кайсацкому народу благосклонны пребываем» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 69).

В ответ Аблай и Султанбет султан отправили Баир султана (шурина Абылай хана) и Урус султана (старшего сына Султанбет султана) в качестве посланников, которых торжественно приняли в Зимнем дворце. 27 августа 1762 года Екатерина II отпустила их с наградами, указав в письме: «Лист с

посланцем Баир-солтаном и Урусом здесь получен. А посланец и при сем отпущены возвратно со всемилостившим нашим награждением. Такого же содержания отправлена грамота и к Солтомамет-солтану той же Средней орды сыном его Урус-солтаном, сюда присланным» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 152-152).

Содержание этих писем свидетельствует о значительном влиянии Султанбет султана и его вкладе в развитие дипломатических отношений между Россией и Казахским ханством.

Его деятельность продолжил младший сын Шаншар султан, живший в период с 1758 по 1819 год. Он был одним из наиболее известных представителей политической элиты позднего Казахского ханства и активно помогал отцу в выполнении важных дипломатических поручений. Шаншар лично совершал поездки в Санкт-Петербург, участвовал в коронации императора Александра I и получил аудиенцию, в ходе которой ему вручили грамоту, подтверждавшую права казахов на занимаемые ими земли. Эта миссия свидетельствует о его заметном вкладе в политическую жизнь региона и о важности сотрудничества казахских султанов с российскими властями.

Особое место среди них занимает мечеть Шаншар султана, воздвигнутая в 1802-1804 годах. Она неоднократно упоминается в фондах Российского государственного исторического архива и рассматривается не только как культовое сооружение, но и как архитектурный символ политического влияния казахской аристократии. В одном из писем, адресованном графу Н.П. Румянцеву, зафиксировано следующее: «1802 года октября 1-го числа во исполнение последовавшего именного высочайшего Его императорского величества того же года 17 февраля повеления представили в Государственную коллегия иностранных дел план и смету к построению деревянной мечети и небольшого дома для киргизского Солтана Чанчара Солтамаметова» (РГИА. Ф. 81. Оп. 6. Д. 1291). Этот факт свидетельствует о высоком статусе султана и о значимости мечети, возведённой по его инициативе, в религиозной и общественной жизни региона.

О сооружении мечети, построенной по просьбе султана Шаншара, упоминается, в частности, у А. Букейханова (выдающийся казахский общественный и политический деятель (1866–1937)), который лично видел это в марте 1908 года, проезжая из Семипалатинска в Павлодар: «По дороге из Семипалатинска в Кереку (Коряковка – Прим. авт.) я увидел на высоком берегу Иртыша древнюю мечеть, построенную в честь этого известного султана и названную его именем. Шаншар-султан, который скончался в 1819 году, перед смертью повелел похоронить себя на западном берегу Иртыша. Этот мазар, хотя и порядком разрушен временем, все же сохраняет свою привлекательность. Место его захоронения до сих пор в народе зовется “Шаншар-тамы”» (Букейханов, 2009: 413).

Локацию мечети можно увидеть на дореволюционных картах, где отмечены руины данной постройки у дороги Семипалатинск – Павлодар (Рисунок 3).

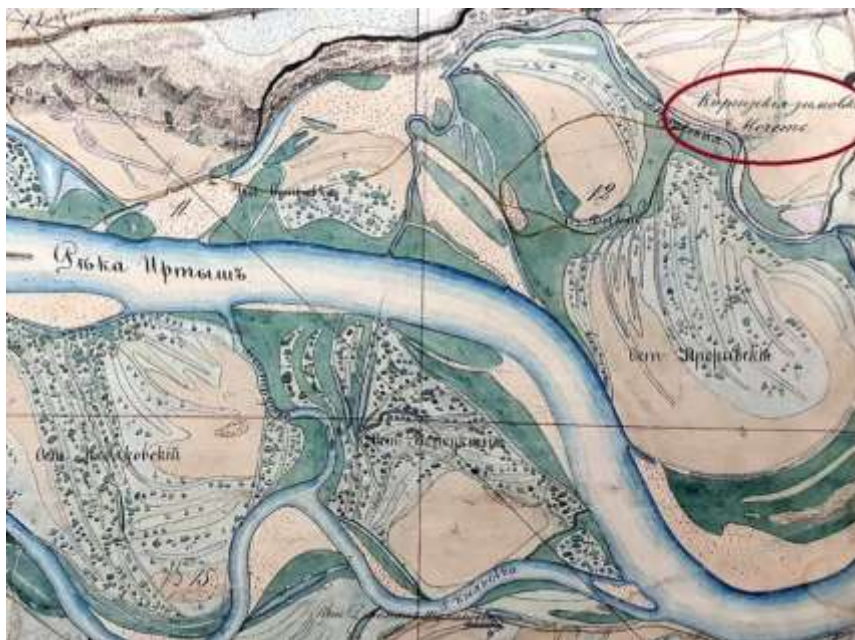

Рис. 3. Карта 1871 года с указанием местоположения мечети султана Шаншара
Источник: [Темирболат-улы](#) (дата обращения: 20.04.2025).

В настоящее время ведётся работа по сопоставлению старых картографических материалов с современными и определению точных географических координат местонахождения мечети. Параллельно проводятся полевые разведывательные исследования, поскольку данное памятное место занимает одно из ключевых мест в историко-культурном наследии Павлодарского

Прииртышья и вызывает особый интерес у местных жителей и исследователей. Для многих поколений эта мечеть служила не только религиозным центром, но и символом общинной сплочённости, памяти и преемственности культурных ценностей.

Одним из значимых политических центров Прииртышья в прошлом являлся регион Акколь-Жайылма, расположенный в междуречье нижнего течения рек Оленты и Шидерты (Экибастузский район, Павлодарская область). Эта территория представляет собой уникальный субрегион степной Сарыарки, отличающийся богатым природным ландшафтом. Её описание представлено в дореволюционных источниках, таких как «Материалы по киргизскому землепользованию», где приводится подробная характеристика местности. Согласно этим данным, в южной части района, где завершаются реки Уленты и Чидерты и начинается река Джалаулы, впадающая в одноимённое озеро, находится обширная низменность. Весной она затапливается водами, которые держатся в течение 15-20 дней, образуя систему мелких озёр и карасу, большая часть которых пересыхает к концу лета. Эта местность на юге известна под названием Аккуль, а на севере – Джайылма ([Материалы по киргизскому..., 1908: 8](#)). Местоположение Акколь-Жайылмы можно увидеть на карте 1871 года, составленной при проведении границы между Павлодарским и Акмолинским уездами ([Рисунок 4](#)).

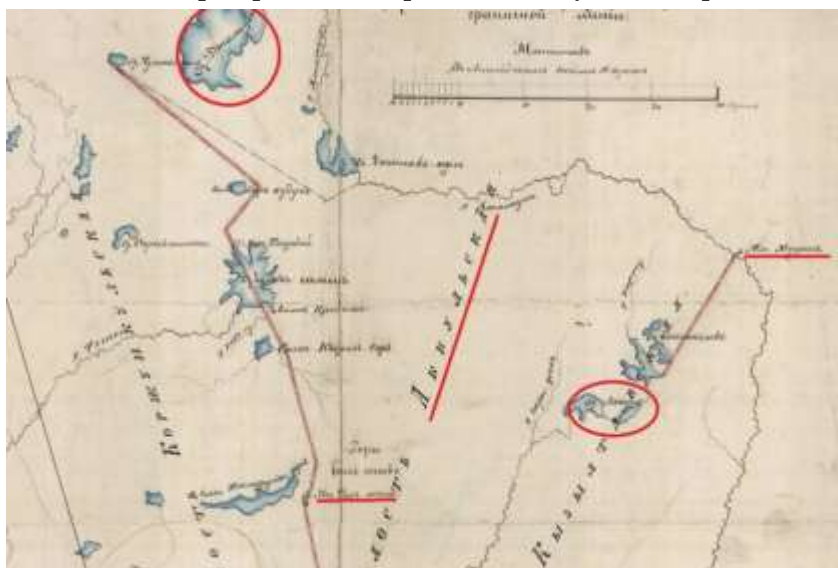

Рис. 4. Местность Аккуль–Жайылма, зафиксированная на карте границ между Павлодарским и Акмолинским уездами с указанием участков, предназначенных для образования летовок киргизов в 1870 году (ИАОО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 18. Л. 12)

Историческая значимость Акколь–Жайылмы подчёркивается источниками начала XIX века. В одном из писем генерал-лейтенанта Глазенапа султану Шаншару Султанмамедулы говорится о приглашении на церемонию, связанную с избранием хана Среднего жуза Бокея, сына Барак-султана, на озере Джайылма ([Букейханов, 1901: 62](#)).

Это событие указывает на роль региона как политического центра, где происходили важные для казахской знати события, включая избрание ханов. Подобные церемонии проводились здесь из поколения в поколение, что отражает устойчивость местных традиций и значимость территории в общественно-политической жизни казахского общества.

Особая святость этой территории, закреплённая в народной памяти, может быть связана с распространением ислама среди потомков Чингисхана и строительством мавзолеев мусульманской знати. Казахская традиция придавала сакральный смысл местам, ассоциированным с чингизидами, приписывая им небесное покровительство и избранность (киелілік). Так, в устных преданиях подчёркивается святость и благословенность Абылай-хана, что отражает пережитки тенгрианских представлений о небесной избранности (благославленный с небом тенгри).

В XVIII–XIX веках культовое значение Акколь-Жайылмы усиливается. Об этом писал Н. Коншин: «В Аккульской волости могильные курганы, в числе трёх, расположенных в линию с востока на запад, находятся в пределах на урочище Сары-оба. На верхушках курганов есть углубление в виде котла. В пределах того же старшинства около оз. Аулие-куль (святое озеро) есть небольшой курганчик, под которым погребён, по рассказам киргиз, святой (аулие) Туйте (почитаемый святой (аулие) у казахов, по преданию живший и кочевавший в районе реки Шидерты, в местности Аккол-Жайылма. Один из девяти местных озёр – Аулие-куль – назван в его честь). Могила этого святого почитают, совершая над ней моления и пр.» ([Коншин, 1903: 11](#)).

Священное значение региона Акколь-Жайылма, возможно, связано с деятельностью исламских проповедников, прибывших в эти земли в разные исторические периоды. На территории Павлодарского Прииртышья расположены мавзолеи известных религиозных деятелей: Исабек

ишана Хазрета (казахский религиозный деятель XIX века, философ, просветитель. Происходил из рода Саид-кожа, считающегося потомками пророка Мухаммеда. С юных лет обучался в медресе, а в 14 лет получил титул «ишан». Впоследствии был признан святым (аулие) за свою духовную деятельность и вклад в распространение ислама в Центральном Казахстане) и Жандарбек кожи (казахский религиозный деятель и просветитель XX века, потомок Исабек ишана), которых принято считать потомками первых миссионеров ислама. Особое место в истории региона занимает Исабек ишан Хазрет, живший в XIX веке. Он был религиозным деятелем, философом, просветителем, наставником Машхура Жусупа Копеева и представителем особой социальной группы казахского общества – рода кожа. Представители этого рода традиционно считаются потомками арабских миссионеров, сыгравших ключевую роль в распространении ислама в Степи. Ещё в XVIII веке на эту особенность обращал внимание П. И. Рычков, отмечая: «Немалое число находится ходжей, которых учеников Магометовых почитают; почитание своё имеют они наипаче от хлебопашества» (Рычков, 1762: 125).

Согласно родословной, дед Исабека носил имя Акку ишан, а отец – Мурат ишан. Последний, как сообщается, был первым из рода, кто поселился в Сарыарке в конце XVII века, будучи молодым человеком примерно двадцати лет. Именно с представителями рода кожа связывался активный процесс исламизации казахского общества. В степной среде эти религиозные авторитеты получали почётное прозвище ишан, что, по определению исламского толкового словаря, означало духовного наставника и проводника религиозных знаний в мусульманской традиции Средней Азии. Обычно ишан проживал в специальной обители и пользовался поддержкой со стороны населения, воспринимавшего его как святого. Звание ишан нередко передавалось по наследству. Их духовное влияние в Казахской степи было чрезвычайно велико.

Путешественник и востоковед Арминий Вамбери в своих дневниковых записях писал: «Никогда не забуду сцен, которые я наблюдал в доме одного ишана. Он унаследовал святость, знания и почет от своего отца. У него был текке (монастырь), где, по примеру Бухары, получали образование несколько групп учеников. К тому же он получил изн (разрешение) из Мекки читать священные стихи (касыде-и шериф)» (Вамбери, 1874: 203). Даже после ухода из жизни могилу святого посещают верующие и читают молитвы. О таких эпизодах сообщает А.И. Левшин: «Едва ли ктонибудь из киргиз-кайсаков был в Мекке. Поэтому по их мнению многие могилы, в степях существующие, скрывают в себе останки святых (аулие). Они ездить им поклоняться, читают над ним молитву, приносят им жертву скот, который тут же сами съедают, и привязывают кустарникам лоскутья, полагая, что души святых обитают над своими телами в местах счастливых» (Левшин, 1832: 56). Схожие наблюдения приводит Л. Мейер, указывая, что «из религиозных обрядов весьма замечательно у киргизов уважение к могилам известных предков и обычай молиться на этих кладбищах, называемых ими святыми – аулие» (Мейер, 1865: 229).

Мавзолей Исабек ишан Хазрета представляет собой архитектурный комплекс, в состав которого входят два мавзолея, построенных из белого камня, мечеть и помещение для паломников. В современную эпоху он рассматривается как значимый сакральный объект и памятник истории и культуры. В традиционном казахском сознании могила Исабек ишана воспринимается как святое место, к которому продолжают обращаться с мольбами о помощи, исцелении и защите. Сюда приезжают паломники из разных регионов Казахстана, что подтверждает актуальность духовного авторитета Исабек ишана и сегодня.

Кроме религиозных деятелей, важное значение имеют памятные места, связанные с личностями, чья деятельность носила социально-политический характер в Прииртышье. Одним из таких мест в Баянауле является мавзолей общественно-государственного деятеля, дипломата и просветителя Мусы Чорманова (1818–1884). Он родился в урочище Аккелин в Баянауле, в семье знатного бия Шормана (настоящее имя – Жумабай). Муса происходил из рода Каржас племени аргын Среднего жуза. Отец Мусы, Шорман бий Кушикулы, был известной личностью в Сарыарке, обладал даром красноречия, и многие его высказывания сохранились в памяти народа. Слово «бий» относится к древним тюркским терминам; оно существовало у разных тюркских народов в вариантах «бек», «бей» и «бий». Слово «бек» у закавказских народов означает «князь», «бей» у турок имеет тот же смысл. У казахов существует глагол «билік», что значит «судить», «решать», и в первоначальном смысле это слово у казахов означало «судья» (примечание Ч. Валиханова) (Валиханов, 1985а: 308).

О Шорман бие рассказывает Ч. Валиханов: «В родах Баянаульского округа султаны имели меньше значения, нежели в других родах, а роды управлялись сильными родоначальниками биями. Особенно известны в народе бии: в айдабульском – Чон, а в каржаском – Чорман, по прозвищу Чечен (мудрый). Чорман, обладая редким даром слова, с 14 лет от роду был родоначальником – бием и в одном тяжёлом процессе славно защитил своих родовичей перед лицом хана Вали» (Валиханов, 1985а: 309).

Сам Чокан Валиханов имел тесные родственные связи с семьёй Шормановых. Бабушка Чокана, Айганым, фактически глава рода Уалихановых, выдала своего сына Чингиза за дочь Шорман бия – Зейнеп, от этого брака родился Шокан (в российских источниках – Чокан). Об этом пишет Г.Н. Потанин: «Мать Чокана, Зейнеп, была дочь бия Баян-Аульского округа, Чормана. Родной брат Зейнеп – Муса Чорманович Чорманов, дядя Чокана, переживший племянника, был очень

влиятельный человек в степи, пользовался уважением степных властей, имел чин русского полковника, подолгу жил в Омске, раза два ездил в Петербург и вообще был один из наиболее европеизированных киргизов» (Валиханов, 1985b: 347).

Шорман бий был назначен ага-султаном Баянаульского внешнего округа в 1836 году, но скончался через год после назначения. Он с детства стремился дать Мусе хорошее образование. Изначально Муса обучался у аульного муллы, затем получил основы русской грамоты, а в 1832 году экстерном поступил в училище Сибирского казачьего войска. Однако в 1833 году, в связи с назначением отца волостным управителем в образованном Баянаульском внешнем округе, Муса вынужден был завершить учёбу. Отец привлёк Мусу к управленческой деятельности, содействуя его назначению управителем Кулюк-Каржасской волости. В дальнейшем Муса занимал пост заседателя Баянаульского окружного приказа.

Пик общественно-политической карьеры Мусы Чорманова пришёлся на 1850–1860-е годы. В 1854 году он был назначен старшим султаном Баянаульского внешнего округа, где добился улучшения хозяйственной и культурной жизни. Авторитет Мусы во многом укрепился благодаря его заботе о просвещении народа. Осознавая значение образования, он активно привлекал молодых казахов к обучению в русских школах и пансионатах. В 1857 году при его участии в Омске была открыта школа для подготовки писарей для волостных канцелярий. Перед областным управлением сибирских казахов Муса поднимал вопрос создания передвижных гимназий, приспособленных к кочевому образу жизни. На собственные средства он построил в Баянауле медресе и мечеть (Сакральная география, 2017: 448).

В середине 1860-х годов в Сибири вспыхнул скандал, связанный с областническим движением. Муса Чорманов и влиятельный султан Чингиз Валиханов попали под подозрение и были охарактеризованы как «назойливые киргизы» и «ненадежные люди». В 1868 году Баянаульский округ был расформирован, а Муса ушёл в отставку в звании полковника. Однако его деятельность не осталась незамеченной. С 1868 по 1884 год Муса Чорманов был советником по казахам в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве, где он продолжал работать над улучшением социально-бытовых условий казахов Прииртышья и открывал русские школы для казахских детей в Омске и Павлодаре. Он материально поддерживал эти учебные заведения. Так была открыта школа-интернат для казахских девочек в 1878 году в Омске.

В наследии Мусы Чорманова сохранились труды по истории, этнографии и хозяйству казахов Прииртышья: «Киргизские народные обычаи», «О скотоводстве у киргизов Западной Сибири», «Заметки о киргизах Павлодарского уезда», «Зимовки или зимние кочевки», «О кочевках киргиз». Эти работы отличаются обширным фактологическим материалом и свидетельствуют о глубоких знаниях культуры и хозяйственного уклада народа. Муса поддерживал научные и личные связи с Г.Н. Потаниным и своим племянником Ч. Валихановым, которые высоко ценили его труды. Он содействовал сбору информации по казахскому фольклору и родословной, а Ч. Валиханов обращался к нему за советом по вопросам истории и обычного права казахов.

В 1884 году Муса Чорманов скончался в Омске. Местоположение его захоронения отмечено на топографической карте 1891 года (Рисунок 5).

Рис. 5. Место захоронения Мусы Шорманова на карте Западной Сибири и Киргизской степи (1891 год) (ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 18. Л. 12)

Память о нём хранится в народном сознании благодаря его деятельности и личным качествам. В представлении современников Муса Чорманов выступал как уважаемый деятель, чьё активное

содействие образованию и культуре способствовало появлению целой плеяды выдающихся личностей науки и культуры Казахстана.

Таким образом, памятные места Павлодарского Прииртышья можно рассматривать как систему локусов, где военные, административные, религиозные и культурные аспекты тесно переплетены. Крепости отражают особенности политики и стратегии своего времени, мечети и мавзолеи сохраняют значимую символическую ценность для населения, а места, связанные с деятельностью родовой знати, выступают ещё и носителями родовой идентификации. Сохранённые в картографических материалах, эти объекты продолжают выполнять важную историко-культурную функцию и представляют интерес как для исследователей, так и для туристов.

5. Заключение

Анализ памятных мест Павлодарского Прииртышья, отражённых на топографических картах XVIII – начала XX века, позволяет сделать вывод, что процесс военного и научного освоения территории шёл параллельно с её культурно-религиозной трансформацией. Первые экспедиции эпохи Петра I, труды С. Ремезова, исследования Миллера, Палласа, Фалька, Рычкова и другие инициативы заложили основу для систематической картографической регистрации укреплений, дорог и естественных ресурсов. Однако результаты этих исследований оказались значительно более широкими: благодаря этнографическому и историческому интересу исследователей на картах и в документах были отмечены памятные объекты, сохраняющие для местного населения особую духовную ценность.

Роль местной знати (Шаншар султана, рода Шормановых) в строительстве мечетей, развитии округов и поддержке научных начинаний иллюстрирует многосторонний характер этих памятных мест. Они превращались в узлы коллективной памяти, переживающей своё отражение как в академических изданиях, так и в народных преданиях. Сегодня возобновлённое внимание к целебным озёрам, мавзолеям аулие, могиле Мусы Шорманова и другим историческим точкам наглядно показывает, что необходимость коммеморации пространства не исчезла. Старые топографические карты служат ценным свидетельством трансформаций культурного ландшафта: на них можно проследить, как укрепления сменялись поселениями, как религиозные объекты соседствовали с военными форпостами, а сакральные территории на стыке степи и реки оставались центрами притяжения людей разных сословий.

Таким образом, топографические карты XVIII–XIX веков – не просто технические документы, но и хранилища исторической и культурной информации. Рассмотрение их сквозь призму междисциплинарного подхода позволяет выявить многоуровневую динамику освоения и осмысления Прииртышья. Эти памятные места продолжают играть важную роль в формировании региональной идентичности, туристической привлекательности и научных исследований, сохраняя живую связь между прошлым и настоящим.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (регистрационный номер AP19176474).

Литература

- Андреев, 1998 – Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. 280 с.
- Бенвенист, 1995 – Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с. фр. / общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. Москва, 1995. 456 с.
- Букейханов, 2009 – Букейханов А. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 3. Астана, 2009. 562 с.
- Букейханов, 1901 – Букейханов А. Из переписки киргизских ханов султанов и проч. // *Памятная книжка Семипалатинской области*. Семипалатинск, 1901. С. 55–78.
- Валиханов, 1985a – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. Алма-Ата, 1984. 416 с.
- Валиханов, 1985b – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. Алма-Ата, 1985. 528 с.
- Вамбери, 1874 – Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 1874. 383 с.
- Гейнс, 1866 – Гейнс А.К. Киргизские Очерки // *Военный Сборник*. 9 Год. СПб., 1866. №1, 6, 7, 8. 430 с.
- ГААК – Государственный архив Алтайского края.
- ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.
- Даль, 1905 – Даль В. Толковый словарь живого велико-русского языка: Т. 2. СПб., 1905. 1019 с.
- ИАОО – Исторический архив Омской области.
- Коншин, 1903 – Коншин Н. О памятниках старины в Семипалатинской области // *Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества*. Вып. I-й. Семипалатинск, 1903. С. 1–32.
- Левшин, 1832 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 2. 333 с.
- Материалы по киргизскому..., 1908 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по использованию степных областей. Павлодарский уезд. СПб., 1908. 505 с.

- Мейер, 1859 – Мейер Л.Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. 382 с.
- Миллер, 2005 – Миллер Г.Ф. История Сибири: т. 3: приложения. М., 2005. 598 с.
- Нора, 1999 – Нора П. и др. Франция-память. СПб., 1999. 328 с.
- Ожегов, 1986 – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1986. 900 с.
- Паллас, 1786 – Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук. Ч. 2, Кн. 2. СПб.: При Императорской академии наук, 1786. 575 с.
- Потанин, 1983 – Потанин Г.Н. Воспоминания. Серия: Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск, 1983. 327 с.
- Радлов, 1905 – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905. 1260 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Рычков, 1762 – Рычков П.И. Топография Оренбургская. В 2-х частях. Ч.1. СПб., 1762. 331 с.
- Сакральные объекты, 2017 – Сакральные объекты Казахстана общенационального значения. Астана, 2017. 496 с.
- Семенов-Тянь-Шанский, 1903 – Семенов-Тянь-Шанский П.П. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга. Т.XVIII. Киргизский край / Под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. СПб., 1903. 479 с.
- Степин, 2010 – Степин В.С. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. Обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и допол. М., 2010. 480 с.
- Темирболат-улы – Темирболат-улы С. Возвращая забытые имена: найдены уникальные документы о жизни Шаншар-султана и построенной им старейшей мечети Прииртышья // Информационное агентство «Наша жизнь». [Электронный ресурс]. URL: <https://lifepvl.kz/2023/12/29/vozvrashhaya-zabytye-imena-najdeny-unikalnye-dokumenty-o-zhizni-shanshar-sultana-i-postroennoj-im-starejshej-mecheti-priirtyshya/> (дата обращения: 20.04.2025).
- Rakhimov et al, 2018 – Rakhimov M., Shayakhmetov N., Battalov K. Sacral geography of priirtysh region in the works of Russian researchers // *Bylye Gody*. 2018. 50(4): 1406-1416.
- Remezov, 1642 – Remezov S.U. 1642 –ca. 1720. Khorograficheskayakniga [cartographical sketch-book of Siberia]. MS Russ 72 (6). Houghton Library, Cambridge, Mass.

References

- Andreev, 1998 – Andreev, I.G. (1998). Opisanie Srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle horde of Kirghiz-Kaisaks]. Almaty, 280 p. [in Russian]
- Benvenist, 1995 – Benvenist, E. (1995). Slovar' indoevropeskikh sotsial'nykh terminov [Dictionary of Indo-European social terms]: per. s. fr. Obshch. red. i vstup. st. Yu.S. Stepanova. Moskva, 456 p. [in Russian]
- Bukeykhanov, 1901 – Bukeykhanov, A. (1901). Iz perepiski kirgizskikh hanov sultanov i proch. Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoy oblasti [From the Correspondence of Kyrgyz Khans, Sultans, and Others. Memorial Book of the Semipalatinsk Region]. Semipalatinsk, pp. 55-78. [in Russian]
- Bukeykhanov, 2009 – Bukeykhanov, A.N. (2009). Sobranie sochinenii v devyati tomakh [Collection of works in nine volumes]. Astana, 562 p. [in Russian]
- Dal', 1905 – Dal', V. (1905). Tolkovyj slovar' zhivogo veliko-russkogo yazyka: T. 2 [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language: v. 2.]. SPb., 1019 p. [in Russian]
- GAAK – Gosudarstvennyy arkhiv Altayskogo kraya [State Archive of the Altai Krai].
- GAORo – Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti [State Archive of the Orenburg Region].
- Geins, 1866 – Geins, A.K. (1866). Kirgizskie Oчерки [Kyrgyz essays]. *Voennyi Sbornik*. 9 God. SPb. №1, 6, 7, 8. 430 p. [in Russian]
- IAOO – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region].
- Konshin, 1903 – Konshin, N. (1903). O pamiatnikakh stariny v Semipalatinskoi oblasti [On the monuments of antiquity in the Semipalatinsk region]. *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Vyp. I, Semipalatinsk, pp. 1-32. [in Russian]
- Levshin, 1832 – Levshin, A.I. (1832). Opisanie kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. SPb. Ch. 2. 333 p. [in Russian]
- Materialy po kirgizskomu..., 1908 – Materialy po kirgizskomu zemlepolzovaniyu sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po ispolzovaniyu stepnih oblastei. Pavlodarskii uезд [Materials by Kirghiz land tenure, collected and developed by the expedition on the use of Steppe areas. Pavlodar county]. SPb, 1908. 505 p. [in Russian]
- Meyer, 1865 – Meyer, L.L. (1865). Kirgizskaia step Orenburgskogo vedomstva [The Kyrgyz Steppe of the Orenburg Department]. SPb, 382 p. [in Russian]
- Miller, 2005 – Miller, G.F. (2005). Istoriya Sibiri: T.3: prilozheniya [History of Siberia. Vol. 3: Appendices]. M., 598 p. [in Russian]
- Nora, 1999 – Nora, P. (1999). Franciya-pamyat [France – Memory]. SPb, 328 p. [in Russian]
- Ozhegov, 1986 – Ozhegov, S.I. (1986). Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. M., 900 p. [in Russian]

Pallas, 1786 – *Pallas, P.S.* (1786). Puteshestvie po raznym mestam Rossijskogo gosudarstva po poveleniyu Sankt-Peterburgskoj imperatorskoj akademii nauk. Ch. 2, Kn. 2 [Travel to Various Places of the Russian State by Order of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences. Part 2, Book 2]. Ch. 2, Kn. 2. SPb.: Pri Imperatorskoj akademii nauk., 575 p.

Potantin, 2005 – *Potantin, G.N.* (2005). Trekhtomnoe izbrannoe sobranie sochinenij. T. 1. Puteshestviya, vospominaniya i pisma [Three-volume selected works. Vol. 1: travels, memoirs, and letters]. Pavlodar. 550 p. [in Russian]

Radlov, 1905 – *Radlov, V.V.* (1905). Opyt slovaria tiurkskikh narechii [An Attempt at a Dictionary of Turkic Dialects]. SPb., 1905. 1260 p. [in Russian]

Rakhimov et al, 2018 – *Rakhimov, M., Shayakhmetov, N., Battalov, K.* (2018). Sacral geography of priirtysh region in the works of Russian researchers. *Bylye Gody*. 50(4): 1406-1416.

Remezov, 1642 – *Remezov, S.U.* (1642 – ca. 1720). Khorograficheskaya kniga [Cartographical sketch-book of Siberia]. MS Russ 72 (6). Houghton Library, Cambridge, Mass.

RGIA – Rossiyski gosudarstvenny istoricheski arkhiv [Russian State Historical Archive].

Rychkov, 1762 – *Rychkov, P.I.* (1762). Orenburg Topography. In 2 parts. Part 1. St. Petersburg. 331 p. [in Russian]

Sakralnye obekty..., 2017 – *Sakralnye obekty Kazahstana obenatsionalnogo znachennia* [Sacred objects of Kazakhstan of national importance]. Astana, 496 p. [in Russian]

Semenov-Tyan-Shansky, 1903 – *Semenov-Tyan-Shansky, P.P.* (1903). *Semenov-Tyan-Shanskij P.P. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva: Nastolnaya i dorozhnaya kniga. T.XVIII. Kirgizskij kraj. Pod red. V.P.Semenova-Tyan-Shanskogo.* [Russia. A Complete Geographical Description of Our Homeland: A Desk and Road Book. Vol. XVIII: The Kirghiz Region. Edited by V. P. Semenov-Tyan-Shansky]. SPb. 479 p. [in Russian]

Stepin, 2010 – *Stepin, V.S.* (2010). Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. In-t filosofii RAN; Nats. Obshchestv.-nauch. fond; Preds. nauchno-red. soveta V.S. Stepin. 2-e izd., ispr. i dopol. M., 2010. 480 p.

Valikhanov, 1984a – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). *Sobranie sochinenij v pyati tomah. T. 2.* [Collected Works in Five Volumes. Vol. 2]. Alma-Ata. 416 p. [in Russian]

Valikhanov, 1985b – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). *Sobranie sochinenij v pyati tomah. T.5.* [Collected Works in Five Volumes. Vol. 5]. Alma-Ata. 528 p. [in Russian]

Vambery, 1874 – *Vambery, A.* (1874). Puteshestvie po Sredney Azii [Journey through Central Asia]. Moskva, 383 p. [in Russian]

Памятные места Павлодарского Прииртышья на топографических картах XIX – начала XX века

Мади И. Рахимов ^{a, b, c}, Нурбек У. Шаяхмет ^b, Кайрат К. Батталов ^{b, *}, Гульжазира И. Рахимова ^c

^a НАО «Торайгыров университет», Павлодар, Республика Казахстан

^b ТОО «Astana IT University (AITU)», Астана, Республика Казахстан

^c НАО «Медицинский университет Астана», Астана, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена исследованию памятных мест Павлодарского Прииртышья, зафиксированных на топографических картах конца XVIII и начала XX века. Через призму междисциплинарного анализа рассматриваются военные форпосты, сакральные объекты и места, связанные с деятельностью казахской знати. Авторы подчёркивают, что такие локации выполняли не только административную, но и важную символическую функцию.

Основу источниковой базы составляют отчёты экспедиций, архивные документы, труды известных исследователей и этнографов, а также топографические карты. Важное значение придаётся сакральным объектам, включая мечети и мавзолеи, связанным с именами религиозных деятелей и представителей знати. Эти объекты формировали вокруг себя уникальное культурное пространство, объединяющее различные слои общества.

В статье подчёркивается, что картографические материалы фиксировали не только географические реалии, но и элементы духовного ландшафта, отражая особенности восприятия пространства местным населением. Рассмотрение памятных мест как точек пересечения истории, культуры и коллективной памяти демонстрирует многоуровневый характер историко-культурного наследия Прииртышья. Такие исследования способствуют сохранению исторической памяти и формируют основу для развития культурного туризма в регионе.

Ключевые слова: Павлодарское Прииртышье, топографические карты, памятные места, сакрализация пространства, историческое наследие.

* Корреспондирующий автор

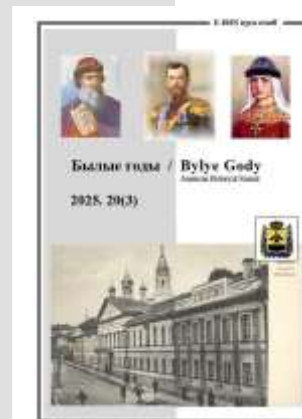
Адреса электронной почты: kairat.battalov@gmail.com (К.К. Батталов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1416-1427
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1416

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Insane in Russian Society in the 19th – early 20th centuries: Historical and Anthropological Analysis (Based on the Materials of the Yenisei Province)

Alexander S. Kovalev ^{a, *}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article represents a comprehensive historical-anthropological study of social practices and cultural mechanisms in the perception of mental illness in the Yenisei Province during the 19th and early 20th centuries. The primary focus is on the process of initial identification of mental disorders in the region, which was based on community diagnosis without the involvement of medical professionals. Special attention is given to the role of local community authorities in detecting cases of mental illness and their influence on the subsequent fate of the mentally ill.

The research employs an interdisciplinary approach, combining principles of anthropological approach to history, “new social history”, local history and microhistory. The source base consists of previously unpublished archival materials from the collections of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory, including peasant verdicts, police reports, court case materials and correspondence of provincial institutions. All this made it possible to reconstruct institutional and everyday challenges in dealing with the mentally ill in society.

During the studied period, interpretations of the causes of mental illness in the region were both social (such as alcoholism, physical injuries and postpartum complications cited as factors that contribute to the development of insanity) and ethnocultural (mystical explanations of madness among foreign population). Community diagnosis involved observing behavioral deviations and making collective decisions. The coexistence of traditional views on normality and pathology with bureaucratic practices reflected the incomplete modernization processes in the Yenisei Province during the imperial times. Society balanced between tolerance and isolation of the mentally ill, while decisions regarding treatment or maintenance were often based on economic feasibility and the level of danger posed by the afflicted.

Keywords: mental disorders, Yenisei province, historical and anthropological analysis, community diagnosis of mental illness, the insane.

1. Введение

Изучение истории жизни умалишённых в российском обществе XIX – начала XX в. представляет значительный научный интерес в контексте антропологического подхода к изучению прошлого. Дискуссии о психическом здоровье нации и необходимость современного общества развиваться в «инклюзивную» сторону делают исторический взгляд на проблему максимально востребованным, поскольку он позволяет проследить истоки стигматизации и способы её преодоления в условиях исторического опыта дореволюционного российского общества. Обращение к истории отношения общества к людям с психическими расстройствами поможет осмыслить смыслы современных стереотипов и практик, лучше понять этические и правовые аспекты отношения к ним, что важно для разработки современных, более гуманных подходов.

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev)

Цель настоящей статьи заключается в том, что проведённое историко-антропологическое исследование позволяет комплексно изучить феномен сумасшествия не в медицинском, а в его социальном и культурном измерении, изучить восприятие умалишённых городскими и сельскими обывателями, представителями прочих сословий и социальных групп, чтобы проследить место психически больных лиц в локальных сообществах в условиях их повседневной жизни. Региональный аспект поможет оценить специфику того, как в условиях Енисейской губернии общество и его институты, с учётом нехватки медицинских ресурсов, принимали на себя функции социального контроля над душевнобольными.

2. Материалы и методы

Источниками изучения стали обнаруженные в Ф. 518 (Контора Красноярских богоугодных заведений Енисейского губернского приказа общественного призрения) и Ф. 595 (Енисейское губернское управление) Государственного архива Красноярского края (ГАКК) (Красноярск, Российская Федерация) и ранее не публиковавшиеся общественные приговоры крестьянских сходов, протоколы и рапорты сельских старост, удостоверения волостных правлений, полицейские донесения, документы Экспедиции о ссыльных, горных исправников на золотопромышленных приисках, рапорты улусного старшины, материалы инородной управы, земских заседателей, свидетельские показания, прошения рядовых граждан с просьбами о передаче их родственников на испытание в умственных способностях, делопроизводственные документы Енисейской губернской управы и её переписка с Енисейским гражданским губернатором.

Методологическую основу исследования составляют идеи «*новой социальной истории*», которая делает акцент на «историю снизу», изучая жизнь маргинальных групп, прежде остававшихся за пределами «официальной» истории, их быта, семейных и соседских отношений, повседневного сознания. Применительно к «истории умалишённых» в контексте социальной и культурной истории это означает изучение самой истории сумасшествия, представлений о душевной болезни в обществе, становления общественного контроля и социального самочувствия душевнобольных с учётом их собственного «голоса».

В связи с этим настоящее исследование опирается на принципы *антропологического подхода к истории*, который помогает изучить, как конструировались представления о психической болезни в обществе, какие практики оно применяло в отношении душевнобольных. Антропологический подход, выступая за восстановление субъектности умалишённых, ставит под сомнение универсальность психиатрических категорий и показывает, как общество «переживало безумие». Такая позиция позволяет увидеть, как само общество различало границы между «здоровьем» и «болезнью». Не отрицая медицинский взгляд на проблему, антропологический подход говорит о том, что сумасшествие означало не только медицинский диагноз, но и было сложным социально-культурным феноменом.

Обращение к *локальной истории* позволит восполнить пробел в изучении специфики восприятия безумия местным сообществом в условиях Енисейской губернии – отдалённого и специфического региона Российской империи, выявить уникальные особенности «открытия случая» умопомешательства в сибирском регионе.

3. Обсуждение

В первой четверти ХХI в. исследователи стали часто обращаться к проблеме истории помощи душевнобольным гражданам в XVIII–XX вв., становления психиатрических заведений. Подобных исследований уже достаточно для того, чтобы их содержание стало предметом специального историографического изучения – так, М.А. Виноградова в статье «Историографический аспект организации психиатрической помощи в Российской империи в 1861–1905 гг.» изучает проблематику организации психиатрической помощи в пореформенной России, даёт подробную характеристику дореволюционного, советского и современного этапов развития научных работ по указанной теме, рассматривает их особенности и тенденции на каждом из них (Виноградова, 2022). При этом вопросы естественной и социальной маргинализации психически больных лиц, взаимодействия медицинских и социокультурных факторов при определении их судьбы в исторических исследованиях изучены недостаточно. Тем не менее, можно выделить ряд публикаций, которые затрагивают не только становление и развитие психиатрической помощи, но и рассматривают самих душевнобольных.

Подробный анализ положения душевнобольных в российском селе в конце XIX – начала XX в. даёт известный тамбовский историк В.Б. Безгин. Он делает вывод о том, что русские крестьяне разделяли душевнобольных людей на слабоумных от рождения и потерявших рассудок в зрелом возрасте, а также изучает причины, которые, по мнению крестьян, могли привести к психическому заболеванию. Он отмечает, что психические заболевания не были распространённым явлением в русском селе того времени, а отношение к сумасшедшим в деревне определялось традиционным религиозным сознанием крестьян и степенью их просвещённости и варьировалось от сочувственного до пренебрежительного. Причём сам случай умственного расстройства воспринимался как нечто неординарное, а поведение деревенских сумасшедших – как нарушающее привычные нормы, а потому опасное (Безгин, 2012; Безгин, 2013).

В коллективной статье, опубликованной в 2013 г. в «Российском психиатрическом журнале», её авторы рассматривают развитие российского законодательства XVIII–XX вв. о душевнобольных, изучают особенности правового статуса душевнобольных, деятельность законодателя и государственных органов по охране и обеспечению их гражданских прав посредством ограничения дееспособности душевнобольных и установления опеки над ними (Хлапов и др., 2013).

О.А. Шестерикова исследовала «антропологический статус безумия в культуре». Она полагает, что поскольку даже в XIX в. причины душевных заболеваний виделись «не в самом человеке, а в сверхъестественном вмешательстве», это мешало душевной болезни обрести «антропологический статус» и замедляло переход проблемы душевных расстройств в пространство медицинского дискурса (Шестерикова, 2014).

А.О. Щербинина рассматривает душевнобольных как объект общественного призрения в России в имперский период (Щербинина, 2018), т.е. речь идёт о недопустимом в исторической антропологии и «новой социальной истории», а также с этической точки зрения выделении умалишённых в качестве «объекта» при игнорировании их субъектности. Н.С. Патанина и А.Л. Устинов изучили отношение врачей и общества к душевнобольным людям в XIX – начале XXI в., однако в их работе также прослеживается в большей степени «медицинский» подход к проблеме (Патанина, Устинов, 2021).

Опыт изучения психопатических эпидемий, распространённых на территории Российской империи в конце XIX в., представлен в публикации Е.Л. Пановой. Она отмечает, что это было время истерических эпидемий, которые были свойственны только крестьянкам; способ их распространения был социально опосредован, и распространению их не препятствовала даже грамотность населения (Панова, 2021). О душевных эпидемиях как разновидности девиантного поведения также пишут А.А. Костригин и Н.Ю. Стоюхина, делая вывод, что психические эпидемии, механизмы и факторы их возникновения и распространения связаны с психологическими особенностями лиц, подверженных психическому заражению, и с точки зрения пореформенного общества считались поведением, отклоняющимся от общепринятого (Костригин, Стоюхина, 2021).

Уже упоминавшаяся М.А. Виноградова исследовала вопросы организации повседневной жизни душевнобольных на Северо-Западе Российской империи, быта больных и проблемы, с которыми они сталкивались. Ей сделан вывод о влиянии на повседневность психически больных окружающей их социальной среды (Виноградова, 2020; Виноградова, 2024).

Таким образом, в современной российской историографии проблема того, какое место умалишённые занимали в обществе XIX – начала XX в., недостаточно освещена, во многом связана с историей развития психиатрии, имеет вполне объяснимый и понятный значительный «крен» в сторону медицинского исследования. В сибирской и красноярской историографии эти вопросы и вовсе упоминаются крайне фрагментарно, обычно при изучении общих вопросов общественного призрения и становления здравоохранения.

4. Результаты

Умалишённый попадал в поле зрения общества после того, как происходило обнаружение болезни. Чаще всего болезнь проявлялась внезапно. Так, крестьянин д. Кубеково Андрей Ер-в вместе с отцом имел дом, занимался хлебопашеством и скотоводством, но неожиданно «заболел психически... причина заболевания неизвестна, каковою никакие родственники его не страдали» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 81). В с. Белоярское Ачинского округа Василий Е-в во время страды неожиданно преобразился, «называл себя то святым духом, то великим князем, ведет себя крайне буйно, рассказывает, что он был когда-то птичкой» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 92). При этом само по себе странное поведение ещё не говорило о том, что человек стал одержим психическим заболеванием – должно было произойти «открытие» душевного недуга, которое представляло собой процесс своеобразной первичной «общественной диагностики», связанной с определением у представителей разных социальных групп психической проблемы со стороны социума без медицинского освидетельствования.

«Открытие случая» в Енисейской губернии происходило по-разному в сельской местности и в городе. В деревне родственники умалишённого крестьянина обращались к сельскому старосте, который мог лично составить свидетельство на поселенца. Например, сельский староста сообщал о поселенце Частоостровской волости Х-ва: «В течение месяца проявлял признаки умопомешательства... разный непонятный разговор, ругание неприличное... нес всякую чушь. Из родственников его никто в умопомешательстве замечен не был. Сам Х[...] в был здоров и нигде не лечился, вел себя тихо и с женою своей жил миролюбиво, ссоры между ними никогда не было» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 59).

Крестьяне могли уведомить сельского старосту не только о больном родственнике, но и о том, что у них есть «подозрение» в психическом здоровье кого-то из соседей. Так, жители с. Подсопочное Сухобузимской волости обратились с заявлением в том, что «поселенческая жена Фотиния... Д[...]кина лишилась ума, наносит себе побои, не принимает ни от кого никаких разговоров, в том числе от мужа своего» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 169. Л. 2).

Также сельский староста мог созвать сельский сход, который выполнял функцию домедицинской, общественной диагностики и составлял общественный приговор, в котором сообщал об «открытии случая» помешательства. В подобном документе, в отличие от обычного свидетельства старосты, подробно описывалось то, что привело к потребности в психиатрической помощи. Например, в общественном приговоре по делу крестьянина Степана Р-ва в 1893 г. сообщалось, что мужчина в течение пяти лет вёл бродяжническую жизнь, «шатаясь в лесу, на пашнях и по заимкам, производя мелкие кражи», «покушался на жизнь [односельчан], стрелял через окно в спящих, нанес побои дулом ружья крестьянке, убегал из-под ареста. С наступлением холодов Р[...] в переехал к родной матери и занимался всеми крестьянскими работами... своего дома не имеет, а живет в работниках» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 72).

Сельский староста выполнял свои обязанности по первичному расследованию случая умопомешательства и в том случае, если заболевший был не местным и оказался в деревне случайно. Вот типичный пример. По р. Чулым шла баржа, на которой летней ночью «обнаружился буйный пассажир Н-нов». Находившиеся на барже кое-как усмирили мужчину и отправили на пристань д. Симоново, где сельским старостой был составлен акт о том, что 42-летний Н-нов «лишился ума, производя неподходящие человеку поступки». Взяв с собой понятых, староста отправился на место происшествия, где оказалось, что Н-нов «никакого сумасшествия не показывает, на предлагаемые вопросы отвечает благоразумно, лишь заикаясь... и по словам людей, находившихся на барже, [и], надо полагать, по его глазам, он имеет в себе образ самого тихого сумасшествия». Люди с баржи потребовали «устранить от них Н[...]нова, который бывает весьма свиреп, и они насилу с ним справляются, с опасностью для жизни». Сельский староста признал Н-ва «находящимся в тихом помешательстве» и постановил «вместе с деньгами представить его в распоряжение Большеулуйского волостного правления» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 145-145об.).

Причина сумасшествия никому из служащих на барже была неизвестна, только они объяснили, что злополучной ночью он был в нетрезвом состоянии, поэтому причиной «сумасшествия» мог быть банальный алкогольный психоз. Волостное правление передало Н-ва в Ачинское полицейское управление «с признаками умопомешательства» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 142-142об.). Оттуда больной был отправлен в Ачинский тюремный замок, где был подвергнут уже медицинскому освидетельствованию.

Нередко начало помешательства объяснялось односельчанами по-житейски просто, для этого им не требовалось дополнительное медицинское подтверждение своих догадок: крестьяне с. Сухобузимское Красноярского округа сообщали, что «знают хорошо поселенку Матрену Т[...]», 38 лет», которая «до разрешения ее от бремени была в здравом уме, а через три дня случилось с ней умопомешательство» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 133-134). Другая крестьянка, 35-летняя Мария Б-ва, находясь в последнем периоде беременности, уже была подвержена постоянным припадкам, подвергая опасности свою жизнь и жизнь родных. Из общественного приговора известно, что женщина «произносит бессвязные и неприличные слова, часто впадает в бессознательное состояние, сопровождаемое припадками буйства... бросается на людей, бьет все, что попадает под руку, плюется, одержима острым психозом, подлежит отправлению в красноярское отделение для душевнобольных» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 14-15). Подобное поведение крестьяне, конечно же, объясняли тем, что женщины рожали в позднем возрасте.

Причиной помешательства могли стать нанесённые человеку тяжёлые физические увечья. Так, крестьянина д. Галактионово Петра О-ва избили два других поселенца, в результате чего у него стала проявляться душевная болезнь. Сельский староста просил принять его на испытание и лечение в дом умалишённых, поскольку нет благонадежного человека, который бы ему помог (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 120-121).

Часто причиной помутнения рассудка становилось чрезмерное употребление алкоголя. Так, жена некоего Д-на, 35 лет, заявляла, что её муж «до болезни пил сильно водку, заболел уже больше года, стал задумываться, тосковать, признавать себя неспособным к труду». Постепенно делался очень раздражительным, «временами проявляется... и дошло до того, что уже неоднократно стал грозить ей лишением жизни» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 24-24об.).

В течение длительного периода душевная болезнь могла находиться в латентном состоянии, а здоровые члены семьи могли несколько лет жить рядом с больным до того момента, пока тот не начинал проявлять признаки опасного поведения. Появление таковых превращало повседневность родных в экстремальную, для которой были характерны опасения за свою жизнь, жизнь больного и посторонних людей, причинение вреда хозяйству.

Подобные случаи были нередкими. Например, в 1873 г. жена мещанина Ус-ва показала Ачинскому окружному исправнику, что её муж «с давнего времени страдает умопомешательством... на протяжении девяти лет страдал припадками умопомешательства», но «первоначально он вел себя тихо, в последнее время сделался беспокойным». Но позже Ус-в перестал заниматься трудовой деятельностью, стал называть себя царём, «иногда гоняется за женой с топором, часто бьет свою жену» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 70).

Совместное проживание вместе с умалишённым даже по соседству не было для обывателей чем-то из ряда вон выходящим, но ровно до тех пор, пока психически больной не совершал вызванный недугом проступок. Вот показательный пример. 27 марта 1895 г. сельским старостой с. Бельского был составлен акт о том, что некий Соловьев «сидел в гостях у [знакомого] крестьянина..., вечером пошел по водку в кабак и, идя обратно с двумя бутылками водки, его встретил душевнобольной... Василий Н[...]-ров, **которого [мужчина] знал [и] не остерегался его** (выделено мной – Прим. авт.). Поравнявшись с ним, Н[...]-ров его ударил поленом в голову и окровенил» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 67). Сельский староста, осмотрев пострадавшего, обнаружил рану: «...голова окровавленная, и на голове оболочка черепа кожи пробита... откуда обильно текла кровь. Волосы головы все запачканы в крови» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 67).

На следующий день к старосте явился другой крестьянин, который заявил, что ночью Н-ров «был у него на пасеке у пчельника, отстоящего от села в двух верстах, будучи у пчельника, Н[...]-ров от двери пчельника отбросил солому, разрыв ее, добивался попасть в самый пчельник и в скважину замка гвоздем... Он оставил у пчельника пимы и шубенку», которые пасечник предъявил в волостное правление (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 67). Двух случаев экстраординарного поведения прежде «тихого сумасшедшего» Н-рова вполне хватило, чтобы отправить его на медицинское освидетельствование.

После обнаружения психического заболевания сельский староста обращался в волостное правление, которое направляло в Контору красноярских богоугодных заведений документ, в котором сообщало предварительные сведения о заболевшем, из которых самой важной была информация об имущественном положении того, кого оно отправляло на испытание. Например, Сухобузимское волостное правление в январе 1893 г. сообщало в удостоверении, что «Андрей Кр[...]-ров, рабочий... 67 лет, страдает периодическим умопомешательством, при этом имущества и хозяйства не имеет, к платежу... не способен, одежда на нем собственная, пальто, шаровары, катанки, рубашка и штаны, все ветхое» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 169. Л. 5). Последнее обстоятельство должно было сообщить, что у больного нет средств, чтобы оплачивать лечение, но из удостоверения невозможно понять, готово ли было само правление лечить своего больного.

Крестьянам и поселенцам Енисейской губернии было свойственно определённое милосердие в отношении душевнобольных, поэтому они были готовы за счёт общества содержать их пребывание в доме для умалишённых, были готовы принять их обратно к себе на попечение после лечения. Но порой их отношение к психически больным было довольно жёстким. Общественный приговор крестьян д. Борково сообщает, что «вновь причисленный для водворения в нашу деревню ссыльный Бонифатий К[...], 18 лет, не имеет у себя рассудка вследствие прирожденного идиотизма... его действия выходят бессознательные, вредные и опасные, так что он шатается по деревне без всякой цели день и ночь, заходит на гумна, в бани и спит где попало, раз найден был курящим сигару, разложил огонь, и если бы не увидели этого, то неминуемо бы вспыхнул пожар. В другой раз он разложил огонь в бане... Кроме того... иногда бросается на людей и угрожает убийством». Считая молодого человека «вредным и опасным, не говоря о том, что по неимению у него средств и неделанию работать мы его кормим», крестьяне постановили: «Просить Правительство, чтобы означенного К[...] от нас взять и тем избавить нас...». Однако в приговоре также сообщается, что Бонифатий К. уже был лишён всех прав состояния и сослан на поселение в Сибирь Витебским окружным судом, и что «прибыл на место водворения не в полном рассудке, ни к какому труду не способен, питался милостынею». Поэтому в завершении документа крестьяне деревни подписались, что «более держать в их среде [его] не желают» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 64-66).

Специфика «открытия случая» помешательства среди ссыльных Енисейской губернии состояла в том, что волостное правление доносило о нём в Енисейскую экспедицию о ссыльных. Из такого донесения, к примеру, следует, что 60-летний Иван Н. с 28-летней супругой и двумя детьми 6 и 7 лет был сослан в Сибирь «за угрозы сжечь все селение», получил статус «административно ссыльного», и здесь окончательно сошёл с ума (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 41). В другой раз как такового случая помешательства даже не было, волостное правление писало, что ссыльный Василий Д-в всего лишь «может быть подвержен опасным припадкам», но, на всякий случай, и о нём донесли. Этот случай больше интересен тем, что в качестве альтернативы помещению в дом умалишённых Енисейская экспедиция о ссыльных выступила за выдачу Д-ву «от казны ежегодного пособия в размере 19 руб. 13 коп.» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 157-159).

Волостное правление могло не уведомлять Экспедицию о ссыльных, а напрямую обратиться в правоохранительные органы. Так, из Ужурского волостного правления в Ачинское окружное полицейское управление поступил рапорт, из которого видно, что в 1881 г. в Ужур был «прислан на причисление ссыльный Павел П[...]-в, он же Б[...]-в... Начал вести себя странно: выпрашивает у торговцев много медных крестов, навешивает их на грудь, а также множество колец надевает на пальцы рук, работой никакой не занимается, пропитывает себя прощением милостыни. Странность его поведения в последние 5 лет более и более увеличивается, например, [он] раскладывает на улице вблизи домов огонь и варит себе пищу. На преследующих его в этом должностных лиц ...ругается и бросается с чем попало в руках» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 145).

Далее следовала информация о том, что П-в (Б-в) «становится совершенно опасным... Пребывание его на свободе грозит поджогом или причинение кому-нибудь смерти» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 145об.). Однажды он уже был доставлен в полицейское управление и проходил освидетельствование, в результате которого было выписано удостоверение о его несостоятельности, вместе с которым П-в (Б-в) был отправлен в дом умалишённых. Также из документа об освидетельствовании следует, что больной «...именует себя Христом, мучеником, говорит о каких-то своих заслугах... читает молитвы вместо ответов на вопросы» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 147). В то же время из затребованного полицейским управлением статейного списка известно, что П-ву (Б-ву) было 50 лет, происходил он из крестьян и был сослан из Тюменского округа за дурное поведение по приговору тамошнего общества. Согласно же удостоверению волостного правления, имущества у мужчины не было, поэтому за лечение его денег взыскать было не с кого (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 148, 149об.).

Если душевнобольной находился на золотопромышленных приисках, то задачу доврачебного освидетельствования принимал на себя горный исправник. Он выяснял всю информацию о заболевшем и передавал его приисковому врачу, который направлял больного в Красноярск, в Контору красноярских богоугодных заведений. Так, в 1895 г. на основании отношения горного исправника был освидетельствован рабочий Иван Ф-ль. Исправник выяснил, что больному ссыльнопоселенцу было 29 лет, он жил постоянно в д. Галанино Казачинской волости, женат не был и родственников не имел. Ему был выдан специальный билет на право отлучки с приисковых работ сроком на один месяц, с которым он препровождался на испытание в Красноярский дом умалишённых. В случае, если помешательство не подтверждалось (а это мог быть алкогольный психоз), или лечение занимало непродолжительное время, по истечении месяца больной должен был вернуться из больницы на место своего постоянного проживания, не останавливаясь «на пути нигде без особенных законных причин под опасением взыскания по законам» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 161, 162об.-163).

Об инородцах, страдавших помешательством, сначала сообщали улусному старшине, тот, в свою очередь, в инородную управу. Так, в 1893 г. Чебаковский улусный старшина в рапорте, направленном в Абаканскую инородную управу, сообщал, что инородец Боб-й «...лишился здравого рассудка, два раза уходил из дома, за ним были организованы розыски, [а] человек, у которого он жил, больше не захотел нести хлопоты» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 169. Л. 122). Инородная управа посылала более полное донесение в Енисейское губернское правление. Так, Кизильская инородная управа сообщала в Красноярск в 1895 г., что инородец Михаил О-рин ещё в 1894 г. заявил, что его сын Семен «третий год стал лишаться умом, и в умопомешательстве наносит жене своей и детям побои», после чего скрылся (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 7-7об.). Инородная управа затребовала от улусского старейшины сведения, повторяются ли с О-риным припадки, и в ответ получила сообщение, что тот «в умопомешательстве кидается на жену, отца и мать с ножом и топором и похваляется всех перерубить и перерезать» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 7-7об.). Вызванные в управу мать и брат Семена подтвердили изложенное, отказавшись от попечительства над больным и попросили отправить того на излечение. Таким образом, родственники О-рина жили рядом с душевнобольным в течение трёх лет, и только когда на четвёртый год у него стали проявляться приступы сумасшествия, совмещённые с агрессией, они отказались от совместного проживания и обратились за посторонней помощью.

Из рапорта улусского старейшины известно, что он вместе с понятыми отправился в дом к О-риным, чтобы «взять отзыв о состоянии Семена, но тот, схватив топор, до себя не допустил, убежал, запряг лошадей и скрылся» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 8), однако через два дня явился домой и был «взят обществом». Только после этого инородной управой был отправлен полный текст в губернское правление с объяснением отца больного, который причину умопомешательства обосновал так: «Сын мой учился шаманству, но не доучился, а потому [шаманство] и сводит его с ума» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 10об.).

Среди других категорий групп населения среди умалишённых обнаруживались бродяги, учителя и даже священнослужители. Например, в 1896 г. в Торгашинской степи была обнаружена душевнобольная женщина-бродяга, не помнящая своего имени и фамилии. По выяснении её личности оказалось, что это Акулина З-на, которая ушла из дома 8 месяцев назад. Наталья К-ва, 35 лет, была «найдена бродяжничающей, на вопросы не отвечает, единственное, чего удалось от нее добиться, что у нее нет глаз, и она ничего не видит. На самом деле глаза ее видят удовлетворительно». Бывший учитель епархиального училища сошёл с ума, устроил буйство на квартире своей хозяйки. Некто Алексей Л-н был доставлен в психиатрическое отделение больницы, где через полчаса умер от отравления алкоголем (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 95-96, 109, 142, 146).

Священник Даурской Михаила-Архангельской церкви Гаврила Л-в писал земскому заседателю 2-го участка Ачинского округа: «Сын мой, бывший псаломщиком... находился в доме психических больных с 16 июня по 23 сентября 1891 г. Затем я, прибывши к нему, видя его исхудалым, из жалости взял его... к себе на свое попечение в Даурское, по совету некоторых, будто бы он скучает по мне и матери. Но... он испуг сделал мне и жене моей: револьвер был заряжен тремя пулями для остережения от воров, так как в бытность мою в г. Красноярске... покушались на воровство,

и караульный мной был нанят. Револьвер я отдал жене моей спрятать от сына, он как-то отыскал его, в то время я занимался письмом, жена моя вскричала: иди сюда поскорее. Он уже успел взять револьвер, я у него долго вырывал его из рук, Бог мне помог вырвать, но мать осталась от него изувеченной. Очевидно из его выходок, что он в помешательстве ума, поврежден рассудок. Поэтому, ваше высокоблагородие, всепокорнейше прошу отправить сына моего... для лечения в красноярскую городскую больницу, и меня, и жену мою спасти от опасной жизни. Сколько следует денег за лечения, я вышлю почтой...» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 131).

Эта ситуация требует детального рассмотрения. Вместо христианского гуманизма и семейной заботы священник отправил своего сына в дом умалишённых, откуда взял его на попечение не из-за человеколюбия или отцовских чувств, а по совету других людей, узнавших, что молодой человек скучает по родителям. Даже остерегаясь воров, священник сам проявил преступную беспечность, когда решил держать оружие в период возвращения домой больного сына, будто искусственно создавая ситуацию, при которой найдётся повод, чтобы отправить его обратно в больничное заведение. Можно сказать, что священник не справился с посланным ему испытанием ни по-человечески, ни по-христиански.

Встречались среди психически больных и политические ссыльные, причём из числа военнослужащих. Интересно, что процедура их предварительного освидетельствования была крайне упрощённой. Солдата отправляли на гауптвахту, затем в местный лазарет, а оттуда практически сразу на испытание в Красноярский дом умалишённых. Однако вызывает определённое сомнение, были ли на самом деле политические ссыльные душевнобольными. Так, в 1897 г. некто Иван Б-в был назван умалишённым «по религиозным воззрениям, противным православной религии и государственному строю» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 38). В 1905 г. рядовые железнодорожного батальона Леонид В-кий и Семен П-в были признаны больными «за участие в демонстрации с рабочими мастерских». Воинский начальник особенно обращал внимание на то, чтобы «в процессе нахождения в отделении для умалишённых над ним[и] был учрежден надзор, и... не допускались посетители» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 413. Л. 2, 63).

В городской среде первичное обращение по поводу обнаружения душевного расстройства было связано с деятельностью мещанской управы, куда обращались родственники больного, и органов охраны общественного правопорядка. Заболевшего доставляли в полицию, где происходила всё та же первичная непрофессиональная диагностика случая помешательства. Так, в 1894 г. к полицейскому надзирателю 1-го участка Ачинска обратилась мещанка И.Н. Др[...]-нина, которая заявила, что «муж ее Аpekсим..., страда с давнего времени умопомешательством с буйными припадками, стал опасен для окружающих, ввиду чего она обратилась в Ачинскую мещанскую управу с просьбой о помещении его в больницу или дом умалишённых» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 153). Однако управа отказала женщине, и тогда она была вынуждена обратиться к полицейскому чиновнику. Надзиратель решил проверить заявление женщины путём негласного дознания, в ходе которого выяснил, что её муж «угрожает всему семейству лишением их жизни... действительно одержим... [и] для предупреждения несчастных случаев следует поместить его в дом умалишённых» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 153-155). Об этом полицейский надзиратель сообщил в Ачинское окружное полицейское управление, которое постановило сопроводить больного мещанина в Красноярск в Контору красноярских богоугодных заведений.

Иногда полицейские чиновники, вероятно, не раз сталкивавшиеся с тем, что врачи освидетельствовали душевнобольного в присутствии полицейского управления, в своих рапортах давали почти медицинские заключения. Так, полицмейстер из Ачинска в 1885 г. представил «освидетельствование» Михаила С-ва, не уступавшее медицинскому анализу: «...ему 35 лет, сам он говорит, что 60, на вопросы о себе, звании и месте нахождения отвечает удовлетворительно, представление о времени потерял, в разговоре часто смеется, рассказывает о видении им ангелов, божественном откровении, как строить какую-то мельничку. На другие вопросы отвечать отказывается» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 109).

Благодаря первой беседе и расспросам полицейские до прибытия врача могли составить предварительное заключение о психически больном человеке, который к ним поступал. В том же году в присутствии Ачинского окружного полицейского управления был «освидетельствован» ссыльный Погос А-в: «27 лет, охотно рассказывает и пускается в рассуждения, заявляет о преследовании злодеями, начавшегося несколько лет тому назад, сознание времени, места и личности есть» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 115). Из беседы полицмейстера с А-вым выяснилось, что он трудился на строительстве железной дороги, там с ним случился припадок, после которого его направили в полицейский участок.

У полиции была возможность напрямую решать вопросы помещения человека в медицинское учреждение, без обращения в другое ведомство. Так, в 1893 г. на паузке из Енисейска во время навигации оказался душевнобольной рабочий Матвей Об-в, который несколько раз намеревался лишить себя жизни. Его связали и поместили на дне паузка, но болезнь развивалась, «помешательство было буйное и опасное для окружающих». По прибытии в Енисейск владелец судна напрямую обратился к полицейскому приставу, чтобы тот отправил мужчину в больницу. Однако в

уездной больнице душевнобольного не приняли, отказав на том основании, что Енисейский губернатор запретил своим распоряжением принимать сумасшедших. Пристав распорядился, чтобы заведующий больницей оставил у себя на сутки Об-ва, пока тот не будет отослан в Красноярск сельским движением (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 169. Л. 139-143).

Часто в архивных документах встречаются нетипичные случаи, которые даже не доходили до медицинского освидетельствования, заканчиваясь общественным рассмотрением. Например, в 1890 г. крестьяне Леонтий и Евдокия З-ны из д. Замятино Зеледеевской области обратились к Енисейскому губернатору с ходатайством об освидетельствовании их сыновей Николая и Терентия. Губернатор распорядился разобраться: «будто бы есть повод подозревать расстройство психической сферы». Этот факт уже вызывает любопытство – по вопросу о сумасшествии даже крестьяне могли написать губернатору, который мог инициировать рассмотрение отдельного случая.

Пожилые люди писали: «сыновья наши страдают умопомешательством, Николай уже 15 лет, а Терентий года 4, и не только не приносят никакой пользы трудом в хозяйстве», но «...мы думаем, что они безумные, потому что... [в] праздник они меж собою ругаются, делом не занимаются, только когда что прикажешь, тогда и работают... о домашности они не пекутся, а так опасности от них нет никакой, побоев от них мы еще не видали, а только иногда на них что-то находит, то, например, называют себя Богом и Царем и другие глупости говорят» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3528. Л. 8, 13-13а).

По делу были опрошены девять соседей З-ных, которые дали исчерпывающие свидетельства: «Характера буйного, они брата выжили старшего, но я не могу сказать, чтобы они совсем уж были дураки или безумные»; «... выгнали из дома брата Гаврилу, который их кормил и поил, он прибежал к нам со своей семьей и говорил, что его хотели бить»; «на посторонних они не кидаются, а только брата Гаврилу стесняют... а так они смирные и работают, всякое дело исполняют»; «опасностей для соседей от них не предвидится... только с домашними не уживаются»; «буйствуют в семье, обижают старшего брата, который из-за них отделился»; «старший брат заставлял их работать, а им не хотелось»; «Николай иногда заговаривается, а Терентий просто буйн»; «Терентия связывали и в волость отправляли, [но] я не видел особенно вредных пакостей вроде покушений или чего подобного»; «Николай... был не ладен умом, хвораю чем-то, и с ним что-то сделалось, [но] потом работал. А Терентий всегда был в здоровом уме»; «они просто ничего не желающие делать для семьи лентяи, позволяют себе иногда буйствовать» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3528. Л. 9-12).

Из документов известно о семейном положении крестьян З-х: старшему Гавриле было 37 лет, он состоял в браке и имел шестерых малолетних детей, 33-летний Николай 33 года и 27-летний Терентий были холостяками. Все они занимались хлебопашеством и, как заметил их отец, «[от такого] количества рабочих сил в семье хозяйство должно бы улучшаться, но на самом деле оно год от году разоряется». Фактически единственным работником в семье был Гаврила (родителям было больше 65 лет, и они уже были неспособны к труду), а о младших сыновьях отец писал: «Своими... выходками парализуют действия в хозяйстве старшего сына Гаврилы, который... вынужден был удалиться из семьи, оставив нас, стариков, с двумя помешанными» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3528. Л. 13). Сельское сообщество пыталось воздействовать на братьев, но дело ограничивалось двухсуточными арестами, которые «не только не умилили их, но и поощрили их к еще худшим безобразиям» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3528. Л. 13а).

Показания родителей и сельских жителей подтвердило заключение земского заседателя 1-го участка Красноярского округа: «Расстройство умственных способностей не проявляют, лишь напускают на себя временно дурь» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3528. Л. 7). Поэтому губернатор, рассмотрев результаты проведенного земским заседателем дознания, пришёл к выводу, что предположение родителей о расстройстве умственных способностей их сыновей «неверно» и предложил полицейскому управлению «объявить и распорядиться внушить сыновьям... что у сельского и волостного начальства есть власть и возможность привести их в надлежащее повиновение родителям, преклонный возраст которых по закону обязывает их заботиться» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3528. Л. 14).

Однако ни земский заседатель, ни губернатор не обратили внимание ещё на пару крайне важных свидетельских показаний. Один из соседей сообщил, что за братьями «недоимки более 30 четвертей хлеба да рублей 40», а другой подтвердил: «Когда накопили недоимки, тогда и дурь на себя напустили... чтобы не платить» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3528. Л. 12). Таким образом, можно предположить, что в настоящем случае речь вполне может идти о том, что братья З-ны симулировали сумасшествие, дабы не платить по долгам. Конечно, в дом умалишённых они не собирались, хотя не стоит исключать и варианта, при котором ради получения официального статуса они были бы даже готовы провести некоторое время в заведении для душевнобольных. Скорее всего, имитация сумасшествия им была нужна на бытовом уровне, когда фраза «что возьмешь с сумасшедшего» обрела бы реальный смысл. При этом следует отметить, что если факта реального сумасшествия обоих крестьян не было (а его могла подтвердить только официальная экспертиза, но до неё они усилиями губернатора не дошли), им удавалось удачно имитировать помешательство, поскольку здесь прослеживается наиболее типичная модель сумасшествия, которую они наверняка знали и

видели, поскольку настоящие душевнобольные опять же могли долгое время проживать среди условно нормального большинства.

Впрочем, далеко не всегда проявление странного поведения действительно свидетельствовало о наличии душевной болезни. Конечно, бывали случаи, когда человек симулировал сумасшествие ради получения определённых выгод. Так, документы об освидетельствовании поселенца Григория Р-ва из д. Шивера в 1875 г. сообщают, что Р-в, причисленный в деревню в 1865 г., был одержим падучей болезнью «и во время припадка, который случается с ним частовременно, делает против жителей... проступки, берет в руки что ему попадет и бросается... или же ломает посуду или рамы, словом все, на что попадет» и «разгоняет все семейство того дома, где случится с ним припадок» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78). Далее крестьяне сообщали, что «никто из среды его иметь на квартире не желает», поскольку Р-в «имел пристанище в [сборной] избе» и во время случившегося с ним припадком напал на крестьянина Григория А., «схватил его за шею руками и сжал так сильно, что [тот] лишился чувств, и если бы не освободили его из рук бывшие в то время в избе крестьяне, то мог лишиться жизни» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78). Поведение Р-ва приводило «каждого в страх, и чтобы избавиться [от него], сельский сход единогласно принял решение отправить его в Частоостровское волостное правление», откуда направить его в Красноярск на испытание: «если действительно, то поместить в дом умалишенных, а если болезнь будет ложною, то предать суду за намерение удушить» крестьянина.

Сам Р-в добивался исключения его из оклада податей, чтобы получать от казны денежное пособие, для чего по его просьбе он был неоднократно освидетельствован в присутствии Енисейского губернского правления, но каждый раз признавался здоровым и на свои просьбы получал отказ и от Енисейского гражданского губернатора, и от Восточно-Сибирского генерал-губернатора. Р-в проходил обследование дважды в 1869 г., но «был признан к работам способным». Волостное правление считало, что Р-в «сознательно, дабы довести дело до конца, стал усиливать действия вредными и злонамеренными поступками» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78).

Произведённое в Красноярске в Енисейском губернском присутствии испытание также показало, что «разнообразие... припадков и довольно частое их повторение при удовлетворительном общем его состоянии здоровья наводит некоторые сомнения на действительность страдания... и делает вероятным предположение о притворстве». Губернское присутствие предписало Контуре красноярских богоугодных заведений поручить ему «вновь подвергнуть Р[...]-ва испытанию, [обеспечить] тщательное наблюдение во время припадков» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78).

Далеко не всегда открытие случая душевной болезни означало, что человека сразу отправляли в дом умалишённых. Нередко подозреваемый в «безумии» проходил несколько инстанций, и ситуация возвращалась к тому, с чего начиналась. Вот показательный пример. 15 августа 1909 г. полицейскому уряднику 6-го участка 3-го стана Минусинского уезда поступило донесение, из которого следует, что некоего Алексея С-на следует заключить под стражу «ввиду того что в селение его содержать не представляется возможным» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 466. Л. 1). Урядник ознакомился с протоколом полицейского сотского из с. Верхний Кужебар М. Алехина, который провёл предварительное расследование. Тот выяснил, что Алексей С-н на чужой пасеке выломал два улья пчёл, в результате чего они погибли, поджог своё гумно, затем залез в винную лавку, выбив в ней окно, «все ночи проводит... с угрозами, что сожжет все селение, соберет в одну кучу – “эх, углей много будет”» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 466. Л. 2).

Полицейский урядник посчитал, что мужчина – сумасшедший, и отправил его в окружное управление, где С-на подвергли медицинскому освидетельствованию, в ходе которого он был признан здоровым. Однако для него это означало, что он должен быть предан суду. Дело о поджоге было направлено мировому судье, однако тот не нашёл состава преступления, мотивируя своё решение тем, что С-н поджог не чужое имущество, а собственное, и освободил его (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 466. Л. 4-5).

Однако уже через месяц полицейский сотский М. Алехин сообщил, что после освобождения С-н явился в село и «вновь наносит... вред, а именно... у другого крестьянина выломал из двух пчелиных ульев мед и кроме того наносит угрозы всему селению». Дабы успокоить большого и обезопасить соседей, полицейский принял решение ограничить свободу С-на: «В настоящее время... прикован к стенам своего дома наручными ремнями, которые его не держат, ежедневно переламывает их и приходится заменять их новыми, еще приставляем к нему караул из 8 человек» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 466. Л. 6-6об.).

Через несколько дней в село прибыл сам урядник и посетил С-на. В своём рапорте он сообщает: «Я видел [его]... на меня он произвел угнетающее впечатление: блуждает глазами по неопределённому пространству, говорит несвязные речи, в которых слышны угрозы населению и своему семейству, прикованные к стене цепи мало его держат, он бьется и иногда рвет их. Полагаю, что С[...]-н достиг полного умственного расстройства, допросить его как нормального человека не представляется возможным» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 466. Л. 11). Только после этого С-н был направлен на испытание в дом умалишённых.

4. Заключение

Изученные кейсы представляют ценный материал для дальнейшего исследования поставленной в статье проблемы. Антропологический анализ положения умалишённых в Енисейской губернии в XIX – начале XX в. позволяет сделать определённые выводы о восприятии психических заболеваний и обращении с душевнобольными в российском обществе того периода.

Первичное выявление случаев психических заболеваний происходило без медицинского вмешательства и представляло собой общественную диагностику. Сельские старосты, волостные правления и даже соседи играли ключевую роль в идентификации «умалишённых». Процесс включал наблюдение за поведением, сбор свидетельств и составление актов в ходе первичного сбора информации. При этом отсутствие даже бытовых медицинских знаний приводило к тому, что причины психических расстройств объяснялись путём бытовых, культурных и даже мистических представлений. Среди наиболее частых объяснений помешательства фигурировали алкоголизм, послеродовые осложнения, физические травмы и даже влияние «шаманства» у инородческого населения. Особый интерес представляет гендерный аспект восприятия душевной болезни – случаи послеродовых психических расстройств интерпретировались в рамках народного дискурса о «женской природе».

При этом очевидно, что в обществе существовал сложный баланс между терпимостью и изоляцией. Реакция обывателей на проявление «случая безумия» могла варьироваться от проявления милосердия до принятия самых жёстких мер. Больных могли содержать за счёт общества, а изоляция или лечение инициировались только в случае проявления больным агрессивного поведения и прямой угрозы жизни или имуществу. Семейные стратегии варьировались от длительного ухода до попыток скорейшего избавления от обузы.

Важно отметить, что общество не всегда могло определить границу между болезнью и возможностью притворства. В то же время прослеживаются случаи симуляции, когда отдельные лица имитировали сумасшествие для того, чтобы избежать уплаты налогов или наказания. Это усложняло дальнейший процесс выявления психического заболевания и требовало дополнительной проверки.

Полученные результаты демонстрируют сложное взаимодействие социальных и культурных факторов в обращении с душевнобольными. Признание человека умалишённым в Енисейской губернии представляло собой сложный процесс, в котором пересекались различные дискурсы и практики. Умопомешательство осмыслялось через соединение коллективного опыта, традиционных представлений и административной логики. Анализ архивных документов подтверждает тезис М. Фуко о социальной природе определения психических отклонений. В Енисейской губернии процесс «открытия психиатрического случая» происходил путём оценки не самого заболевания, а с позиций хозяйственной целесообразности и общественной безопасности: экономические соображения (трудоспособность больного, затраты на его содержание) часто превалировали над медицинскими, а маргинальное поведение вроде бродяжничества или инакомыслия также интерпретировалось как проявление психической болезни.

Отсутствие в отдалённой местности профессиональной психиатрической диагностики компенсировалось социальными механизмами регулирования душевных заболеваний, когда общество выполняло функции первичного контроля. Психиатрическое освидетельствование проводилось уже на последующих этапах, что указывает на доминирование социальных норм над медицинскими критериями. Это, в свою очередь, свидетельствует о незавершённости процессов модернизации в Сибири.

Литература

[Безгин, 2012](#) – Безгин В.Б. Душевнобольные в русском селе конца XIX века / Представления людей о «норме» и «патологии» в процессе исторического развития. СПб.: Полторак, 2012. С. 79-84.

[Безгин, 2013](#) – Безгин В.Б. Деревенские «дурачки»: душевнобольные в российском селе (конец XIX – начало XX века) / История и философия развития регионов, стран, народов мира. Киров, 2013. С. 22-31.

[Виноградова, 2020](#) – Виноградова М.А. Повседневная жизнь душевнобольных на северо-западе Российской империи в 1890-е гг. / Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. Т. 2. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 309-314.

[Виноградова, 2022](#) – Виноградова М.А. Историографический аспект организации психиатрической помощи в Российской империи в 1861–1905 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. № 10(91). С. 3693-3703.

[Виноградова, 2024](#) – Виноградова М.А. Особенности организации быта душевнобольных в Санкт-Петербургской городской больнице Святого Пантелеймона (1897–1904) // Здоровьесбережение в повседневной жизни: история и современность. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2024. С. 31-35.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

[Костригин, Стоюхина, 2021](#) – Костригин А.А., Стоюхина Н.Ю. Душевные эпидемии как феномен девиантного поведения в российской психиатрии и психологии на рубеже XIX – XX вв. //

Современная реальность в социально-психологическом контексте. Новосибирск: НГПУ, 2021. С. 219-225.

Панова, 2021 – Панова Е.Л. Эпидемии психических расстройств в Российской империи конца XIX века // *Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко*. 2021. № 4. С. 104-109.

Патанина, Устинов, 2021 – Патанина Н.С., Устинов А.Л. Проблемы в отношении врачей и общества к душевнобольным людям в XIX – начале XXI вв. / *Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения*. Т. 3. Екатеринбург: УрГМУ, 2021. С. 299-304.

Хлапов и др., 2013 – Хлапов А.Л., Камаев И.А., Поздеева Т. В., Иванов М.А. К вопросу о развитии российского законодательства XVIII–XX вв. о душевнобольных // *Российский психиатрический журнал*. 2013. № 2. С. 89-93.

Шестерикова, 2014 – Шестерикова О.А. Антропологический статус безумия в культуре и зарождение психиатрии // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 1. С. 54-58.

Щербинина, 2018 – Щербинина А.О. Душевнобольные как объект социального призрения в России в XVIII–XIX веках // *Социально-гуманитарные тенденции: история и современность*. М.: Антропита, 2018. С. 68-72.

References

Bezgin, 2012 – Bezgin, V.B. (2012). Dushevnobol'nye v russkom sele konca XIX veka [Mentally ill in a Russian village at the end of the 19th century]. Predstavlenija ljudej o «norme» i «patologii» v processe istoricheskogo razvitiya. Sankt-Peterburg: Poltorak. Pp. 79-84. [in Russian]

Bezgin, 2013 – Bezgin, V.B. (2013). Derevenskie «durachki»: dushevnobol'nye v rossijskom sele (konec XIX – nachalo XX veka) [Village "fools": the mentally ill in the Russian countryside (late XIX – early XX centuries)]. Istorija i filosofija razvitiya regionov, stran, narodov mira. Kirov. Pp. 22-31. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyj arhiv Krasnojarskogo kraja [The State Archive of the Krasnojarsk Krai].

Khlapov et al., 2013 – Khlapov i dr. (2013) K voprosu o razvitii rossijskogo zakonodatel'stva XVIII–XX vv. o dushevnobol'nyh [To the question of the development of Russian legislation of the XVIII–XX centuries about the mentally ill]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal*. 2: 89-93. [in Russian]

Kostrigin, Stojuhina, 2021 – Kostrigin, A.A., Stojuhina, N.Yu. (2021) Dushevnye jepidemii kak fenomen deviantnogo povedenija v rossijskoj psihiatrii i psi-hologii na rubezhe XIX – XX vv. [Mental epidemics as a phenomenon of deviant behavior in Russian psychiatry and psychology at the turn of the 19th– 20th centuries]. *Sovremennaja real'nost' v social'no-psihologicheskom kontekste*. Novosibirsk: NSPU, pp. 219-225. [in Russian]

Panova, 2021 – Panova, E.L. (2021). Epidemii psihicheskikh rasstrojstv v Rossijskoj imperii konca XIX veka [Epidemics of mental disorders in the Russian Empire at the end of 19th century]. *Bulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshhestvennogo zdorov'ja imeni N.A. Semashko*. 4: 104-109. [in Russian]

Patanina, Ustinov, 2021 – Patanina, N.S., Ustinov, A.L. (2021) Problemy v otnoshenii vrachej i obshhestva k dushevnobol'nyh ljudjam v XIX – nachale XXI vv. [Problems in the attitude of doctors and society towards mentally ill people in the XIX – early XXI centuries]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj medicinskoj nauki i zdavoohranenija*. Т. 3. Ekaterinburg: USMU. Pp. 299-304. [in Russian]

Shcherbinina, 2018 – Shcherbinina, A.O. (2018). Dushevnobol'nye kak ob'ekt social'nogo prizrenija v Rossii v XVIII–XIX vekah [The mentally ill as an object of social care in Russia in the XVIII-XIX centuries]. *Social'no-gumanitarnye tendencii: istorija i sovremennost'*. Moskva: Antrovita. Pp. 68-72. [in Russian]

Shestikova, 2014 – Shestikova, O.A. (2014) Antropologicheskij status bezumija v kul'ture i zarozhdenie psihiatrii [The anthropological status of madness in culture and the emergence of psychiatry]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya*. 1: 54-58. [in Russian]

Vinogradova, 2020 – Vinogradova, M.A. (2020) Povsednevnaia zhizn' dushevno-bol'nyh na severozapade Rossijskoj imperii v 1890-e gg. [The daily life of mentally ill people in the north-west of the Russian Empire in the 1890s]. *Reformy v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost'*. Т. 2. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina. Pp. 309-314. [in Russian]

Vinogradova, 2022 – Vinogradova, M.A. (2022) Istoriograficheskij aspekt organizacii psihiatricheskoj pomoshhi v Rossijskoj imperii v 1861–1905 gg. [The historiographical aspect of the organization of psychiatric care in the Russian Empire in 1861-1905]. *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij*. 10(91): 3693-3703. [in Russian]

Vinogradova, 2024 – Vinogradova, M.A. (2024). Osobennosti organizacii byta dushevnobol'nyh v Sankt-Peterburgskoj gorodskoj bol'nice Svjatogo Pante-lejmona (1897–1904) [Features of the organization of the life of the mentally ill in St. Petersburg City Hospital of St. Panteleimon (1897-1904)]. *Zdorov'esberezhenie v povsednevnoj zhizni: istorija i sovremennost'*. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina. Pp. 31-35. [in Russian]

Умалишённые в российском обществе в XIX – начале XX в.: историко-антропологический анализ (по материалам Енисейской губернии)Александр Сергеевич Ковалев ^{a, *}^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой комплексное историко-антропологическое исследование социальных практик и культурных механизмов восприятия душевных заболеваний в Енисейской губернии в XIX – начале XX в. Основной акцент сделан на изучении процесса первичной идентификации психических расстройств в регионе, основанной на общественной диагностике без участия медицинских специалистов. Основное внимание уделяется роли представителей власти местных сообществ в выявлении случаев психического заболевания, а также их влиянию на дальнейшую судьбу умалишённых.

Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий принципы антропологического подхода к истории, «новой социальной истории», локальной истории, микроистории. Источниковую основу составили впервые вводимые в научный оборот архивные материалы из фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК), включая крестьянские приговоры, полицейские рапорты, материалы судебных дел, переписку губернских учреждений. Это позволило реконструировать институциональные и бытовые проблемы обращения с душевнобольными в обществе.

Интерпретация причин душевной болезни в регионе в исследуемый период носила как социальный характер, когда факторами, способствовавшими развитию безумия, назывались алкоголизм, физические травмы, послеродовые осложнения, так и этнокультурный (мистическое объяснение причин сумасшествия в среде инородческого населения).

Общественная диагностика представляла собой наблюдение за поведенческими отклонениями и коллективное принятие решений. Сочетание традиционных представлений о норме и патологии и бюрократических практик отражало незавершённость процессов модернизации в Енисейской губернии в имперский период. Общество балансировало между терпимостью к умалишённым и их изоляцией, а решения о лечении или содержании больных часто принимались исходя из экономической целесообразности и уровня опасности, которую они представляли.

Ключевые слова: душевные расстройства, Енисейская губерния, историко-антропологический анализ, общественная диагностика психической заболеваемости, умалишённые.

* Корреспондирующий автор

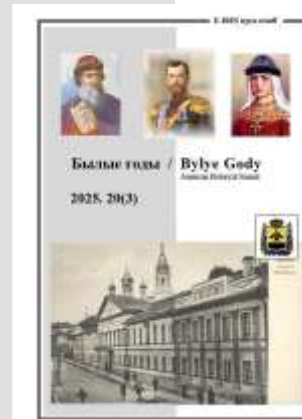
Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1428-1437
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1428

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Legal Custom in the Activities of Volost Courts of the Moscow Province when Considering Land Disputes in the second half of the XIX – early XX centuries

Olga A. Plotskaya ^{a, *}, Andrey V. Melentev ^b, Djamilya A. Ospanova ^c, Ruslan M. Zhironov ^d

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b MIREA – Russian University of Technology, Moscow, Russian Federation

^c Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^d Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Abstract

Volost courts in pre-revolutionary Russia were the most important judicial bodies. Their emergence is associated with the judicial reform of the second half of the 19th century. Volost courts were the lowest judicial instance in which peasant disputes were considered. They applied not only the norms of positive, but also customary law. They were also an important link in the state justice system associated with peasant self-government. Legal customs occupied a significant place in the regulation of land relations in pre-revolutionary Russia among the peasant class of the Moscow province, complementing positive law, ensuring the stability of agrarian relations and promoting the effective use of land. Volost courts relied on them in their decisions, considering disputes that arose among peasants. When making decisions, volost courts also relied on such customary legal principles as equality, justice, the labor principle, which secured the right to use the land and its fruits. The volost courts, based on the current norms of customary law, took into account the attitude of the participants in the trial to work and the degree of their invested labor when making decisions.

The peasants did not divide the right of ownership into elements known to modern doctrine, did not separate the right of possession from the right to use land and from other types of property rights, which is reflected in the judicial practice of the volost courts. They often based their decisions on the norms of customary law, which allowed transactions with land plots, even if they were not the private property of the seller, applied the custom of prescription, the custom of recognizing the right to an erected building on the estate land and other customs.

Keywords: legal custom, volost court, customary law, peasants, property rights, land disputes.

1. Введение

Волостные суды в дореволюционной России являлись важнейшими судебными органами. Их возникновение связано с судебной реформой второй половины XIX в., направленной на адаптацию государственной судебной системы к нуждам крестьянства. Волостные суды представляли низшую судебную инстанцию, в которой рассматривались крестьянские споры. В них применялись не только нормы позитивного, но и обычного права.

Среди предпосылок для проведения реформ 1861 г. можно отметить проблемы функционирования государственного аппарата, испытывавшего различные трудности. Эти обстоятельства создали острую необходимость проведения серьёзных изменений, направленных на улучшение положения крестьян и создание новых правовых механизмов судопроизводства в деревне, которые воплотились в деятельности учреждённых в 1861 г. волостных судов на основании Положения о крестьянах (далее – Полож. о кр.) (ПСЗРИ. Т. XXXVI. № 36657).

* Corresponding author

E-mail addresses: olga.plockaya@mail.ru (O.A. Plotskaya)

Волостной суд являлся важным звеном государственной системы правосудия, связанным с крестьянским самоуправлением и отражавшим специфические условия сельской жизни дореволюционной России.

Волость была основой крестьянского самоуправления. После крестьянской реформы 1861 г. волости стали официальными административными единицами с чётко определёнными функциями местного самоуправления, а крестьянские общины юридически вошли в состав волостей.

Волостные суды осуществляли правосудие на общинном уровне среди крестьян. Они разбирали вопросы по земельно-правовым, брачно-семейным, обязательственным отношениям, а также имущественные споры, возникавшие бытовые конфликты на местном уровне. Основной функцией этих судов было не только отправление правосудия, но и укрепление порядка в крестьянской среде на основе широко распространённого обычного права и существовавших правовых, историко-культурных традиций. При этом деятельность этих судов оказывала значительное влияние на формирование правосознания крестьянства.

В состав волостных судов входили, как правило, выборные крестьянские представители, что подчёркивало их связь с местным самоуправлением. Но результаты деятельности волостных судов на местах нередко подвергались заслуженной критике ввиду невысокого уровня правовой подготовки действующих судей, а также их зависимости от волеизъявления местных властей и традиционных обычно-правовых норм. По мнению дореволюционного исследователя С.Ф. Лунгина, в судьи необразованные сельские жители часто избирают худших из крестьян (Лунгин, 1864: 383).

2. Материалы и методы

Исследование обозначенной проблематики базируется на основе анализа исторических архивных материалов и документов, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАГМ) (Москва, Российская Федерация), Центральном государственном архиве г. Москвы (ЦГА) (Москва, Российская Федерация), Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) (Москва, Российская Федерация). Значимыми историческими источниками для настоящей работы являются материалы, содержащиеся в трудах, опубликованных во второй половине XIX в. – первой половине XX в., касающиеся порядка осуществления правосудия в волостных судах, особенностей реализации и защиты личных и имущественных прав крестьян, структуры сельского общественного устройства; характерных черт в организации волости как самоуправляемой единицы; а также значения волостного суда и иных учреждений по крестьянским делам; особенностей поземельного устройства отдельных категорий крестьян; различных форм крестьянского землевладения и ограничения права собственности крестьян на наделённые земли; деталей регулирования семейно-наследственных отношений, в том числе нормами обычного права (Кистяковский, 1872; Базанов, 1902). Важными источниками для данного исследования являются материалы, включающие руководящие начала по организации волостных судов и особенностям судопроизводства в них (Муравьев, 1891), по составу рассматриваемых волостными судами дел и выносимым видам наказаний на основе анализа решений волостных судов Московской губернии (Кандинский, 1889), а также данные, раскрывающие вопросы осуществления волостной юстиции с применением народно-обычного права, и содержащиеся в дореволюционной периодической печати, к примеру, в таких журналах, как: «Русский вестник» (Лунгин, 1864), «Юридический вестник» (Скоробогатый, 1881), «Русское богатство» (Тютрюмов, 1883) и др.

Особое внимание в работе уделено дореволюционному законодательству, систематизированному в «Полном собрании законов Российской империи» (далее по тексту – ПСЗРИ). Анализ этих историко-правовых актов позволил отразить изменения, происходившие в судебной дореволюционной российской системе.

Методологической основой, применяемой в настоящей работе, является комплекс взаимосвязанных фундаментальных научных подходов и принципов, а также методов. Базовыми и основополагающими подходами, лежащими в основе концепции данной работы, являются системный подход, позволяющий объект исследования рассматривать в виде совокупности связанных между собой элементов, образующих структурированные части, и междисциплинарный подход, объединяющий части научных знаний, заимствованных из различных дисциплин с целью комплексного и всестороннего разрешения вопросов и поиска инновационных решений возникающих научных проблем. Применение данных подходов способствует использованию таких методов, как историко-правовой, системно-структурный, анализ и синтез.

В данном исследовании используется принцип объективности проведённого исследования как свободная от субъективных факторов основа, способствующая минимизации индивидуальной предвзятости исследователей при осуществлении анализа исторических фактов и историко-правовых норм. Кроме того, в работе применён принцип историзма, позволяющий раскрыть роль правового обычая в осуществлении крестьянского волостного судопроизводства сквозь призму исторических событий, имевших место в рассматриваемый период в Российском государстве. Важное место отводится применению в настоящем исследовании историко-генетического метода, позволяющего с

определённой последовательностью обозначить изменения, происходившие в волостной судебной юстиции, способствуя воссозданию историко-правовой реальности.

3. Обсуждение

Волостной суд часто являлся объектом исследования в трудах представителей историко-правовой доктрины. Вопросы применения обычаев в условиях российской деревни и в волостной юстиции изучались различными дореволюционными учёными. Среди них необходимо выделить следующих исследователей: А.Я. Ефименко, К.Р. Качоровский, А.Ф. Кистяковский и др. (Ефименко, 1884; Качоровский, 1906; Кистяковский, 1872).

В работах современных учёных уделяется особое внимание применению обычного права в деятельности волостного суда как института, сохранявшего традиционные нормы крестьянского поведения и правопорядка, и применявшего правовые обычаи крестьянской общины (Безгин, 2018; Менщиков, 2016).

Также затрагиваются вопросы реформирования деятельности волостных судов (Верховцева, 2015), детали процесса унификации дифференцированной судебной системы Российской империи, где волостные (крестьянские) суды рассматривались как переходный элемент между традиционной крестьянской системой разрешения споров и централизованной системой государственного правосудия (Лонская, 2013), а также особенности осуществления крестьянского самосуда (Смирнов, 2013).

Кроме изучения вопросов создания и функционирования волостных судов в целом по стране, некоторые исследователи занимались проблемами деятельности волостных судов в отдельных регионах, губерниях Российской империи. Так, Т.Н. Шишкарева в своих работах акцентирует внимание на региональных особенностях деятельности волостных судов, рассматривая их роль в Курской губернии в 1861–1889 гг. Она подчёркивает, что волостные суды стали ключевым элементом в разрешении местных конфликтов, часто действуя на основе местных обычаев, что способствовало укреплению крестьянской самоуправляемой юстиции на местах (Шишкарева, 2014). В.В. Баринов в своей работе о волостных судах на землях Мордовии отмечает их особую роль в жизни общины, так как они выполняли функции не только правосудия, но и поддержания социального мира среди крестьян (Баринов, 2013). М.А. Соснина, изучая специфику волостного судостроительства и функционирования волостных судов на примере Архангельской губернии, акцентирует внимание на правовом регулировании деятельности этих судов и вопросах, рассматриваемых ими (Sosnina et al., 2024a; Sosnina et al., 2024b).

Таким образом, многочисленные исследования современных учёных раскрывают многоаспектную природу волостных судов как института, объединяющего в себе традиции крестьянского самоуправления и новые правовые требования государства.

Отдельные публикации, посвящённые деятельности волостных судов в Московской губернии, к сожалению, не отражают общее состояние исследуемого вопроса (Галкин, 2008; Тарабанова). Важно отметить отсутствие системных работ, раскрывающих особенности применения обычного права в волостной юстиции при рассмотрении земельных споров в Московской губернии во второй пол. XIX – нач. XX в.

Поэтому целью данной работы является исследование роли правового обычая в деятельности волостных судов Московской губернии при рассмотрении земельных споров во второй пол. XIX – нач. XX в.

4. Результаты

Являясь важнейшим в истории России, земельный вопрос на протяжении исторического развития российской государственности определял тенденции в социально-экономической и политической сферах. В дореволюционной России земля была главным ресурсом и основным средством производства, поэтому в различные исторические периоды до 1917 г. владение и использование земельных ресурсов было ключевым фактором, влияющим на отношения между государством и населением. Земля являлась основой социального устройства страны.

Отмена крепостного права в 1861 г. стала попыткой модернизации аграрного сектора, но выкупные платежи создали новое социальное напряжение. При этом крестьянская община традиционно регулировала землепользование на основе сложившихся правовых обычаев, что способствовало стабильности земельных отношений в крестьянской среде.

Вопросы окончательного земельного устройства государственных крестьян не были решены в ходе первого этапа крестьянской реформы. Процесс их наделения землёй и установления налоговых обязательств оставался предметом обсуждения в министерских кабинетах ещё несколько лет.

На момент принятия Полож. о кр. (ПСЗРИ. Т. XXXVI. № 36657) Московская губерния состояла из административных территорий, представленных в форме уездов. Одним из них был Московский уезд, который имел особый статус, так как включал в себя сам город Москву, являвшийся центром губернии. Также к Московской губернии относился один безуездный город (Воскресенск) и два посада (Сергиевский и Павловский) (Московская губерния).

Каждый уезд включал в себя несколько волостей и населённых пунктов. Волость являлась низшей административной единицей и выполняла функции местного самоуправления. Сельские общины, входившие в состав волостей, в свою очередь, включали в свой состав несколько селений, деревень.

В русской деревне основой справедливости считался обычно-правовой принцип равенства, который проявлялся в различных материальных вопросах. Трудовая деятельность имела первостепенное значение для крестьянства, так как именно труд определял имущественное благосостояние семьи и её возможности для выживания. Крестьянская обычно-правовая система опиралась на трудовое начало, закреплявшее право на использование земли и её плодов, которое напрямую зависело от трудовой деятельности владельца. Волостной суд, исходя из действовавших норм обычного права при принятии решения, учитывал отношение участников судебного процесса к труду и степень их вложенного труда.

Именно труд определял, насколько крестьянин сможет обеспечить свою семью, выплатить налоги и справиться с выкупными платежами. Трудовое начало в русском народном праве подчеркивалось А.Я. Ефименко, так как именно труд крестьяне считали единственным источником собственности (Ефименко, 1884: 136-137).

Правовой обычай играл важную роль в решении земельных споров среди крестьян, а нормы позитивного права часто подтверждались традиционными крестьянскими представлениями о владении землёй, о справедливом отношении к землевладельцам и об основаниях возникновения прав на землю.

В силу малограмотности и отсутствия знания писаных законов, крестьяне не разделяли правовые категории права собственности на землю, не выделяли право владения, право пользования землёй, часто использовали особые термины, называя землю «плановой и усадебной» (ЦГА. Ф. 580. Оп. 1. Д. 18. Л. 39).

Это подтверждают сохранившиеся архивные документы, содержащие описание судебных процессов, рассмотренных волостными судами. В судебных материалах чётко не определён вид вещного права, не разделены такие понятия, как право собственности, право временного пользования земельным наделом, право владения. Крестьяне использовали различные формулировки, называя земельные участки, в отношении которых у них возникали вещные права: «душевой надел» (ЦГА. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 6. Л. 2), «усадебка» (ЦГА. Ф. 580. Оп. 1. Д. 12. Л. 1), «потомственная усадебная земля» (ЦГА. Ф. 580. Оп. 1. Д. 12. Л. 9), «плановая земля» (ЦГА. Ф. 580. Оп. 1. Д. 18. Л. 39) и др.

Нередко общины, руководствуясь обычно-правовыми нормами и принципом справедливости, лишали своих нерадивых членов части земельного надела. Так, например, крестьянка Любовь Лаврентьевна Кривошеина 17 июля 1913 г. подала жалобу в Усмерский Волостной Суд Бронницкого уезда против Кладьковского сельского общества. Она требовала возврата земельного надела – «душевого надела» (ЦГА. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 6. Л. 2). Кривошеина в «словестной жалобе» утверждает, что её сын был освобождён от повинностей (тягла) в 1907 г., но без официального решения («без приговора»). В связи с этим она требовала от общины вернуть земельный участок (ЦГА. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 6. Л. 6). Из данных материалов видно, что предметом спора является «душевой надел» – участок земли, выделенный на одного человека (душу) в рамках крестьянского общинного землевладения. В данном документе под словами «сын был освобождён от повинностей (тягла)» (ЦГА. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 6. Л. 6) можно понимать также и то, что сельское общество, несущее государственные повинности, без вынесенного официального решения изъяло земельный надел сына Л. Кривошеиной. Дело в том, что в словаре Д.Н. Ушакова помимо налогового бремени, тяглом также называется земельный надел (Ушаков).

Обычное право санкционировало осуществление различных сделок с земельными наделами, даже в том случае, когда крестьяне не обладали нормативно закреплённым правом собственности в отношении таких земельных наделов. Земля оставалась в распоряжении крестьянской общины, однако существовала обычно-правовая практика купли-продажи земельных участков, несмотря на законодательные ограничения. Подобное дело рассматривалось Царицынским волостным судом. Крестьянин Песков из села Борисово Московского уезда, Царицынской волости, подал иск против односельчанина Короткова, требуя изъятия у Короткова земельного надела, купленного последним у семьи Головановых.

В деле имелась расписка от 26 марта 1900 г., выданная Василием Головановым со своим сыном Максимом Васильевичем Головановым крестьянину Короткову о том, что они продали ему, Короткову, за 90 рублей один из двух душевых наделов земли, который будет выделен обществом в 1900 и 1901 г. Земельный надел включал усадебную, садовую, пахотную, луговую и другую землю, за исключением определённых лугов, право собственности на которые сохранялось за продавцами. Все мирские платежи и подати, которые составляли 40 рублей за пользование этим земельным участком, обязан был выплачивать Коротков. Оставшаяся сумма в размере 300 рублей (видимо, оговоренная общая сумма сделки) подлежала выплате по условиям договора.

Царицынский волостной суд, рассмотрев представленные документы о продаже земли Короткову, постановил отказать Пескову в иске, косвенно признавая законность совершенной сделки купли-продажи земельного участка (ЦГА. Ф. 74. Оп. 1. Д. 65. Л. 4).

Данное судебное разбирательство демонстрирует стремление волостных судов при разрешении земельных споров учитывать не только позитивное право, но и существующие обычаи крестьянского землевладения.

Достаточно значимым для крестьян являлся вопрос о самовольном захвате земли и иного недвижимого имущества, где часто применялся «обычай давностного владения». Так, в 1902 г. было рассмотрено дело Можайским Уездным Съездом по жалобе крестьянина деревни Юрьевой Василия Федорова на решение Емановского Волостного Суда от 16 февраля 1902 г. по делу о наследстве после смерти его отца Федора Семенова.

Наследница Семенова, его жена Пелагея Яковлева, заявила, что после смерти мужа осталось имущество, включающее избу (размером 8 аршин) и половину двора, но амбар принадлежал их племяннику Максиму Иванову. Она также пояснила, что изба и двор были перестроены его матерью Саломонидой Дмитриевой, поэтому истец не имеет права на это имущество.

Свидетели, в том числе Иванов, подтвердили, что Андрей Семенов действительно воспользовался постройкой Саломониды Дмитриевой, но с её согласия. Более того, в качестве компенсации он построил новую избу, которая стоила значительно дороже прежней. Таким образом, Василий Федоров не может предъявлять права на это имущество, так как оно было приобретено и улучшено Андреем Семеновым, а значит, должно остаться в распоряжении его наследников.

Суд принял во внимание отсутствие факта совместного проживания на протяжении 25 лет Василия Федорова и Андрея Семенова. Кроме того, В. Федоров не помогал А. Семенову в содержании недвижимого имущества и в строительных работах.

Можайский Уездный Суд, рассмотрев обстоятельства дела, установил, что вопрос о самовольном завладении землёй Андреем Семеновым ранее уже рассматривался в 1892 г. в Емановском Волостном Суде по жалобе матери истца С. Дмитриевой. Её жалоба была оставлена без удовлетворения (ЦГА. Ф. 580. Оп. 1 Д. 1. Л. 4-5). В данном деле обычай давностного владения сыграл важную роль при вынесении судом решения, по которому в иске Василию Федорову отказано. В обычном праве, применяемом волостными судами, существовал такой обычай, согласно которому длительное беспрепятственное пользование землёй или имуществом могло закрепить за владельцем права на него.

Часто возникали споры о границах земельных наделов и незаконном захвате земельного участка. Так, к примеру, в конце XIX в. был рассмотрен в Емановском Волостном суде подобный вопрос. Крестьянин в своём прошении указал о незаконном захвате и использовании его «усадебной» двумя другими крестьянами (ЦГА. Ф. 580. Оп. 1. Д. 12. Л. 1-3). Подав прошение в Емановский Волостной Суд о восстановлении границ своего усадебного владения, которые, по его утверждению, были нарушены односельчанами Спиридоном Григорьевым и Федором Сергеевым, крестьянин деревни Юрьевой Кузьма Дмитриев заявлял, что уже 8 лет ведёт тяжбу по этому вопросу и ранее получал решения в свою пользу, но они не были исполнены.

И хотя исполнительный лист 1888 г. подтверждал право Дмитриева на владение спорной землёй и обязывал Григорьева снести постройки в семидневный срок, решение так и не было реализовано. В 1893 г. Дмитриев снова обратился в суд, так как соседи-нарушители продолжали занимать его землю, а решение суда о сносе построек не исполнялось. 11 июня 1893 г. земский начальник 1-го участка Можайского уезда передал дело на рассмотрение Емановского Волостного Суда (ЦГА. Ф. 580. Оп. 1. Д. 12. Л. 1-3). В исковом заявлении крестьянина упоминается фраза «о неправильном использовании собственно принадлежавшей мне потомственной усадебной земли...» (ЦГА. Ф. 580. Оп. 1. Д. 12. Л. 3), что свидетельствует о наследственном способе приобретения этой земли в соответствии с нормами обычного права.

Кроме того, в данном судебном процессе прослеживается признание обычно-правового понятия «фактического владения землёй», которое имело большое распространение в крестьянской среде. Этот факт объясняет продолжительное сопротивление нарушителей, несмотря на официальные судебные постановления о сносе их построек.

Однако разрешение в судах подобных конфликтов о границах земельных наделов в пользу собственника земельного участка, официально признанного государственными органами, свидетельствовало о том, что нормы позитивного права постепенно вытесняли устные соглашения, базирующиеся на правовых обычаях.

Решения волостных судов по земельным спорам могли затрагивать и смежные вопросы, например, наследование. Так, крестьянка деревни Юрьевой Василиса Федоровна Колесова в ноябре 1902 г. обратилась в Емановский Волостной Суд с прошением, адресованным против своего дяди. Предметом спора являлось право владения «плановой землей и усадьбой» (ЦГА. Ф. 580. Оп. 1. Д. 18. Л. 39), оставшимися после смерти её отца, которыми без её согласия «воспользовался брат моего отца, мой дядя Андрей Семёнов» (ЦГА. Ф. 580. Оп. 1. Д. 18. Л. 39). Колесова утверждала, что после смерти отца Семенов построил на этой земле дом и попытался приписать всю землю себе, «объединив её со своим хозяйством» (ЦГА. Ф. 580. Оп. 1. Д. 18. Л. 39), намереваясь в будущем передать ее своему сыну. Решением суда установлено, что Семенов незаконно завладел землёй и подтверждено, что Колесова является законной наследницей. Семенову было отказано в праве

владения плановой землёй. Это обозначало, что спорная земля с постройками должна быть возвращена Колесовой в установленном порядке.

В данном деле суд применил несколько крестьянских обычаев, связанных одновременно с наследственным правом и землевладением. Таким примером является обычай передачи землевладения по наследству прямым потомкам (в данном случае - дочери), так как суд подтвердил, что земля и усадьба передаются по наследству, а права на них принадлежат потомкам умершего владельца. Кроме того, судебный орган принял во внимание, что все постройки на спорной земле были возведены отцом истца, а не дядей. То есть владение недвижимостью подтверждается не только правовыми актами, но и фактом строительства на данной земле. Речь идёт о применении обычая признания права на возведённую постройку на «усадебной земле».

Однако в судебной практике встречались дела, в которых суд отстаивал интересы общины. Так, Елмановский суд встал на сторону общины, отказав крестьянину Ивану Зайцеву в компенсации за изъятие земли.

Дело Елмановского волостного суда 1892–1895 гг. отражает многолетний конфликт между крестьянином Иваном Зайцевым и общиной деревни Красновой. Зайцев владел участком 17 лет. Он оспорил решение, вынесенное на сельском сходе 1892 г. об изъятии его земли в пользу общины. Несмотря на признание окружным судом решения схода незаконным, община продолжила удерживать землю. Земский начальник через два года разрешил Зайцеву взыскать понесённые убытки в размере 255 рублей, но волостной суд в 1895 г. отказал в иске, сославшись на утверждённый общиной приговор 1892 г. (ЦГА. Ф. 580. Оп. 1. Д. 14. Л. 1-3). Дело демонстрирует сложную и противоречивую ситуацию, в которой Зайцева поддержал окружной суд, но община не выполняла требования, установленные окружным судом, ссылаясь на обычай общинного перераспределения земель.

Подобные противоречия свидетельствуют о том, что волостные суды нередко балансировали между действующим законодательством и локальными правовыми обычаями, часто отдавая предпочтение последним ради сохранения стабильности общины. Община оставалась ключевым фактором в земельных отношениях, а волостные суды часто служили инструментом защиты её интересов, несмотря на позитивное право.

Достаточно распространённой обычно-правовой практикой была аренда земли в сельской местности. Нарушение условий аренды земли, как и другие претензии, связанные с договорными отношениями, часто рассматривались волостными судьями (ЦГИАГМ. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 16. Л. 29-30).

Волостной суд также защищал право временного землепользования землёй, опираясь на крестьянский обычай защиты арендатора и запрета самовольных действий (самосуда как достаточно распространённого явления), способствуя сохранению стабильности и порядка в сельском сообществе. Например, в 1893 г. Елмановским Волостным Судом рассмотрено дело, касающееся спора между крестьянином села Архангельского, Матвеем Емельяновым, и односельчанином, крестьянином Егором Ивановым, относительно права пользования арендованной землёй. М. Емельянов арендовал на 6 лет земельный участок у крестьянина Тихомирова, заплатив арендную плату за весь период арендных отношений. Однако Е. Иванов начал угрожать М. Емельянову и создавать препятствия в пользовании последним арендованной землёй, что вызвало беспокойство у истца. Он сообщил, что слышал угрозы от Иванова, а также опасался за безопасность своего пожилого отца, который проживал с ним.

В связи с этим Матвей Емельянов обратился в Волостной Суд с прошением, чтобы суд запретил Егору Иванову мешать ему в пользовании арендной землёй. Он также просил суд принять меры по защите от угроз и насилия.

Решением суда было установлено, что Егор Иванов не имел права вмешиваться в арендные отношения и ограничивать действия Матвея Емельянова. Суд постановил, что угрозы и вмешательства должны быть пресечены, и Егору Иванову было запрещено касаться земель, принадлежащих Тихомирову и арендованных Емельяновым (ЦГА. Ф. 580. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-2). В данном деле Елмановский Волостной Суд применил обычай, свидетельствующий о признании и уважении арендных прав, а также защиты арендатора.

Динамика возникавших земельных вопросов требовала учёта существовавших в крестьянской среде финансово-договорных отношений.

Так, Елмановским Волостным Судом в 1893 г. рассмотрено интересное дело относительно спора между крестьянином Григорием Матвеевым из деревни Карьякино и сельским обществом, с которым он заключил договор о переселении на новую усадьбу. Григорий Матвеев подал жалобу в суд на общество, утверждая, что, несмотря на обязательство заплатить ему 30 рублей за переселение на новую усадьбу, общество так и не выплатило ему эту сумму. Матвеев потребовал взыскать задолженность.

Суд начал разбирательство 3 апреля 1893 г. и назначил заседание на 11 апреля того же года, о чём была направлена повестка как Матвееву, так и представителям общества. В повестке указывалось, что в случае неявки на суд стороны понесут соответствующие последствия, в том числе вынесение заочного решения для ответчика и прекращение дела для истца, если тот не явится. В результате разбирательства 11 августа 1893 г. суд постановил взыскать с общества 15 рублей,

половину требуемой истцом суммы (30 рублей), в качестве компенсации за нарушение обязательств по переселению (ЦГА. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 6. Л. 7).

Данное дело демонстрирует, как волостные суды регулировали также финансово-договорные обязательства, возникающие при распределении земельных ресурсов в крестьянской общине. Община нередко выступала стороной в договоре при распределении земель.

Характерным для крестьянского судопроизводства было стремление к компромиссному решению, поэтому вместо полного взыскания обещанной общиной суммы в размере 30 рублей суд, руководствуясь медиационным подходом, применяемым в обычном праве, постановил выплатить истцу только половину – 15 рублей, что, вероятно, отражало логику «справедливого решения».

Волостные суды, опираясь на обычно-правовой принцип вложенного труда при работе на земельном участке, рассматривали также споры, предметом которых являлись факты, связанные с незаконным использованием земельных ресурсов, например: порча чужого урожая (ЦИАМ. Ф. 749. Оп. 1. Д. 8. Л. 35-36), незаконное проникновение на территорию другого лица, кража сена (ЦИАМ. Ф. 749. Оп. 1. Д. 8. Л. 39-40), несанкционированное скашивание травы на чужом поле (ЦИАМ. Ф. 749. Оп. 1. Д. 8. Л. 43-44). Нередко иски по поводу этих нарушений возникали между крестьянскими общинами. Целые деревни, благодаря действиям, предпринимаемым их сельскими обществами, могли быть вовлечены в судебные процессы друг против друга. Так, судебное дело, рассмотренное в Ягунинском волостном суде Звенигородского уезда в августе 1905 г., началось с того, что сельское общество одной деревни предъявило иск сельскому обществу другой на 50 рублей. Причиной было «вытаптывание ржи» (ЦИАМ. Ф. 749. Оп. 1. Д. 8. Л. 35-36). В итоге истец, инициировавший судебный процесс, выиграл дело.

Также, 7 августа 1905 г., Ягунинский Волостной суд рассмотрел дело, возбуждённое крестьянкой из Слесской слободы против своей соседки из той же деревни по факту кражи у неё сена. В своём иске истица подсчитала свои убытки в размере двадцати пяти копеек за каждый пуд сена. Её доводы были поддержаны свидетелями. В итоге суд встал на сторону истицы (ЦИАМ. Ф. 749. Оп. 1. Д. 8. Л. 39-40), как и в случае возмещения ущерба за незаконно «вырубленную траву» (ЦИАМ. Ф. 749. Оп. 1. Д. 8. Л. 43-44) на полях. Интересно, что крестьяне в своём обиходе преимущественно использовали термин «сломанная трава» (ЦИАМ. Ф. 749. Оп. 1. Д. 8. Л. 43-44).

5. Заключение

Земельный вопрос на протяжении веков оставался важнейшим ключевым фактором развития России. Земельные отношения в дореволюционной России регулировались как нормами позитивного, так и нормами обычного права, и связанными с ними традиционными общинными практиками. Правовые обычаи занимали значимое место в регулировании земельных отношений среди крестьянского сословия Московской губернии. Они дополняли позитивное право, обеспечивая стабильность аграрных отношений и способствуя эффективному использованию земли. На них опирались в своих решениях волостные суды, рассматривавшие имущественные споры и деликтные отношения, возникавшие среди крестьян. При вынесении решений суды основывались, в том числе, на таких обычно-правовых принципах, как справедливость и равенство, на трудовое начало, закреплявшее право на использование земли и её плодов, которое напрямую зависело от трудовой деятельности владельца. Волостные суды, исходя из действовавших норм обычного права при принятии решений, учитывали отношение участников судебного процесса к труду и степень их вложенного труда.

Крестьяне не разделяли право собственности на элементы, известные современной доктрине, не отделяли право владения от права пользования землёй и от иных видов вещного права, что отражено в судебной практике волостных судов. Они часто основывали свои решения на нормах обычного права, которое допускало сделки с земельными наделами, даже если они не являлись частной собственностью продавца, применяли обычай давностного владения, обычай признания права на возведённую постройку на усадебной земле и другие обычаи.

Литература

- Базанов, 1902 – Базанов И.А. Основные черты гражданско-правового строя крестьян по Положениям 19-го февраля и позднейшим узаконениям. Томск: 1-я типолитография П.И. Макушкина, 1902. 34 с.
- Баринов, 2013 – Баринов В.В. Система органов волостной юстиции на территории Республики Мордовия в конце XIX – начале XX века (по материалам Пензенской и Тамбовской губерний) // *Российский научный мир*. 2013. № 1. С. 120-128.
- Безгин, 2018 – Безгин В.Б. Обычное право и волостной суд: современное состояние изучения проблемы // *Право: история и современность*. 2018. № 1. С. 7-15.
- Верховцева, 2015 – Верховцева И.Г. Реформирование волостного суда в Российской империи в 1912-1914 гг. // *Интеллигенция и власть*. 2015. № 32. С. 51-52.

Галкин, 2008 – Галкин П.В. Организация практической деятельности волостных земств Московской губернии // *Исторические чтения КГПИ*. Вып. 5. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2008. С. 219–227.

Ефименко, 1884 – Ефименко А.Я. Исследования народной жизни: обычное право. Вып. 1. М.: В.И. Касперов, 1884. 380 с.

Кандинский, 1889 – Кандинский В. О наказаниях по решениям волостных судов Московской губернии / *Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.)*. М.: Типография А. Левинсон и К, 1889. С. 34–49.

Качоровский, 1906 – Качоровский К.Р. Народное право. М.: Мол. Россия, 1906. 256 с.

Кистяковский, 1872 – Кистяковский А.Ф. Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение // *Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край, снаряжённой Императорским Русским географическим обществом*. Т. VI. СПб., 1872. 224 с.

Лонская, 2013 – Лонская С.В. Мировые и волостные суды Российской империи на пути к единству // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2013. № 9. С. 7–14.

Лунгин, 1864 – Лунгин С.Ф. Волостные суды // *Русский вестник*. 1864. № 3. Т. 50. С. 383–400.

Меншиков, 2016 – Меншиков И.С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 6 (68). Ч. I. С. 119–124.

Московская губерния – Московская губерния / Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2232827 (дата обращения: 30.01.2025).

Муравьев, 1891 – Муравьев Н.В. Руководство для волостных судов в местностях, где учреждены земские участковые начальники. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1891. 131 с.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881). Т. XXXVI (1861). Ч. I. № 36657 / *Полное собрание законов Российской империи* [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=141&part=737 (дата обращения: 04.05.2025).

Скоробогатый, 1881 – Скоробогатый П. Влияние старшин и писарей на отправление волостной юстиции // *Юридический вестник*. 1881. № 7. С. 607–623.

Смирнов, 2013 – Смирнов А.М. Самосуд как социально-культурный феномен крестьянской общины в эпоху Российской империи // *История государства и права*. 2013. № 10. С. 10–13.

Тарабанова – Тарабанова Т.А. Деятельность волостных крестьянских судов в Московской губернии / *Интеллектуальная Система Тематического Исследования НАукометрических данных* [Электронный ресурс]. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/254900284/> (дата обращения: 12.10.2024).

Тютрюмов, 1883 – Тютрюмов И.М. Крестьянский суд и начала народно-обычного права // *Русское богатство*. 1883. № 9. С. 184–225.

Ушаков – Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка // *Словари и энциклопедии на Академике* [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1101201> (дата обращения: 12.02.2025).

ЦГА – Центральный государственный архив г. Москвы.

ЦГИАГМ – Центральный государственный исторический архив г. Москвы.

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы.

Шишкарева, 2014 – Шишкарева Т.Н. Деятельность волостных судов в 1861 – 1889 гг. в Курской губернии // *Перспективы науки*. 2014. № 1(52). С. 26–30.

Sosnina et al., 2024a – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Besedkina N.I., Avanesova A.A. Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024 19(3): 1318–1326.

Sosnina et al., 2024b – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Nikolaeva J.V., Lavrishcheva O.A. Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 159–168.

References

Barinov, 2013 – Barinov, V.V. (2013). Sistema organov volostnoi yustitsii na territorii Respubliki Mordoviya v kontse XIX – nachale XX (po materialam Penzenskoi i Tambovskoi gubernii) [The system of volost justice bodies in the territory of the Republic of Mordovia in the late 19th – early 20th century (based on materials from the Penza and Tambov provinces)]. *Rossiiskii nauchnyi mir*. 1: 120–128. [in Russian]

Bazanov, 1902 – Bazanov, I.A. (1902). Osnovnye cherty grazhdansko-pravovogo stroya krest'yan po Polozheniyam 19-go fevralya i pozdneishim uzakoneniyam [The main features of the civil-legal system of peasants according to the Regulations of February 19 and later laws]. Tomsk: 1-ya tipolitografiya P.I. Makushkina. 34 p. [in Russian]

Bezgin, 2018 – Bezgin, V.B. (2018). Obychnoe pravo i volostnoi sud: sovremennoe sostoyanie izucheniya problemy [Customary law and the parish court: the current state of the study of the problem] *Pravo: istoriya i sovremennost'*. 1: 7–15. [in Russian]

- Efimenko, 1884** – *Efimenko, A.Ya.* (1884). Issledovaniya narodnoi zhizni: obychnoe pravo [Studies of folk life: customary law]. M., 380 p. [in Russian]
- Galkin, 2008** – *Galkin, P.V.* (2008). Organizatsiya prakticheskoi deyatelnosti volostnykh zemstv Moskovskoi gubernii [Organization of practical activities of volost zemstvos of Moscow province] *Istoricheskie chteniya KGPI. Kolomna: Kolomenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut.* 5: 219-227. [in Russian]
- Kachorovskii, 1906** – *Kachorovskii, K.R.* (1906). Narodnoe pravo [People's law]. M., 256 p. [in Russian]
- Kandinskii, 1889** – *Kandinskii, V.* (1889). O nakazaniyakh po resheniyam volostnykh sudov Moskovskoi gubernii [On punishments by decisions of Volost courts of Moscow province]. *Sbornik svedeni dlya izucheniya byta krest'yanskogo naseleniya Rossii (obychnoe pravo, obryady, verovaniya i pr.)* M., Tipografiya A. Levinskoi i K.: 34-49. [in Russian]
- Kistyakovskii, 1872** – *Kistyakovskii, A.F.* (1872). Volostnye sudy, ikh istoriya, nastoyashchaya ikh praktika i nastoyashchee ikh polozhenie [Volost courts, their history, their current practice and their current status]. *Trudy etnograficheskoi-statisticheskoi ekspeditsii v zapadnorusskii krai, snaryazhennoi Imperatorskim Russkim geograficheskim obshchestvom.* VI: 224 p. [in Russian]
- Lonskaya, 2013** – *Lonskaya, S.V.* (2013). Mirovye i volostnye sudy Rossiiskoi imperii na puti k edinstvu [World and Volost Courts of the Russian Empire on the Path to Unity]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta.* 9: 7-14. [in Russian]
- Lungin, 1864** – *Lungin, S.F.* (1864) Volostnye sudy [Volost courts]. *Russkii vestnik.* 3: 383-400. [in Russian]
- Menshchikov, 2016** – *Menshchikov, I.S.* (2016). Volostnoi sud kak khranitel' traditsionnykh norm povedeniya v russkoi derevne [The volost court as the guardian of traditional norms of behavior in the Russian village] *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* 6 (68): 119-124. [in Russian]
- Moskovskaya guberniya** – Moskovskaya guberniya [Moscow province]. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya [Electronic resource]. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2232827 (date of access: 30.01.2025).
- Murav'ev, 1891** – *Murav'ev, N.V.* (1891). Rukovodstvo dlya volostnykh sudov v mestnostyakh, gde uchrezhdeny zemskie uchastkovye nachal'niki [Guidelines for volost courts in localities where zemstvo district chiefs have been established]. M., 131 p. [in Russian]
- PSZ RI** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie (1825–1881), T. XXXVI (1861). № 36657 [Electronic resource]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date of access: 04.05.2025). [in Russian]
- Shishkareva, 2014** – *Shishkareva, T.N.* (2014). Deyatel'nost' volostnykh sudov v 1861 – 1889 gg. v Kurskoi gubernii [Activities of volost courts in 1861–1889 in Kursk province]. *Perspektivy nauki.* 1(52): 26-30. [in Russian]
- Skorobogatyi, 1881** – *Skorobogatyi, P.* (1881). Vliyanie starshin i pisarei na otpravlenie volostnoi yustitsii [The influence of elders and clerks on the administration of volost justice]. *Yuridicheskii vestnik.* 7: 607-623. [in Russian]
- Smirnov, 2013** – *Smirnov, A.M.* (2013). Samosud kak sotsial'no-kul'turnyi fenomen krest'yanskoi obshchiny v epokhu Rossiiskoi imperii [Lynching as a socio-cultural phenomenon of the peasant community in the era of the Russian Empire]. *Istoriya gosudarstva i prava.* 10: 10-13. [in Russian]
- Sosnina et al., 2024a** – *Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Besedkina, N.I., Avanesova, A.A.* (2024). Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody.* 19(3): 1318-1326.
- Sosnina et al., 2024b** – *Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Nikolaeva, J.V., Lavrishcheva, O.A.* (2024). Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody.* 19(1): 159-168.
- Tarabanova...** – *Tarabanova, T.A.* Activities of volost peasant courts in Moscow province. [Electronic resource]. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/254900284/> (date of access: 12.10.2024). [in Russian]
- TsGA** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv g. Moskvy [Central State Archives of Moscow].
- TsGIAGM** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Central State Historical Archives].
- TsIAM** – Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Moskvy [Central Historical Archive of Moscow].
- Tyutryumov, 1883** – *Tyutryumov, I.M.* (1883). Krest'yanskii sud i nachala narodno-obychnogo prava [Peasant court and the beginnings of folk customary law]. *Russkoe bogatstvo.* 9: 184-225. [in Russian]
- Ushakov...** – *Ushakov, D.N.* Explanatory dictionary of modern Russian language. [Electronic resource]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1101201> (date of access: 02.12.2025). [in Russian]
- Verkhovtseva, 2015** – *Verkhovtseva, I.G.* (2015). Reformirovanie volostnogo suda v Rossiiskoi imperii v 1912-1914 gg. [Reform of the volost court in the Russian Empire in 1912-1914]. *Intelligentsiya i vlast'.* 32: 51-52. [in Russian]

Правовой обычай в деятельности волостных судов Московской губернии при рассмотрении земельных споров во II пол. XIX – нач. XX в.

Ольга Андреевна Плоцкая ^{a, *}, Андрей Витальевич Мелентьев ^b, Джамиля Азизхановна Оспанова ^c,
Руслан Михайлович Жиров ^d

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

^c Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^d Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Российская Федерация

Аннотация. Волостные суды в дореволюционной России являлись важнейшими судебными органами. Их возникновение связано с судебной реформой второй половины XIX в. Волостные суды представляли низшую судебную инстанцию, в которой рассматривались крестьянские споры. В них применялись не только нормы позитивного, но и обычного права. Они также являлись важным звеном государственной системы правосудия, связанным с крестьянским самоуправлением.

Правовые обычаи занимали значимое место в регулировании земельных отношений в дореволюционной России среди крестьянского сословия Московской губернии, дополняя позитивное право, обеспечивая стабильность аграрных отношений и способствуя эффективному использованию земли. На них опирались в своих решениях волостные суды, рассматривавшие споры, возникавшие среди крестьян. При вынесении решений волостные суды основывались также на таких общеправовых принципах, как равенство, справедливость, трудовое начало, закреплявшее право на использование земли и её плодов. Волостные суды, исходя из действовавших норм обычного права при принятии решений, учитывали отношение участников судебного процесса к труду и степень их вложенного труда.

Крестьяне не разделяли право собственности на элементы, известные современной доктрине, не отделяли право владения от права пользования землёй и от иных видов вещного права, что отражено в судебной практике волостных судов. Они часто основывали свои решения на нормах обычного права, которое допускало сделки с земельными наделами, даже если они не являлись частной собственностью продавца, применяли обычай давностного владения, обычай признания права на возведённую постройку на усадебной земле и другие обычаи.

Ключевые слова: правовой обычай, волостной суд, обычное право, крестьяне, право собственности, земельные споры.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olga.plockaya@mail.ru (О.А. Плоцкая)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1438-1454
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1438

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Reform of 1868: Activities of the West Siberian and Orenburg Administrations on Colonisation of the Kazakh Steppe

Bibigul Abenova ^{a, *}, Daulet Abenov ^b, Yerzhan Toraigrov ^a

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This study examines the administrative-colonial reforms that institutionalised Russian rule in Kazakhstan during the 1867–1868 “Provisional Regulations”, which declared all Kazakh lands state property and enabled accelerated confiscation of fertile steppe territory for peasant resettlement. Drawing on newly retrieved archival records and pre-revolutionary press, we reconstruct the policymaking and field practices of the West Siberian and Orenburg Governor-Generalships, the bodies responsible for directing military colonisation and supervising migration flows. We trace the creation of a province-level hierarchy comprising governor-generalships, districts, volosts and aul administrations, designed primarily to meet imperial military needs, while simultaneously facilitating agrarian colonisation. Analysis shows how these administrations orchestrated cadastral surveys, issued land-grant charters to immigrant communities and compelled Kazakh pastoralists to relocate, undermining nomadic grazing cycles and fragmenting customary land tenure. The rapid influx of Russian and Ukrainian peasants, coupled with fiscal burdens and grazing restrictions, precipitated a deep structural crisis in the Kazakh economy, eroding traditional social relations and accelerating socioeconomic stratification. The article demonstrates that colonial regulatory measures not only dispossessed Kazakh households but also entrenched patterns of inequality and ecological stress across the steppe. Our findings refine understandings of imperial tsarist frontier governance and its enduring impact on Central Asian rural development.

Keywords: administrative reform, “Provisional Provision”, governor-general's office, region, uyezd, volost, aul, colonial policy, resettlement.

1. Introduction

The relevance of the topic examined in this study lies in its contribution to understanding key aspects of the colonisation of Kazakhstan by the Russian Empire. As a result of this process, the territories traditionally inhabited by Kazakhs lost their independence and were incorporated into the administrative structures of the Turkestan, Orenburg, and West Siberian governor-generalships. In this context, all power was concentrated in the hands of the governors-general.

For the Russian Empire, the primary objective was to subjugate these territories and integrate them into its political system, a goal it pursued vigorously. Accordingly, the significance of this study is also connected with its capacity to reveal the explicitly colonial nature of Russian imperial policy during this historical period.

The aim of the study is to analyse the activities of the West Siberian and Orenburg governor-generalships in managing the colonisation of Kazakh-inhabited territories, carried out under the 1868 reform. The scientific novelty of the research lies in its comprehensive examination of the historical and

* Corresponding author

E-mail addresses: bibigul_aben@mail.ru (B.S. Abenova)

political processes of the era and in identifying the central role of the West Siberian and Orenburg governors-general as key agents in the implementation of Russian colonial policy.

2. Materials and methods

This study is a descriptive and qualitative investigation that employs the historical-systemic and problem-chronological methods. During the research process, both archival document analysis and content analysis were conducted. Of particular interest are studies devoted to this issue, undertaken in the late nineteenth and early twentieth centuries. Among them, the following works may be noted: *Kirgizy* by A. Bukeykhanov (Bukeykhanov, 1895), *Skotovodstvo v Turgaiskoy oblasti* by A.I. Dobrosmyslov (Dobrosmyslov, 1895), and the study published in Saint Petersburg in 1900 entitled *Kolonizatsiya Sibiri v svyazi s obshchim pereselencheskim voprosom* (Kolonizatsiya..., 1900). Also included are the works of A.I. Maksheyev (Maksheyev, 1890) and *Obshchiy vzglyad na ustroystvo russkikh poseleniy v severo-vostochnoy chasti kirgizskoy stepi* (Obshchiy..., 1869).

Additional sources of importance include *The Colonisation of the Steppe Regions* by V.A. Ostafyev (Ostafyev, 1895), *Outline of the Work of the Turgai-Ural Resettlement Organisation* (Ocherk..., 1911), and the *Memorial Book and Address Calendar of the Ural Region for the Year 1897* (Pamyatnaya knizhka..., 1897). Also studied were *Russia: A Complete Geographical Description of Our Motherland* (Rossiya..., 1903) and *Rural Administration: Russian and Indigenous* (Selskoe..., 1910), which served as core sources. During the research, periodical scientific publications from the mid and late nineteenth century were also consulted. These included *Aktyubinskiy Gorodskoy Vestnik* (Aktyubinskiy...), *Vostochnoye Obozreniye* (Vostochnoye..., 1882), *Zapiski Orenburgskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* (Zapiski..., 1868), *Russkoye Bogatstvo* (Ocherk..., 1894), and *Turgayskaya Gazeta* (Turgaiskaia gazeta, 1897; Turgaiskaia gazeta, 1903; Turgaiskaia gazeta, 1910). Periodicals from the late twentieth and early twenty-first centuries were also utilised, including *Akikat* and *Egemen Qazaqstan*. The issue of agrarian colonisation of the Steppe Region has been the subject of ongoing academic discourse since the second half of the nineteenth century and the early twentieth century, particularly in the context of the development of the Trans-Ural steppe territories. This theme has also been reflected in the works of representatives of the Kazakh intelligentsia (Abselemov, 2019: 60).

Memoirs also serve as valuable sources, offering detailed descriptions of these events and preserving significant archival material. The primary archival collections used in this study were those of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan) and the United State Archive of the Orenburg Region (Orenburg, Russian Federation).

Among the memoir-based sources consulted are the works of Anichkov (Anichkov, 1889), Veselovskiy (Veselovskiy, 1897), Gaines (Gaines, 1897–1898), and Kaufman (Kaufman, 1904). The selection of all sources for this study was based on criteria of scholarly neutrality, with preference given to archival materials for their reliability and relevance.

Distorted and ideologically biased materials were excluded from the research. During the information retrieval process, the following keywords and search queries were used: “colonisation of the Kazakh steppe”, “administrative reform of 1868”, and “Orenburg Governor-Generalship”, among others. Sources that lacked concrete data on the resettlement process, the 1868 reform, or the activities of the governor-generals were excluded. Preference was given to sources from the nineteenth and early twentieth centuries, as well as to contemporary academic publications from the past five years that contain relevant data on the activities of the Orenburg and West Siberian administrations (see Table 1).

Table 1. Selection of Sources for the Content Analysis of the Administrative Reform of 1868 in the Orenburg Governor-General's Office

Found	Excluded	Retained for analysis
110	61	49

In the course of the study, content analysis, the comparative historical method, and empirical approaches such as the interpretation of archival records, statistical data, and memoirs were applied. The empirical base of the study comprises archival documents, nineteenth-century newspaper publications, official reports from governor-generals, and administrative records.

Based on the analysis of the identified materials, the study concludes that the administrative reforms had a colonial character and resulted in numerous negative consequences for the Kazakh population. The study does not use personal data that would compromise anonymity. It does not infringe upon the rights or dignity of historical figures. All archival materials are publicly accessible for verification and are cited with precise archival references. The research is limited to the nineteenth century and is based primarily on Russian-language sources. In some cases, data reflecting the perspective of the Kazakh side are absent. It should be noted that there are alternative interpretations of the events, especially from the viewpoint of the colonising authorities. The object of this study is the process of colonisation of Kazakh lands by the Russian

Empire. The subject of the study is the 1868 reform and the activities of the West Siberian and Orenburg administrations in the colonisation of the Kazakh steppe.

In the process of source selection, chronological and territorial sampling was primarily applied. The research objective is to examine the role of the 1868 reforms in the colonisation of Kazakh lands.

A wide range of general scientific and specialised historical methods was employed in the course of the study. The analytical method (Nurgaliyeva et al., 2022: 77) was applied to divide the research problem into its constituent parts.

This approach enabled a detailed study of specific aspects of the colonial policy pursued by the Russian Empire. The method of synthesis contributed to the holistic consideration of the issue. This methodological combination is commonly used in humanities-focused academic research.

Among the historical methods, the historical-systemic approach played a central role. It allowed for an analysis of the historical processes as part of an integrated system in which each element is interconnected and contributes to the structure as a whole. The problem-chronological method was also applied, which made it possible to trace developments in the military-political situation of the region and to identify key stages of this process.

Other methods included the library research method, which entailed the study of academic literature by various authors relevant to the topic under investigation. Given that a significant portion of the sources used in this study comprises archival materials, several methods of archival science were also employed. These included the systematic approach, which was applied in the analysis of archival documents, legal acts, and cartographic sources.

3. Results

As for the study of this problem, this complex and multifaceted issue in the history of Kazakhstan has been repeatedly addressed by Kazakh, Russian, and Western scholars. Among the key works are those by M.Zh. Abdirov (Abdirov, 2000), I.V. Anisimova (Anisimova, 2022; Anisimova, 2023), I.B. Bektaeva (Bektaeva, 2025), D.V. Vasiliev (Vasiliev, 2014), K. Kenzhebekov et al. (Kenzhebekov, 2015), M.S. Mukanov (Mukanov, 1991: 7), and T. Sedelnikov (Sedelnikov, 1991). The issue of the annexation of Kazakh lands to the Russian Empire is also discussed in the third volume of the academic edition History of the Kazakh SSR, from Ancient Times to the Present Day (Istoriia 3, 1979).

Among the studies published in the Kazakh language, the following works should be noted: D.K. Abenov (Abenov, 2020), B.S. Abenova (Abenova, 2019), S. Aymbetov (Aymbetov, 1992), and S. Smagulova (Smagulova, 2019).

Of particular interest are works from the late nineteenth and early twentieth centuries that directly address the topic. These include Kirgizy by A. Bukeikhanov (Bukeikhanov, 1895), Cattle Breeding in the Turgai Region by A.I. Dobrosmyslov (Dobrosmyslov, 1895), and the study Colonisation of Siberia in Connection with the General Resettlement Question, published in St Petersburg in 1900 (Kolonizatsiia..., 1900). Also relevant are works by A.I. Maksheev (Maksheev, 1890), A General View of the Arrangement of Russian Settlements in the North-Eastern Part of the Kirghiz Steppe (Obshchii..., 1869), V.A. Ostafiev's Colonisation of the Steppe Regions (Ostafiev, 1895), Sketch of the Work of the Turgai-Ural Resettlement Organisation (Ocherk..., 1911), Memorable Book and Address Calendar of the Ural Region for 1897 (Pamyatnaya knizhka..., 1897), Russia: A Full Geographical Description of Our Fatherland (Rossiia..., 1903), and Rural Administration: Russian and Native (Selskoe..., 1910).

In the course of this study, periodical scientific publications from the mid and late nineteenth century were also consulted. These included Aktobe City Gazette (Aktobe...), Vostochnoe Obozrenie (Vostochnoe..., 1882), Notes of the Orenburg Division of the Imperial Russian Geographical Society (Zapiski..., 1868), Russkoye Bogatstvo (Ocherk..., 1894), and Turgayskaya Gazeta (Turgaiskaia gazeta, 1897; Turgaiskaia gazeta, 1903; Turgaiskaia gazeta, 1910). Periodicals from the late twentieth and early twenty-first centuries were also used, such as Akikat and Egemen Qazaqstan.

Issues related to agrarian colonisation of the Steppe Region were the subject of intense academic discussion as early as the second half of the nineteenth century and into the early twentieth century, particularly during the development of the Trans-Ural steppe territories. These debates were reflected in the writings of Kazakh intellectuals (Abselemov, 2019: 60).

In addition, numerous memoirs describing these events have been preserved, alongside a substantial body of archival materials. The primary archival collections used in this study were those of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (Almaty) (TsGA RK) and the United State Archive of the Orenburg Region (Russian Federation) (OGAOR). Among the most notable memoirs are works by I. Anichkov (Anichkov, 1889), N. I. Veselovsky (Veselovsky, 1897), A. K. Gaines (Gaines, 1897–1898), and A.V. Kaufman (Kaufman, 1904).

During the Soviet period, particularly in the late 1950s and early 1960s, historians of the Kazakh SSR also turned their attention to the study of these issues. Their research addressed various aspects of the resettlement movement to the Steppe Region in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries. Special focus was given to the evolutionary transformations within the nomadic system of economic organisation and nomadic society (Abselemov, 2019: 62).

Imperial Policy and the Background to the 1868 Reform. The first half of the nineteenth century represents a turning point in the history of the Kazakh people. During this period, Kazakh statehood was finally dismantled through a combination of coercion and deception, and Kazakh lands became a colony of the Russian Empire (Bektaeva, 2025: 22).

The colonisation of Kazakh territories formally began around 1730, when influential elders of the Younger Juz instructed their ruler, Abulkhair Khan, to negotiate a military alliance with the Russian government. Contrary to the will of the council of elders, the khan authorised his ambassadors, Kutlymbet Koshtaev and Seytkul Koidagulov, to negotiate not an alliance but the subjugation of the Younger Juz to the Russian Empire.

The delegation sent by Abulkhair Khan was received by Empress Anna Ioannovna of Russia (reigned 1730–1740). On 19 February 1731, she signed a decree accepting the Younger Juz as a subject of the empire. Subsequently, a Russian embassy was dispatched to the Kazakh Khanate with the aim of securing official recognition of Russian sovereignty by the khan and his entourage.

However, the majority of Kazakh sultans and elders, upon learning the true nature of the agreement, expressed strong opposition to accepting any form of allegiance to Russia. This historical episode demonstrates that the negotiations conducted by the khan were made without the consent of the people and did not reflect their collective will or aspirations. Despite widespread public discontent, the process of administrative subordination of the Kazakhs to Russia continued. In 1740, Abylai Khan, leader of the Middle Juz, also became a subject of the Russian Empire. From that point forward, the Kazakhs lost the right to elect their own rulers, and all subsequent khans were appointed directly by the Russian government. By 1822, khanal authority had been entirely abolished across all Kazakh zhuzes, and the Kazakh people were effectively stripped of their independence and statehood.

Even before the major administrative reforms, the Russian authorities had begun constructing military fortifications deep within the Kazakh steppe as early as the 1820s. The interests of the indigenous population were completely disregarded. In the territories controlled by the Separate Siberian Corps, the tsarist government pursued an aggressive land appropriation policy (Kenzhebekov et al., 2015: 39).

On 13 June 1889, the Akmola region was officially designated as an area open to voluntary resettlement (Ocherk..., 1894: 190). As a result, the total land area allocated to the Siberian Cossack army reached five million dessiatinas. Only members of this army were permitted to fish in the Irtysh River and Lake Zaisan. The Cossacks received the most fertile and strategically advantageous lands in the Kazakh steppe.

Throughout the colonisation of Kazakh lands, punitive measures sanctioned by the tsarist autocracy were frequently employed. At the same time, the Russian Empire sought to impose a political system that disregarded the traditional structure and cultural specificities of Kazakh society. By the beginning of the nineteenth century, Russia had initiated a comprehensive policy aimed at the final subjugation of Kazakh-inhabited territories (Bektaeva, 2025: 22).

The Cossacks were the first to begin developing the Kazakh steppe. They seized the flood meadows in the valleys of the lower and middle reaches of the Ural River, traditionally used by the Kazakhs. From there, they expanded deeper into the interior of the region. Through a series of social privileges, tsarism transformed the Cossacks into the principal instrument of colonial policy. One by one, stanitsas and farmsteads were granted vast tracts of land taken from the local population and located along fertile river valleys. The Siberian Cossacks ultimately took possession of the most valuable plots.

In Kokchetav County, the Cossacks occupied the most fertile central and southern areas, which featured high-quality black soil, abundant water sources, valuable forests, a rich diversity of fauna, pine woods, and clean, healthy air. Several Cossack stanitsas were located in this region (Abdirov, 2000: 202).

In the Akmola uyezd, the Cossacks held territory between the Ishim and Tobol rivers, known for its fertile black soil and abundant meadow grasses. The left bank of the Irtysh River, which was part of the prohibited 10-verst strip (in some cases extended to 25–30 versts), included the richest floodplain meadows, while on the right bank the Cossacks controlled the Dolonsky, Karagaysky, and Shulbinsky pine forests.

In addition, local administrations organised Cossack settlements near steppe fortifications. For instance, in a letter dated 29 August 1825, the Governor of Western Siberia, P. M. Kaptsevich, proposed to the chief of the Omsk region the resettlement of Cossacks to the steppe fortifications, with the aim of establishing permanent stanitsas. The regional council approved the proposal, and the Siberian Committee drafted a specific Regulation on the Resettlement of Cossacks in the Steppe, which was formally adopted on 20 December 1826. Between 1826 and 1831, 78 Cossack families moved to the Kokchetavsky district and 34 families to the Karkaralinsky district.

In 1832, another 38 families from various regiments expressed their willingness to relocate to the districts of Ayaguz, Karkaraly, and Kokchetav (Abdirov, 2000: 202). By 1836, seven detachments comprising 860 Cossacks had been stationed at the steppe fortifications of the Siberian Cossack Army. By 1853, the number had increased to approximately 2,000, and by 1863, 20 detachments totalling 2,500 Cossacks were based in the steppe (Abdirov, 2000: 202).

As a result, the local Kazakh population was forced to rent their ancestral lands from the Cossacks. Fines were imposed by the ataman, amounting to 15 kopecks per sheep, 18 per head of cattle, 23 per horse,

and 38 per camel. Additionally, Cossack settlements charged four roubles from each Kazakh family that moved to what was now considered “their land”.

In this way, the Kazakh people were subjected to exploitation on two levels. First, they were deprived of their fertile lands and former abundance. Second, they were forced to pay regular fines for maintaining the traditional way of life that had sustained them for centuries. As a result, the customary rhythm of Kazakh life, sustained by the land of their ancestors, was severely disrupted. The loss of access to fertile land due to the expansion of Cossack settlements hindered the development of agricultural practices and inflicted serious damage on the traditional system of land use, especially that connected with animal husbandry.

It is noted that the Cossacks failed to develop an agricultural culture in the newly occupied territories. As Maksheev remarked, “a Cossack not only did not help the fortifications with grain, but also lived at the expense of the treasury” (Maksheev, 1890: 128). According to another observation, “the Cossacks, who immediately received the treasury provision for the whole family, did not even think of sowing bread” (Obshchii..., 1869: 97). The resettled Cossack population lost practical farming skills: they neither cultivated the land nor improved it, and in many cases, left it degraded. Surrounded by vast steppes and herds of horses, the Cossack did not consider enhancing the livestock breeds. As noted in archival documents, “wearing a Kirghiz's chapan, he did not even pay attention to the way it was sewn” (TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 2. L. 6-7). These failures in colonisation and the inability to establish viable economic activity may also be attributed to differences in national mentality. Scholars have pointed out that national mentality is a specific set of communal traits that define the cultural orientation of an ethnic group (Yatsenko, 2022: 42).

Given that Russians and Kazakhs were historically shaped by different geographical and climatic conditions, with divergent mentalities, the resettled population likely faced significant difficulties adapting to unfamiliar environmental conditions and a foreign-language ethnic context. These challenges may have contributed to the broader failure of colonisation efforts.

Instead of contributing to the development of the region, the Cossacks engaged in the unchecked exploitation of its wealth and the systematic plundering of the Kazakh people. They frequently raided Kazakh lands and seized livestock. As A. K. Gaines observed, the privileges granted to the Cossacks did not promote prosperity but rather fostered idleness and economic disorder. He wrote that such conditions led to “the systematically organised robbery of the Kirghiz... By their robbery and all kinds of violence they have settled in the Kirghiz hostile feelings towards the entire Russian population” (Gaines, 1897: 116).

This pattern reveals the ignorance, laziness, and passivity of the Cossack settlers, who failed to value the land that had been so easily handed over to them. By 1846, the Siberian Cossack Army had grown to 48,000 men, including 6,000 stationed at steppe fortifications. By the 1860s, the territory of the Siberian Cossack Army amounted to 5 million dessiatinas. The Ural Cossack Army, consisting of 81,247 individuals, received 6,235,335 dessiatinas, while the Orenburg Cossack Army, with a total of 7,567 individuals, was granted 7,509,623 dessiatinas of fertile land and water-rich territories (Istoriia 3, 1979: 236). The government came to the conclusion that the only viable method of establishing a permanent Russian presence in the region was through free colonisation (TsGA RK. F. 4. Op. 1. D. 490. L. 45).

The construction of military fortifications and the establishment of Cossack settlements were merely the initial stages of the colonisation of Kazakh lands by the tsarist regime. The imperial authorities understood that the most reliable way to complete the colonisation process was to resettle as many Russian peasants as possible in the Kazakh steppe.

These developments provoked dissatisfaction among the Kazakh population (Prokhorov, 2024: 73) and contributed to one of the longest uprisings in the region's history.

The rebellion of 1837–1847, led by Kenesary Kasymov, was directed against both the Russian Empire and the Kokand Khanate and affected almost all Kazakh zhuzes. From the second half of the 1820s, Khan Kenesary resisted the methods of Russian administration introduced in 1824. After the death of his brother Sarzhan, he continued the resistance in the territory of the Middle Juz.

One of the earliest uprisings against Russian rule was the revolt of the Kazakhs of the Younger Juz, led by Syrym Datuly in 1783–1797. Its primary cause was a dzhut, or mass livestock death, during the winter of 1782–1783, which had devastating consequences. While dzhut had occurred earlier and was usually linked to natural causes, it was popularly believed to recur every twelve years. These events were often accompanied by famine and widespread epidemics.

The situation deteriorated further in the spring of 1783, when the Ural Cossacks stole approximately 4,000 horses from the Kazakhs. The causes and consequences of the dzhut are analysed in the work *Asharshylyq qasireti* by Svetlana Smagulova (Smagulova, 2019: 3).

It should also be noted that challenges in the development of agriculture continue in Kazakhstan today. The government pays considerable attention to supporting the agricultural sector through subsidies and credit programmes. However, the products of the industry often remain uncompetitive in the foreign market, while labour productivity and the material and technical capacity of enterprises frequently fail to meet modern standards (Buzaubayeva et al., 2023: 31–32). Nevertheless, the concept of dzhut remains part of historical memory rather than present-day reality.

In 1778, during one of the clashes with the Cossacks, the children of Syrym Datuly were killed. However, the principal causes of the uprising were the aggravation of land disputes, the prohibition imposed

by the tsarist authorities on nomads accessing the “inner side”, the infringement of the rights of elders, and widespread robbery and violence perpetrated against the population.

Some time later, between 1822 and 1824, a rebellion broke out under the leadership of Jolaman Tlenshiuly. It was followed in 1824–1825 by another revolt led by Gubaidulla, the last khan of the Middle Juz. In the subsequent year, Sultan Kaip-Gali Yesimuly led a rebellion that lasted for more than a decade and ran parallel to a full-scale uprising supported by Kazakhs from all three zhuzes, led by the grandson of Abylai Khan, Sultan Kenesary. This rebellion, previously analysed, was notable for its geographical scale, high level of organisation, and duration of armed resistance.

In 1836–1838, further uprisings took place under the leadership of Isatay Taymanuly and Makhambet Utemisuly in the Bukey (Inner) Horde and among the Kazakhs of the Younger Juz.

Later, in 1853–1857, Yeset Kotybaruly led a rebellion, and in 1856–1857, an uprising erupted under Zhankozha Nurmukhameduly in the Syr Darya region. After the initiation of administrative reforms, another rebellion occurred in 1870 on the Mangyshlak Peninsula under the leadership of Dosan Tazhiuly.

This sequence of events demonstrates that the period preceding the reforms was characterised by continuous uprisings of Kazakhs against Russian imperial policy. Importantly, the reforms did not put an end to resistance, and uprisings persisted in the post-reform period.

It should be noted that the reforms were not intended to improve the living conditions of the local population. Their primary aim was to strengthen the colonial control over Kazakh territories. The Commission responsible for drafting the 1868 reform stated that “when resolving the land issue, the government should take such a measure, which, on the one hand, would meet the modern requirements of the people, without violating their everyday life, and on the other hand would correspond to the benefits of Russia” (TsGA RK. F. 4. Op. 1. D. 490. L. 40). In practice, however, neither this requirement nor the stated goal was fulfilled. At the same time, the multi-volume work History of the Kazakh SSR, from Ancient Times to the Present Day, published during the Soviet period, portrayed the colonial policy of the Russian Empire as a positive development (Istoriia 3, 1979: 9), reflecting the ideological narrative of the time.

West Siberian Administration and the Peculiarities of Colonisation. On 21 October 1868, the document entitled Provisional Regulations on Administration in the Steppe Regions of the Orenburg and West Siberian Governor-General’s Office was officially approved. Today, it is considered one of the most important legal and administrative documents in the history of the Central Asian peripheries of the Russian Empire in the second half of the nineteenth century (Anisimova, 2023: 393).

In the records of the commission responsible for drafting the Provisional Regulations, the purpose of peasant resettlement on Kazakh lands is stated as follows: “for the spread of citizenship among the Kyrgyz, their rapprochement with the Russians and the development of productive and industrial forces of the country, it is impossible not to recognise useful and necessary to settle in the steppes of the Russian population, which, belonging to a superior race, will have a beneficial effect on the life of the people and prepare them for a full connection with Russia” (TsGA RK. F. 4. Op. 1. D. 490. L. 44). The true intentions of the tsarist government, however, were not the so-called “growth of citizenship” in the Kazakh steppe or the “improvement of living conditions”, but rather the consolidation of colonial control through the mass resettlement of Russian peasants onto Kazakh lands.

Later, the official for special assignments Makinsky in a letter that was addressed to the Steppe Governor-General openly says that for Russia the need for colonisation of Kazakh lands is due to the internal needs of the empire. Therefore, the problem of agrarian crisis that occurred after the reform of 1861 (abolition of serfdom), the tsarist administration intended to solve by resettlement of Russian peasants on the Kazakh land (TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 4230. L. 4).

As a result, the tsarist government “a small shortcoming” of its big policy decided to correct by seizing Kazakh lands. Undoubtedly, such resettlement would create conditions for the full development of the Kazakh region as a colony and closely link it with the central regions of the empire.

According to the provisions of the “Temporary Regulations”, the West Siberian Governor-Generalship comprised the Akmola and Semipalatinsk regions. The Akmola region consisted of districts from the Oblast of the Siberian Kirghiz, including Kokchetav and Akmola, territories from the 1st, 2nd, 3rd, 4th, 5th, and part of the 6th regimental districts of the Siberian Cossack Army, as well as the cities of Omsk and Petropavlovsk (article 6) (Materialy..., 1999: 155). The Semipalatinsk region encompassed the districts of Inner Semipalatinsk and Kokbektinsk, along with part of Sergiopolsky, Zaisan, Bayan-Aulsky, and Karkaralinsky districts, and the Cossack territories of the 6th, 7th, and 8th regimental districts of the Siberian Cossack Army, with the remaining part allocated for the formation of the Semirechenskaya Oblast (article 7) (Materialy..., 1999: 155). Each oblast was further subdivided into uyezds, volosts, and auls, reflecting the administrative organisation typical of the period.

The governor-general was considered the supreme authority of the colonial administration of the West Siberian region, followed by military governors at the head of oblasts and district governors appointed from above. Only tsarist officials, especially officers of noble descent or Cossacks, were appointed to all the highest posts of regional and district administration; military, police and prison institutions were entirely under their jurisdiction. All of them were vested with civil, military power. The district chiefs also had police and judicial power on the basis of sole authority.

Volosts and auls were governed by volost governors, aul headmen and people's judges, who were approved from above by the steppe colonial authorities. Volost governors, aul chiefs, as well as junior assistants of district chiefs, were formally elected and appointed from Kazakhs, which was aimed at finally weakening the political influence of the sultans.

The "Provision" describes the principle of creating volosts as follows: "volosts are made up, according to local conveniences, of auls, neighbouring in terms of land use of winter camps" (Article 60). "Transition of kibits from aul to aul, of the same or another volost, is allowed with the consent of kibit owners of those auls between which the transition takes place, and with the permission of the police authorities" (Article 61) ([Materialy..., 1999: 161](#)). This led to the elimination of administrative division of the region on the basis of belonging to one or another clan, and it was replaced by the territorial principle of administration. The reforms of territorial division and administration did not take into account the national specificity and way of life of Kazakh society, completely destroying any independence in the management. A similar system of administration was formed in the Orenburg region.

The justification for the "legality" of colonial measures is contained in Article 210 of the "Provisional Regulations", which stresses that "the lands occupied by the Kyrgyz nomads shall be recognised as state lands and shall be put to public use by the Kyrgyz" ([Materialy..., 1999: 176](#)). At the same time, Article 238 declared the forests growing on this territory to be state property ([Materialy..., 1999: 179](#)).

By solving the land issue in this way, the tsarist government intended to turn the Kazakh lands into an object of full colonisation and to strengthen its dominant position in the region on this basis. Thus, the declaration of all Kazakh lands as the property of the state created a legal basis for the further expansion of the seizure of the best fertile lands from the Kazakhs for their settlement by settler peasants. Special attention was paid to the formation of the taxation system and the establishment of tax authorities ([Kraft, 1898: 25](#)). The first settlers appeared in Akmola region under the Governor-General of Western Siberia N.G. Kaznakov (1875–1881) and military governor of Akmola region V.S. Tsytoich (1871–1882). 272 families of Russian peasants, who moved to Akmola region unauthorisedly, asked to settle them in the selected and occupied areas — Kresty and Gruzdy of Petropavlovsk uyezd. However, the military governor Lieutenant-General V.S. Tsytoich refused, motivating his refusal by the fact "that the settlers were announced about the appointment of 30 plots for settlement, but the peasants refused to settle in the appointed plots, finding them inconvenient for themselves." The 30 plots designed by the commission at the General Directorate of Western Siberia, intended for settlement of peasants, were located on the tract roads and "due to the lack of meadows and forest were not quite favourable" ([Ostafiev, 188: 10](#)). As recognised by the Steppe Governor-General in his report, "...unfortunately, in setting such an apparently correct system for determining sites for settlements, the administration acted without sufficient preliminary study of soil and climatic conditions of the areas allocated for settlers" ([TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 125. T. 1. L. 46ob.](#)). The administration was obviously misled by the relative ease of settlement of the Cossack element and the prosperity of some stanitsas, while overlooking the important circumstance that the Cossacks received the best land on both banks of the Irtysh — the only large river in the region — and near the few freshwater lakes. The Governor-General of the Steppe region, G.A. Kolpakovsky (1882–1889), claimed that "Akmola region cannot be settled by Russians, as there is absolutely no land suitable for culture and that, on the other hand, only the Kirghiz here... can adapt to local conditions" ([Ostafiev, 1885: 5](#)).

The colonisation of the steppe regions was officially suspended. Several regulations strictly prohibiting unauthorised resettlement were adopted. For example, the local administration expelled Russian peasants three times who had settled in Kokchetav uyezd in 1871 on the leased Kazakh lands in the Bakym-Choka tract. In the Russian settlement on Lake Kundunkulskoye, the huts and buildings were dismantled, and the property was moved to the nearest Cossack settlement. In Atbasar uyezd, the unauthorised peasants were arrested by the uyezd chief.

However, despite the administrative prohibitions, settler settlements did appear in the steppe. For example, during the provincial revision of Petropavlovsk uyezd in 1884, a Russian village of several dozen houses was discovered on the Musina tract, which had existed for more than ten years on the bank of the Ishim. The governor recognised this fact and named the village Yavlennaya. In Kokchetav and Petropavlovsk uyezds, the official of special orders Makinsky planned 11 settlements with settlement of 8500 men. And historical tracts Gruzdi, Dubrovo, Kresty, Musino by the end of 80th years were given to peasants under settlement and 3 settlements with the population of 2403 male souls were formed and they conquered 40186 dessiatinas of land.

In Akmola region, 30 plots designed by the administration for peasant settlements were cut for settling from 40 to 110 male souls each with an allotment of 30 dessiatinas per male soul. However, from 1876 to 1884 only 18 plots were occupied by settlers, including 11 plots in Kokchetav uyezd and 7 plots in Atbasar uyezd. In them 900 male souls were settled, and 3871 souls of both sexes. As it is indicated in the "All-Report on the most important measures for the improvement of the steppe region", "...the remaining 12 plots, although they were repeatedly offered to settlers, remain uninhabited due to particularly unfavourable conditions of the area, lack of land, poor quality of land, lack of water, etc." ([TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 125. 1-volume, L. 47](#)).

Therefore, “the settlers began to work at the factories of Akmola and Petropavlovsk counties, soaking there in the winter months; with the onset of spring, in need of seeds for crops, the settlers appealed to the administration with requests for loans and allowances” (TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 125. T. 1. L. 47). In this regard, since 1880, the settlers were given money loans over 26,000 rubles for each male revision soul.

They were also “granted: a) the right, in order to ensure the success of colonisation, to search for plots of land themselves; b) all settlers who arrived in the steppe were granted relief from taxes and in-kind duties, except for military duties, for 10 years, if the settlers, within 2 years, would acquire buildings and settle down. For the initial furnishing: 1) free of charge 100 roots per yard and 20 rubles for furnishing; 2) for farming tools and acquisition of livestock 20 rubles per family irrevocably” (Ostafiev, 1885: 13).

Thus, the permission and granting of privileges by the government for colonisation of the region gave Russian settlers the right to apply for the arrangement and allotment of Kazakh lands.

Orenburg Administration: Peculiarities of Colonisation. Orenburg Governor-General N.A. Kryzhanovsky said in his speech at the opening ceremony of the Orenburg branch of the Russian Imperial Geographical Society in 1868: “...despite the sad situation of the Kyrgyz steppe in terms of future civilisation, its possession for Russia is not only useful, but, in many respects, absolutely necessary; if at this moment it did not belong to us, then, for very many reasons, and much more economic than political, we would be forced to take possession of it” (Zapiski..., 1868: 21).

In saying this, he openly expressed his personal views on the colonisation of Kazakh lands and the colonial ambitions of Russian capitalism, which sought support in integrating the Kazakh region into the all-Russian economic system in order to exploit the immense wealth of the steppe region without hindrance—particularly the fertile lands, which began to be taken away from the Kazakhs and handed over to peasant settlers from Russia. Earlier, in 1835, the lands from Orsk to Troitsk (New Frontier Line – Auth.) were allocated to the Orenburg Cossack Army (Kraft, 1898: 169-171). Thus, a single decree stripped the Kazakhs, in broad daylight, of 4,313,000 dessiatins of land (Akiat, 1999). This is merely one typical example of land seizure from the Kazakhs in the Orenburg district by the Russian administration.

Subsequently, in 1849, Orenburg Governor-General Obruchev began settling family members of lower-ranked Orenburg Cossacks near military fortifications, granting them various privileges. During this period, Cossack settlements appeared: 18 families in Novopetrovsky Fortification, 26 in Raimsky Fortification, 10 in Orenburg Fortification, 10 in Ural Fortification, and 4 in Karabutak Fortification (Maksheev, 1890: 128). These settlements occupied the most fertile lands in the region, receiving adequate hayfields, forest areas, and arable plots.

According to the “Provisional Provision”, the Orenburg Governor-General's Office comprised the Ural and Turgai Oblasts. Articles 3–4 state that “the Ural region is made up of the lands of the Ural Cossack Army, the western part and a small space of the middle part of the Oblast of the Orenburg Kirghiz; the Turgai region is formed from the eastern part and the rest of the space of the middle part of the Oblast of the Orenburg Kirghiz” (Materialy..., 1999: 154). During this period, the Turgai region was officially closed to resettlement, but in reality, the local colonial administration actively supported the settlement of incoming Russian peasants in the area. The military governor, Major-General A. P. Protsenko, repeatedly (on 28 February 1885 and 14 February 1886) raised with the Ministry of Internal Affairs the issue of “the possibility and necessity of colonisation of the Turgai region”. He stated: “From the point of view of national interests, it is impossible to leave without Russian colonisation the huge space separating the Orenburg region from Turkestan. Therefore, in order to connect our possessions in Central Asia with the internal regions of the Empire, it is necessary in the Turgai region to create, in the direction of Turkestan, a chain of Russian agricultural settlements” (Moshchensky, 1914: 2).

The resettlement of Russian peasants to the western regions of Kazakhstan began after the Ural and Turgai Oblasts were formed. Russian peasants were drawn by rumours of “a prosperous life” and “rich and fertile lands” in the Aktobe and Kustanai regions (Kraft, 1900: 205). In the autumn of 1878, nine peasant families moved from the Voronezh province to Aktobe, and in 1880, forty more families arrived (Turgaiskaia gazeta, 1910). The number of settlers grew from year to year. By 1886, the number of settlers in Aktobe uyezd had reached 177 people (Rossiya..., 1903: 163).

The following year, the wintering grounds of several Kazakh families who owned lush meadows at the confluence of the Ile and Kargaly rivers were destroyed, and they were forced to resettle towards the Dambar River. The administration “favoured” the Kazakhs by paying them only 35 rubles for each destroyed wintering site. As a result, the territory near the Aktobe fortification, to which Russian peasants relocated, expanded from 8,900 to 27,101 desyatins (Aktobe..., 1914: 3).

Forced to submit to colonial power and “thanks” to the assistance of collaborators from among their own people, Kazakhs mourned their ancestral lands, being increasingly driven into the barren steppe. In this way, the Kazakh people were turned into strangers in their own homeland. The events of those years are described in the book by T. Shonanuly, Zher tagdyry – el tagdyry (Shonanuly, 1995: 5).

The process of resettlement was most intensively carried out in Nikolaevsky Uyezd, which was considered the most fertile area in the north of Turgai Oblast. The first steps in this direction were closely connected with the beginning of the construction of the city of Kustanai. The site chosen for laying the foundations of the city was the Kustanai tract, located 7–8 kilometres from the northern bank of the Tobol

River (OGA00. F. 6. Op. 10. D. 8570. L. 1), as a stream of running water flowed nearby, the river valley was covered with lush flood meadows, and the site was rich in flat and layered stone deposits required for construction. "Legends" about this "free" city reached even the European part of Russia. Thousands of peasants, in search of "free, ownerless lands", began to arrive and settle on Kustanai land.

The previously mentioned Governor-General N. Kryzhanovsky, despite the fact that the "Provisional Statute" did not permit the establishment of Russian settlements in places other than district centres, began appropriating Kazakh pasture lands and winter huts in order to resettle Russian peasants. On 19 December 1879, he proposed obtaining "the consent of the Kyrgyz communities owning these territories, and in advance to ensure the prevention of clashes that may arise between the Kyrgyz and settlers" (TsGA RK. F. 25. Op. 1. D. 3476. L. 28). The actions of the administration, which aimed to seize the lands of 71 families located on the right bank of the Tobol River and belonging to the Arakaragai district, provoked resistance from the Kazakhs. However, under pressure from the authorities, an agreement was signed on 17 June 1881 stating that both banks of the Tobol River were "voluntarily" ceded for the construction of the city and the resettlement of Russians (TsGA RK. F. 25. Op. 1. D. 3476. L. 69).

Of the 13,300 dessiatinas of land, thus taken away from the Kazakhs for the location of the district centre on the Kustanai land, 10,300 dessiatinas the administration allocated to the settlement of settlers. It was planned to resettle in this settlement 1,000 peasants, giving each land allotment of 10 dessiatinas (OGA00. F. 10. Op. 6. D. 17. L. 8-9). However, there were much more people willing to move to the new city. If from 1 January 1878 to 1 January 1879 they received 1,481 applications, then by the end of 1880 another 4,800 applications were accepted (TsGA RK. F. 25. Op. 1. D. 3476. L. 38).

The first settlers arrived in Kustanai in the second half of 1880 and built 26 dwelling houses by winter (TsGA RK. F. 25. Op. 1. D. 3510. L. 158). Those who did not have time to settle down lived in dugouts, caves dug in steep cliffs or ravines. In June 1881, more than a thousand peasants settled in the place of the future town. In 1885, the number of settlers in Kustanai reached 8,000, and they received 41,865 dessiatinas of land (OGA00. F. 10. Op. 6. D. 17. L. 9). This was not enough for the settlers, so they were not satisfied with what they received, and they took more and more land from the Kazakhs and built new settlements. Thus, two new settlements appeared: Prigorodny and Zatobolsky.

The fertile lands of Ilets'k and Nikolaev counties, which were inhabited by Russian peasants, were formerly summer pastures on which the cattle of the Kazakhs not only of the other two counties of the Turgai province but also of the neighbouring Syr Darya and Ural provinces walked. Therefore, the alienation of the huge mass of Kazakhs inhabiting the three provinces from the best lands in the named counties led their economy to decline. "Fearing" the aggravation of the situation, the Turgai administration tried to refuse to create conditions for Russian peasants but could no longer stop the flow of settlers.

Despite the refusal of the administration to accept them, the peasants squatted in Nikolaevsky uyezd. Having rented the land of Kazakhs, they built their houses and outbuildings on this territory. The number of Russian settlements increased due to the incessant arrival of tenants. As stated in one of the pre-revolutionary sources, "at first the settler is in the power of the owner of the land – Kirghiz and patiently endures everyday inconveniences, theft of livestock, trampling of crops, trying to live amicably with the Kirghiz, however, when instead of one or two houses there is a farmstead or settlement, the settler takes power in his own hands" (Ocherk..., 1911: 2). In this way, Russian peasants gradually became masters of the Kazakh land. The basis for this was the 220th article of the "Provisional Provision", which secured the right of Kazakh societies or individuals to lease their land to Russian peasants (Materialy..., 1999: 178). The Special Commission created by order of the Military Ministry in 1865 made a decision to transfer the left bank of the Ural into the possession of the Cossacks, ordering to leave 12,065 Kazakh households, which previously owned this bank, a total of 24,948 dessiatinas of hayfield land with scanty vegetation (Suleimenov, 1963: 253). Thus, each Kazakh family received only 2 dessiatinas of land. Governor-General Kryzhanovsky fully approved the commission's decision.

Due to the fact that the Department of Economy of the State Council at the meetings of 28 March, 29 May and 21 November 1870 confirmed the correctness of the decision to transfer the left bank of the Urals into the full perpetual ownership of the Cossack army, on 28 March 1871, Alexander II approved and signed it (Kolonizatsiia... 1900: 353-354). According to the Decree, all lands on the left coast of the Urals, starting from the mouth of the Ilek River and up to the place where the Urals flows into the Caspian Sea, were transferred to the Ural Mounted Cossack Troops for perpetual use. Thus, the Kazakh land with lush pastures, forest lands and abundant water sources, stretching 633 kilometres in length and 10 kilometres in width, the total area of which was more than 600,000 dessiatinas (Suleimenov, 1963: 59), became the property of the Cossacks. According to archival data, in 1873 the Ural Cossack Troops had 2,857,294 dessiatins of 1,000 sazhen in Ural uyezd, 2,922,102 dessiatins of 600 sazhen in Kalmyk uyezd, 679,395 dessiatins of 117 sazhen in Guryev uyezd, a total of 6,458,791 dessiatins of 1,717 sazhen of Kazakh land (OGA00. F. 6. Op. 17. D. 208. L. 64). In general, in 1860–1917, Cossacks owned 85.9% of 8,228.6 hectares of land seized from Kazakhs (Ayimbetov, 1992: 4).

The Tsarist administration did everything to transfer all lands in the area of the New Frontier Line to the ownership of the Cossacks. A special committee headed by Kryzhanovsky proposed to transfer all the lands covering the mentioned area to the Orenburg Cossack army, and the Cossacks, deprived of their native

lands, to resettle in a “deserted”, arid region covering from 760 thousand to 1 million dessiatinas of land. By decree of 23 May 1878, Alexander II approved the committee's decision ([Kolonizatsiia..., 1900: 399](#)). As noted by General Lukoshkov, chairman of the commission established in 1881 to consider the situation and develop a project for the accommodation of the Kazakhs of the Turgai region, “to meet the needs associated with the development of the cattle-breeding economy of the Kirghiz, huge territories are needed. They are not enough even now — used 2 million 600 thousand of land, in addition, all allocated 1 million dessiatinas of land is unsuitable for haying, and the best lands suitable for use are in the centre of the district and the direction of the Urals, but it is forbidden to let the Kirghiz to go there” ([TsGA RK. F. 25. Op. 3. D. 85. L. 32-35](#)). Thus, the Orenburg Cossacks, taking advantage of the right of universal resettlement in the area of the New Line, chose the best lands and settled on them. The territories allocated by the project to the Cossacks, which were part of the 1,000,000 dessiatinas appanage, were bare, stony, semi-desert land.

Steppe Governorate-General (1882–1918). The Steppe Governor-General's Office was founded by a personal decree of the Highest, given to the Governing Senate on 18 (30) May 1882, as part of the Akmola, Semipalatinsk and Semirechensk regions (in 1899, it was returned to the Turkestan Governor-General's Office).

The Governor-General's Office was established on the initiative of the Minister of War P.S. Vannovsky as it became necessary to unite the territories of the Russian Empire bordering China in one governorship. After that, the West Siberian Governor-General's Office was abolished, and the Akmola and Semipalatinsk regions were transferred to the Steppe Governor-General's Office. The Orenburg Governor-General's Office was also completely abolished, and the Urals and Turgai regions were included in the Steppe Territory.

In the early 90s, the unauthorised resettlement of peasants in the Akmola region reached large proportions; in Atbasar, Kokchetav, and Petropavlovsk districts, there were up to 9000 male souls. For their arrangement and study of free lands in 1891, the governor-general of the Steppe region, Baron M.A. Taube, suspended resettlement to the Steppe regions. But during the work of the Akmola resettlement party, it was allowed again.

If to specify by regions, the Akmola region formed 131 villages with a population of 51,584 male souls, including Omsk uyezd – 23, Petropavlovsk – 38, Kokchetav – 37, Atbasar – 13, Akmola – 20 ([TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 125. T. 2. L. 318ob.-319](#)). In Semipalatinsk oblast, the question about the possibility of colonisation was answered negatively. According to the collected data, “only in Ust-Kamenogorsk uyezd and Zaisan tributary, in mountainous areas, irrigated by the sources of rivers, it is possible to allow colonisation on a limited scale. However, even such colonisation is unlikely to be successful, as farming here is possible only with artificial irrigation, which is little known to Russian peasants.” Nevertheless, from 1887 to 1895, Semipalatinsk region was organised into 17 villages with a population of 4,183 male souls, including, in Ust-Kamenogorsk uyezd – 9, Semipalatinsk – 8 villages ([TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 125. T. 2. L. 319](#)). The Semirechenskaya oblast was initially settled exclusively by Cossacks of the Siberian Cossack Troops (23,000 souls), but due to the significant expenditures of the treasury for the establishment of Cossack settlements, settlement by peasant settlers began in 1867. When choosing places for settlements, the necessity of connecting the existing Cossack and urban settlements in the region with intermediate settlements was considered. Thus, from 1867 to 1893, the Semirechensk region formed 31 villages with a population of 16,179 male souls, including Vernensky uyezd – 6, Pishpek – 9, Kapalsky – 2, Lepsinsky – 8, Przhivalsky – 6 villages ([TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 125. T. 2. L. 319ob.](#)).

Governor-General Taube, citing the significant difficulties encountered in settling peasants in the regions of the Steppe Governor-General due to the lack of available land plots, submitted a petition to the Emperor in 1896 with the following proposals. First, he requested that a portion of land be allocated from the ten verst wide neutral strip that had been established in the previous century along the line of Cossack settlements. This strip was originally intended to deter raids by the Kirghiz and was later temporarily transferred to the Siberian Cossack Army. Taube proposed that part of this land be retained for the army reserve, while the remainder, approximately 1,150,000 dessiatinas, be returned to the State Property Administration for redistribution among peasant settlers. That land held in the army reserve be leased from the army on a long-term basis at an increased rate and transferred to peasants. The area designated for this purpose was approximately 250,000 dessiatinas. That highly fertile land plots, previously granted by supreme authority as hereditary property to certain officers and officials, also be leased on a long-term basis and made available for temporary use by peasants. There were 507 such plots, with a total area of 580,000 dessiatinas ([TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 125. L. 311-312ob.](#)).

The Minister of Internal Affairs, in a letter marked “Confidentially” (No. 512, dated 19 July 1897), informed the Governor-General that the Emperor had rejected the petition. In his own handwriting, the Emperor wrote: “I cannot agree with this, the lands of the troops should remain forever troops” ([TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 125. L. 325ob.](#)). Thus, the 10-verst-wide strip of land along the banks of the Irtysh River, featuring the most fertile floodplains, was permanently retained by the Siberian Cossack Army.

Major-General Verevkin, the military governor of the Ural region, expressed his opinion on 23 August 1875 regarding the Regulations “On Colonisation of the Kirghiz Steppe” issued by the Council of the Main Administration of Western Siberia. He stated that there were virtually no good or convenient lands left in the steppe, even “for the needs of the Kirghiz themselves”, and that their wintering grounds along the linear

fortifications were so numerous that “the Kirghiz themselves were constrained in pastures and hayfields. All this annually gives rise to new quarrels and litigations for land, which often turn into quarrels and fights” (OGA00. F. 6. Op. 10. D. 8467/1. L. 16-17). On this basis, he opposed the implementation of the provisions in the region under his command.

Nevertheless, the military governor noted that the organisation of settlements near the fortifications was possible, with land allocated for housing, gardens, and grazing (OGA00. F. 6. Op. 10. D. 8467/1. L. 17). As a result, those wishing to resettle in the Ural region typically applied for placement near these fortified areas. The first such application was received in 1880 from the family of a peasant from Voronezh province, who requested to be settled in the Karakamys tract (Temirskoye Fortification) (Abenov, 2020: 243).

Beginning in 1884, the number of applications submitted to the Regional Directorate by peasants from the internal provinces of the empire began to increase. In total, between 1884 and 1891, 2,299 applications for relocation to the Ural region were received (Pamyatnaya knizhka..., 1897: 178).

The governor-general, who was “convinced of the necessity and unconditional usefulness of organising Russian settlements”, approved the placement of those wishing to settle in the vicinity of fortifications and towns. Thus, between 1884 and 1891, the applications of the aforementioned 2,299 families who wished to move to the Ural region were fully granted. Of these, 25 families settled on the shore of Shalkar Lake, 120 in the valley of the Khobda River, 140 in Zhympitinskaya Volost, 158 in Chingirlau, 237 in Wil Fortification, 703 in the Temir district, and 916 in other districts (Pamyatnaya knizhka..., 1897: 181). As a result, Kazakhs would no longer be able to graze or water their cattle in these areas. The regional administration only began officially allocating land to settlers in 1886. That year, land was assigned exclusively to settlements near the Embenskoye and Wilskeye fortifications. Records show that by the end of the year, 43 family peasants had been settled in Embenskoye Fortification and 34 in Wilskeye Fortification (Pamyatnaya knizhka..., 1897: 179).

This area was also affected by unauthorised resettlement, as Russian peasants began leasing land independently, without waiting for official accommodation. Despite the military governor’s announcement “that there was no possibility for the resettlement of farmers” (OGA00. F. 6. Op. 10. D. 8467/1. L. 17), there were instances in the 1880s when several family peasants settled on the banks of the Ilek and Utva rivers, as well as near Aul No. 3 of Zhirenkopinskaya Volost, and leased Kazakh lands (Pamyatnaya knizhka..., 1897: 179). These facts demonstrate that despite the official ban on the resettlement of Russian peasants in the Ural region, farmsteads had already begun to emerge there by the 1880s.

In the 70s–90s of the 19th century, thousands of free migrants, supported by the colonial administration, settled in the vicinity of the Ural and Turgai regions. In 1895, there were 24,000 settlers in Kustanai Uyezd and 5,400 in Aktobe Uyezd (Russkie..., 1897: 4).

The number of Russian peasants who had settled in Turgai and Irgiz uyezds, where the resettlement process was believed to have occurred very “insignificantly”, reached 2,000 people by 1897 (Auezova, 1958: 34). According to Oganovsky’s calculations, 13,794 individuals applied for resettlement to the Ural region before 1891 (Gaines 1, 1897: 14), and they were placed near fortifications and towns. The settlers became actual masters of these lands and a socio-political stronghold of the tsarist government in the Kazakh steppe.

As for “giving land” to the most reliable instrument of colonial policy, the Cossack army, tsarism was very generous. The Cossacks, accustomed to having their liberties and demands supported by the colonial authorities, were not satisfied even though they had sufficient hayfields and pastures. They requested the expulsion of Kazakhs from the left bank of the Ural River (Pamyatnaya knizhka..., 1897: 173).

The Cossacks began to seize fertile lands from the local population by force. As a result, the Kazakh population was forced to rent from the Cossacks the very lands that had been taken from them. Therefore, Russian peasants went so far as to openly seize Kazakh lands. For example, in September 1883, newly arrived residents of the Kustanai settlement “uprooted trees, ploughed and sowed more than 3,000 dessiatinas of land” belonging to Kazakhs from Aul No. 2 of Arakaragai Volost. They even cultivated land near Kazakh wintering grounds and physically assaulted Kazakhs who resisted them (TsGA RK. F. 25. Op. 1. D. 2091. L. 17). As these actions led to clashes between local Kazakhs and settlers, in March 1884 the Orenburg administration urgently transferred the district centre from Troitsk to Kustanai (TsGA RK. F. 25. Op. 1. D. 2091. L. 50).

In the spring of 1887, Protzenko instructed Derbisali Berkimbayev, a junior assistant to the district chief, to force Kazakhs to “voluntarily” give up their lands. As a result, 81 Kazakhs from Aktobe and Karatogai Volosts were coerced into “voluntarily allocating” their arable and haymaking lands for the construction of the city (Abenova, 2019: 76).

The military governor, Major-General Barabash, wrote on 17 January 1890 that “the placement of settlers on the land leased from the Kirghiz is a lawful enterprise”, and that the administration had no right to prevent it. The authorities understood that a genuine process of resettlement was unfolding before their eyes. The majority of those who moved to the Kazakh steppes would not leave the Turgai region; sooner or later, they would have to be permanently settled on the occupied lands. However, the administration had neither the means nor the capacity to do so (OGA00. F. 10. Op. 6. D. 17. L. 9). This “helplessness” of the colonial authorities created favourable conditions for the transformation of Russian peasants, who initially rented Kazakh land for a limited period, into permanent landowners. The administration, which adapted tsarist legislation to serve colonial objectives, required nothing more.

The forced displacement of 35,000 Kazakhs from Turgai into lifeless, barren steppes by the tsarist administration was certain to lead to their gradual extermination. This reality was recognised even by Governor Barabash, who wrote in his 1888 report that 29 per cent, that is, nearly one third of the land allocated to Kazakh auls, was saline and unsuitable for cattle breeding. He warned that transferring such lands to the Kazakhs without modification would inevitably result in their impoverishment ([TsGA RK. F. 25. Op. 1. D. 2127. L. 256-275](#)).

So, only in Nikolaevsky Uyezd, between 1885 and 1888, twelve tenant settlements were organised within a territory located 5 to 80 kilometres from Kustanai ([OGA.OO. F. 10. Op. 6. D. 17. L. 9-10](#)). According to official records, by 1900 there were, in addition to these twelve settlements, ninety-five peasant farms and farmsteads in the county, with a total population of 5,110 people and 733 houses constructed ([Rossiia..., 1903: 33](#)). The Special Commission, created by order of the Military Ministry in 1865, made a decision to transfer the left bank of the Ural River into the possession of the Cossacks. As a result, 12,065 Kazakh households, which had previously owned this land, were left with only 24,948 dessiatinas of hayfields with sparse vegetation ([Suleimenov, 1963: 253](#)). Each Kazakh family, therefore, received just 2 dessiatinas of land. Governor-General Kryzhanovsky fully approved the decision of the commission.

In the course of reforms throughout the second half of the 19th century, particular attention was paid to the establishment of regional justice. This system was intended not only to coordinate social relations but also to reflect and enforce the political interests of the Russian Empire ([Anisimova, 2022: 208](#)).

Consequences and Significance of the Reform: Social and Economic Changes. With the introduction of the 1868 reform, the tsarist government opened the way for the economic development of this vast region. To achieve this objective, it turned to one of the most reliable instruments of its colonial policy, namely, the resettlement of Russian peasants in Kazakh lands.

The new administrative division of the Kazakh steppe disrupted the traditional system of pasture use and fragmented large clans, which led to the weakening of the authority held by clan leaders. The auditor of the Turkestan region, K. Palen, cited the reasoning behind the tsarist government's artificial division of the Kazakh steppe: "the division of 'Kirghiz' on the basis of clan relations was legally eliminated, this measure is carried out in connection with the fact that the unification of a large clan under the leadership of one ancestor makes it difficult to maintain peace in the steppe" ([Selskoe..., 1910: 9](#)). Ultimately, the shift to a territorial principle of division was driven by the political and military interests of tsarism.

As for the consequences of the reforms and colonisation, Russian peasants who settled in the Kazakh lands did not bring with them a developed agricultural culture. This fact was acknowledged by tsarist officials themselves. For instance, I. Anichkov admitted that many settlers came from among those "who remained at a low stage of development" and therefore could not "have a significant impact" on the life of the Kazakhs ([Anichkov, 1889: 141-142](#)). In 1890, the military governor Y. F. Barabash wrote that "among the settlers there are some who came to the steppe for profit. They rent large areas of land, which they assign to the poorest settlers at high prices. Some wish to take advantage of the abundant harvests of the virgin soil for a few years. Those and others, after reaching the goal, that is, profit, and when the soil is already exhausted, will return home or move to other even more favourable places" ([OGA.OO. F. 10. Op. 6. D. 17. L. 10](#)).

Indeed, over a number of years, these settlers exhausted the fertile virgin lands allocated to them, eventually abandoning the territories and turning them into lifeless and unproductive spaces.

A. Bokeykhanov revealed the true motivations behind the actions of the early Russian settlers. He wrote that they were rude, ignorant individuals with a troubled past and uncivilised habits. Although, to some extent, they appeared more developed than the local population, they were not so advanced as to engage in peaceful cultural work immediately after subjugating the indigenous people. Moreover, they made no meaningful attempts to utilise the natural resources wisely or to sustain themselves through their own labour. Instead, they opted for an easier path to enrichment, which involved either plundering the subjugated population or exploiting the region's natural wealth without restraint ([Bukeykhanov, 1895: 6](#)). Such was the true nature of those who were believed to have brought culture and innovation to the Kazakh people. Can it therefore be rightly claimed that Russian peasants brought progress and benefit to the Kazakh steppe?

A. Kaufman, one of the ideologists of colonial policy, believed that "for the Kyrgyz, farming is not good but harmful. It is impossible to create conditions for the development of agriculture, it is necessary to prevent it in every possible way" ([Moshchensky, 1914: 50](#)).

He further argued that the development of agriculture among the Kazakhs would lead to the decline of animal husbandry, which he called a "national cause", thereby openly revealing his true intentions. Clearly, the issue at stake was not the well-being of the Kazakhs, but the interests of the Russian state. The Kazakh steppe was seen as a source of cheap livestock products, and Kazakh horses met the needs of the tsar's cavalry. The Kazakhs' ability to pay numerous duties and taxes to the state was directly tied to the success of their animal husbandry.

At the same time, the reduction of pastures, restrictions on free movement between wintering and summering grounds, and the deterioration of water and fodder supply created significant obstacles to the development of cattle breeding. The traditional economy of the Kazakh people was brought to the brink of collapse, a consequence of the same colonial policies implemented by the tsarist regime.

Most officials viewed the nomadic way of life as a sign of savagery or idleness. They failed to acknowledge the needs of this ancient craft, which had long sustained the Kazakh population, and they disregarded the national interests of the people. The steppe population, whose nomadic economy had developed in response to the vastness of the territory and the surrounding natural conditions, found themselves in a dire position as they were increasingly alienated from their ancestral lands.

As a result, the mass grazing of livestock and the decline of the economy significantly worsened the living conditions of the Kazakhs. Food shortages led to famine in the villages. People became ill after consuming the meat of emaciated and diseased cattle. Stripped of their clothing, swollen from hunger, many suffered from epidemic diseases. Some even froze to death in the stormy steppe while searching for food for themselves and their livestock. During the dzhut of 1879–1880 in the Turgai region, “35 people froze” (Orenburg..., 1880). Some Kazakhs, having lost all their livestock, were forced to work for the Cossacks who had taken their land “for a piece of black bread and some slop, which even a rich man’s dog would shun” (Vostochnoe obozrenie, 1882).

The alienation of the vast Kazakh population inhabiting the steppe regions from the best lands led to economic decline. For example, due to a severe winter in 1873, which brought deep snow and ice, 345,177 head of livestock perished among the Kirghiz of the Akmola and Sarysu districts (Abselemov, 2019: 69).

Kazakhs’ wintering grounds were often selected for Russian settlements due to their suitability for ploughing. The local administration delayed the payment of meagre compensation for destroyed winter camps and outbuildings. Kazakhs were forced to rent winter quarters or use summer pastures during winter, which created further difficulties, as land used in summer could not support grazing all year round. In this way, colonial policy destroyed wintering grounds, reduced summer pastures, and established Russian settlements across traditional herding routes, ultimately turning the Kazakh people into wanderers and vagabonds.

The tsarist administration actively supported and legitimised the unauthorised appropriation of Kazakh lands by settlers. The process of land seizure was guided by the principle of the “superiority of the strong”. As a result, the colonisation policy of the Russian Empire caused irreparable damage to the way of life of the steppe population and to the traditional Kazakh livelihood based on cattle breeding. Turgayskaya Gazeta wrote that “the allocation of the best of the Kirghiz winter and summer pastures in terms of soil and vegetation quality to foreign settlers for colonial purposes deprived the Kirghiz of the opportunity to feed their livestock sufficiently and brought their system of land use to a dead end” (Turgayskaya Gazeta, 1907).

Indeed, the movement of herds from north to south along traditional nomadic routes became increasingly difficult and, in some places, ceased altogether. The established nomadic system and the customary rotation of winter and summer pastures were disrupted, and the overall territory used for the annual cycle of nomadism was steadily reduced.

The Kazakhs could no longer fatten their livestock during the summer to prepare them for the fierce winter storms and freezing temperatures. The premature trampling of pastures surrounding the winter huts eliminated the possibility of conducting tebenevka during the cold months. Due to the shrinking of summer pastures, the Kazakhs were forced to return to their winter huts much earlier than planned. The livestock, arriving before the first snowfall, had only time to turn the tebenevki into dust. The shrinking of seasonal camps, the lack of water and hay for livestock, poor fodder reserves, icy weather, and fierce storms led to the mass death of animals.

During the dzhut of 1879–1880, Kazakhs in the Ural region lost seven-eighths of all horses, three-quarters of their cattle and sheep, and one-fifth of their camels (Orenburg, 1880: 89). In the Turgai region, 44 per cent of horses and sheep, and 30 per cent of cattle and camels perished (Dobrosmyslov, 1895: 29). The Ural region alone recorded an 80 per cent loss of horses and cattle.

In the Turgai region, 1,528,679 of 3,662,737 head of livestock were lost during the repeated dzhut of 1879–1880, while during the dzhut known as *kishi koyan* (literally “small hare”, referring to the year of the hare) of 1891–1892, 1,198,451 of 3,355,743 animals died (Dobrosmyslov, 1895: 6). According to archival materials, the dzhut plunged cattle breeding, the main livelihood of the local people, into a prolonged crisis. It deprived the economy of its former prosperity and “significantly lowered the living standards of the Kyrgyz” (OGA.OO. F. 6. Op. 10. D. 8565. L. 7).

At the same time, the local authorities actively obstructed the transition of Kazakhs to agriculture by imposing multiple restrictions. For example, N. I. Veselovsky noted that the administration, “frightened by the Kirghiz aspiration to farming, tried to hinder these aspirations in every possible way. The administration believed that by preventing the Kirghiz from farming they could subjugate them and make them directly dependent on Russia”. The Orenburg Governor-General Perovsky, who held a similar position, introduced a strict ban on the construction of dugouts, mazanoks, and, more broadly, any form of permanent dwellings in the steppe (Veselovsky, 1897: 209–210).

Despite these obstacles imposed by the tsarist authorities, the Kazakhs did not abandon farming. For example, out of 8,949,725 poods of grain harvested in the Ural region in 1895 (Pamyatnaya knizhka..., 1897: 100), 59.5 per cent was harvested by Kazakhs (Pamyatnaya knizhka..., 1897: 38). That year, Kazakhs in the Turgai region cultivated 104,585 dessiatinas of land, accounting for 76.8 per cent of all crops in the region (TsGA RK. F. 25. Op. 1. D. 511/a. L. 2).

These figures demonstrate that the proportion of land cultivated and grain harvested by Kazakhs remained consistently high. This undermines the narrative promoted in Soviet-era literature that Russian peasants were the exclusive “bearers of progress” to the Kazakh steppe.

The reforms enabled the tsarist government to take measures that created optimal conditions for implementing a predatory and colonial agrarian policy with complete impunity. The interests of the local population were not taken into account. On the contrary, fertile lands and water resources were to be seized from the Kazakhs and they were to be displaced to barren, arid areas, while their lands were to be allocated to Russian settlers and Cossack troops. These practices had already been carried out during earlier phases of colonisation. This poorly considered policy led to the disruption of the traditional system of pasture use, the restriction of free movement between winter and summer pastures, and ultimately to the forced confinement of the Kazakhs to permanent stables. Until the 1870s, the colonisation of the Steppe region served primarily military and political purposes. The government constructed various fortifications and enticed peasants from European Russia who were converted into Cossacks in order to increase the number of armed men and reinforce Russian dominance in the region. Starting from the 1870s, the settlement of the steppe regions “assumed the character of exclusively agricultural colonisation, which gave the following types: to develop agricultural and commercial industry and farming in the region; to bring the Russian and Kirghiz nationalities closer together; to influence in this way the manners of the nomadic population and accustom them to rural occupations and bread-making; to achieve through this a more or less close transition of the Kirghiz from a nomadic to a settled state; to bring the Russian population through colonisation to such a number that it could staff the troops located in the region, and would have a sufficient reserve in case if political events caused the need to concentrate military forces in another neighbouring district” (TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 125. L. 460b.).

As a result of military colonisation, the entire territory of Kazakhstan was overrun by Cossack troops. New fortifications, outposts, and redoubts were established. These structures became the main strongholds of tsarist expansion and full colonisation of the interior.

The settlement of postal, trade, and salt transport routes was also pursued to ensure reliable communication across the region and to organise functional staging points. As a result, land plots offered to settlers were allocated exclusively along postal and trade roads.

4. Conclusion

In conclusion, it should be noted that the declaration of Kazakh land as state property in the “Provisional Regulation” of 1868 opened the way for the tsarist government to initiate extensive colonisation of the Kazakh steppe. The concept of “state ownership” of land became, on the one hand, a foundation for the establishment of a socio-political stronghold in the region, and on the other, a justification for the exploitation of the vast natural wealth of Kazakh territories. All of this occurred under the observation, support, and often direct involvement of the colonial administration.

However, the seizure of Kazakh lands in favour of Cossacks and settlers during the period from the 1860s to the 1890s represented only a transitional stage in the economic transformation of Kazakhstan. By the late 1880s, the tsarist government had begun to develop a new legislative framework, which paved the way for even broader and more intensive colonisation of the Kazakh steppe.

As a result, the tsarist administration continuously allocated land to the insatiable Cossacks. As T. Sedelnikov notes, the colonisation of the steppe by the Cossacks began in the mid-eighteenth century and continued uninterrupted until the final quarter of the nineteenth century. During this time, tens of millions of dessiatinas of the most fertile Kazakh lands were gradually taken away. Officers believed that even the solonchak lands left to the Kazakhs after the redistribution were more than they deserved. Consequently, part of the million-dessiatina territory was confiscated: one portion was designated for mining, another for forest dachas. Nearly 68,000 dessiatinas were allocated for roads, incorporated into the Trinity exchange area and caravan routes.

At the beginning of the twentieth century, 10,000 dessiatinas of suitable land from this same area were handed over to settlers and the Orenburg Cossack Army. The issue of the resettlement of Kazakh auls, which had been left without land and subjected to harsh living conditions, was only “resolved” more than twenty years later.

Thus, the Kazakhs were deprived of the opportunity to use their own land, forests, fish-rich rivers and lakes, and the dense thickets of reeds that they traditionally used as fuel. Salt mines and hunting grounds were transferred by decision of the tsarist government to the possession of the Ural and Orenburg Cossack troops, as well as to the governors-general. Forest resources were used for the construction of military fortifications and placed under the protection of military command. The Kazakhs were left without natural shelter from the winter cold and lost access to both fodder and fuel.

They were forbidden to fish in the Ural, Ori, and Shalkar lakes. As A. Kaufman stated, fishing in the Ural River became a monopoly of the Ural army. All the fish in the river became the exclusive property of the military community. The declaration of Kazakh land as state property under the “Provisional Provision” brought considerable profit to the imperial treasury. However, this so-called state ownership did not prevent the parallel development of private landownership. Through a series of legislative acts, the tsarist

government granted military personnel substantial privileges in the form of land allocations. By the end of the nineteenth century, “family plots” owned by generals, officers, and civil officials amounted to 474,949 dessiatinas in the territory of the Orenburg Cossack Army alone. These individuals often expanded their holdings beyond the legal limit and distributed land at their own discretion.

As for the future prospects of studying the outlined problem, further research could focus on its specific aspects. In particular, attention may be directed towards investigating Kazakh uprisings against the authorities of the Russian Empire, as well as conducting a more in-depth analysis of the concept of “jute” and the role played by tsarist policy in its emergence. It is also important to examine in greater detail certain aspects of the development of Kazakh society during both the post-reform and pre-reform periods.

During the famine of 1879–1880, 35 people froze to death in the Turgai region. At the same time, some Kazakhs, having lost their livestock, worked as labourers for the Cossacks who had taken their land, just to get a piece of black bread. They were reduced to poverty and died of cold and disease. Some Kazakhs began to engage in agriculture and crafts. The colonial policy pursued by the tsarist regime towards the Kazakhs brought disaster and evil to the Kazakh people.

5. Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the implementation of the grant funding project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan “Governance structures of the Kazakhs of Western Siberia: the end of the XVIII century - XIX century)” (registration number AP23489137).

References

- Abdirov, 2000** – *Abdirov, M.Zh.* (2000). *Zavoevanie Kazakhstana tsarskoi Rossiei i bor'ba kazakhskogo naroda za nezavisimost' (Iz istorii voenno-kazachei kolonizatsii kraya v kontse XVI – nachale XX vv.)* [Conquest of Kazakhstan by Tsarist Russia and the struggle of the Kazakh people for independence]. Astana: Elorda. 304 p. [in Russian]
- Abenov, 2020** – *Abenov, D.Q.* (2020). *Qazaq zherin otarlau tarykhy (XIX gh. sońy – XX gh. basy)* [History of the colonisation of Kazakh lands (late 19th – early 20th c.)]. Almaty: SSK. 368 p. [in Kazakh]
- Abenova, 2013** – *Abenova, B.S.* (2013). *Regional'naia politika Rossiiskoi Imperii v Orenburgskom krae* [Regional policy of the Russian Empire in the Orenburg region]. Saarbrücken: Lambert. 231 p. [in Russian]
- Abenova, 2019** – *Abenova, B.S.* (2019). *Resey imperiiiasynyn qazaq ólkesindegi aimaqtyq saiasaty (1868–1891 jhyldar)* [Regional policy of the Russian Empire in the Kazakh region (1868–1891)]. Almaty: Epigraf. 388 p. [in Kazakh]
- Abselemov, 2019** – *Abselemov, S.A.* (2019). *Kazakhstanskii segment sovetskoi istoriografii agrarnoi kolonizatsii Stepnogo kraia vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: faktory genezisa i evoliutsii* [The Kazakhstani segment of Soviet historiography on agrarian colonisation of the Steppe Region in the late 19th – early 20th centuries: genesis and evolution]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriia. Sovremennost'*. 4(3): 60-66. DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2019-4-3-60-66> [in Russian]
- Aimbetov, 1992** – *Aimbetov, S.* (1992). *Otarlyq saiaстыn soıqany* [The cruelty of colonial policy]. *Egemen Qazaqstan*, 12 qyrkúiek [12 September]. [in Kazakh]
- Aktyubinskii, 1914** – *Aktyubinskii gorodskoi vestnik*. 1914. Nr 6. [in Russian]
- Akyqat, 1999** – *Qusaynuly, Q.* (1999). *Qazaq zherin zhaulaghan kazaktar* [Cossacks who seized Kazakh lands]. *Aqyqat*. Pp. 79-83. [in Kazakh]
- Anichkov, 1889** – *Anichkov, I.* (1889). *Ocherki narodnoi zhizni Severnogo Turkestana* [Essays on the folk life of Northern Turkestan]. Tashkent. 223 p. [in Russian]
- Anisimova, 2022** – *Anisimova, I.V.* (2022). *Imperskaia sudebnaia politika v tsentralnoaziatskikh okrainakh vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: osnovnye formy, napravleniia i rezul'taty* [Imperial judicial policy in the Central Asian peripheries in the second half of the 19th – early 20th centuries: main forms, directions, and results]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniı*. 7(1): 207-228. DOI: <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i1.376> [in Russian]
- Anisimova, 2023** – *Anisimova, I.V.* (2023). *Temporary Regulation "On Administration in the Ural, Turgai, Ak-mola and Semipalatinsk Regions" of 1868 and Its Significance in Modernization of Judicial and Legal System of the Steppe Region*. *SibScript*. 25(3): 393-401. DOI: <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-393-401>
- Auezova, 1958** – *Auezova, L.M.* (1958). *K voprosu o pereselenii krest'ian i ikh roli v razvitiı zemledeliia v Kazakhstane v 70–90-kh godakh XIX veke* [On the question of peasant resettlement and their role in the development of agriculture in Kazakhstan in the 1870s–1890s]. *Izvestiia AN Kaz SSR. Seriya istorii, arkheologii i etnografii*. 1: 28-41. [in Russian]
- Bektaeva, 2025** – *Bektaeva, I.B.* (2025). *Stanovlenie i razvitie kolonial'noi sistemy v Kazakhstane v XIX veke*. [Formation and development of the colonial system in Kazakhstan in the 19th century]. *World of Science and Education*. 15 January IN. Pp. 22-29. [in Russian]
- Bukeikhanov, 1895** – *Bukeikhanov, A.* (1895). *Kirgizy* [The Kyrgyz]. In: *Tandamaly* [Selected Works]. Almaty: Qazaq entsiklopediiasy. Pp. 66-77. [in Kazakh]

- Buzaubayeva et al., 2023** – Buzaubayeva, P., Gulzhan, A., Baimagambetova, Z., Kenges, G. (2023). Financial Technologies to Support Agricultural Innovations in Kazakhstan: Prospects for Digital Development. *Futurity of Social Sciences*. 1(2): 30-44.
- Dobrosmyslov, 1895** – Dobrosmyslov, A.I. (1895). Skotovodstvo v Turgaiskoi oblasti [Cattle breeding in the Turgai region]. Orenburg. 360 p. [in Russian]
- Erenov, 1963** – Erenov, A. (1963). Vozniknovenie i razvitie sotsialisticheskikh zemel'nykh pravootnoshenii v KazSSR [Origin and development of socialist land legal relations in the Kazakh SSR]. Alma-Ata: Izdanie AN KazSSR. 364 p. [in Russian]
- Geins, 1897** – Geins, A.K. (1897). Sobranie literaturnykh trudov: S portretom i planom [Collected literary works: With portrait and plan]. Moscow: M. M. Stasiulevich. 589 p. [in Russian]
- Istoriia 3, 1979** – Istoriia Kazakhskoi SSR (s drevneishikh vremen do nashikh dnei) [History of the Kazakh SSR (from ancient times to the present day)]. In 5 vols. Vol. 3. Alma-Ata: Nauka. 544 p. [in Russian]
- Kaufman, 1904** – Kaufman, A. (1904). V sredneaziatskikh stepiakh (iz letnikh vospominanii) [In the Central Asian steppes (from summer memories)]. *Mir bozhii*. 9: 34-61. [in Russian]
- Kenzhebekov, 2015** – Kenzhebekov, K.K., Turyszhanova, R.K., Diosebayeva, G.K., Boltaeva, S.Zh. (2015). Kazachaia kolonizatsiia Kazakhstana v pervoi polovine XIX veka [Cossack colonisation of Kazakhstan in the first half of the 19th century]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 3-2(34): 39-43. [in Russian]
- Kolonizatsiia..., 1900** – Kolonizatsiia Sibiri v sviazi s obshchim pereselenskim voprosom [Colonization of Siberia in connection with the general resettlement issue]. St. Petersburg. 1900. 375 p. [in Russian]
- Kraft, 1898** – Kraft, I.I. (1898). Sbornik uzakonenii o kirgizakh stepnykh oblastei [Collection of laws on the Kyrgyz of the steppe regions]. Orenburg. 532 p. [in Russian]
- Maksheev, 1890** – Maksheev, A.I. (1890). Istoricheskii obzor Turkestana i nastupatel'noe dvizhenie v nego russkikh [Historical overview of Turkestan and the Russian offensive into it]. St. Petersburg. 221 p. [in Russian]
- Materialy..., 1999** – Materialy po vvedeniiu russkoi politicheskoi sistemy upravleniia v Kazakhstane [Materials on the introduction of the Russian political system of governance in Kazakhstan]. Comp. by S.K. Zhakypbek, A.A. Belbaeva. Almaty: Qazaq universiteti. 1999. 257 p. [in Russian]
- Moshchenskii, 1914** – Moshchenskii, V.I. (1914). Iz istorii g. Aktyubinska. [From the history of Aktyubinsk]. *Aktyubinskii gorodskoi vestnik*. 6: 1-8. [in Russian]
- Mukanov, 1991** – Mukanov, M.S. (1991). Etnicheskaia territoria kazakhov v XVIII — nachale XX vekov [The ethnic territory of the Kazakhs in the 18th – early 20th centuries]. Alma-Ata: Kazakhstan. 64 p. [in Russian]
- Nurgaliyeva et al., 2022** – Nurgaliyeva, A., Ismailova, D., Sarybayeva, I. (2022). Regarding the Prospects for the Introduction of the Budgeting System of International Financial Organizations of the Future (Kazakhstan). *Futurity Economics & Law*. 2(3): 77-94. DOI: <https://doi.org/10.57125/FEL.2022.09.25.05>
- Obshchii..., 1869** – Obshchii vzgliad na ustroistvo russkikh poselenii v severo-vostochnoi chasti kirgizskoi stepi [A general view of the arrangement of Russian settlements in the North-Eastern Part of the Kirghiz Steppe]. St. Petersburg. 1869. 144 p. [in Russian]
- Ocherk..., 1911** – Ocherk rabot Turgaisko-Uralskoi pereselencheskoi organizatsii. Orenburg. 1911. 240 p. [in Russian]
- Ocherk..., 1894** – Ocherk kolonizatsionnogo dvizheniia v Akmolinskuiu oblast' [Overview of the colonisation movement in the Akmola region]. *Russkoe bogatstvo*. 1894. 2: 190-217. [in Russian]
- OGA00** – OGA00. United State Archive of the Orenburg Region. Russian Federation.
- Orenburgskii listok, 1880** – Orenburgskii listok. 1880. Nr 16. [in Russian]
- Ostaf'ev, 1895** – Ostaf'ev, V.A. (1895). Kolonizatsiia stepnykh oblastei v sviazi s voprosom o kochevom khoziaistve [Colonisation of the steppe regions in connection with the issue of nomadic economy]. Omsk. 621 p. [in Russian]
- Pamiatnaia knizhka..., 1897** – Pamiatnaia knizhka Uralskoi oblasti [Memorial book of the Ural region]. Na 1897 god. (1897). VII, 200 p. [in Russian]
- Prokhorov, 2024** – Prokhorov, I.R. (2024). Uchastie sibirskogo kazachestva v obespechenii interesov Rossii v Srednei Azii v pervoi polovine XIX v. [Participation of the Siberian Cossacks in securing Russia's interests in Central Asia in the first half of the 19th century]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(136): 69-77. DOI: [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2024\)2-10](https://doi.org/10.14258/izvasu(2024)2-10) [in Russian]
- Rossiia..., 1903** – Rossiia: Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. T. 18. Kirgizskii krai [Russia: Complete geographical description of our Fatherland. Vol. 18. The Kyrgyz region]. St. Petersburg. 1903. 480 p. [in Russian]
- Russkie..., 1897** – Russkie pereselentsy sredi kirgiz [Russian settlers among the Kyrgyz]. *Turgaiskaia gazeta*. 1897. Nr 43 [in Russian]
- Sabol, 2003** – Sabol, S. (2003). Kazak resistance to Russian colonization: interpreting the Kenesary Kasymov revolt, 1837–1847. *Central Asian Survey*. 22(2/3): 231-252.

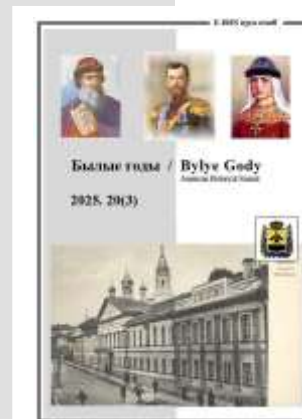
- [Sedel'nikov, 1991](#) – *Sedel'nikov, T.* (1991). Bor'ba za zemliu v kirgizskoi stepi (Kirgizskii zemel'nyi vopros i kolonizatsionnaia politika pravitel'stva). [The struggle for land in the Kyrgyz steppe (The Kyrgyz land issue and the government's colonisation policy)]. Alma-Ata. 125 p. [in Russian]
- [Selskoe... 1910](#) – *Selskoe upravlenie: russkoe i tuzemnoe* [Rural administration: Russian and native]. St. Petersburg. 1910. 226 p. [in Russian]
- [Shonanuly, 1995](#) – *Shonanuly, T.* (1995). Zher tag'dyry – el tag'dyry [The fate of the land is the fate of the nation]. Almaty: Sanat. 224 p. [in Kazakh]
- [Smagulova, 2019](#) – *Smagulova, S.* (2019). Asharshylyq qasireti. 1-kitap. [The tragedy of famine. Book 1]. Aqtóbe. 272 p. [in Kazakh]
- [Suleimenov, 1963](#) – *Suleimenov, B.S.* (1963). Agrarnyi vopros v Kazakhstane poslednei treti XIX – nachala XX veka (1867–1916). [The agrarian question in Kazakhstan in the last third of the 19th – early 20th centuries (1867–1916)]. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. 411 p. [in Russian]
- [TsGA RK](#) – TsGA RK. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (Almaty).
- [Turgaiskaia gazeta, 1903](#) – *Turgaiskaia gazeta.* 1903. Nr 26. [in Russian]
- [Turgaiskaia gazeta, 1910](#) – *Turgaiskaia gazeta.* 1910. Nr 12. [in Russian]
- [Vasil'ev, 2014](#) – *Vasil'ev, D.V.* (2014). Organizatsiia upravleniia v Russkom Turkestane po proektam Polozheniia ob upravlenii 1870-kh gg. [Administrative organisation in Russian Turkestan based on the draft Regulations of the 1870s]. *Vestnik evraziiskoi nauki.* 5(24): 1-23. [in Russian]
- [Veselovskii, 1897](#) – *Veselovskii, N.I.* (1897). Vasilii Vasil'evich Grigor'ev po ego pis'mam i trudam. 1816–1881 [Vasily Vasilyevich Grigoriev according to his letters and works. 1816–1881]. St. Petersburg. 235 p. [in Russian]
- [Vostochnoe obozrenie, 1882](#) – *Vostochnoe obozrenie.* 1882. Nr 3. [in Russian]
- [Yatsenko, 2022](#) – *Yatsenko, N.* (2022). The philosophical content of the definition of the national mentality. *Futurity Philosophy.* 1(1): 41-56. DOI: <https://doi.org/10.57125/FP.2022.03.30.04>
- [Zapiski... 1868](#) – *Zapiski Orenburgskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Notes of the Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society]. 1868. Is. 1. Orenburg. [in Russian]

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1455-1464
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1455

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Military Power of the Empire in the Steppe Conditions: Strategy and Tactics of Russian Troops in Suppressing Kazakh Uprisings in 1869–1870

Galiya A. Shotanova ^{a,*}, Ernar M. Uzhkenov ^b, Nurzhan Y. Zhetpisbay ^a, Yeleukhan T. Kaliyeva ^c

^a Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Institute of Oriental Studies named after R.B. Suleimenov, Almaty, Republic of Kazakhstan

^c Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the strategy and tactical methods employed by the troops of the Russian Empire in suppressing Kazakh uprisings in the second half of the 19th century, with a particular focus on the events of the 1869 and 1870 uprisings in Western Kazakhstan. The study analyzes a number of factors influencing the choice of combat tactics in the Kazakh Steppe, including geographical conditions, the number of troops and armaments on both sides, as well as the political objectives of the empire.

The uprising itself was a reaction against the intensification of colonial oppression. The actions of the Kazakh militias, their cohesion and organization as a whole, reflected a growing level of national consciousness. The relatively large number of participants – around 20,000 – indicates that the majority of clans in the region were involved in the uprisings. Although the uprising was ultimately suppressed, there remained a significant potential for the repetition of the 1869–1870 events, which forced the Russian authorities to considerably soften their initial demands.

The armed clashes of the second half of the 19th century were a response to the increasing pressure from the Russian Empire. The authors analyze the consequences of the use of various tactical approaches to suppress Kazakh society, including changes in the social structure, migration processes, and the emergence of new forms of resistance.

Keywords: Military affairs, combat tactics, Western Kazakhstan, Russian Empire, I. Tilendiev, N. Rukin, F. Shtempel, the uprisings of 1869 and 1870.

1. Введение

Во второй половине XIX в. усилия, приложенные ранее, привели к максимальной централизации власти русского правительства. В рамках продолжения этой политики бывшие ранее автономными колониальные окраины должны были стать полноценными регионами Российской империи, что и привело к реформам 1869–1870 гг. Активизация устремлений к централизации в Российской империи сопровождалась усилением её позиций в Средней Азии, что отразилось и на территории Западного Казахстана.

Поражение в Крымской войне привело к проведению реформ в военных силах Российской империи, и именно на этот период приходится изменение стратегии и тактики российской армии в рамках военных кампаний, которые приобрели специфические черты, в том числе и в связи с необходимостью подавления массовых выступлений в 1869 г. и 1870 г. Войсковые операции были нацелены не только в качестве силовой поддержки процесса проведения реформ, но и включая поддержание централизации власти и расширение имперского контроля.

* Corresponding author

E-mail addresses: galia8.09@mail.ru (G.A. Shotanova), e81g@mail.ru (E.M. Uzhkenov), nurzhan976@mail.ru (N.Y. Zhetpisbay), kaliyeva.eleukhan@gmail.com (Y.T. Kaliyeva)

Народные восстания казахов 1869 г. и 1870 г., возникшие как реакция на ужесточение административной и хозяйственной политики, характеризовались противодействием колониальному давлению, затрагивавшему традиционные устои казахского общества. Столкновения данного периода можно интерпретировать в рамках теории колониальных конфликтов как формы локализованного сопротивления экспансии метрополии, что обусловило особенности тактики обеих сторон и последующее развитие политических процессов в регионе.

Несмотря на тактическое и стратегическое преимущество, в том числе и в оружии, военные действия являлись лишь одним из звеньев в политике умиротворения Степи, которую проводила Российская империя. Практически все новинки военной техники русской армии применялись и в боевых условиях в Казахской степи. Так, одной из важных задач являлась практика обеспечения военных припасов для отдалённых гарнизонов и отдельно действующих отрядов. Помимо собственно военных задач, также довольно успешно действовала и дипломатическая служба чиновников, которая смогла повлиять на срыв похода хивинских войск в западноказахстанские степи, а также на настроения родоправителей многих родов, что, в свою очередь, сказалось на масштабе и продолжительности восстаний.

2. Материалы и методы

Для написания данной статьи были использованы архивные материалы из фондов Объединённого государственного архива Оренбургской области (ОГАОО) (Оренбург, Российская Федерация), Российского государственного исторического архива (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) (Москва, Российская Федерация), которые освещали разнообразные сферы из жизни казахского общества. Такой комплексный подход позволяет глубже понять контекст и особенности военных операций того времени, а также выявить ключевые аспекты тактики российских войск и их влияние на социально-экономическую и политическую ситуацию в регионе.

Анализ военных действий Российской империи в Западном Казахстане в середине XIX в. демонстрирует сложный подход к подавлению казахских восстаний, который определялся сочетанием геополитических целей, военно-технических возможностей и особенностей региона. В исследовании применяются несколько ключевых методов анализа, способствующих более глубокому осмыслению исторических событий и их контекста, связанных с восстаниями казахов против российских войск.

В частности, используется исторический метод, который подразумевает анализ исторических документов, устного фольклора, мемуаров, архивных материалов для понимания причин, хода и последствий военных действий в Степи в прошлом. Важное значение имеет и применение количественного метода, который даёт яркое представление о военной мощи, потерях, экономическом потенциале и других параметрах.

Кроме того, применяется сравнительный метод, который позволяет лучше понять общие закономерности и различия действий армий европейского образца при столкновении с традиционной тактикой кочевников.

Так, все эти методы в совокупности обеспечивают комплексное освещение темы и углубляют понимание роли стратегии и тактики российских регулярных войск в подавлении казахских восстаний во второй половине XIX в.

3. Обсуждение

Изучение стратегии и тактики российских войск при подавлении восстаний казахов в 1869 г. и 1870 г. требует учёта как предшествующего опыта военно-казахской колонизации, так и специфических степных условий.

Одним из важных материалов для реконструкции действий русской армии в условиях Казахской степи служат труды о деятельности оренбургских генерал-губернаторов, с акцентом на их методы управления регионом ([Губернаторы..., 1999](#)). В них зачастую хорошо отражены отдельные эпизоды военных операций в Казахской степи, о численности русских и казахских гарнизонов на местах, причинённом ущербе казахским поселениям и тактике подавления восстаний ([Губернаторы..., 1999: 254-258](#); [История и этнография..., 2016: 35-36](#)). Ещё одним важным дополнением представляется исследование И.Ф. Бларамберга, в котором рассматривается роль участников восстаний и их отдельных личностей, включая, в том числе, и оценку действий руководителей российской администрации ([Бларамберг, 1978](#)).

Стратегия империи по отношению к азиатским территориям первоначально заключалась в создании сети укрепленных пунктов и линий, где укрепления служили базами для военных экспедиций и имели функцию контроля над ключевыми коммуникациями ([Императорская археологическая..., 2019: 1056](#)).

Важным элементом тактики было использование мобильной казахской конницы, обладающей знанием местности. Опыт и знания, накопленные казаками, нашли отражение в мемуарах и исторических очерках, к примеру, у И.Ф. Бларамберга ([Бларамберг, 1978](#)) и А. Макшеева ([Макшеев, 2025](#)). В них можно проследить стратегию действий российских войск, которая включала создание

укреплений, использование казачьей конницы и политику «разделяй и властвуй», опираясь на опыт предыдущих конфликтов. Дореволюционные авторы, такие как А. Макшеев и П. Юдин, подчёркивали значительное превосходство российской армии в вооружении, в частности, использование нарезного оружия и артиллерии.

Причины восстаний 1869 и 1870 г. коренятся в административных реформах Российской империи, что отражено в «Положении 1869 года» (Курлапов, 2013: 442). Эти реформы, направленные на унификацию управления, часто игнорировали традиционные структуры казахского общества, вызывая недовольство. Так, исследователь П. Юдин описывает Адаевский бунт на Мангышлаке в 1870 г. (Юдин, 1894), подчёркивая жестокость подавления восстания и его трагические последствия для казахского населения.

Казахстанская историография проблемы изучения проведённых военных операций довольно часто включает в себя описание специфики местности региона, а также содержит необходимую информацию о населённых пунктах и местностях, имеющих стратегическое значение для казахов и использовавшихся в качестве опорных пунктов во время восстаний, как например, в таких трудах «История и этнография казахов Западного региона» (История и этнография..., 2016) и «Сакральная география Актюбинской области» (Сакральная география..., 2021). В этой связи изучены картографические сведения XVIII – XIX вв., представленные современными исследователями. Здесь заметны и можно хронологически проследить темпы постепенного включения изучаемого региона в сферу имперских интересов (Карин, 2024: 131–133).

Само исследование особенностей и истории проведения военных операций российской армией в казахских степях может быть признано недостаточно изученным в собственно казахстанской историографии. Особое место в ней занимает изучение феномена существования и функционирования уральского казачества. Среди таких работ необходимо отметить труды историка М.Ж. Абдирова, который считал, что завоевание Казахстана Российской империей было длительным процессом, неотъемлемой частью которого являлась военно-казачья колонизация, ставшая одним из ключевых факторов, спровоцировавших восстания из-за ограничения прав казахов на землю и традиционные угодья (Абдиров, 2000).

В свою очередь, роль казачьих формирований в контроле над территорией подробно освещалась в работе Н.В. Гурской (Гурская, 2010), описывающей военизированный образ жизни Уральского казачества, и в труде А.М. Дубрикова, который акцентирует внимание на их участии в присоединении Средней Азии и подавлении восстаний (Дубриков, 2016). Дополняет эту картину описанием повседневной жизни и культуры яицких (уральских) казаков работа А.З. Курлапова (Курлапов, 2013), а изыскание А.Г. Требугова позволило лучше воссоздать военные навыки и адаптацию казачьих отрядов к степным условиям (Требугов, 2011).

Для более чёткого представления о методах подавления восстаний на западе Казахстана изучен один из редких материалов заседания историков советской эпохи, которые на открытое обсуждение поставили вопросы вооружённого восстания казахов под руководством Ж. Нурмухамедова. Здесь представлены сюжеты казахско-русских отношений в середине XIX в., что позволило понять мотивы и цели участников вооружённого конфликта (Ахмет, 2020: 155–157). Также были изучены взгляды зарубежных исследователей, к примеру, J.M. Kilian и Яна Кэмпбелла, на события, охватившие Казахскую степь в изучаемую эпоху, что позволило лучше понять оценку в широком контексте отношений представителей царской администрации к казахскому народу (Kilian, 2013; Кэмпбелл, 2022). Здесь авторы рассматривают механизмы взаимодействия между имперской администрацией и местным населением.

Так, комплексное использование всех указанных источников и научных работ позволяет создать обширное представление о военной силе Российской империи в степных условиях, о причинах, ходе и последствиях восстаний казахов в 1869 и 1870 г., а также о тактике, применявшейся для установления и поддержания контроля над регионом.

4. Результаты

Основным видом искусства ведения войны в русской военной доктрине, как и во всём остальном мире, являлись оборона и наступление. Первоначальная слабость пограничных войск на границе сначала с Казахским ханством, а позднее и с Казахской степью, не позволяла прибегать царской администрации к крупным наступательным операциям. Оборонительная стратегия Российской империи на фронте с беспокойным степным миром заключалась в постройке крепостей и укрепленных пунктов, что позволяло довольно малыми силами пресекать отдельные попытки набегов казахских отрядов. Ударную силу российских войск во многом представляли «мобильные и хорошо вооруженные войска Уральского казачьего войска» (Абдиров, 2000), чья дисциплина и подготовка позволяли вести непрерывные наступательные операции в отрыве от баз снабжения. Казаки зачастую были непосредственными войсками поддержки в виде охраны отдельных представителей казахской элиты, конечно же, лояльных к империи.

Военная экспансия Российской империи в Казахстане была продиктована стремлением к территориальной стабилизации южных рубежей, контролю над кочевыми обществами и обеспечению транзита товаров «по новым коммуникационным маршрутам в Среднюю Азию»

(Оренбургский край..., 2021: 549). В этом контексте различали две основные зоны: северную, которая была относительно доступной для транспортировки и обустройства временных поселений, и южную, представляющую собой труднопроходимую местность с недостатком воды и подножного корма, что затрудняло длительные военные операции.

Основным мотивом развёртывания войск в этом регионе было установление контроля над мобильным казахским населением и защита приграничных рубежей от возможных набегов. Эта стратегия укладывалась в парадигму имперской военной доктрины, известной как «стабилизация периферии», где освоение новых территорий сопровождалось строительством фортификационных пунктов и военных постов. Эти действия являлись составной частью военной стратегии Российской империи в виде «создания укрепленных линий и крепостей»: «Новое киргизское (казахское – Прим. авт.) положение, надлежит поддержать твёрдою рукою. Забота правительства именно и направлена теперь к водворению новых порядков, чтобы водворение это шло успешно в Степи, в которой прежде почти не было войск, содержатся теперь довольные сильные отряды – в Уильском укреплении и в Эмбинском poste. Для придания большей прочности и устойчивости новым порядкам, полезно было разделить северную часть от южной посредством устройства военной линии по Эмбе» (История и этнография..., 2016: 61). Такие фортификационные сооружения, расположенные вдоль границ и в глубине казахских территорий, служили не только опорными пунктами для размещения войск, но и центрами административного и экономического контроля. Они обеспечивали безопасность коммуникаций, служили базами для проведения военных операций и способствовали распространению российского влияния на местное население, как, например, относительно форта Александровский: «В нем содержится весьма небольшой гарнизон, но если бы гарнизон форта был бы недостаточным для содержания заэмбинских киргиз (казахов – Прим. авт.) и адаевцев в страхе и повиновении, и для удержания их от своевольных откачиваний в хивинские и туркменские пределы, так как гарнизону невозможно действовать и поспевать всегда своевременно в разные пункты, отстоящие от форта на 800 и более верст» (История и этнография..., 2016: 63).

Одним из механизмов реализации военной стратегии были и непрямые военные действия, куда входили организация походов снабженческого и укрепительного характера, часто сопровождаемые демонстрацией силы. К примеру, трудности, с которыми российские войска столкнулись в 1848 г., когда из Орска был направлен главный транспорт на реку Ирғиз, сопровождаемый ротой пехоты, артиллерийскими орудиями и казачьими отрядами: «Общий вес перевозимого груза превышал 100 тыс. пудов и включал строительные и военные материалы» (Макшеев, 2025: 24). В это время в Степи функционировала гибкая система гарнизонной логистики. Например, из 16 линейных батальонов, расквартированных в регионе, только 10 оставались активными, при этом многие из них были распределены по укреплениям. Это подчёркивает аксиому военного управления: эффективное пограничное присутствие не всегда требует количественного превосходства, если оно обеспечено хорошей дисциплиной, логистикой и инфраструктурной поддержкой.

Военный молебен перед выходом, личное сопровождение корпусным командиром и прощание с войсками не только выполняли ритуальную функцию, но и способствовали поддержанию дисциплины среди солдат. Казаки и башкиры в этом контексте выступали не только как охранные силы, но и как навигаторы, обладающие уникальными знаниями о местности. Их роль, а также роль посыльных, обеспечивающих коммуникацию с местным населением, подчёркивает важность локального знания в условиях, не приспособленных для классических военных операций.

Несмотря на видимую мощь экспедиций, они были изнурительными для участников. Описание очевидца передаёт атмосферу усталости и напряжения: «Солнце ярко палило необозримую равнину, покрытую сухим ковылем. Пыль от повозок полосой застилала горизонт... Лошади вяло тащили возы. Солдаты затаили было песню – и замолкли» (Макшеев, 2025: 24). Каждая стоянка превращалась в краткий ритуал, включающий заботу о лошадях, приготовление пищи у костров и редкий отдых. Походы становились не только физическим, но и моральным испытанием для солдат.

Принцип «разделяй и властвуй» также играл значительную роль в подавлении сопротивления. Ввиду малочисленности военных сил, довольно часто использовались и межродовые противоречия, а также поддержка отдельных лояльных казахских групп. Практика же захвата заложников из влиятельных семей служила средством обеспечения лояльности и предотвращения восстаний. Эта мера, распространённая в колониальных конфликтах, оказывала моральное давление на население и ограничивала возможности сопротивления. Здесь необходимо отметить, что подобные действия со временем давали всё меньший эффект, что с одной стороны вынуждало российские власти увеличивать количество войск в регионе, а с другой – возрастала степень самоорганизации казахских родовых ополчений.

В целом, стратегия российских вооружённых сил должна была строиться с учётом военно-географических факторов, таких как логистика, доступ к водным ресурсам и характер местности, которые существенно влияли на ход военных кампаний. Зачастую учитывались и настроения местных казахских родов, в том числе, на чью поддержку стоило рассчитывать.

Столь масштабная организация наступательных действий со стороны российских войск, с учётом полного превосходства в вооружении, позволяла применять разносторонние тактики ведения боевых действий в степных условиях.

Тактика ведения боевых действий российских войск и казахских отрядов в Казахской степи во второй половине XIX в. основывалась на комплексном подходе, который сочетал военные, стратегические и логистические элементы. Походные маршруты российских войск включали 19 основных переходов, «большинство из которых проходило через речные долины и сезонные водотоки, такие как Ирғиз и Орь» (Карин, 2024: 131). Всё это требовало участия всех видов войск, в том числе и строительства понтонов, а также других логистических инструментов. Сами маршруты, несмотря на обширную степь, выстраивались с учётом топографии региона, а также с учётом лояльности части населения, что облегчало снабжение и разведку военных походов. При обнаружении подходящих мест зачастую войсками выстраивались как кратковременные, так и долговременные оборонительные укрепленные сооружения. В качестве разведки в российской армии «служили не только добровольцы из числа местного населения, но и иррегулярные части в виде уральских казаков» (РГВИА. Ф. 4837. Оп. 1. Д. 63. Л. 2). Эти мобильные войска стали своего рода отдельным видом войск. Тактика их использования во многом строилась на их мобильности и оперативности, хотя их значимость постепенно снижается в связи с увеличением количества регулярных войск. Тем не менее, мобильные отряды казаков не уступали природным кочевникам в мобильности и оперативности, а благодаря тактике быстрых рейдов аулы практически были беззащитны перед их налётами. Массовый отгон скота казаками ослаблял базу повстанцев и нарушал привычные маршруты кочёвок. Знание в общей среде казаков традиционных маршрутов кочёвок, местных обычаев и обрядов во многом позволяло использовать их в качестве разведки, с целью обнаружения местонахождения восставших, а также в качестве самостоятельных подразделений, например, для окружения и лишения казахов поля для манёвров.

Помимо традиционных наступательных действий, при подавлении восстаний использовалась и тактика не прямых действий. Одним из таких способов была тактика «выжженной земли», применявшаяся как русскими войсками, так и казахскими повстанцами. С целью отрезать себя от преследования или лишить наступающие войска фуража, поджог травяного покрова приводил зачастую к тяжёлым последствиям. Поджог травы по степному адату (обычному праву) мог быть приравнен к убийству. Использование такого метода зачастую приносило большие беды для не участвовавших в восстании аулов, что и так ослабляло базу восставших. С другой стороны, для лишения поля для манёвров восставших, тактикой выжженной земли пользовались и русские войска с целью лишения припасов и скота восставших.

Другим методом борьбы с колониальными войсками являлся уход на другую территорию. В период восстаний 1869–1870-х гг., такой территорией было Хивинское ханство. В этой связи вынужденная откочёвка становилась причиной нарастания недовольства среди казахского общества.

В ответ на нарастающее недовольство и организованные выступления казахов, российские войска применяли ряд тактических приёмов, направленных на достижение своих стратегических целей, в том числе и реализацию своего полного превосходства в вооружении.

Передвижение воинских колонн отличалось строгой организацией: транспорт выстраивался в несколько линий, охранялся пехотой и казаками, а фланги и тыл прикрывались мобильными кавалерийскими отрядами. Дисциплина и чёткая маршрутизация играли центральную роль в успешности операций. Перешедшие на сторону Российской империи отдельные казахские проводники и посыльные также играли важную роль в навигации по труднопроходимым степным пространствам.

В условиях открытой степи артиллерия использовалась редко, однако её присутствие играло важную психологическую роль, служа символом силы и контроля. Военные действия в традиционном понимании уступали место демонстрации «порядка и психологическому давлению, которое становилось формой контролируемого принуждения к подчинению» (РГВИА. Ф. 213. Оп. 1. Д. 21. Л. 2). Принцип ротации, при котором казаки, обслуживавшие укрепления, ежегодно сменялись наполовину, способствовал поддержанию боеспособности и психологической устойчивости контингентов. Гарнизоны снабжались разнокалиберными орудиями, адаптированными к условиям степи, и укомплектовывались разнообразными войсками. Одним из свидетельств тому является обращение к генерал-адъютанту графу Адлербергу от графа Гейдена: «Крыжановский признавая необходимость построить укрепление на устье Эмбы полагает произвести рекогносцировку этой местности 50 стрелками, 100 пешими казаками и 18 стрелковыми батальонами из г. Уральска» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6815. Л. 9).

Артиллерия играла решающую роль в подавлении восстаний, позволяя разрушать укрепления и наносить массовые потери повстанцам. Огневая мощь артиллерии компенсировала недостатки в численности войск и обеспечивала преимущество в бою. Ярким проявлением удачного применения артиллерии может служить эпизод, представленный на картине М. Федорова, интерпретирующий битву отряда фон Штемпеля с казаками, когда лишь артиллерия позволила отбить один из самых жарких натисков (Рисунок 1). Вот, что говорится о первых столкновениях: «Первый отряд выступил в степь 6-го мая. Он двигался на урочище Казбек под начальством полковника барона фон Штемпеля,

в составе двух уральских сотен, роты губернского батальона, при двух орудиях. На Казбеке, по примеру прежних лет, должна была открыться весенняя ярмарка, но прежде прихода туда отряда слышно было, что большая часть ярмарочных зданий растащена и из досок балаганов, слышно было, киргизы поделили себе копыя» (Костенко, 1870: 4). Сами казахи на данной картине представлены в образе воинов без огнестрельного оружия, с тяжёлыми копыями, малопригодными при близком бое, тогда как русские войска показаны как хорошо вооружённые современными на тот момент нарезными ружьями.

Главной проблемой использования артиллерии в казахской степи стала её относительная небольшая мобильность. Отсутствие дорог и довольно сложные природные условия ограничивали скорость её передвижения. Скорее всего, именно этим объясняется использование именно лёгких казачьих пушек во время похода войск генерал-губернатора на Эмбу с целью подавить сопротивление казахов в период восстания 1869 г. (Юдин, 1894: 138-141; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7003). Казахи, хорошо знакомые с силой артиллерийского огня, не стали прибегать к прямому боевому столкновению, акцентировав свои усилия по сдерживанию грозного соперника на угрозе обзону. Именно обоз зачастую становился ахиллесовой пятой российских военных походов вглубь казахских земель.

Рис. 1. Первая встреча казахов с отрядом барона фон Штемпеля. На пути от оз. Жетыкол до урочища Казыбек на р. Уил (Западный Казахстан 1869 г.). Рисунок М. Федорова (Эпизод..., 1870: 8).

Восстание 1870 г. в Мангыстау стало кульминацией борьбы казахского народа против колониального угнетения. Оно возникло не только из-за экономических трудностей, но и в ответ на постоянное вмешательство российской власти в дела казахских общин. Восстание возглавил один из местных лидеров – Иса Тилендиев, который смог объединить вокруг себя различные группы населения. В отличие от предыдущих выступлений, восстание 1870 г. отличалось более организованным подходом и стратегией, включая применение тактики партизанской войны, что позволило казахам временно добиться успехов и нанести серьёзные удары по российским войскам. К их числу можно отнести нападение на состав Гурьевской комиссии, осаду и блокирование отряда полковника фон Штемпеля, а также затяжные бои с отрядом полковника Зеленина. Все эти успехи не только подняли моральный дух повстанцев, но и привели к нарушению коммуникаций между отрядами российской армии. На первом этапе восстания, несмотря на ряд первоначальных успехов повстанцев, общий стратегический перевес был слишком силён, что позволило российским войскам занять среднее течение Уила, отрезав восставших от связей и подкреплений. Именно этот манёвр позволил отрезать восставших от помощи со стороны Хивы и, по сути, восстание с этого момента постепенно утихает как среди прилинейных аулов, так и среди аулов, кочевавших вдали от неё. Однако на Мангыстау восстание лишь набирало силу. Главной основой восставших было родовое ополчение рода Адай, поэтому в историографии колониального периода это восстание чаще всего именовалось Адаевским бунтом. Сила и успехи восставших настолько были велики, что для подавления его были привлечены дополнительные силы с Кавказа. После разгрома отряда Н. Рукина восставшие осадили форт Александровск. Труднодоступность Мангыстау не позволила быстро перекинуть

войска из Оренбургского генерал-губернаторства, что заставило привлечь с мятежного Кавказа отдельные воинские силы. Сама переброска войск с Кавказа прошла без заминки, ввиду отсутствия у повстанцев своего флота и отлаженной работы штабов. Однако незнание прибывшими командирами местных условий не раз ставило прибывшие войска в крайне опасное положение. Так, попытка раздобыть верблюдов у мирных туркмен графа Кутайсова закончилась потерей части пополнения из числа дагестанцев. Всё это хорошо показывает умение повстанцев успешно перехватывать отдельные и малочисленные отряды российских войск вдали от основных баз. Перерезав коммуникации, по сути, эти отряды могли быть обречены. Именно так, например, погиб отряд Рукина.

Кроме того, повстанцы хорошо применяли и стратегию не прямых действий, где отряды российских войск вынуждены были отступать и без вступления в прямые боевые действия. Так, при осаде отряда полковника Зеленина ещё в 1863 г., казахи предприняли попытку отгона лошадей, что чуть ли не привело к гибели всего отряда и лишь стечение обстоятельств не позволило этому случиться. Стоит отметить и достаточно широкое применение тактики ночных нападений при осаде форта Александровск. Если степные условия не очень-то способствовали ночным нападениям, поскольку кони рисковали попасть в какие-нибудь норы и повреждали ноги, то в условиях Мангыстау, где довольно часто встречается каменистый грунт, эта тактика вполне себя оправдывала. Ахиллесовой пятой всех боевых действий российских отрядов оставалось движение обоза, охрана которого всегда была головной болью начальников всех уровней. Так случилось с отрядами Н. Рукина, Ф. Штемпеля. Также, несмотря на отдельные успехи Ломакина при подавлении восстания, который, хотя и отбил большое количество скота у восставших, довольно скоро его весь потерял, отправив его под началом малочисленного конвоя.

Операция по подавлению восставших на Мангыстау, в отличие от подавлений восстаний в прошлом году, сопровождалась многочисленными боевыми действиями, итогом которых стало не подавление восставших, а скорее их вытеснение на территорию Хивинского ханства (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8320. Л. 22), что, в свою очередь, привело к организации похода на Хиву российскими войсками и её подчинение.

Тем не менее, несмотря на первоначальные успехи, восстания 1869 г. и 1870 г. столкнулись с мощным наступлением со стороны российской армии, которая использовала все доступные ресурсы для подавления мятежей (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6815. Л. 7). В ответ на восстания российская администрация усилила репрессивные меры, включая массовые аресты и разрушение казахских населённых пунктов. Одним из примеров борьбы с непокорёнными, служит рапорт генерал-адъютанта Н. Крыжановского, адресованный военному министру 21 августа 1869 г.: «Многие преступления совершенные в Киргизской степи Оренбургского ведомства остались не раскрыты и виновные не понесли наказания собственно потому, что в степной территории есть отдаленные от административных центров места, куда не достигал не один агент Правительства, например как пространство от урочища Исен-Берды на устье Эмбы, на юго-восток и потом на юг от Мертвого Култука, находилось без надзора Правительства. Местность эта постоянно в течение лета занимается кочующими с Мангышлака адаевцами, которые никогда не отличались преданностью нашему правительству и всегда шли в разрез с нашими постановлениями...» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6815. Л. 1-3).

Восстание 1869 г. стало ответом на «усиливающееся давление российской администрации на казахские земли» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8239. Л. 41-43). В этот период казахи сталкивались с «новыми налогами, ограничениями на передвижение и попытками интеграции в колониальную систему» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 82-1865. Д. 5а. Л. 1-2). Протесты против этих мер вылились в организованные выступления, направленные как против местной власти, так и против колониальной системы в целом. Важным аспектом восстания стало объединение различных казахских племён, что свидетельствовало о высоком уровне национального сознания и солидарности среди казахов. К примеру, во время атаки при озере Жамансай на территории Уральской области численность казахских воинов была в пределах от 10 до 20 тыс. человек (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8239. Л. 286), а в январе 1869 г. часть казахов родов кете и табын Уральской и Тургайской областей в числе 6500 кибиток восстала против введения Положения (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8239. Л. 16). Так же одним из принципов сопротивления местного населения стали откочёвки. К примеру, весной 1869 г. из родов Байулы в сторону Хивы ушли 13 631 кибиток, а в конце июля из них вернулись 11 279 семей (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8239. Л. 287 – 289), из рода Шомишты Табын откочевали в Хиву 2 тыс. кибиток (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8273. Л. 4), а летом того же года из Хивы вернулись 11 тыс. семей Байулы. Динамика миграционного процесса менялась, однако, несмотря на сложное положение в Степи, летом 1870 г. из Хивы в Тургайскую область вернулось около 5 тыс. кибиток разных родов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8320. Л. 22). Часть казахских родов вернулась в привычные места проживания уже в 1871 г.: «2000 кибиток рода Таз, откочевавшие в Хиву во время восстания, вернулись обратно в Уральскую область» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 82-1869. Д. 13. Л. 47).

Сравнение восстаний 1869 г. и 1870 г. показывает общий процесс нарастания национального самосознания казахов. Несмотря на различия в масштабах и организационных формах, оба восстания стали важными вехами в истории казахского народа. Опыт борьбы казахов с колониальной властью способствовал осознанию общности интересов и необходимости объединения для восстановления утраченных прав.

5. Заключение

Таким образом, тактика и методы, применяемые российскими войсками для подавления казахских восстаний во второй половине XIX в., были нацелены на установление и закрепление колониального господства Российской империи в этом регионе. Это был длительный процесс, сопровождавшийся как военными действиями, так и прямым подкупом части местных элит. Несмотря на ряд успехов, основная масса кочевников всё-таки оставалась вне сфер влияния российской администрации и сохраняла свою относительную автономию вплоть до распада Российской империи. Будучи труднодоступным, этот регион оставался очагом восстаний и проблем для центрального правительства. Основными причинами данной ситуации может быть признан сложный характер местности, слабые и малочисленные воинские контингенты, незнание условий для проведения крупномасштабных воинских операций, а также зависимость от обозов и баз снабжения.

Кроме того, применение тактики «выжженной земли», артиллерийских обстрелов и массовых репрессий было основными инструментами подавления восстаний, что привело к катастрофическим потерям среди казахского населения, особенно среди мирных жителей. Голод, болезни и лишения стали обыденностью в казахских аулах, усугубляя и без того тяжёлые условия жизни.

Подавление восстаний сопровождалось усилением земельной экспроприации. Земли, принадлежавшие участникам сопротивления, конфисковались и передавались российским поселенцам и казакам. Этот процесс не только приводил к обезземеливанию казахов, но и усиливал их недовольство, создавая почву для дальнейших конфликтов. В результате традиционные способы ведения хозяйства и социальные структуры начали разрушаться, что негативно сказалось на жизнедеятельности казахского народа.

После подавления восстаний российская администрация усилила контроль над казахскими территориями. Вводились новые административные единицы, назначались российские чиновники, а казахская знать постепенно отстранялась от власти. Это способствовало дальнейшему углублению колониального гнёта и утрате автономии казахского общества. В результате традиционные экономические отношения, социальная структура и культурные ценности подверглись значительным изменениям, что вызвало кризис идентичности среди казахов.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН АР19679738 «Восстание 1869 года на территории Западного Казахстана на основе новых архивных материалов».

Литература

- Абдиров, 2000** – Абдиров М.Ж. Завоевание Казахстана Царской Россией и борьба казахского народа за независимость. Из истории военно-казахской колонизации края в конце XVI – начале XX веков. Астана: Елорда, 2000. 304 с.
- Ахмет, 2022** – Ахмет А.К. Движение под предводительством Джанходжи Нурмухамедова. Стенограмма 10-17 октября 1852 г. Алматы, 2022. 280 с.
- Бларамберг, 1978** – Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.
- Губернаторы..., 1999** – Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. 400 с.
- Гурская, 2010** – Гурская Н.В. Военизированный образ жизни Уральского казачества // *Вестник Военного университета*. 2010. № 2 (22). С. 94-100.
- Дубриков, 2016** – Дубриков А.М. Роль российского казачества в присоединении Средней Азии к Российской империи (на примере Уральского казачества) // *Карельский научный журнал*. 2016. Т. 5. № 2(15). С. 67-73.
- История и этнография..., 2016** – История и этнография казахов Западного региона. Т. 4. Составитель: М.К. Кипиев. Атырау, 2016. 400 с.
- Императорская археологическая..., 2019** – Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения Российской археологии от основания до реформ. Т. 2. 2-ое изд., переработанное и дополненное. СПб.: ИИМК РАН, 2019. 728 с.
- Карин, 2024** – Карин Е.Т. От Cassackia до Казахстана: локализация Казахстана на европейских, российских и азиатских картах XVI – первая половина XX вв. Составители: Ксенжик Г., Рахимов Е. / Казахстан: Service Press, 2024. 226 с. + 122 илл.
- Кипиев, 2020** – Кипиев М.К. XVIII–XX ғасырлардағы Атырау өңіріндегі елді мекендер (Населенные пункты Атырауского региона XVIII–XX веков). Атырау, 2020. 220 б.
- Кэмпбелл, 2022** – Кэмпбелл Я. Знание и окраины империи: казахские посредники и российское управление в степи 1731–1917. СПб., 2022. 391 с.
- Костенко, 1870** – Костенко Ю. События в степи Уральской области в 1869 году // *Уральские войсковые ведомости*. 1870. №2.

- Курлапов, 2013** – Курлапов А.З. Яицкие-уральские казаки. Повседневная жизнь и праздники. Т. 2. Историко-краеведческое издание, 2013. 672 с.
- Макшеев, 2025** – Макшеев А. Путешествия по Казахским степям и Туркестанскому краю. Алматы, 2025. 280 с.
- ОГАОО** – Объединённый государственный архив Оренбургской области.
- Оренбургский край..., 2021** – Оренбургский край – поликультурный и трансграничный регион Российской империи: сборник документов. К 250-летию со дня рождения выдающегося военного и государственного деятеля, оренбургского военного губернатора Петра Кирилловича Эссена (1772). Оренбург, ИПК Университет, 2021. 712 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Сакральная география..., 2021** – Сакральная география Актюбинской области. Реестр объектов природы, археологии, архитектуры и этнографии. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. 532 с.
- Требугов, 2011** – От Гутни до Толстова. Состав.: А. Г. Требугов. Уральск, 2006. 104 с.+16 илл.вкл.
- Юдин, 1894** – Юдин П. Адаевский бунт на полуострове Мангышлак в 1870 // *Русская старина*. №7 (июль). СПб., 1894. С. 135-156.
- Эпизод..., 1870** – Эпизод из последнего киргизского восстания // *Всемирная иллюстрация*. Т. 3. 1870. №53. Л. 6-8.
- Kilian, 2013** – Kilian J.M. Allies & Adversaries: The Russian Conquest of the Kazakh Steppe / Dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in History. The George Washington University, August 31, 2013. Directed by Professor Muriel Atkin. 423 p.

References

- Abdirov, 2000** – Abdirov, M.Zh. (2000). Zavoevanie Kazakhstana Carskoj Rossiej i bor'ba kazahskogo naroda za nezavisimost' [The Conquest of Kazakhstan by Tsarist Russia and the Kazakh People's Struggle for Independence: From the History of Military-Cossack Colonization of the Region in the late 16th – early 20th centuries]. Iz istorii voenno-kazach'ej kolonizacii kraja v kontse XVI – nachale XX vekov. Astana: Elorda, 304 p. [in Russian]
- Ahmet, 2022** – Ahmet, A.K. (2022). Dvizhenie pod predvoditel'stvom Dzhanhodi Nurmuhamedova [The movement led by Dzhanhodi Nurmuhamedov]. Stenogramma 10-17 oktjabrja 1852 g. Almaty, 280 p. [in Russian]
- Blaremborg, 1978** – Blaremborg, I.F. (1978). Vospominanija [Memoirs]. Moskva: Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 357 p. [in Russian]
- Dubrikov, 2016** – Dubrikov, A.M. (2016). Rol' rossijskogo kazachestva v prisoedinenii Srednej Azii k Rossijskoj imperii (na primere Ural'skogo kazachestva) [The role of the Russian cossacks in the Incorporation of Central Asia into the Russian Empire (based on the example of the Ural cossacks)]. *Karel'skij nauchnyj zhurnal*. 5. 2(15): 67-73. [in Russian]
- Epizod..., 1870** – Epizod iz poslednego kirgizskogo vosstanija [An Episode from the Last Kyrgyz Uprising]. *Vsemirnaja illjustracija*. 1870. T. 3. №53. L. 6-8. [in Russian]
- Gubernatory..., 1999** – Gubernatory Orenburgskogo kraja [Governors of the Orenburg Region]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1999. 400 p. [in Russian]
- Gurskaja, 2010** – Gurskaja, N.V. (2010). Voenizirovannyj obraz zhizni Ural'skogo kazachestva [Militarized Lifestyle of the Ural Cossacks]. *Vestnik Voennogo universiteta*. 2(22): 94-100. [in Russian]
- Imperatorskaya arheologicheskaya..., 2019** – Imperatorskaya arheologicheskaya komissiya (1859–1917): istorija pervogo gosudarstvennogo uchrezhdenija Rossijskoj arheologii ot osnovanija do reform [Imperial Archaeological Commission (1859–1917): The history of the first state institution of Russian archaeology from its foundation to the reforms]. T. 2. 2-oe izd., pererabotannoe i dopolnennoe. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 2019. 728 p. [in Russian]
- Istorija..., 2016** – Istorija i etnografija kazahov Zapadnogo regiona [History and ethnography of the Kazakhs of the Western region]. T. 4. Sostavitel': M.K. Kipiev. Atyrau, 2016. 400 p. [in Russian]
- Judin, 1894** – Judin, P. (1894). Adaevskij bunt na poluostrove Mangyshlak v 1870 [The Adaev Rebellion on the Mangyshlak Peninsula in 1870]. *Russkaja starina*. №7 (ijul'). Sankt-Peterburg. Pp. 135-156. [in Russian]
- Karin, 2024** – Karin, E.T. (2024). Ot Cassackia do Kazakhstana: lokalizacija Kazakhstana na evropejskih, rossijskih i aziatskih kartah XVI – pervaja polovina XX vv. [From Cassackia to Kazakhstan: the localization of Kazakhstan on European, Russian, and Asian maps from the 16th to the first half of the 20th centuries]. Sostaviteli: Ksenzhih G., Rahimov E. Kazakhstan: Service Press., 226 p. + 122 ill. [in Russian]
- Kempbel, 2022** – Kempbel, Ja. (2022). Znanie i okrainy imperii: kazahskie posredniki i rossijskoe upravlenie v stepi 1731–1917 [Knowledge and the Empire's Peripheries: Kazakh Intermediaries and Russian Administration on the Steppe, 1731–1917]. Sankt-Peterburg, 391 p. [in Russian]

- [Kilian, 2013](#) – *Kilian, J.M.* (2013). *Allies & Adversaries: The Russian Conquest of the Kazakh Steppe*. Dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in History. The George Washington University, August 31. Directed by Professor Muriel Atkin. 423 p.
- [Kipiev, 2020](#) – *Kipiev, M.K.* (2020). XVIII–XX gasyrlardary Atyrau onir endegi eldi mekender (Naselennye punkty Atyrauskoj regiona XVIII–XX vekov) [Settlements of the Atyrau Region in the 18th–20th centuries]. Atyrau, 220 p. [in Russian]
- [Kostenko, 1870](#) – *Kostenko, Ju.* (1870). Sobytiya v stepi Ural'skoj oblasti v 1869 godu [Events in the Steppe of the Ural Region in 1869]. *Ural'skie vojskovye vedomosti*. №2. [in Russian]
- [Kurlapov, 2013](#) – *Kurlapov, A.Z.* (2013). Yaitskie-ural'skie kazaki. Povsednevnaia zhizn' i prazdniki [Yaik-Ural Cossacks: Everyday Life and Celebrations]. T. 2. Istoriko-kraevedcheskoe izdanie. 672 p. [in Russian]
- [Maksheev, 2025](#) – *Maksheev, A.* (2025). Puteshestviya po Kazahskim stepjam i Turkestantskomu kraju [Travels Across the Kazakh Steppes and the Turkestan Region]. Almaty, 280 p. [in Russian]
- [OGA00](#) – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [United State Archive of the Orenburg Region].
- [Orenburgskij kraj..., 2021](#) – Orenburgskij kraj – polikul'turnyj i transgranichnyj region Rossijskoj imperii: sbornik dokumentov [Orenburg Region – A Multicultural and Cross-Border Area of the Russian Empire: A Collection of Documents]. K 250-letiju so dnja rozhdenija vydajushhegosja voennogo i gosudarstvennogo dejatelja, orenburgskogo voennogo gubernatora Petra Kirillovicha Essena (1772). Orenburg, IPK Universitet, 2021. 712 p. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- [RGVIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].
- [Sakralnaja geografija..., 2021](#) – Sakral'naja geografija Aktjubinskoj oblasti. Reestr ob#ektov prirody, arheologii, arhitektury i jetnografii [Sacred Geography of Aktobe Region. Registry of Natural, Archaeological, Architectural, and Ethnographic Sites]. Almaty: Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2021. 532 p. [in Russian]
- [Tregubov, 2006](#) – *Tregubov, A.G.* (2006). Ot Gugni do Tolstova/Sostavitel' [From Gugni to Tolstov]. Ural'sk, 104 p.+16 ill.vkl. [in Russian]

Военная сила империи в степных условиях: стратегия и тактика российских войск при подавлении восстаний казахов в 1869–1870 гг.

Галия Айтжановна Шотанова ^{a, *}, Ернар Муратович Ужкенов ^{b, *}, Нуржан Ыксанулы Жетписбай ^a, Елеухан Тоганбаевна Калиева ^c

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Республика Казахстан

^c Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В данной статье рассматриваются стратегия и тактические приёмы, применявшиеся войсками Российской империи при подавлении восстаний казахов во второй половине XIX в., с особым акцентом на события 1869 и 1870 г. в Западном Казахстане. Разбирается ряд факторов, влияющих на выбор тактики ведения боя в Казахской степи, включая географические условия, численность и вооружение сторон, в том числе политические цели империи.

Само восстание было направлено против усиления колониального гнёта. Действия казахских ополчений, их сплочённость и организация в целом отражали уровень национального самосознания. Сравнительно большая численность участников восстаний, около 20 тысяч, показывает, что в восстания были вовлечены большинство родов этого региона. Хотя восстание и потерпело поражение, сохранился значительный потенциал повторения событий 1869–1870 гг., что заставило российские власти значительно смягчить свои изначальные требования.

Вооружённые столкновения второй половины XIX в. стали ответом на нарастающее давление со стороны Российской империи. Авторами рассматриваются последствия применения различных тактических подходов для подавления казахского общества, включая изменения в социальной структуре, миграционные процессы и формирование новых форм сопротивления.

Ключевые слова: военное дело, тактика ведения боя, Западный Казахстан, Российская империя, И. Тилендиев, Н. Рукин, Ф. Штемпель, восстания 1869–1870 гг.

* Корреспондирующий автор

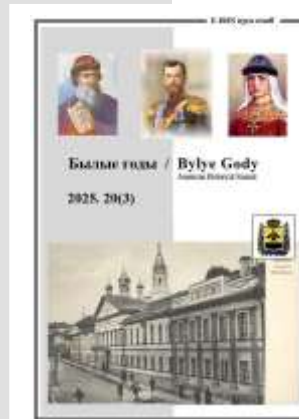
Адреса электронной почты: galia8.09@mail.ru (Г.А. Шотанова), e81g@mail.ru (Е.М. Ужкенов), nurzhan976@mail.ru (Н.Ы. Жетписбай), kalieva.eleukhan@gmail.com (Е.Т. Калиева)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1465-1476
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1465

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Ribbons in the American Masonic Order of Knights Templar (second half of the 19th century): Their Emergence and Evolution

Alexander Claudius Cherkas ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Houston, USA

Abstract

This work examines the emergence and evolution of ribbons in the American Masonic order of Knights Templar in the second half of the 19th century.

The study's source base incorporates a collection of ribbons at Cherkas Global University's Museum of the History of the American Knights Templar.

The study's findings revealed that one of the first ribbons in the American Masonic order of Knights Templar emerged in 1874 in connection with the 26th anniversary of the establishment of Raper Commandery No. 1. In 1875, as many as several commanderies presented their ribbons at the 62nd Annual Conclave of the Grand Commandery of New York. Subsequently, the order's leadership gave the green light to the use of ribbons at its triennial conclaves as well. The first triennial conclave to witness extensive use of ribbons was the one held in 1877 in Cleveland, Ohio.

Subsequent to 1877, all of the organization's 19th-century triennial conclaves, namely those held in 1880, 1883, 1886, 1889, 1892, 1895, and 1898, witnessed extensive use of ribbons. At that time, it became a common practice to adorn ribbons (e.g., with a fringe or tassel), as well as add artistic value to them. The order's tradition of producing ribbons endured for more than 50 years (there is a ribbon that was produced in connection with the Triennial Conclave of 1940).

Keywords: ribbon, Knights Templar, second half of the 19th century, museum, Cherkas Global University.

1. Introduction

The first known records of ribbons in American Masonic history date back to the late 18th century. Normally they were used in the context of commemorative activities, and also as part of the regalia of special personnel. A ribbon is a band with special text printed on it. There are ribbons adorned with a badge or fringe. M.C. MacDonald's 'Fraternal Regalia I: Knights Templar' describes ribbons as made "for field days and Conclaves" (MacDonald, 2008: 99). Despite the fact that such ribbons were produced in the tens of thousands, to date there has been no dedicated research on them. And that is what makes this study all the more relevant.

2. Materials and methods

The study's source base incorporates a collection of ribbons at Cherkas Global University's Museum of the History of the American Knights Templar. The museum's holdings are divided into four parts – the sword collection, the uniform collection, the badge and ribbon collection, and the photo collection. As of July 1, 2025, the badge and ribbon collection numbered 150, with half of those being ribbons.

Most of the ribbons in the collection were produced in the last quarter of the 19th century. Each is assigned a unique accession number.

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.C. Cherkas)

For the purposes of this study, some use was also made of the museum's photo collection.

3. Discussion

To date, there has been no dedicated research on Masonic Knights Templar ribbons. Nevertheless, ribbons of this kind are mentioned in several works, namely: 'Fraternal Regalia I: Knights Templar' by M.C. MacDonald, which mentions the ribbon for Corinthian Chasseur Commandery No. 53 (MacDonald, 2008: 99), 'Photographic Souvenir: Grand Encampment of Knights Templar, 26th Triennial Conclave, held at Boston, Mass., Aug. 26-31, 1895' by W.A. Mason, which mentions 14 ribbons belonging to the different committees concerned with organizing the event (Mason, 1895: 104), and 'Sir Frederick S. Rogers (1847–1908) in the Museum Collection of Cherkas Global University' by A. Cherkas, which mentions one of the ribbons featured in the present article (Cherkas, 2024: 1679).

As a side note, Cherkas Global University's museum collection has served more than once as a source for researchers interested in the history of the American Knights Templar. Specifically, A. Cherkasova offers in her work a detailed examination of all four of the museum's collections (Cherkasova, 2025). The museum's holdings have served as a valuable source for inquiry into the history of Bethany Commandery No. 28 (Cherkas, 2025), for research on rare Knights Templar publications from the first half of the 19th century (Cherkas, 2025a), and for research aimed at creating biographical accounts of the lives of prominent Knights Templar (A.A. Marden (Cherkas, 2024a), G.S. Blackie (Cherkas, 2024b), and A.E. Worthington (Cherkas, 2024c)).

4. Results

The more rare ribbons are exhibited in the second section of Stand 2 on the north side of the museum. (Each stand has five sections (counted top-down).) Figure 1 displays 10 ribbons below a set of three photographs.

Fig. 1. Ribbons exhibited in the Museum of the History of the American Knights Templar. North side, Stand 2, Section 2

Pictured fifth on the left in Figure 1 is the anniversary ribbon for Raper Commandery No. 1, the oldest ribbon in the museum's collection, which was produced in connection with the 26th anniversary of the establishment of that commandery, celebrated on May 14, 1874 (Figure 2).

Fig. 2. Anniversary ribbon for Raper Commandery No. 1, 1874 (Accession No. 138)

While the ribbon's state of preservation is relatively poor, all the dates are sufficiently legible to be able to attribute it to the original source. The ribbon is adorned with a silver fringe.

The 62nd Annual Conclave of the Grand Commandery of New York was held on October 12 through 13, 1875, in Albany, New York. The event was attended by delegates from at least two commanderies, Monroe Commandery No. 12 and Cyrene Commandery No. 39 (both based in Rochester, New York), with each bringing ribbons of their own to it ([Figures 3](#) and [4](#)).

Fig. 3. Ribbon for Monroe Commandery No. 12 (No. 140)

Fig. 4. Ribbon for Cyrene Commandery No. 39 (No. 139)

At the time of writing this article, no other ribbons for the Grand Commandery's annual conclaves had been found. The idea of using ribbons must have been embraced by the Grand Encampment of Knights Templar of the USA as good, for in 1877 ribbons appeared for the first time at a triennial conclave – the one held in Cleveland, Ohio. [Figure 5](#) displays a photograph of that event, one of the earliest taken of a triennial conclave.

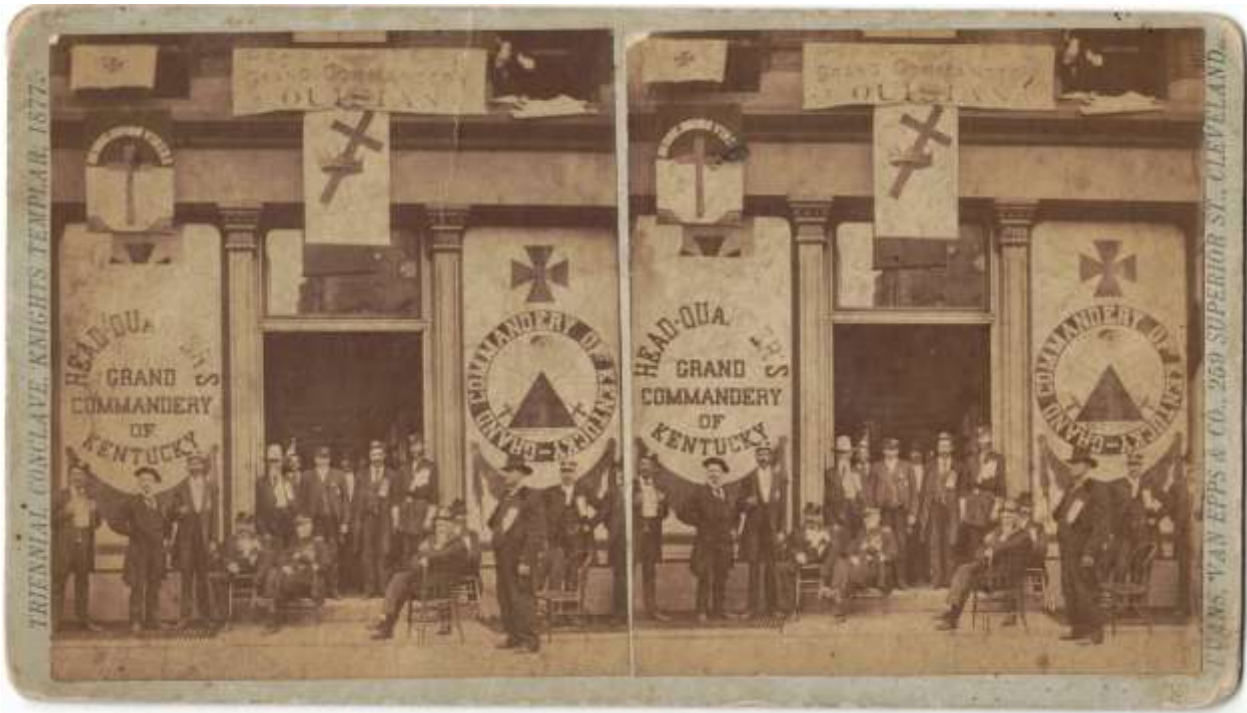

Fig. 5. Photograph taken during the Triennial Conclave of 1877, Cleveland, Ohio (No. 026)

Figure 5 displays a photograph picturing a group of Knights Templar in front of the stand of the Grand Commandery of Kentucky. A close-up of that photograph is provided in Figure 6.

Fig. 6. Close-up of the 1877 Triennial Conclave photograph (No. 026)

As can be seen in Figure 6, ribbons were always worn on the right side of the chest, as if in line with a prescribed procedure for wearing them.

Figure 1 displays as many as three ribbons related to the Conclave of 1877: the ribbon for St. Joseph Commandery No. 4 (Figure 7), the one for Texas (Figure 8), and the one for Tancred Commandery No. 48 (Figure 9).

Fig. 7. Ribbon for St. Joseph Commandery No. 4 (No. 064)

Fig. 8. Ribbon for Texas (No. 137)

Fig. 9. Ribbon for Tancred Commandery No. 48 (No. 142)

Worthy of special attention are the second and third of the three 1877 ribbons. Specifically, the ribbon for Texas ([Figure 8](#)) could be regarded as the intermediate version for all of Texas's commanderies and its Grand Commandery. Ribbons for specific Texas commanderies would be used as early as the following triennial conclave (the one held in 1880) ([Figure 10](#)).

Fig. 10. Ribbon for San Felipe de Austin Commandery No. 1 (No. 061)

The third ribbon (Figure 9) appears to have belonged to a commandery that acted as a special escort to the Grand Master of the United States. This confirms the idea of the order's leadership having been behind the decision to make the use of ribbons universal.

Subsequent to 1877, all of the organization's 19th-century triennial conclaves, namely those held in 1880, 1883, 1886, 1889, 1892, 1895, and 1898, witnessed extensive use of ribbons. By the end of the 19th century, the Knights Templar had amassed considerable experience producing ribbons, with this type of insignia having gone through an evolution.

The thousands of ribbons produced in the period under examination included commandery ribbons with no connection to a historical event (Figure 11), commandery ribbons linked with a conclave (Figure 12), and Grand Commandery ribbons (Figures 13 and 14).

Fig. 11. Ribbon for Monroe Commandery No. 12 (No. 006)

Fig. 12. Ribbon for Ivanhoe Commandery No. 8 (No. 043)

Fig. 13. Ribbon for the Grand Commandery of Texas (No. 149)

Fig. 14. Ribbon for the Grand Commandery of South Dakota (No. 070)

Some commanderies produced as many as two ribbons of different color for a single conclave. Such, for instance, are the ribbons for Milford Commandery No. 11 ([Figures 15 and 16](#)).

Fig. 15. Ribbon for Milford Commandery No. 11 (red) (No. 046)

Fig. 16. Ribbon for Milford Commandery No. 11 (black) (No. 047)

Some ribbons had artistic value. Such, for instance, is the ribbon for Jackson Commandery No. 9 (Figure 17).

Fig. 17. Ribbon for Jackson Commandery No. 9 (No. 050)

Knights Templar ribbons also differed in style, with some adorned with a fringe (Figure 14) and others with a tassel (Figure 18).

Fig. 18. Ribbon for the Pilgrim Commandery (No. 097)

Thus, the mid-1870s witnessed the laying down of the tradition of wearing ribbons in the American Masonic order of Knights Templar. The fact that this tradition endured at least up until 1940 is evidenced by the ribbon for the Triennial Conclave of 1940. The central idea about the use of ribbons within the American Masonic order of Knights Templar appears to have been to create symbolic commemorative souvenirs in connection with significant ongoing events in the life of that organization. Eventually, ribbons would become the order's most ubiquitous historical item. As a side note, in the first quarter of the 20th century, the American Masonic order of Knights Templar numbered more than 1,700 commanderies with a combined enrollment of over 450,000 members ([Proceedings of the Grand Encampment..., 1928: 172](#)). However, since ribbons were made from fabric, they were inferior to metal items in state of preservation.

5. Conclusion

Below are the main takeaways from this article.

1. One of the first ribbons in the American Masonic order of Knights Templar emerged in 1874 in connection with the 26th anniversary of the establishment of Raper Commandery No. 1. In 1875, as many as several commanderies presented their ribbons at the 62nd Annual Conclave of the Grand Commandery of New York. Subsequently, the order's leadership gave the green light to the use of ribbons at its triennial conclaves as well. The first triennial conclave to witness extensive use of ribbons was the one held in 1877 in Cleveland, Ohio.
2. Subsequent to 1877, all of the organization's 19th-century triennial conclaves, namely those held in 1880, 1883, 1886, 1889, 1892, 1895, and 1898, witnessed extensive use of ribbons. At that time, it became a common practice to adorn ribbons (e.g., with a fringe or tassel), as well as add artistic value to them. The order's tradition of producing ribbons endured for more than 50 years. (There is a ribbon that was produced in connection with the Triennial Conclave of 1940.)
3. At the time of writing this article, Cherkas Global University's museum collection devoted to the American Masonic Order of Knights Templar contained as many as 75 ribbons from the second half of the 19th century, with 15 of those presented herein.

References

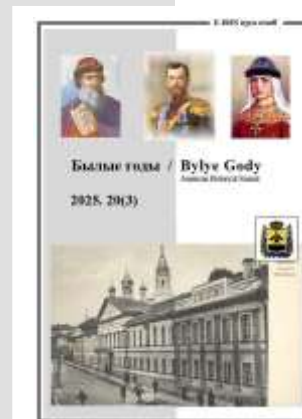
- [Cherkas, 2024](#) – Cherkas, A. (2024). Sir Frederick S. Rogers (1847–1908) in the Museum Collection of Cherkas Global University. *Bylye Gody*. 19(4): 1674-1682.
- [Cherkas, 2024a](#) – Cherkas, A. (2024). A Few Fresh Strokes to the Biographical Portrait of Sir Albert A. Marden (1824–1919): Commemorating the 200th Anniversary of His Birth. *History and Historians in the Context of the Time*. 33(1): 3-9.
- [Cherkas, 2024b](#) – Cherkas, A. (2024). Sir George Stodart Blackie (1834–1881) in the Museum Collection of Cherkas Global University: Commemorating the 190th Anniversary of His Birth. *European Researcher. Series A*. 15(2): 32-37.
- [Cherkas, 2024c](#) – Cherkas, A. (2024). Sir Albert E. Worthington (1849–1915) in the Museum Collection of Cherkas Global University: Commemorating the 175th Anniversary of His Birth. *European Journal of Contemporary Education*. 13(4): 742-746.
- [Cherkas, 2025](#) – Cherkas, A. (2025). A History of Bethany Commandery No. 28, K.T. (1868–1918). *Bylye Gody*. 20(1): 264-288.
- [Cherkas, 2025a](#) – Cherkas, A. (2025). Rare Publications From the American Masonic Order of Knights Templar (First Half of the 19th Century). *Bylye Gody*. 20(2): 775-779.
- [Cherkasova, 2025](#) – Cherkasova, A. (2025). The Museum of the History of the American Knights Templar at Cherkas Global University: Its Collections Dating to Between the Second Half of the 19th and the Early 20th Centuries. *Bylye Gody*. 20(1): 188-195.
- [MacDonald, 2008](#) – MacDonald, M.C. (2008). *Fraternal Regalia I: Knights Templar*. Boulder Creek, CA: New Columbia Publishing.
- [Mason, 1895](#) – Mason, W.A. (1895). *Photographic Souvenir: Grand Encampment of Knights Templar, 26th Triennial Conclave, held at Boston, Mass., Aug. 26-31, 1895*. Boston, MA: A.A. Rothenberg & Co.
- [Proceedings of the Grand Encampment..., 1928](#) – *Proceedings of the Grand Encampment of Knights Templars of the United States of America, 37th Triennial Conclave*. Detroit, 1928.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1477-1484
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1477

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Activities of the Russian Authorities to Restore and Preserve the Traditions of Folk Carpet Weaving in the Transcaspian Region of the Russian Empire

Ilya I. Aminov ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

The research is devoted to carpet production, one of the most famous handicrafts of the Turkmen people, who have carried the secrets of carpet weaving through centuries and millennia. The beauty and grace of Turkmen carpets, the purity of colors, the strength of the fabric, and the symmetry of drawings and figures have not only fascinated the most discerning connoisseurs of oriental art at all times, but have also made Turkmen carpets a sought-after exhibit at exhibitions around the world and the subject of enthusiastic appreciation by all visitors. The author notes that after the entry of the Turkmen lands into the Russian Empire and overcoming the civilizational isolation in the life of the indigenous population, entrepreneurs of various stripes began to intensively buy up the best carpet products woven before the annexation of the region for resale in domestic Russian and foreign markets. The carpet boom has also led to the emergence of enterprising customers, who have significantly accelerated carpet production in Turkmen villages to the detriment of its traditional quality. Despite the fact that since the mid-90s of the 19th century, the cities of Merv and Ashgabat have become major centers of trade in Turkmen (Tekin) carpets, and their main producer is the Merv Oasis, the decline in the quality of Tekin carpets under the influence of entrepreneurship and market needs seriously concerned the administration of the Transcaspian region, which began to take decisive measures to maintain and the development of this valuable and extremely important branch of local production. The article analyzes these measures, which, in the author's opinion, are of scientific interest to fill in the gaps in the history of the Transcaspian region and Russian-Turkmen relations.

Keywords: Transcaspian region, administration, craft, tradition, culture, carpet-making, technique of execution, craftsmanship.

1. Введение

После присоединения туркменских земель к Российской империи и образования в её составе Закаспийской области (1881 г.), несмотря на наступление стабильности, прекращение на её территории междоусобных войн и межплеменных конфликтов, наблюдалось падение национальных кустарных промыслов среди коренного населения, нивелирование его местных особенностей вместе с остатками патриархальной замкнутости. Однако, наряду с ростом товарных отношений между районами Закаспия и бесперебойным функционированием на его территории железной дороги, в туркменских аулах переживался кустарно-производственный кризис. Причина этого – влияние общероссийского капиталистического рынка на выделку местным населением шелковых, шерстяных, бумажных тканей, ручную обработку меди, золота, серебра, производство сёдел, конской упряжи, оружия, железных, чугунолитейных изделий и т.д. Но если падение производства большинства этих товаров было вызвано тем, что они не выдерживали конкуренции с качеством и дешевизной привозной продукции, выпускаемой русскими фабриками и заводами, то кризисное состояние в производстве туркменских ковров – одного из наиболее известных ещё в Средние века кустарных

* Corresponding author

E-mail addresses: aminovii@mail.ru (I.I. Aminov)

промыслов – объяснялось иными, «внеконкурентными» причинами. При этом опыт администрации края по преодолению этих причин, восстановлению и сохранению уникального коврового ремесла, может быть интересен для восполнения пробелов по истории российско-туркменских отношений и Закаспийской области, ее развитию в интересах Российской империи с учётом местных условий, уклада и обычаев.

2. Материалы и методы

Необходимая информация для темы исследования была получена на основе анализа материалов ЦГАТ – Центрального государственного архива Туркменистана (фонд 1 – «Канцелярия начальника Закаспийской области») (Ашхабад, Туркменистан). Особый интерес в данном фонде вызвало изучение приказов закаспийской администрации, отчётов военных и гражданских чиновников относительно специфики и мер по улучшению кустарного производства коренного населения края, а также материалов, касающихся подготовки и проведения ковровых выставок на территории Закаспийской области и за её пределами.

Для рассмотрения истории коврового производства в Закаспии и мероприятий, проводимых администрацией области в целях возрождения ковроделия, большое значение имело изучение «Обзоров Закаспийской области» (ОЗО) с 1892 по 1914 г., содержащихся в них уникальных отчётов, статистических сведений, помещённых в разделе «Кустарная, заводская и фабричная промышленность».

Среди методов, используемых в исследовании, применялись те, что были продиктованы принципами объективности, всесторонности и системности, природой и характером изучаемых явлений, позволивших проанализировать ценный фактический материал, актуальный для восполнения пробелов по истории Закаспийской области и российско-туркменских отношений. В их числе:

- Историографический метод, применявшийся для содержательного анализа научных трудов по восстановлению национальных традиций ковроткачества в туркменских семьях после военного завоевания закаспийских земель;
- Метод классификации – для распределения по группам историографических источников по проблеме восстановления народных ремёсел в Закаспии согласно заданным критериям;
- Историко-системный метод – для анализа тех политических, экономических и социальных явлений, что повлияли на деятельность закаспийской администрации по развитию ковроткачества в конце XIX – начале XX в.;
- Метод синтеза – для лаконичной формулировки результатов и выводов, сделанных на заключительном этапе исследования.

3. Обсуждение

Прежде чем приступить к обсуждению вопроса о деятельности русских властей по восстановлению и сохранению традиций народного ковроткачества в Закаспии, отметим, что феномен туркменского ковра был предметом исследований как дореволюционных, советских, так и современных учёных-историков. Ценность и уникальность работ этих авторов состояла в том, что ими в исторической ретроспективе были затронуты такие малоизученные вопросы, как изучение:

- Родства народов и племён, нашедшего отражение в орнаментах среднеазиатских, в том числе туркменских ковров, и роли музеефикации в сохранении культурного наследия коренного населения Центральной Азии (Боголюбов, 1908-1909; Соегов, 2019);
- Уникальности качества и техники исполнения туркменских ковровых изделий (Куропаткин, 1899; Михайлов, 1900; Фелькерзам, 1915; Царева, 2000);
- Сакрального смысла гёлей (медальонов) на туркменских коврах – основных узоров центрального поля, – знаков туркменских племён («теке гель», «салор гель», «сарык гель»; «дырناق гель»; «кавса гель», «гулли гель», «онурга гель») (Царева, 2000);
- Причин снижения качества туркменских ковров в последней четверти XIX в. (Мошкова, 1946; Береснева, 2006);
- Значения закаспийских ковров в домашнем обиходе туркмен, их привлекательности для покупателей на российских и мировых рынках, для посетителей международных выставок (Чабров, 1949; Моммалиева, Бердиева 2024).

Материалом для настоящего исследования послужили также научные труды, посвящённые специфике национального коврового производства в Закаспии (Царева, 2000; Береснева, 2006; Гундогдыев, 2008 и др.). Вместе с тем, мероприятия закаспийской администрации по восстановлению древнейших традиций ковроделия среди коренного населения этого края в перечисленных выше работах освещались лишь фрагментарно, что подтолкнуло нас к более внимательному изучению этой проблемы.

4. Результаты

После вхождения туркменских земель в состав Российской империи и образования в 1881 г. Закаспийской области российские и иностранные купцы стали усиленно скупать туркменские ковры как для внутреннего российского рынка, так и для вывоза за границу (Чабров, 1949). Спрос на эти уникальные изделия, сотканые ещё до вхождения края в состав Российской империи, был связан с

их превосходным качеством и уникальной, непревзойдённой красотой. Однако, после присоединения края к России, было зафиксировано ухудшение качества выпускаемых ковров, что было обусловлено подрывом сырьевой основы коврового производства. Среди главных причин падения качества этих изделий выделялись:

- Сокращение поголовья скота в результате закаспийских экспедиций в 1872–1881 гг. (вынужденное предоставление сотен верблюдов для транспортировки военных грузов и тысяч овец для солдатской походной кухни);
- Нарушение привычного для коренного населения образа жизни (вынужденное переселение скотоводов-туркмен в соседние районы Ирана и Афганистана);
- Переход части оставшихся скотоводов края к оседлому образу жизни, прибавление в связи с этим у женщин-туркменок, создательниц уникальных ковровых шедевров, массы работы по сбору хлопка, садоводству, огородничеству, другим полевым работам, выпавших на их долю (Довлетов, Ильясов, 1972: 63-64).

Все эти нововведения едва не уничтожили совершенствуемое столетиями ковровое мастерство, равного которому не было во всём мире.

Вместе с тем, ковроткачество, возникшее среди местных жителей в незапамятные времена, могло быть более устойчивым к различным внешним влияниям, чем земледелие, успехи которого подвергались большому риску вследствие резко-континентального климата, сопровождавшегося засухой, безводьем, нашествием саранчи и т.д. К тому же выделкой ковров и их продажей можно было всегда наверстать упущенные доходы, чем от выращивания агрокультур (ОЗО за 1902 год, 1903: 83). Однако сокращение пастбищ в результате военных действий (1872–1881 гг.), внедрение хлопководства после установления в области российской власти привели к значительному сокращению ковроткачества в аулах Мервского, Асхабадского и других уездов. Подобная практика сложилась и в западных районах Закаспия, несмотря на сохранение лучших пастбищ в речных долинах Сумбара, Атрека, Чендира. Но это были временные, в основном адаптационные трудности. К ним прибавились и другие, связанные с коммерциализацией коврового производства.

В последнее десятилетие XIX столетия Мервский оазис превращается в главный центр по производству более половины всех туркменских (текинских¹) ковров, производимых в области, а г. Мерв – в крупнейший центр по их реализации. Подъём в продаже ковров был зафиксирован и в других регионах Закаспия. Так, если в 1891 г. в Красноводском уезде было реализовано ковровых изделий на 94 000 руб., то в 1895 г. эта сумма поднялась до 128 211 руб. В одном только Карра-Калинском приставстве этого уезда производство ковров за период с 1891 по 1895 г. выросло с 40 единиц до 460 (История Туркменской ССР, 1957: 172).

С развитием скотоводческого хозяйства и разведением специальной породы овец росла и база для дальнейшего развития ковроделия. Однако за увеличением производства ковров, в связи с ростом спроса на них, последовало заметное падение их качества. Если в прежние времена каждая туркменская семья делала ковёр не торопясь, исключительно для себя, для своих домашних нужд, приданного, уплаты калыма², или, в крайнем случае, для натурального обмена, то теперь ковры производились поспешно, почти исключительно на продажу. Если ранее каждый ковёр был неподражаем, единичен и ценен благодаря вложенному в него мастерству, то теперь стал предметом торговли, подчинившись универсальной предпринимательской формуле – «быстрее и больше». Таким образом, вследствие стремления к наиболее выгодному сбыту туркменских ковров, производство их увеличивалось, а качество заметно ухудшалось (ОЗО за 1896 год, 1898: 66-71).

К различным причинам падения качества ковров (несвоевременная стрижка овечьей шерсти, торопливость в процессе прядения нитей, поспешность исполнения коврового полотна, внедрение модных, но чуждых национальному орнаменту элементов) добавились новые. Среди них, прежде всего, – малая доступность коренному населению натуральных красителей.

Растительные краски высокого качества, ввозимые ранее из Индии, Ирана и Бухары, стали уступать место более дешёвым, химическим. Сам же процесс окраски шерсти из-за дороговизны и трудностей в окрашивании стал поручаться зачастую красильщикам, заменявшим старые, проверенные временем прочные краски на линяющие, анилиновые. Замена красок на дешёвые химические не только ухудшила качество текинских ковров, но и лишила их эстетической привлекательности (чёткости рисунка, бархатистости, глубины и прозрачности цвета). При этом ковёр, созданный на основе натуральных красителей, даже со временем сохранял свой первоначальный цвет, обретая новые тончайшие, мерцающие оттенки.

Поскольку состав растительных красок, используемых ранее, был не только натуральным, но и зачастую составлял семейный секрет, передающийся от поколения к поколению, это и другие

¹ Слово «текинский» происходит от этнонима «теке» – наиболее крупного туркменского племени. Текинские ковры, в свою очередь, подразделялись на две основные группы: ахальские и мервские. Эти термины связаны с местами наиболее обширного расселения теке: Ахальский оазис – район Ашхабада, Геок-тепе и Бахардена, и восточный оазис расселения – Мары (Мерв), Байрам-Али, Теджен.

² Калым – плата у туркмен за невесту.

обстоятельства были основательно изучены научной общественностью в самом начале 1897 г., а полученные сведения подробно изложены в «Обзоре Закаспийской области» (ОЗО за 1897 год, 1898: 96). Результатом подробного изучения стало обращение начальника области в Департамент торговли и мануфактуры с просьбой указать недорогие сорта растительных красок, пригодные для окраски текинских ковров, поскольку только путём введения их в производство можно было добиться улучшения качества ковровых изделий. Департаментом для этого были собраны специальные сведения, что позволило указать на растительные красители: индиго или индиго-кармин, сандалы (жёлтый или кверцитронный, фиолетовый, красный, синий или комоловый), а также их экстракты. Несмотря на то, что эти сравнительно недорогие краски требовали, кроме индиго или индиго-кармина, предварительных протрав, они, тем не менее, отличались прочностью.

Падение качества текинских ковров, вызванное не только дефицитом растительных красок, хорошей шерсти, но и отсутствием возможности воспользоваться мелким кредитом для их приобретения, всерьёз обеспокоило закаспийскую администрацию (История Туркменской ССР, 1957: 171-172). Она решила осуществить практические шаги по поддержанию и развитию этой ценной и чрезвычайно важной отрасли местного производства, приносившей не только населению, но и государственной казне заметный доход. Более того, к качеству текинских ковров проявляли интерес и первые лица государства. Так, при посещении в Москве 19 мая 1891 г. Среднеазиатской выставки Александром III и Марией Федоровной, императрицей был приобретён мервский ковёр (ОЗО за 1892 год, 1893: 208)¹. При посещении Нижегородской выставки 18 июля 1896 г. Николай II совместно с Государыней императрицей изволили не только обратить внимание на текинские ковры, но и похвалить их за красоту и качество (ОЗО за 1896 год, 1898: 71)². Кроме того, Николаем II была оказана материальная помощь бывшему начальнику Закаспийской области генерал-лейтенанту А.А. Боголюбову (1898–1901 гг.) в издании научно-публицистической книги о туркменских коврах. Книга, выпущенная Экспедицией заготовления государственных бумаг, впервые обратила внимание широкой общественности на среднеазиатский ковёр как на исторический памятник (Боголюбов, 1908–1909). Известно также, что Боголюбовым было передано Этнографическому отделу Русского музея Александра III (в настоящее время – Этнографический музей России) 37 редчайших среднеазиатских ковров из собственной коллекции вместе с иллюстрирующим их акварельным альбомом (Соегов, 2019: 151-152).

Всесторонний анализ сложившейся ситуации с текинскими коврами, изучение позиций ценителей народного творчества, востоковедов, представителей торговых агентств подвели администрацию области к следующим действиям. Было решено: 1) запретить употребление населением анилиновых красок, использование нетрадиционных ковровых рисунков; 2) учредить премии по нескольким разрядам (степеням), а также награды за лучшие ковры, представляемые в специальную Комиссию по их оценке; 3) инициировать участие Министерства земледелия и государственных имуществ в деле восстановления и развития коврового производства в области (ОЗО за 1904 год, 1905: 57); 4) открыть склады для снабжения населения высококачественной шерстью и красками; 5) в целях ликвидации кабальных условий, навязываемых перекупщиками, выдавать шерсть и краски в долг в виде ссуды или по символическим ценам (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10765. Л. 119; ОЗО за 1904 год, 1905: 57); 6) построить образцовые мастерские для окрашивания шерсти прочными растительными красками и изготовления ковров не только в летнее, но и в зимнее время, обучать женщин ковроделию на более совершенных станках (ОЗО за 1911 год, 1915: 207); 7) поддерживать проведение ковровых выставок в России и за рубежом, организовывать ежегодные выставки в Асхабаде, Мерве, Красноводске; 8) формировать у населения «соревновательный дух и эстетический вкус», побуждать получать за свои ковровые изделия премии и награды (ОЗО за 1911 год, 1915: 208).

«Обзоры Закаспийской области», а также материалы Центрального государственного архива Туркменистана свидетельствуют о том, что благодаря этим и другим мерам туркменские ковры стали блистать на выставках: 1891 г. в Москве (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1774. Л. 666); 1896 г. в Нижнем Новгороде (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1775. Л. 675); 1902 и 1913 гг. в Санкт-Петербурге (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1801. Л. 131, 145); 1905 г. в Ташкенте (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1801. Л. 131, 145); 1908, 1909, 1910, 1911, 1915 гг. в Мерве; 1911, 1912, 1913, 1915 гг. в Асхабаде; 1912 г. в Красноводске (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10765. Л. 13, 77, 119).

Туркменские ковры оставили неизгладимый след в сознании организаторов и посетителей выставок, прошедших в Париже (1900 г.), Сан-Луи (США) (1904 г.), Берлине (1914 г.) и т.д. Судя по отчётам, помещённым в «Обзорах Закаспийской области», выставки с участием экспонатов края способствовали подъёму ковроделия, повышению спроса на ковровые изделия во всём мире.

¹ На выставке 1891 г. экспонаты края получили 37 наград: 5 золотых, 11 серебряных, 16 бронзовых медалей и 5 похвальных отзывов. Ковры получили медали с формулировкой: «За оригинальность рисунков и превосходную работу ковров».

² Экспонаты Закаспийской области получили на выставке 1896 г. 38 наград: 1 диплом 1-ой степени, 4 диплома 2-ой степени, 1 серебряную медаль, 11 дипломов 3-ей степени, 4 бронзовые медали, 3 диплома 4-ой степени и 14 одобрительных отзывов.

Текинские ковры стали для всех не только уникальным произведением народного творчества, но и абсолютным валютным товаром.

О тщательности подготовки и проведения выставок администрацией Закаспийской области можно судить на примере ковровой выставки, прошедшей 5-6 декабря 1910 г. в г. Мерве (ОЗО за 1910 год, 1913: 104-114).

Поскольку Мерв служил главным центром производства текинских ковров, ещё в начале июля 1910 г. начальник Мервского уезда обратился к начальнику области с предложением об устройстве ковровой выставки в этом городе. На проведение выставки было решено ассигновать 500 руб. из сумм Асхабадского склада шерсти и красок, включая 250 руб. на премии.

Главным управлением землеустройства и земледелия, по согласованию с Туркестанским генерал-губернатором, будущим победителям выставки были определены большая и малая серебряные медали. Выставочным комитетом была разработана, утверждённая начальником области, подробная инструкция, включавшая порядок проведения ковровой выставки, смету на её устройство и т.д. Местом проведения выставки было избрано летнее помещение гражданского собрания в городской части сада. Выбор здания осуществлялся с учётом высоты, позволявшей развешивать ковры по вертикали, а также равного для всех конкурсантов освещения.

Главным распорядителем выставки был избран помощник уездного начальника, декоратором – городской архитектор. Согласно инструкции, в их обязанности входило:

- 1) предварительный заказ билетов для посетителей, корешковых книг для регистрации принимаемых на выставку ковров;
- 2) расклеивание афиш, объявлений по г. Мерву и Мервскому уезду, распространение информации о цели и назначении выставки во всех городах, уездах и приставствах области;
- 3) приём экспонатов на территории выставки, их регистрация, включая авторство, качество и стоимость ковров;
- 4) организация охраны ковров приставскими и старшинскими джигитами во главе с начальником караула;
- 5) подготовка ковров к их презентации (пришивание колец, ярлыков, правильное развешивание в павильонах на специальных приспособлениях);
- 6) организация фотографирования премированных ковров вместе с их владельцами;
- 7) учёт правильности возвращения экспонатов их владельцам после окончания выставки;
- 9) контроль за пломбированием медных жетонов, прикрепляемых к премированным коврам с надписью «Ковровая выставка 1910 года в Мерве», Премия № ____ и т.д.

Выставка сопровождалась выступлением оркестра 14-го Туркестанского стрелкового полка. На её территории работали европейские и азиатские буфеты.

Всего на эту выставку было доставлено 140 ковровых изделий, включая мервские, пендинские, асхабадские ковры, окрашенные исключительно растительными красками. Организаторы выставки обратили внимание на недостатки и упущения, касающиеся ограниченного состава её участников. Так, несмотря на то, что в таких регионах края, как Чикишляр, Мангышлак, ковровое дело было поставлено на широкую ногу, удалённость этих районов от Асхабада и Мерва не позволила их представителям прибыть на конкурс.

6 декабря 1910 г. избранные члены Комитета после детального обсуждения пришли к выводу о награждении следующих участников конкурса:

– *Первая премия имени Его Императорского Величества* – большая серебряная медаль и 100 руб. – была присуждена за огромный ковёр более 19,5 м² туркмену аула Чорчумолок-Таймаз Мервского уезда Бабахану Мухамедову, выделанный в 1910 г. его женой Мерген-Джамал. Этот ковёр поразил своей величиной, добротностью работы и правильностью рисунка;

– *Вторая премия имени Туркестанского генерал-губернатора* – малая серебряная медаль и 100 рублей – была присуждена за ковёр 12,5 м², выставленный туркменом того же аула Курбаном Овез-Секировым, выделанный в 1910 г. женой его брата — Кулиш. Ковёр по своим достоинствам отличался от первого лишь меньшим размером;

– *Третья премия имени начальника Закаспийской области* в 75 руб. была присуждена туркмену аула Коуку-Казак-Букен Мервского уезда Анна Верды Сеид Мамедову за ковёр 10,5 м², выделанный в 1910 г. его женой Огул-Салтан;

– *Четвертая премия* в 60 рублей досталась туркмену аула Чурчумолок-Таймаз того же уезда Агаджану Кумышеву за ковёр 9,2 м², выделанный в 1910 г. его женой Айной;

– *Пятая премия* 40 руб. была присуждена туркмену аула Сали Асхабадского уезда Нияз-Клычеву за ковёр около 7,6 м², выделанный в 1910 г. его женой¹;

– *Шестой премией* в 30 руб. поощрили туркмена аула Геок-Агар Мервского уезда Курбана Юсупова за ковёр 4,2 м², выделанный в 1910 г. его женой Биби;

– *Седьмая премия* в 25 руб. была присуждена туркмену аула Коуку-Козак-Бекен того же уезда Бешеру Сарыеву за ковёр 6,1 м², выделанный в 1910 г. его женой Ай-Султан;

¹ Имя жены конкурсанта, занявшего пятое место, неизвестно.

– *Восьмой премией* в 20 руб. был поощрён туркмен аула Эрден Пендинского приставства Мервского уезда Кутуз-Бай-Одеков за ковёр 5,1 м², выделанный в 1909 г. его матерью Клыч-Джумой.

Награждение победителей состоялось 6-го декабря в 12 часов в торжественной обстановке из рук помощника начальника Закаспийской области полковника С.В. Жукова. Для этого у главного павильона был выставлен большой стол, покрытый лучшим ковром этой выставки.

В течение 5 и 6 декабря выставку посетило 462 человека. Деньги (92 руб. 40 коп.), вырученные от продажи билетов, были обращены на развитие Асхабадского ссудного склада шерсти и красок.

В 1914 г. начал свою деятельность Областной кустарный комитет, поставивший перед собой цель – способствовать всеми возможными мерами сохранению старого кустарного промысла и развитию новых, повышению качества выпускаемой продукции. В начале 1914 г. доход Закаспийской области от продажи ковров составил 1,2–1,3 млн руб. (ОЗО за 1912, 1913, 1914 годы, 1916: 97). Однако к началу Первой мировой войны ковровое ремесло стало переживать заметный упадок (Билькевич, 1926: 136–140). Многократные заверения императора со стороны закаспийских чиновников, обещавших, что ковроткачество края «воспринят, разовьется и заблещет в новых красках» (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10765. Л. 119), – явное тому подтверждение. Доказательством неубывающего интереса российского руководства к туркменским коврам в тяжёлые военные годы может служить также то, что в декабре 1915 г. за особые заслуги по ручному делу ковровщице Курбан Мухамед Нияз кызы от императора был вручен Романовский знак отличия «За труды по сельскому хозяйству» III степени (Туркменский ковер, 2025).

5. Заключение

Несмотря на то, что туркменские ковры до присоединения Закаспийского края к России были единичными творениями (создавались по всем канонам народного творчества, включая качество, время стрижки овечьей и иной шерсти, способы прядения нитей, подбор натуральных красителей, создание национальных орнаментов и всего коврового полотна), в конце XIX в. они подверглись большому испытанию. Ковёр, привлёкший внимание деловых людей, стал просто товаром. При этом многочисленные запросы на поставку оптовых партий туркменских ковров крупными фирмами могли уничтожить совершенствовавшееся веками мастерство. Торопливость в работе, замена натуральных красок химическими, внедрение в орнамент модных, но чуждых национальным традициям элементов привели к резкому упадку качества и уникальности ковровых изделий. Совместно с научной общественностью в 90-е гг. XIX в. в защиту туркменского ковра вступила администрация края. Благодаря не только запретам применения в ковроделии анилиновых красителей, нетрадиционных рисунков, но и организации выдачи специальными банками и складами ссуд на приобретение качественной шерсти и красок, популяризации ковровых изделий на международных, российских и местных выставках, материальному и моральному поощрению лучших туркменок-ковровщиц и их семей удалось не только восстановить качество туркменских ковров, но и вернуть им высокое мировое признание как чуду, покоряющему во все времена своей красотой и совершенством.

Литература

Береснева, 2006 – Береснева Л. Магия туркменского ковра // *Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования*. 2006. № 39.

Билькевич, 1926 – Билькевич С. Ковровое производство // *Весь Туркменистан*. Асхабад-Полторацк, 1926. С. 136–140.

Боголюбов, 1908–1909 – Боголюбов А.А. Ковровые изделия Средней Азии. Вып. 1. СПб., 1908–1909.

Гундогдыев, 2008 – Гундогдыев О.А. Из истории туркменского ковроделия. Ашхабад, 2008.

Довлетов, Ильясов, 1972 – Довлетов Дж., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад, 1972.

История Туркменской ССР, 1957 – История Туркменской ССР. Т. 1. Кн. 2. С начала XIX века до Великой октябрьской социалистической революции. Ашхабад: Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1957.

Куропаткин, 1899 – Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.). С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. С картами, планами, портретами и рисунками. СПб., 1899.

Михайлов, 1900 – Михайлов Ф.А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Сост. кап. Ф. А. Михайлов. / Под ред. и с предисл. нач. Закаспийск. обл. ген.-лейт. А. А. Боголюбова. Асхабад: Паровая тип. К. М. Фёдорова, 1900.

Моммалиева, Бердиева, 2024 – Моммалиева М.А., Бердиева Ш.А. Ковроделие в Закаспийском крае в конце XIX – начале XX вв. / *Гришаевские чтения: Материалы VI Международной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева, Красноярск, 29–30 ноября 2023 года*. Красноярск, 2024. С. 359–362.

- Мошкова, 1946** – Мошкова В.Г. Племенные «гёли» в туркменских коврах // Советская этнография. 1946. № 1.
- ОЗО за 1892 год, 1893** – Обзор Закаспийской области за 1892 год. Асхабад, 1895.
- ОЗО за 1896 год, 1898** – Обзор Закаспийской области за 1896 год. Асхабад, 1898.
- ОЗО за 1897 год, 1898** – Обзор Закаспийской области за 1897 год. Асхабад, 1898.
- ОЗО за 1902 год, 1903** – Обзор Закаспийской области за 1902 год. Асхабад, 1903.
- ОЗО за 1904 год, 1905** – Обзор Закаспийской области за 1904 год. Асхабад, 1905.
- ОЗО за 1910 год, 1913** – Обзор Закаспийской области за 1910 год. Асхабад, 1913.
- ОЗО за 1911 год, 1915** – Обзор Закаспийской области за 1911 год. Асхабад, 1915.
- ОЗО за 1912, 1913, 1914 годы, 1916** – Обзор Закаспийской области за 1912, 1913, 1914 годы. Асхабад, 1916.
- Соегов, 2019** – Соегов М. Чем полезным отличалась деятельность начальников Закаспийской области кроме выполнения ими своих прямых должностных обязанностей / Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике: материалы I Всероссийской с международным участием научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения А.А. Александрова (1919-2010) и 85-летию со дня рождения А.И. Суханова (1934–1989), Ижевск, 07–08 ноября 2019 года. Ижевск, 2019. С. 147-155.
- Туркменский ковер, 2025** – Туркменский ковер – визитная карточка народа / Главное архивное управление при Кабинете Министров Туркменистана. 23.05.2025.
- Фелькерзам, 1915** – Фелькерзам А.Е. Старинные ковры Средней Азии / Бар. А.Е. Фелькерзам. Петроград: Ежемесячник «Старые годы», 1915.
- Царева, 2000** – Царева Е.Г. Искусство ковроделия и культурное наследие Туркменистана // Культурное наследие Туркменистана. Ашгабат–СПб., 2000. С. 202-205.
- ЦГАТ** – Центральный государственный архив Туркменистана.
- Чабров, 1949** – Чабров Г.Н. История музейного дела в Средней Азии в дореволюционный период. Ташкент, 1949.

References

- Beresneva, 2006** – Beresneva, L. (2006). Magiya turkmenskogo kovra [The magic of the Turkmen carpet]. Zhurnal «Antikvariat, predmety iskusstva i kollekcionirovaniya». № 39. [in Russian]
- Bil'kevich, 1926** – Bil'kevich, S. (1926). Kovrovoye proizvodstvo [Carpet production]. Ves' Turkmenistan. Ashkhabad-Poltorack. Pp. 136-140. [in Russian]
- Bogolyubov, 1908–1909** – Bogolyubov, A.A. (1908–1909). Kovrovye izdeliya Srednej Azii [Carpet products of Central Asia]. Vyp. 1., SPb. [in Russian]
- Chabrov, 1949** – Chabrov, G.N. (1949). Istoriya muzejnogo dela v Srednej Azii v dorevolucionnyy period [The history of museum business in Central Asia in the pre-revolutionary period]. Tashkent. [in Russian]
- Dovletov, Il'yasov, 1972** – Dovletov, Dz., Il'yasov, A. (1972). Prisoedinenie Turkmenii k Rossii [Turkmenistan's accession to Russia]. Ashkhabad. [in Russian]
- Fel'kerzam, 1915** – Fel'kerzam, A.E. (1915). Starinnye kovry Srednej Azii [Antique carpets of Central Asia]. Petrograd: Ezheimesyachnik «Starые годы». [in Russian]
- Gundogdyev, 2008** – Gundogdyev, O.A. (2008). Iz istorii turkmenskogo kovrodeliya [From the history of Turkmen carpet making]. Ashkhabad. [in Russian]
- Istoriya Turkmensoj SSR..., 1957** – Istoriya Turkmensoj SSR [History of the Turkmen SSR]. T. 1. Kn. 2. S nachala XIX veka do Velikoj oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii. Ashkhabad: Izd-vo Akademii nauk Turkmensoj SSR, 1957. [in Russian]
- Kuropatkin, 1899** – Kuropatkin, A.N. (1899). Zavoevanie Turkmenii (Pohod v Ahal-teke v 1880–1881 gg.) [The conquest of Turkmenistan (Campaign in Akhal-tek in 1880-1881)]. S ocherkom voennyh dejstvij v Srednej Azii s 1839 po 1876 g. S kartami, planami, portretami i risunkami. SPb. [in Russian]
- Mihajlov, 1900** – Mihajlov, F.A. (1900). Tuzemcy Zakaspijskoj oblasti i ih zhizn' [Natives of the Transcaspian region and their life]. Sost. kap. F.A. Mihajlov. Pod red. i s predisl. nach. Zakaspijsk. obl. gen.-lejt. A.A. Bogolyubova. Ashkhabad: Parovaya tip. K.M. Fyodorova. [in Russian]
- Mommalieva, Berdieva, 2024** – Mommalieva, M.A., Berdieva, Sh.A. (2024). Kovrodelie v Zakaspijskom krae v konce XIX-nachale XX vv. [Carpet-making in the Transcaspian region in the late nineteenth and early twentieth centuries]. Grishaevskie chteniya: Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora, zaslužennogo rabotnika vysshej shkoly V.V. Grishaeva, Krasnoyarsk, 29-30 noyabrya 2023 goda. Krasnoyarsk. Pp. 359-362. [in Russian]
- Moshkova, 1946** – Moshkova, V.G. (1946). Plemennye "göli" v turkmenskih kovrah [Tribal "ghali" in Turkmen carpets]. Sovetskaya etnografiya. № 1. [in Russian]
- ОЗО за 1892 год, 1893** – Обзор Закаспийской области за 1892 год [Overview of the Transcaspian region in 1892]. Ashkhabad, 1893. [in Russian]

- [OZO za 1896 god, 1898](#) – Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1896 god [Overview of the Transcaspian region in 1896]. Askhabad, 1898. [in Russian]
- [OZO za 1897 god, 1898](#) – Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1897 god [Overview of the Transcaspian region in 1897]. Askhabad, 1898. [in Russian]
- [OZO za 1902 god, 1903](#) – Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1902 god [Overview of the Transcaspian region in 1902]. Askhabad, 1903. [in Russian]
- [OZO za 1904 god, 1905](#) – Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1904 god [Overview of the Transcaspian region in 1904]. Askhabad, 1905. [in Russian]
- [OZO za 1910 god, 1913](#) – Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1910 god [Overview of the Transcaspian region in 1910]. Askhabad, 1913. [in Russian]
- [OZO za 1911 god, 1915](#) – Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1911 god [Overview of the Transcaspian region in 1911]. Askhabad, 1915. [in Russian]
- [OZO za 1912, 1913, 1914 gody, 1916](#) – Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1912, 1913, 1914 gody [Overview of the Transcaspian region in 1912, 1913, and 1914]. Askhabad, 1916. [in Russian]
- [Soegov, 2019](#) – *Soegov, M.* (2019). Chem poleznym otlichalas' deyatel'nost' nachal'nikov Zakaspijskoj oblasti krome vypolneniya imi svoih pryamyh dolzhnostnyh obyazannostej [What was the useful difference between the activities of the heads of the Transcaspian region besides the fulfillment of their direct official duties]. *Aktual'nye problemy regional'noj istorii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istoricheskoy dinamike: materialy I Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.A. Aleksandrova (1919-2010) i 85-letiyu so dnya rozhdeniya A.I. Suhanova (1934-1989), Izhevsk, 07-08 noyabrya 2019 goda*. Izhevsk. Pp. 147-155. [in Russian]
- [Tsareva, 2000](#) – *Tsareva, E.G.* (2000). Iskustvo kovrodeliya i kul'turnoe nasledie Turkmenistana [Carpet-making art and cultural heritage of Turkmenistan]. Kul'turnoe nasledie Turkmenistana. Ashgabat–Spb. Pp. 202-205. [in Russian]
- [TsGAT](#) – Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Turkmenistana [Central State Archive of Turkmenistan].
- [Turkmenskij kover..., 2025](#) – *Turkmenskij kover – vizitnaya kartochka naroda* [The Turkmen carpet is a visiting card of the people]. Glavnoe arhivnoe upravlenie pri Kabinete Ministrov Turkmenistana. 23.05.2025. [in Russian]

Деятельность русских властей по восстановлению и сохранению традиций народного ковроткачества в Закаспийской области Российской империи

Илья Исакович Аминов ^{a, *}

^a Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Исследование посвящается ковровому производству – одному из наиболее известных кустарных промыслов туркменского народа, пронёсшего секреты ковроткачества через века и тысячелетия. Красота и изящество туркменских ковров, чистота красок, прочность ткани, симметрия рисунков и фигур во все времена не только завораживали самых тонких ценителей восточного искусства, но и делали туркменские ковры желанным экспонатом на выставках во всём мире, предметом восторженных оценок всех посетителей. Автором отмечается, что после вхождения туркменских земель в состав Российской империи и преодоления цивилизационной замкнутости в жизни коренного населения, предприниматели разных мастей начали усиленно скупать, в целях перепродажи на внутренних российских и зарубежных рынках, лучшие ковровые изделия, сотканые ещё до присоединения края. Ковровый бум привёл также к появлению предприимчивых заказчиков, повлиявших на значительное ускорение в туркменских селениях коврового производства в ущерб его традиционному качеству. Несмотря на то, что начиная с середины 90-х годов XIX столетия города Мерв и Асхабад стали крупными центрами торговли туркменскими (текинскими) коврами, а главным их производителем – Мервский оазис, падение качества текинских ковров под влиянием предпринимательства и потребностей рынка всерьёз беспокоило администрацию Закаспийской области, которая стала предпринимать решительные меры по поддержанию и развитию этой ценной и чрезвычайно важной отрасли местного производства. В статье анализируются эти меры, которые, по мнению автора, представляют научный интерес для восполнения пробелов по истории Закаспийской области и российско-туркменских отношений.

Ключевые слова: Закаспийская область, администрация, ремесло, традиция, культура, ковроделие, техника исполнения, мастерство.

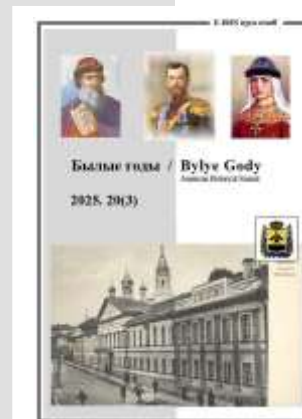
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: aminovii@mail.ru (И.И. Аминов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1485-1494
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1485

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Imperial Orthodox Palestine Society and the Public Sphere of the Russian Province (Based on Materials from the Penza Department)

Olga A. Sukhova ^{a, *}

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

Based on an analysis of materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, this article examines the factors, content, specific features, and outcomes of the establishment and development of the Penza department of the Imperial Orthodox Palestine Society.

In the author's interpretation, the history of this public organization appears as a predetermined pattern of partnership between the state and society, externally initiated as an adaptive resource for assimilating the values of civil society. The subsequent evolution of this new element of the provincial public sphere followed a trajectory of democratizing its social composition and strengthening the position of the clergy. This is evidenced by the formal withdrawal of the governor from the management structure and the reduced presence of civic elements independent from the diocesan leadership.

At the same time, while remaining "diocesan" in character, the local department became the largest organization in the province with a cultural, educational, and spiritual-moral focus. It played a leading role in engaging the local population in processes of solidarity and the formation of national identity, particularly through organizing Palestine Readings and collecting donations.

The department's membership grew steadily until the early 20th century. However, with Russia's entry into the war with Japan and the deepening internal crisis of social systems, there was a decline in both new memberships and donations. The society managed to regain its former standing by the beginning of the second decade of the 20th century. The year 1913 was especially significant in terms of building communication networks and developing a multi-level system for holding Palestine Readings (from the provincial center to district towns and individual settlements). In the post-revolutionary period, a notable and independent area of the association's activity became the organization of pilgrimages (through the sale of pilgrimage booklets).

Keywords: Imperial Orthodox Palestine Society, Penza department, turn of the 19th – beginning of the 20th centuries, practices of spiritual and moral service, public sphere.

1. Введение

В российском национальном самосознании «Русская Палестина» выступает безусловным Местом Памяти, отражением учредительного мессианского мифа и потому обладает непреходящим мемориальным и историческим значением. Актуальность обращения к изучению присутствия России на Ближнем Востоке и деятельности Императорского Православного Палестинского Общества (далее – ИППО) возрастает в условиях очередного витка геополитической нестабильности в территориальном средоточии генезиса человеческой цивилизации. Сложившись первоначально во многом как личная инициатива В.Н. Хитрово и отца Антонина (Капустина), идея солидаризации российского общества в деле обретения и сохранения исторической памяти нашла отклик и поддержку среди членов Императорской фамилии и высокопоставленных чиновников.

* Corresponding author

E-mail addresses: savtemp@yandex.ru (O.A. Sukhova)

В противостоянии Министерства иностранных дел (как известно, А.М. Горчаков реализацию подобных проектов не одобрял) и Обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева ([Степашин, 2023: 12-13](#)) сложилось социально-государственное партнёрство, принявшее на себя обязательство, ни много ни мало, соединить научную, культурно-просветительскую и религиозную траектории социального запроса на обращение к духовным истокам российской цивилизации.

Спустя десятилетие организационного и институционального становления в деятельности ИППО наступает этап формирования сети региональных отделов. Идею масштабирования подобных практик духовного и социального служения М.Ю. Нечаева приписывает известному пермскому общественному деятелю Д.Д. Смышляеву, одному из членов-учредителей Палестинского общества. Ещё в 1884 г. он подал в Совет Общества ходатайство об открытии отделов в городах Российской империи. В 1885 г. эта инициатива была высочайше утверждена в дополнительной статье к Уставу Общества ([Нечаева, 2017: 123-124](#)). Тем не менее, реальные шаги в этом направлении предпринимаются только в начале 1890-х гг.

Следует отметить, что изначально ИППО формировалось как светское негосударственное объединение представителей российской аристократии, военной, высшей гражданской бюрократии и интеллектуальной элиты: на момент его создания в состав членов-учредителей не вошли ни сотрудники МИД, ни Святейшего Синода, ни Русской Православной Церкви (хотя многие уже со дня создания стали почётными членами Общества) ([Члены-учредители..., 2012: 9](#)). В российской же провинции статус организационного центра был закреплён за местными епархиями. Так, первый отдел ИППО появился в 1893 г. в Якутской епархии ([Православное..., 2012: 75](#)). Спустя год, 13 мая 1894 г., избранием председателя – Преосвященного Павла (Вильчинского), епископа Пензенского и Саранского, и его товарища – пензенского губернатора А.А. Горяйнова завершился учредительный период в истории Пензенского отдела ([Хижняк, 2019: 55](#)). Обращение к истории отдела раскрывает региональную специфику регулирования публичной сферы в условиях российской модернизации на рубеже XIX – XX вв.

2. Материалы и методы

Массив исторических данных сформирован на основе делопроизводственной документации Пензенского отдела ИППО (деловая переписка, заявления о приёме, ежегодные отчёты, персональные данные, статистические сведения), выявленной в Архиве внешней политики Российской империи ([АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 1. Д. 725, 726. Оп. 2. Д. 90](#)) (Москва, Российская Федерация). Материалы по Пензенскому отделу ИППО вводятся в научный оборот впервые. Кроме того, достаточно подробно деятельность отдела освещалась в местной епархиальной периодике ([Открытие Отдела..., 1894; По поводу..., 1894](#)).

В общем контексте изучения роли ИППО в деле становления публичной сферы особый интерес вызывает реконструкция протокола инициации региональных («епархиальных» – «действия отдела распространяются на всю епархию»; [Руководящие правила..., 1901: 12](#)) отделов. Председатель ИППО, Великий князь Сергей Александрович, обращался с рескриптом на имя епархиального владыки, в котором с отсылкой к данным о росте ежегодных «вербных сборов» в пользу ИППО (проходивших опять-таки по специальному рескрипту председателя), а, следовательно, о сочувствии прихожан к целям общества, рекомендовалось учредить местное отделение ([Балдин, 2012: 9-11](#)). Помимо фиксации хронотопа возникновения отдела, деловая переписка по этому поводу позволяет воспроизвести алгоритм усвоения установок и практик самоорганизации – основы формирования публичной сферы. Так, в письме к Преосвященному Павлу Председатель ИППО Великий князь Сергей Александрович Романов отметил: «С особым удовольствием ознакомился я из ответа Вашего на мой рескрипт [от 8 декабря 1893 г. за № 61; в нем глава ИППО “признал желательным открытие отдела в Пензе на основании утвержденных 2 марта 1885 г. правил”] от 30 декабря 1893 г.»; «одобренные мною правила по вербному сбору на 1894 г.»; «и мне было бы крайне желательно открытие такого отдела в Пензе» ([АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 725. Л. 1, 4](#)).

Выбор методологии исследования обусловлен обращением к теоретическим наработкам в области историко-антропологического, организационно-институционального и системного подходов, переходом к современным интерпретациям гражданского общества в формате теории коммуникативного действия и социальной идентичности ([Хабермас, 2013: 249](#)).

Создание и деятельность Пензенского отдела ИППО предстоит рассмотреть в контексте модернизации публичной сферы российской провинции и институционализации элементов гражданского общества, а также как фактор развития идентичности посредством применения историко-генетического, историко-типологического, историко-системного методов, а также метода исторической реконструкции. В этой связи инновационный формат социально-политического партнёрства и, одновременно, утверждения имперского мессианского мифа как скрепообразующей национальной идеи будут представлены через анализ организации Палестинских чтений, поддержки паломничества в Святую Землю и тиражирования практик духовно-нравственного подвижничества.

3. Обсуждение

Современный этап развития историографии ИППО связан с началом концептуализации проблемы и выходом на уровень диссертационных исследований в начале XXI в. Основоположителем научной традиции следует назвать Н.Н. Лисового, члена Российского Палестинского Общества (РПО) с 1974 г., более сорока лет своей жизни посвятившего истории Палестины (защита докторской диссертации на тему российского духовного и политического присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке состоялась в 2007 г.) (Сафронов, 2023). В его понимании ИППО (в 1917 г. отказавшееся от статуса «Императорского» и вернувшееся к уставу образца 1882 г., а в 1918 г. и от наименования «Православного» и возродившее полный «титул» в 1992 г.) рассматривалось как подлинный подвиг духовного служения акторов исторической памяти и в России, и «в изгнании» (Лисовой, 2006; Лисовой, 2007; Лисовой, 2020).

Подвижником в деле сохранения культурного наследия России и Православия, организации научной деятельности, создания зарубежных и региональных отделений ИППО, развития российского религиозного паломничества можно без преувеличения назвать С.Ю. Житенев (член ИППО с 2001 г., член Совета и учёный секретарь МОО «ИППО») (Соловьев, 2023: 210). В сфере научных интересов исследователя – цивилизационное присутствие России в мире, история паломнической деятельности ИППО, роль личности в истории Общества, история региональных отделов (Житенев, 2021; Житенев, 2017; Житенев, 2024 и др.). С.Ю. Житенев выступил научным редактором и автором многих статей, в том числе по истории Пензенского отдела, в Энциклопедии Императорского Православного Палестинского Общества (Житенев, 2022).

Второе и третье десятилетия XXI в. отмечены общей тенденцией к регионализации проблематики и ростом исследовательского интереса к культурно-антропологическим аспектам (Балдин, 2012; Нечаева, Микитюк, 2014; Shkvaryay et al., 2022 и др.). Динамика исследовательских предпочтений развивается от создания исторических нарративов о становлении местных отделов (Хижняк, 2019) до историографических исследований (Горайко, 2022), истории паломничества (Якушев, 2018), массовой культурно-просветительской деятельности местных отделов (Цысь, Цысь, 2023).

Значимым и актуальным направлением научных исследований выступает разработка истории местных отделов ИППО в контексте становления публичной сферы российской провинции, развития общественного движения по активизации церковной жизни, вовлечению населения в процесс солидаризации и коллективные формы деятельности (Нечаева, 2017). Вместе с тем, этот аспект культурного наследия ИППО пока ещё практически не разработан.

4. Результаты

Одним из ключевых факторов публичной сферы российской провинции во второй половине XIX в., вслед за либерализацией российского общества под влиянием реформ 1860–1870-х гг., выступает переосмысление традиционной стратегии духовно-нравственного служения, закрепление первенства и лидирующих позиций в деле освоения новых паттернов социального взаимодействия за местной элитой. В этом контексте наиболее востребованной оказалась миссия защиты Православных святынь Востока как исходного кода национальной идентичности. Так, участие известной пензенской благотворительницы М.М. Киселевой в содействии целям Русской духовной миссии в Иерусалиме прослеживается с 1850-х гг. В общей сложности Киселева пожертвовала на помощь православным бедным Болгарии, Греции, Палестины 100 тыс. руб., ИППО – 50 тыс. руб., РДМ – 25 тыс. руб. (Лисовой, 2022: 367). В конце 1870-х – 1880-е гг. она оказывает духовную и финансовую поддержку по возведению двух православных храмов на Святой Земле (Головина, 2014: 97–99). В первый же год деятельности ИППО Киселева подала заявление на вступление в Общество и внесла единовременно 1000 рублей, а в 1884 г. была удостоена знака Православного Палестинского Общества со званием действительного члена (Головина, 2014: 102, 105).

Социальный запрос на формирование гражданского общества и новой идентичности проявился в стремлении В.Н. Хитрово создать частный “Palestina exploration fund” (в противовес официальному учреждению) с целью изучения Святой Земли, поддержания российских паломников и «русского элемента» в Палестине. В этом же ключе можно рассмотреть и создание региональных отделов ИППО. При этом спецификой распространения соответствующих практик выступит закрепление модели социально-государственного партнёрства, когда призыв к побуждению гражданской инициативы будет исходить от особ Российского императорского дома. Монаршей волей в рескриптах Председателя Общества о «желательности» учреждения отделов организационные полномочия были возложены на епархиальное начальство. В Пензе создание отделения Палестинского Общества становится одним из первых начинаний епископа Павла (Вильчинского), возглавившего епархию 13 ноября 1893 г. и получившего рескрипт Великого князя 8 декабря. К месту своего нового служения епископ прибыл 23 декабря, и, по случайному стечению обстоятельств, именно на этот день приходится получение архиереем почётного знака члена Палестинского Общества (Горайко, 2024: 71; АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 725. Л. 3). Итогом переговоров с губернатором А. А. Горяйновым и городскими властями становится проведение общего собрания на предмет открытия Пензенского отделения. Как сообщал епископ в телеграмме на имя Великого князя Сергея Александровича от

31 января 1894 г., «30 января состоялось собрание представителей разных учреждений г. Пензы до сорока лиц; все собравшиеся лица единогласно признали возможным открытие Пензе отделения Палестинского общества, причем, изъявили желание быть членами общества. Благоволите Ваше Высочество разрешить открытие отделения общества удостоив его милостивейшим покровительством» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 725. Л. 2-3). В числе поименованных в документах 33-х участников собрания (Павел в этом списке не указан) встречаем пензенского губернатора, генерал-майора А.А. Горяйнова; городского голову Н.Т. Евстифеева; настоятеля Пензенского Спасо-Преображенского мужского монастыря архимандрита Кирилла; члена Духовной консистории протоиерея Г.С. Соколова; купцов К. Васильева и И.Е. Грошева; действительного статского советника М.И. Робустова; ректора Духовной семинарии протоиерея М.К. Знаменского; преподавателя семинарии К.Н. Королькова; инспектора гимназии, статского советника Н.А. Беляева; директора народного училища, действительного статского советника С.П. Никольского; старосту Кафедрального собора, купца В.А. Вярвильского и др. (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 725. Л. 5-5 об.). По социальному составу отметим представительство духовенства, чиновной бюрократии, администраторов от образования и купечества: из 33 участников собрания Пензенскую епархию представляли 12 человек; органы власти и управления – 10; учреждения образования, в том числе и духовного – 7, купечество – 4 человека.

Необходимо учесть, что согласно «Дополнения к Уставу», представительства на местах могли быть открыты при условии проживания в регионе не менее 10 членов ИППО (Руководящие правила..., 1901: 12). Условие это легко выполнялось, что следовало из рескрипта Великого князя, тем не менее, в составе участников организационного собрания мы никого из членов Общества не встречаем (Горайко, 2024: 71-74). Указанное обстоятельство объясняется не столько нехваткой времени для поиска ветеранов Общества, сколько статусом самого мероприятия, призванного отразить зрелость гражданских институтов российской провинции и соответствие социальной структуре членов-учредителей ИППО.

Датой завершения этапа становления Пензенского отдела ИППО следует назвать 13 мая 1894 г., когда на очередном собрании членов-учредителей «на квартире епископа» состоялись выборы должностных лиц и руководящего органа – постоянно действующего совета в составе 12 человек. Председателем отдела был избран епископ Пензенский и Саранский Павел (Вильчинский), товарищем председателя – губернатор А.А. Горяйнов, в состав совета вошли: настоятель Пензенского Спасо-Преображенского мужского монастыря архимандрит Кирилл; кафедральный протоиерей К.Ф. Смирнов; член Духовной консистории протоиерей Г.С. Соколов; М.К. Знаменский; инспектор Духовной семинарии священник В. Успенский; С.П. Никольский; Н.Т. Евстифеев; директор учительской семинарии И.Е. Беликов; смотритель Пензенского духовного училища священник П.А. Позднев; инспектор гимназии, статский советник Н.А. Беляев; смотритель Тихоновского духовного училища, статский советник И.Е. Гиляровский; секретарь Духовной консистории Н.И. Шелутин (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 725. Л. 10-11).

А.А. Горяйнов при вступлении в Общество внёс единовременно 500 руб. и получил статус пожизненного действительного члена. Члены совета по степени своего финансового участия вошли в категорию действительных с внесением ежегодного взноса в размере 25 руб. (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 725. Л. 9).

Состав отдела постоянно пополнялся новыми членами, и если на момент открытия в губернии насчитывалось только 12 членов ИППО, то за период с 24 мая по 1 июля 1894 г. заявления о вступлении в Общество подали 58 человек, в том числе и два крестьянина в статусе членов-сотрудников с уплатой ежегодно в кассу Общества не менее 10 рублей членских взносов: И. Дадонов и Н. Кузнецов. В декабре 1896 г. Павел ходатайствовал перед Советом Палестинского Общества «о причислении» в члены-сотрудники и «выдаче знака и диплома» крестьянину с. Голицына Нижнеломовского уезда Пензенской губернии Г.А. Овечкину «за выражение религиозно-благотворительного почитания Святых Мест Палестины и сострадательного сочувствия к нуждам тамошних православных христиан» и внесении единовременного денежного взноса в 200 руб. (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 725. Л. 172).

Согласно Руководящим правилам (Руководящие правила..., 1901: Приложение 1), в своём заявлении члены Общества указывали избранное направление социального служения: отделение поддержания Православия на Святой Земле (это выбор подавляющего большинства членов Пензенского отдела в 1894 г.); отделение пособия русским паломникам; и отделение учёных исследований и изданий. Последнее направление выбрали при вступлении: К.Н. Корольков, Н.А. Беляев, князь Д.В. Друцкой-Соколинский (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 725. Л. 20-21 об.).

В дальнейшем ряды Пензенского отдела будут прирастать в основном представителями духовенства. В первую очередь, это касалось управленческого звена. Так, в октябре 1894 г. в Общество вступили все благочинные Пензенской епархии. Членами-сотрудниками с единовременным взносом в 200 рублей в 1894–1898 гг. стали настоятельницы всех женских монастырей Пензенской епархии: Краснослободского Успенского женского монастыря – игуменья Евстолия; Керенского Тихвинского женского монастыря – игуменья Анастасия; Краснослободского Троицкого женского монастыря –

игуменья Феофания; Нижнеломовского Успенского женского монастыря – игуменья Евпраксия; Куриловского Тихвинского женского монастыря в Саранском уезде – игуменья Рафаила; Мокшанского Казанского монастыря – игуменья Таисия; Шиханского Покровского женского монастыря в Городищенском уезде – игуменья Леонида; Чуфаровского Троицкого женского монастыря Саранского уезда – игуменья Евгения; Краснослободского Успенского женского монастыря – игуменья Евагрия; Тихвинского общежитийного монастыря Саранского уезда – игуменья Серафима; Мокшанского Казанского женского монастыря – игуменья Маргарита (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 725. Л. 30, 48, 92, 116, 150, 163, 185, 186, 232; Д. 726. Л. 44). В 1896 г. подали заявления о вступлении в Общество настоятели большинства пензенских церквей. Настоятельница Параскево-Вознесенской женской обители в Инсарском уезде игуменья Евпраксия была удостоена звания пожизненного действительного члена, уплатив единовременный взнос в размере 500 руб. (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 725. Л. 99, 120).

«За полезные труды» по отделу члены ИППО могли быть удостоены высоких званий и без значительных пожертвований. Так, 18 декабря 1899 г. протоиерей Н.А. Любимов и преподаватели Духовной семинарии Н.К. Смирнов и К.Н. Корольков были награждены: первый – званием пожизненного действительного члена, а последние – званием пожизненных членов-сотрудников за многолетнее подвижничество по организации Палестинских чтений (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 726. Л. 146).

Деятельность епархиального отдела ИППО можно представить в качестве важного адаптационного ресурса, способствовавшего активизации церковной жизни и реактуализации православного компонента национальной идентичности. Гражданские инициативы (духовные и светские) по сохранению Палестинских Святынь и памяти о них исподволь формировали мотивы и паттерны социальной ответственности, способствовали росту общего уровня культуры населения (распространение знаний в области истории религии, географии, этнологии, геополитики, развитие мемориальной культуры и т. д.), вносили новые элементы (в технологическом и содержательном ключе) в организацию повседневной жизни российской глубинки. Основными ресурсами достижения высоких целей выступали: организация Палестинских чтений; сбор пожертвований на обеспечение благотворительно-просветительских учреждений в Святой Земле (школ, больниц, приютов, подворий для паломников); непосредственная популяризация и сопровождение паломнических поездок в Святую Землю. Весьма эффективной была практика распространения в приходах епархии сборных листов, приносившая ежегодно в кассу отдела до 1500 руб. (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 2. Д. 90. Л. 10).

При сохранении элитарного характера ассоциации, мы наблюдаем значительный (для публичной сферы губернии) рост численности ИППО на протяжении первого десятилетия деятельности ассоциации. Так, к 1 марта 1896 г. в обществе состояло уже 130 членов, в том числе: с единовременным взносом – 13, с ежегодным – 116 и один не по взносу – почётный член, и, в том числе, по сословиям: монашествующих – 15, белого духовенства – 76, чинов военных и гражданских ведомств – 27, купцов – 10, крестьян – 2 (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 2. Д. 90. Л. 34). Посредством организации Палестинских чтений в процессы внесловной солидаризации включаются значительные слои населения (минимальная оплата за посещение мероприятий, участие хоровых коллективов, применение «туманных картин»). Так, в декабре 1896 г. в г. Пензе в помещении Городской Думы состоялись два вечерних чтения, сопровождавшиеся туманными картинами с видами Святой Земли и выступлением архиерейского хора (прозвучал концерт Д.С. Бортнянского «Господь просвещение мое»). Ведущими лекторами чтений стали преподаватели Духовной семинарии: К.Н. Корольков и Н.К. Смирнов, подготовившие статьи-доклады о паломничестве российских подданных в Святую Землю и о деятельности Императорского Православного Палестинского Общества. По воскресным дням Великого Поста назначались дневные чтения о Св. Земле в Петропавловском и уездном училищах. В этом году «было сделано распоряжение» (фактор побуждения со стороны епархиального начальства) о проведении чтений в уездных городах. Мероприятия состоялись в гг. Чембаре, Наровчатке, Керенске и Городище. Численность посетителей чтений доходила до 350–700 человек. В итоге сбор пожертвований за отчётный год (отчёт предоставлялся за период с 1 марта по конец февраля; а с 1913 г. – с 1 января по 31 декабря) составил 5145 руб. 98 коп., что превышало поступления 1895 г. на 428 руб. 66 коп. (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 2. Д. 90. Л. 40–42).

В 1905–1907 гг. происходит обвальное сокращение членства в ИППО. Так, на 1 марта 1902 г. в составе отдела было учтено 149 членов, на 1 марта 1906 г. – 118, а к 1 марта 1907 г. – 95 членов: новых заявлений не поступало, некоторые члены выбыли «за смертью или невнесением членских взносов» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 2. Д. 90. Л. 128, 205–205об.). Резко сокращается и поступление благотворительных пожертвований, что объяснялось влиянием Русско-японской войны, «повсеместным по епархии недородом хлебов, аграрными беспорядками, массовыми волнениями, усиленной агитацией злонамеренных людей, мнимых ревнителей народного блага и равенства» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 2. Д. 90. Л. 183, 195).

Серьёзными вызовами для деятельности Общества стали: «война Турции с Балканскими государствами» и эпидемия холеры, охватившая регион, вследствие чего в 1912 г. паломничество в

Святую Землю было запрещено. И только 20 июня 1913 г., ввиду окончания военных действий и установления устойчивого пароходного сообщения с портами Средиземного моря через Дарданельский пролив, «канцелярия Палестинского общества» попросила «возобновить продажу паломнических книжек для проезда в Иерусалим и на Афон». С этого времени до 1 января 1914 г. в Пензенском отделе было продано 17 книжек для поездки в Иерусалим на сумму 960 руб. 50 коп. В прежние годы продавалось до 40 книжек (специальный раздел «Паломничество в Св. Землю» появляется в отчётах местного отдела в 1911 г.; [АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 2. Д. 90. Л. 10 об.; 272об.-273](#) и т. д.).

Управление делами отдела носило децентрализованный характер. В течение года проходило, как правило, лишь одно общее собрание (в апреле) для утверждения отчёта за прошедший год («в покоех председателя», «после божественной литургии и благодарственного молебствия в Крестовой церкви при Архиерейском доме») ([АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 2. Д. 90. Л. 30б.](#)). Доходы отделения формировались из членских взносов; пожертвований по сборным листам, сборов на Палестинских чтениях, кружечных сборов, «случайных» пожертвований и дохода от продажи паломнических книжек. Так, в 1913 г. доход отдела составил 3511 руб. 45 коп. При этом на содержание отдела было выделено всего 281 руб., основная же сумма была направлена в Совет Палестинского Общества ([АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 2. Д. 90. Л. 100б.](#)).

Высокую оценку деятельности Пензенского отдела ИППО в своём письме на имя Преосвященного Митрофана, епископа Пензенского и Саранского от 28 марта 1911 г. дала председатель ИППО Великая княгиня Елисавета Феодоровна, сменившая на этом посту своего мужа: «Наблюдая за направлениями деятельности епархиальных отделов Императорского Православного Палестинского Общества, я не могла не обратить своего внимания на плодотворную деятельность состоящего под Вашим Архипастырским председательством Пензенского отдела общества. Отдел этот, как усматривается из представляемых им в Совет Общества ежегодных отчетов, не только энергично устрояет в епархии народные чтения и собеседования о Св. Земле, но и весьма успешно содействует привлечению добровольных пожертвований на нужды Общества посредством рассылки по всем приходам епархии особых сборных листов. Обе эти меры, ежегодно отделом осуществляемые, дали за последнее время столь утешительные результаты, что я с особенным удовольствием спешу выразить Вашему Преосвященству, как руководителю благими начинаниями отдела, мою сердечную благодарность» ([АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 726. Л. 87](#)). Следует отметить, что председатель ИППО вела активную личную переписку, обращалась с рескриптами на имя председателя местного отдела (просьба о вступлении в должность председателя Пензенского отдела к вновь назначенному епископу Пензенскому и Саранскому; объявление благодарности за увеличение вербного и кружечного сборов и т. д.) ([АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 726. Л. 219, 238, 279об.-280](#)).

К 1 января 1914 г. в составе Пензенского отдела числилось два почётных, пять действительных членов и 63 члена-сотрудника, итого 70 человек. В связи со смертью (в 1913 г.) были исключены из отдела: Н.Т. Евстифеев, протоиерей И.М. Тархов, крестьянин Г.А. Овечкин, игуменья Краснослободского Троицкого монастыря Рафаила, игумен Варсонофий и священник И.И. Победов ([АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 2. Д. 90. Л. 30б.](#)). В статусе почётных членов в обществе были представлены: Преосвященный Митрофан, епископ Пензенский и Кузнецкий; Пресвященный Тихон (бывший епископ Пензенский); действительных пожизненных членов: Евпраксия, игуменья Пайгармского монастыря; И.В. Белозерский, протоиерей Пайгармского женского монастыря; Н.А. Любимов, протоиерей, благочинный Керенских градских церквей; П.И. Дроздов, коллежский ассессор, делопроизводитель отдела. В числе 23 пожизненных членов-сотрудников встречаем крестьян: И.С. Двойнова и И.В. Смогунова; и 6 женщин: Евргию, игуменью Краснослободского Успенского монастыря; Евгению, игуменью Чуфаровского монастыря (бывшая настоятельница); Клавдию, игуменью Инсарского Свято-Ольгинского монастыря; Леониду, игуменью Шиханского Покровского монастыря; Марию, монахиню, казначея Пайгармского монастыря; Серафиму, игуменью Куриловского Тихвинского монастыря ([АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 2. Д. 90. Л. 15-150б.](#)).

Руководство отдела было представлено председателем Преосвященнейшим Митрофаном, епископом Пензенским и Саранским. Товарищем председателя был избран начальник Пензенско-Симбирского управления земледелия и государственных имуществ, действительный статский советник К.А. Шапошников (действительный член с ежегодным взносом), казначеем – священник К.П. Уранов, уполномоченным по продаже проездных паломнических книжек – протоиерей Ф.П. Пучковский ([АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 2. Д. 90. Л. 30б., 15](#)).

Обращает на себя внимание тиражирование практик проведения Палестинских чтений: общее количество мероприятий возросло до 3576. В г. Пензе, «по примеру прошлых лет», чтения проходили в приходских церквях: Богоявленской, Воскресенской, Николаевской, Казанской, Покровской, Введенской, Боголюбской, Спасо-Преображенской, Духосошественнской, а также Христорождественнской слободы Городка и Введенской с. Веселовки. Чтения проходили во все воскресные дни Св. и Великой Четыредесятницы, а по средам и пятницам этого же периода между утренней и преосвященной литургией дьяконами читались брошюры о Святой Земле. В приходских церквях чтения проходили после вечерних богослужений с участием певческих хоров Богоявленской, Духосошественнской, Боголюбской, Успенской, Николаевской, Воскресенской, Кащанской и

Петропавловской церковью. На каждом чтении присутствовало в среднем 200 взрослых и детей. «По окончании чтений раздавались Палестинские листки». Особо была отмечена деятельность протоиерея Керенской Соборной церкви Н.А. Любимова, «с неизменным усердием и неослабной энергией» организовывавшего чтения в г. Керенске (в Соборном храме, в начальных школах, в тюрьме, в богадельне, в народном доме и военных казармах») (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 2. Д. 90. Л. 3-5об., 9).

5. Заключение

Таким образом, создание и деятельность Пензенского отдела ИППО, шестого по счёту в истории Палестинского общества, является отражением и одновременно фактором процессов солидаризации, формирования национальной идентичности, институтов гражданского общества.

В публичной сфере Пензенской губернии отдел выполнял важнейшую социокультурную миссию по укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей и соответствующих практик нормативного поведения, развитию мемориальной культуры и исторической памяти.

Традиции воспроизводства эталонных практик военно-политического служения в истории «дворянского гнезда», коим именовалась Пензенская губерния, послужили фактором ускорения либерализации и развития публичной сферы. Первоначально структура местного отделения как калька скопировала алгоритм организации центрального «офиса», но в дальнейшем отдел трансформируется фактически в структурное подразделение епархиального управления: в его составе увеличивается доля духовенства, сокращается представительство чиновной бюрократии. Так, существенно снизился статус товарища председателя отдела (в 1913 г. губернатор в составе отдела отсутствует).

Водоразделом в истории Пензенского отдела ИППО становится Первая российская революция 1905–1907 гг., когда происходит существенное сокращение притока новых членов и пожертвований. Тем не менее, к 1913 г. кризис был преодолен. Более того, проведение культурно-просветительских и волонтерских мероприятий под эгидой отдела приобретает более массовый характер.

6. Благодарности

Исследование выполнено в соответствии с госзаданием ФГБОУ ВО ПГУ: «Практики духовно-нравственного служения в российской истории второй половины XIX – начала XXI вв.: на примере деятельности М.М. Киселевой и Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского Общества» в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2025 г.

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Балдин, 2012 – Балдин К.Е. Создание местных организаций Императорского Православного Палестинского Общества (1890-е гг.) // *Вестник Ивановского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 4 (12). С. 8-16.

Головина, 2014 – Головина А.Ф. Великая благотворительница. М.: ООО «Издательство ПЕНАТЫ», 2014. 256 с.

Горайко, 2022 – Горайко А.В. История Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского Общества до 1917 г.: историография вопроса // *Вестник Пензенской Духовной Семинарии*. 2022. № 3 (25). С. 36-44.

Горайко, 2024 – Горайко А.В. О деятелях Императорского Православного Палестинского Общества Пензенской губернии на момент создания регионального отдела в январе 1894 г. // *Вестник Пензенской духовной семинарии*. 2024. № 1 (31). С. 68-91.

Житенев, 2017 – Житенев С.Ю. Цивилизационное присутствие России в мире: к 135-летию начала деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Российской империи и на Ближнем Востоке // *Журнал института наследия*. 2017. № 2 (9). С. 1-24.

Житенев, 2021 – Житенев С.Ю. Паломническая деятельность Императорского Православного Палестинского общества в 1882–1914 гг. // *Православный Палестинский сборник*. 2021. № 119. С. 72-85.

Житенев, 2022 – Житенев С.Ю. Пензенский отдел ИППО / Энциклопедия Императорского православного палестинского общества, 1882–2022 гг.: 140-летию ИППО посвящается. М.: «Индрик», 2022. С. 647-649.

Житенев, 2024 – Житенев С.Ю. Преподобномученица Великая княгиня Елисавета Феодоровна как председатель Императорского Православного Палестинского Общества // *Православный Палестинский сборник*. 2024. № 123. С. 10-17.

Лисовой, 2006 – Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006 (М.: ППП Типография «Наука»). 510 с.

Лисовой, 2007 – Лисовой Н.Н. Императорское Православное Палестинское общество: XIX – XX – XXI века // *Отечественная история*. 2007. № 1. С. 3-22.

Лисовой, 2020 – Лисовой Н.Н. Императорское Православное Палестинское Общество в новой исторической реальности: 1917, первый акт // *Православный Палестинский сборник*. 2020. № 113. С. 33-44.

Лисовой, Бутова, 2022 – Лисовой Н.Н., Бутова Р.Б. Киселева Мария Михайловна / Энциклопедия ИППО. 1882–2022. М.: «Индрик», 2022. С. 366-367.

Нечаева, 2017 – Нечаева М.Ю. Уральские отделы Палестинского общества: локальные варианты формирования организационных структур // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2017. № 2 (18). С. 117-152.

Нечаева, Микитюк, 2017 – Нечаева М.Ю., Микитюк В.П. Императорское православное палестинское общество в культурной среде российской провинции. М.: «Индрик», 2014. 384 с.

Открытие Отдела..., 1894 – Открытие Отдела Императорского Православного Палестинского Общества в Пензе // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1894. № 5. С. 204-207.

По поводу..., 1894 – По поводу открытия Пензенского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1894. № 13. С. 598-607.

Православное..., 2012 – Православное Палестинское общество на служении Церкви и русскому народу: по поводу XXV-летия деятельности общества в Святой земле (1882–1917) // *Православный Палестинский сборник*. М.: Индрик, 2012. Вып. 108. С. 55-84.

Руководящие правила..., 1901 – Руководящие правила для действия Отделов Императорского Православного Палестинского Общества. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1901. 74 с.

Сафонов, 2023 – Сафонов Д.В. Н.Н. Лисовой о своей работе в Российском Палестинском обществе в 1974–1989 годы // *Christian Pilgrimage Review*. 2023. Т. 1. № 1. С. 250-270.

Соловьев, 2023 – Соловьев А.П. Научная, паломническая и общественная деятельность С.Ю. Житенева в Императорском Православном Палестинском обществе // *Православный Палестинский сборник*. 2023. № 122. С. 208-220.

Степашин, 2023 – Степашин С.В. Хитрово В.Н. как создатель Императорского Православного Палестинского Общества // *Православный Палестинский сборник*. 2023. № 122. С. 10-15.

Хабермас, 2013 – Хабермас Ю. Социокультурная трансформация публичной сферы / Рефератив. перевод Т. Тягуновой / *Публичная сфера: теория, методология, кейс-стадии*. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2013. С. 226-265.

Хижняк, 2019 – Хижняк Я.Г. История Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского Общества // *Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии*. 2019. № 1 (11). С. 54-59.

Цысь, Цысь, 2022 – Цысь В.В., Цысь О.П. Культурно-просветительская работа сибирских и дальневосточных отделов Императорского Православного Палестинского Общества в конце XIX – начале XX вв. // *Христианское чтение*. 2022. № 2. С. 227-244.

Цысь, Цысь, 2023 – Цысь В. В., Цысь О. П. Палестинские чтения как форма просветительской работы Императорского Православного Палестинского общества на рубеже XIX–XX веков // *Научный диалог*. 2023. Т. 12. № 4. С. 509-526.

Члены-учредители..., 2012 – Члены-учредители Православного Палестинского Общества, С.-Петербург, 21 мая 1882 г. Аннотированный указатель // *Православный Палестинский сборник*. М.: Индрик, 2012. Вып. 108. С. 9-24.

Якушев, 2018 – Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османно-российских отношений (1774–1847). М.: Индрик, 2018. 512 с.

Shkvarya et al., 2022 – Shkvarya L.V., Aidrus I.A.Z., Asmyatullin R.R., Glavina S.G. To the Issue of the Establishment and Activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society: Some Cultural, Organizational and Geopolitical Aspects // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 695-702.

References

AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.].

Baldin, 2012 – Baldin, K.E. (2012). Sozdanie mestnykh organizatsii Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva (1890-e gg.) [Establishment of local organizations of the Imperial Orthodox Palestine Society (1890-s)]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 4(12): 8-16. [in Russian]

Chleny-uchrediteli..., 2012 – Chleny-uchrediteli Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva, S.-Peterburg, 21 maya 1882 g. Annotirovannyi ukazatel' [Founding Members of the Orthodox Palestine Society, St. Petersburg, May 21, 1882. Annotated Index] (2012). *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik*. 108: 9-24. [in Russian]

Golovina, 2014 – Golovina, A.F. (2014). Velikaya blagotvoritel'nitsa [A great philanthropist]. М.: ООО "Izdatel'stvo PENATY". 256 p. [in Russian]

Goraiko, 2022 – Goraiko, A.V. (2022). Istoriya Penzenskogo otdeleniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva do 1917 g.: istoriografiya voprosa [The history of the Penza department of the Imperial Orthodox Palestine society before 1917: the historiography of the issue]. *Vestnik Penzenskoi Dukhovnoi Seminarii*. 3(25): 36-44. [in Russian]

- Goraiko, 2024** – Goraiko, A.V. (2024). O deyatel'nykh Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva Penzenskoi gubernii na moment sozdaniya regional'nogo otdela v yanvare 1894 g. [About the members of the Imperial Orthodox Palestine Society in Penza Province at the time of the creation of the regional department in January 1894]. *Vestnik Penzenskoi dukhovnoi seminarii*. 1(31): 68-91. [in Russian]
- Khabermas, 2013** – Khabermas Yu. (2013). Sotsiokul'turnaya transformatsiya publichnoi sfery [Sociocultural Transformation of the Public Sphere]. Per. T. Tyagunova. Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keis stadii. Moskva: Variant LLC; TsSPGI. Pp. 226–265. [in Russian]
- Khizhnyak, 2019** – Khizhnyak, Ya.G. (2019). Istoriya Penzenskogo otdeleniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva [History of the Penza Department of the Imperial Orthodox Palestine Society]. *Niva Gospodnya. Vestnik Penzenskoi Dukhovnoi Seminarii*. 1(11): 54-59. [in Russian]
- Lisovoi, 2006** – Lisovoi, N.N. (2006). Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoi Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v. [Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th and early 20th centuries]. M.: Indrik, 2006 (M.: PPP Tipografiya «Nauka»). 510 p. [in Russian]
- Lisovoi, 2007** – Lisovoi, N.N. (2007). Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe obshchestvo: XIX – XX – XXI veka [The Imperial Orthodox Palestine Society: 19th – 20th – 21st centuries]. *Otechestvennaya istoriya*. 1: 3-22. [in Russian]
- Lisovoi, 2020** – Lisovoi, N.N. (2020). Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo v novoi istoricheskoi real'nosti: 1917, pervyi akt [The Imperial Orthodox Palestine Society in the New Historical Reality: 1917, the First Act]. *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik*. 113: 33-44. [in Russian]
- Lisovoi, Butova, 2022** – Lisovoi, N.N., Butova, R.B. (2022). Kiseleva Mariya Mikhailovna [Kiselyova Maria Mikhailovna]. Entsiklopediya IPPO. 1882–2022. Moscow: “Indrik”. Pp. 366-367. [in Russian]
- Nechaeva, 2017** – Nechaeva, M.Yu. (2017). Ural'skie otdely Palestinskogo obshchestva: lokal'nye varianty formirovaniya organizatsionnykh struktur [The Ural Departments of the Palestine Society: Local Options for Forming Organizational Structures]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*. 2(18): 117-152. [in Russian]
- Nechaeva, Mikityuk, 2017** – Nechaeva, M.Yu., Mikityuk, V.P. (2017). Imperatorskoe pravoslavnoe palestinskoe obshchestvo v kul'turnoi srede rossiiskoi provintsii [The Imperial Orthodox Palestinian Society in the Cultural Environment of the Russian Province]. Moskva: “Indrik”. 384 p. [in Russian]
- Otkrytie..., 1894** – Otkrytie Otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v Penze [Opening of the Department of the Imperial Orthodox Palestine Society in Penza] (1894). *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 5: 204-207. [in Russian]
- Po povodu..., 1894** – Po povodu otkrytiya Penzenskogo Otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva [On the Opening of the Penza Department of the Imperial Orthodox Palestine Society]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1894. 13: 598-607. [in Russian]
- Pravoslavnoe..., 2012** – Pravoslavnoe Palestinskoe obshchestvo na sluzhenii Tserkvi i russkomu narodu: po povodu XXV-letiya deyatel'nosti obshchestva v Svyatoi zemle (1882–1917) [The Orthodox Palestine Society in Service to the Church and the Russian People: On the 25th Anniversary of the Society's Activities in the Holy Land (1882–1917)]. *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik*. 2012. 108: 55-84. [in Russian]
- Rukovodyashchie pravila..., 1901** – Rukovodyashchie pravila dlya deistviya Otdelov Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva [Guidelines for the Activities of the Departments of the Imperial Orthodox Palestine Society]. SPb.: Tipografiya V. Kirshbauma, 1901. 74 p. [in Russian]
- Safonov, 2023** – Safonov, D.V. (2023). N.N. Lisovoi o svoei rabote v Rossiiskom Palestinskom obshchestve v 1974–1989 gody [Lisovoi N. N. on his work at the Russian Palestine Society in 1974–1989]. *Christian Pilgrimage Review*. 1(1): 250-270. [in Russian]
- Shkvarya et al., 2022** – Shkvarya, L.V., Aidrus, I.A.Z., Asmyatullin, R.R., Glavina, S.G. (2022). To the Issue of the Establishment and Activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society: Some Cultural, Organizational and Geopolitical Aspects. *Bylye Gody*. 17(2): 695-702.
- Solov'ev, 2023** – Solov'ev, A.P. (2023). Nauchnaya, palomnicheskaya i obshchestvennaya deyatel'nost' S.Yu. Zhiteneva v Imperatorskom Pravoslavnom Palestinskom obshchestve [S.Yu. Zhitenev's Scientific, Pilgrimage, and Social Activities in the Imperial Orthodox Palestine Society]. *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik*. 122: 208-220. [in Russian]
- Stepashin, 2023** – Stepashin, S.V. (2023). Khitrovo V.N. kak sozdatel' Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva [V.N. Khitrovo as the Founder of the Imperial Orthodox Palestine Society]. *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik*. 122: 10-15. [in Russian]
- Tsys', Tsys', 2023** – Tsys', V.V., Tsys', O.P. (2023). Palestinskie chteniya kak forma prosvetitel'skoi raboty Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva na rubezhe XIX–KhKh vekov [Palestinian Readings as a Form of Educational Work by the Imperial Orthodox Palestine Society at the Turn of the 19th and 20th centuries]. *Nauchnyi dialog*. 12(4): 509-526. [in Russian]
- Tsys', Tsys', 2022** – Tsys', V.V., Tsys', O.P. (2022). Kul'turno-prosvetitel'skaya rabota sibirskikh i dal'nevostochnykh otdelov Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v kontse XIX – nachale XX vv. [Cultural and educational work of the Siberian and Far Eastern departments of the Imperial

Orthodox Palestine Society in the late 19th and early 20th centuries]. *Khristianskoe chtenie*. 2: 227-244. [in Russian]

Yakushev, 2018 – Yakushev, M.M. (2018). Russkoe pravoslavnoe palomничество na Blizhnii Vostok v kontekste osmano-rossiiskikh otnoshenii (1774–1847) [Russian Orthodox Pilgrimage to the Middle East in the Context of Ottoman-Russian Relations (1774–1847)]. Moskva: "Indrik", 512 p. [in Russian]

Zhitenev, 2017 – Zhitenev, S.Yu. (2017). Tsivilizatsionnoe prisutstvie Rossii v mire: k 135-letiyu nachala deyatelnosti Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v Rossiiskoi imperii i na Blizhnem Vostoke [Russia's Civilizational Presence in the World: On the 135th Anniversary of the Imperial Orthodox Palestine Society in the Russian Empire and the Middle East]. *Zhurnal instituta naslediya*. 2(9): 1-24. [in Russian]

Zhitenev, 2021 – Zhitenev, S.Yu. (2021). Palomnicheskaya deyatelnost' Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva v 1882–1914 gg. [The Pilgrimage Activities of the Imperial Orthodox Palestine Society in 1882–1914]. *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik*. 119: 72-85. [in Russian]

Zhitenev, 2022 – Zhitenev, S.Yu. (2022). Penzenskii otdel IPPO [Penza Department of the Imperial Orthodox Palestine Society]. Entsiklopediya Imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshchestva, 1882–2022 gg.: 140-letiyu IPPO posvyashchaetsya. Moskva: "Indrik". Pp. 647-649. [in Russian]

Zhitenev, 2024 – Zhitenev, S.Yu. (2024). Prepodobnomuchenitsa Velikaya knyaginya Elisaveta Feodorovna kak predsedatel' Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva [The Holy Martyr Grand Duchess Elizabeth Feodorovna as the Chairman of the Imperial Orthodox Palestine Society]. *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik*. 123: 10-17. [in Russian]

Императорское Православное Палестинское Общество и публичная сфера российской провинции (по материалам Пензенского отдела)

Ольга Александровна Сухова ^{a, *}

^a Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация

Аннотация. На основе анализа материалов Архива внешней политики Российской империи в статье рассматриваются факторы, содержание, специфика, результаты становления и развития Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО).

В авторской интерпретации история общественной организации предстаёт заданным паттерном социально-государственного партнёрства, инициированным извне как адаптационный ресурс освоения ценностей гражданского общества. Последующая эволюция нового элемента публичной сферы провинциального сообщества происходит в русле демократизации социального состава и усиления позиций духовенства. На это указывает протокольный выход губернатора из управленческой структуры и сокращение присутствия независимого от руководства епархии гражданского элемента.

Вместе с тем, оставаясь «епархиальным», отдел стал самым массовым в губернии объединением культурно-просветительской и духовно-нравственной направленности, организатором участия населения в процессах солидаризации и формирования национальной идентичности (опосредованно за счёт проведения Палестинских чтений и сбора пожертвований).

Рост численного состава отдела прослеживается до начала XX в., затем вследствие вступления России в войну с Японией и разрастания внутреннего кризиса социальных систем происходит сокращение притока новых членов и объёма пожертвований. Восстановить свои прежние позиции обществу удалось к началу второго десятилетия XX в. Самым прорывным с точки зрения выстраивания коммуникационных связей и формирования многоуровневой системы проведения Палестинских чтений (губернский центр – уездные города – отдельные поселения) становится 1913 г. В качестве самостоятельного и весьма значимого направления деятельности ассоциации в постреволюционный период следует назвать организацию паломнического движения (продажа паломнических книжек).

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское Общество, Пензенский отдел, рубеж XIX – XX вв., практики духовно-нравственного служения, публичная сфера.

* Корреспондирующий автор

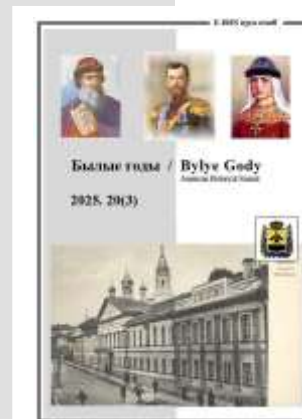
Адреса электронной почты: savtemp@yandex.ru (О.А. Сухова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1495-1505
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1495

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“He Remained Faithful to His Duty” (to the Biography of the Archaeologist K.N. Lyubarsky. The Pre-Revolutionary Period)

Yulia G. Kokorina ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to revealing the biography of the little-known Russian archaeologist Kassian Nikolaevich Lyubarsky (1886–1920), who was shot by order of the Arkhangelsk Department of the All-Russian Emergency Commission in 1920. As the study showed, K.N. Lyubarsky was not only a professional archaeologist, but also a true citizen of his country. The creation of a life portrait of an extraordinary personality, which was K.N. Lyubarsky, determines the relevance of this article. The work was carried out on the basis of practically unused materials that are stored in the archeologist's archive, which determines its novelty. The chronological framework of the work covers the scientist's life from birth to the revolutionary events of 1917–1918. The purpose of the work is not only to reconstruct the biography of K.N. Lyubarsky, but also to characterize him as a scientist and a person. An analysis of archival materials has shown that K.N. Lyubarsky from a young age established himself as a thorough and attentive researcher who used methods new to archaeology at that time, such as photographing objects. During his expedition to the Caucasus in 1915, K.N. Lyubarsky carefully describes and photographs the studied objects, independently performs graphic reconstructions and plans of temples and fortresses. The absence of drawings and photos of burials in his diaries can be explained by the imperfection of the excavation methodology that existed in his time, the inferiority of which he was aware. The scientist saw the main goal of his life in the preservation of historical and cultural monuments, for which he actively fought until his last days. K.N. Lyubarsky was an outstanding poet, artist, and composer. He had a keen sense of the nature of the places where he had to work, possessed high moral qualities, was a loyal friend and a grateful student. During the Russian Civil War, he selflessly fought to preserve the monuments of the Russian North from destruction and plunder, and sought to inspire others with an understanding of love for antiquities and a sense of patriotism. On false charges of collaborating with the French interventionists, he was sentenced to death by firing squad, repeating the fate of many science enthusiasts who died during a difficult time for Russia.

Keywords: history of Russia, history of archeology, archeology of the Caucasus, art of Ancient Russia, monument protection, K.N. Lyubarsky.

1. Введение

В название статьи вынесены слова из рукописного биографического очерка о российском археологе Кассиане Николаевиче Любарском (1886–1920), хранящемся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве. В этих словах – вся суть жизни незадолго до, на наш взгляд, забытого исследователя российских древностей, погибшего в горниле Гражданской войны 1917–1922 гг. в России. Биографии людей, посвятивших свою жизнь науке, всегда поучительны не только для членов научного сообщества, но и широкого круга читателей. На их примере исследователи, живущие в XXI веке, учатся не только профессиональным навыкам, но и личностным и гражданским качествам учёного. То же относится и к археологии и археологам.

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina)

Биографии исследователей российских древностей только начинают привлекать внимание историков (Хорошев, 2007; Валентин Лаврентьевич Янин, 2014). Значительный вклад в раскрытие особенностей научной деятельности российских и советских археологов внесли А.А. Формозов (Формозов, 1961; Формозов, 1984; Формозов, 1986; Формозов, 2004; Формозов, 2004а; Формозов, 2007; Формозов, 2011), Л.С. Клейн (Клейн, 2011; Клейн, 2014), И.В. Тункина (Тункина, 2002) и другие историки науки. Их работы посвящены ведущим деятелям археологии, тогда как, на наш взгляд, заслуживают внимания и её малоизвестные энтузиасты. В данной работе мы стремимся представить одного из таких деятелей отечественной науки, который был не только талантливым учёным, но и разносторонне одарённым человеком и настоящим гражданином. Знакомство с такой личностью представляет не только академический интерес. Люди, сочетающие любовь к науке с активной гражданской позицией, востребованы в наши дни. В этом видится актуальность данной статьи.

Наша работа написана на основе архивных материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Кроме того, мы стремимся не только восстановить биографию и показать научные достижения К.Н. Любарского, но и познакомить читателя с ним как с личностью. Это составляет новизну данной работы. Цель её – введение в научный оборот новых исторических источников и создание портрета К.Н. Любарского не только как учёного, но и как личности. Его деятельность охватывает и период после 1917 г., которому посвящена статья М.П. Мироненко (Мироненко, 2021). Мы расскажем о формировании его как учёного и человека в период до эпохи революций. Кассиан Николаевич, как будет показано далее, отдал жизнь за свои гражданские и научные убеждения, до конца оставаясь верным долгу учёного.

2. Материалы и методы

Материалы для данной статьи хранятся в архиве К.Н. Любарского в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве (ОПИ ГИМ) (Москва, Российская Федерация). В частности, нами использована биография учёного, рукописный текст которой под названием «По дороге к вершине» хранится в архиве археолога (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1). Автор биографии не указан, предположительно, им была тётя археолога, Прасковья Кассиановна Любарская (Мироненко, 2021: 186). Биография написана подробно, она включает период от детских лет до гибели К.Н. Любарского. Ценность данного документа состоит не только в приведении подробностей, известных лишь близким людям, но и в использовании писем и личных дневников археолога, которые не были переданы в ГИМ и поэтому не сохранились. Текст написан от руки на линованной бумаге с минимумом правок, одним и тем же почерком. О том, что его писал близкий К.Н. Любарскому человек, говорит некоторая идеализация его образа, отсутствие указания на недостатки.

Наша статья представляет собой не просто пересказ данного документа, её композиция имеет целью отдельно представить биографические сведения о К.Н. Любарском, создать его портрет как учёного и человека. Для этого нами использованы другие документы из его архива.

О К.Н. Любарском как археологе позволяют судить дневники его экспедиции на Кавказ (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2, 3), а также хранящиеся в его архиве оттиски публикаций учёного (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 18).

Дневники кавказской экспедиции К.Н. Любарского представляют собой переплетённые в жёсткие обложки две тетради с надписями на обложках: «Кавказская поездка летом 1915 г. 1 часть (и 2 часть – Прим. Ю.К.), иллюстрированный фотографическими снимками и чертежами дневник поездки. К. Любарский. Оглавление в конце каждого тома», а также общую тетрадь с указанием краткой информации о виденных в каждом населённом пункте, по которым проходил маршрут экспедиции, археологических памятниках. Действительно, две части дневников кавказской поездки написаны вручную синими чернилами на правой стороне листов разлинованной тетради, на которые наклеены фотографии памятников и выполнены чернилами чертежи и схемы. В первую часть дневника вклеены выполненные чернилами на миллиметровой бумаге план церкви в Хосте, графическая реконструкция колонн храма, а также калька с нанесённой тушью картой западного побережья Чёрного моря с указанием археологических памятников. Записи ведутся по дням, в конце каждой тетради дано оглавление и указано количество чертежей и фотографий. Оглавление создано в хронологическом порядке с указанием объектов, на которых велись работы: «Туапсе (с 28 по 30 июня):

Поездка к дольмену (1 июля)

Туапсе (с 3 по 6 июля)

Индюк 1 раз (11 июля)

Индюк 2 раз (с 14 по 18 июля)

Сочи (с 22 по 24 июня)

Мамай (25 июля)

Хоста (с 26 июля по 2 августа)» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 104).

Вторая часть описания кавказской поездки полностью посвящена раскопкам христианского храма XI в. в Хосте. Кроме оглавления, она завершается указанием на наличие в дневниках 27 чертежей в тексте и 31 фотографии (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 3. Л. 51). Дневники, наряду с описаниями исследований археологических памятников, содержат лирические отступления, посвящённые природе Кавказа,

характеристикам людей, с которыми встречались археологи, записям местных легенд, что позволяет представить их автора не только как профессионала, но и как человека.

В кавказскую экспедицию К.Н. Любарский был направлен Румянцевским музеем в Москве совместно со старшим хранителем музея С.О. Долговым, который под именем «С.О.» неоднократно упоминается в тексте, а завершается дневник искренней благодарностью старшему коллеге (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 3. Л. 47). К сожалению, по не зависящим от автора данной статьи обстоятельствам, привести изображения из дневника не представляется возможным.

Публикации К.Н. Любарского и их оттиски выполнены типографским способом. Среди них – работы молодого археолога «Краткий обзор ризницы Рязанского архиерейского дома» и «Рязанский некрополь. Часть 1. Спасский Мужской монастырь» и «Часть 2. Троицкий мужской монастырь» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 18. Л. 1-61).

Примечательно, что Листы использования архивных дел, кроме единицы хранения, содержащей биографию учёного, не содержат записей об использовании. Это говорит о том, что история жизни и деятельности К.Н. Любарского ускользала от внимания историков. Вводимые нами в научный оборот источники, таким образом, имеют значительную степень новизны.

К.Н. Любарский был не только учёным, но и поэтом, композитором, художником. Портрет его личности дополняет альбом рисунков, которые он делал в Архангельске (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 19). Они выполнены в альбоме из плотной белой бумаги цветными карандашами или тушью и изображают памятники древнерусской старины, Средней Азии и Кавказа, а также фантастические орнаменты. К.Н. Любарский писал стихи, и для его прозаических текстов, будь то письма к родным, дневниковые записи личного или научного плана, характерен яркий, эмоциональный, художественный язык, точность и меткость описаний. Мы хотим, чтобы читатель представил через стиль речи учёного его личность, поэтому в нашей работе так много цитат из его произведений, в том числе и приведённых в биографии исследователя.

Нами использованы такие общенаучные методы, как дескриптивный, позволяющий представить различные стороны личности и деятельности археолога. Работа основывается на принципе объективности, который является ключевым в данном исследовании, как и в любой работе по истории археологии (Формозов, 1984: 65).

3. Обсуждение

История археологии как науки всё больше привлекает внимание исследователей. В России публиковались историко-биографические труды, посвящённые деятельности научных археологических обществ, приуроченные к юбилеям организаций (Веселовский, 1900; Императорское..., 1915; Историческая записка..., 1890). Одним из первых историко-научные исследования российской археологии в советское время предпринял С.А. Жебелев, рукопись которого увидела свет уже в наши дни (Жебелев, 2017). В постсоветское время была переиздана книга Г.С. Лебедева, в которой персоналии российских археологов органично включены в ткань повествования об основных этапах развития археологии в России (Лебедев, 1992). Персоналиям российских археологов посвящены упомянутые выше публикации А.А. Формозова, И.В. Тункиной, Л.С. Клейна и их учеников и продолжателей. В современной России проводятся специальные конференции, посвящённые истории археологии (Московское..., 2024), вышло шесть томов специализированного издания «Очерки истории отечественной археологии» (Очерки..., 2022), публикуются специальные работы о влиянии российской власти на развитие науки о древностях до 1917 г. (Смирнов, 2011).

Л.С. Клейн в предисловии к своей «Истории российской археологии» писал: «Её основной материал – биографический. Я хотел сильно оживить ткань истории своей науки, чтобы мои коллеги вкусили прелесть приближения к интереснейшим фигурам, почувствовали аромат эпох и преемственность поколений. Чтобы читателям легко было осознать, что их предшественники в археологии были такими же людьми, которых можно любить или презирать, что науку делали люди с умом и эмоциями, с достоинствами и слабостями – и что пришедшие им на смену будут так же смотреть на нас» (Клейн, 2014: 8). В данной работе мы используем аналогичный подход, стремясь показать биографию, научные достижения и особенности личности К.Н. Любарского.

История археологии в России рассматривается её исследователями на примерах выдающихся личностей, тогда как современники классиков археологической науки, не обладавшие таким масштабным дарованием или не успевшие его развить из-за ранней гибели, как К. Н. Любарский, оказываются неизвестными научной общественности.

О К.Н. Любарском вышла одна биографическая статья, в которой изучается его деятельность послереволюционного периода по сохранению памятников истории и культуры Русского Севера. Её автор, М.П. Мироненко, приводит краткую биографию археолога и сосредотачивает внимание на борьбе К.Н. Любарского с инертностью архангелогородского общества, союзнической, а потом и советской бюрократией, далёкой от понимания необходимости беречь историческое прошлое страны (Мироненко, 2021: 188). М.П. Мироненко использует работы К.Н. Любарского 1918-1920 гг., ставя своей целью показать всю страстность и сложность борьбы за сохранение памятников древности,

которую вёл археолог, и приводит доказательства надуманности обвинений в пособничестве интервентам, которые стали основой для расстрела учёного. Работа М.П. Мироненко имеет несомненную ценность как обращение к деятельности археолога в постреволюционные годы, но она не представляет его научного и личного пути, которым шёл Кассиан Николаевич к логическому завершению своей жизни, отказавшись уехать за границу в сложное для истории страны время.

4. Результаты

Рис. 1. Кассиан Николаевич Любарский (по: [Мироненко, 2021:192](#))

4.1. Биографическая справка о К.Н. Любарском

Кассиан Николаевич Любарский родился 23 апреля 1886 г. в Москве. Его рождению предшествует драматическая история его матери, Авдотьи Семёновны Любарской, происходящей из старинного дворянского рода. Будучи в Париже, она вышла замуж за француза Юрия Агутена. Брак был заключён в мэрии, а не в православной церкви. По русскому закону такой брак не считался законным, почему будущий археолог носил фамилию матери, а отчество – по крёстному отцу, Николаю Кассиановичу, брату матери. Отец ребёнка угрожал Авдотье Семёновне, обещал отобрать сына, поэтому она решила переехать на родину, в Рязань ([ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 2](#)).

Для обучения Кассиана в гимназии Любарские переехали в Москву, где Кассиан поступил сначала в частную подготовительную школу, а потом в шестую классическую гимназию. Но недолго, не более года, пробыл он там. Несмотря на свои способности к языкам, за латынь он постоянно получал плохие отметки и отзывы. Как пишет его биограф, «это так удручающе действовало на него, что мать взяла его оттуда и осенью он был принят в реальное училище К.П. Вознесенского, где и окончил благополучно курс, несмотря на плохие успехи по математике» ([ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 8](#)).

К.Н. Любарский сохранил самые тёплые воспоминания о директоре реального училища, которое окончил. Он хранил фотографию наставника с записью: «Милый дорогой дядя Костя! Памятное его пенсне и колечко с бирюзой, которое стучало по лбу провинившихся мальчишек, и вдумчивые глаза смотрели ласково и грустно, точно видели много, больше, чем вы все, кто бегал и суетился по зале вокруг него» ([ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 7](#)).

С самого раннего возраста Кассиан увлекался предметами истории, «которые не были в его глазах мертвыми, а говорили ему живым и понятным для него языком и воскрешали минувшую эпоху» ([ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 8](#)). Этому способствовало и влияние родственников: его тётя училась у известного искусствоведа Фёдора Ивановича Буслаева, который читал на курсах Герье историю искусства Средних веков. Ф.И. Буслаев мечтал о том, что слушательницы передадут своим детям любовь к его предмету. Среди тех слушательниц, кто ходил заниматься к Ф.И. Буслаеву, была и тётя К.Н. Любарского, оказавшая на племянника значительное влияние. Это дало ей право считать Кассиана Николаевича «духовным внуком Буслаева» ([ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 9](#)).

По окончании реального училища К.Н. Любарский поступил на юридический факультет Московского университета, завершив курс которого, получил место в Архиве Министерства юстиции.

Ещё будучи студентом, увлекался археологией в Историческом и Румянцевском музеях, а также в Рязанской учёной архивной комиссии. Именно тогда он описал ризницу при Рязанском архиерейском доме, употребив новый для того времени метод – фотофиксацию. Он же описал три некрополя в городе Рязани. Кассиан Николаевич был постоянным участником заседаний Московского Археологического общества. В 1913 г., пользуясь отпуском, К.Н. Любарский предпринял путешествие в Туркестан с целью изучения памятников археологии и искусства. При этом он сделал 140 фотоснимков, которые снабдил пояснениями. Составленный им альбом хранится в Государственном историческом музее в Москве (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 14).

В 1914 г. Кассиан Николаевич был командирован от лица Рязанской Архивной комиссии на XVI Археологический Съезд в Пскове, не состоявшийся по случаю начала Первой мировой войны. Летом 1915 г. его командировали от Румянцевского музея на раскопки на западном берегу Кавказа вместе со старшим хранителем музея С.О. Долговым.

Вернувшись в Москву, К.Н. Любарский активно работал в организациях Красного креста, занимаясь размещением беженцев, организацией их питания, отправкой в тыл и организацией транспортов на фронт. В 1916 г. Кассиан Николаевич был мобилизован в действующую армию, несмотря на то, что по российским законам, как единственный сын у матери, он мог быть освобождён от призыва. «В марте он был переведен в Москву в Александровские казармы, 55-й запасный батальон. В мае во время лагеря вызвали знающих языки рядовых перевестись в Архангельск в Главное Артиллерийское управление по переправке грузов. Среди согласившихся был и он. И девятого мая отправлен как вольноопределяющийся с другими девятью на север» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 37). 26 октября 1914 г. в Архангельске произошёл взрыв на пароходе «Барон Дрезен», стоявшем у пристани. К.Н. Любарский серьёзно пострадал: осколками было изрезано лицо, долго пришлось восстанавливать зрение. После лечения он 3 января 1917 г. получил назначение под Мурманск, в город Романов, где занимался отправкой грузов союзникам России в войне и приёмом их помощи. Далее будет военная служба, а также служба при французской военной миссии, но главной сферой его интересов было обустройство бедствующего музея местного края. С приходом Советской власти Кассиан Николаевич по приговору губернской ВЧК был расстрелян 7 августа 1920 г.

Более ста лет прошло со дня гибели учёного, и мы хотим познакомить читателя с личностью одного из представителей российского археологического сообщества, который остался верен научному и гражданскому долгу до конца своей жизни.

4.2. К.Н. Любарский как учёный

Характеристика любого человека науки неотделима от его личностных качеств, и наша композиция статьи во многом условна. В данном разделе мы стремимся представить формирование К.Н. Любарского как археолога, его полевую деятельность и теоретические взгляды. Работа К.Н. Любарского в годы Гражданской войны в России подробно освещена М.П. Мироненко (Мироненко, 2021).

Мы уже отмечали выше, что интерес к древней истории и искусствоведению Кассиану Николаевичу прививали с детства. Подруга его тётки, Екатерина Александровна Григорович, оказала на маленького Кассиана особое влияние; она ходила с ним по музеям, выставкам, церквям, где были старые иконы (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 9). Став зрелым археологом, он, как отмечает его биограф, «умел как никто несколькими меткими замечаниями передать достоинства и недостатки данного произведения искусства. К чужим мнениям был чрезвычайно терпим и своих мнений никому не навязывал» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 12). Для него было характерно непосредственное, эмоциональное отношение к памятникам старины. Путешествуя в 1913 г. по Туркестану, в своё личное время и по собственной инициативе, Кассиан Николаевич писал родным: «Великое прошлое раскинулось здесь во всей своей мыслимой человеческим разумом широте и великолепии» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 14). Его альбом с применённой редкой в то время техникой фотофиксации археологических объектов и содержащий 140 фотографий, казался ему каплей в море по сравнению с тем, что следовало запечатлеть (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 15). По дороге на XVI Археологический съезд в Пскове, К.Н. Любарский побывал в Ростове Великом. Полны поэзии его слова о древнерусской архитектуре: «Шел дождь, но сказочная группа храма-крепости над темными водами холодного озера была прекрасна. И до сих пор в ушах моих звучат необычайные мелодии колокольного звона» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 15). По возвращении из командировки, Кассиан Николаевич переложил услышанные звоны на музыку (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 15).

Учёный размышлял о том, как привить молодому поколению любовь к изучению древностей, готовить научную смену. Во время командировки на Кавказ он пишет: «А если кого нужно сделать, если не археологом, то хоть почитателем старины, то его следует водить не по музеям, где все лежит рядами под стеклом, где ко всему привешен номерок. Нет. Чтобы полюбить и почитать старину, надо придти сюда, где предметы, оставшиеся от былых народов и племен, до сих пор не утратили своей первоначальной физиономии, а, главное, обстановки. И в этом удивительном соприкосновении с течением веков совсем особыми глазами видишь современную себе частичку жизни. И многое становится маловажным, многое непонятным, непостижимым» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 5).

В своей первой научной работе – описании ризницы Рязанского архиерейского дома, написанной в 1911 г., К.Н. Любарский применяет новый для того времени исследовательский приём – увеличение

фотографического снимка, что позволяет ему, рассматривая древности, «отчетливо отличить все углубления резьбы и по ним судить о формах, употребляемых при работе инструментом» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 18. Л. 1). Он проводит настоящее палеографическое исследование, которое позволяет датировать золотой крест, хранящийся в ризнице, серединой XVI в. (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 18. Л. 2). В его работе сквозит эмоциональное отношение к памятникам: резьбу на дверях ризницы он называет «производящей прекрасное впечатление», парчу саккоса – «обычного для того времени рисунка», резьбу на кресте – «филигранной» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 18. Л. 1-2).

Публикуя описание Рязанского некрополя, К.Н. Любарский делает его в табличной форме, используя по отдельности алфавитный и хронологический принципы, что было ново для того времени. При этом в начале работы он приводит словарь используемых терминов, давая им трактовки. Это является свидетельством высокой научной компетенции учёного. К.Н. Любарский обращается к читателю в надежде собрать сведения о погребённых, «чтобы, приведя в систему, можно было их напечатать. Сведениям этим я придаю огромное значение, как должностным оживить мертвые имена бытовыми и биографическими данными» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 18. Л. 4). Археология никогда не была для него мёртвой наукой, а сам он не был сухим дидактом. О кропотливости и тщательности исследования молодого археолога говорит тот факт, что первая часть его издания содержит 391 запись, вторая – 101 (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 18. Л. 37, 61).

Дневники его поездки по Кавказу не являются в полном смысле «полевыми дневниками» в том значении, в котором данное понятие используют археологи наших дней. Они содержат лирические отступления с описаниями природы, характеристиками людей, которые встречались археологам, записи легенд и сказаний. Но тот факт, что они содержат 27 фотографий, примечателен. Фотофиксация тогда только входила в научный арсенал археологии, и стремление К.Н. Любарского запечатлеть исследуемые объекты рисует нам его как грамотного полевого археолога.

Об этом говорит его указание на точные размеры увиденных дольменов, редкость одного из них как монолита. Демонстрируя широкую эрудицию, К.Н. Любарский перечисляет страны, в которых находятся памятники данного типа. Археолог уже тогда понимал недостатки существующей методики раскопок. Исследовав один из курганов «колодцем», он оставляет запись: «У меня осталось чувство неудовлетворенности по поводу первого кургана, не исследованного нами до конца. Следовало, несмотря на неудобство, рыть в образовавшейся яме, углубляя ее по крайней мере четверти на три. Несомненно, до грунта мы не дошли, поэтому и не видели погребения» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 62).

Археолог проявляет исключительную профессиональную наблюдательность, отмечая в разрезе разрытой канавы остатки культурного слоя (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 80). Будучи прекрасным художником, К.Н. Любарский самостоятельно выполняет на миллиметровой бумаге графическую реставрацию глиняной колонны с резным крестом в $\frac{1}{4}$ натуральной величины, из которой следует, что предмет украшало изображение, употребляя современный термин, «процветшего креста» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 88).

Наибольший объем в дневнике К.Н. Любарского занимают описания раскопок христианского храма в городе Хоста, относящегося, как считают современные учёные, к XI в. (Воронов, 1979: 88). На территории памятника обнаружено было двенадцать погребений, каждое из которых тщательно описано. Приведём пример одного такого описания, в котором тщательно указаны поза погребённого и необходимые размеры: «У западной двери, внутри, на расстоянии 1 аршина от стены, найден костяк со сильно раздавленным черепом. Левая рука на тазу, правая вытянута вдоль туловища. Кисть была на расстоянии 6 вершков от бедра. На поясе был ножик. Костяк лежал прямо на обломках черепицы и камнях и был в наклонном положении, при чем ноги были значительно (вершков на 7-8) ниже головы, которая повернута была к правому плечу. Лежал он немного выше уровня порога» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 3. Л. 3). К сожалению, К.Н. Любарский не приводит ни одной фотографии или прорисовки погребений, а также рисунков или фото найденных вещей. Видимо, этого не требовалось по методике раскопок в то время. Он проводит музеефикацию памятника, проводя её в сотрудничестве с инженерами-строителями, и заботится о его сохранности: «Черепица не будет служить лестницей для влезания на стену, которую инженеры обещают зацементировать кругом, равно как и столбы» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 3. Л. 33). Завершив раскопки и консервацию храма, К.Н. Любарский нежно называет его «своим спасенышем» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 40).

К.Н. Любарский приводит в своём дневнике рассказы местных жителей о чудесных кладях и таинственных сундуках, замечая: «Вообще легендами тут все полно и вертятся они все без исключения вокруг кладов, в которых фигурирует непременно плита. Говорят даже, желая указать источник богатства кого-нибудь: “Да ведь он до плиты докопался!”» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 3. Л. 47).

Археолог борется за сохранность памятников. Возвращаясь с Кавказа, в Мариуполе он подаёт в уездную управу обращение, в котором требует обеспечить сохранность, как тогда говорили, «каменных баб» – изваяний, изготовленных степным населением от эпохи железного века до средневековья. Он пишет, что «изображения эти являются, однако, ценными памятниками седой старины, интересными в археологическом, историческом и этнографическом отношениях», и требует изъятия изваяний «из частной собственности и помещения их в городском сквере, гимназических садах или ином подходящем месте, где они могли бы, будучи в сохранности, служить оригинальным

украшением» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 3. Л. 33). Его слова продиктованы не просто профессиональной обязанностью, но ярко выраженной гражданской позицией исследователя: «Теперь, когда особенно выявляется необходимость развития самобытности во всех областях Русской жизни, теперь наступает время для того, чтобы общество приходило на помощь ученым организациям в деле изучения истории родного края и ее вещественных памятников» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 3. Л. 33).

В полной мере деятельность К.Н. Любарского по охране памятников древности и процесс формирования им представлений о задачах археологии приходятся на 1917–1918 гг., что отражено в упоминавшейся выше статье В.П. Мироненко.

4.3. К.Н. Любарский как личность

Высокие моральные качества и активная гражданская позиция учёного формировались с ранних лет. Мать вкладывала всю свою душу в него, старалась развить в нём хорошее и дать как можно лучшее образование. «С юных лет Кассиан Николаевич вел дневник, писал рассказы, в стихах изливал свои переживания, потом стал писать заметки театральные и на современные события» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 10). Кассиан Николаевич был талантливым художником, что впоследствии ему очень помогло в археологической работе. Одна художница выразилась о нём так: «То, что нам дается школою, путем долгого изучения, ему дается сразу» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 10). Увлекала его и музыка; одно время ради занятий композицией археолог забросил свои научные труды. Но музыка органично входила в его жизнь: как мы отмечали выше, впечатления от звонов храмов Ростова он выразил в музыке.

Его биограф характеризует К.Н. Любарского как верного товарища, лишённого сословных предрассудков: «Был скор на помощь словом и делом. Легко дружил с лицами близкими ему по духу самого разнообразного положения и образования. Впоследствии у него были друзья и среди крестьян, и среди аристократии, и среди духовенства» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 12). Он находил общий язык с разными людьми, стремился видеть в них, прежде всего, лучшие черты. О своих проводниках по Кавказу он писал родным: «Славные люди, но большие фантазеры. Много легенд у них о кладах, где вымысел любопытно перемешан с действительностью», а одного из провожатых он называет «юношей с ищущей душой» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–24). Из экспедиции по Кавказу он пишет: «На свете, оказывается, не мало добрых людей. По крайней мере все те, от мала до велика, с которыми нам приходилось иметь дело, повертывались к нам добрыми лицами» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 27).

Кассиан Николаевич тонко чувствовал природу: «Горные реки – сказка, не передаваемая ни словами, ни красками, ни нотами. Виды с вершины поразительны» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 23). Он с теплотой вспоминал свои поездки по Туркестану и Кавказу, сравнивая со своей службой на севере: «Я чувствовал себя искрой, пылинкой, среди пустыни раскаленной и безбрежной, но любил ее, любовался ею, ее величием, а с нею любил и себя, т.е. умел взглянуть правдиво, каков я есть, что во мне хорошо, что плохо. В глубоком порыве искреннего благоговения я проникался сознанием присутствия Великого, среди грандиозных горных декораций... Но здесь – ничего нет» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 51). Не случайно в своём альбоме он по памяти воссоздаёт виды среднеазиатских мечетей или кавказские горные пейзажи (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 19).

Тем страшнее Кассиану Николаевичу кажутся ужасы войны, против которой он восстаёт всем сердцем. Он пишет из своей кавказской экспедиции: «Среди невообразимых горных хребтов, переплетающихся бесконечным лабиринтом, среди гор, покрытых девственным лесом, еще ни разу не видевшем ни пилы, ни топора, среди гор, где живут барсуки, медведи, олени, черепахи и орлы, трудно вообразить, что где-то там далеко люди... воюют между собою. Настолько трудно, что слово это я произношу с усилием. С каким-то внутренним удивлением или недоумением, что ли. Настолько непонятным и чудным кажется отсюда мне это занятие» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 25).

В семье были уверены, что, как единственный сын, он не будет призван в армию. Но, получив сообщение о призыве, Кассиан Николаевич не стал искать обходных путей, чтобы избежать службы в армии. В этом видится влияние матери, которая, когда он был уже в казарме, писала своей сестре: «Очень хорошо все, лишь бы его не затуркали и не сбили с прямого пути. Он честно поступил, что пошел этою дорогою. Пусть ею и идет. Так и скажи ему. Чтобы потом не стыдно было смотреть другим в глаза. Если кто и делает разные извороты – пусть их. И пусть они не будут примером. Я им восхищаюсь и мне не стыдно за него. И что бы ему не предстояло – пусть идет прямо» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 36).

Так, прямо, по своей жизни и шёл Кассиан Николаевич. На его творческую душу тяжело действовала казарменная жизнь, но он поддерживал себя осознанием того, что «в скверном можно найти и хорошее, его нужно видеть» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 37). Из военного Архангельска он почти каждый день писал письма родным, в которых описывал свою жизнь и приходившие мысли: «На столе лежит моя деловая записная тетрадь, полученные письма и книга из библиотеки. Эти три занятия – дела, чтение и письма – почти все, и, во всяком случае, самое главное» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 38).

Его биограф отмечает, что Кассиан Николаевич никогда не интересовался политикой. Но революционные события февраля и октября 1917 г. не оставили его безучастным: «Население,

присягающее Временному правительству в ожидании Учредительного собрания. Генералы, солдаты, инженеры, лопари... Совершенно невероятно. Как сон. Немного страшно, как бы сон не превратился в кошмар. Но, надеемся, что все обойдется. Голова кружится от возможностей, как из рога изобилия появляющихся и посыпавшихся в нашу жизнь» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 59).

Любовь к археологии у него не была сухим чувством педанта. Он живо и образно чувствовал красоту памятников старины и умел поэтично выразить свои чувства: «Непосредственное прикосновение к былому, прорыв во времени действует всегда на душу, так крепко привязанную к данному мгновению. Эти храмы прошлого, живущие в настоящем. Окружены ароматом той далекой были, которая обыкновенно лишь со страниц гениальных Забелина, Ключевского и им подобных, в призраках более или менее туманных воскресает для нас. Такое же чувство испытывается во время археологических раскопок. Но разница в том, что там, человек с помощью знаний вырывает из прошлого уже ушедшее из жизни, производя в некотором роде насилие над временем. Как бы воскрешая мертвеца. Здесь же само время сохранило живым тот осколок былого, который, встреченный среди стремительного потока жизни, волнует тех, кто умеет его заметить» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 69-70).

С приходом Советской власти в Архангельск К.Н. Любарский самоотверженно отдаётся борьбе за сохранность памятников древности, получив в заведование Секцию по охране памятников старины и Музеев при Архангельском Отделе Народного просвещения. Эта сторона его работы описана в статье М.П. Мироненко (Мироненко, 2021), к которой мы и отсылаем читателя.

Свой дом в Рязани Кассиан Николаевич завещал музею. Для музея он «заготовил много предметов, собранных им самим, и до 300 книг. Но дом был отнят. Много вещей пропало и было продано, потому что не на что было жить матери и тетке, которые по болезни больше не могли зарабатывать. Мечтам его не суждено было осуществиться» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 94).

5. Заключение

Кассиан Николаевич Любарский был настоящим подвижником науки, археологом-романтиком. Любовь и интерес к памятникам старины, заложенные в нём ещё в детстве, он пронёс через всю жизнь. Как археолог К.Н. Любарский с молодых лет зарекомендовал себя тщательным, внимательным исследователем, применяющим новые методы, среди которых, прежде всего, – фотофиксация объектов и фотоувеличение. Будучи прекрасным художником, он самостоятельно проводил графические реконструкции, делал чертежи планов памятников, которые он раскапывал или рассматривал. Его дневник раскопок храма в Хосте на Кавказе сопровождается схемами ведения работ на каждом их этапе. Тот факт, что в дневниках не приведены планы и фотографии обнаруженных погребений, можно отнести к несовершенству тогдашней методики составления полевой документации. К.Н. Любарский осознавал необходимость улучшения методики археологических работ, сомневаясь в целесообразности раскопок курганов, как тогда говорили, «колодцем».

К.Н. Любарский не считал археологию мёртвой наукой, его описания памятников древности полны восхищения и поэзии. При этом он понимал высокий гражданский и гуманистический посыл археологии, предпринимал титанические усилия для сохранения памятников старины.

Кассиан Николаевич был незаурядной личностью. Кроме того, что он был внимательным исследователем, его таланты раскрывались в поэзии, музыке, живописи. К.Н. Любарский был хорошим другом, благодарным учеником и отзывчивым коллегой. Он тонко чувствовал природу, был по-настоящему влюблён в места, которые ему приходилось исследовать, и в памятники, которые защищал, будь то Средняя Азия, Кавказ, Центральная Россия или Русский Север. К.Н. Любарский не жалел сил для своей работы по сохранению древностей, считая такую работу проявлением гражданственности. Он всем своим существом выступал против войны, и, хотя не интересовался политикой, но отказался покинуть страну в годы испытаний. Кассиан Николаевич мог сделать ещё очень много для российской науки и культуры, но гибель в горниле Гражданской войны прервала деятельность археолога. К.Н. Любарский до конца был верен своему научному и гражданскому долгу, являя для археологов наших дней пример по-настоящему подвижнического служения России.

Литература

Валентин Лаврентьевич Янин, 2014 – Валентин Лаврентьевич Янин / Сост. П.Г. Гайдуков, Л.А. Калашникова; авт. вступ. ст. П.Г. Гайдуков, Н.А. Макаров. 2-е изд. М., 2014 (Материалы к биобиблиографии учёных. История. Вып. 37).

Веселовский, 1900 – Веселовский Н.И. История Императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846-1896 гг. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1900. 514 с.

Воронов, 1979 – Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1979. 128 с.

Жебелев, 2017 – Жебелев С. А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897-1921. М.: ИНДРИК, 2017. 670 с.

Императорское, 1915 – Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.) / под редакцией графини П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина. М., 1915. Т. 2: Биографический словарь членов общества. Список трудов членов общества, помещенных в изданиях общества. 1915. 256 с.

Историческая записка..., 1890 – Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М.: Синодальная типография, 1890. 305 с.

Клейн, 2011 – Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2-х тт. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2011–2014.

Клейн, 2014 – Клейн Л.С. История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 704 с.

Лебедев, 1992 – Лебедев Г.С. История отечественной археологии, 1700–1917 гг. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. 463 с.

Мироненко, 2021 – Мироненко М.П. Судьба русского археолога на переломе эпох / Традиционные и инновационные методы изучения социальной истории России XII–XX веков: сборник статей в честь Елены Николаевны Швейковской. М.: Новый хронограф, 2021. С. 185–193.

Московское..., 2024 – Московское археологическое общество (1864–1923 гг.): история, деятели, опыт, наследие: к 160-летию со дня основания: материалы Всероссийских научно-практических конференций и межрегионального научно-практического семинара. М.: Краеведение: Институт наследия, 2024. 479 с.

Очерки..., 2022 – Очерки истории отечественной археологии. М.: Наука, 2022. Вып. 6. 531 с.

Смирнов, 2011 – Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи. М.: Институт Археологии РАН, 2011. 588 с.

Тункина, 2002 – Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России: (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 674 с.

Формозов, 2007 – Формозов А.А. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М.: Рукописные памятники Древней Руси: Изд. А. Кошелев, 2007. 183 с.

Формозов, 2004 – Формозов А.А. Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков: (обзор книг, вышедших в 1997–2003 гг.). Курск: Издательство КГУ, 2004. 67 с.

Формозов, 1961 – Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 128 с.

Формозов, 2011 – Формозов А.А. Рассказы об учёных. М.: Флинта, 2011. 122 с.

Формозов, 2004 – Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. М.: Знак, 2004. 315 с.

Формозов, 1986 – Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.

Формозов, 1984 – Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М.: Московский рабочий, 1984. 239 с.

Хорошев, 2007 – Хорошев А.С. Арциховский Артемий Владимирович / Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007. С.8.

References

Formozov, 1961 – Formozov, A.A. (1961). Ocherki po istorii russkoi arkheologii [Essays on the history of Russian archeology]. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 128 p. [in Russian]

Formozov, 1984 – Formozov, A.A. (1984). Istorik Moskvyy I.E. Zabelin [The historian of Moscow I.E. Zabelin]. M.: Moskovskii rabochii, 239 p. [in Russian]

Formozov, 1986 – Formozov, A.A. (1986). Stranitsy istorii russkoi arkheologii [Pages of the history of Russian archeology]. M.: Nauka, 240 p. [in Russian]

Formozov, 2004 – Formozov, A.A. (2004). Russkie arkheologi v period totalitarizma: istoriograficheskie ocherki [Russian archaeologists in the period of totalitarianism: historiographical essays]. M.: Znack, 315 p. [in Russian]

Formozov, 2004a – Formozov, A.A. (2004). Istoriografiya russkoi arkheologii na rubezhe XX–XXI vekov: (obzor knig, vyshedshikh v 1997–2003 gg.) [Historiography of Russian archeology at the turn of the XX–XXI centuries: (review of books published in 1997–2003)]. Kursk: Izdatel'stvo KGU, 67 p. [in Russian]

Formozov, 2007 – Formozov, A.A. (2007). Issledovateli drevnostei Moskvyy i Podmoskov'ya [Researchers of antiquities of Moscow and the Moscow region]. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi: Izd. A. Koshelev, 183 p. [in Russian]

Formozov, 2011 – Formozov, A.A. (2011). Rasskazy ob uchenykh [Stories about scientists]. M.: Flinta, 122 p. [in Russian]

Imperatorskoe..., 1915 – Imperatorskoe Moskovskoe arkheologicheskoe obshchestvo v pervoe pyatidesyatiletie ego sushchestvovaniya (1864–1914 gg.). Pod redaktsiei grafini P.S. Uvarovoi i I.N. Borozdina. Moskva, 1915. T. 2: Biograficheskii slovar' chlenov obshchestva. Spisok trudov chlenov obshchestva, pomeshchennykh v izdaniyakh obshchestva [The Imperial Moscow Archaeological Society in the first fifty years of its existence (1864–1914). Edited by Countess P. S. Uvarova and I. N. Borozdin.

Moscow, 1915. Vol. 2: Biographical Dictionary of members of the society. A list of the works of the society's members published in the society's publications.]. 1915. 256 p. [in Russian]

[Istoricheskaya zapiska..., 1890](#) – Istoricheskaya zapiska o deyatelnosti Imperatorskogo Moskovskogo arkhelogicheskogo obshchestva za pervye 25 let sushchestvovaniya [Historical note on the activities of the Imperial Moscow archaeological society for the first 25 years of its existence]. M.: Sinodal'naya tipografiya, 1890. 305 p. [in Russian]

[Khoroshev, 2007](#) – *Khoroshev, A.S.* (2007). Artsikhovskii Artemii Vladimirovich [Artsikhovsky Artemy Vladimirovich] *Velikii Novgorod*. Istoriya i kul'tura IX–XVII vekov. Entsiklopedicheskii slovar'. SPb.: Nestor-Istoriya, p. 8. [in Russian]

[Klein, 2011](#) – *Klein, L.S.* (2011). Istoriya arkhelogicheskoi mysli [The history of archaeological thought]. SPb.: Izdatel'skii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011–2014. V 2 t. [in Russian]

[Klein, 2014](#) – *Klein, L.S.* (2014). Istoriya Rossiiskoi arkhelogii: ucheniya, shkoly i lichnosti. T. 1. Obshchii obzor i dorevolutsionnoe Vremya [The history of Russian archeology: teachings, schools and personalities. Vol. 1. General overview and pre-revolutionary time]. SPb.: EVRAZIYa, 704 p. [In Russian]

[Lebedev, 1992](#) – *Lebedev, G.S.* (1992). Istoriya otechestvennoi arkhelogii, 1700–1917 gg. [The History of Russian Archeology, 1700–1917] SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 463 p. [in Russian]

[Mironenko, 2021](#) – *Mironenko, M.P.* (2021). Sud'ba russkogo arkheloga na perelome epokh [The fate of the Russian archaeologist at the turning point of the epochs] Traditsionnye i innovatsionnye metody izucheniya sotsial'noi istorii Rossii XII–XX vekov: sbornik statei v chest' Eleny Nikolaevny Shveikovskoi. M.: Novyi khronograf, pp. 185–193. [in Russian]

[Moskovskoe..., 2024](#) – Moskovskoe arkhelogicheskoe obshchestvo (1864–1923 gg.): istoriya, deyateli, opyt, nasledie: k 160-letiyu so dnya osnovaniya: materialy Vserossiiskikh nauchno-prakticheskikh konferentsii i mezhhregional'nogo nauchno-prakticheskogo seminar [Moscow Archaeological Society (1864–1923): history, figures, experience, legacy: to the 160th anniversary of its foundation: materials of the All-Russian scientific and practical conferences and the interregional scientific and practical seminar.]. M.: Kraevednie: Institut naslediya, 2024. 479 p. [in Russian]

[Ocherki..., 2022](#) – Ocherki istorii otechestvennoi arkhelogii [Essays on the history of Russian archeology]. M.: Nauka, 2022. Issue 6. 531 p. [in Russian]

[Smirnov, 2011](#) – *Smirnov, A.S.* (2011). Vlast' i organizatsiya arkhelogicheskoi nauki v Rossiiskoi imperii [The power and organization of archaeological science in the Russian Empire]. M. Institut Arkhelogii RAN, 588 p. [in Russian]

[Tunkina, 2002](#) – *Tunkina, I.V.* (2002). Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh Yuga Rossii: (XVIII – seredina XIX v.) [Russian science of classical antiquities of the South of Russia: (XVIII – mid-XIX centuries)]. SPb.: Nauka, 674 p. [in Russian]

[Valentin Lavrent'evich Yanin, 2014](#) – Valentin Lavrent'evich Yanin [Valentin Lavrent'evich Yanin]. Sost. P.G. Gaidukov, L.A. Kalashnikova; avt. vstup. st. P.G. Gaidukov, N.A. Makarov. 2-e izd. M., 2014 (Materialy k biobibliografii uchenykh. Istoriya. Vyp. 37). [in Russian]

[Veselovskii, 1900](#) – *Veselovskii, N.I.* (1900). Istoriya Imperatorskogo russkogo arkhelogicheskogo obshchestva za pervoe pyatidesyatiletie ego sushchestvovaniya, 1846–1896 gg. [The history of the Imperial Russian Archaeological Society for the first fifty years of its existence, 1846–1896]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya, 514 p. [in Russian]

[Voronov, 1979](#) – *Voronov, Yu.N.* (1979). Drevnosti Sochi i ego okrestnostei [The antiquities of Sochi and its environs]. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 128 p. [In Russian]

[Zhebelev, 2017](#) – *Zhebelev, S.A.* (2017). Russkoe arkhelogicheskoe obshchestvo za tret'yu chetvert' veka svoego sushchestvovaniya. 1897–1921 [The Russian Archaeological Society for the third quarter of a century of its existence. 1897–1921]. M.: INDRIK. 670 p. [in Russian]

«Он оставался верен долгу» (к биографии археолога К.Н. Любарского. Дореволюционный период)

Юлия Георгиевна Кокорина ^{а, *}

^а Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена раскрытию биографии малоизвестного российского археолога Кассиана Николаевич Любарского (1886–1920), расстрелянного по приказу Архангельского отдела Всероссийской Чрезвычайной Комиссии в 1920 г. Как показало исследование, К.Н. Любарский был не только профессиональным археологом, но и настоящим гражданином своей страны. Создание жизненного портрета неординарной личности, которой был К.Н. Любарский, определяет

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина)

актуальность данной статьи. Работа выполнена на основе практически не использовавшихся материалов, которые хранятся в архиве археолога, что определяет её новизну. Хронологические рамки работы охватывают жизнь учёного от рождения до революционных событий 1917–1918 гг. Целью работы является не только реконструкция биографии К.Н. Любарского, но и характеристика его как учёного и человека. Анализ архивных материалов показал, что К.Н. Любарский с молодых лет зарекомендовал себя как тщательный и внимательный исследователь, применявший новые для археологии того времени методы, такие как фотофиксация объектов. Во время своей экспедиции на Кавказ в 1915 г. К.Н. Любарский тщательно описывает и фотографирует изучаемые объекты, самостоятельно выполняет графические реконструкции и планы храмов и крепостей. Отсутствие в его дневниках чертежей и фото погребений можно объяснить несовершенством существовавшей в его время методики раскопок, ущербность которой он признавал. Главную цель своей жизни учёный видел в сохранении памятников истории и культуры, за что он активно боролся до последних дней. К.Н. Любарский был незаурядным поэтом, художником, композитором. Он тонко чувствовал природу мест, где ему приходилось работать, обладал высокими моральными качествами, был верным другом и благодарным учеником. В годы Гражданской войны в России он самоотверженно боролся за сохранение памятников Русского Севера от гибели и разграбления, стремился внушить окружающим понимание любви к древностям и чувство патриотизма. По ложному обвинению в сотрудничестве с французскими интервентами был приговорён к расстрелу, повторив судьбу многих энтузиастов науки, погибших в сложное для России время.

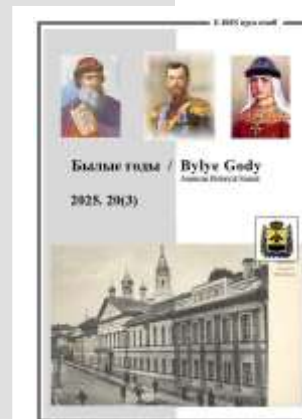
Ключевые слова: история России, история археологии, археология Кавказа, искусство Древней Руси, охрана памятников, К.Н. Любарский.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1506-1515
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1506

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Age Composition of Officials of Yenisei Province in the late 19th – early 20th centuries: based on Materials from the Historical Database

Tatyana G. Karchaeva ^{a,*}, Galina M. Lushchayeva ^a, Anna S. Zhulaeva ^a, Natalia V. Pakhomova ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article tested the historical facts about the age composition of officials in the Yenisei province from 1887 to 1917. The main source of the work was the historical database “Biographical information about officials in the Yenisei province from 1887 to 1917”, compiled on the basis of service records obtained from the funds of the State Archives of the Krasnoyarsk Territory. The methodology of the work was based on general scientific and special historical methods, as well as mathematical and information scientific methods, which made it possible to establish the dynamics and patterns of the professional and age composition of officials of local government bodies of the Russian Empire using the example of the Yenisei province. As part of the work with officials as a social group, employees of the provincial and district/district administration were divided by age and categories of ranks. The results of the study were the following theses: the civil servants were mainly middle-aged (the number of civil servants aged 35 to 49 in the total number increased from 33.9 % to 51.3 % between 1890 and 1917); the number of civil servants aged 25 to 34 was highest in the 1890s, then decreased significantly (from 47.3 to 14.1 %), which indicates the “aging” of local civil servants; the share of young people under 24 in positions in the local government system was low (low proportion of youth); leadership positions were occupied by middle-aged and older civil servants (46-70 years). A pattern was established that the key factor in career advancement was education received, not length of service. At the same time, the increase in the share of mature age groups may indicate the preservation of the age-related changes in the late 19th – early 20th centuries at the level of Siberia, a stable position for officials, which was considered prestigious and ensured financial stability.

Keywords: age composition, professional-age analysis, officials, provincial administration, district administration, civil service, local authorities, Yenisei province, Siberia, Russian Empire.

1. Введение

Рассмотрение кадровой политики государства в отношении служащих местных органов государственной власти может осуществляться через анализ их личного состава. Важным является обращение к возрастной структуре чиновников, которая позволяет судить об эффективности работы по привлечению новых кадров, сбережению опытных служащих, наличию или отсутствию факторов, способствующих карьерному росту. В условиях дореволюционной России соотношение возраста, классного чина, уровня образования, ранга занимаемой должности и социального происхождения чиновников может позволить сделать выводы о социально-экономическом и политическом развитии государства. Выявление точных количественных данных по изменению возрастного состава сибирских чиновников в конце XIX – начале XX в. стало возможным благодаря обращению к современным подходам в работе с источниками, объединённых термином «digital humanities».

* Corresponding author

E-mail addresses: me@karchaeva.ru (T.G. Karchaeva)

2. Материалы и методы

Возрастной состав чиновников, служивших на территории Енисейской губернии, представлен в зарегистрированной Федеральной службой по интеллектуальной собственности (Роспатент) базе данных с одноимённым названием «Биографические сведения о чиновниках Енисейской губернии в 1887–1917 гг.» ([Карчаева, 2024а](#)).

Основой составления исторической базы данных стали формулярные (послужные) списки, поднятые из фондов Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация) (№ 141 «Енисейский губернский суд», № 160 «Енисейская казенная палата», № 595 «Енисейское общее губернское управление», № 613 «Енисейский губернский прокурор»). Другие массовые исторические источники, например, опубликованные «Списки чинов по ведомствам...» (Министерствам внутренних дел, финансов, юстиции), не были использованы при составлении базы данных, так как в них присутствует информация только по нескольким критериям, что, по нашему мнению, нарушило бы её полноту.

Структура базы данных представлена 368 строками (записями), каждая из которых соответствует формулярному списку на одного чиновника. Столбцы названной базы данных повторяют наименования столбцов бланка формулярного списка конца XIX – начала XX в. При этом были введены и дополнительные сведения: архивный шифр хранения документа, год составления формулярного списка; территориальная принадлежность чиновника по возможным критериям (например, место рождения или происхождения дворянского рода, учебного заведения); авторские подсчёты о продолжительности государственной службы; интересные факты биографии.

Заметим, крайние даты представленных в базе данных формулярных (послужных) списков шире хронологических границ данного исследования: самый ранний – 1883 г., самый поздний – 1919 г., что объясняется наличием нескольких формулярных списков на одного чиновника с продолжающимися или более ранними сведениями.

В целом, методология работы строится на общенаучных (анализ, обобщение) и специальных исторических (сравнительно-исторический, историко-системный) методах исследования, которые в совокупности позволили выявить в динамике закономерности возрастного состава чиновников Енисейской губернии в 1887–1917 гг. Математические и информационные методы были применены для установления точных количественных данных о чиновниках по возрастным группам. При этом применялась классическая схема профессионально-возрастного анализа, согласно которой были выделены следующие группы чиновников: до 24 лет (наименьший установленный возраст – 19 лет), от 25 до 34 лет, от 35 до 49 лет, от 50 до 59 лет, старше 60 лет (наибольший возраст – 70 лет).

3. Обсуждение

Рассмотрение количественных показателей в анализе качественных характеристик социальных групп – безусловно, актуальное направление в исторической науке. Разработкой проблем кадрового обеспечения государственной службы в Российской империи занимались ещё советские историки, которые распространили разработанную ими методику анализа формулярных (послужных) списков дореволюционных чиновников ([Зайончковский, 1978](#); [Быконя, 1985](#); [Иванов, 1994](#)).

Региональный аспект развития системы государственного управления – одно из устоявшихся направлений исторической науки в 2000–2020-е гг. В этот период стало публиковаться всё больше научных трудов, рассматривающих чиновников отдельных территорий в качестве социальных групп. В этом направлении присутствуют исследования по Центральной России в целом, а также по Астраханской, Курской и Рязанской губерниям, Тамбовской области, Поволжью, Уралу и Западной Сибири ([Писарькова, 2004](#); [Поскачей, 2005](#); [Любичанковский, 2006](#); [Бутусова, 2006](#); [Соловьев, 2021](#); [Плех, 2021](#); [Шатохин, 2022](#); [Андрянова, Костомаров, 2023](#)). Достаточно подробно уже исследована история системы местного и национального управления на Северо-Востоке Российской империи, то есть на территории Якутии ([Васильев, 2019](#); [Васильев, 2023](#); [Архипова, 2022](#); [Архипова, 2024](#)). Кадровый состав чиновников Енисейской губернии – это предмет исследования красноярских историков. Авторскими коллективами Сибирского федерального университета опубликован ряд статей, в которых рассмотрены численность и социальный состав Енисейской губернской администрации, появляются исследования по правительственным учреждениям Восточной Сибири в целом ([Карчаева, 2017](#); [Карчаева, 2024b](#); [Karchaeva et al., 2022](#); [Karchaeva et al., 2024](#)).

Таким образом, в последнее время наблюдается тенденция рассматривать чиновников государственного управления на материале, в большей степени, региональных архивов, в которых присутствуют фонды местных государственных учреждений. Изучение возрастного состава чиновников Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. с применением технологии базы данных – весьма актуально в рамках «digital humanities». Безусловно, современные научные подходы в исторической науке позволяют выявить скрытые закономерности и тенденции, незаметные при традиционных методах исследования.

4. Результаты

Сведения из базы данных «Биографические сведения о чиновниках Енисейской губернии в 1887–1917 гг.» показали наличие изменений в возрастном составе местных государственных служащих, произошедших за три десятилетия. Всего было рассмотрено 353 чиновника, из которых у 77 чел. формулярные списки были составлены в 1887–1889 гг., 112 чел. – в 1890–1889 гг., 86 чел. – в 1900–1909 гг., 78 чел. – в 1910–1917 гг. Тем самым, по хронологическому принципу были выделены четыре группы чиновников, и путём работы с фильтрами во вкладке «возраст» установлены следующие закономерности (Таблица 1).

Таблица 1. Структура аппарата управления Енисейской губернии по возрасту (1887–1917 гг.)

Возрастная группа	1880-е гг.	1890-е гг.	1900-е гг.	1910-е гг.
19-24 года	7 (9,1%)	5 (4,5%)	5 (5,8%)	4 (5,1%)
25-34 года	25 (32,5%)	53 (47,3%)	26 (30,2%)	11 (14,1%)
35-49 лет	30 (39,0%)	38 (33,9%)	39 (45,3%)	40 (51,3%)
50-59 лет	10 (13,0%)	15 (13,4%)	12 (14,0%)	20 (25,6%)
60-70 лет	5 (6,5%)	1 (0,9%)	4 (4,7%)	3 (3,8%)

Так, почти весь рассмотренный период основу чиновничьего аппарата составляли служащие среднего возраста – от 35 до 49 лет, при этом доля их в общем составе возросла с 39 до 51,3 % (более чем на 12 % за три десятилетия). Процентное соотношение представителей молодого и пожилого возрастов (младше 24 и старше 50 лет) и значительное сокращение на 33 % числа служащих в возрасте от 25 до 34 лет (с 47,3 до 14,1 %) свидетельствуют о некотором «старении» чиновников в 1890–1910-е гг. Доля молодых людей в возрасте до 24 лет была наиболее высокой в 1880-е гг. – 9,1 %, затем в 1890-х гг. понизилась в два раза до 4,5 % и далее оставалась примерно на данном уровне. При этом не исключаем, что незначительное количество формулярных списков на молодых по возрасту чиновников может указывать, попросту, на плохую сохранность их документов как на канцелярских служащих, занимавших «незначительные» по статусу должности. Анализ карьеры многих должностных лиц в Енисейской губернии свидетельствует о начале ими гражданской службы всё-таки в возрасте до 24 лет сразу же после окончания обучения.

Проиллюстрировать приведённые суждения позволяет представленная гистограмма возрастного состава чиновников Енисейской губернии в 1887–1917 гг., единицей измерения которой является процент (Рисунок 1).

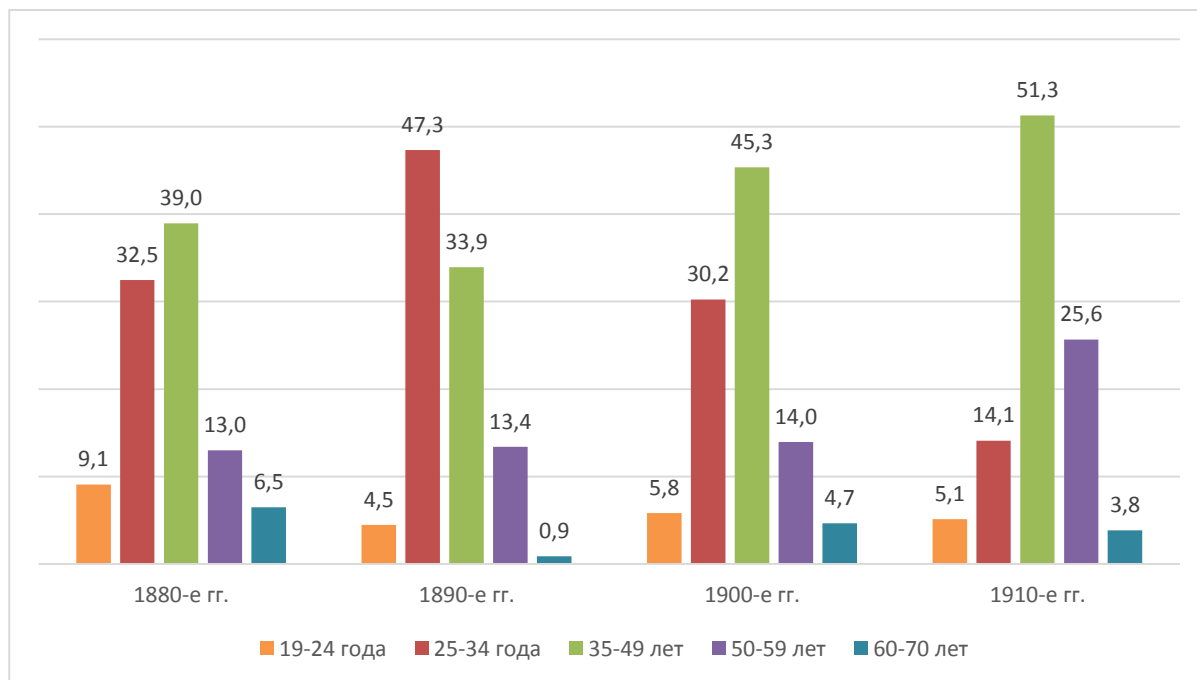

Рис. 1. Процентное соотношение чиновников Енисейской губернии в 1887–1917 гг., %

В целом, увеличение доли более зрелых возрастных групп среди местных управленцев указывает на стабильность их положения. Так, в конце XIX – начале XX в. на территории Сибири быть чиновником считалось престижным, уважаемым делом. Позиция государственного служащего

губернской и окружной/уездной администрации определялась достаточным (даже высоким) регулярным материальным обеспечением и отсутствием финансовых рисков – в сопоставлении с производственной сферой (например, промышленниками, помещиками, купцами) или представителями интеллигенции (врачами, педагогами, актёрами и пр.) (Nesterenko et al., 2024).

Профессионально-возрастной анализ чиновников Енисейской губернии показан в Таблице 2 и Таблице 3.

Таблица 2. Структура аппарата управления Енисейской губернии по возрасту (для чиновников IV–IX классов), 1887–1917 гг.

Возраст	1887–1889		1890–1899		1900–1909		1910–1917	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
16-25	0	0	1	2	0	0	1	2
26-35	4	9,8	21	41,2	8	17,8	6	11,3
36-45	20	48,8	12	23,5	16	35,6	14	26,4
46-60	12	29,2	16	31,3	18	40	30	56,6
61-70	5	12,2	1	2	3	6,7	2	3,7
Всего (чел.)	41		51		45		53	
	190							

В Таблице 2 проанализировано соотношение возраста, чина и должности у служащих с чинами штаб-офицерского ранга – от титулярного советника до действительного статского советника. Так, были рассмотрены формулярные списки 190 человек:

– По губернской администрации – это чиновники Казенной палаты, Общего губернского управления, Губернского правления, Губернской врачебной управы, Приказа общественного призрения, Губернского управления (после 1895 г.), Губернского суда (до 1897 г.), Акцизного управления (после 1902 г.), которые занимали должности губернатора, вице-губернатора, председателей и управляющих названных учреждений, начальников отделений, советников, чиновников особых поручений, столоначальников, казначеев, экзекуторов и др.;

– По окружной/уездной администрации – это должности окружного казначея, старшего чиновника особых поручений, и. д. податного инспектора, окружного/уездного исправника, помощника окружного/уездного исправника, станового пристава, окружного судьи, заседателя, окружного стряпчего, судебного следователя, товарища прокурора, смотрителя тюремного замка, крестьянского начальника, пограничного начальника, горного исправника, врача участка, помощника делопроизводителя, уездного землемера.

Профессионально-возрастной анализ чиновников показал, что руководящие должности были заняты представителями средней и старшей возрастных групп (от 46 до 70 лет) – начальники отделений, старшие советники, советники, старшие чиновники особых поручений, губернский прокурор, товарищ прокурора, старший врач и др.

Самым пожилым за рассмотренный период был 70-летний статский советник Василий Фомич Долгушин – Енисейский губернский прокурор, родной отец знаменитого революционера-народника Александра Васильевича Долгушина. По данным его формулярного списка, составленного в 1886 г., В.Ф. Долгушин происходил из крестьян, был православного вероисповедания, имел среднее образование – окончил Тобольскую мужскую гимназию, его опыт службы по гражданскому ведомству составлял 34 года, жалование и столовые на должности губернского прокурора получал в размере 1650 руб. в год, и он имел следующие награды: Св. Анны II ст., Св. Станислава II ст., Св. Владимира IV ст. и III ст., Серебряная медаль с мечами и бантом в память Русско-турецкой войны 1853–1856 гг., Знак беспорочной службы (15 лет) (ГАКК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 275. Л. 4-5).

Должности, требовавшие специальных знаний, например, губернский архитектор, губернский инженер, губернский землемер, губернский ветеринар, губернский врачебный инспектор, как правило, занимали чиновники средних лет, имевшие профессиональное высшее образование.

Так, по формулярному списку 1894 г. надворный советник Василий Иванович Павлов находился на должности губернского инженера в возрасте 43 лет, происходил из семьи чиновника, окончил Строительное училище МВД в Санкт-Петербурге, до переезда в Сибирь служил в губерниях Центральной России, прибыл в Красноярск из Подольской губернии, опыт службы составлял 20 лет (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 153. Л. 1 об.-6).

Подобным примером более позднего периода может быть статский советник Сергей Иванович Бelyнецкий – губернский инженер, на данную должность прибывший из Иркутской губернии в возрасте 40 лет, происходил из мещан Центральной России, окончил Институт гражданских инженеров. По данным из формулярного списка 1916 г., он на должности губернского инженера получал добавочное жалование за Сибирь в размере 833 руб. 33 коп. (при общем содержании – 3033 руб. 33 коп. в год), имел к этому времени 26 лет стажа гражданской службы (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 196. Л. 48-56).

Анализ массива послужных списков чиновников Енисейской губернии позволил выявить случаи нахождения на должностях нижнего звена (например, секретарей, делопроизводителей, столоначальников и их помощников соответственно) обладателей классных чинов титулярного советника (IX класс) и коллежского асессора (VIII класс), которые могли занимать более высокие по статусу должности. Возраст данных служащих, как правило, был старше 45 лет, образование ограничивалось домашним или начальным, а социальное происхождение – от крестьян до потомственных дворян.

Таким примером совмещения штаб-офицерского чина и не соответствовавшей статусу низкой должности (без видимых причин) может являться титулярный советник Фавст Станиславович Пржесмыцкий, по которому установлено, что в 1886 г. он находился в возрасте 65 лет на должности канцелярского служителя в Красноярском земском суде. По формулярному списку он был родом из неимущих дворян Могилевской губернии, православного вероисповедания, имел домашнее образование, прибыл в Сибирь на службу из Киевской губернии, выслуга лет по гражданскому ведомству составляла 50 лет, а жалование на указанной низкой должности – всего 120 руб. в год, наград не имел, но и, согласно официальным данным, не был под судом и следствием (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 45. Л. 11 об.-28).

Достаточно высокие чины – титулярный советник и выше – имели и молодые по возрасту чиновники, при этом в 1890-е гг. процент лиц, младше 35 лет, был максимальным – более 43 % против 9-17 % в другие десятилетия. Самым молодым из рассмотренных можно считать 25-летнего (в 1913 г.) младшего чиновника особых поручений, титулярного советника Виктора Константиновича Роценского. После окончания им Императорского Александровского лицея (Санкт-Петербург, высший уровень образования) он поступил на гражданскую службу; до приезда в Енисейскую губернию находился на должностях правительственных учреждений в Москве и Казани (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 357. Л. 30-32).

Таким образом, названные примеры доказывают, что состав местного аппарата государственного управления в Енисейской губернии был представлен, как правило, служащими среднего и старшего возраста различного сословно-социального происхождения, а ключевым фактором продвижения по карьерной лестнице было скорее полученное образование, чем выслуга лет (Карчаева, 2017: 95-99, 127-130, 147-149).

В состав местных государственных служащих с классными чинами IV–IX классов (по Табели о рангах), а также не имеющих чина, но занимавших должности в губернской и окружной/уездной администрации или находившихся в штате, вошли 178 чел. (Таблица 3).

Таблица 3. Структура аппарата управления Енисейской губернии по возрасту (для чиновников X–XIV классов и не имеющих чина), 1887–1917 гг.

Возраст	1887–1889		1890–1899		1900–1909		1910–1917	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
16-25	11	29	5	8,2	6	14,6	6	15,8
26-35	20	52,6	36	59	21	51,2	15	39,5
36-45	4	10,5	14	23	9	22	13	34,2
46-60	3	7,9	6	9,8	5	12,2	4	10,5
61-70	0	0	0	0	0	0	0	0
Всего (чел.)	38		61		41		38	
	178							

Из данных, представленных в Таблице 3, следует, что служащих в возрасте до 25 лет (включительно) в Енисейской губернской администрации за весь период было всего 28 чел., и они занимали следующие должности: канцелярские чиновники (3 чел.), письмоводитель (1 чел.), журналист (1 чел.), делопроизводители и исполняющие должность делопроизводителя (3 чел.), помощник делопроизводителя (1 чел.), уголовных дел стряпчий (1 чел.), столоначальники (2 чел.), младшие чиновники особых поручений (1 чел.), помощник столоначальника (1 чел.), ревизор поселений (1 чел.), состоящие в штате учреждений, то есть приписанные к управлению, но на должность ещё не назначенные и получавшие жалование «по трудам и заслугам» (13 чел.).

Самыми молодыми из них в Енисейской губернской администрации в эти годы были 19-летние чиновники:

– Не имеющий чина Серебренников Семен Яковлевич – по формуляру 1886 г. канцелярский служитель, состоящий в штате Енисейского губернского суда, происходивший из духовенства, учился в Красноярском духовном училище (не окончил полный курс), вступил на службу в 16 лет (ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1482. Л. 165-167);

– Коллежский регистратор Мельницкий Антоний Алексеевич – по формулярному списку 1892 г. состоящий в штате Енисейского губернского управления, сын потомственного дворянина и

также местного чиновника, имел средний уровень образования – окончил Красноярскую мужскую гимназию (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 179. Л. 36-38);

– Не имеющий чина Любимов Николай Николаевич – по формуляру 1908 г. также канцелярский служащий, в течение года состоящий в штате Енисейского губернского управления, сын чиновника, имел домашнее образование (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 326. Л. 53-53а).

На уровне окружного/уездного управления за весь период трёх десятилетий из 71 рассмотренного чиновника в возрасте до 25 лет включительно были всего пять человек:

– Не имеющий чина Арзамасцев Николай Георгиевич – по формуляру 1915 г. 21-летний канцелярский служащий в штате Красноярского уездного управления, из мещан, окончил Красноярское городское 4-классное училище, два года выслуги лет (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 241. Л. 32-34);

– Не имеющий чина Тольский Андрей Иванович – по формуляру 1894 г. 24-летний канцелярский служащий и пристав в Красноярском уездном управлении, сын чиновника, окончил Енисейское уездное училище, в течение двух лет – на службе (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 201. Л. 3-4);

– Коллежский регистратор Кокорин Яков Федорович – по формуляру 1909 г. 21-летний столоначальник Минусинского уездного полицейского управления, из мещан, имел начальное образование – окончил Минусинское городское училище, начал службу в возрасте 16 лет канцелярским со званием канцелярского служащего 3-го разряда в Минусинском уездном полицейском управлении (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 325. Л. 15-16);

– Не имеющий чина Немчинов Валентин Михайлович – по формуляру 1889 г. 24-летний столоначальник Красноярского окружного суда, сын чиновника, окончил Омскую военную гимназию, пять лет срок действительной гражданской службы (ГАКК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 294. Л. 4-6);

– Не имеющий чина Хрисанф Иннокентьевич фон Риттер – по формуляру 1907 г. 25-летний смотритель Канской городской больницы, до этого служил в Канском окружном управлении, сын чиновника, окончил Красноярскую учительскую семинарию, имел 12 лет опыта гражданской службы (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 211. Л. 39-42).

Анализ сведений из базы данных показал, что наибольшее число служащих с чинами X–XIV классов и не имеющих чина имели «средний возраст» от 26 до 35 лет – более половины – в 1887–1900-е гг., чуть менее 40 % в 1910–1917 гг.

На уровне губернской администрации, в основном, чиновники «среднего возраста» занимали должности делопроизводителей (10 чел.), товарищей прокурора (13 чел.), столоначальников (10 чел.), помощников делопроизводителей (4 чел.), также были начальники отделений, журналисты, бухгалтеры, чиновники особых поручений, казённых дел стряпчий, гражданский инженер, секретарь, писмоводитель и др., просто находились в штате 13 чел.

В названную возрастную категорию чиновников на уровне окружной/уездной власти входили служащие на следующих должностях: крестьянские начальники (7 чел.), полицейские чины (приставы, надзиратели, исправники, земские заседатели и их помощники соответственно – 14 чел.), секретари (3 чел.), столоначальники (3 чел.), судебные следователи (2 чел.), стряпчий, врач участка, канцелярский чиновник.

В качестве примера служащего среднего возраста на уровне окружной администрации можно назвать коллежского секретаря Александра Александровича Платова – 33-летнего крестьянского начальника в Енисейском уездном управлении (по формуляру 1911 г.), происходившего по сословной принадлежности из мещан Центральной России, обладавшего средним образованием (реальное училище) и 14 годами выслуги по гражданскому ведомству; в соответствии со значимостью должности имел солидное содержание – 2737 руб. 50 коп. (из них 700 руб. – канцелярские деньги, 137 руб. 50 коп. – за службу в Сибири, 300 руб. – за исполнение обязанностей председателя среди крестьянских начальников уезда) (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 230. Л. 39-40).

По сведениям из базы данных, чиновники старшего возраста – от 46 до 60 лет – были исключением среди служащих с чинами IX–XIV классов и не имеющих классных чинов: от 7 до 12 %, при этом, как правило, их задержка в продвижении по карьерной лестнице была связана с двумя факторами – либо низкий уровень образования, который, конечно, соответствовал требованиям, но был ниже, чем у других чиновников (конкурентов на занятие должности), либо прохождение основного периода службы на территориях, где не было ускоренного чиновничьего производства и других привилегий, позволявших достичь высокого чина или должности в более раннем возрасте.

Так, по данным конца XIX в. (1894 г.) в Енисейском общем уездном управлении на должности помощника столоначальника служил 51-летний, не имеющий чина в звании канцелярского служащего, Пётр Степанович Чамов – из потомственных дворян Западного края Российской империи. Он закончил губернскую гимназию в Могилевской губернии и в Сибирь (Енисейскую губернию) был переведён всего как год назад из Новгородской губернии. В общей сложности он имел стаж 32 года на территориях, которые не давали служебных привилегий и ускоренного продвижения по служебной лестнице. Знаками отличия, орденами и медалями награждён не был, а размер жалования на должности помощника столоначальника в Енисейской губернии составлял 940 руб. в год (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 127. Л. 46 об.-60).

Проиллюстрировать общую статистику изменения возраста чиновников Енисейской губернии по десятилетиям в поздний период Российской империи позволяет представленная ниже гистограмма (Рисунок 2).

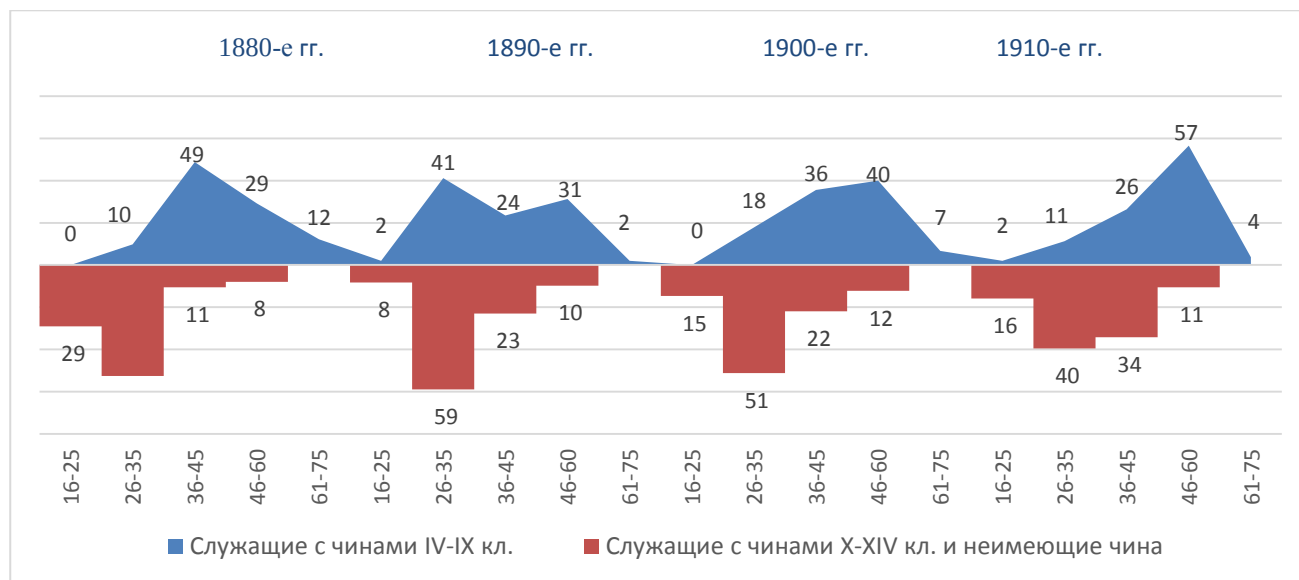

Рис. 2. Динамика возрастного состава чиновников Енисейской губернии по десятилетиям в 1887–1917 гг., %

Согласно представленным на [Рисунке 2](#) данным, была выявлена тенденция повышения возраста среди местных государственных служащих всех уровней: имевших высокие и средние ранги чины IV–IX классов (от действительного статского советника до титулярного советника), нижние чины X–XIV классов (от губернского секретаря до коллежского регистратора) и вовсе не имевших чинов. При этом среди чиновников высшего и среднего ранга названное явление изменения кадрового состава чиновников проявлялось в большей степени.

Некоторым исключением можно считать 1890-е гг., когда основную часть служащих составляли лица среднего возраста – от 26 до 35 лет. Сеем предположить, что омоложение состава чиновников Енисейской губернии произошло вследствие проведения губернской реформы 1895 г., когда было расформировано Енисейское общее губернское управление и состоявшие при нём учреждения (такие как Енисейское губернское правление, Врачебная управа, Приказ общественного призрения) и создано Енисейское губернское управление, включавшее в себя функции более мелких подразделений.

Кроме того, рассмотрение сроков нахождения на должности чиновников в разные хронологические периоды позволило бы сделать вывод о характере обновления кадров местных органов власти в Енисейской губернии. Однако представленная в базе данных информация позволяет говорить о сроках пребывания чиновника на «прошлых» должностях, предшествовавших должности, указанной при составлении формулярного списка. Таким образом, это станет заделом на будущие исследования.

5. Заключение

Динамика возрастного состава чиновников Енисейской губернии может проиллюстрировать как общие черты, так и особенности развития данной территории, Сибири и Российской империи в целом.

В 1887–1917 гг. выявлена общая тенденция снижения возраста чиновников всех рангов в 1890-е гг. и дальнейшего его повышения в 1900–1910-е гг., что было слабо выражено у служащих с IV–IX классами чинов. Профессионально-возрастной анализ аппарата местного управления Енисейской губернии губернского и окружного/уездного уровней позволяет судить о применении сил служащих старшего возраста в работе на управленческих должностях, в функции которых входило экспертное, консультационное сопровождение деятельности соответствующих органов власти.

Российская империя в течение последних трёх десятилетий своего существования подверглась серьёзным испытаниям. Высокие темпы инфляции в условиях военного и революционного времени привели к понижению реальных размеров жалования, столовых и квартирных денег (и прочих выплат по месту службы). Следовательно, сохранение контингента чиновников в Енисейской губернии среднего возраста, то есть отсутствие кардинального обновления управленческого аппарата за счёт молодых «пришлых» чиновников, может говорить о высокой роли нематериального (идейного) мотивирования в системе местного государственного управления.

На основании представленной динамики возрастного состава чиновников Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. можно сделать вывод о распространении на Сибирь ряда мер, ориентированных на повышение качества аппарата управления. Были выявлены черты того, что осуществлялись попытки формирования так называемого «кадрового резерва» администрации за счёт молодых людей – выпускников учебных заведений. Бесспорно, в условиях модернизации, коснувшейся всех сфер жизни общества Российской империи того периода, наличие у чиновника соответствующего требованиям уровня образования расширяло его возможности для дальнейшей службы, так как способствовало так называемому эффективному управлению. Наличие небольшого количества чиновников «старшего возраста» с низким уровнем образования и низким чином говорит о том, что опыт службы не был уже существенным критерием при продвижении по карьерной лестнице.

Литература

- Андрянова, Костомаров, 2023 – Андрянова Д.В., Костомаров В.М. Чиновничество и служащие Тобольского и Томского губернских управлений конца XIX – начала XX вв. в пространственном измерении // *Журнал фронтирных исследований*. 2023. Т. 8. № 2 (30). С. 62-80.
- Архипова, 2022 – Архипова А.И. Социокультурный портрет вице-губернаторов Якутской области конца XIX – начала XX в. // *Известия ИГУ. Серия «История»*. 2022. Т. 39. С. 20-27.
- Архипова, 2024 – Архипова А.И. Ревизионная деятельность генерал-губернаторов Якутской области (в середине XIX – начале XX в.) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2024. Т. 31. № 1. С. 52-58.
- Бутусова, 2006 – Бутусова А.А. Провинциальное чиновничество России в 1861–1917 гг. (на примере Курской губернии): дис. ... канд. ист. наук 07.00.02. Курск, 2006. 183 с.
- Быконя, 1985 – Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII-начале XIX вв: формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1985. 299 с.
- Васильев, 2019 – Васильев А. Д. Якутские областные начальники и их ближайшее окружение (первая половина XIX в.) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2019. Т. 29. С. 65-71.
- Васильев, 2023 – Васильев А. Д. Чиновники особых поручений в системе местного управления Якутской области (вторая четверть XIX в.) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2023. Т. 45. С. 16-26.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Зайончковский, 1978 – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
- Иванов, 1994 – Иванов В. А. Губернское чиновничество 50 – 60 гг. XIX в. в России. Историко-источниковедческие очерки. Калуга: Изд-во Калужск. пед инст-та им. К.Э. Циолковского, 1994. 232 с.
- Карчаева, 2017 – Карчаева Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск: Изд-во СФУ, 2017. 252 с.
- Карчаева, 2024а – Карчаева Т. Г. Биографические сведения о чиновниках Енисейской губернии в 1887–1917 гг. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024626395, 26.12.2024. Заявка № 2024626392 от 25.12.2024.
- Карчаева, 2024b – Карчаева Т. Г. Кадровая документация по личному составу местных государственных учреждений Восточной Сибири в поздний дореволюционный и ранний советский периоды // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2024. Т. 50. С. 33-40.
- Любичанковский, 2006 – Любичанковский С.В. Вице-губернаторский корпус Урала в конце XIX – начале XX в. (социокультурная характеристика) // *Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2006. № 41. С. 193-206.
- Писарькова, 2004 – Писарькова Л.Ф. Чиновник на службе в конце XVIII – середине XIX века // *Отечественные записки*. 2004. № 2. С. 358-370.
- Плех, 2021 – Плех О.А. Состав чиновничества Архангельской губернии в первой половине XIX в. // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2021. № 1 (5). С. 16-63.
- Поскачей, 2005 – Поскачей Т.А. Социальная характеристика рязанского чиновничества в первой половине XIX в. // *Аспирантский вестник Рязанского государственного педагогического университета имени С.А. Есенина*. 2005. № 6. С. 82-85.
- Соловьев, 2021 – Соловьев Д.А. Определение влияния вице-губернаторов России: позиционный метод (на примере Тамбовской области) // *Журнал политических исследований*. 2021. Т. 5. № 1. С. 150-177.
- Шатохин, 2022 – Шатохин И.Т. Курские вице-губернаторы: опыт реконструкции служебной карьеры // *Via in Tempore. История. Политология*. 2022. Т. 49. № 2. С. 375-384.
- Dyatlov, Dyatlova, 2020 – Dyatlov V.I., Dyatlova E.V. From the “Influx of the Yellow Race” to “Migrant Workers”: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020. 13 (5). Pp. 623-638.

[Nesterenko et al., 2024](#) – Nesterenko D.N., Gergilev D.N., Izluchenko T.V., Khait N.L. Governor's Reports to the Supreme Name of the Yenisei Province in the XIX – early XX centuries: Source Criticism Capability // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 613-622.

[Karchaeva et al., 2022](#) – Karchaeva T.G., Severyanov M.D., Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. «Where are you from?»: Staffing of the Public service in the Irkutsk and Yenisei provinces from XIX to early XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17 (1): 403-411.

[Karchaeva et al., 2024](#) – Karchaeva T.G., Luschaeva G.M., Novosel'tsev N.R., Severyanov M.D. “Zealous Servants” of the State: About Officials and Their Awards in the XIX – early XX centuries (based on the Materials of the Yenisei Province) // *Bylye Gody*. 2024. 19 (3): 1407-1415.

References

[Andriyanova, Kostomarov, 2023](#) – Andriyanova, D.V., Kostomarov, V.M. (2023). Chinovnichestvo i sluzhashchie Tobol'skogo i Tom'skogo gubernskikh upravlenij konca XIX – nachala XX vv. v prostranstvennom izmerenii [Bureaucracy and Civil Servants of the Tobolsk and Tomsk Provincial Administrations of the late 19th – early 20th centuries in the Spatial Dimension]. *Zhurnal frontirnykh issledovanij*. 2(30): 62-80. [in Russian]

[Arkhipova, 2022](#) – Arkhipova, A.I. (2022). Sociokul'turnyj portret vice-gubernatorov Yakutskoj oblasti konca XIX – nachala XX v. [Arkhipova. Sociocultural portrait of vice-governors of the Yakutsk region of the late XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 39: 20-27. [in Russian]

[Arkhipova, 2024](#) – Arkhipova, A.I. (2024). Revizionnaya deyatel'nost' general-gubernatorov Yakutskoj oblasti (v seredine XIX – nachale XX) [Arkhipova. Audit activities of the governors-general of the Yakutsk region (in the middle of the XIX - beginning of XX)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 31(1): 52-58. [in Russian]

[Butusova, 2006](#) – Butusova, A.A. (2006). Provincial'noe chinovnichestvo Rossii v 1861–1917 gg. (na primere Kurskoj gubernii) [The provincial officials of Russia from 1861 to 1917 (on the example of Kursk Province)]: dis. ... kand. ist. nauk 07.00.02. Kursk. 183 p. [in Russian]

[Bykonya, 1985](#) – Bykonya, G.F. (1985). Formirovanie voenno-byurokraticheskogo dvoryanstva [Formation of the military bureaucratic nobility]. Krasnoyarsk. 300 p. [in Russian]

[Dyatlov, Dyatlova, 2020](#) – Dyatlov, V.I., Dyatlova, E.V. (2020). From the “Influx of the Yellow Race” to “Migrant Workers”: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 13(5): 623-638. [in Russian]

[GAKK](#) – Gosudarstvennyj arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State Archives of the Krasnoyarsk Krai].

[Ivanov, 1994](#) – Ivanov, V.A. (1994) Gubernskoe chinovnichestvo 50 – 60 gg. XIX v. v Rossii. Istoriiko-istochnikovedcheskie ocherki [Provincial bureaucracy 50-60 years XIX century. in Russia. Historical and source studies essays]. Kaluga. 232 p. [in Russian]

[Karchaeva et al., 2022](#) – Karchaeva, T.G., Severyanov, M.D., Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V. (2022). “Where are you from?»: Staffing of the Public service in the Irkutsk and Yenisei provinces from XIX to early XX centuries. *Bylye Gody*. 17(1): 403-411.

[Karchaeva et al., 2024](#) – Karchaeva, T.G., Luschaeva, G.M., Novosel'tsev, N.R., Severyanov, M.D. (2024). “Zealous Servants” of the State: About Officials and Their Awards in the XIX – early XX centuries (based on the Materials of the Yenisei Province). *Bylye Gody*. 19(3): 1407-1415.

[Karchaeva, 2017](#) – Karchaeva, T.G. (2017). Enisejskaya gubernskaya administraciya: chislennost' i sostav (1822–1917 gg.) [Yenisei provincial administration: number and composition (1822–1917)]. Krasnoyarsk. 252 p. [in Russian]

[Karchaeva, 2024a](#) – Karchaeva, T.G. (2024). Biograficheskie svedeniya o chinovnikakh Enisejskoj gubernii v 1887–1917 gg. [Biographical information about the officials of the Yenisei province in 1887–1917]. Svidetel'stvo o registracii bazy dannykh RU 2024626395, 26.12.2024. Zayavka № 2024626392 ot 25.12.2024. [in Russian]

[Karchaeva, 2024b](#) – Karchaeva, T.G. (2024). Kadrovaya dokumentaciya po lichnomu sostavu mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdenij Vostochnoj Sibiri v pozdnij dorevolucionnyj i rannij sovetskij periody [Personnel documentation on the personnel of local government agencies in Eastern Siberia in the late pre-revolutionary and early Soviet periods]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 50: 33-40. [in Russian]

[Lyubichankovskij, 2006](#) – Lyubichankovskij, S.V. (2006). Vice-gubernatorskij korpus Urala v konce XIX – nachale XX v. (sociokul'turnaya harakteristika) [The Vice-Governor's corps of the Urals in the late 19th – early 20th centuries. (socio-cultural characteristics)]. *Izvestiya: Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 41: 193-206. [in Russian]

[Nesterenko et al., 2024](#) – Nesterenko, D.N., Gergilev, D.N., Izluchenko, T.V., Khait, N.L. (2024). Governor's Reports to the Supreme Name of the Yenisei Province in the XIX – early XX centuries: Source Criticism Capability. *Bylye Gody*. 19(2): 613-622.

[Shatokhin, 2022](#) – Shatokhin, I.T. (2022). Kurskie vice-gubernatory: opyt rekonstrukcii sluzhebnoj kar'ery [Kursk vice-governors: experience of reconstruction of service career]. *Via in Tempore. Istoriya. Politologiya*. 49(2): 375-384. [in Russian]

Solov'ev, 2021 – Solov'ev, D.A. (2021). Opredelenie vliyatel'nosti vice-gubernatorov Rossii: pozitsionnyj metod (na primere Tambovskoj oblasti) [Determining the influence of the deputy chairmen of the Tambov Regional Duma of the VI convocation (2016–2021)]. *Zhurnal politicheskikh issledovanij*. 5(1): 150-177. [in Russian]

Vasil'ev, 2019 – Vasil'ev, A.D. (2019). Yakutskie oblastnye nachal'niki i ikh blizhajshee okruzhenie (pervaya polovina XIX v.) [Yakutsk regional chiefs and their closest circle (first half of the 19th century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta.. Seriya Istoriya*. 29: 65-71. [in Russian]

Vasil'ev, 2023 – Vasil'ev, A.D. (2023). Chinovniki osobykh poruchenij v sisteme mestnogo upravleniya Yakutskoj oblasti (vtoraya chetvert' XIX v.) [Officials of special assignments in the local government system of the Yakutsk region (second quarter of the 19th century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 45: 16-26. [in Russian]

Zajonchkovskij, 1978 – Zajonchkovskij, P.A. (1978). Pravitel'stvennyj apparat samoderzhavnoj Rossii v XIX v. [The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century.]. M. 288 p. [in Russian]

Возрастной состав чиновников Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в.: по материалам исторической базы данных

Татьяна Геннадьевна Карчаева^{a, *}, Галина Михайловна Луцаева^a, Анна Сергеевна Жулаева^a, Наталья Вениаминовна Пахомова^a

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены ранее неизвестные факты о возрастном составе чиновников Енисейской губернии в 1887–1917 гг. Основным источником работы стала историческая база данных «Биографические сведения о чиновниках Енисейской губернии в 1887–1917 гг.», составленная на основе формулярных (послужных) списков, извлечённых из фондов Государственного архива Красноярского края. В основу методологии работы легли наряду с общенаучными и специальными историческими, также математические и информационные научные методы, позволившие установить динамику и закономерности профессионально-возрастного состава чиновников местных государственных органов власти Российской империи на примере Енисейской губернии. В рамках работы с чиновниками как социальной группой, служащие губернской и окружной/уездной администрации были поделены по возрасту и категориям чинов. Результатами исследования стали следующие тезисы: основу чиновничьего аппарата составляли служащие среднего возраста (число служащих от 35 до 49 лет в общем составе за период с 1890 по 1917 г. возросло с 33,9 % до 51,3 %); количество чиновников в возрасте от 25 до 34 лет было наибольшим в 1890-е гг., затем существенно сократилось (с 47,3 до 14,1 %), что свидетельствует о «старении» местного чиновничества; доля молодых людей до 24 лет на должностях в системе местного государственного управления была невысокой (низкая доля молодёжи); руководящие должности занимали чиновники среднего и старшего возраста (46–70 лет). Установлена закономерность, что ключевым фактором продвижения по карьерной лестнице было полученное образование, а не выслуга лет. При этом увеличение доли зрелых возрастных групп может свидетельствовать о сохранении в конце XIX – начале XX в. на уровне Сибири стабильного положения чиновников, которое считалось престижным и обеспечивало материальную стабильность.

Ключевые слова: возрастной состав, профессионально-возрастной анализ, чиновники, губернская администрация, окружная администрация, гражданская служба, местные органы власти, Енисейская губерния, Сибирь, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

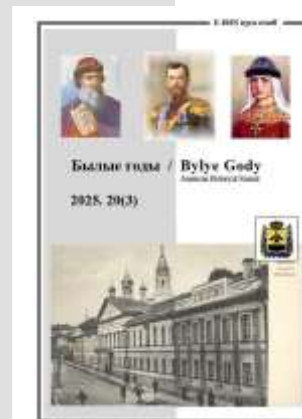
Адреса электронной почты: me@karchaeva.ru (Т.Г. Карчаева)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1516-1529
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1516

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“2 for Behavior”. The Life and Death of Gymnasium Student Volodya Belavin as a Reflection of Daily School Life at the end of the 19th – early 20th centuries

Elena V. Burlutskaya ^{a, *}

^a Orenburg State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The paper examines how the intra-school environment influenced the psyche and behavior of students using the example of events that took place in the Orenburg boys' gymnasium at the end of the 19th – early 20th centuries. The organization of education and upbringing in the gymnasium acts as an objective circumstance of the daily life of gymnasium students. The psyche and behavior of students, as components of their everyday life, are examined through the prism of the life of one of the gymnasium students, Vladimir Belavin, who committed suicide in October 1908. The source base of the research is the materials from the Orenburg press, which describe this event in detail, as well as a personal source – the memoirs of N.A. Krashenninnikov, who studied at the same gymnasium several years earlier.

An analysis of available sources allows us to state the crisis state of Russian secondary schools during the specified period. Students were required to strictly adhere to harsh disciplinary rules in addition to mastering an ever-increasing amount of information. For teenagers, such mental stress often proved to be completely unbearable. In addition to this, children were generally forbidden to openly experience psychological crises and personal problems that the school teaching community considered insignificant, caused by insufficient diligence or laziness of the student.

Many teachers treated students in an inappropriate, disrespectful, or even downright cruel manner. Possible reasons for these patterns of behavior could include a significant age gap between teachers and students, the high social and intellectual standing of teachers, as well as the fact that they may have been overworked and experiencing professional burnout, and possibly personal hostility towards some gymnasium students.

During this period, parent committees were only in their initial stages of development and could not adequately protect the interests of students. Unfortunately, these committees often began active work only after cases of teenage suicide. Such tragedies prompted parents to appeal to the leadership of school districts, resulting in the dismissal of some of the most odious teachers.

Overall, based on our analysis of historical experience, we find that teachers' judgments of students were subjective, that the severity of school punishments did not match the offenses committed, and that there was no visible correlation between a failing grade for behavior and positive changes in the behavior of gymnasium students.

Keywords: teenagers, daily life, behavior, suicide, school, Orenburg boys' gymnasium, end of the 19th–20th centuries.

1. Введение

Современная историческая наука исходит из постулата о том, что для неё не существует важных или неважных событий, значимых или совершенно незаметных людей. Для того, чтобы история в итоге воссоздала максимально объективную картину прошлого, необходимо соединить максимально

* Corresponding author

E-mail addresses: ida777@yandex.ru (E.V. Burlutskaya)

возможное количество личных судеб и изучить миллионы самых разных частных событий. Именно через множество субъективностей станет возможным обретение объективного.

В таком контексте анализ биографических материалов и сохранённых в них событий, оценок, представлений, установок становится одним из наиболее перспективных направлений исторических исследований.

В рамках данной статьи будет предпринята попытка анализа обстоятельств трагической гибели гимназиста Владимира Белавина, история которого всколыхнула Оренбург осенью 1908 г. Специфика школьной жизни, особенности коммуникации преподавателей и учащихся будут представлены в качестве компонентов школьной повседневности подростков в конце XIX - начале XX столетия. Основной упор будет сделан на такие компоненты повседневности, как поведение и психология (сознание) как учащихся, так и учащихся.

2. Материалы и методы

Активное обсуждение случившейся трагедии на страницах оренбургской прессы позволило получить достаточно богатый и эмоционально окрашенный материал, представляющий обе стороны школьной жизни – мир учителей и мир учеников. Публикации в «Оренбургском крае» и «Оренбургской газете» дали возможность приблизиться к решению вопроса о том, что же в итоге сделало возможной именно такую судьбу, привело именно к такому исходу событий.

Публицистика была дополнена сведениями личного происхождения. В 1888–1897 гг. в Оренбургской мужской гимназии курс обучения проходил Николай Александрович Крашенинников, российский прозаик и драматург, зафиксировавший свои воспоминания о гимназических годах в повести «Восемь лет. Воспоминания о гимназии», опубликованной впервые в 1907 г. (Крашенинников, 1907). В 1911 г. произведение было переиздано с изменениями и дополнениями (Крашенинников, 1911). Яркие и драматичные картины школьной жизни, воспроизведённые Крашенинниковым, предоставили богатый материал для анализа повседневной жизни оренбургских гимназистов.

Вспомогательный характер носит справочный и актовый материал, заключённый в различных циркулярах, издаваемых педагогическим ведомством, а также в Памятных книжках и Адрес-календарях исследуемого периода.

Берущий начало в древних «жизнеописаниях» метод биографического анализа в сообществе историков оценивается неоднозначно. Тем не менее, Р. Ротберг подчёркивал, что только профессиональные историки могут «написать хорошую биографию», поскольку только они способны соединить внутренние и внешние факторы, «проникнуть в глубину индивидуальной мотивации и объяснить ее независимо от последствия и результатов» (Дунаева и др., 2011: 37–38).

В этой связи следует вспомнить французского историка Ж. Ревеля, выделившего в биографических исследованиях такой тип, как «биография, воссоздаваемая на основе контекста». Для такого биографического анализа повествование об индивидуальной судьбе представляется гораздо менее важным, нежели выяснение того, «что сделало возможной и мыслимой такую судьбу, такой жизненный путь в том контексте, который подлежит воссозданию» (Дунаева, 2011: 18).

Таким образом, обращение к контексту, воспроизводимому через широкое цитирование источника, использование метода «насыщенного описания» (Гирц, 2004), основанного на интерпретации, чувствовании и понимании текста, позволяет определить мотивацию 15-летнего гимназиста, решившего расстаться с жизнью. В свою очередь, анализ этих побудительных причин позволяет дать более широкую характеристику всей школьной повседневности, наблюдавшейся в Оренбургской мужской гимназии в начале XX столетия.

3. Обсуждение

Подростковые суициды неоднократно подвергались анализу исследователями, принадлежавшими к различным отраслям научного знания – психологами, врачами, педагогами. Ещё в досоветский период была обнародована статистика подростковых и юношеских самоубийств (Хлопин, 1906; Попов, 1911; Флоровский, 1915). Предпринимались попытки объяснения этих юношеских девиаций (Проаль, 1908; Хорошко, 1909; Сикорский, 1913; Феноменов, 1914; Крупская, 1957). В рамках гуманистической научной традиции, отдающей приоритет социальным, социально-педагогическим обстоятельствам и психофизическим факторам суицидов, большинство авторов соглашались, что среди «ближайших причин покушений на самоубийство среди учащихся в средних учебных заведениях обоего пола первое место принадлежит школьным причинам» (Хлопин, 1906: 65).

Среди современных авторов, обращающихся к данной теме, следует выделить А.Б. Лярского (Лярский, 2010; Лярский, 2017), наиболее глубоко исследовавшего феномен детских и юношеских самоубийств, а также И. В. Синову (Синова, 2014; Синова, 2019), которая рассматривала проблему подростковых суицидов как одно из проявлений социально-экономического кризиса второй половины XIX – начала XX в.

Самоубийство Владимира Белавина, наряду с другими подростковыми суицидами учащихся Оренбургской мужской гимназии, уже упоминалось в одной из предшествующих работ автора данной

статьи (Burlutskaya, Abdrakhmanova, 2024). В ряде публикаций автора содержался довольно подробный анализ трудов, посвящённых проблеме подростковых самоубийств в начале XX в. (Burlutskaya, Abdrakhmanova, 2024; Бурлуцкая, 2025).

Поскольку важную роль в данном исследовании играет Оренбургская мужская гимназия, как объективная реальность, создающая предпосылки для суицидальных мыслей учащихся, несколько слов следует сказать о работах, посвящённых данному учебному заведению.

Первой работой, в которой гимназии было уделено достаточно много внимания, стал географическо-статистический очерк К.А. Белавина об Оренбурге (1891 г.) (Белавин, 1891). В 1893 г. тем же автором была составлена «Историческая записка об Оренбургской мужской гимназии за первое двадцатипятилетие ее существования» (Белавин, 1893). В советский период специальных исследований, посвящённых гимназии, не осуществлялось. В постсоветской же историографии информация об Оренбургской мужской гимназии была представлена в ряде статей (Злобин, 2000; Аносов, 2006; Матвиевская, 2011b) и монографий (Болодурин, 2001; Болодурин, 2008; Абдрахманова, Бурлуцкая, 2024), касающихся эволюции системы образования в Оренбургском учебном округе. Однако в этих работах основное внимание уделялось анализу динамики численности учащихся, материальной базе учебного заведения, его административному аппарату, методике преподавания учебных дисциплин.

Анализ внутригимназической повседневности в названных исследованиях не осуществлялся, поэтому данная статья может считаться первой работой, затрагивающей указанную проблематику.

4. Результаты

Володя Белавин родился 8 сентября 1893 г. в семье преподавателя Оренбургской мужской гимназии, коллежского советника Константина Александровича Белавина и его супруги Елены Николаевны (ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 849. Л. 206-3). Помимо Владимира, у Белавиных было ещё трое детей – сын Константин и дочери Ольга и Елена. Владимир был третьим по порядку рождения. С 1884 до 1907 г. К.А. Белавин, действительный статский советник, служил в Оренбургской мужской гимназии учителем истории и географии, сопрягая эту службу с аналогичной должностью в женской гимназии г. Оренбурга (Burlutskaya, Abdrakhmanova, 2024: 876). В 1907 году он был назначен директором Ирбитской гимназии Пермской губернии (Циркуляр..., 1907b: 412). Елена Николаевна в октябре 1906 г. поступила на должность учительницы приготовительного класса Оренбургской частной женской гимназии Н.В. Карповой (Циркуляр..., 1907a: 326).

Главным антагонистом Владимира Белавина в этой трагедии был Александр Онуфриевич Киселев, служивший в Оренбургской мужской гимназии с 1904 г. преподавателем математики. Сведений о нём сохранилось немного. Как сообщает в своей статье Г.П. Матвиевская, Александр Онуфриевич «родился в 1867 г. и происходил из дворянской семьи, проживавшей в Красноярске. Учился на математическом факультете Московского университета, который окончил с дипломом 1-й степени. По предложению попечителя Оренбургского учебного округа А.О. Киселев 19 октября 1892 г. был определен преподавателем математики и физики в Екатеринбургскую [женскую – Прим. Е.Б.] гимназию, где работал до 1895 г., когда был перемещен на ту же должность в Троицкую [мужскую – Прим. Е.Б.] гимназию. В 1901 г. он переехал в Оренбург, получив назначение в Оренбургскую киргизскую учительскую школу преподавателем математики, но оставался здесь недолго: с 1 сентября 1902 г. “приказом главного инспектора училищ Восточной Сибири был назначен учителем математики и физики Красноярской мужской гимназии”. Через год, 1 августа 1903 г. А.О. Киселев, “согласно прошению”, был уволен в отставку, но тогда же на таком же основании, по предложению попечителя Оренбургского учебного округа определен преподавателем математики в Оренбургское реальное училище. Еще через год, 1 июля 1904 г., он был перемещен в Оренбургскую мужскую гимназию» (Матвиевская, 2011a: 274-275).

В глаза бросается тот факт, что на одном месте Александр Онуфриевич, как правило, не задерживался больше года. Вряд ли это могло быть обусловлено какими-то задачами Министерства народного просвещения. Вероятнее всего, Киселев просто не приживался в педагогическом коллективе и вынужден был менять место своего педагогического служения. Семью Александра Онуфриевича составляли супруга Ольга Ивановна (Киселев был женат вторым браком) и семеро детей (Burlutskaya, Abdrakhmanova, 2024: 876). Младшая дочь Анастасия родилась 19 февраля 1904 г. (ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 1552. Л. 353об.). Наличие стольких иждивенцев, вероятно, делало финансовые вопросы для Киселева очень чувствительными и заставляло его браться за дополнительную работу.

Итак, на должность преподавателя математики в Оренбургскую мужскую гимназию Александр Онуфриевич был переведён с такой же должности из Оренбургского реального училища (Циркуляр..., 1904: 273). При этом отмечалось, что господин Киселев пропустил более 19 % от общего числа уроков по физике, алгебре, геометрии, тригонометрии, космографии, проекционному черчению, географии и черчению (Циркуляр..., 1904: 281), которые ему следовало дать в училище в течение первой половины 1903–1904 учебного года. В результате, перевод из одного учебного заведения в другое мог

быть связан с тем, что в реальном училище, где на точные и технические науки обращалось довольно серьёзное внимание, господину Киселеву стали предъявлять претензии.

В 1906 г., не прерывая своей работы в гимназии, Киселев основал в Оренбурге так называемый «Оренбургский вольный университет», слушатели которого изучали широкий круг учебных дисциплин. В брошюре, опубликованной в 1907 г., данное неформальное учебное заведение было названо «Оренбургскими высшими курсами А.О. Киселева» (Матвиевская, 2011b: 28). Сам Киселев читал на этих курсах лекции по арифметике, алгебре, геометрии и физике. Можно предположить, что организация названных курсов, во-первых, требовала от преподавателя значительных временных, интеллектуальных и даже физических затрат (лекции читались по вечерам или в выходные дни), ведь Киселев читал в своём «вольном университете» по 10 лекций в неделю (Матвиевская, 2011a: 276)! А, во-вторых, руководство «высшими курсами», которые в перспективе Киселев планировал превратить в учебное заведение университетского типа по образцу Москвы, Петербурга, Казани, Киева, Одессы, несомненно, повышало самооценку преподавателя математики. Возможно, он даже представлял себя будущим главой Оренбургского университета.

В отличие от Александра Онуфриевича Киселева, Володя Белавин ощущал себя скверно. Как отмечала «Оренбургская газета», в шестом классе он был оставлен на второй год, после чего решил перевестись в другую гимназию, тем более что его отец уже был переведён из Оренбурга в Ирбит. Родители были согласны с этим решением и ждали только выставления «третьих баллов» (оценок за четверть), чтобы взять его из гимназии (Исследователь, 1908: 4). Отец Володи, Константин Александрович, к тому времени уже уехал к своему новому месту службы. С детьми оставалась мать, которая, интересуясь успехами сына, несколько раз лично приходила в гимназию и регулярно получала там от начальства «успокоительные сообщения» (Исследователь, 1908: 4).

В целом, Володя Белавин мало чем отличался от своих сверстников как по успехам в учении, так и по поведению. Современные авторы отмечали, что с точки зрения школы XXI в., «успеваемость в гимназии была весьма невысокой. Оставление на второй год, неудовлетворительные оценки на экзаменах, в том числе и на выпускных, были обычным, рядовым событием» (Болодурин, 2001: 39). Ни в чём предосудительном В. Белавин замечен не был. Однако, как отмечали журналисты, основным «камнем преткновения для покойного была математика» (Исследователь, 1908: 4).

Математика в гимназии нелегко давалась многим. Как правило, этот предмет на всем протяжении истории данного учебного заведения преподавали директора гимназии или очень авторитетные педагоги. Н.А. Крашенинников по этому поводу писал в своих воспоминаниях: «У воспитанников же средних и старших боязнь перед единицами доходила до психоза. Блуждающие глаза, желтое лицо, пугливая улыбка, нервные, скачущие движения – вот в мое время тип среднего гимназиста. И странно, и жалко припоминать, как великовозрастный юноша, одетый в серую форменную рубашку чисто детского покроя, волновался и трясся из-за недоученного перевода, из-за непонятной теоремы...» (Крашенинников, 1911: 162).

Однако после очередного ответа на уроке господин Киселев поставил Белавину за ответ четверку. После урока Володя тут же в классном коридоре спросил у Киселева, какой у него балл, и преподаватель «сказал настолько громко – “четыре”, что это слышали многие товарищи покойного». Вернувшись домой, гимназист сообщил о своей радости матери и, «считая эту четверку настолько важным для себя баллом, написал в нескольких письмах об этом событии» (Исследователь, 1908: 4).

Но перед выставлением оценок за четверть А.О. Киселев, придя в класс Белавина, стал выяснять, у кого из гимназистов ещё нет отметок. Воспитанники ответили, что отметки выставлены всем. «А у вас, Белавин?», – обратился учитель к покойному. – «У меня четыре!...», – ответил тот. «У вас нет балла», – резко перебил г. Киселев и начал грубо бранить В. Белавина, – уличая его якобы во лжи». Тогда многие одноклассники Володи возмутились и заявили «расходившемуся» преподавателю, что они слышали от него же в коридоре, что он действительно поставил Белавину четыре. Киселев категорически повторил, что у Белавина нет балла, что он его не вызывал, так как в противном случае отметка стояла бы в журнале (Исследователь, 1908: 4).

И здесь нужно сказать об особенностях ведения Александром Онуфриевичем оценочных ведомостей. Оценки преподаватель ставил не в классный журнал, а записывал на отдельном листе. Вероятно, Киселев попросту забыл перенести четвёрку в официальный документ, а, возможно, вообще забыл её поставить.

В ответ на обвинения Володя Белавин задал преподавателю вполне естественный вопрос – «Так что же, я вру значит?». Педагог раскричался ещё сильнее, а затем потребовал, чтобы мальчик вышел к доске отвечать, так как он хочет проверить его знания. «Можно себе представить, – писал журналист, – в каком состоянии духа вышел В. Белавин к ответу» (Исследователь, 1908: 4). Учитель задал несколько вопросов, на которые Володя, естественно, ответил плохо. Киселев поставил «двойку», «торжественно установил факт лжи г. Белавина и в заключение прибавил: “Я доложу совету [имелся в виду школьный педагогический совет – Прим. Е.Б.], что вы не только ленитесь, но еще и врете”» (Исследователь, 1908: 4).

Нормативно гимназии до начала XX в. основывались на правилах работы средних образовательных учреждений от 1874 г., 22 параграф которых гласил, что ученики «обязаны быть вполне правдивыми вообще и особенно в отношении к своим начальникам и наставникам, избегая всякого лицемерия, притворства, лжи и обмана» (Правила..., 1874: 7). В итоге, как утверждала пресса, Киселев не только выставил Белаину «двойку» по предмету, но и санкционировал выставление ему «двойки» по поведению. Для мальчика это означало полное крушение всех его надежд. «Арестантский балл», как его называли гимназисты, не давал никаких шансов перевестись в другое учебное заведение, поскольку ни одна гимназия не принимала ученика с двойкой по поведению «в трети».

Однако выставление неудовлетворительной оценки по поведению вообще-то должно было сопровождаться определённой процедурой. Педсовет должен был предварительно вызвать родителей обучающегося и провести с ними беседу. Но, несмотря на то, что отец Володи, Константин Александрович Белаин, проработал в Оренбургской мужской гимназии 18 лет, на педагогическом совете при выставлении «двойки» по поведению его сыну всего двое преподавателей выступили против. Кроме того, как замечали журналисты, «совет не принял во внимание такой важный фактор, как переходный возраст покойного, ему было 15 лет, а в эти годы ребенок перерождается в юношу, и его самолюбие, его нервная психика делаются в высшей степени чувствительны к самым малейшим уколам...» (Исследователь, 1908: 4).

Табель с неудовлетворительной оценкой при этом был отправлен не матери Володи в Оренбург, а отцу, находящемуся в другом городе. А после гибели мальчика начальство гимназии инициировало возврат казённого письма с отправленным документом. Приехавшему в Оренбург Константину Александровичу Белаину в итоге был представлен уже совсем другой табель, где «двойка» Володи по поведению объяснялась не его ложью, «а уклонением от наказания, занятиями посторонним делом во время уроков и вообще шалостью и дурным, дерзким поведением» (Исследователь, 1908: 5). Матери же сообщили, что неудовлетворительная оценка по поведению была выставлена за то, что её сын не приносил записок, когда пропускал уроки.

Действия руководства Оренбургской мужской гимназии в данном случае напоминают какую-то попытку мести бывшему преподавателю, который поднялся по карьерной лестнице. Все выглядит так, будто педсовет стремился максимально уязвить К.А. Белаина тем, что его сын невоспитан и дерзок. Оренбургские журналисты считали, что и в отношении Володи «была проявлена особенная изобретательность в причинении мук». Зная суровый нрав Константина Александровича, «заботливое начальство», игнорируя мать, послало извещение о полученной сыном «двойке» именно отцу (С.Н., 1908). При этом с матерью Володи о возможно существующих проблемах с поведением мальчика ни классный наставник, ни кто-либо из школьного руководства не сочли необходимым предварительно поговорить.

Вероятно, Елена Николаевна Белаина попыталась всё же выяснить все обстоятельства произошедшей трагедии. Однако администрация и основная часть педагогического состава не были настроены на какие-либо диалоги. Одна из оренбургских газет цитировала ответ, который получила мать В. Белаина от одного из педагогов гимназии: «Мы ставим двойки не одному вашему сыну и не стреляются же, однако!» (Киссоль-Загорянский, 1908: 2). Школьное начальство заявляло, что Белаин не мог покончить с собой из-за «двойки». Якобы отметка по поведению была выставлена только в субботу, и учащиеся не могли о ней знать до начала следующей учебной недели. Но председатель родительского комитета, видимо опираясь на отметки своего собственного ребёнка, свидетельствовал, что «двойка» была выставлена ещё в четверг (Исследователь, 1908: 5).

Самоубийство произошло утром 26 октября, в воскресенье. Юноша покончил с собой выстрелом в сердце из ружья, заряженного картечью. На расспросы сбежавшихся на звук выстрела родных о причинах такого поступка умирающий юноша ответил: «Двойка, двойка по поведению...» (С.Н., 1908). Эти последние слова не оставляли никаких сомнений в мотивах суицида.

Самоубийства учащихся в Оренбургской мужской гимназии, к сожалению, не были редкостью. Ещё в повести Н.А. Крашенинникова упоминалось о двух таких случаях, произошедших в конце 1880-х – середине 1890-х гг. Николай Александрович писал о некоем Смирнове, бросившемся в лестничный пролёт пансиона гимназии, и о повесившемся в умывальной комнате гимназисте Шолохове: «Случилось это утром. У старшего за моим столом во время чая все дергалось лицо и кружка стучала о зубы. Кто-то всхлипывал в зимнем сумраке. Воспитатель сидел, не прикасаясь к чаю, и неподвижно смотрел перед собою на скатерть. Ждали инспектора. Служители ходили тише обычного и говорили все какими-то особенно свистевшими голосами. Прибыл инспектор. Нас, маленьких, заперли в младшей занимательной и не выпускали долго. И только подростки, мы узнали, что Шолохову грозило исключение из гимназии» (Крашенинников, 1907: 66-67).

О целом ряде суицидов мальчиков-гимназистов в 1891–1911 гг. говорилось в одной из предыдущих работ автора (Burlutskaya, Abdrakhmanova, 2024). Таким образом, школьные порядки, приводившие к столь печальным последствиям, были для гимназии своеобразной традицией. Как писал в своём исследовании М. Я. Феноменов, в большинстве случаев школа является для детей «какой-то посторонней гнетущей силой, чем-то в роде античного рока» (Феноменов, 1914: 113), а школьная дисциплина «есть архаическое наследие средневековья. Суровый дух монашеской кельи и

строгость казармы еще до сих пор заметно отражаются на распорядках школьной жизни» (Феноменов, 1914: 127).

Однокашникам Володи гимназическое руководство объявило, что на похороны будут отпущены лишь те из них, кого инспектор гимназии найдёт «действительно близкими товарищами» Белафина (С.Н., 1908). Отпевание происходило в Георгиевской церкви в Форштадте (казачьем пригороде Оренбурга), поскольку школьная администрация, возможно, опасаясь перерастания отпевания в акцию протеста, запретила отпевать Белафина в гимназическом храме. Из «начальствующих лиц» на прощальной церемонии присутствовали классный наставник шестого класса Г.К. Кузнецов и один из надзирателей. Ни директор гимназии, ни А.О. Киселев на похоронах не появились.

Одноклассники Володи принесли погребальный венок с надписью «Жертве школьного режима». На могиле, как отмечала оренбургская пресса, товарищами покойного было произнесено несколько речей, «в которых указывали на покойного, как на жертву школьной деспотии» (Похороны гимназиста, 1908). В итоге, после похорон воспитанники старших классов были вызваны в кабинет директора. Гимназическое начальство выясняло, кто был инициатором подписки на венок, кто собирал деньги, кто участвовал в составлении надписи на нём (Откликнулись..., 1908). И хотя всем была обещана полная «безнаказанность», подобные вопросы всё же вызывали и у самих учащихся, и у их родителей определённые опасения.

Через неделю после трагедии, в воскресенье, 2 ноября состоялось заседание родительского комитета Оренбургской мужской гимназии, созданное его председателем, генерал-лейтенантом Григоровым. Василий Васильевич Григоров с 1895 г. занимал должность начальника Оренбургского казачьего училища, а с 1 апреля 1902 г. служил директором 2-го Оренбургского кадетского корпуса. Человеком он был уважаемым, а его долгая педагогическая и административная деятельность позволяла рассматривать вопрос на высоком профессиональном уровне. Заседание было посвящено исключительно самоубийству Белафина. На заседание не явился ни директор гимназии г. Смирнов, ни другие представители «корпорации». Для выяснения всех обстоятельств этой печальной истории, «а равно и для установления таких дефектов, которые наблюдаются в Оренбургской мужской гимназии за последнее время», родительский комитет постановил просить попечителя Оренбургского учебного округа расследовать это дело лично или командировать в Оренбург специального чиновника (Заседание..., 1908).

12 ноября в Оренбург прибыл управляющий Оренбургским учебным округом С.В. Кузнецов. Он в тот же день затребовал себе все документы и письма покойного (Приезд попечителя, 1908). Дело в том, что Владимиром Белафиным было оставлено несколько предсмертных писем, содержание которых, к сожалению, для нас осталось неизвестным – дело о самоубийстве В. Белафина в оренбургском архиве обнаружить не удалось.

По итогам визита Кузнецова директору гимназии В. Смирнову и преподавателю А.О. Киселеву было предложено подать в отставку. Временно исполнять обязанности директора мужской гимназии было предложено директору народных училищ Оренбургской губернии Н.А. Сеницыну (Перемена, 1908). Смирнов к тому времени уже имел 30-летнюю выслугу (Циркуляр..., 1907b: 390), т. е. имел полное право на оставление службы, поэтому для него отставка не имела каких-либо судьбоносных последствий. При этом газета «Оренбургский край» интерпретировала эти назначения несколько иначе. По её данным, директор гимназии Смирнов получил из Министерства народного просвещения распоряжение явиться для дачи объяснений, но, вместо поездки в Петербург, Смирнов решил подать в отставку. «Его же примеру думает, по слухам, последовать и преподаватель гимназии А.О. Киселев», – писали журналисты (Отставка, 1908: 2-3).

Через несколько дней после похорон Владимира Белафина ученики VI класса обратились к исполняющему обязанности директора Н.А. Сеницыну с заявлением по поводу различных недоразумений, которые имели место на уроках А.О. Киселева. Гимназисты жаловались на ряд нетактичностей и даже грубостей вышеупомянутого преподавателя, на его крики, обращение с ними во многих случаях на «ты»; а также на несправедливую оценку знаний учеников (Из мужской..., 1908: 3).

Вообще следует заметить, что повышение преподавателями голоса на учащихся в Оренбургской мужской гимназии никогда не считалось чем-то из ряда вон выходящим. Как писал в своих воспоминаниях Н.А. Крашенинников, в первое его появление в гимназии он был страшно поражён следующей сценой: «Я проходил по коридору — было мне тогда десять лет — и внезапно услышал за собой гневный окрик. Обернувшись к “актовой зале”, я увидел стоявшего посреди нее в гневной позе господина средних лет, седоватого, бледноватого, в очках и вицмундире. Это был директор гимназии. Он что-то кричал, размахивая руками, а подле него, на коленях стоял плачущий гимназист лет четырнадцати. [...] Я поспешил узнать у товарищей про вину ученика; оказалось, никто путем не знал; полушепотом говорили только, что воспитанника за что-то предназначили к исключению, и он должен был вымаливать себе прощение на коленях...» (Крашенинников, 1911: 145). Кроме того, многие преподаватели слыли «в гимназии за такое лицо, у которого не только нельзя было спросить “за что”, но даже попросить прощения — значило быть наказанным вчетверо (Крашенинников, 1911: 148)».

Проблемы усугублялись тем, что Киселев ставил баллы не сразу после ответа ученика, а спустя некоторое время, а иногда даже через несколько дней после испытания. Свои жалобы гимназисты

повторили и родительскому комитету. Родительский комитет, выслушав гимназистов, постановил ходатайствовать перед управляющим учебным округом о немедленном удалении Киселева из гимназии (*Из мужской..., 1908*).

Родители одноклассников В. Белавина, вставая на сторону своих детей, стали обращаться в газеты и раскрывать подробности внутригимназической обстановки. Так, старший штатный контролёр 1-го округа Акцизного управления, коллежский асессор Антон Людвинович Гарлицкий в письме в редакцию газеты «Оренбургский край» откровенно высказывал своё недовольство педагогическими методами Киселева.

Гарлицкий сообщал, что в третьем классе за первую четверть Киселев поставил его сыну по арифметике и алгебре «двойку». При этом по алгебре мальчика совсем не спрашивали, а по арифметике спросили один раз. Именно тогда и была выставлена неудовлетворительная оценка за то, что мальчик «не выдолбил наизусть замены русских мер на десятичные и английские, что не может указывать на незнание предмета» (*Письма..., 1908*). Когда же Антон Людвинович обратился к Киселеву с просьбой переэкзаменовать мальчика по всему курсу, тот достаточно грубо ответил, что ему некогда.

После обращения Гарлицкого к школьному инспектору и, по совместительству, к исполняющему обязанности директора гимназии С.В. Максимова с просьбой о переэкзаменовке, Киселев вначале согласился оставить мальчика после уроков «для испытания». Однако, узнав, что на переэкзаменовке будет присутствовать сам инспектор, преподаватель просто ушёл! Когда отец потребовал, чтобы с его сыном не обращались грубо, Киселев стал издеваться над мальчиком, «называя его “Ваше превосходительство”, “Ваше сиятельство”, зная прекрасно, что мальчик болезненно-нервный» (*Письма..., 1908*).

В день педагогического совета Киселев, который был ещё и классным наставником третьеклассника, «силою втолкнул его в класс» и запер на замок, а на педсовете просил снизить мальчику балл за то, что он якобы три недели назад сбежал с урока. При этом отец заявлял, что из-за слабого физического здоровья сына он время от времени разрешал ребёнку оставаться дома и обращался с просьбой к инспектору отпускать мальчика домой, как только он попросит. В итоге мальчиком было пропущено только шесть уроков, что и было обозначено в табели. Как утверждал А.Л. Гарлицкий, Киселеву не удалось снизить балл по поведению только потому, что Антон Людвинович до начала педсовета побывал у председателя родительского комитета В.В. Григорова.

«Вы, г. Киселев, сами бегае с уроков и просите учеников, чтобы они об этом не говорили начальству, – писал Гарлицкий. – А что вы делаете с ученическими тетрадями? Требуе для каждой письменной работы новую тетрадь, не возвращая прежней. Вы по письменной работе можете выставлять ученикам произвольные баллы, т.к. ученики не видят своей работы» (*Письма..., 1908*). «А ваше преподавание! Не менее трех четвертей учеников совершенно не понимают вас. Если же найдется смельчак и попросит вас объяснить еще раз, то услышит: “Молчи! Ничего не понимаешь, я тебе двойку поставлю”» (*Письма..., 1908*).

В целом, замечания в адрес А.О. Киселева, высказанные А.Л. Гарлицким, кажутся вполне обоснованными. Вряд ли уважаемый государственный служащий стал бы публиковать в открытом письме откровенную клевету на педагога. Да и о пропусках Киселевым занятий, с учётом его пропусков уроков в Оренбургском реальном училище, по всей видимости, сообщалась абсолютная правда. Похоже, что Киселев, увлечённый идеей создания «высших курсов» имени себя, во-первых, перестал успевать как следует готовиться к занятиям в гимназии, а, во-вторых, резко повысил свою самооценку. Теперь недоросли, не понимающие «великого математика», по его мнению, заслуживали только жестокой критики и неудовлетворительных баллов.

Однако А.О. Киселев пытался оправдаться. В «Оренбургской газете» было размещено его открытое письмо в редакцию (*Киселев, 1908*), в котором он сообщал свою версию произошедших событий. По словам Киселева, Белавин учился по математике слабо и получил «за первую четверть 3, за вторую 3, за третью 2, и за четвертую 3. – Отметки взяты из моей старой записной книжки, которая сохраняется у меня» (*Киселев, 1908: 4*). То есть выставленные за ответы Володи на уроках, действительно, заносились не в классный журнал, а в личную записную книжку преподавателя.

В отношении характера и поведения гимназиста Белавина, Киселев замечал, что вёл он себя «очень странно. Часто пропускал уроки, отпрашивался от математики, проводил уроки в шинельной, разыскивая галоши (2 раза) и т. под. И при всяком удобном случае старался извернуться, найти какой-нибудь выход, какую-нибудь отговорку». Подобное поведение юноши, если оно действительно было таковым, наглядно демонстрировало абсолютное нежелание Володи присутствовать на уроке математики, а, возможно, и страх перед учителем.

Тем не менее, эти и другие странности в характере юноши заставляли Киселева, по словам преподавателя, смотреть «на него, как на человека очень нервного, расстроенного», и даже как на человека больного. По данной причине Киселев с Белавиным был «в высшей степени сдержан, не позволял себе в обращении с ним даже немного возвысить голос» (*Киселев, 1908: 4*).

По поводу злополучных «четверок», которые якобы были выдуманы Белавиным, Киселев объяснял следующее. Он решил уточнить у гимназиста, какие у того отметки за четверть (хотя если бы отметки вовремя и регулярно выставлялись в классный журнал, такой вопрос отпал бы сам собой).

«— “Две четверки!”, — ответил он, вставая.

— “Правда?”, — спросил я.

— “Правда”, — ответил Белавин, откинулся всем корпусом назад и покраснел» (Киселев, 1908: 4).

Отвечать урок Белавин отказался, сославшись на плохое самочувствие, после чего, с разрешения инспектора, покинул класс. После того, как Белавин ушёл, Киселев все же решил посмотреть в классный журнал. Никаких выставленных Белавину четвёрок в журнале не оказалось. «Послышались иронические замечания учеников, но я смог их удержать и остановить и сказал: “Впрочем может быть я забыл перенести отметки из прежних листов”. Сказал это, уже зная, что отметки уже переставлены» (Киселев, 1908: 4). О том, что он по забывчивости или невнимательности мог не поставить отметки в «прежние листы», Киселев даже не подумал.

После занятий, в учительской Киселев сообщил о произошедшем преподавателям. Те посоветовали доложить об этом педагогическому совету. Но Киселев отказался афишировать данный факт. «Не записал его в кондуит, не сказал о нем ни инспектору, ни классному наставнику: сделал я так потому, что проступок совершил ученик больной, и я решил спросить его еще раз и сделать выговор при случае» (Киселев, 1908: 4).

Через пару дней Киселев устроил Володе на уроке долгий и тщательный опрос и по алгебре, и по геометрии. Мальчик ничего не смог ответить. После этого состоялся следующий диалог:

«— “Белавин! Когда вы сказали мне, что у вас 2 четверки, вы эти отметки видели?”

— “Вы сами сказали мне, что поставили 4-”

— “Но вы этой отметки не видели?”

Он молчал.

— “А если вы этих отметок не видели, то зачем же вы сказали? Пусть даже эта отметка, одна четверка, была, то неужели я не могу спросить вас еще раз?”

— “В таком случае, во избежание недоразумений, следовало бы ставить отметки!” — сказал он мне. Тут еще, насколько я припоминаю, он стал мне вызывающе говорить: “так значит — я лгу?” — но я ничего не ответил ему, только посмотрел на него и попросил сесть» (Киселев, 1908: 4-5). То есть, по словам Киселева, все происходило довольно тихо, без криков и оскорблений.

В тот же день происходило заседание педсовета, на которое сам Киселев не пришёл, поскольку был занят на своих высших курсах. В разговоре с классным наставником VI Б класса Киселев сообщил, что собирается поставить Белавину «двойку» за четверть, поскольку «оставить его не аттестованным действительно как-то неудобно. Ведь он хотя и много пропускал уроков, но все же ходил целую четверть. Как бы не было нареканий — “другим де ставит двойки, а Белавину ничего не поставил!”» (Киселев, 1908: 5).

На следующий день один из учеников VI класса на уроке сообщил Киселеву, что Белавину из-за того, что тот обманул учителя, поставили «двойку» по поведению (Киселев, 1908: 5). Когда же Киселев попытался выяснить, стал ли обман Белавина основной причиной неудовлетворительной оценки его поведения, наставник VI класса ответил отрицательно, заявив, что «это было приведено только между прочим» (Киселев, 1908: 5), и что за первую четверть Белавин получил неудовлетворительные отметки аж по шести предметам.

Собравшийся 2 ноября родительский комитет гимназии «глубоко осудил жестокое постановление педагогического совета», поставившего мальчику неудовлетворительную оценку по поведению, «которой он ни в коем случае не заслуживал» (Родительский комитет..., 1908). Киселев пытался сопротивляться, заявляя, что жалобы гимназистов в родительский комитет носят характер анонимок и слухов, а принятые родительским комитетом решения не носят единогласного и правомочного характера (Письмо..., 1908). Но общественное мнение выступило на стороне гимназистов и родителей.

В итоге преподаватель математики Оренбургской мужской гимназии, статский советник Александр Онуфриевич Киселев и преподаватель истории и русского языка, классный наставник Белавина Глеб Константинович Кузнецов «для пользы службы» теми же званиями с 1 января 1909 г. были переведены в Екатеринбургскую мужскую гимназию. В Челябинскую женскую гимназию, «согласно прошению», отправился исполняющий обязанности преподавателя математики и физики Горячев (Циркуляр..., 1908: 516).

Инспектор Оренбургской мужской гимназии, статский советник Константин Соколовский «для пользы службы» с 1 января 1909 г. был переведён преподавателем русского и латинского языков в Троицкую мужскую гимназию с возложением обязанностей инспектора той же гимназии (Циркуляр..., 1908: 516). Инспектор гимназии — помощник директора по учебной и воспитательной части — в тот период считался вторым после директора лицом в гимназии. Он должен был ежедневно посещать все классы и наблюдать за исполнением учителями своих обязанностей и за порядком в классах. Каждый месяц инспектор гимназии должен был предоставлять ведомости о поведении и успеваемости учеников Совету гимназии. Инспектор также назначал наказание провинившимся

ученикам. Именно поэтому на инспектора Соколовского, как и на директора Смирнова, возлагалась непосредственная ответственность за случившееся.

Однако, согласно Адрес-календарям и Памятным книжкам Пермской губернии, к которой в то время относился Екатеринбург, Александр Онуфриевич Киселев в Екатеринбургской мужской гимназии так и не появился. При этом он был указан как преподаватель астрономии на фотографии 1916 г., запечатлевшей Анну Циолковскую (младшую дочь К.Э. Циолковского) в группе выпускниц VII класса и преподавателей частной гимназии М.И. Шалаевой, хранящейся в музее К.Э. Циолковского в Калуге (*Культурное..., б. г.*). Анализ Адрес-календарей и Памятных книжек Калужской губернии позволил выяснить, что в 1913–1917 гг. (сведений за более ранний и более поздний период обнаружить не удалось) А.О. Киселев действительно служил в Калуге учителем физики и космографии в Женской гимназии М.И. Шалаевой (*Памятная книжка..., 1912: 33; Памятная книжка..., 1916: 35*) и преподавателем местного реального училища (*Памятная книжка..., 1912: 31; Памятная книжка..., 1916: 33*). Видимо, наконец, Александр Онуфриевич нашёл тот педагогический коллектив, который его полностью устроил.

Оренбургская полиция, по итогам разбирательств и в условиях растущей революционной активности, на всякий случай навела справки о том, «не говорил ли так трагически погибший гимназист Белаваин таких речей, из которых можно было бы убедиться в принадлежности его к какой-нибудь партии» (*Что..., 1908*). Но распространившиеся в городе слухи о том, что причина смерти гимназиста Белавина могла иметь какую-то связь с деятельностью противоправительственных политических организаций, оказались необоснованными. Как установило судебное дознание, самоубийство Белавина могло быть вызвано «лишь удрученным состоянием его духа под влиянием ряда неудовлетворительных отметок и, в частности, двойки за поведение» (*К толкам..., 1908*).

Для Оренбурга и Оренбургской мужской гимназии произошедшая трагедия стала поводом для кардинального пересмотра всей школьной повседневности. Как отмечали журналисты, гимназия «выглядит печально; тень погибшего или, лучше сказать, погубленного юноши, витает там, где еще недавно раздавался его жизнерадостный смех». Администрация гимназии вынуждена была отменить празднование 40-летия учебного заведения, намеченное на 26 ноября 1908 г. Пышным речам было не место «там, где только что принесена жертва недостойному режиму, недостойным людям» (*Родительское собрание..., 1908*).

Директор гимназии Н.А. Сеницын в 1910 г. поднял вопрос об улучшении учебно-воспитательных дел в учебном заведении. Принимая во внимание «факты за прошлый [1908–1909 – Прим. Е.Б.] учебный год», по мнению директора, следовало, прежде всего, остановиться на математике. Дело в том, что на выпускном экзамене 50 % гимназистов получили неудовлетворительные отметки по тригонометрии. Именно так проявился «отложенный результат» специфического преподавания математики А.О. Киселевым. Стало очевидным, что у учеников не было выработано необходимых навыков по самостоятельному решению задач. Сеницын предложил какое-то время не выставлять учащимся никаких баллов за контрольные, чтобы «приучить учеников данные работы выполнять действительно самостоятельно» и «чтобы таким образом из опасения получить дурную отметку у учащихся не было стремления пользоваться чужим трудом» (*Матвиевская и др., 2011: 94–95*).

Родительские комитеты, созданные в учебных заведениях Оренбурга, активизировали свою деятельность. 30 ноября состоялось очередное заседание родительского комитета Оренбургской мужской гимназии. Председателем комитета был вновь избран В.В. Григоров, заместителем – управляющий оренбургской Контрольной палатой В.Г. Калинин (*Родительское собрание..., 1908*).

В феврале 1912 г. было издано Распоряжение попечителя Оренбургского учебного округа № 1729 «О недопустимости некорректного отношения учащихся к учащимся». По словам попечителя, в некоторых учебных заведениях «лица учено-воспитательного персонала позволяют себе некорректное отношение к учащимся, выражающееся в повышенном тоне объяснений с ними, в резкой форме делаемых замечаний, в высмеивании их ответов и недостатков, в обзывании их обидными прозвищами и т.п.». Распоряжение предупреждало педагогов, «что те из них, кои не в состоянии будут воздержаться от усвоенных ими привычек, не могут быть терпимы на педагогической службе» (*Распоряжение..., 1912: 167*).

5. Заключение

В контексте современного обсуждения вопроса о возвращении в систему школьного воспитания оценок по поведению, анализ событий вековой давности позволяет прийти к интересным умозаключениям. Во-первых, становится очевидной абсолютная субъективность оценочных суждений педагогов Оренбургской мужской гимназии в отношении учащихся. Клеймо слабого, неуспевающего ученика или ученика дерзкого и ленивого можно было получить исключительно на основе личной антипатии учителя. Во-вторых, свои собственные недоработки и профессиональную деформацию преподаватели пытались завуалировать обвинениями в адрес учащихся. Педагогическое сообщество учебного заведения при этом соблюдало корпоративное единство и, как правило, даже не пыталось объективно подойти к ситуации. Руководство гимназии, равно как и руководство учебного округа, возникающие конфликты предпочитало решать в пользу учителя, в крайних случаях просто

перемещая его в другое учебное заведение. Наконец, совершенно чётко прослеживалось отсутствие корреляции между «двойкой по поведению» и позитивной динамикой в поведении гимназистов. Напротив, такие жёсткие меры могли привести подростка к острому психологическому кризису, заканчивающемуся суицидом.

Литература

- Абдрахманова, Бурлуцкая, 2024** – Абдрахманова Е.Н., Бурлуцкая Е.В. Ребенок на рубеже столетий. Детская повседневность в Оренбурге второй половины XIX – начала XX в. Оренбург, 2024. 495 с.
- Аносов, 2006** – Аносов А.А. Проблемы гимназического образования в Оренбурге в последнее десятилетие XIX века (на примере мужской классической гимназии) // *Оренбургский край*. 2006. Вып. 3. С. 55-60.
- Белавин, 1891** – Белавин К.А. Оренбург: географическо-статистический очерк. Оренбург, 1891. 126 с.
- Белавин, 1893** – Белавин К.А. Историческая записка об Оренбургской мужской гимназии за первое двадцатипятилетие ее существования. Оренбург, 1893. 24 с.
- Болодури, 2001** – Болодури В.С. Образование и педагогическая мысль в Оренбуржье. Страницы истории (1735–1940). Оренбург, 2001. 320 с.
- Болодури, 2008** – Болодури В.С. Образование в Оренбуржье (XVIII–XX века). Оренбург, 2008. 464 с.
- Бурлуцкая, 2025** – Бурлуцкая Е.В. «Я ничего от жизни не умею взять...». Конфликт социальных ожиданий и реальности в повседневности оренбургских гимназисток начала XX в. как причина подростковых суицидов // *Новый исторический вестник*. 2025. № 1 (83). С. 251-278.
- Гирц, 2004** – Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. Серия «Культурология. XX век». М., 2004. 560 с.
- Дунаева и др., 2011** – Дунаева Ю.В., Метлицкая З.Ю. Ротберг Р. «...Вся история – есть биография» (Сводный реферат) / *Историческая биография. Современные подходы и методы исследования: Сборник обзоров и рефератов*. М., 2011. С. 35-50.
- Дунаева, 2011** – Дунаева Ю.В. Историческая биография: упадок или возрождение? (Аналитический обзор) // *Историческая биография. Современные подходы и методы исследования: Сборник обзоров и рефератов*. М., 2011. С. 8-32.
- Заседание..., 1908** – Заседание родительского комитета мужской гимназии // *Оренбургская газета*. 1908. № 240. 4 ноября. С. 2.
- Злобин, 2000** – Злобин Ю.П. Средние учебные заведения в Оренбургской губернии во второй половине 19 – начале 20 века // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Исторические науки*. 2000. № 2 (17). С. 49-59.
- Из мужской..., 1908** – Из мужской гимназии // *Оренбургская газета*. 1908. № 272. 13 декабря. С. 3-4.
- Исследователь, 1908** – Исследователь. К самоубийству гимназиста Белавина // *Оренбургская газета*. 1908. № 249. 14 ноября. С. 4-5.
- К толкам..., 1908** – К толкам о самоубийстве гимназиста Белавина // *Оренбургская газета*. 1908. № 248. 13 ноября. С. 3.
- Киселев, 1908** – Киселев А. Письмо в редакцию // *Оренбургская газета*. 1908. № 252. 18 ноября. С. 4-5.
- Киссоль-Загорянский, 1908** – Киссоль-Загорянский В. Семья и школа // *Оренбургская газета*. 1908. № 254. 20 ноября. С. 2-3.
- Крашенинников, 1907** – Крашенинников Н.А. Восемь лет. Воспоминания о гимназии. М., 1907. 100 с.
- Крашенинников, 1911** – Крашенинников Н.А. Восемь лет. Воспоминания о гимназии / *Собрание сочинений*. Т. V: Невозвратное. М., 1911. С. 117-219.
- Крупская, 1957** – Крупская Н.К. Самоубийства среди учащихся и свободная трудовая школа / *Педагогические сочинения в 10 т. Т.1*. М., 1957. С. 135-143.
- Культурное..., б.г** – Культурное наследие России [Электронный ресурс]. URL: <https://starina.net/m/ZV2PnY> (дата обращения: 14.06.2025).
- Лярский, 2010** – Лярский А.Б. Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2010. 383 с.
- Лярский, 2017** – Лярский А.Б. «Простите, дорогие папа и мама»: родители, дети и борьба с подростковыми самоубийствами в России конца XIX – начала XX века. СПб., 2017. 600 с.
- Матвиевская и др., 2011** – Матвиевская Г.П., Зубова И.К., Игнатушина И.В. Обучение математике в реальном училище и мужской гимназии Оренбурга (1902–1911 гг.) // *Математическое образование в Оренбургском крае. История и современность: сб. науч. тр.* / отв. ред. Г.П. Матвиевская. Оренбург, 2011. С. 31-95.

[Матвиевская, 2011a](#) – Матвиевская Г.П. К предыстории высшего образования в Оренбурге / Пятые Большаковские чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: научно-образовательный и культурно-просветительный альманах. Оренбург, 2011. С. 274-278.

[Матвиевская, 2011b](#) – Матвиевская Г.П. О математическом образовании в Оренбурге в конце XIX – начале XX в. / Математическое образование в Оренбургском крае. История и современность: сб. науч. тр. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. С. 5-30.

[ОГАОО](#) – Объединённый государственный архив Оренбургской области.

[Откликнулись..., 1908](#) – Откликнулись, но по-своему // *Оренбургский край*. 1908. № 71. 14 ноября. С. 2.

[Отставка, 1908](#) – Отставка // *Оренбургский край*. 1908. № 74. 18 ноября. С. 2-3.

[Памятная книжка..., 1912](#) – Памятная книжка и Адрес-календарь Калужской губернии на 1913 год. Калуга, 1912. 47 с.

[Памятная книжка..., 1916](#) – Памятная книжка и Адрес-календарь Калужской губернии на 1917 год. Калуга, 1916. 112 с.

[Перемена, 1908](#) – Перемена // *Оренбургская газета*. 1908. № 252. 18 ноября. С. 3.

[Письма..., 1908](#) – Письма в редакцию // *Оренбургский край*. 1908. № 77. 21 ноября. С. 5.

[Письмо..., 1908](#) – Письмо в редакцию // *Оренбургская газета*. 1908. № 280. 23 декабря. С. 3.

[Попов, 1911](#) – Попов Н.М. Современная эпидемия школьных самоубийств в России: Клинические материалы. Казань, 1911. 102 с.

[Похороны гимназиста, 1908](#) – Похороны гимназиста // *Оренбургская газета*. 1908. № 236. 30 октября. С. 4.

[Правила..., 1874](#) – Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения (Утверждены г. министром народного просвещения 4-го мая 1874 г.). Казань, 1874. 24 с.

[Приезд попечителя, 1908](#) – Приезд попечителя // *Оренбургская газета*. 1908. № 249. 14 ноября. С. 5.

[Проаль, 1908](#) – Проаль Л.Ж. Воспитание и самоубийство детей: Психологический и социальный этюд. СПб., 1908. 184 с.

[Распоряжение..., 1912](#) – Распоряжение попечителя Оренбургского учебного округа от 9 февраля 1912 года № 1729 «О недопустимости некорректного отношения учащихся к учащимся» // *Вестник Оренбургского учебного округа*. 1912. № 1. С. 167.

[Родительский комитет..., 1908](#) – Родительский комитет мужской гимназии // *Оренбургский край*. 1908. № 63. 5 ноября. С. 2.

[Родительское собрание..., 1908](#) – Родительское собрание в мужской гимназии // *Оренбургский край*. 1908. № 85. 2 декабря. С. 2.

[С.Н., 1908](#) – С.Н. Жертва формализма // *Оренбургский край*. 1908. № 57. 29 октября. С. 3.

[Сикорский, 1913](#) – Сикорский И.А. Психологическая борьба с самоубийством в юные годы. Киев, 1913. 44 с.

[Синова, 2014](#) – Синова И.В. Современный взгляд на детские суициды в Российской империи второй половины XIX начала XX веков // *Суицидология*. 2014. № 1 (14). С. 63-71.

[Синова, 2019](#) – Синова И.В. Правовое положение, труд и повседневная жизнь детей во второй половине XIX – начале XX века. М., 2019. 280 с.

[Феноменов, 1914](#) – Феноменов М.Я. Причины самоубийств в русской школе. М., 1914. 130 с.

[Флоровский, 1915](#) – Флоровский В.В. Самоубийства детей в Одессе за 10 лет. 1903–1913 гг. Одесса, 1915. 30 с.

[Хлопин, 1906](#) – Хлопин Г.В. Самоубийства, покушения на самоубийства и несчастные случаи среди учащихся русских учебных заведений. СПб., 1906. 95 с.

[Хорошко, 1909](#) – Хорошко В.К. Самоубийство детей. М., 1909. 115 с.

[Циркуляр..., 1904](#) – *Циркуляр по Оренбургскому учебному округу*. 1904. № 6-7, июнь-июль. Оренбург, 1904. Смешанная пагинация.

[Циркуляр..., 1907a](#) – *Циркуляр по Оренбургскому учебному округу*. 1907. № 6-8, июнь-август. Уфа, 1907. 342 с.

[Циркуляр..., 1907b](#) – *Циркуляр по Оренбургскому Учебному Округу*. 1907. № 9, 10, сентябрь – октябрь. Уфа, 1907. 112 с.

[Циркуляр..., 1908](#) – *Циркуляр по Оренбургскому учебному округу*. 1908. № 11, 12, ноябрь, декабрь. Уфа, 1908. Смешанная пагинация.

[Что..., 1908](#) – Что это значит? // *Оренбургский край*. 1908. № 63. 5 ноября. С. 2.

[Burlutskaya, Abdrakhmanova, 2024](#) – Burlutskaya, E.V., Abdrakhmanova, E.N. (2024). Teenage Suicides in the Orenburg Men's Gymnasium in the late 19th and early 20th centuries. The Phenomenon of Deviance among Children in the Perception of Society, Family and School. *Bylye Gody*. 19(2): 873-885.

References

[Abdrakhmanova, Burlutskaya, 2024](#) – Abdrakhmanova, E.N., Burlutskaya, E.V. (2024) Rebenok na rubezhe stoletiy. Detskaya povsednevnost' v Orenburge vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Child at the

turn of the century. Daily life of children in Orenburg in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Orenburg. [in Russian]

Anosov, 2006 – Anosov, A.A. (2006). Problemy gimnazicheskogo obrazovaniya v Orenburge v posledneye desyatiletiye XIX veka (na primere muzhskoy klassicheskoy gimnazii) [Problems of gymnasium education in Orenburg in the last decade of the 19th century (on the example of a male classical gymnasium)]. *Orenburgskiy kray*. 3: 55-60. [in Russian]

Belavin, 1891 – Belavin, K.A. (1891). Orenburg: geograficheskoye-statisticheskoye ocherk [Orenburg: geographical and statistical essay]. Orenburg. [in Russian]

Belavin, 1893 – Belavin, K.A. (1893). Istoricheskaya zapiska ob Orenburgskoy muzhskoy gimnazii za pervoye dvadtsatipyatiletiye yeye sushchestvovaniya [Historical note on the Orenburg boys' gymnasium for the first twenty-five years of its existence]. Orenburg. [in Russian]

Bolodurin, 2008 – Bolodurin, V.S. (2001). Obrazovaniye i pedagogicheskaya mysl' v Orenburzh'ye. Stranitsy istorii (1735–1940) [Education and pedagogical thought in Orenburg region. Pages of history (1735–1940)]. Orenburg. [in Russian]

Bolodurin, 2008 – Bolodurin, V.S. (2008). Obrazovaniye v Orenburzh'ye (XVIII–XX veka) [Education in the Orenburg region (18th –20th centuries)]. Orenburg. [in Russian]

Burlutskaya, 2025 – Burlutskaya, E.V. (2025). «Ya nichego ot zhizni ne umeyu vzyat'...». Konflikt sotsial'nykh ozhidaniy i real'nosti v povsednevnosti orenburgskikh gimnazistok nachala XX v. kak prichina podrostkovykh suitsidov ["I can't take anything from life...". Conflict of social expectations and reality in the daily life of Orenburg schoolgirls at the beginning of the 20th century as a cause of teenage suicides]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 1(83): 251-278. [in Russian]

Burlutskaya, Abdrakhmanova, 2024 – Burlutskaya, E.V., Abdrakhmanova, E.N. (2024). Teenage Suicides in the Orenburg Men's Gymnasium in the late 19th and early 20th centuries. The Phenomenon of Deviance among Children in the Perception of Society, Family and School. *Bylye Gody*. 19(2): 873-885.

Chto..., 1908 – Chto eto znachit? [What does it mean?]. *Orenburgskiy kray*. 1908. 63: 2. [in Russian]

Dunayeva i dr., 2011 – Dunayeva, Yu.V., Metlitskaya, Z.Yu., Rotberg, R. (2011). "...Vsya istoriya – yest' biografiya" (Svodnyy referat) ["...All history is a biography" (Summary abstract)]. *Istoricheskaya biografiya: Sovremennyye podkhody i metody issledovaniya: Sbornik obzorov i referatov*. Moskva. Pp. 35-50. [in Russian]

Dunayeva, 2011 – Dunayeva, Yu.V. (2011). Istoricheskaya biografiya: upadok ili vozrozhdeniye? (Analiticheskiy obzor) [Historical biography: decline or revival? (Analytical review)]. *Istoricheskaya biografiya: Sovremennyye podkhody i metody issledovaniya: Sbornik obzorov i referatov*. Moskva. Pp. 8-32. [in Russian]

Fenomenov, 1914 – Fenomenov, M.Ya. (1914). Prichiny samoubiystv v russkoy shkole [Causes of suicides in Russian schools]. Moskva. [in Russian]

Florovskiy, 1915 – Florovskiy, V.V. (1915). Samoubiystva detey v Odesse za 10 let. 1903–1913 gg. [Child suicides in Odessa over 10 years. 1903–1913.]. Odessa. [in Russian]

Girts, 2004 – Girc, K. (2004). Interpretaciya kul'tur [Interpretation of cultures]. Moskva. [in Russian]

Hlopin, 1906 – Hlopin, G.V. (1906). Samoubiystva, pokusheniya na samoubiystva i neschastnye sluchai sredi uchashchihsya russkikh uchebnykh zavedeniy [Suicides, attempted suicides and accidents among schoolchild of Russian educational institutions]. St. Petersburg. [in Russian]

Horoshko, 1909 – Horoshko, V.K. (1909) Samoubiystvo detey [Suicide of children]. Moskva. [in Russian]

Issledovatel', 1908 – Issledovatel'. K samoubiystvu gimnazista Belavina [On the suicide of gymnasium pupil Belavin]. *Orenburgskaya gazeta*. 1908. 249: 4-5. [in Russian]

Iz muzhskoi, 1908 – Iz muzhskoi gimnazii [From a boys' gymnasium]. *Orenburgskaya gazeta*. 1908. 272: 3-4. [in Russian]

K tolkam..., 1908 – K tolkam o samoubiystve gimnazista Belavina [On the rumors about the suicide of high school student Belavin]. *Orenburgskaya gazeta*. 1908. 248: 3. [in Russian]

Kiselev, 1908 – Kiselev, A. (1908). Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editor]. *Orenburgskaya gazeta*. 252: 4-5. [in Russian]

Kissol'-Zagoryanskij, 1908 – Kissol'-Zagoryanskij, V. (1908). Sem'ya i shkola [Family and school]. *Orenburgskaya gazeta*. 254: 2-3. [in Russian]

Krashenninnikov, 1907 – Krashenninnikov, N.A. (1907). Vosem' let. Vospominaniya o gimnazii [Eight years. Memories of the gymnasium]. Moskva. [in Russian]

Krashenninnikov, 1911 – Krashenninnikov, N.A. (1911). Vosem' let. Vospominaniya o gimnazii [Eight years. Memories of the gymnasium]. Sobraniye sochineniy. T. V: Nevozvratnoye. Moskva. Pp. 117-219. [in Russian]

Krupskaya, 1957 – Krupskaya, N.K. (1957). Samoubiystva sredi uchashchikhsya i svobodnaya trudovaya shkola [Suicides among students and free labor school]. Pedagogicheskiye sochineniya v 10 t. T. 1. Moskva. Pp. 135-143. [in Russian]

Kul'turnoye..., b.g. – Kul'turnoye naslediye Rossii [Cultural heritage of Russia]. [Electronic resource]. URL: <https://starina.net/m/ZV2PnY>

- [Lyarskij, 2010](#) – *Lyarskij, A.B.* (2010). Samoubijstva uchashchihsya kak fenomen sistemy socializacii v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov [Schoolchild suicides as a phenomenon of the socialization system in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries]. SPb. [in Russian]
- [Lyarskij, 2017](#) – *Lyarskij, A.B.* (2017). «Prostitute, dorogie papa i mama»: roditeli, deti i bor'ba s podrostkovymi samoubijstvami v Rossii konca XIX – nachala XX veka ["Sorry, dear dad and mom": parents, children and the fight against teenage suicide in Russia of the late 19th – early 20th centuries]. SPb. [in Russian]
- [Matviyevskaya i dr., 2011](#) – *Matviyevskaya, G.P., Zubova, I.K., Ignatushina, I.V.* (2011). Obucheniye matematike v real'nom uchilishche i muzhskoy gimnazii Orenburga (1902–1911 gg.) [Teaching Mathematics in a Real School and a Boys' Gymnasium in Orenburg (1902–1911)]. *Matematicheskoye obrazovaniye v Orenburgskom kraye. Istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov*. Orenburg. Pp. 31–95. [in Russian]
- [Matviyevskaya, 2011a](#) – *Matviyevskaya, G.P.* (2011). K predystorii vysshego obrazovaniya v Orenburge [On the prehistory of higher education in Orenburg]. *Pyatytye Bol'shakovskiy chteniya. Kul'tura Orenburgskogo kraja: istoriya i sovremennost': nauchno-obrazovatel'nyy i kul'turno-prosvetitel'nyy al'manakh*. Orenburg. Pp. 274–278. [in Russian]
- [Matviyevskaya, 2011b](#) – *Matviyevskaya, G.P.* (2011). O matematicheskom obrazovanii v Orenburge v kontse XIX – nachale XX v. [On mathematical education in Orenburg in the late 19th – early 20th centuries] *Matematicheskoye obrazovaniye v Orenburgskom kraye. Istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov*. Orenburg. Pp. 5–30. [in Russian]
- [OGA00](#) – Ob'edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [The United State Archive of the Orenburg region].
- [Otkliknulis'..., 1908](#) – Otkliknulis', no po-svoyemu [They responded, but in their own way]. *Orenburgskiy kray*. 1908. 71: 2. [in Russian]
- [Otstavka, 1908](#) – Otstavka [Resignation]. *Orenburgskiy kray*. 1908. 74: 2–3. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka..., 1912](#) – Pamyatnaya knizhka i Adres-kalendar' Kaluzhskoy gubernii na 1913 god [Memorial book and address calendar of Kaluga province for 1913]. Kaluga. 1912. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka..., 1916](#) – Pamyatnaya knizhka i Adres-kalendar' Kaluzhskoy gubernii na 1917 god [Memorial book and address calendar of Kaluga province for 1917]. Kaluga. 1916. [in Russian]
- [Peremena, 1908](#) – Peremena [Change]. *Orenburgskaya gazeta*. 1908. 252: 3. [in Russian]
- [Pis'ma..., 1908](#) – Pis'ma v redaktsiyu [Letters to the editor] (1908). *Orenburgskiy kray*. 77: 5. [in Russian]
- [Pis'mo..., 1908](#) – Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editor] (1908). *Orenburgskaya gazeta*. 280: 3. [in Russian]
- [Pokhorony gimnazista, 1908](#) – Pokhorony gimnazista [Funeral of a gymnasium pupil]. *Orenburgskaya gazeta*. 1908. 236: 4. [in Russian]
- [Popov, 1911](#) – *Popov, N.M.* (1911). Sovremennaya epidemiya shkol'nykh samoubiystv v Rossii: Klinicheskiye materialy [Modern epidemic of school suicides in Russia: Clinical materials]. Kazan. [in Russian]
- [Pravila..., 1874](#) – Pravila dlya uchenikov gimnaziy i progimnaziy vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (Utverzhdeny g. ministrom narodnogo prosveshcheniya 4-go maya 1874 g.) [Rules for students of gymnasiums and progymnasiums of the Ministry of Public Education (Approved by the Minister of Public Education on May 4, 1874)]. Kazan'. 1874. [in Russian]
- [Priyezd popechitelya, 1908](#) – Priyezd popechitelya [Arrival of the trustee]. *Orenburgskaya gazeta*. 1908. 249: 5. [in Russian]
- [Proal', 1908](#) – *Proal', L.Zh.* (1908). Vospitaniye i samoubiystvo detey: Psikhologicheskij i sotsial'nyy etyud [Education and suicide of children: A psychological and social study]. SPb. [in Russian]
- [Rasporyazheniye..., 1912](#) – Rasporyazheniye popechitelya Orenburgskogo uchebnogo okruga ot 9 fevralya 1912 goda № 1729 «O nedopustimosti nekorrektnogo otnosheniya uchashchikhsya k uchashchimsya» [Order of the Trustee of the Orenburg Educational District dated February 9, 1912 No. 1729 "On the Inadmissibility of Inappropriate Attitude of Students to Students"] (1912). *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga*. 1: 167. [in Russian]
- [Roditel'skiy komitet..., 1908](#) – Roditel'skiy komitet muzhskoy gimnazii [Parents' committee of the boys' gymnasium]. *Orenburgskiy kray*. 1908. 63: 2. [in Russian]
- [Roditel'skoye sobraniye..., 1908](#) – Roditel'skoye sobraniye v muzhskoy gimnazii [Parents' meeting at a boys' gymnasium] *Orenburgskiy kray*. 1908. 85: 2. [in Russian]
- [S.N., 1908](#) – *S.N.* (1908). Zhertva formalizma [Victim of Formalism]. *Orenburgskiy kray*. 57: 3. [in Russian]
- [Sikorskiy, 1913](#) – *Sikorskiy, I.A.* (1913). Psikhologicheskaya bor'ba s samoubiystvom v yunyye gody [Psychological struggle with suicide in adolescence.]. Kyiv. [in Russian]
- [Sinova, 2014](#) – *Sinova, I.V.* (2014). Sovremennyy vzglyad na detskie suicidy v Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vekov [A modern view of child suicides in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Suitsidologiya*. 5. 1(14): 63–71. [in Russian]

Sinova, 2019 – Sinova, I.V. (2019). Pravovoe polozhenie, trud i povsednevnyaya zhizn' detej vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Legal status, work and daily life of children in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Moskva. [in Russian]

Tsirkulyar, 1904 – Tsirkulyar po Orenburgskomu Uchebnomu Okrugu. 1904. 6-7. Orenburg. [in Russian]

Tsirkulyar..., 1907a – Tsirkulyar po Orenburgskomu Uchebnomu Okrugu. 1907. 6-8. Ufa. [in Russian]

Tsirkulyar..., 1907b – Tsirkulyar po Orenburgskomu Uchebnomu Okrugu. 1907. 9, 10. Ufa. [in Russian]

Tsirkulyar..., 1908 – Tsirkulyar po Orenburgskomu Uchebnomu Okrugu. 1908. 11, 12. Ufa. [in Russian]

Zasedaniye..., 1908 – Zasedaniye roditel'skogo komiteta muzhskoy gimnazii [Meeting of the parents' committee of the boys' gymnasium]. Orenburgskaya gazeta. 1908. 240: 2. [in Russian]

Zlobin, 2000 – Zlobin, Yu.P. (2000). Sredniye uchebnyye zavedeniya v Orenburgskoy gubernii vo vtoroy polovine 19 – nachale 20 veka [Secondary educational institutions in the Orenburg province in the second half of the 19th - early 20th century]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Istoricheskiye nauki. 2(17): 49-59. [in Russian]

«Двойка по поведению». Жизнь и смерть гимназиста Володи Белавина как отражение школьной повседневности рубежа XIX–XX вв.

Елена Вадимовна Бурлуцкая ^{a, *}

^a Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается проблема влияния внутришкольной обстановки на психику и поведение учащихся на примере событий, происходивших в Оренбургской мужской гимназии на рубеже XIX–XX столетий. Организация учебного и воспитательного процесса в гимназии выступает в качестве объективного обстоятельства повседневности гимназистов. Психика и поведение учащихся, как компоненты их повседневности, рассматриваются через призму жизни одного из гимназистов – Владимира Белавина, совершившего самоубийство в октябре 1908 г. Источниковая база исследования опирается на материалы оренбургской прессы, подробно описывающие это событие, а также на источник личного происхождения – воспоминания Н.А. Крашенинникова, обучавшегося в той же гимназии несколькими годами ранее.

Анализ имеющихся источников позволяет констатировать кризисное состояние российской средней школы в указанный период. Требования неукоснительного соблюдения учениками строгих дисциплинарных правил накладывались на постоянно растущий объём информации, предполагаемый для освоения школьниками. Для подростков такое напряжение психики зачастую оказывалось совершенно непосильным. При этом детям, как правило, запрещалось открыто переживать психологические кризисы и личностные проблемы, которые признавались школьным педагогическим сообществом несущественными, вызванными недостаточным усердием или ленью ученика.

Многие учителя позволяли себе некорректное, неуважительное или даже откровенно жестокое обращение с учениками. Данные паттерны поведения могли объясняться большой разницей в возрасте между учащими и учащимися, высоким социальным и интеллектуальным статусом педагогов, а также, вероятно, их перегруженностью и профессиональным выгоранием, а, возможно, и личной неприязнью педагога к гимназисту.

Родительские комитеты в указанный период находились лишь в стадии своего первоначального становления и не могли в должной мере защищать интересы учеников. Стимулом для активизации деятельности таких комитетов, к сожалению, часто становились случаи подростковых суицидов. Подобные трагедии инициировали обращение родителей к руководству учебных округов, приводили к отставке наиболее одиозных преподавателей.

В целом, на основе анализа исторического опыта, констатируется субъективность оценочных суждений педагогов в отношении учащихся, несоответствие степени жёсткости школьных наказаний совершённым проступкам и отсутствие видимой корреляции между неудовлетворительной оценкой по поведению и позитивной динамикой в поведении гимназистов.

Ключевые слова: подростки, повседневность, поведение, самоубийства, школа, Оренбургская мужская гимназия, рубеж XIX–XX вв.

* Корреспондирующий автор

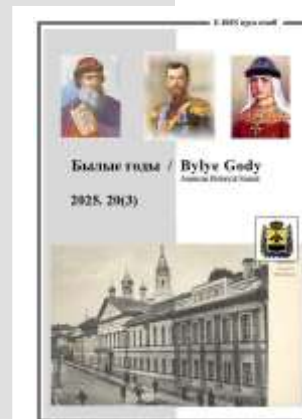
Адреса электронной почты: ida777@yandex.ru (Е.В. Бурлуцкая)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1530-1542
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1530

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Social Stratification of the Population of Kazakh Region in the Process of Integration into the System of the Russian Empire

Aigul M. Zharken ^{a, *}, Zibagul S. Ilyassova ^a, Bibihadisha Zh. Abzhapparova ^a, Zhabai N. Kaliev ^b

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Kazakh-Belarusian Scientific and Technical Research Center of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article, based on the author's calculation and interpretation of the data of the First General Population Census of the Russian Empire, an array of current statistics, previous historiography and individual archival sources introduced into scientific circulation for the first time, reveals and specifies the social stratification of the population of the Steppe Region and part of Turkestan.

The author comes to the conclusion that the final inclusion of the Kazakh region into the Russian Empire required serious political, administrative, economic, legal and social reforms in the vast expanses of the acquired territories. One of the main tasks was the transformation of traditional Kazakh society, the elimination of archaic class division in it, its adaptation to the realities of the society of the Republic of Ingushetia, which itself was in the process of modernization transition to a higher level of development.

In the course of the study, it was established that modernization began to influence all strata of society, both among the indigenous population and the migrants. By the beginning of the 20th century the social structure became more differentiated due to the emergence of new strata, i.e. elements reflecting categories of the population united by a social characteristic. The Russian Empire, which itself was experiencing the process of developing capitalist relations, had a huge impact on the modernization of the agrarian society of the Steppe Region, its adaptation to new conditions and gave a significant acceleration to its dynamics and transformation.

Keywords: Russian Empire, Steppe region, traditional Kazakh society, Social structure, stratification, reforms of Alexander II, modernization, General census of the Russian Empire, Code of Laws of the Russian Empire.

1. Введение

После окончательного включения казахских земель в состав Российской империи, что, по словам Оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского, означало, что «отныне киргизская степь становится действительно русской территорией» (ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 2. Д. 204. Л. 187), для реальной интеграции Казахского края требовалось провести целый ряд реформ в области политико-административного управления, земельных отношений, судопроизводства, социальной структуры населения.

«Степное положение» от 1891 года, действовавшее до 1917 года, установило создание Степного генерал-губернаторства, в состав которого были включены Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Уральская и Тургайская области.

* Corresponding author

E-mail addresses: malikaia480@gmail.com (A.M. Zharken),
zita.o8@mail.ru (Z.S. Ilyassova), hadisha_1960@mail.ru (B.Zh. Abzhapparova),
kaliev_zhabai@mail.ru (Zh.N. Kaliev)

Ранее, в 1886 году, согласно «Положению об управлении Туркестанского края», Аулие-Атинский, Казалинский, Перовский, Ташкентский и Чимкентский уезды вошли в состав Сыр-Дарьинской области. В связи с этим была создана строгая система управления: генерал-губернатор – начальник уезда – волостные управители – аульные старшины из числа казахского населения.

Таким образом, хотя и не без серьёзных проблем, в Степном крае происходил постепенный процесс унификации и интеграции в российскую модель управления. При этом модель Российской империи (далее – РИ) существенно отличалась от форм и методов колониального управления европейских держав. Как отмечается барнаульскими исследователями, России присуще: «...осуществлять территориальную экспансию на основе принципа социально-правового равенства всех народов, попадавших в сферу ее интересов, в политико-правовое и социокультурное пространство государства. Административное управление этими регионами не предполагало создания специализированного (колониального) института и гармонично включалось в общегосударственную систему территориального деления, местные органы власти осуществляли единое управление всем населением – русским и инородческим» (Лысенко и др., 2014: 36).

Наряду с унификацией и интеграцией окраин империи в систему управления, судопроизводства, экономического и хозяйственного развития происходили кардинальные изменения в социальной структуре традиционных обществ. В самом социуме внутренних территорий РИ в пореформенный период имела значительная дифференциация. Отметим, что в российском законодательстве для описания различий в имущественном и правовом положении населения официально использовался термин «состояние». Юридически было установлено четыре состояния – дворянство, духовенство, гражданство и крестьянство. Сословиями же обозначались «различные категории внутри указанных состояний» (Тимофеев, 2017: 130). Так, дворянство имело личный и потомственный характер, внутри гражданства выделялись купеческое и мещанское сословие, крестьянство делилось на казённых и помещичьих крестьян.

В 1899 году Свод Законов Российской империи был дополнен законом о состояниях, в соответствии с которым всё население разделялось на природных обывателей, инородцев и иностранцев. Казахи были приравнены к инородцам.

Таким образом, в начале XX века РИ переживала этап перехода к индустриальному обществу, что оказало мощное воздействие на продолжающуюся дифференциацию общества, расширение и модернизацию социальной структуры населения. Современные исследователи полагают, что среди стратификационных систем выделяется «сословная, основу дифференциации которой составляют обязанности перед государством, получившие правовое оформление» (Тихонова, 2014: 16).

Внеся изменения в стратификационную систему империи, власти должны были провести реформы по её унификации на национальных окраинах, в том числе в Степном крае и Туркестане.

2. Материалы и методы

Важным источником явились документы из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) (Алматы, Республика Казахстан). Фонд 4 (Генерал-губернатор Степного края) содержит указы, распоряжения, переписку, отчёты и другие делопроизводственные документы. В фонде имеются документы о хозяйственных занятиях населения, его сословном составе, прошения о переходе в другой социальный статус.

В Фонде 393 (Акмолинский областной статистический комитет) наиболее ценными для нашего исследования оказались материалы из Дела 41, в котором на 481 листе представлены данные Всеобщей переписи населения Российской империи по уездам Акмолинской области – Атбасарскому, Кокчетавскому и Петропавловскому. Отдельные сведения из этого дела впервые вводятся в научный оборот.

Впервые вводимыми в научный оборот являются сведения о выходе из казачьего сословия в связи с развитием торговли среди казаков, содержащиеся в Фонде И-39 (Окружное правление 10-го полкового округа Семиреченского казачьего войска).

В Государственном архиве г. Алматы (ГАГА) (Алматы, Республика Казахстан) в личном фонде известного казахстанского краеведа В.Н. Проскурина (Фонд 360) хранятся его статьи, в которых на основе глубокой проработки архивных документов раскрывается деятельность знаменитых горожан. В частности, полезной оказалась для нашего исследования статья о купце Н.Я. Пугасове.

Основным источником явились материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, в Общем своде которой содержится важная информация о составе наличного населения по возрасту, полу, языку, вероисповеданию, занятиям и пр. Так, в таблице VI указывается распределение населения по сословным группам и месту рождения, в VIII – распределение населения по сословиям и состояниям, в XXII – распределение населения по группам занятий, в XXIV – распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям.

Конкретно по областям такая информация содержится в: Т. 2 (Астраханская губерния и Внутренняя Киргизская Орда), Т.81 (Акмолинская область), Т.82 (Закаспийская область, Мангышлакский уезд), Т. 84 (Семипалатинская область), Т.85 (Семиреченская область), Т.86 (Сыр-Дарьинская область), Т. 87 (Тургайская область), Т.88 (Уральская область).

Анализ материалов Переписи 1897 года осуществлён по авторской методике, где при подсчёте были исключены территории, в современный период принадлежащие Российской Федерации, Узбекской и Кыргызской республикам. Среди них Омск и Омский уезд, Ташкент с уездом, г. Петро-Александровск и Аму-Дарьинский отдел. Включены Мангышлакский уезд и Букеевская Орда.

Свод законов Российской империи, в частности такие законы, как «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в порядке переселения лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время», явились весьма значимыми для нашего исследования.

Крайне любопытный материал о хозяйственной и благотворительной деятельности представителей городских сословий содержится в Обзорах Акмолинской, Уральской, Тургайской, Семипалатинской, Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей.

Методологическим подходом, на котором базируется исследование, является теория социальной стратификации, разработанная П.Сорокиным. Теоретик пишет: «Конкретные ипостаси социальной стратификации многочисленны. Однако их многообразие может быть сведено к трём основным формам: экономическая, политическая и социальная стратификация. Как правило, все они тесно переплетены» (Сорокин, 1992: 303).

Стратификационный подход дополнен методологией системности, применением общенаучных методов – анализа и синтеза. Принципы историзма, статистического анализа при исследовании демографических и сословных характеристик органично вплетены в структуру исследования.

3. Обсуждение

Положения стратификационной теории разделяют многие современные исследователи, характеризуя её как более последовательную и конкретную по сравнению с классовой теорией. Более того, некоторые российские учёные придерживаются точки зрения, что классы и разделение общества по классовому признаку являются только отдельным случаем социальной стратификации.

По мнению Н.Е. Тихоновой, социальная стратификация представляет собой модель, существующую и соответствующую определённому обществу, его уровню развития и конкретным историческим условиям (Тихонова, 2014).

Отмечая происходящие в Российской империи на рубеже XX века процессы социальной модернизации, Н.А. Иванова и В.П. Желтова утверждали, что она имела специфику, свойственную характеру монархической власти во взаимоотношениях с сословиями, находящимися в периоде трансформации. Более того, по их мнению, главной тенденцией в социальной модернизации общества было разделение социума по сословному, а не национальному критерию (Иванова, Желтова, 2009: 26).

Сословная структура Российской империи, сохраняя свою устойчивость благодаря конкретно сформулированным правовым установкам, тем не менее, в конце XIX – начале XX века демонстрировала динамику к размыванию прежнего сословного деления, возникновение условий для перехода в иное состояние, более диверсифицированное и изменчивое (Брюханова, 2016: 39).

Коллектив барнаульских учёных считает, что включение территории Казахского края в сферу экономических и политических интересов Российской империи потребовало серьёзного реформирования традиционной социальной структуры во всех трёх казахских жузах (Лысенко и др., 2014: 4).

Говоря о модернизации традиционного казахского общества, Б.Т. Тулеуова считает, что именно вовлечение традиционного кочевого общества в общероссийские рыночные отношения и торговлю ускорило процесс его адаптации к новым реалиям (Тулеуова, 2012: 52).

Э.Т. Телеуова считает, что несмотря на кажущуюся простоту социальных отношений в казахском кочевом социуме, оно обладало на самом деле достаточно сложной структурой с открытым типом (Teleuova, 2018: 48). Отчасти можно согласиться с мнением автора в силу того, что кочевое казахское общество постоянно находилось в динамике, и члены коллектива могли переходить в другое состояние.

Н.Д. Краснобаева проводит анализ сословной структуры и занятости населения, осуществлённый с помощью своих расчётов по материалам Всеобщей переписи населения Российской империи (Краснобаева, 2012).

Закономерности и формы социальной дифференциации населения городов на юге Сибири, в том числе и казахстанских городов – Петропавловска, Павлодара, Семипалатинска и Усть-Каменогорска, стали предметом изучения С.Р. Муратовой. Автор указывает на то, какое воздействие оказали реформы Александра II на усложнение социальной стратификации населения в вышеуказанных городах (Муратова, 2024: 111).

Ряд работ казахских авторов посвящён вопросам формирования купечества, дворянства и других новых для традиционного общества сословий.

Несмотря на довольно обширную тематику работ авторов по заявленной теме, полноценного исследования о социальной стратификации населения Казахского края в территориальных рамках всех земель, на которых проживали казахи, в ходе процесса интеграции в систему Российской

империи, в казахстанской научной литературе не было. Эта цель будет достигаться на основе авторской методики подсчёта данных Всеобщей переписи населения 1897 года по областям Казахского края. Статья посвящена более углублённому пониманию процессов трансформации традиционного кочевого общества и адаптации его сословного деления к структуре модернизирующегося социума Российской империи. При этом важно исследование не только статичного состояния сословной структуры населения окраины РИ, но и появление тенденций и динамики перехода на новый уровень социальной стратификации.

4. Результаты

Процессы модернизации, происходившие в российском обществе, были связаны с усложнением коммуникаций внутри самого социума, изменением отношений с властью. Толчком к развитию социальной структуры населения явились реформы Александра II, в первую очередь, отмена крепостного права. Процесс был длительным и сложным, в определённом смысле он остался незавершённым. Переход к индустриальному обществу затруднялся доминирующим положением дворянства, которое, несмотря на свою малочисленность (1 %), сосредоточило в своих руках политическую власть. В российском праве были закреплены следующие сословия: дворянство (потомственное и личное), привилегированным сословием являлось православное духовенство (монашествующее и проповедующее). Особо отметим, что в Российской империи не было ограничений на деятельность других конфессий, в том числе и ислама.

Отдельную прослойку городского населения составляли почётные и именитые граждане, обладавшие этим статусом в порядке потомственного наследования и личных заслуг.

Купечество, доля которого по всей империи достигала 1,5 млн., разделялось на три гильдии – I, II и III, каждая из которых обладала определёнными правами на ведение торговых операций и владение имуществом.

Население городов состояло из таких сословий, как мещане, к которым причислялись ремесленники, рабочие, служащие и мелкие торговцы.

Большую часть населения РИ составляли сельские жители, среди них выделялись такие сословия, как крестьяне, однодворцы и казаки. Отметим, что казаки обладали более высоким положением и играли значительную роль в национальных окраинах.

Процессы изменения социальной структуры затронули не только внутренние губернии РИ, но и национальные окраины. Традиционное казахское общество под влиянием вхождения в общеимперскую модель начало трансформацию в направлении расширения и усложнения.

На протяжении XVIII- середины XIX века сословное деление казахского общества отличалось неизменностью и устойчивостью, при этом оно различалось делением населения на «белую кость» (ак суйек) и «чёрную кость» (кара суйек). К первому социальному слою, имевшему закрытый характер и обладавшему привилегированным положением, причислялись так называемые «торе», потомки чингизидов – ханы, султаны. К аристократии также относились кожа (представители мусульманского духовенства).

К «чёрной кости», имевшей привилегии, относились бии, осуществлявшие судебное производство, а также тарханы, батыры и аксакалы (старейшины). Эти сословия не обладали наследственным преимущественным правом, имели открытый статус и на подобное положение могли претендовать простые люди с высоким моральным авторитетом и значительным состоянием.

Характерно, что казахское население, то есть простые кочевники, не разделялось на сословия и имело одинаковый социальный статус свободных общинников.

К концу XIX века модернизация российского социума привела к активному вовлечению казахского населения в процесс усложнения структуры. Наиболее информативным источником о социальной стратификации населения Степного края является Первая всеобщая перепись Российской империи. Коренное казахское население в соответствии с законодательством РИ было отнесено к инородцам. Кроме того, в переписи учтены такие сословия, как потомственные и личные дворяне, духовенство, почётные граждане, мещане, крестьяне, казаки, а также иностранцы.

Среди 14 показателей переписи 1897 года имелись два, по которым определялось сословное состояние или звание, а также ремесло и занятие. В таблицах VIII и XXIV Общего Свода содержатся сведения о распределении населения по сословиям и состояниям, а также аналогичные данные в разрезе языковой принадлежности.

Наибольшей численностью обладали казахи, которые причислялись к инородцам. Н. Краснобаева называет цифру в 3 964,0 тыс. чел. (Краснобаева, 2021: 98), по нашим же подсчётам она превысила 4 147,7 тыс. чел. Доля инородцев в составе населения Казахского края по нашим подсчётам составляет 92,1 %, что несколько расходится с подсчётами Ф. Базановой, почти на 2 % (90,2 %) (Базанова, 1987: 61). Расхождение возникло из-за того, что большинство исследователей не включают казахское население Мангышлакского уезда и Букеевской Орды.

Основным занятием казахов было скотоводство, на юге наблюдалось распространение земледелия. Эффективность животноводческого кочевого хозяйства подтверждается в отчётах Степного генерал-губернаторства, в которых констатируется: «Благодаря вековому опыту и точно

установившимся приемам киргизы (казахи – *Прим. авт.*) умеют использовать своим животноводством даже такие степные пространства, которые, безусловно, непригодны для всякой иной культуры» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 125. Л. 11).

П.Г. Галузо отмечал, что в Семиреченской области среди казахского населения было широко распространено земледелие, в посевах преобладала пшеница, но также выращивались рожь, овёс, ячмень, просо (Галузо, 1965: 122).

В «Обзоре Семиреченской области за 1900 год» сказано, что «казахи Семиречья по всем уездам, кроме Джаркентского, занимали ведущее место на хлебном рынке и являлись главными поставщиками хлеба» (Обзор, 1901: 37-38).

Заметим, что имелись случаи перехода из инородцев в другие сословия, однако в абсолютных цифрах и в особенности в доленом отношении процент таковых был незначительным. К примеру, число приписанных к крестьянам казахов составляло всего 1268 человек (0,5 % от количества крестьян в крае).

Одним из основных источников пополнения купечества являлись казахские баи, которые, обладая большим богатством, стремились активно участвовать в торговле, в том числе и за рубежом. В архивах имеются документы, в которых содержатся прошения о разрешении перейти в купеческое сословие. Так, в отчёте генерал-губернатора Степного края за 1898 год имеются сведения о более чем десяти таких прошениях. В частности, с такой просьбой обращались «Уразак Тажибаев с сыновьями из Акмолинского уезда». Сообщалось, что им были дарованы «паспорта купцов II гильдии» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 189. Л. 38).

Конечно, преимущественные возможности перейти в купеческое сословие имели казахи из числа крупных феодалов, но всё чаще такую возможность получали и выходцы из простых сословий. Они достигали высоких результатов, и их торговые операции, в частности торговля скотом, распространились даже на Китай. В этом особо преуспели семипалатинские купцы, к примеру, получивший статус купца I гильдии Караман Исенгулов имел торговлю с китайцами, оборот которой превышал 100 тыс. рублей (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 291. Л. 68).

Казахи стали более активно переселяться в города, и некоторые из них начали заниматься ремеслом, извозом, что дало им возможность приписываться к мещанам.

Сословие инородцев вступило в период дифференциации, когда внутри него образовывались новые страты, причиной возникновения которых явились экономические и социально-политические процессы.

Вторым по численности в социальной структуре населения было крестьянство, главным образом земледельческое. Его удельный вес составлял 6,7 % от населения Края.

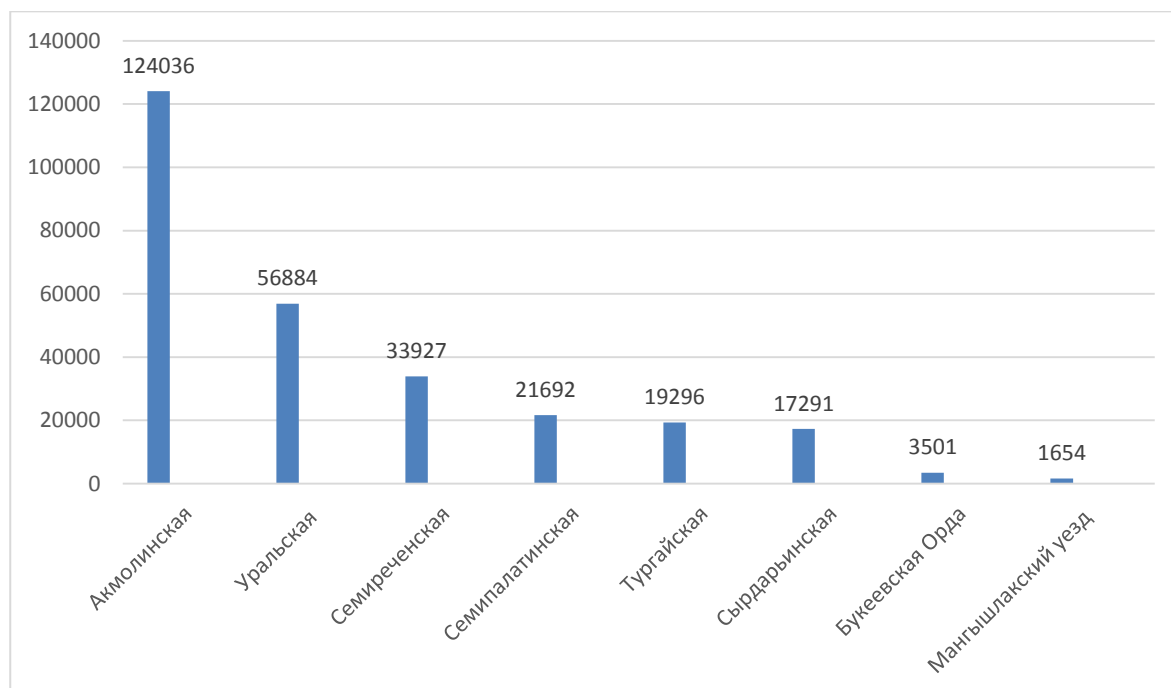

Рис. 1. Численность крестьянского сословия в разрезе областей по переписи 1897 года (Первая всеобщая..., 1897–1905: Общий Свод. Т. 8. С. 10, 15; Т. 2. С. 3; Т. 81. С. 32; Т. 82. С. 24; Т. 84. С. 79; Т. 85. С. 90-91; Т.86. С. 199; Т. 87. С. 17; Т. 88. С. 71).

Больше всего крестьян размещалось в Акмолинской области – 124 036, из которых 115 644 проживали в сельской местности и только 15 % – в городах. В области концентрировалось 44,5 % от

всего количества крестьян в крае, что определялось двумя факторами – схожестью природно-климатических условий и близким расположением от границ внутренних губерний РИ. Кроме того, в отличие от южных областей, северные были открыты для массового переселения. Так, в Петропавловском уезде процент крестьян-переселенцев превысил 52 % (ЦГА РК. Ф. 393. Оп. 1. Д. 41. Л. 298).

Более чем вдвое была меньше численность крестьян в Уральской области – 56 884, из которых 32 696 приходилось на жителей сельской местности и 24 188 на горожан. Далее по нисходящей следовали Семиреченская (всего 33 927), Семипалатинская (21 692), Тургайская (19 296), Сыр-Дарьинская (17 291) области. Меньше всего причисленных к крестьянскому сословию насчитывалось в Букеевской Орде (3501) и Мангышлакском уезде (1654).

Крестьяне главным образом занимались выращиванием зерновых – яровой и озимой пшеницы. Также получили распространение такие агрокультуры, как рожь, гречиха, ячмень, картофель, свекла и табак. Развивалось огородничество, которое приобрело товарный характер и поставлялось на рынки в довольно крупных объёмах. Крестьяне, проживавшие в городах, сначала продолжали заниматься земледелием, но постепенно переходили к другим занятиям, что давало возможность перейти в иное сословие. Крестьяне использовали возможности повышения своего социального статуса и стали одним из главных источников формирования купцов и мещан. Примеров такого перехода становилось всё больше, зажиточные крестьяне стремились получить разрешение на торговые операции, в особенности с развитием ярмарочной торговли. Немало крестьян-переселенцев, принадлежащих не только к русским, но и украинцам, немцам и полякам, уходило в промышленное производство, постепенно набравшее обороты в Степи и требовавшее рабочих рук.

Тем не менее, материалы Первой всеобщей переписи населения свидетельствуют о том, что в аграрном хозяйстве было занято свыше 92 % жителей края.

Сословием, имевшим особый статус в Российской империи, являлись казаки. Их главным предназначением являлась воинская служба. «В России насчитывалось 11 казачьих войск (Амурское, Астраханское, Донское, Забайкальское, Кубанское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Терское, Уральское, Уссурийское)» (Жигунова, 2016: 88). Два из них – Уральское и Семиреченское – располагались на казахских землях. По численности они занимали третье место после инородцев и крестьян. В Степном крае по данным Н.В. Алексеенко сибирские казаки составляли 104 266 чел., а уральские – 114 166 чел. (Алексеенко, 1981: 57). В его работе не учитываются семиреченские казаки, составлявшие более 3 % от всего населения области. Наши подсчёты показывают общую численность казаков в Казахском крае в 246 161 чел. Рассмотрим численность казаков в четырёх областях – Уральской, Акмолинской, Семиреченской и Семипалатинской, где наблюдалась их наибольшая концентрация.

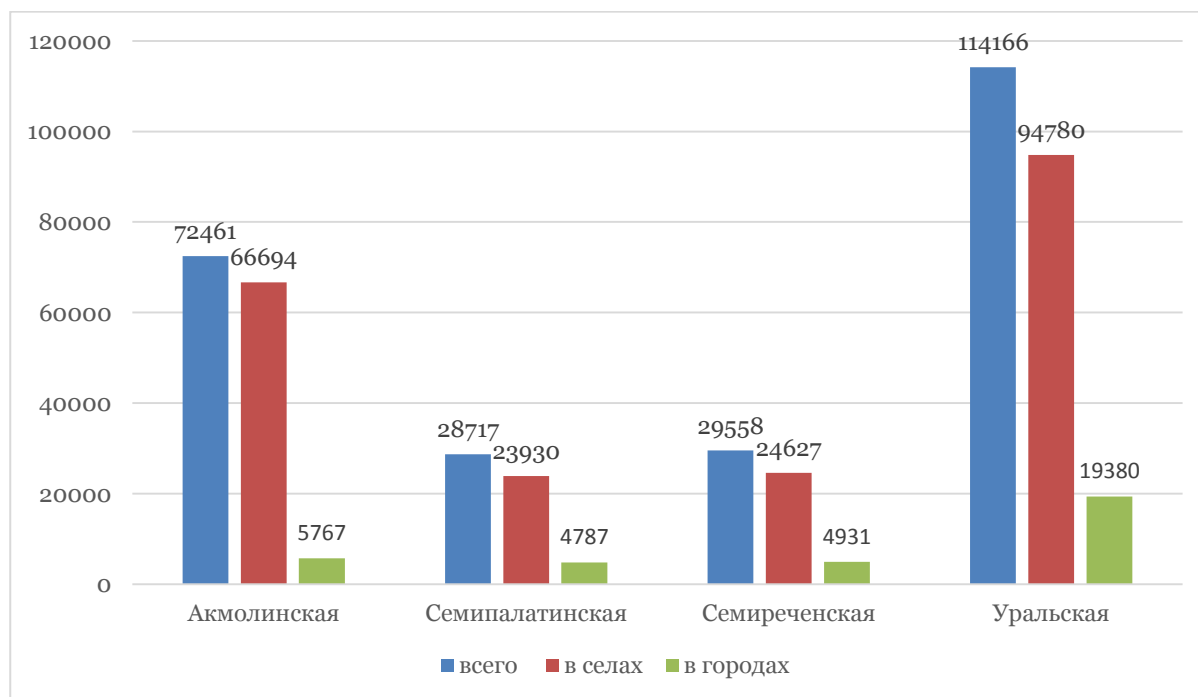

Рис. 2. Численность казаков в областях Казахского края по переписи 1897 года (Первая всеобщая..., 1897–1905; Общий Свод. Т. 8. С. 10; Т. 81. С. 15; Т. 84. С. 81; Т. 85. С. 53; Т. 88. С. 56).

Больше всего казаков насчитывалось в Уральской области – 114 166 чел., 46,3 % от всей численности казачьего сословия в Казахском крае. Более 83 % их размещалось в сельской местности и лишь меньше

17 % – в городах. На втором месте по количеству казаков располагалась Акмолинская область – 72 461 чел., из которых более 92 % являлись сельскими жителями. На третьем месте стояла Семиреченская область – 29 558 чел., из них 24 627 (83,3 %) были размещены в селе. В Семипалатинской области из общего числа казаков в 29 558 чел., 24 627 проживали в селе и 4 931 – в городах.

В Тургайской и Сыр-Дарьинской областях доля казаков в общем составе населения была очень мала, соответственно 0,3 и 0,1 %. А в Букеевской Орде и Мангышлакском уезде процент казаков был совсем мизерным – 0,008 и 0,003 %.

Высокая концентрация казаков в Уральской и Семиреченской областях объяснялась размещением на их территории Уральского и Семиреченского казачьих войск. Интересно, что наблюдался и обратный процесс, когда представители других сословий обращались с просьбами о причислении к казакам. Это явление наблюдалось главным образом в Семиреченском казачьем войске, в циркулярах значатся подобные прошения от мещан, крестьян и даже дворян. К примеру, мещанин Григорий Петров из Верненского уезда обратился с просьбой о причислении его к казакам, мотивируя это тем, что хотел бы «защитить интересы царя и Отечества» (ЦГА РК. Ф. И-39. Оп. 1. Д. 59. Л. 17).

В селе казаки занимались в основном земледелием, среди уральских казаков было развито рыболовство и скотоводство. Однако, это не отменяло их воинской повинности и военной службы.

В городах наблюдался переход их в другие сословия, связанный с изменением рода занятий. Довольно распространённой практикой являлся переход казаков в купеческое сословие, которое облегчалось тем обстоятельством, что «с 1853 года в Сибирском казачьем обществе было учреждено Торговое Общество из 200 казаков. Поступающие в Торговое Общество казаки вносили в течение 30 лет в войсковой капитал по 57 руб. 50 коп. каждый год и затем не несли никакой службы, и содержания ни от казны, ни от войска не получали» (Кенжебеков и др., 2015: 41).

Из городских сословий в структуре населения Казахского края мещане составляли всего 3,3 % от всех жителей; крайне малочисленными были сословия, причисленные к купцам, дворянам и духовенству.

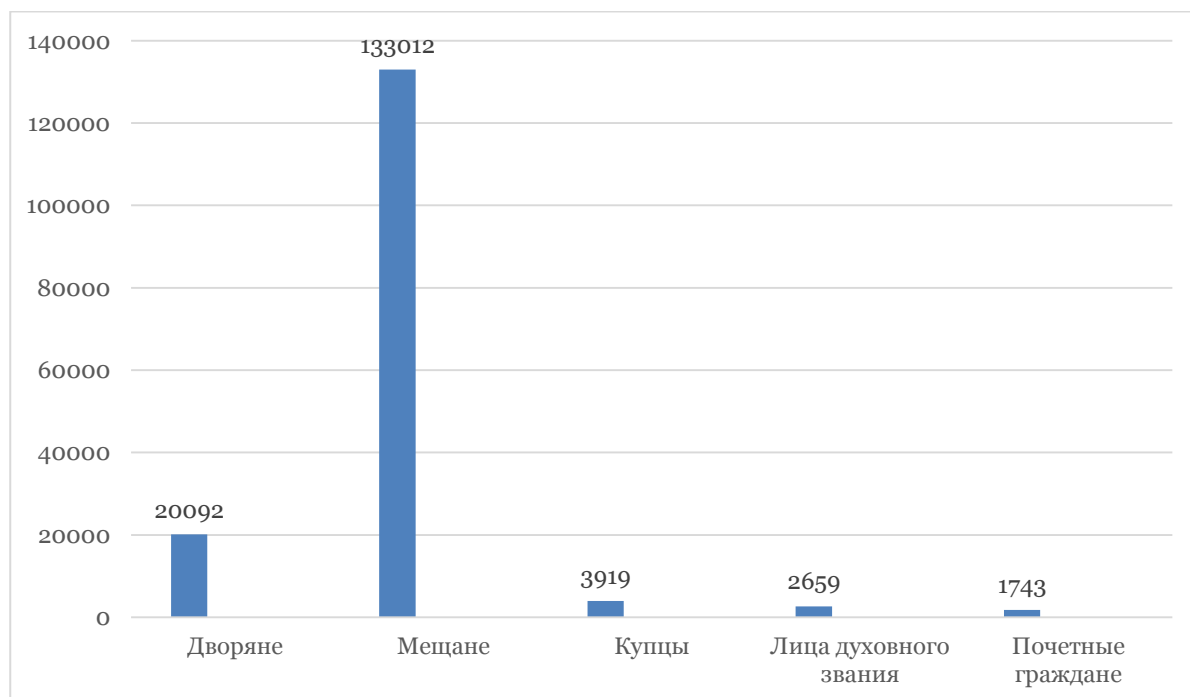

Рис. 3. Численность дворян, купцов, духовенства, мещан, почётных граждан в Казахском крае (Первая всеобщая..., 1897–1905: Общий Свод. Табл. VIII. С. 10; Табл. XXII. С. 15; Табл. XXIV. С. 23).

Мещан в крае насчитывалось 133 012 чел., из них 77,3 % в городах и 22,7 % в селе. При этом казахи среди мещан составляли 784 чел. или 0,9 %. Для мещан имелось несколько вариантов перехода в купеческое сословие: в рамках переселенческой политики, удачного брака, личного прошения.

Следующим по численности сословием являлись дворяне – 20 092 чел., из них в городах – 83,6 %, в селе – 16,4 %. Среди высших кругов казахской элиты начался процесс формирования дворянского сословия. «Дворянство получали в основном султаны, бии, старшины, выполнявшие административно-управленческие функции. Казахское дворянство, несмотря на малочисленность,

имело не только социально-правовое преимущество, но и могло наследовать землю. Их имена вносились в Бархатную родословную книгу» (Еспенбетова, 2017: 390).

В переписи населения РИ 1897 года число потомственных дворян среди казахов составило 876 потомственных (7,3 % от всех потомственных дворян империи) и 93 личных дворян. К потомственным дворянам были отнесены ханы, султаны и их потомки. К примеру, дворянский титул одним из первых получил Жангир хан, правитель Букеевской Орды.

Источниками пополнения личного казахского дворянства явились представители чиновников из местного административного аппарата, приток которых усилился после 1891 года, когда интенсифицировался процесс их инкорпорации в систему управления Российской империи. Происходили существенные изменения в образовании, квалификации казахских служащих, что и стало причиной увеличения количества личных дворян.

Духовенство в Российской империи обладало особыми привилегиями и высоким статусом. Приоритет отдавался православным священникам, но и ущемления других конфессий не имелось. В 1897 году перепись зафиксировала 2090 лиц духовного звания.

За особые заслуги присваивалось звание почётного гражданина, число которых в крае составило 105 363 чел.

Численность дворян, духовенства и почётных граждан достаточно серьёзно дифференцировалась по областям. К примеру, больше всего дворян проживало в Семиреченской области, а почётных граждан – в Семипалатинской.

Таблица 1. Численность сословий дворян, духовенства и почётных граждан по областям Казахского края (Первая всеобщая..., 1897–1905: Общий Свод. Табл. VIII. С. 10; Табл. XXII. С. 15; Табл. XXIV. С. 23).

Области	Дворяне	Лица духовного звания	Почётные граждане
Акмолинская	1689	444	17791
Семипалатинская	776	305	25392
Семиреченская	2511	286	23416
Сыр-Дарьинская	611	54	5761
Тургайская	496	108	21982
Уральская	2021	860	10737
Мангышлакский уезд	60	17	260
Букеевская Орда	106	16	24
Итого	8270	2090	105363

Общая численность дворян в Казахском крае составляла 8 270 чел., лиц духовного звания – 2090, а почётных граждан – 105 363. Больше всего дворян проживало в Семиреченской области – 2511, на втором месте находилась Уральская – 2021, на третьем Акмолинская – 1689. Меньше всего дворян насчитывалось в Мангышлакском уезде и Букеевской Орде – 60 и 106, соответственно.

Начавшийся процесс урбанизации стал причиной роста городского населения, развития его экономической, хозяйственной и культурной активности, что привело к увеличению числа горожан, получивших звание почётного гражданина. Семипалатинская область явилась лидером по количеству лиц, которым был присвоен этот статус, их насчитывалось 25 392 чел. За ней следуют Семиреченская – 23 416 и Тургайская области – 21 982 чел.

Развитие экономики, торговли, промышленного производства в крае повлекло за собой изменения в социальной структуре общества. Расширение и интенсификация торговых операций в Степи и даже за рубежом способствовали формированию купеческого сословия, основой для которого стал закон РИ «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в порядке переселения лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» от 1889 года. «Источниками формирования купечества из переселенцев стали мещане, казаки, купцы и крестьяне из внутренних губерний России» (Керейбаева, 2019: 53).

Не существовало препятствий для пополнения купеческого сословия выходцами из иных этнических групп – евреев, сартов, татар, таджиков. Местное казахское население также втягивалось в торговые отношения и пополняло ряды купцов. Наиболее активными в этом процессе выступали казахские байы, а также перекупщики (алыпсатары), занимавшиеся развозной торговлей (саудагеры).

О том, как байство занималось проведением крупных торговых операций, исследователи приводят слова Председателя Оренбургской пограничной комиссии Ладыженского: «В восточной части Орды (Букеевской – Прим. авт.) нет ни одного почти киргиза, который не был бы купцом...» (Керейбаева, 2019: 54).

Торговый оборот многих купцов из числа баев исчислялся крупными суммами, и торговля велась даже с европейскими странами. Отдельные байы-скотопромышленники продавали скот за границу «и при том на наличные деньги (а не в обмен на товар) и за такую цену, которой киргизы

(казахи - *Прим. авт.*) ранее вовсе не знали... Экспортеры вывозят и отправляют запроданное сырье за границу, т.е. в Западную Европу и Америку» (ЦГА РК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 423. Л. 28).

Купечество стало одним из двигателей развития городов, причём не только в материальном плане, но и в культурном и духовном отношениях. К примеру, в Петропавловске до сих пор сохранились свидетельства, подтверждающие вклад купцов. «Торговые дома купцов Т. Аркеля, М. Стрелкова (здания Областного историко-краеведческого музея), Шамсутдинова, Янгуразовых, Юзефовича (Музей изобразительных искусств), А. Мухамедьярова, В. Черемисинова, братьев Зенковых, Федорова, Ш. Шафеева, Ганшина, братьев Овсянниковых, Казанцева, Блюменталя и других, а также здания и сооружения, как Романовское училище, железнодорожный вокзал, водонапорная башня, мельницы Муратова, Мазаева с замысловатой кладкой придают и сейчас городу неповторимый архитектурный стиль и сохраняют память о прошлом» (Мукатаева, 2022: 114).

Даже по перечисленным фамилиям купцов можно судить о широком представительстве десятка различных этносов в купеческом сословии города.

Купец I гильдии Никита Пугасов очень много сделал для жителей г. Верного. Он относился к богатейшим купцам всего Туркестанского края, только в Семиречье ему принадлежали два винокуренных, два водочных и один кожевенный завод. В Верном располагались три магазина, а 16 торговых филиалов раскинулись по всему Туркестану. Н.Я. Пугасов принимал широкое участие в общественной жизни Верного, являлся гласным городской думы, церковным старостой, почётным мировым судьёй, делал щедрые пожертвования городскому детскому приюту (ГАГА. Ф. 360. Оп. 1. Д. 185. Л. 30).

Точную численность купеческого сословия в Степном крае установить невозможно ввиду отсутствия таких данных в Переписи 1897 года.

В конце XIX века в городах края начинает формироваться рабочий класс, но он был очень малочисленным, что не позволяет осуществить анализ его численного и качественного состава. Однако строительство железных дорог, протяжённость которых в начале XX века в Казахском крае составила 2800 вёрст, открытие Спасского завода, Успенского, Джезказганского, Успенского и Риддерского рудников, Соранских и Карагандинских угольных копей неизбежно вели к росту численности промышленных рабочих, в том числе и казахов.

В городской структуре получают распространение наёмные рабочие: частная служба, прислуга и подёнщики. По данным переписи, их количество составило 82 147 чел. или 2 % от общей численности населения Казахского края. По областям их число сильно дифференцировалось.

Таблица 2. Численность наёмных рабочих в областях края по Переписи 1897 года (Первая всеобщая..., 1897–1905: Общий Свод. Табл. XXI. С. 9; Т. 2. С. 3; Т. 81. С. 12; Т. 82. С. 24; Т. 84. С. 79; Т. 85. С. 90-91; Т. 86. С. 199; Т. 87. С. 17; Т. 88. С. 71).

Область	Всего населения	% от общей численности	Наёмные рабочие	% от численности населения
Акмолинская	582069	14,03	15949	0,38
Семипалатинская	684590	16,5	18019	0,43
Семиреченская	663769	16,0	10694	0,25
Сыр-Дарьинская	835432	20,14	9178	0,22
Тургайская	453416	11,0	2849	0,006
Уральская	645121	15,55	23435	0,56
Мангышлакский уезд	68555	1,65	119	0,002
Букеевская Орда	214796	5,18	1904	0,04
Итого	4147748	100	82147	2,0

По численности рабочих и прислуги лидировала Уральская область, в которой их имелось 23 435 чел. или 0,56 % от всего населения. Доля этого сословия составляла 0,43 % в Семипалатинской и 0,38 % в Акмолинской областях. Меньше всего был удельный вес рабочих и прислуги в Тургайской области – 0,006 % и Мангышлакском уезде – 0,002 %. В числе причин такой низкой доли их в социальной структуре можно назвать малочисленность самого населения этих территорий, аграрный характер хозяйства, чрезвычайно низкие темпы урбанизации.

В целом удельный вес страты рабочих и прислуги по всему краю составлял всего 2 %, что свидетельствует о весьма медленном индустриальном развитии, сохранении аграрного характера экономики края, слабом уровне социальной стратификации, в особенности среди казахского населения.

5. Заключение

Конец XIX – начало XX века стал периодом, в котором начались процессы перехода традиционного казахского общества к индустриальному. Одним из важнейших последствий модернизации явились значительные изменения в социальной стратификации населения края.

Практически полностью лишилась своего политического влияния казахская аристократия в лице ханов и султанов. В контексте административно-территориальных, экономических и правовых реформ, проводимых Российской империей, ханы и султаны были инкорпорированы в общеимперскую сословную систему. Это положило начало формированию казахского дворянства и придало ускорение появлению образованного класса среди казахов. При этом возможность получения образования не ограничивалась лишь представителями аристократии, давая возможность выдвинуться талантливым лицам из других слоёв общества.

Большинство казахов приравнивалось к сельским обывателям и получило название «инородцы». Отметим, что сословие не было закрытым, и его представители имели условия для перехода в иной статус.

Происходило сильное расслоение внутри казахского общества, что приводило к появлению других сословий и страт.

В Казахском крае медленно и постепенно происходил процесс социальной стратификации, аналогичный общеимперским тенденциям, но обладающий некоторыми специфическими чертами. Главной из них являлось значительное преобладание инородцев, составлявших более 85 % от общей численности населения. Второе и третье места принадлежали сословиям крестьян и казаков. Ещё одной особенностью было полное доминирование казахов в сельской местности и преобладание мещан, купцов, рабочих и прислуги в городах.

Доля дворян, лиц духовного звания, почётных граждан, купцов и рабочих была невысокой, хотя развитие городов, торговли и промышленности постепенно набирало темп и меняло социальную структуру населения края.

Таким образом, процесс модернизации, проходивший как в общероссийском, так и казахстанском масштабах, привёл к усложнению и расширению социальной стратификации населения Казахского края.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН BR24993173).

Литература

- [Алексеевко, 1981](#) – Алексеевко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав). Алма-Ата: Наука, 1981. 111 с.
- [Базанова, 1987](#) – Базанова Н.Ф. Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР: национальный аспект. Алма-Ата: Казахстан, 1987. 156 с.
- [Брюханова и др., 2016](#) – Брюханова Е.А., Владимиров В.Н., Стрекалова Н.В. Сословие, профессия, социальная страта: к проблеме исследования социальной структуры провинциального российского губернского города в конце XIX – начале XX в. (На материалах Тамбова и Тобольска) // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 411. С. 38-46.
- [ГАГА](#) – Государственный архив города Алматы, Республика Казахстан.
- [Галузо, 1965](#) – Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867-1914 гг. Алма-Ата, 1965. 345 с.
- [Ерменбаева и др., 2023](#) – Ерменбаева Г.К., Мукаатаева Л.К., Мажитова Ж.С., Хасенова Ж.О. Купечество как социальный институт казахского общества: российская и казахстанская историография // *Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева. Серия: Исторические науки*. 2023. Т. 144. № 3. С. 23-38.
- [Еспенбетова, 2017](#) – Еспенбетова А.М. Особенности формирования казахского дворянства // *Молодой учёный*. 2017. № 11 (145). С. 389-392.
- [Жигунова, 2016](#) – Жигунова М.А. Сибирское казачество: традиционная культура и современные стереотипы // *Вестник Омского ун-та. Сер.: Ист. науки*. 2016. № 4 (12). С. 87-98.
- [Иванова, Желтова, 2009](#) – Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века) / Рос. акад. Наук, Ин-т Рос. истории. М.: Новый хронограф, 2009. 752 с.
- [Кенжебеков и др., 2015](#) – Кенжебеков К.К., Турысжанова Р.К., Дюсебаева Г.К., Болтаева С.Ж. Казачья колонизация Казахстана в первой половине XIX века // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2015. № 3-2 (34). С. 39-43.

Керейбаева, 2019 – Керейбаева А.С. Источники формирования купцов Степного края второй половины XIX – начала XX века // *Актуальные проблемы изучения отечественной истории*. 2019. № 3. С. 51-60.

Краснобаева, 2021 – Краснобаева Н.Д. Сословная принадлежность и занятость населения Казахстана по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года // *Bulletin Almanach Science*. 2021. Vol. 2. Рр. 95-105.

Лысенко и др., 2014 – Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения. Барнаул: АЗБУКА, 2014. 272 с.

Мукатаева, 2022 – Мукатаева Л.К. Роль купечества в формировании городского пространства Петропавловска на рубеже XIX – XX вв. // *Вестник Карагандинского ун-та*. 2022. № 105. С.111-117.

Муратова, 2024 – Муратова С.Р. Динамика социальной дифференциации населения городов юга Сибири конца XIX – 30-х годов XX века // *Исторический журнал: научные исследования*. 2024. №6. С. 107-124.

Обзор..., 1901 – Обзор Семиреченской области за 1900 год. Верный, 1901. 119 с.

Первая всеобщая..., 1897–1905 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Изд. Центр. Стат. Комитетом М-ва вн. дел. Под ред. Н.А. Тройниченко. СПб., 1897-1905.

Редин, 2018 – Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / Под ред. Д.А. Редина. СПб.: Алетей, 2018. 722 с.

Сорокин, 1992 – Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // *Сорокин П. Человек, Цивилизация, Общество. Сер. «Мыслители XX века»*. М., 1992. С. 302-373.

Тимофеев, 2014 – Тимофеев Д.В. «Чтоб не были закрыты никому пути перехода из одного сословия в другое»: законодательство и практика социальных взаимодействий в первой четверти XIX века / *Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII-XX вв. Материалы первого Всероссийского научного семинара*. Екатеринбург, 2014. 184 с.

Тихонова, 2014 – Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014. 408 с.

Тылеуова, 2012 – Тылеуова Б.Т. Адаптация казахского общества Центрального Казахстана к рыночным условиям во второй половине XIX – начале XX веков. Караганда, 2012. 193 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Teleuova 2018 – Teleuova E.T. Social structure and social stratification of traditional society // *Journal of history*. 2018. № 3 (90). Рр. 47-55.

References

Alekseenko, 1981 – Alekseenko, N.V. (1981). Naselenie dorevolyutsionnogo Kazakhstana (chislennost', razmeshchenie, sostav). [Population of pre-revolutionary Kazakhstan (number, distribution, composition)] Alma-Ata: Nauka. 111 p. [in Russian]

Bazanova, 1987 – Bazanova, N.F. (1987). Formirovanie i razvitie struktury naseleniya Kazakhskoi SSR: natsional'nyi aspekt. [Formation and development of the population structure of the Kazakh SSR: national aspect]. Alma-Ata: Kazakhstan. 156 p. [in Russian]

Bryukhanova i dr., 2016 – Bryukhanova, E.A., Vladimirov, V.N., Strekalova, N.V. (2016). Soslovie, professiya, sotsial'naya strata: k probleme issledovaniya sotsial'noi struktury provintsial'nogo rossiiskogo gubernskogo goroda v kontse XIX – nachale XX v. (Na materialakh Tambova i Tobol'ska) [Estate, profession, social stratum: on the problem of studying the social structure of a provincial Russian provincial town in the late 19th – early 20th centuries (Based on materials from Tambov and Tobolsk)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 411: 38-46. [in Russian]

Ermenbaeva i dr., 2023 – Ermenbaeva, G.K., Mukataeva, L.K., Mazhitova, Zh.S., Khasenova, Zh.O. (2023). Kupechestvo kak sotsial'nyi institut kazakhskogo obshchestva: rossiiskaya i kazakhstanskaya istoriografiya [Merchants as a social institution of Kazakh society: Russian and Kazakh historiography]. *Vestnik ENU im. L. Gumileva. Seriya: Istoricheskie nauki*. 144(3): 23-38. [in Russian]

Espenbetova, 2017 – Espenbetova A.M. (2017) Osobennosti formirovaniya kazakhskogo dvoryanstva. [Features of the formation of the Kazakh nobility]. *Molodoi uchenyi*. 11(145): 389-392. [in Russian]

GAGA – Gosudarstvennyj arhiv goroda Almaty [State Archives of Almaty Republic of Kazakhstan].

Galuzo, 1965 – Galuzo, P.G. (1965). Agrarnye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1867–1914 gg. [Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867–1914]. Alma-Ata. 345 p. [in Russian]

Ivanova, Zheltova, 2009 – Ivanova, N.A., Zheltova, V.P. (2009). Soslovnnoe obshchestvo Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX veka) [Class society of the Russian Empire (18th – early 20th centuries)]. Ros. akad. Nauk, In-t Ros. istorii. M.: Novyi khronograf. 752 p. [in Russian]

Kenzhebekov i dr., 2015 – Kenzhebekov, K.K., Turyszhanova, R.K., Dyusebaeva, G.K., Boltaeva, S.Zh. (2015). Kazach'ya kolonizatsiya Kazakhstana v pervoi polovine XIX veka. [Cossack colonization of Kazakhstan in the first half of the 19th century]. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazachya-kolonizatsiya-kazakhstana-v-pervoy-polovine-hih-veka> [in Russian]

[Kereibaeva, 2019](#) – Kereibaeva, A.S. (2019). Istochniki formirovaniya kuptsov Stepnogo kraia vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Sources of formation of merchants of the Steppe region of the second half of the 19th – early 20th century]. *Aktual'nye problemy izucheniya otechestvennoi istorii*. 3: 51-60. [in Russian]

[Krasnobaeva, 2021](#) – Krasnobaeva, N.D. (2021). Soslovnaya prinadlezhnost' i zanyatost' naseleniya Kazakhstana po materialam Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda [Class affiliation and employment of the population of Kazakhstan based on the materials of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897]. *Bulletin Almanach Science*. 2: 95-105. [in Russian]

[Lysenko i dr., 2014](#) – Lysenko, Yu.A., Anisimova, I.V., Tarasova, E.V., Sturova, M.V. (2014). Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii: kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.). Dokumenty i izvlecheniya [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual foundations and mechanisms of implementation (19th – early 20th centuries). Documents and extracts]. Barnaul: AZBUKA. 272 p. [in Russian]

[Mukataeva, 2022](#) – Mukataeva, L.K. (2022). Rol' kupechestva v formirovanii gorodskogo prostranstva Petropavlovsk na rubezhe XIX – XX vv. [The role of merchants in the formation of the urban space of Petropavlovsk at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Vestnik Karagandinskogo un-ta*. 105: 111-117. [in Russian]

[Muratova, 2024](#) – Muratova, S.R. (2024). Dinamika sotsial'noi differentsiatsii naseleniya gorodov yuga Sibiri kontsa XIX – 30-kh godov XX veka [Dynamics of social differentiation of the population of cities in the south of Siberia in the late 19th – 30s of the 20th century]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 6: 107-124. [in Russian]

[Obzor..., 1901](#) – Obzor Semirechenskoi oblasti za 1900 god [Review of the Semirechye region for 1900]. Verny. 1901. 119 p. [in Russian]

[Pervaya Vseobshchaya..., 1897–1905](#) – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 goda. Izd. Centr. Stat. Komitetom M-va vn. del. Pod red. N.A. Trojnicogo. SPb. 1897–1905. [in Russian].

[Redin, 2018](#) – Granitsy i markery sotsial'noi stratifikatsii Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniya [Boundaries and markers of social stratification of Russia in the 18th-20th centuries. Research vectors]. Pod red. D.A. Redina. SPb.: Aleteiya, 2018. 722 p. [in Russian]

[Sorokin, 1992](#) – Sorokin, P. (1992). Sotsial'naya stratifikatsiya i obil'nost' [Social stratification and abundance]. Chelovek, Tsivilizatsiya, Obshchestvo. Ser. «Mysliteli XX veka». M. Pp. 302-373. [in Russian]

[Teleuova 2018](#) – Teleuova, E.T. (2018). Social structure and social stratification of traditional society. *Journal of history*. 3(90): 47-55.

[Tikhonova, 2014](#) – Tikhonova, N.E. (2014). Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'. [Social structure of Russia: theories and reality]. M.: Novyi khronograf. 408 p. [in Russian]

[Timofeev, 2014](#) – Timofeev, D.V. (2014). «Chtob ne byli zakryty nikomu puti perekhoda iz odnogo sosloviya v drugoe»: zakonodatel'stvo i praktika sotsial'nykh vzaimodeistvii v pervoi chetverti XIX veka [“So that the paths of transition from one class to another are not closed to anyone”: legislation and practice of social interactions in the first quarter of the 19th century]. *Granitsy i markery sotsial'noi stratifikatsii v Rossii XVII–XX vv. Materialy pervogo Vserossiiskogo nauchnogo seminara*. 184 p. [in Russian]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan. [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

[Tuleuova, 2012](#) – Tuleuova, B.T. (2012). Adaptatsiya kazakhskogo obshchestva Tsentral'nogo Kazakhstana k rynochnym usloviyam vo vtoroi polovine XIX- nachale XX vekov. [Adaptation of Kazakh society of Central Kazakhstan to market conditions in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Karaganda. 193 p. [in Russian]

[Zhigunova, 2016](#) – Zhigunova, M.A. (2016). Sibirskoe kazachestvo: traditsionnaya kul'tura i sovremennye stereotipy [Siberian Cossacks: traditional culture and modern stereotypes]. *Vestnik Omskogo un-ta. Ser.: Ist. nauki*. 4(12): 87-98. [in Russian]

Социальная стратификация населения Казахского края в процессе интеграции в систему Российской империи

Айгуль Маликовна Жаркен ^{a, *}, Зибатул Сулейменовна Ильясова ^a,
Бибахидиша Журсиновна Абжаппарова ^a, Жабай Нурмакович Калиев ^b

^a Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва, Астана, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: malikaia480@gmail.com (А.М. Жаркен),
zita.o8@mail.ru (З.С. Ильясова), hadisha_1960@mail.ru (Б.Ж. Абжаппарова),
kaliev_zhabai@mail.ru (Ж.Н. Калиев)

^b Казахстанско-Белорусский научно-технический исследовательский центр ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье, базирующейся на авторском подсчёте и интерпретации данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи, массиве текущей статистики, предшествующей историографии и впервые вводимых в научный оборот отдельных архивных источников, раскрывается и конкретизируется социальная стратификация населения Степного края и части Туркестана.

Авторы приходят к выводу о том, что окончательное включение Казахского края в состав Российской империи потребовало серьёзных политико-административных, экономических, правовых и социальных реформ на обширных просторах обретённых территорий. Одной из основных задач являлась трансформация традиционного казахского общества, ликвидация архаичного сословного деления в нём, адаптация его к реалиям социума Российской империи, который сам находился в процессе модернизационного перехода на более высокий уровень развития.

В процессе исследования установлено, что модернизация начала оказывать влияние на все слои общества, как среди коренного населения, так и переселенческого. К началу XX века социальная структура стала более дифференцированной в связи с появлением новых страт, то есть элементов, отражающих категории населения, объединённых общественным признаком. Российская империя, сама переживавшая процесс развития капиталистических отношений, оказала огромное влияние на модернизацию аграрного социума Степного края, адаптацию его к новым условиям и придала значительное ускорение его динамике и трансформации.

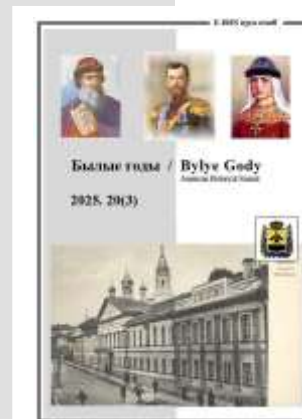
Ключевые слова: Российская империя, Степной край, традиционное казахское общество, социальная структура, стратификация, реформы Александра II, модернизация, Всеобщая перепись населения Российской империи, Свод законов Российской империи.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1543-1555
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1543

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Imperial Agrarian Policy and Local Land Use Practices on the Territory of Northern Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries (the Case of Petropavlovsk Uyezd)

Nazgul Baigabatova ^{a, *}, Gulbanu Ishkalova ^a, Daniya Nurmukhankyzy ^a

^a Zhetysu University named after I. Zhansugurov, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to the analysis of the system of land use in the territory of Northern Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries on the example of Petropavlovsk uyezd. The study is aimed at revealing the nature of interaction between the Russian agrarian policy, implemented within the framework of colonial development of steppe territories, and local practices of Kazakh land use, reflecting the aspiration of local communities to adapt to changing economic and legal conditions.

Under increasing pressure on land resources, there was a gradual shift away from traditional forms of farming and the formation of new models of land use. Particular attention is paid to the processes of haymaking development and the expansion of lease relations, previously little characteristic of the region and poorly represented in historiography, despite their significant role in changing land practices.

These processes were accompanied by significant changes in the structure of economic activity and ways of regulating access to land. New forms of land use were formed at the intersection of administrative initiatives on the part of the state and adaptive strategies developed by local communities. Thus, the transformation of the agrarian system in the region acquired a complex and multilayered character, combining elements of external pressure and internal dynamics.

Keywords: Russian Empire, agrarian policy, resettlement policy, Northern Kazakhstan, land use.

1. Введение

Традиционные модели землевладения и землепользования, основанные на кочевом и полукочевом хозяйстве, являлись основой существования казахского народа на протяжении столетий. Однако на рубеже XIX–XX вв. эти устоявшиеся формы начали подвергаться изменениям, вызванным аграрной политикой Российской империи, направленной на освоение новых территорий, заселение и преобразование локальных структур.

Северный Казахстан, известный своим аграрным потенциалом и выгодным географическим положением, на протяжении последних двух столетий был объектом разнообразных земельных реформ, каждая из которых вносила свои коррективы в вопросы использования и распределения земель. В данном контексте изучение особенностей локальных практик землепользования на примере Петропавловского уезда Акмолинской области в конце XIX – начале XX в. представляет значительный интерес, так как этот период был временем масштабных изменений в земельных отношениях на территории Казахстана. Введение административно-территориальных реформ Российской империи и проведение Столыпинской аграрной политики активно трансформировали традиционную систему землепользования и повлекли за собой социально-экономические и культурные изменения. Выбранный объект исследования является своеобразным полигоном для изучения взаимодействия традиционного уклада казахского землепользования с новыми

* Corresponding author

E-mail addresses: bnk1606@mail.ru (N. Baigabatova), banu_tk_78@mail.ru (G. Ishkalova), daniyafmo@gmail.com (D. Nurmukhankyzy)

административно-правовыми механизмами на рубеже XIX–XX вв., поскольку большинство вопросов аграрной истории Казахстана, и в том числе перераспределения земли и адаптации казахов к меняющимся условиям земельного устройства, всё ещё остаются недостаточно изученными ([Mutaliyeva et al., 2023: 402-403](#)).

Цель данной статьи – на основе комплексного анализа научной литературы, законодательных актов, архивных материалов и статистических источников проанализировать взаимодействие имперской аграрной политики и локальных практик землепользования в Северном Казахстане в конце XIX – начале XX в. на примере Петропавловского уезда, а также выявить формы адаптации местных сообществ к новым условиям владения и пользования землёй.

Выбор Петропавловского уезда Акмолинской области в качестве локального примера обусловлен рядом факторов. Во-первых, уезд занимал важное фронтальное положение на стыке кочевой и оседлой зон, что делало его территорией активного взаимодействия различных моделей землепользования. Во-вторых, начиная с последней четверти XIX в., Петропавловский уезд стал одной из ключевых площадок переселенческой политики Российской империи: здесь наблюдался интенсивный приток крестьян-переселенцев, сопровождавшийся перераспределением земельных ресурсов и ростом административного контроля. В-третьих, данная территория характеризовалась относительной насыщенностью источников: здесь активно велась регистрация земельных отношений, отражённых в материалах переселенческих структур ([ЦГА РК. Ф. 317, 369, 643](#)). Поэтому Петропавловский уезд представляет собой репрезентативный пример для изучения аграрных преобразований в Северном Казахстане, позволяющий проследить, как имперская политика реализовывалась на местах и какие формы адаптации она вызывала в среде казахских сообществ.

Актуальность темы обусловлена также важностью реконструкции исторических процессов, связанных с землепользованием, для современных дискуссий о земельной политике, землепользовании и устойчивом развитии сельских территорий Казахстана ([Martin, 2021; Пашков, Мажитова, 2023](#)).

2. Материалы и методы

Источниковую основу данной статьи составили разнообразные материалы, отражающие специфику землепользования населения Северного Казахстана в контексте аграрной политики Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Центральное место в источниковом корпусе принадлежит ранее не опубликованным архивным материалам Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) (г. Алматы, Республика Казахстан). В частности, были использованы документы фондов: «Заведующий Переселенческим делом в Акмолинском районе Главного управления землеустройства и земледелия»; «Акмолинское областное Управление Министерства внутренних дел»; «Петропавловское уездное Переселенческое управление Акмолинского района Главного Управления земледелия и землеустройства» ([ЦГА РК. Ф. 317, 369, 643](#)). В этих фондах хранятся обширные материалы, связанные с реализацией аграрной политики Российской империи в Северном Казахстане, в частности, планы и отчёты по землеустройству, переселению, статистические данные, документы о переселении крестьян, землеустройстве, материалы о распределении земель, организации хозяйств, документы о земельных спорах, жалобах и прошениях как местного населения, так и крестьян-переселенцев. Эти документы позволили проследить характер и динамику трансформации землепользования и выявить институциональные подходы к регулированию земельных отношений в регионе.

Следующая группа источников обозначена документами сборника «Материалы по истории политического строя Казахстана», в котором представлены законодательные и нормативно-правовые акты Российской империи, в том числе регулирующие порядок земельного устройства и землепользования на рубеже XIX–XX вв. ([Материалы по истории..., 1960: 337-339, 395-397](#)). Анализ материалов сборника даёт возможность осмыслить формально-правовую основу административно-территориальных реформ и реконструировать логику имперской аграрной политики.

Неотъемлемой частью источниковой базы являются материалы по казахскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей под руководством Ф. Щербины в 1896–1903 гг. Для изучения локальных практик землепользования в данной статье были использованы сведения по Петропавловскому уезду Акмолинской области, составившие XII-й том материалов, разработка и сводка которого велась под руководством Е.П. Добровольского ([МКЗ, 1908: 1-2](#)). Наряду с текстовыми материалами были изучены приложения, включающие карты, схемы расселения, статистические данные. Эти сведения позволили детализировать особенности землепользования на территории Петропавловского уезда, а также проследить их динамику и трансформацию в изучаемый период. В целом, материалы представляют собой источник не только по традиционному землепользованию казахов, но и изобилуют уникальными сведениями по истории, географии, этнографии, краеведению, ботанике, топонимике Северного Казахстана в начале XX в. ([Abil, Kuzembayuly, 2021; Тасилова, 2022](#)).

Существенным источником эмпирических данных явились ежегодные справочно-статистические издания «Памятные книжки Акмолинской области», издававшиеся местными администрациями. В них содержится разнообразная информация об административном делении, численности и этническом составе населения, хозяйственно-экономическом состоянии региона, налоговых сборах и т. д. ([Памятная книжка..., 1887](#); [Памятная книжка..., 1914](#)).

Таким образом, совокупность использованных источников обеспечивает комплексный подход к изучению локальных практик землепользования, учитывающий как официальную аграрную политику, так и адаптационные стратегии казахского населения в условиях экономических трансформаций.

В процессе написания статьи были применены конкретно-исторические методы исследования. В частности, историко-сравнительный метод был использован в оценке преемственности и нововведений в сфере земельных отношений и землепользования казахов на рубеже XIX–XX вв., а также влияния этих изменений на традиционные виды хозяйствования. Применение метода системного анализа, включая анализ архивных документов, картографических материалов, статистических данных, позволило систематизировать и рассматривать вопросы землепользования и земельных отношений в Северном Казахстане изучаемого периода как часть более широкой социальной, экономической и политической системы и последствий Столыпинской аграрной реформы в управлении земельными ресурсами.

3. Обсуждение

Исследование вопросов имперской аграрной политики и традиционных практик землепользования на территории Северного Казахстана на рубеже XIX–XX вв. опирается на обширный корпус исторической литературы, в формировании которого можно выделить три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский. Каждый из этих этапов отражает изменения в исследовательских парадигмах и теоретико-методологических подходах к изучению данного вопроса в разные исторические периоды.

В дореволюционной российской литературе внимание к традиционному землепользованию казахов во многом определялось практическими задачами колониального освоения присоединённых территорий. В трудах авторов того периода термины «переселенческое движение» и «колонизация» звучали адекватно. Переселенцев часто называли колонистами, и это не случайно, поскольку под колонизацией в российской историографии понималось именно хозяйственное освоение тех или иных земель ([Сыздыкова, 2005: 215](#)).

Первичный анализ особенностей локальных практик землепользования на территории Петропавловского уезда содержится в отчёте экспедиции Ф. Щербины, в котором на основе проведённых обследований предложены его нормативные представления о «правильной» системе землепользования ([МКЗ, 1908](#)).

Особый интерес в этой связи представляет работа Т. Седельникова «Борьба за землю в киргизской степи», в которой он, проанализировав вопросы казахского землепользования, критикует методологический инструментарий Ф. Щербины по выявлению «земельных излишков», что в дальнейшем послужило одной из причин проведения повторного исследования. Кроме того, исследователь раскрывает особенности формирования переселенческих участков в Петропавловском и Омском уездах Акмолинской области ([Седельников, 1907](#)).

Вопросы регулирования землепользования в среде казахов, основанные на закреплении определённых участков кочёвок за родовыми объединениями, нашли отражение в работах исследователей различных регионов дореволюционного Казахстана ([Красовский, 1868](#); [Добросмыслов, 1902](#); [Румянцев, 1910](#)). В этой связи В.И. Юферев высказывал мнение, согласно которому внедрение волостного деления произошло вследствие желания администрации не допустить «усиления родовых союзов и объединения на этой почве кочевого казахского населения» ([Юферев, 1906: 27](#)). Искусственная группировка хозяйственных единиц должна была ослабить силу рода в сфере землепользования. Однако, по выражению О.А. Шкапского, придание волости значения земельной общины, с правом в лице выборных волостного съезда решать дела и споры по землепользованию, сделалось одним из главных тормозов развития подворно-участкового владения землёй у казахов ([Шкапский, 1906: 41](#)). В статье «Формы киргизского землепользования» Л.К. Чермак рассматривал казахское землепользование в северных регионах Казахстана «как ряд сложных общин, объединённых общим владением угодьями, на которых в иных случаях сходится население всего уезда и даже нескольких уездов» ([Чермак, 1908: 29](#)).

В целом, дореволюционная историография отличается высокой источниковой насыщенностью и вниманием к локальным формам хозяйствования. В то же время большинство исследований носили прикладной характер и были тесно связаны с задачами колониальной политики империи. Земельные отношения анализировались через призму необходимости «рационализации», что определяло односторонний взгляд на сложные системы традиционного землевладения и землепользования.

Имперское присутствие, процессы аграрного освоения степных областей, взаимоотношения с переселенцами нашли отражение в трудах представителей казахской интеллигенции начала XX в. ([Нурбай и др., 2023](#)). Изучение этих же вопросов было продолжено историками советского периода

(Аполлова, 1960; Сулейменов, 1963; Галузо, 1965; Толыбеков, 1971). В своих трудах они рассматривали влияние аграрных реформ и переселенческой политики на социально-экономические изменения в казахском ауле, интерпретируя их сквозь призму марксистско-ленинской методологии. Для данного периода характерен «синтез российских и казахстанских исследовательских практик» (Чуркин, 2016: 160), который выразился в критической оценке авторами дореволюционной истории в целом и эксплуататорском характере аграрной политики, в частности.

Для постсоветской историографии, в том числе и казахстанской, характерен отказ от советской интерпретации событий, явлений и фактов, что позволяет более комплексно рассматривать аграрную реформу как инструмент имперского управления, включающий в себя элементы принуждения, адаптации и локального сопротивления. Вместе с тем, если российские историки современности обратились к исследовательским практикам «новой истории империи» (Ремнев, 1997; Васильев, 2022), то в казахстанском сегменте возобладало смещение акцентов на рассмотрение имперской аграрной политики и её последствий для казахского хозяйства в рамках деколонизационного дискурса (Масанов, 1995; Абылхожин, 1998; Алимбай и др., 2023а).

Несмотря на значительный объём исследований, остаются нерешёнными вопросы, связанные с детальным анализом локальных особенностей аграрной политики в северных регионах Казахстана. Вне зоны внимания исследователей остались проблемы взаимодействия традиционных и новых форм землевладения; эволюция новых форм землепользования – аренды, найма, смешанных форм ведения хозяйства; эволюция сенокосения; изменение роли традиционных норм и обычаев в регулировании землепользования в свете новых экономических и правовых вызовов. Заполнение подобных пробелов важно для понимания того, как изменения в социальных институтах повлияли на модели землепользования, в частности, и на модели взаимодействия с империей в целом (Васильев, 2022).

4. Результаты

Акмолинская область как одна из крупнейших административно-территориальных единиц Западно-Сибирского генерал-губернаторства Российской империи была образована в октябре 1868 г. (Материалы по истории..., 1960: 323). В январе 1869 г. в области было открыто 4 округа: Акмолинский, Кокчетавский, Омский, Петропавловский. В 1882 г. территория Акмолинской области вошла в состав образованного Степного генерал-губернаторства. В 1891 г. округа были преобразованы в уезды, которые сохранились и в первые десятилетия XX в. (Материалы по истории..., 1960: 387).

Петропавловский уезд, расположенный на стыке кочевых и земледельческих ареалов, представлял собой яркий пример непростого взаимодействия централизованной аграрной политики и локальных форм хозяйствования. В начале XX в., к моменту обследования экспедицией Ф. Щербины, уезд граничил на северо-западе с Кокчетавским уездом, на юго-востоке – с Атбасарским уездом, на западе – с Кустанайским уездом Тургайской области, на севере – с Тобольской губернией, и на востоке – с Омским уездом (Россия, 1913: 265). По мнению составителей XII-го тома, уезд «общим очертанием своих границ напоминает топор с рукояткой, идущей от востока на запад с лезвием, обращенным на юг» (МКЗ, 1908: 1). Подобное географическое положение, вытянутое в северной части к востоку, а в западной – далеко к югу, и расположение между лесостепной и пустынно-степной областями, накладывало отпечаток на особенности землепользования в регионе.

Традиционное землепользование казахов Северного Казахстана основывалось на кочевом и полукочевом хозяйстве, когда земля использовалась сезонно, в зависимости от потребностей скотоводства. Сезонные пастбища – зимние (кыстау), весенние (коктеу), летние (жайлау) и осенние (кузеу) – делились между родами и аулами, что позволило эффективно использовать огромные просторы степи. Важно отметить, что земля, как правило, не была объектом частной собственности, а регулировалась через обычаи и традиции. Кочевое землевладение имело свою специфику: каждый род или аул владел правом на использование определённых участков земли, но не на её постоянное владение.

Казахское население уезда было представлено племенами аргын, керей, уак и кыпшак, входившими в состав Среднего жуза. Величину каждого из них можно было определить по количеству аулов и хозяйств (Таблица 1).

Таблица 1. Численность аулов и хозяйств Петропавловского уезда в родоплеменном разрезе (МКЗ, 1908: 67)

Наименование племени	Количество аулов	Количество хозяйств	% соотношение хозяйств по уезду
Аргын	547	4423	38,8
Керей	509	4380	38,5
Уак	221	2260	19,8
Кыпшак	35	252	2,2
Прочие	6	84	0,7
Итого	1318	11399	100

Сведения данной таблицы указывают, что казахское население уезда состояло главным образом из почти равных по численности родов племени аргын и керей, которые в общем составляли более 3/4 всего населения уезда; 1/5 часть населения была представлена родами племени уак. Оставшиеся 3 % хозяйств составляли кыпшаки и прочие мелкие по численности роды.

Каждая родовая группа занимала в уезде определённую территорию. В общих чертах земли уезда были распределены следующим образом: к востоку от р. Ишим проживали казахи рода аргын, уступив лишь небольшую территорию в самой северо-восточной части уезда роду уак; на западе – всегда жившие совместно роды уак и керей, причем керей занимали северную часть, а уаки – южную. Между ними располагался род канжыгалы племени аргын, соседями их были кыпшаки.

Площадь Петропавловского уезда на момент проведения экспедиционных исследований составляла приблизительно 59316 кв. вёрст или 6 178 776 десятин. Из этой площади казахами уезда использовалось 4 287 340 десятин (МКЗ, 1908: 1), которые распределялись по 2 основным видам землепользования: 1) площади индивидуального пользования отдельных групп хозяйственных аулов (призимовочная территория); 2) площади общего пользования (летние, осенние, весенние пастбища) (МКЗ, 1908: 252).

Анализируя локальные практики землепользования в Петропавловском уезде, статисты отмечали: «Современные земельные отношения и формы землепользования сложились у казахов под влиянием целого ряда причин. Кочевое скотоводческое хозяйство ценит землю постольку, поскольку земля эта пригодна для пастбы. Условия хозяйствования и климат создают необходимость в последовательной и систематической смене пастбищ, что возможно лишь при регулируемом землепользовании» (МКЗ, 1908: 87).

С конца XIX в. традиционные формы землепользования в Северном Казахстане стали изменяться в контексте модернизационных планов Российской империи, направленных на освоение новых земель и улучшение хозяйственного потенциала региона (Лысенко, 2021). И всё же, «в казахской степи наибольшую трансформацию произвел поселенческий колониализм» (Халид, 2024: 110). В целях координации и регулирования процессов переселения во всех регионах были учреждены Переселенческие управления (Mukhatova et al., 2020: 643).

В марте-апреле 1893 г. в Петропавловском уезде начались съёмочные работы для образования из казённых земель переселенческих и запасных участков. Первые предназначались для водворения на них переселенцев, последние – для создания государственного земельного фонда. Для координации и оперативного руководства переселенческим делом в уезде в 1900 г. было создано Петропавловское уездное переселенческое управление (в документальных материалах фонда точной даты об образовании не имеется – Прим. авт.), подчинявшееся Акмолинскому областному Правлению. С образованием в 1906 г. Акмолинского переселенческого района Петропавловское уездное переселенческое Управление стало подчиняться Акмолинскому переселенческому Управлению.

Петропавловское переселенческое Управление осуществляло работу по переселению крестьян, их землеустройству, составляло статистические сведения о земельной площади, осуществляло переписку о взыскании налогов с населения, а также занималось оказанием врачебной помощи поселенцам (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2. Л. 58). Территория Петропавловского уезда делилась на 3 подрайона (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9252. Л. 106.). Планы и планшеты переселенческих участков Петропавловского уезда составлялись с 1871 по 1917 г. (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 5. Д. 1-24).

Переселенческая политика империи в Петропавловском уезде активизировалась в рамках Столыпинской аграрной реформы. Целью преобразований было не только вовлечение обширных территорий в товарное земледелие, но и интеграция окраин в единую экономическую и административную систему государства (Mutaliyeva et al., 2023: 405).

Если в конце 80-х гг. XIX в. Петропавловский уезд включал 8 волостей (Памятная книжка..., 1887: 33-34), то в 1914 г. их уже насчитывалось 34 (Памятная книжка..., 1914: 119-122). Росло и население уезда. По данным Первой переписи Российской империи 1897 г. в уезде проживало 155,1 тыс. чел. (Первая Всеобщая..., 1904: 12). К 1 января 1913 г. население уезда увеличилось почти вдвое за счёт переселенцев и составляло почти 294 тыс. чел., в том числе оседлого – 209 тыс. чел., кочевого – почти 85 тыс. чел. (Памятная книжка..., 1914: 28). Для обеспечения переселенцев землёй проводилось изъятие значительных площадей у казахских родов, формально признанных «излишками» (Alimbay et al., 2023b: 2076).

Административное перераспределение земель и изменение правового статуса угодий обусловили трансформацию традиционных земельных отношений. Это было ответом на вызовы времени, которые требовали интеграции новых экономических и социальных моделей, что влекло за собой изменения в локальных практиках землепользования.

Одним из знаковых изменений в хозяйственной жизни казахов Петропавловского уезда стало активное развитие сенокосения – заготовки сена на зиму, как новой адаптационной практики в условиях кризиса кочевого скотоводства. До этого времени, как мы уже отмечали выше, основной хозяйственной моделью казахов было сезонное кочевание между пастбищами. Благодаря обширному пространству степей и ритмичной миграции скота, надобность в сене возникала лишь эпизодически, чаще всего в аномальные по погоде годы. Однако массовое заселение земель, традиционно

использовавшихся как кочевья или зимовки, стало ограничивать мобильность казахского населения. Появление постоянных административных границ и делений, новые земельные регламенты привели к тому, что доступ к привычным пастбищам стал либо затруднён, либо невозможен.

Увеличение населения Петропавловского уезда и изъятие значительных площадей пастбищных угодий в пользу переселенцев, и как следствие частичное обезземеливание аулов, значительно сократили доступ казахов к традиционным сезонным маршрутам, что постепенно стало ограничивать свободу в пользовании зимними пастбищами, считавшимися ранее наиболее значимыми. Местным казахам-скотоводам пришлось отказаться от зимнего кочевания и устраивать постоянные зимовки (кыстаки) с постройками для содержания скота и с запасом сена для подкармливания приплода. В результате зимовки стали более оседлыми, а скот нуждался в подкормке, особенно в снежные и суровые зимы. В этих условиях сенокосение стало не просто новой хозяйственной необходимостью, но и фактором изменения местных форм землепользования.

Изначально практика заготовки сена была ограниченной и воспринималась как вынужденная мера в условиях нехватки зимнего корма. Но с течением времени, в северных районах Казахстана, где климат был более суровым, скашивание и складирование травы стало систематическим элементом хозяйства. Казахи начали выделять особые участки – сенокосные угодья, которые в условиях усиления земельного дефицита становились предметом споров и даже судебных разбирательств (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 8516. Л. 1-37).

Уже тогда появилась практика приберегать особые участки, лучше защищённые и с хорошим травостоем, где слабый и мелкий скот, а также молодняк стада мог без особых усилий добывать себе корм из-под снега. Такие участки назывались «койболюк» или «койтебень», т.е. «овечьи особняки» или «овечьи зимние пастбища» (МКЗ, 1908: 88). В целом, их называли «корык», что в переводе с казахского на русский язык означало «запас», «резерв», «ресурс».

С этого периода начинает интенсивно развиваться сенокосение, сначала в небольших размерах, а позже в размерах настолько широких, что начинают косить не только на пастбищах общего пользования, но и даже в степи (МКЗ, 1908: 88). Опыт сенокосения выступил в качестве одного из критериев, оказавшего влияние на трансформацию поземельных отношений в казахской пастбищно-кочевой общине (Сорока, 2010: 279).

Итак, согласно МКЗ на начало XX в. в состав казахского землепользования в зависимости от значимости входили следующие угодья:

1) прежде всего, ставшие, безусловно, необходимыми сенокосные угодья – *шабынды жерлер*; 2) затем тщательно охраняемые пастбища вокруг зимовки – *тебень*, т.н. *корыки*; 3) далее кольцом шли менее охраняемые, но всё же так или иначе оберегаемые пастбища, окружающие зимовку и которые в совокупности называли призимовочной территорией – *кыстау*; 4) ещё далее, большей частью, не примыкая непосредственно к вышеупомянутым, располагались обширные летние пастбища – *жайлау*, где казахи проводили время с конца весны до осени; 5) и, наконец, сравнительно небольшие, нередко примыкающие к призимовочным и являющиеся промежуточным звеном между кыстау и жайлау весенне-осенние пастбища – *коктеу* (весенние) и *кузеу* (осенние).

Исследователи Петропавловского уезда отмечали, что «без сенокосов современное киргизское (казахское – Прим. авт.) хозяйство почти немыслимо. И, если в уезде встречается небольшая группа хозяйств (757 хозяйств или 6,6 % всех хозяйств в уезде), не косивших сено в год, предшествовавший исследованию, то, за исключением из неё хозяйств, вновь образовавшихся в год исследования, соответственно годичному приросту населения, примерно 1,5 % – действительный процент не косивших сено хозяев определится всего только в 5,1 %» (МКЗ, 1908: 202).

Сенокосные угодья находились в распоряжении отдельных аулов, которые использовали три различных способа их освоения и эксплуатации (Таблица 2).

Таблица 2. Формы пользования сенокосами в разрезе волостей Петропавловского уезда (МКЗ, 1908: 109)

Волости	% аулов, пользующихся сеном			В среднем, на 1 хозяйство	
	Подворн. наследование	Ежегодно делят участки	Косят сообща	Сенокосных участков	Копен своего сена
Полуденская	34	63	3	0,36	48
Таинчинская	30	64	6	0,24	51
Петропавловская	57	34	9	0,87	55
Становская	60	34	6	0,45	43
Пресновская	25	69	6	0,91	65
Пресногорьковская	62	12	26	0,74	66
Средняя	28	33	39	1,79	96
Кушмурунская	14	61	25	0,41	109

Как видно из приведённых цифр, в уезде преобладала 2-я и 3-я формы пользования – ежегодный раздел сенокосов на участки и общее сенокосение с разделом сена.

Развитие сенокосения сопровождалось и техническими новациями. Сначала использовались ручные косы и серпы, позже – привозные косилки, что требовало коллективной организации труда. Семьи объединялись в артели на время сенокоса, совместно обрабатывая участки и деля заготовленное сено, иногда нанимали батраков (МКЗ, 1908: 202). Это способствовало росту трудовой кооперации, а также изменению отношений к земле: её стали воспринимать не только как пастбище, но и как ресурс для фуражного производства.

Таким образом, сенокосение стало не только экономическим нововведением, но и частью более широких изменений в культуре землепользования. Оно отразило переход казахского общества от мобильного, экстенсивного использования пространства к более оседлому и планомерному освоению земли. Эти процессы заложили основы для трансформации территориального уклада, хозяйственного мышления и отношений к собственности на землю, характерных уже для начала XX в. С этого времени наиболее ценными угодьями становятся сенокосные участки, которые выходят в землепользовании казахов на первое место. Казахские общины стали выделять специальные участки земли под сено, нередко закрепляя их за отдельными семьями или родами.

Это изменило восприятие земли: теперь она воспринималась не только как источник кочевых маршрутов, но и как объект интенсивного сезонного использования. Началась дифференциация угодий – отдельно зимние пастбища, отдельно сенокосные участки. В ряде случаев сенокосные земли даже арендовались у переселенцев или соседних аулов, что свидетельствует о формировании элементарных механизмов «земельного рынка».

В начале XX в. аренда земли стала одним из важнейших явлений в трансформации хозяйственной и земельной практики казахского общества. Это новшество возникло также в ответ на изменения, вызванные сокращением свободных пастбищных пространств, ранее находившихся в общем пользовании казахских родов. До этого периода традиционное землепользование у казахов базировалось на коллективной собственности и принципах сезонной мобильности: пастбища и кочевые маршруты не были индивидуальной или купленной собственностью, а распределялись в пределах рода, подчиняясь негласным соглашениям в рамках устойчивого обычного права казахов.

Однако с усилением административного давления и введением правовых норм Российской империи, земля стала объектом формального учёта, оценки и передела. Она начала рассматриваться как экономический ресурс, который можно закреплять, сдавать или арендовать.

Члены экспедиции Ф. Щербины отмечали: «При том земельном просторе, который и сейчас еще наблюдается в Петропавловском уезде, казалось бы, не могла бы иметь места аренда киргизам земельных угодий. А между тем таковая существует и, как увидим дальше, является не случайным, а постоянным уже явлением. Киргизы арендуют как пастбища, так и сенокос, пашню, и даже места для устройства зимовок» (МКЗ, 1908: 220).

Распределение земель между отдельными казахскими общино-аульными группами было неравномерным, и наряду с земельным простором в уезде наблюдалась не только земельная теснота, но даже и полное безземелье. Малоземельные и безземельные аулы устраивались на арендованных участках – или на землях Сибирского казачьего войска, или на землях крестьян Тобольской губернии (МКЗ, 1908: 220). Значительная часть казахских аулов, землепользование которых было сокращено отчуждением земель под переселенческие участки, вынуждена была арендовать свои прежние земли для зимней пастбы лошадей (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 8846. Л. 1-48).

О значении аренды того периода можно судить по следующим данным. Из 1320 хозяйственных аулов Петропавловского уезда брали в аренду пастбища и сенокосы 641 аул, что составляло 48,5 % всех аулов уезда. Таким образом, почти половина аулов не обходилась без аренды. В частности, пастбища арендовали 415 аулов с 3288 хозяйствами, что составило 31,4 % всех аулов или 28,9 % всех хозяйств уезда. Сенокосы арендовали 305 аулов с 1341 хозяйством, что составляет 23,1 % всех аулов и 11,8 % всех хозяйств уезда. Кроме того, из 2843 сеющих хозяйств, сеяли на арендованных землях 177, т.е. 6,3 % (МКЗ, 1908: 220).

Аренда более всего была развита в северных районах уезда, расположенных вдоль линии казачьих земель; землепользование здесь в значительной степени было стеснено соседством казачьих и переселенческих посёлков. В районах, расположенных к югу от указанной полосы, аренда или совсем отсутствовала, или была едва заметна. Произведя группировку аулов по указанным критериям, статистики выявили следующую картину (Таблица 3):

Наивысшего развития, как видно из приведённых цифр, аренда достигала в группе районов, с одной стороны – соприкасающихся с казачьими землями, с другой – включающих в себя переселенческие наделы, и, при этом, удалённых от пастбищ общего пользования. В этом районе использовали практику аренды пастбищ более половины аулов, а сенокосы арендовало более 1/6 части хозяйств; из числа же сеющих хозяйств 1/10 часть сеяла на арендованных пашнях. По мере того, как казахские земли удалялись от соседства с казачьими землями, а также и переселенческими, и по мере всё большего соприкосновения с пастбищами общего пользования, количество арендаторов сокращалось, и в 4-й группе районов, совершенно свободной от казачьих и переселенческих захватов

и тесно связанной с расположенными вокруг пастбищами общего пользования, аренда становится едва заметным явлением.

Таблица 3. Районы, сгруппированные по показателям аренды земельных участков в Петропавловском уезде в начале XX в. (МКЗ, 1908: 224)

№ группы	Месторасположение	% аулов с арендой пастбищ	% хозяйств с арендой сенокосов	% сеющих хозяйств с арендой пашен
1-я группа	Районы, примыкающие к казачьим землям и включающие в себя переселенческие участки. К пастбищам общего пользования не примыкают	56,8	17,7	10
2-я группа	В общем те же условия, что и в 1-й группе; но районы примыкают непосредственно к пастбищам общего пользования	35,5	16,4	7,2
3-я группа	Районы к казачьим землям не примыкают, но включают переселенческие поселки. Примыкают к пастбищам общего пользования	23,2	3,1	2,1
4-я группа	Районы ни к казачьим, ни переселенческим землям не примыкают. К пастбищам общего пользования примыкают	2,5	4	1,6

Главными поставщиками арендной земли в Петропавловском уезде для местного казахского населения являлись крестьяне-переселенцы и Западно-Сибирское казачье войско (Таблица 4).

Таблица 4. Сведения об арендодателях земельных угодий в Петропавловском уезде (МКЗ, 1908: 228)

№	Арендодатели (т.е. те, у кого арендовали земли казахи)	Число случаев	% к общему итогу
1.	Крестьяне Тобольской губернии	74	14,2
2.	Казаки Западно-Сибирского казачьего войска, в том числе: а) войсковые земли б) юртовые (наделы) в) офицерские и церковные участки	167 5 131 31	31,9 0,9 25,1 5,9
3.	Земли переселенческого фонда	12	2,3
4.	Крестьяне-переселенцы Петропавловского уезда	227	43,4
5.	У казахов в том числе: а) своего уезда б) соседних уездов	43 38 5	8,2 7,3 0,9

Итак, обзор распространения аренды на территории Петропавловского уезда показал, что это было связано с уменьшением землепользования, которое было ярко выражено в районах, соседствующих с казачьими землями. «Этим районам был нанесен дважды очень серьезный ущерб, сперва от казачьей колонизации, а в последние годы – от крестьянской», - отмечали исследователи казахского землепользования (МКЗ, 1908: 223). Несомненно, таким образом, аренда у казахов появилась и развилась под влиянием сокращения землепользования. Вместе с тем, земля из казённых фондов уезда сдавалась в аренду и крестьянам-переселенцам (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 6. Д. 67. Л. 25-27; ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 8. Л. 311).

Появление сенокосения и распространение практики аренды земли стали ключевыми изменениями в локальных практиках землепользования в Петропавловском уезде на рубеже XIX–XX вв. Эти процессы знаменовали переход от подвижного, кочевого освоения пространства к более оседлой и

территориально фиксированной модели хозяйства. Земля стала восприниматься не только как маршрут для перекочёвок, но и как ресурс, подлежащий сезонному использованию, учёту и закреплению.

5. Заключение

Рассмотрение аграрной политики Российской империи в Северном Казахстане на рубеже XIX–XX вв. на примере Петропавловского уезда позволяет выявить сложное и противоречивое взаимодействие между центром и местными сообществами в сфере землепользования. Имперская политика, направленная на вовлечение степных территорий в единое экономико-правовое пространство, сопровождалась административным перераспределением земель, изменением правового статуса угодий и внедрением новых форм хозяйственного регулирования. Эти процессы способствовали трансформации традиционных локальных практик землепользования.

Особое значение в этой трансформации приобрели развитие сенокосения и распространение арендных отношений, которые ранее не были столь выраженными в хозяйственной системе местного населения. Сенокосение как устойчивый элемент аграрной экономики стало ответом на изменение структуры землевладения и рост потребности в кормовой базе. Аренда земли, в свою очередь, отразила рост имущественной дифференциации внутри сельских сообществ и усиливающееся давление на земельные ресурсы. Эти формы стали неотъемлемой частью адаптации местных землепользователей к новым экономическим и правовым условиям, формируемым имперской аграрной политикой.

В условиях аграрных преобразований местные казахские сообщества были вынуждены приспосабливаться к новым нормам землепользования, установленным имперской администрацией. Отдельные родовые группы начали участвовать в арендных отношениях и сделках купли-продажи земли, тем самым вовлекаясь в формирование форм частного землевладения, ранее не характерных для их традиционного уклада. Эти процессы сопровождались углублением социальной дифференциации: с одной стороны, формировался слой зажиточных казахов, освоивших новые хозяйственные практики, с другой – происходило обнищание части населения, утратившей доступ к жизненно важным пастбищным ресурсам.

Таким образом, к началу XX в. в регионе сложилась особая модель землепользования, в которой переплетались имперские инициативы, локальные интересы и возникающие элементы рыночной аграрной экономики. Трансформация землепользования в Северном Казахстане является ярким примером того, как различные аграрные системы могут сосуществовать и эволюционировать в условиях внешних изменений, сохраняя при этом свою уникальность и адаптируясь к новым условиям жизни. Исследование подобных локальных практик позволяет глубже понять механизмы аграрной трансформации на периферии империи и специфику адаптации местных обществ к вызовам модернизационного давления.

6. Благодарности

Работа подготовлена в рамках реализации проекта, финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № BR24993047).

Литература

- [Абылхожин, 1998](#) – Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы, 1998. 360 с.
- [Алимбай и др., 2023а](#) – Алимбай Н., Кабульдинов З., Смагулов Б. Вопросы крестьянской колонизации Степного края в Государственной думе Российской империи (1906–1917 гг.) // *Turkic Studies Journal*. 2023. № 3. С.7–40.
- [Аполлова, 1960](#) – Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX вв. М., 1960. 456 с.
- [Васильев, 2022](#) – Васильев Д.В. Поступь империи: политика России в Центральной Азии: XIX–начало XX в. М.-СПб., 2022. 636 с.
- [Галузо, 1965](#) – Галузо П.П. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата, 1965. 344 с.
- [Добросмыслов, 1895](#) – Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895. 360 с.
- [Красовский, 1868](#) – Красовский М. Область сибирских киргизов. СПб., 1868. Ч.1. 428 с.
- [Масанов, 1995](#) – Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. А.-М., 1995. 320 с.
- [Материалы по истории..., 1960](#) – Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. 442 с.
- [МКЗ, 1908](#) – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Петропавловский уезд. Т. XII. Чернигов, 1908. 761 с.
- [Нурбай и др., 2023](#) – Нурбай К., Алтыспаева Г., Аубакирова Х. Проблема развития земельных отношений в северном Казахстане во второй четверти XIX – 50–60 годах XX веков: историографический

- анализ // *Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия «Исторические науки. Философия. Религиоведение»*. 2023. № 4(145). С. 110-127.
- Памятная книжка..., 1887** – *Памятная книжка Акмолинской области на 1887 г. Приложение 3. Ведомость о числе киргизских волостей, аулов и кибиток*. Омск, 1887. 188 с.
- Памятная книжка..., 1914** – *Памятная книжка Акмолинской области на 1914 г.* Омск, 1914. 284 с.
- Пашков, Мажитова, 2021** – *Пашков С.В., Мажитова Г.З. Сельский туризм как детерминанта сервисной экономики староосвоенных районов Казахстана // Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2021. №7(3). С.98-110.
- Первая Всеобщая, 1904** – *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Акмолинская область*. Т.LXXXI. СПб., 1904. 135 с.
- Ремнев, 1997** – *Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков*. Омск, 1997. 252 с.
- Россия, 1913** – *Россия. Географическое описание Российской империи по губерниям и областям с географическими картами*. СПб., 1913. 286 с.
- Румянцев, 1910** – *Румянцев П. Киргизский народ в прошлом и настоящем*. СПб., 1910. 66 с.
- Седельников, 1907** – *Седельников Т.И. Борьба за землю в киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства)*. СПб., 1907. 79 с.
- Сорока, 2010** – *Сорока Н.Н. О роли крестьянских миграций в становлении сенокосения в казахских хозяйствах степных областей во второй половине XIX – начале XX веков (по материалам экспедиционных исследований 1896–1910 годов / Казахи России: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции*. Т. 1. Омск, 2010. С.274-279.
- Сулейменов, 1963** – *Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX – начале XX века*. Алма-Ата, 1963. 410 с.
- Сыздыкова, 2005** – *Сыздыкова Е.С. Российские военные и Казахстан*. М., 2005. 246 с.
- Тасилова, 2022** – *Тасилова Н. «Материалы по киргизскому (казахскому) землепользованию...» – как источник по истории Казахстана (конец XIX в. – начало XX в.)*. Алматы, 2022. 317 с.
- Толыбеков, 1971** – *Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII-начале XX века: политико-экономический анализ*. Алма-Ата, 1971. 633 с.
- Халид, 2024** – *Халид А. Центральная Азия: от века империй до наших дней / Пер. с англ.* М., 2024. 560 с.
- ЦГА РК** – *Центральный государственный архив Республики Казахстан*.
- Чермак, 1908** – *Чермак Л.К. Формы киргизского землепользования // Сибирские вопросы*. 1908. № 23-24. С. 21-43.
- Чуркин, 2016** – *Чуркин М.К. Колонизация Степного края Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: историографическая традиция и исследовательские практики // Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 406. С.158-163.
- Шкапский, 1906** – *Шкапский О.А. Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области*. СПб., 1906. 197 с.
- Юфеев, 1906** – *Юфеев В.И. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае: Опыт исследования бюджетов переселенцев*. СПб., 1906. 111 с.
- Abil, Kuzembayuly, 2021** – *Abil Y.A., Kuzembayuly A. «Materials on the Kyrgyz Land Use» as a Source for Studying the Historical Memory of the Kazakhs of Northern Kazakhstan // Bylye Gody*. 2021. № 16(3). Pp. 1463-1472.
- Alimbay et al., 2023b** – *Alimbay N.A., Fazylzhanova A.M., Smagulov B.Q., Rysbergen K.K. Strengthening the Peasant Colonization of the Kazakh Krai in the Period of the Stolypin Agrarian Reform (1906–1917) // Bylye Gody*. 2023. № 18(4). Pp. 2075-2095.
- Lysenko, 2021** – *Lysenko Y. Ethno-Economics of the Kazakhs of the Steppe Region in the Modernization Plans of the Russian Empire (second half of the XIX – beginning of the XX century) // Bylye Gody*. 2021. № 16(2). Pp. 840-849.
- Martin, 2021** – *Martin P. Post-Soviet Agricultural Restructuring: A Success Story after All? // Comparative Economic Studies*. 2021. №63(4). Pp. 623-647.
- Mukhatova et al., 2020** – *Mukhatova O.H., Tleubekova G.B., Baigabatova N.K. The Role of the Resettlement Institution of Semirechenskaya Oblast in Solving the Land Issue of the Russian Empire // Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. Is. 2. Pp. 640-651.
- Mutaliyeva et al., 2023** – *Mutaliyeva A., Yesbolova A., Dyrka S., Saparbayev M., Kazanbayeva Z., Balabekova D., Orazova B. Formation and History of the Agrarian Economy of Kazakhstan: The State of Development Today // Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. 2023. №12(6). Pp. 401-409.

References

Abil, Kuzembayuly, 2021 – *Abil, Y.A., Kuzembayuly, A. (2021). «Materials on the Kyrgyz Land Use» as a Source for Studying the Historical Memory of the Kazakhs of Northern Kazakhstan. Bylye Gody. 16(3): 1463-1472.*

- [Abylkhozhin, 1998](#) – *Abylkhozhin, Zh.B.* (1998). Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana. XX vek. [Essays on the socio-economic history of Kazakhstan. XX century]. Almaty, 360 p. [in Russian]
- [Alimbai i dr., 2023a](#) – *Alimbai, N., Kabul'dinov, Z., Smagulov, B.* (2023). Voprosy krest'yanskoi kolonizatsii Stepnogo kraya v Gosudarstvennoi dume Rossiiskoi imperii (1906–1917 gg.) [Issues of peasant colonization of the Steppe region in the State Duma of the Russian Empire (1906–1917)]. *Turkic Studies Journal*. 3: 7-40. [in Russian]
- [Alimbay et al., 2023b](#) – *Alimbay, N.A., Fazylzhanova, A.M., Smagulov, B.Q., Rysbergen, K.K.* (2023). Strengthening the Peasant Colonization of the Kazakh Krai in the Period of the Stolypin Agrarian Reform (1906–1917). *Bylye Gody*. 18 (4): 2075-2095.
- [Apollova, 1960](#) – *Apollova, N.G.* (1960). Ekonomicheskiye i politicheskiye svyazi Kazakhstana s Rossiyei v XVIII – nachale XIX vv. [Economic and political ties of Kazakhstan with Russia in the 18th – early 19th centuries]. M., 456 p. [in Russian]
- [Chermak, 1908](#) – *Chermak, L.K.* (1908). Formy kirgizskogo zemlepol'zovaniya [Forms of Kyrgyz land use]. *Sibirskie voprosy*. 23-24: 21-43. [in Russian]
- [Churkin, 2016](#) – *Churkin, M.K.* (2016). Kolonizatsiya Stepnogo kraya Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: istoriograficheskaya traditsiya i issledovatel'skiye praktiki. [Colonization of the Steppe Region of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th century: Historiographic Tradition and Research Practices]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 406: 158-163. [in Russian]
- [Dobromyslov, 1895](#) – *Dobromyslov, A.I.* (1895). Skotovodstvo v Turgayskoy oblasti [Cattle breeding in the Turgai region]. Orenburg, 360 p. [in Russian]
- [Galuzo, 1965](#) – *Galuzo, P.P.* (1965). Agrarnyye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1867–1914 gg. [Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867–1914]. Alma-Ata, 344 p. [in Russian]
- [Khalid, 2024](#) – *Khalid, A.* (2024). Tsentral'naya Aziya: ot veka imperii do nashikh dnei [Central Asia: from the Age of Empires to the Present Day]. M., 560 p. [in Russian]
- [Krasovskiy, 1868](#) – *Krasovskiy, M.* (1868). Oblast' sibirskikh kirgizov [The region of the Siberian Kirghiz]. SPb., T. 1. 428 p. [in Russian]
- [Lysenko, 2021](#) – *Lysenko, Y.* (2021). Ethno-Economics of the Kazakhs of the Steppe Region in the Modernization Plans of the Russian Empire (second half of the XIX– beginning of the XX century). *Bylye Gody*. 16(2): 840-849.
- [Martin, 2021](#) – *Martin, P.* (2021). Post-Soviet agricultural Restructuring: A Success Story after All? *Comparative Economic Studies*. 63 (4): 623-647.
- [Masanov, 1995](#) – *Masanov, N.E.* (1995). Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva [Nomadic civilization of the Kazakhs: the foundations of life of a nomadic society]. Almaty-Moskva, 320 p. [in Russian]
- [Materialy po istorii..., 1960](#) – *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. Alma-Ata, 1960. 442 p. [in Russian]
- [MKZ, 1908](#) – *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannyye i razrabotannyye ekspeditsiei po issledovaniyu stepnykh oblastei. Akmolinskaya oblast'. Petropavlovskii uезд.* [Materials on Kyrgyz land use, collected and developed by the expedition to study the steppe regions. Akmola region. Petropavlovsk district]. Vol. XII. Chernigov, 1908. 761 p. [in Russian]
- [Mukhatova et al., 2020](#) – *Mukhatova, O.H., Tleubekova, G.B., Baigabatova, N.K.* (2020). The Role of the Resettlement Institution of Semirechenskaya Oblast in Solving the Land Issue of the Russian Empire. *Bylye Gody*. 56(2): 640-651.
- [Mutaliyeva et al., 2023](#) – *Mutaliyeva, A., Yesbolova, A., Dyrka, S., Saparbayev, M., Kazanbayeva, Z., Balabekova, D., Orazova, B.* (2023). Formation and History of the Agrarian Economy of Kazakhstan: The State of Development Today. *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. 12 (6): 401-409.
- [Nurbay i dr., 2023](#) – *Nurbay, K., Alpyspayeva, G., Aubakirova, Kh.* (2023). Problema razvitiya zemel'nykh otnosheniy v severnom Kazakhstane vo vtoroy chetverti XIX–50-60 godakh XX vekov: istoriograficheskiy analiz [The problem of development of land relations in northern Kazakhstan in the second quarter of the XIX–50-60s of the XX centuries: historiographic analysis]. *Vestnik Yevraziyskogo natsional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva. Seriya «Istoricheskiye nauki. Filosofiya. Religiovedeniye»*. 4(145): 110-127. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka..., 1887](#) – *Pamyatnaya knizhka Akmolinskoy oblasti na 1887 g. Prilozheniye 3. Vedomost' o kolichestve kirgizskikh volostey, aulov i kubitok* [Memorable book of Akmola region for 1887. Appendix 3. Statement on the number of Kirghiz volosts, auls and kubitkas]. Omsk, 188 p. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka..., 1914](#) – *Pamyatnaya knizhka Akmolinskoy oblasti na 1914 g.* [Memorable book of Akmola region for 1914]. Omsk, 284 p. [in Russian]
- [Pashkov, Mazhitova, 2021](#) – *Pashkov, S.V., Mazhitova, G.Z.* (2021). Sel'skii turizm kak determinanta servisnoi ekonomiki staroosvoennykh raionov Kazakhstana [Rural tourism as a determinant of the service economy of old-developed areas of Kazakhstan]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*. 7(3): 98-110. [in Russian]

- Pervaya Vseobshchaya..., 1904** – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Akmolinskaya oblast' [The First General Population Census of the Russian Empire 1897. Akmola Region]. Vol. LXXXI. SPb., 1904. 135 p. [in Russian]
- Remnev, 1997** – Remnev, A.V. (1997). Samoderzhaviye i Sibir'. Administrativnaya politika vtoroy poloviny XIX–nachala XX vekov [Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Omsk, 252 p. [in Russian]
- Rossiya, 1913** – Rossiya. Geograficheskoe opisanie Rossiiskoi imperii po guberniyam i oblastyam s geograficheskimi kartami. [Russia. Geographical description of the Russian Empire by provinces and regions with geographical maps]. SPb., 1913. 286 p. [in Russian]
- Rumyantsev, 1910** – Rumyantsev, P. (1910). Kirgizskiy narod v proshlom i nastoyashchem [The Kyrgyz people in the past and present]. SPb., 66 p. [in Russian]
- Sedel'nikov, 1907** – Sedel'nikov, T.I. (1907). Bor'ba za zemlyu v kirgizskoy stepi (kirgizskiy zemel'nyy vopros i kolonizatsionnaya politika pravitel'stva). [The struggle for land in the Kyrgyz steppe (the Kyrgyz land issue and the government's colonization policy)]. SPb., 79 p. [in Russian]
- Shkapskiy, 1906** – Shkapskiy, O.A. (1906). Pereselentsy-samovol'tsy i agrarnyy vopros v Semirechenskoy oblasti. [The Self-Settlers and the Agrarian Question in the Semirechenskaya Oblast]. SPb., 197 p. [in Russian]
- Soroka, 2010** – Soroka, N.N. (2010). O roli krest'yanskikh migratsii v stanovlenii senokosheniya v kazakhskikh khozyaistvakh stepnykh oblastei vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov (po materialam ekspeditsionnykh issledovaniy 1896–1910 godov [On the role of peasant migrations in the development of haymaking in Kazakh farms in the steppe regions in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from expeditionary research in 1896–1910)]. *Kazakhi Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. T. 1. Omsk, pp.274-279. [in Russian]
- Suleymenov, 1963** – Suleymenov B. (1963). Agrarnyy vopros v Kazakhstane v posledney treti XIX – nachale XX veka. [Agrarian question in Kazakhstan in the last third of the XIX – beginning of the XX centuries]. Alma-Ata, 410 p. [in Russian].
- Syzdykova, 2005** – Syzdykova, E.S. (2005). Rossiiskie voennye i Kazakhstan [Russian military and Kazakhstan]. M., 246 p. [in Russian]
- Tasilova, 2022** – Tasilova, N. (2022). «Materialy po kirgizskomu (kazakhskomu) zemlepol'zovaniyu...» – kak istochnik po istorii Kazakhstana (konets XIX v. – nachalo XX v.). [«Materials on Kyrgyz (Kazakh) land use...» – as a source on the history of Kazakhstan (late 19th century – early 20th century)]. Almaty, 317 p. [in Russian]
- Tolybekov, 1971** – Tolybekov, S.E. (1971). Kochevoe obshchestvo kazakhov v XVII-nachale XX veka: politiko-ekonomicheskii analiz [Nomadic society of the Kazakhs in the 17th - early 20th centuries: political and economic analysis]. Alma-Ata, 633 p. [in Russian]
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].
- Vasil'ev, 2022** – Vasil'ev, D.V. (2022). Postup' imperii: politika Rossii v Tsentral'noi Azii: XIX – nachalo XX v. [The March of Empire: Russian Policy in Central Asia: 19th – early 20th centuries]. M.-SPb., 636 p. [in Russian]
- Yuferev, 1906** – Yuferev, V.I. (1906). Materialy po obsledovaniyu pereselencheskogo khozyaistva v Stepnom krae: Opyt issledovaniya byudzhetrov pereselentsev [Materials on the survey of the resettlement economy in the Steppe region: Experience of studying the budgets of resettlers]. SPb., 111 p. [in Russian]

Имперская аграрная политика и локальные практики землепользования на территории Северного Казахстана в конце XIX – начале XX в. (на примере Петропавловского уезда)

Назгуль Байгабатова ^{a, *}, Гульбану Ишкалова ^a, Дания Нурмуханкызы ^a

^a Жетысуский государственный университет им. И. Жансугурова, Талдыкорган, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена анализу системы землепользования на территории Северного Казахстана в конце XIX – начале XX в. на примере Петропавловского уезда. Исследование направлено на выявление характера взаимодействия между российской аграрной политикой, осуществлявшейся в рамках колониального освоения степных территорий, и локальными практиками казахского землепользования, отражавшими стремление местных сообществ адаптироваться к изменяющимся экономическим и правовым условиям.

В условиях усиливающегося давления на земельные ресурсы наблюдался постепенный отход от традиционных форм хозяйствования и формирование новых моделей использования земли. Особое

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bnk1606@mail.ru (Н. Байгабатова), banu_tk_78@mail.ru (Г. Ишкалова), daniyafmo@gmail.com (Д. Нурмуханкызы)

внимание уделяется процессам развития сенокосения и расширения арендных отношений, ранее мало характерных для региона и слабо представленных в историографии, несмотря на их значительную роль в изменении земельных практик.

Эти процессы сопровождались существенными изменениями в структуре хозяйственной деятельности и способах регулирования доступа к земле. Новые формы землепользования складывались на пересечении административных инициатив со стороны государства и адаптивных стратегий, вырабатываемых местными сообществами. Таким образом, трансформация аграрного уклада в регионе приобретала сложный и многослойный характер, сочетая элементы внешнего давления и внутренней динамики.

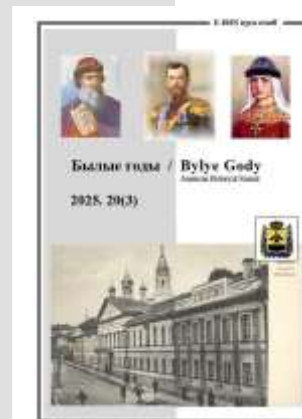
Ключевые слова: Российская империя, аграрная политика, переселенческая политика, Северный Казахстан, землепользование.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1556-1567
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1556

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Krasnoyarsk City in the 1900–1910s in the Collection of Archival Materials from the Archive of the Siberian Industrialist and Bibliophile G.V. Yudin

Maria A. Kolesnik ^{a,*}, Aleksandra A. Sitnikova ^a, Natalia N. Pimenova ^a, Anna A. Shpak ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes for the first-time archival materials from the so-called “Yudin collection” – the personal archive of the Siberian industrialist and bibliophile G.V. Yudin, stored in the State Archives of the Krasnoyarsk Krai, notes the great importance of this collection for the history of Krasnoyarsk in 1900–1910 as a representative of the East Siberian cities of the Russian Empire of this period. New materials have been studied that allow us to reconstruct key aspects of life in Krasnoyarsk in the 1900–1910s, based on documents from the collection, which include reports, selected periodicals, manuscripts (typescripts), drawings and sketches, a description of the processes of city improvement, features of public organization and elements of intellectual life is given. The history of the modernization of the urban environment is revealed, reflected in archival documents on water supply, electrification, architecture and urban planning. The history of the improvement of Krasnoyarsk is considered in the context of historical urban studies. The content of the archival documents, which are published for the first time, is interpreted in the context of the historical dynamics of the urban space, including political and social movements, the development of educational and cultural infrastructure. An analysis of sources related to the functioning of private and public libraries, art exhibitions, periodicals, as well as the dissemination of academic knowledge and practices (including ethnographic) is carried out, which allows us to judge the formation of a sustainable urban community of active citizens involved in improving the urban space in Krasnoyarsk in 1900–1910.

Keywords: improvement of the city of Krasnoyarsk, history of the city of Krasnoyarsk, intellectual life of the Krasnoyarsk city, collection of G.V. Yudin, public life.

1. Введение

История городов России является одним из наиболее актуальных направлений в специальных исторических исследованиях, и это особенно заметно в последние десятилетия: объем исторических исследований по данной тематике постоянно растёт (Тяпкина, 2003; Шахеров, 2011; Воронина, 2016; Позняк, 2024), проблемы исторической урбанистики становятся предметом активного обсуждения научного сообщества (Баканов, Хамитова, 2022). При этом исторические особенности городского развития имеют ярко выраженную пространственно-территориальную специфику: история восточносибирских городов обладает ярко выраженными особенностями, зафиксированными в соответствующих источниках, среди которых исследователями выделяются данные переписей городского населения (Рыгало, Брюханова, 2021), справочные и статистические издания. Особым видом источников выступают дневники и письма, составляющие основу личных архивов (Вибе, 2020; Шахеров, 2018). Для исторической науки большое значение имеют личные архивы людей, которые целенаправленно вкладывали свои силы для улучшения городских территорий, повышения качества жизни горожан, а также выступали исследователями, бережно создавая коллекции исторических

* Corresponding author

E-mail addresses: MKolesnik@sfu-kras.ru (M.A. Kolesnik), aasemenova@sfu-kras.ru (A.A. Sitnikova), npimeova@sfu-kras.ru (N.N. Pimenova), aashpak@sfu-kras.ru (A.A. Shpak)

документов: краеведов, меценатов, коллекционеров, общественных деятелей. Исследования таких личных архивов в качестве исторических источников представлены в трудах И.А. Айзиковой (Айзикова, 2020), Г.Б. Буслаевой (Буслаева, 2015), С.С. Наумова (Наумов, 2019). Потенциал личных архивов в качестве исторических источников высоко оценивается Н.С. Быловой (Былова, 2024), В.В. Ткачевым (Ткачев, 2022), И.Г. Воробьевой и А.Е. Шапловым (Воробьева, Шаплов, 2007), А.Б. Бирюковой (Бирюкова, 2022) и рядом других исследователей.

Одним из важнейших и особо ценных источников по истории восточно-сибирского города Красноярска выступают архивные материалы из собрания Геннадия Васильевича Юдина (1840–1912) – предпринимателя, мецената, учёного, библиофила, собравшего одну из самых крупных в Российской империи библиотек начала XX в. Знаменитая «юдинская коллекция», большая часть которой хранится в Государственном архиве Красноярского края, хорошо известна. Историки неоднократно указывали на необходимость её углубленного изучения. В настоящем исследовании представлена часть новых исторических источников, связанных с историей Красноярска конца XIX – нач. XX в. и ранее неизвестных широкому кругу историков. Период 1900–1910-х гг. для Красноярска – время расцвета благоустройства города благодаря трудам выдающихся сибирских архитекторов Владимира Соколовского (1874–1959) и Леонида Чернышева (1875–1932), сформировавшим облик исторического центра города: именно в это время создаются известные архитектурные постройки в стиле «модерн»; город целенаправленно перестраивается в соответствии с новейшими техническими изобретениями того времени – в нём появляется водопровод, происходит электрификация, вводятся различные технические улучшения. Однако до настоящего времени архивные материалы «коллекции Юдина», хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК) (г. Красноярск, Российская Федерация), связанные с этим периодом красноярской истории, остаются неисследованными. Данный пробел призвано исправить настоящее исследование, целью которого является изучение тех материалов в архиве Г. В. Юдина, которые могут раскрыть историю инноваций в плане благоустройства города в начале XX в., а также особенности интеллектуальной и общественной жизни этого времени, обусловившие появление данных инноваций.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для настоящего исследования послужили документы знаменитой «юдинской коллекции» – части известного архива Г.В. Юдина, хранящегося в Государственном архиве Красноярского края. В этом архиве содержатся письма, коммерческие и промышленные документы, рукописи, рисунки, личные письма, отчёты и ряд других архивных материалов по истории г. Красноярска рубежа XIX–XX вв.

2.2. Исследование опирается на исторический и ретроспективный методы, поскольку изученные архивные материалы дают возможность выделить и описать три важные сферы в истории города Красноярска рубежа XIX–XX вв.: общественные события, интеллектуальную жизнь и благоустройство города, включающее развитие инфраструктуры и жилищной застройки. Комплексный подход позволил интегрировать данные, полученные с помощью анализа архивных источников, и составить целостное представление об исторических событиях. Историко-генетический метод способствовал выявлению ряда факторов и причин, которые обусловили развитие Красноярска в изучаемый период. Подходы исторической урбанистики позволили понять особенности исторического развития Красноярска среди других городов Российской империи. Для исследования архивных материалов «юдинской коллекции» привлекался текстологический анализ.

3. Обсуждение

Одним из первых исследователей истории восточносибирских поселений был Г.Ф. Миллер, известный путешественник XVIII в. (Фоменко, 2018). Среди работ начала XX в. можно выделить статью областника Г.Н. Потанина «Города Сибири» (Потанин, 1908). В настоящее время история восточносибирских городов развивается довольно активно: исторической урбанистике г. Ачинска посвящена работа В.П. Бойко (Бойко, 2022), история г. Енисейска представлена в трудах Т.А. Кискидосовой (Кискидосова, 2017), Минусинское селение в XVIII в. является предметом изучения В.И. Царева с соавторами (Царев и др., 2023).

История города Красноярска досоветского периода рассматривается в работах ряда авторов: Л.П. Бердников пишет о местном управлении и самоуправлении (Бердников, 1995); Г.Ф. Быконя с соавторами (Быконя и др., 2013) дают подробное описание возникновения города от основания острога, характеризуют его пространство, социальные и культурные процессы как уездного и губернского города, а также в период пореформенный и на рубеже XIX–XX вв.; В.П. Бойко изучает историю красноярского купечества (Бойко, 2021); В.И. Царев даёт описание планировки и застройки города в XVII в., опираясь на соответствующие архивные материалы (Царев, 2019).

Исследователи особо выделяют такой вид исторических источников, как крупные архивы, собранные меценатами. В Сибири было достаточно состоятельных людей, увлекавшихся коллекционированием, искусством и благотворительностью, которые сформировали обширные

архивы: иркутский купец и меценат В.Н. Баснин (Манассеин, 2010); купец и путешественник А.М. Сибиряков (Сныткова, 2009) и ряд других деятелей.

Наследие Г.В. Юдина является весьма значимым для изучения культуры и истории Красноярска и Енисейской губернии периода Российской империи. Меценат и библиофил Г.В. Юдин создал огромный архив, изучение которого продолжается до настоящего времени и далеко от завершения. Значение коллекции Г.В. Юдина было высоко оценено ещё современниками, о чём свидетельствует труд А.В. Бабина, в котором он описывает основные разделы коллекции, обозначает её уникальность для России, поскольку она была качественной по содержанию и открытой для общественного доступа как частная библиотека, учитывая, кроме того, удалённость Красноярска от столичных научных и культурных центров (Babine, 1905).

Публикации о коллекции и архивах Г.В. Юдина выходят регулярно, однако большая их часть посвящена скорее истории и судьбе его наследия, в том числе и той части, которая была продана за рубеж, нежели подробному анализу содержания сохранившихся в России архивов. О судьбе коллекции книг и архивного наследия Г.В. Юдина пишут А.Б. Шиндина (Шиндина, 2020), Е. Казинец (Kasinec, 2008), Х. Лейх (Leich, 2008). О части архива, связанного с семьёй купца Ларионова, написано в статье Е.В. Комлевой (Комлева, 2012). Значительное количество публикаций о коллекции Г.В. Юдина в целом принадлежит И.А. Половниковой (Polovnikova, 2008; Polovnikova, Leich, 2014; Половникова, 2004). В статье П. Брауна (Brown, 2012) содержится информация по истории коллекции Г.В. Юдина, приобретённой библиотекой Конгресса США, а также даётся опись 700 единиц хранения. О коллекции Г.В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края была сделана публикация А.А. Преображенского в «Археографическом ежегоднике за 1958 г.» (Преображенский, 1960), частично она упомянута в исследовании И.В. Куклинского о красноярском архитекторе Л.А. Чернышеве (Куклинский, 2019). Однако более или менее подробного тематического анализа архивных материалов «юдинской коллекции» (ГАКК) до настоящего времени не было сделано. Отсутствуют и работы, связанные с использованием этих материалов в контексте истории Красноярска рубежа XIX–XX вв. Данное исследование вводит в научный оборот новые источники по истории Сибири и её городов периода Российской империи.

4. Результаты

Документы «юдинской коллекции», которые сегодня находятся на хранении в Государственном архиве Красноярского края, по большей части были собраны Г.В. Юдиным уже после продажи его библиотеки в 1907 г. После смерти мецената в 1912 г. коллекция сначала перешла его наследникам, в первое десятилетие советской истории она была национализирована и попала в фонды Государственного исторического архива Красноярского края. В конце 1950-х гг. коллекция была обработана и систематизирована, что показало, насколько разносторонней содержательно она является (Семенова, 2001).

Структура архивных материалов коллекции Г.В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края весьма разнообразна: это письма, конспекты лекций, пригласительные билеты, рекламные листы, рисунки, чертежи, отчёты, бухгалтерские книги, газеты. Для настоящего исследования наибольшую актуальность имеют документы, во-первых, относящиеся по времени к первому десятилетию XX в., во-вторых, отчёты, газеты, протоколы организаций и переписка общественных деятелей с администрацией г. Красноярска, очерки красноярской интеллигенции различной тематики, а также чертежи и рисунки, имеющие отношение к историческому развитию городской среды.

4.1. Благоустройство г. Красноярска 1900–1910-х гг.

В коллекцию Г.В. Юдина из Государственного архива Красноярского края входит оригинал исторического плана города Красноярска, составленный в 1906 г., где Красноярск представлен застройкой левого берега р. Енисей. Правый и левый берега р. Енисей соединены с островами переправой, острова не застроены и два из них поименованы как «Конный» (ныне «остров Отдыха») и «Телячий» (ныне «остров Молокова»), поскольку исторически использовались как места переправы через Енисей и пастбища, два острова оставлены без названия (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5038. Л. 2). Город, пережив третий из опустошительных пожаров – пожар 1881 г., уничтоживший всю его старую часть (15 кварталов, 390 домов), и отстроившись практически заново (Комарова, 2023), на данной карте представляет собой застройку по квартальной сетке. В качестве ключевого узла в плане выделяется Новобазарная площадь напротив Городского сада (ныне Центрального парка им. М. Горького), основанного в 1828 г. на месте дачи первого губернатора Енисейской губернии А.П. Степанова. Ранее парк представлял собой часть леса, но к этому времени был уже городской прогулочной зоной, любимой горожанами. В воспоминаниях Ф. Нансена, посетившего Красноярск в 1913 г., отмечается привлекательность парка: «Мы посетили городской парк, который славится лучшим во всей Сибири. Время было осеннее, и цветы уже завяли, но, судя по деревьям, хвойным и лиственным, можно было представить себе, что летом парк являлся чудесным местом для прогулок» (Нансен, 1915: 271). Центральная часть Красноярска расположена на левом берегу Енисея и находится между двух рек – Енисея и Качи. В плане центральной части города можно выделить ещё три «узла»:

Старобазарная площадь на Стрелке, хотя она и не так внушительна по размерам, Театральная площадь на ул. Благовещенской (ныне ул. Ленина) и транспортный узел – железнодорожная станция «Красноярск». За линией Средне-Сибирской железной дороги находятся Железнодорожная слобода и большая Николаевская слобода, за рекой Качей – Покровская и Закаченская.

Карта Красноярска, находящаяся в «юдинской коллекции», позволяет заключить, что к 1906 г. он сложился как городское поселение со всеми значимыми составляющими – от разнообразных религиозных центров до современной по тому времени инфраструктуры, включая государственные и общественные учреждения. На плане зафиксированы 15 храмов, в основном православных, но есть и моленные места других религий: римско-католическая и лютеранская церкви и синагога. В описании плана представлены такие категории, как: «Церкви» (19, в т. ч. церкви в учреждениях), «Присутственные, административные и казенные учреждения» (42), «Городские общественные учреждения» и «Благотворительные учреждения» (20). Среди 16 образовательных учреждений города обозначены учреждения общего образования (школы, гимназии), духовного образования (семинарии, духовное училище, Епархиальное женское училище) и профессионального образования (Техническое железнодорожное и Ремесленное училища, Фельдшерская школа). На территории города в плане отмечены 8 благотворительных и 24 городских общественных учреждения, среди которых – учреждения с функцией управ, общественное собрание, 3 гостиницы («Старая Россия», «Новая Россия» и «Метрополь»), 2 аптеки, 2 пристани, редакция газеты, два банка («Сибирский торговый» и «Русско-Китайский»), отмечено также место для постройки биржи. Из рекреационных природных зон выделены Городской сад и 3 городских водоёма. Из достопримечательностей и учреждений культуры среди общественных сооружений в городе к 1906 г. указаны Триумфальные ворота, стоявшие на Стрелке (где соединяются реки Кача и Енисей), городской театр, городская библиотека, городской музей и гостинный двор (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5038. Л. 2). Очевидно, план города Красноярска был важным документом для предпринимателя, мецената, коммерсанта и коллекционера Г.В. Юдина, поскольку позволял ему визуализировать городское пространство, ориентироваться в нём, понимать его достоинства и «дефициты».

Одним из таких «дефицитов» было отсутствие ярко выраженного архитектурного своеобразия Красноярска, которое появилось впоследствии благодаря деятельности архитектора Л.А. Чернышева. В коллекции Г.В. Юдина содержатся 9 документов, связанных с его именем, в т. ч. проект канализации и водопровода в усадьбе матери архитектора Е.В. Чернышевой, которая стоит в городе и сейчас, и одна из первых в Красноярске была с момента постройки оборудована этими системами (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4583. Л. 2). В проекте представлены планы полуподвального, первого, второго этажей и мансарды. В архиве Г.В. Юдина находятся также эскизы Л.А. Чернышева, замыслы которых не были осуществлены: проект магазина С. А. Кузнецова 1909 г. (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4580. Л. 2-7), проекты неназванных дач (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4585. Л. 2-12). Среди проектов дач 3 каменных сооружения имеют ярко выраженные черты стиля «модерн», характерные для Л.А. Чернышева: высокие кровли зданий, башенные объёмы, шатровые их завершения, арочные оконные и дверные проёмы, а также использование синтеза разных декорационных приёмов. Неосуществленными остались и содержащиеся в архиве Г.В. Юдина проекты Чернышева для Абаканской и Енисейской школ рыболовства (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4581. Л. 2-4; Куклинский, 2019: 261).

Среди находящихся в архиве Г.В. Юдина архитектурных красноярских проектов Л.А. Чернышева интересен проект фасада гостиницы «Монополь» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4584. Л. 2), которая представляет собой семиэтажное асимметричное здание с правым возвышающимся объёмом, помимо асимметрии имеющее такие признаки архитектуры модерна, как разнообразие форм оконных проёмов, в т. ч. использование горизонтально овальных окон, разнообразие ритма фасада, в т. ч. за счёт ряда сдвоенных окон, масштабная в 4 этажа арка широкого стекления.

Проекты церковных зданий Л.А. Чернышева в архиве Юдина изображают не только православные церкви, восходящие к древнерусским традициям (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4590. Л. 2, 4), но и здание, напоминающее баптистерий, выполненное в византийском стиле (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4590. Л. 12), а также фасад церкви католической традиции неоготики (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4590. Л. 7). Тогда как реализованные в первом десятилетии XX в. проекты Л.А. Чернышева архитектурно преобразили облик Красноярска, сделав его своеобразным, узнаваемым. Как писал В.И. Суриков в письме к своей дочери и зятю О.В. и П. П. Кончаловским 18 сентября 1909 г., «Чернышев много интересных домов понастроил в Красноярске, так что вид у него стал другой теперь. Мало деревянных домов осталось» (Куклинский, 2019: 235). Наследие Л.А. Чернышева, представленное в архиве Г.В. Юдина, имеет существенное значение для исследования истории «сибирского модерна» в городской архитектуре Восточной Сибири рубежа XIX–XX вв.

Помимо документов об истории архитектурного облика города, в архиве Г.В. Юдина содержатся ранее неопубликованные «Краткие сведения о состоянии городского хозяйства Красноярска в 1911 г.» не установленного авторства (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5042. Л. 1-19), по которым можно судить об уровне благоустройства и организации этой деятельности в г. Красноярске к концу первого десятилетия XX в. Здесь приведена подробная хронология проведения работ по обустройству водопровода, предшествовавших этому организационных мероприятий, процесса принятия решений

на уровне Городской Думы, финансовой стороне предприятия. Решение о строительстве водопровода на уровне городского самоуправления было принято в 1910 г., тогда же оно становится предметом обсуждения красноярской общественности: «Широкие круги местного населения стали интересоваться этими вопросами после того, как Городская Дума в заседании, состоявшемся 10-го марта 1910 г., по заслушивании доклада Городского Головы П.С. Смирнова и по всестороннем обсуждении поставленных на обсуждение Думы вопросов, единогласно признала осуществление водопровода и электрического освещения неотложно нужным и постановила: во-первых, принять тип соединения обоих предприятий в одно, во-вторых, осуществить предприятие хозяйственно-подрядным способом, в-третьих, уполномочить Городского Голову возбудить пред правительством ходатайство о разрешении городу облигационного займа в 600.000 руб. нарицательных на осуществление в Красноярске водопровода и электрического освещения» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5042. Л. 4). Здесь же сообщается, что П.С. Смирнов был крайне заинтересован в том, чтобы все этапы хода работ по осуществлению намеченного проекта были доведены до сведения населения, а Ревизионная Комиссия проверяла финансовую отчётность не только в конце года, но и каждый месяц. В тексте документа подчёркивается ответственная заинтересованность главы города в максимальной «прозрачности» финансирования и реализации данного проекта. В перспективе введение в эксплуатацию водопровода и сети электрического освещения могло дать положительный экономический эффект: например, в «Кратких сведениях» приводятся выдержки из доклада городского инженера Б.Ю. Гецена, который отмечал экономические преимущества городской электрификации (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5042. Л. 10). Здесь же приводятся сведения из дневника Б.Ю. Гецена о строительстве электрической станции, в котором подробно описаны начальные этапы данного строительства (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5042. Л. 12-18).

В ряде документов «юдинской коллекции» представлены различные формы обсуждения необходимости проведения водопровода в г. Красноярске: записка (неустановленного авторства) о заседании Общества обывателей и избирателей г. Красноярска от 21 марта 1910 г., в которой сообщается, что на рассмотрение были определены темы, в числе которых следующие: «<...> § 2. Утверждение городского плана и проектирование будущего плана города; § 3. Осуществление для г. Красноярска хозяйственного противопожарного водопровода, с проведение такового в Николаевскую слободу и к месту будущего городского поселения» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4188. Л. 20).

Наличие данных документов в «юдинской коллекции» может свидетельствовать как о персональной заинтересованности Г.В. Юдина в развитии городского благоустройства и совершенствовании его архитектурного облика, так и о том, что, возможно, именно на его средства (частично или полностью) могло осуществляться это благоустройство. В будущих исследованиях архивных документов это предположение будет подтверждено или опровергнуто.

4.2. Общественная жизнь г. Красноярска 1900-1910-х гг. в материалах «юдинской коллекции»

Интеллектуальная жизнь Г.В. Юдина отражается в коллекции собранных им лично документов и является ярким репрезентантом мировоззрения представителей его сословия: богатых сибирских купцов, сделавших своё состояние на развитии золотопромышленности, торговли, банковском деле. В этом контексте привлекают внимание его интересы, отражённые в выборе изданий современной ему периодики. Г.В. Юдин выписывал и сохранял в личном архиве значительное количество периодических изданий: из архивного материала «Краткие сведения о расходах на домашнюю библиотеку и выписываемых им газетах и журналах» известно, что, например, в 1899 г. он получал более ста периодических изданий (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4629. Л. 9-11), среди которых была и газета «Красноярский рабочий», начавшая выходить с 10 декабря 1905 г. В «юдинской коллекции» содержатся несколько её выпусков – от 10, 13, 22, 24 декабря 1905 г. и февральский, августовский и ноябрьский ежемесячные выпуски 1907 г. (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4994. Л. 1-21). Основное содержание газеты, которое, видимо, и привлекло внимание предпринимателя Г.В. Юдина, представляло собой «призывы к гражданам» и, особенно, промышленным рабочим «отстаивать свои права», «поддерживать революционные события в столицах», «бороться с социальной несправедливостью». Характеристики кандидатов в Городскую Думу Красноярска в этом издании были даны исходя из их отношения к революционным событиям, здесь же размещались приглашения принять участие в городских политических митингах (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4994. Л. 15-16). Описание общественных событий в Красноярске с «революционных позиций» дано в разделе «Хроника». В первом номере газеты здесь помещена заметка «Свободобознь», в которой рассказывается об инциденте в мужской гимназии, где ученики написали на доске: «Да здравствует свободная школа в свободном государстве», а инспектор гимназии г. Теремец стремительно стёр данную надпись, посчитав её провокативной (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4994. Л. 15-16). Содержание материалов газеты в целом отличается ироничным тоном по отношению к представителям власти, указываются конкретные имена в том случае, если дело касается персон, «нарушающих права рабочих и граждан». В выпуске от 22 декабря 1905 г. сказано, что на митинге социалистов-революционеров 17 декабря 1905 г. присутствовало 700 человек. При том, что в городе в то время проживало около 30 тыс. человек, на митинг пришло около 3 % граждан, готовых открыто поддерживать социал-революционеров (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4994. Л. 19-22). В этом же

номере сообщается, что 18 декабря прошло учредительное собрание «Союза домашней прислуги г. Красноярска», на котором присутствовало 16 человек – мужчин и женщин. На собрании обсуждали проблемы привлечения в общество большего числа людей, так как многие представители прислуги, желающие «бороться за свои права», не пришли на собрание под страхом увольнения; пришедшим же удалось добиться от своих хозяев разрешения на свободное время в воскресенье в послеобеденное время (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4994. Л. 21). В «Хронике» сообщается о поддержке со стороны врачей Енисейской губернии бастующим почтово-телеграфным чиновникам, которая выразилась в финансовой помощи и свободном отпуске им лекарственных препаратов (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4994. Л. 22). В нескольких выпусках дана информация о забастовках рабочих в типографии Кохановского. В августовском выпуске 1907 г. говорится о голодовке заключённых в тюрьме солдат, которые «предпочитают умереть, чем терпеть жестокое обращение – избиения», «содержание в тюрьме без прогулок», «гнилую пищу» и т. д. (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4994. Л. 6-9). В ноябрьском выпуске этого же года сообщается о забастовке рабочих железнодорожных мастерских, вызванной «несправедливыми увольнениями», сокращением заработной платы «без объяснения», работой в вечернее время, «грубым обращением» со стороны начальников и т. п. (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4994. Л. 2-5). Таким образом, подборка материалов из газеты «Красноярский рабочий», сделанная Г.В. Юдиным и сохранённая им в собственном архиве, позволяет выявить его личный интерес к информационному образу социально-политических событий Красноярска периода революции 1905–1907 гг. Газета «Красноярский рабочий» освещала факты исключительно из жизни рабочего класса, людей, разделяющих социал-революционные настроения, что позволяло предпринимателю и коммерсанту Г.В. Юдину получить представление о наиболее острых проблемах, существующих в этой сфере городской и губернской жизни, которая не была представлена в другой городской прессе, кроме газеты «Красноярский рабочий».

Общественная жизнь города отразилась в документах «юдинской коллекции» разносторонне и многоаспектно: не только с политической, но и с культурно-повседневной точки зрения. Об этом говорят такие документы, связанные с историей повседневности сословия, представленного самим Г.В. Юдиным, его друзьями и близкими, как приглашения на значимые для них городские события (танцевальные вечера, художественные выставки, общественные собрания). Один из каталогов художественной выставки в числе экспонатов содержит описание произведения художника Д.И. Каратанова «Ледоход на Енисее» 1909 г., следовательно, выставка проходила либо в том же году, либо в следующем. В начале XX в. Красноярск был крупным сибирским культурным центром: выставка носит межрегиональный характер, на ней представлены работы художников из городов Красноярска, Томска, Семипалатинска, Омска, Казани, Марииинска, Саратова (Ситникова, 2024). Примечание в конце каталога – «Желающие приобрести что-либо с выставки просьба обращаться за сведениями в кассу» – свидетельствует о том, что экспозиция была «выставкой-продажей», следовательно, в Красноярске уже существовали коллекционеры и горожане, способные и желающие приобретать произведения искусства (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5043. Л. 3-5).

В коллекции Г.В. Юдина из Государственного архива Красноярского края содержатся также документы, свидетельствующие об активной общественной жизни г. Красноярска в начале XX в.: «Переписка комитета Общества обывателей и избирателей г. Красноярска с Енисейским губернатором и Красноярским полицмейстером о заседаниях общества» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4188. Л. 1-24) и «Протоколы заседаний комитета и общих собраний Общества обывателей и избирателей г. Красноярска» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4187. Л. 1-25). Подобные общества появились в 1909 г. во всех крупных городах Сибири и имели здесь большое значение, более заметное, чем в европейской части Российской империи, поскольку они позволяли выстроить горизонтальные связи городского сообщества с существующими институтами власти. Членами Общества могли быть жители не моложе 25 лет обоёго пола и с самыми разными политическими взглядами (Харусь, 2018). В первом письме переписки Комитета с Енисейским губернатором от 11 ноября 1909 г. сообщается о его составе, об избрании председателем Дмитрия Евдокимовича Лаппо, избрании казначея и секретаря на заседании, проведённом днём ранее (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4187. Л. 2). Данные назначения фиксируются в «Протоколе № 1» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4187. Л. 3). Из архивного сообщения, предназначенного полицмейстеру, известно, что собрания проводились в помещении Клуба Вольно-Пожарного Общества (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4187. Л. 4).

По протоколам собраний Общества можно проследить динамику участия красноярской общественности в его делах. Так, например, во втором протоколе общего Собрания членов общества от 14 ноября 1909 г. фиксируется, что на него явилось более 100 человек (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4187. Л. 4), а на собрании, проведённом 21 марта 1910 г., – 27. Обсуждались речи таких известных городских деятелей, как В.М. Крутовский и Б.Л. Рогонович, тоже членов данного Общества (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4187. Л. 15). Из протоколов можно получить представление о темах, которые обсуждались общественностью. К таковым относятся проблемы финансирования городского благоустройства, проектирование плана будущего развития города, совершенствование школьного образования, медицинской помощи, бесплатной для малоимущих, и ряд других вопросов (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4187. Л. 15-16). Внимание членов Общества было обращено на завышенные цены на жилье и аренду торговых площадей в Красноярске: «...повышение казенного квартирного налога, вследствие

чрезмерного повышения домовладельцами платы за квартиры» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4187. Л. 18). Из изучения документов «юдинской коллекции» ясно, что Общество было закрыто ещё в 1911 г. (в связи с завершением процедуры выборов в Городскую Думу), однако ликвидационное собрание так и не было созвано (по причине разочарования как организаторов, так и рядовых членов Общества в эффективности его работы) либо сведения о нём так и не были предоставлены, о чём свидетельствует записка от полицмейстера, адресованная Д. Е. Лаппо (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4187. Л. 25-26).

Сложно сказать, как именно данные протоколы оказались в структуре «юдинской коллекции». По одной из гипотез, они были складированы вместе весьма произвольно и хаотично в непростой истории архивных организаций города на протяжении XX в. Возможно, что сам Г.В. Юдин имел мало отношения к их собиранию, но сегодня они представлены в собрании документов, которое носит именно его имя. Возможно и иное объяснение: Г.В. Юдин принимал активное участие как в выборах в Городскую Думу, так и в сопутствующей этим выборам работе членов Общества обывателей и избирателей г. Красноярска. В связи с чем он мог собирать в личном архиве данные документы, свидетельствующие об избирательной активности общественности города.

4.3. Интеллектуальная жизнь г. Красноярска 1900-1910-х гг.

Материалы архива Г.В. Юдина позволяют реконструировать отдельные аспекты интеллектуальной жизни Красноярска на рубеже XIX–XX вв. Так, одним из свидетельств интереса красноярской интеллигенции к вопросам архитектурного и технического знания является наличие в «юдинской коллекции» рекламного проспекта известного издания «Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века» инженера Г.В. Барановского (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4593. Л. 1-10) в составе документов, датированных 1910 г. Информация об издании раскрывает назначение, содержание 7 томов и указание на необходимость их приобретения и распространения именно среди красноярских читателей (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4593. Л. 3). Распространение и ориентация на красноярских горожан в рекламном проспекте данного энциклопедического издания позволяет предположить, что в Красноярске в это время уже существовал устойчивый слой образованных и заинтересованных горожан, для которых подобные издания становились источником не только специализированного знания, но и культурным, научным и техническим ориентиром для развития собственного города.

Другим документом, раскрывающим академические интересы интеллигенции Красноярска этого исторического периода, является рукопись (машинопись без окончания) авторизованного очерка В.А. Кытманова о тунгусах, раскрывающая особенности взаимодействия администрации и исследователей-этнографов с местным коренным населением Енисейской губернии (тунгусами) (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 8060. Л. 1-44). Ранее текст этого очерка не публиковался. Несмотря на то, что в архивном документе ГАКК указано авторство В.А. Кытманова на втором листе (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 8060. Л. 2), на первом листе есть пометка: «Это есть копия отчета податного инспектора 1-го Енисейского уезда И. Покровского. Другая копия этого отчета хранится в архиве Красноярского краеведческого музея под названием “Доклад об обследовании инородцев Ангарского края”, шифр 7886/193» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 8060. Л. 1). Очерк включает перепись тунгусских родов Восточной Сибири, описание быта и хозяйственной деятельности коренных народов Сибири. В нём подробно описываются кочевые маршруты тунгусов, их торговые отношения с русским населением и социальная структура тунгусских родов, отмечаются образовательные и культурные контакты между населением. Описана попытка интеграции тунгусов в административную систему Российской империи, связанная с созданием сутланов (управленческих советов) для решения общественных вопросов, организации школ, увеличением межэтнических контактов тунгусов и русского населения. Архивные материалы содержат и другие ценные этнографические материалы, изучение которых в будущем позволит более точно понять этнографическую структуру Енисейской губернии и характерные для красноярцев этнографические исследовательские практики.

Данный очерк и другие этнографические документы «юдинской коллекции» показывают, что интеллигенция Красноярска соучаствовала в изучении восточносибирских земель Российской империи и коренного населения этих территорий Сибири. В среде горожан формируются этнографы, занимающиеся сбором и документированием информации о положении инородцев и об их специфическом социально-экономическом статусе.

5. Заключение

Материалы архива Г.В. Юдина (т.н. «юдинская коллекция») позволяют расширить представления об истории городского развития Красноярска 1900–1910 гг. в аспектах истории городского благоустройства, формирования архитектурного своеобразия города, его общественной, общественно-политической, интеллектуальной и культурной жизни данного периода. Наличие в личном архиве известного сибирского мецената и предпринимателя Г.В. Юдина специализированных изданий, конспектов, рукописей (включая машинописи), избранных материалов периодической печати, материалов, связанных с культурной жизнью, просветительской деятельностью библиотек и образовательных учреждений, свидетельствует о становлении города Красноярска как значимого губернского центра, включённого в широкий контекст жизни Российской

империи начала XX в. Исследованные архивные документы позволяют лучше понять процессы формирования просвещённого городского сообщества с характерными урбанизированными практиками общественной, политической и культурной деятельности. Содержание части привлечённых архивных материалов «юдинской коллекции» публикуется впервые.

Общественная жизнь города Красноярска, репрезентанта восточносибирских городов России рубежа XIX–XX вв., представляла собой многослойное и многозначное явление, включавшее и участие в политических событиях 1905–1907 гг., и организацию культурно-просветительской деятельности, и разнообразные интеллектуальные формы деятельности горожан. Рассмотренные архивные материалы позволяют проследить историю градостроительного и инфраструктурного развития Красноярска в начале XX в., формирование его своеобразного архитектурного облика под влиянием стилевых модернистских тенденций, ярким представителем которых была профессиональная деятельность Л.А. Чернышева. Изученные документы показывают, что благоустройство города не было «частной инициативой», но представляло собой результат своего рода общественного консенсуса, зафиксированного в деятельности Городской Думы и поддерживающих её общественных организаций, в которые объединялись активные горожане. Ряд архивных документов имеет ценность для истории российской науки, в том числе истории этнографии коренного населения Восточной Сибири.

Дальнейшее исследование документов обширной «юдинской коллекции» позволит выявить иные аспекты как истории города Красноярска как репрезентанта восточносибирских городов Российской империи конца XIX – начала XX в., так и истории предпринимательства, меценатства, культуры и просвещения данного периода. Значительная часть этих документов никогда ранее не публиковалась. Возможно, что существующие концепции истории Сибири Российской империи будут существенно дополнены новым знанием, содержащимся сегодня в документах этой знаменитой коллекции.

Литература

Айзикова, 2020 – Айзикова И.А. Образ сибирского города в очерках Н. А. Кострова // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020. № 67. С. 174–188.

Баканов, Хамитова, 2022 – Баканов С.А., Хамитова К.А. Городская история в тематике диссертационных исследований в России (1991–2021) // *Историческая информатика*. 2022. № 1. С. 52–62.

Бердников, 1995 – Бердников Л.П. Вся красноярская власть: очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916): факты, события, люди. Красноярск, 1995. 320 с.

Бирюкова, 2022 – Бирюкова А.Б. Источники личного происхождения в изучении городов среднего Поволжья конца XVIII – первой трети XIX вв. // *Современная научная мысль*. 2022. № 3. С. 179–188.

Бойко, 2021 – Бойко В.П. Роль купечества в развитии города Красноярска в XIX–начале XX в. // *Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие*. 2021. С. 24–42.

Бойко, 2022 – Бойко В.П. Социально-экономическая история города Ачинска и местное купечество // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2022. № 75. С. 15–19.

Буслаева, 2015 – Буслаева Г.Б. Коллекция В.И. Кочедамова как источник по истории города Омска // *Третьи Ядринцевские чтения*. 2015. С. 178–183.

Быконя, 2013 – Быконя Г.Ф и др. Красноярск: от прошлого к будущему. Очерки истории города. Красноярск, 2013. 640 с.

Былова, 2024 – Былова Н.С. Использование материалов личных архивных фондов как источников по истории повседневности (на примере личного архивного фонда Н.П. Вишнякова (1844–1927)) // *Человеческий капитал*. 2024. № 4 (184). С. 22–29.

Вибе, 2020 – Вибе П.П. Антология омского краеведения: город в публикациях XVIII – начала XX вв. // *Омск в публикациях XVIII – начала XX вв.* 2020. С. 7–16.

Воробьева, Шаплов, 2007 – Воробьева И.Г., Шаплов А.Е. Фонд А.К. Жизневского (1819–1896) как источник по истории Тверского края // *Вестник архивиста*. 2007. № 3. С. 247–252.

Воронина, 2016 – Воронина О.С. История градостроительного развития города Томска в XVII–XX вв. // *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета*. 2016. № 1 (54). С. 91–106.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Кискидосова, 2017 – Кискидосова Т. А. «Блеск и нищета» города Енисейска во второй половине XIX – начале XX в. // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2017. № 4. С. 17–25.

Комарова, 2023 – Комарова Т.С. «На площади Базарной, на каланче пожарной» (к истории пожарного дела в Красноярске). Официальный электронный ресурс Красноярского краевого краеведческого музея. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kkkm.ru/o-muzee/stati-i-publikacii/rubrika-byloe/na-ploshadi-bazarnoj-na-kalanche-pozharnoj-k-istorii-pozharnogo-dela-v-krasnoyarske> (дата обращения 03.07.2025).

- Комлева, 2012 – Комлева Е.В. Красноярские купцы Ларионовы: история династии по материалам семейного архива // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2012. № 2-1. С. 229-234.
- Куклинский, 2019 – Куклинский И.В. Красноярский архитектор Леонид Чернышев. Красноярск, 2019. 288 с.
- Манассеин, 2010 – Манассеин В.С. Из истории сибирской торговой буржуазии (В.Н. Баснин) // *Историко-экономические исследования*. 2010. Т. 11. № 1. С. 97-120.
- Нансен, 1915 – Нансен Ф. В страну будущего: Великий сев. путь из Европы в Сибирь через Кар. море. Пг., 1915. 454 с.
- Наумов, 2019 – Наумов С.С. Материалы личных фондов представителей интеллигенции Омска и Новосибирска как источник по изучению памяти о прошлом // *Преподаватель XXI век*. 2019. № 1-2. С. 260-274.
- Позняк, 2024 – Позняк Т.З. Повседневная история городов российского Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в.: итоги и перспективы изучения // *Россия и АТР*. 2024. № 1. С. 59-80.
- Половникова, 2004 – Половникова И.А. «Юдинская коллекция» нуждается в реконструкции // *Отечественные архивы*. 2004. № 2. С. 31-35.
- Потанин, 1908 – Потанин Г.Н. Города Сибири // *Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды*. СПб., 1908. С. 234-259.
- Преображенский, 1960 – Преображенский А.А. Коллекция Г. В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края // *Археографический ежегодник за 1958 год*. 1960. С. 267-292.
- Рыгалова, Брюханова, 2021 – Рыгалова М.В., Брюханова Е.А. Статистические источники по истории городов Сибири второй половины XIX – начала XX вв.: историографический анализ и критика данных // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2021. № 72. С. 152-159.
- Семенова, 2001 – Семенова Л.В. Личные фонды. Красноярск, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://guides.eastview.com/browse/guidebook.html?bid=130&sid=183887> (дата обращения: 21.07.2025).
- Ситникова, 2024 – Ситникова А.А. Особенности исследования динамики городской художественной культуры // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 17. № 7. С. 1346-1356.
- Сныткова, 2009 – Сныткова Г.П. Неизданные письма А.М. Сибирякова - часть личного фонда предпринимателя и мецената // *Иркутский историко-экономический ежегодник*. 2009. С. 480-483.
- Ткачев, 2022 – Ткачев В.В. Эпистолярное наследие коллекционеров как источник для изучения художественной жизни Иркутской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // *МНСК-2022*. 2022. С. 159-160.
- Тяпкина, 2003 – Тяпкина О.А. Локальный подход к изучению истории малых городов Западной Сибири второй половины XIX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2003. № 4. С. 17-21.
- Фоменко, 2018 – Фоменко А.Е. Герард Миллер как историк сибирских городов // *Вагановские чтения*. 2018. С. 42-48.
- Харусь, 2018 – Харусь О.А. Общества обывателей и избирателей в Сибири как либеральный проект организации местного самоуправления // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2018. № 55. С. 56-61.
- Царев, 2019 – Царев В.И. Первоисточники о формировании Красноярска в XVII веке // *Баландинские чтения*. 2019. Т. 14. № 1. С. 266-273.
- Царев и др., 2023 – Царев В.И., Васильева Н.О., Царев В.В. К истории Минусинского селения XVIII века // *Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ*. 2023. № 1(27). С. 107-118.
- Шахеров, 2011 – Шахеров В.П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири). Иркутск, 2011. 256 с.
- Шахеров, 2018 – Шахеров В.П. Материалы личного происхождения как источник изучения социально-экономического развития городов Байкальской Сибири конца XVIII – XIX веков // *Иркутский историко-экономический ежегодник*. 2018. С. 501-512.
- Шиндина, 2020 – Шиндина А.Б. Рукописи Юдинского собрания в фондах Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края // *Румянцевские чтения-2020*. 2020. С. 517-521.
- Babine, 1905 – Babine A.V. The Yudin Library, Krasnoyarsk (Eastern Siberia). Washington: Press of Judd and Detweiler, 1905. 40 p.
- Brown, 2012 – Brown P.M. The Law Library of Congress' Holdings From the Genadii Vasil'evich Yudin Collection: Provenance, Bindings, and an Inventory. Chapel Hill, North Carolina, 2012. [Electronic resource]. URL: https://cdr.lib.unc.edu/concern/masters_papers/8k71ns76p (date of access: 04.07.2025).
- Kasinec, 2008 – Kasinec E. Yudin's Books in America: A View from the 21st Century // *Slavic & East European Information Resources*. 2008. V. 9. № 2. Pp. 115-126.

- Leich, 2008 – Leich H.M. «So Ample a Collection, So Well Balanced»: The Yudin Collection at the Library of Congress // *Slavic & East European Information Resources*. 2008. V. 9. № 2. Pp. 127-142.
- Polovnikova, 2008 – Polovnikova I.A. Born in Siberia: Gennadii Vasil'evich Iudin, 1840–1912 // *Slavic & East European Information Resources*. 2008. V. 9. № 2. Pp. 143-152.
- Polovnikova, Leich, 2014 – Polovnikova I.A., Leich H.M. Materials on the Russian-American Company in the Iudin Collection // *Slavic & East European Information Resources*. 2014. V. 15. № 3. Pp. 167-174.

References

- Aizikova, 2020 – Aizikova, I.A. (2020). Obraz sibirskogo goroda v ocherkakh N.A. Kostrova [The image of a Siberian city in the essays of N.A. Kostrov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 67: 174-188. [in Russian]
- Babine, 1905 – Babine, A.V. (1905). The Yudin Library, Krasnoyarsk (Eastern Siberia). Washington: Press of Judd and Detweiler, 40 p.
- Bakanov, Khamitova, 2022 – Bakanov, S.A., Khamitova, K.A. (2022). Gorodskaya istoriya v tematike dissertatsionnykh issledovaniy v Rossii (1991–2021) [Urban history in the topics of dissertation research in Russia (1991–2021)]. *Istoricheskaya informatika*. 1: 52-62. [in Russian]
- Berdnikov, 1995 – Berdnikov, L.P. (1995). Vsyas krasnoyarskaya vlast': ocherki istorii mestnogo upravleniya i samoupravleniya (1822–1916): fakty, sobytiya, lyudi [All Krasnoyarsk power: essays on the history of local government and self-government (1822–1916): facts, events, people]. Krasnoyarsk, 320 p. [in Russian]
- Biryukova, 2022 – Biryukova, A.B. (2022). Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya v izuchenii gorodov srednego Povolzh'ya kontsa XVIII – pervoy treti XIX vv. [Sources of personal origin in the study of the cities of the middle Volga region of the late 18th – first third of the 19th centuries]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 3: 179-188. [in Russian]
- Boyko, 2021 – Boyko, V.P. (2021). Rol' kupechestva v razvitii goroda Krasnoyarska v XIX – nachale XX v. [The role of merchants in the development of the city of Krasnoyarsk in the 19th – early 20th centuries]. *Sibirskoe kupechestvo: istoki, deyatel'nost', nasledie*: 24-42. [in Russian]
- Boyko, 2022 – Boyko, V.P. (2022). Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya goroda Achinska i mestnoye kupechestvo [Socio-Economic history of the Achinsk city and local merchants]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 75: 15-19. [in Russian]
- Brown, 2012 – Brown, P.M. (2012). The Law Library of Congress' Holdings from the Genadii Vasil'evich Yudin Collection: Provenance, Bindings, and an Inventory. Chapel Hill, North Carolina. [Electronic resource]. URL: https://cdr.lib.unc.edu/concern/masters_papers/8k71ns76p (date of access: 04.07.2025).
- Buslayeva, 2015 – Buslayeva, G.B. (2015). Kolleksiya V.I. Kochedamova kak istochnik po istorii goroda Omska [The collection of V. I. Kochedamov as a source on the history of the city of Omsk]. *Tret'i Yadrintsevskie chteniya*. Pp. 178-183. [in Russian]
- Bykonya et al., 2013 – Bykonya, G.F. i dr. (2013). Krasnoyarsk: ot proshlogo k budushchemu. Ocherki istorii goroda [Krasnoyarsk: From the Past to the Future. Essays on the history of the city]. Krasnoyarsk, 640 p. [in Russian]
- Bylova, 2024 – Bylova, N.S. (2024). Ispolzovaniye materialov lichnykh arkhivnykh fondov kak istochnikov po istorii povsednevnosti (na primere lichnogo arkhivnogo fonda N. P. Vishnyakova (1844–1927) [The use of materials from personal archival collections as sources for the history of everyday life (using the personal archival collection of N.P. Vishnyakov (1844–1927) as an example)]. *Chelovecheskii kapital*. 4(184): 22-29. [in Russian]
- Fomenko, 2018 – Fomenko, A.Ye. (2018). Gerard Miller kak istorik sibirskikh gorodov [Gerard Miller as a Historian of Siberian Cities]. *Vaganovskie chteniya*: 42-48. [in Russian]
- GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archives of Krasnoyarsk Krai].
- Kasinec, 2008 – Kasinec, E. (2008). Yudin's Books in America: A View from the 21st Century. *Slavic & East European Information Resources*. 9(2): 115-126.
- Kharus', 2018 – Kharus', O.A. (2018). Obshchestva obyvatelei i izbiratelei v Sibiri kak liberal'nyi proekt organizatsii mestnogo samoupravleniya [Societies of ordinary people and voters in Siberia as a liberal project for organizing local self-governmen]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 55: 56-61. [in Russian]
- Kiskidosova, 2017 – Kiskidosova, T.A. (2017). «Blesk i nishcheta» goroda Yeniseyska vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [“The Splendor and Poverty” of the Yeniseisk city in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. 4: 17-25. [in Russian]
- Komarova, 2023 – Komarova, T.S. (2023). «Na ploshchadi Bazarnoi, na kalande pozharnoi» (k istorii pozhar'nogo dela v Krasnoyarske) [“On Bazarnaya Square, on the Fire Watchtower” (on the history of firefighting in Krasnoyarsk)]. Ofitsial'nyi elektronnyi resurs Krasnoyarskogo kraevogo kraevedcheskogo muzeya. [Electronic resource]. URL: <https://www.kkkm.ru/o-muzee/stati-i-publikatsii/rubrika-byloe/na-ploshchadi-bazarnoj-na-kalande-pozhar-noj-k-istorii-pozhar'nogo-dela-v-krasnoyarske> (date of access: 03.07.2025). [in Russian]

- Komleva, 2012** – Komleva, E.V. (2012). Krasnoyarskie kuptsy Larionovy: istoriya dinastii po materialam semeinogo arkhiva [Krasnoyarsk merchants Larionov: history of the dynasty based on materials of the family archive]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2–1: 229–234. [in Russian]
- Kuklinskii, 2019** – Kuklinskii, I.V. (2019). Krasnoyarskii arkhitektorskiy Leonid Chernyshev [Krasnoyarsk architect Leonid Chernyshev]. Krasnoyarsk, 288 p. [in Russian]
- Leich, 2008** – Leich, H.M. (2008). «So Ample a Collection, So Well Balanced»: The Yudin Collection at the Library of Congress. *Slavic & East European Information Resources*. 9(2): 127–142.
- Manassein, 2010** – Manassein, V.S. (2010). Iz istorii sibirskoy trgovoy burzhuazii (V.N. Basnin) [From the history of the Siberian merchant bourgeoisie (V.N. Basnin)]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. 11(1): 97–120.
- Nansen, 1915** – Nansen, F. (1915). V stranu budushchego: Velikii sev. put' iz Evropy v Sibir' cherez Kar. More [To the Land of the Future: The Great North. route from Europe to Siberia via Kar. sea]. Petrograd, 454 p. [in Russian]
- Naumov, 2019** – Naumov, S.S. (2019). Materialy lichnykh fondov predstaviteley intelligentsii Omska i Novosibirskaya kak istochnik po izucheniyu pamyati o proshlom [Materials from the personal funds of representatives of the intelligentsia of Omsk and Novosibirsk as a source for studying the memory of the past]. *Prepodavatel' XXI vek*. 1–2: 260–274. [in Russian]
- Polovnikova, 2004** – Polovnikova, I.A. (2004). «Yudinskaya kollektsiya» nuzhdaetsya v rekonstruktsii [«Yudinskaya kollektsiya» necessitates reconstruction]. *Otechestvennye arkhivy*. 2: 31–35. [in Russian]
- Polovnikova, 2008** – Polovnikova, I.A. (2008). Born in Siberia: Gennadii Vasil'evich Iudin, 1840–1912. *Slavic & East European Information Resources*. 9(2): 143–152.
- Polovnikova, Leich, 2014** – Polovnikova, I.A., Leich, H.M. (2014). Materials on the Russian-American Company in the Iudin Collection. *Slavic & East European Information Resources*. 15(3): 167–174.
- Potantin, 1908** – Potantin, G.N. (1908). Goroda Sibiri [Cities of Siberia]. *Siberia. Sibir'. Ee sovremennoe sostoyaniye i ee nuzhdy*. SPb. Pp. 234–259. [in Russian]
- Poznyak, 2024** – Poznyak, T.Z. (2024). Povsednevnyaya istoriya gorodov rossiyskogo Dal'nego Vostoka vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.: itogi i perspektivy izucheniya [Everyday history of the cities of the Russian Far East in the second half of the 19th – early 20th centuries: results and prospects for study]. *Rossiia i ATR*. 1: 59–80. [in Russian]
- Preobrazhenskii, 1960** – Preobrazhenskii, A.A. (1960). Kolleksiya G.V. Yudina v Gosudarstvennom arkhive Krasnoyarskogo kraia [Collection of G.V. Yudin in the State archives of Krasnoyarsk Krai]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1958 god*. Pp. 267–292. [in Russian]
- Rygalova, Bryukhanova, 2021** – Rygalova, M.V., Bryukhanova, Ye.A. (2021). Statisticheskiye istochniki po istorii gorodov Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.: istoriograficheskiy analiz i kritika dannykh [Statistical sources on the history of Siberian cities in the second half of the 19th – early 20th centuries: historiographical analysis and data criticism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 72: 152–159. [in Russian]
- Semenova, 2001** – Semenova, L.V. (2001). Lichnyye fondy [Personal funds]. Krasnoyarsk, 2001. [Electronic resource]. URL: <http://guides.eastview.com/browse/guidebook.html?bid=130&sid=183887> (date of access: 21.07.2025). [in Russian]
- Shakherov, 2011** – Shakherov, V.P. (2011). Ekonomika sibirskogo doreformennogo goroda (na materialakh gorodov Baykal'skoy Sibiri) [Economy of the Siberian pre-reform city (based on the cities of Baikal Siberia)]. Irkutsk, 256 p. [in Russian]
- Shakherov, 2018** – Shakherov, V.P. (2018). Materialy lichnogo proiskhozhdeniya kak istochnik izucheniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya gorodov Baykal'skoy Sibiri kontsa XVIII–XIX vekov [Personal materials as a source for studying the socio-economic development of cities in Baikal Siberia in the late 18th – 19th centuries]. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*: 501–512. [in Russian]
- Shindina, 2020** – Shindina, A.B. (2020). Rukopisi Yudinskogo sobraniya v fondakh Gosudarstvennoi universal'noi nauchnoi biblioteki Krasnoyarskogo kraia [Manuscripts of the Yuda collection in the collections of the state universal scientific library of the Krasnoyarsk Krai]. *Rumyantsevskie chteniya-2020*: 517–521. [in Russian]
- Sitnikova, 2024** – Sitnikova, A.A. (2024). Osobennosti issledovaniya dinamiki gorodskoy hudozhestvennoy kul'tury [Features of the study of the dynamics of urban artistic culture]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 7: 1346–1356. [in Russian]
- Snytkova, 2009** – Snytkova, G.P. (2009). Neizdannyye pis'ma A. M. Sibiryakova – chast' lichnogo fonda predprinimatel'ya i metsenata [Unpublished letters of A. M. Sibiryakov – part of the personal fund of the entrepreneur and patron]. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*: 480–483. [in Russian]
- Tkachev, 2022** – Tkachev, V.V. (2022). Epistolyarnoye naslediye kollektsionerov kak istochnik dlya izucheniya khudozhestvennoy zhizni Irkutskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Epistolary heritage of collectors as a source for studying the artistic life of the Irkutsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *MNSK–2022*: 159–160. [in Russian]

Tsarev, 2019 – Tsarev, V.I. (2019). Pervoistochniki o formirovanii Krasnoyarska v XVII veke [Primary sources on the formation of Krasnoyarsk in the 17th century]. *Balandinskie chteniya*. 14(1): 266-273. [in Russian]

Tsarev et al., 2023 – Tsarev, V.I., Vasil'eva, N.O., Tsarev, V.V. (2023). K istorii Minusinskogo selenia XVIII veka [To the history of the Minusinsky village of the XVIII century]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. 1(27): 107-118. [in Russian]

Tyapkina, 2003 – Tyapkina, O.A. (2003). Lokal'nyy podkhod k izucheniyu istorii mal'nykh gorodov Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX v. [Local approach to the study of the history of small towns of Western Siberia in the second half of the 19th century]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4: 17-21. [in Russian]

Vibe, 2020 – Vibe, P.P. (2020). Antologiya omskogo krayevedeniya: gorod v publikatsiyakh XVIII – nachala XX vv. [Anthology of Omsk local history: the city in publications of the 18th – early 20th centuries]. *Omsk v publikatsiyakh XVIII – nachala XX vv.* Pp. 7-16. [in Russian]

Vorob'yeva, Shapovalov, 2007 – Vorob'yeva, I.G., Shaplov, A.Ye. (2007). Fond AK Zhiznevskogo (1819-1896) kak istochnik po istorii Tverskogo kraya [The Fund of the A. K. Zhiznevsky (1819-1896) as a source on the history of the Tver region]. *Vestnik arkhivista*. 3: 247-252. [in Russian]

Voronina, 2016 – Voronina, O.S. (2016). Istoriya gradostroitel'nogo razvitiya goroda Tomska v XVII–XX vv. [History of urban development of the city of Tomsk in the 17th–20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. 1(54): 91-106. [in Russian]

Город Красноярск 1900–1910-х гг. в коллекции архивных материалов из собрания сибирского промышленника и библиофила Г.В. Юдина

Мария Александровна Колесник ^{a, *}, Александра Александровна Ситникова ^a,
Наталья Николаевна Пименова ^a, Анна Андреевна Шпак ^a

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые анализируются архивные материалы из т.н. «юдинской коллекции» – личного архива сибирского промышленника и библиофила Г. В. Юдина, хранящегося в Государственном архиве Красноярского края; отмечается большое значение данной коллекции для истории г. Красноярска 1900–1910 гг. как репрезентанта восточносибирских городов Российской империи данного периода. Исследованы новые материалы, позволяющие реконструировать ключевые аспекты жизни г. Красноярска в 1900–1910-х гг. на основе документов из коллекции, в число которых входят отчёты, избранная периодика, рукописи (машинописи), чертежи и рисунки; даётся описание процессов благоустройства города, особенностей общественной организации и элементов интеллектуальной жизни. Раскрыта история модернизации городской среды, отражённая в архивных документах по вопросам водоснабжения, электрификации, архитектуры и городского планирования. История благоустройства Красноярска рассматривается в контексте исторической урбанистики. Содержание архивных документов, которые опубликованы впервые, интерпретируется в контексте исторической динамики городского пространства, включающей политические и социальные движения, развитие просветительской и культурной инфраструктуры. Выполнен анализ источников, связанных с функционированием частных и общественных библиотек, художественных выставок, периодических изданий, а также распространением академических знаний и практик (включая этнографические), что позволяет судить о становлении в Красноярске 1900–1910 гг. устойчивого городского сообщества активных горожан, вовлечённых в улучшение городского пространства.

Ключевые слова: благоустройство г. Красноярска, история г. Красноярска, интеллектуальная жизнь г. Красноярска, коллекция Г. В. Юдина, общественная жизнь.

* Корреспондирующий автор

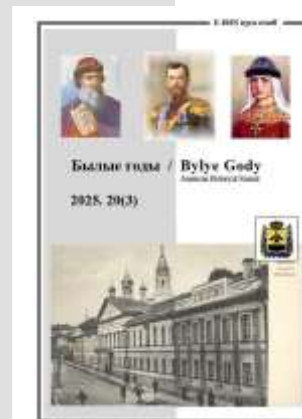
Адреса электронной почты: MKolesnik@sfu-kras.ru (М.А. Колесник),
aaasemenova@sfu-kras.ru (А.А. Ситникова), npimeova@sfu-kras.ru (Н.Н. Пименова),
aashpak@sfu-kras.ru (А.А. Шпак)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1568-1579
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1568

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Research by N.L. Korzhenevsky on the Pamir Mountains and Its Glaciers in 1903–1914 (based on Expedition Diaries, Archival Documents, and Publications)

Nargiza S. Kenjaeva ^{a, *}, Saodat A. Toshtemirova ^a, Charos I. Maxmudova ^a, Arslon K. Nafasov ^a

^a Chirchik State Pedagogical University, Republic of Uzbekistan

Abstract

This article is devoted to Nikolai Leopoldovich Korzhenevsky's research on the Pamir Mountains and its glaciers in 1903–1914, based on his expedition diaries, archival documents, and publications. The author analyzes Korzhenevsky's contribution to the study of the Fedchenko Glacier, the largest in Central Asia, emphasizing its significance as a symbol of scientific and imperial exploration. Korzhenevsky's contributions to glaciology, geology, meteorology, botany, and ethnography are examined. Particular attention is paid to the difficulties of the expeditions: the harsh climate, the impassable terrain, and the geopolitical rivalry between the Russian and British empires in the context of the "Great Game." The sociocultural context, including protests by the local population against taxes in the Western Pamirs, highlights the dual nature of N.L. Korzhenevsky's research, which combined scientific and military objectives. Korzhenevsky's diaries and publications remain a valuable source for contemporary research, reflecting his contribution to cartography, geography, and understanding of historical processes in Central Asia, as well as his achievements in the study of Pamir glaciers, particularly the Fedchenko Glacier.

Keywords: N.L. Korzhenevsky, Pamir, Fedchenko Glacier, Mushketov Glacier, expeditions, glaciology, geopolitics, Great Game, Central Asia, Russian Empire.

1. Введение

Начало научного изучения Памира и, в частности, ледника Федченко было заслугой русских учёных ещё в период Российской империи. Среди исследователей Памира начала XX в. вполне заслуженно стоит уделить особое внимание Николаю Леопольдовичу Корженевскому. Н.Л. Корженевский был одним из первых учёных в Центральной Азии, кто начал углублённо изучать ледники региона, и особая его заслуга состоит в изучении ледника Федченко и вообще ледников Памира и соседних районов, а также их географии.

Здесь мы попытаемся рассмотреть исследование Н.Л. Корженевского в области изучения ледников, и прежде всего ледника Федченко и его окрестностей, географии Алая-Памира и в целом рассмотреть его научную деятельность на широком фоне исторических событий, благодаря чему можно будет нагляднее понять, насколько важными и актуальными были эти исследования и с какими трудностями они сопровождались.

2. Материалы и методы

2.1. Среди важнейших источников по экспедициям Н.Л. Корженевского особо можно отметить недавно обнаруженный «Дневник экспедиций Н.Л. Корженевского» (далее – Дневник), переданный при участии одного из авторов 11 апреля 2025 г. на хранение в составе Личного фонда Н.Л. Корженевского в Национальном архиве Узбекистана (НАУз) (Ташкент, Республика Узбекистан).

* Corresponding author

E-mail addresses: n.kenjaeva@cspu.uz (N.S. Kenjaeva), s.toshtemirova@cspu.uz (S.A. Toshtemirova), ch.maxmudova@cspu.uz (C.I. Maxmudova), a.nafasov@cspu.uz (A.K. Nafasov)

Этот дневник он вёл в период с 1903 по 1914 г., благодаря чему появилась возможность по-новому взглянуть на исследования и экспедиции Н.Л. Корженевского на Памир и оценить их научные результаты. Также был привлечён целый ряд материалов из архивов Узбекистана. Кроме того, используются публикации Н.Л. Корженевского, дополняющие данные, отражённые в Дневнике. Так как этот дневник ещё не обработан архивистами, а потому не включён в опись фонда и пока не выдаётся в читальный зал Национального архива, ниже мы ссылаемся на транскрипт (расшифровку) дневника Н.Л. Корженевского, переданный в архив вместе с подлинником Дневника, электронная (оцифрованная) копия которого имеется в нашем распоряжении.

Кроме того, в статье использовались материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) (Москва, Российская Федерация), содержащиеся в фонде 400 «Главный Штаб Военного министерства» в описи № 1 «Азиатская часть». Ещё одним архивом, материалы которого привлечены в настоящем исследовании, является Центральный государственный архив города Ташкента (ЦГАГТ) (Ташкент, Республика Узбекистан). Из этого архива использовано личное дело Н.Л. Корженевского, хранящееся в фонде 38 – «Ташкентский государственный университет».

2.2. В ходе анализа основных событий авторы использовали несколько методов исторического познания, которые способствовали глубокому изучению данной проблемы и позволили прийти к основополагающим выводам. Использование историко-сравнительного метода позволило подробнее осветить не только ход, но и подоплёку экспедиций и исследований Памира и его ледников Н.Л. Корженевского. Историко-системный метод – один из основных методов исторического исследования, в котором реализуются принципы системного подхода. Этот метод был направлен на изучение объектов и явлений прошлого как целостных исторических систем: анализ их структуры и функций, внутренних и внешних связей (морфологии), а также динамических изменений (генезис). Посредством дедуктивного метода была изучена постановка проблемы, сбор информации, формулирование гипотезы, её проверка, изучение результатов и достижение одного или нескольких выводов.

3. Обсуждение

Жизни и деятельности Н.Л. Корженевского посвящено не так уж много специальных работ. Во-первых, конечно же, это публикации, отражающие период 1903–1914 гг. и принадлежащие перу самого исследователя. Они были опубликованы в различных научных изданиях и являются во многом источниками по этому периоду деятельности Николая Леопольдовича (Корженевский, 1906; Корженевский, 1906а; Корженевский, 1906b; Корженевский, 1912; Корженевский, 1914; Корженевский, 1922).

Кроме того, следует выделить работы, освещающие научные открытия и экспедиции Н.Л. Корженевского и оценивающие вклад и значение его исследований. Особенно следует отметить работы В.И. Рацека (Рацек, 1977; Рацек, 1975), в которых в том числе рассматриваются роль и значение экспедиций Н.Л. Корженевского имперского времени и сделанные им открытия. Здесь автор впервые вводит в научный оборот некоторые фрагменты из экспедиционных дневников Николая Леопольдовича периода 1903–1914 гг. В этих публикациях приводятся значительное количество сведений как о научных достижениях учёного, так и о его личной и общественной жизни.

После 1991 г. можно также отметить несколько работ, в той или иной мере затрагивающих рассматриваемую нами тему. Прежде всего, следует выделить исследование П.Э. Пэтэрс (Пэтэрс, 1998), которое специально посвящено экспедициям Н.Л. Корженевского периода Российской империи. В нём он, вслед за В.И. Рацеком, использует многочисленные цитаты из дневника Николая Леопольдовича. Дневник этот, как пишет сам автор, был получен от В.И. Рацека, предполагавшего опубликовать его, но не сумевшего это сделать по различным обстоятельствам.

Также следует упомянуть публикацию Н.С. Кенжаевой, посвящённую в основном экспедиции Н.Л. Корженевского 1923 г., но содержащую некоторые сведения и о его экспедициях имперского времени (Кенжаева, 2020: 202–203). К тому же в 2024 г. в узбекистанском журнале «Центральноазиатский журнал географических исследований» был опубликован редакционный материал в честь 145-летия Н.Л. Корженевского, как одного из основателей географической науки в Узбекистане, в котором также приведены краткие сведения об экспедициях Николая Леопольдовича 1903–1914 гг. (Николай Леопольдович Корженевский, 2024: 130).

4. Результаты

Николай Леопольдович Корженевский родился 19 февраля 1879 г. в Невельском уезде Витебской губернии в фольварке Завережье. Отец его был дворянином литовского происхождения, а мать – полька, как об этом сообщал сам Николай Леопольдович в своей автобиографии. В дальнейшем родители переехали в Костромскую губернию (ЦГАГТ. Ф. 38. Оп. 3. Д. 823. Л. 15). Вырос Н.Л. Корженевский в усадьбе Нероново Солигаличского уезда, где отец был управляющим. После окончания в 1897 г. костромского реального училища Николай Леопольдович собирался поступить в университет. Но из-за тяжёлой болезни отца и создавшегося трудного материального

положения Н.Л. Корженевскому пришлось поступить в Киевское военное училище. Окончив его с отличием в 1901 г. в чине подпоручика, он, несмотря на то, что имел возможность выбрать для службы любой регион и город в европейской части Российской империи, предпочёл службу в Оше – захолустном городке на окраине Туркестанского генерал-губернаторства. Уже тогда проявилось его стремление к изучению Памира, ведь именно этот городок был отправной точкой большинства экспедиций в отдалённый и загадочный край (Басханов, 2005: 120; Пэтэрс, 1998: 55-54; Рацек, 1977; Кенжаева, 2020: 201-220).

В 1903 г. Н.Л. Корженевскому наконец-то удаётся попасть на Памир. Ему поручается Штабом Туркестанского военного округа организовать беспроволочный телеграф для нужд Памирского отряда. Для подготовки к этому путешествию и выполнению дополнительных научных задач Н.Л. Корженевский испросил командировку в Ташкентскую астрономическую обсерваторию, где овладел навыками определения астрономических пунктов и метеорологических наблюдений (ЦГАГТ. Ф. 38. Оп. 3. Д. 823. Л. 19). Кроме того, Николай Леопольдович берётся выполнить ещё целый ряд научных заданий: для Общества акклиматизации – «собрать семена и корневища красивоцветущих или душистых высокогорных растений. Приложить и засушенные растения для определения вида, и краткие сведения: на какой почве, высоте и прочее»; для Общества земледелия он должен был провести «наблюдение над световыми явлениями на больших высотах...»; для Горного общества: «1. Описание путешествия с фотографиями; 2. Метеорологический журнал; 3. Собрание горных пород и минералов; 4. Формы оледенений ледника, морены, мощность, движение, характер; 5. Форма поверхности в связи с физическими и геологическими условиями; 6. Зорь-куль. Полное описание и исследование органической жизни; 7. Гербарий; 8. Черепа животных; 9. Туземцы (раса, рост, форма головы, цвет волос и глаз, быт, одежда)...» (Дневники..., 1903–1914: 7) и др.

10 июня 1903 г. Николай Леопольдович выступил из Оша в первую свою поездку на Памир. Его сопровождали в качестве переводчика нижний чин 10-го Туркестанского стрелкового батальона, охотник Семен Сазонов (Путешествие..., 1905: 136; Корженевский, 1906: 1; Корженевский, 1912: 691-692).

Экспедиция перевалила Заалайский хребет и вышла на Северный Памир. «Встретил он (Памир – Прим. авт.), – писал Н.Л. Корженевский, – нас снегом и пронзительным ветром. Особенно нам досталось... в верховьях р. Маркан-су. Ни бурка, ни покрытое резиной пальто не помогало. Только около оз. Копыр-куль, маленького ничтожного водоема, непогода прошла и выглянуло солнышко. При этом, [что] интересно и характерно для Памира, на солнечной стороне было тепло, даже порою жарко, а на противоположной отдавало жгучим холодом» (Дневники..., 1903–1914: 18).

Двигаясь далее, 17 июня перевалили перевал Уй-булак и вышли в долину озера Кара-куль. О долине Кара-куля и самом озере Н.Л. Корженевский писал следующее: «Каракуль, крупнейшее памирское озеро, синевшее узкой полосой вдаль на серой, как будто бы лунной поверхности. Оно состоит из двух неровных бассейнов, соединенных проливом, соленой, немного горьковатой воды. Стока у озера нет, но в него впадает целый ряд мелких речушек...» (Корженевский, 1912: 708).

20 июня экспедиция прибыла на Памирский пост. Здесь экспедиция была встречена чрезвычайно радушно во главе с начальником поста поручиком Петром Аполоновичем Конюховым (Дневники, 1903–1914: 25). При этом, как подмечает Н.Л. Корженевский, Памирский пост, как и весь Восточный Памир, был, всё же, очень суровым местом: «Жизнь здесь до крайности тяжелая, до ряда болезней расстроился организм человека... Сама природа как-бы подчеркивает невозможность органической жизни в этом мертвом царстве. Ничто тут не развивается и не плодится» (Дневники..., 1903–1914: 25-26).

24 июня экспедиция, хорошо отдохнув и пополнив запасы фуража и припасов, двинулась к озеру Зор-куль (Виктория), которого и достигли 28 июня. На сам Зор-куль Н.Л. Корженевский отправился вдвоём с С. Сазоновым, «захватив необходимые инструменты и фотокамеру». Далее свой путь и само озеро Николай Леопольдович описывает следующим образом: «Мои желания исполнились. Сегодня я был на оз. Виктория (Зор-куль)... Мокрый снег валил все и валил. Шум р. Памира и вой ветра были достаточным аккомпанементом нашему путешествию... Наконец берега нашей порожистой реки немного разошлись [и] тропинка вывела на правый открытый берег сплошь покрытый снегом и через полчаса мы были на желанном Зор-куле... Озеро пресное, с несомненными признаками рыбы (видел Сазонов массу мальков). Вода серо-стального цвета с побежалостями, высокой прозрачности. Дно песчаное и температура воды около берега в момент наблюдения (21 ч. 30 мин.) была +4° по С... Выложивши из камня начальную букву своей фамилии в 10 ч. я оставил Зор-куль и поехал обратно на Мазар-теке...» (Дневники..., 1903–1914: 35-37).

Переночевав в урочище Дженанды, что далось нелегко из-за сильного ветра с дождём и произошедшего землетрясения (Корженевский, 1912: 728-729), путешественники на следующий день двинулись в Вахан вдоль реки Памир, минуя Юл-мазар, туда, где она сливается с рекой Вахан-дарья, которая после этого получает имя Пяндж. Здесь был расположен русский Лянгарский пост, куда 30 июня и прибыли путешественники. Начальником поста являлся хорунжий В.Г. Голявинский, весьма радушно встретивший экспедицию (Дневники..., 1903–1914: 38-41; Корженевский, 1906: 11-12; Корженевский, 1912: 729).

На Лянгарском посту Н.Л. Корженевский оказался в весьма драматический для местного населения и неприятный для русских властей момент.

Для того чтобы лучше понять произошедшие события, следует сделать небольшое отступление. После утверждения власти России на Памире, а затем передачи в 1896 г. западнопамирских владений Бухаре, налоги с местного населения временно не взимались, чтобы они смогли восстановить материальное положение после афганского владычества (1883–1893 гг.). Благодаря мнению ряда представителей российской колониальной администрации и, прежде всего, начальников Памирского отряда, взимание податей бухарцами неоднократно откладывалось. К середине 1903 г. в принадлежащем Бухаре Западном Памире сложилась крайне взрывоопасная ситуация. Прежде всего это было связано с тем, что именно в этом году бухарцам, после ряда отсрочек (Махмудов, 2016: 130-145; Махмудов, 2025: 60-78; Kholliyev et al., 2025: 980-990; НАУз. Ф. И-276. Оп. 1. Д. 965. Л. 97-106), наконец, удалось получить от российских властей согласие приступить к сбору податей в своих памирских владениях (см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2329). Вполне естественно, у жителей Западного Памира, привыкших за 8 лет не платить подати, и к тому же так до конца и не оправившихся от афганского владычества и нескольких голодных лет (1899–1901 гг.), попытка бухарской администрации начать их взимание вызвала большое возмущение. Причём российским властям было известно о сложившейся ситуации (НАУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 178-182; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2329. Л. 124; НАУз. Ф. И-276. Оп. 1. Д. 965. Л. 116). Всё это не могло не привести к взрыву народного возмущения.

Именно в день прибытия экспедиции на Лянгарский пост, не выдержавшие издевательств бухарцев, жители ваханского кишлака Зунг поднялись против сборщиков подати. Вот как в своём дневнике описывает произошедшее Н.Л. Корженевский: «На днях... в Вахан прибыли бухарские сборщики податей (зякет) а так как население приотвыкло от платежей, то понятно появление зякетчиков вызвало немало осложнений и даже весьма значительных среди таджиков. Сегодня в ночь таджики напали на бухарцев, немилосердно их избили, а сами забравши скот и свои семьи в ночь же переправились через Пяндж и перешли на Афганский берег. Я по тревоге с Голявинским, стражами и казаками прибыл в кишлак Зунг для фиктивного подавления беспорядков, но жители все разбежались» (Дневники..., 1903–1914: 41).

Возвращаясь вновь к самой экспедиции, стоит отметить замечание, оставленное Н.Л. Корженевским в своём дневнике, о том, что, по мнению хорунжего В.Г. Голявинского, слово «Памир» происходит от «по-и-мор», что по-персидски означает «подножие смерти» (Дневники..., 1903–1914: 45).

9 июня путешественники достигли Хорогского поста, где располагалась штаб-квартира начальника Памирского отряда. Здесь Николая Леопольдовича настигло сообщение о смерти его отца, давно уже болевшего, что произошло 13 июня (Дневники..., 1903–1914: 52).

12 июля после обеда экспедиция выехала из Хорога и возвратилась в Ош 1 августа, пройдя за 50 дней 1345 вёрст (Путешествие..., 1905: 136-138). Во время этой экспедиции Н.Л. Корженевский проводил гипсотермические и баротермические измерения 43 пунктов маршрута, метеорологические наблюдения и определение астрономических пунктов, а также сбор различных представителей флоры (около 200 образцов высокогорных растений) и насекомых Памира, а также геологических образцов (Корженевский, 1906: 16). Это путешествие явилось первым шагом для Н.Л. Корженевского в его долгом пути учёного, внёсшего огромный вклад в изучение географии и гляциологии Памира, о чём будет рассказано далее. Он за это первое путешествие был избран действительным членом Общества земледелия при Императорском Санкт-Петербургском университете и Русского горного общества (ЦГАГТ. Ф. 38. Оп. 3. Д. 823. Л. 19).

Николая Леопольдовича чрезвычайно интересовала долина реки Мук-су, куда он стремился добраться во что бы то ни стало и пройти ею в Каратегин. Поэтому, не откладывая дело в долгий ящик, уже в следующем, 1904 г., Н.Л. Корженевский попытался осуществить задуманное. В этом году дважды пытался проникнуть в верховья Мук-су – с 19 июня по 5 июля и с 8 по 28 сентября. С этого началось для Н.Л. Корженевского непосредственное знакомство и изучение ледника Федченко.

Первая поездка на Мук-су происходила совместно с известным геологом Я.С. Эйдельштейном. Также Николай Леопольдович сопровождал неизменный С. Сазонов и керекеш Шермат (Дневники..., 1903–1914: 88). Алайский хребет перевалили они по перевалу Сарык-могол (Корженевский, 1914: 250-258).

В своём Дневнике Н.Л. Корженевский сообщает, что, проштудировав взятую у Я.С. Эйдельштейна книгу И.В. Мушкетова «Туркестан», он сделал выписки об исследователях, посетивших долину реки Мук-су. Далее он с некоторым удовлетворением отметил: «Значит, мое посещение будет 5-м по порядку визитом к верховьям Мук-су» (Дневники, 1903-1914: 88-90).

На подходе к цели своего путешествия Николай Леопольдович узнал от своего проводника по имени Сайдали, что «по Мук-су из ур. Кутас-кушты в Домбурачи пройти возможно, но только пешком и притом по отчаянным карнизам... Перевал Терс-агар, киргиз этот называет легким и доступным» (Дневники..., 1903–1914: 90).

Двигаясь далее от Кара-су, путешественники оказались в урочище Сартогай, где расположился аул киргизов из рода теит. Далее Николай Леопольдович записал в своём Дневнике: «В этом ауле

привели ко мне старого киргиза, как хорошего знатока местности. Относительно Саук-сая он говорит, что на нем никто из киргиз не был, по крайней мере ему о том не приходилось слышать, так как он завален снегами, льдом и прорывается среди высоких скал. Что-же касается Мук-су, его проходимости, то киргиз этот знает, что на Дамбураш есть тропинка, по которой смельчаки киргизы проходили, но что путь туда, во всяком случае, очень труден и нужно положить на дорогу не менее 3 дней. О Сель-су (Сель-дара ледник Федченко) говорит, что от Кутас-гушты (а не кушты, как на карте) верст 20, но что проехать туда едва-ли теперь возможно, так как на Мук-су очень много воды и переправа немислима» (*Дневники..., 1903–1914: 94*).

Получив эти сведения, Н.Л. Корженевский решил, всё же, двигаться дальше, чтобы выяснить ситуацию на месте. Для этого выехали из Сартогая в 7 ч. утра в сопровождении проводника Сеидали. По дороге встретили «почтенного киргиза» Тохтура, предложившего свои услуги проводника, так как в совершенстве знал эту местность и ему «еще в детстве приходилось хаживать по этой реке вместе с отцом своим, золотопромышленником» (*Корженевский, 1906а: 84*). На это было получено согласие и Сеидали, который, получив 1 рубль за работу, был отпущен. Затем Николай Леопольдович стал расспрашивать нового проводника о дальнейшем пути – «о Кутас-гуште, Саук-даре, Мук-су и прочее, что являлось в данном случае гвоздем моего (Корженевского – Прим. авт.) путешествия» (*Дневники..., 1903–1914: 95*). С перевала Терс-агар «ущелье рек Саук-сая, Каинды, Сель-су, Мук-су видны как на ладони... В бинокль было хорошо видно, что воды в Мук-су очень много. Ущелья рек темнели своими мрачными стенами... Пришлось проехать около 2-х верст прежде нежели я добрался до Саук-сая и с крутого, скалистого его берега заглянул внутрь ущелья. Берега реки, насколько мне можно было видеть, представлены совершенно отвесными скалистыми стенами, среди которых бурной глубокой рекой идет Саук-сай. Воды было слишком много и возможность теперь же предпринять экспедицию вверх по реке отпадала сама собою. Воды, по словам Тохтур-бая, так много на Мук-су, что при переправе через Саук-сай, впадающей в ур. Кутас-гушта в Каинды и Сель-су (Мук-су) лошадь должна плыть, а так как течение весьма быстрое, то лошадь переворачивает и может переправа окончиться очень плачевно... Как теперь окончательно выяснилось, пройти по Мук-су (пешком) до Домбурачи и по Саук-саю, а также наведаться на ледники Федченко и Танымас возможно только осенью, в первых числах сентября, когда прекращаются таяние ледников и приток воды прекращается» (*Дневники..., 1903–1914: 97*).

Получив эти сведения, а также положившись на слова Тохтур-бая и киргиза Асана, что осенью «возможно пройти повсюду и притом они сами пойдут провожать», Николай Леопольдович решил вернуться обратно в Ош и отправиться для новой попытки, чтобы добраться до ледника Федченко в начале сентября – «недели на две с целью наверняка пройти по Мук-су и произвести съемку и измерения» (*Дневники..., 1903–1914: 98*).

Вторая попытка добраться до ледников долины Мук-су была произведена в сентябре этого же года. 8 сентября 1904 г. Николай Леопольдович выступил из Оша, намереваясь пройти по долине Мук-су до Каратегина. Н.Л. Корженевский вновь сопровождал неизменный С. Сазонов. 16 сентября экспедиция вышла к Алтын-мазару (*Дневники..., 1903–1914: 112–117*). Здесь путешественники остановились у старого киргиза Тохтур-бая, обещавшего в прошлую встречу провести экспедицию через долину реки Мук-су. Николай Леопольдович сообщает, что неожиданное появление экспедиции «крайне смутило старика, и он начал приводить всевозможные доказательства за то, что хотя воды в Мук-су и меньше против летнего, но все-таки идти по ней в Каратегин чрезвычайно тяжело и что путешествие это может стоить жизни. Тем не менее, от своего обещания быть моим проводником Тохтур-бай не отказался и, уступая нашей настойчивости, начал приготовляться к путешествию, рассчитывая выступить в дорогу, не теряя времени, на другой же день» (*Корженевский, 1906а: 84–85*).

Так как дорога была весьма трудная и плохая, то было решено ехать налегке, оставив вьюки в Алтын-мазаре, а с собой взять «только приборы и самое необходимое для питания и ночлега под открытым небом». Н.Л. Корженевский взял «один барометр и планшет для глазомерной съемки, а остальные мои спутники взяли шубы для ночлега и продовольствие на одни сутки». Переночевав в Алтын-мазаре, ранним утром 17 сентября экспедиция выступила в путь в сопровождении Тохтур-бая в качестве проводника. Настроение путешественников было самое приподнятое, что видно из записи Николая Леопольдовича: «Сознание, что идем по земле, где ни разу еще не ступала нога европейца, как-то особенно приятно действовало и возбуждало внимание» (*Корженевский, 1906а: 85*).

Двигаясь по долине реки Мук-су, путешественникам пришлось пройти через несколько её притоков. На восьмой версте экспедиция увидела Борубаш-су – «ручей небольшой, как видно, короткий». За урочищем Кыш-тау начинались «возвышенные каменистые русла рр. Хыт-су и Каин-су, впадающих одна возле другой в реку Мук-су (правые притоки)... Обе речки одинаковой величины и текут в узких ущельях» (*Дневники..., 1903–1914: 117*). Пройдя урочище Каин по карнизу возле самой воды, путешественники вышли в урочище Дорадек. Далее дорога стала намного хуже. Отсюда путешественники, минуя речку Дорадек-су, резко повернули по урочищу Худайберды к самой реке Мук-су, где и переправились на другой берег (*Корженевский, 1906а: 87*).

Затем путешественникам пришлось переправляться через реку Аю-джилга, что с трудом, но было сделано. Правда, лошадей пришлось отправить обратно в Алтын-мазар. Переправившись через эту реку, Н.Л. Корженевский и пройдя совсем немного, «заметил большой ледник с широкой трещиной посредине. Поверхность ледника представлялась серовато-грязной, и только трещина резко выделялась белыми краями на темном фоне поверхности ледника. Ложе ледника весьма пологое, направление видимой части его на протяжении 3–4 верст юго-восточное, дальше ледник как-бы ломается и поворачивает на юго-запад, закрываясь выступом горы. Ширина видимой его части саженьей 200. По характеру залегания нужно думать что ледник тянется очень далеко, но насколько именно верст, сказать трудно. Средних морен на поверхности ледника не наблюдалось, так что можно заключить что боковых ледников он не принимает. Конечная морена значительна, боковые выражены слабее» (Корженевский, 1906а: 87).

Н.Л. Корженевский, имея мало времени, не двинулся к леднику, ограничившись лишь его фотографированием и сбором пород из конечной морены, так как надеялся вернуться той же дорогой и на обратном пути осмотреть ледник, о чём, по его словам, впоследствии ему «пришлось очень пожалеть», так как сделать этого ему тогда не удалось. Далее Николай Леопольдович сообщает, что Тохтур-бай назвал этот ледник Кара-сель, «так как это название носит вытекающая у ледника речка, но я хотел бы дать имя славнейшего работника по геологии Туркестана – Ивана Васильевича Мушкетова» (Корженевский, 1906а: 87-88).

Двигаясь далее по сузившейся до 200 саженьей долине реки Мук-су мимо нескольких притоков реки, в 7 часов вечера остановились у устья реки Хышчет-су, при её впадении в Мук-су. Хотя место было «очень мрачное и каменистое», но путешественники сильно устали и уже начинало темнеть. Едва начало светать, путешественники собрались в дорогу. Оставив кутасов, в сухом месте все вещи, так как шёл дождь, взяв только барометр, фотоаппарат и несколько лепёшек, двинулись дальше. С трудом пройдя 4–5 вёрст, начали подниматься на ведущий в Каратегин перевал Лямкур-даван, находившийся «приблизительно на половине дороги от Алтын-мазара до сел. Ходжа-тау». Подъём на перевал хоть и не был труден, но был весьма длинен. Постепенно мелкий дождь сменился мокрым снегом, на вершине же бушевала настоящая метель. Тохтур-бай сильно торопил путешественников, и Николай Леопольдович только и успел на вершине перевала «записать барометр и торопливо набросать на планшете пройденную местность». Торопливость проводника объяснялась тем, что существовала опасность, что карниз, по которому надо было спускаться с перевала, могло занести снегом (Корженевский, 1906а: 89-90).

Своё впечатление о спуске по этим карнизам Николай Леопольдович описывает следующим образом: «Первый по этому переходу карниз (и самый, пожалуй, скверный) не замедлил представиться нашему вниманию. Несколько опустившись с вершины, мы должны были пройти шагов 10 по слабо наклоненной стене из твердой породы, вставляя ноги в ячейки на высоте нескольких сот сажень над рекой. Мне кажется, что я не прошел бы по этому карнизу, если бы в то время не было ниже нас облаков, заслонивших собою пропасть. Во время путешествия по Памиру мне не приходилось встречать чего-либо подобного этому пути. После, когда мы перебрались на другую сторону и перед нашими глазами на несколько минут во весь свой ужас открылась эта громадная бездна, мы почувствовали себя, как спасенные... Этот карниз представляет собою, пожалуй, самое опасное место на протяжении всей дороги: почти каждый год на нем происходят несчастия, особенно когда карниз покрыт снегом, а потому каждый, кто прошел его благополучно, считает долгом в память этого кинуть на противоположную сторону камень» (Корженевский, 1906а: 90).

Спуск с перевала отобрал все силы у Н.Л. Корженевского, и он, понимая, что не может вернуться обратно той же дорогой, отправил обратно Тохтур-бая, чтобы он забрал их вещи и ждал бы в Алтын-даре возвращения путешественников из Каратегина, откуда они должны были вернуться кружным путем по более безопасной дороге. Сам Николай Леопольдович был настолько впечатлён пройденной дорогой, что категорически заявлял: «Впечатления дороги убедили меня в том, что отправиться в путешествие по Мук-су европеец может только один раз в жизни, вторично переживать многочисленные прелести дороги никто не захочет» (Корженевский, 1906а: 91).

Далее экспедиция по долине реки Хадырша-су, кишлаки Иргай, Кандау, и далее через Мин-булак, Ляхши, Ачин-алма и Катта-карамук, возвратились в Алтын-дару 22 сентября, а 28 сентября экспедиция вернулась в Ош.

Таким образом, экспедицией были открыты ранее неизвестные ледники. Кроме того, среди выводов Н.Л. Корженевского от всего увиденного за время второй экспедиции в 1904 г., им относительно «геологического прошлого Мук-су» осторожно делается вывод, что долина этой реки «служила некогда местом залегания колоссального ледника, остатки которого можно видеть в ледниках Федченко и Танымас. Бока долины в верхних частях сглажены и вся она завалена моренными образованиями. Впрочем, этот вопрос для окончательного своего решения требует еще очень много работы и фактического материала» (Корженевский, 1906а: 93).

В период с 26 мая по 4 июля 1905 г. Н.Л. Корженевский совершил поездку на Алай, где открыл два неизвестных ранее перевала, ведущих на Памир, имеющих значение для военных и

экономических целей – перевалы Шют и Кальта-боз (Дневники..., 1903–1914: 126-127; Корженевский, 1905: 95-106; Корженевский, 1905).

В 1905 г. Николай Леопольдович женился на Евгении Сергеевне Топорниной, дочери Сергея Ивановича Топорнина, начальника 10 Туркестанского стрелкового батальона, где тогда служил подпоручик Н.Л. Корженевский.

В 1906 г. Н.Л. Корженевский поступил по конкурсу в Интендантскую академию, которую окончил в 1909 г. по первому разряду. Затем получил академический отпуск, использованный им для поездки с женой в Европу, где изучал ледники в Бернском Оберланде в Швейцарии. С 1909 по 1911 г. проходил практику на кожевенных заводах и суконных фабриках Казани и Лодзи. В 1910 г., воспользовавшись отпуском, Николай Леопольдович вновь отправляется на Памир (ЦГАГТ. Ф. 38. Оп. 3. Д. 823. Л. 19-20).

Экспедиция выехала из Оша 12 августа и 20 августа прибыла в Алтын-мазар. Здесь произошла трогательная встреча со старым проводником Н.Л. Корженевского - Тохтур-баем. Двигаясь по долине Алтын-дары, Николай Леопольдович «обратил внимание на ледники, залегающие по ущелью Алтын-дары, один в верховьях р. Бемаули, а другой с правой стороны не доезжая Кок-чукура» (Дневники..., 1903–1914: 153). Здесь встретили киргизов, которые сообщили: «Что если еще возможно попытаться пройти, то только по Сель-даре на ледник Федченко. Хотя бы метку поставить, а то так будет досадно! Про Кара-сель Тохтур говорит, что по нему пройти можно до перевальной точки в один день, но только пешком и притом с большим трудом, т.к. дорога, если можно так назвать поверхность ледника, очень плоха. Длину ледника он считает в 2 таша т.е. 16 верст. Тоже он говорит и про ледник Федченко, но очевидно что его таши немного коротки» (Дневники..., 1903–1914: 154).

21 августа (3 сентября) Николай Леопольдович, Халмет, Тохтур-бай и Мулла-Исман совершили поездку к леднику Федченко. С трудом переправившись через Саук-сай путешественники, двинулись к леднику Федченко: «Поднявшись немного по склону уже легко можно было заметить в глубине широкого ущелья Сель-дары громадный вал во всю долину, почти нацело запиравший ее – конец ледника Федченко. Не желая терять времени, я тотчас же спустился вниз к Сель-даре и поехал вверх по ней, пересекая многочисленные ее разветвления. Однако как много их ни было и как тихо не течет вода по сравнению с Саук-саем и как ни мало коленей, но все-таки воды было так много, что уже на половине дороги мы с трудом стали пересекать отдельные русла... Около двенадцати часов дня т.е. через 4 часа пути, мы добрались до выступа скал правого берега, не доезжая версты до ледниковых ворот. Дальше ехать не представлялось возможным, т.к. река шла около скал правого берега и немногими руслами, перебраться через которые нужно было бы с огромными трудностями. А остановившись здесь я сфотографировал ледник маленьким аппаратом и еще снял общий вид большим на № I. Морены конечной у ледника этого нет – она полностью уносится рекой Баянд-киик, выход которой в Сель-даре старается замкнуть ледник. С этого же пункта я взял азимуты на конец ледника» (Дневники..., 1903–1914: 156-157).

На следующий день утром Николай Леопольдович вместе с Халметом и Тохтур-баем отправился к леднику Мушкетова (Кара-сель). Тогда Н.Л. Корженевский обратил внимание, что приток Мук-су Борибаш вытекает из ледника, спускающегося «между западной стороной Муз-джилги и еще каким-то пиком, расположенным к западу от Муз-джилги» (Дневники..., 1903–1914: 158).

Достигнув ледника и оставив Тохтур-бая с лошадьми, Николай Леопольдович вместе с Халметом двинулись к нему поближе пешком. Затем, «пройдя версту по крутому склону, заваленному громадными камнями, я взобрался на конгломератовый гребень и с него стал рассматривать ледник. Нас разделяла р. Мук идущая уже одним руслом и два вала конечных морен ледника Кара-сель. Поверхность его представляется сильно каменистой и притом с более значительным падением, чем я то предполагал раньше. Трещины в конце ледника уже нет, в расстоянии версты от конца поверхность ледника изборозжена трещинами и гальками. Подъем на ледник едва ли возможен, отчасти по крутизне и отчасти по изрытой его поверхности. На заднем плане ледника оказались мощные ледяные горы и среди них особенно громадный куполообразный пик, который я хотел бы назвать пиком Евгении в честь моего опекуна, которому так много обязан по своим поездкам. Высота этого пика вряд ли меньше 25 тыс. футов, во всяком случае, он не меньше трех красавцев Алтын-мазара. С этого же гребня, с которого рассматривал ледник, я сделал засечки на его конец и сфотографировал как его в 2-х видах, так и ущелье Мук-су на память о своем взбалмошном путешествии» (Дневники..., 1903–1914: 158).

Так, во время этого путешествия, 22 августа был открыт неизвестный ранее пик, названный им в честь супруги – «Пик Евгении Корженевской» (Радек, 1975: 35-36). 24 августа экспедиция выступила из Алтын-мазара в обратный путь и 28 августа прибыла в Ош.

В 1911 г. Н.Л. Корженевский окончил практику и был назначен на службу в штаб 2-й Туркестанской бригады в г. Скобелеве (ныне г. Фергана, Узбекистан) (ЦГАГТ. Ф. 38. Оп. 3. Д. 823. Л. 20). Теперь он вновь мог возобновить свои исследования туркестанских ледников. Так, в 1913 г. Николай Леопольдович совершил поездку на Гиссарский хребет, где описал ледники перевала Дукдан (Дневники..., 1903–1914: 179-186).

Последняя поездка Н.Л. Корженевского на Памир в имперский период состоялась в 1914 г. В экспедиции, помимо Николая Леопольдовича, принимали участие: поручик А.И. Жигин, солдаты-разведчики Лаврентьев, Спиридонов и Добровольский.

Из Оша путешественники выехали 5 мая 1914 г. В местечке Измаил-мазар 10 мая встретили золотопромышленника В.В. Поклевского-Козелла. Он сообщил печальную новость о смерти Тохтур-бая, давнего спутника Н.Л. Корженевского (*Дневники..., 1903–1914: 189*).

11 (24) мая путешественники достигли Алтын-мазара. На следующий день была совершена поездка к леднику Мушкетова (Кара-сель). Причём до этого Н.Л. Корженевский не бывал в этих местах в это время года и отмечает заметное маловодье или даже сухость ручьёв, которые были полноводны и бурны в предыдущие поездки, совершённые им в июне-августе. Близ Алтын-мазара Н.Л. Корженевский осмотрел свои метки, которые им были оставлены в 1910 г. Отметил «странность» ледника Борибаш, который «занимает половину ущелья (левую сторону)», но причину этого не удалось рассмотреть (*Дневники..., 1903–1914: 191-192*).

Далее путешественники добрались до речки Аю-джилга, где поднялись на маленькую террасу. Здесь они остановились на минуту возле поставленной для них юрты. Сам Николай Леопольдович «горел нетерпением увидеть вблизи себя Кара-сель и торопился снять общую картину с пиком Е[вгении] К[орженевской] на заднем плане, так как погода начинала портиться и каждую минуту облака могли затянуть вершины и закрыть солнце. На этих же лошадях мы стали подниматься на древнюю морену ледника и быстро достигли того пункта, откуда я впервые увидел в 1904 г. этот ледник... Как оказалось, от этого пункта до языка ледника целых 2 версты. Удивительно, как обманчиво расстояние! Продвинувшись несколько вперед я снял общий вид ледника так и со светофильтром, а затем, уже не волнуясь, отправился дальше... Проехать верхом удалось почти на расстояние 1/2 версты от конца ледника. Дальше пришлось оставить лошадей у бешеного потока Кара-сель и идти с приборами пешком. Через несколько минут мы находились в 40-50 саженях от ледника. Высокой стеной до 40 саж, ледник поднимается над ложем реки, вырывающейся из плохо выраженных ледниковых ворот. Обрыв обнаруживал неправильную слоистость. Поверхность ледника казалась сильно изборозженной и была завалена моренным материалом... Ручей вырывается из под ледника сильным потоком и столь каменистым, что пройти на другую сторону его оказалось невозможным для лошадей. Ширина ледника около 1 версты. Той широкой продольной трещины, что видел я в 1904 г. уже нет, но зато ясно было видна, что в расстоянии 1 версты от конца ледник образует сброс и представляется благодаря этому 2-х этажным. За этим уступом на поверхности ледника видны высокие столбы, но довольно широкие в основании, благодаря чему столбы, вернее бутры, были покрыты моренным материалом. Подняться на ледник с нашей правой стороны оказалось невозможным ввиду непрерывного камнепада. По словам Игамберды, Алтын-мазарского жителя и “мергеня” подняться можно на ледник, но с большим трудом и риском с левой стороны. Он там охотился на кииков и говорит, что идти приходится то ледником, то скалами нависшими по краю ледника. Игамберды доходил до верховьев ледника и видел, что ледник вблизи верховьев сливается из 6 ледников (2 по бокам и 2 с головы, совершенно недоступных по своей крутизне). До этого места, т.е. до слияния ледников он шел полдня с раннего утра и определяет протяжение ледника ровным расстоянием от Кара-сель до ур. Каин, т.е. 10-12 верст. По словам того же Игамберды пик Е[вгении] Корженевской и служит главным источником ледника Кара-сель. Таким образом, мое первоначальное и позднейшее предположение о том, что ледник длиною не меньше 10 верст и что он питается льдами пика Корженевской вполне подтвердились. Изобразивши ледник в разных видах я заметил конец его, провизировал буссолью с плоского камня аршина 2 высоты, лежащего на правом берегу примерно с 100 саж. от обрыва» (*Дневники..., 1903–1914: 192-193*).

Осмотрев ледник Мушкетова (Кара-сель), путешественники вернулись назад к 8 часам вечера, чтобы на следующий день отправиться к леднику Федченко.

К этому леднику Н.Л. Корженевский, А.И. Жигин и киргиз-проводник выехали 13 мая в 8.30 ч. утра. В Саук-сае было совсем мало воды, а в Каинды - по щиколотку. Отсюда открывался вид на ледник. Николай Леопольдович попытался найти свою метку, но её не было. Скорее всего, её унесло водой. Добравшись до места, где из ущелья Сель-дары вытекает Баянд-киик, путешественники обнаружили, что «ледник уперся вплотную в скалы правого берега Баянд-киика и таким образом запер реку, Баянд-киик прорыл во льду себе ложе и тем не менее на мой взгляд в случае обрушения льда река окажется запруженной и может произойти в долине Мук-су разрушительное, опустошительное наводнение, как уже и бывало не раз. Ледник в месте выхода Баянд-киика образует обрыв, в силу размыва этой рекой, высотой 20-25 саж. – меньший чем обрыв Кара-сея. Куда не взгляни, со всех сторон сыплются камни и около ледника стоит не замолкающий шум. Желая выяснить характер конца ледника пор[учик] Жигин сделал съемку из которой видно, что конец приходится на середину долины Сель-су и что ширина ледника около 2-х верст. На середине конца ледника есть сравнительно пологие места, по которым можно забраться пешком, но не без труда. В средней же части заметны ясные гряды морен результат отступления ледника. Ледник отступил саж[еней] на 30. Это характерное место я снял, так как с наступлением большой воды эта конечная морена, без сомнения, будет размыва и унесена водой. Сель-су выходит из западного угла ледника,

где примыкает ледник Танымас. Ледниковые ворота оказались обрушенными и около них валялись глыбы светлого льда» (*Дневники..., 1903–1914: 194–195*).

Закончив осмотр и исследование ледников экспедиция 14 (27) мая выступила из Алтын-мазара и 21 мая путешественники возвратились в Ош.

Экспедиция 1914 г. и наблюдение за ледником, а также сбор расспросных сведений и сообщений последующих годов позволили Н.Л. Корженевскому сделать, суммировав все эти данные, следующие важные выводы:

«1) Ледники Федченко и Мушкетова с 1903–1914 г. энергично наступали, что по-видимому для ледников хребта Петра Великого составляло общее явление; так по наблюдению Д. Наливкина, в западной части хребта лед[ника] Барольмас с 1906–1915, наступая, продвинулся на 25 метров.

2) В 1914 году указанные ледники стали отходить, и в отношении лед. Федченко отступление является подтвержденным наблюдением Г.Б. Леонова.

3) По форме языков ледники Федченко и Мушкетова приближаются к типу ледников с расширяющимися концами...

4) Ледник Федченко стекает с меридионального поднятия, идущего от пика Муз-джилга к р. Бартанг, причем Муз-джилга является по-видимому, и наиболее высокой точкой горного узла в верховьях Мук-су» (*Корженевский, 1922: 27*).

Вернувшись из экспедиции, подполковник Н.Л. Корженевский получил отпуск за границу, где «рассчитывал продолжать ознакомление с Альпийскими ледниками (Монблан)», но начавшаяся Первая мировая война заставила его прервать отпуск и срочно вернуться в Туркестан, по месту службы.

Во время Первой мировой войны Николай Леопольдович был на фронте в должности дивизионного интенданта 2-й Туркестанской стрелковой дивизии (развёрнутой из той же бригады; на 27 марта 1916 г.). 6 декабря 1916 г. получил звание полковника.

5. Заключение

Научные экспедиции Николая Леопольдовича Корженевского в 1903–1914 гг. на Памир, и в особенности его исследования ледника Федченко, представляют собой выдающийся вклад в географию и гляциологию Центральной Азии. Его работа, задокументированная в экспедиционных дневниках и публикациях, не только обогатила научное знание о регионе, но и отразила сложный исторический контекст, в котором проводились эти исследования. Памир на рубеже XIX–XX вв. был не только географическим объектом, но и ареной геополитического соперничества, природных вызовов и социокультурных взаимодействий. Анализ деятельности Н.Л. Корженевского позволяет оценить его роль в освоении этого региона, подчеркнув как научные достижения, так и их значение в имперском и культурном контексте.

Н.Л. Корженевский выделяется своим комплексным подходом к изучению Памира. Его экспедиции охватывали широкий спектр дисциплин: от гляциологии и геологии до метеорологии, ботаники и этнографии. Это позволило ему создать многогранную картину региона, включающую описание ледников, горных хребтов, флоры, фауны и жизни местных жителей. Особое внимание он уделял леднику Федченко, который благодаря его исследованиям стал не только крупнейшим ледником Центральной Азии, но и символом научного и имперского освоения. Открытие пика Евгении Корженевской, названного в честь его супруги, и детальное описание ледников, таких как Мушкетова (Кара-сель), подчёркивают его вклад в картографию и гляциологию. Использование историко-сравнительного и системного методов позволило Н.Л. Корженевскому не только фиксировать физические характеристики ледников, но и анализировать их геологическое прошлое, связывая современные процессы с историческими изменениями ландшафта. Например, его выводы о долине реки Мук-су как месте залегания колоссального ледника в прошлом демонстрируют глубокое понимание динамики природных систем.

Экспедиции Н.Л. Корженевского проходили в условиях исключительной сложности. Природные факторы, такие как суровый климат, труднопроходимая местность и высотные условия, создавали значительные препятствия. Его дневники ярко описывают физические трудности: переправы через бурные реки, опасные карнизы, метели и нехватку кислорода на больших высотах. Эти условия требовали от исследователя не только научной подготовки, но и физической выносливости и решимости. Кроме того, политическая обстановка на Памире, находившемся в зоне соперничества Российской и Британской империй, добавляла дополнительный слой сложности. Памир был частью «Большой игры», где научные экспедиции часто имели стратегическое значение, служа интересам разведки и укреплению имперского присутствия. Будучи военным, Н.Л. Корженевский совмещал научные задачи с выполнением поручений Туркестанского военного округа, таких как организация беспроволочного телеграфа или сбор данных для военных целей. Это подчёркивает двойную природу его исследований, где научные открытия были неразрывно связаны с имперскими амбициями.

Социокультурный контекст также играл важную роль. Дневники Н.Л. Корженевского фиксируют напряжённые отношения между местным населением и властями, особенно в Западном Памире, где попытки бухарской администрации собирать подати вызывали протесты. События в кишлаке Зунг в

1903 г., когда местные жители восстали против сборщиков податей, иллюстрируют социальную нестабильность региона. Корженевский, оказавшийся свидетелем этих событий, демонстрирует в своих записях объективность и внимание к деталям, фиксируя как действия местных жителей, так и ошибки властей. Это делает его дневники ценным источником не только для географов, но и для историков, изучающих социальные и политические процессы в Центральной Азии.

Научные результаты Н.Л. Корженевского имеют долгосрочное значение. Его измерения, съёмки и описания ледников, включая их морены, движение и структуру, заложили основу для последующих исследований Памира. Сбор образцов флоры, фауны и геологических пород, а также наблюдения за жизнью местных жителей обогатили научное знание о регионе. Его работа по определению астрономических пунктов и метеорологических наблюдений способствовала точной картографии, что было особенно важно в условиях малоизученного региона. Открытие новых перевалов, таких как Шют и Кальта-боз, имело практическое значение для военных и экономических целей, облегчая доступ к Памиру.

Личность Корженевского как учёного и исследователя также заслуживает внимания. Его настойчивость в стремлении изучить труднодоступные районы, такие как долина Мук-су, несмотря на неудачи и опасности, свидетельствует о его преданности науке. В то же время его военная карьера и участие в имперских структурах подчёркивают, что его исследования были частью более широкого проекта по освоению и легитимации власти Российской империи в Центральной Азии. Романтизм, присущий эпохе, проявляется в его записях, где Памир предстаёт как загадочный и суровый край, требующий от исследователя не только знаний, но и мужества.

Таким образом, исследования Н.Л. Корженевского представляют собой уникальное сочетание научной точности, физической выносливости и исторического контекста. Его работа не только расширила границы знаний о Памире и его ледниках, но и стала частью наследия Российской империи в Центральной Азии. Дневники и публикации Корженевского остаются важным источником для современных учёных, позволяя переосмыслить его вклад в контексте как научных, так и геополитических процессов начала XX в. Его исследования показывают, что научные открытия того времени были неотделимы от имперских амбиций, романтики исследования и взаимодействия с местным населением, чьи голоса также нашли отражение в его записях.

Литература

- Басханов, 2005** – Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М., 2005. 295 с.
- Дневники..., 1903–1914** – Дневники первых путешествий Н.Л. Корженевского на Памир 1903–1914 гг. (Транскрипт). Электронная копия. 195 л.
- Кенжаева, 2020** – Кенжаева Н.С. Экспедиция Н.Л. Корженевского на Памир в 1923 г. (фрагменты полевого дневника) // *Вопросы истории*. 2020. №11(2). С. 201–220.
- Корженевский, 1905** – Корженевский Н.Л. Перевал Кальта-боз // *Туркестанские ведомости*. 1905. № 108.
- Корженевский, 1906** – Корженевский Н.Л. Поездка на Памиры, Вахан и Шугнан в 1903 г. Отдельный оттиск из Трудов Общества земледелия при Императорском Санкт-Петербургском университете. Вып. 1. СПб.: Типография В. Демакова-Насл., 1906. 16 с.
- Корженевский, 1906а** – Корженевский Н.Л. По реке Мук-су (От Памира до Каратегина) // *Ежегодник Русского геологического общества*. 1905 г. М., 1906. Т. V. С. 77–94.
- Корженевский, 1906б** – Корженевский Н.Л. По алайским перевалам. Перевалы Шют. Перевал Кальта-боз // *Ежегодник Русского геологического общества*. 1905 г. М., 1906. Т. V. 95–106.
- Корженевский, 1912** – Корженевский Н.Л. Через Памир к Гиндукушу (от Оша до Памирского поста) // *Исторический вестник*. Год XXXIV. 1912. Февраль. С. 691–732.
- Корженевский, 1914** – Корженевский Н.Л. На перевале Сарык-Могол (Из скитаний по горному Туркестану) // *Исторический вестник*. Год XXXV. 1914. Январь. С. 250–258.
- Корженевский, 1922** – Корженевский Н.Л. Некоторые данные о состоянии ледников Федченко (Сель-дара) и Мушкетова (Кара-сель) в 1914 году // *Известия Туркестанского отдела Русского географического общества*. 1922. Т. XV. С. 23–28.
- Махмудов, 2016** – Махмудов О.А. Податный вопрос в политике Российской империи на Памире и установление ее управления в западнопамирских владениях / *Россия – Узбекистан: дорога к союзническим отношениям. Материалы международной научной конференции, посвященной десятилетию Договора о союзнических отношениях между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан*. Т.: Turon zamini ziyo, 2016. С. 130–145.
- Махмудов, 2025** – Махмудов О.А. Взгляды российских чиновников на управление памирской окраиной империи (постановка проблемы) // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История*. 2025. Т. 70. Вып. 1. С. 60–78.
- НАУз** – Национальный архив Узбекистана.
- Николай Леопольдович Корженевский, 2024** – Николай Леопольдович Корженевский (1879–1958) // *Центральноазиатский журнал географических исследований*. 2024. № 1–2. С. 130.

- [Путешествие..., 1905](#) – Путешествие Н.Л. Корженевского по Памирам, Шугнану и Вахану // *Ежегодник Русского горного общества*. 1903. Вып. III. М., 1905. С. 136-138.
- [Пэтэрс, 1998](#) – *Пэтэрс П.Ф.* Памирские путешествия Николая Корженевского. Избранное из неопубликованного полевого дневника // *Вопросы истории, естествознания и техники*. 1998. № 2. С. 49-85.
- [Рацек, 1975](#) – *Рацек В.И.* Пять высочайших вершин СССР. Ташкент, 1975. 118 с.
- [Рацек, 1977](#) – *Рацек В.И.* Н.Л. Корженевский, [исследователь Памира]. Ташкент, 1977. 52 с.
- [РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.
- [ЦГАГТ](#) – Центральный государственный архив города Ташкента.
- [Kholliyev et al., 2025](#) – *Kholliyev A.G., Makhmudov O.A., Gabrielyan S.I., Madyarova S.N.* Modernization Projects of the Russian Empire on the Roof of the World (late 19th – early 20th centuries) // *Bylye Gody*. 2025(2): 980-990.

References

- [Baskhanov, 2005](#) – *Baskhanov, M.K.* (2005). Russkiye voyennyye vostokovedy do 1917 goda. Biobibliograficheskiy slovar' [Russian military orientalists before 1917. Biobibliographical dictionary]. Moskva. 295 p. [in Russian]
- [Dnevnik..., 1903–1914](#) – *Dnevnik pervykh puteshestviy N.L. Korzhenevskogo na Pamir 1903–1914 gg.* [Diaries of N.L. Korzhenevsky's first travels to the Pamir, 1903–1914]. (Transkript). Elektronnaya kopiya. 195 l. [in Russian]
- [Kenjaeva, 2020](#) – *Kenzhayeva, N.S.* (2020). Ekspeditsiya N.L. Korzhenevskogo na Pamir v 1923 g. (fragmenty polevogo dnevnika) [N.L. Korzhenevsky's expedition to the Pamir in 1923 (fragments of the field diary)]. *Voprosy istorii*. 11(2): 201-220. [in Russian]
- [Kholliyev et al., 2025](#) – *Kholliyev, A.G., Makhmudov, O.A., Gabrielyan, S.I., Madyarova, S.N.* (2025). Modernization Projects of the Russian Empire on the Roof of the World (late 19th – early 20th centuries). *Bylye Gody*. 2: 980-990.
- [Korzhenevsky, 1905](#) – *Korzhenevsky, N.L.* (1905). Pereval Kalta-boz [Kalta-boz Pass]. *Turkestanskiye vedomosti*. № 108. [in Russian]
- [Korzhenevsky, 1906](#) – *Korzhenevsky, N.L.* (1906). Poezdka na Pamiry, Vakhan i Shugnan v 1903 g. [Trip to the Pamirs, Wakhan, and Shugnan in 1903]. *Otdel'nyi ottisk iz Trudov Obshchestva zemledeliya pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete*. Vyp. 1. SPb.: Tipografiya V. Demakova-Nasl. 16 p. [in Russian]
- [Korzhenevsky, 1906a](#) – *Korzhenevsky, N.L.* (1906). Po reke Muk-su (Ot Pamira do Karateghina) [Along the Muk-su River (From Pamir to Karateghin)]. *Yezhegodnik Russkogo geologicheskogo obshchestva*. T. V. Pp. 77-94. [in Russian]
- [Korzhenevsky, 1906b](#) – *Korzhenevsky, N.L.* (1906). Po alayskim perevalam. Perevaly Shyut. Pereval Kalta-boz [On the Alai passes. Shyut Pass. Kalta-boz Pass]. *Yezhegodnik Russkogo geologicheskogo obshchestva*. T. V. Pp. 95-106. [in Russian]
- [Korzhenevsky, 1912](#) – *Korzhenevsky, N.L.* (1912). Cherez Pamir k Gindukushu (ot Osha do Pamirskogo posta) [Through the Pamir to the Hindu Kush (from Osh to the Pamir Post)]. *Istoricheskiy Vestnik*. T. XXXIV (February): 691-732. [in Russian]
- [Korzhenevsky, 1914](#) – *Korzhenevsky, N.L.* (1914). Na perevale Saryk-Mogol (Iz skitaniy po gornomu Turkestanu) [At the Saryk-Mogol Pass (From wanderings in mountainous Turkestan)]. *Istoricheskiy Vestnik*. Vol. XXXV (January). Pp. 250-258. [in Russian]
- [Korzhenevsky, 1922](#) – *Korzhenevsky, N.L.* (1922). Nekotoryye dannye o sostoyanii lednikov Fedchenko (Sel'-dara) i Mushketova (Kara-sel') v 1914 godu [Some data on the state of the Fedchenko (Sel-dara) and Mushketov (Kara-sel') glaciers in 1914]. *Izvestiya Turkestanskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. XV: 23-28. [in Russian]
- [Makhmudov, 2016](#) – *Makhmudov, O.A.* (2016). Podatnyy vopros v politike Rossiyskoy imperii na Pamire i ustanovleniye yeyo upravleniya v zapadnopamirskikh vladeniyakh [The tax issue in the policy of the Russian Empire in the Pamir and the establishment of its administration in the Western Pamir possessions]. *Rossiya – Uzbekistan: doroga k soyuznicheskim otnosheniyam. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy desyatiletiyu Dogovora o soyuznicheskikh otnosheniyakh mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Respublikoy Uzbekistan*. Tashkent: Turon zamiv ziyo. Pp. 130-145. [in Russian]
- [Makhmudov, 2025](#) – *Makhmudov, O.A.* (2025). Vzglyady rossiyskikh chinovnikov na upravleniye pamirskoy okrainoy imperii (postanovka problemy) [The views of Russian officials on the administration of the pamirs outskirts of the empire (setting of the problem)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 70(1): 60-78. [in Russian]
- [NAUZ](#) – Natsionalniy arkhiv Uzbekistana [National Archives of Uzbekistan].
- [Nikolay Leopoldovich Korzhenevsky, 2024](#) – *Nikolay Leopoldovich Korzhenevsky (1879–1958)* [Nikolay Leopoldovich Korzhenevsky (1879–1958)]. *Sentralnoaziatskiy zhurnal geograficheskikh issledovaniy*. 1–2: 130. [in Russian]

[Peters, 1998](#) – *Peters, P.F.* (1998). Pamirskiye puteshestviya Nikolaya Korzhenevskogo. Izbrannoye iz neopublikovannogo polevogo dnevnika [Nikolay Korzhenevsky's Pamir travels. Selected from an unpublished field diary]. *Voprosy istorii, yestestvoznaniya i tekhniki*. 2: 49–85. [in Russian]

[Puteshestviye..., 1905](#) – Puteshestviye N.L. Korzhenevskogo po Pamiram, Shugnanu i Vakhanu [N.L. Korzhenevsky's journey through the Pamirs, Shugnan, and Wakhan]. *Yezhegodnik Russkogo gornogo obshchestva*. T. III. Moskva, 1905. Pp. 136–138. [in Russian]

[Ratsek, 1975](#) – *Ratsek, V.I.* (1975). Pyat' vyschayshikh verшин SSSR [Five highest peaks of the USSR]. Tashkent. 118 p. [in Russian]

[Ratsek, 1977](#) – *Ratsek, V.I.* (1977). N.L. Korzhenevsky, [issledovatel' Pamira] [N.L. Korzhenevsky, Pamir explorer]. Tashkent, 52 p. [in Russian]

[RGVIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvenniy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive].

[TsGAGT](#) – Tsentral'nyy gosudarstvenniy arkhiv goroda Tashkenta [Central State Archive of the Tashkent City].

Исследования Н.Л. Корженевского Памира и его ледников в 1903–1914 гг. (по экспедиционным дневникам, архивным документам и публикациям)

Наргиза Соатмуминовна Кенжаева ^{a, *}, Саодат Абдурашидовна Тоштемирова ^a,
Чарос Икромовна Махмудова ^a, Арслон Комилович Нафасов ^a

^a Чирчикский государственный педагогический университет, Чирчик, Республика Узбекистан

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованиям Николая Леопольдовича Корженевского Памира и его ледников в 1903–1914 гг. и базируется на его экспедиционных дневниках, архивных документах и публикациях. Авторы анализируют вклад Н.Л. Корженевского в изучение ледника Федченко, крупнейшего в Центральной Азии, подчёркивая его значение как символа научного и имперского освоения. Рассматривается вклад Н.Л. Корженевского в гляциологию, геологию, метеорологию, ботанику и этнографию. Особое внимание уделено сложностям экспедиций: суровому климату, труднопроходимой местности и геополитическому соперничеству Российской и Британской империй в рамках «Большой игры». Социокультурный контекст, включая протесты местного населения против налогов в Западном Памире, подчёркивает двойную природу исследований Н.Л. Корженевского, сочетавших научные и военные цели. Дневники и публикации Н.Л. Корженевского остаются ценным источником для современных исследований, отражая вклад в картографию, географию и понимание исторических процессов в Центральной Азии, а также его достижения в изучении ледников Памира и в особенности ледника Федченко.

Ключевые слова: Н.Л. Корженевский, Памир, ледник Федченко, ледник Мушкетова, экспедиции, гляциология, геополитика, Большая игра, Центральная Азия, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

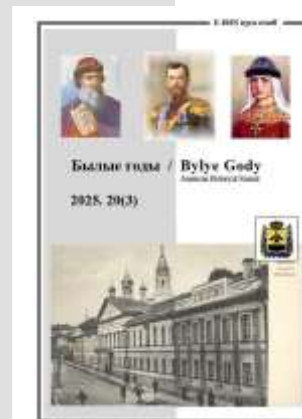
Адреса электронной почты: n.kenjaeva@cspu.uz (Н.С. Кенжаева),
s.toshtemirova@cspu.uz (С.А. Тоштемирова), ch.maxmudova@cspu.uz (Ч.И. Махмудова),
a.nafasov@cspu.uz (А.К. Нафасов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1580-1590
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1580

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Public Projects for Organizing Zemstvo Self-Government in Siberia during the Pre-Duma Period (based on the Materials of the Siberian Periodical Press)

Alexander A. Sorokin ^{a, *}, Maxim V. Medovarov ^a, Irina A. Khvostova ^a, Yuri V. Sokolov ^a

^a Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract

The article examines the essence and content of discussions on the problem of the introduction of zemstvo self-government in Siberia in the period 1904–1906 (before the beginning of the work of the First State Duma). The research is based on materials from the leading Siberian periodicals of the period under review, as well as on projects of the Siberian public. The paper considers the main established approaches to the problems of the expediency of establishing zemstvo institutions in Siberia, the territorial organization of zemstvo self-government (including the establishment of a Siberian-wide zemstvo and a small zemstvo unit), as well as the concept of forming a zemstvo electoral system. The main arguments in favor of the need to establish zemstvos in the provinces and regions of Siberia are highlighted. The article shows the controversy surrounding the inclusion of certain Siberian regions among the territories with zemstvo self-government. The role of natural, geographical and spatial factors in substantiating the need to introduce a small zemstvo unit is considered. The connection in individual projects is indicated between the issue of reform of peasant self-government and the establishment of a small zemstvo unit. The arguments of supporters and opponents of the organization of zemstvo elections on the basis of electoral qualification or universal suffrage are characterized. It is shown that the proposals to use a tax qualification instead of a land qualification were caused by the peculiarities of the estate composition of the inhabitants of Siberia, the absence of local nobility, as well as the need to introduce representatives of the local intelligentsia into the electorate.

Keywords: introduction of zemstvo in Siberia, universal suffrage, zemstvo elections, zemstvo self-government, electoral qualification, small zemstvo unit, Siberia.

1. Введение

В начале XX в. проблема расширения географии земского самоуправления была одной из обсуждаемых в рамках дискуссии о дальнейших направлениях развития земского законодательства. Поиск оптимальной структуры местного управления, увеличение числа представителей цензовой общественности на окраинах, а также стремление к ликвидации как правовой обособленности русского крестьянства из числа переселенцев и инородцев, так и разнородности управленческих институтов на местах, в которых доля местного населения была довольно низкой, побуждали к созданию инициатив по введению земского самоуправления на территориях Кавказа, Сибири, а также западных губерний. В числе таких проектов значимое место занимали проекты по введению земства в Сибири.

2. Материалы и методы

В данном исследовании нами показаны сущность и содержание проектов, выдвинутых сибирской общественностью в 1904–1906 гг. (после издания указа 12 декабря 1904 г.

* Corresponding author

E-mail addresses: skaliger1989@yandex.ru (A.A. Sorokin), mmedovarov@yandex.ru (M.V. Medovarov), iri-khv@mail.ru (I.A. Khvostova), sapsan118@yandex.ru (Yu.V. Sokolov)

«О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», который стал основанием для обсуждения дальнейших путей развития местного самоуправления в России, и до начала работы Государственной думы). В качестве источниковой базы выступают основные периодические издания Сибири данного периода (газеты «Восточное обозрение», «Голос Сибири», «Енисей», «Забайкалье», «Сибирская жизнь», «Сибирский вестник», «Сибирский край» и журнал «Сибирские вопросы»), а также проекты сибирской общественности: гласного Иркутской городской думы И.И. Попова, Якутского сельскохозяйственного общества и хранящийся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация) в фонде управляющего делами Комитета министров барона Э.Ю. Нольде среди различной документации по вопросу о введении земского самоуправления «Проект основных начал Положения о земских учреждениях в Сибири», разработанный томскими обществами.

Решение исследовательских задач осуществлено с применением типологического и историко-сравнительного методов, позволяющих выявить ключевые составляющие в дискуссиях сибирской общественности по вопросу о введении земского самоуправления и определить основные позиции по каждой из них. Понимание причин актуализации в начале XX в. вопроса об учреждении земского самоуправления в Сибири представлено в рамках модернизационной концепции, исходя из того, что с промышленным, культурным и социально-экономическим развитием в данный период регион нуждался в более совершенных правовых и общественных институтах. С учётом того, что вопрос о введении земских учреждений в Сибири можно считать частью процесса общественно-политической борьбы за реформу земского самоуправления в начале XX в. в целом, использование также фронтирного метода позволило рассмотреть учёт территориально-пространственных особенностей сибирских областей и губерний в процессе определения контуров земской избирательной системы в различных проектах.

3. Обсуждение

Данный вопрос нашёл своё отражение в целом ряде исследований, однако в большей части из них рассматривается обсуждение проектов учреждения земства в Сибири в период думской монархии (Тресвятский, 2010; Тарабара, 2024; Угрюмова, 2011; Шевцов, 2012). Кроме того, немалая часть статей и трудов посвящена не столько анализу проектов, сколько постановке проблемы (Тригуб, 2009; Иванов, Андреев, 2017; Ремнев, 2004; Коробейников, 2017). Отчасти дискуссии о целесообразности введения земства и возможных проектах его организации в период начала XX в. представлены в нашей работе, основанной на материалах работавших в 1902–1903 гг. местных комитетов Особого Сопровождающего о нуждах сельскохозяйственной промышленности (Сорокин, 2025).

Разработку проектов введения земств в Сибири в 1907–1917 гг. в Государственной думе и правительственных кругах исследовала М.В. Угрюмова, выявившая три этапа, которые пережило движение за учреждение земских организаций в Тобольской губернии, а именно: 1864–1905 гг. (когда борьба за введение земского самоуправления в губернии только зарождалась); период Первой русской революции 1905–1907 гг. (который характеризовался появлением различных местных проектов учреждения земств); 1907–1917 гг. (разработка соответствующих проектов как в среде местной общественности, так и в думских и партийных кругах) (Угрюмова, 2011: 10). В её работе показано, что борьба за введение земства в Тобольской губернии имела свою специфику (в частности, заметной была роль тобольских губернаторов), однако эта борьба являлась «неотъемлемой частью общероссийского общественного движения». По её оценкам, идею о введении земства поддерживали областники, а царское правительство отодвигало этот вопрос на задний план, при этом большая часть населения была к этому вопросу равнодушна, в результате чего многолетняя борьба так и не принесла ощутимых результатов (Угрюмова, 2011: 10).

Авторы коллективной монографии по истории самоуправления в Сибири, рассматривая зарождение движения за введение земских учреждений, сделали акцент на изучении материалов ранних (преимущественно конца XIX в.) публикаций в периодической печати по данному вопросу, а также на обсуждении законопроекта в III Государственной думе и проекте Министерства внутренних дел, разработанном в 1916 г. (Анкушева и др., 2006: 286–312).

Укажем также на монографию Г.А. Корнеевой, которая, рассмотрев воззрения сибирского правомонархического движения по различным вопросам, отмечала, что при обсуждении в Государственной думе законопроекта о введении в Сибири земства, сибирские правые выступили противниками данного проекта, преимущественно по причинам политического характера (Корнеева, 2016: 280).

Д.О. Тарабара в ходе своего исследования выявил существование прямо противоположных подходов у региональных властей и центральной власти по вопросу введения земств в Сибири в 1916–1917 гг. Если Иркутское совещание больше внимания уделяло географическим, демографическим и социально-экономическим особенностям Восточной Сибири (порой в ущерб логике построения системы местного управления и самоуправления), то министерский проект, напротив, более соответствовал теоретическим принципам муниципального права и общим принципам построения системы местного управления и самоуправления, предполагая распространение на Сибирь

действующего Положения о земских учреждениях 1890 г., с адаптацией закона к местным условиям (Тарабара, 2024: 145, 152, 154). К таким же выводам пришёл и Г.Я. Тригуб, который констатировал «отрицательное отношение к сибирскому земству в правительственных кругах» (Тригуб, 2009: 135).

Отдельным направлением в историографии следует выделить освещение учреждения и деятельности сибирских земств, возникших уже в 1917 г. при Временном правительстве (Анкушева и др., 2006: 312–348). В ряде исследований, рассматривавших эволюцию взглядов в общественно-политической мысли России на земский вопрос, проблема распространения земских учреждений на окраины (в т.ч. и на территорию Сибири) и вовсе осталась не затронутой (Верещагин, 2002).

4. Результаты

Ещё в 1903 г. томская газета «Сибирская жизнь» выступила за необходимость распространения земских учреждений на всю территорию России ввиду несомненной важности результатов их деятельности (Сибирская жизнь, 1903а). «Восточное обозрение» продолжило полемику о необходимости введения в Сибири земства. На замечание издававшего консервативную газету «Гражданин» князя В.П. Мещерского, что в Сибири других элементов для выборов в земство, кроме как политических ссыльных, казнокрадов и воров нет, в газете указывалось, что оппонент просто предвзято относится к земству, и в случае введения земского самоуправления непременно будет писать о том, что сибиряки «чисты и невинны», а сибирские гласные и члены управ – «возмутительны и скверны» (Восточное обозрение, 1904b). О важности распространения земского самоуправления на восток говорилось и на частном совещании земских деятелей в ноябре 1904 г., проходившем в Санкт-Петербурге (Земский съезд..., 1905: 8).

По оценкам «Восточного обозрения», введение земства было крайне необходимо в связи с большим потоком переселенцев из земских губерний, что диктовало потребность в создании эффективных институтов для их взаимодействия и распространения среди них знаний (а именно, земство как транслятор этих знаний и расценивалось как наиболее рациональная организация) (Восточное обозрение, 1903с). Кроме того, земство виделось средством защиты от замашек деревенского кулачества и альтернативой неповоротливым бюрократическим органам местного управления: «Только организация деревенского населения в мелкие самостоятельные земские единицы для определенных задач и целей может если не парализовать окончательно, то в сильной мере утишить дурные инстинкты и умерить аппетиты “господ положения” сибирской деревни» (Восточное обозрение, 1904d). Ещё одной причиной называлась необходимость организации местного самоуправления на фоне готовящегося введения народного представительства: «...низы-то должны же быть как-нибудь устроены» (Восточное обозрение, 1905g).

Томский «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» исходил из того, что органы администрации даже при наличии желания не смогут принести населению в земском деле существенной пользы, потому что, будучи составленными из посторонних по отношению к местности людей, они не смогут объективно выявить первоочередные задачи и важнейшие направления для расходования земского бюджета, что, в отличие от выборного земского самоуправления, сведёт всю работу к бюрократии с отпечатком незаконченности и бесхозности (Сибирский вестник..., 1905а).

Большой толчок к обсуждению проектов организации земства дал Высочайший рескрипт от 3 апреля 1905 г. на имя иркутского генерал-губернатора П.И. Кутайсова, в котором признавалось, что система управления земским хозяйством в Сибири более не отвечала назревшим потребностям, в т. ч. и ввиду активного притока переселенцев из великорусских губерний (РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 44. Л. 1). Сам Кутайсов по этому поводу дал интервью, в котором заявил, что основными избирателями будут прежде всего землевладельцы, а само самоуправление планируется вводить на основах земского Положения 1890 г. с изменениями, связанными исключительно с территориальными особенностями Сибири (в частности, планировалось ввести мелкую земскую единицу). Управление же краем из Санкт-Петербурга и оценку его нужд в столичных канцеляриях Кутайсов называл аномалией, находя, что невозможно заменить в местном управлении местных людей, более всего знающих и радеющих об интересах своей территории (Восточное обозрение, 1905b).

В красноярской газете «Енисей» подчёркивалось, что поскольку в рескрипте была ссылка на указ 12 декабря 1904 г., которым предусматривалось предоставление права участия в земской деятельности «всем частям заинтересованного в местных делах населения», то никакие цензовые, национальные или религиозные ограничения не должны были использоваться при организации земства в Сибири (Енисей, 1905). При этом, согласно корреспонденции «Сибирского края» из Канского уезда, сами крестьяне относились к этому вопросу различно: одни отрицательно, полагая, что с введением земства станет ещё больше чиновников и «разного начальства», другие же, напротив, считали, что с введением земства удастся поколебать власть местных кулаков (Сибирский край, 1905b).

Однако вскоре выяснилось, что речь не идёт о распространении земского самоуправления на все области и губернии Сибири. Редакция «Восточного обозрения» в связи с этим недоумевала, почему из территории распространения выпадали Забайкальская область, а также Приамурский край: «Все эти местности населены несравненно гуще Якутской области; буряты и киргизы в культурном отношении

стоят несравненно выше якутских кочевых и особенно бродячих племен; процент русского населения на этих территориях значительно больше, чем в северных уездах Тобольской, Енисейской губ. и во всей Якутской области». Подчёркивалось, что необходимо было исходить из принципа важности пользования благами самоуправления для всех, а лишение этих благ целых областей грозило искусственной задержкой их культурного развития ([Восточное обозрение, 1905а](#)).

В «Восточном обозрении» такие доводы, как малонаселённость, разноплеменность и малокультурность тех территорий, на которых не планировалось вводить земское самоуправление, оценивались как необъективные, поскольку плотность населения была низкой и в отдельных уездах Енисейской и других губерний, большое количество инородцев было во всех четырёх сибирских губерниях, а сам конструкт «малокультурность» вообще не имел чёткого определения и критериев (в качестве примера приводилось, что Забайкальская область, в которой проживало вдвое меньше жителей, чем в Томской губернии, издавала при этом вдвое больше по сравнению с последней газет) ([Восточное обозрение, 1905с](#)).

В докладе Совета Якутского сельскохозяйственного общества по вопросу о введении земства в Якутской области подчёркивалось, что только с введением земских учреждений в крае получат дальнейшее развитие такие сферы, как здравоохранение, народное образование, общественное призрение и т.д. Отмечалось, что местное (преимущественно инородческое) население в достаточной степени подготовлено к переходу от инородческого самоуправления к земскому, а само содержание земства легко осуществимо за счёт проведения одновременной реформы (в виде упразднения крестьянских и инородческих учреждений и органов надзора за ними), которая должна была высвободить значительные средства ([Задачи земства..., 1906: 31-32](#)).

Территориально-пространственные особенности Сибири обуславливали необходимость выработки такого проекта структуры земских учреждений, чтобы в рамках их компетенции осуществлялось эффективное управление всей входящей в ведомство каждого земского уровня округа. Практически все, кто обсуждал вопрос о сибирском земстве, были едины во мнении, что одних уездных и губернских земских учреждений будет в связи с этим недостаточно. Издаваемая гласным Красноярской городской думы, близким к кадетам В.И. Корнаковым, газета «Голос Сибири», редакция которой поддерживала идею децентрализации в системе управления, одобряла проект Сибирского областного союза о создании Сибирской областной думы, которая самостоятельно занималась бы решением всех вопросов, касающихся местных нужд ([Голос Сибири, 1905b](#)).

Большое значение для Сибири ввиду её территории приобретал вопрос о мелкой земской единице. «Сибирская жизнь» считала введение мелкой земской единицы непременным условием удовлетворительного заведования местным хозяйством в губерниях с уездами большой площади (причём как в Сибири, так и в Архангельской губернии) ([Сибирская жизнь, 1904](#)). В «Енисее» и «Восточном обозрении» указывалось, что её учреждение обуславливалось особенностями местных условий. В качестве примера приводился Нижнеудинский уезд Иркутской губернии, в котором на площади 108143 кв. версты проживало лишь около 70 тыс. человек, в результате чего при введении только уездных и губернских учреждений в ведение Нижнеудинского уездного земства попали бы села, удалённые на расстояние до 400 вёрст от уездного города ([Енисей, 1905с; Восточное обозрение, 1904е](#)).

Старший чиновник по составлению отводных записей в Енисейской губернии В.Ю. Григорьев на страницах журнала «Сибирские вопросы» отмечал, что создание волостной земской организации стало бы органичным расширением полномочий волостей в отношении их хозяйственной деятельности, а проводимая при этом реформа местного самоуправления позволила бы войти земским учреждениям в уклад местной жизни в качестве необходимого для неё элемента ([Григорьев, 1905: 48](#)).

С точки зрения «Восточного обозрения», мелкую земскую единицу следовало приурочить к волостной организации (как наиболее привычной для населения), с возможностью объединения нескольких волостей в один земский участок ([Восточное обозрение, 1904](#)). Такая же позиция была и у «Енисея», соглашавшегося с объединением расположенных на небольшой территории двух или трёх волостей в случае малого количества селений в них ([Енисей, 1905d](#)).

На заседаниях представителей волостных сходов Красноярского уезда 4 и 5 октября 1905 г., которые должны были избрать уполномоченных от крестьян для участия в назначенном на 15 ноября совещании по земскому вопросу под председательством иркутского генерал-губернатора, вопрос об организации мелкой земской единицы был одобрен, но именно на базе существовавшей волостной организации (крестьяне выступили против организации шести участков из восьми волостей из-за боязни увеличения расходов на их содержание) ([Сибирский край, 1905а](#)).

Согласно проекту «Восточного обозрения», распорядительным органом мелкой земской единицы должно было быть волостное земское собрание, избираемое на три года избирателями на бессловесных началах в одном избирательном собрании. Избирательные права предоставлялись как мужчинам, так и женщинам, уплачивающим не менее года земский налог. Председатель собрания и его заместитель подлежали избранию из среды гласных, причём оговаривалась необходимость соблюдения запрета на совмещение должностей председателя собрания и председателя управы как вредной практики. Исполнительным органом в проекте являлась волостная управа, состоящая из

председателя и минимум двух членов (с оговоркой, что в небольших волостях управа может быть единоличной) ([Восточное обозрение, 1904а](#)).

Число гласных в волостном земском собрании при этом должно было быть пропорциональным числу избирателей, отвечая «их составу, объёму и характеру задач волостного земства», но не являясь при этом постоянной величиной, т.е. с возможностью изменения по мере необходимости (по представлению волостного земского собрания и с санкции уездного земства) ([Восточное обозрение, 1905i](#)).

Рассуждая о том, как организовать представительство в волостном земстве, Григорьев писал о нецелесообразности включения по одному представителю от каждого селения, поскольку в этом случае в зависимости от уезда численность волостных земских собраний колебалась бы в среднем от 32 (в Красноярском уезде) до 82 (в Минусинском уезде), что делало бы земские собрания довольно многочисленными. К тому же земское собрание в такой ситуации могло обнаружить свою недостаточную работоспособность и подверженность влиянию небольшой группы гласных. Поэтому предлагалось установить число гласных от крестьянских общин равным половине числа селений в каждой волости, но не менее 25 и не более 35. Сами выборы предлагалось проводить уполномоченными на волостных сходах, причём, чтобы крупные селения не получали большого преимущества, количество таких уполномоченных следовало избирать по формуле: один уполномоченный от селения до 10 дворов, один уполномоченный на каждые 10 дворов в селении от 10 до 50 дворов, один уполномоченный на 25 дворов в селении от 50 до 100 дворов, один уполномоченный на 50 дворов в селении от 100 до 200 дворов, один уполномоченный на 100 дворов в селении свыше 200 дворов ([Григорьев, 1905: 76-79](#)).

Отметим, что в «Сибирской жизни» отстаивалась точка зрения о необходимости сохранения волостной организации крестьянского самоуправления при введении мелкой земской единицы (большинство сторонников последней выступало при этом за ликвидацию крестьянского волостного управления). Согласно позиции авторов газеты, замена сословных институтов крестьян бессословными была невозможна без ущерба для крестьян: «А такое сословие, как крестьянское, по своей подавляющей многочисленности, по разнообразию условий жизни и неразвитию своему, нуждается, по нашему мнению, в своих сословных учреждениях, обходящихся дешевле бессословных, и, несмотря на свое несовершенство, имеющих преимущество в том, что они ближе и понятнее крестьянству» ([Сибирская жизнь, 1903b](#)).

Что касается общих принципов организации земского самоуправления, то «Восточное обозрение» исходило из того, что Положение 1890 г. составлялось в реакционную эпоху, а с момента принятия Положения 1864 г. накопилась обширная практика, указавшая также на целый ряд недостатков. Поэтому предлагалось за основу взять нормы последнего, но с исправлением отдельных его статей в соответствии с изменившимися условиями времени ([Восточное обозрение, 1905d](#)). На страницах газеты было подсчитано, что в случае введения земского самоуправления на территории всех четырёх сибирских губерний и Якутской области, оно охватит 5042 тыс. человек, в том числе 3947 тыс. русского населения, из которых 3063 тыс. составляли крестьяне, 250 тыс. – мещане, 30 тыс. – дворяне и чиновники, 25 тыс. – казаки, 16 тыс. – духовенство и 13 тыс. – купцы. Поскольку более 75 % населения составляли крестьяне, то делался вывод, что в Сибири земство может быть только демократическим, крестьянским по своему составу и характеру ([Восточное обозрение, 1905f](#)).

Скептически относился к избирательной системе по Положению 1890 г. на страницах «Сибирской жизни» заведующий кафедрой истории русского права Томского университета И.А. Малиновский. Он считал, что такая система выборов была выражением недоверия к земству, а произведённая Положением группировка избирателей разъединяла призванных служить общему делу людей и искусственно поддерживала сословный строй, «чуждый нашей истории и клонящийся к естественному упадку в новое время». Создание перевеса для дворян в земстве, по его мнению, могло превратить земское дело в дворянское, в то время как земству следовало прежде всего заботиться о крестьянах ([Сибирская жизнь, 1905](#)).

И.И. Попов, который был гласным Иркутской городской думы, также разработал проект о введении земского самоуправления в Сибири. Он исходил из того, что к Сибири невозможно применение норм ни Положения 1864 г., ни Положения 1890 г. Это было связано с тем, что полное отсутствие поместного дворянства и крайне незначительное число частновладельческих хозяйств делали невозможной организацию выборов на принципах сословности или имущественного ценза. Это обуславливало и основные подходы, которыми он руководствовался при составлении проекта. Во-первых, ввиду низкой плотности населения и значительной удалённости населённых пунктов друг от друга, в Сибири низшим институтом земского самоуправления должна была стать мелкая земская единица. В связи с этим вставал вопрос о целесообразности уездного земства, которое предлагалось заменить союзами по образцу английских уний. Во-вторых, отказ от сословного и цензового начал, а также нормы рескрипта 18 февраля 1903 г. обуславливали проведение линии на использование всеобщего избирательного права всем населением Сибири (включая инородцев). В-третьих, ввиду территориальной и корпоративной специфики, подчёркивалось, что прииски, горные округа, уделы

участвуют в земстве на одинаковых со всем остальным населением правах и при необходимости могут образовывать (как и города) отдельные мелкие земские единицы (Попов, 1906: 51-52).

Редакцией «Восточного обозрения» указывалось, что в Сибири отсутствовало поместное дворянство, а частных землевладельцев было крайне мало. Поэтому предлагалось предоставить избирательные права всем взрослым и постоянным жителям волостей. Уплата же земского сбора рассматривалась не как условие избирательного права, а как его следствие. Выборы уездных гласных предлагалось проводить на базе мелких земских единиц (от городов, которые становились самостоятельными земскими единицами, – городскими думами; города численностью не более 10 тыс. человек приравнялись к мелким земским единицам, а для унификации способов избрания выборы в городские думы должны были проводиться также на основе всеобщего избирательного права) (Восточное обозрение, 1905j), а губернских – уездными земскими собраниями (с оговоркой, что по примеру ряда европейских стран можно было бы ввести и прямые выборы в губернское земство). Крупные города типа Иркутска получали права уездных земств и вытекающее из этого право самостоятельного выбора губернских гласных (Восточное обозрение, 1905e).

Другой вариант проекта «Восточного обозрения», построенный также на началах всеобщего избирательного права (при условии уплаты земского налога), предусматривал следующей ступенью после мелкой земской единицы введение окружного земства (по типу прусской модели самоуправления), которое не соответствовало бы уездному делению и представляло бы собой совокупность мелких земских единиц, объединённых «общими нуждами и пользами». Так, в Иркутской губернии такими округами могли бы стать Приленский край, степная часть Верхотурского и Иркутского уездов, Приангарье и т.д., что, по мнению оставшегося анонимным автора проекта, более соответствовало бы принципу естественной группировки мелких земских единиц (Восточное обозрение, 1905k).

Один из авторов «Восточного обозрения» также отмечал, что при разработке избирательной системы следовало бы отойти от «темных сторон» земских положений 1864 и 1890 г. и, с учётом преимущественно крестьянского состава населения Сибири, проводить выборы на основе всеобщего избирательного права с прямой и тайной подачей голосов по территориальному принципу (Восточное обозрение, 1905h).

«Сибирский вестник» поддерживал в качестве приоритета избрание в гласные представителей местной служилой интеллигенции, но при условии уплаты ими земских сборов и наличия определённого годового дохода, подчёркивая при этом, что простое включение в состав земства чинов местной администрации без выборов, по должности, будет нарушением принципов земской реформы. Наряду с этой категорией лиц избирательные права должны были получить крестьяне, горожане и торгово-промышленники. Также в состав уездного земства предлагалось ввести представителей казны и кабинета как крупнейших сибирских землевладельцев (Сибирский вестник..., 1905b).

В «Сибирских вопросах», уже упоминавшемся нами В.Ю. Григорьевым, желательным основанием избирательного права для неприписного населения предлагалось установить уплату земского сбора (это рассматривалось как более справедливое основание для торгово-промышленников, поскольку не все из них в рамках своей деятельности покупали или нанимали недвижимость). Что касается земельного ценза, то его размер предлагалось принять в 15 дес. (училищные участки, как правило, не превышали эту величину, а церковное землевладение редко превышало 45 дес.). Для владельцев недвижимости ценз проектировался в виде 100 руб. ежегодного дохода с неё. Всех избирателей, удовлетворяющих данным цензам, предлагалось объединить в отдельный от крестьян избирательный съезд для выборов в волостное земское собрание, но с разрешением также участвовать в сельских сходах для избрания уполномоченных на съезд по крестьянской курии (Григорьев, 1905: 81-84).

В.Ю. Григорьев, сочувствуя идее всеобщего избирательного права, уточнял при этом, что на практике его реализация может вызвать определённые затруднения, проистекающие «как из низкого культурного уровня невежественных, доведенных продолжительною опекою до беспомощного состояния масс населения, так и из того обстоятельства, что интеллигентные классы русского общества в течение немногих последних месяцев и весьма далеко ушли в области своих политических пожеланий и требований, но формы государственной жизни пока что остаются неизменными...» (Григорьев, 1905: 66-67).

Поэтому он исходил из того, что численность представителей от различных групп населения в земстве должна быть достаточно велика и взаимно согласована, а основания для избирательного права должны быть таковыми, чтобы оно было у как можно большего количества лиц, заинтересованных в развитии земского хозяйства. При этом преимущество для дворян не могло быть организовано даже по формальному признаку, поскольку при численности Енисейской губернии в 705 150 чел. дворян обоего пола в ней было всего 3417 (т.е. 0,48 %), из которых 2160 (63,2 %) проживали в городах. Незначительным было в губернии и количество частных землевладельцев (всего 14 в четырёх уездах) (Григорьев, 1905: 68, 70, 71).

Представительство в уездном земском собрании Григорьев проектировал в виде четырёх человек от каждой волости. От городов планировалось установить максимальное количество в виде

четырёх гласных (с исключением для губернских городов, которым планировалось выделить от шести до восьми мест), из которых гарантированное представительство получал городской голова. В свою очередь, представительство в губернском земском собрании предлагалось установить в виде в среднем семи гласных от каждого уезда. Такая многочисленность обуславливалась необходимостью обеспечения достаточной осведомлённости губернского земства о каждом уезде и гарантией извещения его решений от различных случайностей (Григорьев, 1905: 84-85).

Редакция читинской газеты «Забайкалье» предлагала более радикальный вариант. Издание отстаивало необходимость введения земских учреждений на основе всеобщего избирательного права без различия пола, вероисповедания и национальности: «Только при введении в области такого самоуправления можно ждать, что будут внимательно рассмотрены все нужды населения и приняты действительные меры к их удовлетворению». Первой ступенью земства должны были стать волостные земские собрания и управы, причём предполагалось, что в последние также будут прямые выборы от всего населения. Прямыми должны были стать и выборы в уездное и областное земство (Забайкалье, 1905).

У красноярской газеты «Голос Сибири» была схожая точка зрения. Указывалось, что широкое участие населения в делах земства возможно лишь тогда, когда в нем «будут заседать не назначенные или одобренные правительством лица, не чиновники, а свои лучшие люди, избранные свободно и на равных правах всем населением, богатым и бедным, крестьянином и рабочим, знатным и простым» (Голос Сибири, 1905а).

30 марта 1905 г. в Красноярском отделе Московского сельскохозяйственного общества был представлен доклад В.Ю. Григорьева об организации земских учреждений в Енисейской губернии. Докладчик предложил изменить действовавший в земских губерниях порядок выборов при введении земства в крае. Во-первых, следовало ввести наряду с уездными и губернскими волостные земские учреждения. Избрание гласных волостных собраний должно было проводиться на сельских сходах, с соблюдением принципа равномерности представительства (по одному гласному от небольших населенных пунктов, с установлением квот по представительству в более крупных селениях в зависимости от численности жителей). Во-вторых, с учётом практически полного отсутствия дворянского землевладения и частновладельческих хозяйств предполагалось предоставить избирательные права и разночинцам (при условии ценза оседлости и минимального имущественного ценза). Разночинцы при этом должны были получить не менее пяти мест в волостном земстве (Енисей, 1905а).

Этот проект встретил критику со стороны лесоведа, меньшевика и одного из членов Красноярского отдела Сибирского областного союза В.П. Монюшко как образчик «печальной эпохи управления Плеве» за двухстепенные выборы, сохранение прежнего порядка выборов на сельских сходах и имущественный ценз. Мировой судья Д.Е. Лаппо, ставший затем одним из лидеров красноярских кадетов, также акцентировал внимание на том, что в проекте были обойдены вниманием институты общинного управления, земских и крестьянских начальников, имеющие большую роль в организации земского самоуправления. Собранием в итоге было принято решение избрать комиссию для разработки оснований для введения земских учреждений в Енисейской губернии (Енисей, 1905б).

Затем проект организации земских учреждений был также разработан комиссией Томского юридического общества. 5 мая 1905 г. он был рассмотрен и дополнен на соединённом заседании шести обществ Томска (юридического, сельскохозяйственного, технического, попечения о начальном образовании, учащихся и учивших, практических врачей). Этот проект вводил четыре уровня земского самоуправления: областной округ (под которым подразумевалась вся территория Сибири), губернские, уездные и волостные округа. Волостные и уездные гласные подлежали избранию на волостных избирательных собраниях (причём уточнялось, что в волости таковых может быть несколько), а губернские и областные – на уездных земских собраниях. Число гласных планировалось привязать к численности жителей, с расчётом, чтобы в составе волостного собрания было 15–30 гласных, уездного – 30–50, губернского – 50–80, областного – 80–120. Для областного собрания при этом уже в качестве оптимального предлагалось установить численность в 105 гласных (по 35 – от Томской и Тобольской губерний, по 15 – от Иркутской и Енисейской губерний и 5 – от Якутской области). Проект предполагал довольно широкий круг избирателей: совершеннолетние лица обоего пола, не лишённые прав и не состоящие под судом и следствием, которые прожили не менее двух лет на территории своей волости (или города). Гласным мог быть избран любой, имеющий право участия в избирательном собрании. Не предоставлялись избирательные права чинам полиции и прокурорского надзора. Члены и председатели земских управ могли быть избраны не только из числа гласных, но и из числа избирателей вообще, причём для них вводилось требование образовательного ценза: в волостной управе – в виде грамотности, в уездной – низшего образования, в губернской и областной – среднего образования. Также выражалось пожелание, чтобы проект данного Положения был распространён и на Приамурское генерал-губернаторство (РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 44. Л. 3–3об., 5об.).

5. Заключение

Анализ совокупности рассмотренных нами источников позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, сибирская периодическая печать связывала необходимость введения земских учреждений в Сибири с потребностью в создании привычных институтов местного самоуправления для большого количества русских переселенцев, а также с привлечением именно местного населения, а не приезжих чиновников, к управлению на местах. Указание в рескрипте 3 апреля 1905 г. на несовершенство действовавшей системы управления земским хозяйством в Сибири использовалось затем как подтверждение указанных выше оснований для проведения реформы.

Во-вторых, независимо от основных начал организации земской избирательной системы, практически все участники дискуссий по данной проблеме указывали на необходимость учёта территориальных особенностей Сибири. Поскольку многие населённые пункты в рамках даже одного уезда находились на значительном удалении друг от друга, а общее количество жителей по сравнению с земскими губерниями России было невелико, в связи с этим вставал вопрос о введении мелкой земской единицы. Менее значимым, но важным для отдельных дискуссионтов, очевидно, в контексте развития областнического движения, было учреждение общесибирского областного земства (проекты краснойярской газеты «Голос Сибири» и томских обществ). Также ещё одной составляющей являлся вопрос о распространении земства не на отдельные губернии и области, а на всю Сибирь (проекты иркутской газеты «Восточное обозрение» и Якутского сельскохозяйственного общества).

В-третьих, при организации земской избирательной системы ключевой являлась проблема условий предоставления избирательного права (соответственно, либо цензового, либо всеобщего). Сторонники всеобщего избирательного права аргументировали свою позицию отсутствием поместного дворянства и незначительным количеством частных владений (проект И.И. Попова), а также стремлением добиться демократического представительства в самоуправлении (проекты газет «Забайкалье» и «Голос Сибири», анонимный автор газеты «Восточное обозрение»). Что касается цензовой избирательной системы, то предлагалось в качестве её основы использовать преимущественно налоговый ценз (проекты «Восточного обозрения», «Сибирского вестника», В.Ю. Григорьева) как наиболее оптимальный для выделения подходящего количества избирателей, или ценз оседлости (проект томских обществ), с дополнительными требованиями образовательного ценза при избрании на должности в исполнительные органы земства (проект томских обществ).

Данные теоретические материалы, подходы и публикации затем оказались широко востребованными и более полно развёрнутыми с началом работы первой Государственной думы, что в итоге привело к созданию особого думского законопроекта о введении земского самоуправления в Сибири.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-78-10037 (<https://rscf.ru/project/24-78-10037/>).

Литература

Анкушева и др., 2006 – Анкушева К.А., Бочанова Г.А., Дегальцева Е.А., Кириллов А.К., Ноздрин Г.А., Шиловский М.В., Ус Л.Б. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006. 352 с.

Верецагин, 2002 – Верецагин А.Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). М., 2002. 192 с.

Восточное обозрение, 1904a – Восточное обозрение. 1904. 4 января.

Восточное обозрение, 1904b – Восточное обозрение. 1904. 9 апреля.

Восточное обозрение, 1904c – Восточное обозрение. 1904. 30 мая.

Восточное обозрение, 1904d – Восточное обозрение. 1904. 2 июня.

Восточное обозрение, 1904e – Восточное обозрение. 1904. 17 июня.

Восточное обозрение, 1905a – Восточное обозрение. 1905. 26 апреля.

Восточное обозрение, 1905b – Восточное обозрение. 1905. 27 апреля.

Восточное обозрение, 1905c – Восточное обозрение. 1905. 28 апреля.

Восточное обозрение, 1905d – Восточное обозрение. 1905. 13 мая.

Восточное обозрение, 1905e – Восточное обозрение. 1905. 17 мая.

Восточное обозрение, 1905f – Восточное обозрение. 1905. 22 мая.

Восточное обозрение, 1905g – Восточное обозрение. 1905. 1 июня.

Восточное обозрение, 1905h – Восточное обозрение. 1905. 4 июня.

Восточное обозрение, 1905i – Восточное обозрение. 1905. 19 июня.

Восточное обозрение, 1905j – Восточное обозрение. 1905. 25 июня.

Голос Сибири, 1905a – Голос Сибири. 1905. 20 ноября.

Голос Сибири, 1905b – Голос Сибири. 1905. 27 ноября.

Григорьев, 1905 – Григорьев В.Ю. Волостное земство в Сибири и основы его в действительности // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 33–85.

- Енисей, 1905a – Енисей. 1905. 30 марта.
 Енисей, 1905b – Енисей. 1905. 3 апреля.
 Енисей, 1905c – Енисей. 1905. 8 апреля.
 Енисей, 1905d – Енисей. 1905. 18 мая.
 Забайкалье, 1905 – Забайкалье. 1905. 8 декабря.
 Задачи земства..., 1906 – Задачи земства в Якутской области: Доклад Совета Якутского сельскохозяйственного общества по вопросу о введении земства в Якутской области. Иркутск, 1906. 32 с.
 Земский съезд..., 1905 – Земский съезд 6-го и сл. ноября 1904 г.: краткий отчет. Paris, 1905. [2], 30 с.
 Иванов, Андреев, 2017 – Иванов А.А., Андреев В.В. Проект И.И. Попова о введении земств в Сибири, выработанный в Иркутске накануне первой русской революции // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. 2017. Т. 22. С. 102-109.
 Корнеева, 2016 – Корнеева Г.А. Правомонархическое движение в современных исследованиях историков: Сибирский регион. СПб., 2016. 428 с.
 Коробейников, 2017 – Коробейников А. Якутская автономия: постимперские политические проекты якутской интеллигенции, 1905–1922 гг. // *Ab Imperio*. 2017. No. 3. Рр. 77-118.
 Попов, 1906 – Попов И.И. Самоуправление и земские учреждения (по поводу введения земства в Сибири). М., 1906. 52 с.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 Ремнев, 2004 – Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. 552 с.
 Сибирская жизнь, 1903a – Сибирская жизнь. 1903. 9 октября.
 Сибирская жизнь, 1903b – Сибирская жизнь. 1903. 8 ноября.
 Сибирская жизнь, 1904 – Сибирская жизнь. 1904. 4 декабря.
 Сибирская жизнь, 1905 – Сибирская жизнь. 1905. 19 июня.
 Сибирский вестник..., 1905a – Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. 1905. 6 января.
 Сибирский вестник..., 1905b – Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. 1905. 8 января.
 Сибирский край. 1905a – Сибирский край. 1905. 28 октября.
 Сибирский край. 1905b – Сибирский край. 1905. 6 ноября.
 Сорокин, 2025 – Сорокин А.А. Дискуссии об организации земского самоуправления в Сибири в начале XX в. // *Петербургский исторический журнал*. 2025. № 1 (45). С. 74-84.
 Тарабара, 2024 – Тарабара Д.О. Земское самоуправление в Восточной Сибири // *Сибирское юридическое обозрение*. 2024. Т. 21. № 2. С. 142-155.
 Тресвятский, 2010 – Тресвятский Л.А. Общественность и местное самоуправление в Восточной Сибири в начале XX века. Томск, 2010. 184 с.
 Тригуб, 2009 – Тригуб Г.Я. Проблема введения земства на Востоке России (конец XIX – начало XX в.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 318. С. 133-135.
 Угрюмова, 2011 – Угрюмова М.В. Думские и правительственные проекты 1907–1917 гг. – источники по изучению истории реформы земского самоуправления в Сибири // *Вестник Нунженвартовского государственного гуманитарного университета*. 2011. № 1. С. 60-70.
 Шевцов, 2012 – Шевцов В.В. Вопрос о самоуправлении в Сибири в период революции 1905–1907 гг. // *Вестник Томского государственного университета. Серия «История»*. 2012. № 4 (20). С. 138-142.

References

- Ankusheva i dr., 2006 – Ankusheva, K.A., Bochanova, G.A., Degaltseva, E.A., Kirillov, A.K., Nozdrin, G.A., Shilovskiy, M.V., Us, L.B. (2006). Istoriya obshchestvennogo samoupravleniya v Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [History of public self-government in siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk, 352 p. [in Russian]
 Enisey, 1905a – Enisey. 1905. 30 marta. [in Russian]
 Enisey, 1905b – Enisey. 1905. 3 aprelya. [in Russian]
 Enisey, 1905c – Enisey. 1905. 8 aprelya. [in Russian]
 Enisey, 1905d – Enisey. 1905. 18 maya. [in Russian]
 Golos Sibiri, 1905a – Golos Sibiri. 1905. 20 noyabrya. [in Russian]
 Golos Sibiri, 1905b – Golos Sibiri. 1905. 27 noyabrya. [in Russian]
 Grigoriev, 1905 – Grigoriev, V.Yu. (1905). Volostnoe zemstvo v Sibiri i osnovy ego v deystvitelnosti [Volost zemstvo in Siberia and its foundations in reality]. *Sibirskie voprosy*. 1: 33-85. [in Russian]
 Ivanov, Andreev, 2017 – Ivanov, A.A., Andreev, V.V. (2017). Proekt I.I. Popova o vvedenii zemstv v Sibiri, vyrobotanny v Irkutske nakanune pervoy russkoy revolyutsii [The project I.I. Popov on the introduction of zemstvos in Siberia, developed in Irkutsk on the eve of the first Russian revolution]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»*. 22: 102-109. [in Russian]

- [Korneeva, 2016](#) – Korneeva, G.A. (2016). Pravomonarhicheskoe dvizhenie v sovremennyh issledovaniyah istorikov: Sibirskiy region [The right-monarchist movement in modern historians' research: the Siberian region]. SPb., 428 p. [in Russian]
- [Korobeinikov, 2017](#) – Korobeinikov, A. (2017). Yakutskaya avtonomiya: postimperskie politicheskie proekty yakutskoy intelligentsii, 1905–1922 gg. [Yakut Autonomy: Post-Imperial Political Projects of the Yakut Intelligentsia, 1905–1922]. *Ab Imperio*. 3: 77–118. [in Russian]
- [Popov, 1906](#) – Popov, I.I. (1906). Samoupravlennie i zemskie uchrezhdeniya (po povodu vvedeniya zemstva v Sibiri) [Self-Government and Zemstvo Institutions (regarding the introduction of the zemstvo in Siberia)]. M., 52 p. [in Russian]
- [Remnev, 2004](#) – Remnev, A.V. (2004). Rossiya Dalnego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov: Monografiya [Russia of the Far East. Imperial Geography of Power in the 19th – early 20th centuries: Monograph]. Omsk, 552 p. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive].
- [Shevtsov, 2012](#) – Shevtsov, V.V. (2012). Vopros o samoupravlenii v Sibiri v period revolyutsii 1905–1907 gg. [The question of self-government in Siberia during the revolution of 1905–1907]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. 4(20): 138–142. [in Russian]
- [Sibirskaya zhizn', 1903a](#) – *Sibirskaya zhizn'* 1903. 9 oktyabrya. [in Russian]
- [Sibirskaya zhizn', 1903b](#) – *Sibirskaya zhizn'*. 1903. 8 noyabrya. [in Russian]
- [Sibirskaya zhizn', 1904](#) – *Sibirskaya zhizn'*. 1904. 4 dekabrya. [in Russian]
- [Sibirskaya zhizn', 1905](#) – *Sibirskaya zhizn'*. 1905. 19 iyunya. [in Russian]
- [Sibirskiy krai, 1905a](#) – *Sibirskiy krai*. 1905. 28 oktyabrya. [in Russian]
- [Sibirskiy krai, 1905b](#) – *Sibirskiy krai*. 1905. 6 noyabrya. [in Russian]
- [Sibirskiy vestnik..., 1905a](#) – *Sibirskiy vestnik politiki, literatury i obshchestvennoy zhizni*. 1905. 6 yanvarya. [in Russian]
- [Sibirskiy vestnik, 1905b](#) – *Sibirskiy vestnik politiki, literatury i obshchestvennoy zhizni*. 1905. 8 yanvarya. [in Russian]
- [Sorokin, 2025](#) – Sorokin, A.A. (2025). Diskussii ob organizatsii zemskogo samoupravleniya v Sibiri v nachale XX v. [Discussions on the organization of zemstvo self-government in Siberia at the beginning of the 20th century]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 1(45): 74–84. [in Russian]
- [Tarabara, 2024](#) – Tarabara, D.O. (2024). Zemskoe samoupravlenie v Vostochnoy Sibiri [Zemstvo self-government in Eastern Siberia]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*. 21(2): 142–155. [in Russian]
- [Tresvyatskiy, 2010](#) – Tresvyatskiy, L.A. (2010). Obshchestvennost i mestnoe samoupravlenie v Vostochnoy Sibiri v nachale XX veka [The public and local self-government in Eastern Siberia at the beginning of the 20th century]. Tomsk, 184 p. [in Russian]
- [Trigub, 2009](#) – Trigub, G.Ya. (2009). Problema vvedeniya zemstva na Vostoke Rossii (konets XIX – nachalo XX v.) [The problem of the Introduction of Zemstvo in the East of Russia (late 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 318: 133–135. [in Russian]
- [Ugryumova, 2011](#) – Ugryumova, M.V. (2011). Dumskie i pravitelstvennye proekty 1907–1917 gg. – istochniki po izucheniyu istorii reformy zemskogo samoupravleniya v Sibiri [Duma and government projects of 1907–1917 – sources for studying the history of Zemstvo self-government reform in Siberia]. *Vestnik Nizhnevarтовского gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 1: 60–70. [in Russian]
- [Vereshchagin, 2002](#) – Vereshchagin, A.N. (2002). Zemskiy vopros v Rossii (politiko-pravovye aspekty) [The Zemstvo question in Russia (political and legal aspects)]. M., 192 p. [in Russian]
- [Vostochnoe obozrenie, 1904a](#) – *Vostochnoe obozrenie*. 1904. 4 yanvarya. [in Russian]
- [Vostochnoe obozrenie, 1904b](#) – *Vostochnoe obozrenie*. 1904. 9 aprelya. [in Russian]
- [Vostochnoe obozrenie, 1904c](#) – *Vostochnoe obozrenie*. 1904. 30 maya. [in Russian]
- [Vostochnoe obozrenie, 1904d](#) – *Vostochnoe obozrenie*. 1904. 2 iyunya. [in Russian]
- [Vostochnoe obozrenie, 1904e](#) – *Vostochnoe obozrenie*. 1904. 17 iyunya. [in Russian]
- [Vostochnoe obozrenie, 1905a](#) – *Vostochnoe obozrenie*. 1905. 26 aprelya. [in Russian]
- [Vostochnoe obozrenie, 1905b](#) – *Vostochnoe obozrenie*. 1905. 27 aprelya. [in Russian]
- [Vostochnoe obozrenie, 1905c](#) – *Vostochnoe obozrenie*. 1905. 28 aprelya. [in Russian]
- [Vostochnoe obozrenie, 1905d](#) – *Vostochnoe obozrenie*. 1905. 13 maya. [in Russian]
- [Vostochnoe obozrenie, 1905e](#) – *Vostochnoe obozrenie*. 1905. 17 maya. [in Russian]
- [Vostochnoe obozrenie, 1905f](#) – *Vostochnoe obozrenie*. 1905. 22 maya. [in Russian]
- [Vostochnoe obozrenie, 1905g](#) – *Vostochnoe obozrenie*. 1905. 1 iyunya. [in Russian]
- [Vostochnoe obozrenie, 1905h](#) – *Vostochnoe obozrenie*. 1905. 4 iyunya. [in Russian]
- [Vostochnoe obozrenie, 1905i](#) – *Vostochnoe obozrenie*. 1905. 19 iyunya. [in Russian]
- [Vostochnoe obozrenie, 1905j](#) – *Vostochnoe obozrenie*. 1905. 25 iyunya. [in Russian]
- [Zabaikalie, 1905](#) – *Zabaikalie*. 1905. 8 dekabrya. [in Russian]
- [Zadachi zemstva..., 1906](#) – Zadachi zemstva v Yakutskoy oblasti: Doklad Soveta Yakutskogo selskokhozyaystvennogo obshchestva po voprosu o vvedenii zemstva v Yakutskoy oblasti [Tasks of the zemstvo in the Yakut region: Report of the Council of the Yakut Agricultural Society on the issue of introducing zemstvos in the Yakut region]. Irkutsk, 1906. 32 p. [in Russian]

[Zemskiy s"ezd, 1905](#) – Zemskiy s"ezd 6-go i sl. noyabrya 1904 g.: kratkiy otchet [Zemsky Congress on the 6th and the next November 1904: brief report]. Paris, 1905. [2], 30 p. [in Russian]

Проекты общественности по организации земского самоуправления в Сибири в преддумский период (по материалам сибирской периодической печати)

Александр Анатольевич Сорокин ^{a, *}, Максим Викторович Медоваров^a,
Ирина Алексеевна Хвостова^a, Юрий Вячеславович Соколов ^a

^a Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются сущность и содержание дискуссий по проблеме введения земского самоуправления в Сибири в период 1904-1906 гг. (до начала работы Первой Государственной думы). Исследование основано на материалах ведущих сибирских периодических изданий рассматриваемого периода, а также на проектах сибирской общественности. В статье характеризуются основные устоявшиеся подходы к проблемам целесообразности создания земских учреждений в Сибири, территориальной организации земского самоуправления (включая создание Общесибирского земства и мелкой земской единицы), а также концепция формирования земской избирательной системы. Выделены основные аргументы в пользу необходимости создания земств в губерниях и областях Сибири. В статье показаны противоречия, связанные с включением некоторых сибирских регионов в число территорий с земским самоуправлением. Рассматривается роль природных, географических и пространственных факторов в обосновании необходимости введения мелкой земской единицы. На примере отдельных проектов показывается связь между вопросом о реформе крестьянского самоуправления и созданием мелкой земской единицы. Охарактеризованы аргументы сторонников и противников организации земских выборов на основе избирательного ценза или всеобщего избирательного права. Показано, что предложения использовать налоговый ценз вместо земельного были вызваны особенностями сословного состава жителей Сибири, отсутствием поместного дворянства, а также необходимостью ввести в состав электората представителей местной интеллигенции.

Ключевые слова: введение земства в Сибири, всеобщее избирательное право, земские выборы, земское самоуправление, избирательный ценз, мелкая земская единица, Сибирь.

* Корреспондирующий автор

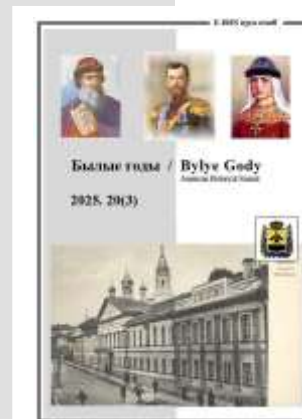
Адреса электронной почты: skaliger1989@yandex.ru (А.А. Сорокин),
mmedovarov@yandex.ru (М.В. Медоваров), iri-khv@mail.ru (И.А. Хвостова),
sapsan118@yandex.ru (Ю.В. Соколов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1591-1602
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1591

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Turukhansk Expeditions in 1905 in the Materials of the Krasnoyarsk Subdivision of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society

Natalia P. Koptseva ^{a,*}, Ksenia A. Degtyarenko ^a, Tikhon K. Ermakov ^a, Natalia N. Seredkina ^a

^a Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

The article presents previously unpublished materials from the report of Konstantin Aleksandrovich Maslennikov, a student of the ethnographer, political figure, publicist, and writer Vasily Ivanovich Anuchin, about the expedition to the Turukhansk region in 1905. V.I. Anuchin and his associate K.A. Maslennikov made several trips to this region in 1905–1908, which resulted in unique information about the Yenisei Ostyaks, northern shamanism, geography, ethnography, and socio-economic situation of the Turukhansk region. The results of his research were highly praised by specialists from a number of scientific organizations in the Russian Empire. However, until now, only brief reports by V.I. Anuchin himself about the 1905 expedition were known, mainly concerning the ethnography of the Yenisei Ostyaks. New information obtained as a result of studying archival materials allows us to clarify the source study base of the history of Siberian territories, the history of northern and Siberian peoples, the history of ethnographic research in the Russian Empire in the early 20th century. The article examines the assessment of the Turukhansk expedition of 1905 in the discussions of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in Historical, Archaeological, Linguistic and Ethnographic Relation, the Kunstkamera (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography) and the Krasnoyarsk subdepartment of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society (these organizations allocated financial and other resources for the Turukhansk expedition of 1905 and received collection materials as a result of it). The inconsistency of these assessments in the reports of funding organizations is noted. A conclusion is made about the complex significance of the expedition in the context of studying the northern territories of the Russian Empire in the early 20th century.

Keywords: V.I. Anuchin, Turukhan expeditions, 1905, K.A. Maslennikov, Russian Geographical Society, northern territories, Yenisei Ostyaks, expedition report.

1. Введение

Освоение северных и сибирских земель в Российской империи в начале XX в. было связано с деятельностью исследователей, которые составляли географические и этнографические описания территорий, отмечая одновременно их социально-экономический потенциал. Начавшиеся с XVIII в. экспедиции под эгидой Императорской Академии наук продолжались в XIX и начале XX в., принимая системный характер вместе с деятельностью как Академии наук, так и с расширением соответствующей работы Императорского Русского географического общества. Туруханский край к началу XX в. был изучен крайне недостаточно, отсутствовали подробные географические карты, административным структурам Российской империи не были ясны этнографические характеристики его территории, в том числе не было понятно, какие виды экономико-хозяйственной деятельности здесь можно развернуть, какие полезные ископаемые и другие ресурсы есть в этих местах, каковы

* Corresponding author

E-mail addresses: esertakova@sfu-kras.ru (E.A. Sertakova), nlibakova@sfu-kras.ru (N.M. Leschinskaya), mkoptseva@sfu-kras.ru (M.S. Koptseva), szotov@sfu-kras.ru (S.O. Zotov)

межнациональные и межконфессиональные взаимоотношения между различными сообществами и другие важные в контексте административно-территориального управления вопросы. Одновременно значимость сухопутных территорий, примыкающих к акваториям Северного морского пути, была очевидной. Северный восточный проход представлялся крайне важным как для мировой торговли, так и с оборонной точки зрения. Понимание значимости новых морских и сухопутных коммуникаций на восточных землях Империи было связано и с итогами Русско-японской войны 1905 г., и с обострением других вопросов по освоению Северной и Восточной Азии, что требовало изучения как народов, населяющих эти земли, так и понимания, каким образом эти территории должны заселяться и осваиваться переселенцами из западных и центральных земель.

Одним из способов разворачивания данных исследований была организация деятельности отделов и подразделов Императорского Русского географического общества, в том числе Восточносибирского отдела и его Красноярского подотдела. В широкую программу научной и просветительской деятельности подразделений Императорского Русского географического общества (далее – РГО) входили экспедиционные работы на тех территориях, которые были территориально связаны с центрами, где РГО создавало свои штаб-квартиры.

Одновременно в университетах, академиях, институтах столичных и губернских центрах Российской империи были созданы кафедры и факультеты, которые целенаправленно готовили специалистов для экспедиционной работы в Северной и Восточной Азии. Их труды публиковались в различных формах в значительном количестве периодических изданий, в брошюрах, монографиях, сборниках. Тем самым академические практики освоения окраин Российской империи к началу XX в. были сформированы и приняли характер институций, где деятельность была организована целенаправленно, регулярно и достаточно результативно. До настоящего времени труды географов, этнографов, экономистов, геологов, ботаников, зоологов и других учёных, которые скрупулёзно и тщательно формировали корпусы научных знаний о территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока, обладают значительной научной ценностью. Многие материалы, которые были получены в ходе полевых и экспедиционных работ, не изучены и до настоящего времени. Тем самым исторические исследования экспедиций начала XX в. имеют актуальность как в контексте истории России и истории науки соответствующего исторического периода, так и в аспектах, связанных с дальнейшим изучением коллекций, которые были созданы по итогам этих экспедиций.

Одним из организаторов и участников экспедиций в Северную и Восточную Азию Российской империи был Василий Иванович Анучин (1871 (?) – 1943 (?)), который известен сегодня в большей степени как писатель (Анучин, 1903, 1911, 1918; Азадовская, 1976; Стож, 1915; Тенишева, 1989) или как политический активист (Шиловский; Шиловский, 2007; Огрызков, 2004; Сушко, 2008) и в гораздо меньшей степени – как этнограф и географ (Алексеев, 2000; Анучин, 1916, 1926; Sertakova et al., 2024; Koptseva M. et al., 2024; Васильков, Сорокина, 2003), хотя в начале XX в. его труды были высоко оценены столичными академическими сообществами, а бесценные знания по практикам северного шаманизма, полученные им в поездках по Туруханскому краю, до настоящего времени являются единственным и ценнейшим источником (Алексеев, 2010; Вдовин, 1954: 148, 164; Дульзон, 1964: 2; Карапетова, 2010; Патошина, 2018; Самойлович, 1925).

Деятельность Василия Ивановича Анучина в области этнографии и географии территорий Туруханского края отражена в ряде историографических источников, часть из которых ранее не была опубликована и проанализирована. К таким источникам относится «Краткий отчет о поездке в Туруханский край 1905 г.» (ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 34. Л. 79-84) авторства Константина Александровича Масленникова (ученика и соратника В.И. Анучина), который был составлен для комплексной отчётной документации Красноярского подотдела Восточносибирского отдела РГО «Сведения о научных работах, экспедициях, наблюдениях, поставках, коллекциях Красноярского подотдела» и который ранее не был изучен в качестве источника. Дополнительно привлекаются материалы Отчётов и протоколов заседаний общих собраний и распорядительного комитета данного подотдела (Известия..., 1906а; Известия..., 1906б; Известия..., 1906с; Отчет..., 1908; КККМ ОФ), а также Протоколы заседаний Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (Протоколы..., 1903–1918), отражающие факты организации и итогов экспедиций самого В.И. Анучина в Туруханский край в 1905 г., труды В.И. Анучина (Анучин, 1903; Анучин, 1906а; Анучин, 1906б; Анучин, 1911; Анучин, 1914; Анучин, 1916; Анучин, 1918) и других учёных-этнографов, краеведов, оценивающих результаты его исследований.

2. Материалы и методы

2.1. Эмпирической основой исследования были архивные материалы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК) (Красноярск, Российская Федерация), в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (МАЭ) (Москва, Российская Федерация), в Красноярском краевом краеведческом музее (КККМ) (Красноярск, Российская Федерация). Архивные материалы включают в себя протоколы Общего собрания и протоколы Распорядительного комитета Красноярского подотдела Восточносибирского отдела Императорского РГО (Отчет..., 1908;

Известия..., 1906a; Известия..., 1906b; Известия..., 1906с), автограф рукописи К.А. Масленникова «Краткий отчет о поездке в Туруханский край 1905 г.» (ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 34. Л. 79-84), оцифрованные экспонаты коллекции фотографий В.И. Анучина, привезённые им из Туруханских экспедиций 1905–1908 гг. (МАЭ, кетская коллекция Василия Ивановича Анучина), фрагменты изданных в 1903–1918 гг. Протоколов заседаний Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (Протоколы..., 1903–1918) (далее – Русский комитет), связанные с Туруханской экспедицией В.И. Анучина 1905 г. (Радлов, 1908). Вспомогательное значение имели краткие сообщения в периодике об этой экспедиции, опубликованные в выпусках журнала «Живая старина» 1906 г. (Анучин, 1906b), а также научные публикации как самого В.И. Анучина (Анучин, 1906a, 1908, 1914; 1926), так и выполненные научными редакторами по его полевым материалам (Синельников, 1911). Для понимания общей картины научных исследований Красноярского подотдела Восточносибирского отдела Императорского РГО привлекались архивные материалы Красноярского краевого краеведческого музея, включая фото- и отчётные документы (КККМ ОФ). Для оценки академической значимости результатов Туруханских экспедиций 1905 г., выполненных В.И. Анучиным и К.А. Масленниковым, использовались биографические статьи в энциклопедических изданиях первой четверти XX в., посвящённые личности В.И. Анучина (Сибирская советская..., 1929; Стож, 1915).

2.2. Методологические подходы к исследованию включали принципы системности, историзма и компаративистики, позволяющие рассмотреть события и процессы комплексно и в историческом контексте времени. Туруханские экспедиции 1905 г. В.И. Анучина и К.А. Масленникова рассматривались как репрезентативное явление в общей системе освоения территорий Северной и Восточной Азии, которое было актуальной задачей царствования Николая II и позволяло решать ряд насущных государственных задач. Историко-сравнительный метод (компаративистский подход) позволил выявить особенности экспедиционной деятельности В.И. Анучина и К.А. Масленникова относительно других географических и этнографических полевых исследований, которые проходили в это время на территории Северной и Восточной Азии Российской империи, а также верно оценить достигнутые ими результаты. Развивающаяся в последнее время история науки и техники и её методология позволили сделать выводы о месте и значении Туруханских экспедиций 1905 г., проведённых В.И. Анучиным и его соратником К.А. Масленниковым, в общероссийской истории этнографии, географии, социальной и культурной антропологии. Историко-генетический метод способствовал пониманию основных факторов возникновения и поступательного изменения академических практик, связанных с освоением окраинных территорий Российской империи, в контексте насущной необходимости решать соответствующие геополитические задачи, важные для российского государства в начале XX в.

3. Обсуждение

Тема исследования связана с деятельностью известного публициста, писателя, этнографа, географа, политического деятеля России Василия Ивановича Анучина и его ученика Константина Александровича Масленникова. О деятельности К.А. Масленникова как этнографа известно крайне мало – упоминается его имя как фотографа в экспедиции этнографа и географа А.А. Макаренко в 1907 и 1908 гг. в район реки Подкаменная Тунгуска. Авторство К.А. Масленникова для данных фотографий зафиксировано в фондах Российского этнографического музея. Значительно больше исторической информации известно о В.И. Анучине. Однако в настоящее время даже годы жизни В.И. Анучина имеют различные варианты, поэтому указываются неточно, с пометками о возможном их изменении в диапазоне 2–3 лет (Алексеев, 1967, 2000; Азадовская, 1976; Васильков, Сорокина, 2003; Баташов и др., 2023; Сибирская советская..., 1929; Тенишева, 1989; Стож, 1915; Zamaraeva et al., 2021). В настоящее время личность В.И. Анучина чаще всего связывается с его творчеством в области художественной литературы, публицистики, а также с его политической активностью в качестве представителя партии эсеров в кругу сибирских областников. Большое внимание привлекли публикации, начиная с 1960-х гг., где Василий Иванович Анучин представлен в качестве «фальсификатора» его переписки с А.М. Горьким и В.И. Лениным (Азадовский, 2006). При этом оценка значимости полевых и экспедиционных работ В.И. Анучина в Туруханском крае оценивается зачастую диаметрально противоположно представителями сибирского регионального краеведения, с одной стороны (Шиловский; Отчет..., 1908; Известия..., 1906a; Известия..., 1906b; Известия..., 1906с), а с другой стороны – представителями этнографической науки гг. Москвы и Санкт-Петербурга (Протоколы..., 1903–1918; Алексеев, 1967; Вдовин, 1954; Дульзон, 1964; Карапетова, 2010). Если представители столичных академических кругов считают, что полученные им результаты в ходе Туруханских экспедиций 1905–1908 гг. уникальны и до настоящего времени обладают актуальностью и высокой значимостью, то сибирские краеведы делают акцент на его «конфликтах» с представителями Красноярского подотдела Восточносибирского отдела Императорского РГО и на том, что в 1906 г. В.И. Анучин был лишён статуса «предводителя дел» этого подотдела и был исключён из его рядов за резкие дискуссионные высказывания в сибирской публичной прессе.

В некоторых региональных краеведческих изданиях Туруханские экспедиции 1905 г. В.И. Анучина и К.А. Масленникова остались «незамеченными», и отсчёт времени полевых работ В.И. Анучина на территории Туруханского края ведётся лишь с 1906 г. (Вдовин и др., 2001; Волков, 2013; Zamagaeva et al., 2021). Хотя архивные документы, хранящиеся сегодня в ГАКК, МАЭ и в других архивных и библиотечных фондах, позволяют утверждать и сами факты проведения Туруханских экспедиций В.И. Анучина и К.А. Масленникова несколько раньше – именно с 1905 г., а также выявляется их большая научная значимость для ряда истории наук, включая географию, этнографию, этнопсихологию, этносоциологию, антропологию, фольклористику, лингвистику и некоторые другие науки, характерные для Российской империи в начале XX в. Именно с экспедиций 1905 г. В.И. Анучина и К.А. Масленникова начинается и географическое, и этнографическое описание северной окраины России – Туруханского края, которое было выполнено с применением научных методик, передовых для того исторического периода.

При этом имя и значение деятельности В.И. Анучина обязательно упоминаются в связи с этнографическими исследованиями кетов и других енисейских народов (Алексеев, 1967, 2000, 2010; Ситникова и др., 2022; Дульзон, 1964; Дегтяренко и др., 2023; Ермаков, 2023; Копцева, Нагаева, 2023; Волков, 2013; Копцева и др., 2023; Баташев и др., 2023; Дульзон, 1964: 4), поскольку именно он открыл для этнографии и антропологии эти уникальные этнические общности, которые были известны в досоветский период этнографии под этнонимом «енисейские остяки». Так, практически все фотодокументы кетской коллекции МАЭ начала XX в. представляют собой экспонаты, привезённые В.И. Анучиным и его соратниками из Туруханских экспедиций 1905–1908 гг. До настоящего времени не изучены целые пласты его этнографических коллекций, связанные с музыкальными этническими произведениями кетских шаманов (Алексеев, 2000; Патошина, 2018), которые находятся в данный момент на хранении в фонограммархиве Пушкинского Дома (г. Санкт-Петербург). В.И. Анучин является основоположником исследований кетской этнокультурной группы, её фольклора, традиционной экономики, традиционной религии, специфичных для кетов ритуалов, обрядов, повседневной культуры, образа жизни (Анучин, 1914; Синельников, 1911).

В трудах представителей сибирского краеведения разбирается деятельность В.И. Анучина как входящего в круг сибирских областников под руководством Г.Н. Потанина. Особое внимание привлекает политическая активность В.И. Анучина, связанная с выдвижением его в депутаты Государственной Думы, с критической полемикой в сибирской прессе, а также с его деятельностью по административно-территориальному устройству Сибири и сопредельных ей территорий в первые годы после Октябрьской революции 1917 г. (Баташев и др., 2023). Художественные и художественно-публицистические произведения В.И. Анучина (включая произведения детской приключенческой художественной литературы, литературные обработки сибирских фольклорных произведений (сказок)) (Анучин, 1903; Анучин, 1911) позволяют включить его в ряд российских писателей, связанных с региональной сибирской тематикой (Стож, 1915; Тенишева, 1989; Сибирская советская..., 1929). В этом же качестве «сибирского писателя» он представлен в современном сообществе красноярских «столбистов», которое объединяет туристов и альпинистов, совершающих восхождения на знаменитые красноярские скалы «Столбы» и чтящих память В.И. Анучина как человека, создавшего яркие художественные литературные образы приключений на территории «Столбов».

В профессиональном сообществе этнографов, религиоведов, исследователей сибирского шаманизма северных народов личность и деятельность В.И. Анучина как организатора и участника Туруханских экспедиций 1905–1908 гг. оценивается крайне высоко. В их трудах его книга о шаманизме енисейских остяков остаётся, по сути, единственным источником по реальным практикам шаманов, детально описанным и зафиксированным в фонограммах, фотодокументах, рисунках, дневниках и научных публикациях В.И. Анучина. До настоящего времени исследователи кетов и других, уже исчезнувших енисейских народов, ссылаются на эти материалы.

Однако в современном исследовательском пространстве В.И. Анучин предстаёт либо как литератор или политический деятель, связанный как с эсерами, так и большевиками, либо как возможный создатель литературно-публицистической мистификации, связанной с письмами А.М. Горького и В.И. Ленина. Его реальная историческая роль и особенно роль его соратника К.А. Масленникова в освоении территорий Северной и Восточной Азии до настоящего времени не получили адекватной оценки, а Туруханские экспедиции 1905 г. В.И. Анучина и К.А. Масленникова (которого в документах В.И. Анучина называют «студентом Санкт-Петербургского университета», «экскурсантом»), архивные материалы, связанные с ходом и итогами этих поездок, не были ранее упомянуты в исторической академической литературе сколько-нибудь детально. Восстановление данного пробела в истории российского освоения Севера и Сибири позволит конкретизировать как историю науки России начала XX в. в контексте спецификации экспедиционных и полевых исследований в Туруханском крае, так и историю освоения Северной и Восточной Азии, поскольку В.И. Анучин и К.А. Масленников действовали в контексте программ и планов исследований этих регионов, которые были инициированы как Императорским РГО, так и Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и

этнографическом отношении в первом десятилетии XX в., что объективно соответствовало геополитическим интересам и задачам России в этих макрорегионах.

4. Результаты

4.1. Ресурсное обеспечение (финансирование) Туруханских экспедиций 1905 г.

В.И. Анучина и К.А. Масленникова

Ресурсное обеспечение комплексной Туруханской экспедиции 1905 г. под руководством В.И. Анучина и К.А. Масленникова позволяет пролить свет на принципы формирования научной сети Российской империи, поддерживавшей проведение передовых исследований в различных областях. Экспедиции В. И. Анучина и К.А. Масленникова являются результатом совместного участия нескольких организаций различного уровня, ставивших перед собой одновременно схожие и несколько отличные цели. По сохранившимся документам можно составить адекватное представление о структуре смет со стороны Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии и Красноярского подотдела Императорского РГО. Вероятно, было и частичное финансирование со стороны Московского археологического общества, о чём есть косвенные упоминания в отчётах и заметках, однако точная информация о суммах ассигнованных средств в изученных архивных документах отсутствует.

Туруханские экспедиции В.И. Анучина и К.А. Масленникова стали возможными благодаря предварительным работам в церковных архивах, проводившихся В.И. Анучиным в 1903–1904 гг. Данная деятельность финансировалась Красноярским подотделом Восточносибирского отдела Императорского РГО. Так, согласно кассовому отчёту за 1903–1904 гг., В. И. Анучину было выделено 175 рублей на сами работы и ещё 100 рублей на закупку необходимой литературы (*Известия...*, 1906b: 55–56). На эти же изыскания Русским комитетом в 1904 г. было выделено 100 рублей, которые, согласно протоколу от 25 сентября 1904 г., В. И. Анучину потратить не удалось (*Протоколы...*, 1903–1918: 83). Эти предшествовавшие Туруханским экспедициям исследования позволили В. И. Анучину получить довольство в 25 рублей в месяц на осуществление собственной языковой подготовки в г. Санкт-Петербурге.

Главным источником финансирования Туруханских экспедиций В.И. Анучина и К.А. Масленникова с 1905 по 1908 г. были средства Русского комитета. Протоколы заседания от 29 января 1905 г. содержат рассмотрение и утверждение подробной сметы экспедиций, составленной В. И. Анучиным (*Протоколы*, 1903–1918: 106). Одними из инициаторов экспедиций выступили такие известные исследователи, как В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг, ссылающиеся на исследовательскую (включая языковую) подготовку, выполненную В. И. Анучиным. Изначальная смета подразумевала выделение 2370 рублей, но была расширена до 2500 рублей по инициативе членов Русского комитета. Смета включает в себя расходы на приобретение оборудования: фотографической аппаратуры, расходных письменных принадлежностей и экспедиционного инвентаря (палатки, брезента и пр.), запрашиваются деньги на проезд до места экспедиции, на содержание В.И. Анучина, его соратников, информаторов из местного населения. Кассовый отчёт Красноярского подотдела Восточносибирского отдела Императорского РГО содержит запись об ассигновании В.И. Анучину 100 рублей на приобретение коллекций в Туруханской поездке (*Известия...*, 1906b: 55–56, 103).

Приведённые данные о финансировании позволяют сделать предположение о принципах в распределении функций между столичными и региональными научными центрами Российской империи в начале XX в. Предварительные исследования, связанные с получением первичных материалов, позволяющих обосновать необходимость более тщательного изучения северных и сибирских территорий, финансировались преимущественно местными научными институтами: организация и оплата работы В.И. Анучина в церковных архивах полностью обеспечивались Красноярским подотделом Восточносибирского отдела Императорского РГО, в то время как выделенная Русским комитетом сумма не была потрачена исследователем на запланированные цели. Столичные научные организации выступают источниками финансирования для крупных исследовательских проектов, чья общегосударственная значимость доказана предварительной работой, проведённой периферийными модулями. Финансируется не только непосредственная экспедиционная деятельность, но и подготовка новых исследователей, чьи навыки будут важны в новых экспедициях. Подобная модель проясняет иерархию взаимодействия центра и периферии и позволяет объяснить местоположение коллекций, полученных в результате полевых работ. Материалы предварительных исследований отправляются в центр для подтверждения необходимости более масштабных полевых работ, результаты новых комплексных экспедиций также отправляются в центр, поскольку столичные организации теперь выступают преимущественными заказчиками исследований. В периферийных научных центрах остаются отдельные экспонаты, связанные с полевыми работами, количество и условная «ценность» которых пропорциональны понесённым финансовым затратам.

4.2. «Краткий отчет о поездке в Туруханский край 1905 г.» К.А. Масленникова

«Краткий отчет о поездке в Туруханский край 1905 г.» (*ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 34. Л. 79–84*), изложенный на 5 листах формата А4, представляет собой результаты сбора Константином

Александровичем Масленниковым статистических и экономических данных среди русского населения Туруханского края в период с 7 июня по 5 августа 1905 г. (ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 34. Л. 80). Отчет содержит данные о денежных затратах на поездку, определение жителей Туруханского края и обстоятельств их жизнедеятельности, результаты заполнения подворных карточек населённых пунктов Верхне-Инбатского участка, общие выводы, фиксирующие актуальное состояние территории и возможные пути развития, а также важные обстоятельства самой поездки, так или иначе повлиявшие на полученные результаты.

Отчёт имеет следующую структуру:

1) описание категории расходов на общую сумму 168 рублей (ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 34. Л. 80);
 2) разъяснение специфики полученных статистических сведений с акцентом на разнообразие деятельности жителей Туруханского края и их этнокультурную принадлежность; обращает внимание критическое отношение автора к своим респондентам: «Осторожности в суждении необходимы в особенности, потому что скрытные, недоверчивые (в этом я субъективен) и совершенно неправильно понимающие суть переписи жители края в редких случаях дают истинные ответы <...> принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства, а также, сообразуясь с количеством рыболовного и проч. инвентаря и общей хозяйственной состоятельностью, следует увеличить некоторые цифры, например, касающиеся добычи рыбы для себя и на продажу в 3 — 5 раз. В гораздо большей поправке нуждается годовой оборот торговцев» (ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 34. Л. 80-82);

3) результаты переписи на основании заполнения подворных карточек: «Из [30] населённых пунктов В[ерхне]-Инбатского участка мною заполнены статистические карточки по 12 селениям». К.А. Масленников отмечает, что «в 8 селениях жители переписаны все: [Комсика] 15 дворов, 106 жителей; Новоселовская ([Каменка]) 8 двор[ов], 47 жит[елей]; с[ело] В[ерхне]-Инбатское 23 дв[ора] жит[елей]; Алинская 14 дв[оров] 94 жит[еля]; Нижн[е]-Имбатс[кая] 7 дв[оров] 37 жит[елей]; Новочерноостровская: 6 дв[оров] 32 жит[еля]; Новозалесинская 7 дв[оров] [54] жит[еля]; Костинская 13 дв[оров] 84 жит[еля]», а «в 4 селениях перепись произведена неполная» — это «д[еревня] П[одкаменно]-Тунгузская», «Сумарокова», «Мирная», «Кангатова». «Всего 123 карточки, заключающие перепись 7[08] душ обоего пола и всех возрастов» (ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 34. Л. 82).

4) выводы, связанные с фиксацией актуального состояния народонаселения Туруханского края, предложения об обновлении и развитии данной территории: «Несовершенство внутренней организации края, произвол в экономических отношениях — торговл[е], продовольствии — отсутствие образования и многие другие причины, породившие в туруханцах такие черты, как заботливость, скрытность и невежество, должны быть, по возможности, скорее, устранены <...> Для истинного обновления населения Туруханского края должно прежде всего прийти на помощь просвещение, оно должно поднять его до той более высокой и достойной человека степени, на которой стоит, по крайней мере, остальное население Сибири <...> Необходимо завести среди Туруханского населения новые отрасли хозяйства, или развить и усовершенствовать существующие, как например, скотоводство, стоящее теперь на низкой ступени развития <...> Необходимо облегчить жителям сношение с остальным миром: установить специальное и правильное сообщение посредством телеграфа или телефона и пароходов, что, наверное, привлечет в край новые элементы и оживит его <...> Необходимо общественное управление и контроль над экономической жизнью края, в особенности над торговлей» (ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 34. Л. 82-84).

В завершении своего отчёта Константин Александрович Масленников отмечает также специфику своей исследовательской поездки, которая определила само течение экспедиции и особенности полученных результатов: длительность передвижения (59 дней, из которых 30 ушло на переезды) (ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 34. Л. 84); отсутствие возможности изучить более отдалённые территории Туруханского края (ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 34. Л. 84); зависимость от проводника (ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 34. Л. 84); трудности, вызванные отсутствием документа, позволяющего свободно проводить исследования (ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 34. Л. 84).

4.3. Оценка результатов Туруханских экспедиций 1905 г. современниками в научных сообществах столичных и губернских городов

До настоящего времени Туруханская экспедиция К.А. Масленникова 1905 г. не была описана в исторических исследованиях, если не считать ряда заметок в опубликованных в досоветский период Отчётах Красноярского подотдела. Оценка результатов Туруханских экспедиций 1905 г. и других лет давалась только по отношению к деятельности В.И. Анучина. Данная оценка была крайне неоднозначной со стороны современников. Исследования новых исторических источников показывают, что стоит согласиться с той группой представителей российской этнографии (Протоколы..., 1903–1918; Алексеенко, 1967; Вдовин, 1954; Дульзон, 1964; Карапетова, 2010), которая высоко оценила Туруханские экспедиции В.И. Анучина и его соратников в период 1905–1908 гг. В протоколе № 4 заседаний Русского комитета от 1906 г. говорится об успешном выполнении В.И. Анучиным «всех задач экспедиции» (Протоколы..., 1903–1918: 178). Именно В.И. Анучину, как действующему члену Археологического института и исследователю, положительно зарекомендовавшему себя и являющемуся достаточно подготовленным в профессиональном

отношении, Русский комитет поручил руководство экспедиционными исследованиями в Туруханском крае с целью изучения культуры и языка енисейских остяков (*Протоколы, 1903–1918*), русского населения. Как показывают архивные данные, экспедиция была проведена на достаточно высоком для начала XX в. научном уровне, что было обеспечено применением нового методологического инструментария: 1) опросных листов, позволивших получить статистические данные о численности населения в населённых пунктах Туруханского края, его структуре; 2) включённого наблюдения, в результате которого были определены характеристики «[быта] русского населения края вообще» (*ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 34. Л. 79*). Полученные исходные данные позволили описать актуальное социально-экономическое и культурное состояние Туруханского края и определить перспективы не только социально-экономического управления данным регионом Российской империи в начале XX в., но и составить план его дальнейших исследований. Поэтому Туруханские экспедиции 1905 г. В.И. Анучина и К.А. Масленникова по праву могут быть названы «пилотным проектом», положившим начало систематическому и комплексному изучению Туруханского края, населяющих его енисейских остяков (енисейских народов) и северо-енисейского шаманизма. Помимо отчёта о поездке в Туруханский край 1905 г. авторства К.А. Масленникова, ценность для истории российской науки имеют и другие, ещё неизученные, данные, связанные с этнографической коллекцией, собранной исследователями в ходе Туруханских экспедиций 1905 г. Среди них особого внимания заслуживают неопубликованные архивные материалы «Дневник поездки в Туруханский край 1905 г.» В.И. Анучина и его соратников, более подробно раскрывающие ход и результаты исследований, зафиксированные в табличных статистических данных, в перспективе требующих своего изучения и введения в научный оборот (*ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 34*).

5. Заключение

Туруханские экспедиции 1905 г. В.И. Анучина и К.А. Масленникова положили начало комплексу таких исследований в различных научных областях (включая этнографию, археологию, этносоциологию, этнолингвистику, культурную антропологию). Впервые были получены данные, позволяющие составить верное представление о социально-экономическом и этно-демографическом состоянии Туруханского края, провести базовые географические, логистические, лингвистические, экономические, ботанические, зоологические, религиоведческие и культурологические исследования этого края. Введённые в научный оборот новые исторические источники, прежде всего, «Краткий отчет о поездке в Туруханский край 1905 г.» К.А. Масленникова, записи В.И. Анучина и сопутствующие архивные документы, показывают решимость российских государственных и общественных деятелей к комплексному освоению территорий Северной и Восточной Азии и активное содействие учёным-первопроходцам, взявшим на себя тяжёлый труд первых научных обследований данных территорий. Будучи первооткрывателем шаманизма енисейских остяков и описателем социально-экономического статуса Туруханского края, Василий Иванович Анучин достойно вписал себя в историю российской науки и в историю освоения северных территорий, значимых для государства как в геополитическом, так и в торгово-промышленном отношении. Одновременно в историю российской науки вписывается новое имя его соратника Константина Александровича Масленникова, до настоящего времени широко не представленного и не оценённого в исторической исследовательской литературе.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-20096, <https://rscf.ru/project/25-18-20096/>, гранта Красноярского краевого фонда науки.

Литература

- Азадовская, 1976* – Азадовская Л.В. В.И. Анучин в Сибири: Легенды и факты / *Фольклор и литература Сибири*. Омск, 1976. Вып. 3. С. 145-156.
- Азадовский, 2006* – Азадовский К. “За то я и полюбил вас крепко”, или Похождения “чистейшего авантюриста” // *Вопросы литературы*. 2006. № 3. С. 222-277.
- Алексеев, 1967* – Алексеев Е.А. Кеты: историко-этнографические очерки. Л.: Ленинградское отделение «Наука», 1967. 262 с.
- Алексеев, 2000* – Алексеев Е.А. У истоков этнографии кетов: В.И. Анучин / *Проблемы истории, филологии, культуры*. М., Магнитогорск, 2000. Т. IX. С. 396-400.
- Анучин, 1903* – Анучин В.И. Сибирские сказки. Тюмень, 1903. 36 с.
- Анучин, 1906a* – Анучин В. Предварительный отчет по поездке к Енисейским осякам в 1905 г. // *Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях*. №6, декабрь. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1906. С. 38-50.
- Анучин, 1906b* – Анучин В.И. Вести из экспедиции к Туруханским осякам: (из письма В. Анучина к А. Макаренко) // *Живая старина*. 1906. Т. 15. Вып. 2. С. 47.

- Анучин, 1908** – Анучин В.И. Краткие сведения о результате экспедиции в низовья Енисея в 1905–1907 гг.; Программа доклада «Енисейцы (Енисейские остяки)», сделанного в заседании отдела этнографии ИРГО 14 декабря 1907 г. // *Живая старина*. 1908. Т. 17. Вып. 1. С. 125-126.
- Анучин, 1911** – Анучин В.И. Сказания. СПб.: Издание книжного магазина П. В. Луковникова, 1911. 164 с
- Анучин, 1914** – Анучин В.И. Очерки шаманства у енисейских остяков // *Сборник МАЭ*. 1914. Т. 2. Вып. 2. С. 1-89.
- Анучин, 1916** – Анучин В.И. В стране черных дней и белых ночей (Туруханский край). Пг.: Изд. П.П. Сойкина, 1916. 32 с.
- Анучин, 1918** – Анучин В. Социальный закон (Закон периодичности в народных движениях). Томск: Тип. губ. земства, 1918. 16 с.
- Анучин, 1926** – Анучин В.И. Причины вымирания населения в Северной Сибири / *Сборник, посвященный В.М. Бехтереву к 40-летию профессорской деятельности (1885–1925)*. Л., 1926. С. 649-662.
- Баташев и др., 2023** – Баташев М.С., Вдовин А.С., Гаврилов И.К., Майзик Е.И. и др. Экспедиционная деятельность Красноярского подотдела РГО и Красноярский городской музей (1901–1914) / *Век подвижничества – 4: сборник научных статей* / 2-е изд., испр. и доп. Красноярск: ООО Издательство «Офсет», 2023. 632 с.
- Васильков, Сорокина, 2003** – Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003. С. 35-36.
- Вдовин и др., 2001** – Вдовин А.С., Гуляева Н.П., Макаров Н.П. и др. Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937 гг.). Красноярск, 2001. 120 с.
- Вдовин, 1954** – Вдовин И.С. История изучения палеоазиатских языков. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 165 с.
- Волков, 2013** – Волков В.Г. Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2013. Вып. 1 (1). С. 79-96.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Дегтяренко и др., 2023** – Дегтяренко К. А., Менжуренко Ю.Н., Шпак А.А. Традиционное общинное устройство и культурное наследие коренных малочисленных народов Севера Красноярского края // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2023. Т. 7. № 3. С. 161-172.
- Дульзон, 1964** – Дульзон А.П. Очерки по грамматике кетского языка. Томск: издательство Томского университета, 1964. 222 с.
- Ермаков, 2023** – Ермаков Т.К. Охота и рыбная ловля в традиционной экономике коренных малочисленных народов, проживающих на территории Эвенкийского муниципального района // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2023. Т. 7. № 3. С. 109-117.
- Известия..., 1906a** – *Известия Красноярского подотдела Восточносибирского Русского географического общества*. Т. 2. Вып. 1. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1906. 59 с.
- Известия..., 1906b** – *Известия Красноярского подотдела Восточносибирского русского географического общества*. Т. 2. Вып. 2. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1906. 61 с.
- Известия..., 1906c** – *Известия Красноярского подотдела Восточносибирского русского географического общества*. Т. 2. Вып. 3-4. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1906. 81 с.
- Карапетова, 2010** – Карапетова И.А. Кетские коллекции в собрании российского этнографического музея // *Сибирский сборник–2. К юбилею Евгении Алексеевны Алексеевны*. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 295-309.
- КККМ ОФ** – Красноярский краевой краеведческий музей, основные фонды.
- Копцева и др., 2023** – Копцева Н. П., Шишацкий Н.Г., Брюханова Е.А. Динамика численности и особенности современной системы расселения коренных малочисленных народов Севера в Арктической зоне Красноярского края // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. Т. 16. № 2. С. 164-183.
- Копцева, Нагаева, 2023** – Копцева Н.П., Нагаева О.С. Традиционное хозяйство коренных малочисленных народов Севера в Красноярском крае: проблемы и перспективы развития // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. Т. 16. № 7. С. 1222-1239.
- МАЭ** – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамера).
- Огрызков, 2004** – Огрызков А.В. Полемика В.И. Анучина и В.А. Ватина о характере сибирского областничества // *Омский научный вестник*. 2004. №. 3 (28). С. 19-22.
- Отчет..., 1908** – Отчет Красноярского подотдела Императорского Русского географического общества за 1906 год. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1908. 50 с.
- Патошина, 2018** – Патошина А. Ю. Из истории фонографических записей фольклора в России конца XIX – начала XX веков // *Ученые записки Российской академии музыки им. Гнесиных*. 2018. № 4(27). С. 56-65.

Протоколы..., 1903–1918 – Протоколы заседаний Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. СПб. (Пг.): Типография Императорской Академии Наук (Российской Академии наук), 1903–1918. 604 с.

Радлов, 1908 – Радлов В.В. Сообщение о принятии расходов д-ром Гансом Мейером по снаряжению экспедиции В. И. Анучина к Енисейским осякам и В. Н. Васильева к карагасам, сойотам и монголам, в заседании историко-филологического отдела Академии 13 февраля 1908 г. // *Известия Императорской Академии наук. Сер. 6.* 1908. Т. 2. № 5. С. 422.

Самойлович, 1925 – Самойлович А.Н. Краеведение в Татарской АССР // *Краеведение.* 1925. Т. 2. № 1–2. С. 89.

Сибирская советская..., 1929 – Сибирская советская энциклопедия. Анучин Василий Иванович. Новосибирск, 1929. Т. 1. Стб. 127.

Синельников, 1911 – Синельников Н.А. Енисейские осяки по наблюдениям и намерениям В.И. Анучина, обработанным Н.А. Синельниковым. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерева, 1911. 29 с.

Ситникова и др., 2022 – Ситникова А.А., Пименова Н.Н., Колесник М.А. и др. Историография исследований кетской культуры // *Северные Архивы и Экспедиции.* 2022. Т. 6. № 3. С. 20–39. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-3-20-39

Стож, 1915 – Стож М.Е. Анучин, Василий Иванович / Словарь: В 4 ч. Иркутск, 1915. С. 1.

Сушко, 2008 – Сушко А.В. Роль В.И. Анучина в развитии алтайского национализма в 1918 г. // *Известия Алтайского государственного университета.* 2008. № 4–1(60). С. 142–145.

Тенишева, 1989 – Тенишева Е.А. Анучин В.И. / Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 95–96.

Шиловский – Шиловский М.В. Анучин Василий Иванович (1875–1943) / Земля томская. Краеведческий портал. [Электронный ресурс]. URL: <https://kraeved.lib.tomsk.ru/page/31/> (дата обращения: 01.08.2025).

Шиловский, 2007 – Шиловский М.В. Каган государства Ойрот. В. И. Анучин (1875–1943) // *Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки.* Новосибирск: Сова, 2007. С. 35–42.

Koptseva et al., 2014 – Koptseva M.S., Shpak A.A., Menzhurenko Y.N., Degtyarenko K.A. “Znanie Dlya Vsekh” (1915) as a Source on the History of the Russian Empire Science in the late 19th and early 20th centuries // *Bylye Gody.* 2024. № 19(3). Pp. 1470–1481. DOI: 10.13187/bg.2024.3.1470

Sertakova et al, 2024 – Sertakova E.A., Zamaraeva Y.S., Omelik A.A., Koptseva M.S. Interethnic Relations in the Turukhansk Region in the 18th–19th centuries // *Bylye Gody.* 2024. 9(3): 1052–1062. DOI: 10.13187/bg.2024.3.1052

Zamaraeva et al., 2021 – Zamaraeva Y.S., Sertakova E.A., Sitnikova A.A. Northern Peoples of the Russian Empire in the Materials of the Krasnoyarsk Subdivision of the East Siberian Russian Geographical Society // *Bylye Gody.* 2021. № 16(2). Pp. 948–959. DOI: 10.13187/bg.2021.2.948

References

Alekseenko, 1967 – Alekseenko, E.A. (1967). Kety: istoriko-etnograficheskie ocherki [Kets: historical and ethnographic essays]. Leningrad: Leningradskoe otdelenie «Nauka», 262 p. [in Russian]

Alekseenko, 2000 – Alekseenko, E.A. (2000). U istokov etnografii ketov: V.I. Anuchin [At the Origins of the Ethnography of the Kets: V.I. Anuchin]. Problemy istorii, filologii, kul'tury. M., Magnitogorsk, Nr IX. Pp. 396–400. [in Russian]

Anuchin, 1903 – Anuchin, V.I. (1903). Sibirskie skazki [Siberian Tales]. Tyumen', 36 p. [in Russian]

Anuchin, 1906a – Anuchin, V. (1906). Predvaritel'nyj otchet po poezdke k Enisejskim ostyakam v 1905 g. [Preliminary report on the trip to the Yenisei Ostyaks in 1905]. *Izvestiya Russkogo Komiteta dlya izucheniya Srednei i Vostochnoi Azii v istoricheskom, arkheologicheskom, lingvisticheskom i etnograficheskom otnosheniyakh.* №6, dekabr'. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk. Pp. 38–50. [in Russian]

Anuchin, 1906b – Anuchin, V.I. (1906). Vesti iz ekspeditsii k Turukhanskim ostyakam: (iz pis'ma V. Anuchina k A. Makarenko) [News from the expedition to the Turukhan Ostyaks: (from a letter from V. Anuchin to A. Makarenko)]. *Zhivaya starina.* 15(2): 47. [in Russian]

Anuchin, 1908 – Anuchin, V.I. (1908). Kratkie svedeniya o rezul'tate ekspeditsii v nizov'ya Eniseya v 1905–1907 gg.; Programma doklada «Enisejtsy (Enisejskie ostyaki) », sdannogo v zasedanii otdela etnografii IRGO 14 dekabrya 1907 g. [Brief information on the results of the expedition to the lower reaches of the Yenisei in 1905–1907; Program of the report “Yenisei (Yenisei Ostyaks)”, given at the meeting of the ethnography department of the IRGO on December 14, 1907]. *Zhivaya starina.* 17(1): 125–126. [in Russian]

Anuchin, 1911 – Anuchin, V.I. (1903). Skazaniya [Tales]. Sankt-Peterburg: Izdanie knizhnogo magazina P. V. Lukovnikova, 164 p. [in Russian]

Anuchin, 1914 – Anuchin, V.I. (1914). Ocherki shamanstva u enisejskikh ostyakov [Essays on shamanism among the Yenisei Ostyaks]. *Sbornik MAE.* 2(2): 1–89. [in Russian]

Anuchin, 1916 – Anuchin, V.I. (1916). V strane chernykh dnei i belykh nochei (Turukhanskij kraj) [In the land of black days and white nights (Turukhansk region)]. Pg.: Izd. P.P. Sojkina, 32 p. [in Russian]

- Anuchin, 1918** – *Anuchin, V.* (1918). *Sotsial'nyj zakon* (Zakon periodichnosti v narodnykh dvizheniyakh) [Social Law (Law of Periodicity in Popular Movements)]. Tomsk: Tip. gub. zemstvo, 16 p. [in Russian]
- Anuchin, 1926** – *Anuchin, V.I.* (1926). *Prichiny vymiraniya naseleniya v Severnoj Sibiri* [Causes of Population Extinction in Northern Siberia]. *Sbornik, posvyashchennyi V.M. Bekhterevu k 40-letiyu professorskoj deyatel'nosti (1885–1925)*. L. Pp. 649–662. [in Russian]
- Azadovskaya, 1976** – *Azadovskaya, L.V.* (1976). V.I. Anuchin v Sibiri: Legendy i fakty [Anuchin in Siberia: legends and facts]. *Fol'klor i literatura Sibiri*. Omsk. 3: 145–156. [in Russian]
- Azadovskij, 2006** – *Azadovskij, K.* (2006). "Za to ya i polyubil vas krepko", ili Pokhozhdeniya "chistejshego avantyurista" ["That's Why I Fell in Love with You Deeply," or the Adventures of a "Pure Adventurer"]. *Voprosy literatury*. 3: 222–277. [in Russian]
- Batashev i dr., 2023** – *Batashev, M.S., Vdovin, A.S., Gavrillov, I.K., Majzik, E.I. i dr.* (2023). *Ekspeditsionnaya deyatel'nost' Krasnoyarskogo podotdela RGO i Krasnoyarskij gorodskoj muzej (1901–1914)* [Expeditionary activities of the Krasnoyarsk subdivision of the Russian Geographical Society and the Krasnoyarsk City Museum (1901–1914)]. *Vek podvizhnichestva – 4: sbornik nauchnykh statei*. 2-e izd., ispr. i dop. Krasnoyarsk: OOO Izdatel'stvo «Ofset», 632 p. [in Russian]
- Degtyarenko i dr., 2023** – *Degtyarenko, K.A., Menzhurenko, Y.N., Shpak, A.A.* (2023). *Traditsionnoe obshchinnoe ustroystvo i kul'turnoe nasledie korennykh malochislennykh narodov Severa Krasnoyarskogo kraya* [Traditional Communal Structure and Cultural Heritage of Indigenous Minorities of the North of Krasnoyarsk Krai]. *Severnnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 7(3): 161–172. [in Russian]
- Dul'zon, 1964** – *Dul'zon, A.P.* (1964). *Ocherki po grammatike ketskogo yazyka* [Essays on the Grammar of the Ket Language]. Tomsk: izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 222 p [in Russian]
- Ermakov, 2023** – *Ermakov, T.K.* (2023). *Okhota i rybnaya lovlya v traditsionnoj ekonomike korennykh malochislennykh narodov, prozhivayushchikh na territorii Evenkijskogo munitsipal'nogo rajona* [Hunting and fishing in the traditional economy of indigenous peoples living in the Evenki municipal district]. *Severnnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 7(3): 109–117. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyj arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State Archives of Krasnoyarsk Krai].
- Izvestiya..., 1906a** – *Izvestiya Krasnoyarskogo podotdela Vostochnosibirskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. T. 2. Vyp. 1. Krasnoyarsk: Eniseiskaya gubernskaya tipografiya, 1906. 59 p. [in Russian]
- Izvestiya..., 1906b** – *Izvestiya Krasnoyarskogo podotdela Vostochnosibirskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. T. 2. Vyp. 2. Krasnoyarsk: Eniseiskaya gubernskaya tipografiya, 1906. 61 p. [in Russian]
- Izvestiya..., 1906c** – *Izvestiya Krasnoyarskogo podotdela Vostochnosibirskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. T. 2. Vyp. 3–4. Krasnoyarsk: Eniseiskaya gubernskaya tipografiya, 1906. 81 p. [in Russian]
- Karapetova, 2010** – *Karapetova, I.A.* (2010). *Ketskie kollektsii v sobranii rossijskogo etnograficheskogo muzeya* [Ket collections in the collection of the Russian ethnographic museum]. *Sibirskii sbornik*–2. K yubileyu Evgenii Alekseevny Alekseenko. SPb.: MAE RAN. Pp. 295–309. [in Russian]
- KKKM OF** – Krasnoyarskij kraevoj kraevedcheskij muzej, osnovnye fondy [Krasnoyarsk regional museum of local history, main collections].
- Koptseva i dr., 2023** – *Koptseva, N.P., Shishatskij, N.G., Bryukhanova, E.A.* (2023). *Dinamika chislennosti i osobennosti sovremennoj sistemy rasseleniya korennykh malochislennykh narodov Severa v Arkticheskoy zone Krasnoyarskogo kraya* [Dynamics of the population size and features of the modern settlement system of indigenous peoples of the North in the Arctic zone of Krasnoyarsk Krai]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 16(2): 164–183. [in Russian]
- Koptseva et al., 2014** – *Koptseva, M.S., Shpak, A.A., Menzhurenko, Y.N., Degtyarenko, K.A.* (2024). "Znanie Dlya Vsekh" (1915) as a Source on the History of the Russian Empire Science in the late 19th and early 20th centuries. *Bylye Gody*. 19(3): 1470–1481. DOI: 10.13187/bg.2024.3.1470
- Koptseva, Nagaeva, 2023** – *Koptseva N.P., Nagaeva O.S.* (2023). *Traditsionnoe khozyajstvo korennykh malochislennykh narodov Severa v Krasnoyarskom krae: problemy i perspektivy razvitiya* [Traditional economy of indigenous peoples of the North in Krasnoyarsk Krai: problems and development prospects]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 16(7): 1222–1239. [in Russian]
- MAE** – Muzej antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo RAN (Kunstkamera) [Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Kunstkamera)].
- Ogryzkov, 2004** – *Ogryzkov, A.V.* (2004). *Polemika V.I. Anuchina i V.A. Vatina o kharaktere sibirskogo oblastnichestva* [Polemics of V.I. Anuchin and V.A. Vatin on the nature of Siberian regionalism]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 3(28): 19–22. [in Russian]
- Otchet..., 1908** – *Otchet Krasnoyarskogo podotdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva za 1906 g.* [Report of the Krasnoyarsk subdivision of the Imperial Russian Geographical Society for 1906] (1908). Krasnoyarsk: Enisejskaya gubernskaya tipografiya, 50 p. [in Russian]

Patoshina, 2018 – *Patoshina, A.Y.* (2018). Iz istorii fonograficheskikh zapisej fol'klora v Rossii kontsa XIX – nachala XX vekov [From the history of phonographic recordings of folklore in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Uchenye zapiski Rossijskoj akademii muzyki im. Gnesinykh*. 4(27): 56-65. [in Russian]

Protokoly..., 1903–1918 – Protokoly zasedanij Russkogo Komiteta dlya izucheniya Srednej i Vostochnoj Azii v istoricheskom, arheologicheskom, lingvisticheskom i etnograficheskom otnoshenii [Protocols of the meetings of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in Historical, Archaeological, Linguistic and Ethnographic Respect] (1903–1918). SPb. (Pg.): Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk (Rossijskoj Akademii nauk), 604 p. [in Russian]

Radlov, 1908 – *Radlov, V.V.* (1908). Soobshchenie o prinyatii raskhodov d-rom Gansom Mejerom po snaryazheniyu ekspeditsii V. I. Anuchina k Enisejskim ostyakam i V. N. Vasil'eva k karagassam, sojotam i mongolam, v zasedanii istoriko-filologicheskogo otdela Akademii 13 fevralya 1908 g. [Report on the acceptance of expenses by Dr. Hans Meyer for equipping the expedition of V.I. Anuchin to the Yenisei Ostyaks and V.N. Vasiliev to the Karagass, Soyots and Mongols, at a meeting of the Historical and Philological Department of the Academy on February 13, 1908]. *Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk. Ser. 6*. 6(2(5)): 422. [in Russian]

Samoilovich, 1925 – *Samoilovich, A.N.* (1925). Kraevedenie v Tatarskoj ASSR [Local history in the Tatar autonomous Soviet Socialist Republic]. *Kraevedenie*. 2. 1–2: 89. [in Russian]

Sertakova et al., 2024 – *Sertakova, E.A., Zamaraeva, Y.S., Omelik, A.A., Koptseva, M.S.* (2024). Interethnic Relations in the Turukhansk Region in the 18th–19th centuries. *Bylye Gody*. 19(3): 1052-1062. DOI: 10.13187/bg.2024.3.1052

Shilovskij, 2007 – *Shilovskij, M.V.* (2007). Kagan gosudarstva Ojrot. V. I. Anuchin (1875–1943) [Kagan of the Ojrot state. V. I. Anuchin (1875–1943)]. Sud'by, svyazannye s Sibir'yu: Biograficheskie ocherki. Novosibirsk: Sova, pp. 35-42 [in Russian]

Sibirskaya sovetetskaya..., 1929 – *Sibirskaya sovetetskaya entsiklopediya* [Siberian soviet encyclopedia] (1929). Anuchin Vasilij Ivanovich. Novosibirsk. Vol. 1, stb. 127. [in Russian]

Sinel'nikov, 1911 – *Sinel'nikov, N.A.* (1911). Enisejskie ostyaki po nablyudeniyam i namereniyam V.I. Anuchina, obrabotannym N.A. Sinel'nikovym [Yenisei Ostyaks according to the observations and intentions of V.I. Anuchin, processed by N.A. Sinelnikov]. Moskva: tipo-lit. t-va I.N. Kushnereva, 29 p. [in Russian]

Sitnikova i dr., 2022 – *Sitnikova, A.A., Pimenova, N.N., Kolesnik, M.A. i dr.* (2022). Istoriografiya issledovaniy ketskij kul'tury [Historiography of Ket culture research]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 6(3): 20-39. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-3-20-39 [in Russian]

Stozh, 1915 – *Stozh, M.E.* (1915). Anuchin, Vasilij Ivanovich [Anuchin, Vasilii Ivanovich]. Slovar': V. 4 ch. Irkutsk, p. 1. [in Russian]

Sushko, 2008 – *Sushko, A.V.* (2008). Rol' V.I. Anuchina v razvitii altajskogo natsionalizma v 1918 g. [The role of V.I. Anuchin in the development of Altai nationalism in 1918]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4–1(60): 142-145. [in Russian]

Tenisheva, 1989 – *Tenisheva, E.A.* (1989). Anuchin V.I. [Anuchin V.I.]. Russkie pisateli 1800–1917: Biograficheskij slovar'. M. Nr 1. Pp. 95-96. [in Russian]

Vasil'kov, Sorokina, 2003 – *Vasil'kov, Ya.V., Sorokina, M.Y.* (2003). Lyudi i sud'by. Biobibliograficheskij slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetiskij period (1917–1991) [People and destinies. Biographical dictionary of orientalists – victims of political terror in the Soviet period (1917–1991)]. SPb., pp. 35-36. [in Russian]

Vdovin i dr., 2001 – *Vdovin, A.S., Gulyaeva, N.P., Makarov, N.P. i dr.* (2001). Russkoe geograficheskoe obshchestvo v Krasnoyarske (1901–1937 gg.) [Russian geographical society in Krasnoyarsk (1901–1937)]. Krasnoyarsk, 120 p. [in Russian]

Vdovin, 1954 – *Vdovin, I.S.* (1954). Istoriya izucheniya paleoaziatskikh yazykov [History of the study of Paleo-Asian languages]. M.-L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR. 165 p. [in Russian]

Volkov, 2013 – *Volkov, V.G.* (2013). Drevnie migratsii samodijtsev i enisejtsev v svete geneticheskikh dannyx [Ancient migrations of the Samoyeds and Yeniseians in light of genetic data]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii*. 1(1): 79-96. [in Russian]

Zamaraeva et al., 2021 – *Zamaraeva, Y.S., Sertakova, E.A., Sitnikova, A.A.* (2021). Northern Peoples of the Russian Empire in the Materials of the Krasnoyarsk Subdivision of the East Siberian Russian Geographical Society. *Bylye Gody*. 16(2): 948-959. DOI: 10.13187/bg.2021.2.948

Shilovskii – *Shilovskii, M.V.* Anuchin Vasilij Ivanovich (1875–1943). [Anuchin Vasilii Ivanovich (1875–1943)]. Zemlya tomskaya. Kraevedcheskii portal. [Electronic resource]. URL: <https://kraeved.lib.tomsk.ru/page/31/> (date of access: 01.08.2025).

Туруханские экспедиции 1905 г. в материалах Красноярского подотдела Восточносибирского отдела Русского географического общества

Наталья Петровна Копцева ^{a, *}, Ксения Александровна Дегтяренко ^a,
Тихон Константинович Ермаков ^a, Наталья Николаевна Середкина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены ранее не публиковавшиеся материалы отчёта Константина Александровича Масленникова, ученика этнографа, политического деятеля, публициста, писателя Василия Ивановича Анучина, об экспедиции в Туруханский край в 1905 г. В.И. Анучин и его соратник К.А. Масленников совершили несколько поездок в этот край в 1905–1908 гг., в результате которых были получены уникальные сведения о енисейских осяках, северном шаманизме, географии, этнографии и социально-экономическом положении Туруханского края. Результаты исследований получили высокую оценку специалистов ряда научных организаций Российской империи. Однако до настоящего времени были известны только краткие отчёты самого В.И. Анучина об экспедиции 1905 г., касающиеся в основном этнографии енисейских осяков. Новые сведения, полученные в результате изучения архивных материалов, позволяют уточнить источниковедческую базу истории сибирских территорий, истории северных и сибирских народов, истории этнографических исследований в Российской империи начала XX в. В статье рассматривается оценка Туруханской экспедиции 1905 г. в обсуждениях Русского комитета для изучения Центральной и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, Кунсткамеры (Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого) и Красноярского подотдела Восточносибирского отдела Русского географического общества. Представленные организации выделяли финансовые и иные ресурсы на проведение Туруханской экспедиции 1905 г. и получили по её итогам коллекционные материалы. Отмечается также противоречивость данных оценок в отчётах финансирующих организаций. Делается вывод о комплексном значении экспедиции в контексте изучения северных территорий Российской империи в начале XX в.

Ключевые слова: В.И. Анучин, Туруханская экспедиция, 1905 г., К.А. Масленников, Русское географическое общество, северные территории, енисейские осяки, отчёт об экспедиции.

* Корреспондирующий автор

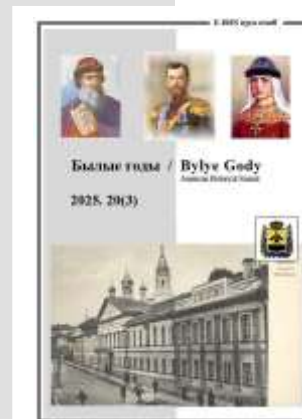
Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Копцева), kkрупkina@sfu-kras.ru (К.А. Дегтяренко), termakov@sfu-kras.ru (Т.К. Ермаков), nnevolko@sfu-kras.ru (Н.Н. Середкина)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1603-1610
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1603

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Children and War: the Kuban Region during the First World War

Andrey A. Baibarin ^{a, *}, Sergei B. Zinkovskii ^b, Varvara V. Bogdan ^c, Mekhriban Elbrus Kyzy Gulieva ^d

^a Moscow University "Synergy", Moscow, Russian Federation

^b Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^c Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^d Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This study is devoted to the analysis of childhood in the Kuban region during the First World War. The material for the manuscript was archival materials from the State Archive of the Krasnodar Krai (Krasnodar, Russian Federation), as well as historical research on the problems of childhood during the war during the First World War. The following methods are used: classification method, historiographical analysis, synthesis, historical-system method, etc.

The problem of the participation of Kuban children in the First World War is poorly understood, primarily due to the small number of sources.

According to the few available documents stored in the GACC, there is reason to say that from the very beginning of the war, children and adolescents of the Kuban region took an active patriotic position and fully supported the outbreak of the war. Teachers of educational institutions and the local Cossacks actively participated in the formation of children's patriotism. The Cossacks also developed decent drill skills and provided young Cossacks with ammunition, as mentioned in their orders by the head of the Kuban region and the ataman of the Kuban Cossacks, M.P. Babich. There is every reason to assume that the patriotism of Kuban children is widespread, which is confirmed by their fleeing to the front as volunteers against the will of their parents.

Keywords: the First World War, 1914–1918, children at war, the image of children at war, Kuban in the First World War, children's patriotism.

1. Введение

Проблема участия детей в войне никогда не была табуированной в литературе: как научной, так и популярной. Более того, эта тема всегда являлась элементом пропаганды, показывая, как слабые члены общества противостоят врагу.

Не является исключением и российская историография: в период Первой мировой войны пропаганда прославляла подростков и юношей, которые помогали русской армии, в советской историографии возносили детей-партизан и так называемых «пионеров-героев» – подростков, прославившихся и героически погибших во время боевых действий. Современная историография исследует участие как в Первой мировой, так и в Великой Отечественной войне, стараясь делать упор не только и не столько на участие в боевых действиях, сколько на объективное освещение необходимости участия детей в военных кампаниях.

В данном исследовании попробуем осветить участие кубанской молодёжи в Первой мировой войне на территории Кубани на основе документов, опубликованных в 2025 году коллективом авторов во главе с российскими историками С.Г. Темировым и А.В. Бабичем (*Кубань и кубанцы, 2025*).

* Corresponding author

E-mail addresses: andrewbaybarin@gmail.com (A.A. Baibarin)

2. Материалы и методы

В качестве материалов были привлечены документы Государственного архива Краснодарского края (ГАКК) (Краснодар, Российская Федерация) периода Первой мировой войны (1914–1918) и содержащиеся в нём периодические издания (в частности, газета «Добровольцы»; [Добровольцы, 1914](#)), а также новейшие исторические исследования российских и зарубежных историков, например, работы Г. Райовича, С. Братановского ([Rajović, Bratanovskii, 2023](#)), О.П. Илюхи ([Илюха, 2017](#)), Е.О. Поповой ([Попова, 2013](#)), Ю.О. Ушаковой ([Ушакова, 2013](#)), А.И. Репинецкого ([Репинецкий, 2014](#)), О.Ю. Никоновой ([Никонова, 2020](#)), Т.А. Магсумова, Т.Е. Зульфугарзаде, М.Б. Колоткова, С.Б. Зиньковского ([Magsumov et al., 2023](#)), Н.Н. Родигиной ([Родигина, 2014](#)), Р.А. Клементьева ([Клементьев, 2014](#)), А.Б. Астахова ([Астахов, 2008](#)), М.Н. Боковой ([Бокова, 2013](#)), А.А. Минаковой ([Минакова, 2013](#)), И.Н. Канаева, П.П. Щербинина ([Канаев, Щербинин, 2008](#)), М. Ноймана ([Нойман, 2021](#)), А.А. Беляевой ([Беляева, 2024](#)), И.В. Фроловой ([Фролова, 2014](#)), С.Р. Повалишниковой ([Повалишникова, 2023](#)), И.В. Фомичева ([Фомичев, 2015](#)), А.И. Чубарова, П.П. Щербинина ([Чубаров, 2021; Чубаров, Щербинин, 2020](#)), Н.Н. Кайдышевой ([Кайдышева, 2021](#)), А.В. Ключаревой ([Ключарева, 2014](#)), И.В. Синовой ([Синова, 2014](#)), Н.В. Ларина ([Ларин, 2025](#)), Л.Н. Семеновой ([Семенова, 2014](#)), Т.А. Шебзуховой, П.П. Щербинина ([Шебзухова, Щербинин, 2024](#)) и др.

Методологическую основу составляют методы классификации (применялся для упорядочения и распределения по категориям историографии о детстве в условиях Первой мировой войны), историографического анализа (задействован для исследования источников и литературы по проблеме детства в условиях войны), синтеза (применялся для представления результатов исследования в виде сжатых и лаконичных тезисов) и историко-системный метод (использовался для анализа связи феномена детства в условиях войны с общей исторической обстановкой).

3. Обсуждение

Исследований по проблеме детства в годы Первой мировой войны весьма много. Хотя советские историки не уделили должного внимания данной проблеме, но это явление в значительной степени скомпенсировано современными исследованиями.

Считаем удобным разделить широкий объём историографии на несколько разделов, а именно:

- Общие (комплексные) работы по проблеме детства в условиях Первой мировой войны;
- Изучение участия детей в боевых действиях, включая партизанскую войну, разведывательную и контрразведывательную деятельность;
- Исследование быта и повседневности детей в тылу (как в целом по Российской империи, так и в отдельных её областях).

К первой категории исследований отнесём работы Г. Райовича и С. Братановского об эволюции представлений в обществе о феномене участия детей в Первой мировой ([Rajović, Bratanovskii, 2023](#)), О.П. Илюхи о трансформации исторических подходов об участии детей в войне ([Илюха, 2017](#)), Е.О. Поповой ([Попова, 2013](#)) и Ю.О. Ушаковой ([Ушакова, 2013](#)) об общих характеристиках «военного» детства, а также о проблемах незащищённых слоёв общества в годы Первой мировой войны в целом (А.И. Репинецкий; [Репинецкий, 2014](#)) и др.

Из фундаментальных исследований отметим труд О.Ю. Никоновой «Дети и война: трансформация детства в России в условиях Первой мировой и Гражданской войн», в котором анализируются причины, мотивы и условия участия детей в боевых действиях, их обеспечение в тылу, особенности мировоззрения, сложившегося в годы войн, и мн. др. ([Никонова, 2020](#)).

Ко второй категории можно отнести исследования Т.А. Магсумова, Т.Е. Зульфугарзаде, М.Б. Колоткова и С.Б. Зиньковского ([Magsumov et al., 2023](#)), Н.Н. Родигиной ([Родигина, 2014](#)) и Р.А. Клементьева ([Клементьев, 2014](#)) о пропаганде в периодических изданиях героизма детей в боевых действиях, а также в плакатах и открытках, А.Б. Астахова об общих вопросах участия детей в боевых действиях ([Астахов, 2008](#)), М.Н. Боковой ([Бокова, 2013](#)), А.А. Минаковой ([Минакова, 2013](#)) о детях, сражавшихся на передовой, И.Н. Канаева и П.П. Щербинина об участии детей в разведывательных и контрразведывательных мероприятиях Русской императорской армии ([Канаев, Щербинин, 2008](#)), М. Ноймана о мобилизации подростков для участия в боевых действиях ([Нойман, 2021](#)) и др.

Третью, наиболее многочисленную категорию, составляют работы А.А. Беляевой о состоянии детства во фронтовом Архангельске ([Беляева, 2024](#)), И.В. Фроловой – в Новгородской и Псковской губерниях ([Фролова, 2014](#)) и др.

Вопросы социального обеспечения (или так называемого «призрения» или «вспомоществования») детей, в том числе и в отдельных регионах Российской империи, исследуют С.Р. Повалишниковой ([Повалишникова, 2023](#)), И.В. Фомичев ([Фомичев, 2015](#)), А.И. Чубаров, П.П. Щербинин ([Чубаров, 2021; Чубаров, Щербинин, 2020](#)), Н.Н. Кайдышева ([Кайдышева, 2021](#)), А.В. Ключарева ([Ключарева, 2014](#)) и др.

Повседневность детей в условиях войны анализируют И.В. Синова ([Синова, 2014](#)), Н.В. Ларин ([Ларин, 2025](#)) и др. Л.Н. Семенова исследует роль влияния войны на сознание детей и народных учителей, их школьную жизнь и пр. ([Семенова, 2014](#)).

Из фундаментальных исследований по общим вопросам повседневной жизни и социальной защиты детства в годы Первой мировой отметим монографию Т.А. Шебзуховой и П.П. Щербинина «Социальное попечение и повседневная жизнь детей в период Первой мировой войны: 1914–1918 гг.» (Шебзухова, Щербинин, 2024).

Ещё раз отметим, что указанный историографический список является далеко не полным. Давать исчерпывающую историографию в пределах задач нашей неисториографической работы мы считаем бессмысленным, поэтому указали лишь те труды, на которые мы опирались при подготовке данного исследования.

Вместе с тем исследований по кубанским детям относительно немного. Наше исследование призвано восполнить указанные пробелы.

4. Результаты

Дети, как известно, являются слабозащищёнными членами общества, поэтому война отражается в их сознании гораздо более сильно, чем у взрослых людей. Нельзя не согласиться с мнением А. Дж. Козна, которое приводит британский историк Матиас Нойман о том, что «...российские педагоги и специалисты, занимающиеся вопросами развития детей, были глубоко обеспокоены влиянием войны на когнитивное, поведенческое и нравственное развитие ребенка» (Нойман, 2021: 174).

С самого начала войны дети и подростки (учащиеся) Кубанской области заняли активную патриотическую позицию. В частности, на это указывает секретное «Донесение унтер-офицера Сордобинцова начальнику Кубанского областного жандармского управления полковнику А.Н. Тихобразову о проведении учащимися города Ейска патриотической манифестации», датированное 21 июля 1914 года, г. Ейск. Унтер-офицер докладывал, что «...20-го сего июля, около 9 час. вечера, в Ейском городском сквере учениками и ученицами местных учебных заведений и многочисленной толпой народа произвели патриотическую манифестацию, с портретом Государя Императора, с национальными флагами и флагом белым с надписью: “Да здравствует Россия!”» (Кубань и кубанцы, 2025: 125-126). Также, указанные манифестанты «...с пением: “Боже, Царя храни” и молитвою: “Спаси Господи люди Твоя” прошли на вокзале Ейской железной дороги, где стоял в это время отходящий воинский поезд, на вокзале было неизвестными учениками и отъезжающими запасными нижними чинами и казаками провозглашены тосты: “Да здравствует Россия!”, “Да здравствует Всероссийский Императорский дом!”, “Да здравствует русское войско!” и “казачество!”, “Да здравствует Сербия!”, “Долой Германию и Австрию!”. Все тосты были покрыты криками “Ура!”» (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 983. Т.2. Л. 273-273об.). Также в рапорте указано, что «...по отходе воинского поезда вышеназванная манифестация направилась в город с пением вышеназванного гимна и молитвы за Царя, пройдя вокруг гостиных рядов, и снова направилась в городской сквер, где в 11 час. 30 мин. ночи мирно разошлась по домам. Каких-либо противоправительственных подстрекательств замечено не было» (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 983. Т. 2. Л. 273-273об.).

Как видим, молодёжь была настроена весьма патриотично и всецело поддерживала начало военных действий. Не исключено, что провести такую манифестацию учащихся негласно призвали учителя учебных заведений, однако подтверждений этому в сохранившихся в архиве документах нами не обнаружено.

Другой документ говорит об участии в патриотическом праздновании детей-казаков. Об этом в своём приказе от 15 мая 1915 года сообщает наказной атаман, генерал от инфантерии М.П. Бабиш (в документе – Бабыш; Прим. авт.): «...6-го сего мая, в день рождения Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича, на парад прибыли казачата-школьники от станиц Екатеринодарского отдела: Воронежской – 46 мальчиков, Усть-Лабинской – 50, Ладожской – 79, Бейсугской – 42, Кирпильской – 43, Георгие-Афипской – 32, Ильской – 30, и Северной – 55, а всего 377 казачат. ...Приятно было смотреть на молодцеватый вид казачат, вооруженных деревянными ружьями со штыками и имевших прекрасное и однообразное казачье обмундирование, и затем на отличную выправку и стройное прохождение церемониальным маршем. ...Считаю долгом благодарить атамана Екатеринодарского отдела полковника Камянского за прекрасную постановку дела подготовки казачат-школьников строю; атаманам станиц, станичным сборам указанных станиц и родителям казачат объявляю благодарность за их усердие в этом деле, а молодцам казачатам, участвовавшим в параде, объявляю мое “Атаманское спасибо!”» (ГАКК. Справочно-информационный фонд. Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1915 год. Типографский экз.).

Документ подтверждает факт того, что на территории Кубанского казачьего войска велась активная военно-патриотическая работа. На параде участвовали исключительно мальчики; отмечается хорошая строевая подготовка и казачье обмундирование. Работа такая кубанским атаманством весьма поощрялась. С учётом количества молодых участников парада, не будет преувеличением тезис о том, что патриотизм детей носил массовый характер.

Патриотизм детей Кубани подтверждается не только детскими манифестациями и парадами, но и случаями убегания на фронт добровольцами против воли родителей. Об этом, в частности,

свидетельствует «Объявление по Кавказской армии о задержании сбежавшего на фронт 15-летнего гимназиста Сергея Кетхудова» от 10 февраля 1916 года: «Сын подполковника Кетхудова, Сергей, гимназист 4-й гимназии, 15 лет, 1 февраля скрылся из дому и по всем признакам бежал на фронт», далее указываются его приметы и просьба командирам частей «...доставить его в штаб армии в Тифлис с нарочным» (*Кубань и кубанцы...*, 2025: 379).

Добровольческое движение вполне могло носить массовый характер. Причём некоторые документы того периода прямо указывают на то, что молодые люди допризывного возраста составляли большую часть добровольцев, однако считать их достоверными источниками нельзя.

В частности, «Публикация в газете “Кубанский край” о добровольцах, прибывших в кубанскую дружину из города Екатеринодара и южных губерний России» от 22 августа 1914 года за авторством некоего «Очевидца» указывает, что «...20 августа местным уездным воинским начальником был принят 61 доброволец. ...Добровольцы, в большинстве молодые люди допризывного возраста, меньшинство – 23-26 лет» (*Добровольцы, 1914: 3*).

Отмечается также их желание воевать, даже несмотря на юридическую невозможность призыва, и стойкость желания идти на фронт: «На вопрос, почему они попали сюда из других губерний, некоторые ответили, что:

- Нас не хотели брать на местах... Вот, слава Богу, местный воинский начальник принял нас... Мы уже за свои скитанья и хлопоты совсем износились.

Действительно, несмотря на наступившее прохладное (по вечерам и ночью) время, почти все добровольцы в одних сорочках и изношенных донельзя пиджаках...» (*Добровольцы, 1914: 3*).

Отмечается также, что «...немедленно им был дан горячий ужин (кашица с кусочками мяса), и они, довольные, что “слава Богу, приняты”, восторженно и радостно приняли участие в обычном перед “зарёю” вечернем времяпрепровождении ратников»; «сборный оркестр ратников, составленный из гармонии, балалайки, флейты, скрипки, бубнов, свистулек, дружно, весело “жарил”: “барыню”, “комара”, “метелицу” и, смешно, – “новые танцы”, а добровольцы и ратники “отжаривали” энергично удалые народные танцы»; «...Когда проиграли вечером “на молитву”, добровольцы стройно пропели целый ряд молитв, а по окончании, по предложению дежурного по дружине офицера, стройно пропели “Боже, Царя храни”»; «Добровольцы не дождутся, когда их экипируют, дадут ружья и начнут учить.

- Поскорее бы, ваше благородие, – говорят они офицерам дружины, – обучили бы нас. Будем стараться... Скорее бы нас туда отправили, где мы можем “поработать” за Веру, Царя и Святую Родину!» (*Добровольцы, 1914: 3*).

Заметка сопровождается и «экономическим пожеланием»: «Обращаем внимание жертвователей, что добровольцы очень нуждаются в белье (как и некоторые, из бедных семей, ратники)» (*Добровольцы, 1914: 3*).

Безусловно, приведённая газетная выдержка является всецело агитационно-пропагандистским материалом и, прежде всего, призвана усилить патриотические настроения показанным примером (документального подтверждения которого нами не обнаружено), увеличить приток добровольцев разных возрастов, а также усилить экономическую и гуманитарную помощь вооружённым силам.

Патриотизм подкреплялся и экономической поддержкой, причём активную роль в этом деле играли учителя. В частности, сохранился документ, а именно «Выдержка из протокола заседания педагогического совета 3-го Екатеринодарского высшего начального училища об устройстве литературно-вокального вечера и беспроигрышной лотереи с целью сбора средств на военные нужды» от 16 марта 1916 года, г. Екатеринодар. В выдержке указано, что «...Учительница Миронова предложила устроить силами учащихся, по окончании учебного года, литературно-вокальный вечер и на вечере беспроигрышную лотерею с целью дать возможность учащимся собственными силами добыть средства на нужды войны. Большая часть вещей для лотереи должна быть изготовлена самими учащимися, например различные предметы рукоделия, выращенные в горшках цветы и т. п. Деньги на покупку материала для вещей, которые могут быть сделаны учащимися, Миронова предлагала зарабатывать, опять-таки силами самих учащихся, следующим образом: ходить на весенние работы в сады и огороды – копать гряды, открывать виноград, сажать рассаду и проч., тем более что такого рода работы должны были бы производиться в самой школе, если б имелось соответствующее место. За работу предполагается брать самую небольшую плату, чем учащиеся оказали бы помощь семьям небогатых садоводов, так как рабочие в настоящее время чрезвычайно дороги. ...Совет принял предложение Мироновой, но с условием брать на работы в сады учащихся, не отстающих в учении» (*Кубань и кубанцы, 2025: 397-398*).

Документ доказывает привлечение детей к экономической помощи фронту, включая общественные работы; добровольность такого рода пожертвований остаётся неизвестной. Предполагаем, что могло иметь место и понуждение к такого рода «пожертвованиям», однако прямых данных, указывающих на это, в документах не содержится.

В целом отметим, что документов, хранящихся в ГАКК и подтверждающих участие кубанских детей в боевых действиях, относительно немного. Однако даже имеющиеся источники дают

основания предполагать о наличии высокого уровня патриотизма среди детей на территориях Кубанского казачьего войска.

5. Заключение

Проблема участия кубанских детей в Первой мировой войне является малоизученной, прежде всего по причине немногочисленности источниковой базы.

По немногим имеющимся документам, хранящимся в ГАКК, есть основания говорить о том, что с самого начала войны дети и подростки Кубанской области заняли активную патриотическую позицию и всецело поддерживали начало войны. В формировании детского патриотизма активно участвовали учителя образовательных учреждений и местное казачество. Также казачество формировало достойные навыки строевой подготовки и обеспечивало юных казаков амуницией, о чём в своих приказах упоминал начальник Кубанской области и наказной атаман кубанского казачества М.П. Бабич. Есть все основания предполагать о массовом характере патриотизма кубанских детей, который подтверждается уходом их на фронт в качестве добровольцев против воли родителей.

Литература

[Асташов, 2008](#) – Асташов А.Б. Дети идут на войну: из истории «детского вопроса» в России в годы Первой мировой войны / *Из истории детства в России и других странах: сборник статей и материалов. Сер. «Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики»*. Вып. 1. Российский государственный гуманитарный университет, Российская академия образования / Сост. Г.В. Макаревич. М., 2008. С. 101-113.

[Беляева, 2024](#) – Беляева А.А. Дети и война: Первая мировая война в Архангельске глазами ребенка / *Развитие современной науки и образования: инновации в преподавании, обучении, научных исследованиях. Сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Архангельск, 2024. С. 150-153.

[Бокова, 2013](#) – Бокова М.Н. Дети в сражениях Первой мировой войны // *Pro Nunc. Современные политические процессы*. 2013. № 1 (12). С. 102-105.

[ГАКК](#) – Государственный архив Краснодарского края.

[Добровольцы, 1914](#) – Добровольцы // *Кубанский край*. 22 августа 1914 г. №189. С. 3.

[Илюха, 2017](#) – Илюха О.П. Дети и детство в условиях Первой мировой войны: подходы к теме современных российских историков / *Историк. Время. Общество. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926-2014)*. М., 2017. С. 101-115.

[Кайдышева, 2021](#) – Кайдышева Н.Н. Организация помощи детям в Пермской губернии в годы Первой мировой войны // *Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология*. 2021. № 4. С. 43-55.

[Канаев, Щербинин, 2008](#) – Канаев И.Н., Щербинин П.П. Дети-шпионы и русская контрразведка в период Первой мировой войны 1914–1917 гг. // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2008. № 8 (64). С. 207-212.

[Клементьев, 2014](#) – Клементьев Р.А. Дети и война: образ ребенка в российских открытках и плакатах периода Первой мировой войны / *Человек и общество в условиях войн и революций. Сборник материалов Всероссийской научной конференции* / Отв. ред. Е.Ю. Семенова. Самара, 2014. С. 148-154.

[Ключарева, 2014](#) – Ключарева А.В. Попечение о детях в годы Первой мировой войны со стороны духовенства (по материалам Тульской епархии) / *Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. 2014. № 24. С. 157-160.

[Кубань и кубанцы..., 2025](#) – Кубань и кубанцы в годы Первой мировой войны (1914–1918): сборник документов / Сост. С.Г. Темиров, А.В. Бабич. Краснодар: Традиция, 2025.

[Ларин, 2025](#) – Ларин Н.В. Повседневность и досуг детей беженцев в условиях эвакуации в Рязани в период Первой мировой войны (по материалам детских приютов) / *Досуг в повседневной жизни: история и современность. Материалы международной научной конференции. В 2-х томах*. СПб., 2025. С. 210-215.

[Минакова, 2013](#) – Минакова А.А. Российские дети – участники Первой мировой войны // *Pro Nunc. Современные политические процессы*. 2013. № 1 (12). С. 127-129.

[Никонова, 2020](#) – Никонова О.Ю. Дети и война: трансформация детства в России в условиях Первой мировой и Гражданской войн. НИР: грант № 20-39-90008. Российский фонд фундаментальных исследований. 2020.

[Нойман, 2021](#) – Нойман М. Мобилизация детей: подростки Киева в годы Первой мировой войны // *Проблемы современного образования*. 2021. № 6. С. 171-185.

[Повалишников, 2023](#) – Повалишников С.Р. Власть и общество Владимирской губернии в деле попечения о детях в годы Первой мировой войны // *Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: «Социальные и гуманитарные науки»*. 2023. № 2 (38). С. 28-34.

- Попова, 2013** – Попова Е.О. Российские дети в годы Первой мировой войны // *Pro Nunc. Современные политические процессы*. 2013. № 1 (12). С. 122-126.
- Репинецкий, 2014** – Репинецкий А.И. Женщины и дети в годы Первой мировой войны (на материалах Поволжья) // *Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны)*. Материалы Международной научной конференции. 2014. С. 457-462.
- Родигина, 2014** – Родигина Н.Н. «Я сама хочу пойти на войну»: образы детей в женских журналах в годы Первой мировой войны / *Тобольск научный – 2014. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции*. Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук. 2014. С. 188-193.
- Семенова, 2014** – Семенова Л.Н. Влияние Первой мировой войны на школьную жизнь, сознание детей и народных учителей // *Первая мировая война и проблемы российского общества*. Материалы международной научной конференции. 2014. С. 88-91.
- Синова, 2014** – Синова И.В. Повседневная жизнь детей в условиях Первой мировой войны / *Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны)*. Материалы Международной научной конференции. 2014. С. 487-492.
- Ушакова, 2013** – Ушакова Ю.О. Дети России в Первой мировой войне // *Pro Nunc. Современные политические процессы*. 2013. № 1 (12). С. 99-101.
- Фомичев, 2015** – Фомичев И.В. Благотворительная помощь детям-беженцам и детям-сиротам в годы Первой мировой войны / *Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. 2015. № 25. С. 196-199.
- Фролова, 2014** – Фролова И.В. Система призрения детей и подростков в период Первой мировой войны (на примере Новгородской и Псковской губерний) / *Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX вв. (к столетию начала первой мировой войны)*. Материалы Международной научной конференции. 2014. С. 368-374.
- Чубаров, 2021** – Чубаров А.И. Столица и провинции: призрение детей нижних чинов в эпоху Первой мировой войны // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2021. Т. 11. № 6. С. 275-285.
- Чубаров, Щербинин, 2020** – Чубаров А.И., Щербинин П.П. Социальное призрение детей во время Первой мировой войны // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2020. Т. 25. № 188. С. 195-202.
- Шебзухова, Щербинин, 2024** – Шебзухова Т.А., Щербинин П.П. Социальное попечение и повседневная жизнь детей в период Первой мировой войны: 1914–1918 гг. М., 2024.
- Magsumov et al., 2023** – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The First World War on the Pages of the Journal «Studencheskii Byulleten' Kievskogo Kommercheskogo Instituta» // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 998-1006.
- Rajović, Bratanovskii, 2023** – Rajović G., Bratanovskii S.N. The Evolution of the Image «Children at War 1914-1915» (based on the Materials of the Newspaper «Soldatskii Vestnik») // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1532-1538.

References

- Astashov, 2008** – Astashov, A.B. (2008). Deti idut na voinu: iz istorii «detskogo voprosa» v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny [Children go to war: from the history of the "children's question" in Russia during the First World War]. *Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh: sbornik statei i materialov. Ser. «Trudy seminara «Kul'tura detstva: normy, tsennosti, praktiki»*. Vyp. 1. Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, Rossiiskaya akademiya obrazovaniya. Sost. G.V. Makarevich. M. Pp. 101-113. [in Russian]
- Belyaeva, 2024** – Belyaeva, A.A. (2024). Deti i voina: Pervaya mirovaya voina v Arkhangel'ske glazami rebenka [Children and war: The First World War in Arkhangelsk through the eyes of a child]. *Razvitie sovremennoi nauki i obrazovaniya: innovatsii v prepodavanii, obuchenii, nauchnykh issledovaniyakh. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Arkhangel'sk. Pp. 150-153. [in Russian]
- Bokova, 2013** – Bokova, M.N. (2013). Deti v srazheniyakh Pervoi mirovoi voiny [Children in the battles of the First World War]. *Pro Nunc. Sovremennye politicheskie protsessy*. 1(12): 102-105. [in Russian]
- Chubarov, 2021** – Chubarov, A.I. (2021). Stolitsa i provintsii: prizrenie detei nizhnikh chinov v epokhu Pervoi mirovoi voiny [The capital and the provinces: care for children of lower ranks during the First World War]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*. 11(6): 275-285. [in Russian]
- Chubarov, Shcherbinin, 2020** – Chubarov, A.I., Shcherbinin, P.P. (2020). Sotsial'noe prizrenie detei vo vremya Pervoi mirovoi voiny [Social care for children during the First World War]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 25(188): 195-202. [in Russian]
- Dobrovol'tsy, 1914** – Dobrovol'tsy [Volunteers]. *Kubanskii krai*. 22 avgusta. №189. P. 3. [in Russian]
- Fomichev, 2015** – Fomichev, I.V. (2015). Blagotvoritel'naya pomoshch' detyam-bezhentsam i detyam-sirotam v gody Pervoi mirovoi voiny [Charitable assistance to refugee children and orphans during the First

- World War]. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. 25: 196-199. [in Russian]
- Frolova, 2014** – Frolova, I.V. (2014). Sistema prizreniya detei i podrostkov v period Pervoi mirovoi voyny (na primere Novgorodskoi i Pskovskoi gubernii) [The system of care for children and adolescents during the First World War (on the example of the Novgorod and Pskov provinces)]. *Voina i povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii XVII–XX vv. (k stoletiyu nachala pervoi mirovoi voyny). Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Pp. 368-374. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [State Archives of Krasnodar Krai].
- Ilyukha, 2017** – Ilyukha, O.P. (2017). Deti i detstvo v usloviyakh Pervoi mirovoi voyny: podkhody k teme sovremennykh rossiiskikh istorikov [Children and childhood during the First World War: approaches to the topic by modern Russian historians]. *Istoriya. Vremya. Obshchestvo. Sbornik trudov k 90-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. RAN Rafaila Sholomovicha Ganelina (1926-2014)*. M. Pp. 101-115. [in Russian]
- Kaidysheva, 2021** – Kaidysheva, N.N. (2021). Organizatsiya pomoshchi detyam v Permskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voyny [Organization of assistance to children in the Perm province during the First World war]. *Uchenye zapiski NTGSPi. Seriya: Istoriya i filologiya*. 4: 43-55. [in Russian]
- Kanaev, Shcherbinin, 2008** – Kanaev, I.N., Shcherbinin, P.P. (2008). Deti-shpiony i russkaya kontrrazvedka v period Pervoi mirovoi voyny 1914–1917 gg. [Child Spies and Russian Counterintelligence during the First World War of 1914–1917]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 8(64): 207-212. [in Russian]
- Klement'ev, 2014** – Klement'ev, R.A. (2014). Deti i voina: obraz rebenka v rossiiskikh otkrytkakh i plakatakh perioda Pervoi mirovoi voyny [Children and War: the Image of the Child in Russian Postcards and Posters during the First World War]. *Chelovek i obshchestvo v usloviyakh voyn i revolyutsii. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Otв. red. E.Yu. Semenova. Samara. Pp. 148-154. [in Russian]
- Klyuchareva, 2014** – Klyuchareva, A.V. (2014). Popechenie o detyakh v gody Pervoi mirovoi voyny so storony dukhovenstva (po materialam Tul'skoi eparkhii) [Care of children during the First World War by the clergy (based on the materials of the Tula diocese)]. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. 24: 157-160. [in Russian]
- Kuban' i kubantsy..., 2025** – Kuban' i kubantsy v gody Pervoi mirovoi voyny (1914–1918): sbornik dokumentov [Kuban and Kuban residents during the First World War (1914–1918): collection of documents]. Sost. S.G. Temirov, A.V. Babich. Krasnodar: Traditsiya, 2025. [in Russian]
- Larin, 2025** – Larin, N.V. (2025). Povsednevnost' i dosug detei bezhentshev v usloviyakh evakuatsii v Ryazani v period Pervoi mirovoi voyny (po materialam detskikh priyutov) [Everyday life and leisure of refugee children during the evacuation in Ryazan during the First World War (based on the materials of orphanages)]. *Dosug v povsednevnoi zhizni: istoriya i sovremennost'*. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. V 2-kh tomakh. SPb. Pp. 210-215. [in Russian]
- Magsumov et al., 2023** – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2023). The First World War on the Pages of the Journal «Studencheskii Byulleten' Kievskogo Kommercheskogo Instituta». *Bylye Gody*. 18(2): 998-1006.
- Minakova, 2013** – Minakova, A.A. (2013). Rossiiskie deti – uchastniki Pervoi mirovoi voyny [Russian children – participants of the First World war]. *Pro Nunc. Sovremennye politicheskie protsessy*. 1(12): 127-129. [in Russian]
- Nikonova, 2020** – Nikonova, O.Yu. (2020). Deti i voina: transformatsiya detstva v Rossii v usloviyakh Pervoi mirovoi i Grazhdanskoi voyn. NIR: grant № 20-39-90008 [Children and war: transformation of childhood in Russia during the First World and Civil Wars. Research: grant No. 20-39-90008]. Rossiiskii fond fundamental'nykh issledovaniy. [in Russian]
- Noiman, 2021** – Noiman, M. (2021). Mobilizatsiya detei: podrostki Kieva v gody Pervoi mirovoi voyny [Mobilization of children: teenagers of Kyiv during the First World war]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 6: 171-185. [in Russian]
- Popova, 2013** – Popova, E.O. (2013). Rossiiskie deti v gody Pervoi mirovoi voyny [Russian children during the First World war]. *Pro Nunc. Sovremennye politicheskie protsessy*. 1(12): 122-126. [in Russian]
- Povalishnikova, 2023** – Povalishnikova, S.R. (2023). Vlast' i obshchestvo Vladimirskoi gubernii v dele popecheniya o detyakh v gody Pervoi mirovoi voyny [The government and society of the Vladimir province in the Care of Children during the First World war]. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovykh. Seriya: «Sotsial'nye i gumanitarnye nauki»*. 2(38): 28-34. [in Russian]
- Rajović, Bratanovskii, 2023** – Rajović, G., Bratanovskii, S.N. (2023). The Evolution of the Image «Children at War 1914-1915» (based on the Materials of the Newspaper «Soldatskii Vestnik»). *Bylye Gody*. 18(3): 1532-1538.
- Repinetskii, 2014** – Repinetskii, A.I. (2014). Zhenshchiny i deti v gody Pervoi mirovoi voyny (na materialakh Povolzh'ya) [Women and children during the First World War (based on materials from the Volga region)]. *Voina i povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii XVII–XX vv. (k stoletiyu nachala Pervoi mirovoi voyny). Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Pp. 457-462. [in Russian]

Rodigina, 2014 – Rodigina, N.N. (2014). «Ya sama khochu poiti na voinu»: obrazy detei v zhenskikh zhurnalakh v gody Pervoi mirovoi voiny [“I want to go to war myself”: images of children in women's magazines during the First World War]. *Tobol'sk nauchnyi – 2014. Materialy XI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Tobol'skaya kompleksnaya nauchnaya stantsiya Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*. Pp. 188-193. [in Russian]

Semenova, 2014 – Semenova, L.N. (2014). Vliyanie Pervoi mirovoi voiny na shkol'nyu zhizn', soznanie detei i narodnykh uchitelei [The influence of the First World War on school life, consciousness of children and public teachers]. *Pervaya mirovaya voina i problemy rossiiskogo obshchestva. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Pp. 88-91. [in Russian]

Shebzukhova, Shcherbinin, 2024 – Shebzukhova, T.A., Shcherbinin, P.P. (2024). Sotsial'noe popechenie i povsednevnyaya zhizn' detei v period Pervoi mirovoi voiny: 1914–1918 gg. [Social care and everyday life of children during the First World War: 1914–1918]. M. [in Russian]

Sinova, 2014 – Sinova, I.V. (2014). Povsednevnyaya zhizn' detei v usloviyakh Pervoi mirovoi voiny [Everyday life of children during the First World war]. *Voina i povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii XVII–XX vv. (k stoletiyu nachala Pervoi mirovoi voiny)*. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Pp. 487-492. [in Russian]

Ushakova, 2013 – Ushakova, Yu.O. (2013). Deti Rossii v Pervoi mirovoi voine [Children of Russia in the First World war]. *Pro Nunc. Sovremennye politicheskie protsessy*. 1(12): 99-101. [in Russian]

Дети и война: Кубанская область в годы Первой мировой войны

Андрей Андреевич Байбарин ^{a, *}, Сергей Борисович Зинковский ^b, Варвара Владимировна Богдан ^c, Мехрибан Эльбрус кызы Гулиева ^d

^a Московский университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

^c Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^d Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу детства на Кубани в условиях Первой мировой войны. Материалом для рукописи послужили архивные материалы Государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), а также исторические исследования по проблематике детства в условиях войны в годы Первой мировой. В качестве методов применены: метод классификации, историографического анализа, синтеза, историко-системный метод и др.

Проблема участия кубанских детей в Первой мировой войне является малоизученной, прежде всего по причине немногочисленности источниковой базы.

По немногим имеющимся документам, хранящимся в ГАКК, есть основания говорить о том, что с самого начала войны дети и подростки Кубанской области заняли активную патриотическую позицию и всецело поддерживали начало войны. В формировании детского патриотизма активно участвовали учителя образовательных учреждений и местное казачество. Также казачество формировало достойные навыки строевой подготовки и обеспечивало юных казаков амуницией, о чём в своих приказах упоминал начальник Кубанской области и наказной атаман кубанского казачества М.П. Бабич. Есть все основания предполагать о массовом характере патриотизма кубанских детей, который подтверждается убеганием их на фронт в качестве добровольцев против воли родителей.

Ключевые слова: Первая мировая война, 1914–1918, дети на войне, образ детей на войне, Кубань в Первой мировой войне, детский патриотизм.

* Корреспондирующий автор

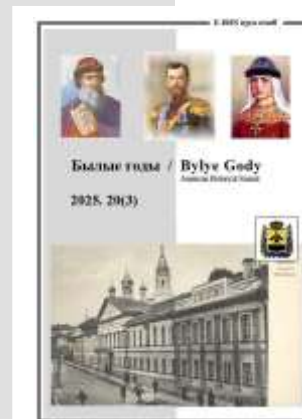
Адреса электронной почты: andrewbaybarin@gmail.com (А.А. Байбарин)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1611-1618
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1611

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The First World War and the Economic Situation of Siberia in the Materials of the Journal “Sibirskie Zapiski”: Socio-Political Narratives

Alexander V. Golovinov ^{a,*}, Alexander V. Chichulin ^b, Konstantin A. Ishekov ^c, Vera S. Zubkova ^a

^a Altai State University, Barnaul, Russian Federation

^b P.A. Stolypin Omsk State Agrarian University, Omsk, Russian Federation

^c Synergy University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The aim of the research is to reconstruct the socio-political narratives about the impact of the First World War on the economic policy pursued in Siberia, which were presented in the journal “Sibirskie Zapiski”. The source base was a corpus of journalistic works placed in the said publication, to which political and textual analysis was applied. In the cognitive and methodological respect, the work relies on the tools of the “new political history”. This epistemological strategy allows us to focus not so much on the political past of sovereigns and public authorities, but on the personalities and groups of public associations that influence the agenda through journalism.

The article reconstructs and shows the negative consequences of the war for the Asian part of Russia. Publicists attributed to them an increase in the cost of goods and services, as well as the growth of speculation in the region. The reasons for this were explainable by the fact that human and other resources were required for military needs. The content of the journalistic materials of the analyzed publication allows us to note that the state policy in the field of economy of the “era of wars and revolutions” carried out in Siberia had significant flaws. The sore point was the pricing policy, which needed state control.

The situation in book publishing worsened, which in turn demonstrated the serious influence of wartime on the minds of Siberians. Cities, their infrastructure and landscaping also found themselves in a disastrous financial situation. Settlements developed ambiguously, since on the one hand their budgets grew due to the railroad, while the social environment evolved extremely poorly.

The authors come to the conclusion that a separate narrative was the topic of demand for skilled labor in the region. The discourse was widely disseminated that the First World War would become a necessary driver of economic development in Siberia, the development of its mineral resources and the improvement of the transport infrastructure of the region.

Keywords: First World War, Siberia, political journalism, the impact of the war on the economy, Siberian Notes, high prices, food policy.

1. Введение

Фактор вооружённых конфликтов всегда оказывал определённое влияние на внутреннюю государственную политику. Материальное бремя снабжения боеспособных войсковых подразделений часто ложилось на глубокие тыловые территории. В период Первой мировой войны ярко виден характер воздействия на экономическое благосостояние и уровень хозяйственного развития окраин Российской империи. Азиатская часть нашего Отечества, и прежде всего Сибирь и Дальний Восток, оставалась территорией с кладовыми запасами ресурсов: природных, производственных, людских.

* Corresponding author

E-mail addresses: alex-golovinov@mail.ru (A.V. Golovinov)

Слабозаселенные пространства сибирского региона нуждались в дальнейшем освоении со стороны государства. Однако военный фактор выступил определённым тормозом данного направления политики властей, с другой стороны, именно он же и мог бы приобрести характер реального драйвера промышленного и ресурсного освоения потенциала Сибири. Целый ряд данных обстоятельств стал предметом публичной медийной дискуссии на полосах первого «толстого» журнала в регионе – «Сибирские записки». Издание видело свет в период внутренних и внешних катаклизмов в социально-экономической и политической жизни страны и пришлось на период начала XX в. Из номера в номер активно обсуждались проблемы развития Сибири под воздействием Первой мировой войны.

Однако в отечественной исследовательской литературе обозначенная тематика не получила должного освещения. Вместе с тем обращение к страницам периодической печати, на которых освещались различные позиции о хозяйственном уровне развития региона в период Первой мировой войны, видится актуальным по нескольким причинам. Во-первых, такой подход позволит актуализировать использование публицистических статей как письменных исторических источников, в данном случае размещённых в журнале «Сибирские записки». Во-вторых, эвристическим потенциалом может обладать выявленные проблемы и предложения по развитию экономической политики региона, осложнённой бременем вооружённых конфликтов.

Как справедливо замечает Т.А. Магсумов, театр сражений и боев в ходе Первой мировой войны изучен основательно, а вот роль тыла, отдельных регионов, а также влияния данного периода отечественной истории на тыловые территории только становится предметом исторических исследований. Данное обстоятельство также можно считать актуальным для изучения воздействия Первой мировой войны на экономическое благосостояние и уровень материального развития тыловых окраин Российской империи (Magsumov, 2025).

2. Материалы и методы

Достижение познавательных замыслов считаем возможным с привлечением гносеологического инструментария «новой политической истории», которая делает акцент не столько на политическом прошлом государей и органов публичной власти, сколько на личности и группах общественных ассоциаций, оказывающих воздействие на повестку дня в широких массах населения. Рассмотрение проблем проводимой экономической политики в эпоху Первой мировой войны на территории сибирского региона, таким образом, будет реконструироваться с позиций общественных групп, а не официальных лиц, продуцирующих сухие циркуляры. Полагаем, что данная методологическая стратегия позволит адекватно оценить уровень хозяйственного развития Сибири в рамках государственной экономической политики, проводимой в годы Первой мировой войны. Также для содержательной аналитики письменных источников значение имел историко-текстологический анализ.

Основу исследования составляет корпус письменных исторических источников – публицистических материалов, размещённых в первом «толстом» журнале Сибири – «Сибирские записки». До сих пор издание было слабо представлено в отечественной историографии как дополнительный источник по изучению влияния Первой мировой войны на экономическую политику в Азиатской части Российской империи.

Аналитике подвергается публицистика А.К. Морозова, А.В. Зорина, Я.П. Киржница, Вл.М. Крутовского, В.А. Николаева, Н.К. Миндаровского, выявленная на полосах регионального журнала за период 1916–1918 гг. Хронология объясняется периодом издания «Сибирских записок», который пришёлся на эти годы. Эвристический характер источниковой базы работы видится в привлечении и рассмотрении данных материалов как письменных форм выражения представлений общественности о факторе Первой мировой войны, воздействующей на материальное благосостояние имперских окраин.

3. Обсуждение

В историографии вопроса целесообразно выделить два блока исследовательских работ. Первую группу составляет корпус работ, посвящённых анализу содержательной части, а также роли и значению журнала «Сибирские записки» в истории периодической печати. Это, прежде всего, разработки А.Ю. Горбенко и В.В. Чекушина (Горбенко, Чекушин, 2023; Чекушин, 2021), Ю.Б. Костяковой (Костякова, 2017), А.В. Головинова (Golovinov, 2024) и др. Главным образом данные авторы апеллируют к смысловому характеру формирующихся дискурсов на полосах регионального журнала. Отдельными темами послужили проблемы литературных приёмов в среде публицистов, сотрудничавших с изданием, а также вопросы освещения фрагментов социально-политической жизни Азиатской части Российской империи.

Вторым направлением историографии вопроса можно считать ряд исследований, посвящённых политической идеологии сибирского областничества. Так как первый «толстый» журнал Сибири издавался исключительно с позиций областнической программы, то естественно, учёные часто апеллируют к данному комплексу письменных материалов. В современном «областниковедении» можно выделить труды В.П. Зиновьева (Зиновьев, 2022), Д.Н. Шевелева и К.А. Конева (Шевелев,

Конев, 2024), А.В. Малинова (Malinov, 2024), И.Л. Дамешека (Дамешек, 2019), Ю.А. Зуляра (Зуляр, 2022), М.В. Шиловского (Шиловский, 2023), Н.В. Жиликовой (Жиликова, 2020), В.А. Должикова (Должиков, Головинов, 2023), А.В. Сушко (Сушко, 2018) и др. Авторы раскрывают сущность, природу, дают современное прочтение сибирскому регионализму.

В рамках рассматриваемого блока историографических материалов аналитике подвергается идейное наследие представителей областнического движения. Рассматривается публицистика в периодических изданиях как основное средство транслирования программных положений сибиряков-регионалистов в русле принципов демократических преобразований. Авторы, конечно, специально не познавали проблематику экономической политики в творчестве писателей и общественных деятелей в рамках общественно-просветительского сообщества демократических регионалистов, однако в теоретико-методологическом плане они являются ценными для понимания природы взглядов публицистов на прошлое и настоящее огромной страны.

4. Результаты

Итак, в 1916 г. в полосах литературного, научного и политического журнала «Сибирские записки» находим нарративы общественно-политической рефлексии о влиянии Первой мировой войны на материальную сторону жизни Сибири. «Зарево Европейской войны, – красноречиво повествовал публицист К. И. Морозов, – осветило многие стороны жизни тыла, доселе остававшиеся в тени общественного внимания. Война выдвинула на очередь необходимость немедленного разрешения жгучих вопросов нашей внутренней жизни, среди которых вопрос производства и обмена занял центральное место» (Морозов, 1916: 128).

Автор в целом акцентировал негативные последствия войны для Азиатской части России. К ним он относил увеличение стоимости товаров и услуг, а также рост спекуляций в регионе. Причины тому были объяснимы тем, что для военных нужд требовались человеческие и иные ресурсы. К тому же транспортная система в Сибири развивалась неудовлетворительно. Общественник рассматривал данное обстоятельство как препятствие развитию промышленности, которое из-за необходимости снабжения вооружённых соединений могло бы пойти в рост.

Искренне сожалея, автор публицистического материала тогда отмечал: «Не додумавшись до того, каким образом трансформировать промышленность, наладить транспортное дело, урегулировать продовольственный вопрос, обеспечить топливом, мы не додумались и до того, каким образом, привести в какую либо норму, какое-нибудь соответствие вновь проявившийся фактор хозяйственной жизни. А между тем, появился новый, громадный рынок сбыта – армия, отобравшая у прежнего внутреннего рынка львиную долю припасов и товаров вполне отечественного происхождения» (Морозов, 1916: 134).

В действительности для армии требовалось большое количество мануфактурных, суконных, кожаных изделий, необходимы были запасы фуража: овса, хлеба, мяса. Автор вполне с областнических позиций рассчитывал, что мировая война станет необходимым драйвером хозяйственного развития Сибири, освоения её недр и улучшения транспортной инфраструктуры региона.

Вот что находим в материалах «Сибирских записок»: «Выработка в удвоенном и утроенном против теперешнего количества молочных продуктов, интенсификация сельского хозяйства вообще, правильная постановка скотоводства, а в связи с ним развитие сырьевого рынка, развитие, наконец, обрабатывающей промышленности – все это Сибирь может реализовать в очень непродолжительное время. <...> Все эти перспективы возможно строить лишь при наличии указанных так называемых “объективных” условий <...> И Сибирь в настоящее время бьется в тисках этих противоречий, как роженица в муках рождения новой жизни...» (Морозов, 1916: 139).

Военное время сильно оголило проблему трудовых ресурсов. В 1917 г. в материалах «первого толстого» журнала в Сибири прослеживается дискурс о влиянии Первой мировой войны на рынок труда. В частности, актуализировалась тема о важности создания и деятельности трудовых бирж. «Вопрос о трудовом посредничестве – вопрос почти совершенно новый, выдвинутый и поставленный в ряду очередных задач общественности лишь во время настоящей войны. Мировая война, нарушившая нормальное течение экономической жизни не только в прифронтовых районах, но и в самом глубоком тылу, обострила до крайности, этот, как многим казалось, чисто теоретический вопрос, сделала его разрешение одной из насущнейших и актуальнейших задач момента» (А.К., 1917: 84).

Анализируя статистику работы справочных бюро по рабочему вопросу, автор цитируемого текста отмечал необходимость решения проблемы в потребности квалифицированных трудовых ресурсов для предприятий того времени. Формула была проста: активизация работы казённых учреждений в сфере трудового посредничества и увеличение частной инициативы в форме негосударственных кадровых служб.

Военные действия серьёзно усугубляли продовольственное положение Сибири как тыловой территории, активно участвовавшей в снабжении армии. Поэтому объектом рефлексивного анализа выступил возникший в Азиатской части России продовольственный кризис. В марте 1917 г. «Сибирские записки» сообщали: «Продолжающаяся и все увеличивающаяся хозяйственная разруха, затронувшая различные стороны жизни обывателя, казалось, мало затронула такой основной

продукт питания, как хлеб. Правда, с самого начала войны, и во все время продолжения ее, то там, то сям назревали хлебные кризисы: то бешено вздувались цены, то не было подвоза, то спекулянты, играя на том и на другом, выдерживали население на голодной норме» (Морозов, 1917: 78)

Автор цитируемого текста К. И. Морозов видел выход из сложившейся ситуации в государственном регулировании ценообразования на хлеб. Он апеллировал к опыту Англии и Франции, которые проводили политику огосударствления подобного сектора продуктов питания и вводили контрольные меры на продовольственные ресурсы, и прежде всего хлеб.

«Мировая война, – как замечал публицист, – потребовала колоссальных затрат, расшатывающих народное хозяйство до самых его первоисточников, нарушила и почти уничтожила международный товарообмен, без которого воюющие теперь страны, казалось, не могли прожить ранее одного месяца, создала катастрофические падения ценности денег, и, вообще, повлекла за собой всяческую хозяйственную анархию. Эта война диктует для воюющих государств необходимость подчинения распределения хозяйственных благ, далеко недостаточных иногда для поддержания жизненной энергии населения» (Морозов, 1917: 101). Главной точкой кипения публицист считал хлебный кризис.

Другой публицист – В.А. Николаев представил нарратив о развитии и реальном состоянии городского вопроса. Писатель не был так критичен и выделял определённые успехи в урбанистическом деле на пространстве Азиатской части России. В основном автор позитивно расценивал темп развития провинциальных городов с ростом железнодорожной магистрали. Он был уверен, что новой эрой для сибирских поселений можно считать проведение великой сибирской магистрали. В действительности ни один российский город не обнаружил такого стремительного роста, как города Сибири, в особенности те, которые расположены по линии железной дороги.

Публицист приводил тогда любопытную статистику. Он констатировал, что население «Сибирского Чикаго» – Новониколаевска возросло с 5000 чел. до 75.000 в 1915 г., бюджет города из ничего до миллиона рублей. Население Омска с 37.000 человек в 1897 г. возросло до 150.000 в 1915 г., а бюджет города за то же время увеличился с 143.000 рублей до 1.268.000 рублей. Население Томска увеличилось с 52.000 до 125.000 человек, а бюджет с 373.000 до 1.972.000 рублей (Николаев, 1916: 98).

Между тем усиленный рост городов поставил на очередь целый ряд проблем, недавно ещё совершенно чуждых органам городского самоуправления Сибири. Городское благоустройство, врачебно-санитарное дело, противопожарная охрана, школьное и внешкольное образование удовлетворялись десятками лет микроскопическими ассигнованиями. Как полагал публицист, и доходная часть бюджетов, вылившаяся из патриархально сложившихся взаимоотношений обывателей, не позволяла даже при добрых намерениях перекраивать сколько-нибудь заметно расходные сметы городов. В данном случае роль городских управлений сводилась лишь к механической раскладке сборов. Таким образом, развитие городов Сибири ещё до войны поставило перед ними вопрос об отсутствии средств на удовлетворение многообразных хозяйственных и культурных запросов.

«Война, – как замечал автор “Сибирских записок”, – резко отразилась на деятельности сибирских городов. Она не только истощила свободные остатки денежных средств, но значительно сократила, а местами и прекратила совершенно работы по городскому благоустройству и муниципальному строительству. Наряду с появлением расходов чрезвычайного характера, многие доходы городов с начала войны уменьшились на десятки тысяч рублей» (Николаев, 1916: 117).

В целом, дискурс был сведён к тому, что финансовые затруднения городов переплелись с новыми задачами, возложенными на них переживаемым историческим моментом. Растущая дороговизна жизни, граничащая местами с полным продовольственным кризисом, громадный наплыв семейств призванных воинов, помощь раненым и больным, призрение беженцев, всяческое материальное содействие делу обороны страны потребовали приспособления городов к новым формам общественной работы.

В итоге В.А. Николаев с известной долей сожаления писал, что городам Сибири война особенно резко подчеркнула их культурно-экономическую слабость, редкость населения, несмотря на наличие естественных богатств, которые повсеместно разбросаны по Сибири. Улучшение благоустройства городов и меры последних по усилению железнодорожного строительства – вот вопросы, которые стоят перед городскими самоуправлениями теперь и которые по окончании войны будут играть преобладающую роль во всех мероприятиях городов Сибири (Николаев, 1916: 125).

Рефлексия над вопросом жизнеобеспечения поселений Сибири эпохи Первой мировой войны развернулась на примере отдалённых северных районов. Так, практически бедственным рисовалась панорама жизни в Нерчинском крае, где хоть не было воинской повинности, но бремя вооружённого конфликта сказывалось самым непредсказуемым и неожиданным образом. Нужды фронта в Российской империи повлияли на рост цен в этой глубокой северной провинции страны.

Нарратив дороговизны публицист А. Зорин представлял образно и фигурально: «Система личных муниципальных нормирований идёт в России тихо, не торопясь, с Запада на Восток. Когда докатится эта волна до Нарыма, или хотя бы до Сибири, сказать трудно. Мы всецело во власти

хозяйственной стихии, шальной и дикой, как сибирские бураны. Заносится рука борьбы с этой стихией, но так и застывает, не разражаясь в смелый, решительный удар» (Зорин, 1916: 134).

Безрадостное и часто даже угнетающее положение дел в экономической жизни сибирских городов тех времён выступало предметом частых дискуссий. Негодование в среде публицистов вызывал уровень материального благосостояния города Енисейска. По этому поводу Н.К. Миндаровский на столбцах журнала «Сибирские записки» отмечал: «Все это, вместе взятое, в общем сопоставлении с массой других предъявляемых к городу требований, выдвигаемых самой жизнью, переживаемым моментом войны, поголовной дороговизной, рисует нам ту безотрадную картину финансового банкротства, в тисках которого бьется теперь Енисейск, как в заколдованном круге» (Миндаровский, 1916: 104).

Поразительным явлением периода Первой мировой войны стал серьёзный спад в сибирском регионе книгоиздания. Печатное дело переживало не лучшие времена. Вопрос встал риторический: качество или количество? В сущности, спрос вызывали заказы на печать мелких брошюр на военную тему. Литературы масштаба русской классики стало публиковаться меньше, чем в довоенный период отечественной истории. На полосах первого «толстого» журнала в Сибири находим: «Уже из общих суммарных данных видно, что мировая война весьма заметно отразилась на росте наших книжных богатств, в сторону его уменьшения, конечно...» (Киржниц, 1916: 105).

К тому же один из авторов «Сибирских записок», руководствуясь статистическим обзором за 1914 г., констатировал, что общее количество единиц печатной продукции фактически выросло. Однако это объяснялось усилением выпуска всевозможных «лубочных» брошюр о войне, предназначенных для широких слоёв населения, карт военных действий, листовок и изданий, появление и распространение которых не могло компенсировать уменьшение числа серьёзных книг. Передовое место в литературной корзине, таким образом, начинала занимать военная макулатура. Потому война уже в первые месяцы нанесла весомый удар книжному делу в Сибири. Почти совершенно был приостановлен выпуск новых книг по всем тем отраслям знания и вопросам, которые не имели непосредственного отношения к войне.

Отдельной темой публицистики, размещённой на страницах «Сибирских записок», можно считать обострение революционной ситуации на региональном уровне. Косвенно война тоже оказала своё влияние на поляризацию социально-политических сил. По крайней мере, та экономическая разруха, что стала чуть ли не прямым следствием материальных проблем, спровоцированных Первой мировой войной, выступила косвенным фактором политической турбулентности в Азиатской части России.

По мнению Вл.М. Крутовского, революционный вопрос в Сибири имел свою специфику. В Сибири, как считал публицист, революционное движение прошло под яркой окраской сильного влияния политической ссылки. Сибирь за последние годы начала XX в. усиленно наполнялась политическими ссыльными. Они были повсюду – в городах и в деревнях, в их число входили уже отбывающие политическую ссылку, и уже отбывшие и пристроившиеся к делу в артелях и другого рода кооперативах, разросшихся по Сибири (Крутовский, 1917: 103).

Очевидно, что фактор Первой мировой войны обострил социально-экономическую ситуацию в окраинах Российской империи. Это обстоятельство воздействовало на общественно-политическую жизнь в отечественных регионах. Потому нарратив экономической политики дореволюционной России коррелировал с текущей политической турбулентностью.

Постепенно наметился рост революционного подъёма. В этих условиях возросла полемика о центробежных и центростремительных основах будущего государственно-политического устройства родного Отечества. На столбцах «Сибирских записок» этот бурный период социально-политической истории воспринимался многими публицистами как подходящее время для позитивной реализации принципа демократического федерализма. В действительности такая модель могла бы поспособствовать росту экономического потенциала каждой отдельной части единой русской федерации.

Интеллектуалы того времени возлагали некоторые надежды на Государственную Думу. Дискурс тех лет свидетельствовал о том, что подобный представительный орган вполне мог на основе легальных, то есть законных, способов принять оптимальные управленческие решения для стабилизации экономической сферы, однако этого в полной мере так и не произошло.

5. Заключение

Таким образом, общественно-политическая дискуссия о влиянии Первой мировой войны на хозяйственное и промышленное развитие Азиатской части России в рамках редакторской политики журнала «Сибирские записки» развернулась в критических тонах. Тыловое положение сибирского макрорегиона рассматривалось как бедственное в продовольственном отношении. Если судить по содержанию публицистических материалов анализируемого издания, государственная политика в области экономики «эпохи войн и революций», проводимая в Сибири, имела существенные изъяны. Болевой точкой оказалась политика ценообразования, которая нуждалась в государственном контроле. Отдельным нарративом выступила тема востребованности в регионе квалифицированных трудовых ресурсов.

Обострилась ситуация в издательстве книг, что, в свою очередь, демонстрировало серьёзное влияние военного времени на умы сибиряков. Города, их инфраструктура и благоустройство территорий оказались также в пагубном материальном положении. Поселения развивались неоднозначно, так как с одной стороны их бюджеты росли из-за железной дороги, а социальная среда при этом крайне слабо эволюционировала.

Широко тиражировался дискурс о том, что Первая мировая война должна выступить драйвером хозяйственного развития Сибири, однако для этого было сделано недостаточно. В целом, на полосах «Сибирских записок» была представлена общественно-политическая рефлексия о путях развития экономики родного региона в сложных условиях вооружённого конфликта 1914–1918 гг.

Литература

- [А.К., 1917](#) – А.К. Трудовое посредничество в Сибири // *Сибирские записки*, 1917. 4. С. 81-96.
- [Горбенко, Чекушин, 2023](#) – Горбенко А.Ю., Чекушин В.В. Журнал «Сибирские записки» как метатекст: система идеологических импликаций (1916-1917 гг.) // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2023. Т. 15. Вып. 4. С. 107-116. DOI: 10.17072/2073-6681-2023-4-107-116
- [Дамешек, 2019](#) – Дамешек И.Л. Областническая концепция как выражение сибирского самосознания. Иркутское общество и «сибирские вопросы» / Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX - начала XX веков: Коллективная монография. Научный редактор Л.М. Дамешек. Иркутск: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Оттиск», 2019. С. 98-120.
- [Должиков, Головинов, 2023](#) – Головинов А.В., Должиков В.А. Проблема гуманизации отечественной пенитенциарной системы в политико-правовом идейном наследии сибирских областников // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2023. №83. С. 5-13. DOI: 10.17223/19988613/83/1
- [Жилякова, 2020](#) – Жилякова Н.В. «Обличать, колоть и жалить». Сатирическая журналистика Томска конца XIX – начала XX века. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. 388 с.
- [Зиновьев, Филонов, 2022](#) – Зиновьев В. П., Филонов И. Д. «Сибирский вестник» и сибирское областничество: эволюция отношений в 1885–1905 гг. // *Вестник Томского государственного университета*, 2022. № 484. С. 121-126.
- [Зорин, 1916](#) – Зорин А. Нарымский край. (Борьба с дороговизной) // *Сибирские записки*. 1916. №2. С. 134.
- [Зуляр, 2022](#) – Зуляр Ю. А. Регионализм как матрица современной сибирской региональной политической культуры / *Пятнадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения: материалы Всероссийской политологической конференции с международным участием; материалы Всероссийской социально-гуманитарной конференции*, Иркутск, 08–23 апреля 2022 года. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2022. С. 225-241.
- [Костякова, 2017](#) – Костякова Ю. Б. Отношение Сибирских областников к революциям 1917 г. (на материалах журнала «Сибирские записки») // *Уральский исторический вестник*. 2017. № 3(56). С. 23-30.
- [Киржниц, 1916](#) – Киржниц Я. Книжное дело и Периодическая печать в Сибири // *Сибирские записки*. 1916. №5. С. 105-112.
- [Крутовский, 1917](#) – Крутовский В.М. Областное обозрение // *Сибирские записки*. 1917. №4. С. 101-123.
- [Морозов, 1916](#) – Морозов К.И. Текущая жизнь (к вопросу о причинах дороговизны) // *Сибирские записки*. 1916. №1. С. 114-141.
- [Морозов, 1917](#) – Морозов К.И. Дела продовольственные // *Сибирские записки*. 1917. №2. С. 77-102.
- [Миндаровский, 1916](#) – Миндаровский Н.К. Енисейск // *Сибирские записки*. 1916. №4. С. 104-117.
- [Николаев, 1916](#) – Николаев В.А. Городское дело в Сибири // *Сибирские записки*. 1916. №3. С. 98-126.
- [Сушко, 2018](#) – Сушко А.В. Исторические идеи и политические практики сибирского сепаратизма // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. №426. С. 192-206.
- [Чекушин, 2021](#) – Чекушин В.В. Апелляции к классической литературе как способ трансляции общественно-политических идей в публицистике Вл.М. Крутовского // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. №471. С. 59-66. DOI: 10.17223/15617793/471/6
- [Шевелев, Конев, 2024](#) – Шевелев Д.Н., Конев К.А. Г.Н. Потанин и круг его общения в эпоху войн и революций: по материалам переписки 1917–1920 гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2024. № 509. С. 120-126.
- [Шиловский, 2023](#) – Шиловский М.В. Вклад Г.Н. Потанина в концепты евразийства / *Евразийский мир: история, культура, ценности: материалы международной научно-практической конференции*, Астана, 12 мая 2023 года. Астана: Казахстанский филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2023. С. 316-319.

[Golovinov, 2024](#) – Golovinov A.V. Political narratives of journalism by Vladimir Krutovsky in the journal *Sibirskie Zapiski* (1916–1919) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024. 506: 98-105. DOI: 10.17223/15617793/506/12

[Magsumov, 2025](#) – Magsumov T.A. The First World War: the Eastern Front in Modern Historiography // *Bylye Gody*. 2025. 20(1): 487-497. DOI: 10.13187/bg.2025.1.487

[Malinov, 2024](#) – Malinov A.V. Siberian Regionalism as a Phenomenon of Social Thought in Late Imperial Russia // *Sibirica*. 2024. 23(2): 69-88. DOI 10.3167/sib.2024.230203

References

[A.K., 1917](#) – A.K. (1917). Trudovoye posrednichestvo v Sibiri [Labor Mediation in Siberia]. *Sibirskiye zapiski*. 4: 81-96. [in Russian]

[Chekushin, 2021](#) – Chekushin, V.V. (2021). Apellyatsii k klassicheskoy literature kak sposob translyatsii obshchestvenno-politicheskikh idey v publitsistike Vl.M. Krutovskogo [Appeals to classical literature as a way of transmitting socio-political ideas in the journalism of Vl.M. Krutovsky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 471: 59-66. DOI: 10.17223/15617793/471/6 [in Russian]

[Dameshek, 2019](#) – Dameshek, I.L. (2019). Oblastnicheskaya kontseptsiya kak vyrazheniye sibirskogo samosoznaniya. Irkutskoye obshchestvo i «Sibirskiye voprosy» [Regional concept as an expression of Siberian identity. Irkutsk society and “Sibirskiye voprosy”]. Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoi gubernii XIX – nachala XX vekov: Kollektivnaya monografiya. Nauchnyi redaktor L.M. Dameshek. Irkutsk: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Ottisk». Pp. 98-120. [in Russian]

[Dolzhiykov, Golovinov, 2023](#) – Golovinov, A.V., Dolzhiykov, V.A. (2023). Problema gumanizatsii otechestvennoy penitentsiarnoy sistemy v politiko-pravovom ideynom nasledii sibirskikh oblastnikov [The problem of humanization of the domestic penitentiary system in the political and legal ideological heritage of Siberian regionalists]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 83: 5-13. DOI: 10.17223/19988613/83/1 [in Russian]

[Golovinov, 2024](#) – Golovinov, A.V. (2024). Political narratives of journalism by Vladimir Krutovsky in the journal *Sibirskie Zapiski* (1916–1919). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 506: 98-105. DOI: 10.17223/15617793/506/12 [in Russian]

[Gorbenko, Chekushin, 2023](#) – Gorbenko, A.Yu., Chekushin, V.V. (2023). Zhurnal "Sibirskiye zapiski" kak metatekst: sistema ideologicheskikh implikatsiy (1916-1917 gg.) [The journal “Sibirskie zapiski” as a metatext: a system of ideological implications (1916-1917)] *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 15(4): 107-116. DOI: 10.17072/2073-6681-2023-4-107-116 [in Russian]

[Kostyakova, 2017](#) – Kostyakova, Yu.B. (2017). Poeziya revolyutsionnoy epokhi kak fenomen mediakul'tury (po materialam zhurnala "Sibirskiye zapiski") [Poetry of the revolutionary era as a phenomenon of media culture (based on materials from the journal “Sibirskiye zapiski”)]. *Chelovek v mire kul'tur*. 2-3: 98-102. [in Russian]

[Magsumov, 2025](#) – Magsumov, T.A. (2025). The First World War: the Eastern Front in Modern Historiography. *Bylye Gody*. 20(1): 487-497. DOI: 10.13187/bg.2025.1.487

[Malinov, 2024](#) – Malinov, A.V. (2024). Siberian Regionalism as a Phenomenon of Social Thought in Late Imperial Russia. *Sibirica*. 23(2): 69-88. DOI: 10.3167/sib.2024.230203 [in Russian]

[Morozov, 1916](#) – Morozov, K.I. (1916). Tekushchaya zhizn' (k voprosu o prichinakh dorogovizny) [Current life (on the issue of the reasons for high prices)]. *Sibirskiye zapiski*. 1: 114-141. [in Russian]

[Morozov, 1916](#) – Morozov, K.I. (1917). Dela prodovol'stvennyye [Food matters]. *Sibirskiye zapiski*. 2: 77-102. [in Russian]

[Shevelev, Konev, 2024](#) – Shevelev, D.N., Konev, K.A. (2024). G.N. Potanin i krug yego obshcheniya v epokhu voyn i revolyutsiy: po materialam perepiski 1917–1920 gg. [G.N. Potanin and his circle of contacts in the era of wars and revolutions: based on the materials of the correspondence of 1917–1920]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 509: 112-120. [in Russian]

[Shilovsky, 2023](#) – Shilovsky, M.V. (2023). Vklad G.N. Potanina v kontsepty yevraziystva [The contribution of G. N. Potanin to the concepts of Eurasianism]. *Yevraziyskiy mir: istoriya, kul'tura, tsennosti : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Astana: Kazakhstanskii filial Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Lomonosova. Pp. 316-319. [in Russian]

[Sushko, 2018](#) – Sushko, A.V. (2018). Istoricheskiye idei i politicheskiye praktiki sibirskogo separatizma [Historical ideas and political practices of Siberian separatism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 426: 192-206. [in Russian]

[Zhilyakova, 2020](#) – Zhilyakova, N.V. (2020). Oblichat', kolot' i zhalit'. Satiricheskaya zhurnalistika Tomskaya kontsa XIX – nachala XX veka [“To expose, to stab and to sting”. Satirical journalism of Tomsk in the late 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 388 p. [in Russian]

[Zinoviev, Filonov, 2022](#) – Zinoviev, V.P. Filonov, I.D. (2022) "Sibirskiy vestnik" i sibirskoye oblastnichestvo: evolyutsiya otnosheniy v 1885–1905 gg. [“Sibirskiy vestnik” and Siberian regionalism:

the evolution of relations in 1885–1905]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 484: 121–126. [in Russian]

Zulyar, 2022 – Zulyar, Yu.A. (2022). Regionalizm kak matritsa sovremennoy sibirskoy regional'noy politicheskoy kul'tury [Regionalism as a matrix of modern Siberian regional political culture]. *Pyatnadsatyie Baykal'skiye sotsial'no-gumanitarnyye chteniya: materialy Vserossiyskoy politologicheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem; materialy Vserossiyskoy sotsial'no-gumanitarnoy konferentsii*. Irkutsk, 08–23 aprelya 2022 goda. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi universitet, pp. 225–241. [in Russian]

Первая мировая война и хозяйственное состояние Сибири в материалах журнала «Сибирские записки»: общественно-политические нарративы

Александр Викторович Головинов ^{a, *}, Александр Владимирович Чичулин ^b,
Константин Анатольевич Ишеков ^c, Вера Сергеевна Зубкова ^a

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, Омск, Российская Федерация

^c Университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

Аннотация. В исследовании ставится цель реконструкции общественно-политических нарративов о влиянии Первой мировой войны на проводимую экономическую политику в Сибири, которые были представлены в журнале «Сибирские записки». Источниковой базой выступил корпус публицистических произведений, размещённых в обозначенном издании, к которым применялся историко-текстологический анализ. В познавательном-методологическом отношении работа опирается на инструментарий «новой политической истории». Данная гносеологическая стратегия позволяет делать акцент не столько на политическом прошлом государей и органов публичной власти, сколько на личности и группах общественных ассоциаций, оказывающих воздействие на повестку дня посредством публицистики.

В статье реконструированы и показаны негативные последствия войны для Азиатской части России. К ним публицисты относили увеличение стоимости товаров и услуг, а также рост спекуляций в регионе. Причины тому были объяснимы тем, что для военных нужд требовались человеческие и иные ресурсы.

Содержание публицистических материалов анализируемого издания позволяет отмечать, что государственная политика в области экономики «эпохи войн и революций», проводимая в Сибири, имела существенные изъяны. Болевой точкой оказалась политика ценообразования, которая нуждалась в государственном контроле.

Обострилась ситуация в издательстве книг, что, в свою очередь, демонстрировало серьёзное влияние военного времени на умы сибиряков. Города, их инфраструктура и благоустройство территорий оказались также в пагубном материальном положении. Поселения развивались неоднозначно, так как с одной стороны их бюджеты росли из-за железной дороги, а социальная среда при этом крайне слабо эволюционировала.

Авторы приходят к выводу о том, что отдельным нарративом выступила тема востребованности в регионе квалифицированных трудовых ресурсов. Широко тиражировался дискурс о том, что Первая мировая война станет необходимым драйвером хозяйственного развития Сибири, освоения её недр и улучшения транспортной инфраструктуры региона.

Ключевые слова: Первая мировая война, Сибирь, политическая публицистика, влияние войны на экономику, Сибирские записки, дороговизна, продовольственная политика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alex-golovinov@mail.ru (А.В. Головинов)